

Аллан Крис
КОУЛ БАНЧ

*Возвращение
императора*

Аллан
КОУЛ
Крис
БАНЧ

*Возвращение
императора*

*Возвращение
императора*

•

Вихрь

•

Конец империи

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

Аллан
КОУЛ

Крис
БАНЧ

*Возвращение
императора*

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 73

Allan Cole and Chris Bunch

THE RETURN OF THE EMPEROR

Copyright © 1990 by Allan Cole and Christopher Bunch

VORTEX

Copyright © 1992 by Allan Cole and Christopher Bunch

EMPIRE'S END

Copyright © 1993 by Allan Cole and Christopher Bunch

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Коул А.

К 73 **Возвращение императора ; пер. с англ. / Аллан Коул, Крис Банч. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 1024 с. — (Шедевры фантастики).**

ISBN 978-5-699-46040-3

ISBN 978-5-699-46041-0

Империи рождаются, империи умирают, но герой всегда должен оставаться героем. Куда бы судьба ни бросила Стэна Амоса, великого солдата империи, — в пекло боя или в богом забытое звездное захолустье, в покои императорского дворца или во вражеский плен, — он никогда не забывает свое истинное предназначение и всегда готов вступить в смертный бой со вселенской несправедливостью.

Цикл романов Аллана Коула и Криса Банча о Стэне Амосе — признанная классика мировой фантастики.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

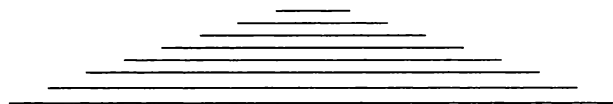
© Емельянов Г, Буличев В.,
перевод на русский язык, 2010

© Гольдич В., Оганесова И.,
перевод на русский язык, 2010

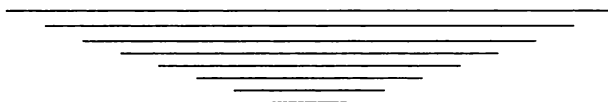
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-46040-3

ISBN 978-5-699-46041-0 (Общ.)

Возвращение императора

Названия первой, второй и третьей книг представляют собой титулы Августа при его победном продвижении от римского сенатора до владыки великой империи. «Принцепс» означает «предводитель», «император» значит «военачальник», а Pater Patriae переводится как «отец отечества». Название четвертой книги — «Идущие на смерть приветствуют тебя» — знаменитый клич римских гладиаторов, которым они отдавали почести своему императору, перед тем как вступить в кровавую бойню римского цирка.

*Норману Спинраду (сверхактивному живчику),
который втянул меня в эту авантюру, и Денису Фолу
(зеленому берету в отставке), научившему меня
держаться как китайский набоб*

Книга первая

Принцес

Глава 1

Корабль казался чудовищным. Каждая из сторон десятиугольника составляла около километра. Но на борту находился лишь один человек. Он неподвижно лежал в неглубоком бассейне, расположенном в центре отсека. Его глаза, голубые и безразличные, как у новорожденного ребенка, были открыты.

Прошло некоторое время.

Сработал клапан, и жидкость вытекла из бассейна. Одна из стенок откинулась. Человек сел и спустил ноги на пол, двигаясь медленно и осторожно, проверяя себя, словно инвалид, долгое время перед этим прикованный к постели.

Пол был теплым. Он мог бы сидеть так и минуту, и час, и день, пока не зазвучал голос, исходящий отовсюду:

— Еда и питье находятся в следующей каюте!

Человек послушно заставил себя встать на ноги. Пошатнулся, затем выпрямился. На низком столике рядом с бассейном-кроватью лежал голубой комбинезон. Человек взглянул на него мельком и шагнул к стене. На ее гладкой и чистой поверхности не было ничего, кроме круглой кнопки. Он притронулся к кнопке.

Стена превратилась в экран.

Что это? Видеофон? Экран радара? Монитор компьютера?

Снаружи было пространство... Или не пространство? Черное и в то же время всех цветов радуги, оно резало глаза. Экран снова превратился в стену, когда человек еще раз нажал кнопку. Все еще голый, он шагнул через дверь. Здесь был накрыт столик на одного.

Человек поднял крышку над одним блюдом и ковырнул еду пальцем. Пожевал, затем проглотил. Выражение его лица оставалось неизменным.

Он вытер пальцы о бедро и побрел в другой отсек, где заметил кресло с мерцавшим на нем стальным шлемом со странными усиками-антеннами. Сел в кресло и надел шлем.

В комнате появились другие люди. Нет. Он сам был там, с ними, теперь одетый в какое-то подобие униформы. Другие люди улыбались, смеялись и пытались его потрогать. Он позволил им это и вдруг услышал, как сам произносит слова, понять которые был не в состоянии.

В толпе выделялся один странный тип с очень бледным лицом и лихорадочно блестящими глазами. Бледнолицый протянул ему ладонь для рукопожатия. Потом внезапно выхватил из своей одежды что-то сверкнувшее металлом.

Человек почувствовал удары в живот, почувствовал, как падает навзничь, почувствовал боль. Боль нарастала и нарастала до тех пор, пока... все не пропало.

Человек снял шлем. Он опять оказался в том же отсеке, в том же кресле.

Голос зазвучал вновь:

— Земное время с момента деактивации: шесть лет, три месяца и два дня.

Выражение лица человека слегка изменилось. В мозгу промелькнула мысль: «Неправда! Пять лет опоздания». Но потом он отбросил эту мысль как бесполезную. Что значит «опоздания»?

— До отправления — десять корабельных дней.

Человек согласно кивнул головой и прошел в отсек-столовую, так как опять проголодался.

Глава 2

Это была маленькая тихая планетка в неописанной системе, вращающаяся вокруг умирающей желтой звезды. Система не имела сколько-нибудь значительной истории, находилась вдалеке от главных торговых и туристских трасс, и вообще гости здесь были редки.

Много земных лет тому назад имперский картографический отряд провел на месте выборочные изыскания и нашел планету малоинтересной. Офицер-исследователь отметил, что она имеет размер около 0,87 от размера Земли, соответствующую силу тяжести, нормальную земную атмосферу и находится в трех астрономических единицах от своего светила. Климат — от тропического до субарктического. Самым опасным хищником на планете было тихое, похожее на кошку создание, которое, как оказалось, никому не может принести вреда.

Было также отмечено, что «существ с высшей формой развития не обнаружено».

Планете присвоили наименование «Исследовательский мир ХМ-Х-1134», и в течение нескольких столетий другого имени у нее не было, хотя вряд ли это кого-нибудь интересовало.

Свое теперешнее название планета получила благодаря неутомному предпринимателю, который построил особняк в зоне умеренного климата для себя и для своих единомышленников. Какое-то время он носился с идеей превратить поместье в уединенный курорт, потом спроектировал космопорт. В конце концов миссионер разорился и канул в неизвестность.

Но планете до этого не было никакого дела. Она деловито вращалась и покачивалась на своей орбите так же, как и миллиарды лет назад. Каждые несколько сотен миллионов лет или около того ее сотрясали космические обломки; при этом гибли все формы жизни, чересчур расплодившиеся, и зарождались новые.

Планета стала известна как Мостик. Истоки этого названия были похоронены вместе с незадачливым предпринимателем и его причудами.

Стэну она нравилась. Более пяти лет он исследовал побережья, болота, обширные степи и пустыни планеты, ее леса и ледники, иногда — с энергичными компаньонами, иногда — в одиночку. Случались здесь и приключения, даже редкие свидания с любимыми женщинами. Но ничего так и не склеилось. Не попалась ему ни одна, похожая на отважную Бэт из его юности. Или на рациональную Лайзу Хейнз. Или на заядлую картежницу Сент-Клер.

В последние годы Стэн вдруг обнаружил, что жизнь проходит мимо. Он впал в мрачное настроение и никак не мог встряхнуться — ругал себя, поносил самыми последними словами. Ведь у него есть все, о чем только можно мечтать, не так ли? Цыганка Ида, старая сослуживица по отряду богомоллов, присматривала за деньгами. Так что Стэн с Алексом вышли из лагеря для военнопленных до неприличия богатыми. Пока они там томились, Иде пришлось повернуть своим необъятным задом, постоянно реинвестируя их все увеличивающуюся зарплату, и в конце концов она сколотила два кругленьких состояния.

Алекс осел в шикарнейшем имении на своей родине в Эдинбурге.

Стэн получил собственную планету.

Ну и удружила Ида, спасибо, черт побери! Да ладно, цыганка тут ни при чем. Как сказал бы Махони: «Не пролейте молоко, что дала корова!» Махони припомнил бы Стэну, что он выдернул его из заводского мира Вулкана, спас юного дэлинга от выжигания мозгов... Махони усмехнулся бы и заметил, что Стэн прополз через грязь и дерьмо от рядового пехотинца до бойца смертоносного отряда богомоллов, и до командира гвардейцев личной охраны императора, и до героя войны с Тааном, и, наконец, до адмирала. Он коснулся

бы и моря крови, за которое Стэн был лично в ответе, и сказал бы ему, что тот еще молод, что ему надо собраться с духом и вернуться к делам.

Но Махони мертв...

Старый босс Стэна, вечный император, посмеялся бы над ним, налил бы стаканчик виски, чтобы разогнать кровь в жилах, и отправил бы его сразиться с подходящим врагом. Что это за враг, не имеет большого значения; достаточно, чтобы этот тип угрожал миру и безопасности империи, которая процветала последние три тысячи лет.

Но и император мертв...

Когда Стэн последний раз видел императора, то поклялся ему, что его военная карьера завершена. И это несмотря на обещание множества наград и еще более важной работы по ликвидации последствий Таанской войны, которая сильно подорвала устои империи.

Вечный император тогда усмехнулся и сказал Стэну, что тот просто переутомился, и это вполне объяснимо. Он сказал, что вызовет Стэна, когда тому надоеет мирная жизнь. По мнению императора, на это понадобится не более шести месяцев.

Это был один из тех нечастых моментов, когда император ошибся. Ровно полгода — день в день! — Стэн блаженно поднимал утром голову от подушки, похлопывал теплое женское тело, лежавшее рядом с ним, и шептал своему отсутствующему боссу: «Не-ет! Ни за что!»

А недель позже вечный император был злодейски убит...

Произошел один из тех дурацких случаев, которые пугали Стэна, когда он командовал гвардейцами личной охраны императора. Какие бы меры предосторожности ни предпринимались, абсолютной безопасности такому известному человеку, как властитель Вселенной, никто гарантировать не мог. Даже неистовая преданность гуркских стрелков не являлась надежной защитой. Маленькие люди с длинными кривыми ножами, которые держали в страхе недругов императора на протяжении последних тридцати столетий, были беспомощны в определенных обстоятельствах.

Император возвратился на Прайм-Уорлд героем-завоевателем. Миллиарды и миллиарды жителей его далеко раскинувшейся империи наблюдали на своих экранах, как властитель вышел из флагманского корабля, как по бетонной дорожке направился он к кортежу ожидавших гравитолетов, которые должны были умчать его домой. Танз Сулламора, крупный промышленник-судостроитель и самый уважаемый член Тайного совета, был рядом с ним.

Стэн припомнил все, что он видел на экране видеофона в своем особняке. Голос комментатора уже охрип от бесконечного описания победоносного возвращения. Протокол, сообщил он скрипучим шепотом, не предусматривал в этот момент никаких церемоний. Им-

ператор направляется на заслуженный отдых. А через неделю или около того предстоит торжественная церемония по случаю победы над Тааном. Жители всех уголков империи соберутся для чествования своего властелина. Не будет никаких репрессий, заявил император, даже против самых ненадежных подданных.

Стэн не верил ни слову из сказанного. Он слишком хорошо знал своего босса. Конечно, начнутся чистки. Будет лишь краткий, мимолетный перерыв, пока император переключит свое внимание с военных действий на работу правителя величайшей капиталистической системы в истории.

Но будет еще и грандиозное шоу. Император всегда отличался блистательными речами.

Вскользь Стэн отметил небольшую группу служащих космопорта в самом углу экрана. Они выстроились в некоторое подобие линии, ожидая пожатия руки императора. Стэн был доволен, что его бывший босс направлялся в противоположном направлении. Не то чтобы здесь таилась реальная опасность. С чего было бы атаковать императора теперь, когда война уже завершена? Но все же...

В подобных ситуациях инстинкты Стэна всегда одерживали верх над остальными чувствами. В такой куче тел было бы невозможно обеспечить императору надежную защиту.

Потом он заметил, как Сулламора привлек внимание властителя и повел его к линии встречающих.

Стэн непроизвольно застонал. Танз, наверное, указал императору, что группа служащих космопорта ждет несколько часов, чтобы поприветствовать своего правителя, и не стоит их разочаровывать.

Мгновение поколебавшись, команда императора уверенно повернулась к группе встречающих. Они двигались быстро. Очевидно, императору хотелось исполнить эту формальность как можно скорее. Охранники торопливым шагом зашагали за ним.

А потом император шел вдоль строя той мягкой элегантной походкой, которой он всегда ходил среди своих подданных; на его молодом лице сверкала обаятельная отеческая улыбка, высокая мускулистая фигура перемещалась от одного встречающего к другому, обе руки были протянуты вперед для рукопожатий встречающих.

Внезапно Стэн заметил, что изображение расплылось. Что произошло? Донеслись характерные шелчки пистолетных выстрелов, и вечный император начал падать назад. Камера закружилась во всеобщем смятении. Потом картинка стала резкой — но только на мгновение. Он увидел, что император лежит на дорожке.

Сердце Стэна замерло, перехватило дыхание в груди. Властитель... мертв?

Затем экран расцвел ярким белым цветком, и Стэн услышал отголосок мощного взрыва.

Связь прервалась. Когда она была восстановлена, Стэн получил ответ на свой вопрос.

Вечный император убит. Убит сумасшедшим, как было сообщено. Неким мятежником по имени Чаппель, который действовал в одиночку из каких-то болезненных побуждений — либо в отместку за якобы проявленное неуважение, либо в надежде войти таким странным способом в историю.

Наряду с бесчисленными миллиардами других граждан Стэн стал невольным свидетелем того, что произошло.

В голове не укладывалось, что императора больше нет. Хотя находились немногие, которые считали, что любое живое существо должно быть бессмертным или хотя бы близко к этому. Были, правда, странные одноклеточные существа — обычно крайне ядовитые, — которые разрушали своих хозяев, а следовательно, и себя; они теоретически могли жить вечно — так же, как и очень немногие обитатели морских глубин и верхних слоев атмосферы. Но это все мелочи. Для большинства существ — и в том числе для человека — жизнь в конечном итоге предполагает и смерть.

А император был человеком. В этом не было и не могло быть никаких сомнений.

Но насколько каждый мог помнить, император был всегда. Вы могли соглашаться или не соглашаться с его политикой, но император вел удобное и непрерывное существование. Даже наиболее резкие и радикально настроенные ученые скрежетали зубами, когда столетие за столетием прослеживали невероятный путь его царствования. И не случайно слово «вечный» было официальной приставкой к титулу императора.

И еще было нечто такое, на чем стоит заострить внимание. Обычный человек может прожить две сотни лет, только если ему очень повезет. Поэтому даже подумать, что кто-либо значительно старше, просто невероятно.

Стэн лично знал этого человека большую часть отведенной ему жизни. На вид императору было не более тридцати пяти. Его глаза блестели, как у юноши. Иногда он даже насмешливо ссыался на свой преклонный возраст. Мало было таких вещей, над которыми вечный император не осмелился бы посмеяться. Для него не было ничего святого, особенно он сам.

Иногда, впрочем, Стэн видел его страшно утомленным. Чаше это стало случаться ближе к разгрому Таанских миров. Лицо властителя прорезали темные морщины, а глаза внезапно могли так отрешенно расшириться, что каждый, кто ни взглянул бы на него в эти минуты, поверил, что этот человек видел и бывал в местах, которые бесконечно далеки от любого существа, когда-либо жившего на свете. И каким-то образом вселялась уверенность, что он еще очень долго

будет существовать после того, когда и память о тебе навсегда утратится в бесконечном течении времени.

Через два дня после убийства императора члены Тайного совета один за другим взошли на сцену, торопливо установленную на высоком основании у руин замка.

Только одного члена совета не было здесь — Сулламоры. Верно служивший покойному, он погиб во время взрыва, который уничтожил все живое в радиусе более ста метров. Зачем Чаппелю понадобилось устраивать такой чудовишный взрыв после того, как он застрелил императора, никто сказать не мог — мол, непостижимые поступки безумца. Дело осталось тайной за семью печатями, поскольку и сам Чаппель пал жертвой своего злодеяния.

Пять великих промышленных магнатов стояли перед многочисленной толпой, собравшейся на площади. Перед их появлением было подробно, в мельчайших деталях объяснено, кто они и что из себя представляют.

Здесь был Кайс — высокий, стройный, седовласый тип, который контролировал большинство отраслей, включая и творческую интеллигенцию. Он был из рода г'орби, чрезвычайно смысленной расы, и, по-видимому, являлся главным оратором в Тайном совете. Затем присутствовала Мэлприн. Она заправляла гигантским конгломератом, включавшим в себя сельское хозяйство, химическую и фармацевтическую промышленность. Рядом стоял Ловетт, отпрыск гигантского клана банкиров. И наконец — близнецы Краа: одна чрезмерно толстая, другая болезненно худая; они держали под контролем основные шахты, фабрики и металлургические заводы империи.

Кроме Сулламоры в совет вначале входил и еще один человек. Но барон Волмер погиб нелепой смертью незадолго до конца войны.

У Кайса был сухой мягкий приятный голос. Сухой мягкий приятный голос с прискорбием известил, что парламент тайным голосованием принял решение потребовать от пяти магнатов, чтобы они управляли империей в момент страшной опасности. Никто из членов совета не стремился к этой тяжелой обязанности, и, конечно же, ни один из них не чувствует себя вполне достойным того доверия, которое ему оказали.

Но они убеждены, что именно теперь другого выбора нет. В этом ужасном хаосе должен быть восстановлен порядок, и они приложат все силы, чтобы править мудро и справедливо до того момента — и очень скорого, — когда будут проведены свободные выборы, призванные определить, насколько правильно руководили они империей в отсутствие его величества, принявшего смерть мученика.

Члены совета отдают себе отчет, продолжал Кайс, что в лучшем случае это слабое решение, но они долгие часы ломали головы и не смогли найти иного выхода. Была создана комиссия для того, чтобы

изучить сложившуюся ситуацию и внести свои предложения. И он, и другие члены совета ожидали предложений со стороны влиятельных деятелей науки так же страстно, как и любой другой, имеющий глаза и уши. Но то, чего от них ожидали, так и не сделано до сих пор, может занять уйму времени и вызвать бурные дебаты.

Кайс посоветовал потерпеть и поклялся, что продолжит дело великого человека, который спас их всех от угрозы рабства со стороны Таанских миров.

Друг за другом выходили и остальные члены совета и делали точно такие же заявления, добавляя лишь мелкие детали — например, дата похорон, которые будут пышнее и богаче, чем какие-либо похороны раньше.

Императору оказали новые посмертные почести, и был объявлен год траура.

Стэн нажал кнопку выключения экрана и присел поразмышлять.

Даже не требовалось его психологической подготовки в «Богомоле», чтобы понять, что он стал свидетелем переворота и захвата власти. Итак, Тайный совет с неохотой согласился править до тех пор, пока не состоятся свободные выборы.

В свое время Стэн уже не раз помогал деспотам с такими же пустыми обещаниями. Хотел бы он знать, сколько пройдет времени до первого удачного хода. И какой ход в конечном итоге будет удачным. И каким будет следующий ход. И дальше, ход за ходом, пока вся система не лопнет. Он предположил, что постоянная, набирающая силу война будет идти до конца его дней.

На карту поставлена абсолютная власть. Стэн понимал, что все определяет антиматерия-2 — АМ-2, топливо, на котором основана цивилизация. Это и источник дешевой энергии, и ключ к вооружению, и практически единственный способ межзвездных путешествий. Без АМ-2 масштабы торговли были бы сведены до границ звездной системы, по которой грохочут страшно медленные двигатели Юкавы.

Но Стэн ничего не мог поделать. Вечный император мертв. Да здравствует император!.. Стэн скорбел по нему. Не как по другу; никто не мог назвать императора своим другом. Ну, тогда как по товарищу по оружию.

Стэн запил и продолжал пить целый месяц, чередуя виски и стрегг — два любимых напитка императора.

А потом он попытался наладить свою жизнь. Не так уж и заботил его тот хаос, в котором находилась империя.

Он приобрел себе столько АМ-2, на сколько смог наложить лапу, и еще задолго до того, как начались перебои. Стэн не мог нарадоваться своей прозорливости. Причины перебоев его не касались. Он допускал, что члены Тайного совета в бесконечной мудрости

выбрали прежний курс к дальнейшему утяжелению своих и так не легких кошельков.

• Стэн попробовал немного заняться бизнесом. Это пришлось ему не по душе. Затем он испытал бесконечную серию мимолетных радостей — подобно императору, у которого было множество увлечений. Стал блестящим кулинаром, хотя и знал, что никогда не сравняется в этом искусстве с властителем. Оттачивал мастерство работы с инструментами и строительными материалами. Его угнетала недостаточная роскошь вокруг, он изучал и усовершенствовал свою планету.

Стэн и Алекс переписывались, каждый раз обещая друг другу скоро встретиться, но это «скоро» никак не наступало. А так как контроль за АМ-2 ужесточился, то мечта о путешествии становилась все более и более призрачной, и, когда они это поняли, «скоро» уже больше не упоминалось в их письмах.

Ян Махони — один из немногих настоящих друзей Стэна — вел тихую жизнь военного историка, а потом погиб в нелепом несчастном случае. Стэн слышал, что он утонул, а тело его так и не нашли. Какая злая ирония судьбы в бессмысленной смерти человека, который множество раз ухитрялся выжить в самых невероятных ситуациях!

Последний год добровольного отшельничества Стэна оказался самым тяжелым. Его постоянно преследовало мрачное настроение, а также навязчивое чувство тревоги. Кого ему опасаться, он и понятия не имел. Врагов у него не было... Но тревога не проходила. Каждое жилище, которое Стэн устраивал себе на Мостике, было окружено все более и более изощренными и, как он должен был сам признать, необычными охранными устройствами, включая и смертельно опасные для любого существа растения, привезенные им из какой-то чертовой дыры, названия которой он уже и не помнил. Они разрастались как бешеные в безмятежной природе Мостика. Время от времени приходилось выжигать весь периметр, чтобы держать растения под контролем.

Не так давно он устроил себе новое жилище в северо-западном секторе второго крупнейшего материка в зоне умеренного климата.

«Умеренного» — слабое и ничего не выражающее определение для этого местечка среди четырех крупных озер. Здесь всегда дуют жестокие и холодные ветры. Много месяцев в году снег надежно укрывает землю и сгибает деревья в лесу. Но по какой-то причине это место оказалось очень притягательным для Стэна. Наверное, из-за смертоносных растений, которые цвели в холодном и сыром климате.

Стэн выстроил несколько соединенных между собой куполов крепостного вида на берегу одного из озер. Один купол был отведен под кухню и кладовку, где Стэн готовил и хранил свою еду, потро-

шил мелкую дичь или чистил странных, имеющих форму пули, но вкусных обитателей озера. В гидропонных баках, которые занимали часть купола, росли овощи. Во втором куполе была мастерская, битком набитая всевозможными инструментами и строительными материалами. Здесь Стэн еще хранил и изготавливал свое оружие, так же как и следящие приборы, с которыми он всегда возился. Последний купол содержал его жилые комнаты и спортивный зал. Многие часы Стэн проводил в зале и вне его в бесконечных тренировках.

Он отделал стены жилых комнат натуральным деревом, срубленным в собственном лесу, смастерил скамейки, шкафы и все вещи из этого же материала. Когда работы закончились, купол приобрел такой домашний вид, что Стэн был ужасно доволен. Но чего-то все-таки не хватало. Он напряг свою память — и наконец воскликнул: «Эврика!» Не хватало камина. После нескольких мучительных и очень дымных экспериментов камин был готов. Он получился гигантским, вмещавшим двухметровые поленья. Тяга у камина была адская, и он давал чудесные, радующие взор отблески.

Женщина, которая жила у Стэна несколько месяцев, говорила, что камин напоминает ей что-то давнее, виденное прежде... Нет, не вспомнить. Стэн мучил ее расспросами, но она лишь призналась, что камин напоминал ей вещь из магазина уцененных товаров. Судя по тону ее голоса, Стэн понял, что она имеет в виду вычурность и сентиментальность. Он приуныл, но промолчал.

Через неделю или чуть позже он возвращался после какого-то дела из леса. Стоял прекрасный пасмурный день, легкий снежок сыпал с небес и укрывал деревья. Стэн подал голос, и женщина открыла дверь, встречая его. Она стояла в дверном проеме, в отблесках огня, освещавших ее сзади, и Стэн понял наконец, о чем она думала. Ведь он тоже вспомнил.

Когда-то давно его мать продлила свой контракт на шесть месяцев, чтобы купить картину. Деревенская девушка, заброшенная на такие далекие от нее заводы Вулкана, отдала полгода своей жизни за то, что, по ее мнению, было произведением искусства.

Это был зимний пейзаж. Стэн вспомнил снег, падавший на маленькую гроздь куполов, и дверь, которая распахивалась, встречая рабочих из леса или с поля, и яркий мерцающий огонь, сверкавший за открытой дверью...

Самое ценное сокровище матери. Через восемь месяцев она погибла...

Стэн непроизвольно воссоздал эту картину. Под каким-то предлогом он выпроводил женщину из своего дома. Было глупо винить ее в проступке, когда она даже понятия не имела, что совершила его. Просто Стэн больше не мог терпеть ее рядом.

Это случилось, когда хандра достигла пика. Месяц за месяцем душевные раны кровоточили. И без психолога Рикор можно было

понять, что с ним происходит. Стэн и сам знал. Но ничего не менялось. Он даже назвал четыре озера в честь своей давно погибшей семьи.

Самому большому водоему, где возвышалось его жилище, Стэн дал имя Амос, как у отца. Следующее в цепочке озеро получило название Фрида, в честь его матери, затем шли Аад и Джос, в память брата и сестры.

Стэн сел и углубился в размышления, надеясь, что его состояние — не более чем длительная лихорадка, которую надо перетерпеть, пока не ослабнет вирус и болезнь не отступит.

...В пяти сотнях миль к северу яркий световой луч прорезал ночное небо, словно подавая кому-то знак. На мгновение задержался над замерзшей землей и поспешил к озерам и пристанищу Стэна.

Затем возник шар, висящий среди звезд. Могучие приборы окутали планету мощной электронной завесой, которая заблокировала сторожевую сигнализацию Стэна и подала ей сигнал, что все спокойно.

От шара отделился луч, очень похожий на первый, и распространился в том же направлении.

На землю опустилась небольшая космическая шлюпка, заляпав снег черной грязью. Откинулся люк, и из шлюпки возник темный силуэт. Натянув зимнюю одежду и обувь, человек выпрямился, затем нерешительно взглянул на лыжи, не вязавшиеся с его грузной фигурой, с опаской вдохнул воздух, очень напомнивший ему Кадьяк на далекой Земле. Потом неожиданно незнакомец увидел легкий след над горизонтом — еще один корабль, стремительно летящий по небу.

Человек повернулся и заторопился по снегу, двигаясь как невесомый танцор, несмотря на свои внушительные габариты. Окинул окрестности опытным глазом и пошел извилистым курсом, даже не стараясь скрывать свои следы. На это не было времени.

Внезапно, без видимых причин, он свернул к маленьким холмикам на снегу. За его спиной в это время, с легким треском пробив ледяную корку, приземлился другой корабль. У кромки деревьев путь преградила почти не приметная горка. Человек остановился. Застонав от разочарования, он двинулся сначала в одном направлении, затем в другом. Казалось, что маленькая возвышенность была непреодолимым препятствием на пути к опушке леса. Почему-то человек считал, что его путь перекрыт.

Люк второго корабля распахнулся, и на землю спрыгнули семь темных фигур. Уже надлежащим образом экипированные, они беззвучно объяснялись на пальцах; ~~о чем-то договорились и поспешили~~ в сторону человека. Семерка двигалась ~~неровным клином~~, направ-

ляющим был самый высокий из них. Они безо всяких усилий скользили по снегу на гравилыжах легким размеренным шагом.

Если бы кто-то преградил им путь, они, без сомнения, действовали бы наверняка. Эти охотники привыкли брать крупную дичь.

Их добыча стояла на коленях возле холма, что-то старательно выкапывая из земли голыми руками. Пальцы незнакомца замерзли и не повиновались — тяжелые, неповоротливые. Ему пришлось остановиться и потрясти руками, чтобы вернуть их к жизни. Позади него двигались фигуры.

Наконец на свет вышла серебристая нить, покрытая снежной пылью, настолько тонкая, что мог бы позавидовать любой паук. Человек подышал на нитку; теплая влага от его дыхания осела на нить и тут же замерзла.

Когда он решил, что нить достаточно толста, уже пришедшими в чувство руками вытащил крошечный приборчик. Ногтем открыл заднюю крышку, получив доступ к программному устройству. Вставил специальный штифт в несколько отверстий, дождался звукового сигнала, свидетельствовавшего, что прибор заработал.

Человек закрыл крышку, прошептал молитву и медленно, очень медленно протянул приборчик в сторону нити.

Лазерный луч пробил своим теплом морозный воздух и прорезал борозду на снегу в нескольких миллиметрах от его коленей. Человек вздрогнул, но не поддался побуждению отдернуть руку или поторопиться. Он знал, что если ошибется, то дыра, прожженная в его теле, будет не самым худшим последствием.

Ему было необходимо попасть к Стэну, пока Стэн сам не попался.

Маленькие зажимы захватили нить. Человек задержал дыхание, выжидая. Сверкнул еще один лазерный выстрел. Каблук одного из снежных ботинок взорвался — сдетонировал крошечный заряд АМ-2.

Наконец писк из приборчика сообщил, что все в порядке.

Человек бросился через проволоку в лес, когда стрелки уже прицелились. На том месте, где он стоял мгновение назад, образовалась дыра.

Как только он исчез, команда охотников быстро кинулась вперед. Скользя вокруг холмов, их жертва скрылась. Преследователи перескочили через проволоку и приземлились на другой стороне. Их направляющий подал какой-то знак, и клин разделился. Охотники рассыпались по лесу.

Стэн расхаживал по комнате. Он был раздражен. Достал древнюю книгу в кожаном переплете, уставился на название, но не смог его разобрать. Бросил книгу назад на стол, шагнул к огню и склонился над ним, к жаркому и сильному пламени. Ему по-прежнему было

холодно, и пришлось подбросить в камин еще одно полено. Что-то было не так, но он не мог понять, что именно.

Стэн взгляделся в ряд мониторов сторожевой системы; все лампочки светили спокойным зеленым светом. Но почему у него такое чувство, что его обманули?

По телу Стэна поползли мурашки. Рассудок подсказывал ему, что он ведет себя как старый нытик: боится темноты, подпрыгивает от каждого шороха... «Не обращай внимания!» — приказывал Стэну разум. Но внутренний голос требовал не расслабляться.

Стэн не поверил показаниям мониторов и перешел на ручное слежение. По-прежнему все спокойно. Он сканировал сектор за сектором. Ничего. Уже чувствуя отвращение к самому себе, он вновь перешел на автоматическое наблюдение. Лишь на миг лампочки моргнули желтым цветом, а затем опять засветились ровным зеленым. Что это было?

И снова он переключился на ручное управление. Зеленый, черт побери! Опять на автомат!.. На этот раз никакого намека на желтый цвет, все было изумрудно-зеленым. Должно быть, ему показалось.

Стэн прошел к выходу, распахнул дверь и выглянул наружу. Все, что он мог увидеть, — это снежную пустыню, сверкавшую в лунном свете. У него было несколько следящих приборов, спрятанных в деревьях на расстоянии прямой видимости. Проверив приборы, Стэн сумел разглядеть лишь собственную тень, выглядывавшую за дверь. Никто не мог остаться незамеченным с любой стороны дома.

Чувствуя себя самым последним идиотом, он вытащил из тайника возле двери миниатюрный виллиган, снял с предохранителя и шагнул из дома. Вокруг царили тишина и покой.

Стэн сантиметр за сантиметром обследовал местность. Казалось, все было в порядке. Он снова поставил оружие на предохранитель, сказав себе, что надо выкинуть к чертовой матери эту штуковину и успокоиться. Однако старые навыки так просто не забываются.

Он сунул виллиган за пояс, вернулся в дом и захлопнул тяжелую дверь. Стэн повернулся к огню, только когда сила инерции довела дверь на смазанных петлях до конца.

И замер, не услышав шелчка замка.

Вероятно, он толкнул дверь недостаточно сильно. Да. Видимо, так. Он сильно сжал пальцы правой руки. Мускульные ножны, в которых хранился хирургически имплантированный нож, сократились, и тонкое смертоносное лезвие скользнуло на свое привычное место в ладони. Пальцы обхватили рукоятку.

Чтобы поддерживать форму, Стэн иногда играл с собой в такую игру. Он представлял, что позади него кто-то стоит. Скрывающегося неминуемо должно выдать дыхание, или малейшее движение, или шорох одежды. Дело в том, вколачивали в него старые инструкторы

отряда богомоллов, что любое вторжение в пространство изменяет и возмущает это пространство. Больше тепла. Изменение давления. Да и неважно, какие именно изменения произошли. Главное, что чувства должны их распознать.

Стэн повернулся, падая в сторону, чтобы уйти от выстрела, и в то же время резко взмахнул ножом.

Лезвие ножа имело толщину всего пятнадцать молекул, оно могло резать сталь, словно ломтик сыра. А сквозь мясо и вовсе проходило без сопротивления. Если на тебя опускается рука с оружием, то эта рука, все еще сжимающая оружие, будет аккуратно отрезана. Она шлепнется на пол, твой враг будет молча смотреть на тебя, расширив глаза от изумления, а затем впадет в глубокий шок, когда кровь хлынет из разрезанных артерий. Через несколько секунд он уже будет мертв.

Между тем Стэн пытался уловить любое угрожающее присутствие рядом. Какое движение ему сделать, когда он достигнет пола, выяснится в ходе следующей атаки, если она вообще будет.

Стэн резанул ножом по воздуху. Продолжая падать, он представил себе первое убийство и сосредоточился на втором. Еще один удар по пустому воздуху. Тяжело дыша, с отведенной в сторону ногой, он стоял, уставившись на почти прикрытую дверь. Конечно же, рядом никого не было. Никогда не было.

Нож опять спрятался в руке.

Ухмыльнувшись и тряхнув головой, Стэн шагнул к двери, чтобы закрыть ее полностью, празднично подумав, что пора бы и пообедать.

Только лишь он коснулся кнопки замка, дверь стремительно двинулась на него. Тяжелое дерево ударило плашмя.

Стэн опрокинулся назад и, ударившись о пол, пытался повернуться, чтобы освободить руку с ножом. Он сжался в комок и вертелся не переставая. Докатившись до стены, прыжком встал на ноги и рубанул рукой, даже прежде чем из нее показался нож.

— Стэн, черт возьми! — раздался голос. — Остановись!

Стэн застыл в изумлении. Что за дьявол? Не может быть! Это...

— А ну-ка соберись, парень! — произнес Ян Махони. — За мной по пятам гонится команда богомоллов. Если все тебе объяснять, мы оба сыграем в ящик. Давай двигайся!

Стэн двинулся.

Стэн и Махони нырнули в туннель, который тянулся от скрытого люка за камином к небольшой группке деревьев примерно в восьмидесяти метрах от основного купола. Туннель был тускло освещен и имел множество поворотов — так и было задумано. Они услышали, как кто-то выламывает камни из камина, пытаясь до них добраться. Стэн старался не думать о том, что он как проклятый трудился над камином несколько месяцев, таская тяжеленные камни с берега озера.

Он был бесконечно благодарен Богу за ту навязчивую идею, которая управляла им, заставив сконструировать запирающийся вход в туннель. Когда охотники все же прорвутся внутрь, освещение не позволит им легко достичь цели, а многочисленные изгибы и повороты сделают эту задачу еще труднее. Они значительно уменьшат действие любого взрыва. А теснота во много раз замедлит любое движение.

Конечно, еще остается газ. Но Стэн предусмотрел в своем тайном проходе мощные вентиляторы, которые нагнетали свежий воздух. Атмосфера во всем туннеле обновлялась каждые несколько секунд.

Наконец они достигли тупиковой пещеры, где можно было остановиться. Здесь на специальных полках было разложено аварийное обмундирование и оружие.

Выход находился уже совсем рядом. От нажатия кнопки крышка люка могла бесшумно откидываться. Снаружи выход был искусно замаскирован землей, кустами и камнями. Туннель обрывался возле могучей группы деревьев на самом берегу замерзшего озера.

Стэн торопливо начал натягивать снаряжение, жестом приказал Махони подобрать пару гравилыж.

Несильный взрыв встряхнул туннель, когда охотники наконец прорвались через камин.

— До этого конца они тоже доберутся,— сказал Махони.

— Знаю,— ответил Стэн.

Он нажал кнопку.

Волна холодного свежего воздуха хлынула внутрь, когда открылся люк. За ними он должен был захлопнуться автоматически.

Стэн установил заряд взрывчатки, срабатывавший от прикосновения, под самой кромкой выключателя. Простая и коварная мина-ловушка.

— Найдут ведь! — сказал Махони.

— Конечно найдут,— ответил Стэн,— но это их задержит.

— А может быть, нам...

Стэн поднял руку, оборвав Махони.

— Не обижайся,— проговорил он,— но об этом туннеле я знаю все. Если помнишь, кое-какой опыт у меня есть.

Махони приумолк.

Некую часть своей жизни Стэн провел, подготавливая подкоп под лагерь военнопленных в Колдиезе. Ясное дело, что как Большой Икс — командир освободительного комитета — он сделал чуть больше, чем просто подкоп.

— Ну, давай руку!

Стэн поднял капот старенького вездехода, переоборудованного под ракетный двигатель. Вместе они вытолкали его к выходу. Пошел-

кал переключателями, установив на навигаторе извилистый курс, затем приказал Махони отступить назад, когда он запустит двигатель. Наружу вырвалась волна выхлопных газов и облако дыма. Махони закашлялся и захрипел.

— Да, потихоньку на нем не подкрадешься, — сухо заметил он. Стэн промолчал.

Затем он выскочил из машины, отпрыгнув в сторону. Вездеход рванулся вперед с громким ревом и через мгновение выехал из туннеля. Стэн проводил его взглядом.

Гусеницы вездехода выбрасывали клубы снежной пыли, когда он мчался вперед, прямо к деревьям. Из двигателя сыпались искры, в ночной темноте это выглядело устрашающе.

Внезапно вездеход накренился набок. Темноту разорвал лазерный луч, и в борту машины появилось несколько дыр.

— Вперед! — прошептал Стэн.

Теперь и они с Махони выскочили наружу. Стэну хватило времени, чтобы заметить, как один встревоженный охотник отвернулся от вездехода и поднял свое оружие.

Охотник вдруг дернулся, и на его груди появилось ровное отверстие. Махони сделал еще один выстрел по напарнице охотника, но та бросилась в сторону. Пока она приходила в себя, Стэн и Махони уже скрылись.

Боец отряда богомоллов продвигалась вперед, хрипло выкрикивая инструкции команде, которая оставалась внутри купола. Она обнаружила следы, ведущие в глубь леса. Идти по ним было не трудно, следы резко выделялись, в лунном свете они отливали темно-синим.

Вдруг она что-то почувствовала позади себя. Женщина выпрямилась, поднимая оружие и пытаясь повернуться... Через мгновение она уже лежала на снегу, а из красного разреза на ее горле лилась кровь.

Стэн вытер лезвие ножа об одежду.

— Или я старею, — спросил он Махони, вышедшего из-за дерева, — или новые девицы уже не так хороши, как прежде?

Махони взглянул на труп охотницы. Как бывший шеф корпуса «Меркурий», куда входили отряды богомоллов, он испытывал смешанные чувства при виде своего человека в таком состоянии. Затем он посмотрел на Стэна.

Тот немного постарел, на лице появились морщинки, но тем не менее казался даже более крепким, чем раньше. Тверже. Его темные глаза еще глубже утонули в глазницах. Взгляд стал немного горьким, но в нем все еще можно было заметить искорки циничного юмора.

Острый нож исчез в руке Стэна.

Махони пожал плечами.

— У тебя же была практика. Осталось пятеро. Что-то сомневаюсь я, что с ними будет все так просто, парень. Надеюсь, какой-нибудь план у тебя есть?

— Есть,— бросил Стэн.

Не говоря больше ни слова, он сунул ноги в крепления гравилыж, включил их и настроил подъемную силу таким образом, чтобы висеть в нескольких сантиметрах над снегом. Он отталкивался только от деревьев, втыкая палки так, чтобы не оставлять следов.

Немало странных вещей видел Махони в своей долгой жизни, но густой лес, через который вел его Стэн, занял первое место в персональном списке странностей.

Деревья здесь были на самом деле не деревьями, хотя и имели форму деревьев. Их основной ствол начинался над тем, что на расстоянии казалось гигантской корневой системой по меньшей мере трехметровой высоты. Вблизи корневая система больше походила на гигантские клубни. Они были такими необъятными, что Махони подумалось, сколько же веков должно пройти, чтобы выросло так много листвы и образовались огромные луковицы для воды и питательных веществ. Потом он узнал, что весь процесс занимает всего несколько лет.

Ветви были покрыты мхом и казались мускулистыми — если бы растения имели мускулы. И они извивались, словно щупальца, хотя выглядели жесткими и крепкими, словно дерево. Длинные иглообразные листья оканчивались острыми колючками и были покрыты тонкой влажной пленкой. Исключительно странно для местного климата. Почему эта жидкость не замерзает?

Махони протянул руку к дереву, чтобы потрогать.

— Нельзя! — остановил его Стэн. Он увидел озадаченное лицо Махони и сжалился над ним, но только немного. — Они не любят, когда их тревожат.

Ничего больше не объясняя, Стэн подтолкнул Махони вперед.

Вдруг большая белая тварь с кожистыми крыльями, пронзительно крича, пронеслась по небу. Видимо, встревоженная кем-то, она кружилась в лунном свете.

— Идут,— сказал Стэн. — Я уже боялся, что мы их потеряем.

— Невероятно,— проговорил Махони. — Они, наверное, говорят с базовым кораблем. — Он указал на ночное небо рядом с птицей.

Махони имел в виду корабль, который, как он смог оценить, находился на стационарной орбите, очень и очень низкой.

— С этим мы что-нибудь придумаем,— пробормотал Стэн.

Прежде чем Махони успел спросить, что именно, он увидел нож, вновь скользнувший в ладонь Стэна.

Стэн осторожно приблизился к одному из странных деревьев. Выбрав ближнюю из низко висящих веток, подался вперед, сверк-

нуло лезвие ножа. Махони мог поклясться, что видел, как ветка сама чуть-чуть двинулась к Стэну, лишь только он протянул к ней руку. Но это движение было такое незначительное, что он усомнился. Капли влаги на листьях набухали большими бусинами, стекая, как капли слюны, и казалось, что листья дрожат, словно зубы от испуга.

Стэн бросился вперед и ударил. Из раны потекла влага, и ветка потянулась к Стэну, пытаясь обвиться вокруг него. Но он отскочил назад, на безопасное расстояние.

Махони почувствовал, как кровь застыла у него в жилах. Жидкость, вытекавшая из раны, шипела и пузырилась на снегу.

— Теперь оно точно взбесится, — только и сказал Стэн.

Он повторил операцию еще несколько раз, все время с одним и тем же результатом: дерево дергалось в агонии, едва не доставая Стэна. Через несколько мгновений оно все было в болезненном движении. Судорожно корчились сучья, сочились едкая жидкость. Но оказалось, что раны постоянно затягивались, и через несколько секунд дерево затихло.

Когда Стэн впервые встретил эти растения в своих путешествиях, его оттолкнул их внешний вид и привлекла их натура. Они обладали защитной системой, которая могла понравиться только бывшему бойцу отряда богомолов.

Иногда он находил их совершенно восхитительными — из-за острых листьев и едкого сока. Будучи атакованным, дерево выбрасывало еще более отвратительную жидкость в место, где его ударили. Это продолжалось примерно пятнадцать минут. Некоторые существа развили в себе терпимость к обычному соку и быстро обкусывали небольшие кусочки листьев, передвигаясь на новое место, пока растение не начало реагировать. Листья по вкусу немного походили на кабачки или томаты.

Но повадки растений этим не ограничивались. Возможно, радикальные изменения климата заставили их искать новые средства существования. Почему бы не питаться существами, которые их едят? Суперэффективная клубневая система хранения полезных веществ постепенно превратилась в систему плотоядную. Конечно, должны были пройти многие годы, пока мясо и кровь разных видов заменили им питательные вещества из воды и почвы и стали обычным угощением.

И теперь в ответ на атаки Стэна они будут атаковать всех и все, что к ним приблизится. Например, людей из отряда богомолов.

Махони услышал страшный визг. Это был не одиночный вскрик, он продолжался и продолжался, становясь все более ужасным с каждой минутой.

Сверкнул лазерный выстрел. Тишина. Махони передернулся.

— Осталось четверо, — прокомментировал Стэн. Махони промолчал.

Они приблизились к кромке льда. Из льда торчали камни.

Наступали предзвездные сумерки, и свет был еще слабым, но Махони смог различить линию деревьев на противоположном берегу озера. До нее было не больше километра, около двух минут ходу на их лыжах, если, конечно, не спотыкаться.

Они со Стэном вынудили оставшихся в живых охотников гнаться за собой всю ночь. Иногда Махони казалось, что Стэн хочет оторваться от них. Но потом он замедлял ход — специально, и снова можно было услышать за спиной погоню. Теперь, думалось Махони, пора бы им и устать... Черта с два! Устал он сам.

Была только одна хорошая новость, которая согревала душу. Отряд богомолдов до сих пор не получил подкрепления. Отсюда может быть только один вывод: на борту командного корабля нет ни единого человека в резерве.

У Махони было время лишь вкратце обрисовать Стэну обстановку. Ни слова о себе. Только о событиях последнего времени.

Тайный совет доведен до отчаяния. Он разослал такие же команды во все концы империи. Их задание — захватить и доставить всех, кто был приближен к императору, чтобы раскрыть его величайшие тайны.

Стэн был поражен.

— Что я-то могу знать, черт меня дерит? Конечно, я командовал его личной охраной. И у меня было по горло хлопот во время Таанской кампании. Но это все дела давно минувших дней. Ничего такого, что стоило бы вынюхивать. Ты уже и думать забыл об этом, а тебя, может, за это ищут!

— Дело в АМ-два, — объяснил Махони. — Они не могут найти, куда припрятал ее наш босс.

Стэн пробормотал:

— Но я считал... Я имею в виду, что каждому известно...

— Все слишком правильно, парень, — сказал Махони. — Все мы так думали. Однако АМ-два закончилась.

На мгновение Стэн погрузился в раздумье, пожевывая сухую питательную палочку. Затем озабоченно проговорил:

— Алекс! Его тоже будут искать. Мы должны...

— Я уже позаботился об этом, — успокоил Махони. — Послал ему предупреждение. Надеюсь, Алекс уже получил его. У меня не было времени проверить.

Он кивнул в темноту в направлении охотников. Дальнейших объяснений не понадобилось. Махони был лишь на полшага впереди их, когда добрался до Стэна.

— Когда освободимся, надо будет послать пару слов Килгуру, — продолжал Махони. — Договоримся с ним, где встретиться.

Стэн усмехнулся.

— Не надо,— сказал он.— Алекс знает, где нас найти.

Махони хотел спросить откуда, но тут в темноте леса что-то хрустнуло.

Они вышли на берег озера Амос. Стэн намеревался подождать, когда немного рассветет, чтобы переправиться. Махони ругнулся — похоже, этот безумец не найдет покоя, пока его не заметят.

Рука Стэна сжала запястье адмирала, затем отпустила. Пора было двигаться.

Когда они поднялись, чтобы сделать бросок, Махони заметил маленький черный шарик в руке Стэна. В центре его виднелась яркая красная точка — нажимной переключатель.

Беглецы вылетели на поверхность льда. Ветер в спину дул с такой силой, что почти не нужно было отталкиваться палками, чтобы поддерживать скорость. Ледяной воздух прорывался сквозь одежду, находя лазейки даже там, где их не должно было быть. Мороз кусал через эти лазейки мелкими острыми зубами.

Махони подумал, что его легкие так застыли, что ни одна уважающая себя молекула кислорода больше в них не полезет.

Лед прямо перед ними взорвался, образовав плотное облако мелких частиц, которое стало буквально душить их, когда беглецы вплыли в него. За взрывом последовал шелчок лазерного ружья. Это уже плохо. Охотники их обнаружили. Но это было и хорошо — известное расстояние.

Далекий берег приближался. Прямо перед собой Махони смог заметить засыпанные снегом деревья. Без промедления они выскочили на каменистый берег. Махони прижался к земле, обнимая промерзший грунт, словно любовник. Лежа на земле, он заметил, как Стэн покатился, не теряя врага из виду. Справившись с одышкой, адмирал отважился выглянуть, затем пригнулся, так как заряд АМ-2 раскрошил камень прямо перед ним. Но все же ему хватило времени разглядеть, что охотники рассредоточились по местности так, что он не мог бы сделать ни одного приличного выстрела. Тем не менее он поднял свое оружие.

— Не теперь! — прошептал Стэн.

Его палец покоился на красном пятне шарика. Костяшки пальца побелели, когда он вжал контакт.

Машинально Махони окинул взглядом озеро, но увидел, что охотники продолжают двигаться. Затем весь центр озера вздыбился с ужасным грохотом. Глыбы льда размером с небольшой дом поднялись в воздух. Махони различил тела, вернее, то, что раньше было телами; они, вращаясь, взлетели вверх и затем шлепнулись в ледяную воду.

Он не знал, была ли смерть людей моментальной или же долгой и мучительной. Если кто-нибудь из них и кричал, крика не было слышно за ревом, подобным реву взлетающего космического корабля.

А потом Стэн сел и вытянул еще одну палочку из своего рюкзака. Махони выругался про себя и беспокойно поглядел на небо.

— Ну, с нашим захватом все ясно, — сказал он. — И другую команду они посылать не будут. Даже если бы она у них была. Корабль-матка обнаружит нас сверху и разбомбит к чертовой матери. По крайней мере, я бы так и сделал.

— Я тоже об этом думал, — кивнул Стэн, — но у нас есть это. — Он указал на белый корабль, паривший над поверхностью озера. — А еще у нас есть два запасных — твой и этой команды. Для отступления должно хватить, как полагаешь?

Махони понял, к чему он клонит. Надо двигаться. Адмирал приготовился вставать. Стэн остановил его:

— Я умираю от голода. Другого шанса у нас, может, и не будет. Давай-ка поедим!

Махони и сам чувствовал, как от голода свело болью кишки. Да и не удивительно, черт поberi!

И они сели обедать.

Глава 3

Помещик Килгур, бывший младший офицер Алекс Килгур (Первая гвардейская дивизия, в отставке), в прошлом оперативник спецотряда богомоллов, выполнявший различные задания — от эксперта по подрывным работам до снайпера и инструктора подпольных организаций, включая задачи, поставленные лично покойным вечным императором, — разглагольствовал:

— И вот дождь проливной льет и льет, день за днем он льет. И соседи сказали маленькой старой бабушке: «Тебе бы лучше уйти куда повыше!» — «Нет, — ответила она. — У меня есть вера. Господь обо мне позаботится. Господь защитит».

Был чудесный вечер. Невысокий и весьма упитанный мужчина в живописной шотландской юбке развалился на диване, положив ноги на специальную подушечку. Справа от него было удобно разложено угощение на выбор — оловянный кувшин со старым виски, вывезенным с Земли за ошеломительную цену — ошеломительную для всех, кто не так богат, как Килгур, — и литровая кружка легкого пива.

Огонь мерцал в камине, таком огромном, что три человека могли стоять в нем во весь рост. Снаружи зимний штормовой ветер бился в стены таверны «Мастер Броди» со всем неистовством северного безумия, на которое способна планета Эдинбург, родина Алекса Килгура.

Прекрасный вечерок! Алекс пропустил уже четвертый — нет, пятый стаканчик. С ним были добрые друзья, друзья, которым еще не

надоел весь репертуар историй Килгура. Миниатюрная официантка скромно поинтересовалась, не найдет ли господин Килгур времени проводить ее до дома, через грязь и слякоть.

Было безопасно, тихо и мирно. Однако исключительно в силу старой привычки Алекс всегда садился спиной к стене, а его левая рука, спокойно лежавшая на колене, была в нескольких сантиметрах от мини-виллигана на бедре.

— А дождь все шел и шел, и воды поднимались. И смыло уже ее свиней, пронзительно визжавших. И коровы ее тоже поплыли из своего загона. А на дороге показался гравикар.

«Мамаша! — раздался крик. — Тебя затопит, надо уходить!» — «Нет, — прокричала она в ответ, — я не уйду! Господь меня спасет».

А вода все поднималась и поднималась, и дождь все лил и лил как из ведра. И куры ее уже взлетели на крышу. И затопило ее дом до второго этажа. И тут появилась лодка. «Миссис, вам надо уходить! Мы спасем вас». И снова прозвучал ее ответ: «Нет, нет. Бог меня спасет».

Но дождь все продолжал идти. И вода все прибывала и прибывала. И затопила уже и третий этаж. Тогда старушка взобралась на крышу, к своим курам. И тут появился спасательный гравитолет. Из него высунулся человек. «Мать! Мы прилетели спасти тебя!»

Но она была непоколебима. Как и прежде. «Нет, нет. Господь меня спасет!»

А дождь все продолжал идти, и наводнение все разрасталось. И она утонула. Погибла.

И вот попадает она на Небеса. А ее уже ожидает Бог. И эта маленькая старенькая леди — она плюнула Богу прямо в лицо. И закричала при этом: «Как же ты мог, Господь? Ведь я просила у тебя помощи. А ты так и не пришел!»

Зазвонил видеофон. Служитель ответил.

— Алекс! Это тебя. Из гостиницы.

— Вот черт! — проворчал Алекс, но все же поднялся. — Займите мое место. Ничего в нем хорошего нет, но все равно займите!

Алекс прошел за стойку бара. Он сразу узнал лицо на экране видеофона — один из операторов связи в отеле, где он останавливался, когда приезжал в город.

— Ваш маленький Алекс слушает, — сказал он.

Оператор был растерян.

— Господин Килгур! Это сообщение получено из вашего замка. Передавался текст. Правда, кажется, он немного искажен.

— Давайте его сюда. Может, мы вместе как-нибудь расшифруем.

Оператор пошелкал клавишами. По экрану побежали буквы: «XRME TRACD BYDG RRDG» — и еще целая страница в том же духе.

У Алекса на лице появилось озабоченное выражение.

— Простите, господин. Вот все, что мы получили.

— Это помехи, я вижу. Сейчас вернусь в гостиницу. Свяжусь со своим поместьем оттуда. — Он выдавил из себя улыбку и выключил связь. — Проклятый ураган! Связь испортил!

— Они, наверное, попробуют еще связаться.

— Да. Попробуют, — согласился Алекс. — Скажете им, пусть подождут, я в сортир!

С улыбкой на губах Килгур, пошатываясь, двинулся к туалету. На ходу он окинул глазами немногих людей в таверне. Нет. Все знакомые — если, конечно, это не давно задуманная тщательная операция. Идя в умывальную комнату, он постарался изобразить из себя совсем пьяного и стал шататься еще сильнее.

Потом он начал действовать. Оперся ногой на умывальник, попробовал на прочность — его вес должен выдержать. Хорошо. Оттолкнувшись, вспрыгнул на высокое, похоже, запертое окно. Ржавые на вид петли легко повернулись, а защелки просто отвалились. Килгур ползком выбрался на узенький карниз. Внизу был переулок. Алекс подбирал себе пивные не только из-за теплой компании, услужливых официанток и хорошей выпивки.

Какое-то время он лежал неподвижно. Ни ветер, несущий ледяные иголки, ни наметаемый снег, ни мороз его не волновали. Он пытался заметить хоть какое-нибудь движение. Ничего.

Большая часть поступившего сообщения и в самом деле была искажена. Но искажена намеренно, чтобы скрыть подлинный смысл. Это был старый шифр отряда богомоллов, и читалось сообщение так: «Миссия провалена. Немедленно возвращайтесь на точку встречи».

Сразу возникало множество очень интересных вопросов. Например, такой. Килгур сейчас формально не военнослужащий. Он не поддерживал никаких связей ни с империей, ни со сверхсекретным отделом богомоллов с момента своей торопливой отставки сразу после убийства императора. Итак, кто же пытался с ним связаться?

Второй вопрос: почему они воспользовались обычным кодом общего назначения? Кодом, который являлся частью стандарта SOI, известного уже много лет. А надо ли Алексу, чтобы его нашли?

Килгур выругал сам себя — на старости лет стал небрежным и невнимательным. Последние несколько дней он чувствовал, как по спине иногда начинают бегать мурашки. Если бы он прислушался к этому, то понял бы: за ним наблюдают, за ним следят, рядом есть кто-то с плохими намерениями!

«Так нет же, парень. Ты как городской петух на прогулке... Ну все, Килгур, хватит. Твоя матушка говорила, что с годами человек становится подобен подслеповатому волу. Ну найди же какой-нибудь выход!..»

И еще одно его очень опечалило: друзья так и не дослушали историю до конца.

...И поглядел на нее Господь, и был Он очень расстроен.

«Бабуля! Как же ты можешь говорить, что я не спасал тебя? А кто же тогда послал тебе и гравикар, и лодку, и гравитолет?»

Молча усмехнувшись, Алекс спрыгнул вниз, прижался к высокой серой стене, затем, как из двери, рывком вышел на улицу, словно человек, занятый поздними делами, у которого на уме только и было, как поскорее добраться домой и какая мерзкая сегодня погода.

Вдруг в темноте на другой стороне улицы кто-то шевельнулся.

Алекс быстро оценил плюсы и минусы. В нормальном земном мире его мускулы, привыкшие к трехкратной силе тяжести, помогли бы ему найти простое решение — либо акробатическое, либо кровавое...

Но тут он совсем другой человек. Конечно, у его преследователя будет тот же минус, если, правда, он не из мира, где сила тяжести еще больше.

Килгур рискнул оглянуться. «Хвост» сиделся в коммерческий гравитолет. Машина поднялась и поползла по улице позади него.

Килгур поморщился. Если это попытка убийства, то сани наберут полную мощность, поднимутся над тротуаром и размажут его о высокую каменную стену. Несчастный случай.

Он прислушался, но генераторы Маклина в гравитолете не набирали оборотов.

«Попробуем-ка мы узнать, что это за ребята», — подумал Алекс.

Пройдя три перекрестка, он свернул в узкий переулок. Очень узкий. Фактически просто выход во двор. Настолько крутой, что проехать по нему нельзя, он просто заменял длинный лестничный марш.

Алекс прибавил шаг. Переулок заканчивался небольшим внутренним двориком, из которого выходили еще четыре закоулка. Килгур выбрал один из них, нырнул в темноту и выждал момент.

По лестнице спускались две фигуры. Первое волнение прошло, и Алекс присмотрелся к ним. Вот дьявол! Не было у него никакого выигрыша в силе. Либо за ним гналась пара гигантских земных горилл, либо его преследователи были одеты в мощные боевые доспехи. Эти доспехи представляли из себя работавшую на АМ-2 машину убийства, которая с помощью специально обученного персонала превращалась в аппарат, намного более страшный, чем обычный гусеничный бронетранспортер. Специальные усилители мускулатуры делают владельца костюма во много раз сильнее и выносливее любого солдата. Костюм выдерживает попадание пули обычного стрелкового оружия и даже среднего размера шрапнели.

Против бойца в такой экипировке Алекс был во много раз слабее, чем человек из мира с нулевой тяжестью против него самого. Да еще их двое. Потрясающе!

«Бог спасет...»

Килгур бросился бежать зигзагами по переулкам с бешеной скоростью, и мысли его неслись так же быстро.

Как его выследили? А вдруг они чем-нибудь его пометили?

Он вышел из лабиринта переулков на улицу. Было уже очень поздно, и улицы были пусты. Алекс заметил, как впереди приземлился гравитолет и еще трое монстров перекрыли возвышенность впереди. Пришлось опять свернуть в переулок.

Но кто же за ним гонится? Иногда такие боевые костюмы и попадали в руки отдельных доморощенных полководцев, но эти, как показалось Алексу, были серийными имперскими. Что это значит? Выходит, чем-то он не угодил властям. Но только не местным властям планеты Эдинбург — у Килгура было слишком много влиятельных друзей на высоких должностях, чтобы его не предупредили, — а властям во внешнем мире.

Допустим самое худшее. Пусть это империя — вернее, те чертоты слабоумные подонки, что взяли власть после гибели императора. Пусть так. Но на кой дьявол все это нужно Тайному совету, а?

«Значит, так, — рассуждал Алекс. — Чего они от меня хотят? Если меня просто намеревались убить, то у них была куча возможностей за последние дни, недели и месяцы. У них на службе более чем достаточно парней, которые еще помнят, как подложить бомбу или глядеть через прицел. Но я-то пока живой. Живой! Если бы им был нужен какой-то мой документик, они бы послали парня для мужской работы. Так что эти ребята в модных костюмчиках наверняка из “Богомола”. И нужен им я сам, а не мои мысли. А костюмчики-то им здесь не очень подходят. Ведь трехкратная сила тяжести здорово давит на их косточки. Так что задачка будет совсем простая, с минимумом криков и сломанных конечностей. Ладно, хватит ворочать мозгами. Я не думаю. Я ни о чем не думаю. Но я не хочу, чтобы меня припечатали к стене или проткнули моей же шпагой. Не хочу я умирать с песней, как саркастичные викинги или как там их?»

Буря разыгралась еще крепче.

«Так, двое сзади — это раз. Трое дублеров — это два. Плюс должна быть еще команда в непосредственном резерве. Вывод: уложить всех пятерых, пока им не представилась возможность позвать на помощь. Пятеро мужиков. Пятеро из лучших бойцов империи. Да еще в спецкостюмах, в которых можно пройти сквозь толстые стены моего замка — и ни один волосок не упадет с их головы!.. Все нормально, парень. Все нормально!»

Алекс продолжал двигаться. Достаточно быстро, чтобы ребята из «Богомола» оставались сзади, но и не слишком быстро, чтобы они не подняли тревогу, решив, что он от них отрывается.

Его путь петлял по окраинным переулкам города. Алекс уже хорошо освоился с бульжниками, которыми традиционно мыслящие

строители (пусть проклянет их Бог до двенадцатого колена) вымостили улицы, когда Эдинбург был только открыт.

«Сначала достанем веревочку...»

Веревочка нашлась — бухта пятимиллиметровой проволоки на какой-то стройплощадке. Алекс схватил ее и потянул. Проволока оказалась немного длинновата — около шестидесяти метров.

Он спрямил маршрут, снова направившись к центру города. Булыжники были острыми и со всех сторон скользкими от дорожной грязи. Он опять привел своих преследователей к Верхней улице и вышел на открытое место. Шагнул на середину дороги, остановился и повернулся. Преследователи тоже были теперь на открытом месте.

«Они знают, что я вооружен. Но не знают чем. Думают, обычное оружие». Он встал на колено, оружие в правой руке, левая рука подпирает правую, вот левая рука уперлась в колено... вдох... выдох... задерживать дыхание... нажать!

Щелкнул выстрел виллигана. Пулей был миллиметровый шарик АМ-2 мощностью как у космического корабля. Заряд ударил человека в спецкостюме в ногу — и нога взорвалась. АМ-2 — это вам не обычная армейская пуля.

«Черт побери! — подумал Алекс удивленно. — Сто метров, а я попал. Стэн не поверит... Осталось четверо...»

Теперь маски были сброшены. Противник открыл ответный огонь. Килгур понял, что у них более легкое оружие и они все еще пытаются взять его живым.

Конец проволоки был надежно привязан к фонарному столбу, в полуметре от земли. Бойцы отряда богомоллов двигались гигантскими десятиметровыми прыжками, поднимаясь на пригорок. Алекс бросился бегом к «своей» улице — не слишком отрываясь от преследования, конечно.

Узкий переулок шел вниз под углом в пятьдесят градусов и был покрыт льдом. Здесь никто бы не смог просто идти, оставалось лишь бежать. Но Алекс мог — он использовал провод как лыжный подъемник, только наоборот, чувствуя, как изоляция огнем обжигает его руки.

Килгур затормозил, споткнулся, почти упал, но все же устоял.

Двое преследователей бросились вниз по переулку прямо за ним. Один человек врезался в стену, упал и остался лежать без движения перед Килгуром. Другой колесом катился между небом и землей, полностью потеряв контроль над собой.

Алекс выстрелил в него, как только тот грохнулся на землю. Потом Килгур снова пошел прежним путем, быстро и легко.

Сквозь шум бури он слышал выстрел и упал плашмя, перекатившись через спину. Один из бойцов взлетел над крышей.

— Ну, парень, ты висишь прямо как тучка,— пробормотал Алекс. Он три раза выстрелил прямо в центр «тучки». Двигатель костюма заглох, выбросив вверх, прямо в грязные облака, тонкую струю газов.

— Еще один. Еще один. Осмотрись-ка, парень!

Никого. Так и не зная, жив ли последний боец, пошел ли он за помощью к своей чертовой команде или же у него сломался боевой костюм, Алекс проделал остаток пути до Верхней улицы. Теперь все, что ему требовалось,— это выбраться из города, во внешний мир, и направиться к секретной точке встречи, о которой кроме него знал только один человек во Вселенной.

Алекс Килгур исчез с планеты Эдинбург.

Глава 4

Борьба за власть — всегда весьма сложный процесс со сложными мотивами. Социоистики написали про это целые библиотеки, снова и снова анализируя прошлое, пытаясь найти идеальные формулы и говоря, что такое-то направление верно, а такое-то — явная чушь.

Чтобы получить власть, заключались браки и рождались на свет наследники престола. Такое часто происходило в королевских семьях.

Но ради власти люди и убивали друг друга или десятилетиями держали соперников на цепи.

Еще одной излюбленной забавой был геноцид, один из немногих по-дурацки простых способов достижения преимущества. У геноцида есть только один недостаток, утверждают историки. Чтобы сохранить достигнутое преимущество, его надо применять постоянно.

Бывало, что к власти политики приходили и без убийств, в силу стечения обстоятельств. В таких случаях путь к власти был путем постоянных и непрекращающихся уступок. Учитывались голоса и точки зрения очень многих. Только тогда принимались решения. Маленькая искусная ложь — и каждый верил, что ему хорошо. Конечно, под «каждым» здесь понимается каждый, имеющий какое-нибудь влияние. А правителю только надо позаботиться, чтобы у этих «каждых» было достаточно косточек мнимого успеха, которые можно подбрасывать толпе подчиненных. Здесь действует такое правило: чем меньше человек имеет, тем меньше ему надо, и, чтобы его удовлетворить, бывает достаточно и перспективы лучшей жизни.

Есть и другие способы, но в конце концов они сводятся к предельным.

Более надежный путь к власти, как утверждают историки,— это обладание вещами, которых люди желают более всего. В древние вре-

мена это была пища или вода. Удачно проложенная дорога может решить ту же задачу. Так же работал во все времена и секс, создавая соответствующие условия. Что же касается ценного имущества, то его приходится содержать в безопасном месте и охранять от всевозможных пришельцев.

У вечного императора была АМ-2 — абсолютное топливо и краеугольный камень безграничной империи. Достаточно только манипулировать краником, чтобы осуществлять полный контроль. Его политика поддерживалась крупнейшими вооруженными силами всех времен. Император хранил АМ-2 в надежном месте.

Более шести лет прошло после гибели властителя, а его убийцы так и не смогли найти это место. Им грозила потеря той власти, которую они получили путем цареубийства.

Но даже если бы они получили ключ к хранилищу АМ-2, вероятно, и тогда Тайный совет привел бы империю к катастрофе.

В результате Таанской войны — крупнейшего и самого дорогостоящего конфликта в истории — империя оказалась на грани экономического краха. Казна вечного императора была почти пуста. Дефицит, вызванный чудовишными военными расходами, был так велик, что даже при самых благоприятных условиях властителю понадобилось бы не меньше столетия, чтобы заметно снизить его.

Когда император был еще жив, Танз Сулламора и другие члены совета предложили свое решение: заморозить заработную плату на уровне ниже довоенного, создать искусственный дефицит товаров и резко повысить цены на них.

А еще обильный налог на АМ-2.

Путем этих и других мер государственный долг будет быстро выплачен, и здоровье системе гарантировано на века.

Император отклонил эти предложения. А то, что отверг император, обжалованию не подлежало. Послевоенные планы его величества предусматривали прямо противоположный подход.

Покойный, так никем и не оплаканный Танз Сулламора беспристрастно и в подробностях доложил взгляды императора своим товарищам-заговорщикам: заработная плата должна расти своим естественным путем. Война сделала рабочую силу, а в особенности квалифицированную, дорогой. Это вызвано резким повышением вкладов в бизнес.

Цены же, с другой стороны, должны быть заморожены, делая товары доступными новым процветающим поколениям.

Конечно, война нанесла запасам империи чудовишный урон. Чтобы смягчить его, император намеревался временно снизить цены на АМ-2, причем немедленно — чтобы удешевить перевозку товаров. Через некоторое время, полагал он, стабильность будет достигнута.

Магнаты промышленности уже представляли свое будущее как ряд продолжительных успехов — и вдруг перед ними возникла пер-

спектива длительного затягивания ремней и экономного расходования своих средств. Дармовые барыши и большущие прибыли должны были остаться в прошлом. Следовало форсировать производство, чтобы выдержать конкуренцию и получить в длительной перспективе хоть какую-то выгоду.

Для членов Тайного совета это было неприемлемо. Они проголосовали против — с помощью оружия.

Однако это решение не было единодушным. Волмер, молодой заправила средств массовой информации, ужаснулся, узнав про план заговора. Он не хотел принимать в нем участия, несмотря на то что с императором, как и остальные члены совета, согласен не был. Сам не имея никаких способностей, Волмер был горячим сторонником искусства убеждения. Но у него постоянно происходили целые баталии с репортерами, политическими экспертами и специалистами по общественным связям в его империи информации. Все это было получено Волмером по наследству, так что способности здесь ни при чем.

Как и большинство богатых наследников, Волмер считал себя гением. Роковая слабость! Даже такой тупица, как Волмер, был в состоянии оценить опасность разрыва отношений со своими соратниками. На беду, яркий свет воображаемого таланта затмил этот факт. В результате Волмер оказался первой жертвой тщательно подготовленного заговора. Архитектором заговора стал любимчик властителя Танз Сулламора.

Большую часть своей профессиональной жизни Сулламора лизал пятки вечному императору. На протяжении десятилетий он видел в своем правителе человека без недостатков. Конечно, он не считал императора святым и не испытывал к нему сентиментальных чувств. Он считал властителя холодным и расчетливым тираном, способным достигать своих целей любыми средствами. И тут Сулламора был абсолютно прав.

Ошибался он только, когда ударялся в крайности. Религией Сулламоры был бизнес, а верховным жрецом этой религии был император. Сулламора верил, что император непогрешим, что он мгновенно подсчитывает шансы и действует без колебаний. И результат всегда был безошибочен. Он также полагал, что у императора те же цели, что и у него самого и у каждого капиталиста в империи.

К их великому сожалению, многие другие считали так же. Но бессмертный император вел свою собственную игру. Со своими правилами. Со своей победой. В одиночку.

Что же касается непогрешимости, то даже сам император так не думал. На самом деле, когда он составлял планы, он предусматривал и ошибки — как свои собственные, так и чужие. Вот почему дела в основном решались в его пользу. Вечный император был мастером длительных прогнозов.

— Ты тоже так сумеешь, — говорил он как-то в шутку Махони, — лет через тысячу.

Таанская война была одной из величайших ошибок императора. Он знал это, как никто другой. Но конфликт был таким жестоким, что императору пришлось быть искренним и с Сулламорой, и с другими. Он начал размышлять вслух, отыскивая логику при своих преданных советниках. Как еще он мог узнать их мнение?

Вот так властитель обнаружил неуверенность в себе и признал свои многочисленные ошибки.

Это был страшный удар для Сулламоре. Оказалось, что его герой — колосс на глиняных ногах. Ореол святости померк. Сулламора утратил веру.

Убийство бывшего кумира было его реваншем. Чтобы обезопасить себя, промышленник держал детали заговора в строжайшем секрете. Свои фланги он прикрыл, потребовав, чтобы ответственность за это друзья-заговорщики несли в равной степени. Они все поставили подписи в документе, где признавали свою вину. Каждый получил копию этого документа, так что предательство было немыслимо. Детали убийства Волмера, вербовки Чаппеля и последующей смерти императора оставались неизвестными другим заговорщикам.

Члены Тайного совета, как и большая часть империи, наблюдали за развернувшимися в космопорту событиями по экранам видеофонов. И не было более заинтересованных зрителей, чем они. Они видели, как королевский кортеж свернул к линии встречающих в Соуарде. Они приветствовали Сулламору, своего тайного героя. Они находились в предвкушении рокового выстрела. Напряжение стояло невероятное.

Наконец император был мертв. Операция завершена!

Последовавший взрыв удивил их так же, как и всех остальных. Бомба — прекрасный завершающий штрих, но совершенно невероятно, что Сулламора пошел на самоубийство. Члены совета предположили, что этот сумасшедший, Чаппель, устроил взрыв просто для надежности покушения. Да, бедный, бедный Сулламора. Несчастный случай.

Хотя для них теперь это означало увеличение доли при дележе, заговорщики чистосердечно скорбели. Как глава всего транспорта и наиболее важного кораблестроения, Танз Сулламора был незаменим. Им теперь очень не хватало его опыта хитроумных уловок, так же как и его знаний имперской политики. Смерть Сулламоре означала, что все это придется изучать им самим. А учиться не очень-то хотелось.

Император хранил АМ-2 в гигантских хранилищах, искусно разбросанных по империи. Из хранилищ направлялись большие танкеры, которые сновали туда и сюда в зависимости от потребностей и

приказов императора. Он один контролировал количество и регулярность поставок топлива.

Восстань кто-либо против него, и император мгновенно разорил бы бунтовщика. Подчинись ему, и поставка будет своевременной и по умеренной цене.

Члены Тайного совета быстро увидели недостаток этой системы, как только дело коснулось их собственного выживания. Ни один из них не верил другим настолько, чтобы отказаться от полного контроля. Так как они поделили АМ-2 в равных долях, это гарантировало, что промышленность, контролируемая каждым из них, получит дешевое топливо. Оно также использовалось, чтобы карать врагов и награждать или подкупать союзников.

Другими словами, власть разделилась на четыре части.

Временами все члены совета соглашались, что это явная угроза их будущему. Вначале они бесшабашно кутили и веселились. Имея свободное топливо, они значительно увеличили свое богатство, строя новые заводы, подминая под себя своих конкурентов или подкармливая корпорации, которые были им полезны.

Император устанавливал цены на АМ-2 по трем группам. Самое дешевое топливо подавалось в развивающиеся системы. Следующая группа — топливо для общественного пользования, чтобы правительства могли обеспечивать основные нужды своих народов. Третья, самая высокая цена устанавливалась на топливо для чисто коммерческих целей.

Тайный совет назначил одну высокую цену для всех, кроме себя и своих ближайших друзей. Результатом явились прибыли, которые превзошли самые смелые их мечты.

Но им не давала покоя одна неприятная мысль. Долгое время они старались об этом не думать. Хранилища должны были пополняться. Но кем? Или чем?

В прошлом космические корабли-роботы, связанные в поезда невообразимой длины, появлялись на складах, до краев наполненные АМ-2. Много сотен лет никто не интересовался, откуда они появлялись. Вместо вопросов были предположения. Кому надо — должно быть, знают. Знают важные люди. А важные люди — это те, кто выполняет приказы императора.

Когда погиб император, корабли-роботы приходиться перестали.

В тот момент АМ-2 была единственным сокровищем, которым обладали члены Тайного совета. И оно не прибавлялось.

Прошло много времени, пока они задумались об этом. Тайный совет был так занят текущими делами, что считал ситуацию временной.

Они послали своих подчиненных к чиновникам топливной службы. Бедные чиновники находились в полной растерянности.

— Вы — и не знаете? — спрашивали они.

Какое-то время Тайный совет и себе боялся признаться: нет, не знают.

Были допрошены сотни служащих. Каждый документ, каждая закорючка, нацарапанная императором, изучались и проверялись. Ничего.

Положение дел стало тревожным. Члены совета слегка запаниковали.

Они и сами — скрытные существа, рассуждали члены Тайного совета. Это — своеобразный вид искусства, в котором каждый из них достиг мастерства на пути к успеху. Следовательно, император должен быть самым скрытным из них. Доказательством тому служит долгое царствование властителя и моментальный крах при попытке разобратся в его системе.

Предпринималось множество других попыток, каждая более серьезная и отчаянная, чем предыдущие. Начала зарождаться настоящая паника.

Наконец был создан комитет по изучению проблемы из наиболее способных исполнителей. Задача ставилась двойная. Во-первых, найти АМ-2. Во-вторых, оценить наличные запасы антиматерии и дать рекомендации по ее рациональному использованию, пока не будет решена первая задача.

К сожалению, вторая задача затмила первую более чем на год. Если бы император был жив, он покатился бы со смеху от такой глупости.

— А сколько у вас, господа, нефти? — спросил бы он. — Только не лгите мне. Это против интересов империи.

Совет и понятия бы не имел, какого черта ему понадобилось бы знать о такой бесполезной и пустяковой вещи, как нефть. Но на-верное, они бы все-таки уловили, к чему он клонит.

На любой вопрос члены совета всегда лгали — темнили, как вы-ражались в старину. Сразу же после вопроса они важно надувались, преисполненные значимостью своей власти.

А что же тогда говорить об остальной части империи? Какой правды можно было ждать от совета, если вся империя жила в ни-щете и скудости?

На самом же деле каждый встречный запросто бы дал ответ. За-пасы лихорадочно таяли. Антиматерии было в наличии меньше, чем когда-либо раньше.

Кроме этого, у совета хватало других проблем. Во время Таан-ской войны императору приходилось иметь дело с ненадежными союзниками или с теми, кто упорно занимал выжидательную пози-цию. Когда ход событий менялся, все они клялись в вечной предан-

ности императору. Это, однако, не мешало им по-прежнему быть несогласными. Население многих систем и раньше-то никогда не испытывало трепета перед имперской государственностью, а во время войны в особенности.

И мир не внес автоматически ясность в разногласия. Перед своей гибелью вечный император уже обратил внимание на это. Но проблема была чрезвычайно сложной, чтобы разрешить ее в сложившихся обстоятельствах.

Для его самозванных преемников это было еще более сложно. Если уж временные союзники не верили, что вечный император принимает близко к сердцу их интересы, то кто, черт побери, для них эти новые парни? Тайный совет правил по указу парламента, а большинство обитателей империи весьма цинично относились к парламенту. Они считали, что он нужен, только чтобы ставить печати на императорских приказах. Да и сам вечный император не препятствовал такому мнению.

Здесь крылась одна из причин его таинственной силы. Он был исследователем и поклонником древних царских политических систем. Цари были одними из последних на Земле правителей, чья власть осуществлялась с помощью Бога. С миллионами крестьян обращались как со скотиной. Дворяне были посредниками между царем и крестьянами. Именно они держали в руках плетку и распределяли еду, чтобы только плебс не умер от голода.

Крестьяне не всегда были покорными. В истории полно примеров их яростных восстаний. Но крестьяне неизменно обвиняли в своих бедах помещиков. И именно их вешали они на столбах, а не царей.

Царь же был отцом родным. Примером благородного человека, который только и думает о своих подданных. Это все дворяне, пользуясь добротой императора, скрывают от него свои дурные дела!.. И как только царь узнает, как ужасны страдания народа, он немедленно их прекратит.

В этом не было ни капельки правды, и тем не менее это действовало.

Кроме последнего царя, который был откровенно презираем своим народом.

— Поэтому он и был последним, — сказал как-то император Яну Махони.

Один из тех маленьких уроков истории, которых не получили члены Тайного совета.

Хотя, если бы они и узнали об этом, вряд ли бы все поняли. Очень немногие бизнесмены разбирались в политике — вот почему они оказывались ужасными правителями.

Еще одна огромная и мучительная проблема стояла перед ними — что делать с Таанскими мирами.

Для Кайса, близнецов Краа и других все было просто. Таан побежден, победители получают трофеи — и так далее.

Дело закончилось разорением. Заводы были разграблены и пушены на слом, запасы истощены, многие народы ввергнуты в рабство. Большую часть доверия, которого и так-то было немного, совет растерял, введя войска на территории бывших врагов. Разграбление таанских планет давало постоянную прибыль. Но, так и не поздравив друг друга с процветанием, Тайный совет обнаружил, что все эти доходы уходят на ветер.

Вечный император сказал бы им на это, что тирания никогда не приносила прибыли.

Экономическое чудо — вот к чему стремился император. По крайней мере, так он себе это представлял. Конечно, он не исключал и репрессий. Надлежало провести широкомасштабную чистку. Не должно остаться и следов от культуры, которая стремилась к войне.

Но эту культуру чем-то надо было заменить. Стремление сражаться следовало свести к стремлению соревноваться друг с другом. Далее требовалось оказать помощь, не менее широкомасштабную, чем чистка. По мнению императора, обитатели Таанских миров благодаря присущей им целеустремленности должны завоевать такой авторитет, что очень скоро Таан станет одним из наиболее важных капиталистических центров его империи.

Именно Таану надлежало стать одним из крупнейших потребителей АМ-2.

Но тут замыкался логический круг проблем Тайного совета. Где же АМ-2?

Глава 5

Кайс получил штормовое предупреждение, прежде чем корабль приземлился в Соуарде.

Главный космопорт империи был почти пуст. Задний его пятикилометровый угол был загроможден буксирами, и из-за пятен и полос ржавчины на их массивных боках казалось, что они бездействовали многие месяцы.

Несколько лайнеров, как он заметил, были изъедены болезненной окалиной, которая атакует все космические корабли, если оставить их без должного присмотра. Кайс не увидел рядом никого из рабочего персонала. Когда-то — живое, пульсирующее сердце империи; сейчас — древняя старуха, давно растерявшая смутные воспоминания о былых любовниках.

Его ожидала сияющая фаланга военных кораблей, резко контрастировавших с упадком, поразившим Соуард. Высокий седой тип с красной отметиной на голове — знаком отличия рода г'орби — сердито тряхнул своей гладкой головой и скользнул на сиденье служебного гравитолета. Он знаком приказал женщине-водителю трогаться.

Гравитолет и его эскорт прожужжали к въездным воротам и приблизились к зияющему чернотой огороженному кратеру, образованному взрывом бомбы, которая унесла жизнь императора. Существовал серьезный план построить на этом месте мемориал властителю. Кайс и сам настаивал на этом — отдать дань памяти человеку, на котором базировалась его собственная власть и власть его коллег. Средства были немедленно выделены, нашли и скульптора. Все это произошло во время его последнего визита сюда, более чем год назад. И до сих пор работа ни на йоту не продвинулась.

Еще больше грязи встретилось Кайсу, как только они миновали ворота. Пустые склады. Закрытые магазины с окнами, завешенными от посторонних глаз шторами, где когда-то сияющие товары привлекали поток посетителей. Когда он проезжал, на него глазели нищие и толпы бездельников. Неуклюжая толстуха в лохмотьях тупо разглядывала флажки, развевающиеся над транспортом Кайса. Она взглянула ему прямо в глаза, затем сплюнула на разбитую мостовую.

Кайс наклонился к водителю.

— Что случилось? — Он кивнул на запустение вокруг них.

Ей не требовалось лишних пояснений.

— Не беспокойтесь, мистер Кайс, — проворчала она. — Это все бездельники. Работы кругом полно, а работать не хотят. Им бы только лишь сосать наши титьки. Только ноют и стонут, когда с ними разговаривают порядочные трудолюбивые люди: «Нет работы, нет денег!» Был бы жив вечный император, царство ему небесное, он бы давно вправил им мозги!

Женщина вдруг запнулась, сообразив, что Кайс может понять ее высказывание как критику в адрес Тайного совета. Затем она снова взяла себя в руки. Лыстивая улыбка расплылась на широком лице.

— Вы только не думайте!.. Вы делаете все, что можете! Ужасные времена, сэр! Ужасные. На вашем месте я не верила бы ни одному их слову! Я и муженьку своему говорю...

Кайс оборвал водителя. Он не возражал против ее слов, его раздражал ее язык. Как раз это стало причиной ее увольнения близнецами Краа. Были вещи, которые выводили из себя даже их.

Причиной, по которой Кайс возвратился в метрополию после такого долгого отсутствия, стал вызов на экстренное заседание Тайного совета. Шеф комиссии по проблеме АМ-2 собирался доложить подробные детали изучения его комиссией топливной ситуации. По

сути дела, он должен был в точности доложить, когда будут завершены поиски запятанных императором источников.

Кайс надеялся, что на этот раз услышит лучшие новости, чем наводящий тоску доклад, с которым он ознакомился незадолго перед тем, как покинуть метрополию.

Решающая задача была провалена.

То, что при этом империя понесла потери, Кайса не волновало. Важное доверенное лицо вечного императора, некто адмирал Стэн, и его бессменный адъютант Алекс Килгур ускользнули из брошенной на них сети.

Идея устроить охоту на всех, кто был близок к императору, принадлежала не Кайсу. Возможно, это предложили близнецы Краа. Но не в том дело. Кайс немедленно заметил, что это кратчайший путь и к решению его собственной проблемы. Окружить их всех, просканировать мозги, и — вуаля! Все секреты императора выйдут наружу!

Однако чтобы запустить идею в действие, понадобились многие и многие месяцы. И сделал это Кайс. Его положение было тяжелее, чем у других. Его и до сих пор изумляло, какую же инерцию понадобилось преодолеть, имея дело с правящим советом из пяти человек. Он и его коллеги привыкли всем заправлять сами, без компромиссов и консультаций.

Отряды богомоллов вернулись без добычи. Результат нулевой. Зеро. Ни одного следа или намека на источник АМ-2. Вообще ничего.

Кайс анализировал длинный список подозреваемых и не уставал восхищаться, насколько скрытным все же был император. Стало очевидно, что помочь им могут очень и очень немногие. Ни одного из этих немногих не было среди добычи богомоллов. И не хватало двоих самых главных.

Маршал в отставке Ян Махони. Официально он числился погибшим, но у Кайса имелись основания сомневаться в этом. Таких причин было несколько. Наиболее важным было мужество и сила воли этого человека.

Из архива корпуса «Меркурий», подчиненного Махони, выяснилось, что это исключительно хитрый тип, для которого не составляло труда изобразить свою собственную смерть и затем оставаться вне поля зрения сколь угодно долго. Единственной зацепкой, которую сумел обнаружить Кайс, была его непоколебимая преданность императору. Это делало Махони потенциально опасным — если, конечно, он жив. Считая, что его смерть — лишь прикрытие, можно было предположить только один мотив действий Махони: адмирал подозревал Тайный совет в убийстве своего бывшего хозяина.

Вторым из наиболее важных подозреваемых был адмирал Стэн, человек, вначале командовавший личной охраной императора, гуркскими стрелками, которые, как ни странно, все ушли в отставку немедленно после гибели императора и вернулись на свою родину в Непал на Земле. Во времена таанского конфликта Стэн был важной фигурой и весьма темной лошадкой.

Кайс так же досконально изучил досье Стэна. Там были чудовишные пробелы! Очень странно. Тем более странно потому, что эти пробелы казались сделанными по личному приказу императора. А разве не подозрительно, что этот человек внезапно стал неслыханно богатым — как и его компаньон Килгур, хотя и в меньшей степени? Откуда взялись такие деньги? Вознаграждение? Может быть, от самого императора? Но за что?

Все сходилось одно к одному: Стэн был одним из очень немногих, кому император доверял свои секреты. Когда адмирал находился в своем отдаленном изгнании, Кайс потребовал, чтобы для его пленения была направлена отборная группа захвата. Он получил гарантии, что будут посланы лучшие из лучших. Похоже, ему навешали лапшу на уши. В конце концов, что же за отборные бойцы? Уничтожены одним человеком? Чушь!..

Кайс затаил злобу. Кое-кого придется сурово наказать.

Выехав на улицу, он заметил трех босоногих существ в грязных оранжевых робах. Они держали свой путь сквозь пеструю толпу, раздавая какие-то листки и за что-то агитируя. Через звукопоглощающие окна автомобиля Кайс не мог слышать, о чем они говорят, но это ему и не нужно было. Он знал, кто они: члены секты вечного императора.

По всей империи нашлось бессчетное число личностей, которые твердо верили, что император не умер.

Одни, очень немногие, считали, что это был заговор его врагов: император, мол, похищен и содержится под строгой охраной. Другие заявляли, что это хитрая уловка самого императора: он намеренно инсценировал свою гибель и спрятался до тех пор, пока его подданные не поймут, насколько тяжело им без него. Тогда наконец он вернется, чтобы восстановить порядок.

Сектанты придерживались абсолютно противоположного мнения. Они верили, что император и в самом деле бессмертен, что он священный эмиссар Высших сфер, который облачен в человеческое тело лишь для удобства транспортировки его пылкой души. Его смерть, утверждали они, была лишь добровольным мученичеством, жертвоприношением Всевышнему за все грехи смертных подданных. Они также твердо верили в его воскресение. Вечный император, проповедовали они, скоро возвратится к своему доброму царствованию, и все опять будет хорошо.

Кайс был близок по духу к сектантам. Ведь он тоже верил, что император жив и должен возвратиться.

Кайс был бизнесменом и презирал все мнения, основанные на желаниях, а не на трезвом рассудке. Но здесь... Если император в самом деле мертв, то Кайсу конец. Поэтому он и верил. Если думать иначе, можно свихнуться.

У этой веры были древние истоки, касавшиеся вопроса бессмертия или, по крайней мере, долгой жизни. Например, часть легенды о Мафусаиле, основанная на особенностях его рода.

Кайс, так же как и весь род г'орби, был результатом слияния двух различных форм жизни. Первые имели тело такое же, как у Кайса, — высокие, статные, серебристые существа, чьим главным качеством было крепкое, почти сверхъестественное здоровье и способность к приспособлению и поглощению любых видов энергии. Увы, тупые, как растения. Вторые представляли собой такое же красное пятно, которое пульсировало на его голове. Вначале они были не чем иным, как простейшими стойкими формами жизни; в лучшем случае их можно было сравнить с вирусами. Впрочем, назвать их вирусами — не совсем точно. Их силой была исключительная агрессивность, способность пронзать защитные протеины любой встретившейся клетки и вводить потенциал для развития интеллекта. Основной их слабостью были генетические часы, которые просто останавливались в среднем при возрасте в сто двадцать пять лет.

Вскоре Кайсу предстояло «умереть»: его мозг превратится в небольшой потемневший шар из протухших клеток, а тело — стройный костяк, который осуществляет все свои естественные функции, — может продолжать существование еще столетие или около того, но оно будет уже не чем иным, как тараторящей и несущей околесицу оболочкой.

Когда Кайс разделил свой жребий с другими членами Тайного совета, он стремился не к власти — к спасению. Богатство его тоже не привлекало. Он хотел лишь жизни. Разумной жизни.

АМ-2 его не волновала, хотя он ни разу не намекнул об этом своим коллегам. Разоблачить себя означало подписать свой смертный приговор.

Когда был умерщвлен император и началась охота за теми, кто хоть что-то знает о неиссякаемых источниках топлива, Кайс с таким же рвением искал нечто другое: что сделало вечного императора бессмертным?

Вначале он надеялся найти ответ на этот вопрос в архивах императора, так же как другие надеялись найти там тайну АМ-2. Но ни того ни другого там не оказалось.

Когда было совершено убийство, Кайсу исполнилось сто двадцать лет. Это означало, что жить ему оставалось всего пять лет. Теперь прошло немногим более шести лет — а Кайс был все еще жив!

В годы интервенции он был близок к истерике, думая о своих умственных способностях, постоянно помня о часах, завод которых кончался. Даже малейшая погрешность памяти ввергала его в панику. Каждая забытая мелочь наводила черную тоску, которую трудно было спрятать от своих коллег. Вот главная причина того, что он так много времени проводил вдали от метрополии.

Он имел не больше понятия о том, почему он еще жив, чем о величайшем секрете императора. Еще ни одно существо его вида не протянуло дальше естественной границы. Впрочем, не совсем так. Один был — согласно тому мифу о Мафусаиле-г'орби.

Легенда возникла в древние времена, когда зарождалась эта переплетенная форма жизни. В эту давнюю, темную эру мир являлся сплошным хаосом, гласит история. И тогда появилось существо, которое совершенно отличалось от других. Имя его утеряно. Это поставило реальность его существования под большое сомнение, но сделало легенду еще более захватывающей.

Согласно мифу, существо заявило о своем бессмертии еще будучи подростком. А через сто или более лет тот г'орби прославился как удивительный мыслитель и философ, затмивший величайшие умы своего времени. В год, когда должна была окончиться его жизнь, все королевство прильнуло к часам, ожидая с минуты на минуту вестника, объявляющего о кончине знаменитости.

Прошел год. Затем еще один. И еще. До тех пор, пока его бессмертие не стало признанным фактом.

Первый — и единственный — долгоживущий г'орби стал правителем королевства. Наступила великая эпоха возрождения, продолжавшаяся много столетий, может быть тысячу лет. С того времени будущее расы было обеспечено — по крайней мере, так утверждают сказители легенд.

Но больше всего Кайса интересовала финальная часть легенды — предсказание, что однажды родится новый Мафусаил и что этот бессмертный г'орби приведет своих подданных к еще большим успехам.

В последнее время Кайс задумывался, не он ли этот избраннык. Правда, такое случалось только в моменты самых истерических его фантазий. Более вероятно, что дополнительное время, доставшееся ему, — не что иное, как небольшое генетическое отклонение, и в действительности в любой момент надо ждать смерти.

Если же ему все-таки суждено иметь будущее, надлежит взять его в свои руки. Необходимо овладеть секретом и стать новым спасителем своего рода.

Кайс выглянул в окно. Гравитолет двигался через рабочие кварталы из высоких однообразных домов, выходящих на широкую улицу. На улице были в основном пешеходы. Перебои с АМ-2 привели

к отмене движения общественного транспорта, много меньше стало и маленьких коробков-автомобильчиков, столь любимых представителями среднего класса.

Кайс обратил внимание на длинную очередь, змеившуюся из соевого магазина. Потрепанная табличка сверху указывала цену в десять кредиток за унцию. Состояние таблички делало смешным даже эту грабительскую цену. Двое вооруженных полицейских охраняли вход в магазин. Кайс заметил женщину, выходящую со свертком под мышкой. Толпа тут же загудела на нее, вцепившись в сверток. Здоровенный полицейский торопливо зашагал вперед.

Машина Кайса проехала мимо, прежде чем он успел заметить, чем кончилось дело.

— Ну прям как в те голодные бунты, — послышался голос водителя. — Ясное дело, безопасность стоит дорого, вот цены и кусаются, так ведь? А им этого не объяснишь никак. Вот я и муженьку своему...

— Что еще за бунты? — прервал ее Кайс.

— Не слышали? — Женщина pokrutila головой, разинув рот от изумления, что член Тайного совета может что-то не знать.

— Мне докладывали о волнениях, — сказал Кайс, — но не о бунтах.

— Ну да, волнениях. Хрен редьки не слаще. Вот, значит, как это называется — волнения. Собралось двадцать, нет, тридцать тысяч ленивых грязных типов и начали это... волноваться. Ну, копы быстренько подъехали, с полсотни прибили. Потом, ясное дело, еще три-четыре тыщи расстреляли...

Взбешенный Кайс пропустил все остальное мимо ушей. У него были совершенно четкие взгляды относительно своих коллег по Тайному совету. С метрополии и всех ее обитателей им следовало пылинки сдувать! В сердце империи нехватки чего бы то ни было должны обнаруживаться в последнюю очередь. Когда же он услышал о «волнениях», мнение Кайса стало еще яснее.

Но ведь близнецы Краа и другие уверяли его, что все хорошо. Было, мол, несколько небольших сбоев в системе снабжения, вот и все. Снабжение и порядок восстановлены.

Ну ладно!.. Не столько ложь возмутила Кайса, он и сам был мастер приврать, но это было намеренное искажение фактов. Если уж Тайный совет не в силах контролировать ситуацию в нескольких километрах от своего дома, то что тогда говорить об успешном правлении во всей широко раскинувшейся империи? А если они провалятся, Кайс будет обречен на нечто значительно худшее, чем любой ад, который они могут только себе представить.

И еще один безмерно раздражающий фактор: если положение действительно так ужасно, что запасы пищи во всей империи подо-

шли к концу, то почему члены Тайного совета продолжают похваться своим собственным богатством?

Он тихо выругался, увидев прямо перед собой остроконечные шпили, украшавшие высокие здания финансового района. Это была недавно построенная штаб-квартира Тайного совета.

— Офигенно, да? — вновь раздался голос водителя. Она по ошибке приняла его ругательство за возглас восхищения. — Вы, парни, должны гордиться этим домом. Ничего подобного в метрополии больше нету. Особенно после того, как императорский старый замок взорвали. Я знаю, вы еще не видели его... А внутри-то там какво! Фонтаны! С настоящей цветной водой! А прям посередке посадили обалденное дерево! Рубигиноза, что ли, называется. Есть, правда, нельзя.

— Чья идея? — спросил Кайс сухо и неопределенно.

— Не знаю... Дизайнера, наверное. Как же его звали-то? Это... Звито, что ли? Ну, парень рукастый! Одно дерево чего стоит, метров пятнадцать — двадцать высотой. Выписали откуда-то с Земли. Испугались сначала, что оно высохнет тут и осыплется. Так специально его приспособливать стали. На трех или четырех разных планетах. Кучу денег угрохали. И ничего, принялось. Я слыхала, за последние два-три месяца еще на два метра вымахало. Это дерево — прямо гордость и радость метрополии, точно вам говорю. Кого угодно спросите.

Как только гравитолет замедлил ход, Кайс увидел ринувшуюся к нему толпу нищих. Клин полицейских, вооруженных дубинками, оттеснял их назад.

«Конечно, — подумал он. — Кого угодно спросите...»

Доклад секретаря комиссии по АМ-2 начался. На столе перед ним была тридцатисантиметровая стопа документов, результат многомесячной работы.

Он медленно читал по слогам противным голосом. Секретаря звали Лаггут, но по взглядам, которые бросали на него члены Тайного совета, можно было догадаться, какими эпитетами они его награждают. Кайс и другие в нетерпении столпились у стола. Вероятно, это была самая важная лекция в их жизни. Поэтому никто из них не возражал, когда помощники подносили Лаггуту все новые и новые кипы бумаг. И никто не удивился, что вступительная часть заняла целый час.

Это случилось во второй час — второй час пристального внимания тех, кто обыкновенно требовал от своих подчиненных, чтобы вся информация была спрессована в три предложения или еще меньше. Если эти три предложения их устраивали, подчиненные могли продолжать. Если же нет, то не исключалась и стрельба.

После первого часа доклада секретарь комиссии стрельбы избежал. Члены совета обдумывали сказанное. У Кайса настроение изменилось к худшему.

Но он уловил в докладе несколько иное, чем другие. Сквозь всю эту болтовню проглядывала реальная опасность.

Кайс уловил ее, заметив дрожь в голосе и нервное подергивание Лаггута. Он перестал вдумываться в суть и стал обращать внимание на слова. Они были бессмысленными. Предумышленная бюрократическая чепуха для отвлечения внимания.

Близнецы первыми прервали докладчика. Толстая прочистила горло, издав звук вроде отдаленного грома, подала свои массивные тела вперед и выставила огромный подбородок размером с кулак здорового мужика.

— Ну ты, ублюдок! — прорычала она, и это были единственные приличные слова в ее выступлении. Далее последовал поток такой изощренной ругани, что, кроме возгласа «Пошел ты в жопу!», бедный докладчик ничего не понял.

Лаггут побледнел. Он понимал, что неприятности будут. Но что-бы такие!

— Иди к чертовой матери! — перевел на обычный язык Ловетт. — Где топливо?

Лаггут глубоко и безнадежно вздохнул. Потом он изобразил на лице широкую улыбку.

— Прошу прощения, милостивые господа. Но ученые... Я... В будущем я попытаюсь...

Теперь завершала тонкая Краа. У нее был визгливый и неприятный голос с хищными нотками.

— Тринадцать месяцев! — выпалил Лаггут. — И это крайний срок.

— Значит, ты утверждаешь, что, хотя твоей комиссии не удалось найти АМ-два, теперь ты знаешь, когда вы ее найдете? Правильно? — Ловетт был гением в подведении итогов.

— Да, сэр, — промолвил секретарь. — Ошибки здесь быть не может. За тринадцать месяцев мы добьемся успеха. — Он похлопал по толстой кипе бумаг.

— Звучит многообещающе, если это правда, — вступила в разговор Мэлприн. Движением руки она остановила инстинктивный порыв Лаггута защитить свою работу.

Мэлприн правила чудовищно громоздким конгломератом. Нельзя сказать, что правила она хорошо, но у нее было более чем достаточно оружия, чтобы оставаться на своем месте сколь угодно долго.

— А каково ваше мнение, сэр Кайс?

Мэлприн страстно любила развертывать дискуссии, держа при себе свое собственное мнение так долго, как только возможно. Кайс недавно предположил, что у нее и вовсе нет своего мнения и она тянет время, чтобы выяснить, откуда ветер дует.

— Во-первых, я хотел бы задать сэру Лаггуту вопрос,— сказал Кайс.— Очень важный, как я полагаю.

Секретарь жестом показал, что он готов к вопросу.

— Сколько АМ-два имеется у нас в настоящее время на руках?

Лаггут быстро и невнятно забормotal, затем начал долгую абстрактную дискуссию. Кайс прервал его:

— Позвольте мне перефразировать вопрос. Учитывая сегодняшнее потребление, как долго еще будет в запасе АМ-два?

— Два года,— ответил Лаггут.— Не больше.

Ответ потряс собравшихся. Не потому, что был неожиданным. Но его можно было сравнить со смертным приговором, с точным знанием, в какой именно момент приговор приведут в исполнение. Только Кайс остался невозмутим. Такая ситуация не была для него в диковинку.

— Тогда, если ты врешь насчет тринадцати месяцев...— снова начала Мэлприн.

— Тогда, подруга, АМ-два кончится менее чем через год после этого,— вставила тощая Краа.

Лаггуту ничего не оставалось, как кивнуть головой. Только Кайс знал, почему этот человек так напуган. А было это потому, что он лгал.

Лгал не о двухлетнем запасе АМ-2. Этой оценке как раз можно было верить. А вот тринадцать месяцев... Дерьмо! Лаггут и его комиссия знали о том, где император держал АМ-2, не больше чем шесть лет назад, когда комиссия приступила к работе. А почему он лгал? Да чтобы сохранить свою дурацкую голову на плечах. Достаточная причина?

— Успокойтесь,— обратился Кайс к тощей Краа.— Бессмысленно пытаться выпрыгнуть из пропасти, когда вы уже достигли дна.

Обе Краа уставились на него. Несмотря на их жестокий характер, взгляды эти не были злыми. Они надеялись получить от него помощь. Они и понятия не имели о его личных проблемах.

— Сэр Лаггут надеется за тринадцать месяцев обнаружить источник АМ-два,— сказал Кайс.— Может быть, это так, а может быть, и нет. Но я знаю, что делать, чтобы получить уверенность.

— Да? Как это? — спросил Ловетт.

— У меня есть новый план действий. Мои ученые работали над проектом несколько лет. Это новый инструмент для архивистов.

— Даже так? — спросила толстая Краа, более тупая из двух, если «более» вообще возможно.

— Мы собирались послать его правительству. С помощью новшества можно уменьшить время поиска документов на сорок процентов.

В комнате послышался приглушенный шум голосов. Члены совета уловили мысль Кайса. Тем более все, что он говорил, показав-

лось им правдой. Если ложь и была, то только в его действительных намерениях.

— Я предполагаю, что мы с сэром Лаггутом объединим усилия, — продолжал Кайс, — и выполним поставленную задачу. Что вы скажете? Я готов к иным предложениям.

Иных предложений не поступило. Дело было сделано. А что касается других дел — проваленной миссии по захвату адмирала, ужасной жизни, свидетелем которой стал Кайс на улицах метрополии, — они были оставлены без рассмотрения. Кайс добился, чего хотел.

Был поднят еще только один вопрос, и то чисто случайно.

— А об этом чертовом двухлетнем запасе? — спросила тощая Краа.

— Да, что?

— Может, подумать, как растянуть его?

— Еще урезать нормы? — спросил Ловетт. — Я считаю, мы и так уже...

— Нет! Не пори чепухи! Урезать не будем.

— Что тогда?

— Мы ее достанем.

— Где достанем? У кого? — Кайса заинтересовала захватывающая дискуссия.

— У кого? — переспросила толстая Краа. — Да у того, черт побери, у кого целая куча, вот у кого!

— Ты хочешь сказать, украсть, что ли? — поинтересовалась Мэлприн, также заинтригованная.

— А почему бы и нет? — сказала тощая Краа.

Вот так. Они все согласились. А почему бы и нет, действительно?

Глава 6

Первой задачей Стэна, когда они вырвались с планеты Мостик, было скрыться.

Махони предлагал свой план спасения, но Стэн его отклонил, предпочитая свое собственное тайное укрытие, где, как он надеялся, будет ждать Алекс, если его вовремя предупредили. Именно в том потайном месте Стэн впервые заметил результат истощения АМ-2 и некомпетентности Тайного совета.

Фарвестерн был и до известной степени до сих пор оставался транспортным узлом вблизи центра галактики. Раньше клиент — отправитель грузов мог получить здесь любые услуги и воспользоваться чем угодно — от корабельных верфей до мелочных лавок, от игорных домов до складов, от отелей до служб безопасности. Все это шумело и крутилось в громадном скоплении апартаментов. Впрочем, «апартаменты» — не слишком точное описание того, что предлагалось из жилых помещений. Торговые агенты, которые всегда толпились во-

круг Фарвестерна, принимали своих клиентов где угодно — от небольших астероидов до списанных и разоруженных военных кораблей. На Фарвестерне и вокруг него совершались почти все легальные и абсолютно все нелегальные сделки, включая и анонимные.

Несколько лет тому назад Стэн и Алекс с одной из миссий богомолов проездом были на Фарвестерне. Им пришлось по душе его веселая анархия. А особенно они полюбили маленькую планетку по имени Поппаджо. Планеткой обладали двое мошенников: Моретти и Манетти. Почти безуспешно попытав счастья в разных местах, они обследовали Фарвестерн и решили, что тот вполне им подходит. Теперь возникал вопрос: какие услуги они могли бы здесь предоставить? Ответ нашелся: роскошь при анонимности. Они справедливо рассудили, что всегда найдутся существа, которые, будучи здесь проездом, хотели бы получить хорошее обслуживание и при этом предпочитали, чтобы их присутствие не афишировалось. Это могло относиться и к преступникам, и к исполнителям дел, которые лучше держать в строгом секрете, пока операция не завершена.

Моретти и Манетти тихо богатели. В минувшую войну они удвоили свои состояния.

Теперь дела пошли немного хуже: не настолько плохо, чтобы бросить их, но неустойчиво. Друзья удержались на плаву только благодаря благосклонности многих существ — от магнатов до космических странников. Еще находились клиенты, которым нужно было оставаться в тени.

Моретти и Манетти помогали им. Все комнаты имели отдельные входы. Гости могли обедать в общей столовой, а могли и оставаться в своих комнатах. Секретность была гарантирована. Их кормили самой лучшей пищей, которую только можно было найти, от земного бифштекса до экзотического желированного гипоорнина. Все подавалось в атмосфере и при силе тяжести, привычной гостям.

Когда Стэн и Килгур проезжали через Поппаджо, они договорились между собой, что в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств, если дела пойдут из рук вон плохо, здесь будет их секретное место встречи.

Когда корабль Стэна вошел в систему Фарвестерна, ни он, ни Махони нисколько не были похожи на военных. По сути дела, они вообще ни на кого не были похожи.

У того человека, кто по какой-то причине считает, что его трудно узнать, часто бывает слишком много неприятностей. Все, что необходимо (если, к сожалению, Бог не наградил вас лицом эстрадного идола или уродливым телом), — это, во-первых, оказаться непохожим на самого себя и, во-вторых, оказаться похожим на кого-то другого. Одежда должна быть не бедной, не богатой. Еда — обычная, которую едят все. Путешествия — не в первом классе, не в четвер-

том. Попробуйте стать тем мифическим существом, которое называют «средним гражданином».

В корпусе «Меркурий» такую тактику неизвестно почему называют «Великий Лоренцо».

Стэн и Махони сейчас были бизнесменами, достаточно удачливыми, чтобы их корпорация предоставила им корабль и топливо, но не настолько, чтобы иметь собственного пилота, а корабль у них был старенький и немного побитый. Три дня работы в специальной подпольной мастерской, и белоснежная яхта Стэна превратилась в совершенно другое судно, коммерческого класса. Если, конечно, не заглядывать в двигательный отсек или в компьютерную каюту или не обратить внимание, что некоторые из отсеков гораздо уже, чем надо, а за переборками скрывается столько оружия, что хватит на оснащение небольшой армии.

Махони волновался, что корабль можно будет проследить по его номерам. Стэн был просто счастлив обнаружить, что его бывший шеф все-таки не знает всего. И корабль, и все персональные номера на нем были трижды чистыми — еще один результат профессиональной бдительности Стэна, которая теперь начала приносить плоды.

Так они достигли планетки Поппаджо и были приняты господами Моретти и Манетти как долгожданные и долго отсутствовавшие родственники, законченные, но уважаемые авантюристы.

Поппаджо еще мог выжить, но Фарвестерн — нет. Коммерческий поток превратился в тоненький ручеек. Из-за перебоев с топливом и сокращения армии даже имперские корабли стали здесь большой редкостью. Большое количество орбитальных станций поставили на прикол, а их персонал был отправлен на одну из планет Фарвестерна или еще дальше.

— Мы выкарабкаемся, — оптимистично заявлял Моретти. — Мы похожи на старый шахтерский городок, где запасы угля подходят к концу. Приезжает группа эмигрантов, и обнаруживается, что рубать уголек никто не хочет. Все желают заниматься лишь обслуживанием. В конце концов уголь заканчивается, а шахтеры уезжают на новое месторождение. Но владельцы прачечных остаются — и все становятся миллионерами, обстирывая друг друга.

Ему это казалось ужасно смешным. А Стэну было не до смеха. Все, что он услышал и увидел с тех пор, когда они с Махони бежали с Мостика, свидетельствовало о медленном разрушении империи. Еще в своей изоляции на Мостике он чувствовал, что оно началось, но лично стать всему свидетелем — совсем другое дело. Жители империи присмирели — или были усмирены.

Уменьшение энтропии как закон термодинамики хорошо и приемлемо, но как социальное явление это чертовски страшно.

Махони обрисовал ему положение вещей настолько подробно, как только мог. Миры, планетные системы, звездные скопления,

даже некоторые галактики впадали в спячку, отказавшись от контактов. По собственному желанию, отклоняя бездарное руководство Тайного совета? Из-за войны? Или, что едва ли возможно, пораженные какой-то болезнью?

Стэн прекрасно понимал, что АМ-2 служила тем цементом, который скреплял империю. Без могучих запасов энергии практически невозможно осуществлять звездные путешествия. И конечно, поскольку АМ-2 была очень недорога — цены устанавливались императором — и вполне доступна, что опять-таки устанавливалось императором, каждый мог без особых затруднений заниматься абсолютно всем, чем ему вздумается, — межзвездные коммуникации... вооружение... заводы... производство... Список можно продолжать и продолжать.

Когда же император погиб, поставки АМ-2 прекратились.

Стэн с трудом поверил этому, в первый раз услышав новость от Махони. Да и до сих пор у него сохранились сомнения. Он предполагал, что Тайный совет — в целях личного обогащения и из-за некомпетентности — просто перекрыл кран подачи АМ-2.

— Неправда! — втолковывал Махони. — Они и представления не имеют, где топливо. Вот почему совет стремится тебя поймать, так же как и всех остальных, кто был близок к императору, а потом будет нежно выдергивать вам ногти, пока вы не откроете великий секрет.

— Да они идиоты чертовы!

— А кто спорит? Смотри-ка, парень. Вся Вселенная свихнулась. Кроме меня и тебя. Хе-хе-хе... И я тоже медленно свихнусь, если ты не сбегаешь за бутылочкой и не откупоришь ее.

Стэн выполнил приказ. Только как следует отпил сам, прежде чем передать бутылку Яну.

— Сгоняй-ка еще за одной. И смотри, если эти привычки уже записались тебе в ДНК, твои дела плохи!

Стэн снова подчинился приказу.

— Порядок, Махони. Мы нализились, — сообщил он через некоторое время.

Махони фыркнул.

— Ни в одном глазу, мой мальчик! Но все еще впереди.

Раздался стук в дверь.

— Ваш приказ выполнен, сэр!

Махони вскочил на ноги, выхватив из рукава пистолет, и двинулся к двери.

— Спокойно, маршал, — сухо проговорил Стэн. — Открыто!

Пауза, затем дверь распахнулась, и на пороге показался Алекс Килгур с подносом выпивки в руках. Он казался расстроенным.

— Я думал, может, вы захотите повторить, — сказал он с надеждой.

Стэн и Алекс взглянули друг на друга.

— Как близко они к тебе подобрались? — спросил Стэн.

Килгур рассказал ему о засаде и битве на обледенелых улицах.

— Я решил, что раз предупреждение было послано общим кодом, как мы договаривались, то, значит, послал мне его ты.

— Я,— сказал Махони.

— О такой возможности я тоже думал, сэр.

— Быстро думаешь, мистер Килгур. Ладно, ребята. Мой рассказ — и план — займет не много времени. Какова наша цель, вернее, цели, вы поймете, когда я все объясню.

Махони начал с того, что с ним случилось, с того дня, когда погиб император. Он тогда увидел Большую пятерку стоящими у свежего холма, могилы императора, и понял, что видит перед собой пятерку убийц.

После некоторых сомнений Махони все-таки решил поделиться очень важной деталью. После убийства императора он прошел в кабинет властителя, откупорил бутылку с бурдой, которую император величал «виски», и собрался произнести тихую, глубоко личную поминальную речь. К донышку бутылки была прикреплена написанная рукой императора записка: «Не пропадай из виду, Ян. Я скоро вернусь».

Махони остановился, ожидая полного недоверия. Он и дождался его. Правда, недоверие на лицах обоих мужчин было замаскировано выражением яркой заинтересованности.

— Очень интересно, маршал. Сэр, а как вы себе это представляете? Вы хотите сказать, что человек, которого убили, был двойником императора?

— Нет. Убили самого императора.

— Так он все-таки выжил? После того, как в него всадили дюжину пуль или около того, а потом еще и взорвали!

— Ни черта подобного, Стэн. Он был мертв.

— Так, значит, он вылез из могилки, чтобы оставить вам любовную записочку, да? — спросил Алекс.

— И опять не так. Он, конечно, мог оставить инструкции одному из охранников. Или дворцовых слуг. Но я спрашивал — никто ничего не знает.

— Ладно, Ян, давайте на минутку про записку забудем. Вы сами-то понимаете, что сейчас говорите? Либо вы спятили, либо вступили в ту секту, которая бродит кругом и твердит, что вечный император бессмертен. И не забывайте, что шесть лет с гаком — достаточный срок, чтобы одуматься.

— Может, и так. Вы намерены слушать дальше?

Килгур осушил стаканчик спиртного, но продолжал смотреть на Яна настороженно.

— В тот день у меня возник свой собственный план: подняться против Тайного совета.

— А вы думаете, они не сообразили, что у вас на них зуб? — спросил Стэн.

— Думаю, сообразили. И предприняли все возможные меры защиты.

Махони рано подал в отставку. Тайный совет в своем сумасшедшем стремлении избавиться от раздувшейся за время войны и чрезвычайно дорогой армии был более чем рад отпустить любого, не задавая лишних вопросов.

Стэн кивнул — точно так же и их с Алексом выбросили в отставку и предали забвению.

Совет был тем более счастлив отпустить маршала Махони — любимца императора, архитектора победы, а вдобавок еще и главу корпуса «Меркурий» — имперской разведки — в течение многих и многих лет.

— Но мне не хотелось, чтобы они втайне опасались от меня какого-нибудь неприятного сюрприза. И я придумал себе прикрытие.

Прикрытием Махони, громко разрекламированным, стала идея выпустить полную биографию вечного императора, величайшего из людей, когда-либо живших на свете. Этот план вполне был на руку совету.

— Черт его знает, зачем мне это понадобилось, но я должен был это сделать.

Махони углубился в архивы, собираясь посвятить один год исследованию древних времен. Между тем он заметил, что совет уже потерял к нему интерес и можно перейти к своей подлинной цели.

Немного стесняясь, Махони признался Стэну и Алексу, что ему всегда нравились научные исследования и корпение за документами. Возможно, если бы все сложилось иначе и он не был бы из военной семьи, Махони так бы и копался всю жизнь в архивах, создавая какую-нибудь очередную «Полнейшую историю».

Он был не первым, не сотым и не тысячным, кто создавал биографию императора. Однако ему удалось открыть нечто интересное. Все биографии ввали.

— Ну и что с того? — равнодушно спросил Стэн. — Если бы вы были приближенным Бога, вам разве не хотелось бы, чтобы все говорили о вас одно хорошее?

— Да я не об этом, — махнул рукой Махони. — Биографы *подтачивали* написать об императоре. Среди них была масса неаккуратных и ленивых историков, но почему-то их работа поощрялась. Они заключали выгодные контракты. По этим работам снимали фильмы. И так далее и тому подобное... Я вот что вам скажу, парни: ни одному из них ни разу не дали даже посмотреть на архивные материалы.

— Так чего было скрывать нашему покойному шефу?

— Да почти все, черт возьми! Начиная с того, откуда он взялся, и кончая тем, куда он делся. Можно провести всю жизнь, пытаясь разобраться в семнадцати или восемнадцати тысячах версий одних и тех же событий, причем каждая из них явно была одобрена императором. Упомяну два самых темных пятна, не считая того, где находится эта чертова АМ-два. Первое — практическая бессмертность нашего любимого прохвоста; во всяком случае, бессмертность до гибели. А второе — что его уже убивали раньше.

— Но вы же только что сказали...

— Я сам знаю, что сказал. И все же повторяю: он уже умирал раньше. Погибал. Разными способами. Несколько несчастных случаев. По крайней мере, два покушения.

— А вы говорили, не было двойников!

— Я и сейчас говорю. Вот что происходило, по крайней мере, в тех случаях, которым я нашел документальное подтверждение. В-первых, император погибал. Во-вторых, немедленно после этого всегда происходил дьявольской силы взрыв, который разрушал и тело императора, и все вокруг. Точно так же, как та бомба, которая взорвалась после выстрелов Чаппеля.

— И так каждый раз?

— В каждом случае из тех, что мне известны. А затем прекращалась подача АМ-два. Так же, как теперь. А потом император возвращался. И возвращал АМ-два. И все опять шло своим чередом.

— Ян, — после паузы сказал Стэн, — допустим на минутку, что вы правы. Надолго он обычно пропадал? Только не подумайте, что я поверил хоть одному слову из того, что вы тут наговорили.

Махони выглядел взволнованным.

— После несчастного случая — примерно на три-четыре месяца. После убийства — на год или на два. Видимо, этого времени было достаточно, чтобы люди поняли, насколько он им необходим.

— Но теперь-то уже шесть лет прошло, — заметил Алекс.

— Я знаю, спасибо.

— Так вы, значит, верите, что император собирается возникнуть однажды на розовом облачке или из какой-нибудь дурацкой морской раковины и мир снова станет веселым и счастливым? — съехидничал Стэн.

— Ты мне не веришь, — произнес Махони, потягивая пиво. — Может быть, тебе стоит взглянуть на документы? Я их спрятал неподалеку.

— Нет. Не могу я вам поверить. Ну ладно. Что у вас есть еще?

— Ты помнишь свою подругу Хейнз?

Стэн помнил. Она была полицейским, и они вместе расследовали странное покушение на убийство, с которого, собственно, и началась Таанская война. А еще они были любовниками.

— Она до сих пор служит в полиции. И до сих пор в метрополии. Только теперь она уже шеф полиции,— сообщил Махони.

Он пошел к ней за разрешением получить досье на Чаппеля, убийцу императора. У него было стопроцентное прикрытие — вышедший первый том биографии императора имел грандиозный успех.

— Полная брехня, конечно,— заверил он Стэна и Килгура.— Но, во всяком случае, твоя Хейнз такая же принципиальная, как и раньше. Я задал ей несколько вопросов, и она поняла, что бывший шеф разведки еще не впал в старческий маразм, удовлетворяя личное любопытство. Между прочим, Хейнз сказала, что единственная причина, по которой она пойдет на это,— твои добрые слова обо мне. А ты не помнишь молодого человека по имени Волмер?

Стэн помнил и его. Волмер был владельцем конгломерата средств массовой информации, точнее, «наследником престола» империи прессы и членом Тайного совета. Однажды ночью его убили у дверей сомнительного придорожного бара в портовом городе Соуарде.

Официальная версия — он был замешан в коррупции, связанной с военными делами. Более циничная и популярная — что Волмер испытывал странное пристрастие к лицам своего пола и любого другого, кроме женского, и был зарезан обманутым сутенером.

Хейнз располагала иными материалами. Она выследила наемного убийцу-профессионала. Ей было наплевать на этого исполнителя, но она хотела разузнать, кто его нанял. Хейнз получила от исполнителя достаточно фактов, чтобы возбудить дело. Молодой человек согласился сотрудничать с полицией.

Лайза горела энтузиазмом. Ее мало волновало, когда ежедневно десятками резали друг друга существа из недоразвитых миров. Но когда они оставляли трупы на улицах метрополии и пугали мирных горожан, тогда уже надо было принимать меры.

Молодой человек сознался, что именно он убил Волмера. Правда, имя жертвы держалось в секрете; киллер только позже узнал, на кого он поднял руку. Хейнз хотела узнать, кто ему заплатил. Убийца назвал имя человека из малоразвитого мира, теперь уже покойного. Хейнз отправила киллера в камеру, попросив припомнить дополнительные факты и попытаться понять, что все это означает. Этой же ночью в тюремной камере убийца «покончил с собой».

— Это все, что стало известно полиции?

— Да, все. Так кто же прикончил Волмера? Может, его коллеги по Тайному совету? Может, Волмер не согласился с какими-то их планами? Пока не знаю. Но это была первая жертва из членов Тайного совета. Потом погиб Сулламора — при взрыве после убийства императора. Одна забавная вещь об этом Чаппеле. Он из Службы управления космопорта. Я кое-что разузнал: видимо, ему казалось, что император преследует лично его.

— Да. Я тоже видел документы. Клинический случай.

— Так-то оно так. Но Чаппеля заставили стать таким. Кто-то сыграл с его судьбой. До сих пор никому не известно, почему он внезапно лишился работы и стал на путь бродяжничества.

— Служба управления, порты, перевозки — это были владения Сулламоры, он отвечал за транспорт в Тайном совете. А теперь и он тоже мертв. — Стэн приготовился выпить еще, но передумал и подошел к видеопанели. — Да, Махони, любопытные вы добыли факты... А может, и у вас тот же тяжелый случай, что и у этого Чаппеля? Может, это просто преступные разборки? О чем говорят последние операции богомоллов? Давайте-ка заполним пробелы. Что произошло потом? И подумаем, что происходит теперь.

Махони продолжал.

Примерно в то же время, когда он поговорил с Хейнз, он начал чувствовать какую-то опасность. Совет, как понял отставной маршал, так и не раскрыл секрет источника АМ-2. Махони считал, что теперь лишь вопрос времени, когда они начнут собирать всех подозреваемых и искать этот секрет в их мозгах.

— Сканирование мозгов — очень неприятная процедура. Бывает, что и смертельная. Вот я и умер. Инсценировал кражу всего состояния, заплатил вору десять процентов денег, которые он украл, и умер. Утонул. Дурацкий несчастный случай. Ходили слухи, что это произошло как раз потому, что я разорился.

Мертвый и невидимый, Махони начал работать. Частью его работы был поиск своих старых сослуживцев, всех, кто хоть что-нибудь мог знать об императоре.

— Многие из них до сих пор на службе. И большинство считают, что мы движемся к абсолютному хаосу. Единственный выход — сместить Тайный совет.

Стэн и Килгур обменялись взглядами.

— Да! Тогда мы получим доступ ко всему, что оставил император в метрополии. Я знаю... знал этого человека. Он должен был где-то спрятать свой секрет. Вот наш единственный шанс, — заключил Махони. — Не исключаю, что вы правы. Может, я и свихнулся, веря, что император вернется, что он вечен. Но простите мне мое старческое чудачество. Если ничего не делать, через несколько поколений империя исчезнет.

Стэн в упор смотрел на Махони не слишком теплым взглядом.

— Не будет большого вреда, если вы дадите сказать Килгуру, — раздался голос Алекса. — Все, что вы хотите от нас, так это отправить на тот свет пять существ, которым довелось править известной вам империей?

Махони предпочел не заметить сарказма.

— Точно так. Не импичмент. Не суд. Не массовые волнения. Вот зачем вы мне сейчас потребовались, ребята. Это только прелю-

дия к большой операции, и вам надлежит сыграть ее. Чисто ли, не чисто, но с пятью трупами в финале.

Стэн и Алекс сидели, не говоря ни слова. Потом сказали Махони, что им необходимо переговорить, и выставили его за дверь. Но разговоров было не много. Они хлопнули еще по стаканчику и заказали кофе.

Стэн приводил свои мысли в порядок. Можно ли как-нибудь добраться до Тайного совета? Да, твердила его заносчивость богомола. Что ж, допустим. Но его беспокоили слова «не чисто». Он всегда вспоминал своего первого сержанта, который говорил, что ему нужны солдаты, которые могли бы «помочь солдатам противника умереть за свою родину».

Тайный совет пытался убить его и, вероятно, украл уже все его состояние, довел до нищеты. Так? Но в конце концов, деньги — это не важно. Их можно заработать, а можно и потерять. Так же и убийство. Раз уж стрельба прекратилась, Стэн, который гордился своим профессионализмом, зачастую мог выпить пивка за здоровье бывших врагов. Настолько ли плохи члены Тайного совета, чтобы оправдать их убийство?

Определим, что такое плохо, думал он. Плохо — это то, что не работает. Итак, идем дальше. Был ли Тайный совет некомпетентным? Безусловно. Особенно если поверить тому, что поведал Махони. Но миры, где бывал Стэн, от Вулкана до подразделений имперской армии, более чем часто управлялись лицами некомпетентными.

Империя катилась в пропасть. В третий раз.

Стэн, ветеран сотен битв за тысячи миров, так и не мог себе представить аморфное понятие «империя». Все, что знал Стэн, так же как и его отец, и отец его отца, — вечный император. Представляя себе империю, Стэн всегда на самом деле думал о нем.

Он давал присягу. Даже дважды. «...Защищать вечного императора и империю, не щадя своей жизни, подчиняясь законным приказам, следуя традициям гвардии, как того требует Родина». Первый раз он присягал, когда его принял на службу Махони, целую вечность тому назад, на Вулкане. Но он давал клятву и еще раз, когда его официально утвердили в должности начальника личной охраны властителя.

И Стэн помнил об этом. Если члены Тайного совета пытались убить императора, и неудачно, обязан ли он выследить их и, если необходимо, убить? Конечно. А уверен ли он, что Тайный совет убил императора? Да, безусловно.

Он вспомнил старую таанскую пословицу: «Служба тяжелее свинца, смерть легче пуха». Не помогло.

Его клятва оставалась в силе, это его долг.

Стэн чувствовал себя в затруднительном положении. Он искаса взглянул на Килгура и откашлялся. О таких вещах громко не говорят.

Алекс тоже избегал смотреть Стэну в глаза.

— Конечно, есть выбор,— пробормотал он.— Можно наплевать на все с высокой колокольни и забыть. Позволить Вселенной вертеться, как она вертелась. Но не хотел бы я провести остаток дней, пугливо озираясь... Ты, парень, растерял уверенность. Мы сможем это сделать! Нет проблем. А сделаем, так моей матушке не надо будет страшиться ходить на базар. Так-то! Ведь империя идет коту под хвост, а, Стэн?

Стэн в ответ ухмыльнулся. Так лучше. Пусть настоящие причины останутся при нем.

Он протянул руку.

— Ну вот, можно и выпить со спокойной совестью,— вздохнул Килгур и нашарил бутылку.— Уж и не знаю почему, но житуха такая мне по душе. Вот, приняли смелое решение, прямо в номере отеля. Толстяк, одетый как бродячий коммерсант, и худой парень, похожий на сутенера. Теперь нас связала клятва, сверкающие доспехи и реющие знамена.

Он выпил.

— Да, между прочим... а каким образом мы свернем башку этим мерзавцам?

Так Стэн и Килгур заключили союз с экс-маршалом, который, как они оба считали, маленько спятил.

Глава 7

Человек устался на экран. Его руки по-прежнему лежали на коленях.

— Вы не начали тест,— произнес голос, похоже, с некоторой укоризной.

— А что произойдет, если я не подчинюсь?

— Не получите информацию. Начинайте тест.

— Не буду.

— У вас есть причины?

— Да. Я уже проходил его. Три... нет, четыре периода сна тому назад.

— Все правильно. Тест завершен.

Экран погас.

— Все тесты усвоены. Параметры субъекта приемлемы,— сказал голос.

Очень странно. Впервые он обращался словно не к нему, а к кому-то другому.

— Вы готовы к следующей ступени.

- У меня есть несколько вопросов.
 - Задавайте. Ответов, правда, может и не быть.
 - Я на корабле. Есть ли еще кто-нибудь на борту?
 - Нет.
 - Ваш голос синтезирован?
 - Естественно.
 - Вы только что сказали, что у меня... приемлемые параметры.
- А что было бы в противном случае?
- В ваших же интересах ответа не получите.
 - Попытаюсь сформулировать иначе. Какие ограничения установил вам ваш программист?
 - В ваших же интересах ответа не получите.
 - Спасибо. Тем не менее вы ответили. Еще вопрос: кто вас запрограммировал?

Тишина, только привычный гул корабля.

— Ответ очень скоро возникнет сам собой, — произнес наконец голос. — Довольно вопросов. — Запертая до этого панель в стене открылась. — Вы можете пройти в коридор. В его конце будет корабль. Вы можете войти в него и приготовиться к старту.

Человек побрел по коридору. В конце действительно был вход в небольшой корабль, рассчитанный на одного человека. Он уселся в наклонное кресло. Крышка люка захлопнулась, и он почувствовал движение.

— Это наша последняя связь, — вдруг снова раздался голос. — На корабле четыре автоматические навигационные системы. Каждая из них — определенного назначения. После выполнения своей функции система самоуничтожается, и приводится в действие следующая. Не волнуйтесь. Не пытайтесь воздействовать на систему. Ваша конечная цель и пункт назначения будут очевидны. До свидания. Желаю вам удачи.

Человек вздрогнул. Желаю удачи? От машины?

Глава 8

Хондзо — небольшая, но довольно решительно настроенная раса торговцев. Их происхождение связано с ранним периодом становления империи. Они заселили систему в нескольких световых годах от Дюрера, места действия одной из знаменитых битв Тананской войны. Так их родиной стало не вполне удобное скопление звезд и планет с очень ограниченными коммерческими ресурсами. Но для хондзо это не было препятствием. Их вышедшие из океана предки занимались островной торговлей и издревле славились мастерством посредничества в любой сделке. Корабли у них были собственной конструкции, хотя и собирались на верфях Сулламоры, —

легкие, не слишком быстрые, но работавшие почти в любой атмосфере, лишь бы нашлись товары для купли или продажи.

Хондзо являлись также одними из самых бережливых существ в империи. Их собственные ресурсы были так ничтожны, что они запасали их и ревностно охраняли. В особенности АМ-2. Время от времени это даже немного действовало вечному императору на нервы. Так как цены на топливо поддерживались запасами, которые он контролировал, его слегка задевало большое количество антимагии, которое они держали при себе. Всякий раз, когда он позволял ценам снижаться, хондзо первыми вставали в очередь за АМ-2.

Впрочем, после нескольких перебранок с бестолковыми существами властитель махнул на это рукой. Император понял, что лучше не обращать внимания на эту странность. Хондзо — превосходные торговцы, они предельно честны, а их система слишком мала, чтобы иметь какое-то значение.

И еще одна вещь о хондзо. Они были чрезмерно обидчивы. Особенно если дело касалось того, что они считали своей собственностью. Короче говоря, если их обидеть, они способны были сражаться, несмотря на явное превосходство противника.

Когда Тайный совет обсуждал проблему, они пришли к единодушному выводу: Краа сделали правильный выбор, решившись пойти на воровство у хондзо.

— Мы с сестрицей это дельце обмозговали, — сказала толстая Краа. — Эти скупые идиоты припрятали все в одном месте. Надо лишь послать корабль. Перебить всех к чертовой матери и домой, домой! С кучей АМ-два.

— Я не думаю, что следует действовать так прямо, — возразила Мэлприн.

— Какого черта? А почему нет-то? Эти хондзо просто выродки, всем известно.

— Хороший план, в гробу мы видали всякие дипломатии! — хихикнул Ловетт.

Кайс заметил, что накал страстей в зале намного выше обычного. Может, потому, что ожидалось хоть какое-нибудь действие? Или обстановку накалила мысль о вооруженном разбое?

Кайс и его коллеги за свою долгую карьеру принимали участие в многочисленных кражах. Но они действовали всегда на расстоянии, на бумаге и хоть с какой-то долей законности, притянутой за уши легионами нанятых официальных экспертов и юристов. Кайс должен был признать, что это не оставляло его спокойным. Он способен к переживаниям так же, как и остальные.

— Попробуем. Пошлем достаточно кораблей, чтобы провернуть это дело, как предлагают наши коллеги. Но впереди мы пустим один маленький кораблик. Почти невооруженный. И недорогой. И этот кораблик намеренно нарушит их границы.

— Ясное дело, они разозлятся,— подхватила тощая Краа. Ей понравился план Кайса.— А мы повелеваем задницей, заставим их стрелять...

— И нанесем ответный удар! И погромче! Имеем право,— закончил Ловетт.

Планом были довольны все. Как ни странно, у близнецов возникли серьезные опасения.

— Нам нужно надежное прикрытие,— сказала толстая.— Чтобы не было заметно, что все это подстроено.

— А может, устроить что-то вроде экономического совещания на высшем уровне? — предложила Мэлприн.

Она никогда не увлекалась экономикой, но чутьем обладала.

— Сделаем так и сразу убьем двух зайцев.

За столом послышался одобрительный шепот. Ситуация ухудшалась стремительно, все страшилось того, что будет дальше.

Мэлприн предложила выпустить краткий отчет, из которого бы следовало, что непрерывно падавшая до этого экономическая кривая достигла своего минимума и в конце концов начинает расти.

Итак, решено было созвать Тайный совет на экономическое совещание, которое, как объявили, установит основные направления развития империи на ближайшие шесть-семь лет.

Встречу предполагалось обставить как важнейшее событие со времени смерти императора. Полное освещение всеми средствами массовой информации. Никаких препятствий. Установили и место проведения будущей встречи. Для максимальной безопасности ее решили устроить на Земле, в старом рыбацком лагере Сулламоры. Там члены совета могли собраться и невинно обсуждать вещь перво-степенной важности — благосостояние общества. А в этот момент безоружный корабль империи подвергнется неспровоцированному нападению.

Краа заметили, что добыча должна составить космический поезд длиной от десяти до пятнадцати километров.

«Обалденная куча АМ-2»,— сказала тощая.

Кайс согласился. Это действительно немыслимо много.

Махони ворвался в номер Стэна, счастливо бурча себе под нос все, что ему запомнилось из средневековой баллады: «Пусть мои глаза... что-то там... та-та-та-та, в этот день... что-то там... та-та-та, на зеленых холмах...» Он подошел к видеодисплею Стэна и шелкнул клавишами. На экране появилось: «Новый курс империи. Большая пятерка собралась на экономическую встречу в историческом уединенном месте».

Стэн внимательно прочитал сообщение, Алекс заглядывал ему через плечо.

— Пора действовать,— сказал Стэн.— Подходящий случай. Махони просиял.

— Никогда не мог взять в толк, почему эти черные шляпы считают, что прятаться безопаснее всего на природе. Может, из-за того, что они в прошлом городская шпана?

— Черт его знает,— бросил Килгур.— Но дайте мне болото и спрячьте в нем маленький камешек, а сами подождите минутку, и я буду просто счастлив отыскать его.

Глава 9

Сообщение Тайного совета стало спусковым крючком для последней встречи «заговорщиков» Яна Махони. Теперь у них появилась мишень и срок, когда ее требовалось поразить.

Этот заговор чересчур затянулся, чтобы Махони был спокоен. Практика показывает, что чем меньше прошло времени и чем реже встречаются между собой вовлеченные в заговор, тем меньше вероятность, что операция будет провалена или развалится сама собой, без постороннего вмешательства.

Мысленно маршал ставил слова «заговор» и «заговорщики» в кавычки, ведь от заговора здесь было совсем немного.

В своих «исследованиях» Махони обращал взоры ко многим из бывлых соратников. Раз уж он очень кстати «скончался», его тайные путешествия из галактики в галактику участились.

Цель их была проста. Как только он устанавливал контакт с одним из своих старых знакомых по службе, начиналась игра. Махони пытался привести каждого из них кратчайшим путем к нужному ему выводу. Согласны ли они, что все дела империи летят к черту? Если согласны, то задумывались ли о том, что можно сделать? И вообще, нужно ли что-то делать? Собираются ли они принять участие в активных действиях на благо империи?

Эта работа отняла время — много времени. Слишком часто натренированный мозг Махони принимал тревожные сигналы, и маршал обрывал контакт.

От каждого кадрового офицера высокого ранга, от каждого штатского чиновника он требовал того же. Если Тайный совет вдруг лишится власти, что нужно делать?

В идеале Махони стремился к тому, чтобы каждый вовлеченный в заговор мобилизовал все силы своей команды на то, чтобы:

- поддерживать общественный порядок;
- разоружить или другими способами нейтрализовать все боевые формирования, верные Тайному совету, начиная с аппарата безопасности;

- контролировать средства массовой информации и препятствовать доступу в них приверженцев Тайного совета;
- поддерживать Временное правительство.

Махони очень неясно представлял себе будущее устройство общества. Может, свободная федерация, руководимая членами парламента, не продавшимися Тайному совету, представителями оппозиционных систем и галактик и другими, которых еще предстоит поискать. А возглавить федерацию мог бы абсолютно неподкупный манаби.

Закулисные беседы скоро пришлось прекратить. Очень немногие хотели знать точную механику того, как Тайный совет должен «лишиться власти». Узнав бывшего «кровавого» шефа разведки, собеседники зачастую вообще считали, что самой блестящей идеей будет арестовать его.

Если уж решено сразиться с Тайным советом, то какое бы правительство его ни сменило, оно должно решить две очень простые задачи. Во-первых, приостановить сползание империи в пропасть и, во-вторых, найти АМ-2.

Махони знал и каким не должно быть Временное правительство: военным. Поразмыслив, он часто приходил к выводу, что справился бы с ролью нового правителя — так же как и его товарищи. Именно поэтому военных и близко нельзя подпускать к правительству, пока они чувствуют в себе хоть малейшую тягу к власти.

Все это отнимало кучу времени. Не только потому, что действовать приходилось крайне осторожно — в конце концов, это было подстрекательство к государственной измене, — а в основном из-за невероятной прослойки бюрократии между правителем и народом.

Махони всегда гордился своей командой. Каждый, кто служил под его началом, мог в любой момент тесно пообщаться с шефом. Теперь же его поражало многочасовое ожидание в приемных своих бывших друзей — подчас лишь для того, чтобы убедиться, что их нет на месте.

Шло время, и росла опасность провала. Он не пытался винить тех, кто не желал принимать участие в операции. Среди них были такие, кто просто считал, что военным не место в политике. Другие верили, что проблемы — временные и рано или поздно Тайный совет все исправит; ведь все, что происходило, считали они, — это неизбежный послевоенный хаос, усугубленный гибелью императора. Третьи вообще одобряли деятельность Тайного совета — таковы, мол, обстоятельства. Наконец, были и такие, кого Тайный совет просто подкупил. Не говоря уже о тех, кто всего-навсего трусил, в том числе и среди коллег Махони — военных.

Никому, кроме Стэна и Килгура, не говорил отставной маршал о своей потаенной вере в то, что император вернется. Их мероприя-

тие и так выглядело достаточно безумным — тут и к психиатру ходить не надо. Он беседовал примерно с тысячей человек. Впереди была финальная часть — для большинства из них это возможность собраться вместе для завершающей операции.

Такая встреча была чрезвычайно рискованной. Махони, как ему думалось, уменьшил опасность разоблачения, устроив встречу не только на видном месте, но и у самого сердца чудовища: в системе Клизура, исключительно военизированной группе миров. Стэн много лет назад проходил здесь тренировки.

Одну из небольших планет системы специально приспособили для проведения военных игр еще несколько веков тому назад. Военные игры без солдат, без кораблей. Это, как слышал Махони, называлось раньше «штабные учения». Игра была предложена маршалом флота Вентвортом, давним и преданным другом Яна.

Очевидно, то, что соратники Махони безо всяких подозрений смогли собраться со всех уголков империи, делало игру совершенно уникальной.

Итак, дано:

- текущий статус вооруженных сил (коренное разоружение, последовавшее за окончанием Таанской войны);

- текущая экономическая обстановка (уменьшение запасов АМ-2);

- текущая политическая ситуация (мягко выражаясь, большая часть населения понимала, что Тайный совет ведет империю к пропасти).

Ситуация:

- широкомасштабная угроза империи, вплоть до новой мировой войны.

Задача:

- в течение двух земных лет решить каждую из проблем, возможно военными средствами.

Короче говоря, игра должна была воспроизвести начальную стадию перемен, только в отсутствие императора и с ограниченными запасами АМ-2.

Такое широкомасштабное упражнение, хотя в нем и не участвовали военные ниже командоров, не могло не привлечь внимания Тайного совета.

Поначалу члены совета выразили недовольство, что игра будет разыграна по реальному историческому сценарию, но в конце концов они поняли, что военные должны знать, пусть это и неприятно, насколько в действительности ограничены запасы топлива. Это

означало, что сам Тайный совет обеспечит встрече и игре полную безопасность, к чему как раз и стремился Махони.

Их надежды еще более укрепились, когда Вентворт предложил использовать в игре не только военных, но и гражданских специалистов. Все они, конечно, были неоднократно проверены: высшие офицеры в отставке, экономисты, эксперты по логистике и даже несколько сонных предсказателей будущего. Кайс был весьма удивлен, что военные, которых он привык считать твердолобыми, как их компьютеры, способны принимать у себя гостей «из других миров».

Вот так генералы и адмиралы, маршалы и специалисты по разведке со своими помощниками и адъютантами собрались на Клизуре-12 — вместе с гражданскими лицами, среди которых был пожилой улыбчивый человек, представленный как специалист по боевому духу. Махони избрал себе псевдоним Стефан Поттер.

Игра и на самом деле была сыграна и затем повторена еще два или три раза с разными участниками. Первая игра была сочинена заговорщиками Махони, следующие были разыграны простофилями, которые так никогда и не узнали, что в схеме Махони служили тщательно продуманным прикрытием. Было бы еще лучше, если бы игру сыграли только один раз, с неприметным кораблем на орбите, где укрылись бы главные заговорщики. Но слишком многие знали Яна Махони, и он прекрасно понимал, что единственный путь удержать колеблющихся, скептиков и нерешительных — быть среди них самому, лично, разделяя с ними опасность.

Серой безликой массой прибывали бывшие сотрудники корпуса «Меркурий», завербованные Махони. Они должны были обеспечивать безопасность.

Махони предполагал, что, когда игры привлекут внимание Тайного совета, власти установят тайное наблюдение за всем и всеми. Он оказался прав. Но его собственным специалистам было по силам обнаружить «жучки» и обезвредить их. Причем часть датчиков и микрофонов оставили на месте. Иногда какое-то время они выдавали сигнал, что там, где они установлены, ничего не происходит. Другим «жучкам» давали информацию, записанную на настоящих учениях, переработанную и с заново синтезированными голосами. Скажем, генерал Икс будет обсуждать со своим шефом проблему, перевезет или нет тот или иной транспорт его войска. А на самом деле в это время генерал Икс будет сидеть с Яном Махони и беседовать о том, какие его части будут задействованы, когда наступит День Игрек, чтобы захватить казармы с личной охраной одной из близнецов Краа.

Обнаружили и несколько агентов контрразведки. Они быстро были вычислены, и за каждым их шагом следили. Только у одного

агента возникли определенные подозрения, и того незаметно ликвидировали, прежде чем он успел послать сообщение или получить какие-либо указания.

Махони явно был разочарован своими врагами — он и видел, и слышал, и соображал лучше, еще когда был помощником командира патруля в отряде юношей-патриотов.

Всем заговорщикам сообщили, когда намечено провести операцию. Кроме того, им было приказано держать свои отряды в боевой готовности. Нашлись и такие, которые хотели большего. Они, конечно, доверяли Махони, но эти существа очень немного принимали на веру.

Специально для них на сцене появлялся Стэн. Для большинства он был лишь просто герой раннего этапа Таанской войны. Однако, видимо, сам факт, что адмирал желает лично руководить рейдом на Землю, удовлетворял многих колеблющихся.

Подозрения мучили в основном тех высокопоставленных лиц, в поведении которых угадывалась подготовка разведчиков. Подозрительными они были по той причине, что большинство из них слышали о Стэне или знали его — если не лично, то по слухам.

Ближе к концу игрищ Стэн встретился с Махони и проводил его в абсолютно проверенную комнату. Совершенно открыто он спросил маршала, действительно ли тот верит, что все эти существа готовы выполнять приказ, когда приказ поступит.

— Конечно нет! — поспешно ответил Махони. — Как сказал бы твой любимчик-головорез: «Я, может, и бешеный, но не полоумный!» Допустим, что приказы выполняют семьдесят пять процентов. Тогда не только будут уничтожены убийцы императора, но и власть захватим безболезненно. Пятьдесят процентов... Крови будет уже больше. Но я думаю, все обойдется. Если, конечно, те, кто наложил в штаны со страху, не попытаются нас остановить.

— А меньше?

— А если меньше, парень, то лучше молиться Богу и готовиться удирать. А теперь, адмирал, пора и тебе действовать. Собирай своих помощников и начинай устраивать любые репетиции, которые найдешь нужным.

Когда они с Алексом улетали с Клизура-12, Стэн сделал собственный прогноз.

Он даже меньше, чем Махони, надеялся, что заговор удастся во всей его полноте. Слишком много людей в него вовлечено, слишком много времени прошло, а Стэн ни капли не верил в заговоры, в которых заговорщики имели какие-то личные интересы, как бы громко это ни отрицалось на людях. Все генералы и адмиралы — паршивые диссиденты.

Так что, посчитал он, меньше чем пятьдесят на пятьдесят. Черт, а ведь для богомоллов не так уж и плохо! Ладно. Уничтожим Тайный совет, а там как пойдет, так и пойдет. Это другим решать.

Жаль, что Стэн никогда не встречался с бригадиром Мэвис Симс...

Глава 10

Стэн был в совершенно дерьмовом настроении. Он отключил воспроизведение и скинул шлем. Сдерживаясь, чтобы не швырнуть его через комнату, выглянул на дождливую улицу.

Чертовски паршивые инструкции! Выполнять их может только самоубийца.

На душе и так было препаршиво — заложил данные разведки в интерактивный компьютер, и машина не выдала ничего нового, кроме операций, в которых он сам принимал участие и выжил.

А еще настроение могло испортиться из-за дождя. Из лесистой провинции под названием Орегон солнце, казалось, было изгнано навсегда. Погода здесь менялась от мрачной пасмурной через моросящий дождик к ливню... И вот уже новая гроза. Впору было напиться. Но и Стэн, и члены его команды объявили сухой закон, пока не добьются успеха.

Поднял настроение Килгур. Распахнув дверь в комнату Стэна, он бодро проговорил:

— Пошли-ка отсюда, босс! Ты тут сидишь толстеешь и глупеешь. Так и одышка стариковская появится.

Стэн натянул спортивные ботинки, прихватил плащ, и друзья вышли на улицы Кус-Бей. Этот городок и сам по себе мог быть причиной депрессии Стэна. Одно дело — тысячелетние руины. Но домишки возрастом всего сотню-другую лет — совсем другое. Люди жили здесь и до того, как Кус-Бей стал загнивающим поселком с ветхими домами и разбитыми мостовыми.

В городке, как узнал Стэн, насчитывалось около двадцати тысяч жителей — фермеров, лесорубов, мореплавателей. Но это было много лет тому назад. Теперь здесь жило менее тысячи: горстка рыбаков, какие-то божественные личности, заработавшие кредитки за пределами Земли, да несколько племен, которые жили обособленно, своим собственным натуральным хозяйством. Другие аборигены поставляли к столу туристам, прибывающим поглазеть на большие игры, рыбу под названием лосось. Они восхищались ее борцовскими качествами и осторожностью (услышав такое описание, Стэн поначалу решил, что речь идет о каком-то лесном хищнике). Впрочем, он нашел ее вкусной — так же как и крабов, устриц, окуня и уродливую рыбу по имени осетр.

«Можно было бы устроить классную рыбалку, — подумал Стэн. — Берешь небольшой заряд взрывчатки, швыряешь его в заводь — и получаешь обед для целого взвода». Но эти люди использовали леску, тонкую, как нитка, ручную вырезанные пластиковые приманки, напоминающие насекомых, и спиннинговые катушки. Часто они просто фотографировались со своей добычей, а потом отпускали ее. Очень странно.

— Куда сегодня двинем, босс?

— А, какая разница. Кругом одно и то же. Развалины, скалы и деревья.

Килгур махнул рукой, и они двинулись в путь, поднимаясь на вершину холма.

Друзья немного пробежались, потом прошли полкилометра, пробежали еще десяток километров. Полчаса упражнений, потом бегом назад. Стандартная дистанция для имперских боевых отрядов.

Стэн продолжал размышлять об этой унылой провинции Орегон. Исторически сложилось, что она всегда была местом мечтаний о времени будущем и разрухи во времени настоящем. Ее теперешний упадок был обусловлен тремя причинами: нечеловеческим, по крайней мере для Стэна, климатом, постоянной утечкой молодежи, которая не могла найти работу дома, и, наконец, вечным императором.

Последнему фактору было только три сотни лет. Примерно в двадцати пяти километрах к северу от Кус-Бея находилось устье реки Ампуа. Император решил заняться здесь рыбной ловлей. Он оказал политическое давление на правителей провинции, и они подарили ему реку навечно — от истока до того места, где она впадает в океан. Это стоило целого состояния в виде взяток и обещаний.

Мало-помалу обитатели всех городов вдоль реки и ее притоков были вынуждены уехать. Они получили богатую компенсацию, однако же...

Когда-то в устье Ампуа стоял маленький городок — Редспурт, Ридспорт или что-то вроде этого; теперь это был город-призрак. Вдоль реки стояли и другие руины, прежде некогда населенные, — Скоттсбург, Ампуа, Розберг и так далее.

Конечно, император есть император, но Стэна почему-то бросило в дрожь от такой демонстрации власти. Почему — не так важно. Главное, что выше по реке были рыбацкие угодья императора и в нескольких километрах от них — мишень Стэна.

В те дни, когда покойный Сулламора обожествлял императора, он подделывался под своего правителя как только мог. Император рыбачил — значит, и Танз тоже. Но там, где император счастливо наслаждался уединением, лесом и жизнью в палатке вблизи излюбленной лососями быстрины, Сулламора чувствовал себя жалким и несчастным. Его рыбацкий лагерь стал роскошным загородным име-

нием со всеми изысканными удобствами, которые этот властитель мог себе позволить. Сулламора, конечно, и представить себе не мог, какую службу он сослужит Тайному совету, решив, что Земля, рыбалка и дикая жизнь — стоящая идея. Когда был затеян заговор Тайного совета, поместье Сулламоры стало идеальным уединенным убежищем для его проведения.

Сулламора уже распался в молекулярную пыль, но поместье его оставалось — мишень Стэна. Всего через несколько дней придут члены Тайного совета. Стэн был готов.

Зная место и время, он начал собирать свою команду. С доступными, полностью преданными ему имперскими головорезами проблем не было. Когда закончилась Таанская война, отряды богомоллов были чрезмерно многочисленны. Многих сократили. И эти солдаты, которые, к слову сказать, попали в спецподразделения отнюдь не из-за своей миролюбивой натуры, пустились на поиски приключений.

Отобрать подходящих для Махони было несложной задачей. Он брал только полностью ему знакомых. Если бы и произошло предательство, то наверняка не с их стороны. Все хорошо знали репутацию бывшего шефа корпуса «Меркурий». Так как большая часть солдат начала свою службу до Таанской войны и сумела выжить в боине, конечно, им был известен и Стэн, как почти легендарный командир.

Первое, что попытался узнать Стэн у приданного ему Яном Махони специалиста по Земле, — это каковы туземцы планеты, на кого или на что они похожи.

Обычные земные люди, был ответ.

Дополнительные сведения?

Больше сказать нечего.

Стэн ухмыльнулся. Он спросил специалиста о местной фауне и получил вежливый ответ: «Обычная пищеварительная система, основанная на кислороде». Эксперта пришлось вытолкать в шею, а Алекса усадить за исследовательскую работу. Кроме таланта убивать, у Килгура ведь были и другие таланты. И что совсем неплохо, Алекс однажды уже служил в церемониальном подразделении гвардии на самой Земле, перед тем как найти себя в тайных «мокрых» делах.

Ожидая Килгура, Стэн стал размышлять о деликатном искусстве убийства.

Простейшим способом разделаться с Тайным советом была ракета. Обычная или ядерная ограниченного радиуса действия — не имело значения. В любом случае ничего не выйдет. Во-первых, небо и космос над местом проведения встречи пятерки наверняка насыщены военными кораблями. Маловероятно, что ракета сможет пройти через них. Но если и пройдет — убежище Сулламоры почти наверняка защищено. А Махони потребовал никого не оставлять в живых.

Как насчет ракеты «земля — земля»? Запустить ее с безопасного расстояния, настроить самонаводящуюся боеголовку на подрыв дома, и... Маловероятно. Сомнительно, что Тайный совет, публично объявив о своем сборе, не защитит себя всеми возможными средствами.

Придется использовать классическую технику: кулак, нож, ручная граната и выдержка или, как неделикатно выражался Алекс, «за-сада, топоры и задница».

Вот где понадобится спецподготовка богомоллов. Лучше всего подойдут древние оружие и тактика; буквально удар из прошлого. И, как часто бывало прежде, Стэн составил свой собственный план. Специалисты по безопасности знают все самые изощренные способы диверсии и готовы бороться против них — и часто забывают, что кто-то может напасть с луком и стрелами вместо лазера.

Явился Килгур, загруженный микрофишами, пленками и даже античными книгами по естественной истории. Они продолжали работать. За два дня Стэн накопил достаточно информации, чтобы приступить к отбору команды. А потом все они прибыли на место и рассеялись тут и там по побережью Орегона: ударная группа из десяти существ и трое специалистов по разведке и рекогносцировке.

Первыми приехали двое — гуманоиды земного типа, мужчина и женщина. Изображая семейную пару, вышедшую на пенсию, Ларри и Фэй Артшулеры приобрели кафе-бар на побережье.

Третий человек прибыл в Кус-Бей под видом странствующего художника. Когда он не путешествовал по окрестным холмам со своим мольбертом, то подрабатывал на сделанных в виде лодки грависанях, которые использовались для спортивной рыбалки. Псевдоним — Хавел.

Потом прибыли Стэн и Алекс. Стэн выступал в роли предпринимателя, страдающего от сильного нервного расстройства. Его сопровождал санитар — Килгур. История, которую рассказывал Алекс в пивнушках, пьяно хихикая и потягивая при этом кофе, была такова. Его босс верил, что предки его происходили из этого района Старой Земли. Алекс при этом добавлял, что эта навязчивая идея — только составная часть помешательства его подопечного. Рано или поздно бизнесмену взбрет в голову, что его предки пришли откуда-то еще, и они отправятся дальше.

Глава процветающей корпорации, пусть даже находящийся на лечении, не может позволить себе удалиться от дел. Это оправдывало наличие у него изощренных средств связи. Секретность переговоров обеспечивалась применением личного кода. Код был вполне доступным коммерческим шифром, и Стэн предполагал, что криптографы совета легко его разгадают. Но комбинации кодовых групп, так же как и сами группы, позволяли Стэну держать связь с Махони и Центром. Передатчик намеренно имел плохую антенну, и его сиг-

налы, к счастью короткие, заглушали все в округе, чтобы члены команды могли его слышать.

Корпорация в действительности существовала. Что бы ни приказал Стэн, все выполнялось служащими компании. Кодированные сообщения писались очень тщательно и правдоподобно. Стэн, как и все, кто когда-нибудь имел дело с шифровальной техникой, слышал историю о коде, который был раскрыт, когда преступник заказал пять с половиной слонов.

Килгур, распространяя свою легенду по деревне, обнаружил двух агентов из службы имперской безопасности. Один из них — деревенский констебль, слишком образованный, чтобы быть тем, за кого он себя выдавал. Другой содержал бар и чересчур усердно собирал всяческие сплетни.

Четверо других мужчин и женщин из ударной группы жили в развалинах города в устье Ампука. Они совсем не скрывались. Их имена были Монтойя, Вальдива, Корум и Акаши. Эта четверка выдавала себя за членов секты императора, совершавших паломничество по всем местам, которые бессмертный осчастливил своим присутствием. Они, конечно, должны были совершить путешествие вверх по реке до его рыбацкого лагеря.

Несколькими днями позже их обнаружил в местах, где вечный император забрасывал насадку, смотритель реки. Уходить они отказались. Охранник вызвал подкрепление. Смущенно улыбаясь, сектанты сдались охранникам и были бесцеремонно доставлены в Ридспорт.

Несколькими днями позже четверка вернулась и повторила свою церемонию. Охранник, немного обеспокоенный, сделал ряд запросов по видеофону — и выяснил, что секта совершенно безвредна. Покойный вечный император считал сектантов если и заблуждающимися, то полезными членами общества, поскольку их вера одобряла милосердие и добрые дела.

Когда их в первый раз выпроводили, пришел приказ службы охраны: когда они вернутся, выпроводить их опять. Мол, если хотите, можете посадить их в тюрьму — если, конечно, в вашей дикой местности найдется тюрьма; в общем, решайте сами. Смотритель, которому не по душе была работа полицейского, предпочел оставить сектантов в покое, тем более те наверняка скоро закончат свои ритуалы и двинутся дальше.

Вскоре он получил запрос от имперского поста безопасности в убежище Сулламоры. Наружное наблюдение заметило сектантов. Офицер службы безопасности, выслушав объяснения смотрителя, рассмеялся, и в деле была поставлена точка.

Охранник привык к четверке. И они сердечно приветствовали его, когда он заступал на свой пост.

Однажды он заметил старенькие грависани, покидавшие рыбацкий лагерь. Они были мало похожи на те, что обычно доставляли провизию и строительные материалы. Можно было предположить, что сектанты после долгой стоянки переехали дальше.

И действительно, они исчезли. Смотритель обнаружил их отсутствие, но его больше интересовало странное ластоное, которое он заметил и попытался сфотографировать. Такого он никогда еще не видел. Тюлень? Морской лев? В тех немногих справочниках-определителях, которые он смог достать, ничего похожего не было.

Смотритель потратил уйму времени — и совершенно безрезультатно, — пытаясь сфотографировать ластоное и отправить снимок в музей.

Млекопитающее, очевидно, проделало путь от устья реки до того места, где начиналось поместье, куда вход для него закрыт. Смотритель надеялся, что ружья охранников минуют «ее» — он почему-то романтически предполагал, что это именно «она», и надеялся, что у нее хватит ума нырнуть поглубже, когда появятся охранники.

На самом же деле это многополое создание интеллектом по крайней мере вдвое превосходило самого смотрителя. Кличка: Флеза.

Смотрителя мало интересовали крылатые создания, будь то млекопитающие или птицы. Поэтому он даже не обратил внимания на двух зверушек, похожих на летучих мышей, промелькнувших неподалеку от поместья. Конечно, не заметил он и миниатюрных телекамер, висящих на их шейках. Две «летучие мыши», хотя и не блистали умом, были весьма полезны богомолам для воздушной разведки. Они умели разговаривать, но их язык был набором малопонятных пискос — попробуй произнеси такое имя! Поэтому в списках спецподразделений они значились под номерами, хотя сотрудники обычно давали им парные имена, например Фрик и Фрэк, Гог и Магог и так далее. С парой таких существ Стэн работал и раньше. Этих же звали Дам и Ди.

Стэн воспользовался воздушной разведкой, чтобы построить точную «модель» цели. Пока ее, в сущности, не было, а такая модель просто необходима для интерактивной шлемовой системы. Перед заброской на Землю он уже изучил все, что было известно о поместье, но этого оказалось мало.

Килгур занимался обработкой двух стареньких слуг, которые работали на Сулламору, когда промышленник пытался убедить сам себя, что рыбалка доставляет ему удовольствие. Это дало много сведений — не исчерпывающих, но достаточных, чтобы каждый член команды мог надеть шлем, настроенный персонально для него, и отработать «атаку». Движения каждого из них записывались и передавались Стэну. Хотя шлемы выдавали информацию с множества датчиков, результаты получались очень странные. Прорвать загрязнение... Почувствовать своими руками колючую проволоку. Преодо-

леть ее. Перебить охрану. Свернуть за угол... И все гасло. *Информации недостаточно.* Еще несколько метров, и воспроизведение возобновлялось.

К счастью, многоопытные в военных делах богомолы научились приспособливаться к этим не вполне совершенным имитационным системам. К тому же ситуация значительно улучшилась, когда стали доступны данные от Флезы, Ди и Дам и появилась уверенность, что создана действительно полномасштабная модель для реальных практических действий.

Сектанты откровенно скучали. Шли тренировки, и делать им уже было нечего. В сущности, они были невидимы — ни для наземного наблюдения, ни для воздушной разведки, в любом диапазоне волн. «Церемонии» сектантов не прошли напрасно. Они вырыли наклонный туннель глубиной около десяти метров, в конце его построили большую камеру. В ней хранилось оружие и имущество, привезенное на грависанях. Конечно, мало хорошего в том, что охранник заметил, как сани отъезжали, но ничего, бывает.

Теперь четверка выжидала.

Подземная камера служила пунктом сбора перед штурмом.

Было и еще два члена команды: н'ранья — огромные трехсоткилограммовые человекоподобные существа, которые стали лучшими артиллеристами империи. Во время Таанской войны, само собой, некоторые из н'ранья стали опытными, бесстрашными богомолами. Стэн был в восторге от таких сослуживцев. Они не только могли легко перенести в одной руке все необходимое для первой фазы штурма, но еще были и прекрасными оружейниками.

— Обезьяны? — удивился Махони, когда Стэн сказал, что он хочет использовать н'ранья. — Нет, парень, не сойдут. Да и за медведей их никто не примет.

Стэн все-таки придумал для них прикрытие. Сотни лет тому назад существовала абсурдная легенда о существе, называемом снежным человеком, или большеногом. По прибытии в Кус-Бей Стэн намеревался оживить эту легенду. А пока приказал двум мифическим монстрам притаиться, но оставить повсюду гигантские следы. Н'ранья выжидали, живя в лесистых горах неподалеку от Ампуа.

Стэн вернулся с прогулки в совершенно другом настроении. Похоже, поработали они недурно. Втайне он полагал, что шансы даже лучше, чем пятьдесят на пятьдесят. Все было готово. Потом неприятный холодок пробежал по пояснице и поднялся по спине. Погода? Возможно. Однако стоило в двадцатый раз продумать все детали плана.

За четыре дня до начала операции прибыли остальные сообщники Стэна. Их прибытие обеспечил сам Тайный совет.

Сообщники Стэна были имперскими журналистами. Члены совета требовали максимального освещения своей встречи. Они отобрали самых громогласных и в то же время самых немых псевдожурналистов, которых только смогли найти. Журналисты гарантировали, что будут превозносить любое коммюнике совета как Священное Писание. Настоящим же репортерам прибыть не разрешили.

Тайный совет был доволен явным интересом, проявляемым публикой к совещанию на высшем уровне. Они считали, что общественное мнение начинает поворачиваться вспять, и не понимали, что интерес-то вызван их уединенностью. Когда лидер скрывается в месте, которое журналисты окрестили «Розовым садом», все, что он говорит или делает, привлекает внимание — но нисколько не меняет мнения о нем.

«Пресса» устремилась на Землю. Тут же журналисты испытали первое разочарование: им не позволили проникнуть внутрь имения и предоставили жилье в наспех построенных бараках. Их начальство начало уже ворчать — где репортажи?

Да о чем репортажи-то? Ведь Тайный совет еще не прибыл. Обо всем — был ответ.

Настоящий репортер или обозреватель мог бы написать статью под названием «Что бы это значило?». Но не те жалкие писаки, которые прилетели на Землю. Они пыжились, отыскивая «колорит»: «Человеколюбие покойного Сулламоры», «Небольшое поместье на Земле, где он припадал к природе и вечному императору», «Жестокость его смерти» и так далее.

Это быстро осточертело, и борзописцы впали в безумие: «Красоты Орегона» (наверняка возрастет поток туристов), «Необычные земные создания», «Суровый народ морского побережья» и тому подобное. Нашелся осел, который вздумал взять интервью у Стэна. Тот с улыбкой уклонился.

Все гравитолеты — от развалин Сан-Франциско до полярных районов, — которые можно было зафрахтовать, были зафрахтованы и перевозили операторов, инженеров, репортеров... Имперская служба безопасности подтянула сюда все силы и не обращала внимания на данные космической, воздушной и наземной разведки где бы то ни было, кроме охраняемой территории. Конечно, зачем перегружать компьютеры безопасности незначительной информацией?

Оставалось тридцать шесть часов... Стэн начал действовать.

По радио было передано простое, лишённое всякого смысла кодовое слово. Махони получил его и понял, что команда на пути к цели. С этого момента и до окончания миссии связи с ударной группой не будет.

Сигнал нашел дорогу к холмам и руинам, и члены команды пришли в движение.

За одним исключением: Килгур. Холодок в районе поясницы Стэна все никак не проходил. Килгур был отделен от ударной группы. Вперед пойдут десятеро вместо одиннадцати.

Получив это сообщение, Алекс рассвирепел. Он стукнул рукой по столу, и двухдюймовая доска из твердого дерева раскололась. Его лицо рацветилось всеми цветами радуги, начиная с пурпурного.

— Почему? — вскрикнул он.

— Я хочу, чтобы ты был рядом. Это приказ.

— Не забывай, ты уже не адмирал, и я не офицер. А помещик Килгур из рода Килгуров требует — и получит — объяснений!

Стэн объяснил. Он чувствовал, будто кто-то заглядывает ему через плечо.

— Тогда вообще отложи операцию, — предложил Килгур. — Не могу я сражаться с дурацкими призраками-невидимками. Или давай изменим план.

— Времени нет, — сказал Стэн. — Ничего лучше я придумать не смог. А другой такой возможности не будет.

— Будет. Годом раньше, годом позже... — Потом он попытался зайти с другой стороны. — Ведь мое ружье в драке сделает больше, чем задница здесь!

Стэн не отвечал.

Алекс уставился на друга долгим взглядом.

— Такое сильное предчувствие, да?

Стэн кивнул.

— Ну, надеюсь, ты не ошибаешься, парень...

Килгур тяжело вздохнул и выбежал под дождь.

Стэн и другие проследовали в бункер в лагере императора. Особо «прикрытия» ни у кого не было — вся операция через сорок восемь часов завершится. В противном случае...

Днем раньше в атмосферу Земли вошел корабль. Его вход был рассчитан так, чтобы воспользоваться кратковременной неизбежной «мертвой зоной» для спутниковых систем наблюдения. Впрочем, «корабль» — не совсем верное определение; скорее два корабля, состыкованные вместе.

Неподалеку от орегонского побережья такшипы разъединились. Один из них сразу лег на дно на глубине более пятидесяти саженей. Его приборы должны были ретранслировать сигналы сердитого, взволнованного и теперь немного даже запаниковавшего Алекса, притаившегося на берегу.

Пилот второго корабля, также сперва покоившегося на дне, получил сигнал. Он всплыл и открыл входной люк. Тут же в него шмыгнули Ди и Дам, а несколькими секундами позже в люк плюхнулась Флеза. Она уже обследовала все, что можно было обследовать из воды, да и рисковать перехватом сигналов видеокамер Ди и Дама сейчас было нельзя, как бы ни требовались данные воздушной разведки.

Корабль погрузился под воду, а через некоторое время, этой же ночью, опять воспользовавшись «дырой» в зоне наблюдения, покинул пределы земной атмосферы.

Миссия была в самом разгаре.

Глава 11

Сенсор-передатчик был сродни идиоту с мегафоном. Его тайком установили на древний-предревний спутник, часть того космического утиля, который делает путешествия внутри системы и за ее пределами такими романтичными. За несколько дней до исторической встречи на борт спутника поднялся техник. Он сориентировал прибор, включил его, задержался на мгновение, подивившись примитивнейшей машине — дурацкому оптическому компьютеру, и был таков.

Прибор пока выжидал, игнорируя поток кораблей, приближающихся к планете. Не то. Слишком малы. И слишком мало.

Затем он словно проснулся.

«Корабли!.. Много кораблей... Много больших кораблей».

Сенсор-передатчик промычал свое сообщение дважды на обусловленной частоте и расплавился, превратившись в грудку пластмассы.

Стэн выключил приемник и швырнул его в кучу хлама в центре бункера.

— Наши клиенты идут. Пора и нам!

Команда схватила поклажу, включая длинные тяжелые цилиндры в пухлых рюкзаках, и направилась к наклонному туннелю. Все они были одеты в фототропную униформу, которая, ко всему прочему, давала и некоторую защиту от инфракрасных датчиков систем обнаружения.

Хавел нажал кнопку, и узкий луч осветил график движения спутников-наблюдателей.

— На полтора часа чисто. Потом спутник будет над нами.

— Все равно использовать верхнюю защиту,— распорядился Стэн.

Вальдива спросила:

— А эти... ммм... медведи, которых ты упоминал. Они в темноте видят?

Один из н'ранья разразился смехом.

— Нет. Но обнять их было бы интересно!

Обнять? Медведи были первыми в команде по силе. Не говоря уже о тех орудиях убийства, которые несли бойцы. Цилиндры с пусковыми установками и прицелами, плюс у каждого армейский нож, лучевое оружие одноразового действия, три типа гранат и «пушки»

в виде коротких бочонков, заряженные чрезвычайно мощными взрывчатыми пулями из АМ-2,— отличный аргумент в кабацком споре.

Стэн в последний раз оглядел их нору-укрытие. Через десять часов зажигательная бомба уничтожит лишнее имущество, пустые банки с сухим пайком, гражданскую одежду.

Все члены команды, кроме н'ранья, с тех пор как они прибыли на Землю, носили специальные мембранные перчатки, чтобы не оставлять ни малейших отпечатков пальцев. Их квартиры в Кус-Бее были тщательно вычищены. Даже анализ на ДНА ничего не даст.

Кроме того, у каждого члена команды на поясе был закреплен «датчик жизни». При любых изменениях в организме хозяина — таких, как смерть, — он должен был сдетонировать, не оставив даже трупа для вскрытия.

За исключением цилиндров, все это было нормальное снаряжение для любой миссии спецподразделения богомоллов.

Бригадир Мэвис Симс давала ту же присягу, что и Стэн. Но интерпретировать ее она предпочла по-другому.

Мэвис лишилась сна с тех пор, как вернулась с фальшивой военной игры, где была завербована заговорщиками. Пять поколений Симсов верно служили империи. Не зря фамильный девиз рода, правда немного смущавший своей крикливостью, гласил: «Верность до самой смерти». Ни один из Симсов никогда не нарушал его.

И теперь, очередной бессонной ночью, бригадир Симс приняла решение, что и она не отступит от этой клятвы.

Возбужденная атмосфера в комнате связи скоро сменилась унылой тоской. Военные техники нервно суеутились несколько часов, пока имперские корабли приближались к системе Хондзо. Когда началось маневрирование, члены Тайного совета заняли свои места — буквально в первых рядах.

На командира флота обрушился град выразительных команд. Ответы поступали краткие, похожие на боевые сводки.

Световую панель во всю стену сплошь усеивали мигающие красные и зеленые огоньки, отмечавшие продвижение флота.

Это было чертовски внушительное зрелище — вначале. Затем веками отработанная практика, совершенно необходимая для любой широкомасштабной операции, дала себя знать. И машина медленно завертелась. Медленно... Медленно... С бесконечными обратными отсчетами времени на каждом этапе.

Затем часы снова поставили на ноль, изготовившись для решающего момента.

К тому времени, когда флот замедлил свое движение, затаился и начал готовить наживку для Хондзо, Тайный совет, казалось, за-

был обо всем на свете. Уже не в первый раз за последние два часа Кайс сравнивал эту акцию с теми немногими военными фильмами, которые ему довелось посмотреть. Теперь он понимал, почему их создатели избегали даже малейшего намека на реальные события.

Судя по фильмам, военной верхушке для стратегического планирования и выбора цели требовалось примерно три минуты. Далее обычно следовала сцена «что все это для нас значит», в которой каждый герой размышляет о смысле своей жизни. Если герой ласковый и сердечный, то обычно он погибает. Если он злой и циничный, он должен в конце концов наверняка увидеть свет в конце туннеля.

Целые легионы кораблей бросались в фильмах в пламя молниеносных операций. Стандартный сюжет требовал моментальной победы, следовавшей за поражением, когда, казалось, все было потеряно. И наконец, отвага и хитрость героев побеждают всех врагов.

Кайс не любил фильмов. Но это шоу нравилось ему еще меньше.

Он слегка шевельнулся, когда маленький кораблик пересек невидимую линию, обозначающую начало территории Хондзо. В любой момент мог последовать громкий протест со стороны небольшого, однако хорошо вооруженного патрульного корабля, а вслед за тем и настоятельное требование покинуть территорию.

Было решено, что передовой корабль пропустит мимо ушей это предупреждение. Если он продвинется достаточно далеко, то патруль хондзо наверняка откроет огонь. А затем на беспомощных хондзо за их опрометчивость падет гнев имперского флота.

Шло время, а ничего не происходило.

Краа распорядились принести еще еды. Большой банкетный стол опустел уже дважды. Большую часть всего сожрали и выпили близнецы. Они ели до тех пор, пока кожа даже толстой Краа готова была лопнуть. Они извинились, так как худой надо было помочь доставить «сестрицу» в сортир. Послышались громкие рыгающие звуки. Затем обе вышли, сияющие и довольные.

Поначалу Мэлприн, Кайс и Ловетт чувствовали лишь отвращение. Но после второго такого случая в них, как ни странно, проснулся болезненный интерес к происходящему. Видимо, это зрелище было более захватывающее, чем то, что происходило сейчас на большой панели устройства связи.

Когда ожидавшие выбирали себе угощение, раздался трескучий голос. Голос хондзо!

— Центр — неизвестному кораблю. Пожалуйста, представьтесь!

Корабль не отвечал, и возбуждение в комнате связи разгорелось с новой силой. Каждый из пятерки в нетерпеливом ожидании подался вперед.

— Центр — неизвестному кораблю. Вы нарушили наши границы. Вернитесь! Повторяю, вернитесь!

И снова ответа не было, в точном соответствии с планом. Кораблик на большом экране неуклонно продвигался вперед. Техник, наклонившись к Кайсу, прошептал, что хондзо переходят от простых предупреждений к полной боевой готовности. В любой момент может быть пущена ракета.

Потом раздался громкий рев отчаяния — несмотря на все прогнозы, патрульный корабль отступал!

— Неизвестный корабль, — раздался голос командира хондзо, — берегитесь! Мы зарегистрировали нарушение нашего суверенитета. И об этом немедленно будет доложено соответствующим инстанциям!

— Что за чертовщина? — проворчала одна из Краа. — Почему эти ублюдки не стреляют?

— Чертовы трусы! — заорала другая. — Ну стреляй, ты, дерьмо! Огонь!

Несмотря на это ободряющее высказывание, хондзо предпочли поступить по-своему. Их корабль показал хвост и был таков.

Члены Тайного совета подавленно молчали. Несчастные техники испуганно озирались, ожидая, что сейчас им предстоит оправдываться.

— Что делать? — прошипел Ловетт.

— Ну и черт с ними! Все равно наступать! — заявила толстая Краа.

— Не знаю, — сказала Мэлприн. — Стоит ли? Я имею в виду, не меняет ли происшедшее наши планы?

Кайс считал, что меняет, — но уверен не был. В конце концов, они так близко. Патруль маленький, флот на месте. И совсем рядом — запас АМ-2.

В этот момент экран потемнел и дал совсем другое изображение. Встревоженные члены Тайного совета увидели лицо шефа корпуса «Меркурий» Пойндекса.

Он не попросил извинения за вмешательство.

— Меня предупредили, что команда заговорщиков-убийц в этот момент прибыла на место и готовится к удару. Господа, вы немедленно должны передать себя в руки сотрудников службы безопасности. Для паники причин нет. Если вы будете следовать нашим рекомендациям, все будет хорошо.

Члены совета затряслись, когда дверь с треском распахнулась и в комнату вломились сотрудники службы безопасности в масках. А затем пятерых правителей всего, чем раньше правил вечный император, как маленьких детей, увели в укрытие.

Где-то в удаленной системе Хондзо флот ожидал указаний.

Команда приближалась к имению покойного Сулламоры. Сначала они двигались быстро. На рассвете укрылись в речной пещере, которую точно указала Флеза, съели безвкусный обед и попытались заснуть.

Объяснялись они только на пальцах, даже шепота не было. Такие сигналы несли избыточную, очевидную информацию типа «Цель на земле», но помогали хоть как-то прорвать завесу молчания.

Теперь все, что было над головой, должно рассматриваться как враг.

Лишь только стемнело, они двинулись дальше. В десяти километрах от имения команда встретила первые пассивные датчики сигнализации. С помощью электроники датчикам быстро дали понять: «Ты ничего не видел!» — и команда пошла вперед.

Датчики стали попадаться чаще и более чувствительные. Но и их удалось успешно обмануть. Затем показалась старая дорога, по которой ходил патруль. Время его прохождения было точно зафиксировано Дамом и Ди.

Системы безопасности оказались до смешного просты. Протопапи пятеро патрульных — по всей видимости, богомолы. Опять пронесло. Один из н'ранья наклонился к Стэну и пренебрежительным знаком показал: «Хоть танцуй».

Снова вперед. В километре или около того от поместья Стэн обнаружил высотку с неплохим обзором и прекрасным укрытием от наблюдателей.

— Здесь. Встаем, — подал он знак.

Были открыты цилиндры и извлечены две ракеты. Внешне они походили на стандартное имперское вооружение. Малого радиуса действия, самонаводящиеся, автономные, класса «земля — земля». На деле это было не так. Жидкое горючее было заменено в них на меньшее количество медленно сгорающего твердого топлива — ракетам предстояло стартовать с очень близкого расстояния. Мощность заряда боеголовки увеличена. Механизм самонаведения тоже выброшен; освободившееся пространство занял дополнительный заряд. Оставлено место лишь для примитивной системы наведения, расположенной у хвоста ракеты.

Раздвинули телескопические стойки, соединили их в крестообразную пусковую установку. Артшулеры освободили свои рюкзаки. Каждый из них содержал катушку с двумя километрами тончайшей мономолекулярной проволоки. Один конец проволоки соединили с ракетой, другой — с установленным на штативе прибором ночного видения, снабженным небольшим джойстиком. Н'ранья были готовы.

Остальная часть команды сбросила фототропную униформу, под которой оказалась имперская военная форма, в точности такая же, как у гвардейцев, охранявших поместье. Стэн жестом направил их вниз, к подножию холма.

Кругом датчики. Заградительные барьеры, включая и архаичную колючую проволоку, и мины-ловушки. Охранники. Все просто. Никаких проблем. Не слишком ли просто?

Стоп. Сигнал — движение ладони вниз.

Не нужно. И так все ясно. Команда залегла. Прямо перед ними было последнее заграждение — и зона лагеря!

Теперь должна начаться кровавая баня — желательно, конечно, только для одной стороны.

В начале операции, когда Стэн нажмет клавишу на приборе связи, будет запущена первая ракета. Вторая пойдет следом через десять секунд. Стэн чувствовал (и не зря), что любая самая современная система наведения будет засечена и тут же блокирована, поэтому он и воспользовался примитивной. Ракеты наводились по проводам, которые тащили на себе Артшулеры.

От проводных систем отказались тысячи лет тому назад в связи с их явным несовершенством. У них было множество недостатков: надо, чтобы оператор оставался на одном месте и вел ракету до самой цели. Он должен находиться на расстоянии прямой видимости от мишени. Со стороны мишени его тоже могли заметить и принять меры.

Для Стэна это не было проблемой — он мог нанести ответный удар.

Проволока могла за что-то зацепиться или оборваться? Только не эта проволока.

Если ракета будет двигаться с большой скоростью, оператор может направить ее выше или ниже цели или, что еще хуже, позволить ей вообще выйти из зоны управления. Поэтому ракета должна быть медленной. Это дает противнику дополнительное время, чтобы обнаружить и уничтожить ракету, а заодно и ее оператора. Впрочем, Стэн надеялся на благополучный исход.

Сначала ракеты последовательно накроют территорию мишени, приведя к хаосу, пожарам и панике. Затем Стэн и его команда ворвутся в этот хаос с криками «Свобода!», готовые на убийство. Они должны лишить всех членов совета любой возможности выжить, а затем перерезать связь и вернуться на базу.

Прибор связи также подаст сигнал Килгуру; оставшийся на дне корабль всплывет и отправится к условленному месту встречи. А потом они все полетят домой и смогут от души напиться.

Ну, хватит мечтать, парень! Пошли.

Стэн нажал кнопку. Одна секунда...

Первая ракета стартовала и на бреющем полете пошла на главный дом поместья.

Три секунды...

Фэй Артшулер перебросила через проволоку «колбасный» заряд взрывчатки и дернула шнур подрыва.

Шесть...

Первая ракета «ползла» со скоростью всего двести километров в час.

Восемь...

Заряд сработал, образовав в проволоке целые ворота.

Десять...

Стартовала вторая ракета.

Стэн закричал:

— Гранаты!

Команда дружно выдернула чеки и швырнула гранаты на территорию поместья.

Тринадцать...

Стэн первым вскочил на ноги и бросился к дыре в проволоке. Возможно, это спасло ему жизнь.

Пятнадцать...

Взорвались гранаты. Гигантские вспышки распространили помехи в оптических и других диапазонах спектра.

Восемнадцать секунд...

Имперская служба безопасности захлопнула ловушку. Показались двое грависаней, громыхнули многочисленные атомные ружья. «Ракетчик» высунулся из своего бункера, следя за целью.

Двадцать одна...

Первой ракете Стэна оставалось четыре секунды до взрыва.

Датчики ядерных ружей грависаней обнаружили цель. Урановые пули прорезали воздух, и ракета была разбита вдребезги.

Двадцать четыре...

«Ракетчик» обнаружил пусковую площадку. Двадцать кассетных снарядов ушли в ночную тьму. Оба н'ранья исчезли в страшном взрыве. Вторая ракета, потеряв управление, взмыла вертикально вверх.

Двадцать девять секунд...

Пяткой ботинка Акаши наступил на мину, поставленную здесь менее часа назад. Ногу оторвало зарядом, а шрапнель скосила Монтойю. Близкий разрыв задел Стэна, подбросил его в воздух и швырнул назад, на проволоку. Обмякнув, он повис на ограждении.

«Датчик жизни» Монтойи сдетонировал пурпурной вспышкой в темноте.

Тридцать одна...

Высоко над головой Стэна взорвалась вторая ракета, не принеся никому вреда.

Тридцать шесть...

Пулеметы на грависанях нацелились вниз... Клацнули магазины, автоматически меняя боекомплект, и вновь открылся огонь на поражение. Ларри и Фэй Артшулеры были разрезаны почти пополам.

Тридцать девять...

Снайпер поймал в прицел бегущего Хавела... Нажал на спуск. Заряд АМ-2 пробил грудную клетку Хавела.

Сорок две...

Корум и Вальдива бежали зигзагами, уворачивались, стреляли... Пушки нашли их и уничтожили.

Стэн очнулся лежащим плашмя. Оглушенным. Дезориентированным. Он попытался встать на ноги, и рефлексы богомола взяли верх.

Стэн побежал вперед, перекатился через голову, для чего-то продолжая сжимать в руках виллиган. Разрывные пули прошивали пространство в нескольких сантиметрах над его головой, и он вынужден был вернуться в укрытие.

«Здесь безопасно, оставайся здесь, — приказывал ему разум. — Они тебя не увидят. Не найдут».

Тело отказывалось подчиняться.

Он вырвался из своей военной сбруи, выдернул чеку гранаты и вместе с одеждой швырнул назад, к проволоке. Взорвалась первая граната, от нее сдетонировали остальные.

Стэн поднялся. Побежал, спотыкаясь.

«Прочь! Ты проиграл. Шевелись!»

А другие?

«Какие, к черту, другие — они погибли! Выполняй мой приказ!»

Из дыма показался патруль из пяти человек. Поднять ружье. Прицелиться. Нажать на спуск — и в красное облачко врагов!.. Заряды АМ-2 прорвали колючую проволоку и уничтожили датчики сигнализации.

Вперед, за проволоку, раздирая кожу!

Шум воды. «Беги, черт побери! Тебе совсем не больно».

Береговой уступ. Прыжок — опасаясь камней, надеясь на воду.

Ни то ни другое! Удар об упругую преграду... Царапающаяся подушка из ржавой колючей проволоки.

«Где твой нож, парень? Режь!»

Нечем резать. Нож почему-то не выходил из своих «ножен», и Стэн всем телом с шумом кинулся вперед. В воду и дальше, через мель. Сзади кто-то стрелял. Брызнули пули.

«Глубже. Ныряй! Глубже! Задержи свое дурацкое дыхание. Зачем тебе кислород? Теперь на поверхность. Вдох, и опять вниз. Плыви, как только можешь. Позволь течению нести тебя. Прочь. Вниз по реке».

Он сунул руку в карман, нащупал крошечную коробочку, сорвал крышку и нажал кнопку.

«Плыви, ты же можешь! Вниз по течению. Там Алекс, он уже спешит к условленному месту встречи».

Стэн понимал, что ему не дойти.

Килгур в ожидании мерил шагами рубку. Шагать приходилось немного — не больше четырех шагов, и во что-нибудь упрешься... Такшип стоял на берегу реки в условленном месте. Входной люк был распахнут.

Приказ звучал четко и точно: оставаться на месте, пока до рассвета не останется один час или же пока не обнаружат. Если никто не

прибудет, уходить в океан, однако оставаться вблизи устья реки. Члены ударного отряда будут пытаться, если не сумеют достичь места встречи, идти к развалинам Ридспорта.

Неподалеку Алекс услышал адские звуки боя. Он в очередной раз проклял Стэна, но потом прервал поток ругательств, так как зажужжал прибор связи.

На экране появилось изображение территории мишени. Сразу за ее пределами мигал крошечный красный огонек — с реки. С самой середины, как показывала карта.

— Вот дьявол! — от души выругался Килгур.

Свет — и сигнал — передавал стандартный прибор тревожной сигнализации. Такие приборчики были у каждого члена команды, и каждый имел приказ воспользоваться им, только если не будет никакой возможности добраться до места встречи, — но уж никак не вблизи территории мишени.

И вот мигает огонек. Один.

Алекс увеличил изображение, чтобы разглядеть, есть ли другие. Ничего.

Его пальцы нащупали микрофон.

— Я — место встречи. Ко мне!

Молчание было ему ответом, хотя огонек продолжал мигать. Килгуру понадобились доли секунды, чтобы понять, что это ясный и четкий приказ действовать. Еще секунда, и он поднял корабль на Юкаве — будь проклят тот, кто заметит факел, — и двинулся вперед, вверх по реке.

Вспыхнул экран. Шесть грависаней!

Алекс убрал одну руку с рычагов управления и нажал гашетку. Грохнули пушки корабля. Такшип взвыл, цепляя верхушки деревьев леса, уже почти врезался в них, когда Алекс снова взял в руки управление. Он промчался сквозь падающие обломки грависаней, и тут из динамиков грянул голос:

— Неизвестный корабль! Немедленно приземлитесь, или будет открыт огонь!

Алекс был вынужден подняться из ущелья. Заложил крутой вираж и нажал клавишу «Общий залп» на панели выбора оружия. Залпом вырвались восемь ракет «Гоблин-19». Он еще нашел время отметить, что системы наведения этих антикорабельных ракет среднего радиуса действия активировались, и вернулся к панели управления. Затем снова спикировал в ущелье.

Отвесные скалы проносились мимо, и Алекс чуть не перелетел мигающий огонек и не попал в охраняемую зону их мишени. Он повернул корабль — стабилизирующие и навигационные жироскопы взревели от нагрузки, — вырубил энергию и перешел на двигатели Маклина. Высоко над головой рос гриб ядерного взрыва.

Алекс уже распластался на крышке люка. Прямо перед ним чуть выше по течению плавало неподвижное тело. Килгур вытянулся во всю длину и схватил шершавый комбинезон. Втащил тело на корабль, вернулся к рычагам управления и на полной мощности набрал высоту, прорвавшись сквозь ядерный гриб — все, что осталось от имперского военного корабля.

То ли помогла природная реакция Килгура, то ли везение шотландца, но корабль покинул планету, ворвавшись в космическую тишину на полной мощности двигателей АМ-2.

А в крошечной рубке лежал без сознания Стэн. Его мозг был почти отключен; да и тело, выполнив свой долг, тоже отключилось, ожидая ремонта.

Глава 12

Библиотекаршу и ее коллег занимали весьма печальные мысли: что им делать, когда — или, точнее, если — уедет их хозяин. Кто подумывал о самоубийстве, кто планировал полную смену профессии. Сама библиотекарша видела два варианта будущей карьеры: либо пойти работать в одну компанию по производству порнофильмов, либо стать наемным убийцей.

Ее работа внезапно превратилась в каждодневный кошмар.

Раньше ничего подобного не было. В сущности, когда она получила эту должность, ей все только завидовали.

Своей прошлой работой старшего библиотекаря крупного университета она была недовольна — не хватало времени для собственных научных исследований и публикаций, да и ее квалификация была избыточной для такой работы. И вдруг, как гром среди ясного неба, появился агент по найму — «охотник за головами». И предложил, как ей показалось, совершенно фантастическую работу — с жалованьем примерно втрое больше ее теперешнего.

— Вы не против переезда в другую систему?

— Нет.

Казалось, «охотник» был нисколько не удивлен, как будто знал о ней абсолютно все.

Предлагалась работа личного библиотекаря.

Женщина возразила — она не собиралась провести жизнь затворницей, зарывшись в пыльных архивах.

Ничего подобного, объяснил ей агент. Он предложил ей посетить планету Йонгджукл и поближе ознакомиться с новой работой. Оплаченный билет в оба конца. Он даже предложил сопровождать ее, но она отказалась. Библиотекарша была вполне привлекательна, и агент явно расстроился.

Библиотека занимала целый особняк и была единственным зданием на огромной территории. Но основной дом затмевал своими

размерами библиотеку. Уединенный, с более чем тысячей квадратных километров охраняемых земель. Апартаменты, предназначенные ей, были роскошны. Плюс имелся персонал: повара, уборщики, садовники.

Нельзя сказать, что библиотекарша находилась здесь в заточении. Ей предоставили гравитолет, а до ближайшего крупного города не более чем час-два лету. Свободное время? Сколько угодно, лишь бы это не вредило работе. Если ей вдруг понадобится помощь, она могла нанять столько сотрудников, сколько необходимо.

Компьютеры? Сканеры? Читающие роботы? Полный комплект. И регулярное представление новых моделей.

Она спросила, позволят ли ей продолжить свои собственные исследования. Несомненно. Сможет ли она принимать гостей? Если захочет. Однако, если выезжать за пределы территории, необходимо брать с собой прибор связи. Готовность к работе — круглосуточная, нужно быть готовой явиться по первому требованию. Конечно, это маловероятно.

Такое предложение казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой. Она чувствовала себя героиней какого-нибудь слащавого фильма.

В особенности потому, что в особняке никого не было. Никого, кроме обслуживающего персонала. И никто из них никогда не видел хозяина.

Когда библиотекарша вернулась в свой родной мир, то первым делом спросила «охотника за головами»: «На кого я буду работать?»

Мужчина объяснил. Особняк — и все его земли — являются частью фамильного имения. Чьего? Я не могу вам этого сказать. Но особняк должен оставаться у семьи и поддерживаться в порядке. А если нет, то уж поверьте мне на слово, дорогая, может рухнуть целая коммерческая империя.

Главой семейства является молодой наследник, продолжал агент. Возможно, вы никогда и не увидите его. Он чрезвычайно занят и предпочитает жить поближе к центру империи. Но это человек незаурядный. В один прекрасный день он может и объявиться. Один либо со свитой — в этих случаях он потребует абсолютной секретности. Агент пожал плечами. Должно быть, замечательно быть настолько богатым, чтобы вести такой образ жизни.

— А если я соглашусь на эту работу...— начала женщина.

— Вы можете заключить контракт на неделю, месяц или на год,— прервал ее агент.

— ...Должна ли я держать это в секрете?

— Совсе не обязательно,— ответил он.— Примерно раз в год разговоры вокруг поместья становятся излюбленной темой видеонОВОСТЕЙ планеты. Говорите все, что пожелаете,— скрывать тут нечего.

Обуреваемая смутными опасениями, она приняла предложение.

На протяжении одиннадцати лет жизнь ее была раем. Ежедневно поступало головокружительное количество материалов. По-видимому, неизвестный наследник выписывал все научные, политические и военные журналы в империи. Материал просматривался, аннотировался и большей частью отбрасывался компьютером-сканером, у которого, судя по всему, был совершенно изысканный вкус. Эта машина, как подумалось однажды женщине, словно была запрограммирована на обеспечение свежей информацией кого-то, только что восставшего из могилы.

Компьютер имел два системных модуля. Один из них располагался в опечатанной комнате, другой был в распоряжении библиотекарши. Опечатанная часть, как однажды стало известно женщине, содержала некоторую информацию, недоступную для остальной системы.

Ежегодно все файлы за истекший год удалялись. Затем машина все начинала вновь, собирая, анализируя и сохраняя.

Так продолжалось около пяти лет.

Но шесть лет тому назад компьютер вдруг изменил свой режим и начал сохранять все подряд. Библиотекарша заметила это лишь в конце года. И немного запаниковала. Может, она что-то сделала не так? Ей не хотелось терять свою работу. И не только потому, что она была счастлива в этом мире, встретив и полюбив прекрасных товарищей, но и потому, что ее публикации лились непрерывным потоком, на зависть намного хуже оплачиваемым и намного больше работавшим коллегам.

Человек на другом конце контактного телефона тревоги успокоил ее.

— Не волнуйтесь,— сказал он.— Продолжайте работать.

И она продолжала.

Но теперь несчастная библиотекарша совсем растерялась. Ведь, ко всеобщему изумлению, объявился наследник, существование которого, как она полагала, было просто мифом.

На небольшой посадочной площадке однажды приземлился маленький кораблик. Из него вышел один человек, а корабль немедленно улетел прочь.

Человека встретила охрана.

— Сэр, это частные владения...

А незнакомец произнес слова — те самые, по которым персонал надлежало узнать хозяина.

Никто не понимал, что ему делать, и каждый внутренне сжался от страха за свое место.

Прибывший попросил проводить его в дом. Он принял душ, переоделся и попросил что-нибудь перекусить. Затем позвонил и попросил показать ему библиотеку.

В большом зале он тактично сказал библиотекарше, что будет очень признателен, если она оставит его одного, но будет наготове. Потом отомкнул дверь в опечатанную комнату со вторым пультом управления компьютером. И началось безумие.

Казалось, наследник просматривал все, что было, и хотел еще большего. Библиотекарше пришлось нанять помощников.

Хозяин оказался чудовищно любознательным. И она снова подумала о нем как о восставшем из мертвых. Нет, поправила она себя. Он словно проспал целую вечность, как в тех древнейших звездных кораблях, которые летали еще до изобретения АМ-2.

Шло время. Наследник питался довольно скудно, спал мало, но впитывал в себя информацию, словно губка. Однажды, когда на мгновение дверь в зал была открыта, библиотекарша увидела перед хозяином пять экранов с непрерывно меняющимися изображениями, а шестой поток данных доносил ему синтезированный голос. Времени поспать не хватало даже штату библиотеки.

Затем внезапно все прекратилось. Человек вышел из комнаты, оставив дверь открытой, и сказал, что его клонит в сон. Библиотекарша сонно кивнула ему в ответ: мол, и меня тоже.

Он распорядился, чтобы она отключила систему. Женщина и ее столь же отупевшие ассистенты разбрелись по своим комнатам.

Библиотекарша заметила странную вещь, но осознала ее лишь несколькими днями позже. Когда она проходила через помещение, где стоял второй пульт компьютера, ей показалось, что машина отмечает файлы, а затем удаляет все подряд.

Впрочем, какая разница? Главное — поспать.

Человек выскользнул через неприметные ворота, и вскоре поместье осталось позади. Вдоль дороги стеной тянулась ограда территории особняка.

Он испытывал легкое сожаление. Компьютер сообщил, что, когда он исчезнет, персоналу будет выплачено большое вознаграждение, и за еще большую плату им предложат исчезнуть отсюда навсегда. Особняк, библиотека, служебные постройки через две недели будут разрушены до основания и снесены. Затем голые земли передадут в дар местным властям, чтобы они использовали их так, как им заблагорассудится. А жаль, красивое место. Впрочем, компьютер сообщил ему, что по империи разбросаны еще десять таких же.

Теперь он знал шесть лет истории. И все. Планов у него не было. Пока не было. Зато ему дали место назначения.

Позади человека вспыхнул свет. Его обгоняли скрипучие грависани, груженные продукцией ферм, предназначенной для рано открывающихся магазинов. Человек поднял руку.

Машина с шипением остановилась. Водитель выглянул и распахнул дверцу.

Мужчина забрался внутрь, и грависани взмыли в воздух.

— Чертовски рано для прогулки,— заметил разговорчивый водитель.

Человек только улыбнулся в ответ.

— Вы что, вкалываете на этого богатея из дворца?

И снова человек улыбнулся.

— Нет. С богатыми мы говорим на разных языках. Так, просто мимо проходил. Странник божий. Спасибочки за то, что подбросили.

— Куда же путь держишь?

— В космопорт.

— Я погляжу, багажа у тебя маловато для путешествия.

— Ищу работу.

Водитель насмешливо фыркнул.

— Ну, счастливо тебе, дружище. Только отсюда ни черта никто не летает. И сюда не прилетает. Невеселые времена для космодромной obsługi.

— Ничего, что-нибудь да найдется.

— Какая уверенность, надо же! Нравятся мне такие парни!.. Между прочим, я Винклорс.— Водитель протянул ладонь.— А ты?

Человек пожал его руку.

— Мое имя Рашид.

Он откинулся на шершавую пластиковую спинку сиденья и уставился туда, где небо было освещено огнями,— в сторону космопорта.

Книга вторая

Император

Глава 13

Через час после рассвета служба безопасности позволила пяти членам Тайного совета выйти из своих бронированных бункеров на окутанную туманом землю. Они уставились на воронки, оставшиеся от нападения, на два ряда укрытых трупов погибших охранников, на порванную колючую проволоку и поцарапанные шрапнелью здания. Они не могли видеть вершины холма, где тянулся вверх дымок от пусковой установки н'ранья. Не видели и такшипа Алекса, обрушившего радиоактивный след вслепую запущенных «Гоблинов» на поверхность Земли.

Четверо из них были в бешенстве — как такое могло произойти?

Пятый, Кайс, силился разобраться в своих чувствах. За все эти годы никто не пытался уничтожить его физически. Поломать карьеру и жизнь — сколько угодно.

Но — бескровно, в залах заседаний...

Они все были оскорблены. Кто и за что?

За яростью Краа, очень близко знакомых с физическим насилием, скрывалось коварство.

— Нам нужны главари. Ведь это заговор, а не забастовка какая-нибудь!

— Я согласен, — вставил Кайс.

— Настоящие главари подождут, — сказала тощая Краа. Она в точности поняла, на что намекала ее сестра. — До понедельника подождут, во всяком случае. Сперва надо расправиться с негодями, совершившими это злодеяние. Хондзо!

— К черту наш маленький кораблик, — проговорила толстая. — Сейчас у нас отличная причина для праведного гнева.

Ловетт, как всегда, подвел итог:

— Вот уж действительно заговор. Это намного хуже, чем любое нарушение границ каким-то там кораблем!

— Я отдаю приказ флоту,— заявила Мэлприн и скрылась в помещении.

— Правильно — кивнула одна из Краа.— Сначала захватим АМ-два. А потом передадим потихоньку всех, кто на самом деле пошел против нас.

— И их,— согласилась ее сестра,— и кое-кого еще. Хороший повод для генеральной уборки в доме.

Любопытное явление — получается, как будто некоторые формы и организации начинают жить своей жизнью, совершенно независимой от тех, кто дал им жизнь первоначально. Причем как уж сложилась их судьба с самого начала, так и не изменить ее до самого конца. Это же относится и к армейским подразделениям.

Прекрасный пример — Седьмая кавалерийская бригада. Бездарное командование сразу после образования части привело к колоссальным потерям в первом же бою. Затем на протяжении столетий Седьмую пополняли людьми и модернизировали — поставили на колеса, оснастили летательными аппаратами,— и все равно бригада была постоянно обречена на бездарное командование и регулярные поражения.

В качестве более современного примера можно привести имперский 23-й флот, коему надлежало атаковать миры хондзо и захватить их запасы АМ-2. Когда началась Таанская война, 23-й потерпел сокрушительное поражение, в основном из-за некомпетентности своего адмирала, которому, правда, хватило благородства пасть смертью храбрых на поле боя.

Был сформирован новый флот. Он воевал весь остаток войны, укомплектованный, в лучшем случае, весьма посредственно, и был известен в имперских службах лишь как любопытный пример возрождения.

По совершенно непонятной причине 23-й оставался в действии и после окончания войны, когда намного лучшие, более известные и удачливые подразделения были расформированы, а их боевые знамена пылились на складах.

Его адмиралом — в недавнем прошлом вице-адмиралом флота — был некто Грегор, сменивший на посту своего предшественника Масона, когда тот отказался выполнить приказ Тайного совета и был смещен с должности.

Как ни странно, оба командира, и новый и старый, сталкивались раньше со Стэном. Масон встречался с ним и в летной школе, и в особенности когда был командиром штурмовиков во время Таанской войны. Удивительный человек: ни капли жалости и сострадания ни к врагам, ни к своим собственным бойцам, но зато один из лучших руководителей, которых когда-либо имела империя.

Грегор начал свою военную карьеру с неудачи. Он обучался в школе гвардии вместе со Стэном, однако был признан негодным к службе, когда на посту командира тренировочной роты отдал приказ — строго по учебнику и совершенно неверно. Грегор вернулся в один из туристских миров, где его отец был далеко не последней шишкой. Старик повздыхал, а потом поставил очередную галочку в списке провалов сына и постарался подыскать ему такое место, где испортить что-либо просто невозможно.

Папаша Грегора оказался оптимистом. К началу Таанской войны Грегору было совсем невмогуту. Организацию, где работал, он развалил, семью разрушил... Банкротство на всех фронтах.

Но в военную пору империя принимала почти любого. Приняла она и Грегора — и даже присвоила ему звание.

В это время Грегор обнаружил путь к успеху: в первую очередь думай о приказах, которые получаешь. Если они не откровенно дурацкие, выполняй их беспрекословно. Пусть тебя считают твердым, непреклонным, даже жестоким. Никто во время войны не будет интересоваться обращением с военнопленными.

Вскоре Грегор стал продвигаться по службе. Он решил, что государственная служба — в особенности с его политическими связями, которые он старательно завязывал, — это то, что ему надо. И особенно в условиях недостатка АМ-2.

Он получил назначение в 23-й флот.

Масону, в действительности сильному человеку, хватило двух недель, чтобы догадаться, что Грегор не только некомпетентен, но и предназначен в будущем исполнить роль Кортеса, когда тот уничтожил ацтеков.

Он оказался прав. К сожалению.

Тайный совет тщательно выбирал, кому из адмиралов командовать атакой на Хондзо. В известном смысле выбор был сделан правильно. Масон выполнил бы приказ и использовал достаточно силы, чтобы убедить хондзо, что превосходит их и по численности, и по оружию.

Но близнецы Краа вдруг решили, что, в дополнение к другим талантам, у них открылись способности военачальников. Их концепция «хорошей тактики» была столь же искусной, как и путь, которым они разрешали трудовые споры в шахтах.

Масон подал в отставку. Чувствуя отвращение ко всему, он решил на длительный срок исчезнуть и помогал своим старым друзьям-отставникам ремонтировать древние военные космические корабли для музея. Этим он спас себе жизнь.

Секунды спустя после приказа Тайного совета Грегор послал 23-й флот в атаку.

Флот выглядел довольно внушительно, хотя часть вооружения была в нерабочем состоянии, ожидая запасных частей, которые ни-

как не подвозили. Сами корабли были укомплектованы процентов на семьдесят или того меньше.

Наступивший мир нанес тяжелый удар по вооруженным силам, в особенности по их персоналу. Тайный совет никого не принимал на службу, но поощрял каждого, кто хотел бы уйти. А хотели этого многие. Оставалась лишь небольшая горстка искренне преданных космическому флоту.

С другой стороны, трудные времена на гражданке заставили пойти во флот отбросы общества — тех, кто не мог выжить самостоятельно. К тому же люди были доведены до крайности. Жалованье им платили от случая к случаю, часто накладывались взыскания, а привилегии то назначались, то отбирались совершенно случайным образом. Мораль стала лишь словом в словаре между словами «мор» и «морда».

Для первой атаки были избраны десять миров — как пример политики устрашения. Два из этих миров служили «складами» АМ-2; на остальных восьми планетах стояли столичные города системы. Для обоих видов целей оружие и порядок боевого развертывания были одинаковыми.

Сначала «ковровая» бомбежка нейтронными бомбами центральных районов городов и пунктов управления «складами». Мгновенно ничего живого — и взрывами не будут повреждены запасы АМ-2.

Ни Грегору, ни членам Тайного совета в голову не приходило, что перед началом боевых действий не мешало бы объявить войну. Или хотя бы предупредить мирное население.

Грегор нанес массированный удар, чтобы вынудить врага сдаться. Тут и была первая его ошибка: он испепелил всех лидеров хондзо, способных вести переговоры с империей. Вторая ошибка: ему показалось, что он напугал хондзо до паралича. Неистовый гнев часто может быть поначалу принят за ужас.

Флот Грегора вышел на стационарные орбиты и расставил патрули вокруг складов с АМ-2. Затем они подвели захваченные корабли, которым надлежало образовать «космический поезд».

Совет недооценил запасы топлива. Конвой должен был растянуться по крайней мере на двадцать километров от головного «вагона» до «хвоста».

Кошмар начался, когда хондзо не смогли более терпеть.

Казалось, у них не было ни лидеров, ни генералов, а сопротивление ширилось. Рабочие, выписанные для погрузки АМ-2, похоже, все были заодно и готовы скорее умереть, чем работать. Они ломали все подъемные механизмы и транспортеры, саботировали роботов и компьютеры.

Грегор в отместку попытался взять заложников. Увы, на хондзо это не действовало.

Император смог бы объяснить Тайному совету, почему это происходит. Хондзо были практичными торговцами, но, прежде чем они поняли, что выгодно подписанная сделка может быть острее меча, им очень по сердцу приходились режущие предметы как средство разрешения спора.

В качестве рабочей силы на планетах-«складах» использовали ссаженных с кораблей хондзо. То есть практически высадили небольшие ударные силы — отряды, взводы, роты, нерегулярные подразделения. Началась односторонняя партизанская война. Имперские солдаты не могли вести огонь в лабиринте зданий — каждое здание представляло собой чудовищную бомбу. Хондзо не испытывали ни жалости, ни страха.

Сам флот был атакован теми патрульными силами, что были у хондзо, — легкими корабликами, управляемыми тремя отважными мужчинами или женщинами, с бомбой в грузовом отсеке. Камикадзе — «священный ветер» — начали действовать.

Казалось, все хондзо как один затаили дыхание и услышали из туманного прошлого слова: «Погибаю, но не сдаюсь...»

Это была осада... и в то же время не осада. Осаждающие прибывали — и гибли.

Битва... и в то же время не битва, а бесконечная серия убийств в темных переулках. Казалось, что способа остановить врага нет. Послать истребители, чтобы обуздать «нехороших ребят»? Хондзо атакуют и истребители. Паршивой космической яхты с кабиной, набитой взрывчаткой, достаточно, чтобы вывести из строя истребитель. Три, шесть, десять таких посудин...

Грегор взмолился о подкреплении. Однако подкрепления ему дать не могли.

Корабли были, и люди тоже. Они стояли в системе Аль-Суфи. Не хватало топлива. Лишь заправившись, они могли поддержать Грегора. А у Грегора топливо было — только не вывезти.

Кроме того, даже до системы Хондзо стали доходить слухи. Слухи из самой империи. Что-то там происходило. Хорошо всем известным руководителей вдруг снимали с должностей и отдавали под суд. Приходили слухи и о казнях.

Все, что могли делать палубные команды 23-го флота, — это вкалывать как бешеные и молить Бога, чтобы последний транспорт был загружен, пока они еще живы.

Мэвис Симс не ожидала награды за предательство своих бывших коллег-офицеров; просто выполняла свою присягу на верность империи.

Она понимала, что в лучшем случае ее карьера завершена, а друзья от нее отвернутся.

На деле было хуже. Цареубийство, даже попытка цареубийства имеет свои собственные законы, от следствия до наказания, законы, ограниченные только тем, сколько гуманности может себе позволить правитель. Робер Франсуа Дамьен, замученный и разорванный на четыре части лошадьми, был тому ярким примером.

Сам вечный император мало обращал внимание на состояние расследования после неудавшегося заговора Хаконе. А члены Тайного совета были куда менее святыми в этом вопросе, чем покойный правитель или, если уж на то пошло, стареющий Людовик XV.

Когда Симс решила раскрыть заговор Махони, она связалась с самым высокопоставленным офицером контрразведки, которого знала, и поведала ему о плане покушения. Где и когда. И не более того.

Что же случится потом... Она не могла себе представить. И не задумывалась об этом.

А случилось то, что Симс была арестована, а мозг ее систематически сканировали. Экспертам-«следователям» было неважно, выживет Симс или нет.

«...Так... Десять офицеров за столом. Записать лица. Знает ли Симс их имена? Записать имена. Следующая встреча. Так. Кто-то выступает. Кто?..»

Один из следователей узнал его.

— Черт побери, Махони! Но он же умер!..

«Продолжаем сканирование... Вечеринка... Черт! Та группа в углу не смотрит на нее. Лиц не видно».

— Вот дьявольщина! Это же опять Махони!

— А что там за коротышка в штатском за ним?

— Не знаю. Гляди-ка, он говорит, а Махони слушает.

— Запись звука есть?

— Нет. Симс только проходила мимо этой комнаты.

— Узнать все о коротышке. Всякий, кого слушает Махони, непременно должен попасть в поле зрения Тайного совета.

Когда все было кончено, около восьмисот из примерно тысячи заговорщиков и их помощников, присутствовавших на военной игре, были опознаны. Среди них Махони и Стэн.

И когда все было кончено, тело Мэвис Симс кремировали. Ее досье исчезло из имперских архивов. Оборвалась цепочка из пяти поколений верноподданных — в ночи и тумане.

Таково, между прочим, было условное название операции — «Ночной туман». Составили и размножили списки разыскиваемых. Заговорщиков надлежало взять силами не только сотрудников корпуса «Меркурий», но также и частными вооруженными отрядами членов Тайного совета.

Некоторые из заговорщиков уже были арестованы и публично допрошены. Некоторые из них под угрозой расправы с их близкими, а чаще просто напичканные наркотиками, признали, что заговор действительно организовали хондзо под предводительством генерала по имени Махони. Затем им позволили умереть.

Другие просто исчезали. Невинные или виноватые, все офицеры империи были запутаны до безумия. Все они знали, что может начаться операция «Ночной туман-2»; или «Ночной туман-3»...

В списке, составленном на основе сканирования памяти Симс, значилось восемь сотен имен. Позднее выяснилось, что убито было по меньшей мере семь тысяч.

У кого же нет врагов? Каждый из членов Тайного совета, кроме Кайса, решал свои собственные проблемы, когда список проходил через него, и число имен в списке росло.

Когда списки легли на столы сотрудников службы безопасности, которым было поручено заниматься поиском преступников, любому офицеру ничего не стоило добавить еще одно имя. Или два. Или шесть.

Конечно, случались и ошибки.

Детский писатель по имени Уайт, любимый и уважаемый, к сожалению, проживал в том же пригородном районе, что и отставной генерал Уэйт. В полночь в дом писателя ворвались. Писателя выволокли из постели и расстреляли. Жена писателя попыталась остановить убийц и тоже была застрелена.

Когда обнаружилась ошибка, командир отряда убийц, оперативник корпуса «Меркурий» Клейн долго смеялся и с удовольствием потом рассказывал о недоразумении друзьям.

Глава 14

Алекс увидел, как чудище подняло свою голову от подноса с мясом и налитыми кровью глазами уставилось на Стэна. Над кровавым лицом нависли гигантские брови. Существо вытерло запекшуюся кровь с губ длинной щетинистой бородой и ухмыльнулось каким-то своим грязным мыслям, обнажив при этом широкие желтые зубы.

Потом неуклюже поднялось на ноги, и доспехи заскрипели под весом многочисленного оружия. Чудище сделало три шага вперед, касаясь пола бугорчатыми волосатыми лапами. Оно было метровой толщины и весило не менее ста тридцати килограммов. В торсе высотой всего полтора метра таилась могучая сила. Мускулы этого создания, несомненно, были такими же твердыми, как у Килгура, несмотря на то что Алекс вырос в мире с необычайно большой силой

тяжести. Позвоночник чудища был искривлен, и туловище держалось на ногах, словно кривой древесный ствол.

Существо поднялось во весь рост, держа огромный рог, наполненный стретгом. Его рычание заполнило зал, словно взрыв небольшой бомбы.

— Клянусь бородой моей матушки! — прогреготало оно. — Не могу поверить!

Существо проковыляло к столу и нависло над Стэном. Хмельные слезы брызнули из зияющих дыр, которые бхоры называли глазами. Заплакав, словно лохматый ребенок, Ото прижался к Стэну. Его дыхание, разбавленное стретгом, казалось, могло содрать кожу с лица самого закоренелого космического волка.

— Я тебя люблю как брата! — прорыдал Ото.

Вождь бхоров повернулся к пирующим подданным и взмахнул своим рогом, выплеснув целую лужу, которая могла бы утопить маленького человека.

— Мы все любим его как брата! — громогласно всхлипнул он. — Скажите ему, братья и сестры. Или мы не бхоры? И будем скрывать гордые чувства?

— Нет! — раздался единый вопль более чем сотни собравшихся здесь воинов.

— Поклянитесь в этом, братья и сестры! — прогремел Ото, обращаясь к остальным. — Клянемся отмороженными задницами наших отцов — мы тебя любим, Стэн!

— Клянемся... — раздался ответный рев.

Ото бросился к Стэну и зарыдал.

Алекс вздрогнул. Он не завидовал такой популярности Стэна у этих существ.

В огромном зале было и несколько воинов-людей, разбросанных среди бхоров. Из всех пар восхищенных глаз, уставленных на Стэна — возвратившегося героя, — одна пара глядела на него с особым интересом.

Девушку звали Синд. Она была очень-очень юной и очень-очень красивой. Она была просто чертовски привлекательна. А кроме того, слыла мастерицей в наивысшем искусстве — искусстве убивать. Она была снайпером.

Ее бессменное личное оружие начинало свою жизнь обыкновенной имперской снайперской винтовкой, теперь уже ставшей редкостью. Винтовка стреляла стандартными пулями с АМ-2, но пули вытаскивались не лазерным лучом, а линейным ускорителем. Автоматически выбиравший мишень прицел переменной мощности определял расстояние до цели. Затем его можно было подстроить вручную, например, если выбранная цель прикрыта каким-то предметом. Такое оружие могло стрелять даже из-за угла. Винтовка никогда не по-

ступала в продажу и не шла на вооружение союзников империи. Синд приобрела ее на черном рынке, а затем усовершенствовала по своему вкусу — приклад был переделан под ее руку, вес ствола увеличен для лучшего баланса и меньшей отдачи, установлен двойной спусковой крючок, добавлена сошка и так далее.

Винтовка и сама по себе была тяжелой; усовершенствования Синд сделала ее еще тяжелее. Но, несмотря на свою изящную фигурку, Синд могла час за часом тащить ее по холмам и горам без видимых усилий. Невозможная, казалось бы, для обычного женского организма сила достигалась введением особых гормонов.

Основная проблема этой винтовки заключалась в том, что ее снаряжение, как и всякая другая форма АМ-2, было в настоящее время большим дефицитом. Поэтому Синд тренировалась с любым другим оружием, которое попадалось ей под руку, и могла выследить и уложить любого чем угодно, от арбалета до лучемета.

Как и большинство воинов-бхоров, она прошла тренировки по всем видам боевых искусств. На корабле, например, она была вахтенным офицером и испытала себя в нескольких боевых стычках.

Молодая женщина была из дженнисаров, точнее, из экс-дженнисаров. Дженны подчинялись строжайшим военным законам и служили ударной силой теократической монархии Таламейна, которая некогда с невероятной жестокостью правила планетами в созвездии Волка. Волчьи миры, теперь контролируемые бхорами, всегда являлись маленьким источником постоянных неприятностей вечного императора. Маленьким только потому, что эта система находилась на самых задворках империи. Впрочем, с точки зрения бхоров, они были не так малы. Их культуру быстро сводили на нет кровожадные дженны. Бхоры оказались на грани вымирания.

За много лет до рождения Синд далеко за пределами Волчьих миров было сделано важное открытие. Обнаружили новое месторождение империума-Х — вещества, которое могло экранировать АМ-2, а значит, и управлять этим стратегическим материалом. Однако пути грузовых караванов пролегли вблизи оживленных маршрутов людей Таламейна и его боевого отряда — дженнисаров. Одурманенные навязываемой им жестокой религией — поклонением Таламейну, — дженны стали затычкой в исключительно важной бутылке.

Стэн и Алекс руководили тогда командой богомоллов, посланной, чтобы вытащить эту затычку. В последовавшей кровавой разборке Стэну в конце концов удалось воспользоваться брешью в геополитике, столкнув друг с другом двух конкурирующих первосвященников. Погибли оба.

К ужасу Стэна, в результате объявился третий религиозный лидер, настолько же сильный, насколько и вероломный. Он был еще и знаменитым героем — воином, аскетом, философом, что притягивало фанатиков даже больше, чем преклонение перед Таламейном.

И вдруг этот новоявленный лидер объявил последователям, что он сам и есть Таламейн, затем разоблачил свою собственную религию как погрязшую в грехах, призвал народ к миру... и потом покончил с собой!

Весьма удачный поворот событий. Впрочем, удача в этом случае была обеспечена жестокой атакой на оплот «пророка», за которой последовала тщательно продуманная Стэном беседа с глазу на глаз, а также инъекция гипнотического препарата в вену, после которой «пророк» был запрограммирован на покаянную речь и последующее самоубийство.

С неохотного благословения вечного императора Ото и его бхоры были признаны новыми хозяевами Волчьих миров.

Многие историки до сих пор согласны, что это было проделано просто блестяще. Бхоры позволили другим существам думать и говорить все, что они захотят, лишь бы это не мешало жизни созвездия Волка и не разжигало новой вражды.

Как ни странно, несмотря на свои древние корни, религия Таламейна потерпела крах, когда пала власть пророка. Помогло тут и то, что зрелище двух дерущихся «богов» было настолько смехотворным, что это поняли даже крестьяне, возделывающие дальние земли.

Дженнисары же стали крестоносцами без креста. Они пришли к новому, мирному образу жизни, но одновременно и стыдились, и гордились своими древними традициями.

В такой семье и выросла Синд. Предания старины ей рассказывали тихонько, в семейном кругу, среди старинного оружия, украшавшего стены, а временами и громко, на сборах всего клана, которые проводились в уединенных местах.

Синд выросла на старых традициях, она была из тех прежних дженнов, у которых в крови кипела любовь к оружию. С детства девочка презирала обычные игры других маленьких дженнов. Игрушечное оружие было ее любимой забавой. Видеокниги о великих битвах и героических подвигах волновали ее куда больше, чем волшебные сказки.

Так что не удивительно, что, когда Синд выросла, она пошла добровольцем в армию бхоров. Да, к старым врагам своего народа... но ничего лучшего просто не было.

Ее инстинктивное умение обращаться с оружием быстро завоевало симпатии бхоров. Теперь, как только где-нибудь разгорался конфликт, требующий вмешательства вооруженных сил, Синд была среди первых добровольцев — и брали ее тоже среди первых. На ее молодость скидок не делали. Скорее всего, это даже было плюсом, поскольку Синд любила схватки больше, чем стрегг, то могучее и злое зелье, к которому давно пристрастился Стэн, а затем, с его подачи, и вечный император. Бхоры поощряли увлечение юной Синд и хвалили ее на своих грандиозных пирушках и пьянках.

Когда бхоры пьяно плакали и поглаживали своего явно смущенного друга, Синд с обожанием глядела на великого Стэна. Ведь подвиги именно этого человека восхвалялись на попойках бхоров более, чем чьи-нибудь еще. Не было такого бхора, который прошел бы мимо Стэна, не бросив восхищенного взгляда или замечания, даже если он и не имел к тем событиям прямого отношения. Истории о великих свершениях пересказывались вновь и вновь, и каждый раз Стэн и Алекс озарялись все большей и большей славой. Особенно Стэн.

Он оказался моложе, чем представляла себе Синд; она ожидала увидеть седого бородача, полного степенного достоинства. Правда, он оказался и более красивым.

Ото отошел в сторону и беседовал с Алексом Килгуром. Синд заметила, как Стэн рассеянно оглядел комнату, и подумала, что никогда не встречала такого одинокого человека. Девушка всем сердцем почувствовала те воображаемые ужасы, что были у него на душе. Ей захотелось поговорить со Стэном, успокоить его.

Взгляд Стэна скользнул мимо нее... а затем... О боже! Он взглянул на нее!

Лицо Синд вспыхнуло. Как жаль, что взгляд его не задержался!.. Смог бы он понять, чего она стоит? Понял бы, что единственная ее страсть — верная подруга, дальнобойная винтовка? Наверняка понял бы. Великие воины, подобные Стэну, прекрасно разбираются в таких делах. Синд решила, что им каким-то образом обязательно надо встретиться. Она вернулась к еде, не подозревая еще, каким ужасным недостатком может быть молодость.

Алекс осушил свой рог и позволил Ото вновь его наполнить. Хотя бхоров отвел его в сторонку и начал пьяно расспрашивать. Сильно беспокоит его настроение Стэна, сказал Ото; печаль Стэна так глубока, что Ото бессилен развеять ее. Он сказал Алексу, что, напомнив Стэну их первую встречу, получил в ответ лишь слабую улыбку. Бхоры тогда раздали пленных дженнов по всем кораблям и казнили их древней затейливой казнью бхоров.

— Помнишь лицо того дженна, когда мы запихивали его в пусковую трубу? — спросил Ото. Алекс помнил. — Клянусь косматой бородой моей матушки, это была забавная картинка! Его рожа так и перекосилась от страха! Ну и помучили мы его тогда здорово! А потом кишки наружу выпустили и душу на небеса отправили. Эх, славы денечки были!

Он хлопнул Алекса по спине своей лапищей, словно полутонной дубиной. Даже Килгур чуточку рассердился. Но прежде чем Ото подумал, что и Алекс разделяет мрачные мысли Стэна, тот расхохотался во все горло, вспоминая эти кровавые времена.

— Так что же с нашим Стэном-то, а? — спросил Ото. — Огня в нем прежнего что-то нету. Покажи мне существо, которое обидело нашего брата, и клянусь тебе, мы прикончим его!

Алекс был бы счастлив, если бы все было так просто и проблемы Стэна разрешались бы с помощью старинного бхорского благоговения. На самом деле приятнее было думать о кишках, плавающих в космосе, чем разделить хотя бы наименее мрачные из мыслей, мучивших Стэна с тех пор, как они улетели с Земли.

Килгур мчался так, словно врата в рай закрывались, а за ним по пятам гналась толпа демонов.

Это не слишком большое преувеличение. Если бы Алекс не действовал так быстро, их не только бы нашли, но и схватили.

Килгур наплевал на осторожность и законы физики. Его такшип закладывал такие виражи, что каждый сустав отзывался мучительной болью. Он использовал все свои уловки и по пути изобрел несколько новых, чтобы избежать обнаружения. Ускользнув, он передал Махони быстрое «Рви когти!» и затаился, растаяв, словно призрак. Махони должен был сам о себе позаботиться.

«Этот мужик привык и не к таким переделкам!» — подумал Алекс, хотя и не без симпатии. Махони ему нравился. Впрочем, кроме надежды, он ничем не мог помочь маршалу. Если все они останутся живы — а это, надо сказать, очень проблематичное «если», — у них было куда отступать, точка встречи на случай опасности. Не на Поппаджо. Они согласились, что если их миссия будет провалена, то не стоит испытывать судьбу дважды в одном и том же месте. Но пока очень сомнительно, что все это может пригодиться.

Килгур полагал, что ярость Тайного совета будет так велика, что они не пожалеют средств и пойдут на все, чтобы загнать их в угол. И он был прав. Так где же им спрятаться, куда приткнуться? Для подобного укрытия требовалось два важнейших элемента. Во-первых, их там никто не должен искать. И во-вторых, что еще важнее, — если кому-нибудь и взбредет в голову искать, их со Стэном не должны выдать.

Чтобы вычислить такое место, много времени не понадобилось. Стэн тут был не помощник. Что поделаешь, парень совсем раскис. Алекс пристегнул его ремнями к койке в крошечном лазарете корабля и запустил программу «Травма». Медицинские приборы тут же зажужжали и засвистели. Звуки были ужасно назойливыми и мешали сосредоточиться. Но в конце концов, пока такшип метался туда-сюда, скрываясь от погони, приборы стихли. Килгур заглянул в лазарет. Бледность Стэна несколько спала, но он все еще был без сознания — бедный парень.

Наконец Алексу пришлось в голову замечательное укрытие. Вряд ли на свете нашлись бы другие существа, которые были бы в большем долгу перед Стэном. И он взял курс на созвездие Волка — к бхорам.

Где-то на полпути Стэн уже мог встать на ноги. Собеседником он, конечно, был тем еще. Каменное лицо. Не говорит ни слова. Иногда Стэн будто бредил — невнятно бормотал.

Поначалу Алекс думал, что все это потому, что Стэн еще только на пути к выздоровлению. Но затем компьютер лазарета сообщил ему, что дальнейшего лечения не требуется. В конце концов Алексу пришлось признать, что душевная рана, которую получил его друг, гораздо сильнее физических. Она-то и вывела его из строя.

У него не было ни малейшего представления, что с этим делать и даже как заговорить со Стэном на эту тему. Он просто стиснул зубы и оставил все как есть.

Затем однажды Стэн сам заговорил. Они тогда обедали — в полной тишине. В последнее время у Стэна появилась привычка за едой взглядом утыкаться в свою тарелку. Не говоря ни слова, не глядя по сторонам. Пища для него потеряла свой вкус и была лишь топливом, необходимым организму. Краешком глаза Килгур наблюдал за товарищем.

Стэн сунул в рот какой-то кусок. Пожевал. Проглотил. Еще кусок. Механический процесс. Вдруг он прекратил жевать, его лицо потемнело от ярости. Стэн выплюнул пищу, словно это был яд, вскочил на ноги и выбежал прочь, громко хлопнув дверью.

Алекс решил не обращать на это внимания. Он выждал некоторое время, а потом прошел в каюту товарища. Дверь была распахнута, и Стэн расхаживал взад и вперед, растрачивая энергию злости. Алекс подождал за дверью, пока он немного успокоится. Стэн увидел его, остановился, затем встряхнул головой.

— Прости меня, Алекс,— сказал он.

Килгур решил клянуть на приманку и встряхнуть Стэна по мере сил.

— Давно пора! — воскликнул Алекс с притворным раздражением в голосе.— Он, видите ли, прощения просит, черт!

И продолжал раззадоривать Стэна.

Оказывается, тот испортил ему, Алексу, обед. И вообще такой ужасный компаньон, что довел бедного Алекса до мыслей об убийстве. Или самоубийстве. Он ведет себя как мальчишка, заявил Алекс, и пора бы уже взяться за ум, который еще остался, задуматься, как он измучил других, например своего самого давнего и дорогого друга Алекса Килгура.

В начале своей затеи Алекс чувствовал себя распоследним дерьмом — кусая парня, которому и без того тяжело. Но потом его вдруг осенило. Ведь Стэн обратился к нему, черт возьми! Значит, ему надо поговорить.

Впрочем, Стэн и не слушал. Его голова склонилась вниз, а кулаки сжались так, что побелели костяшки пальцев.

— Я провалил дело,— просипел Стэн.— Из-за меня они все погибли!

— Ага! — кивнул Алекс.— Но ведь всякое бывает. Не первый раз. И не последний.

Килгур понимал, что не давало Стэну покоя. Теперь, когда товарища наконец прорвало, Алекс попытался представить их действия в перспективе. Он говорил о других заданиях, которые провалились, оставив после себя горы трупов. Он напоминал о куда худших временах, когда они были свидетелями, а зачастую и инициаторами намного большего количества смертей.

Алекс понимал, что говорить все это Стэну — все равно что плевать против ветра. Но должен был попытаться.

Конечно, не в том дело, кто виноват. Более чем шесть лет тому назад Стэн принял решение оставить карьеру военного. Таанский конфликт обошелся неслыханно дорого — как по жизням, так и по деньгам; вообще по всему. Даже на их собственном совершенно незначительном уровне. Стэну и Алексу пришлось пожертвовать столькими жизнями, что отвратительный вкус крови будет всегда их преследовать. Стэну настолько опротивела роль мясника, что он не только решил подать в отставку, но и порвал отношения с единственной семьей, которую он знал, — армией.

Примерно те же соображения определили и решение Килгура. Но у него был Эдинбург, была семья и старинные друзья.

Усугубляющим фактором явилась добровольная ссылка Стэна. Неважно, что и там он продолжал упорные тренировки; он не мог не связывать вину за провал операции с тем, что вышел из формы. Следовало отговорить Махони от идеи поставить его во главе штурмовой группы, помочь Яну найти кого-нибудь еще — не такого усталого и ожесточенного.

Алекс выложил все это Стэну. Он его уговаривал. Он проклинал его. Ничего хорошего не выходило. Да и как могло выйти? Алекс понимал, что в подобном положении и он чувствовал бы себя так же.

Молчание продолжалось. Продолжалось всю оставшуюся часть полета. И потом тоже.

Синд исправно посещала многочисленные пиры, которые бхоры устраивали в честь вернувшихся героев войны с дженнами. Она не знала, что главной причиной этих банкетов была неуклюжая попытка Ото развеять тоску Стэна и положить конец его самобичеванию. И все же девушка не могла не заметить, каким мрачным выглядел Стэн, каким безразличным ко всему окружающему, словно в глубине души постоянно терзался такими муками, которые нормальному существу и представить-то трудно. Ей это казалось ужасно трагичным — и романтичным.

Наконец она набралась смелости разделить возвышенное одиночество Стэна. Поразмыслив, как лучше подать себя, Синд купила новый костюм — настолько откровенный, что ей становилось не по себе от одной мысли, что он будет висеть в ее шкафу. Когда она все же надела его и взглянула в зеркало, то готова была загородить-

ся простыней, чтобы не видеть себя в нем. Она приукрасила свое и без того безукоризненное лицо самой дорогой и экзотической косметикой, какую только смогла достать, и в довершение всего побрызгалась духами; как гарантировала ей продавщица, мужчины просто падают к ногам женщины, лишь только почувствуют этот изысканный запах.

Синд снова осмелилась предстать перед зеркалом. Господи, просто дешевая уличная шлюха!.. Если это и есть то, что нужно мужчинам, то они... они должны... Она так и не придумала, что же они должны, но была уверена, что с такими мыслями можно дойти до чего-то действительно ужасного.

Ну и черт с ним! Пусть принимает ее такой, какая она есть.

Синд долго стояла под душем и соскребла всю эту оскорбительную краску. Затем выбросила пошлую вещь, которая так позорила ее гардероб. Вместо этого выбрала одну из своих лучших униформ; пошитая из материала, похожего на кожу, она выглядела так, будто чудище, которое прежде носило эту кожу, было выведено специально для юного и прекрасного тела Синд.

Ее лицо было свежим и блестящим после душа, а щеки пылали от дерзких мыслей, которые проносились в голове.

И снова Синд поглядела на себя в зеркало. О, хорошо! Вот это должно подействовать.

На самом деле она и не могла прийти к более верному решению. У Стэна однажды уже была любовница из этой части империи. Ее звали София. Прекрасная девушка стремилась любой ценой попасть в столицу, ко двору. Стэн помог ей добиться цели. Прошло довольно долгое время, пока он и София не встретились вновь во время приема, устроенного Марром и Сенном.

Косметика и парфюмерия, которыми пользовалась Софи, не сильно отличались от тех, которыми пользовалась Синд, разве что были намного дороже. Что касается платья, то София не носила вообще ничего, кроме разбросанных кое-где золотистых блесток. Увидев такую красотищу, Стэн сделал то, чего она менее всего ожидала, — сломя голову помчался в объятия лейтенанта полиции, некоей Лайзы Хейнз, женщины, которая была намного больше ему по душе.

Синд знала, что этот пир будет полуофициальным, то есть перед обычной обжираловкой выстроится торжественная линия встречающих для приветствия почетных гостей. Используя все свои связи, вымолив одолжение у знакомого бхора, она добилась места в конце строя.

Ото пригласил Килгура и Стэна в зал и повел вдоль строя. Поработав начальником личной охраны императора, Стэн отлично разбирался во всех тонкостях дипломатических приемов. Он жал каждому руку, заглядывал в глаза и мило улыбался — улыбкой слабой,

но вполне удовлетворительной. Затем переходил к следующему встречающему.

К тому времени, когда очередь дошла до Синд, Стэн уже торопился к столу. Он одарил девушку небрежным рукопожатием, улыбнулся и приготовился двигаться дальше.

Синд задержала его руку. Только лишь на мгновение, которого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание Стэна, но не рассердить его. Он неожиданно заметил, что смотрит на необыкновенно милую девушку в военной форме, с лицом, свежим, как сама природа, глазами ясными и невинными и трезвым серьезным взглядом, свойственным лишь наивной юности.

Синд второпях заговорила, чтобы успеть высказать Стэну все, пока он не двинулся дальше:

— Адмирал Стэн, знакомство с вами — величайшая честь для меня. Я изучила в подробностях ваши действия во время войны с дженнисарами и должна признать, что в восторге от вашего военного гения и личного мужества. Вы для меня непререкаемый авторитет и пример для подражания.

Стэн не сразу нашелся.

— Спасибо,— наконец проговорил он. И собрался идти дальше. Но Синд еще не закончила.

— Вдруг у вас найдется свободная минутка,— продолжала она.— Я буду очень признательна, если вы сумеете долю ее уделить мне. У меня столько вопросов, которые надо вам задать. Да их на моем месте задал бы любой воин. Впрочем...

Затем она улыбнулась своей лучшей улыбкой — той, которую никак нельзя назвать жалкой, а, напротив, которая озаряет все комнаты. Не нужно было пристально присматриваться, чтобы понять, что тут подразумевалось нечто большее. На месте Стэна только мертвец не сообразил бы, что эта юная леди считает его весьма привлекательным и очень даже не против разделить с ним постель.

Теперь он уже не улыбался. Напротив, он от всего сердца поблагодарил ее и спросил имя. А получив ответ, пообещал, что обязательно вспомнит ее и будет счастлив с ней встретиться — конечно, если будет время. Напоследок он вновь улыбнулся девушке слабой грустной улыбкой. Этим он хотел сказать: увы, откуда ему, времени, взяться?..

Только потом он двинулся дальше. Пока Стэн дошел до своего стола, он уже почти позабыл ее — но не совсем. Хотя девушка и была очень юной, Стэн-то был не каменный. Он был польщен. Казалось, даже походка его изменилась и шаги стали легче.

Синд наблюдала за уходящим Стэном. На ее взгляд, встреча прошла прекрасно. Все получилось, как ей хотелось. Миссия выполнена. Приглашение сделано — и принято.

Теперь главное — сделать так, чтобы у Стэна *нашлось* время.

Стэн метался во сне, тонкая простыня опутала ему ноги.

Во сне он возвратился на Вулкан, когда семнадцатилетним дэ-линком прятался от социопатрулей барона Торесена. Стэн прятался с Ороном, вождем малолетних преступников. Он страшно устал от долгого и напряженного бега.

И вдруг почувствовал, как стройное тело скользнуло на мягкий матрас... Бэт! Ей тоже семнадцать. Нагая и очаровательная, стремящаяся к нему. Прелестная. Такая прелестная!..

Стэн задохнулся в глубинах своего сна и вдруг ощутил в руках податливое извивающееся тело. Что за черт? Он пристально взгляделся. Конечно, это не Бэт... Но она очаровательна!

Девушка застонала и прижалась к нему. В какой-то момент Стэн почти ответил ей. Он все еще был погружен в свои сны. А сны вдруг стали явью — поэтому он и не сопротивлялся.

«Кто же это, в конце-то концов?» Он вдруг припомнил юную наивную девушку в строю встречающих. Как там ее?... Синд? Э, парень! Берегись, адмирал. Она не из тех, с которыми переспал и забыл. Такую в постель только затащи, начнет права потом качать. Красивая, ласковая... Да, но... Никаких «но», болван! Дело-то серьезное. Зачем тебе лишние обязательства?

И Стэн отстранил-таки Синд. Она начала было возражать, но он мягко прикрыл ей рот ладонью.

Путь, который она выбрала, — не самый лучший. Он, конечно, польщен и уверен, что Синд — самая прекрасная из женщин в империи, но он сейчас не в том положении, чтобы начинать какую бы то ни было связь. Так что, хотя он не забудет этого момента до конца своих дней, Синд все же придется забрать свою одежду и уйти.

Не сразу, но Синд подчинилась. Когда она ушла, Стэн в сердцах трахнул кулаком по подушке. Этой ночью он так и не смог заснуть. Только терзали его уже не кошмары проваленной операции.

Что же касается Синд, она, безусловно, была задета. Да что там, оскорблена в лучших чувствах! Однако влюбилась еще сильнее, как никогда. Он так уважительно относится к ней, что нашел в себе силы отказаться от ее ласк!.. В мечтаниях девушки Стэн перешел из ранга героя в ранг божества.

«Ничего, еще придет мое время, и результат будет совсем иным», — утешала себя Синд.

Килгур не присутствовал на этой встрече, но подготовил ее он. Ото был проинструктирован и почти трезв.

Вождь бхоров попросил Стэна прогуляться с ним возле небольшого озера в красивой долине неподалеку от его резиденции. Место было выбрано не случайно — озеро являлось памятником жертвам бхоров в войне против дженнов.

Прогуливаясь вокруг озера, Ото вроде бы хотел попросить совета Стэна, как ему быть дальше с созвездием Волка. И так же не случайно, что все планы на будущее он связывал с изобилием АМ-2. Его собственной идеей было напомнить — с безжалостными подробностями — о тех невзгодах, которые испытывали жители Волчьих миров во время правления «этих придурков из Тайного совета». Чрезвычайные лишения вызваны не только сокращением запасов АМ-2 (как полагал Ото, подстроенным умышленно Тайным советом), но и всеми бедами, связанными с прекращением добычи и экспорта империума-Х. Ото также не преувеличивал, говоря, что предвидит время, когда Волчьи миры как культура перестанут существовать, и это может произойти через год или около того, не позже. Планетные системы будут отпадать одна за другой, пока все они не станут одиноки, как в древние времена, когда никто не мог наверняка сказать, есть ли еще где-нибудь жизнь за пределами атмосферы.

Стэн слушал внимательно — и не только из вежливости. Все, что говорил Ото, было правдой. Хотя Стэн и не знал, что тут можно поделаться.

Когда они обошли вокруг озера, Стэн заметил, что его поверхность странно мерцает. Такого он еще никогда не видел. Дно озера словно состояло из гигантских черных плит, отполированных до зеркального блеска. На поверхности плит заметны были какие-то оспины. Поначалу Стэн даже не разобрался, в чем дело, и решил, что это водоросли. А потом вдруг понял — имена! Имена погибших бхоров, увековеченные здесь их братьями и сестрами, отцами и матерями, любимыми и друзьями.

Когда Стэн осознал, что означает это озеро, он почувствовал, как к глазам подкатывают слезы.

Ото сделал вид, будто ничего не замечает.

— Буду откровенен, друг мой, — проговорил вождь бхоров и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Для меня не секрет, как ты страдаешь. Сказать тебе, что это обычное страдание старого солдата, — не поможет. Сказать, что это не более чем честолюбивая обида за прошлые операции, которые многие годы проходили без сучка и задоринки, — тоже бесполезно.

Вот еще одно глупое сравнение. Должен тебе признаться: к сожалению, не все бхоры избирают славный... ммм... путь воина.

Стэн приподнял бровь, но удержал свои мысли при себе.

— Был у меня дядя. Портной. Только не улыбайся! Клянусь замороженной задницей моего папаши, не было на свете живого существа, которое любило бы так работать с одеждой, как тот самый дядя, о котором я говорю. Прошло много лет. Приятных и полезных лет. А потом у него стали болеть руки. Суставы пальцев покры-

лись большими нарывами. Такими толстыми и болезненными, что работать он уже не мог. Ты понимаешь, какой трагедией было это для моего дяди?

Стэн кивнул. Он понимал.

— Что ему следовало делать? Прекратить работу, которая доставляла ему столько радости? Или залить глаза проклятым стреггом и пить до тех пор, пока не отступит боль,— и только тогда продолжать свою работу?

Стэн ответил, что дядя наверняка выбрал последнее. Он знал, что стрегг, названный в честь древнего врага бхоров, имеет свойство заглушать боль.

— Тогда ты ошибся! — проревел Ото. — Он этого не сделал. Он все бросил. И умер — ожесточенным и разбитым. Это проклятие и стыд нашей семьи. Клянусь, никому и никогда я в этом не признавался!.. Ну разве что по пьянке. Но трезвым, клянусь тебе, я никому этого не говорил. Никогда!

Стэн начал чувствовать себя дураком. Его друзья разговаривают с ним, как с малым ребенком! Что ж, может, они и правы. Может, он действительно нуждается в хорошей встряске. Бедняга Ото так старается.

— Так чего же тебе надо? — в упор спросил Ото.

— Что? — растерялся Стэн.

— Чего ты хочешь? Эти... твари, которые сидят теперь на месте императора. За ними должок. Или они не враги тебе? Или они не заслужили твоей ненависти? За что ты их жалеешь-то? Убей их!

— Уже пробовал, — нерешительно проговорил Стэн.

— Ну так попробуй еще! Не будь таким, как мой дядюшка.

Стэн хотел сказать, что убийство, по сути, ничего не изменит. И не решит — по крайней мере, для него. Но он не знал, как объяснить это своему грубому и неотесанному другу.

— Ты хочешь больше, чем просто смерти? Так, что ли? — спросил неожиданно его грубый и неотесанный друг.

Стэн задумался. Чем глубже он задумывался, тем больше злился.

— Они убийцы, — прошипел он. — Больше чем убийцы. Когда они убивали императора, они же убивали всех нас. Скоро мы все будем жить как скоты. Будем сидеть у пещеры и колотить камнем о камень, чтобы добыть огонь.

— Хорошо. Ты разозлился. А теперь подумай, как свести счеты.

— Свести счеты — это не то, что я хочу.

— Клянусь бородой моей мамы, мы к этому еще вернемся. Но чего же ты хочешь, скажи! А потом погрузимся на мои корабли и посмотрим, как их души полетят к дьяволу в ад!

— Я хочу... справедливости, — в конце концов промолвил Стэн. — Я хочу, черт побери, чтобы каждое существо в империи знало о пре-

ступлениях Тайного совета. Их руки в крови. Справедливости я хочу, черт возьми. Справедливости!

— Лично я в справедливость не верю, — мягко произнес Ото. — И ни один настоящий бхор не верит. Эта красивая сказочка создана для других, более слабых существ, которые ищут высшей правды, потому что их собственная участь ничтожна. Но у меня широкие и терпимые взгляды. Если справедливость — твое лакомство, наложи и мне тарелочку, поедим вместе. Давай решай. В каком виде ты представляешь эту твою справедливость? И клянусь от мороженым задом папаша, если ты опять полезешь в кучу эмоционального навоза, я лично тебе ноги выдерну. Одну за другой.

Стэн не нуждался в такого рода уговорах. Внезапно он вдруг осознал, какой же справедливости ему хочется.

— Готовь корабли, дружище! — сказал он.

Ото восхищенно заревел:

— Клянусь длинной косматой бородой моей матушки, это для нас счастье! Выпьем за их души в аду!

Глава 15

Компьютер был мечтой бюрократа. Как центру хранения информации, ему не было равных на общедоступном рынке. Но самое выдающееся его качество заключалось в методе поиска информации.

Руководитель исследовательской группы пришел к Кайсу с предложениями еще десять лет тому назад. Кайс провел тогда с группой четыре месяца, выдав все мыслимые возражения и целый шквал «но» касательно теоретических пределов машины. Однако он не нашел ни единого изъяна.

Тогда Кайс отдал приказ запустить проект в производство. Он был настолько дорогим, что в другое время Кайсу пришлось бы искать компаньонов, чтобы разделить риск. Конечно, такая идея какое-то время у него была. Но новый компьютер в случае успеха принес бы такую громадную прибыль, что Кайс отбросил мысль о партнерах.

Еще более важным, чем прибыль, было потенциальное влияние. Компьютер был единственным в своем роде устройством и так основательно запатентованным, что ни одно юридическое лицо даже мысли не могло допустить о его копировании без риска — нет, без полной гарантии — проиграть состояние, репутацию и благополучие армии юристов Кайса.

С самого первого момента Кайс знал, что новая машина сможет заменить целую систему, которую обычно использует каждое правительство в империи. А условия продажи будет диктовать он и только он.

Как только компьютер запустят в производство, его, Кайса, влияние будет расти так же быстро, как и его богатство. В конце концов, только одной компании — его компании! — будет позволено производить обслуживание и периодическое усовершенствование. Короче говоря, посмей стать на пути Кайса — и твоя бюрократическая система рухнет. Само государство пойдет у него на поводу!

Почти каждое действие любого общественного существа порождает запись. Вопрос: что делать с этой записью, чтобы другие смогли ее просмотреть в случае нужды? Если запись — одна-единственная, никаких проблем — положи ее под камешек, пометь его, и тот, кому дадут указания, сможет ее найти.

Но документы плодятся быстрее, чем тараканы. Первобытные люди быстро исчерпали наскальное пространство для рисунков и вышли из пещер, пергаменты с записями заполнили библиотеки, клерки так набивали архивы, что лопались ящики картотек, и даже теперь, в современной империи, данные переполняли память самых больших компьютеров.

Но и это еще не самая сложная проблема. Всегда можно добавить новые банки данных. К тому же современные системы ушли далеко вперед от волоконной оптики, так что быстрое действие машин тоже не помеха.

Однако есть еще одно препятствие, преодолеть которое не смог никто: как найти один маленький байт информации, скрытый в такой ее массе? По слухам, в легендарной Александрийской библиотеке работало несколько сотен служителей, чтобы отыскивать в шкафах свитки, которые заказывали ученые посетители. Проходили дни и даже недели, пока находился нужный свиток. Ученым это явно не нравилось, так как приезжали они, как правило, с нищенским бюджетом. Их многочисленные горькие жалобы пережили даже пожар, который уничтожил библиотеку. А ведь это было в далеком прошлом, когда люди знали не так уж много.

Во времена Стэна эта проблема выросла в таких пропорциях, что могла привести в замешательство математиков-теоретиков, размышлявших об основах Вселенной.

Рассмотрим вот такой маленький пример: проклинаемый всеми интендантский сержант получил приказ улучшить рацион команды новобранцев. Их моральный дух упал до такого уровня, что сержант сам попал под пристальное внимание командиров. Были даны рекомендации — много-много рекомендаций, и все их надлежало выполнить. Одна из таких рекомендаций касалась наркопива. Но не просто любого наркопива. Его командир припомнил одну марку — имя которой уже стерлось из памяти — с каким удовольствием они глотали это пойло перед победоносным сражением сотню лет назад или даже раньше!

Вот такой был намек. И ничего больше.

Сержантик бросился действовать. Запустил свой верный компьютер. И дал задание найти проклятое пиво. Список, который он получил, наверняка содержал и марку, любимую его командиром, — захороненную в миллионе или даже больше вариантов, и не было никакого способа ограничить поиск. Не давать же командиру пробовать каждое из них на вкус, проведя за этим занятием несколько жизней. Хотя и приятное, это решение, очевидно, было невыполнимо.

У компьютера Кайса здесь вообще не возникло бы проблем. Ведь его проектировали с учетом того, что человеческий разум имеет свои пределы. Компьютер действовал очень запутанным путем, с большими и малыми скачками логики... Впрочем, любое простое объяснение принципа его действия заранее обречено на неудачу.

В основном он был обучен действовать как шахматный мастер в игре против талантливого новичка. Мастер, готовя ходы вперед, просчитывает тысячи вариантов ответа оппонента. Но в единственной игре вполне вероятно, что победит дилетант. Его ограниченные способности в данных обстоятельствах могут стать для него плюсом. Мастеру с тем же успехом стоит бросать кости, чтобы определить, на какую дурацкую уловку собирается пойти этот тупица.

Детище Кайса вызвало бы командира или, по крайней мере, требовало бы все документы на него. Была бы задана целая серия вопросов: краткая биография, некоторые подробности той давнишней пьянки, например, и обязательно медицинская экспертиза для определения реакции вкусовых рецепторов. Вуаля! Марка нарковида установлена, боевой дух поднят. Сержант вернул к себе прежнюю благосклонность начальства. Счастливый конец благодаря современным электронным средствам.

Когда Кайс продемонстрировал сэру Лаггута, председателю комиссии по АМ-2, свое детище, тот был счастлив. С такой машиной можно отследить даже путь блуждающего электрона в полете сквозь звездный шторм.

Следующее сообщение, однако, так же быстро ввергло Лаггута в пучину отчаяния.

— Забудьте про АМ-два, — сказал Кайс. — Меня это не интересует.

Лаггут возразил: мол, задачу поставил перед ним Тайный совет! Более того, все будущее империи зависит от запрятанного вечным императором золотого запаса АМ-2! Даже когда рейд на Хондзо будет завершен, трофейное топливо только отсрочит неизбежный кризис максимум на семь месяцев — не считая расходов топлива, которые неминуемо потребует осуществление кражи само по себе.

— Вы что, еще не выучили урок? — спросил Кайс. — Секрет императора умер вместе с ним. Нам никогда не удастся раскрыть его. По крайней мере, тем путем, которым мы идем.

Затем он поведал Лаггуту, какое он принял решение.

Лаггут отчаянно протестовал. Он подумал, что Кайс сошел с ума, хотя вслух ничего подобного предположить не осмелился. Однако заявил, что немедленно должен доложить остальным членам Тайного совета и получить их разрешение на прекращение поисков и начало новой работы.

Кайс не взорвался, не стал угрожать Лаггуту или ругать его. Вместо этого он просто вызвал служительницу. Через мгновение та появилась, толкая перед собой тележку, нагруженную бумагами. Это была копия доклада, который не так давно Лаггут делал перед Тайным советом. Доклада, в котором он сообщил, что АМ-2 будет обнаружена в течение тринадцати месяцев.

Кайс прохаживался по комнате, пока Лаггут глазел на свой доклад и обдумывал свои многочисленные грехи.

— Вам не хотелось бы изменить выводы в этом докладе? — спросил в конце концов Кайс.

Лаггут промолчал.

— Есть у меня команда моих собственных людей, чтобы заняться этим. Они найдут все это... интересным, — добавил Кайс.

Губы Лаггута дрогнули. Он хотел что-то ответить, но снова промолчал. Да и что он мог сказать? Каждая страница доклада была выдумкой. Он мог тогда назвать срок и два месяца, и шесть... Или вообще — никогда.

— Так попробуем поработать вместе? — промурлыкал Кайс.

Безупречная логика! Сэру Лаггуту пришлось изменить свое мнение.

Старушка была восхитительна. Длинные волосы спадали до самой талии. Она просто излучала здоровье. Ее высокий пронзительный смех особенно очаровывал Кайса, потому что звучал даже после самых слабых его шуток. Причем звучал совершенно без фальши.

Несмотря на почтенный возраст, который исследователи оценивали лет в сто пятьдесят, фигура ее была хороша и оранжевые одеяния отнюдь не висели на ней, как на вешалке. Если бы Кайс происходил из рода людей, то, наверное, нашел бы ее очень привлекательной. Впрочем, откуда ему знать о таких вещах?

Звали главу секты вечного императора Зоран.

Зоран и ее группу уже довольно давно разыскивали люди Кайса. Это была нелегкая задача. Большинство сектантов жили обычной жизнью и занимались обыкновенной работой, одевались и в основном вели себя как и все остальные. Единственное их постоянное отличие — настроение: они всегда были веселыми и жизнерадостными. Казалось, нет таких препятствий и неприятностей, которые в состоянии их расстроить. Шеф маленькой частной армии Кайса утверждал, что, если будет вдруг объявлен немедленный конец све-

та, сектанты беззаботно рассмеются и отправятся по делам: натянут оранжевые одеяния, скинут башмаки и пойдут по улицам, в последний раз проповедуя свою чудную веру.

Зоран разъясняла Кайсу некоторые тонкости святого учения, не переставая все время улыбаться:

— О, мы, конечно же, не считаем, что вечный император — Бог. (*Усмешка.*) Или, по крайней мере, подобие Бога. (*Усмешка еще шире.*) Скорее он эмиссар, понимаете? (*Опять усмешка.*) Представитель Высших сфер.

Кайс поинтересовался, что это за Высшие сферы.

— Очень хороший вопрос. Они везде, я так полагаю. (*Смешок.*) И они священны. (*Тридцать секунд непрерывного смеха.*) Конечно, это общее представление. Его можно принимать, а можно и не принимать. Если вы принимаете его — можете их увидеть. В вашем разуме. А если нет... (*Снова долгое хихиканье.*) ...тогда вы, конечно, вообще ничего не увидите.

Кайс улыбнулся — первая его настоящая улыбка за целую вечность.

— Похоже, я один из тех слепых, — сказал он.

— О нет. Не совсем. По крайней мере, не полностью, — промолвила Зоран. — Иначе мы бы с вами не разговаривали.

Кайс был этим озадачен. Откуда в ней такая уверенность?

Его убеждения пошатнулись. В какой-то опрометчивый момент он почти что поверил ей.

И все же не поверил.

— Конечно, могут найтись такие, кто скажет, что вы собираетесь нас использовать. — Во время очередного смешка Кайс вздрогнул. — Но как вы бы это сделали? Все, что у меня есть, — это бренок. — Зоран драматически скользнула руками вниз по своим одежам, подчеркивая отличную фигуру. — И оно заполнено восхищением Высшими сферами. (*Слабая улыбка.*) Пользуйтесь, если хотите. (*Улыбка пошире.*) Более чем достаточное удовольствие для каждого.

— А не станет ли удовольствие еще больше, — спросил Кайс, пытаясь не быть слишком льстивым, — если, подобно вам, станут верить многие?

В этот момент Зоран не усмехнулась. Она изучала собеседника взглядом острым и ясным.

Кайс почувствовал себя подопытным кроликом.

— Вы правы в своих предположениях, что мои чувства не так уж далеки от ваших, — продолжал он. — Я ничего не знаю о Высших сферах. И о богах или божьих посланниках. Но я действительно верю в одну вещь. Очень твердо верю. В то, что вечный император все еще с нами.

Наступила тишина. Затем Зоран быстро проговорила:

— А почему вам так необходимо верить в это?

Кайс не ответил. По крайней мере, не ответил прямо. Он приготовился завершить разговор с женщиной.

— Вы перестали смеяться.— Все, что он сказал ей.

— А что у вас было на уме, когда вы хотели помочь другим услышать наши мысли? — поинтересовалась старуха.— Деньги?

Кайс сказал, что это могли бы быть деньги и на ее счете.

— Временное пособие?

Кайс ответил, что, как член Тайного совета, он действительно в состоянии оказать такую помощь.

— Чего же вы хотите взамен? — спросила женщина.

— Только того, что вы дали бы мне и без этой поддержки,— сказал Кайс.— Мне нужна информация. Я бы хотел, чтобы меня извещали, когда любой из ваших членов — неважно, в каком месте империи он находится,— встречается с императором.

— Вы правы,— кивнула Зоран.— Никто из нас не будет скрывать такого рода информацию. Это ведь то, в чем мы пытаемся убедить других, не так ли?

Вопрос ответа не требовал.

— Вы будете завалены информацией,— промолвила она через некоторое время.— Наша религия, если можно так выразиться, зачастую привлекает многих индивидуумов с... скажем так, с буйной фантазией.

— Я понимаю,— сказал Кайс.

Зоран посмотрела на него долгим взглядом. Затем позволила себе разразиться своим диким, звонким хихиканьем.

Сделка была заключена.

Кайс продолжал раскидывать свои сети в мутных водах — и вглядывался во тьму, все еще надеясь уловить хоть отблеск большой серебристой тени вечного императора, мелькнувшей в пучине. Занятие было мучительным и бесцельным.

Он очень напоминал теперь умирающего от голода, покупающего на последние гроши лотерейный билет. Надежда на успех операции казалась вполне безвредной. По крайней мере, хоть на время можно было забыться в мечтах. Но эта надежда являлась лишь тоненькой оболочкой горькой пилюли.

Кайсу было не привыкать контролировать себя. Он прекрасно понимал причины своего подавленного настроения и поэтому спешил. Пока его коллеги неистово занимались кровопусканием у себя дома и в мирах Хондзо, он все фишки поставил на другую, секретную игру.

Лишь единственную фишку он оставил для подкупа некой личности, потенциально самой сложной и опасной из всех: полков-

ника Пойндекса, шефа корпуса «Меркурий». Но в конце концов определив, какова будет цена, Кайс ни секунды не колебался.

Лицо полковника застыло в холодной маске, как и тогда на экране, когда он объявлял о раскрытом заговоре. Пойндекс напряженно вслушивался в каждое слово Кайса. Он не моргал, не улыбался и даже не сдвинулся со своего места.

Кайс осторожно коснулся своих личных надежд, а затем подкрепил их логическими выводами. Император, как известно, уже исчезал — он не сказал «умирал» — ранее. И всегда возвращался. Аналогичная история с АМ-2: подача прекращалась, когда властитель погружался в небытие, и возобновлялась, когда он появлялся вновь. Этот факт отмечен в документах, и отмечен как группой Лаггута, так и компьютером Кайса. Крупные исторические изменения в подаче АМ-2 точно соответствовали по времени легендам и мифам о смерти императора.

Кайс закончил и вернулся на свое место. Выражение его лица было таким же неприступным, как и у шефа разведки.

— А я-то думал: зачем вы встречались с этой Зоран? — сказал Пойндекс. — Сейчас мне понятно.

Кайс сделал вид, будто не удивлен тем, что Пойндекс, видимо, постоянно следит за каждым членом Тайного совета. Он был в курсе, что подобные реплики — одна из любимых уловок полковника: нанести решающий удар, казалось бы, самой обычной фразой.

— Вот и мне показалось, что вас это озадачило, — парировал Кайс. — Поэтому я решил с вами побеседовать.

Он намекал, что знает о такой «опеке» и за опекунами, в свою очередь, следят. Ложь, но ложь искусная.

Полковник понимающе кивнул.

— К сожалению, — нарочито разочарованно начал Пойндекс, — я не вижу, как бы я смог вам помочь. Возможности моего департамента... — И снова показное разочарование. — Боюсь, вы их переоцениваете.

Пойндексу не было необходимости вдаваться в подробности о страшной ответственности его ведомства и о дополнительных трудностях, возникших в результате таких вещей, как обернувшееся катастрофой предсказание, что хондзо будут безопасными противниками.

Ловетт незамедлительно подвел бы итог словам Пойндекса. Сделка — если она будет совершена — потребует дополнительных расходов и привлечения большого числа специалистов. Кайс же собирался пригласить к сотрудничеству одного, и только одного. Он надеялся, что цена будет столь высока, что никто, даже шеф разведки, не сможет устоять.

— Я со своими коллегами долгое время обсуждал это, — сказал он. — Мы согласились единодушно в том, что некоторые взгляды

и мнения совершенно не представлены в Тайном совете. Короче говоря, мы ощущаем недостаточно полную осведомленность.

Пойндекс приподнял бровь — первое проявление его эмоций. Видимо, потому, что глава разведки понятия не имел, куда клонит Кайс. Он немного раздраженно заставил свою бровь встать на место, словно кот, расправляющий сердито вздыбленную шерсть.

Кайс остался доволен. Пойндекс подвластен контролю. Все в порядке.

— А что бы вы сказали, — произнес Кайс, — если бы я предложил вам стать шестым членом Тайного совета?

И с удовольствием наблюдал, как мастер шпионажа, разинув рот, стал похож на вытащенную из воды рыбу!

Глава 16

Сэр Эку парил над кромкой озера. Солнце было жарким, и восходящие потоки влажного воздуха от мемориала бхоров позволяли ему летать без особых усилий: легкое подрагивание крылышками для устойчивости, взмахи кончиком трехметрового хвоста для того, чтобы не терять из виду маленькое существо, прогуливающееся перед ним по траве.

В большинстве других случаев манаби в аналогичной ситуации был бы счастлив. Теплый воздух и солнце очень приятны, вид кругом — великолепный. Он оценил — как это может только манаби — контраст своего темного тела с красными крыльями и снежно-белыми чувствительными усиками на фоне зеркальной поверхности озера с берегом из мелких камешков и густыми сине-зелеными лужайками.

Сэр Эку весьма неохотно согласился на эту встречу. По его мнению, дальнейшее сотрудничество с любым из выживших заговорщиков не только бессмысленно — быть свидетелем трагического провала маршала Махони, — но и чрезвычайно опасно. Однако отказаться от приглашения было так же, если не более, рискованно.

Одно неосторожное слово от заговорщиков, умышленно или совершенно случайно оброненное, может впутать в это дело и манаби, независимо от их роли в предыдущем заговоре. Нетрудно вообразить, какова будет реакция Тайного совета. А именно воображение приносило манаби самую большую радость — и самые крупные неприятности.

Стэн прилагал все силы, чтобы выглядеть невозмутимым и ни в коем случае не показать собственной неуверенности, хотя чего-чего, а этого было предостаточно. Он уже угрожал неделю на предварительные переговоры с сэром Эку. Дипломатия — безумно сложное искусство. Все, что знал и умел Стэн, пришлось пустить в дело. Пер-

вые дни они без конца прощупывали друг друга, ходили кругами, осторожно пытаясь сблизиться. Уйма дискуссий — и ни одна из них не затрагивала существа вопроса.

Уверенности в своих силах не способствовал и тот факт, что Стэн имел дело с самым выдающимся и опытным дипломатом из расы эфирных существ, которые, даже еще не выйдя из детского возраста, считаются виртуозами по уклонению от прямых вопросов.

Перед приездом сэра Эку Стэн много советовался с Килгуром и Махони. Даже теперь два его друга прикладывали все усилия, чтобы запустить основную часть плана в действие. Оружие, амуниция, топливо и запасы были давно собраны, бхоры все знали наизуток, а терпение Ото подходило к концу. Когда Стэн произнес: «Готовь корабль», то вкладывал во фразу довольно символический смысл. К тому времени, когда он объяснил это понимавшему все буквально вождю бхоров, Ото уже был готов срываться с места с горсткой бесшабашных головорезов и на первом попавшемся кораблике мчаться в бой.

Самоубийство — это больно, убеждал его Стэн. В конце концов до воинственных бхоров что-то дошло, и они чуть-чуть успокоились.

Стэн почувствовал большое облегчение, когда удалось разыскать Махони. После семидесяти пяти лет работы шефом корпуса «Меркурий» Яну не составляло большого труда на много шагов опережать своих преследователей.

Махони не сидел на месте. На несколько дней он «ложился на дно» в тщательно выбранном укрытии, затем выныривал, чтобы оглядеться и узнать, что происходит, и снова переезжал, пока не возникли подозрения. Когда наконец Стэн и Алекс нашли его с помощью старого приятеля-контрабандиста Ена Вайлда, их бывший шеф сменил уже больше десятка укрытий и легенд. «Чем чаще передвигаешься, — всегда говорил Ян, — тем меньше подлинности требуется от фальшивых документов».

Бывший командир Стэна тотчас увидел ценность его плана. Ключевыми фигурами здесь были манаби с их незапятнанной репутацией и честностью. Без их согласия план будет иметь намного меньше шансов на успех. Однако, в свете предыдущего катастрофического поражения, Махони убедил Стэна самому вести переговоры; он, мол, может вступить в игру позже. Стэн согласился — скрепя сердце. В одном он не сомневался: каков бы ни был результат, он не откажется от своего плана. И все же сэр Эку отчаянно нужен.

Сегодня настал решающий день. Все или ничего. Цель его была проста и не требовала абсолютной победы. Достаточно вбить клин и открыть такую щель, чтобы проблеснул лучик удачи.

Для решения поставленной задачи Стэн видел только один путь. Надо было привлечь внимание манаби.

Еще подходя, он сделал приветственный жест и опустился на колени в траву. Затем разместил на земле маленький черный кубик, аккуратно сдвинул его грани и отодвинулся назад.

Кубик начал раскрываться. При этом воздух всколыхнулся — сэр Эку подлетел поближе, невольно заинтригованный.

Стэн не поднял глаз. Вместо этого он продолжал увлеченно следить за разворачивающимся кубом. Представление начинается, господа!

Куб превратился в небольшой голографический дисплей: очень близкая к реальной жизни форма искусства, которой Стэн увлекался большую часть жизни. То, что он выбрал в качестве подарка для дипломата манаби, не являлось в полном смысле слова шедевром. В свое время Стэн воспроизводил целые древние города и заводы, с движущимися рабочими и жителями, проживавшими свои запрограммированные жизни. На создание же этой голограммы ушло не более шести часов, хотя, конечно, Стэн был уже большим мастером в своем хобби.

Нельзя сказать, что самая сильная сторона голодисплеев — изощренность или точное копирование действительности. Иногда они привлекают формами и красками, гармоничностью движений, поэтичным смыслом...

В подарке для сэра Эку не было ни первого, ни второго, ни третьего.

Кубик исчез, и на его месте появилась лужайка — своеобразная арена, окруженная деревянными скамьями, на которых сидели толпы аплодирующих зрителей. Они были одеты в земные костюмы начала двадцатого века, и, если прислушаться, можно было услышать их комментарии. По толпе туда и сюда сновали торговцы, предлагавшие самые разнообразные угощения и напитки. Тут и там проказничали компании маленьких оборванцев. Но все это было пустяком по сравнению с маленьким странным предметом, который возник в центре.

Внезапно предмет вздрогнул и выплюнул облачко дыма. Последовало отрывистое «трах-тах-тах».

Стэн почувствовал, что манаби еще приблизился. Чувствительные усики пощекотали его плечи, когда сэр Эку почти уселся на него, чтобы лучше видеть происходящее.

Услышав первые звуки, подростки перестали безобразничать и помчались к заборчику, окружавшему поле.

Еще одно «трах-тах-тах», и все стало понятнее. Старинный летательный аппарат готовился подняться в воздух. Спаренные крылья были соединены стойками, короткими и толстыми. Прочный маленький пропеллер спереди. Крошечный пилот сидел в открытой кабине. Такой же маленький механик в комбинезоне крутанул ру-

ками пропеллер. Когда раздался очередной грохочущий звук, механик отскочил в сторону. Пропеллер продолжал вращаться, а двигатель вначале чихал и распространял запах касторового масла. Затем звук мотора стал ровнее, механик выдернул из-под колес «башмаки», и самолетик двинулся по полю.

Внезапно раздался рев, и аппарат рванулся вперед. Взлетной полосы машине, чтобы покинуть стадион, явно не хватало. Стэн почувствовал напряжение крылатого существа за его спиной. Пилот дернул штурвал на себя, и самолет резко взмыл. Толпа облегченно вздохнула.

Стэну показалось, что нечто похожее он услышал и за своей спиной.

«Давай-давай, сэр Эку! — подумал Стэн. — Ты же еще ничего не видел. Самое интересное впереди».

Пилот биплана начал свое бесстрашное действо с серии виражей, петель и бочек.

— Это же невозможно на такой машине! — услышал Стэн шепот сэра Эку. Он ничего не сказал в ответ.

Затем самолет вошел в длинное пике — прямо к самой земле. Толпа зевая пронзительно завизжала от ужаса. Сэр Эку, которому о гравитации было известно буквально все, помочь ничем не мог, но затрепетал крылышками. Он подал свое тело еще на несколько сантиметров вперед. А биплан все падал и падал. В последний момент, когда сэр Эку уже просто не мог безучастно наблюдать, пилот вышел из пике, почти чиркнув крыльями аппарата по земле.

Толпа облегченно загудела, затем гул перешел в бурную овацию.

— Замечательно! — выдохнул манаби.

Пилот приветствовал своих поклонников очередной продолжительной серией переворотов, петель и виражей. Затем полет стабилизировался, и звук мотора изменился. Самолет прочертил по небу грациозную дугу. За ним струился белый дым. Постепенно хвост дыма превратился в четкую картину. Надпись на небе!

— Что он говорит? — Сэр Эку уже был эмоциональным пленником Стэна — по крайней мере, в конце представления. Стэн опять промолчал.

В конце концов пилот сделал свое дело. Дымовые буквы висели над полем, подобно высоко летящему стягу. И вот что было на нем начертано:

ЛЕТАТЬ МОЖЕТ КАЖДЫЙ В ВОЗДУШНОМ ЦИРКЕ

Стэн быстро шагнул вперед и сдвинул бока дисплея; он снова стал черным кубиком.

— Ну, что скажете?

— Они действительно это делали? — спросил сэр Эку. Ответа он не ждал. — Вы знаете, я никогда раньше не задумывался — какой трагизм из-за ошибки генов быть прикованным к земле!.. Боже, как отчаянно они хотели летать!

— Существа всегда готовы идти на большой риск, — сказал Стэн, — ради глотка свободы.

Манابي долго молчал. Взмах крыльев, и сэр Эку отправился в долгое, медленное скольжение над водой. Стэн знал, что он всматривается в имена на блестящем дне озера, имена навечно приземленных бхорами. Еще один взмах, и дипломат пустился в обратный путь.

— Где вы это взяли? — спросил манابي.

— Сделал, — ответил Стэн. — Это всего лишь кино. Но забавное.

— Когда?

— Прошлой ночью.

— То есть вы действительно сделали это для меня... — Это был не вопрос, а констатация факта.

— Да.

Манابي помолчал.

— Ах... — проговорил он наконец. — Что ж, приступим. Отличное начало, адмирал.

— Спасибо. И вы правы, приступим. Но прежде позвольте сделать маленькую преамбулу. Честно говоря, я приготовил целую речь — в духе лучших дипломатических традиций. А потом решил: к черту! Я должен говорить только то, что думаю.

— Продолжайте.

— Между нами существует некая двусмысленность. Вот уже неделю я пытаюсь сообразить, как бы иносказательно донести до вас свой план. А вы пытаетесь сообразить, как найти наилучший способ отказать мне. Другими словами, мы оба прикованы к земле, и ни один не делает ни малейшего движения вперед, не говоря уже о том, чтобы взлететь над стадионом.

— Совершенно точно.

— Но дело в том, — медленно произнес Стэн, — что вы более приземлены, чем я.

Манابي сделал удивленный жест.

— Видите ли, с моей точки зрения, вам не дает покоя наша предыдущая акция. Вы не можете избавиться от мысли о ней. Что, если мы собираемся вас шантажировать? Занесем, так сказать, дубинку, чтобы добиться вашего согласия?

— А вы... собираетесь?

Стэн не спешил отвечать на вопрос сэра Эку.

— Нет, — сказал он наконец решительно.

— Вы говорите за всех?

— Да.

— Почему вы так... великодушны? Или это временно?

— Если мы проиграем, в дерьме будет каждый. Включая даже сторонников Тайного совета... Нет, решение не временное. Но главный мой довод — это преданность. Однажды вы уже оставили свою нейтральную позицию, чтобы поддержать императора. Вот почему вы вообще не уклонились от встречи с Махони, когда он к вам пришел. Из той же преданности. В самом деле, сейчас для нас самое лучшее — это логика. Та самая логика, которая однажды уже привела вас на сторону императора. Понимание того, что любое будущее без него невозможно, позволило вам поддаться на уговоры Яна. Разве не так?

— Согласен.

— Теперь вы увидели, что план Махони рухнул. Печально. Между тем по всей империи устраиваются облавы — для сканирования мозгов и последующей бойни. Неудивительно, что вы боитесь иметь дело с нами. Я бы тоже боялся.

— Вы приводите гораздо лучшие аргументы в мою пользу, чем в вашу, — заметил сэр Эку. — В моем понимании это означает: вам есть что сказать.

— Вы правильно поняли, — кивнул Стэн. — Начнем с того, что последние события — это мое поражение. Мое, а не Махони. Да, он осуществлял общее руководство, но именно я, как дурак, вовремя не отступил. Провалил план я, а не маршал Ян Махони.

— Замечательно, что вы взваливаете вину на свои плечи, но это только усиливает мои сомнения; похоже, и встреча с вами — большая ошибка. Есть ли у вас — как это вы любите выражаться — туз в рукаве?

— Может быть. А может, и нет. Все, что у меня сейчас в действительности есть, — это ваше внимание. Позвольте сказать вам, что произойдет дальше, если вы будете продолжать сидеть за вашим забором. Мы-то обо всем забудем. А вот Тайный совет? Сколько времени пройдет, пока их параноидальная месть не доберется до манаби? Кроме того, ситуация с АМ-два становится все хуже и хуже. Скоро они станут искать новые возможности. Хондзо — это только начало, за ними последуют другие. Как много АМ-два хранится на складах в вашей системе? Достаточно, чтобы соблазнить совет?

Сэру Эку отвечать было необязательно. Они оба прекрасно знали, что топлива у манаби более чем достаточно.

— Сумеете вы остановить их? Есть у вас для этого необходимые средства, не говоря уже о духе? Подчеркиваю: я говорю не о смелости, а именно о духе. Сможете ли вы уйти в подполье все до единого, зарыться в землю, умирать за каждый квадратный сантиметр родной территории? Способны ли вы на это? Готовы ли?

И опять ответа не требовалось. Манаби были дипломатами, а не воинами.

— Что же вы предлагаете? — спросил сэр Эку. Это не означало, что он уже готов на все, он просто хотел выслушать Стэна. Но теперь, когда Стэн видел, как манаби потянулся за приманкой, он решил немного подразнить его, не торопиться снимать с крючка крупную рыбу.

— Я хочу, чтобы вы только наблюдали и ждали. Мне надо кое-что сделать. Потом я смогу доказать вам, что у нас есть и средства, и дух. А взамен...

— Ну, говорите!

Клюет! Сэр Эку попался.

— А взамен я хочу, чтобы вы нашли возможность встретиться со мной еще раз. Или с Махони. Возможно, я буду занят. Тогда вместо меня придет Ян. Если вы не против. Хотя бы на это вы согласны?

Ну как мог сэр Эку отказать? Не мог. Вместо этого он попросил еще раз включить голодисплей. Ему не терпелось посетить воздушный цирк, где летать мог каждый.

Все получилось в точности так, как предсказывал Стэн. Не успел сэр Эку возвратиться домой, как нашел там просьбу встретиться с членом Тайного совета. В действительности даже не просьбу, а ультиматум.

Члены Тайного совета пространно обсуждали, как им договориться с манаби. Они до сих пор ни в чем их не подозревали. Но идущие чистки и затянувшееся вторжение на суверенную территорию хондзо произвели шум по всей империи. Совету позарез нужно было привести все в порядок, успокоить общественность, по крайней мере хоть на время. А чтобы сделать это, им нужна была поддержка Манаби. Очень нужна.

Разгорелся небольшой спор, кого послать на встречу. Сперва оптимальной казалась кандидатура Мэлприн, поскольку у нее были удивительные дипломатические способности — по крайней мере, удивительные для промышленника. Но даже она видела здесь большие трудности. Если сэр Эку почувствует хоть малейшую их слабость, дело пропало, сказала Мэлприн. Выступать необходимо с позиции силы. Тут им пригодится мастер подводить итоги.

И они послали Ловетта.

Ловетт преднамеренно избрал для встречи маленький запущенный парк. Здесь было мало места для маневров грациозного манаби, и дипломат с трудом преодолел забор; тут же частицы пыли и грязи стали оседать на его чувствительных усиках.

Ловетт выжидал, пока сэру Эку действительно станет не по себе. Здоровый черный блеск тела манаби стал серым, приятный красноватый оттенок перешел в болезненно-оранжевый. Только тогда Ловетт обратился к нему.

— Мы хотим получить от вас заявление,— начал он.— У меня с собой копия того, о чем идет речь. Подпишите документы прямо сейчас. Прочитать можете их позже, на досуге.

— Очень заботливо с вашей стороны,— сказал сэр Эку.— Но хотелось бы знать, что именно мы должны одобрить.

— Дело касается убийства и заговора. Сами понимаете. Вы должны осудить это. Ну и так далее.

— Это мы действительно осуждаем,— согласился сэр Эку.— Тревожит как раз «и так далее».

— О, там сущая ерунда. Список виновных. Призыв к их осуждению. Вот так. Да, и еще... Хондзо. Мы надеемся, что все здравомыслящие существа поддержат наши усилия по захвату АМ-два. И не позволят дикарям иметь такие запасы топлива, чтобы делать с ними что угодно и когда угодно. Я считаю, что наши действия вполне законны. Нам принадлежат права на АМ-два. Поэтому мы имеем право следить, чтобы запасы ее использовались правильно.

— Понимаю,— сказал манаби. Конечно, он и в самом деле все понял.

— Теперь все ясно? Вопросы будут? — Тон Ловетта был угрожающим намеренно. Он безошибочно давал понять, что произойдет, если сэр Эку откажется.— Мои друзья по Тайному совету должны точно знать, кто на чьей стороне находится. Времена сейчас крутые. И действия тоже потребуются крутые. Вы либо с нами, либо с хондзо. Договорились?

Сэр Эку не считал, что они договорились. Однако было бы достаточно глупо признаться в этом. Поэтому он предпочел объяснить. К сожалению, торопясь на встречу, он позабыл захватить с собой официальную санкцию его собственного правительства. Это ужасная промашка с его стороны. Но такая формальность необходима. Он ведь пока не может официально говорить от имени всех манаби. А разве не этого хочет Ловетт?

— Да. Я хочу, чтобы все было законно. Чтоб не осталось ни одной лазейки, которой могли бы потом воспользоваться подлые законники! Хорошо. Доставайте все бумаги, которые вам необходимы, делайте все как положено. Только быстро. Я ясно выражаюсь?

Сэр Эку ответил, что Ловетт формулирует свои мысли совершенно недвусмысленно.

Ультиматум Тайного совета поставил Махони в положение, как выразился Килгур, «дрозда на ветке». Если Ян еще смутно догадывался, что такое «дрозд», то уж не имел совершенно никакого представления, на каких ветках любит сидеть эта птичка. Впрочем, кое-что стало ясно, когда на встрече с манаби обошлось без недельных предварительных преамбул.

Сэр Эку прибыл точно в назначенное место. Без предисловий он заявил, что требования Ловетта зажали народ манаби между скалой и твердой поверхностью. Оба выбора были неприемлемы.

Ян не сказал: «Мы вас предупреждали». Не стал он и занимать время сэра Эку соответствующими утешениями. Вместо этого он был так же прям, как и манаби. И сразу обрисовал в общих чертах главный план Стэна.

Молодой адмирал задумал суд над убийцами. Суд этот надлежало провести независимому трибуналу, состоящему из наиболее уважаемых существ в империи. Благонадежность в прошлом каждого из представителей должна быть вне всяких сомнений. Для того чтобы гарантировать правомочность всех действий суда, Стэн предложил сэру Эку выступить в роли независимого эксперта. Ему одному позволялось профессионально оценивать, что улики и свидетельские показания безупречны. Во время работы суда Стэн и Махони приложат все усилия, чтобы обеспечить безопасность каждого из членов трибунала.

— Насколько возможно это сделать? — спросил сэр Эку.

— Полной безопасности гарантировать нельзя. Поэтому я и сказал: приложим все усилия. Не более того.

— Что ж, понятно, — сказал сэр Эку. — И справедливо.

Махони не удивился ответу. Он предлагал намного более надежные гарантии, чем та, что дана Тайным советом.

Затем Махони сказал, что они со Стэном позаботятся о том, чтобы все детали процесса освещались настолько широко, как это только возможно. Именно Стэн предложил, чтобы каждый — неважно, далеко или близко он находится, — имел бы возможность ознакомиться с беспристрастными подробностями судебного разбирательства. Ну и разумеется, Тайный совет также сделает все возможное, чтобы воспрепятствовать такой открытости.

— Вы дадите им возможность защищаться? — спросил сэр Эку.

— Да, конечно.

— А если они откажутся?

— Что с того?

Сэр Эку на мгновение задумался.

— Да, действительно.

Разумеется, что, если трибунал объявит обвинительный вердикт, это еще не будет означать, что члены Тайного совета смиренно отдадутся в руки своих тюремщиков. Здесь Стэн стремился добиться морального перевеса. Корректно проведенное решение суда пробьет так много дыр во власти Тайного совета, что все союзники от них отвернутся. Что им мог предложить совет, кроме АМ-2? Да и это дойти ему оказалось не под силу.

— А кто будет выбирать членов суда? — спросил затем сэр Эку.

Махони ответил, что только манаби обладают достаточным авторитетом. То же самое касается и механики встреч с потенциальными членами суда. Сэр Эку должен попытаться тайно облететь одну систему за другой и при этом не оставить никаких следов. Ему предоставляется полная свобода действий, не только из соображений справедливости и секретности, но еще и по чисто практическим причинам. Кто еще, в отсутствие вечного императора, обладает опытом в делах подобного рода?

У сэра Эку были свои соображения по поводу вечного императора, но он не стал делиться ими с Махони. Как бы он был удивлен, если б узнал, что и Махони думает о том же.

Когда манаби был склонен согласиться, Махони мысленно прошелся по второй части плана Стэна. Он не стал объяснять, почему на встрече отсутствует Стэн. И хранил молчание не из-за недоверия, а руководствуясь старинным непререкаемым правилом корпуса «Меркурий»: «Знать только необходимое». Кроме того, Махони не был уверен, что сэр Эку согласится с ними, знай он о миссии Стэна. Если Стэн и на сей раз проиграет, шансов не будет никаких, а независимый трибунал станет пустым звуком.

— И последний вопрос, — промолвил сэр Эку. — Какова юридическая основа этого трибунала? Что делать, если мы не сможем найти подходящие законы?

— Ничего, — сказал Махони. — Стэн знал, что вы спросите об этом. И попросил передать вам, что и понятия не имеет, что тогда делать. В нашей команде нет имперских ученых-юристов.

— В самом деле нет, — согласился сэр Эку. — Мои трудности сейчас в том, что я не могу представить себе обстоятельств, в которых император позволил бы такому случиться. Он никому бы не разрешил править таким образом. И трудность в том, что совет правит именем императора. С теми же самыми законами.

— Ну, не знаю, — сказал Махони. — Наша империя так стара, что нечто подобное наверняка хотя бы раз уже происходило.

— Думаю, вы правы, — кивнул сэр Эку. — Тогда все, что нам нужно... Очень хорошо. Так и сделаем.

Маршал флота Ян Махони почувствовал огромное облегчение, словно большой груз упал с души.

Они с манаби обдумали еще кое-какие детали, и настало время расходиться. На прощание сэр Эку произнес фразу, которая озадачила и сперва встревожила Махони:

— Да... Вот еще что. У меня есть просьба для вашего молодого адмирала.

— Какая?

— Передайте ему, что мне бы хотелось встретиться с ним еще раз. Независимо от результатов его миссии. И я надеюсь, что есть все-таки место, где все могут летать.

— Он поймет? — удивленно спросил Махони.

— О да... Он поймет.

Глава 17

Человек, который называл себя Рашидом, всматривался в объявление: «Нужен опытный повар. Работы много, плата низкая, работа тяжелая, еды навалом».

Рашид слабо улыбнулся. По крайней мере, написано честно.

Вывеска над ветхим зданием сияла разными цветами, и каждый из них до боли бросался в глаза: «ЧАЙНАЯ-СТОЛОВАЯ “Последний выхлоп”. Владелец — ДИНГИСВАЙО ПЭТТИПОНГ».

Троица крепко поддавших космоплателей вывалилась из двери соседнего бара и побрела, шатаясь, по разбитому пластиковому тротуару. Рашид вежливо улыбнулся и уступил дорогу. Один из троих виновато взглянул на него, но прошел мимо.

Его улыбка стала шире, когда донесся знакомый вой драйва Юкавы с корабля, поднимавшегося над полем прямо за изгородью. Водитель продуктовых саней был прав — космопорт полон кораблей, которые долгое время не взлетали и, похоже, никогда уже не взлетят. Но транзитные корабли все же проходили.

Рашид вошел в забегаловку. Кроме десятка столов, стойки бара и очень маленького смуглого человечка, в зале ничего не было.

— Сэр Пэттипонг?

— Ты из полиции?

— Нет. Я ищу работу.

— Повар?

— Да.

— Нет. Ты не повар. Разве может быть повар, где никто не может ножом пользоваться! Слишком здорово для этой глуши повара иметь.

Рашид не отвечал.

— Где ты работал раньше?

Рашид пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Пэттипонг кивнул.

— Может, и повар. Повар никогда не говорит, где работал. Мало ли... Жена... Дети... Выпивка... Полиция... Ладно, пошли. Посмотрим.

Владелец провел Рашида на кухню, пристально наблюдая за его реакцией.

— Да. Я все это построил для хоро-о-о-ошего повара. Книдариана. Работал тут два... Нет, почти три года. Ушел потом. Оставил меня тут с ванной на кухне.

Книдарианцы были разумными водными полипами, похожими на кораллы. Поэтому Пэттипонг и выстроил специальную кухню в виде пустовавшей теперь огромной ванны, окруженной всеми необходимыми приспособлениями.

— Нехорошо. Взять хорошего повара знаешь как трудно!

Рашид вскарабкался по лесенке в бассейн.

— Жарь пару яиц. Совсем просто,— приказал Пэттипонг.

Рашид включил плиту и поставил сковородку на огонь. Смазал сковороду рафинированным маслом из горшочка, стоявшего по соседству, выхватил — одной рукой! — два яйца из другого горшочка и неуловимым движением разбил их на сковородку, отбросив скорлупки.

Пэттипонг невольно одобрительно кивнул.

Рашид убавил огонь и подождал, пока яйца на сковородке зашипят. Хозяин пристально следил за его руками. В нужный момент Рашид резко взмахнул сковородкой. Яйца плавно перевернулись незажаренной стороной вниз.

Пэттипонг улыбнулся.

— Ты повар! Никто так правильно теперь не умеет!

— Желаете что-нибудь, кроме яиц?

— Нет. И яиц не хочу. Терпеть не могу яйца. От яиц я постоянно...— Он неопределенно похлопал руками по заднице.— Все их любят. А я только подаю. Все, у тебя есть работа. Ты теперь повар.

Рашид оглядел грязноватую кухню.

— Готовить потом. Завтрак через час. Чистить сперва.— Он, казалось, уже перенял обороты речи Пэттипонга.

Пэттипонг задумался, затем тряхнул головой.

— Теперь чистить. Готовить потом. Я помогу.

Так зародилась легенда о «яйцах по-пэттипонгски».

Пэттипонг назвал это блюдо в меню «яйцами по-императорски». По какой-то причине название взволновало Рашида. Он мягко возразил. Пэттипонг приказал ему возвращаться на кухню.

— «Императорские»... хорошее название... Таиланд... Император... Императорские слоны...

Началось все со скуки. На завтрак посетителей почти не было, а до обеда оставалось несколько часов. Рашиду не настолько хотелось спать, чтобы возвращаться в крошечную комнатку для отдыха, к выпивке его не тянуло, гулять тоже было лень. И тогда он стал заниматься выпечкой.

Рашид к выпечке относился примерно так же, как Пэттипонг к яйцам. Чертовски непредсказуемая штука! Никогда точно не сообщай, какие ингредиенты нужно изменить, чтобы приспособиться к температуре, влажности и атмосферному давлению, и почему вдруг каравай получаются пресными и безвкусными.

Но во всем бывают исключения; так получилось и на этот раз.

Еще за неделю или около того он замесил тесто — теплая вода, мука, немного сахара и дрожжей — и оставил подходить в неметаллической посуде.

Это было основой того, что называлось английскими булочками. Делать их совсем несложно. Примерно на каждые восемь булочек доводишь чашку молока до кипения, добавляешь щепотку соли, чайную ложку сахара и две чашки бисквитной муки. Взбив все это как следует, Рашид дождался, пока объем не увеличится вдвое, потом добавлял еще одну чашку муки и позволял тесту снова подняться.

Открытые с обоих концов цилиндры наполнялись тестом примерно до половины. Рашид предпочитал не упоминать, что эти короткие цилиндры были использованными консервными банками с едой для домашних животных; даже в этой дикой глуши кто-то мог бы брезгливо скривиться.

Он смазывал маслом нагретый противень и ставил на него цилиндры. Как только тесто в открытом конце цилиндра подрумянилось, переворачивал цилиндры и, когда тесто поджаривалось с другого конца, вынимал формы из печи, обжигая при этом пальцы.

Рашид еще добавлял масла и ждал, пока булочки почти почернеют, прежде чем выложить их на стеллаж и остудить.

Следующим его изобретением была прекрасная копченая ветчина, нарезанная тоненькими ломтиками и вымоченная в винно-масляном соусе.

— Самое лучшее — это ветчина с Земли. Из Виргинии. Или из Керри.

Пэттипонг изумленно выпучил глаза.

— Вот уж не знал, что ты и на Земле бывал!

Рашид запнулся.

— А я... собственно, и не был. Просто так думаю.

Потом вдруг сам выпучил глаза.

— Как же так, Дингисвайо? Ты сейчас говорил...

— Нормально, да? Случайно сорвалось. Столько тут трудностей. Как с яйцами. Обстановка сложная. Кроме того... меньше говоришь, люди думают, ты не понимаешь. Сами говорят больше. Здесь, — сказал Пэттипонг, жестом показывая вокруг и вновь переходя на обычный язык, — не мешает любое, пусть самое маленькое, преимущество.

Это было правдой. Хотя движение в космопорте почти замерло, оставались еще портовые грузчики, пилоты, проститутки...

И каждый день всякие негодяи искали приключений. Приключения же часто состояли в том, чтобы выпустить кому-нибудь кишки в сточной канаве. Пэттипонг всегда держал длинный, остро наточенный нож без ножен под кассовым аппаратом.

Рашид вернулся к своему творчеству. Вымоченная ветчина кладется в горячую печь. У него был лимонный сок, красный перец, щепотка соли и три яичных желтка, ждущие своей очереди в миксере. Рашид растопил в маленькой кастрюльке масло, а затем будто включил какой-то таймер в голове. Поджарить булочки. Яйца — в кипящую воду. Булочки — готовы. Ветчину положить на булочку. Ровно две с половиной минуты — и яйца шлепнуть на ветчину.

Он включил миксер и влил растопленное масло в приготовленную смесь. Сосчитал до двадцати, выключил миксер и готовый голландский соус вылил поверх яиц.

— Вуаля!

Пэттипонг осторожно попробовал.

— Неплохо,— неохотно признал он.— Но все равно яйца!

Рашид испытал свое блюдо на посетителе — пилоте, который был достаточно пьян, чтобы стать подопытным кроликом. Мужчина попробовал, удивился, мигом умял тарелку и заказал вторую. Он клялся, что это сразу отрезвило его, и готов был все начать сначала.

— Прямо как пилюли от похмелья! Великое открытие. Лекарство новое. Ты это... продавай наложенным платежом.

— Ладно, будет тебе,— фыркнул Рашид.

Пилот пришел на следующий день — с шестью товарищами.

Потом в столовую повадилась ходить портовая полиция. Рашид почему-то чувствовал себя неуютно, сам не мог понять почему. Ели они, конечно, «на халяву».

Рашид приступил и к другим блюдам, которые он называл «чили» и «цыпленок-табака». Он убеждал Пэттипонга, что посетителям нужно больше, чем стандартные блюда космопортовской забегаловки.

— Ты говоришь. Я слушаю. Я делаю кэрри. Как моя мама делала. Посетитель пробует — я радуюсь. Месть за трепотню.

Кэрри Пэттипонга могло бы и не быть таким жгучим, но все же и его оценили по заслугам.

— Знаешь, почему я тебя послушал? — спросил Пэттипонг. И показал рукой за раздаточное окошко.

Рашид выглянул. Зал был полон. Пэттипонг выставил столы и стулья даже на тротуар. Рашид и раньше замечал, что работы у них прибавилось, но и представить себе не мог, что до такой степени. Изменился и контингент. По-прежнему заходили драчуны и скандалисты,

но появились и костюмы, а также роскошная униформа портового начальства. Были здесь даже оранжевые робы членов секты вечного императора. Почему-то Рашид опять почувствовал себя неловко, как и с полицейскими, и тоже по совершенно непонятной причине.

— Наш «Последний выхлоп» — теперь бойкое местечко. Пока. Потом они найдут новое место. И раньше было так. И опять будет. Надо придумать что-то еще. Знаешь... Эти люди хотят... Такие насекомые, что ли... Над цветочками летают. Пропадают потом.

— Может, бабочки?

— Ты что, бабушки не летают!.. Хватит шуток. За работу.

И Рашид вернулся к плите. Очередной заказ на проклятые «яйца по-императорски». Похоже, он начинал разделять отвращение Пэттипонга.

Рашид был доволен, что Пэттипонг богатеет, но его самого деньги нисколько не интересовали. Он... словно чего-то ждал.

Кого? С какой целью? Кабы знать...

Процветание их предприятия заметили и другие.

Был поздний вечер. «Последний выхлоп» открывался рано и закрывался поздно — но это было уже слишком: посетители в полночь!

Рашид чертовски устал. Он только что закончил возиться с печкой, сейчас надо все хорошенько почистить, убрать — и к себе в комнатушку, умыться, хлопнуть стаканчик да и рухнуть на постель без сил. У них появился новый работник — пекарь, один из бесчисленных родственников Пэттипонга, — однако Рашид считал, что выучить его печь труднее, чем безногого научить танцевать.

Из зала донесся шум спора. Наверное, снова ограбление. На такой случай Пэттипонг держал на виду фиктивную кассу; на самом деле почти все деньги немедленно поступали в надежно запрятанный сейф. Проще добровольно отдать несколько долларов из кассы, чем вступать в драку. И значительно безопаснее. На следующее утро Пэттипонг обратился бы в портовую полицию, и та без труда нашла бы грабителей и возместила ему убытки. Или хотя бы поотбивала бедолагам руки-ноги.

Но тут ситуация была иной.

Рашид прихватил здоровенный тесак, положил его на полку у выхода и заглянул в зал. Он мигом понял — сам не зная почему, — что произошло. Четверо громил. Фальшивые улыбки и явные угрозы.

Он шагнул к Пэттипонгу.

— Пошел вон, поваришка. Это не твое дело, — буркнул один из грабителей.

— Защитнички? — спросил Рашид, не обращая внимания на угрозу.

Пэттипонг кивнул.

— Мы платим. Нас не трогают. Мебель не ломают. Посетителей защищают.

— Связаны с серьезным рэкетом? — спросил Рашид.

— Эй, ты! Тебе же сказано: уматывай отсюда!

— Я их раньше не видел. Нет, не связаны. Старый босс в тюрьгу залетел. Новые между собой грызутся.

— Хорош болтать! Мы тебе предложили. Умные люди соглашались.

Пэттипонг взглянул на Рашида.

— Как думаешь, заплатить?

Рашид медленно покачал головой. Он неожиданно схватил тяжелый стеклянный горшок с кипятком и выплеснул его в лицо ближайшему громиле. Пэттипонг приложил второго — здорового двухметрового детину — по зубам. Тот грохнулся плашмя.

Третий грабитель схватил стул. Стул взлетел вверх... Рашид поднырнул под него, ударив противника головой. Тот бросил стул и согнулся. Рашид двойным ударом по шее свалил его.

Пэттипонг наполовину вытянул свой длинный нож — и тут правили игры изменились. Рука четвертого грабителя скользнула за пояс. Пистолет.

Рашид резко повернулся вправо. Два шага назад по направлению к кухне. Дотянулся рукой до полки. Повернулся... Ствол пистолета поднимался, палец тронул спусковой крючок. Рашид взмахнул тесаком.

Нож вошел в голову бандита с тупым звуком, похожим на удар по трухлявой деревяшке.

Пэттипонг кинулся к двери.

— Только не в полицию! — предостерег его Рашид.

Пэттипонг вернулся в зал. Голова его нервно подергивалась.

— Это нехорошо.

— Они ведь тоже...

— Ты не понял. Не то плохо, что он убит. Плохо, что неаккуратно. Грязно. Тебе два-три часа на уборку. День долгий был. Я спать. — Пэттипонг шагнул к видеофону. — Позвоню брату. Возьмет тела. Оставит где-нибудь у полиции под носом. Пусть эти трое потом объясняют наличие четвертого.

Он пробежал пальцами по клавишам видеофона.

— А ты неплохой боец. Для повара.

Рашид уставился на стонущих людей и на то, что только что было человеком. Он снова почувствовал... почувствовал в себе словно постороннего наблюдателя. Он уловил... Оставь, какая разница.

Рашид взялся за уборку.

Два человека сидели у стойки Пэттипонга, оба одетые в то, что после чистки, штопки и глажения можно было бы с натяжкой называть формой.

Один из них, судя по всему, — бывший капитан с золотой ленточкой на фуражке. Рашид заметил, что от времени ленточка позеленела, даже почернела и выглядела так, будто обросла ракушками. Этакое маленькое существо, похоже на кролика, с дергающимися кроличьими повадками.

Другой тип, большой и неуклюжий, с потертыми нашивками корабельного офицера на рукаве. На плече у него Рашид разглядел еще одну нашивку: «Гороховые линии».

Оба пили кофе и спорили. «Капитан», если он и в самом деле был капитаном, с нежностью вглядывался в батарею бутылок со спиртным за стойкой бара. Его напарник тряс головой. «Кролик» вздыхал и жалобно что-то бормотал. Рашид смог разобрать лишь крохи из того, что он говорил.

— Команда неполная... проклятый агент... реактор протекает... груз арестован... о клиенте вообще никогда не слыхал. Нехорошо, старший помощник. Все нехорошо.

Рашид, будто бы намереваясь протереть стойку, подошел поближе.

— Контракт надежный? — спросил старший помощник.

— Утром получил аванс, — неохотно проговорил «кролик».

— Тогда чего волноваться? Грузовики с гарантированным топливом придут, кэп. И какая разница, что мы перевозим?

— Ни к чему, чтобы в конце карьеры меня взяли на перевозке контрабанды.

Помощник вгляделся в шефа.

— Карьеры? Какой карьеры?.. Пэттипонг! Еще кофе!

Пэттипонг наполнил чашки.

— Где тут у вас лучше всего найти работников, если что?

— Для вас? Для вашей компании? Наверное, в портовой тюрьме.

— Спасибо, Пэтти. Ты мне тоже нравишься.

— А какие вакансии у вас есть? — спросил Рашид.

Помощник внимательно всмотрелся в Рашида.

— Механик. Повар-связист. Второй инженер. Если у тебя есть документы.

— А какой связью вы пользуетесь?

— Да самой древней в мире: «Вэ-Икс триста четырнадцать». Твой дедушка такой уже не застал. Мы зовем аппарат «Заика Сузи».

— А жалованье каково?

— Стандартное. Три сотни в месяц.

— Три сотни — зарплата зеленого мальчишки.

— Больше не дам. Твое дело.

Пэттипонг махал ему рукой из кухни.

— Извините,— сказал Рашид.

Капитан что-то промычал. Старшина остановил его.

— А повар-то ты хороший?

— Закажите что-нибудь.

— А как насчет связи?

— Проверьте,— сказал Рашид.— А вашу «Векси» просто надо заземлить хорошенько — мигом заикание пройдет.

Он вернулся на кухню.

— Ты что, пьяный? Колес наглотался? Чем тебе здесь-то плохо? — спросил его Пэттипонг.

— Ничем, Дингисвайо. Просто... пора уходить.

— Подумай. Я тебе повышу жалованье. Дам тебе... четверть пая. Нет, восьмую часть... Оставайся!

Офицеры опять негромко спорили:

— Эти двое... Джарвис, Моран. Плохие. Слабаки. Пьяницы. Морана разжаловали из шкиперов за убийство. Корабль... Типа «Санта-на». Утиль. Сертификаты подделаны. Даты просрочены давно. Какой груз берут, им плевать. Плевать на команду.

— Похоже, меня ждут приключения.

— Ты болван! Приключения в кино. А на деле — попадешь в дерьмо.

— Эй, повар! — прорычал Моран.— Ладно. На четыреста пятьдесят согласен?

Ожидание закончилось.

Глава 18

Ужасы и бедствия остались позади. В конце концов вся захваченная АМ-2 была погружена на грузовые корабли, и 23-й флот смог взять курс на Аль-Суфи, а потом домой.

Но даже вырвавшись из предательской системы, люди продолжали погибать. Хондзо установили на одном из грузовиков мину-ловушку с датчиком забортного давления. Она сработала, когда грузовик взлетал, и взрывом вывело из строя еще два грузовых корабля и один из истребителей, обеспечивающих прикрытие.

Уже за пределами атмосферы был поражен имперский корвет. Космический лихтер хондзо с единственной ракетой в своем грузовом отсеке просочился сквозь защиту флота и выжидал. Ракета поразила корвет, и только тогда один из крейсеров Грегора уничтожил лихтер и его команду. Правда, к этому времени хондзо сражались и убивали, уже не думая о победе, а просто для того, чтобы отсрочить хотя бы на несколько часов чью-то смерть. А может, и приблизить...

Адмирал Грегор приказал флоту идти стандартным конвойным строем — по хрестоматии, тактически правильно. Флот образовал

трехмерную фигуру в виде гриба с широким основанием. Ножкой гриба служили грузовики, окруженные лучевой защитой. Шляпку образовывали тяжелые корабли; крейсера и эсминцы прикрывали флот спереди. Основание составляли два эскадрона тяжелых крейсеров, обеспечивавших безопасность с тыла. Они пока не использовались, но потенциально были необходимы.

Настроение Грегора омрачали данные, поступающие с монитора боевого компьютера. На его взгляд, все новости были плохими, за одним исключением: топливо.

Основные и резервные баки кораблей флота были наполнены под завязку — вероятно, единственные в космосе с таким запасом топлива в эти дни. Теоретически Грегору, вероятно, следовало пренебречь требованием совета экономить АМ-2 и развить на пути к Аль-Суфи полную боевую скорость. Ну хорошо, идти пусть и не с полной боевой, но хотя бы с максимальной крейсерской, на которую были способны транспортные корабли.

Все же адмирал этого не сделал. Его флот понес слишком большие потери от партизан хондзо. Потери варьировали от простого нарушения целостности корпуса, покоробленных камер сгорания и пробитых баков до всего, чего достигла изощренная изобретательность хондзо, чтобы разрушить или покалечить имперские корабли. Два крейсера пришлось даже состыковать вместе и снабдить внешним двигателем от одного из вспомогательных судов Грегора.

Флот еле тащился — тащился со скоростью, всего в пятьдесят раз превышавшей скорость света. А это означало, что 23-й флот уязвим для звездной атаки.

Грегору уже подумывал бросить все корабли, которые не могли двигаться с предельной для транспортов скоростью, но, подумав, содрогнулся и отказался от такого решения.

Адмирал решил, что единственным спасением его карьеры будет возвращение на Аль-Суфи с АМ-2 — со всем запасом АМ-2. Это ему поможет. Скорее всего.

Нахмурившись, он подводил итоги.

Захват системы Хондзо дался ему невероятно дорого.

Потери в людском составе всех категорий — двадцать семь процентов. Потери кораблей всех категорий — тридцать пять процентов. Если принять во внимание его и так ослабленную боеготовность еще до операции... Грегору расхотелось заниматься такой арифметикой.

Второму адмиралу было не легче. Фрэйзер со штабом расположилась на трех из миров Аль-Суфи, получив четкий приказ: оставаться на месте до прибытия 23-го флота. Заправиться из транспортов с АМ-2. Объединить силы с 23-м флотом. Продолжить следование в сектор Прайм-Уорлда. Дальнейшие приказы будут отданы позже.

Она прекрасно представляла себе, в каком состоянии находится 23-й флот. Грегор, конечно, пытался придать своим докладам видимость благополучия. Но так как полная ложь была здесь недопустима, Фрэйзер ожидала прибытия честной компании инвалидов.

Фрэйзер, напористый лидер, верила в высказывание Нельсона: «Направляй корабль прямо на звук выстрелов и найдешь выход из любого трудного положения». Она охотно нарушила бы приказ, подняла бы корабли и пошла на помощь израненному флоту Грегора.

Но сделать этого не могла. Общие запасы АМ-2 — не более чем на полдня пути для всех ее кораблей.

Нельзя сказать, что Фрэйзер была счастливым адмиралом.

А 23-й флот возвращался домой. Навигационный отдел Грегора предложил окольную извилистую трассу от сектора Хондзо к Аль-Суфи. Грегор отклонил это предложение.

Причины были достаточно весомыми: состояние его кораблей, слишком несовершенные навигационные приборы, чтобы следовать по предполагаемому сложному маршруту, и, наконец, его страх, что недостаточно опытные офицеры не сумеют удержать строй конвоя. Нет, решил он. Ему ни к чему дополнительные обвинения, если вдруг, к примеру, два его боевых корабля столкнутся.

Кроме того, Грегор начал возвращаться к своей привычной уравновешенности. Он называл это уверенностью в собственных силах, но его персонал предпочитал слово «самонадеянность».

Да и кто в нынешние времена может бросить вызов имперскому флоту? Даже при подобном состоянии «полубоеготовности». Практически никто. У кого хватит топлива, чтобы рискнуть сразаться? Чтобы украсть энергию, нужна энергия.

Курс будет прямым или настолько прямым, насколько позволят навигационные траектории при использовании двигателей на АМ-2.

Проходили вахта за вахтой. Грегор чувствовал себя правым. Негативные контакты: всего два. Об одном было доложено как о небольшой эскадрилье легких атакующих кораблей.

Патруль? Рейдеры? Даже не зная этого, Грегор не беспокоился. Двадцать третий флот слишком силен, чтобы нападать на него.

А второй контакт был забавным. На пути случайно попался торговый корабль. К незнакомцу приблизился эсминец. Волноваться было нечего — простой торговец из какой-то неизвестной культуры бхоров. Корабельному разведчику — он же по совместительству офицер по почте, цензуре, спорту и отдыху — понадобилось немало времени, чтобы проверить документы. Бхоры? Он удивленно присвистнул. Ох и далеко же занесло бедолаг от дома в поисках удачного бизнеса!

Стэн внимательно вглядывался в проекцию гриба с массивным основанием. Он повернул ее на триста шестьдесят градусов, проборотал что-то, затем поймал в фокус свой «торговый» корабль-разведчик. Стэн не обратил внимания на то, что со второго экрана немедленно пропала вычисленная раскладка сил. Он уже ее запомнил.

На третьем экране горела надпись: «Анализ боя готов». Ее он тоже проигнорировал. Стэн поднялся и начал расхаживать взад и вперед. Четыре дня понадобятся имперскому флоту, чтобы с текущей скоростью достичь расположения его отрядов, готовых к атаке.

Килгур и Ото сидели рядом. Алекс был занят своим собственным компьютером; Ото поглаживал бороду и тоже всматривался в этот гриб.

— Прямо идут. По прямой. Ничего не ожидают, — сказал вождь бхоров.

— Не ожидают, — согласился Стэн. — Я тоже.

Он взглянул на экран Килгура. Алекс прокручивал ежечасную сводку от флота Стэна.

Флот. Восемьдесят три корабля. Большинство из них военные, но девять кораблей легче, чем соответствующие по классу имперские крейсера, и все предназначены для обороны и заграждения. Остальные же были вооруженными торговыми и вспомогательными кораблями. Вооружение, электроника и навигационное оборудование, по крайней мере, на целое поколение, а то и на все пять отставало от имперских кораблей. Это нехорошо.

Еще хуже положение с топливом; максимальный радиус действия на полном ходу — одиннадцать земных дней. Заправка флота почти опустошила запасы созвездия Волка. В настоящее время флот был «запаркован», отключив все несущественные системы, и прятался от обнаружения имперским флотом за «черной дырой» — сколлапсировавшей звездой.

Экран погас, затем выплюнул ненужное предупреждение: «Максимальное время движения... при существующих условиях... в запаркованном состоянии — два земных столетия. В нормальном режиме двигателей — одиннадцать часов. В боевом режиме...»

Стэн не смотрел на эти цифры. Он сосредоточил свое внимание на «грибе». Это был не его стиль построения конвоя — тяжелые корабли расположены спереди. Лучше вести их снаружи строя, неподалеку от центра, чтобы в любом направлении ответить на ложный удар. Ложный. Хм. Так, адмирал. А с чем ты собираешься проворачивать свои уловки? Восемьдесят три корабля, не забыл? Против... Против слишком многих.

А на экране шляпка «гриба» вдруг начала взад-вперед скользить на ножке, словно вращающийся волчок. Килгур просиял.

— Алекс, черт побери! Прекрати эти шуточки!

— Насчет этих шуточек, как ты сказал, у меня другое предложение. Или предложения мне тоже прекратить?

Ото поднялся.

— Клянусь засиженной мухами бородой моей матушки, нам надо избавиться от этих мелочных пререканий! — Он выпучил глаза на соседний экран. — До контакта — полжизни. У нас уйма времени. Хватит и чтобы выпить, и даже чтоб опохмелиться. Я пошел за бутылкой.

Он толкнул ладонью массивную дверь и выскользнул прочь.

— Прости, Алекс, — сказал Стэн.

— Не бери в голову. Так хочешь знать, что я думаю-то? Есть такая мыслишка, босс. Даже план есть.

Вращение «гриба», продолжал Алекс, произошло из-за того, что он имитировал почти одновременную атаку со всех сторон на имперский флот. Они стали крутиться, крутиться и в конце концов потеряли управление.

— Все, что мне теперь нужно для моего плана, просто пустячок: еще две... ну, может, три сотни кораблей.

Вернулся Ото с бутылкой стрегга.

В голове Стэна бродил какой-то замысел. Он опустил нетронутый рог.

— Теперь моя очередь, — проговорил Стэн. — Я знаю, куда ударить. Сюда. — Он ткнул пальцем в изображение флота на экране.

— Здорово. Здесь они неповоротливы.

— И даже знаю как. К черту корабли. К черту оружие. К черту всю эту паршивую АМ-два, которую они захватили. Подумай о людях — против кого мы идем?

— У тебя крыша поехала. Мы идем против империи, — сказал Ото. — Лучше выпей стрегга, дружище!

Стэн пропустил реплику мимо ушей и продолжал:

— Что же за воины сейчас перед нами? Скорее всего, и офицеры, и команда представляют собой странную смесь из опытных ветеранов войны, карьеристов и совсем зеленых добровольцев.

— Были в истории факты, которые свидетельствуют в твою пользу, — медленно промолвил Алекс.

— Второе. Их адмирал, кто бы он ни был. Приказы и распоряжения. Верные или неверные, это военные приказы. Торговый корабль? Реакция — тяжелые корабли приближаются к району угрозы, один идет на сближение с неизвестным, два других выдвигаются вперед для прикрытия. Все, как учили в школе летного персонала. Теперь дальше, Алекс. Если я дам тебе... четыре корабля, сможешь устроить две инсценировки?

Алекс задумался.

— Я-то смогу. Но это будет не высший класс. Мало времени, мало приборов для хорошей иллюзии.

— Повторяю: вспомни, с кем мы имеем дело. Разве этот гриб не станет скользить и крутиться?

— Пожалуй.— Килгур осушил свой стакан и встал.— Только надо ударить сильно и быстро... Так, кажется, у меня срочное свидание с техниками — свежие данные получить. Прошу прощения.

Он вышел.

Ото покачал головой. «Сильно и быстро»... Это означало, что они израсходуют все топливо и зависнут в пространстве, если не смогут захватить груз.

Стэн уловил его мысль.

— Не волнуйся. Если мы проиграем, вытолкнем Алекса за борт, дадим ему весла, и пусть гребет домой.

Ото усмехнулся и причмокнул губами. Предстоящая битва обещала быть быстрой и жестокой. У него родилось дополнение к плану Алекса. Есть ли у флота связь с адмиралом? Вполне возможно. А можно ли ее быстро засечь? Почти наверняка. А проанализировать, влезть в нее и заглушить? Если есть передатчики достаточной мощности, то можно. Так.

— По крайней мере, четыре из моих кораблей способны крикнуть как следует и послать их к черту... шепотом,— вслух сказал Ото.

Крикнуть... шепотом? Стэн был поставлен в тупик аналогиями Ото и спросил, что он имеет в виду.

Ото объяснил. Когда он закончил объяснения, Стэн допил свой стрегг и прокрутил в мозгу идею — жестокую, кровавую, практичную. А чего еще ожидать от воина-бхора — или от бойца отряда богомолов?

— Кадровые солдаты,— размышлял Стэн вслух,— наверняка захотят реванша. Новобранцы... пожалуй, тоже, особенно если им здорово досталось от хондзо, как я слышал. Наполни-ка рог, дружище. Кажется, моя голова начинает наконец работать. Позволь одно маленькое дополнение к твоему великолепному плану. Нам понадобятся шесть, может быть, восемь твоих лучших...

Спустя наносекунду после получения приказа Синд взвилась на дыбы. Ее непосредственный командир сообщил, что она отобрана для выполнения особого задания. Ей надлежит оставить себе лишь нож и пистолет и взять специальное оружие для последующей битвы — битвы, которой будет командовать сам адмирал Стэн.

А оружием ее оказалась маленькая камера с передатчиком. Шутка? Нет, не шутка. Должно быть, чертовы бхоры... Только она была среди них человеком. Остальные семеро в специальном подразделении были бхорами — все такие же головорезы, как и Синд.

Она отказалась подчиниться приказу. Офицер пожал плечами и приказал ей оставаться под домашним арестом.

— Этот номер не пройдет, женщина.

— Почему нет? Я имею право!

— Ну так подавай протест, если хочешь. Мне приказано отобрать восемь самых лучших бойцов. Восьмерых, которые, наверное, будут посланы в самое сердце битвы. Восьмерых, которые должны выжить в этой драке. Вот почему я выбрал тебя.

— К черту комплименты! Я буду протестовать!

— Сколько угодно. Приказы исходят от самого великого Ото и адмирала Стэна.

Синд низко опустила голову. Стэн? К чему эта комедия?

Нет! Не будь ребенком. Стэн — это Стэн. Значит, должна быть причина.

Когда сумеешь понять ход мысли Стэна, вот тогда ты точно станешь на путь воина.

Глава 19

Двадцать третий имперский флот был атакован всего за один корабельный день до входа в безопасное пространство.

О приближении сообщили на Аль-Суфи, и, ожидая встречи, Грегор расслабился. Он объявил состояние повышенной готовности — для трети состава флота. Остальным было приказано заниматься уборкой и наведением порядка. Грегор считал себя гуманным командиром и знал, что его солдатам не хотелось бы прийти в порт оборванцами.

К тому же если здесь установлены видеокамеры, то грязь и бардак на кораблях не добавят чести и самому Грегору.

Первая атака застала адмирала, когда он наслаждался наведенной чистотой.

— Все наверх... По боевому расписанию... Рейдеры атакуют!

Грегор стоял на мостике, одетый в белый парадный мундир, и отдавал приказы. Он быстро анализировал сообщения на экранах.

— Сэр! Я уже приказал выдвинуть строй вперед в направлении угла атаки противника согласно вашим текущим инструкциям.

Грегор обругал дежурного по кораблю и вызвал на мостик офицера службы оповещения.

— Просканируйте атакующих.

Офицер выглядел озадаченным. Он медленно жал на клавиши, словно припоминая забытые команды, которые должен был знать назубок. Ничего не произошло. Атакующие продолжали приближаться, двигаясь откуда-то сверху. Он запустил другую программу... Рейдеры исчезли! На экране остались только два корабля.

Грегор накричал на капитана флагмана и прервал офицера службы оповещения, когда завыл очередной сигнал тревоги. Еще один строй атакующих двигался снизу. Грегор взял командование на себя и приказал выдвинуть боевое подразделение вниз навстречу неприятелю.

Казалось, что шляпка «гриба» вращается, так как боевые корабли изменили свой строй, выдвинув вперед крейсера и эсминцы. При этом произошло два столкновения — крейсер чиркнул по эсминцу, а два других эсминца врезались друг в друга. Правда, на крейсере кое-кто выжил.

В центре оповещения офицер, продолжая выполнять приказ, наблюдал за атакующими. На четвертой попытке сканирования, когда он уже поверил, что атака реальна, второй ряд рейдеров растворился с экрана. И опять остались только два корабля-приманки.

На мостике воцарилось напряженное молчание. Затем снова завыл сигнал тревоги, и началась третья атака. По масштабам она была больше предыдущих, похоже, напал целый флот.

— Флагман!

— Да, сэр.

— Что с вашими электронными средствами опознавания? Есть, черт возьми, уверенность, что нас снова не дурачат?

Офицер бросился выполнять распоряжение. Грегор предпочел выждать несколько секунд, прежде чем начать новый маневр. А между тем двойной ряд приказов и их последующих отмен продолжал раскачивать шляпку «гриба», так как капитаны кораблей и командиры эскадронов все еще пытались определить направление атаки.

Третья атака оказалась реальной.

Стэн пропускал мимо ушей трескотню боевых команд и сосредоточил внимание на главном экране капитанского мостика. Он атаковал строем в виде серпа. Ему бы очень не помешали еще несколько сотен кораблей — полумесяц был чересчур тонким.

Стэн, в надежде, что имперские воины окажутся достаточно глупы, чтобы решить, что он планирует охват, хотел растянуть концы полумесяца за пределы силового защитного экрана флота.

«Гриб» флота выглядел несколько потрепанным. Часть его шляпки сдвинулась навстречу нападавшим. Один сегмент, словно не услышав приказа, перестроился в нормальное конвойное положение. Крейсера в задней части ножи действовали достаточно умело, прикрывая транспорты, и основание раскачивалось.

— Связь! Все меня слышат? — спросил Стэн.

— Все корабли на приеме.

— Стэн — всем кораблям! Оставаться на местах, как приказано.

— Ждем... ждем... Все корабли готовы, сэр.

— Связь! — обратился он к другому офицеру. — Что они там делают?

— Их детекторы нас засекли. Два... шесть залпов. Пять — мимо, одно попадание.

— Килгур! Ответь мне.

— Расстояние сокращается... Семь секунд... Три... Есть!

— Всем кораблям! Пуск!

Флот бхоров выплюнул ракеты — но не одновременно. Стэн приказал вести последовательный огонь — сначала из наиболее удаленных кораблей, затем из передних. Когда ракеты покинули самые передовые корабли бхоров, офицеры-ракетчики задних уже перезарядили и нацелили свои установки. Запустили не слишком много ракет — по крайней мере, для решающей битвы, — но все они должны были достичь цели одновременно.

— Алекс! Я хочу использовать тот клин между тяжелыми кораблями. Первая секция... В самостоятельном режиме... Когда будете готовы — пуск!.. Связь! Что они делают?

— Да ни черта, клянусь бородой матери!

— Докладывай нормально!

Бхор изо всех сил пытался войти в роль бывалого хладнокровного имперского офицера.

— Незначительные запуски... В основном направлены против приближающихся ракет. Поправка. Массовый залп! Центральный пункт электронного слежения перегружен.

На экране были видны вспышки между двумя сближающимися флотами: управляемые вручную противокорабельные ракеты. Скорее всего, типа «Кали». Их надо перехватить, иначе они попадут в цель.

Впрочем, это не занимало даже часть внимания Стэна. Он отбросил мысль: «А что, если не повезет именно мне?» — и вглядывался за пределы вспышек.

Потом он вдруг ухмыльнулся и произнес комментарий, который бы не одобрили в среде высшего кадрового офицерства:

— Килгур! С тебя бутылка. Этот мерзавец действует по учебнику!

Грегор так и действовал. Существовало много возможных вариантов развития событий. Наилучшей возможностью для него было превратить передовой купол в подобие острия копья или даже в линейный строй и атаковать неприятеля по центру: разорвать полумесяц толщиной не более двух кораблей и расчленил флот Стэна на части.

Но это означало бы оставить транспортные корабли под охраной только одного крейсера. Несомненно, Грегор читал о битве при Каннах. Ситуация складывалась аналогичная — с одной разницей: Стэн был не Ганнибал, и у него не было тяжелых кораблей, чтобы сомкнуть рога полумесяца и поймать нападающих в капкан.

Вместо этого адмирал выстроил свой флот в линию, очевидно готовя встречный охват, такой, как турки применили у Лепанто. Неплохо. Правда, со временем это должно было разрушить флот бхоров. Но — именно со временем.

Брешь, которая возникла, еще когда строй имперского флота об-разовывал купол, до сих пор сохранилась, пока корабли перестраива-лись, приглашая Стэна для удара.

— Всем кораблям! — приказал Стэн. Он передавал открытым тек-стом, не имея времени ни на кодирование, ни на переводчиков для бхоров. Он надеялся, что реакция имперского адмирала будет такой же замедленной, как и прежде.

— Есть, сэр!

— Дайте-ка изображение этой дыры в имперском флоте, — при-казал он офицеру связи, — на экраны всех кораблей.

— Передано, сэр!

— Хорошо... Всем кораблям, примите точку назначения... До-ложить о готовности.

— Все готовы, сэр.

— Маневр... начали!

Капитаны бхоров, каждый из которых мог бы провести транспорт с единственным двигателем над садовой аллеей, мигом выполнили приказ. Полумесяц Стэна перегнулся и превратился в клин. Это по-ходило на выступление команды акробатов, но на экране была видна большая разница — по флоту наносили удары. Огоньки, отображав-шие отдельные корабли противника, меняли цвета. «Попадание — потеряно управление... Попадание — повреждение двигателя...» Или вовсе тухли и исчезали с экрана.

Стэн не обращал на это внимания. Также не обращал он внима-ния и на бормотание младшего офицера по вооружению на его соб-ственном корабле.

— Мы атакованы... До попадания девять секунд... Выпускаю про-тиворакету...

Все же он почувствовал дьявольское облегчение, когда услышал:

— Есть! Ракета уничтожена.

Имперский флот выплевывал ракету за ракетой во все стороны. Не хотелось бы Стэну оказаться в центре этого калейдоскопа, ко-торый постоянно изменял свою форму и рассыпался на кусочки.

— Состояние флота! — потребовал он.

— Пятьдесят одна единица докладывает о полной боевой готов-ности.

— Этого достаточно. — Позже еще будет время спасти уцелев-ших и оплакивать потери. — Ото! Ты вышел на их командную частоту?

— Точно. Готовы работать.

В стороне от основной зоны контроля установили большой экран. На нем возникло изображение имперского адмирала, отдающего приказания. Ото заглушил звук. Стэну померещилось, что он узна-ет адмирала. Впрочем, нет... Невозможно.

— Команда Сарла... Вперед! — приказал он.

- Есть!
- Команда Дженкидд... Вперед!
- Атакуем.
- Всем кораблям! Индивидуальное управление. Определять мишени и действовать самостоятельно.

И началось настоящее сражение. Бхоры завертелись в ближнем бою, как шайка пиратов Дрейка против целой армады. Это было наилучшее применение их талантам. Большинство из этих торговцев имели громадный опыт сражаться в одиночку против троих бандитов. Сражаться и побеждать, всегда неожиданно набрасываясь на врага по всем направлениям с помощью ракет и электроники, так же бесстрашно и свирепо, как делали их предки.

Благодаря постоянным приказам Грегора и опыту, полученному во время Таанской войны, большинство имперских кораблей ожидали обычного боя с противником, выстроенным в обычный боевой порядок. У этой же битвы симметрии, логики и ясности было столько, сколько в безумной пьяной оргии.

Стэн не занимал ход сражения. Бхоры не могли победить — рано или поздно количественное преимущество противника даст о себе знать,— но на это они и не рассчитывали.

У него были две боевые команды. Сарла — два крейсера, наспех переоборудованные в штурмовые транспорты, и Дженкидд — одиннадцать легких сторожевиков-корветов и патрульный корабль. Как высчитал Стэн, как раз столько кораблей нужно было, чтобы управлять пленными транспортами. Уж Стэн-то знал, как империя проводит свои конвои, поэтому все сторожевики были оборудованы электроникой и приборами для этого.

Имена ударным командам Стэн дал в честь древних почитаемых богов бхоров — для поднятия боевого духа. Если победа только возможна, эти две команды добьются ее.

Теперь он выжидал — если выжиданием можно назвать попытку удержаться прямо на хаотично болтающемся мостике корабля, несущегося в самой гуще дикой драки.

Команда Сарла. Два штурмовика приближаются к поврежденному боевому кораблю ровно настолько, насколько позволяют инструкции по безопасности. Ракета бхоров взрывает большую часть кормы корабля, и люки штурмовиков распахиваются. Разведчики вытягивают тросы, и все три корабля связываются вместе. Бхоры в скафандрах берут на бордаж имперский корабль.

— Первая волна прошла,— послышалось донесение.

— Ото!

Изображение имперского адмирала на экране погасло и было заменено блестящим произведением искусства, которое обмануло бы даже многоопытного изготовителя видеофильмов.

Имперский корабль был уже превращен в месиво попаданием ракеты. Большая часть команды погибла, когда ракета штурмовика оставила корабль без атмосферы. Экипаж был в скафандрах, но многие не успели опустить забрала шлемов и натянуть рукавицы. В полном снаряжении сражаться нелегко.

Затем бхоры разорили корабль. У них был четкий приказ: пленных не брать. Снимать все на камеру.

Офицеры и команда имперского корабля погибли до последнего. Синд и другие операторы засняли их смерть, фильмы смонтировали с целью усиления эффекта в рубке управления Стэна, а затем пустили по имперскому каналу связи.

Отчасти это было сделано для воздействия на боевой дух молодых бойцов, когда экраны на кораблях показали воинов, так похожих на них самих, сдающихся с поднятыми руками. Их закалывали, словно стадо свиней. Некоторые корабли сразу отключили этот канал и на много секунд остались без связи и управления, пока не была задействована аварийная частота. Другие корабли оставались на связи, позволяя каждому убийству навсегда врезаться в память членов их экипажей.

Команда Дженкидд. Корабли для управления транспортами были легко вооружены и оснащены. Они не могли оказать большого сопротивления оружию бхоровских сторожевиков. Шесть из одиннадцати прекратили огонь после того, как были атакованы. Еще два были поражены, но продолжали сражаться тем оружием, которое имели. Три оставшихся были разбиты в щепки. Бхоры потеряли один корабль.

Теги поднялись на борт шести кораблей и приняли управление транспортами с АМ-2. Сторожевики приблизились к грузовым судам. Однако этого было недостаточно. Если не «выкрасть» остальные транспорты — весь груз АМ-2, — то операция Стэна будет очень близка к провалу. Но бойцы команды Дженкидд были находчивы.

Два все еще ведущих огонь корабля в конце концов были вынуждены сдаться. Их взяли на бордаж и захватили. Каким-то образом электронные кудесники бхоров вышли на командные частоты двух поврежденных кораблей.

Командир группы Дженкидд отдал приказ. Конвой — ножка «гриба» — медленно оторвался, так как корабли бхоров увели транспорты в сторону.

Эскадрилья тяжелых крейсеров поздно отреагировала на удар, но все же отреагировала. Они перестроились для ответной атаки. Стэн увидел приготовления к контратаке на своем экране и вышел в эфир.

— Всем единицам флота! — приказал он. — Цели указаны. Цель первой очереди. В автономном режиме. Вперед!

Он не стал дожидаться подтверждения.

— Ото! Вторая фаза!

Ото щелкнул переключателем. Предварительно записанный сигнал забил командную волну противника. На экране возник суровый, до зубов вооруженный Ото, окруженный другими грозными бхорами. Тут могло быть и изображение Стэна, но он знал, что выглядит далеко не так страшно, как Ото.

Голос вождя бхоров прогремел:

— Всем имперским кораблям! Продолжать сопротивление бесполезно. Предлагаем вам сдаться. Просигнальте сине-желтыми ракетами, если хотите спасти свою жизнь. Сдавшиеся в плен корабли будут оставлены невредимыми.

Стэн не был настолько глуп, чтобы вообразить, что эта дешевая уловка сразу заставит имперский флот выбросить белые флаги. Он добивался лишь дальнейшего замешательства.

И своего добился. Несколько кораблей подчинились. Некоторые из них тут же были обстреляны другими имперскими кораблями. На других запаниковавшие экипажи подняли мини-бунты, что создало их офицерам не меньшие трудности, чем опасность извне.

Тридцать девять кораблей бхоров врезались в строй крейсеров, создав еще одну неразбериху. Тем временем украденные транспорты были выведены из зоны боевых действий и шли полным ходом.

«Пора», — решил Стэн.

— Всем кораблям! Выйти из связи!

«Наступил переломный момент. Я украл их паршивое золото. Теперь у империи два выхода. Как же там этих чертовых бхорских богов зовут-то? Ну, неважно... Любой бог, который обратит на меня внимание... Доставь мне счастье, прошу тебя! Пусть этот паршивый адмирал останется верен учебникам до конца!»

И Грегор не подвел. Восстановив в конце концов вторую резервную систему связи со своим флотом, он должен был отдать приказ преследовать нападавших, индивидуально либо эскадрильями. Но он не отдал его. Возможно, он слышал о Хаттине, где Саладин заманил армию крестоносцев в пустыню и там порубил ее в капусту. Кто знает, вдруг где-то поблизости устроена на него засада?

Он приказал всем единицам своего флота перегруппироваться — по элементам, по эскадрильям и затем в основной строй флота. Но такая перегруппировка требовала хотя бы минимального руководства. В этом же сражении указаний явно не хватало. Корабли искали своих лидеров. Все линии связи отвечали жалким блеянием. Еще больше сумятицы добавляли неисполнимые, а то и противоречивые приказы Грегора.

Силы Стэна пошли в отрыв. Команда Сарла, не потеряв ни одного бойца, уже отступила на свои штурмовые корабли. Синд стояла в тишине на главной палубе. В этот день она действительно кое-

чему научилась у Стэна. С сего момента она решила ходить перед ним на задних лапках, прислуживать ему. Чтобы изучить как следует, а потом... Она улыбнулась сама себе.

Казалось, бегство Стэна удалось. Он проявил немного гуманности и приказал десяти кораблям взять на борт выживших с покаленных кораблей бхоров. Когда смогут... если смогут.

Наступил самый щекотливый момент. Разогнавшись до полного хода, его корабли скоро начнут двигаться без энергии.

Он отдал новые приказания. Корабли бхоров приблизились к захваченному конвою. На каждом из них ожидали лучшие специалисты по топливу. Только у двух кораблей опустели баки, и у Стэна были полностью заправленные суда, чтобы состыковаться с ними и передать топливо.

— Ну, адмирал! И дельце же мы с тобой провернули, закачаешься!

Стэн усмехнулся, затем заставил себя переключиться на другой лад.

— Потери?

От такой победы было не много радости. Он потерял почти половину своих сил.

К нему подошел Ото.

— Лучше, чем я ожидал. Хуже, чем я надеялся. Но так распорядились боги.

Стэн кивнул. Возможно. Вот только какого дьявола им быть такими жестокими?

— Не забывай о добыче, Стэн.

Стэн не забывал. Теперь у него было топливо, чтобы продолжать войну.

Книга третья

Pater patria

Глава 20

Уже через пять минут после того, как Рашид попал на «Сантану», он невольно подумал, что Пэттипонг мог бы добавить несколько ярких штрихов к описанию того дерьма, в котором Рашид очутился. И еще он подумал — почему это описание заняло у него столько времени.

По всему, спешка была ужасной. И капитан Джарвис, и Мэйт Моран явно стремились уйти в область сверхскоростного времени, лишь только попадут в поле. Похоже на то, думал Рашид, что, если они замешкаются, разбирая другие варианты, кроме немедленного взлета, в игру вступит какая-то другая недобрая сила.

«Сантана» уже в течение нескольких поколений не квалифицировалась как транспортное средство. Должно быть, она давным-давно числилась в утиле, когда ее хозяин вдруг решил, что в ржавом корпусе корабля еще теплится жизнь и он может принести прибыль.

Красота тут вообще не ночевала. Когда портовый гравитолет доставил Джарвиса, Морана и их нового кока к космическому причалу, Рашид попытался понять, каково назначение «Сантаны»... Безуспешно! Корабль состоял из трех продолговатых «желудей», скрепленных друг с другом поперечными балками на передних и задних концах. В середине, между «желудями», высился длинный цилиндр, выдвинутый вперед. Двигатели и топливный отсек, догадался Рашид. Но почему спереди? Может быть, труба первоначально предназначалась для иного, нежели АМ-2, топлива? Да нет, исключено. Какой интерес переделывать столь древнего динозавра? Никто не взял бы его на комиссию.

В одном из «желудей» находились служебные помещения и каюты экипажа, остальные два служили грузовыми отсеками. Жилой отсек казался столь же загадочным изнутри, как вся «Сантана» представляла собой головоломку снаружи. Рашид несколько раз заблудился, прежде чем нашел камбуз и свою каюту. Проходы были либо пере-

горожены, либо резко обрывались стенками, согласно причудливой фантазии нового владельца корабля.

Рашид миновал отсеки, набитые какими-то механизмами, к которым давным-давно никто не прикасался, — их, видимо, дешевле было изолировать от системы и оставить торчать на своем месте, вместо того чтобы разбирать и вытаскивать на свалку. Короче, приблизившись к своему «королевству», Рашид ожидал самого худшего. И все же оказалось, что он был слишком оптимистичен. Двухконфорочная плита, похоже, топилась дровами — такой она была древней.

Впрочем, видом своей каюты Рашид остался доволен. Конечно, в ней царила свинская грязь, но, по крайней мере, личная каюта. Привилегия кока.

Койка — если только продавленный тюфяк у стены заслуживал столь громкого имени — имела ремни безопасности. Рашид на полном серьезе, граничащем с абсурдом, решил, что обязательно пристегнется к койке перед взлетом. Таким образом, если «Сантана» рассыплется, а это, похоже, должно произойти очень скоро, он хотя бы обеспечит себя заметной издала кладбищенской плитой.

Рашид, скривившись, подумал, что это, безусловно, входит в число приключений, обещанных Пэттипонгом, и стал ждать взлета.

Космические корабли не скрипят в полете, разве что в фильмах каменного века да в неловких любительских кинозарисовках. Однако «Сантана» скрипела и кряхтела в пространстве, словно одушевленное существо. Да и сам Рашид слегка покряхтывал и постанывал.

До тех пор, пока не врубили Юкаву, «низ» находился, судя по показаниям генераторов Маклина, не меньше чем в полудюжине различных направлений. «Сантана» шла в атмосфере, и командир тянул ее на Юкаве — дьявольская потеря энергии, однако переход на АМ-2, когда эта калоша ползет сквозь воздух, был равносителен самоубийству.

Прозвучал зуммер вызова.

— Кухня, хватит греть задницу. Обед для офицеров через час. Затем — для команды.

Рашид вышел на камбуз, где его встретил Моран.

Сразу бросилось в глаза, что помощник капитана носит оружие. Моран провел кока к кладовке, отпер ее и предложил выбрать нужные продукты.

— На сколько персон готовить?

— Из этих запасов — на меня, шкипера и первого механика. Продукты для команды хранятся в другом месте. Рассчитывай жрать-ву на двенадцать рыл.

Рашид не удивился, обнаружив, что продукты в запирающейся кладовке совсем не такие, как на продовольственном складе команды. Офицерский рацион был стандартным корабельным, в то время как съестные припасы команды состояли, похоже, из солдатских

продуктов длительного хранения, таких просроченных, что экипаж давным-давно должен был взбунтоваться. Да. При подобной кормежке бунт неминуем.

Рашид прикинул меню из того, чем располагал. Он был классным поваром по части изготовления сносных блюд из дерьма. Гением кулинарии его считали по праву. Но ведь он не был богом!

Из специй оказался лишь какой-то слашавый тягучий синтетический соус. Соль... Так ведь все эти допотопные солдатские припасы, скорее всего, как обычно, законсервированы солью. Остальные приправы, имеющиеся в кладовой, за давностью лет потеряли всякий вкус и аромат.

Комбинируя дерьмо различных оттенков, Рашид состряпал нечто, похожее, как он надеялся, на рагу, и поставил на плиту — вот и офицерский обед.

Как оказалось, лезть вон из кожи было совсем не обязательно. Джарвис дрых в своей каюте, вознаградив себя за усилия, которые пришлось приложить, чтобы заставить «Сантану» еще раз взлететь; Моран принял пищу — если безостановочное, в темпе конвейера, сметание в рот всего, что стояло перед ним на столе, можно назвать трапезой — и доблестным движением употребил салфетку. Первый механик — им оказалась угрюмая женщина по имени Д'Вин — поковырялась в тарелке, встала и опять исчезла в недрах двигательной установки. Она, как и Моран, была вооружена.

Затем пришло время иметь дело с командой. Страшновато...

Пока, правда, ничего — по крайней мере, в течение шести вахт, до тех пор, пока члены экипажа не протрезвеют настолько, чтобы перестать появляться за столом и терпеть то, что он перед ними выставляет.

Время Рашида проходило за уборкой камбуза и в размышлениях о разных вещах.

Что он здесь делает? Или, вернее, почему он считает, что он там, где надо? Ответа не получалось.

Чистить камбуз!.. Моран отклонил просьбу Рашида, чтобы ему позволили надеть скафандр, задрать камбуз, стравить оттуда воздух и выпарить в вакууме жировой нагар, налипший повсюду.

— Во-первых, я не уверен, исправны ли клапаны-накататели. Во-вторых, мне не хочется рисковать — а вдруг корабль развалится? В-третьих, где гарантии, что мы потом сможем загерметизировать камбуз? В-четвертых, ни одна свинья здесь не оценит твоих усилий. И в-пятых, ты вконец запудрил мне мозги. Убирайся с мостика и больше не вздумай искать поводы для безделья.

Рашид вышел.

Этим вечером Моран со злым видом выдавил из себя похвалу — его ужин оказался вкуснее, чем обычно. Рашид мягко пояснил, что

воспользовался новой приправой. Глюкоза, кетоновые тела, минеральные вещества, жиры, креатин... Он не успел упомянуть про мочевую кислоту, когда Моран велел ему заткнуть пасть. Может, и к лучшему.

Команда, протрезвев, узрела в Рашиде своего нового врага и сосредоточилась на войне с ним. На корабле было абсолютно нечего делать, разве что молиться о посадке, когда наконец можно будет смотать удочки. Этот опечатанный груз... он еще принесет им хлопот — в свое время. Порт назначения, пока неизвестный... Наверняка какая-нибудь дыра — «Сантана» возила только такие грузы, которые больше никто не брал и с которыми никто, кроме самых отчаянных, не высаживался.

Офицеры... Джарвис неизменно находился в одном из трех состояний — либо он был пьян и невидим, либо видим, но все равно пьян, либо же — трезвый — торчал, съежившись, на своем мостике, подобный тени.

Моран... По милости этого суки помощника вряд ли можно надеяться, что в изоляторе остались еще медикаменты. Рашид даже любовался — умом, конечно, не сердцем — повадками Морана. Старпом был не способен отдать приказ, не подкрепив приказание зуботычиной. Иногда боль от удара не утихала час, иногда — целые сутки. Однако он никогда не выводил человека из строя так, что тот не в силах был стоять вахту.

Д'Вин... Ей все было до лампочки; она занималась лишь двигателями. И ко всем из команды была равнодушна. Влезала в одну шель и вылезала из другой, вся в моторной смазке...

Время трудное для каждого звездоплывателя-дальнобойщика. Вот и отводят душу на коке. Почему-то он ответствен за те помои, которыми их кормит. Никому дела нет, что бедолага ступил на борт всего за час до отлета...

Рашид, сколько мог, не обращал внимания на недовольство, оскорбления, а впоследствии и угрозы. Но потом произошли следующие события. Неожиданно в переборку над головой Рашида ударилась миска; вдогонку за ней полетел метатель. Кто-то подскочил к Рашиду с ножом. Нож тут же был разломан на два куска, и Рашид попытался сделать то же с его хозяином. Еще два члена команды прыгнули на Рашида и поймали стойку для сушки посуды.

«Исключительно живучие ребята», — подумал Рашид уже в середине вахты, услышав, как под его дверью завозились, пытаясь встать. Когда инцидент был исчерпан, он вызвал свободных от вахты и велел перенести «мстителей» в изолятор. Накладывал повязки, как умел. Чтобы поправить свернутый на сторону нос одного из них, не было ни приспособлений, ни знаний; Рашид успокоил себя тем, что это будет не первый и не второй, а по крайней мере десятый человек с кривым румпелем на борту. Третьему он вправил ногу, а на следую-

ший день, когда Моран стал грозиться посадить вышедшего из строя на гауптвахту, упротил помощника приписать его на время к камбузу для кое-какой помощи.

Делать в полете было почти совсем нечего. На нормальном корабле в это время проводится обслуживание техники, обработка груза, и так далее, и тому подобное... На «Сантане» это никого не заботило. Отдрай ржавчину на своем участке — и гуляй по всему кораблю, где хочешь. Это-то и было паршиво — команде, свободной от вахты, задавали слишком мало работы. Моран был просто дрянной задирой, а не помощник капитана; лишь бы подчиненный не попадался ему на глаза да вовремя выходил на вахту, на остальное ему было наплевать. «Очень, очень глупо», — думал Рашид.

Обстановка все более накалялась. Команда перестала жаловаться вслух, люди ходили утрюмые. Они собирались по двое-трое в коридорах и пустующих помещениях, очень тихо беседуя друг с другом. Эти беседы могли быть лишь об одном: либо об убийстве, либо о мятеже. Либо о том и другом сразу.

Рашид, прячась за большим котлом, пытался следить за такими группками и подслушивать. Как он понял, заводилами были трое. Сначала они скрывались в тени, но потом ему удалось их выследить. Один был из той компании свободных от вахты, которые недавно напали на Рашида. Все, что интересовало Т'Орстена — так его звали, — это буза; он провозгласил, что главным актом его представления станет буза на камбузе. Он мечтал мелко-мелко нашинковать корабельного повара, лишь только представится удобный случай.

Вторым вожаком было существо женского пола, драчливое от природы, по кличке Хулиганка. Бедняжка чувствовала себя несчастной оттого, что Моран сильнее и дерется больше, чем она.

Третья приводная пружина, тоже слабого пола, была устроена сложнее. Техник-моторист Питкэрн. Она старалась не отличаться от других, и в большинстве случаев ей это удавалось. Но Рашид распознал нотки некоей образованности, звучавшие в ее речи. Он стал обращать внимание на женщину, и это было замечено.

Как-то раз Рашид наткнулся на нее, когда выходил из своей каюты.

— Я хотела бы поговорить с тобой насчет обеда, — начала она и указала на переговорное устройство.

— Все в порядке, — ответил на ее знак Рашид. — Моран или кто-то другой вставил туда индуктивный датчик, но теперь он больше не действует.

— Не слишком ли умно для работника котлетного фронта?

— Почему? Просто осторожность...

— Член ПДТ?

Рашид отрицательно покачал головой:

— «Гороховые линии» не нанимают членов профсоюза. По крайней мере, тех, кто хвастается профбилетом.

— Вроде тебя?

— Трудновато оставаться активистом, сидя на берегу пару лет. Кроме того, в тех местах, где я работал, организация профсоюза была немного рискованной затеей.

Любопытство Рашида в отношении Питкэрн было удовлетворено. Профсоюз докеров и транспортников, сокращенно ПДТ, переживал трудные времена. Он был известен как воинствующая, необъяснимо агрессивная организация. Задыхающаяся экономика империи давала начальству все возможности не только навязывать любому нанимающемуся в космопорт контракт с обязательством неучастия в профсоюзе, но и составлять черные списки профактивистов и организаторов.

— Я вот о чем хотела поговорить... Все это дерьмо больше невозможно терпеть, — произнесла Питкэрн. — Если Моран не забьет нас до смерти, так Джарвис с перепоею наведет корабль прямым курсом на черную дыру.

— Бунт — не самое лучшее средство исправить положение.

— Никто о бунте и не говорит. Пока.

— А какие еще варианты у вас... у нас имеются? Я не вижу, чтобы какая-нибудь согласительная комиссия выглянула из норы, где она прячется.

— Ишь какой шустрый, — усмехнулась Питкэрн. — Просто люди еще не созрели для этого.

— И сколько же человек входит в комитет по претензиям?

— Десять. С тобой будет одиннадцать.

— Неплохой старт. Но на деле с нами слишком немногие. Поднять черный флаг — значит лишиться выбора. Особенно если в борьбе будут убиты или выброшены за борт офицеры. Начальство непримиримо относится к таким вещам. На нас объявят сезон охоты — бессрочный сезон, и в конце концов мы все спляшем на рее.

— Ты так говоришь, будто уже разок пробовал.

Рашид открыл было рот, чтобы сказать: «Ну да, около тысячи лет тому назад», но осекся. Откуда, к черту, это все прет? Он же не Мафусаил.

И он ответил иначе:

— Приходилось читать... Ну ладно, допустим, такого логического завершения не будет, мы победили, дерьмо сгнуло. Что дальше? Корабль в наших руках. На борту примерно половинный запас горючего. И еще груз. Что это нам даст? Наша калоша плохо подходит для занятия контрабандой, а единственное место людей, вставших на путь пиратства, — мультфильмы.

Рашид помолчал, затем продолжил:

— Положим, мы направились в гавань контрабандистов и сумели ее найти. Что делать с кораблем и грузом? Или того лучше: что

это будет за место? Какая дыра? Пустыня с каннибалами или что-то наподобие, где мы наконец подвесим Морана вверх тормашками, уйдем с корабля и заживем припеваючи с тем барахлом, что привезли?

— Да, любопытные вопросыки, — произнесла Питкэрн после раздумья. — Нам нужно больше денег. С тем, что мы имеем сейчас, ничего не выйдет. Проблема — как не попасть впросак, не сойти с ума... Да еще кровь на корабельных переборках...

— Ты носишься со своим профсоюзом, как... Всего лишь двенадцать болванов. Мне кажется, у тебя не будет особых проблем держать их под каблуком, — сказал Рашид.

— Какое-то время, — кивнула Питкэрн, — я смогу это делать. Однако не вечно же они будут такими послушными. Нам нужна дополнительная информация, и побыстрее.

Четверо корабельных суток спустя новая информация появилась. Портом назначения был Каирен, а точнее, его столица — Дьюсабл.

— Скверно, — заключила Питкэрн. — Я вела там орграбиту. Минут двадцать. Если в этой проклятой планетной системе и есть хоть один сравнительно честный работяга, то мне он не встретился... или она, или оно. Да вдобавок у них страшное засилье праведности. Если мы покинем корабль в этих местах, то сядем на мель и просидим долго-долго. Тебе известно что-нибудь о Дьюсабле?

Рашид почти уже сказал «нет», но осекся, потому что совершенно неожиданно почувствовал, что знает чертову тучу всяких разностей про Дьюсабл и его общественное устройство. Правда, он никак не мог вспомнить, был ли он когда-нибудь в Каирене или читал о нем...

— Знаю немного, — соврал он. — Так, чуть-чуть. Теперь очень неплохо выяснить, что за груз мы везем.

— Я спросила у Морана и схлопотала по зубам.

— Боги помогают лишь тем, кто сам себе способен помочь.

— Ну и молись своим богам! Что касается меня, я придерживаюсь Джека Лондона. Мы потихоньку пройдем сквозь шлюз, заблаговременно отключив сигнал тревоги. Моран будет пялиться на горящую лампочку, а мы побудем снаружи, пока не придумаем, как добраться до места, где есть воздух.

— Шлюзовой сигнал отключен уже с неделю. Я точно знаю, что, по крайней мере, один скафандр не протекает, и прямо сейчас проверю второй.

— Здорово! Просто отлично. Сначала «подслушка», теперь шлюзовой сигнал тревоги... Да ты не кок, а шпион экстра-класса! Хорошо. Сейчас первая вахта. Моран дрыхнет, как труп, и будет спать, если никто не станет ломиться в его каюту.

Тихо, как только могли, они пробрались в воздушный шлюз. Рашид сморщился от режущего уши свиста воздуха и воя привода крыш-

ки люка. Беглецы вылезли наружу, стараясь не греметь подошвами присосок по корпусу. Питкэрн нацелила приспособление для метания кошки и спустила курок; фал зацепился за поперечную балку. Перебирая по веревке руками, они добрались до грузового отсека и залезли внутрь, затем открыли забрала, разыскали ломик и принялись за распаковку.

— Благослови меня, проклятую, Пресвятая Матерь Божия! — ахнула Питкэрн, когда они победили крышку первого ящика. — Значит, есть на Дьюсабле кто-то, на кого праведность не давит.

Трюм был набит роскошными товарами: деликатесы, ликеры, дорогие вина... Целый ящик с драгоценностями.

— А нас держали на помоях, когда все это было рядом! Я уж постараюсь не упустить счастье! Сорву маску с Морана и дам приказ о его изгнании с борта. А дальше?

— Интересно... — Рашид осматривал коробки. — Обрати внимание: нигде нет имени заказчика, ни на одной наклейке. Только лишь «Согласно инструкциям по перевозке, данным капитану».

— Ну и отлично. Так что же дальше делать-то?

— Наверное... Я думаю, бунтовать.

— Теперь это действительно легко устроить. А что мы сделаем с товаром? Контрабандисты неплохо заплатят за такое.

— Может, это и вариант. Сначала бунт, вопросы потом.

Бунт прошел безболезненно — в широком смысле этого слова, конечно. Приказы Рашид получал четкие и ясные, потому что из двенадцати заговорщиков действовали лишь четверо — те, которые не окончательно свихнулись.

С Джарвисом все вышло просто. Хулиганка, когда была ее вахта на мостике, дождалась, пока капитан не утомится торчать в форменном кителе, увешанном тяжелым оружием, и не повесит свою амуницию на гвоздь... В тот же момент Джарвиса и приложили. Точнее, к затылочной части черепа капитана, туда, где расположен продолговатый мозг, был с известным размахом приложен кусок мыла, засунутый в чулок. Кэпа отнесли в каюту и, поискав там оружие и взяв запечатанные инструкции по перевозке, заперли.

Моран потребовал чуть большего напряжения сил. Одна из служащих, избранная на это дело за худобу, замаскировалась под трубопровод, проходящий над дверью в каюту Морана. Когда тот, разбуженный по вызову на вахту, выходил из своей каюты, она прочла короткую молитву и свалилась ему на голову. Взрыв брани, происшедший прежде, чем Моран собрался размазать «наживку» по всему коридору, дал Рашиду, Питкэрн и Т'Орстену достаточно времени, чтобы упаковать Морана в сеть. Как-то случайно вышло, что в борьбе старпома ударили киянкой по голове, и Моран отключился.

Они знали, что в его каюте обязательно спрятано оружие, поэтому заперли помощника в пустовавшем помещении. Опреснитель там действовал, а еду просовывали через узкую щель под дверь.

Рашид потрогал пальцем свою разбитую губу и отправился в недра двигателя искать Д'Вин. В руке он держал «пушку» Морана — совершенно бессмысленный предмет. Д'Вин угрожал просто не понимала. Единственное, о чем она попросила, так это, когда бунтовщиков поймают и станут пытаться, чтобы они рассказали, что она оказала сопротивление.

— Мы не намерены представлять перед судом, — сказал ей Рашид. — Но в случае чего обещаю поддержать вашу честь.

Мятежники держали военный совет в офицерской столовой. Перед этим Рашид и Питкэрн с удовольствием выбрали меню для праздничного стола. Спиртного взяли по полбутылки на человека, хотя Рашид думал, что это многовато.

Он был прав. Однако Питкэрн сделала так, что только она и повар носили оружие. Т'Орстен замычал от ярости, услышав, что он *не сможет* вышвырнуть Морана за борт, *не сможет* закатить оргию с шикарными блюдами и напитками, *не сможет* отомстить Д'Вин...

Рашид дал ему немного порычать, но, когда увидел, что вместо того чтобы спустить пар, Т'Орстен, наоборот, заводится и становится просто наевшимся мухоморов берсерком, оглушил его. Т'Орстена посадили в помещение, соседнее с «камерой» Морана, а затем все вернулись обратно в столовую.

Рашид распечатал инструкцию по перевозке, прочел, поднял брови и передал бумаги через стол Питкэрн.

— Похоже, из этого ясно, что делать дальше, — сказала она, немного побледнев. — Надо искать скупщика, побыстрее сдать корабль вместе с грузом и смотаться куда подальше.

Она прочла вслух:

— «Посадка в секторе Бе-бе, посылка сигнала Бу-бу (широковещательный, скоростной). Выгрузка груза только персоналом, имеющим полномочия лично от тирана Йелада, ниже образец его подписи». Да это хозяин целой планетной системы, черт подери! А мы просто заберем его игрушки. Милое дело!

Тут в мозгу Рашида что-то зашевелилось. На самом дне. Йелад, Йелад...

— Пролетарии отдельно взятой «Сантаны»! — провозгласила Питкэрн напоследок. — У вас есть все, чего можно лишиться, в том числе и своих цепей.

— Нет, — сказал Рашид. — Нет. Я думаю, надо доставить груз по назначению.

И, не обращая внимания на выпученные глаза и разверстые от удивления рты, он взял бутылку и налил себе праздничного напитка. Дела, похоже, пошли совсем неплохо...

Глава 21

Тайный совет со смятенной яростью отреагировал на ограбление конвоя, перевозившего АМ-2. Преступление против империи — их империи — выглядело тем более ужасным, что они сами крали горючее. Добавьте к этому чудовищную цену в деньгах и жизнях, все те надежды, которые они связывали с многими сэкономленными месяцами времени, что должна была дать перевозка грузов с помощью АМ-2, и, наконец, испытанное ими унижение от того, что кучка пиратов побила имперские вооруженные силы.

Весь ход нападения был — загадка на загадке. Замешаны ли в нем хондзо собственной персоной? Никто не знал. Краа предположили, что они были недалеко от истины, когда выдвинули против хондзо обвинение в заговоре с целью убить их. Состав налетчиков также был совершенно загадочным. Что бхоры делали так далеко от дома? Мэлприн не сомневалась, что они всего лишь наемники. Добавочный вес ее аргументам придавало то, что человек, мелькнувший на экране во время террористической вылазки бхоров, был опознан: Стэн. Опознан в маленьком человечке, одетом в гражданское платье, при игровой войне заговорщиков; экс-богомол, многолетний сотрудник и, вероятно, близкий друг человека, которого они долгое время считали мертвым, — маршала флота Яна Махони, замышлявшего убить их еще на Земле. Связывая Стэна и Махони воедино, большинство членов совета были уверены, что последний и есть источник, пусть и находящийся за занавесом, всех их проблем.

Они старались не выпячивать причины противостояния — такие, например, как весьма большую вероятность, что Махони подозревает их в убийстве вечного императора. Поэтому они очень осмотрительно клеветали на Махони, особенно в присутствии новенького в их руководящем органе — полковника Пойндекса.

Если последний и предполагал, что его коллеги страдают манией преследования, то держал это при себе. Он вошел в Тайный совет, вполне готовый пользоваться своей властью над меньшими мира сего и, никогда не забывая об этом, не делал попыток умерить злобу совета.

Тайный совет жаждал увидеть головы на шестах, и немедленно.

Пойндекс использовал все свое умение, чтобы расширять непрерывную чистку. Был составлен новый, значительно больший список подозреваемых. Разосланы охотники, дабы выследить заговорщиков и предать «быстрому суду». Пойндекс тщательно следил, чтобы на

охотничьих ордерах как можно реже появлялась его подпись; в крайнем случае, после всех остальных.

Чистка редеющих рядов союзников совета шла не очень успешно. Многие жертвы имели друзей и связи в кругах, принимавших решения, и Пойндекс знал, что с этим ничего нельзя поделать. Он логично рассудил, что совет необходимо удовлетворить задолго до того, как он сам начнет захлебываться пролитой им кровью, и прилагал все усилия, раздувая список подозреваемых за счет лиц, не имеющих существенного значения.

В одной лишь области он осторожно сдерживал вожжи. Когда совет начинал выискивать новые мишени из числа тех, кто воровал АМ-2, Пойндекс осаживал назад.

— Мне кажется, с этим делом надо повременить, — говорил он.

— Но по каким причинам? Назовите хоть одну! — горячился Ловетт.

— После инцидента с хондзо, — пояснил Пойндекс, — даже дураку ясно, что реальная цель вашей атаки — АМ-два. И что они не виновны ни в каком заговоре.

— Я разделяю ваше мнение, — произнесла Мэлприн.

— Проклятье! — взорвалась одна из близнецов Краа. — Что такое хондзо, что такое дюжина хондзо для простого обывателя? Горстка машущих кулаками — и все! Каждая собака знает это. Они не пользуются особой симпатией.

— Возможно, — кивнул Пойндекс. — Но если мы сразу же нападём на другую систему, богатую АМ-два, независимо от объявленного повода, наши союзники почувствуют себя потенциальными мишенями.

— И правильно, — сказала толстая Краа. — Мы с сестрой можем предложить хороших кандидатов.

— Ни капли не сомневаюсь, — ответил полковник Пойндекс. — И я думаю, ваши данные необходимо будет пустить в дело. Только не сейчас. Пока еще не время. Иначе мы потеряем слишком многих из тех, кто нас поддерживает.

Все сочли его совет мудрым. Однако, чтобы укрепить свои позиции, Пойндекс предложил несколько особо кровавых акций; это очень помогло удержать совет в относительном спокойствии. Пойндекс также содействовал совету в его огромных усилиях по привлечению к правосудию виновных в кражах АМ-2.

Пойндекс учуял и гнилую рыбу, которую совет пытался спрятать. Это был Ян Махони, бывший шеф того же отдела разведки, которым сейчас командовал Пойндекс. Очень интересно! Был ли этот Махони просто жулик? Возможно. А возможно, и нет. Почему коллеги так боялись старого адмирала?

Пойндекс был уверен, что вскоре он узнает потаенные пружины всего этого и ответ будет полезен для него. А тем временем, как но-

вый член совета, полковник прилагал максимум усилий, чтобы ему угодить.

Кроме Пойндекса в Тайном совете была еще одна сравнительно довольная делами личность: Кайс.

Работая в совете, он не был в силах скрывать свою скуку. Его ни на йоту не интересовало, что из всего этого получится, хотя Кайс и старался казаться заинтересованным и высказывал свое мнение в дебатах, когда его на это толкали. Но в тот день повышенной злобливости он получил очень хорошие новости.

База данных его необычайного компьютера наполнилась, так сказать, до краев — не без помощи Лаггута, Пойндекса и целой толпы выведывателей и разузнавателей. Компьютер перемалывал данные неделями и вот наконец выдал все факты, слухи и полуслухи, которые могли послужить обнаружению вечного императора.

Кайс почти боялся задать вопрос компьютеру. Верить, как верил он, конечно, очень хорошо, но ведь вера — не конкретные факты. Как ученый-исследователь, Кайс знал это лучше, чем кто бы то ни было. Не безумно ли — быть уверенным, что вечный император не умер? Верить, вопреки известному, невзирая на свидетельства очевидцев, на то, что убийство было заснято на пленку?..

Ответить на эти вопросы мог только компьютер. В него ввели данные о предыдущих покушениях на императора со всеми подробностями.

Ну а вдруг окажется, когда Кайс даст запрос, что программа компьютера непростительно слаба? Кайс с определенностью знал, что если сейчас он не совсем свихнулся, то такой исход обеспечит ему психолечебницу. Но если он не задаст свой вопрос, то никогда не услышит ответа...

Кайс ощущал себя в положении человека, кому сказали, что его жизнь и смерть предрешены, и, чтобы узнать судьбу, он должен всего лишь взглянуть в магический хрустальный шар. Заглянуть в него было так же трудно, как и не сделать этого.

В конце концов Кайс принял решение.

Компьютер выдал ответ: с вероятностью девяносто процентов вечный император жив.

Узнав такие новости, Кайс был готов действовать.

Далеко-далеко от этих мест имелось еще одно существо, испытывающее чувство необычайного счастья.

После встречи с Махони сэр Эку очень много работал. В то время как его ассистенты корпели на легальных направлениях, древних и современных, он осторожно закинул удочку согласно предложению Стэна о том, что необходимо создать беспристрастный трибу-

нал для допроса тайных советников по поводу убийства вечного императора.

Конечно, такой вопрос не мог прозвучать прямо. Однако, работая с узким кругом систем и организаций, где гарантировалось отсутствие утечки даже намека на информацию о его нелояльности, сэр Эку чувствовал, что бродит где-то далеко от своей цели.

Он знал, что, если организация такого трибунала объявлена, должны быть лица, которых он сможет убедить присоединиться к акции. Это наверняка очень трудно, но отнюдь не невозможно. Однако, прежде чем начинать подобные переговоры, манаби нуждался в законном базисе для такого органа. Иначе все дело становилось бессмысленным.

И сэр Эку нашел нужный прецедент.

Как он и предполагал, ответ пришел из времени первых дней империи. Это было тысячелетия назад, так давно, что большинство из того, что называлось сегодня империей, не существовало. Места ныне густонаселенные, считающиеся самым центром, тогда были дикими пограничными районами, где и не ночевали закон и порядок. Могло пройти лет шесть, а то и больше, прежде чем в такой район прибывал имперский выездной судья, чтобы разрешить местный конфликт.

Вечный император отлично знал, что нельзя откладывать решение ситуации до момента, когда нарыв созреет. Поэтому он стимулировал создание местных магистерских советов, уполномоченных решать практически все гражданские проблемы. Решение такого совета могло быть опротестовано в апелляции к региональному имперскому губернатору, но срок слушания ее был столь чудовищен, что мало кто пользовался этой возможностью.

В случаях серьезных, угрожающих жизни преступлений император был много более осторожен. Сэр Эку читал его опасения между строк. Тюрьмы и казни легко становились инструментом мести. Не похоже, что император сильно беспокоился о моральной стороне дела, просто он не хотел, чтобы нераскрытые преступления вели ко все большей нестабильности, кровавой вражде и распространению войн.

По этой причине магистерские советы были ограничены в своих полномочиях. Если перед советом предстал подозреваемый в серьезном насильственном преступлении, совет лишь уточнял, имело ли место преступление на самом деле, квалифицировал его и определял, ответственно ли лицо, представшее перед советом, за это преступление. Для получения доказательств магистерский совет был уполномочен вызывать свидетелей, в том числе — силой, если необходимо, арестовывать подозреваемых и подвергать репрессиям тех, кто противодействует следствию. А если преступник считался особо опас-

ным, совет имел право задерживать его в тюрьме до тех пор, пока не прибывал имперский судья для рассмотрения дела.

Система работала настолько хорошо, что император поддерживал ее существование много сотен лет. Посему сэр Эку имел миллионы прецедентов, на которые мог опереться.

Законодательный инструмент он нашел. Единственное, в чем он теперь нуждался, — это судьи.

Глава 22

Огромное существо в полицейской форме расхаживало по доку. Коп был в очень плохом настроении. В дальнем конце площадки молчаливо стояла корявая «Сантана». Люки ее оставались накрепко задраенными, несмотря на все усилия заставить кого-нибудь оттуда — хоть кого-то! — откликнуться.

Лейтенант Скиннер бормотала непристойности — шепотом, бросая мрачные взгляды на бездельничающих рабочих, которые нагло посмеивались над ее затруднением. Поганая команда штрейкбрехеров помалкивала. Если юмор толпы перерастет в насилие, им неоткуда ждать помощи — слишком далеко они забрались. Экономические меры тут не срабатывали. Профсоюз докеров и транспортников слишком силен, и карман у него чересчур глубокий даже теперь, во времена ужасающей безработицы.

Скиннер никак не могла взять в толк, что же произошло. Капитан отделения сказал ей, что работа предстоит плевая. Небольшая услуга тирану Йеладу, и вдобавок она зачтется в послужной книжке лейтенанта Скиннер.

Все, что от нее требовалось, — извлечь груз из «Сантаны». Кое-какие «приватные» вещицы тирана. Как обычно, Скиннер могла по своему усмотрению выполнять эту работу. То, что лейтенант решила использовать для этого рабочих, не состоящих в профсоюзе, вряд ли необычно и не могло выглядеть провокацией. В подобных случаях подрядчик приходит к служащему соответствующего профсоюза, и тот оценивает, сколько народу необходимо для выполнения работы. Взятка устанавливается как удвоенная их оплата; затем штрейкбрехеры допускаются к выгрузке, а служащий профсоюза распределяет деньги между теми, кто обычно обрабатывает тюки. Хороший вкус держи при себе. Это единственное правило. Скиннер несколько раз сама «подцепляла» таких подрядчиков, находясь при исполнении обязанностей по обеспечению правопорядка на Дьюсабле.

Но что, черт побери, все-таки произошло? Они подкатили к грузовому кораблю, а оттуда никто не появился. Скиннер дала нетерпеливый гудок — мол, что застряли? Безответно. Еще гудок, и снова

нет ответа. Что за игры? Денег достаточно, чтобы заплатить всем, начиная от шкипера «Сантаны»...

Из своей конторки вышел служащий профсоюза. Глаза темные, словно дерьмом налиты.

— Убирайтесь отсюда! — выкрикнул он.

— Что за черт? Мы ведь договорились, ты что, забыл?

— Конец договору. Единственная причина, что я еще разговариваю с вами, вместо того чтобы послать ребят начистить вам рожу, — это ваши деньги. Вот я и предупреждаю по-хорошему — убирайтесь сейчас же!

Скиннер начала раздуваться, чтобы более убедительно походить на стража порядка, хотя и так была весьма внушительных пропорций. Однако, прежде чем она успела довести свой гнев до нужного накала, раздались приветственные выкрики. Лейтенант стремительно повернулась, чтобы встретить грудью новую напасть, — и остолбенела с разинутым ртом.

Здесь был солон Кенна! Он шел, окруженный помощниками, в большой толпе докеров, а рядом сустились телевизионщики из новостей. Полубог. Скиннер знала, что наступил момент, когда ей надо исчезнуть из виду. Нынешний год — год выборов. Конкретно выборы должны состояться через две недели, отчего положение становилось еще более щекотливым. Особенно из-за того, что Кенна был противником Йелада на выборах. Чертов капитан! Скиннер поспешила ретироваться.

Солон Кенна занял позицию перед кораблем. Это был крупный пожилой мужчина, носивший свой огромный живот, как подобает закаленному политику. Нос его распух от многочасового общения с батареями бутылок, однако глаза смотрели живо и реакции были быстры. А еще он отличался широченной улыбкой — как у лягушки, заглатывающей добычу.

Повернувшись к любимым своим телерепортерам, Кенна включил улыбку на полную мощность.

— Я не буду больше говорить о вероломстве моего оппонента. Пусть вместо меня говорят факты. Сами за себя. Скоро они заговорят, скоро! Сейчас я объясню бедным, но честным труженикам там, внутри, с которыми так дурно обошлись, что они среди друзей, и они появятся с чудовищными доказательствами алчности тирана Йелада.

— Погодите секунду, босс, — произнес репортер. — Вы уверены, что хотите говорить о вероломстве? Я имею в виду, что, назвав один раз половую тряпку валяющимся мешком, можно зайти очень далеко. Впрочем, не знаю. Слова имеют разные значения. Люди могут подумать, что вы пошутили.

— Не берите в голову, — ответил Кенна. — Напишите так, как считаете нужным. Я полагаюсь на ваше профессиональное чутье.

— Еще вопрос. Зачем мы вызываем этих парней? Мы ведь не считаем, что они мятежники, правильно? Я хочу сказать — вы это не подразумеваете?

— Совершенно нет. То, что мы здесь видим, — несправедливость в чудовишной форме.

Солон хотел продолжить, но в это время из толпы докеров раздалась радостные возгласы: грузовой люк корабля открылся, и из него вышла измочаленная команда.

Рашид стоял в стороне, наблюдая с профессиональным интересом за разворачивающимися событиями. Питкэрн держалась как главный объект для интервью. Остальные бунтовщики внимали кивкам и подмигиваниям Питкэрн и Рашида, уверенные, что все они сделали доброе дело.

Но гвоздем программы был незаконный груз. Кенна осматривал его с видом ценителя. Выражение лица солоня менялось от скорбной печали до гнева и негодования на жадность тирана, транжирящего скудные запасы АМ-2 на предметы роскоши, в то время как остальное население умирает от голода.

«Неплохо, — подумал Рашид. — Пусть даже парень и проявил скверную привычку бросаться причудливыми словами, когда не надо. Не так уж важно, что он злоупотребляет языком. Те, которым он предназначил свою речь, не понимают этого. Они могут обидеться только потому, что он действует слишком уж с помпой. Между прочим, он почти заглотил наживку».

Рашид еще раз удивился, откуда он так много знает о подобных вещах, но загнал свое недоумение вглубь со странным ощущением, что за ним кто-то или что-то наблюдает издалека.

Он заметил, что Питкэрн указывает на него. Кенна поглядел и улыбнулся волчьей улыбкой. Рашид не понял, что это значило, однако вскоре все выяснилось. Солон жестом велел съемочной группе отойти и направился к нему. Рашид решил не мельтешить и играть теми картами, которые выпали.

Кенна навис над Рашидом, освещая полдока своей улыбкой.

— Как дела, друг? Я — солон Кенна, смиренный слуга этих несчастных трудолюбивых созданий.

Затем, когда Рашид пожимал протянутую руку, Кенна придвинулся поближе и прошептал:

— У меня есть несколько слов к прибывшим. Нам необходимо поговорить — позже.

— Да, вы правы. Надо поговорить.

Система Каирен состояла из примерно дюжины малонаселенных сельскохозяйственных миров и одной большой портовой планеты — Дьюсабла. Именно здесь Танз Сулламора испытал свою вторую форту — в кораблестроении. Заводы, в три смены грохотавшие во время войны, были теперь безлюдны. Кризис с АМ-2 поразил практически весь Дьюсабл.

Топливный кризис — это скверно для какого хочешь мира. Но для Дьюсабла он явился настоящей катастрофой, потому что планетная система Каирен была дремуче-отсталой. Теперь здесь существовала одна лишь индустрия — политическая. Вряд ли было хоть одно существо на планете, не считавшее, что смысл его пребывания в сем мире — попечительство и руководство. Руководить желали все — от судомойки и швеи до полисмена и предпринимателя, от девочки для увеселений и до регионального начальства. Ну и конечно, сам тиран Йелад тоже был попечителем.

Политическая система здесь была громоздка и продажна до самой верхушки, но действовала веками, причем неплохо.

Йелад правил уже тридцать лет. Его влияние было настолько велико, что, казалось, он абсолютно непобедим. Хотя, пусть он и выигрывал с легкостью каждые четыре года на выборах, это не означало, что его оппоненты так уж беспомощны.

В системе государства были провозглашены «противовесы» и органы контроля, но это ничего не давало, так как все эти институты отличались не меньшей коррумпированностью. Ниже тирана Йелада стоял Совет солонов. Каждый его член вел группу регионов-отделений; избирателей, живших там, он опекал, давал им работу, советы и помогал своим влиянием. Хороший солон делал так, чтобы никто не оставался без его опеки. Если у кого-то возникали затруднения с деньгами на продукты, он направлялся к капитану отделения. Туда же шли супруги в случае пьянства или грубого поведения другой половины. Каждому гарантировалась бесплатная койка в больнице. Налог были вообще отменены.

Вместо этого повсюду текли реки взяток. Из рук проститутки в руки сутенера, оттуда — к полицейскому. Полисмены тоже платили — за проезд в богатые курортные зоны, где можно пожить. Еще они платили за звание, делавшее их стоящими выше по лестнице получения взяток. Боссы гангстеров платили в два конца: с одной стороны — полиции, а с другой стороны — политикам. И все они платили капитанам отделений, которые, в свою очередь, пополняли кошелек солона, контролирующего данный регион.

Слоны делились поступающими деньгами с основными лидерами, которые реально руководили всем. Примером такого лидера и являлся тиран Йелад. Он пришел к власти как реформатор, так же как и тиран, бывший у власти до него.

В нынешних выборах новым многообещающим реформатором стал солон Кенна, президент Совета солонов и злейший враг Йелада. Сила Кенны проистекала от профсоюзов, в частности ПДТ. Вот почему после трех неудачных попыток встать у кормила Кенна был убежден, что в этом году удача ему улыбнется. Орды безработных являлись его ударным кулаком. Кенна тузил этим кулаком Йелада более полугода. Но сейчас, за две недели до конца матча, требовалась чистая победа. Если Кенна не сумеет достать противника нокаутом, то сойдет с дистанции своего столь долгого забега; разве что чудо поможет ему.

Кенна надеялся, что таким чудом станет Рашид. И чем дольше они беседовали, тем крепче росла в нем уверенность в этом.

Рашид спросил его о положении с финансами — насколько полон кошелек предвыборной кампании Кенны?

Тот ответил: денег достаточно. Рашид покачал головой и посоветовал ему набрать больше, намного больше. Кенна спросил: зачем?

— Первый закон, — ответил Рашид. — Деньги — материнское молоко политики.

Такой ответ сказал многое. Этот человек явно не новичок в политике. Кенна видел слишком много кампаний, проигранных по причине нехватки денег. Рашид, очевидно, опытный деятель уличного масштаба, который понимает, как игра ведется — от самого верха и до самого низа, вплоть до сточной канавы.

Кенна обнаружил, что ему легко быть откровенным с Рашидом, потому что... Потому что тот *понимает*, черт побери! Парень понимал!

Следующий вопрос, однако, вернул солона к действительности.

— Почему вы рассказываете мне все это? Чего от меня ожидаете? Я всего лишь корабельный повар, и, в известном смысле, повар мятежный...

— Перестаньте, — прервал его Кенна. — Бросьте это. Здесь вы среди друзей. Кроме того, я уже в курсе. Я знал о вас, когда вы еще находились в полете.

— Кто вам рассказал?

Рашид решил, что это проверка, — значит, он клюнул.

— Имя я не могу назвать прямо, — ответил Кенна. — Вы знаете это так же хорошо, как и я. Информация дошла до меня... по теневым каналам. Мне сообщили, что прибывает «Сантана», причем с таким грузом, который я, если не желаю свалить дурака, должен проинспектировать. И что самое главное, меня предупредили, что на борту присутствует человек, играющий роль судового кока. Он — великолепный политический стратег.

Кенна взглянул на Рашида и продолжал:

— Я не могу рассказать вам, как мы взаимодействуем. Вам достаточно знать, что есть очень влиятельные лица вне нашего мира, поддерживающие нас. И что спасение — на этом пути.

Рашид размышлял. Почему-то все это ему было безразлично. Еще он удивлялся, отчего лица из внешнего мира не проинформировали также и его. Но он похоронил эту мысль.

Это была еще одна проверка, может быть последняя.

— О'кей. Договорились. Я поднимаюсь на борт.

Кенна глубоко, с облегчением вздохнул.

— Кто еще участвует в забеге? — спросил Рашид.

— Только один соперник. Солон Уолш. Он не имеет шансов, хотя и искусен в политике так, будто занимался ею с рождения. Но он молод. И глуп.

— Каков его главный пункт?

— Реформа, — сухо произнес Кенна. — Он пытается похитить моих сторонников, как я догадываюсь. Ведь реформа — это моя платформа. Уолш явно не в силах выработать свою собственную идею.

— По всей вероятности, за ним стоит Йелад, — сказал Рашид. — Предназначение Уолша — отвлечь от вас сторонников.

Кенна испугался, но заставил себя сохранить спокойствие. Это было единственное, что он мог сделать.

— Хорошо... Вот как мы будем действовать, — произнес Рашид. — Нам нужны три вещи. Во-первых, нам нужен болван или марионетка. Во-вторых, нужна идея. — Он сделал затяжной глоток из бокала с бренди, который Кенна не уставая наполнял.

— А что же третье? — спросил солон.

— Непринужденность, — ответил Рашид. — И тогда мы возьмем победу.

Глава 23

Самоуничтожение и кротость, пожалуй, никогда не были присущи миру. Но порой они способны перевернуть его почище самого катастрофического землетрясения.

Наполеона мучил геморрой. Ночь перед исторической битвой он плохо спал и на следующий день ходил сонный. Двадцать пять тысяч его солдат погибли тогда, и он перестал быть императором.

Так случилось, что три женщины-шифровальщицы сговорились — и секреты Третьего рейха оказались раскрыты. По меньшей мере десять миллионов немцев погибли тогда.

Кстати, говорила Зоран, похихикивая, один из фанатично преданных культу сектантов принес сенсационную новость. Появилась новая святыня, потрясающая ум легковерностью приверженцев секты. Это не гора, на вершине которой вечный император явился сво-

им сторонникам, и не гряда костылей, брошенных за ненадобностью после того, как он явил чудо.

— Хлеба могли бы служить сравнением.

Кайс глядел непонимающе.

— О, мои извинения, — сказала Зоран. — Был такой древний культ на Земле — христеры. Так вот, хлеба — одно из чудес, в которые они верили. Моя сумасшедшая новость претендует на нечто чуть-чуть меньшее. Яйца (*Громкий смехок.*) для обездоленных. Не миллионы и не для того, чтобы насытить голодных. Для посетителей.

На планете Йонгджукл в космопорту располагается маленький ресторанчик, рассказывала Зоран.

— Я не смогла найти его на карте, но полагаю, что он где-то там.

Как сообщал помощник Зоран, там готовили еду точнехонько во вкусе великого императора, используя его собственные рецепты.

— Или, по крайней мере, такие, — добавила она, — которые были опубликованы до того, как вечно первый решил на время исчезнуть. Небольшой... фетиш (*Смехок.*) для нас? Я сама готовила такие блюда и наслаждалась.

Кайс заинтересовался. Действительно, вечный император любил представлять себя поваром-кулинаром. Но чтобы Зоран готовила такие же блюда... Нет, это ерунда. Тут надо быть кулинаром с особой фантазией.

— Ах нет, рецепты переданы хозяину ресторана одним загадочным поваром, который появился у него, поработал немного, а потом исчез. Мой чудак рассматривает это как знамение. Он истово описывает человека в белом фартуке, и, конечно, это описание именно такое, какого можно ожидать от человека, мечтающего о чуде. Ох, ну ладно. Когда император сочтет нужным вернуться из своего пребывания в горних сферах, я спрошу, не провел ли он там все время наедине с грязным котлом и половником.

Кайс связался с Йонгджуклом и приказал самым опытным психоаналитикам побеседовать с членами нового культа, а также с посетителями того ресторанчика, которые могли видеть повара. Описания, конечно, различались, но в общем они с достоверностью соответствовали внешности вечного императора. Кайс решил опросить владельца ресторана, однако тот отказался общаться и даже вышвырнул лазутчиков вон из своего кабачка. Название кабачка, кстати, было «Последний выхлоп».

Кайс приказал организовать слежку за владельцем ресторана, человеческой особью мужского пола по имени Пэттипонтг, но слежка провалилась — Пэттипонтг переоделся и смылся до закрытия своего заведения, так что автоматы электронного наблюдения не сработали, филеры, поодиночке и группами, пытались сесть ему на хвост, но он оторвался. На следующий день он пришел к открытию «По-

следнего выхлопа», улыбаясь как ни в чем не бывало и выказывая полное непонимание такого повышенного внимания к своей персоне.

Кайс хотел было выписать ордер на арест Пэттипонга, но сам себя остановил: «Ты на что-то вышел. Момент решающий. Не надо паниковать. Не спеши с решениями».

Он приказал Лагтуту с командой программистов ввести в компьютер и проанализировать все — абсолютно все! — события, происшедшие на Йонгджукле за шесть лет, и сосредоточить внимание на последних нескольких месяцах. Если таинственный повар — именно император, вряд ли он будет долго использовать эту захудалую планету в качестве своей базы.

Компьютер обнаружил особняк — или то, что осталось от особняка. Поместье в течение нескольких поколений принадлежало одной чрезвычайно богатой и очень таинственной, удалившейся от мира семье, ни разу не наведавшейся в свое владение. Недавно, однако, там сел корабль, из которого вышел только один человек — по всей видимости, наследник семейства. Он пробыл в уединении очень недолго и затем исчез. Усадебная прислуга была уволена, дом снесен, а земельный участок передан государству. Особняк и его владельцы уже были темой заметок о тайнах и загадках в местной прессе. Снос дома привлек новый интерес публики лишь на день. Однако последующих новостей не поступало, и любопытство к событию быстро угасло.

«Особняк,— волнуясь, размышлял Кайс.— С одной из лучших библиотек и компьютером».

Этого было достаточно; он приказал арестовать Пэттипонга. Двое опытных оперативников Йонгджукла пошли брать худенького человечка. Дингисвайо Пэттипонг прикончил обоих и снова исчез, на этот раз окончательно.

Кайс пребывал в дикой ярости. Усилием воли он заставил себя продумать все еще раз. Это не катастрофа. Человеческий разум не справился с задачей, но искусственный интеллект...

Кайс «прокрутил» Йонгджукл, соседние планеты и окрестный галактический сектор через все программы анализа, которые только были; он нашел то, что искал.

Поиск Кайса почти завершился.

Глава 24

Начали с марионетки.

Рашид оставался сзади, пока в течение часа Кенна вел подготовительную работу с солоном Уолшем. Даже востроглазая помощница Уолша, Эври, перестала обращать на него внимание во время брачной игры, которую ее босс вел с Кенной.

По профессиональному мнению Рашида, Уолш имел все задатки идеального кандидата. Молод, прилизанно-приятная наружность, говорит без запинки, взгляд спокойный и чистый. Одежда без пятен от пищи; благодаря аккуратной прическе, имевшей очаровательную манеру слегка растрепываться после нескольких минут разговора, Уолш выглядел естественно, без напряженности. Видимо, в этих вопросах прислушивался к совету специалистов.

Честность из него прямо лезла наружу — это единственное, на что способен человек с низким коэффициентом интеллекта. Столь замечательный, открытый взгляд — следствие того, что глубже хрусталика и сетчатки больше ничего нет. Однако глупость может оказаться главным преимуществом кандидата — до тех пор, пока он слушает умных людей. Как понял Рашид, в данном случае умным человеком была Эври.

— Я поразился, узнав, что между нами так много общего, — сказал Уолш, когда круговорот политических танцев поулеглась. — Например, у меня и мысли не возникало, что вы настолько прочувствовали этот подход к вопросу выплат. Да! После такого разговора все наши аргументы друг против друга рассеялись, как прах. — Он для убедительности щелкнул в воздухе пальцами.

Солон Кенна соорудил мягкую, отеческую улыбку:

— Недоразумение, только и всего. Видите, что получается, когда двое честных людей побеседуют откровенно?

— Получается хорошее дерьмо, вот что выходит, — вмешалась в разговор Эври.

Уолш метнул на свою помощницу нервный взгляд; он был готов зажать ей рот рукой, если она произнесет еще хоть слово в том же духе. Отлично. Клиент обработан.

— Но при чем здесь мы? — Эври пошла в атаку. — Каковы ваши предложения? Должны же быть предложения, иначе вы не стали бы напускать весь этот дым. Если думаете, что солон Уолш примет все всерьез и раскинет шатер в вашем лагере... Не знаю... Что у вас на уме?

Кенна отработал этот выпад глазом не моргнув. Еще очко в его пользу. Рашид все четче видел план.

— Прямо в точку, как всегда, юная Эври! — осклабился Кенна. — Если позволите, господин Рашид поможет мне в разъяснении нашей позиции. Нельзя даже передать словами, насколько он заслуживает доверия.

Эври сузила глаза, когда Рашид присоединился к игре.

— Солон Кенна и я изучили возможные пути. Все согласны, что нашему обществу нужны перемены. Тиран Йелад просто не способен больше проводить реформы. Беда в том, что, как ни снимай колоду, верхней картой оказывается он. А это потому, что Уолш и Кенна бьют друг друга. Разве я не прав?

Эври кивнула. На ее губах появилась тень улыбки.

Рашид понял, что она означает. Необходимо взяткой перешибить взятку от Йелада, а вдобавок и его послевыборные обещания.

— Итак: единственное, что предполагает солон Кенна,— это уйти со сцены. И передать свою поддержку вам.— Рашид кивнул головой в сторону ошалевшего Уолша.

Изумленное бормотание понеслось из трех ртов.

Рашид вернул собрание в нужное русло и разъяснил подробности. Кенна передает изрядный куш своих предвыборных денег Уолшу, которому надлежит проводить свою кампанию на высоких оборотах, расклеивать повсюду свои плакаты, активно выступать с предвыборными выступлениями. Но это — лишь для виду. Действительно крупные суммы следует направить в те несколько сильных отделений, где имеется большое количество независимых избирателей — людей, держащихся до конца, с тем чтобы в результате получить наибольшие деньги.

Тем временем Кенна должен вести борьбу вяло, и его поддержка начнет утекать.

— За два дня до выборов,— продолжал Рашид,— Кенна выходит из игры. Говорит, что на него нашло прозрение и так далее. Что прозрение это вызвано убедительными речами его главного оппонента — солона Уолша. И затем передает свои голоса вам.

Сразу на этом не сошлись, о нет. Надо было обеспечить железные гарантии того, чтобы не произошло предательства в последнюю минуту. Договорились. Далее были улажены остальные неясности. Уолш становился тираном, а за это Кенна должен был получить еще большее влияние. Эври ни слова не произнесла о «зарплате». Ее больше интересовало пребывание у власти под защитой трона тирана.

— Всего этого недостаточно,— сказала Эври.— Даже если мы объединим силы, Йелад будет иметь преимущество в голосах. Слишком много независимых. Допустим, мы как-нибудь преодолеем и это. Но Йелад — броненосец непотопляемый. Он всегда окажется наверху, что бы мы ни делали, используя голоса мертвых.

То, о чем упомянула Эври, было старым добрым обычаем, принятым на Дьюсабле. Существовала даже такая шутка, что никто в действительности не умирает насовсем. Свидетельства о смерти сбрасывались в компьютерный банк Йелада, и имена усопших фигурировали в избирательных списках. Если люди Йелада видели, что счет идет не в его пользу, они подключали голоса мертвых. Или не мертвых, а живых, эмигрировавших из Каирена, которые также сохранялись в списках избирателей.

Конечно, Йелад не слишком откровенничал по этому поводу. Миллионы и миллионы несуществующих избирателей — это все же

чересчур. Надо было создавать видимость. Поэтому команда Йелада внимательно следила за ходом голосования — задача нетрудная, благодаря нарочито устарелым методам регистрации голосов.

Во-первых, каждая взрослая персона по закону обязана голосовать. Система отделений и взаимных выплат не могла бы работать, если бы каждый не участвовал в игре, физически или хотя бы морально. Во-вторых, каждый избиратель регистрировал у солона свой выбор. На участки голосования приходили с паспортами, и по ним регистрировались избирательные бюллетени для проверки их впоследствии капитанами отделений. Как много для тайного голосования! В итоге избирателей буквально за уши тащили на участки в отличие от большинства жителей остальных частей империи, которые голосовали на дому, по компьютерной сети. Такая система открывала перед главным вором типа Йелада множество любопытнейших путей для надувательства.

— Как нам этого избежать? — спросила Эври.

— Решим, — твердо заявил Рашид. — Конечно, довольно сложно, зато делает игру интереснее. Но нам следует некоторое время держать наши намерения в тайне. Если вы не возражаете.

Никто не возражал. Рисковал Кенна. Эври знала, что никто не будет сердиться на Уолша — тот ведь всего лишь пустышка, манекен.

Сделка совершилась.

Рашид взялся за следующее: продумать проблему.

Йелад олицетворял собой статус-кво, Кенна — работу для масс, а Уолш — ничего, кроме пустых слов. Требовалась проблема.

У Рашида был задуман трюк «гринго». Никто из присутствующих, кроме него, не знал происхождения слова, но понимал, что оно значит. Нападая на кого-то находящегося извне, большого и далекого от вас, можно списывать на него все беды и обвинять во всех грехах, не рискуя получить достойный ответ.

Таким образом, объектом нападок Уолша, его проблемой стал Тайный совет. По вине совета после смерти императора началась повсеместная неразбериха. По вине совета разразился кризис с горячим, приведший к столь трудным временам. Йелад будет вынужден встать на защиту совета — если он этого не сделает, всемогущий Имперский совет измолотит его в прах.

Когда Рашид изложил свою идею Кенне перед встречей с соперником, тот так разволновался, что задумал отказаться от сделки с Уолшем и запустить под этим флагом свою собственную кампанию. Рашид остудил его пыл, указав, что, поскольку Кенна имеет весьма высокий пост президента Совета солон, Тайный совет будет чрезвычайно раздражен его атакой. Им совсем не нужно внимание такого рода, строго предупредил Рашид. Эта мысль заставила самого Раши-

да почувствовать себя как-то неуютно, хотя снова он не мог понять почему.

— Пусть это сделает марионетка, — говорил Рашид. — Они решат, что он просто хватается за соломинку, так как не видит способов победить. Им будет наплевать, что там болтает пустышка, и они проворонят всю ситуацию.

Разъяснять затею Уолшу не было необходимости — Эври все поняла, и этого было достаточно.

Кенна находился в приподнятом состоянии духа, когда они уходили из бара. Все было на мази.

Рашиду хотелось, чтобы Кенна сохранил хорошее настроение, поэтому он стал расхваливать данное ими представление.

— Трюк, который вы только что провернули, — изобретение мастера, — сказал Рашид. — Он называется «росстомас».

— А что это означает? — поднял брови Кенна.

— Это значит, что теперь все дураки в этом городе на нашей стороне.

Кенна смеялся на всем пути до штаб-квартиры.

Затем были еще встречи с ключевыми фигурами, которых предстояло подкупить, впутать или завлечь — или и то, и другое, и третье вместе. Результаты были на радость одинаковы.

Одну встречу, однако, Рашид решил провести самостоятельно, в одиночку.

Это была встреча с Пэйви — гангстерским боссом. Она имела известность самого жесткого, осмотрительного и никому ничего не прощающего представителя преступной знати Дьюсабла. Ее вотчиной являлись несколько крупнейших независимых отделений. Много денег прошло через ее руки, но грязных следов не оставили. Пэйви командовала пороками всех мастей — начиная от проституции мужской и женской и до самых сильных наркотиков. Ее финансовые акулы были самыми сильными и опытными. Ее воры были самыми ловкими. К тому же Пэйви была красива, как античная богиня.

Облегающее платье превосходно сидело на ней. Формы миниатюрной фигуры были столь совершенны, что даже самые высокие мужчины смотрели на нее снизу вверх. Темные волосы, коротко стриженные «шапочкой», угольно-черные глаза с жесткими мерцающими алмазными искорками изощренного ума...

Встреча проходила в уютной маленькой комнатке где-то в глубине огромного — в один квадратный километр — прибежища пороков, которое Пэйви называла просто Клуб.

Она приказала своим ассистентам — типичным головорезам — удалиться из комнаты после первого обмена любезностями.

Еще раньше Рашид был обыскан (даже за зубы заглянули, как коню!) на предмет ношения оружия в бронированном помещении

рядом со входом в Клуб. Хотя, собственно говоря, Рашид мог сложить эту длинную стройную шейку одной рукой, что и сама Пэйви, конечно же, знала не хуже его. И все-таки она отослала телохранителей. По ее глазам Рашид понял, что женщина поняла его намерения. Он пришел сюда для сделки, а не для убийства.

Когда они остались вдвоем, Пэйви наполнила бокалы своим любимым ароматическим ликером, сбросила отделанные драгоценностями домашние туфли и уселась на мягком сиденье, поджав под себя ноги. Качнула в воздухе бокалом в сторону Рашида и отпила глоток. Рашид последовал ее примеру.

— А теперь расскажите мне, что у вас на уме, — с ленивой улыбкой пропела она.

Рашид невольно подумал, что так мурлычет смертельно опасный хищник.

Он рассказал программу. Проблема, сообщил Рашид, состоит в том, что нельзя точно сказать, как все выйдет.

Пэйви кивнула.

Люди Кенны весьма удовлетворительно провели подготовку. Оставалось сказать главное: что от нее требуется — и лишь вкратце обрисовать основные моменты; подробности можно будет отработать позже.

Чем дольше он говорил, тем чаще улыбалась Пэйви. Ей такое нравилось. Кому-то это обойдется в очень приличные деньги. Пару раз она посмеялась, а после поведала Рашиду, чего она хочет взамен, — назвала сумму, которой хватило бы осчастливить небольшую планету сроком на год. Рашид уменьшил эту сумму на четверть — только потому, что чувствовал: она не поверит, если он не попытается это сделать.

И тут Пэйви удивила его.

— А каков ваш интерес? Что вы попросили у Кенны?

— Я не говорил с ним об этом, — был ответ.

— Очень мудро, — сказала Пэйви, кивая. — В случае победы вы сможете получить от него примерно столько же, сколько хочу я.

Рашид понял, что она права. Конечно, Кенна задавал ему такой вопрос: что он хочет получить за свою работу? И весьма насторожился, получив ответ: «Потом разберемся». Так зачем же он делает все это? Рашид и сам не мог понять.

Пэйви расспрашивала о других политических баталиях, в которых он участвовал, как один вор расспрашивает другого о секретах ремесла, давая возможность уходить от всего, что могло изобличить. Но не в этом заключалась проблема. Насколько Рашид мог понять себя, это были первые выборы, в которых он участвовал как эксперт; поэтому, рассказывая, он вдохновенно врал. Из него лились байки о политических событиях, где победы чередовались с отчаянными

неудачами и ошеломляющими поворотами. И довольно странно, но, когда Рашид плел свои небылицы, а Пэйви не давала пустеть бокалам, ему казалось, что это вовсе не ложь.

Наконец стало совсем поздно. Пора уходить. Рука Пэйви нерешительно плавала над кнопкой вызова телохранителей, чтобы те сопроводили Рашида к выходу. Вдруг лицо ее озарила странная улыбка. Пэйви раздурманилась, губы ее были мягкими, глаза дикими и голодными...

— Если хотите, можете остаться, — очень мягко прошептала она.

Длинные ее ногти поглаживали тончайшую ткань платья. От скрипящего звука у Рашида мурашки побежали по коже.

Он обдумывал ее требование — потому что это было именно требование.

Что привлекло к нему женщину столь неожиданно? Он видел причину. Близость его к власти — реальной власти. Но ведь он всего лишь Рашид. Разве не так? Где она, эта власть? И вдруг он понял. Внутри. Власть была внутри его существа.

Только не надо спрашивать почему и зачем. Пока не надо.

Он остался.

Сорок пятое отделение относилось к числу малонаселенных. Так было не всегда. Главное занятие обитателей окрестных трущоб состояло в заполнении рабочих мест по программам общественных работ, которые предоставлял тиран. До кризиса с АМ-2 все на Дьюсабле были так или иначе привлечены к этим работам.

Строились мосты-дублеры совершенно исправных арок в нескольких метрах рядом. Строились ненужные дороги, такие же ненужные высотные сверкающие общественные здания, что всегда сопровождалось хорошей оплатой и снабжением.

А причина в том, что каждый раз, когда сочинялись раздутые платежные ведомости, для оправдания расходов требовались все новые конторы. Министерства постоянно воевали друг с другом за дополнительные ставки и служащих, наращивая свою власть, и за шикарные офисы, где эти служащие должны сидеть, тем самым увеличивая свой престиж.

Так что нужда в рабочих местах существовала всегда и была огромной. Сорок пятое отделение неизменно славилось выбиванием максимально высокой оплаты для самых захудалых предприятий. Большие прибыли здесь заставляли всех пошевеливаться.

Но затем наступили тяжелые времена. Йелад был вынужден сбросить 45-е отделение с телеги финансирования рабочих мест. Жители стали возмущаться. Длинные очереди обиженных целыми днями стояли у дверей капитана отделения. К концу дня начальство успело принять очень немногих.

Так что, когда над окрестностями 45-го раздалось жужжание гравитолета начальства, это было встречено с тихим, но острым интересом. Окна машины были закрыты и затемнены; впрочем, никаких сомнений насчет того, кто находится внутри, не возникало — над радиатором развевался флажок тирана Йелада.

Машина двигалась медленно, как бы инспектируя закрытые магазины и предприятия с вывеской «Продается». Обитатели, бродившие по улицам — а их было много, поскольку работы было мало, — гадали о цели визита. Может, великий тиран привез великий сюрприз — например, премиальный контракт? Несколько потрепанных машин двинулись следом за правительственным экипажем на почти-тотальном расстоянии от него.

Машина тирана свернула на дорогу, ведущую к дому капитана отделения. Ага! Хорошие новости.

Неожиданно гравитолет прибавил газу, как будто пассажир дал резкое приказание шоферу ехать отсюда.

В этот момент маленький пухленький мальчик стрелой метнулся через улицу вдогонку за мячиком. Гравитолет несясь по дороге. Ребенок испуганно поднял невинные глаза и застыл на месте. Машина пока что вполне могла затормозить. Прохожие закричали слова предостережения ребенку. Матери завизжали, заранее сочувствуя возможному горю...

Дитя повернуло и неловко качнулось в спасительную сторону. И тут, как нарочно, машина ускорила ход. Будто намеренно!..

Гравитолет ударил ребенка, и, под громкие крики ужаса, тельце его, закувыркавшись в воздухе, упало на землю; хлынула кровь. Машина резко встала. Из нее выскочил одетый в униформу водитель. Прохожие сбегались к месту происшествия, но шофер выхватил пистолет и крикнул, чтобы никто не подходил. Они повиновались.

Водитель подошел к лежащему ребенку, оглянулся на машину. С шипением открылось боковое стекло, и люди увидели, будто кто-то внутри повелительно машет рукой. Шофер подхватил тельце и сунул его в машину, как какой-нибудь предмет.

В толпе раздался крик протеста. Водитель прорычал ругательство и угрожающе махнул оружием. Но толпа была в ярости. Все рванулись к гравитолету. Водитель вскочил в машину, и она унеслась, оставив позади разъяренных избирателей. Избирателей, которые теперь ненавидели само имя тирана Йелада — того, который презирал их настолько, что запросто давил их потомство.

Рашид швырнул пилотку на заднее сиденье машины. Тело, валяющееся там, зашевелилось, и ребенок сел.

— Дай тряпку, черт тебя побери! — потребовало дитя.

— Первый акт прошел очень удачно, — сказал Рашид, передавая назад ветошь. Мальчик стал обтирать бутафорскую кровь.

При близком взгляде в лицо мальчика на нем сразу обнаруживались морщины; циничные глаза быстро перебегали с предмета на предмет. «Малец» зажег огромную сигару, глубоко затянулся и, выдохнув, наполнил салон вонючим облаком.

Малыш творил дела на этом свете лет уже пятьдесят, не меньше.

— Сможешь на бис? — спросил Рашид.

— Нет проблем. Раза три-четыре, пока не слишком утомлюсь. А потом могу стать немного небрежным — понимаешь, что я имею в виду?

Рашид ответил, что понимает.

— Как насчет небольшого антракта и свидания со стаканчиком? — спросил «ребенок».

— Нет. Сначала в тридцать шестое.

«Ребенок» гадко ругнулся, но Рашид не обращал внимания. Все равно актер был очень доволен своим представлением.

Лейтенант Скиннер чувствовала себя так, будто ей кто-то помогил в карман. Полицейский, сидящий в луже!.. Шел день сбора, и первые неурядицы ввергли ее в отвратительное расположение духа.

Обычно она начинала свой обход с маленького, аккуратно прибранного секс-магазинчика. Заведение было частным, так что делиться с владельцем не приходилось. Кроме всего прочего, она опекала там одного миловидного профессионального юношу, с которого брала специфическую плату в каждый день сборов вот уже сколько месяцев.

Однако сегодня ни владельца магазинчика, ни молодого бычка на месте не оказалось. Испуганный и смущенный управляющий пробормотал, что с них сегодня уже один раз собирали. С час назад приходили два очень страшных громилы-полисмена. Приходили как раз за «выжимками» — сказали, что Скиннер сегодня выходная. Они говорили так убедительно — управляющий, подойдя прихрамывающей походкой поближе, показал синяки, разукрасившие его физиономию, — что нельзя было не поверить. Еще они «подоили» и мальчонку и сказали, что он теперь будет работать в другом месте.

Скиннер поняла, что подлец управляющий не лжет; особенно это стало ясно после того, как она — из чисто профессиональных соображений — собственноручно нанесла несколько ударов ему в корпус и челюсть. Сделав это, Скиннер, как буря, вылетела из магазинчика, горя жаждой мщения.

Но постепенно ярость осела. Месть дастся очень нелегко. Капитан ничего не знает об этом ее маленьком золотом родничке. Раздосадованная так, будто кто-то и впрямь помочился ей в карман, теряясь в догадках, кто эти «перехватчики», Скиннер продолжила обход.

И в каждом месте картина повторялась. Скиннер начала понимать, что тычки и затрещины, которые она в таком количестве раздавала в обмен на деньги, обернулись против нее.

Пуская пар из своего огромного клюва, подобно паровозу, Скиннер направилась к полицейскому участку, чтобы связаться с капитаном. Похоже, началась драка на межведомственной почве.

И тут Скиннер получила еще один большой удар. Это оказалась не простая междоусобная драчка, и велась она не из-за общей зоны обслуживания. Началась открытая война!

Кто ее объявил и ведет, ни одна душа не знала, пока не стало слишком поздно.

Ким — юная блондинка с невинными глазками и не столь невинным телом. Она принадлежала к тому числу нехороших личностей, которые промышляли обиранием других за пределами родного отделения. Губы, влажные как у Лолиты, примечательные бедра, выдающаяся грудь — этого достойного набора вполне хватало для того, чтобы подцепить на улице простака. Дальше пускался в ход паралитический газ, а то и острый нож, который она умудрялась прятать под своей более чем миниатюрной юбкой.

А еще Ким была золотым яблочком для своего папаши и маленькой героиней родных окрестностей. Как хорошо воспитанное дитя, Ким всегда притаскивала добычу домой, папе. Служила она надзирательницей в швейном цехе на «буферном предприятии» Йелада, что давало ей большое влияние.

Но как-то ночью случилось маленькое недоразумение. Полисмены «подцепили» Ким, когда она была как деревянная, перебрав наркопива настолько, что не могла произнести и слова членораздельно, чтобы удостоверить свою личность. Поэтому ее забрали в кутузку и составили протокол. Ко всеобщему смущению, не оказывалось иного выхода, кроме как подавать на полицию в суд. Никто этого не любил делать, даже недруги тирана Йелада. Но, в конце концов, «выжимки» на Дьюсабле должны оставаться сладкими для всех, а не то весь кувшин прокиснет.

Вообще-то подобные недоразумения случались и раньше. Все должно было обойтись малой кровью. Местному суду надлежало объявить полисменам выговор за задержание совершенно невинной девушки, а Ким следовало возвратиться домой под крылышко любящего отца и продолжать свои прогулки по ночным улицам в поисках простофиль.

Но так не произошло. Судья признал девочку виновной по всем предъявленным в протоколе статьям и завел дело.

Под вопли возмущения, которые последовали за этим (они были подхвачены и раздуты на потребу публики оплаченными Кенной телерепортерами), судья исчез из города, чтобы начать новую, весь-

ма зажиточную жизнь, оставив тирана Йелада «держат чомодан». Чомодан с неприятностями.

Эври превозносила Рашида до небес за удавшуюся «грязную операцию».

— Погодите,— говорил Рашид,— это еще только цветочки!

В двух десятках главных отделений «выжимки» настолько прокисли, что дела там пошли очень серьезные.

Полисмены доили полисменов, гангстеры доили всех подряд, магазины бомбили, на публичные дома совершали налеты, игорные дома замучили облавами или взрывами бомб. Сила билась о силу, а в месте их столкновения всегда оказывались невинные; не следует забывать, что на Дьюсабле каждый подходил под определение «невинный».

Кульминацией всеобщего недовольства стал марш матерей в защиту невинной Ким.

Две тысячи рассерженных женщин вышли на улицы отделения. Они несли огромные плакаты с ангельским ликом непорочного дитяти. Были и вопли, и сопли, и даже колоритное выдергивание волос. А рядом была команда новостей Кенны.

В новостях тысячный раз прокручивались — для тех, кто сидел дома,— подробности грязного инцидента. Повсюду висели фотоплакаты, на которых одурелый папа Ким крупным планом вышагивал во главе парада. Папа выглядел великолепно — утомленный наркопивом, с глазами, красными после резвых игр с вакуумной манжетой в школе удовольствий, куда он зарулил по наводке людей Рашида... Короче, он был само воплощение немой скорби.

Выкрикивая проклятия, женщины собрались у дворца тирана. Там их ожидала фаланга полицейских. Блюстители были в полной экипировке для борьбы с уличными беспорядками — в шлемах, со щитами, дубинками, газом и тепловыми ружьями.

Женщины приблизились к шеренге полисменов. Шум и крики усилились. Телевизионщики лихорадочно записывали происходящее на пленку.

Неожиданно из боковой улицы вывернул большой гравифургон. Из него высыпали полицейские, одетые в форму охраны тирана, раздавая направо и налево удары дубинок. Женщины выли и орали от боли, а настоящие полицейские ошарашенно стояли, не понимая, что это за «черти из машины». Когда матери восстановили свои ряды и, разъярившись, возжаждали крови, лжеполицейские поныряли в фургон и скрылись из виду.

Эта битва вошла в историю Дьюсабла. В инциденте, который видела вся планета, сотни женщин получили ранения.

Доброе имя «Йелад» быстро становилось синонимом слова «дракх».

Марионетка рвал на ходу подметки, действуя в чемпионском стиле. Лучшие спецы и сочинители речей, которых только можно было купить за деньги, организовали просто цунами нападков на Тайный совет. Художники с психологами создали рекламные транспаранты, останавливающие бешеного быка на всем скаку. Рашид с головой ушел в работу, подравнивая, придерживая, где надо, и собирая всю «упряжку» воедино.

Карта солон Уолша вступила в игру.

Уолш начал с довольно грустной телебеседы о трудном существовании на Дьюсабле, оставив открытым вопрос о том, кто в этом виноват. При следующем своем появлении на экранах он уже встал в позу разгневанного гражданина, которого предали. Он кипел от возмущения, вызванного фактами, которые только что стали ему известны. Системе Каирен умышленно недодают горячее! Премияльные контракты отнимаются! После своей пламенной речи солон Уолш громогласно воззвал к справедливости: сейчас Дьюсабл нуждается в твердой руке, проповедовал он. В таком правителе, кто не подвержен влиянию дьяволов из Тайного совета.

Тиран Йелад реагировал на эту вакханалию мягко. Он был удивлен скользкой дорожкой, на которую встал Уолш в своей кампании. Но Эври уверила Йелада, что это — часть плана обескровливания поддержки Кенны. Поскольку Йелад лично передавал деньги для «банка» кампании Уолша, он был ободрен этими словами. А что касается нападков на Тайный совет — какое ему дело? Да и самому Тайному совету, величественным особам, входящим в него, совершенно наплевать на нападки такой шавки, как кандидат Уолш.

И только лишь для того, чтобы показать активность, Йелад дал команду слегка подкорректировать свои речи и несколько раз проводил выступления, в которых звучали негромкие интонации в защиту Тайного совета.

Рашид сделал так, чтобы непропорционально раздуть эти слабые намеки. В небесах повисли гигантские плакаты с защитительными речами Йелада, и громовой голос произносил цитаты оттуда.

А затем Рашид и его команда начали щедро подсыпать навоз в молотилку общественного мнения: «выжимки» протухали, полиция погрязла в междоусобных битвах, гангстеры нападают повсюду... И так далее, и тому подобное.

Йелад был слишком занят лихорадочным затыканием дыр и не замечал, что солон Кенна, его архивраг, еле-еле ведет свою кампанию.

За трое суток до выборов тиран созвал чрезвычайное совещание — доверие к нему пошатнулось.

Йелад имел внешний вид мяча — кожистый сверху, кожистый снизу, а в середине надутый пузырь. Его портной сделал так, что эти дефекты не столько скрадывались одеждой, сколько подчерки-

вались. Сама одежда была из материи чуть-чуть выше среднего сорта. Жил Йелад в том же маленьком домишке, где он рос еще ребенком. Он был ласков с матерью, хорошо отзывался о своей жене и понимал все неприятности, в которые попали его любимые дети, то есть граждане. Короче, были применены все те же уловки, что исправно работали многие десятилетия.

Психологи тирана вбивали в головы граждан нехитрую мысль: как человек из народа, Йелад обладает многими человеческими изъянами, но в той же мере и многими доморощенными достоинствами. Это была одна из причин, по которым он побеждал срок за сроком. (При этом, конечно же, не следовало принимать во внимание огромные сферы его влияния и сбора дани, а также гигантский, хорошо отлаженный аппарат.)

Однако в тот вечер ничего не было отлажено. Йелад стоял перед собравшимися подшофе — одна из многих дурных привычек, заработанных им за годы легких побед.

— Что вы себе позволяете! Вы что, не знаете, кто за всем этим стоит? За что я вам плачу, вонючки?! Вы ленивые недоноски, поэтому и облажались. Шваль у моих ног!

Он метал громы и молнии, а помощники трусливо сгрудились в стадо, переживая ужасающий шторм. Но Йелад никак не мог остановиться.

— Я объясню вам, кто устраивает заварухи. Это чертов Кенна! Хитрый тихоня... Ну хорошо!.. Хорошо, посмотрим, кто кого, посмотрим. Я отпускаю все тормоза. Вы слышали?! Тупые недоразвитые ошметки дерьмовых недоносков... Вот кого я имею.

Лишь после многих, многих «Да, сэр...» и «Простите, сэр...» он остыл настолько, что смог, скрежеща зубами, отдавать осмысленные приказания. В сложившемся цейтноте ему нужен был мандат доверия. И не просто, а исторического значения.

Команды головорезов и экипажи избирательных участков были удвоены, численность подкупленных избирателей почти утроена. Готовые восстать, ждали приказа включиться в предвыборную борьбу «мертвые души». Этот резерв вызывался лишь при финальном подсчете голосов.

Денег у тирана Йелада хватало. Чего ему не хватало — это организованности. После стольких лет постоянных побед он затребовал слишком малочисленную, как оказалось, команду для управления ходом выборов. Теперь он приказал удесятерить силы. И вся эта толпа, разом ринувшись в работу, смешалась, как бывает в велосипедном «заломе», образовав куча-мала.

Но самая скверная вещь произошла еще раньше, на следующий после собрания вечер. Меньше чем за сорок восемь земных часов до выборов.

Рашид спокойно наблюдал со стороны, как Кенна выплывает на большую уличную трибуну. Глаза Рашида скользили по собравшимся. Он удостоверился, что его ребята работают, мельтеша в необъятной толпе. Событие снимали все службы новостей планеты. Даже прикомыши Йелада были тут как тут, лишь только просочились сведения о предстоящем через несколько часов выступлении Кенны с речью о том, что Дьюсаблу грозит застой экономики. Репортеры позабыли о боссах, кому они должны сохранять верность, обезумев от самого пьянящего из ароматов — запаха политической бойни.

Кенна занял свое место. Раздался гром рукоплесканий, организованных «группой скандирования». Солон скромно раскланялся и вяло поднял руку, улыбаясь и прося прекратить овацию:

— Стоп, стоп! Я не заслужил такого изъясления любви.

Парни из «группы скандирования» снова нажали на педаль, лишь только толпа начала думать, что пора перестать рукоплескать. Овации стали еще громче. Рашид терзал ладоши толпы минут тридцать, а затем жестом приказал, чтобы овации пошли на убыль.

Кенна, улыбаясь, поблагодарил всех за такое неожиданное выражение поддержки, а затем построил на лице маску печальной мудрости. Он кратко обрисовал свою карьеру на поприще служения народу, не забыв упомянуть ни одной из тяжких схваток за интересы общества; потом признался, что ошеломлен трудностями ведения нынешней кампании. Он уже в годах, сказал Кенна, и осознал, что не в силах нести груз обязанностей, который на него возложит имя... должность тирана.

Толпа притихла. Затем народ начал шевелиться. С разных концов слышались крики: «Нет!.. Нет!.. Нет!..»

Были они порождены магией Рашида, ибо возникли не в глотках «группы скандирования», а действительно раздалились из народа.

Наконец солон Кенна приблизился к завершению речи. Выдержав драматическую паузу, он произнес:

— Я очень внимательно слушал речи моих оппонентов. И пришел к выводу, что только один голос звучит громкогласно за нас всех. Поэтому я объявляю... Я снимаю свою кандидатуру и...

Толпа яростно взревела, но Кенна самым своим видом праведника заставил ее стихнуть.

— И передаю свою поддержку, ваше доверие — наиболее обещающему из всех разумных существ Дьюсабла...

Вот теперь настала очередь пустышки выйти на сцену, к изумлению всей планеты.

Солон Уолш подошел к коллеге. Слезы блистали у него на глазах — это Рашид посоветовал Эври надуть слезоточивым веществом бутоньерку в его петлице.

— Я передаю тебе... наш новый тиран... жизнь нового века... Солон Уолш!!!

Народ сошел с ума. Завязались драки. Бригады репортеров ползали друг по другу, стремясь сделать фото поближе; отставшие показывали окружающим чудеса в спринтерском беге с тяжелой аппаратурой на шее.

Эпицентром всего этого умопомрачения была изумительная картина в обрамлении ораторской трибуны. Лишь только репортеры осознали это, они вышли из народа, вернее, вырвались из толпы обратно к трибуне, чтобы запечатлеть картину, расшибая себе лбы и залезая на плечи коллег, лишь бы заполучить свое профессиональное удовольствие.

А она стояла того, эта великая композиция для предвыборного плаката, — солон Кенна и солон Уолш, рыдая от счастья, обнимают друг друга за плечи в едином порыве любви.

Рашид подумал, что представление удалось на славу. В прошлом он делал, конечно, и много лучшие, но в конце концов, надо допустить, что... Тут его ум совершил маленький, но бешеный скачок. Когда он делал лучше? *Для кого?..* Но тут рев толпы отвлек его, и он вновь с головой погрузился в заботы.

Теперь предстояла самая трудная часть операции — надо (всего лишь!) украсть победу на выборах.

День выборов рождался под гром бешеных воплей тирана Йелада. Глаза его были словно чайные блюдца, налитые кровью, — следствие гонки за иудой Уолшем в течение всей предыдущей ночи. Наконец помощники утихомирили Йелада настолько, что он сумел внятно произнести приказ контратаковать.

Йелад брякнулся за свой стол и полностью открыл кран незаконных действий. Уверенность в себе и доверие избирателей быстро возвращались. Его политический арсенал мог заставить ахнуть даже покойного императора.

Избыток пара подходил к концу. Тиран сосредоточился и заказал кувшин крепчайшей заварки, чтобы подготовить нервы к длинному дню и долгой ночи впереди.

В этот момент в офис ворвался один из его помощников. Он имел нехороший, испуганный вид. Скверные новости из 22-го отделения — одного из самых надежных опорных районов Йелада, с миллионом «железных» голосов в кармане и двумястами тысячами «голосов из могилы».

Потеряв от ужаса способность перерабатывать информацию, помощник докладывал очень плохо, то бишь рассказывал все, что случилось, с самого начала, с мельчайшими деталями. Йелад заорал, чтобы тот сразу говорил суть, но бедняга настолько запутался, что

пришлось, стиснув зубы, велеть ему начать рассказ снова, с начала и по порядку.

Двадцать второй район находился на острове, окруженном морем фабричных стоков. Для рабочих, то есть для ста процентов избирателей, существовало лишь два маршрута следования домой и на работу — через большие мосты, построенные на голом энтузиазме и принесшие огромные деньги в виде взяток лет двадцать тому назад.

— Да, да! Черт побери, мне это известно. Быстрее рожай из своей дерьмовой задницы!

— Ну, значит... — Помощник запнулся на полуслове. — Один из них только что рухнул.

— Дьявол!.. — только и смог выдохнуть Йелад.

Передвижение избирателей скоро приведет к тому, что по второму мосту нельзя будет протолкнуться. И хотя обошлось без жертв, народ может испугаться и не выйти голосовать.

Йелад единым духом всосал в себя полкувшина подкрепительного.

День начинался не лучшим образом.

Пока Йелад пытался собрать свои извилины, Рашид проник в темную глубину подземелья большого здания, где находилась компьютерная система подсчета голосов всей планеты.

Подлиза служащий проводил его бригаду из трех гуманоидов со специальным техническим образованием к бронированному помещению. Открылась тяжелая дверь. Взглядам пришедших предстала путаница приборных панелей, оплетенных старомодными оптоволоконными кабелями. Дело оказалось совсем легким. Но Рашид знал, что в политике все легко, надо лишь приложить силы в нужный момент.

В день выборов там, где раньше две тысячи женщин шагали в демонстрации в защиту чести невинной Ким, поднявшееся над городом солнце осветило пятнадцать тысяч разгневанных матерей — они двигались в марше, организованном от двух отделений. Перед ними полз целый гравифургон с полицейскими.

Три часа матери шли от одного отделения к другому, сзывая избирателей всех рас и полов под полотнища, на которых трепетал на ветру лик замученной вырожденками из полиции девочки-налетчицы.

Потом они все пошли отдавать свои голоса. Шестьдесят тысяч голосов. Некоторые особенно разгневанные дамы проголосовали раз по сто — до тех пор, пока избирательные участки не закрылись.

Солон Кенна на рассвете пробежался по докам и помещениям бюро трудоустройства ПДТ. Он сыпал деньгами так щедро, что, будь это стапельная смазка, можно было спустить на воду целую флоти-

лию крейсеров. И, тряся каждому руку и наполняя ему карман кредитками, глядел собеседнику прямо в глаза и говорил напутственно:

— Идите голосовать. Задайте им перцу!

Рабочие массы длинными колбасами вылезали из проходов.

Накал избирательных страстей и уличных драк не стихал до глубокой ночи.

Солон Уолш обращался к толпам сидевших у телевизоров торжественно, с юной честностью. Но гнев его был так велик, что крепкая длань Уолша дрожала. Зажатый в руке, перед камерой трепетал обрывок бумаги с последними ледящими душу фактами.

— Еще одно предательство, дорогие мои сограждане. Тайный совет в своей мудрости дошел до того, что приказал девальвировать наши деньги вполонину! Что скажет по этому поводу мой трусливый оппонент, тиран Йелад?

Стоявший поблизости мог видеть, что на бумажке нацарапано лишь несколько слов — напоминание, написанное рукой Рашида. Подчеркнутые жирно слова гласили: «Не улыбайтесь, когда будете это говорить».

Нахмуренные брови Уолша были верхом артистизма.

Чрезвычайную пресс-конференцию Йелада, на которой он собирался опровергнуть обвинения Уолша, назначенную на полдень, пришлось отменить. Пришли совсем дурные вести из 22-го отделения — оставшийся мост пошел крупными трещинами.

В итоге из 22-го проголосовать сумели лишь сотен семь избирателей. Это означало, что Йелад не сумеет подбавить слишком много голосов здешних мертвецов.

Первый из нескольких сотен гравифургонов с подставными избирателями проник в столицу только с наступлением темноты. Это свое подкрепление Йелад собирал по всей планете. Голосующих возили от участка к участку, где они подписывались за тирана и получали талончик за каждый акт волеизъявления. Потом талончики выкупались у них за наличные. Имелись искусные профессионалы, способные обежать от двух до трех сотен урн до полуночи, когда избирательные участки закрывались. Весьма приличный приработок.

Рашидова команда дождалась в подворотне, пока проедет первый гравифургон. Громилы, как туча, вылетели из темноты, размахивая дубинками и бутылками с горючей смесью. Пассажиров вытащили наружу и побили; кузов машины был сброшен с гравишасси и повален набок, а затем подожжен. Плающий остов его преграждал дорогу другим машинам.

Нельзя сказать, чтобы баррикада оказалась действительно нужна: остальные машины были либо так же быстро разгромлены, либо показали хвост и исчезли за городской чертой.

Кто-то размолотил сейф на борту одной из машин и вытащил оттуда фальшивые бюллетени. Еще одна строка к списку черных дел Йелада.

Джиллия — закаленный, с двадцатилетним стажем ветеран кампаний крепких рукопожатий и грязных трюков. Но в последнее время он что-то стал уставать и подумывал об уходе. Он решил прекратить изъяснять лояльность Йеладу, вот только проведет эту последнюю кампанию. Тем более что специалисты предрекали самые простые выборы из всех, что были.

Кенна не имел шансов, так что все обязанности, выпадающие на долю Джиллии, можно будет выполнять намного менее тщательно, чем обычно. Если обделывать дело с умом, он вернется с выборов едва ли не богаче самого тирана.

Когда Джиллия приказал передней машине свернуть к 103-му отделению, он уже знал, что был дурачком с розовой попкой, размечтавшись о легких деньгах. По слухам выходило, что повсюду на Дьюсабле Йелад терпит неслыханную утечку голосов. Отряды наведения порядка, выходявшие выдать немножко тумачков кому следует, сами их получали. Некоторые схватки перерастали в настоящие сражения. Джиллия собственными глазами видел пылающий в огне пожара офис Йелада в отделении. А шел лишь первый час ночных предвыборных гонок... Горящие баррикады и оружие толпы преградили ему путь в восемь отделений.

Тем временем высшие приближенные Йелада, видимо, решили, что самое великое дело — орать на своих. Никогда раньше начальство окружной комиссии не встречало Джиллию такими истерически воплями. Команды вольных избирательных скакунов-наездников подвизгались неслыханному нажиму. Заходы с участка на участок показывали, что доверие к Уолшу огромно и растет неуклонно. Этот процесс следовало поворачивать вспять, и, дьявол побери, побыстрее!

Работой Джиллии было обеспечивать, чтобы сторонники оппонента не смогли добраться до избирательных участков.

Как и повсюду, престарелые и немощные на Дьюсабле более других склонны к совершению актов гражданской воли. К сожалению, таким общественно-активным существам зачастую трудно даже доползти до урны.

Существовал традиционный механизм для решения этой проблемы. Капитан отделения составлял списки тех, кто стар и немощен, а затем передавал их команде поддержки того или иного кандидата, соответственно принадлежности. Вечером в день выборов по отделениям проезжали машины, на которых были написаны имена кандидатов, забирали стариков и калек, доставляли в участок для совершения гражданского долга, а затем привозили домой.

Джиллия, как и его соратники, не сомневался, что все будет в порядке, как всегда. Ближе к вечеру он взял двадцать машин под

свое задание. На машинах уже было намалевано: «Солон Уолш». Игру собирались вести по традиционным правилам. Лазутчики добыли во вражеском стане списки и график поездов. Теперь Джиллии надо поскорее разослать своих ребят на этих машинах по отделениям. Они объедут все улицы, будут стучать во все двери, если понадобится, и понапишут полные гравифургоны старичья. А потом выкинут их на обочину где-нибудь километрах в пятидесяти от дома и, понятное дело, от места голосования.

Подъезжая с ребятами к деловому центру 103-го отделения, Джиллия провел инструктаж. Кавалькада машин рассыпалась; все разъехались по указанным Джиллией квадратам. Сам он со своими двумя мальчиками на побегушках занялся тем же делом.

Пожилая особь, явно с избирательскими склонностями, приветствовала их, когда они подъехали к первому ряду домов, у своей двери со смущенной улыбкой:

— Почему... Что вы здесь делаете, юноши? Я уже отправила свои общественные надобности...

Джиллия решил, что его «надевают». Он вздохнул. Всегда найдутся отдельные граждане, которые под любым предлогом уклоняются от голосования. Ну да ладно. Теперь следует ее слегка пришибить — как честному работнику избиркома. А не то заподозрят... Джиллия занес было руку для удара — дряхлое существо отпрянуло назад с прытью, весьма для его возраста удивительной. Вот ведь дерьмовая старуха! Теперь придется вылезать, гнаться за ней...

— Не надо! — вопила престарелая сволочь. — Это ошибка!

— Никакой ошибки, леди, — проворчал Джиллия, загнав ее в угол и устанавливая в позу для порки. И тут он остолбенел — старуха сунула ему под нос карточку избирателя, где было проштемпелевано имя Уолша, время и дата голосования. О черт! Старая перечница действительно справилась свою нужду...

Все-таки Джиллия врезал ей. Он был слишком встревожен происшедшим, поэтому коронный удар не получился — лишь свалил старушку на землю, с тем чтобы она могла получить заслуженный пинок под ребра.

Но вдруг, когда ботинок Джиллии уже шел на сближение со старушечьим боком, жесткая рука сгребла его за воротник, и он узнал, что ощущает цеп, когда им молотят.

Джиллия шмякнулся на землю и попытался откатиться в сторону, чтобы ускользнуть от следующего тумака, но опоздал, и вместо «кувырк» у него вышло «шлеп». По животу заехали дубинкой, и воздух у Джиллии неожиданно весь кончился.

Бедняга, корчась, силился вздохнуть; красные пятна застилали взор. Но сквозь туман он сумел разглядеть стоящую над ним с ухмылкой молодую женщину с крутыми плечами, крепкой шеей и рельефной лепки мускулистыми руками. Откуда-то сбоку раздавалось

злорадное квохтанье старой гусыни. В этот момент молодуха перехватила дубинку поудобнее и врезала... Перед тем как тело ощутило удар, боль пронзила его и наступила тьма, Джиллия услышал перепуганные вопли своих мальчиков-побегайчиков.

Часом позже бесчувственное тело Джиллии валялось в дальнем лесу, примерно в полусотне километров от избирательного участка. Поблизости вылеживалась вся братва из его команды.

А тем временем трофейные машины уже разъехались по вотчинам Йелада, перекрашенные в его цвета и под его именем. Мастера нечистых дел Рашида работали быстро. И четко.

— Не могу допустить, чтобы хорошую идею выбрасывали на свалку, — говорил Рашид, глядя на Эври.

Пэйви с удовольствием включила в работу свою рать.

Йеладовцы атаковали за час до закрытия участков. Три сотни молодцов налетели на штаб-квартиру Уолша, получив приказ оторвать все головы, разгромить все кабинеты, а также унести все документы, которые сумеют найти.

Малочисленная охрана на улице перед зданием оказала лишь символическое сопротивление, быстро была рассеяна и улетучилась. Костровые занялись разведением огня, куда следовало пошвырять мебель, документы и все остальное, что горит. Налетчики спешно соорудили железный таран и разнесли им двойные двери. Еще мгновение — и «бойцы» Йелада проникли внутрь.

Отряд спешил вверх по лестнице, и Рашид смеялся, смотря на это. Не успела первая волна атакующих докатиться до того места, где он стоял, как был подан сигнал. Из укрытий повыскакивала группа шоковой терапии и устремилась в контратаку. Их было пятьсот, и все такие же, как у Йелада, — крупные, смышленные и любящие делать другим больно.

Рашид поймал своего первого «подопечного» прямо за его дубинку. Раздался сухой хруст — дубинка переломилась в руках повара. Второго он схватил, метнувшись в сторону, за ухо, которое использовал в качестве управляющего рычага для выполнения команды «Ложись!». Ухо осталось в руке Рашида, а его бывший владелец застрял головой в ступеньках. Рашид швырнул оторванное ухо прямо в лицо остоленевшего третьего хулигана, только-только успел дать ему ногой в пах и потянулся было к четвертой кандидатуре, как увидел, что силы Йелада захлебнулись в волне контратакующих.

Дело шло хорошо. Ничего на свете Рашид так не любил, как старое доброе голосование ручным способом.

Лейтенант Скиннер появилась на последнем избирательном участке Уолша буквально за несколько минут до закрытия. Несмотря на поздний час, она совсем не спешила.

Ночь после выборов была одной из любимых ночей в году. Для Скиннер всегда находилась масса приятнейших делишек, а уж «выжимки» кучами валились.

Но сегодня она была полисменом без определенных занятий. Все кончилось, «соус» иссяк. Скиннер чувствовала себя ограбленной и нищей; да и ее капитан хныкал, что ему не лучше. Ну и черт с ним! Она была уверена, что тот жалуется просто из осторожности. Коллеги в отделениях рыдали над своими собственными несчастьями — а они были такими же.

По причине вышесказанного лейтенант патрулировала малой скоростью в совершенно безнадежном расположении духа. То, что она видела, нисколько не улучшало скверное настроение. Мало того что взятко никто не давал, так еще каждый норовил если не напасть, так плюнуть ей в глаз.

Главной задачей Скиннер было принимать «левых» голосовальщиков Йелада, когда они прибывают на участок. Ей и шестерым вспомогательным существам надлежало быстро опорожнить грузовик с прибывшими, обеспечить незамедлительную и правильную процедуру голосования и снова загрузить машину, чтобы возможно скорее отправить на следующий участок.

Но почти никто не показывался. Скиннер позвонила узнать, что стряслось. Пронзительный голос на той стороне прокричал, что просто небольшая путаница произошла, задержка в некотором роде. Скиннер сказала: «Ладно», — и повесила трубку.

Истеричность говорившего не добавляла спокойствия. Она позвонила снова и услышала тот же ответ. На третий раз оказалось, что все линии забиты. Скиннер с тоской поняла, что это произошло по всему Дьюсаблу — видимо, все блюстители, как и она, в панике разом снимали трубки.

Ну и ладно. Она больше не будет высовываться, закончит дежурство, пойдет домой да и нарежется по поводу окончания выборов.

За весь вечер пришло лишь несколько грузовиков. Впрочем, невелика радость — на участках их ждали сюрпризы. Вовсю гуляли проститутки всех полов: они сеяли разврат под такой мощной охраной гангстеров-сутенеров, что Скиннер удавили бы насмерть, реши она вмешаться. Торговцы удовольствиями высоко держали марку; в воздухе прямо-таки разливалось обольщение. Дело было сделано — забыв про Йелада, наемные избиратели встали в очередь голосующих за Уолша. Оплата — несколько приятных минут в темном уголке. И никаких талончиков.

Скиннер ничего не могла поделать. У нее как будто пропали все мускулы. А вскоре она вообще стала чувствовать себя рогатой. Дойдя до последнего участка, она уже не знала, то ли она слишком обмочилась, что выросли рога, то ли наоборот.

Когда она увидела своего миленького парнишку, обслуживающего голосующих, у нее отвалилась челюсть. Ах, ну как она могла пройти мимо? Вся злость улетучилась при виде его курчавых волос и мягких очертаний рта.

Лейтенант Скиннер выудила из кармана карточку избирателя и встала в очередь. Черт с ним! Ее голос пойдет в пользу Уолша.

В Каирене, а особенно на Дюсабле, существовал удивительный закон физики. Он вступал в действие во время каждых выборов. Сразу после закрытия избирательных участков — однако никогда не раньше этого срока — главный компьютер системы баллотирования начинал «зависать» и «циклиться». А затем полночи вообще стоял, пока бригады высококлассных техов суетились в его чреве и качали головой над чашками горького кофе.

В определенное природой время из машинного зала раздавались крики победы, и компьютер сам запускался, подсчитывал голоса и выплевывал распечатку результатов. На протяжении этого финального акта не было случая, чтобы машина «зависала». Результат всегда соответствовал ожиданиям: Йелад выигрывал.

Тиран ежился в огромном кабинете, сидя вместе со своими первыми помощниками. Несмотря на кошмар, который преследовал его весь день и вечер, настроение Йелада вроде бы наладилось и стало даже празднично-светлым. Этому помогало то, что он был пьян. А в еще большей мере помогало то, что физический закон Дюсаблы вступал в свои права. Спасен благодаря ломающемуся компьютеру!

Йелад хихикнул, отхлебнул порядочно из бутылки и рывкнул старшему счетной комиссии, чтобы тот приступал к делу. На столе перед Йеладом засветился экран. Сейчас он увидит то, что нужно!

Компьютер был запрограммирован так, чтобы сначала велся правильный подсчет голосов. Сломанный сразу, компьютер мог бы внести сумятицу в действия. Вначале компьютер обсчитывал голоса оппонентов — это давало Йеладу знание, каковы силы врага. Лишь затем велся подсчет голосов Йелада, и планка победы корректировалась миллионами «голосов из могилы», что были в его распоряжении.

Но надо быть аккуратным. Если надувательство окажется слишком явным, дурацкие вопросы будут задавать ему весь первый год нового срока. В этот раз Йелад был очень осторожен. Он до боли хотел отомстить Уолшу за его вероломство. Он похоронит маленькую ложь под обвалом исторических масштабов.

Услышав стон регистратора, Йелад встрепенулся. Что за черт?

Уолш наступал повсеместно. Лучшим словом для описания ситуации могло бы служить «наводнение». От участка за участком он шел к победе...

Через полчаса Йелад вдруг протрезвел. Он в глубочайшей заднице!

Планка Уолша оказалась настолько высока, что Йеладу пришлось подключить всех жмуриков, которые когда-либо были занесены в его файлы. Он с усилием взял себя в руки и хлопнул разом полбутылки. Ну хорошо же! Он сделает все, что нужно. Что бы ни случилось, он все равно останется тираном.

Йелад нетерпеливо приказал регистратору начать обсчет отделений; тот устроился попрочнее в кресле — впереди целая ночь вычислений.

Ночь вышла неожиданно короткой. Уже через час начала проявляться жуткая правда.

Голосов за Йелада почти не было!

Позже он понял, в чем дело. Кто-то покопался в компьютере. И по всему Дьюсаблу, когда верный Йелад избиратель нажимал кнопку, проклятая машина приписывала голос в пользу Уолша, а не в его. Официальный итог Йелада составил менее полумиллиона голосов.

В эту ночь покойники Дьюсабла с облегчением отдыхали в своих гробах.

Так кончился Йелад. С тех пор его звали не иначе как «Йелад, Который Обвалился».

Рашид не присутствовал на победном приеме, устроенном Уолшем и Кенной. Вместо этого он провел совершенно секретную беседу с солоном Кенной в своем офисе. Настало время назвать цену.

Мысль пришла ему, когда он наблюдал за ходом выборов по ящику. Эта мысль сопровождалась ошеломляющим чувством срочности. Он должен действовать! И быстро.

Когда Рашид чуть ли не бежал на свою наспех организованную встречу с Кенной, плотный туман, клубившийся в его мозгах все это время, начал редеть и вовсе улетучился.

Он прошел последнюю проверку.

Кенна легко принял то, что потребовал от него Рашид: быстрый корабль с полным запасом АМ-2, старт через шесть часов. Кенна подумал, что это и не цена вовсе. Он полагал, что Рашид будет кланчить чемоданы денег. И нельзя сказать, что его работа того не стоила. Так что, если посмотреть с этой стороны, требования Рашида были столь мизерными, что даже заскорузлая душа Кенны почувствовала какие-то утрызения.

— Вы уверены, что мы не можем сделать для вас что-то еще?

— Вероятно, можете, — был ответ. — Не знаю. Но сейчас, сию секунду, сделайте только это. И — наслаждайтесь победой. Я еще вернусь к вам.

И вечный император пожал руку необычайно обрадованному политику.

«Ключ» к королевству выглядел маловпечатляюще — намеренно.

Это была маленькая луна, одна из десятков таких же, чуть побольше или чуть поменьше, которые вращаются вокруг Юпитера. Ее главными отличительными чертами являлись, во-первых, полное отсутствие коммерческой ценности, а во-вторых — то, что от нее было два шага до открытого космоса.

Луна эта была оборудована несколько веков назад. Выбрали ни для чего не пригодный астероид подходящих размеров. Бригада космических экскаваторщиков прорыла по всей поверхности астероида каналы, куда затем были уложены кабели, а каналы засыпаны. Затем бригаду уволили, строго-настрого предупредив, что они выполняли работу по засекреченному правительственному проекту. Наняли другую бригаду для постройки небольшого подземного бункера, а в пяти километрах от него, в месте, отгороженном от бункера высоким скальным гребнем, — подземного дока.

В бункере установили генераторы, электростанцию и какие-то сложные и неизвестные системы связи. Контракт кончился, и вторую бригаду также уволили. По прошествии достаточно большого времени те, кто работал на астероиде, стали думать, что «секретный проект» был мифом, просто каким-то провалившимся замыслом исследователей.

Буксирами астероид подтащили на нужное место рядом с газовым гигантом и запустили на орбиту. Позже там силами команд отряда «Богомол», которые не знали о прошлой истории астероида, были установлены мониторы наблюдения охранной системы.

Существовало еще четыре таких «ключа», разбросанные по Вселенной. Об их местонахождении знал только вечный император. Назначение у всех было одно. И к системам связи имел доступ только император: там стояли все мыслимые устройства сканирования — от анализаторов кода ДНА до приборов распознавания отпечатков пальцев, и даже экзотический классификатор Бертильона. Если в бункер входил кто-то чужой, все аппараты и системы сплавлялись в одну невообразимую кучу.

Устройства связи были нацелены на корабль — где-то в другом пространстве, а также на горнодобывающие корабли-роботы рядом с ним. По сигналу из бункера можно было изменить команды, которыми центральный корабль управлял роботами, и начать отгрузку АМ-2.

Еще из бункера велось управление длинными составами роботов-танкеров. При «нормальных» обстоятельствах, например при случайной смерти вечного императора, танкеры можно было направить в условленные порты-склады. А при других обстоятельствах — куда-нибудь еще. Для поощрения верных и наказания отступников.

Или наоборот, в зависимости от того, что решил император. Для него это был наискорейший и самый надежный способ сохранить свое влияние.

Вечный император прокрался в систему спутника. Он не спеша, по несколько раз опросил хитроумные сенсоры, сканеры и датчики, которыми по его требованию был оборудован корабль, представленный благодарным Кенной. Если хоть один датчик покажет, что в систему было вторжение — если обнаружится, например, брошенный горнопроходческий корабль, буксир или даже слишком любознательная яхта, — решение будет единственным. Немедленный уход и движение к спутнику, который обусловлен как запасной КП.

Наружные датчики ничего не показали. Император изменил дугу сканирования — прямо над самой системой. Снова ничего. Успокоенный, император приблизился к газовому гиганту. Датчики молчали.

Он подошел к луне со стороны, противоположной бункеру, и юркнул по направлению к доку. Порты были свободны; на датчиках — чисто. Он сел.

Император оделся для выхода, убедился, что механизм жизнеобеспечения скафандра заправлен, и двинулся к убежищу.

Пройдя всего полпути до гребня, он стал шепотом ругать себя за маниакальную подозрительность. Очень нелегко идти, касаясь земли, в мире с почти нулевой тяжестью. У него не было ни малейшего желания выскочить над горизонтом как раз под прицел кого-нибудь, кто сидит на куполе, а то и вообще запустить себя на орбиту. Императора беспокоило, как бы не пришлось возвращаться к поверхности на реактивном ранце — слишком уж его будет легко зачесть, если там ловушка.

В нескольких сотнях метров от входа в убежище, в такой же пещере с входом, запертым скользящим камнем, он остановился. И просидел там целых шесть земных часов, наблюдая.

Ничего. Путь чист.

Заунывно гудела система жизнеобеспечения, поддерживая в скафандре тепло и улавливая влагу, выделявшуюся из пор. Император потел. Пальцами он бессознательно коснулся своей груди. Там, под скафандром, кожей и мышцами, жила бомба.

Он расстегнул кобуру на поясе и вытащил маленький приборчик. Выставил наружу шуп, похожий на палочку. Быстро подошел к зоне прохода в бункер, вставил шуп в почти незаметное отверстие и нажал кнопку. Через мгновение крышка люка откинулась. Император ощутил вибрацию почвы под ногами от работающего привода люка.

Он вошел в пещеру; дверь за ним скользнула на свое место. Зажегся свет. Император осмотрел приборную панель — здесь тоже не было сигналов, говорящих о чужом вторжении. Отопители заработали на полную мощность, в убежище начал накачиваться воздух. Очень хорошо.

Подойдя к двери, властитель приложил к ней палец. Дверь отползла в сторону. За ней была чудесная вещь: комбинированное устройство «мини-спальня — мини-кухня — скафандр». Он закрыл эту дверь и бросил взгляд на приборную панель. Атмосфера — девяносто пять процентов от земной. Температура — приемлемая. Можно отстегнуть гермошлем.

Давал себя знать голод. Император надеялся, что запасов пищи достаточно. Сначала надо поесть, а потом активизировать связанные устройства.

Он остановился на пороге рубки связи и глянул внутрь. Мир пошатнулся в его глазах! На рабочей стойке находилась, поблескивая, не готовая к действию аппаратура, а масса сплавившегося, уже холодного металла. Мгновенно в мозгу засвербил сигнал-мысль:

«Наблюдение... Ловушка... Раскрыт... Самоуничтожение! Самоуничтожение!»

Но кто-то внутри заспорил:

«Нет. Надо подождать. Ловушка не подтверждена. Слишком много времени. Не возобновлять программу без смертельного повреждения объекта! Возврат в ждущий режим! Свертывание программы!»

Бомба не сработала. Не сработала она и тогда, когда распахнулась дверь чулана и голос оттуда произнес:

— Мои специалисты по безопасности оказались не такими умницами, как уверяли.

Взору императора предстала фигура в скафандре, высокая и тощая. Рука в металлической перчатке поднялась и отстегнула шлем. Внутри был Кайс.

Снова возникла мысль-приказ — и снова каким-то образом программа самоуничтожения была свернута.

— Я единственное живое существо здесь. Кроме вас, конечно, — произнес Кайс.

Император решил еще раз подумать. И промолчал, уверенный, что голос его дрогнет, если он заговорит.

Кайс, не дождавшись ответа, продолжил:

— Ваше продвижение сюда, чтобы возвратиться на трон, — очень умно. Это напоминает мне одну земную легенду. Я читал про человека по имени Тесей.

— Выходит, не так уж и умно, — парировал император.

— Неправда. От любого, кто ищет вас, если даже он один только вас встретит, требуется сначала безумная вера. Вера в то, что вы не умерли. А еще нужны невероятные ресурсы. — Кайс указал на остатки аппаратуры. — Прошу прощения за некомпетентность моих сотрудников. Хотя я уверен, что остальные станции, кроме этой, в полной сохранности. Еще можно возобновить отгрузку АМ-два. Впрочем, для меня это не имеет никакого значения.

Император размышлял над сказанным. Ситуация становилась... ну, не известной из прошлого, но, похоже, влезала в рамки понима-

ния и возможного управления ею. Первое допущение: Кайс планировал провалить дело и предать своих сообщников-заговорщиков. Нет. Он сказал, что АМ-2 для него ничего не значит. Кайс хочет чего-то иного.

— Вы сказали, что нас здесь только двое. Вопрос мой очевиден: что мешает мне просто застрелить вас и исчезнуть?

— Зачем? — ответил вопросом на вопрос Кайс. — Мсть? Слишком малозначительный мотив. Особенно если учесть, что наша попытка... изменить систему правления... провалилась.

Вот как? Мгновенный анализ: предыдущие слова Кайса «Вы не умерли», а теперь вот это... Ситуация улучшается. Кайс понял не все.

— Ну а если вы все-таки пожелаете удовлетворить свой каприз... — Кайс ткнул пальцем в передатчик у себя на ремне. — Стандартный блок телеметрии. Если он прекратит подавать сигналы жизнедеятельности моего организма, здесь появится команда поддержки. Не думаю, что вам удастся убежать из их сетей.

— Вы делаете несколько больших допущений, господин Кайс. Известно, что в некоторых случаях я люблю побаловать себя. Привилегия императора, уж извините...

— Это верно. Вначале, когда я установил, куда вы направляетесь, я подумывал о засаде. Сам бы я при этом был где-нибудь в безопасном отдалении. Ружье с транквилизатором или газ... Что-то наподобие. Мгновенно парализовать вас и удерживать под наркотиками, пока не станет возможным управление мыслями... Но потом я решил, что задуманный мною план не сработает — вы слишком многих ловушек избежали в прошлом.

Кайс замолк, потом продолжал:

— Кроме того, если бы я делал вам предложение в насильственной обстановке, вы почти наверняка его отвергли бы.

— Слушаю вас.

— Прежде всего предлагаю вам свою чистосердечную преданность и поддержку. Я сделаю все — и извне и изнутри, — чтобы уничтожить Тайный совет. Не хочу убеждать вас, что только моя помощь может привести к исходу, который я считаю неизбежным. Но я могу значительно ускорить их падение и, вероятно, уменьшить долю разрушений, которые они нанесут, пока будут биться в агонии. А когда империя будет восстановлена, я предлагаю вам свою постоянную верность.

— Вывертывание наизнанку, — сказал император, — может стать привычкой.

— Этого не произойдет. В том случае, если вы выполните свою часть нашего договора. Но это как возможность. Может быть, вы предпочтете, чтобы вам мое присутствие не напоминало о... о том, что сейчас произошло. В таком случае я приму изгнание, что ника-

ким образом не уменьшит мою готовность помогать вам всеми мыслимыми способами.

Кайс ненадолго замолк.

— Но я могу предложить вам и кое-что более существенное, — продолжал он. — Весь мой народ, при вашем свободном согласии, будет вам... «слуги» — не точное слово. Но по сути дела, это именно то, чем мы будем для вас, если вы можете представить себе раба, который прыгает от радости, завидев цепи. Это также легко достигается.

— Ваш народ, — сказал император, — без сомнения, будет принят доброжелательно, если решит безоговорочно поддерживать мою империю. Если только я не упускаю чего-то... легкодостижимого, как вы только что выразились.

— О нет.

— Хорошо. Что, собственно, я должен вам дать? — спросил император, хотя неожиданно, с тошнотным чувством понял, что знает ответ.

— Жизнь! — сиплым голосом сказал, запнувшись, Кайс. — Бессмертие. Вы, может быть, понимаете трагедию смерти. Но если она разыгрывается в заранее известное, биологически определенное время, причем в такое, когда особь находится на высоте своих сил и знаний... Это трагедия моей расы. Я прошу — и для всего моего народа также — вечной жизни. Бессмертия, такого, каким обладаете вы. Я предлагал вам сделку. Нет, неправильно. Как ваш подданный, я прошу вас о подарке.

И Кайс неловко упал на колени.

Наступила тишина. Тишина, растянувшаяся, казалось, на годы.

— Несчастное вы создание, — наконец произнес император.

Кайс встал.

— Как вы можете не принять это? Как вы можете игнорировать мою логику? Мои обещания?

Император заговорил, тщательно подбирая слова:

— Логика... Обещания... Что с ними делать? Послушайте, что я скажу вам. Я — да, я бессмертен. Но... — Он коснулся своей груди. — Это не тело. Вы просите то, чего я дать не могу. Ни вам, ни любому представителю любой расы или вида.

Глаза Кайса будто взорвались.

— Это правда?

— Да.

Кайс поверил, но продолжал пристально смотреть на императора. Чувствуя себя неловко, тот отвернулся. Снова возникло долгое молчание.

Вечный император рылся в глубинах своего запаса трюков.

— Вероятно... может быть, есть компромисс. Я хочу сделать предложение со своей стороны. Вы поможете мне сокрушить Тайный

совет, а я найду ресурсы для развертывания программы, финансируемой не хуже «Проекта Манхэттен». Эта работа может продлиться несколько поколений. Такая программа, если решение в конце концов будет найдено, не сумеет помочь вам или вашим современникам. Но это — лучшее из того, что я в состоянии сделать.

Император повернулся лицом. Кайс стоял неподвижно.

— Это, конечно, не может удовлетворить, — начал император, — по сравнению с... — и остановился.

Г'орби стоял как изваяние. Император сошел с места, куда был направлен взгляд Кайса. Тот не повернул ни головы, ни глаз. Император шагнул к нему и провел перед лицом рукой — никакой реакции.

«Наверное, шок от осознания, что нет святого Грааля для него и его вида», — подумал император.

Рот Кайса приоткрылся. Оттуда закапали пищеварительные флюиды.

Император обеспокоенно бросил взгляд на индикатор жизнедеятельности Кайса. Нет, физиологические показатели в норме.

Властитель закрыл стекло гермошлема и поспешил к выходу, но затем обернулся.

Идиот, в которого превратился Кайс, так и стоял на том же месте, поддерживая свой скафандр, будто вешалка.

— Несчастное создание, — повторил император.

Это была лучшая эпитафия, которую он мог произнести, и единственное, на что имел время.

Книга четвертая

Идущие на смерть приветствуют тебя

Глава 26

Ученые мужи на Ньютоне носили на лице выражение непреходящего недоумения, присущее, как некогда выразился один студент сельскохозяйственной академии, корове, внутрь которой дородный осеменитель запихнул кулак в стерильной перчатке.

Перед открытием трибунала это выражение постепенно сменялось таким же озадаченным взглядом, переходящим в радостное изумление. Как в свою очередь выразился Килгур, корова словно осознала, что вместо кулака у нее внутри то, что надо.

Никогда в пыльной академической истории, насчитывавшей тысячи профессоров, тяжело трудившихся на поприще науки, университет не привлекал к себе такого внимания.

Когда произошла преднамеренная утечка информации о предстоящих событиях, репортеры со всех концов империи рванулись наперегонки в Ньютон — запечатлеть ожидаемый крах Тайного совета. Ньютоновскую администрацию буквально похоронили под кучей заявок на разрешение присутствовать, и не только от репортеров, а и от политических экспертов, студентов, историков и просто любопытных.

Стэн, Алекс и Махони метались как сумасшедшие, заставляя службу безопасности «просеивать» через себя миллионы заявок. Задача была особенно трудна вследствие того, что по замыслу-то и требовалось привлечь к работе трибунала максимальное внимание. Они пытались удержать информацию в руках, включая и сотни других мелочей, до публичного открытия.

А пока интервьюеры осаждали декана Блайза, его факультет и студентов из многих колледжей, составлявших структуру университета. Не было ни одного мелкого факта, скучного ответа или невнятных серых мазков описания, которые не пригодились бы для голодных до новостей средств массовой информации. За короткое время каждый обитатель Ньютона побывал в роли звезды экрана.

Информационный голод был в особенности силен потому, что хотя сэр Эку и раскрыл основные цели трибунала, сидя на заседании Тайного совета, но сохранил в тайне суть обвинений от всех, кроме судей. Все были уверены, что обвинение связано с АМ-2. Другими словами, заговор с целью обмана. Сэр Эку мог себе представить изумление публики, когда будут обнародованы действительные обвинения — в заговоре с целью убийства.

Сэр Эку выбрал Ньютон за его долгую историю и репутацию внепартийного заведения. Однако он ожидал необычайных трудностей в деле убеждения декана Блайза согласиться принять у себя трибунал. Как ни странно, после уточнения деталей режима безопасности соглашение было достигнуто быстро. Помогло то, что Блайз, прежде чем заняться высшей школой, служил имперским генералом. И наверное, более важным оказалось то, что Ньютон был одним из первых заведений, с которых Тайный совет начал урезания бюджета. За первыми ограничениями последовало множество других. Тайный совет все подстригал и подстригал ассигнования, пытаясь удержать экономику на плаву.

Остальное решило пожертвование изрядного количества АМ-2, украденного Стэном.

Большую аудиторию оборудовали быстро. На возвышении установили длинный стол для судей трибунала. Место позади предназначалось для группы обеспечения законности. Заткнули все дыры, через которые могли бы просочиться террористы. К техническому персоналу пресс-служб, налаживающему линии связи, приставили охрану.

А тем временем боевые корабли бхоров рассредоточились по всей системе Джура со столичной планетой Ньютон и патрулировали наиболее вероятные секторы атаки.

В разгар подготовки прибыли члены трибунала со своей свитой. Стэн и Алекс лично встречали каждого и приставляли к нему телохранителей, которые с этого момента тенью следовали за подопечным.

Сэр Эку выбрал троих судей; несмотря на большую опасность, недостатка в добровольцах не оказалось. Депрессия, вызванная действиями Тайного совета, становилась такой глубокой, что многие системы боялись за свое выживание куда больше, нежели страшились имперских экономических мер.

Три системы, которые сэр Эку в конце концов выбрал, были самыми уважаемыми в империи, так же как и три выходца из них, которые составили трибунал.

Первым прибыл Уорин из огромного аграрного мира под названием Риания. Это было разумное существо крупных размеров, с мед-

ленным мышлением. Тугодум. Тело его, сплошь покрытое тяжелыми костяными пластинами, служило обиталищем мыслительной системы с тремя мозговыми центрами. Способный переваривать целые горы противоречивой информации, медлительный и обстоятельный, Уорин всегда носил с собой массу думающей аппаратуры. Кроме того, он был абсолютно непредубежден в том, что касается преступлений, инкриминируемых Тайному совету.

Второй, Ривас, прибыл из удаленного пограничного мира Джоно. Ривас — худощавый человек, стремительный и остроумный — выделялся своей способностью найти компромисс там, где его, кажется, и быть не могло. Эта способность очень важна и уважается в диком Джоно, где порой разных точек зрения насчитывается больше, чем спорщиков.

Он предупредил сэра Эку о том, что, несмотря на все презрение к нынешним деяниям Тайного совета, он не абсолютно уверен, что его члены действовали лишь из своекорыстных побуждений. Его мнение о Кайсе, например, было весьма положительным. С точки зрения Риваса, тот зачастую демонстрировал добропорядочность и честность.

Третий и последний член трибунала, пожалуй, пользовался самым большим уважением. Ее звали Апус, королева-матка Ферномии. Она была очень старой и нисколько не беспокоилась по поводу того, что титул ее не является символом королевской власти. Множество ее дочерей и внуков надзирали над миллиардами женских и несколькими миллионами мужских особей, составлявших народ сектора Ферномия. Несмотря на возраст, здоровье Апус было отменным, стройные журавлиные ноги ее — все шесть — были крепки, а жвала столь же эластичны и сокообильны, как в дни юности.

Она призналась сэру Эку, что считает ничтожествами членов Тайного совета, а особенно — двойняшек Краа, которые несколько лет назад надули ее народ с правами на минералы, но сэр Эку знал совершенно точно, что это никак не повлияет на беспристрастность ее суждений.

Каждого из троих разместили в подходящем для него по условиям, хорошо охраняемом жилище. Перед самым началом заседания трибунала сэр Эку встретился с судьями для уточнения правил, которыми они будут руководствоваться в работе.

Было обговорено, что должен существовать рефери трибунала. Ему надлежит надзирать за тем, чтобы все доказательства были представлены честно и взвешенно. Ни одно из его указаний не могло быть изменено. Он же будет представителем общественности в трибунале. Все вопросы следует адресовать только ему, и лишь он получит право отвечать — после консультации с тремя судьями. Кроме того, было согласовано, что сэр Эку отвечает за сбор доказательств и при-

существование свидетелей. Тройка доверила ему право привести к присяге на верность суду офицеров, которые будут ему помогать.

После этого сэр Эку быстро расставил точки над «i», уточнив последние детали.

Когда Стэн явился по вызову в сад — обиталище сэра Эку, он обратил внимание на то, насколько усталым выглядит старый дипломат. Усики-рецепторы манаби трепетали от нервного истощения, внешние покровы приобрели нездоровый серый оттенок.

Впрочем, у Стэна не оказалось времени на разговоры о здоровье — сэр Эку приказал ему поднять правую руку.

Стэн сделал как велено.

— Клянетесь ли вы поддерживать и сохранять неразрывную связь слушаний трибунала с древними законами империи, под священной сенью которых мы действуем?

Стэн поклялся.

— В таком случае властью, данной мне, назначаю вас главным офицером трибунала, — речитативом, нараспев проговорил сэр Эку.

Хоть Стэн и знал прекрасно, что должно было произойти, все же он почувствовал какую-то робость, слушая строгие слова сэра Эку. Он с неловкостью понимал, что старый дипломат знает цену каждому произнесенному им слову. Этот трибунал не должен стать фарсом.

Когда Стэн покидал сад, у входа ожидали своей очереди Алекс и Махони. Они скрылись внутри и через несколько минут вернулись такие же притихшие и задумчивые, как Стэн.

Троица в молчании возвращалась к себе. Неожиданно от группы охранников, стоявших поодаль, отделились несколько солдат и стали на их пути. Стэн непонимающе взглянул на охранников, окруживших их.

Старшей группы была Синд. Глаза ее беспокойно блеснули — она старалась исполнять свои обязанности подобающим образом. Девушка встала перед Стэном и четко отдала воинское приветствие.

— К вашим услугам! Сэр...

— О чем ты говоришь, девочка? — вдруг охрипнув от недоумения, произнес Стэн.

— О том, что мы — ваши телохранители, — с трудом подавляя радостную улыбку, ответила Синд. — Если будут какие-нибудь пожелания или нарекания, пожалуйста, говорите мне. Я начальник вашей охраны.

Стэн пробормотал, что у него нет никаких пожеланий. Он не требовал себе охраны, ему не нужны телохранители. И вообще...

— Приказ сэра Эку, сэр, — последовал ответ.

Прежде чем Стэн успел что-нибудь возразить, два его товарища взорвались хохотом.

— Ты уж лучше подчинись, мой юный друг,— подкалывал его Махони.

— Конечно, конечно, парень,— подал голос чертов Килгур.— Ты отважная и благородная персона. Имеешь ли ты право рисковать драгоценной своей жизнью, как главный офицер суда, а?

Лопаясь от гордости за порученное дело, Синд эскортировала друзей до комнат, где они поселились.

Стэн думал об убийстве. Две будущие жертвы гоготали справа и слева от него.

Открытие трибунала откладывалось уже который час — тысячи зрителей текли к залу. Расписанные места были очень скоро заполнены, и духота в зале превышала все возможности кондиционеров. Снаружи тысячи любопытных сражались за то, чтобы подобраться поближе к видеоэкранам или хотя бы встать на расстоянии слышимости от больших громкоговорителей, вынесенных из зала.

Солдаты расчищали широкие проходы в толпе для съемочных групп. Их воинский темперамент подвергался суровому испытанию, когда они всего лишь толкали и пихали, вместо того чтобы проламывать черепа или просто открыть огонь. Наконец порядок был восстановлен.

В наступившей тишине все, кто имел шею, вытягивали ее изо всех сил, чтобы увидеть пустующую пока кафедру. Предвосхищение события, единственного в своем роде в истории империи, охватило весь зал.

Над кафедрой нависал огромный портрет вечного императора. Он был написан в романтическом духе илучился героикой. Любимый стиль покойного Танза Сулламоры — во всем, кроме глаз. Стэн вздрогнул, поглядев в эти глаза. Они буквально сверлили насквозь, проникая в душу.

Стэну знаком был этот взгляд. «Ну-с, ничтожное существо разумное,— как бы спрашивали глаза,— что ты имеешь сказать самому себе?»

Ледяная хватка взгляда императора, слава богу, разжалась — сэр Эку, помогая себе хвостом, взобрался на трибуну. Толпа издала единый звук — звук неосознанно затаенного дыхания. За манаби следовали трое судей трибунала. Они заняли свои места за столом.

Когда судебные приставы выкатили тележки с документами дела, по залу пробежал сдавленный шепоток. Декан Блайз занял место на сцене в дальнем правом ее углу. Его обязанностью было надзирать за компьютером, куда вводились все записи слушания дела.

Перед сценой замельтешили репортеры, делая символическую серию снимков — сначала Уорин, потом Ривас, королева-матка и, наконец, сэр Эку.

Престарелый дипломат подождал несколько мгновений и заговорил:

— Слушания настоящего трибунала объявляю официально открытыми.

Такая простая фраза, но она вырвала у толпы общий вздох. Каждый знал, что с этого момента любое произнесенное слово являлось прямым вызовом власти Тайного совета.

— Мы собрались для слушания доказательств по тяжелым обвинениям, выставленным против руководящего органа империи. Тот факт, что настоящие слушания проводятся под вооруженной защитой с целью охранить нас от вышеуказанного органа, не оказывает никакого влияния на решения ни одного из членов трибунала. Все трое судей согласны в сем и публично клянутся в этом. — Пауза. — Моим первым официальным действием в настоящем слушании будет приглашение сюда всех и каждого члена Тайного совета, чтобы опровергнуть доказательства, которые будут предъявлены, или же дать иной ответ. И это не пустой звук с моей стороны. Я лично просил всех и каждого из них откликнуться... А теперь я зачу билль обвинения:

«Члены Тайного совета, вы обвиняетесь в заговоре с целью убийства вечного императора. В ваше отсутствие заявление о невиновности автоматически...»

Остаток его слов потонул в криках и шуме толпы. Часа три после этого порядок восстановить было невозможно.

Прошло не так уж много времени, и трибунал объявил о перерыве в один день. Судьи лишь бросили жребий, дабы определить, кому из них представлять обвинение, а кому — защиту.

Королева-матка Апус, та, что презирала Краа, стала их официальным адвокатом. Стэн был изумлен, насколько быстро и толково она справлялась с делом, несмотря на свою ненависть к двойняшкам, равно как и к их коллегам. Ривас, питавший симпатии к Кайсу, стал обвинителем Тайного совета. В его торжественно звенящем голосе проскальзывали нотки горькой иронии, когда предъявлялось очередное доказательство вины совета.

Стэну ничто так не нравилось, как стоять в толпе, быть очевидцем событий и наблюдать, как творится суд праведный. Он думал, что то же должно чувствовать любое нормальное разумное существо, которому выпало счастье оказаться сейчас здесь.

Но, как мог бы сказать бхор, судьбу не проведешь. «В кузнице богов, — говорил однажды Ото, облачаясь в свои боевые доспехи, — наш рок быть молотом, когда им бьют».

Пойндекс не относился к разряду существ темпераментных. Давным-давно он навсегда утолил свою агрессивность — на детских игрушках. Восторженность осталась позади вместе с отрочеством. Не было ни одной эмоции, которую он не мог бы удержать под контролем. Амбиции — вот единственный плод, который Пойндекс взлелеял на нейтральной почве сада своей души. Единственной радостью его была власть. К ней он стремился. Так же как и его коллеги по Тайному совету, взбешенные «потрясающе лживыми утверждениями» трибунала сэра Эку, полковник теперь впервые в жизни познал эмоцию страха. Он увидел, что власть ускользает от него.

Посмотрев телерепортаж из зала суда, где сэр Эку зачитывал обвинение в убийстве, Пойндекс ощутил, что это правда. Чувство пришло откуда-то из кишков. И, поспешая на экстренное совещание Тайного совета, он с каждым шагом становился в этом все более уверенным. Ощущение стало еще отчетливее, когда он вошел в несуразно огромное здание, спроектированное специально для штаб-квартиры Тайного совета. Странное башнеобразное дерево, росшее во внутреннем дворе, выглядело увядающим и больным. Пойндексу, существу, которому не дано было мыслить образно, состояние рубигинозы говорило лишь о начале умирания.

В том, что убийство императора — не акт сумасшедшего одиночки, логики хоть отбавляй. Заговор очень и очень вероятен. Кто больше всего от этого выигрывал? Ответ слишком очевиден...

Пойндекс вошел в зал заседаний. Атмосфера там была яростной. Обе Краа сидели багровые от злости. Ловетт молотил кулаком по полированной поверхности стола и вопил, требуя кровопролития. Мэлприн извергала необычный для себя поток непристойностей по поводу чудовищной лжи, прозвучавшей на трибунале.

При виде такой реакции Пойндекс понял, что инстинкт его не обманул. Он глядел в лица тем, кто убил вечного императора.

А к чему бы еще так бесноваться? Если обвинение ложное, то это всего лишь «приемчик», который пытаются провести их недруги. Все члены Тайного совета — твари, в интригах искушенные; они не раз встречались с подобными грязевыми ваннами.

Пойндекс также отметил выражение их физиономий, когда они набирали воздух между приступами яростного рева. Представить себе невозможно, какими испуганными взглядами уличенных в преступлении обменивались члены совета. Пальму первенства во всем этом взяли Краа. От волнения близнецы вдруг поменялись ролями. Поглощавшая обычно горы пищи тошая, как вилка, половина Краа вдруг прекратила свои бесконечные походы к холодильнику, зато толстая стала поминутно выбегать из зала — ее тошнило.

Вот когда Пойндекса пронзил ужас. Он только-только достиг цели, к которой так долго стремился. Став членом Тайного совета, Пойндекс воплотил свою мечту о великой власти. Он знал, что сможет еще более усилить и сосредоточить ее в своих руках — надо лишь разобраться, какие кнопки нажимать. У Пойндекса никогда не было и мысли стать великим тираном, единоличным правителем; он предпочитал оставаться в тени, где безопаснее. Так же как и Кайс, полковник не любил служебные побрякушки-символы; пусть друзья-приятели греются под любым солнцем, какое им приятно. Пойндекс знал, что получить то, чего желаешь, много легче, будучи дающим, а не берущим.

Перед тем как были обнародованы обвинения трибунала, Пойндекс только-только начал оправляться от шока, вызванного потерей наставника. Когда Кайса, а точнее, тот бормочущий пень, которым он стал, привезли из его таинственной поездки, Пойндекс понял, что лишился главной поддержки в духовной борьбе с остальным советом.

Но понемногу коллеги становились все более зависимыми от полковника. Они внимательно слушали его холодные советы по всем вопросам — и не только то, что касается военного дела или разведки, но и по имперской политике. Не было и речи о занятии поста Кайса кем-то кроме него.

Пойндекс размышлял о том, как восприняли происшедшее с Кайсом остальные члены совета; их реакция казалась ему более чем странной. Они приняли это так спокойно, почти легко. Серьезных вопросов не задавали, а быстренько уекли бедное создание в сверхсекретный военный госпиталь для умалишенных. Они и вправду выглядели так, будто испытали облегчение от метаморфозы г'орби. Пойндекс решил, что Кайс, видимо, был наименее виновным из всех и мог выдать.

Пока Тайный совет планировал контрнаступление, Пойндекс лихорадочно соображал, как бы получше прикрыть свой тыл — это прежде всего... Видно было без очков — вне зависимости, чем все кончится, — что членов совета разнесут в прах. Что или кто их уничтожит — трибунал и его сторонники или кто-то еще — неважно. Дело их рано или поздно закончится крахом.

Пойндекс с определенностью знал, что не пойдет ко дну вместе с ними. Посему, пока его коллеги спорили, он копался в своем багаже приемов выживания.

Краа предложили разослать флот по всем направлениям. Любая система, хотя бы чуть-чуть причастная к преступлениям, должна была быть разбита и занята имперскими войсками. Ловетт и Мэлприн одобрительно зашумели.

Пойндекс подождал немного, прежде чем взять слово, — пусть немного справят пар.

— Я разделяю ваше негодование, — сказал он. — Несмотря на то что мое имя отсутствует в этих чудовищных образчиках лжи, я рассматриваю атаку на любого члена совета как атаку, направленную против всех нас. Но надо посмотреть в лицо реальности. Горючего не хватит — даже на одну десятую того, о чем здесь говорилось.

Слова его были встречены тишиной протрезвления. Сказанное Пойндексом — правда.

Они начали сужать размах операции — понемногу, шаг за шагом следуя уговорам Пойндекса, который старался делать это не слишком явно. В итоге решено было ограничиться одной лишь целью — Ньютоном. Туда посылался карательный отряд, а оставшихся в живых, если таковые будут, предполагалось доставить в столицу для примерного наказания.

Мэлприн выступила с предостережением, что войска могут быть не полностью лояльны, учитывая недавние воинские чистки. Пойндекс знал, что она также беспокоится, как бы обвинения в убийстве не заронили искру революции. Все остальные очень хорошо поняли ее слова.

В конце концов постановили, что в экспедиционный корпус должны войти лишь самые верные Тайному совету части.

Прежде чем соглашение было достигнуто и флот послан, Пойндекс намеренно выбросил предупредительный флаг — сделал официальное заявление для записи в протокол.

— Я уверен, что это должно быть сделано, — заявил он. — Однако считаю ошибкой не указать на опасность данной акции. Есть соображения в пользу того, чтобы просто игнорировать всю ситуацию. Вы уже издали приказ об исключении из общественного сознания всех сведений о процессе, затеянном трибуналом, в масштабе империи. Продолжите в том же духе. Не откликайтесь. Дайте им ускользнуть. Мы сможем потом легко арестовать возмутителей спокойствия по другому поводу. Кроме того, сама по себе атака может вызвать обратную волну. Наши союзники могут испугаться. Уверен, что вы сами это понимаете. Я всего лишь хочу указать на то, что даже мелкие детали не следует упускать из виду.

— Ну и черт с ними, союзниками дурацкими, — каркнула одна из Краа.

— Если мы неотреагируем, некоторые глупцы могут решить, что эти возмутительные обвинения — правда, — сказала Мэлприн.

— Послать флот! — рявкнул Ловетт.

Пойндекс послал флот. Однако, раздавая приказы, он вызывал своих самых доверенных помощников. Надо было свершить великое дело прикрытия своей задницы.

Пойндекс вынужден был опережать события, иначе он будет подмат ими.

Капитан имперской гвардии в отставке Хосфорд поднялся на холм, слегка отдохнул, поел и дал себе целых пять минут на то, чтобы перевести дух перед тем, как отправиться вниз, через следующую долину, а затем вверх на дальний гребень.

Он не только чувствовал себя слишком толстым и старым для своего поручения; само поручение было совершенно пустым и неблагодарным.

В империи остались лишь две нетленные ценности. Первая — пуля и бомба, доказавшие свою власть даже над бессмертным. Вторая — гурки.

Гурки, да будет вам известно, лучшие солдаты, которые когда-либо существовали на свете, и не только среди людей. В большинстве миров все думали, что более смертоносный вид разумных существ появиться не может, а если появится, то хотелось бы надеяться, что они будут так же твердо стоять на стороне империи. Для многих-многих, кто видел гуркских солдат на экране, слова «гурки» и «империя» значили одно и то же.

Тайный совет хотел вернуть их — и потому, что желал иметь абсолютно верных и неподкупных телохранителей, и для того, чтобы «узаконить» свое правление в глазах общественности. Тайный совет стремился к легитимности.

Отсюда и проистекала миссия капитана Хосфорда.

Хосфорд был — годы, жизнь, несколько жизней тому назад, так ему казалось, — командиром гуркской личной охраны императора. Очень многообещающий офицер, рожденный для высокого звания — как, без сомнения, и любой, кого подбирают для службы в качестве капитана гвардии.

Служба была увлекательной и, как впоследствии это узнал и Стэн, заместивший Хосфорда на его посту, совершенно не оставляла места для личной жизни.

Все шло хорошо до тех пор, пока Хосфорд не влюбился. Влюбился глубоко и страстно. Так сильно, что обклеил стены своего жилища портретами Мэви.

Мэви никогда ничего такого не говорила, но Хосфорд сам понимал, что оказался перед выбором: или служба — или любовь.

Он испробовал все возможности как-то выйти из положения. В армии не любят тех, кто вдруг резко ломает планы, выстроенные в его отношении. Поэтому единственное назначение, которое ему предложили, когда он обрывал провода в поисках чьей-нибудь благосклонности, было, по сути, ссылкой — должность в приграничной зоне. Хосфорд принял пост, и Мэви поехала с ним.

Само собой, в гвардии продвижение ему уже не светило. Он отказался от офицерского звания, не стал оставаться сверхсрочно, ко-

гда началась Таанская война, и скитался всюду вместе с Мэви. Он думал, что блуждания его бесцельны, но однажды, вычертив кривую своих перемещений, понял, что (и это совершенно логично) все время стремился поближе к Земле.

И к гуркам.

К гуркам, которые, может, и становились богатыми, когда, выжив после имперской службы, возвращались домой, но страна их, Непал, так и оставалась примитивной провинцией. Таким ее сохранял царь, заявлявший, что его династия восходит к временам, когда родились боги гор. Он обязан защитить Непал и его народ. Защитить и сохранить. Страна являлась священным местом — от пиков Джаулагири, Аннапурна и Джомолунгма и до долины Лумбини, места, где родился Гаутама Будда. На практике это означало, что непальцев изо всех сил отговаривали от излишней цивилизации. Они, конечно, теперь уже не мерли от сонной болезни и туберкулеза, и продолжительность их жизни возросла, пусть и не соответствовала стандартам цивилизованной части империи; но все равно они влачили примитивное племенное существование.

Хосфорд хотел им помочь.

Осечь в Непале ему не разрешили — в страну не допускали никого из иностранцев, за исключением ограниченного числа кратковременных визитеров. Он с Мэви нашел пристанище в Дарджилинге, когда-то части многонациональной страны под названием Индия.

Находясь там, он делал что мог — способствовал развитию образования в Непале, оказывал посильную помощь старым солдатам, помогал деньгами и работой поникшим духом, близким к самоубийству молодым людям, которым отказали в военной службе.

Ему и другим бывшим гуркским офицерам было позволено бывать в Непале два раза в год для раздачи пенсионных денег, распространения технических знаний и набора молодых солдат — последнее прекратилось шесть лет назад, после того как император был убит и гуркские солдаты вернулись домой. Каждый год Хосфорда посылали в качестве представителя Тайного совета, чтобы еще раз попытаться набрать рекрутов. И каждый раз его встречали улыбками, выпивкой и словами: «Мы служим императору. Только императору».

Первые два раза он пытался убеждать: император мертв. Неужели они теперь прекратят свои воинские традиции?

Ему отвечали так: «Нет, капитан. Мы не глупцы. Вернется император, вернемся и мы. Но служить Тайному совету? Никогда. Он не стоит и волоса из подхвостья яка».

Почему Хосфорд возвращался сюда снова и снова? Поручение Тайного совета служило скорее поводом. Кроме этого, он оставлял

деньги деревенским старейшинам для нужд поселка. Но даже просто быть в Непале, с непальцами, быть в горах — причина достаточная.

— Еще один год, — проворчал отставной капитан. — Еще одна поездка. Еще один отказ. Наверное, последний. Иначе мое тело найдут через много лет где-нибудь на склоне холма, когда сердце не выдержит.

Путь его лежал вперед, к гуркскому центру в деревушке Похара. Хосфорд переместил поудобнее тяжелый рюкзак с пачками денег и двинулся дальше. Он знал, *что* увидит с вершины следующего холма: центр, а там уже ждут его старые друзья. Каким-то образом они всегда заранее узнавали о его появлении. Пожалуй, это можно приписать как их острому чутью, так и возрасту. Старейшиной деревни был экс-хавилдар Манкаджири Гурунг, который, если он только не был собственным сыном, был двухсот пятидесяти лет от роду, судя по имперским записям. Их... Но хватит об этом.

Похара неожиданно оказалась звенящим сплавом шума, музыки и молодости. Около тысячи юношей, как подсчитал Хосфорд, стояли навтыжку и слушали выкрики старых людей, отдававших приказания. Это было воинское формирование. И если они опозорят свой клан или капитана Хосфорда, их запечатают в бочки и скатят в верхние воды священного Ганга, чтобы они навсегда исчезли в море.

Перед строем стоял Манкаджири. Он отсалютовал; Хосфорд ответил на приветствие. Хотел подождать с вопросами, но не сдержался.

— Это... новобранцы?

— Какие есть. Дикие альпийские ромашки по сравнению с вашими солдатами, капитан. Однако будут новобранцами, если ваш внимательный глаз их допустит. Медицинские карты ждут вашей проверки.

— Отчего такие перемены?

— Перемены? Нет, ничего не изменилось.

— Но вы говорили, что никогда не будете служить Тайному совету.

— Так было сказано, так оно и есть. Эти люди будут служить императору. Он возвращается. Мы нужны ему.

Капитан Хосфорд почувствовал холод, спускающийся вниз по позвоночнику; куда с ним тягаться ледяному ветерку с ближайшей горы!

— Ну и как долго продлится это ворчание и скрипение, когда же наконец закончится трибунал? — поинтересовался Килгур.

Махони пожал плечами:

— Когда каждый законник получит свой день и когда Тайный совет найдет ответ на каждый вызов.

— Мне совершенно непонятно, — сумрачно пробурчал Килгур, — что делать после окончания всей этой тягомотины. Сорвали меня с Эдинбурга... Они, наверное, на то и рассчитывали. Нет, это не суд, где правит закон.

— Алекс! Мы ничего не слышим, — сказал Стэн.

— Ты собираешься направить меня на путь истинный во чье-то святое имя? Нет и нет. Все разваливается, и в душе я уверен, что все обрушится и не будет нам уютного местечка среди богомоллов. Духом продажные, вот мы кто. Мне не подходит мир, где я нужен больше как злодей, чем тот, кто сохраняет и утверждает традицию. — И Алекс чиркнул большим пальцем себе по горлу.

— Ты закончил, Пещерный Килгур? Мы сейчас офицеры, присягнувшие законному суду, — сказал Стэн. — Пока юристы раскидывают и прикидывают, что к чему, нам надо добывать конкретные доказательства, чтобы им было что пережевывать, когда устанут говорить насчет того, был ли уместен запрет на строительство моста Магна Карта.

— Я не закончил. Но затыкаюсь.

Все трое сидели, разглядывая изображения на экране.

— Я прочесал все частым гребнем, — начал Стэн. — Старался прочесть все — ну, по крайней мере, основное, — что появилось в связи с Тайным советом, начиная с его учреждения и вплоть до императора. У меня есть еще команда, которая делает то же по отношению к сегодняшним дням; они ищут преступления, возможно связанные с этим делом. Вот возьмем два особо кровавых преступления. Первое — убийство Волмера. Почему он был заморожен? Нам известно, что его убрал профессионал по заказу преступного босса, ныне мертвого. Убийца также исчез. Верно?

— Так говорила Хейнз.

— Ты думаешь, она...

— Нет.

Все трое сидели, будто на отдыхе. Это было так знакомо — обычная планерка команды богомоллов перед началом операции. Только сегодня дело касалось цареубийства и измены на высшем уровне.

— Может, с ней стоит поговорить еще раз?

— Может.

— Итак, кто-то появляется в Прайм-Уорлде. — Стэн размышлял вслух. — Волмер, один из Тайного совета, оказывается убитым. Почему? Может быть, выдал кому-то заговор? Или пытался захватить всю власть для себя лично?

— У нас слишком мало информации, чтобы гадать.

— Да. Вводные: непосредственно перед убийством Волмера на Земле прошло совещание Тайного совета. Единственный случай, когда, насколько я смог определить, они встречались не в столице. По крайней мере, судя по опубликованным в печати сообщениям.

— Надо проверить.

— Визит на Прайм — это второе, — продолжал Стэн. — Я не уверен, что мы извлечем что-нибудь путное из смерти Волмера. Но проверить действительно стоит. — Он вздохнул. — Теперь о более важном. Император погиб от руки сумасшедшего убийцы. Чаппель. Клинический случай. Есть ли вероятность, что он — действительно психодиночка? И что Тайный совет, уже сговорившийся о будущем захвате власти, просто воспользовался возможностью?

— Нет, — тусклым голосом отозвался Махони. — Они действовали слишком быстро. А смысленных среди них нет; кроме, может быть, Кайса.

— Согласен. Я пробежал твои заметки, Ян. Ты проследил всю жизнь Чаппеля день за днем; и вдруг он исчезает за месяц до того, как вновь объявляется, уже с оружием в руках. Это что — твое упущение? Не сумел собрать материал? Пришлось уехать, прежде чем ты закончил работу?

— Нет. Он исчез. Знаю лишь, что его видели в компании — дважды — с парнем, который выглядел богачом... Кажется, следует приобщить к делу алкоголь. Мысль начинает работать.

— Ах, вот оно что... — поймал идею на лету Стэн; он поднялся налить Махони стаканчик, затребованный столь витиевато.

— То, что нужно. Отбросим на время предварительную ерунду. Тогда получаем: Сулламора завершил заговор «мокрым» делом. Погиб при взрыве. — Бульк-бульк. — Кого волнует, был это несчастный случай или нет? Интересно то, что Танз Сулламора слишком хорош для того, чтобы даже встречаться с тем, кто будет нажимать на курок. Так что здесь должен быть посредник. — Махони взглянул на Стэна: — Предполагаемый профиль... Ну-ка, запиши это.

Стэн щелкнул клавишей рекордера.

— Профессиональный разведчик. Установлено — чистая, классическая операция. Найти или создать психопата, нацелить его в нужном направлении и поставить в нужном месте с нужным оружием. Чаппель не имел контактов ни с организацией заговорщиков, ни с кем-либо из высшего эшелона.

— Ну допустим, — сказал Алекс.

Оба они со Стэном надели сейчас шапочки профессиональных скептиков. Правды нет, одни лишь врачи — только при таком подходе можно проникнуть в любого рода интригу.

— Мне этот способ известен давно. Осталось найти агента-посредника. Беда лишь в том, что последние несколько лет я управлял солдатами, а не шпионами вроде вас, клоуны несчастные! — Махони глянул на Стэна и Алекса, затем продолжил: — Короче, ищем профессионала. Сперва я проверил имперские спецчасти: «Меркурий», «Богомол» — ничего.

— Проверил... А может быть, ты стал сентиментален и защищаешь свои старые родные службы?

— Император был моим другом, — жестко оборвал Махони. — Сотри. Это не для рубрики «Срочно в номер».

— Существует множество профессионалов, никак не связанных с имперскими государственными службами, — заметил Килгур.

— Верно. Но вернемся к нашей проблеме. Небольшой торговый трюк. Вы хотите иметь безопасный дом, уйти, выключить команду из работы или желаете чего-нибудь еще такого же гнусного. Вы не найдете хранилища ценностей в трущобах, если вы любитель или преступник. Находите себе приятное, богатое, если возможно, богемное соседство, где никому нет дела, кто это там пришел и чем он занимается, и где все заняты собственными делами и хвастаются ими.

— Итак, богач агент объявляется в трущобах. Болтает на ушко Чаппелю всякое — а тот всегда думал, что он создан для великого. Прячет своего психопата пока что в Прайм-Уорлде, без сомнения, — подытожил Стэн. — Учит его, вооружает... в красивом, безопасном, богатом особняке где-то в богатом, безопасном предместье. Опять тут же, в метрополии.

— Чертова столица, — сказал Махони. — Читайте по моим губам и вслушивайтесь в то, что я скажу. Богач... богач... богач. Сколько профессионалов использует богатство как инструмент? Их не может быть много, не так ли?

— Здешняя вселенная чертовски велика, — сказал Стэн. — Но живых существ мало. Худосочная субкультура.

— Мне уже пришли на ум некоторые имена.

— Отлично. Держи их при себе, Ян. Ты на пути к цели. Любопытно, как ты расколешь агента? Если, конечно, найдешь его.

Махони усмехнулся.

— Извини, — поспешно сказал Стэн. — Я учу отца делать детей... Выключаю запись. Вернемся к нити моих рассуждений. Если бы я был заговорщиком, я старался бы, чтобы собраний было как можно меньше. Передо мной стоит одна проблема — конференция на Земле перед тем, как был убит Волмер. Второе или третье собрание? Мне кажется, что Сулламора должен был информировать всех, когда он заполучил своих уток — Чаппеля, агента-посредника, — о возможных вариантах. Встречу вряд ли собирались провести официально — риск подслушивания. А теперь внимание, я делаю большой логический скачок. Никто из членов совета не доверяет другим.

— Какой тут скачок! Если бы они доверяли, было бы еще больше гадости.

— Так вот, если эта встреча состоялась, то ее провели на нейтральной, совершенно чистой земле. Вопрос: проходили ли у Тайного совета подобные собрания?

— Значит, кое-кого направляют в Прайм,— сказал Алекс.— Предположение. Любители-заговорщики заматают за собой следы, но никогда не думают о том, чтобы проложить ложную лыжню. Встреча на Земле? Как она была организована? Не случайно и не вдруг, это яснее ясного. Поэтому я — пардон, кто-то — едет в столицу почитать газеты. Если в них ничего нет, значит, собрание заговорщиков состоялось. Ага? Так же дело обстояло и со всеми другими собраниями, которые проводились перед тем, как шлепали императоров,— прошу пардону, сэръ.

— Ладно,— согласился Стэн.— Не исключено. Может, у кого еще есть внезапное озарение? Мы можем оставить группу регистрации на месте, следить за грехами после большого взрыва.

— Ну, я пакуюсь,— сказал Алекс, допив.

— Валяй,— отозвался Стэн.— Только не на Прайм-Уорлд. Туда еду я сам.

— Это правильно! Всем понравится. Ты — известная и желанная мишень... Не строй из себя героя!

— Совсем и не строю. В столице все расследования идут через Хейнз, по крайней мере должны проходить. С кем она лучше всего сработается, как ты думаешь?

— Даю тебе в долг наставление по пользованию матрацем, любовные поэмы Бернса и гнутый штопор. Ну а я-то куда должен ехать?

— Я уже говорил, что мы теперь офицеры суда. Но у нас очень маленький штат. Я бы чувствовал себя куда спокойнее с несколькими большим личным составом. Скажем... тысяч десять!

Килгур пораскинул ухом.

— А сколько АМ-два я могу истратить?

— Кроме того, что мы должны вернуть бхорам... того, что нам понадобится здесь, а также для флота прикрытия бхоров,— остальное твое. Но чтобы все было тип-топ!

— Снова отца учишь, паренек? Я возьму Ото для перевозки. Есть мысли, где можно будет поискать.

— Ото не трогай. Он занят. Ух, представляю твою поездку!..

— Чего улыбаешься, парень? Что-то не нравится мне эта улыбка...

— Доверься мне, лорд Килгур. Будешь в восторге.

Корабли искорками мерцали в пространстве, будто стая голянов, вьющихся вокруг наживки — системы Джура. Затем стая «рыбок» разделилась на две, и обе флотилии пошли на парковочную орбиту. В отличие от рыб корабли были все разные, не блестели серебром и в большинстве своем имели необтекаемую форму.

Первая флотилия высадила один корабль на Ньютоне. Стэн ждал его.

Ен Вайлд, король контрабандистов, а в этот момент их парламентар, сошел с трапа. И снова Стэн не мог надивиться на его вид — не пират и дебошир, а клеркчишка какой-то, а то и вовсе архивариус.

Совещание было очень коротким — просто заявление о союзнических действиях. Контрабандисту для хорошей жизни нужны четыре вещи: закон о торговле, транспорт, хитрость и, наконец, богатый клиент. Тайный совет привел в расстройство первое и второе. Как бы ты ни был смышлен, говорил Вайлд Стэну, если нечем залить баки, то выгоднее заниматься выращиванием картошки на своем поле у дома. С другой стороны, что хорошего, если ты и достал горючку, а заказчик не может заплатить?

— Ну и что же ты можешь мне обещать, Стэн? Помимо доступа к АМ-два ты, похоже, имеешь и... остальное?

— Не столько, как в добрые старые дни. После смерти императора поток АМ-два пересох. Но с Тайным советом, будь он проклят, все окончательно развалится. Мне кажется, трудно представить себе, что то, что укротит этот полный бардак, может быть хуже, чем то, что мы имеем сейчас.

— Контрабандисты, допустим, на худой конец, и в хаосе могут существовать, — протянул Вайлд. — Кто-то все равно должен возить грузы. Сгодимся. Для разведки... перевозок... в крайнем случае — как боевые корабли. Вы можете рассчитывать на нас. Некоторое время — пока не станет скучно или пока мои веселые анархисты не решат, что пришло время слушать не меня, а другого.

Когда Стэн поехал наносить визит на флагман второй флотилии, он потребовал, чтобы с ним был Алекс, — месть за то, что Килгур приклеил к нему не только телохранителя, но вдобавок и почитательницу.

Он надеялся удивить Алекса. Однако затея сработала не слишком удачно.

— Подколоть, значит, решил... Меня, твоего товарища... Эх ты, жизнехранитель ничтожный. Такой прямо замечательно умный малый, думает обо всем, заботится... Совсем скурвился парень. Твоя правильная фамилия — Кэмпбелл, вот!

— Возможно. Но ты знаешь лучшего пилота? Или группу, в которой лучше всего раскроется твой потенциал как руководящего (я цитирую) офицера суда (конец цитаты)?

— Скорее язык мой сгниет, чем я соглашусь с тобой. И не буду повторять очевидное, когда откроется этот паршивый шлюз.

С той стороны «паршивого шлюза» их ждала Ида. Она стала еще толще — если это только возможно — и, судя по всему, не отказалась от склонности к свободным, разлетающимся цыганским платьям, но уж ткань платья была самой наилучшей. Сшито на заказ — хотя непонятно, как можно пошить платье на дирижабль.

И еще одна заметная перемена — ее невероятный жаргон приблизился к нормальной речи. Правда, ненамного.

Ида издала возглас счастья, глядя на своего давнишнего командира по отряду богомоллов, и успела звонко чмокнуть Алекса, преж-

де чем вспомнила их постоянную, беспричинную, наполовину шуточную (но наполовину всамделишную) вражду.

— Ты этого привез...

— Ему плохо, когда за ним не присматривают.

— Сейчас главное другое, — сказал Алекс. — Кто хозяин, а кто слуга? Я имею в виду — фактически...

Ида отвела их к себе. Убранство кают-компаний на доисторическом морском судне, возможно, и более роскошно, но здесь было просто неопишимо. Gobелены, кресла; столы ломились, еле видные под целой галактикой блюд с деликатесами.

— И все это очищается за десять секунд, — хвасталась Ида. — Если активно действовать. То есть если нужно действовать активно. Это — активная станция; она несет противоракетную батарею — мы на ней стоим. Под полом у нас пусковые установки. Вот здесь командно-тактический центр чрезвычайных ситуаций. А ванная легким движением руки превращается в пункт медицинской стерилизации.

Она взглянула на Алекса и вспомнила:

— Вы знаете, у нас есть шотландец с Земли. Настоящий, исконный шотландец, а не поганая подделка из тех, что лелеял, судя по рассказам, наш покойный император, царствие ему небесное. Скотч называется. А для тебя, Килгур, есть пиво моего собственного изготовления. Хотя ты и это не сумеешь оценить...

Ида Кальдераш была румынкой. Точнее, румынской цыганкой. Ее раса и культура до сих пор существовали и процветали; народ жил, как прежде, вне традиционного общества и его правил и, как всегда, имел необычайно острый нюх на деньги. Но теперь вместо караванов они пользовались космическими кораблями — для торговли, контрабанды и просто для странствий в погоне за приключениями и выгодой. Их традиционный закон, «Крис», требовал от них уважать верность и семью, а также платить добром за добро. Среди своих, конечно. Но даже и в своей среде эти законы были скорее заповедями, которые мало кто соблюдал.

Для цыган было неслыханным делом служить в армии, что уж там говорить о суперсекретных богомолах. Как и почему очутилась Ида в команде «Богомол-13» под руководством лейтенанта Стэна, было большой загадкой, разгадать которую вряд ли кому удастся. Она исполняла обязанности пилота и специалиста по электронике. А еще была их неофициальным специалистом по банкам, карточным играм и «вкладам». К моменту завершения задания все «вклады» ликвидировались, а члены команды некоторое время вели весьма обеспеченную и экзотическую жизнь.

Когда «Богомол-13» расформировали, а Стэна направили в имперскую гвардию, Ида отказалась продлевать контракт и исчезла

среди своих цыган. Объявилась она — заочно — после того, как Стэн с Алексом сбежали из таанской тюрьмы Колдиз и вернулись на Прайм-Уорлд. Всплытие Иды на поверхность, как она объявила, произошло в связи с тем, что она получила доступ к их заработку, который удерживался, пока оба наших героя считались «пропавшими без вести», и «вложились». Как и куда она «вложились», объяснения не последовало, но Стэн и Алекс стали сказочно богаты. И опять будут сказочно богаты, когда Тайный совет окажется сметенным и они перестанут считаться беглыми преступниками.

Ида нашла странную концовку для своего рассказа — повернулась к ним задом и задрала все свои юбки.

— Девица так и не носит панталон,— философски заметил Алекс.

— На пиру будут мои родичи,— сказала Ида.— Им интересно узнать, как сильно я врала, рассказывая о двух бродягах. Ты уж не огорчи их, Алекс.

Она отвела их в сторонку и налила три хрустальных бокала.

— За издохшее прошлое... И за то, чтобы это поганое настоящее поскорее к нему присоединилось.

Ида неожиданно посерьезнела.

— Твое послание, Стэн, принято одобрительно.

— Я и не ожидал, что будет такой результат.

— Ты ждал лишь меня и, от силы, моих родственников?

— Честно говоря, на большее я не рассчитывал.

— Времена изменились, и не только для вас, адмирал. Я теперь — барон, вождь племени. Другие воеводы слушают меня, хоть я и баба. У меня большой вес.

— По-моему, такое множество людей — скорее показуха. Хотя вес у тебя действительно большой... Шутка, шутка! — поспешно извинился Стэн.— Насколько я знаю — и ты учила меня тому же,— цыгане никогда не собираются вместе, чтобы делать одно большое дело.

Он скептически посмотрел на Иду.

— Это правда. То есть то, что мы такие, было причиной ужасных трагедий моего народа в прошлом. А теперь грядет новая.

Ида пустилась объяснять. Может, цыгане и стоят в стороне от общественной жизни, однако они внимательно следят за тем, что происходит.

— Осторожная разведка,— усмехнулась она.— Проклятый Тайный совет, погубивший императора, решил, что мы паразитируем, как вши, на теле политики. В основном потому, что у нас всегда в достатке АМ-два, чтобы держаться на плаву. Члены совета считают, что у нас топлива больше, чем надо. Забывают простую истину: если цыган лишить возможности вести кочевую жизнь, они погибнут. Так вот, издан всеобщий приказ — захватывать наши корабли, отнимать груз, конфисковать горючее. Что станет потом с людьми, неважно...

— Гвардейцы не будут делать такого, — уверенно заявил Алекс.

— Гвардия теперь не та. Одни — да, не будут. А другие... почему нет? Знаешь, сколько народу считает, что жизнь во Вселенной значительно улучшится, если не будет нас, а значит, не будет похищений их кур, золота и дочерей? Ужасно много. Но мы не собираемся дожидаться сложа руки. Не собираемся и становиться невидимками или прятаться. Твой трибунал — чертовски тонкая соломинка, Стэн, но это единственное, за что мы можем ухватиться в теперешней вонючей трясине. И потому будет праздник, и речи, и споры. и — возможно — поножовщина, черт ее дери. Но не думай плохого. Кончится все нашей клятвой в вечной верности. Или, по крайней мере, до тех пор, пока Тайный совет не станет дохлым куском мяса или вы неосмотрительно покинете здешний сарай и переберетесь жить на небеса... Ну, хватит об этом. — Ида заставила себя быть веселой. — Значит, я ставлю эту лохань на рекрутский курс, да? Вы ведь бездомные, так, что ли?

— Нет, девица. Многодомство вредит здоровью. Пью с одного края, потому беды не знаю. Помогает держать систему в порядке.

— Ты чертовски прав, — согласилась с Алексом Ида. — Так наливай же, адмирал! Проклятье, ну как вам это нравится! Поганый босяк Адмирал Флота Граненых Стаканчиков, за работу!

Стэн разлил спиртное.

— Никогда не мечтал стать барменом. А вообще-то дважды тебе спасибо. Первое — за заботу о наших деньгах. А второе... за все это.

Ида и Алекс осушили свои бокалы. Стэн лишь пригубил.

— Я не могу дольше оставаться, — объяснил он. — Предстоит большое путешествие. Одному. Без ансамбля.

— И где же это, адмирал, в каком вонючем уставе сказано, что вы не можете путешествовать в компании с маленьким похмельем?

Стэн поразмыслил. Правда, нигде не сказано.

И согласился.

Глава 29

Стэн высадился в космопорту Прайм-Уорлда под двумя «крышами»: с ужасным шрамом и с ужасной задачей.

Шрам он устроил себе с помощью безвредного паразита, хирургически вживленного под кожу лица. Шириной два сантиметра, живописным зигзагом вился он от угла лба к глазу и далее до подбородка. Как завещал «Великий Лоренцо», лучшая маскировка — простая, которую не сдует порывом ветра. Любой, кто глядел на Стэна, видел лишь этот ужасающий рубец, как бы ни старался заставить себя не обращать внимания. Стэн и раньше применял подобные трюки —

от красного накладного носа до лысины или просто наголо выбритой головы, и это почти всегда срабатывало.

Больше всего Стэна заботило, как бы, когда он уедет из Прайма, его новый сожитель по организму не решил, что нашел себе постоянное обиталище.

— А что, парень, это довольно модно, — ободрял его Килгур. — Если такое произойдет, сделаем тебе повязку на глаз, и топай в пираты.

Ужасная задача, а точнее — безнадежный поиск, была так же проста. Правдивая часть легенды Стэна гласила следующее. По окончании Таанской войны в столице объявился некто Д'вид Розмонт. Шикарный, громко разговаривающий, широко живущий предприниматель, он разрекламировал свой новейший бизнес — переделку имперских кораблей, а именно — дьявольски ярких такшипов в роскошные яхты. Вопреки совершенной изначальной абсурдности замысла, Розмонт расцвел. Буквально за полтора мгновения.

Отдел по борьбе с мошенничеством полиции Прайм-Уорлда проявил к Розмонту интерес — его компания, соорудившая всего одну-единственную яхту, выставленную на всеобщее обозрение, очень смахивала на игру в «пирамидку». Розмонт тут же исчез, оставив после себя голые счета в банке и ангар с тремя катерами. Все это было правдой, с которой измученный перелетом и похмельем, но дружелюбно посматривающий на всех человечек с уродливым шрамом на лице появился в столице.

Неправдой же было то, что звали этого человека Элизах Браун.

Стэн-Браун был аккредитован как частный исследователь, работающий в юридической конторе где-то в отдаленном мире между Затеряйском и Тмутараканью. Он разыскивал состояние Розмонта по просьбе его наследника. Браун знал, что Розмонт еще не объявлен официально мертвым, однако наследник утверждал, что тот пал жертвой в грязной игре, похуже чем «пирамидка», и был «прокачен» с добычей. Браун же был уверен, что этот наследник, человек, между прочим, и так не бедный, накачался наркотиками. Но работа есть работа. А вдобавок, лепетал он чиновнику, выписывающему двухмесячную въездную визу, у него появилась возможность полюбоваться на столицу, центр всего и самый чудесный мир во всей Вселенной.

— Видать, фильмов насмотрелись, господин Браун. Или же вы — любитель истории. Метрополия совсем не похожа на ту, какой она была раньше, и с каждым днем становится похожа все меньше. — Чиновник с опаской сверкнул глазами через плечо — убедиться, что никто другой не слышал его, в общем-то, совсем невинное замечание.

Стэн перехватил этот взгляд и не удивился. Служба безопасности Тайного совета шуровала здесь на полную катушку.

Стэн замечал шпиков везде. Дворники, в упор не видящие мусор на улице, зато внимательно рассматривающие каждого, кто прошел мимо; неумелые официанты с большими ушами; продавцы, которые ничего не продавали, лишь слушали; бесчисленные вахтеры; консьержки, задающие вопросы, от которых закачаешься...

Короче, полный комплекс мер госбезопасности для борьбы с несуществующей угрозой. Мер очень дорогостоящих. Тайный совет платил всем этим информаторам, платил деньги, которых у него и так отчаянно не хватало.

В который раз Стэн удивлялся странному стремлению многих разумных существ шпионить за своими близкими по любому поводу.

Решительно никто из них не думал о том, что будет, когда — не *если!* — Тайный совет падет. Стэну вспомнились бунты на Хизе в конце Таанской войны. Чернь не только губила тех, кто стоял вне ее однообразной толпы; нет, она мстила даже своим на процессах в таанском гестапо.

Стэн не сожалел о них. Просто он хотел, чтобы его «крыша» подольше оставалась неразобранной, чтобы он успел войти в дело, найти то, что искал, и убраться восвояси.

Кое-какие меры предосторожности, кстати, он принял. Власти не знали всего. Махони сообщил ему о нескольких совершенно безопасных покинутых домах, которые должны были сохраниться. Один по крайней мере точно остался, там Стэн и припрятал запасной набор фальшивых документов.

Затем он продолжил разыгрывать роль Брауна. Поселился в недорогом отеле, разыскал хозяина того ангара и заснял три корпуса, ржавевших внутри. Разговаривал с вкладчиками и знакомыми исчезнувшего Розмонта. Сходил в отдел по борьбе с мошенничеством; там ему дали допуск в архивы, зарегистрировали как посетителя и выдали номерной пропуск.

Через несколько дней Браун познал первую растерянность, а затем у него появились и подозрения. Он начал верить в правоту своего клиента. Розмонт не просто исчез. С ним что-то произошло. Он имел несколько более чем неприятных знакомых в захолустной части города. Возможно, произошло убийство. Или самоубийство? Розмонт, объяснял Браун, был в очень подавленном настроении незадолго до своего исчезновения, а затем неожиданно взбодрился. «Наверное, нашел потайной выход», — предположил эксперт из отдела и дал Брауну имена некоторых своих знакомых из отделения, занимающегося убийствами.

Браун робко попросил разрешения побеседовать с шефом отдела.

— Вы помешанный; только угробите понапрасну и свое, и ее время. Впрочем, наша начальница очень терпима, разговаривает со всеми, какими бы свихнутыми они ни были.

Браун сказал, что беспокоится, как бы майор Хейнз не оказалась слишком занята, особенно в теперешнее тяжелое время, и поэтому подготовил краткое резюме своего расследования, а с ним — список вопросов, которые он хотел задать. Подклеил к бумажкам копию своего пропуска, и машина закрутилась.

Стэн чувствовал себя очень погано. Он собирался использовать — и поставить под угрозу — своего друга, а в прошлом любовницу.

Он часто удивлялся, какие у них тогда были отношения. С одной стороны, обычная, «нормальная» связь, какие Стэн имел всегда. Но с другой стороны, они стали любовниками в обстоятельствах совместного расследования заговора. Их любовь так ничем и кончилась — Стэн ушел на войну, попал в плен, сбежал и вернулся на поле боя. Хейнз призвали в военную разведку, и как-то так вышло, что они никогда не встречались вновь. Он иногда думал, еще до того как Тайный совет объявил его вне закона, протоптать к ней тропку, просто чтобы увидеть... Увидеть что? Все ли там еще на месте?

«Наверное,— думал он,— прав Килгур. Оба мы моральные уроды, и свою чрезмерную мораль, нужную для того, чтобы не сломаться, участвуя в еженощных грязных сражениях, мы вырастили шиворот-навыворот, “головкой вниз”. Не надо быть таким излишне нравственным. Честные разведчики доверяли, а потом гибли. Когда все кончится, пойди и вступи в Лигу Очищения, если будешь сильно переживать».

Прошло два дня, прежде чем его вызвали в офис Хейнз. Обстановка там была такая, что озябнет и сверхновая звезда.

— Господин Браун,— произнесла Хейнз,— я просмотрела вашу записку и вопросы. Просмотрела наши архивы. Все, чем располагает мой департамент, показывает, что вы забрели в тупик.

— Очень возможно,— сказал Стэн.— Разрешите, я буду записывать? — И, не дожидаясь ответа, вытащил потрепанный диктофон и включил его, а затем придвинулся к Хейнз для беседы.

Хейнз нахмурила брови, но продолжала объяснять Брауну: думать, что исчезновение Розмонта было не тем, чем кажется,— тупиковый путь в расследовании.

Стэн нажал другую кнопку на аппарате.

— «Жучок» подавлен. Моя машинка теперь передает туда синтезированную болтовню.

Хейнз обошла вокруг стола, и Стэн почти схватил ее в объятия, но она с усилием отстранилась.

— Я замужем,— сказала она очень тихо.— И счастлива.— Последние слова она добавила совсем беззвучно.

Еще один мир иллюзий, мир «может быть...», потух.

— Я... рад за тебя,— произнес Стэн.

Хейнз попыталась улыбнуться.

— Мне жаль... Надо сказать, я думала... об этих вещах. О том, что было. И... Жалко. По крайней мере, я могу пытаться лгать. Скажем, наша бывшая связь останется для меня прекрасным воспоминанием. Подчеркиваю — воспоминанием.

— Да. Так лучше всего. Наверное. Но кто написал этот диалог? Звучит как в мыльной опере.

— Лучше выразиться не умею. Это вершина. Ну,— Хейнз хотела показаться очень занятой,— мне лестно думать, что ты здесь — еще одна фраза из киношки — для того, чтобы снова зажечь огонь. Несмотря на то, что ты один из десяти самых разыскиваемых преступников в империи. Но я думаю, что хорошо тебя знаю. Это...— Лайза быстро отвернулась.— Этот шрам?...— спросила она, не оборачиваясь.

— Макияж.

— Слава богу.— Она снова обернула к нему свое лицо.— Сейчас я разозлюсь — ты меня используешь.

— Да.

— Сперва я решила, что меня подставляют. Потом изменила свое мнение.

— Благодарю. Мне нужна помощь. И ты — лучший контакт.

— Конечно. Старая добрая Хейнз. Нам было так хорошо под одеялом; посмотрим, а вдруг она снова повернется ко мне, хотя бы ради прошлого?... Позволь мне спросить тебя: если бы я не была связана с тем, что тебя интересует, вспомнил бы ты о лунном свете и скамейке в парке?

— Лайза, я понимаю, ты чувствуешь себя обманутой. Но это не совсем...— Он оборвал себя. Пусть все идет как идет.

Хейнз несколько раз тяжело вздохнула.

— О черт. Ты прав. На извинениях карьеры не построишь.

И она оказалась в объятиях Стэна. На долгое, долгое мгновение.

— Как хорошо было нам, да?

Стэн прошептал: «Да»,— и снова поцеловал ее. И все-таки она вырвалась.

— Но я не солгала тебе. Сам'л — прекрасный человек. Чтобы быть честной — немного лучше, чем я заслуживаю. Не какой-нибудь подонок с кинжалом в руке и жадной убийства в душе. Поэтому... Давай попытаемся стать друзьями. Никогда не хотела быть друзьями с теми, с кем я... была связана в прошлом. Что ж, может, чему-то научусь.

Стэну хотелось заплакать.

— Да, Лайза. Друзьями.

Хейнз неожиданно вновь превратилась в полицейского.

— Во-первых, насколько ты чист?

— Чист. По крайней мере, еще несколько недель.

— Как я понимаю,— Хейнз ткнула пальцем в папку,— ты выполняешь задание. Твой бывший начальник знает, что с этим делать? Наверное, да. Против совета?

Стэн кивнул.

— Один вопрос, и лучше, если ты не будешь лгать. Не так давно, с тех пор как мы позабিরали всех, связанных с покойным Каем Хаконе, повсюду в подворотнях стали находить трупы. По наивысочайшему соизволению. То, что я делала, называется соучастием в убийстве. Мне тогда это не понравилось, не нравится и теперь. Так вот, если твое дело в итоге будет связано, как ты выражаешься, с «мокрухой» или «персональным контактом»... Даже не проси!

— Нет. Это для трибунала.

Глаза Хейнз широко раскрылись.

— Сукин сын! — медленно проговорила она. Конечно, несмотря на установленную информационную блокаду, многие слышали, что собрался трибунал, который будет расследовать преступления Тайного совета.— Так... Все это — твоя идея?

— Была.

— Дважды сукин сын!.. Я сказала, что не буду тебя защищать? Буду. До последнего.— Она усмехнулась.— Знаешь... может, если бы ты провел какое-то время в семинарии, то наверняка был бы допущен присоединиться к человеческой расе. О'кей. В чем ты нуждаешься?

Другое недоразумение было отрегулировано Алексом Килгуром перед его отбытием для набора рекрутов. Как ни странно, оно являлось малым зеркальным отражением того, что происходило между Стэном и Лайзой Хейнз.

Килгур сообщил телохранителям, приставленным к Стэну, что в них больше нет нужды, и переназначил их в службу общей безопасности трибунала.

Синд потребовала переговорить с офицером, временно ею командовавшим. Первый вопрос, который она задала Алексу: почему такое отношение? Разве что-нибудь с ее стороны сделано неправильно?

— Прежде всего заруби на своем носу: безопасность — это безопасность, а не треп. Тебе незачем знать лишнего. Стэн занимается собственной задачей. Без ансамбля. Самостоятельно.

— Прошу снова назначить меня к нему, сэр.

— Зачем? Персональное подкрепление?

— Что-то вроде этого.

И тут Алекс взревел.

— В первый и единственный раз, когда я навязывался на задание, моя начальница отослала меня обратно в казарму. Она наорала на меня и сообщила, что надо получше учиться или возвращаться обратно лохматить овец. И была совершенно права. То же самое я

бы сказал тебе. Но теперь я скажу посложнее. Я бы мог отдать приказ — «Солдат, кругом!», и дело с концом. Но я объясню причины. Так что давай выкидывай из головы свои яичники, или где там они у тебя болтаются, и слушай сюда внимательно. Во-первых, твое начальство само знает, что ему делать. Во-вторых, ты понятия не имеешь, чем именно оно занимается. И не ной тут мне насчет «длинных рук» и как тебя учили бороться с разведкой. Я это уже все слышал. — Алекс прищурился на пышущую юным рвением телохранительницу. — Ты делаешь ошибку, слишком лезешь вперед. Не надо из всех сил стараться, чтобы тебя заметили, если твоя работа — посматривать с юта. Ты солдат. А солдатская профессия отличается от шпионской.

Но это все ладно. Последняя — и главная — причина в том, что ты чертовски зелена. Веришь во всякие там... вещи. Не знаешь глубин духовного разврата. Пока ты не подросла, будь в стане кальвинистов, как я в твои годы. Шпион всегда предполагает худшее и оказывается самым эгоистичным из всех. Вот какой ты рискуешь получить тяжелый, дьявольский урок. Честно скажу, не желал бы я тебе этого. А теперь возвращайся к своим нынешним обязанностям. Держу пари, что скоро крови будет более чем достаточно. У тебя появится шанс отличиться в глазах старших и даже перед боссом, если ты так и не оставила свою фантазию. Все. Иди.

Когда Синд вышла, Килгур вздохнул.

«Христос в курятнике! — подумал он. — Говорил, как старшина — отец солдатам... Стареешь, Килгур. Стареешь».

Вначале Стэн думал, что путешествие на Прайм-Уорлд — не более чем прогулка, если и опасная, то исключительно для него. Он искал три вещи: сведения о заказном убийстве пресс-лорда Волмера, помимо тех, что Хейнз смогла сообщить Махони; упоминание в прессе о том первом «судьбоносном» собрании заговорщиков на Земле; и наконец, состоялось или нет еще одно собрание, прежде чем был пущен в ход Чаппель. Кроме того, он хотел узнать что-нибудь дополнительно о связи Чаппель — агент-посредник — Сулламора, хотя Махони и заявлял, что это не очень важно.

И вот Стэн проделал отличную работу — по выкапыванию нулей. Хейнз больше ничего не знала ни по Волмеру, ни по «самоубийству» его киллера. Она честно призналась, что не разрабатывала это дело глубже, так как тут «одна лишь чистая политика». Сегодня, как известно, люди исчезают, когда начинают задавать неудобные политические вопросы. Однако, по ее мнению, вряд ли можно еще что-нибудь накопать — по крайней мере, этого будет все равно недостаточно, чтобы свалить Тайный совет и, хотелось бы надеяться, привлечь его к уголовной ответственности.

Нуль номер раз.

Что касалось сведений насчет собрания на Земле, тут был полный вакуум. Насколько понял Стэн, между членами Тайного совета не было контактов, прежде чем они каким-то образом, прямо-таки теплepatически, не почуяли, что пришло время собраться в доме Сул-ламоры. По крайней мере, это было все, что содержали открытые архивы, а также те правительственные хранилища, куда Хейнз умудрилась осторожно сунуть нос. Килгур оказался прав — Тайный совет достаточно аккуратен, чтобы позаботиться об уничтожении или засекречивании всей переписки, происходившей между его членами, но им не хватило ума сделать подмену. Интересно.

Обычно этого было достаточно для Стэна как профессионального разведчика, чтобы запустить операцию в ход. Но, как служитель закона, он изо всех сил старался удержаться в его рамках.

Нуль номер два.

Что же касалось собственных поисков Стэна, то тут он нашел дом, который был арендован незадолго до исчезновения Чаппеля. «Снял его какой-то отставной генерал-полковник Суворов из некоей Пионерской дивизии или батальона, уж и не припомню», — сообщил агент по недвижимости. Суворов, это точно, и генерал — агент запомнил его форму и кредитную карточку. Солидной комплекции, подумал он еще тогда. О да. И шрам на шее. Не помню, с какой стороны. Могу я поинтересоваться, зачем вам это нужно, господин Браун?

Чертовски заковыристое дело. Зализанный агент, который использовал чары богатства, чтобы запустить операцию. Это известно точно. Имя — фальшивка. Телосложение? Кто знает. Шрам? Наверное, тоже поддельный, как и у него.

Чуть-чуть больше нуля — это номер третий.

Вторая встреча... Стэн не мог найти никаких следов переговоров членов Тайного совета перед убийством, кроме как в официальной обстановке. Он не считал их такими тупицами, которые будут обсуждать план покушения на императора в конечно же прослушиваемых комнатах. Или они так искусны, что совершили заговор, который действует сам по себе? Никто, и Стэн в том числе, не мог бы сделать этого. Но где же улики?

Нуль номер четыре. Все.

Стэн хотел, чтобы Хейнз была одна, жила в уединенном, плавающем в небе домике-корабле над лесом и чтобы там хранились в холоде две бутылки шампанского и не работал телевизор. Да... Небольшое общее перемирие без бреда преследования и важно вышагивающих топтунов.

Вместо этого один был он.

Стэн подкрепился уныло одинокой кружкой легкого пива и таким же одиноким бутербродом.

У него мелькнула мысль. Если Тайный совет такой осторожный и подозрительный, как кажется Стэну, он должен устроить ловушку. Не специально для Стэна, а для кого угодно, интересующегося, какого все-таки цвета шерсть у немытого кота.

Похоже, это был последний реальный вариант.

Со времени первого их появления там Хокторн изменился очень мало. В тот раз Стэн и Алекс ездили в Хокторн под глубоким прикрытием вербовать наемников для того, что они называли «Избиение Таламейна». Хокторн так и остался во власти анархии — любая планета, специализирующаяся на поставке наемных солдат, должна иметь совершенно расхлябанный парламент, где абсолютное право — за тем, кто лучше вооружен.

Однако наемники с Хокторна, ищущие контракта, не были ни психопатами, ни извергами. Возможно, в прошлом они были бы делателями королей.

Таанская война все изменила.

Любая война порождает наемников — свою отрыжку. Они приходят из армии проигравшей стороны, ими становятся солдаты, неожиданно оказавшиеся «бесхозными», потерявшими свое государство; в наемники подаются военные преступники, а также скучающие, те, кто думает, будто единственное стоящее времяпрепровождение — игра со смертью; и просто те, кто не смог вернуться в свою деревню. Все они обычно — классные профессионалы. Зато во время затишья качество наемников снижается. Одних убили, другие сами нашли свое заоблачное царство, третьи повзрослели и поняли, что жизнь — это островок, окруженный со всех сторон океаном смерти, а четвертых потянуло к более стабильной обстановке, нежели та, когда лишь время от времени требуются их способности в деле насилия.

Таков был Хокторн.

Таанская война изрыгнула новые полчища профессионалов. И неизбежные экономические ограничения мирного времени плюс остроумная политика Тайного совета превратили их в потенциальных наемников. Адмиралы записывались на должности командного состава кораблей; генералы гвардии рады были командовать батальоном или даже ротой. Старшины безропотно носили пустые погоны рядовых.

Так что Алекс мог выбирать. Что он и делал.

Стэн мечтал о десяти тысячах «офицеров суда», а ожидал заполучить вдвое меньше. Алекс навербовал сотню тысяч. Он мог позволить себе быть щедрым.

Деньги — без проблем. Если трибунал не сможет инициировать падение Тайного совета, то уже не важно, сколько денег осталось в кофрах, ибо всем ввязавшимся в это дело придется брать билеты на самый быстрый поезд в самое далекое далеко.

Топливо для боевых кораблей — тоже нет проблем. У Килгура было отбитое топливо из системы Хондзо.

Некоторых он записывал на полное довольствие с гарантией регулярного питания. Другим предлагалось несколько более скудное вознаграждение — просто им на ушко говорили, что, когда Тайный совет кувыркнется, имперские вооруженные силы будут реорганизованы. Продажных и бездарных, а также тех, кто запятнал свои руки кровью, выметут. Чистка. Лучшая — сами понимаете какая — часть военных будет оставлена.

Алекс вышел на трап флагманского корабля Иды и посмотрел на свое войско. Выделялись редкие вкрапления униформы посреди пестрой штатской одежды, которую носило большинство. Лиц — изможденных, голодных — видно не было. Зато было хорошо видно, что шеренги солдат и строй их кораблей чуть позади строги и разделены по формированиям, как регулярная гвардейская часть на смотре.

«Дать им форму, — сказал Алекс самому себе, — дать подходящий лозунг и послать на войну с бумажными пулями. Вот это счастье!»

Как их назвать — килгуровские... киллеры? Дешево. Соколы? Тупо. Орда? Трескуче. Лазутчики Килгура? Нет. Лишь некоторые из них служили в разведке. А, вот! Килгуровские Шотландские Стрелки.

Алекс раздавал приказы и гордо наблюдал, как его армия поднимается на борт кораблей и готовится к отлету.

«Еще немного, и я стану генералом. Как вам это нравится?»

Неожиданно он воочию представил себе судьбу своих солдат. Смерть — медленная или быстрая. Трупы как фундамент реорганизации.

Ослепшие. Увечные. Сошедшие с ума.

Затем — другое видение. Он увидел всех этих солдат в пестрой гражданской одежде. Банкиры, крестьяне, матери-жены, рабочие, туристы — на улицах, заводах, в домах и пивных необозримого государства, которым владеет Пещерный Килгур. Вот только он никак не мог прибрать к рукам планету Эдинбург.

Но все равно это гораздо лучше. Лучше, если ответ на твой маленький вопрос будет таким.

Алекс приказал вахтенному офицеру задрать люк и готовиться к взлету.

Никто из поклонявшихся культу вечного императора не мог точно объяснить, как они это слышали. Но тем не менее в тысячах тысяч залов для собраний тысячи тысяч миров это знал каждый.

Им была оказана великая честь.

Один из членов Тайного совета стал плодородной почвой для произрастания истинной веры. Причем не просто правитель, а существо, имеющее репутацию самого интеллигентного и разумного.

Он исчез. Никому не было дано никаких объяснений. Нельзя сказать, чтобы раньше Кайс регулярно мелькал на транслирующихся

собраниях совета; но сейчас он исчез, как будто его и не было никогда.

Они сами нашли объяснение. Очень простое: всемогущий Кайс увидел свет и в качестве награды за это был взят, прямо в теле физическом, в Святые сферы, так же как император. Кайс, знали они, не вернется, равно как и остальная пригоршня святых, достигших тех же высот. Но никто из них не был, в конце концов, самим императором.

Короче, исчезновение верховного г'орби стало событием. Кайса причислили к лику блаженных.

Еще более важно, что верующие ощутили и что-то еще, а именно: скоро придет время, император возвращается. Они подготавливали друг друга; к чему — сами толком не сознавали. Они даже не знали, будут ли востребованы их услуги.

Но — и пусть будет так, пусть у каждого из нас появится шанс послужить! — они молились. Они были готовы.

— Прошу прощения...

Слова прозвучали не как извинение, а как команда. Стэн поднял глаза на библиотекаря. Самый неприятный из всех, кого он когда-либо видел... Не то чтобы библиотекари подразделялись на виды и подвиды, но этот имел какой-то необычный красный загар, который бывает не от сидения в пыльном зале, а от уличного патрулирования. Да и не у всякого библиотекаря такие иссеченные шрамами и мозолистые костяшки пальцев. И ни один библиотекарь не носит башмаков с твердым носком и мягкой подошвой, не говоря уже о специфическом изгибе и потертости ремня, какая бывает от ношения пистолета.

— Да-а? — рассеянно протянул Стэн.

— Вы читаете материалы о совете, не так ли?

— Ну и?... Это уже противозаконно? Видимо, с тех пор, как я встал сегодня утром, вышли новые постановления? — процедил Стэн.

На вопрос «библиотекарь» не ответил.

— Ваше удостоверение личности, пожалуйста, — снова прозвучала команда.

Стэн извлек карточку из кармана и дал человеку, нависшему над ним. Удостоверение не на Брауна, а обычная подделка из тех, что он хранил на тайной квартире, указанной Махони. Согласно записи в ней, Стэн был уборщиком, нанятым присматривать за закрытым консульством одного приграничного мира.

— Хе, подметальщик! — Вертухай вернул пропуск. — Любопытствуешь, как там боги живут-могут?

«Боги. Новое определение!»

— Да нет, — отвечал Стэн. — Мой мальчишка хочет знать, как устроен мир. А мне стыдно, что ни фиги не разбираюсь. Решил вот почитать немного. Ну, взял отпуск на неделю, появилось время под-

глядеть в шелочку. Черт, паршиво выглядеть тупицей в глазах собственного сына!

Человек хмыкнул и отошел на свое место в передней части читального зала.

Стэн злобно выругался про себя. Хорошенькое дельце, когда тебя могут прихлопнуть, как таракана, за то, что ходишь в библиотеку и читаешь общедоступные публикации! Замечательное правительство, черт его дери. Радуйся, сын мой, что тебя не существует.

Стэн понял, что Тайный совет слишком осторожен, чтобы оставить следы в прессе.

Зайдя в магазин, торгующий актерским реквизитом, он купил бутафорский торт — «самый лучший, что у вас есть, пожалуйста». Продавец поглядел на его обезображенное шрамом лицо, поежился и не стал задавать вопросов. Стэн прикинулся смущенным и поведал, что он актер-любитель и хотел бы также купить усы, чтобы наклеить их «по замыслу пьесы». Продавец с сочувственным видом продал притворщику мохнатый муляж.

Теперь шрам был прикрыт усами — Стэн старался не топорщить их, как это делала Рикор, и не хвататься за них поминутно, проверяя, не отклеились ли. С таковым прикрытием он и вернулся в библиотеку.

И порадовался принятым мерам предосторожности, так как сразу засек знакомого «библиотекаря» в штатском.

Прячась за своим недорогим прикрытием, Стэн запустил на компьютере поиск: «Тайный совет — функции и обязанности», начиная с момента, когда тот поднялся до абсолютной власти, но оставался незапятнанным, и до того времени, которое Стэна интересовало.

Пролистывая файл за файлом вереницу пропаганды и вранья, он провел перед экраном почти всю первую половину дня. Затем сменил тему на «Тайный совет — история (от образования до сегодняшних дней)». Это был, видимо, тот раздел, где запрятан индикатор тревоги.

Стэн прогонял запись за записью, то и дело поглядывая в сторону стола впереди, где лицом к читающим сидел «библиотекарь». Тот всем своим видом излучал спокойствие и удовлетворенность происходящим.

«История». Гм. Не то. Ладно. Что следующее? «Тайный совет, фото. Весь период существования».

Бесконечные головы и плечи руководящих портретов. Групповые фото на церемониях. Все очень официально. Очень мало Краа, обратил внимание Стэн. Наверное, они знают, на кого смахивают. Почти нет Кайса.

Так, что там еще... оп!

Стэн нажал клавишу обратного перелистывания, надеясь увидеть то, что, как ему показалось, мелькнуло на экране.

«Поймал», — думал он, напряженно всматриваясь в изображение, где пятеро тайных советников поспешали к входу некоего холла. Их окружали сотрудники службы безопасности. Фото было довольно скверно кадрировано, и Стэн обнаружил в уголке фигуру полисмена, который с грозным видом направлялся, по всему видно, к репортеру.

Значит, кто-то все-таки шелкнул ублюдков; похоже, независимый фотограф или просто горожанин, вот полисмен и направлялся к нему, чтобы отнять пленку. Слава богу, у фотографа либо ботинки на резиновом ходу, либо фигура оказалась покрупнее, чем у копа. Так... Что это за место?

Стэн прочел подпись. Какое-то спортивное событие. Гравибол, что ли. Какая разница. Стэн интересовался спортом в той же мере, в какой интересовался процессом формирования скальных структур. Физзанятия, обязательные в дни службы, угнетали его. Какие-то «Рейнджеры» против непонятных «Синих». «Синие» — из дальнего мира, «Рейнджеры» — из метрополии. Матч крупный — сотня тысяч зрителей, присутствуют члены Тайного совета...

Игра проходила на арене Ловетта.

Вот уж действительно черт побери!

Стэн не знал, сколько в Тайном совете любителей-болельщиков. Это был единственный случай, когда Тайный совет — судя по сообщениям прессы и записям Хейнз — собрался в полном составе на более-менее нейтральной почве «отдохнуть».

Стэн запомнил число и выключил монитор.

— В этой политике совершенно невозможно ничего понять, — признался он «библиотекарю». — Поковырялся немного, и хватит. Теперь лучше про спорт почитаю. А то — кину несколько монеток автомату в баре.

«Библиотекарь»-громила пожал плечами. Ему было все равно.

Стэн мог бы связаться по спецканалу с Хейнз и проверить данные, но подумал, что делать этого не надо. А то она пошлет своих ищеек довершить прогулку. Стэн хотел дойти сам до конца. Не хватало еще подпустить кого-то к жиле, которую он разведал!

Однако надо поесть. Стэн прошел к выходу под часами, специально там, где вертухай, присматривающий за разными там Браунами, мог его увидеть. Ничего.

Поев, он вернулся, демонстративно рыгнул в сторону согладаятая и снова уселся за терминал.

«СПОРТ. “Рейнджеры”, история».

И — ничего. Стэн перескочил уже через дату знаменательного матча. «Синие» были непобедимы три года... Однако «Рейнджеры» выиграли... Большие беспорядки, как обычно на стадионе. Ничего. По крайней мере, из того, что как-то связывало бы событие с членами совета.

Придется подобраться поближе. Арена Ловетта.

У Стэна даже ладони вспотели. Еще один такой поиск, и «библиотекарь» уже не станет слушать объяснений.

Как бы туда забраться, эдак «из-за угла»? Попытаемся...

Его пальцы коснулись клавиш. «АМФИТЕАТРЫ. Современные».

Ввод.

На экран он не смотрел; он не спускал глаз с «библиотекаря», сидящего от него через зал. Вертухай не шевелился.

Нет; опять нет... черт, на Прайм-Уорлде куча спортплощадок... Ага, арена Ловетта.

История? Попробуем.

Построена великим предком сэра Ловетта — в свою очередь, сэром Ловеттом — в... Оборудована для всех мыслимых видов спорта — воздушного, наземного и водного.

«ФОТО».

Стэн рассматривал картинку за картинкой, не обращая внимания на передний план; ему важна была сама арена.

Дьявол... И эти уроды собрались устраивать здесь заговор? Нет... Слишком все открыто.

Хотя, постой минутку, вот что-то интересное. Целый раздел: «ЗА КУЛИСАМИ: как стадион кормит вас, обогревает, обеспечивает безопасность и развлекает». Идиотское заглавие.

Стоянка... Подземные помещения... Офис охраны... Ага! Итак, дед Ловетта построил себе там внутри частное заведение... Обалденно смотрится. И почему только все вешают головы мертвых животных на стены? Не говоря о всяких там картинах. Однако что за прелестное местечко для встречи заговорщиков! Крупный матч в качестве «крыши»... Тузы любят спорт, особенно если у них есть приватные ложи... приватные.

Стэн удостоверился — в достаточной, как он считал, мере — в том, что это было последнее собрание перед вводом в игру Чаппеля. Теперь надо восстановить сведения, чтобы было с чем выйти на трибунал. Боярам, когда они веселятся, нужна прислуга. Где бармены, что стояли за стойкой в тот вечер? Девочки (мальчики)? Может быть, хозяева буфетов? Но не секс-шопов — даже Краа не стали бы резвиться так беззаботно.

Что еще?

Он ткнул кнопку «Выход», распрощался со спортом и вошел в раздел «Кто есть кто». Набрал: «ЛОВЕТТ». Сосредоточился на экране.

Обычная восторженная чепуха. Образование... Интересы... Вступил в управление семейной банковской империей со смертью матери... Гм. И все. Никаких слов — входов в другие статьи не было. Даже в этом отвратительном бревне жил спортивный фанат.

Стэн отвел взгляд от экрана, услышав стук открываемой двери. Проклятье! Вошли три полисмена в форме.

Стэн отскочил от терминала и пустился вглубь по проходу между стеллажами к двери в дальнем конце. Она оказалась запертой. Рука Стэна нырнула в карман и возвратилась с маленьким инструментом. Через секунду Стэн шагнул за дверь и запер ее изнутри. Из читальни слышались крики.

Выход из помещения обнаружить не удавалось. Какая-то преисподняя библиотеки... Высокие сводчатые потолки. Бесконечные ряды стеллажей с видеокассетами, иногда даже с книгами.

Стэн слышал стук в дверь и крики: «Принесите ключи!» Затем послышался глухой удар — кто-то попытался выбить дверь своим телом.

Пальцы Стэна сомкнулись в кольцо, и в ладонь скользнул верный нож. Стэн растворился между кипами документов, прыгая легко, словно кошка, ищущая место для засады.

Полисмены, а впереди них «библиотекарь», наконец открыли дверь и вбежали в помещение.

Здесь никого видно не было; лишь пара роботов подшивала документы. И слышно не было ничего. «Библиотекарь» от госбезопасности шепотом отдал приказ: «Рассредоточиться! Обыскать помещение».

Полисмены неохотно повиновались. Какого дьявола они должны тратить время; этот кусок дерьма хочет изловить какого-то штафирку, а сам стоит и разглядывает узоры на стенах — и только потому, что он из службы безопасности! Потом до них стало доходить: может, и штафирка, но такой, что сумел как-то просочиться сквозь запертую дверь...

— Мы будем искать вместе. — Двое полисменов вытащили свои пушки, третий взял дубинку на боевой взвод. — А ты, герой, пойдешь первым.

В руке «библиотекаря» мелькнул небольшой, очень неприятного вида пистолет.

Четверо вошли в джунгли охотиться на тигра...

Высоченный шкаф неожиданно зашатался и повалился набок. Один полисмен и вертухай из службы безопасности успели увернуться и выскочить из-под него; остальных прихлопнуло тяжелым корпусом и завалило содержимым шкафа. Падение первого ящика пробудило к жизни второй, который обрушился сверху крест-накрест на первый. Придавленные барахтались под кучей фактов и документов, злобно ругаясь. Кто-то дал очередь; засвистели пули, ударяясь о потолок.

Произошла небольшая потасовка, в ходе которой «лапа тигра» отбросила их в сторону, в глубь стеллажей. Двое охотников продолжали поиски, предоставив своим напарникам самим выкарабкиваться из ловушки.

Один из попавшихся в западню полисменов яростно пробивал себе путь на свободу в снежной буре бумаг. Нога его все еще была

зажата шкафом. Он вдруг услышал нежное «вжик!», а затем ноющее всхлипывание, будто кто-то пытался последний раз втянуть воздух перекушенным горлом. А потом бедняга ощутил смертельное прикосновение стали к своей гортани.

— Кричи, — приказал Стэн. — Громко!

Полисмен последовал команде. Эхо крика еще металось под сводами, когда Стэн перерезал полицейскую глотку, вскочил и метнулся в другой проход между стеллажами.

Подбежав на крик, «библиотекарь» и оставшийся в живых коп секунду глазели с разинутыми ртами на два трупа в лужах крови, пока их шок не перерос в ужас, а затем окованный металлом чемодан, взявшись из ниоткуда, ударил полисмена в лоб. Блюстителю порядка осел на пол, как будто был совсем без костей.

Оперативник рванулся назад к двери, закрутил головой во все стороны, стараясь удержаться от паники, чтобы не попасть в последнюю ловушку «тигра». Он знал, что такая обязательно есть.

На пол грохнулась папка. Он резко обернулся — никого и ничего. Оперативник крунулся обратно, выставив оружие. В этот момент Стэн выскользнул из полутьмы и очутился у него за спиной.

Оперативник внезапно почувствовал, что у него онемели ноги. Это Стэн парализовал ему спинной мозг и позволил телу свободно упасть. Мягкий шлепок, еще один — и на полу лежал труп.

Теперь у Стэна появилось время. Много времени. Он разыскал выход, а рядом туалет для сотрудников. Вытащил пузырек с растворителем; усы перекочевали в унитаз. Затем он смыл грим и вышел из двери.

К зданию библиотеки подползал полицейский гравитолет. Стэн конем пронесся по подворотне и на выходе затормозил. Высунул нос на улицу, с любопытством глядя, как по дороге едут власти.

Обычный горожанин.

Глава 30

— «Джон Стюарт Милль», говорит центральный диспетчерский пункт Нью-Ривер. Вы на наших экранах. Нуждаетесь в посадочных инструкциях?

Пилот корабля Махони включил микрофон:

— Нью-Ривер, здесь «Милль». В инструкциях по посадке не нуждаюсь. Получено разрешение на посадку в частном порту «Альфа Юниформ». Сообщите частоту. Конец связи.

— Говорит Нью-Ривер. У меня на экране ваши документы. Для контакта с «Альфа Юниформ» переключитесь на частоту сто три целых одна десятая. Диспетчерский пункт Нью-Ривер, посадку разрешаю.

Пилот повернулся вместе с креслом к Махони и произнес:

— Пять минут, сэр.

Махони кивнул и включил связь с отсеком команды. Его корабль был тщательно замаскированным кораблем вторжения, переименованным на время операции в честь одного древнего экономиста с Земли. Махони считал, что это удачное дополнение к маскировке.

Экран переговорника засветился, и на нем возникли фигуры десяти созданий, вооруженных и одетых в камуфляжную униформу отряда богомолов.

— Будем внизу на счет «пять», Эллен. — Махони обратил взгляд на здорового детину, бывшего своего сержанта.

— Слыхали, босс. Бьюсь об заклад, вы сейчас предложите нам приготовиться и сидеть на месте. Да мы вытащим его прямо за каблуки сапог, не пройдет и пары минут!

— Нет. Просто оставайтесь в дежурном режиме. Либо он тот, кто мне нужен, тогда он может иметь большую, чем у нас, огневую мощь, либо нет, тогда... сами понимаете. Сделайте одолжение. Держите ушки на макушке, но сидите как мыши, даже если начнется беготня прямо по вашим головам. Я становлюсь слишком стар для очередной реконструкции тела.

— Ладно, сэр. Мы поняли.

Махони потянулся через плечо пилота к микрофону.

— «Альфа Юниформ», как слышите? Здесь «Джон Стюарт Милль», прошу посадку.

В динамике раздался голос:

— «Милль», здесь «Альфа». Посадочный маяк «три-пауза», вершина — два километра над полем. Ветра нет. Площадка подготовлена. Выходит клиент и не больше двоих помощников. Остальному экипажу оставаться на шхуне. Соблюдайте элементарные требования безопасности. Я встречу вас в основном здании. Конец связи.

Махони дважды шелкнул кнопкой микрофона, показывая, что понял. Улыбнулся, глянув на пилота.

— Каково, а? Похоже, это мой паренек.

Корабль сел в центре крохотного мощеного взлетного поля. Люк открылся, и Махони выбрался наружу.

Было жарко, сухо и пыльно. По одну сторону поля лежала бескрайняя лысая пустыня, за ней виднелись низкие горы. По другую простирались огороженные белым заборчиком ярко-зеленые пастбища. Воздух был тих. Махони слышал щебет птиц, доносившийся из ближайшего фруктового сада, а с лугов — шум поливальных машин.

Он поднялся по извилистой дорожке к рассыпанным там и сям строениям. Луг... белая ограда... за ней хлева. Коряга с водой. Племенное хозяйство? Махони увидел дряхлое четвероногое существо — лошадь с Земли, определил он, — пасущееся на поле. Больше никаких животных не было.

Он миновал сарай с обитыми металлом стенами; двери закрыты и заколочены. Стойла. Пустые. Низкий забор с распахнутыми воро-

тами. Махони вошел и зашагал через искусственный садик, выглядящий так, будто за ним давно не ухаживали. Здесь трудились три робота-садовника; рядом с ними стоял человек, который не обратил на Махони никакого внимания.

«Тяжелые времена,— размышлял Махони.— Содержание конюшен в порядке должно обходиться очень недешево. Однако это производит впечатление: не видно никаких признаков охраны, ни сигнализации, ни оружия. Но если я не абсолютный болван, все это здесь есть».

Перед входом в ожидании стоял человек. Немного моложе Махони, не слишком стройный, но и не коренастый, он выглядел так, как будто его сделали очень основательно. Не урод и не красавец. На нем рубашка с открытым воротом, излишне просторные штаны и сандалии.

— Сэр Гидеон, приветствую вас. Мое имя Шамель. Входите, пожалуйста. Я позабочусь о прохладительном.

Просторный дом, почти что особняк, обставлен тяжелой мебелью из натурального дерева и кожи. На стенах висели старые картины в стиле реализма.

— Каждый год,— заметил Шамель,— я стараюсь забыть, как жарко и сухо в Нью-Ривер поздним летом. И каждый год погода напоминает мне об этом. Здесь — смесь вина с фруктовым соком. Очень освежает.

Он указал на сосуд для варки пунша, наполненный льдом и жидкостью, смахивающей на молоко. Махони не отреагировал. Губы Шамеля тронула улыбка. Он налил себе бокал и осушил его. Только тогда Махони налил напиток себе.

— Значит, ваша корпорация разрывается на части, сэр Гидеон. Враждебные конкуренты с одной стороны, а с другой — профсоюз. И вы полагаете, что профсоюз — источник всего зла. Все играют нечестно, и вам нужен эксперт. Замечательное представление, между прочим.

— Благодарю.

— Особенно я восхищаюсь одной вещью,— продолжал Шамель,— это ваше внимание к мелочам. «Джон Стюарт Милль» как название вашей яхты — это что-то. Может быть, немного чересчур по-капиталистически, но, без сомнения, очень мило.

Рука Махони скользнула в карман брюк, и на корабле загорелся сигнал «Приготовиться».

— Очень, очень рад,— продолжал Шамель,— что именно вы оказались здесь. Я довольно долго жду чего-нибудь наподобие...— Он помолчал.— Никогда не верил байкам о вашем самоубийстве, маршал флота Махони. Таков был вроде ваш ранг, когда вы «вышли в отставку»? Шпион-самоубийца — нукудышный шпион.

— А вы скоры на решения,— сказал Махони.— Тогда, может быть, отбросим и этого дерьмового Шамеля? А, Венлоу?

— Я считал, что мои документы благополучно похоронены; а затем стал думать, что и меня самого похоронили.

Махони стал объяснять, как мало на свете настоящих профессионалов; еще меньше — не связанных с правительством, мегакорпорациями и военными. И наконец, специфический статус Венлоу...

Венлоу сделал огорченное лицо.

— Вот так... сидел все эти годы и думал, что не оставил следов.— Он цыкнул зубом.— Стыдно. Итак, каким образом я могу искупить разработку убийства императора?

— А не полагаете ли, что я здесь для того, чтобы развесить ваши кишки на ветках дерева и погонять вас вокруг него дюжину раз? Ведь император был, кроме всего прочего, моим другом.

— Да, мне говорили. И я слышал рассказы про вас... но предпочитал полевую работу по случаю. Однако, если бы вы просто хотели меня убить, зачем представляться перед началом? Прямое столкновение может вызвать потери с обеих сторон. Тем более что вы отнюдь не «юный герой».

— Неточно,— произнес Махони, и его непринужденность на мгновение пропала.— Если бы я не охотился за еще большими сволочами, я бы отличным образом пробрался сюда и своими руками вырвал ваше сердце.

— Поосторожнее, Махони. Вы поправили меня, когда я сделал ошибку. Возвращаю комплимент. Не следует воспринимать все так лично — в нашей-то работе. Это граничит с самоубийством. Но поскольку на повестке дня не это, давайте сменим тему. Можете сказать своим воинам — сколько их там у вас,— чтобы расслабились и отдыхали.

Венлоу прошел к столу и положил ладонь на что-то напоминающее пресс-папье.

— Мои люди останутся внизу.— Он уселся и жестом пригласил Махони последовать его примеру.— Я, пожалуй, догадываюсь, чего вы хотите. Но все-таки скажите сами. Полагаю, это как-то связано с нелепым трибуналом.

— Да. Нам нужно, чтобы вы засвидетельствовали заговор. Публично.

— Я? На трибуне? Это будет для меня новым опытом и, боюсь, не слишком благоприятным для будущих перспектив работы.

— Жизнь показывает, что они и сейчас у вас не радужные.— Махони многозначительно взглянул в окно на пустые стойла.

— Обстоятельства последнего задания вынудили меня быть максимально осторожным в отношении личности моего нанимателя. Я отказался от нескольких очень шикарных дел, и все из-за моей боязни потерять лицо, из-за стремления к высшей цели...

— Бедняга!

Венлоу игнорировал сарказм Махони.

— Допустим, я все-таки соглашусь. Я встаю в зале суда и говорю. Что именно? Что я был нанят неким Сулламорой после того, как ранее успешно решил для него несколько задач? Что я обнаружил и развил в Чаппеле ценные для выполнения задачи качества, а затем направил его? А также все подробности моей работы? Все?

— Конечно нет. Сулламора мертв. Никто за него не даст и гроша. Нам нужны другие — Кайс, Мэлприн, Краа, Ловетт.

Венлоу цыкнул зубом.

— Вы хотите от меня больше, чем я могу дать.

— Дадите.

— Вы не поняли. Я физически не могу дать вам такие сведения. Я лишь засвидетельствую: мол, имею моральную уверенность в том, что остальные члены Тайного совета, без сомнения, являлись участниками заговора. Но доказательства... Сулламора никогда не упоминал при мне их имен. Я с ними никогда не встречался и с их прямыми представителями тоже. Нечего смотреть волком, Махони. Я могу доказать. Мое присутствие здесь... Я летал на Прайм, не отрицаю. Но вот уже более двадцати лет возвращался в свой дом, вместо того чтобы исчезнуть в новой личности и в той части Вселенной, где меня совершенно не знают. Я не бегал за заработком. Я не приходил к каждому в поисках задания и денег. Сейчас, если эти идиоты из Тайного совета с измазанными кровью руками проникнутся мыслью, что я был агентом-посредником при том контакте, не думаете ли вы, что они организуют мое исчезновение?

Махони сохранял непроницаемое лицо, однако ему совсем не понравилось то, что он услышал.

— Итак, Махони, не я, оказывается, ваше дымящееся ружье; и не знаю я, где оно вообще валяется. Я и так-то показания даю вам с неохотой. Но говорить буду лишь то, что знаю. И все.

Венлоу налил себе еще бокал пунша и приглашающе качнул половником в сторону Махони. Тот помотал головой — нет. Венлоу вернулся в кресло.

— Тупик? Тупик. Убить меня?.. Попробуйте. Но сами вы определенно не уйдете живым. Вы сказали, что ищете более отъявленных сволочей, чем я. Полагаю, вам хочется увидеть, как их схватят.

— Не такой уж тут тупик, — ответил Махони. — Собирайтесь, поедem со мной в Ньютон. Может быть, вы говорите правду, а может быть, ложь. Там разберутся.

— Сканирование мозга? Никогда. Известно, сколько людей под колпаком умирают или сходят с ума. Если вы предлагаете такой вариант, лучше я благополучно слохну здесь в драке с вами.

— Вы не умрете и «жженоголовым» не станете. Сканированием займется Рикор. Она...

— Знаю, знаю. Однако скажу как на исповеди: мысль о том, что кто-то будет бродить по моей душе, приводит в содрогание.

— Согласен. Жалко того несчастного, который будет бродить по вашей душе.

— Дайте подумать... — протянул Венлоу. — Если я скажу «нет», а мы оба каким-то образом останемся в живых и продолжим... дискуссию, что случится дальше? Вы, конечно, пустите информацию о моем существовании в Тайный совет, ожидая, что они начнут замечать даже те следы, которых не оставили. Точно. Так они и поступят, недоумки. Мне не нравится такой вариант. С другой стороны, положим, я пойду с вами, соглашусь на сканирование, буду свидетелем. Возможно, ваш трибунал будет успешным, и он некоторым образом подтолкнет вперед, — в голосе Венлоу зазвучали нотки сарказма, — правду и законность; «Путь империи», как по волшебству, победит, а совет падет. Или, что более правдоподобно, их погубит собственная бездарность. Однако в любом из этих случаев я буду, в общем-то, спасен. Защищен — это точно. Может быть, я не смогу продолжать свое кровное дело, но хотя бы сумею придерживаться того стиля жизни, к какому привык.

Венлоу говорил правду. Политический убийца, если он не оказался убранным в первые же моменты после выполнения заказа или не был клиническим маньяком-одиночкой, оказывался обласкан государством до конца своих дней. Говорил он или нет — неважно; всегда была вероятность, что раньше или позже он решит рассказать обо всем, даже если в это время лишь у историков останется интерес к его словам.

Венлоу размышлял в сухой, душной тишине.

— Хорошо. Я соберу охрану и разоружу их. Вызывайте своих сопровождающих, пусть входят. Они помогут донести мой багаж до корабля. Сделка совершена.

Он протянул свою руку. Махони лишь посмотрел на него, не двигаясь.

Венлоу пожал плечами, встал и покинул комнату.

Солон Кенна посещал раньше обсерваторию всего один раз в жизни. Тогда он был юн, пьян и растерян. Сейчас он находил подобные заведения очень интересными; по крайней мере, одно, именно в сегодняшнюю ночь и если глядеть под определенным углом зрения.

Он еще раз поднял глаза на экран — вдруг бредовые видения исчезли? Нет, торчат на месте, зависнув на парковочной орбите Дьюсабла.

В момент обнаружения флотилии нестройно зазвучали все сигналы тревоги; Кенна стал бледен, а всенародно избранный тиран Уолш вообще позеленел, когда им сообщили, что это за точки маячат на экране и что это может означать. Корабли — много-много

кораблей. По-видимому, Тайный совет решил, что отставка тирана Йелада была несвоевременной, и послал гвардию.

С десяток патрульных кораблей таможенной службы Дьюсабла взмыл ввысь и поплыл, громко возвещая на всех частотах связи о мирных намерениях, к стоящей в ожидании армаде. В флагманском корабле честно сидел Уолш как представитель планетной системы.

Кенна немедленно начал сооружать глухую защиту, в которую входили пластическая операция и даже отъезд из системы...

...Армада не отзывалась на прокламации мира и дружбы. Никто не видел раньше таких кораблей, хотя они явно были имперской постройки.

Уолш пришвартовался. И тут началось ликование — это оказалась флотилия роботов-танкеров. Каждый из них (а флотилия протянулась чуть ли не в бесконечность) нес АМ-2 в количестве, достаточном для жизни целой планеты в течение года по широким меркам мирного времени.

Дьюсабл лет десять — пятнадцать не видел столько топлива. Кто, черт побери, его сюда послал?

Вот когда Кенна выполз из бункера и направился в обсерваторию убедиться, что Уолш и патрульные экипажи не наткнулись в полете на флотилию галлюциногенов, — и вдруг понял.

«Боже, боже, бог ты мой!» — думал он. То, что тут замешан Рашид, он знал точно. То, что он был — в каком-то смысле — существо могущественное, — это тоже ясно. Но чтобы он был... нет, невозможно!

Кенна встал и повернулся кругом. Посмотрел на старый портрет, висящий на стене, — часть мемориальной доски по случаю открытия Имперской обсерватории Райан-Берлоу-Т'Лак. На картине в величественной позе стоял вечный император. Столь же сильно изображение смахивало и на Рашида.

Судьба, по всему видно, повернулась очень хорошей своей стороной к Дьюсаблу и солону Кенне.

Кенна размышлял о неожиданно изменившемся будущем и о том, что это может предвещать, особенно недавно избранному Уолшу. Следующие выборы... Черт с ними. Пока что. Следующих выборов не будет еще несколько лет.

Затем он решил сходить в церковь и помолиться какому-нибудь богу, чтобы тот даровал ему, Кенне, мозги — понять, что произошло и что теперь надо делать.

Впрочем, через несколько секунд он вернулся к реальности и просто заказал себе бутылку.

Махони понял, что оказался в весьма трудной ситуации.

Рикор прикатила на своем гравикресле — не захотела принять его у себя или, как это бывало, когда дела шли особенно хорошо, около

огромной ванны с соленой водой — напоминаний о холодном арктическом море, сокрушительных штормах и гигантских айсбергах ее родного мира.

Рикор — от усов и толстого жира на необъятных боках и до ласт — была похожа на моржа. Махони, по крайней мере, так ее и называл про себя.

Когда Стэн выступил со своей идеей трибунала, Махони сразу же занялся поиском «инструментов». Одним из них и была Рикор, в прошлом ведущий психолог империи. Махони нашел ее, скучающую, в полуотставке. Питая любовь к Стэну, ценя чувство юмора Алекса Килгура и хорошо относясь к Махони, а также ощущая (этого она, конечно, вслух не произнесла) нечто сверх унылой рассудочности ее расы, она согласилась поучаствовать в охоте.

— Итак? — спросил Махони без предисловий, лишь только Рикор вкатилась в его квартиру.

— Довольно интересный тип этот ваш Венлоу, — начала Рикор. — Совершенно не краснеет. Истинно аморальное существо. Я читала о подобном, хотя прежде в жизни не встречала. Мои желудочки оставались неактивными в течение всего сканирования.

Желудочки сочувствия, органы, расположенные там, где у обычных моржей находятся слезные железы, отзывались на плач или боль любого существа, с которым работала психолог. Поэтому казалось, что она плачет, когда сканировала наиболее грустные закоулки воспоминаний пациента.

— Что же мы имеем?

— Во-первых, здоровье Венлоу...

— Надеюсь, он умирает в мучениях и думает, как хорошо быть здоровым и богатым. Не хочу слышать ничего насчет его здоровья. Наверняка он здоров как бык. К сожалению. Дальше.

— Я полагаю, мы, то есть вы и я, должны из этого сканирования подготовить папку «Совершенно секретно». Его профиль — прямо как в учебнике номер один; соответствующим образом снятый и обработанный, этот профиль будет ценным вкладом в психологию. Что касается вас... Некоторые операции, в которых он участвовал, могут оказаться интересными и полезными. — Все это Рикор глубокомысленно пророкотала, шевеля щетинистыми усами.

— А как насчет интересующей меня операции?

— Он виновен в точности в той мере, в какой утверждал. Любопытно, как точно он проанализировал Чеппеля без формального обучения и сумел безошибочно затронуть нужные струны. Сулламора был его нанимателем и тем, кто платил. Это все.

— И больше ничего? Ни одной замусоленной записочки, которую ему случилось увидеть через плечо Сулламоры? Неужели ничего нельзя найти, Рикор?! Только одну вещь. Весь совет был наве-

селе и хором пел песню: «Мы на радостях завоюем, лишь когда твой гроб закроем, наш дорогой В. И.!» Или что-нибудь подобное.

— Ничего. Я, конечно, понимаю. Трибунал есть трибунал. Его свидетельства не могут служить обвинению в классическом суде.

Махони попытался сыграть бодрячка:

— Ну это, правда, не то, на что я надеялся, но все равно полезно. Вы все из него выкачали?

— Больше нечего.

— Дьявол...

— Не вешайте носа, Ян. Вы *найдете* ружье, которое стреляет. Венлоу сказал, что дал Сулламоре несколько советов. Не оттого, что беспокоился, сами понимаете, а потому что хотел удостовериться, что получит в итоге свой гонорар. Он предупредил Сулламору, чтобы тот не делал попыток «двоить кресты», то есть чтобы сам он был осмотрителен. Сулламора ответил что-то насчет того, что подстраховался.

— Этого мы никогда не найдем. Если он и построил для себя прикрытия, Тайный совет перетрясет все его имения, обшарит банки, офисы и его друзей. Они найдут это прикрытия. Мы — нет, даже если оно действительно существует.

— Бодрее, Ян! Хотите, одарю вас драгоценным перлом шутки? Ее рассказал мне Алекс Килгур, когда вернулся.

— Нет. И не просто «нет», а грубо: «НЕТ!» Прекрасно знаком с шутками Килгура, благодарю вас. Когда я их слышу, мне становится только хуже. И если вы все-таки ее расскажете, я пропал. Самая ужасная вещь в приставке «экс» к титулу «маршал» состоит в том, что вы не можете никому пригрозить военным судом.

Попытка узнать, что случилась вечером того дня, когда Тайный совет решил насладиться спортом и посетить матч по гравиболу с участием «Рейнджеров» и «Синих», оказалась... ну, если не сказать простой, то на удивление безопасной. Стэн сдержал клятву по возможности не поручать Хейнз доведение расследования до конца.

Первым делом требовалось найти подходящее вторичное прикрытия для беспрепятственного задавания вопросов, связанных с Тайным советом. Хейнз и Стэн такую «крышу» придумали.

Убийство (и это сейчас было хорошо), как известно, не признает границ и рамок времени. Так вышло, что в ночь, интересующую Стэна, оказалась убитой одна женщина. Подозрение пало на ее приятеля, который исчез. Недавно он попался по другому обвинению на полпути отсюда до границы метрополии, и недремлющая полиция обнаружила, что он подозревается еще и в том убийстве.

К несчастью (это была уже выдуманная часть истории), у подозреваемого оказалось алиби. Он, мол, работал в ту ночь барменом на подмену на частном приеме у Ловетта.

Хейнз произвела корректные вызовы свидетелей. И снова Стэн поразился, что Лайза была действующим полицейским, — то, что начальник полиции участвует в расследовании, не вызывало поднятия бровей.

Ловетт, очевидно, рассматривал не только арену и декорацию частного приема в качестве неизбежного источника легальности, но и всю нанятую для этого службу считал безгранично преданной ему. Метрдотель, например, работал у него свыше тридцати лет. Он был рад сотрудничать со следствием — в особенности когда, будучи законопослушным существом, чуть не лопнул от возмущения, услышав об алиби мифического субъекта.

— Оставьте его слова для недотеп, — хмыкнул он. — Видать, этот тип хотел сказать, что обслуживал какой-нибудь пролетарский пивбар на самом стадионе, но не апартаменты. Там работали только постоянные служащие, а уж особенно в ту ночь.

— Вы уверены?

— А как же? — удивился метрдотель. — Самый крупный матч за десятилетие, присутствует — шутка сказать! — Тайный совет всеми собственными персонами. Но мне не понадобился обычный состав — их всего было на вечере шестеро, персон этих. Ни помощников-секретарш, ни даже охраны. Так что в тот вечер нас работало всего четверо — Марг'нес и Эби за стойкой, Вэнс бегал, если что-то требовалось с кухни. Они и не ели-то в тот вечер как следует, даже Краа. Простите, пожалуйста, последние слова не записывайте, пожалуйста, ладно?

Хейнз обнадежила его — обещала, что не будет.

Человечек сказал, что был бы счастлив посмотреть лжецу убийце в глаза на суде, на что Хейнз ответила — сомневаюсь, что в этом возникнет нужда; других свидетельских показаний вполне достаточно, просто необходимо проверить неувязанный конец.

Затем она спросила словно невзначай:

— Должно быть, вас дрожь пробирала — находиться поблизости от таких властелинов...

— Да нет, — отвечал метр. — Как-никак Ловетт и раньше проводил приемы с участием важных персон. Конечно, во сто раз менее масштабные, чем устраивал его отец. Гостей приглашал совсем немного и очень редко; он ведь так занят, управляя всем. Раз или два с тех пор... с тех пор, как убили императора. Я считал себя человеком невпечатлительным. Оказалось, не так. Лучше бы мне не быть таким честным, право.

— Почему?

— Если бы я не знал, что стану после этого кандидатом в покойники, бьюсь об заклад, что выступил бы с интересной байкой о том, что происходило в тот вечер: один из них попросил моего совета или хотя бы идеи, как повернуть одно дело поглаже. Но я не хочу так

скоро становиться мертвецом, и ничего подобного не будет. Сами догадываетесь, у них было кое-что важное для обсуждения. Они совсем не следили за матчем, я видел. Когда кто-то из них хотел пить, он сам выходил. А я сидел в задней комнате и смотрел игру на экране — удивительное дело! Обычно на подобного рода событиях я был так занят, бегая взад и вперед все время, что приходилось смотреть игру на следующий день в записи.

Хейнз улыбнулась и выпроводила метрдотеля из кабинета, а затем спустилась на несколько этажей туда, где в заботах сидел бедный сэр Браун, занявший на время крошечный кабинетик, в котором он, подобно червю, зарывался в архивы в очередной бесплодной попытке доказать, что Розмонта больше нет среди живых.

Стэн некоторое время переваривал информацию.

— Дела у них... Подлые дела. Без помощников... Советник — повар. Это — то самое собрание, которое я искал.

— Но документы, Стэн? Свидетелей-то нет.

— Думаю, не совсем так. Самое главное — то, что состоялось деловое совещание. Они уехали... и, наверное, забрали свою охрану. Без вычеркиваний из электронного интеллекта... А с тех пор апартаментами почти не пользовались... Так. Лайза, подруга юности моей, у тебя найдется четверка мускулистых парней, которые согласились бы оказать услугу — не насилие, так, маленькое отступление от закона — и никогда никому не говорить об этом? Все должно быть чисто — я не хочу, чтобы на тебя пал удар. Если трудно, я сам найду исполнителей.

Хейнз усмехнулась:

— Ты не полицейский — я имею в виду, хороший полицейский, — если у тебя нет «наставника». А когда делаешь карьеру, сам заводишь учеников. Да я тебе полсотни людей дам!

— Отлично. Четверых. Я придумал кое-какую «крышу». Арена Ловетта нуждается в помощи. И старая добрая фирма «Апекс» идет на выручку. Мне нужен средний гравикоптер. Тоже чистый.

— И это легко. Подыщу подходящий в отстойнике конфискованных машин.

Стэн нагнул, изучая карту.

— О'кей, — сказал он. — Вот здесь мы займемся физкультурой. Через два дня, в восемь ровно, они мне будут нужны — тут, на углу Имперской и Седьмой авеню.

— Через два дня? Почему не сейчас же?

— Потому, что совершенно удроченный сэр Браун закончил свое расследование и теперь понял, что имперская полиция оказалась права. Он возвращается домой доложить о неудаче. У меня есть два коридора. Первый — если я убываю чистым, и другой — если я влипаю. Воспользуюсь вторым, потому что придется везти кое-какой груз.

— А я-то думала, что знаю твои намерения. Почему бы не провести анализ здесь? Мои специалисты не будут задавать вопросов.

— Лайза, не забывай, о каком убийстве идет речь. Нельзя слишком доверять людям. Я, по крайней мере, не могу доверять — и не буду. И, как я уже сказал тебе, не хочу оставить тебя здесь «держаться чемодан». Короче, я убываю. Повидался со старым другом и... — Он быстро собрал свои бумаги. — Спасибо тебе, Лайза.

— Пожалуйста. Хотя я не думаю, что сделала очень много.

— Нет. Ты сделала огромное дело. В следующий раз... Куплю тебе и Сам'лу подарок к годовщине вашей свадьбы.

Стэн быстро поцеловал ее — и исчез.

Дел было навалом. Обеспечить появление Брауна на борту лайнера, отлетающего из Прайм-Уорлда, связаться с контрабандистами Вайлда, чтобы те посадили корабль для его груза... Надо полагать, что багаж прибудет на место вовремя.

На управляющего ареной Ловетта вежливый инженер и его команда в белоснежных комбинезонах произвели изрядное впечатление; преимущественно потому, что он не подавал никаких заявок на ремонт офисного оборудования, установленного в апартаментах сэра Ловетта.

— И слава богу, что не подавали, — отвечал ему инженер. — Это обычное текущее обслуживание. По нашим записям, «Апекс» установила вам эти машины более пяти лет назад. В помещении, где проливают спиртосодержащие жидкости, наверняка присутствует табачный дым, а также испарения от пищи. Как бы мы выглядели, это ведь элементарная потеря репутации, если сэр Ловетт сядет за наш компьютер, а тот даст сбой? Мы гордимся техникой, которую устанавливаем своим клиентам.

Да, это производит сильное впечатление, думал управляющий. Обслуживающая фирма действительно обслуживает, а не дожидается десятого разъяренного звонка с угрозой обратиться к помощи закона. Удивительно лишь, что он никак не мог найти в своих бумагах договор на обслуживание офисных компьютеров фирмой «Апекс».

Из помещения выдрали буквально все, что могло пищать, гудеть и светиться. Стэн чуть не упустил из виду стол для совещаний, но вовремя сообразил, что в него встроен несложный компьютер — записная книжка для чтения, просмотра и записи документов. Вся техника перекочевала в гравилифты и затем исчезла в недрах грузовой машины фирмы «Апекс».

Прошло не меньше месяца, прежде чем управляющий понял наконец, что его надула высокотехнологичная шайка очень вежливых компьютерных грабителей.

Компьютеры и пишущие машинки аккуратно перегрузили на корабль Вайлда, защитили от вредных электромагнитных импульсов и перевезли на Ньютон, где ими занялись специалисты. Стэн и Алекс ошивались в сторонке. Может, они и были персонами, искушенными в технике, особенно Алекс, но требуемые операции находились далеко за гранью их познаний.

Известно, что из памяти компьютера почти невозможно стереть что-либо так, чтобы не осталось следа. Если вы уничтожили запись, останется резервная копия. Если уничтожить и ее, останется «отпечаток» — по крайней мере, до тех пор, пока поверх него не сделана новая запись. Но даже и тогда в некоторых случаях удается многое восстановить.

Первыми на стол вскрытия легли компьютеры. Оттуда была извлечена куча изумительных по своей запутанности контрактов, из которых явствовало, что Ловетт и его друзья вряд ли были бизнесменами чистыми как стеклышко. Информацию сохранили для возможного использования позже в гражданских судах, когда (если?..) Тайный совет будет повержен.

Но компьютеры не содержали записей телефонных разговоров. Зато стол для совещаний оказался кладезем.

У этого стола много лет тому назад Сулламора опрокидывал законы. В то время он был единственным, кто мог вылезти сухим из воды, заключив контракт на убийство пресс-лорда и договор на услуги Венлоу. Делал он это совершенно откровенно — все договоры могли свободно служить доказательствами. А еще в столе оказалась пластиковая магнитная карточка, на которой было записано формальное признание вины, преамбула к убийству. Первой на карточке стояла подпись Кайса, за ней следовали другие. У каждого заговорщика была карточка со всеми подписями. Такую именно карточку и нашел техник, потрошивший стол.

Восстановленное изображение, которое несла карточка, было плохим, перекрывалось фотографией улыбающейся пары стариков, судя по всему, чьих-то родителей, непонятным образом влезших в магнитную карту. Возможно, ее совали в домашний видеорекордер.

И все-таки текст сохранился.

«Мы... взвесив все обстоятельства, пришли к... заключению... Вечный император страдает... крайне опасной психической нестабильностью... определяется последующими традициями... Выступая... против тирании... историческое право... устранение... и, вследствие этого, получение полномочий... самые крайние меры... разрушить... уничтожить тирана... дабы обеспечить свободу...»

Документ, может быть, и неполный, но весьма красноречивый. И абсолютно неповрежденными остались личные «оттиски» — подписи: Кайс, Краа, Т. Сулламора, Ловетт, Мэлприн.

— Мне, вероятно, удастся восстановить более полно, сэр. Здесь еще остались кое-какие «призраки», которые я не смог идентифицировать и устранить.

Стэн был вполне доволен. Может быть, некоторые несущественные винтики и пружинки и оказались потеряны, но «дымящееся ружье» — вот оно!

Глава 31

Стэну было нужно «отдохнуть и оправиться». Очень нужно. Он знал, что причины чувствовать умственную, телесную и эмоциональную усталость имелись, однако чувство непонятной вины сверлило его. Он просто обязан был сидеть в задних рядах зала суда, следя за кропотливой работой трибунала, по мере которой все ближе подходил момент решения.

Исторический момент.

Что он сможет сказать внукам? «Да, я был тогда рядом. Очень близко. Но валялся пьяный, ничего не помню; ничего не могу рассказать. Я оттягивался».

Килгур поймал его на логической ошибке.

— Черта с два у тебя будет хоть один внук, — сказал он. — Да и вряд ли ты хочешь, чтобы он у тебя был. Дай себе отдых. Скоро наступит большая мясницкая работа.

Махони вторил Килгуру: мол, он не думает, что есть хоть малая вероятность того, что трибунал затребует какое-либо доказательство убийства, проведенного на Земле.

— Спокойнее, адмирал. Лучше бы ты уехал за город, когда они начнут вызывать свидетелей. Поброди где-нибудь. Развейся. Я пошлю за тобой, когда будет нужда. А она наступит скоро. Чего удивляться, ведь Тайный совет задумал карательную операцию. Худобедно, но они сколотили флотилию; собрали коллекцию отборного дерьма — самых преданных и тому подобное. В переводе — тех, кто измазался в крови во время чисток, доказывая свои патриотизм и верность. Мы должны оказать им соответствующий прием. Это побуждает к действию забастовочные комитеты на их кораблях. Он считает, что нет ничего лучше, чем поставить на мостик управления тебя, — рассмеялся Махони. — Какова переменчивость карьеры на военной службе, а? Сегодня ты полицейский сыщик, завтра — адмирал флота.

Стэн оставил при себе мнение о военной службе — в любом составе вооруженных сил, — удалился на квартиру и задумался о небольшой вакации. Пойти с туристами и петь в компании у костра? Нет, решил он. Не то чтобы его терзали муки утраченной любви — по крайней мере, он так не считал. Но все равно это не то.

Экскурсия по городам? Тоже нет.

Стэн думал, думал... Надо найти что-нибудь, что могло бы встряхнуть его.

И нашел. Скалолазание. Жесткий вариант.

С помощью приспособлений можно забраться на что угодно. В вашем распоряжении и гравиприсоски, и паутинный лифт, и трюсовые ружья. Но настоящие скалолазы не признают ничего этого и лазают сами по себе. Без технической поддержки.

Такое занятие пахнет самоубийством, зато не скучно. В нем была какая-то привлекающая к себе сумасшедшинка.

Он нашел подходящий склон — отвесную скалу, иглой торчавшую посреди самой пустынной зоны Ньютона, и подобрал минимальное снаряжение, достаточное лишь для того, чтобы потом, забравшись наверх, можно было слезть. Купил палатку, примус и другие мелочи. Ругнулся, сообразив, что придется таскать с собой рацию и виллиган. «Ты — один из самых разыскиваемых людей вне закона, не забывай об этом, дружок!»

Стэн навестил Алекса и сказал, что уезжает. Килгур, занятый по горло заботами о проблемах безопасности на трибунале, едва нашел время хмыкнуть и хлопнуть друга по плечу на прощание.

Стэн нашел свой взятый напрокат гравитолет, а в нем — кое-что еще. Вернее, кое-кого, и не одного. Он забыл, что слово «одиночка» сейчас — табу, по крайней мере пока нынешняя чрезвычайная ситуация не закончилась и совет не почил благополучно в могиле или не засел за решетку.

Вот и пришлось брать с собой всю семерку своих телохранителей-бхоров, а с ними Синд, и экипировать их не хуже себя самого. Стэн хотел было воспротивиться, но подумал, что мало выиграет от этого. Отошлет их — мигом появятся Килгур и Махони.

Однако Стэн дал прямое указание охране разбивать свой лагерь отдельно хотя бы на удалении в четверть километра от его стоянки. Их компания ему совершенно не нужна — простите за невежливость, он не собирается сидеть на скале, упираясь задом в их задницы.

— Не думаю, чтобы киллеры, нанятые советом, если они идут по моему следу, в чем я сильно сомневаюсь, прятались среди камней.

Бхоры согласились.

— Ваш приказ легко выполнить, адмирал, — проворчал один из бхоров. — Наш народ побивал рекорды по скалолазанию, лишь когда за ним гонялись стрегганы.

Итак, отдых и восстановление сил начинались не на самой идиллической ноте. В том же ключе и продолжались.

Вершина — это все, что можно было увидеть на экране, — устремлялась прямо ввысь почти на тысячу метров за облака. Она начиналась за дальним концом небольшого, круто поднимающегося альпий-

ского луга, где бил родник, питающий маленький пруд холодной доломоты в костях водой. Луг окружали старшие братья облюбованной Стэном вершины; они упирались своими головами в небо.

Лужок был необитаем; там жили лишь какие-то сумчатые, которые внизу обычно лазали по деревьям, несколько одичавших быкообразных да один так ни разу и не попавшийся на глаза мелкий ночной хищник.

Стэн разбил палатку, а его охрана, повинуясь приказу, остановилась в четверти километра поодаль, скрывшись в зарослях на противоположной стороне пруда. Стэн приготовил ужин, поел и улегся спать сразу после сумерек. Спал он без сновидений; встав, собрал рюкзаки для восхождения и направил свои стопы к вершине.

Несколько часов он провел, полностью сосредоточившись на ритме подъема, на ощущении шершавого холода камня под пальцами, на чувстве баланса. Наконец вбил крюк в трещину, закрепился веревкой и сел рыться в рюкзаке в поисках перекуса.

Осмотрелся по сторонам. Неплохо. Набрал почти двести пятьдесят метров. Может быть, стоит наметить бивак еще повыше, продолжить осаду вершины и одолеть ее раньше, чем планировал? Стэн уже заметил по крайней мере шесть новых превосходных маршрутов, которые неплохо было бы попытаться в ближайшие дни.

Затем он глянул вниз...

Восемь физиономий пялились на него из кустов. Телохранители сидели полукругом у основания скального столба и старательно таращили глаза. Они были на работе.

Дьявол! Скалолазание не зрелищный спорт.

Горный воздух будто звенел. Стэну хотелось запустить сверху заряд из тросового ружья — далеко ли улетит? — или хотя бы просто поорать с вершины. «Валяй, Стэн, не стесняйся, — говорил он самому себе. — Почему бы немного не поребачиться?»

Но вместо этого он начал спуск и оказался внизу часа на четыре раньше, чем собирался, причем движение вниз уже совсем не так поглощало его внимание, как подъем.

На следующий день Стэн сходил по другому маршруту, который был интересен только тем, что там не было удобных точек для наблюдения на него.

И все-таки они такую точку нашли, преданные до отвращения хранители его тела. Он изо всех сил заставлял себя не обращать внимания и лезть дальше, но его сосредоточенность, способность забыть обо всем, она... нет, не рассыпалась вдребезги; он еще получал удовольствие от того, что делает. Но он осознавал и все вокруг, вот что огорчало.

Ночью, после совсем невзыскательного ужина, чуть приправленного куркумовым корнем, и съеденного соло, «без ансамбля», он

никак не мог уснуть. По ту сторону пруда виднелись слабые сполохи огня в лагере бхоров. Видимо, они нашли сушняк и развели ху-досочный костерок. Он почти слышал едва доносившиеся голоса. Почти слышал — или это казалось? — хрустальные переливы смеха.

Стэн шепотом выругался. Порылся в рюкзаке и вытащил бутылку. Затем надел ботинки и побрел в обход пруда на огонь. У костра сидели только четверо стражей его драгоценной особы. Он прислонил бутылку к дереву и вошел в круг света. Синд и бхор выступили из темноты и опустили оружие.

— Что-нибудь не в порядке? — отчеканила, будто выстрелила, Синд; глаза ее настороженно заскользили по темным кустам вокруг.

— Э-э... нет. Я... просто что-то не спится. Я подумал... если не помешаю...

Они с радостью приняли Стэна у костра и вежливо отпили по глоточку скотча императорского синтеза и разлива из бутылки, которую принес Стэн. Потом хозяева решили, что не будет нарушением дисциплины, если они пороются в своих припасах. Там совершенно случайно оказался стрегг. Вечный император как-то сказал, что стрегг в три раза лучше «Белой лошади» (непонятно, что он имел в виду), так же как «Белая лошадь» в три раза лучше материнского молока.

Долго ли, коротко ли, Стэн со своими телохранителями отдохнули изрядно. Тишину альпийского луга то и дело нарушали выкрики наподобие «За замерзшую задницу моего папы!» и другие бхорские тосты. Кульминация вечеринки наступила, когда трое бхоров бросили Стэна в пруд.

Стэн проснулся ранним утром в совершенном смятении. Оценив серьезность своего положения, он почувствовал себя совсем плохо. Он был в лагере бхоров. Голова Стэна покоилась на лодыжке одного из них, а его живот служил подушкой для другого. Прислушавшись к себе и окружающему, он осознал, что уже который час его атакуют нестерпимо смертельные молекулы холодного горного воздуха, вонзаясь в каждую клеточку похмельного организма.

В лагерь вошли, кривобоко скукожась, Синд и бхор.

— Просыпайтесь, вы, бурдюки с яйцами, — запинаящимся языком произнесла Синд. — Вторая смена! Боже, как я замерзла.

— Не могла бы ты мерзнуть не так громко? — ноющим тоном подал голос Стэн. Он нашарил бутылку с «шотландцем», которая так и осталась недопитой, и попытался сделать глоток. Нет. Жидкость «не приживалась»; желудок Стэна попытался убежать на дальний утес.

Стэн поднялся на ноги. Болели ступни.

— О боже, я умираю.

— Делайте это потише, адмирал, если вас не затруднит.

Реплика нахальная. По уставу, Стэн должен был сейчас доказать свою способность командовать — послать, например, всех в пятикилометровую пробежку или повелеть сделать что-либо наподобие, столь же героически-адмиральское.

Вместо этого он стянул с себя комбинезон и — проклятые приличия! — вошел в пруд и бродил там, пока холод не подсказал ему, что злобные молекулы больше не станут нападать. Тогда он натянул на мокрое тело комби и решил съесть что-нибудь.

В тот день обошлось без восхождений.

С этого момента «отдых и поправка» адмирала Стэна пошли совсем по-другому, не так, как он планировал. Один из бхоров спросил его насчет скалолазания, и Стэн показал ему пару приемов на ближайшей скальной стенке. Синд уже проходила базовый курс скалолазания раньше, только это называлось «курс восхождения по наружной стороне сооружений».

Так и пошло. Лазание целый день; дважды он просто ходил по близлежащим предгорьям. Вечером все ели в компании. Палатка Стэна перебралась в лагерь охраны.

Стэн проводил много времени, беседуя с Синд. С ней было легко разговаривать. Стэн подумал, что это, наверное, в некотором роде нарушение субординации. «Чьей субординации? — спрашивал он себя. — Ты теперь никакой не адмирал, говоря строго формально. Да и хотел бы ты им оставаться?»

Он пытался заставить Синд, чтобы та перестала обращаться к нему по званию и выбросила это изобилие «сэров», которыми она пересыпала свою речь. Рассказывал ей о дьявольском мире заводов, где он вырос. Кратко упомянул о семье. Говорил об Алексе Килгуре, о многолетних совместных их похождениях. О войне он молчал.

Вначале Синд растерялась. Перед нею была такая возможность поучиться у величайшего воина, мировой знаменитости; и вдруг она обнаруживает, что слушает его басни о странных существах, с которыми он встречался, человекоподобных и не очень, одних — дружелюбных, а других — совсем наоборот. И в этих рассказах не текли реки крови.

Много, много раз альпийский лужок слушал звенящие переливы ее хрустального смеха.

Синд рассказывала о том, каково расти дочерью секты воинов, исповедующей религию джихада — священной битвы, религию, не просто изуродованную войной, но такую, где сами боги — убийцы и выродки. Ей казалось естественным тяготение к бхорам.

— А может, я просто перешла от поисков одного убежища веры, — она использовала таламейнское слово, — к поискам другого?

Стэн поднял бровь. Так это или не так, но ее речи звучали очень замысловато для столь юной особы.

Он рассказывал ей о краях, которые посетил. Тропики, Арктика, безвоздушные миры. Леса из красного дерева, растущие на Земле. А собственный его мир носил скромное имя Мостик.

— Возможно, я смогу показать тебе его. Однажды.

— Возможно,— отвечала Синд с едва заметной улыбкой.— Мне бы хотелось. Когда-нибудь.

Они не спали вместе. Синд наверняка пошла бы к нему в палатку, скажи он об этом. Но он не говорил.

«Очень странный отдых и поправка,— размышлял Стэн, когда отпущенное им самим для себя время вакации истекло и они все садились в гравитолет.— Не то, чего я ожидал...»

Но может, именно то, что было нужно.

Глава 32

Трибунал был почти готов объявить решение. Вызваны последние свидетели, и предъявлены последние доказательства; суд удалился на совещание. Последовали месяцы головоломной и зубодробящей работы — надо вникнуть в смысл каждого свидетельства.

Вначале Стэну казалось, что это великая привилегия — быть допущенным и наблюдать. Он, Алекс и Махони сидели в дальнем углу, в то время как сэр Эку и судейская коллегия обсуждали относительную ценность каждой детали. Декан Блайз в качестве стенографистки увековечивал эти усилия для официальной истории. Сэр Эку очень воинственно упирал на то, что, как бы все ни кончилось, никто не должен иметь основания для косого взгляда на суд.

Судьи с яростным воодушевлением разыгрывали порученные им роли. Уорин оставался совершенно беспристрастным. Апус, несмотря на свою ненависть к Тайному совету, была ревностным защитником. Иногда Стэн даже одергивал себя, чтобы вспомнить, каковы ее настоящие чувства к членам Тайного совета. Одна часть его разума вскипала злостью, когда Апус неустанно заделывала бреши в обороне Тайного совета; другая восхищалась тем, с какой серьезностью Апус исполняет свои обязанности.

Однако трудно было не почувствовать себя «обделавшимся», когда информация, выкраденная Стэном из арены Ловетта, оказалась отброшенной как вздор, технический трюк или, возможно, даже сфабрикованная фальшивка.

Ривас — тот, кто сначала был не согласен с Тайным советом лишь с философской, а не личной позиции,— стал его злым мучителем. И в зале, и в кулуарах он свирепо подавлял любые попытки «развалить» судебное дело. Стэна не волновало, когда и по какой причине Ривас изменил свою позицию; он просто получал удовольствие, наблюдая атакующий стиль Риваса. Именно он не давал упустить ни

одной детали, указывая каждый раз на обстоятельства, которые нельзя игнорировать. И он же убежденно защищал идею существования секретного соглашения членов Тайного совета как доказательства заговора, если не более.

А затем, по прошествии недель, глаза у Стэна полезли на лоб. Алекс и Махони чувствовали себя не лучше. Они стали сбегать из зала, когда только это было возможно, но, к несчастью, скрываться от охотящихся за дичью репортеров оказалось труднее, нежели переносить скуку. Так что они большей частью сидели, глядя на судей, и страдали.

Наконец дело приблизилось к финалу. Трибунал удалился для голосования. Ривас и Апус сняли свои ролевые маски и присоединились к Уорину в беспристрастном рассмотрении. Неопределенность исхода снова подхлестнула интерес Стэна. Он подался вперед, стараясь не упустить ни единого слова.

— Думаю, мы больше не имеем права откладывать, уважаемые господа,— начал речь сэр Эку.— Готовы ли вы вынести решение?

Ответа Стэн не услышал — Алекс пихнул его локтем в бок, привлекая внимание Стэна к Махони, который стоял в коридоре у дверей, делая торопливые жесты, означавшие, что Стэн с Алексом должны поскорее встретиться с ним вне зала.

Как только Стэн и Алекс закрыли за собой двери зала суда, Махони схватил их за обшлага и, притянув к себе, тихо сказал:

— Ото сообщает, что в космопорту творится что-то очень странное. Нас ждут там. Прямо сейчас.

На пути к порту Махони рассказал то небольшое, что было ему известно. Похоже, прибыли с официальным визитом существа с Дьюсабла.

— Чего хотят эти козлы? — была первая реакция Стэна.

— Они же там все злыдни, змеюки почище любого Кэмпбелла,— вставил Алекс.

— Это, конечно, все так,— сказал Махони.— У нас нет права рубить сплеча. Мы нуждаемся в любой помощи, которую только можем получить, каким бы гадким ни был ее источник.

Под помощью, пояснил Махони, он подразумевает, что, независимо от того, какое бы ни было дерьмо этот Дьюсабл, он является признанной государственной единицей империи; существенной единицей. Но дело не только в этом. Ведь к ним прибыли отнюдь не рядовые представители системы. Как передал Ото, на борту находятся новоиспеченный тиран Уолш, а с ним президент Совета солон, известный мастер политической интриги солон Кенна.

— Они прилетели, чтобы официально признать трибунал и его работу,— сказал Махони.— Более того, они готовы подписать лю-

бой билль обвинения. Короче, они будут плясать перед камерами и открыто заявлять о своем противостоянии совету.

Стэну не нужен был курс повторного обучения по социально-экономическим дисциплинам, чтобы понять, что сие все означает. «Раз такие скользкие политиканы, как Кенна и Уолш, сами лезут к нам на борт, значит, ветер определенно задул нам в корму. Один — ноль в пользу трибунала! И когда другие союзники совета это узнают, баланс сил начнет смещаться в нашу сторону».

У корабля в порту их встретил лишь Ото с небольшой группой своих воинов. Корабль, только что приземлившийся, выдвинул трап. Ото торопливо сообщил, что пресса предупреждена и телерепортеры уже летят сюда на крыльях.

— Клянусь бородой моей матушки, — рокотал Ото, — похоже, к нам прилипла удача. Я знал, что ты везучий, с самого начала, как тебя встретил, друг мой. — И отвесил Стэну тяжкий шлепок по спине.

Этот грубиян оказался достаточно мудр, раз сумел «вычислить», что могут значить для него лично неожиданные друзья — подзаборники с Дьюсабла. Нужды в объяснениях не было.

Люк корабля с шипением открылся, но никто не вышел. Наконец в проеме возникли Уолш и Кенна, за ними, странно отставая, вылезли помощники. Стэн был удивлен. Он ожидал обычной для «этих козлов» помпезности. Может, потому, что репортеров нет? Как бы то ни было, первые лица системы Дьюсабл имели довольно бледный вид. Даже скорее серый.

Уолш с Кенной приблизились — как-то нервозно, подумалось Стэну, и чуть не подпрыгнули, когда Ото велел своим солдатам стать по стойке «смирно» (по крайней мере, настолько смирно, как могут это сделать кривоногие бхоры). Что же так тревожило эту парочку? Где их всегдашняя напыщенность?

Махони вышел вперед — приветствовать прибывших; за ним двинулись Стэн с Алексом. В этот момент из нутра корабля послышался приглушенный звук.

Стэн чертыхнулся, распознав, что это за звук. Кто-то отдал там команду — точно, он узнал ее! Стэн даже не обратил внимания, что Уолш и Кенна со всей свитой поспешно метнулись в сторону, настолько он обалдел.

Приземистые люди со смуглыми лицами, на которых честностью и отвагой горели глаза, вынырнув из корабля, выстроились в форме «копья». На их мундирах поблескивали символы воинских наград. Каждый держал большой кривой нож-кукрис в вытянутой вверх и вперед правой руке — «наголо», как на параде; ослепительные блики слетали с полированных клинков.

Стэну знакомы были эти воины, он командовал ими однажды. Гурки! Что, во имя всех чертей на свете, делают они на корабле с Дьюсабла?..

И тут же он узнал ответ. Увидел его. Правда, вначале не поверил своим глазам.

На самом остром «копья» шагал тот, чья фигура была знакома не только Стэну, но и каждому существу, имеющему имперское гражданство. Он возвышался над гурками, не глядя ни вправо, ни влево, по-королевски устремив вперед взгляд неистовых глаз.

Стэн не мог ни двинуться, ни произнести что-либо, ни хотя бы салютовать. Позади в таком же шоке застыли его компаньоны.

— Клянусь мороженой задницей моего батюшки! — прошептал Ото. — Это же Он!

Встречающие опомнились, когда фаланга разделилась и перестроилась. Стэн обнаружил, что неотрывно смотрит в странные стариковские глаза вечно юного человека. И заметил в этих глазах искорку узнавания, и услышал звук своего имени.

Алекс дернулся, услышав, как человек после мгновенной запинки и наморщивания сиятельного лба произнес и его имя.

Потом прибывший повернулся к Махони и одарил его широкой, светлой улыбкой.

— Рад, что ты здесь, Ян, — произнес вечный император.

Махони в обмороке осел на плиты взлетного поля.

Глава 33

Не весь карательный флот Тайного совета состоял из преданных новому режиму подонков с обгавленными кровью руками. Слепое послушание не может решить все, особенно если требуется решение поставленной задачи во что бы то ни стало.

Адмирал флота Фрэйзер — недовольная полученным приказом, но, как всегда, исполнительная — командовала атакующими силами с мостика боевого имперского корабля «Чу Кунг».

Тайный совет опустошил последние хранилища АМ-2, снаряжая флот. Горючего было достаточно, чтобы дойти до Ньютона, ввязаться в бой и... Для тех, кто останется цел и окажется способным совершить обратное путешествие, в системе Джура был готов послужить заправочной станцией конвой с АМ-2. Надо было — всего лишь! — захватить его.

От одной лишь проблемы освободилась Фрэйзер — ее флот не испытывал недокомплекта людей, как обычно. «Будь что будет», — думала она. Тайный совет приказал довести корабли до полной боевой кондиции. Так что Тайный совет остался не только с пустыми

складами горючего, но вдобавок и с небоеспособными кораблями. Активными оставались лишь наземные станции.

Конечно, никто из командиров старался не посылать лучших бойцов, если мог. Фрэйзер полагала, что уйдет месяцев шесть — нет, целый земной год на то, чтобы сколотить флот как боееспособное формирование. Но даже такой срок был бы чудом, и Фрэйзер тоскливо думала о том, что она читала о драконовских мерах дисциплины, принятых в военно-морских силах.

Конечно, были и добровольцы. Они жаждали действий — больше всего потому, что выбрали сторону Тайного совета во время чисток. Если совет падет, этим офицерам нечего ждать пощады от неизбежного военно-полевого суда, который, совершенно определенно, будет уполномочен выносить чрезвычайные решения.

Фрэйзер делала, что могла, когда флот сверлил пустоту, — поддерживала уровень тренировок и даже дошла до крайности, приказав штурманам кораблей быть адъютантами командиров десантных дивизионов.

Она не была довольна, однако чувствовала уверенность в собственных силах без недооценки сил противника. Фрэйзер тщательно проанализировала разгром 23-го флота Грегора. Тогда все было сработано искусно, но использовалась тактика, подходящая более лихим налетчикам, нежели регулярным боевым формированиям. Вдобавок защитники системы Джюра обороняли ограниченный район. Фрэйзер планировала вступить в бой довольно близко к системе, привлечь половину своих сил для удара по планетам. Ньютон был главной целью. Она разделит свои боевые ресурсы, но и защитники наверняка сделают то же самое. Когда формирования бунтовщиков будут разбиты, флот Фрэйзер высадится на Ньютоне. На этом ее обязанности кончатся, чему Фрэйзер несказанно радовалась.

Приказы людям с угрюмыми лицами из войск сопровождения были запечатаны, но Фрэйзер, когда осмеливалась думать об этом... Впрочем, нет, даже догадываться не стоит.

Тишину на флагманском корабле нарушил офицер-связник:

— Адмирал, засечена передача на всех частотах. Источник — Ньютон.

— На всех диапазонах?

— Включая наши собственные каналы и командные сети связи. А также все коммерческие волны, которые мы отслеживаем.

— Подавите передачу. Везде, кроме командной сети. Только для командиров кораблей. Мне не нужно, чтобы нашим экипажам каннифолили мозги пропагандой.

Передача на всех частотах могла означать только одно — самозванный трибунал решил огласить свой вердикт.

— Нам... не удастся это сделать.

— Что?! — Фрэйзер не понимала. Слова «нет» для нее не существовало.

Офицер связи сник на мгновение, но все-таки собрал силы для ответа.

— Не можем подавить передачу. Слишком большая мощность. Единственный способ блокировать информацию — отключить внешние связные устройства любого корабля.

Такой вариант допустить было невозможно.

— Хорошо. Искажите сигнал, как можете. И подключите чистый сигнал к моему приемнику.

— Есть, мадам.

Фрэйзер, комсостав кораблей и командиры дивизионов наблюдали передачу; на других экранах изображение мигало, из динамиков неслись малоразборчивые звуки. Но для того чтобы уяснить смысл передачи, особые детали нужны не были. И, как всегда это бывает, подробности быстро распространялись по кораблям из уст в уста от связистов, стоявших на вахте у пультов командной сети.

На экране виднелась большая аудитория, где шли слушания. Трое судей сидели с торжественными физиономиями, ожидая.

Дверь позади них отползла в сторону, и оттуда выплыл манаби. По каждую сторону двери стояли по два коренастых человека небольшого роста в военной форме и сбитых набекрень головных уборах — подбородочный ремешок под нижней губой.

Каждый был вооружен виллиганом и длинным кривым сверкающим ножом.

Голос за экраном повествовал:

— Всем, кто наблюдает репортаж сейчас, настоятельно рекомендуется записать его, как это уже говорилось раньше.

Наступила тишина. Затем манаби — сэр Эку — заговорил:

— Настоящее заседание планировалось как финальное в слушаниях трибунала. Однако обстоятельства изменили наши намерения.

Фрэйзер подняла брови. Дурацкий суд действительно собирается определить отсутствие вины Тайного совета?

— Это не значит, что вердикт составить не удалось. Суд нашел, что те, кто называет себя Тайным советом, — господа Кайс, Краа, Ловетт и Мэлприн, — могут быть обвинены. Суд нашел, что заговор с целью убийства был спланирован и выполнен поименованными существами, как поодиночке, так и группой. Мы далее пошли в соответствии с одним из так называемых Нюрнбергских статуты и объявляем, что поименованный Тайный совет — преступная организация. Другие обвинения, представленные настоящему трибуналу, включая измену на высшем уровне, судом не приняты. Согласно

с вышесказанным мы обязываем все органы правосудия привлечь вышеупомянутых членов Тайного совета к уголовному суду. Однако выступление суда не является единственным и самым главным моментом настоящей передачи.

Господин Эку отплыл в сторону и повернулся лицом к двери, около которой стояла охрана с блестящими ножами.

Дверь открылась.

В зал суда вошел вечный император.

Тут начался совершеннейший бедлам или, может быть, отключили звук — Фрэйзер не знала. Но у нее на мостике определенно забурлил хаос. Наконец она отдала самой себе приказ игнорировать шок от того, что все, чему она верила и служила, не что иное, как неправда, и заорала, требуя, чтобы все замолчали.

Наступила тишина. Вахтенный экипаж, может быть, и держался за свои ручки и рычаги, но все внимание было приковано к экранам.

— Благодарю членов и сотрудников трибунала — следователей, секретарей, офицеров и судей. Они доказали свою верность и служение мне во времена, когда такое было гарантией смерти. Они будут вознаграждены. А теперь мы стоим перед новой задачей — вернуть империи ее величие. Да, нелегко. Но это должно быть и будет сделано. Необходимо завершить работу. Не быть миру и порядку, пока империя не распространится, как раньше, даря процветание и законопослушную жизнь всей Вселенной.

Благодарю тех, кто остался верен, кто знал, что Тайный совет — глашатай страха, алчности и ненависти, и не только ко мне. Но есть и другие. Те, кто, независимо от причин, выбрал свой путь под кровавым стягом Тайного совета. Приказываю им остановиться. Не подчиняйтесь приказам изменников. Не слушайте их ложь и уговоры. Если в ваших руках оружие — сложите его. Вы должны — и будете — следовать моим приказам. Исполните их прямо сейчас. Довольно преступлений, довольно зла.

Я особо обращаюсь к обманутым экипажам имперских военных кораблей, идущих к этому миру, чтобы атаковать его и меня. Даю вам два часа на выполнение моего приказа. Всем кораблям преступной флотилии приказываю заглушить звездные двигатели и стать на парковочных орбитах системы. Сложить оружие. Когда истечет указанное мной время, вы должны сдать назначенным мной войскам. Вы — солдаты империи. Вы служите мне, а значит, империи. Повторяю: два часа.

Все солдаты, формирования и корабли, отказавшиеся подчиниться, будут объявлены изменниками и поставлены вне закона; за ними начнется охота. Наказание за такую измену совершенно очевидно и будет исполняться со всей строгостью.

Сдавайтесь! Спасите свои жизни. Сохраните свою честь. Сохраните вашу Родину.

Экран померк. Радио продолжало звучать, передавая что-то про физические атрибуты человека, который только что говорил, — вечного императора, изображение которого передавалось по отдельному каналу. Скептикам предлагалось сравнить эти признаки с тем, что известно в общедоступных документах.

Фрэйзер пропустила всю эту чушь мимо ушей. Она служила империи и теперь, снова, с огромным чувством облегчения — самому императору.

— Флагман! Требую общefлотской связи! Капитан! По моему приказу встать на вспомогательный привод.

— Мы будем... — начал кто-то на мостике.

— Служить императору, — оборвала Фрэйзер.

Офицер связи застрелил ее. Сам он умер двумя секундами позже, когда адъютант Фрэйзер перебил его шею увесистым адмиральским жезлом.

Люди выхватывали револьверы и церемониальные кортики. Сильный взрыв нарушил управление основными двигателями корабля. Мостик флагмана стал ареной мятежа.

Вспомогательные командные центры не действовали. Слишком большой беспорядок творился там. «Чу Кунг» летел вперед все еще на полной тяге.

Такая же истерия и опустошение охватили весь имперский флот.

Некоторые корабли подчинились императорскому приказу и были атакованы другими, кто остался верным Тайному совету. Третьи корабли продолжали полет к системе Джура, как им было приказано. Четвертые исчезли в обычном пространстве, уползая на двигателях Юкавы. Командиры подразделений, рыча от ярости, сидели у переговорников, ожидая и не получая приказов, указаний или согласия.

А затем их атаковала армада Стэна — вечный император солгал о двух часах перемирия.

Покойная Фрэйзер правильно понимала тактику Стэна при налетах на конвой с АМ-2. Бхоры и наемники чувствовали себя намного лучше при атаках одиночными кораблями или в малых эскадрильях. Она также не ошибалась, считая, что защитники трибунала не способны вести традиционную оборону против классической атаки.

Стэн выбрал третий вариант. Он развернул весь флот для молниеносного удара, направленного на имперские боевые единицы. Его приказы были очень просты: атаковать любой корабль, имеющий признаки боеспособности, дать один мощный залп и уходить на пол-

ной скорости. Затем — перегруппировка и новая атака. Если враг движется в обычном пространстве, идти с ним. Сделать так, чтобы они либо подали сигнал о сдаче, либо отключили главный двигатель.

— Не швартоваться. Не приближаться и не уничтожать. Не трогать корабли, подчинившиеся приказу. Это не бой до победного конца. Ото, я не хочу, чтобы твои люди играли роль безжалостных убийц.

— А что потом, когда мы победим? — спросил капитан наемников.

— Уж прости меня, дружище, на грабеж времени нет. Повторяю: никакого абордажа. Вся эта чертова заваруха почти кончилась. Не убивайте никого без нужды.

— Как быть с уцелевшими?

— Для их эвакуации выйдут спасательные корабли. Когда-нибудь.

Так битва и проходила. Разрезать строй, переформироваться и снова ударить. Время размазалось. Любой бой отличается от других, и любой бой, по сути, такой же, как остальные. Стэн отдавал приказания с холодной, отчетливой злостью.

Император вернулся. Прекрасно. Теперь со всем этим надо кончать.

В итоге не осталось ни одной боевой единицы, на которую стоило бы тратить заряды. Стэн возвращался к себе, одеревеневший от усталости.

Он посмотрел на хронометр. Корабельные сутки подходили к концу. Стэн включил главный экран в боевой рубке. Индикаторы не показывали и признака жизни того, что еще несколько часов назад было атакующей флотилией. Все на самом деле закончилось.

Сколько труда, чтобы раздавить гнид!.. Теперь — туда, где их рассадник.

Глава 34

Пойндекс заметил, что дерево потеряло половину листвы. Подобно членам Тайного совета, ожидавших его на верхнем этаже, рубигиноза выглядела съезжившейся от новости: вечный император вернулся!

Когда Пойндекс увидел их, забившихся в свои кресла, он понял, что слово «съезжиться» — определение весьма бледное. Они будто уже слышали погребальные песни.

Они были уже мертвы изнутри.

Мэлприн выглядела постаревшей на сто лет. Ловетт потускнел, превратился в маленькое существо с мятым, как бумажка, личиком.

Двойняшки Краа изменились сильнее всех. Та, что всегда ходила, переваливаясь складками жира, будто вмиг похудела и стала мешкообразной тварью с висящей сморщенной кожей. Ранее тощая ее сестра превратилась в надутый розовый шар с готовой лопнуть оболочкой. По их лицам было видно, что они не сомневаются: тот, кто называет себя вечным императором, действительно и есть вечный император.

Все четверо подскочили к Пойндексу, как обезумевшие пассажиры тонущего судна бросаются к последнему спасательному плоту. Он едва разбирал их перепуганные и растерянные вопросы.

— Куда нам бежать?.. Что делать?.. Вечный император... Как бороться?.. Можем ли мы бороться?..

Они поддерживали друг в друге самоубийственное иступление и так истерично боялись вечного императора, что готовы были подняться на борт корабля и броситься на пушки императора со всеми войсками, которые им еще подчинялись.

Но Пойндекс хотел совсем не этого.

Он утихомирил их, усадил в кресла. Сделал самое грустное, понимающее лицо.

— По-моему, я знаю, как вас спасти.

Члены совета глядели на него с искрой неожиданной надежды. Надо что-то делать. Но Пойндекс не собирался делать «что-то». Он знал, что нашел свою дорогу к власти.

— Меня не обвиняют ни в одном преступлении,— проговорил он.— Ни в каких делах, что вы творили до того, как я вошел в совет, я не принимал участия. Поэтому у меня не должно быть особых затруднений, чтобы лично предстать перед императором.

Никто не возразил, никто не предостерег его, что это может быть смертельно опасным, что не имеет значения, виновен он или невиновен: император вполне способен уничтожить любого, кто хотя бы отчасти связан с Тайным советом.

Пойндекс усмехнулся в душе, отметив такое явственное проявление заботы со стороны своих коллег и друзей.

— Если вы не возражаете, я предложу императору сделку.

Предложение Пойндекса было простым. Тайный совет фактически повержен, но он способен еще произвести огромный вред и пролить море крови. Пойндекс убедил всех удалиться в спасательный бункер, вырытый глубоко под землей там, где росла рубигиноза,— прекрасный командный центр, соединенный со всеми воинскими частями. Бункер мог вынести все, что угодно, вплоть до прямого попадания атомной бомбы. Оттуда они смогут бороться насмерть, если император не примет сделку.

Пойндекс изложил все это императору, а затем скажет, что Тайный совет не имеет желания причинять такой ущерб, если этого мож-

но избежать. В интересах невинных обитателей Прайм-Уорлда они согласны сложить оружие в обмен на дарование им жизни.

— Только не тюрьма! — проскрипела Краа, та, что раньше была жирной. — Моя сестра не выносит грязи.

— Я не предлагаю тюрьму, — ответил Пойндекс. — Я предлагаю ссылку. По условиям, которые я собираюсь выторговать, вам позволят подняться на борт личных судов и удалиться к самым краям империи. За границу, если император того пожелает. И вам будет запрещено возвращаться.

— Вы думаете, он пойдет на это? — стонущим голосом произнес Ловетт.

— Да, конечно, — уверил его Пойндекс.

Без сомнения, император согласится. Ведь властитель, как и Пойндекс, человек практичный. Затем полковник сказал, что им следует немедленно скрыться в бункере. Нельзя откладывать — император может нанести неожиданный удар.

Пойндекс наблюдал, как члены Тайного совета торопливо идут навстречу судьбе, которую он им уготовил, подобно скоту, спешащему на бойню.

Глава 35

Краа, всегда опасавшиеся за ту часть спины, что лежит между третьим и четвертым ребрами, были первыми, кто правильно понял подтекст слов императора в радиопередаче.

— Проклятый Пойндекс! Чертов выскочка подставил нас и продал на корню.

А как же иначе? Имей они шанс, они бы сделали то же самое.

— Если бы я знала... — выла новоявленная толстуха. — Сиди теперь в этом сраном бункере, жди, жди и жди. У нас нет войск в космосе, нет в воздухе, и мы даже не контролируем порты.

Их яростные вопли были самыми громкими звуками в подземелье, где Тайный совет заседал уже несколько дней. Краа коротали время, пока Пойндекс ездил со своей миссией: одна обжиралась, а другая страдала поносом. Мэлприн и Ловетт помногу были вместе; они сидели рядышком, не произнося ни слова, — пара молчаливых призраков, поселившихся в подземельях замка, из которого они только недавно правили миром.

Охрана и прислуга проворно и молчаливо выполняли приказания и снова исчезали.

Так продолжалось несколько дней, когда вдруг ожил приемник правительственной спецсвязи:

— Говорит вечный император. Ко мне прибыл эмиссар Тайного совета предателей и изложил условия его сдачи. Я отвергаю эти усло-

вия во имя цивилизации и империи. С убийцами не может быть никаких сделок. Я требую немедленной, полной и безоговорочной капитуляции. Граждане Прайм-Уорлда!..

На этом месте Краа начали свой крик. Никто не расслышал подробностей приказа вечного императора. А приказ этот гласил, в общем, очевидные вещи: столичный мир объявлялся на военном положении. Всем военнотружущим предписывалось вернуться в свои казармы и оставаться там. Офицеры и старшинский состав обязывались поддерживать дисциплину, но не более того. Все корабли посадить или не поднимать, иначе они будут сожжены. Полиции надлежало сохранять общий порядок — без насилия, если возможно. Бунтовщики и бузотеры будут наказаны...

Короче, ничего удивительного.

И лишь в самом конце прозвучало следующее:

— Императорские силы высаживаются в столице через час.

— Невозможно!! — Вой Краа стал еще громче. — Пойманы в ловушку... Будь проклят этот... Скорее отсюда!

Одна из сестер уселась на связь с городом-портом Фоулер, раздавая торопливые указания командиру своей «яхты» — тяжеловооруженного крейсера — и двум кораблям сопровождения. Готовиться к немедленному взлету!

— Зачем? — монотонно спросила Мэлприн. — Бежать некуда.

— Черта с два некуда! Всегда найдется черный ход.

Другая Краа вмешалась в разговор:

— Даже если и нет, лучше погибнуть в борьбе, чем здесь — от поноса и ожидания. Чего мы ждем? Топора, который принесет с собой палач?

И они обе ушли.

Ловетт в это время наливал бокал. Он поставил его на стол и сел, уставившись на Мэлприн. Наступила тишина.

Первой проскрипела сквозь атмосферу и села на площадке Соуарда флотилия тактических кораблей. Другие такшипы держали воздух над остальными портами столичного мира.

Командир ведущего такшипа, он же орудейный офицер, заметил три корабля с активными двигателями.

— Все калибры... Подход на расстояние мили... Цели засечены и подсвечены... Пускаем «Гоблинов»... Огонь!

Неядерные ракеты среднего радиуса действия вынырнули из труб пусковых аппаратов кораблей и понеслись к своему новому дому — трем кораблям, принадлежащим Краа. Три огненных шара слились в один, диаметром в добрую тысячу футов.

И Махони приказал флоту высаживаться.

Стэн первым начал выполнение задания. Штурмовики и крейсера зависли над Соуардом и Фоулером. Мелькнула мысль: «Немножко не так я действовал недавно, когда пробирался сюда тайком». Следом садились корабли вторжения; из люков транспортов выпали люди и выходила техника.

Килгур бросил Стэну портупею; Стэн нацепил на себя сбрую с висящими на ней тяжелым гуркским кукрисом и мини-виллиганом.

Он будет руководить захватом бункера. Вечный император дал ясный приказ — ему нужны Краа, Мэлприн и Ловетт, по возможности живые. «Не желаю, — добавил император, — чтобы работа трибунала пропала втуне».

— Адмирал!

Перед Стэном загорелся экран.

Пять бронированных грависаней ползли по полю километрах в трех вдали. Четыре машины — обычные БМП; пятая — командирская.

— Подрумяним их? — сказал Килгур, просчитывая в уме расстояние до цели и дистанцию, на которую должны быть удалены от огненного шара готовые к старту корабли.

Прежде чем Стэн успел отдать приказ, с такшипа дали очередь. Поле испещрили кратеры от взрывов мини-бомб. Взрывами повредило управление двух грависаней, третья машина потеряла мощность и застряла носом вниз в дымящемся рву.

Еще две машины ускользнули из-под обстрела — их водители дали «полный назад».

Но, как увидел Стэн, путь их отхода был перекрыт. И не императорскими войсками или бомбометами, а кричащей обезумевшей толпой вооруженных и безоружных людей и разных существ негуманоидных рас.

Грависани начали палить по собравшимся. Многие попадали; толпа вначале рассеялась, но другие встали на место павших, и бронированные машины были остановлены. Кого-то, кто сидел там, внутри, вытащили из люка (а может быть, просто раскололи машину, как орех, бронебойным приспособлением) и подожгли. Взрыв разнес грависани в пыль и покатиł атакующих по земле.

Командирская машина еще раз сменила курс. Теперь она шла к стоящим на приколе кораблям империи.

Кораблей она не достигла. Стэн увидел вспышку, когда самодельная «зажигалка» упала на машину и жидкое пламя потекло во входные патрубки генераторов Маклина. Аппарат резко стал. Задний трап упал на землю, и затем... затем Стэну показалось, что он видит пару существ: одно — ненормально жирное, другое — как скелет в халате. Существа стояли с поднятыми руками и что-то кричали.

Подбежавшая толпа поглотила их.

Стэн отвернулся от экрана.

— Я запишу,— подал голос Килгур.— Нам нужны все кадры, чтобы узнать и подтвердить, что они действительно Краа. Того, что осталось, будет недостаточно даже для вскрытия, не то что опознания.

Стэн кивнул, стараясь не глядеть на экран.

— Пошли, мистер Килгур. Мне хочется, чтобы перед судом предстал хоть один обвиняемый.

Императорские войска, приданные Стэну, были не лучше и не хуже всех тех, которые он видел раньше. Это не имело значения — Стэн учел их неопытность и сформировал ударную группу из наемников.

Он полагал, что они должны будут пробить дорогу по улицам Фоулера к штаб-квартире Тайного совета, но этого делать не пришлось. За них поработали восставшие толпы, прокатившиеся по улицам. На мостовой валялись перевернутые гравитолеты, некоторые обгоревшие; высились импровизированные баррикады; валялись мертвые тела — те в униформе, иные в гражданском платье.

Горящие и сожженные конторы и жилые дома. Повешенные на фонарных столбах. И никого, кто бы противостоял им. К удивлению, на улицах был порядок — своего рода. Горожане регулировали движение транспорта, как могли. До чего бедным было движение машин! Много лиц в гражданской одежде патрулировали пешеходные дорожки.

Сержант, командир боевого эскадрона, который ехал в машине Стэна, высунул голову из люка и крикнул что-то вопросительно одному из стоявших на улице. Получив ответ, он влез обратно и сказал:

— Культ императора, сэр. Помогают мостить дорогу, сэр.

Стэн думал, что культ проповедует ненасильственные действия. Может быть, тот человек с синяками и ушибами, которого волокли три дюжие тетки, шел где-то, упал и расшибся. А может быть, им встретились представители более поздней конфессии.

Когда группа захвата приближалась к штаб-квартире совета, Стэн услышал стрельбу.

На земле валялись тела в крапчатой форме имперской гвардии, а перед ними — изрешеченные пулями грависани.

Стэн слез с машины; ему отсалютовала усталая, с озабоченными глазами молодая женщина — капитан гвардии. Она не знала, что делать — ругаться или плакать. Первый раз в жизни вела она подразделение в бой, и первый раз ее подразделение, которое она так

тщательно спаивала воедино, несло потери. Но капитан не рыдала и не сквернословила. Вместо этого она профессионально сделала доклад обстановки.

Здание Тайного совета охраняют изнутри. Бойцы охраны расположены тут и тут. Вот здесь стоят противотанковые установки, всего четыре штуки, защищены мешками с песком. На крыше установлены пулеметы и сидят снайперы. Все приказы о сдаче остаются без внимания.

Стэн поблагодарил ее и принял командование. Отдал приказ ее роте отойти назад и обеспечить, чтобы периметр был перекрыт: никого наружу, но самое главное — никого внутрь. Особенно — линчующую толпу.

Капитан с благоговением следила, как знаменитые воины Стэн и Алекс раздают приказания своим наемникам и бхорским бойцам. «Конечно,— подумал Стэн про себя,— будешь выглядеть великим полководцем, когда командуешь в сороковой или четырехсотый раз и твои люди знают о смертоносных снайперах и спрятанных ракетных установках».

Он вызвал отделение тяжелых танков и использовал их как бульдозеры для возведения баррикад и расчистки окрестности перед зданием, чтобы облегчить огонь. Были подтянуты тяжелые орудия; открыт огонь на поражение снайперов и расчетов противотанковых установок.

— Бедные противотанковые пускальщики! — сказал Килгур. — Сейчас я сделаю их готовыми к употреблению на столе хирурга.

И исполнил обещанное.

Килгур приказал своим снайперам («Давай мне лучших! Знаю я тебя, не пытайся заморочить голову!») занять позиции с флангов.

Когда Стэн отдавал приказ гравибронетранспортерам идти вперед, он почувствовал, как Синд придвинулась ближе к нему. В ее глазах он прочел растерянность перед неведомой опасностью. Она боялась. За него.

Расчеты противотанковых орудий засуетились, ловя цель, и были сняты снайперскими выстрелами. Другие поспешили заменить их, выскочив из здания. Кто они — солдаты? Офицеры службы безопасности? «Дикие гуси»?

Крякнули виллиганы, и новые артиллеристы повалились на старых. Третья попытка... Похоже, добровольцы кончились.

— Мистер Килгур?

Алекс выкрикнул приказания, и группа захвата вместе со Стэном залезла в транспортер по опустившейся крышке его десантного люка.

— Не давай себя вышибить из седла,— напутствовал Алекс командира машины. — Чуть-чуть огневого прикрытия. Пошел!

Транспортер пополз вперед; турельные пулеметы плевали свинцовыми очередями. Гусеницы машины прокатились по покинутой позиции противотанковой установки, подмяв под себя пушку. Многогортанный монстр проломил вход в здание совета и оказался прямо в огромном атриуме.

Трап машины упал на землю. Стэн и его «офицеры задержания» вышли наружу. Стэн увидел покрытые зеленой патиной фонтаны и какое-то неизвестной породы мертвое дерево посреди двора. Их танк сбил дерево перед остановкой; команда тогда еще сидела внутри.

Стэн глянул на карманную карту, которую нес с собой:

— Вход в бункер находится вон там. Не спешите, черт подери! Не думайте, что вас назовут творцами истории, если станете последними трупами в этой войне.

«Неплохой совет, — сам себя похвалил Стэн. — Надо бы и тебе прислушаться к нему. Дохлый адмирал в качестве последней потери этой... войны? заварухи? восстания? Во всяком случае, события, которое будет упомянуто не только в примечаниях исторических книг».

Они спустились ниже и ниже, в недра того, что звалось лучшим творением совета. Синд и Алекс держались поближе к Стэну, прокрадываясь от одного укрытия к другому, подобно осторожным змеям.

Но в осторожности не было нужды. Сопротивления они не встретили.

В убежище обнаружили Мэлприн и Ловетта, которые, похоже, не слышали, что им говорят.

Синд, не отрывая глаз, смотрела на пару существ; даже и не существ — оболочек, которые раньше были правителями мира. Стэну показалось, что он видит жалость в ее глазах.

Килгур повторил приказ.

Наконец члены совета откликнулись на его рыканье. Поднялись, когда Алекс велел встать, без возражений перетерпели обыск на предмет ношения оружия или припрятанных где-нибудь приспособлений для самоубийства, а затем проследовали за солдатами наверх.

Казалось, они втайне радовались, что все кончилось.

Стэна интересовало, продолжится ли их апатия после того, как начнутся допросы.

Глава 36

— Присаживайся, Стэн, — сказал вечный император. — Но вначале налей нам обоим.

По долгому опыту в бытность свою командиром личной охраны императора Стэн знал, что, когда властитель требует выпить, он в

духе. Но можно быть просто «в духе», а можно — «В ДУХЕ». Теперь Стэн чувствовал разницу. Много лет назад он, на пару с боссом, принимал на свою грудь удары стрегга. В то время Стэн считал, что слово «вечный» — не более чем символическая добавка к титулу, если вообще думал об этом.

Стэн обратил внимание, что император, взяв свой бокал, лишь рассеянно пригубил. Стэн последовал его примеру.

— Я не хочу благодарить тебя за все, что ты сделал, — сказал вечный император. — Слова звучат глупо. По крайней мере, так мне кажется.

Стэн поинтересовался, что произошло. Император, несмотря на разыгрываемую им позу неформальности, был существом чрезвычайно формализованным. Обычно такое его поведение гласило, что у императора в рукаве спрятан сюрприз. Стэн молился только, чтобы это не слишком его касалось.

Он смотрел, как император слегка нахмурился, затем бросил взгляд на почти нетронутый бокал в собственной руке. Брови его разошлись, и вечный император одним движением опрокинул бокал в рот. Толкнул бокал по гладкой поверхности стола, требуя налить еще. Стэн проглотил свою порцию и отдал честь. Он чувствовал, как стрегг пробивает себе дорогу в желудке, распространяя тепло, но «в духе» никак не становился.

Стэн жутко хотел — если бы осмелиться! — спросить у вечного императора, как ему это удастся. Где он был все эти годы? Что делал? И почему не умер ко всем чертям? Нет, лучше не задавать вопросов. Император всегда ревностно хранил свои секреты.

— В нашу прошлую беседу, — промолвил император, — я из кожи вон лез, уговаривая тебя принять повышение. Ты отклонил мое предложение. Надеюсь, ты не собираешься взять это в привычку?

О черт, начинается!.. Стэн собрался с силами.

— Как для тебя звучат слова «начальник корпуса “Меркурий”»? Я поднимаю его командный уровень и даю тебе вторую звезду. Ну как, адмирал?

— В отставке, сир, — ответил Стэн, сглотнув. Действовать надо без промедления. — Боюсь, что выгляжу неблагодарным и прочее, но — спасибо, не надо. Прошу вас.

Стэн заметил, как ледяной взгляд сверкнул из-под кустистых бровей императора. Затем глаза властителя немного потеплели.

— Почему? — Это был приказ, оформленный в виде вопроса.

— Сейчас попробую объяснить. Я прожил всю жизнь солдатом. Служение обществу, если пожелаете. И награжден гораздо более того, чем об этом мог мечтать. Кем я был? А никем — дэлинком, малолетним преступником, беспризорником на Вулкане. Теперь я адми-

рал. И вы хотите дать мне еще звезду... Благодарю вас, сир. Но — не надо, спасибо. Мне пора начинать строить собственную жизнь, найти свое место в гражданском мире. Раньше я смущался, боялся этого. Может быть, и сейчас тоже, только совсем немножко. Теперь я гляжу вперед. Настало время заняться обычными, глупыми человеческими делами.

Стэн подумал о Лайзе Хейнз, о том, как совсем не глупо могла бы пойти его личная жизнь, если бы в нее не вмешалась жизнь общественная.

Говоря все это, он не поднимал головы. Теперь Стэн взглянул на императора и увидел, что тот вперился в него побелевшими, как молоко, глазами.

— Мне что-то не удастся в полной мере выразить свои мысли, сир. Я плохо объясняю. Это трудновато высказать, особенно такому, как я.

Больше он не говорил ничего. Император сам даст ему понять, если понадобится сказать что-нибудь еще.

Император потушил яростный взгляд, отпил половину бокала, затем задрал ноги на стол и устроился поудобнее в кресле.

— Понимаю,— сказал он.— Я прошу тебя принести большую жертву. На самом деле — еще одну большую жертву. Но я не думаю, что ты осознал ситуацию.— Он прикончил бокал, потянулся к стрегу, налил себе и толкнул бутылку обратно Стэну. Оба они выпили и наполнили по новой.

— Только посмотри на неразбериху, творящуюся кругом,— продолжал император, как будто и не останавливался.— Население голодает. Миллионы не имеют работы. На какое правительство ни поглядишь — оно близко к параличу. Одна только доставка АМ-два в нужное место и без промедления стала нынче кошмаром. Ну и всякие другие мелкие заботы, которые я предвижу. И что же я буду делать со всем этим хозяйством — без чьей-либо помощи?..

Стэн покачал головой. Он не знал ответа.

— Так почему столь удивительно, что я прошу кого-то вроде тебя, со всем твоим опытом служения обществу, как ты говоришь, остаться сейчас со мной? Где я еще найду подобного тебе?

— Да, сир,— отозвался Стэн.— Я понимаю. Но...

— Но — без никаких «но», юный Стэн,— произнес вечный император.— Послушай. Я не прошу за себя. Я прошу за державу. Как можешь ты отказаться? Ответь мне. Как можешь ты смотреть мне в глаза и отказываться помочь? Ладно, не отвечай пока. Забудь о корпусе «Меркурий». У меня появилась идея получше. Я сделаю тебя моей главной палочкой-выручалочкой. У тебя будут любые полномочия. Будешь помогать мне в вопросах, возникающих с главами

государств, в сложных сделках, при кризисных ситуациях. В качестве первого задания я хотел бы, чтобы ты помог с бхорами. Мне хочется сделать для них что-то особенное. Это самые преданные мне существа. Возвратить их было твоей идеей, как я припоминаю?

— Да, сир.

— Итак, они собираются провести большое празднество в Волчьих мирах. Прославлять мое возвращение и так далее и победу над негодяями, которые осмелились стать моими врагами. Я хочу, чтобы ты поехал туда и был моим представителем на церемонии. Не думаю, что найдется другое существо на целом свете, которое они ценят больше. Сможешь?

— Нет, сир,— ответил Стэн.

И когда он говорил это, он уже знал, что разбит наголову. Обречен. Вечный император был прав. Не существовало возможности отказать ему в этом. Да и во всем остальном.

Празднества на борту флота бхоров продолжались все время пути до созвездия Волка. Синд вела плотное наблюдение за Стэном, который присоединялся ко всем гостям на вечеринках, не отставая от своих немало пьющих друзей Ото и Килгура. Вот только во время отдыха лицо Стэна становилось похоже на маску без выражения... Теперь Синд знала его лучше. Она чувствовала, как мысли бродят у него в голове, но о чем эти мысли, не имела понятия.

Девушка заметила, как однажды, когда произносили тост во славу вечного императора, его будто толкнуло что-то. Стэн взглянул тогда на портрет, висящий в банкетном зале. Долго смотрел на него, затем потряс головой и опустил свой бокал. Через момент он уже, смеясь, разговаривал с друзьями как ни в чем не бывало.

Но Синд запомнила этот долгий взгляд. Ее снедало любопытство, что было у Стэна на уме в тот момент.

Глава 37

Мэлприн и Ловетт сидели в камере на борту личной яхты императора «Нормандия». Апартаменты выглядели комфортабельно, но выход из них был заперт, у дверей стояла охрана, все, что могло послужить оружием, было убрано, и за каждым движением узников следили датчики.

Затмение мозгов, в котором они находились, когда Стэн захватил их, начало рассеиваться.

Им сообщили, что состоится суд. Суд будут проводить в Ньюто-не. Им предоставят лучших адвокатов империи и достаточно времени, чтобы подготовиться к защите.

Осторожно, не забывая о датчиках и телекамерах, двое обсуждали, что им следует делать, какая защита возможна. Пытались говорить иносказательно и, вопреки здравому смыслу, шептались.

Их было шестеро, решивших достигнуть наивысшей власти. И какое-то время они ее имели.

А сегодня... «Забудь про смерть, забудь про тюрьму. Жизнь — чтобы жить», — сказала Мэлприн. Ловетт выдавил слабую улыбку.

Снаружи послышалось прикосновение к двери, и она отворилась. Вошел человек. Не высокий, не приземистый, хорошо развитый физически. Одетый в дорожное гражданское платье. Не урод, но и не красавец.

— Уважаемые господа, — сказал он негромко. — Я назначен быть вашим сопровождающим и помощником на суде. Мое имя Венлоу.

Махони ворвался в личные апартаменты вечного императора, изрыгая непристойные проклятия. В трясущейся руке он держал папку.

— Боже, Ян! Что случилось?

— Какой-то дерьмовый негодяй на «Нормандии» разыгрывает из себя Господа! Вот, слушайте:

«Узники предприняли попытку ускользнуть из камеры. Нашли дорогу к спасательной шлюпке и хотели проникнуть в нее. Служащий охраны хотел воспрепятствовать этому, но был вынужден...»

— Застрелены при попытке бегства! Боже праведный! Этот ублюдок даже не сумел придумать оправдание пооригинальнее...

— Так ведь все равно сработает. Да... Стэн, конечно, убьет этого мерзавца, но я его опережу. Езус Мария, Матерь Божия на грависанях! Да его распять надо! Развесить его кишки на дереве при ветре. — Он оборвал сам себя. — Поверить не могу... Проклятье!

Император взял двумя пальцами документ, вложил в просмотрную щель и просканировал сообщение, записанное командным кодом. Покачал головой, хмыкнул.

— Нехорошо, Ян. Совсем нехорошо.

— Нехорошо? Пусть так, о'кей. — Махони взял себя в руки. — Вы босс, вам решать. Как высоко мы подвесим этого... ну, того бдительного героя? Впрочем, неважно. В какую сторону вертеться, чтобы поправить дело?

Император ненадолго задумался.

— Что случилось, то случилось. Я подумаю, как поступить с нашим амбициозным стрелком. Но это — все. Никаких расследований, Махони. Приказ. — Он помолчал. — Значит, мы потеряли свой суд над государственными преступниками... Впрочем, не очень это важно. Слишком много дерьма осталось после Тайного совета, чтобы еще интересоваться, что случилось с Мэлприн и Ловеттом.

— То есть...— недоверчиво произнес Махони,— эти двое просто... исчезли?..

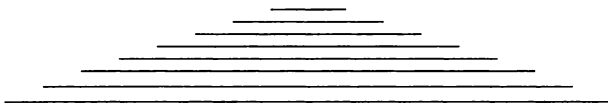
— Что-то вроде того. Я сказал — что случилось, то случилось. На-лей-ка мне стаканчик, Ян. Пропьем к чертям наши души, как выражаются волосатые друзья Стэна.

Махони уставился на императора, затем встал и подошел к столу, где красовался сосуд со стреггом.

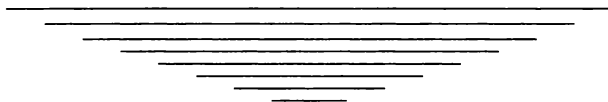
Вечный император повернулся вместе с креслом и поглядел в окно на место, где когда-то прогремел взрыв. Восстановительные работы во дворце Арундель уже шли.

Махони не видел его лица.

Вечный император улыбался.

Вихрь

Энди Аффендерсону и Гарри Гаррисону — крысам из нержавеющей стали

Когда придет на вас ужас, как буря, и беда, как вихрь, принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота.

Книга притчей Соломоновых. 1:27

Книга первая

Конвекция

Глава 1

Над площадью Хакана собирались черные грозовые тучи. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь них, высвечивая золотые, зеленые и красные пятна на высоких зданиях и куполах.

Площадь была огромной: двадцать пять квадратных километров с множеством уродливых зданий — административный центр созвездия Алтай. На западе кружевным веером раскинулся дворец Хаканов — там жил старый и злобный джохианец, который правил регионом вот уже сто пятьдесят лет. Семьдесят пять из них этот человек трудился здесь, на площади, где истратил миллиарды кредитов и человеко-часов. Он создал памятник самому себе и своим подвигам — как реальным, так и вымышленным. Кажется, в последний момент он вспомнил, что, пожалуй, стоит возвести в дальнем уголке площади, где был разбит небольшой парк, маленький храм в память о своем отце, первом Хакане.

Площадь находилась в самом центре Рурика — джохианской столицы. В этом городе все было громадным; жители, спешащие по своим делам, казались мошками на фоне грандиозных сооружений столицы, а их дух был давно раздавлен безжалостным Хаканом.

Сегодня в Рурике царила тишина, а пропитанные сыростью улицы были пустынные: жители собрались в своих домах для обязательного просмотра репортажа о событиях, которым предстояло развернуться на экранах телевизоров. Планета Джохи замерла.

На обитаемых мирах созвездия Алтай специальные полицейские машины с громкоговорителями разогнали людей и инопланетян с улиц, заставив их разойтись по домам и занять места возле экранов телевизоров, по которым транслировался прямой репортаж с площади. Маленький красный глазок внизу экрана фиксировал сте-

пень внимания зрителя. Во всех районах представители службы безопасности заняли свои посты — они были готовы ворваться в любой дом и любую квартиру, чтобы забрать с собой того, кто с недостаточным вниманием смотрит на экран.

А на самой площади Хакана собралось триста тысяч живых существ, которым велели стать свидетелями происходящего. Их тела, словно черная жирная линия, очерчивали границы площади. Тепло этой живой массы волнами пара поднималось в небо, где угрожающе повисли грозовые тучи. Толпа почти не шевелилась, только время от времени кто-нибудь не выдерживал и, опасливо озираясь, переступал с ноги на ногу. Все молчали: не пищали дети, даже старики старались сдерживать кашель.

Над четырьмя позолоченными столбами, стоявшими по углам площади, и над огромными статуями, изображавшими героев Алтая и их подвиги, полыхали яркие факелы. Где-то высоко в небе, за тучами, грохотал гром. Однако толпа по-прежнему молчала.

В самом центре площади с оружием наперевес, внимательно оглядывая толпу, стояли войска, готовые в любой момент открыть огонь.

А за ними возвышалась Стена Возмездия.

Сержант выкрикнул несколько приказов, и взвод, которому было поручено произвести казнь, вышел вперед. Солдаты тяжело шагали по площади, сгибаясь под грузом двойных канистр, закрепленных у них на спинах. Мягкий шланг соединял канистры с двухметровой трубой, крепко зажатой в надежных руках.

Еще один приказ — и руки, защищенные толстыми огнеупорными перчатками, нажали на спусковые крючки огнеметов, из которых вылетел жидкий огонь. Оглушительный вой вспорол воздух, когда пламя взметнулось, коснувшись Стены Возмездия.

Взвод не отпускал курков несколько мгновений, и воздух наполнился горьким дымом и жаром. Пламя омывало стену тяжелыми волнами. Сержант подал новый сигнал, и огонь спал.

На Стене Возмездия не осталось никаких следов, если не считать красного свечения раскаленного металла. Сержант плюнул. Слюна с шипением коснулась стены. Он повернулся, и на его лице расцвела улыбка.

Взвод готов к проведению казни.

Неожиданный порыв ветра окатил толпу дождем, а от стены с шипением начал подниматься пар. Впрочем, дождь прекратился так же быстро, как и начался, а собравшиеся на площади почувствовали себя еще более несчастными.

Тут и там послышался нервный шепот. Страх может заставлять живые существа молчать лишь ограниченное время.

— Четвертый раз за четыре цикла, — жалобно пробормотал молодой суздаль своей подружке. — Каждый раз, когда джохианская

полиция стучит в наши двери, чтобы призвать нас на площадь, мне кажется, что на этот раз они пришли за нами.— Его маленький пятчочек сморщился от страха, а остренькие зубки выстукивали дробь.

— К нам это не имеет никакого отношения, дорогой,— сказала его подружка по стае и потеряла толстый мохнатый горб молодого самца успокаивающим гормоном.— Хватают только тех, кто торгует на черном рынке.

— Но мы же все занимаемся этим! — сдавленно вскрикнул самец.— Иначе невозможно жить. Без черного рынка мы просто умерли бы с голоду.

— Замолчи, а то нас кто-нибудь услышит,— предупредила его подруга по стае.— Это все людские дела. До тех пор, пока они убивают джохианцев и торков, нас это не касается.

— Ничего не могу с собой поделать. У меня такое ощущение, будто, как говорят люди, настал Судный день. И мы все обречены. Посмотри на погоду. Даже старики не помнят такого на Джохи. Ужасающий холод сегодня, а назавтра — невыносимая жара. Снежные бури. Наводнения и циклоны. Когда я проснулся сегодня утром, пахло весной. А теперь, посмотри.— Он показал на тяжелые грозовые тучи, повисшие в небе.

— Только не надо преувеличивать,— возразила подруга.— Контролировать погоду не может даже Хакан.

— Рано или поздно он до нас доберется. И тогда...— Молодой суздаль содрогнулся.— Ты знаешь хотя бы одно существо, которое было бы по-настоящему виновным? В чем-то... серьезном?

— Конечно нет, дорогой. А теперь успокойся. Скоро все будет... кончено.

Она снова принялась втирать успокаивающий гормон ему в мех. Вскоре его зубы перестали стучать.

В мощных громкоговорителях послышался треск, завывла музыка — такая громкая, что листва на деревьях задрожала. Стражники Хакана в золотой форме, построенные в форме копья, выбежали из дворца. На оконечности копья возвышалась платформа с золоченым треном Хакана.

Процессия остановилась неподалеку от Стены Возмездия. Платформа медленно опустилась на землю.

Старый Хакан с подозрением огляделся по сторонам подслеповатыми глазами. Поморщился — ему не нравился запах толпы. Стоящий наготове адъютант заметил недовольную гримасу своего повелителя и опрыскал Хакана любимым одеколоном. Старик снял с пояса инкрустированную фляжку с метквиллой, отвинтил крышку и сделал большой глоток. Огонь пробежал по его жилам. Сердце забилось быстрее, а глаза прояснились.

— Приведите их,— рявкнул он.

У Хакана был дребезжащий, пронзительный голос, но он вселял ужас в толпу, собравшуюся на площади.

Приказ шепотом пронесся по рядам солдат. В Стене Возмездия с шипением разверзлась дыра. Послышался скрежет механизмов, и на месте дыры медленно возник постамент.

Толпа содрогнулась, когда глазам собравшихся предстали законные в цепи пленники, которые морщились от непривычно яркого света. Отряд солдат выскочил на постамент и начал подталкивать сорок пять мужчин и женщин к стене. Из стены выдвинулись специальные крюки, и обреченные узники оказались крепко прикованными к ней.

Несчастные с ужасом смотрели на Хакана. Тот сделал еще один глоток из своей фляжки и, когда жидкость вновь обожгла ему горло, удовлетворенно хихикнул.

— Ну, не тяните!

Инквизитор в черном одеянии выступил вперед и принялся зачитывать имена и признания каждого из приговоренных к смерти преступников. Список их злодеяний был достаточно длинным: заговор ради получения прибыли... хранение запрещенных товаров... кража с богатых рынков элиты Джохы... сокрытие доходов... и так далее, и тому подобное...

Старый Хакан хмурился всякий раз, когда называлось новое преступление, потом кивал и улыбался, услышав, что обвиняемый признал свою вину.

Наконец инквизитор закончил читать, спрятал свиток со списком в рукав своего одеяния и повернулся к Хакану, дожидаясь его решения.

Старик снова глотнул из фляги и поправил микрофон у рта. Его скрипучий, пронзительный голос заполнил площадь и зазвучал с экранов в миллиардах домов обитателей звездного скопления Алтай.

— Когда я смотрю на ваши лица, мое сердце наполняется жалостью,— начал он,— однако мне стыдно. Вы все джохианцы... как и я. Раса джохианцев составляет большинство на Алтае — значит, мы должны служить примером для всех остальных. Что почувствуют другие люди Алтая — торки, когда узнают о ваших злодеяниях? Не говоря уже о инопланетянах, которые всегда были не в ладах с нашей моралью. Да... Что подумают суздали и богази, зная, что вы, джохианцы — наши самые уважаемые граждане, — нарушаете закон и из-за вашей жадности подвергаете опасности общество? Я знаю, мы живем в трудные времена. Долгие годы войны с вонючими таанцами мы страдали и подтягивали пояса — и умирали, да! Но какими бы тяжелыми ни были испытания, мы сохраняли верность вечному императору.

Он слегка передохнул.

— И позднее — все думали, что врагам удалось убить его, а мы продолжали борьбу, когда подлецы, убившие нашего властителя, продолжали обкладывать нас непомерными налогами. Всякий раз я обращался к вам с просьбами о помощи, и нам удалось сохранить наше созвездие и дожждаться возвращения императора. Я всегда верил, что он к нам вернется. Наконец, — продолжал Хакан, — он снова с нами. Император покончил с гнусным Тайным советом. И посмотрел: кто все эти годы хранил ему верность? Император нашел меня — вашего Хакана. Уже почти два столетия я остаюсь надежным, верным и сильным слугой властителя. А потом он увидел вас — моих детей. И вечный император улыбнулся. С этого момента к нам снова начала поступать антима́терия-два. Наши заводы ожили. Космические корабли получили доступ на самые богатые рынки империи. Но нам удалось решить еще не все проблемы, — не унимался Хакан. — Таанские войны и деяния подлого Тайного совета нанесли тяжелый урон империи. Да и нам тоже. Впереди годы напряженной работы, прежде чем мы снова станем процветать. А пока это время не наступило, мы должны продолжать приносить в жертву наши собственные удобства ради прекрасной жизни в будущем. Сейчас все мы голодны. Однако никто не умирает от истощения. Алтай получает больше АМ-два, чем многие другие миры, благодаря моим дружеским отношениям с императором. Но этого хватает только на то, чтобы поддерживать торговлю.

Хакан помолчал немного, чтобы еще раз смочить горло.

— Жадность — самое страшное преступление в нашем маленьком королевстве. Потому что сейчас жадность — все равно что массовое убийство! Каждое зернышко, которое вы крадете, каждая капля выпивки, которую вы продаете на черном рынке, отняты у наших детей, которые обязательно будут голодать, если мы не покончим с этим страшным пороком. То же самое могу сказать и о бесценных запасах АМ-два. Или полезных ископаемых, необходимых для восстановления промышленности и производства одежды, которая прикроет нашу наготу. С тяжелым сердцем выношу я приговор. Я читал письма ваших друзей и возлюбленных, мольбы о милосердии. Я рыдал над каждым из них. В самом деле, лицо мое не просыхало. Эти письма повествуют о печальных историях тех, кто сбился с истинного пути, о существах, которые поверили в ложь наших врагов или попали под влияние дурной компании.

Хакан стер несуществующую слезинку с лишенных ресниц век.

— У меня достанет милосердия на всех вас. Но я должен воздержаться от его проявления. Поступить иначе было бы преступно. Поэтому я вынужден приговорить вас к самой позорной смерти, в наказание тем, кто будет достаточно глуп, чтобы поддаться искушению жадностью. Я могу позволить себе лишь самое маленькое проявле-

ние слабости. Надеюсь, мои верные подданные простят меня — ведь я очень стар и меня так легко растрогать.

Он наклонился вперед так, что его лицо заполнило экраны — маска сострадания. По другую сторону экрана находилось сорок пять обреченных на смерть существ.

— Каждому, каждому из вас я сострадаю... Мне очень жаль, — хрипло прошептал Хакан.

Потом выключил микрофон и повернулся к своему адъютанту.

— Ну а теперь быстро кончайте с этим. Я не хочу, чтобы буря застала меня здесь. — Хакан откинулся на спинку трона, чтобы наблюдать за казнью.

Раздались короткие команды, и взвод с огнеметами занял позицию. Длинные стволы наведены. Толпа испустила глубокий вдох. Обреченные пленники бессильно повисли на своих цепях. Из далеких туч прозвучали раскаты грома.

— Кончайте, — оскалился Хакан.

Из дул огнеметов вырвался огонь. Жидкие струи пламени ударили в Стену Возмездия.

В толпе кое-кто отвернулся.

Вожак стаи суздалей по имени Ютанг с отвращением пролаяла:

— Больше всего меня достает этот запах. От него тошнит! У всей еды становится вкус поджаренных джохианцев.

— Люди и так паршиво пахнут, даже в сыром виде, — согласилась с ней ее помощница.

— Когда Хакан начал казни, — сказала Ютанг, — я подумала: ну и что? Тут так много джохианцев, может, их станет поменьше. И для суздалей останется больше жизненного пространства. Но он никак не хочет уgomониться. Я начинаю беспокоиться. Если так пойдет и дальше, очень скоро он примется искать новые жертвы.

— Хакан думает, что богази самые глупые, поэтому прибережет их под конец, — заметила ее помощница. — Так что нами он займется перед ними. Если он придерживается хоть какой-нибудь логики, то следующими должны быть торки — ведь они тоже люди.

— Кстати о торках, — сказала Ютанг. — Я вижу тут одного нашего приятеля. Он кажется мне очень обеспокоенным. — Она сказала «нашего приятеля» с отвращением. — Барон Мениндер. Он болтает о чем-то с каким-то другим человеком. Джохианцем, если судить по одежде.

— Это генерал Дуу! — взволнованно воскликнула ее помощница.

Вожак суздалей призадумалась. Человек, на которого она смотрела, был невысоким и плотным, с совершенно лысой головой. Мясистое уродливое лицо вполне могло бы принадлежать бандиту, но очки делали карие глаза барона Мениндера большими, круглыми и невинными.

— Интересно, что министр обороны Хакана может обсуждать с Мениндером? Вряд ли они беседуют на профессиональные темы, хотя когда-то Мениндер тоже занимал этот пост. Однако теперь подобные вещи его не интересуют. После него уже было четыре или пять других министров. Всех остальных Хакан уволил или казнил. Черт возьми, этот Мениндер ужасно хитрый старикан! — Ютанг, казалось, разговаривает сама с собой. — Очень вовремя успел унести ноги. Сейчас занимается своими делами и старается не высовываться.

Затем она сосредоточила внимание на генерале Доу. Джохианец выглядел как настоящий генерал — в нем было более двух с половиной метров роста. Его фигура казалась стройной и атлетичной, особенно рядом с кряжистым Мениндером. Серебристые локоны плотно, словно шлем, облегли череп, контрастируя с лысой головой Мениндера.

— Похоже, Доу нравится то, что он слышит, — наконец проговорила вожак суздалей. — Мениндер рта не закрыл с того самого момента, как мы начали за ними наблюдать.

— Может быть, старый торк чувствует, что сейчас ему грозит нешуточная опасность, — предположила помощница. — Возможно, у него есть план. Может, именно об этом он сейчас и говорит.

Работа у Стены Возмездия была завершена. Там, где только что стояли приговоренные, теперь осталась лишь кучка пепла. Суздали видели, как в западной части площади Хакан вместе со своей стражей скрылся в роскошном дворце. Войска тоже начали строиться в колонны и покидать площадь.

Ютанг продолжала наблюдать за двумя людьми, погруженными в беседу. Неожиданно у нее возникла идея.

— Я думаю, нам следует к ним присоединиться, — заявила она. — У этого Мениндера есть одна замечательная черта — он обладает исключительной способностью к выживанию. Пошли. Если есть хоть один шанс выбраться из этой передрыги живыми, я не хочу, чтобы суздали упустили его.

Два существа начали пробираться сквозь толпу.

Разразилась буря. Площадь огласили крики страха и боли, когда с неба посыпались крупные градины, которые разрывались на земле, как шрапнель.

Громкоговорители проревели слова разрешения, и толпа начала быстро покидать площадь.

Мениндер и генерал Доу уходили вместе. К тому моменту, когда они подошли к главным воротам, двое суздалей поравнялись с ними. Четверка остановилась, укрываясь за огромной статуей Хакана, стоящей возле ворот. Они обменялись несколькими словами. Затем последовали поклоны. И уже через несколько секунд все четверо торопливо зашагали прочь.

Так было положено начало заговору.

Глава 2

— Аперитив, милорд? — услышал Стэн бархатный голос.

Стэн пришел в себя, сообразив, что он, как расфуфыренный пентух, стоит возле огромного, оправленного в дубовую раму зеркала, висящего на стене, и покраснел. Обладательницей голоса была черноволосая женщина с привлекательной фигурой и соответствующим образом одетая; в руках она держала поднос с гранеными бокалами. В бокалах шипела необычная черная жидкость.

— «Черный бархат», — пояснила женщина.

«Ты и в самом деле такая», — подумал Стэн. Однако ничего не сказал, а лишь вопросительно поднял бровь.

— Смесь двух старинных земных напитков, — продолжала черноволосая. — Шампанское и редкий напиток с острова Ирландия. Он называется ирландский портер.

Женщина немного помолчала и улыбнулась — как показалось Стэну, только для него.

— Надеюсь, вы получите удовольствие от пребывания на Прайме, сэр полномочный посол Стэн. Лично я буду весьма разочарована, если вы покинете нас... неудовлетворенным.

Стэн взял бокал, сделал осторожный глоток и поблагодарил женщину. Она немного подождала и, не найдя что сказать, улыбнулась ему еще раз — более холодно, а потом ушла.

«Стареешь», — подумал Стэн. — В прежние времена ты бы обязательно влюбился, пригласил ее пообедать, ну и... А еще опрокинул бы не менее шести бокалов, чтобы эта идиотская церемония перестала тебя раздражать. Однако ты повзрослел. Ты больше не пьнешься только потому, что считаешь парады полнейшей глупостью. И не бросаешься на первую же красивую женщину, которая возникает у тебя на пути. Кроме того... эта улыбающаяся служанка почти наверняка работает на разведку — корпус “Меркурий” — оперативник, ее чин, вполне возможно, выше адмиральского».

Да и вообще, сейчас Стэн был не в настроении флиртовать. Почему? Он попытался ответить самому себе на этот вопрос, одновременно стараясь оценить необычный напиток. Какое странное сочетание... Ему уже доводилось пробовать скисший и шипучий виноградный сок, хотя и не такой сухой. Другой напиток — ирландский портер? — делал вкус острым и каким-то особенно непривычным. Стэн решил, что, прежде чем покинуть Прайм, обязательно изучит этот напиток как следует.

Он сделал несколько шагов назад — так что его плечи коснулись стены (со старыми привычками тяжело расставаться) — и внимательно оглядел чудовишно громадный зал.

Замок Арундель с триумфом вознесся над своими собственными руинами. Он был построен на центральной столичной планете Прайм-

Уорлд как грандиозное жилое строение для императора и был уничтожен таанскими ядерными ракетами в самом начале войны, которую таанцы развязали, как это у них принято, без всякого предупреждения. Во время войны, охватившей всю империю, Арундель лежал в руинах, а император перенес свой штаб в огромный запутанный лабиринт под развалинами.

Когда императора убили, убийцы оставили дворец в качестве памятника. Но как только император вернулся, Арундель восстановили, и теперь он стал еще изысканнее и великолепнее, чем прежде.

Стэн находился в одном из вестибюлей замка — что-то вроде зала ожидания. Только этот зал был таких размеров, что вполне мог бы послужить ангаром для эскадренного миноносца.

Помещение было до отказа набито жирными толстосумами — военными и гражданскими, гуманоидами и негуманоидами. Стэн еще раз бросил взгляд в зеркало и поморщился. «Жирные толстосумы» — очень точное определение.

«Ты выполнил приказ императора, теперь пришла пора снова подумать о том, в какой ужасной физической форме ты находишься. Орденовая лента, украшенная самыми разнообразными наградами, которой ты только что так восхищался, на самом деле подчеркивает твоё брюшко. Согласен, еще совсем небольшое... но оно все-таки есть, разве нет? А благодаря высокому воротничку ты заполучил дополнительный подбородок. Перестань обманывать самого себя, воротничок тут совершенно ни при чем... Пропади ты пропадом! — сказал Стэн своему собеседнику, спрятавшемуся где-то в глубинах его сознания. — Сейчас я счастлив. Я доволен собой, целым миром и тем, где в данный момент нахожусь».

И все же он бросил еще один, уже третий, взгляд в зеркало, возвращаясь к тем мыслям, которые занимали его, когда подошла та роскошная красotka.

«Проклятье. Никак не могу привыкнуть к этому костюму дипломата. Лучше бы было принято носить какую-нибудь форму или штатскую одежду, а вместо этого — старомодная рубашка, пиджак с длинными фалдами, которые достают почти до щиколоток, штаны, кончающиеся ровно там, где начинаются начищенные до блеска ботинки... нормальному человеку невозможно привыкнуть!»

Он подумал, что сказал бы Стэн из прошлого — тот несчастный, затравленный сирота с одного из рабских миров, который умел ловко управляться с ножом и которому так несказанно повезло в жизни, — если бы смог заглянуть в зеркало и увидеть себя будущего? О чем подумал бы тот, молодой Стэн, узнав, что смотрит на себя, только через много лет?

Годы? Их прошло гораздо больше, чем Стэну хотелось бы.

«Какие странные мысли. Особенно здесь, в этом месте. Ведь ты ждешь, когда сам вечный император окажет тебе честь и вручит одну

из высших наград за верную службу. Да. Что подумал бы молодой Стэн? И что сказал бы?»

Стэн ухмыльнулся. Может быть, если не считать: «Почему, черт подери, ты не пошел за этой... за Черным Бархатом?» — он только фыркнул бы с облегчением — и больше ничего. Вот так-то. Главное — мы живы.

Не отдавая себе отчета, Стэн погладил правой рукой гладкую шелковую ткань своего костюма. Под ней — под усыпанным бриллиантами рукавом — был нож. Прямо в руке. Стэн создал его — вырстил, а потом обработал на биофабрике, еще когда был простым рабочим на Вулкане. Этот нож стал первой вещью, которая ему принадлежала, была только его собственностью — крошечная стрелка с двойным лезвием, которая подходила только к его руке. Настолько острый, что мог без всякого усилия разрезать алмаз на две половинки. Другого такого не было ни у кого — только человек с бесконечным стремлением к разрушению, каким был тогда Стэн, мог создать столь опасное оружие. Нож держался на месте при помощи хирургически сдвинутой в нужную сторону мышцы.

Но прошло уже больше года, нет, почти два года с тех пор, как Стэн в последний раз впал в такую ярость, что пустил свой нож в ход. Четыре замечательных года мира и покоя после почти целой жизни, заполненной войной и сражениями. Мир... и растущее в душе Стэна ощущение, что он наконец делает то, ради чего появился на свет. Теперь ему не нужно...

— Все правильно, — раздался холодный, словно лишенный жизни, голос. — Ты всегда немного напоминал мне такого хлыща. Я вижу, что не ошибся. По крайней мере, ты одеваешься соответственно.

Стэн вернулся в реальный мир — правая рука повисла вдоль тела, пальцы сжались, а нож пришел в боевую готовность; он отодвинулся от стены, левая нога отставлена назад и опирается пальцами в пол, тело уравновешено, немного наклонено вперед.

Идиот Масон.

Прошу прощения, идиот адмирал флота Роберт Масон. В белоснежной парадной форме, вся грудь в наградах, естественно, заслуженных, и куча пуговиц героя на кителе — правда, Стэн был уверен, что их могло бы быть и поменьше. Масон не стал ничего делать по поводу отвратительного шрама, располозовавшего лицо; возможно, считал, что шрам его украшает.

— Адмирал, — проговорил Стэн, — как идут ваши дела? Всех младенцев удалось прикончить?

— Просто чудесно, — фыркнул Масон. — Как только понимаешь, насколько необходимо уменьшить дальность боя оружия, все становится совсем просто.

Стэн и Масон, по совершенно необъяснимой причине, ненавидели друг друга. Масон был одним из инструкторов Стэна в летной

школе и делал все, что в его силах, чтобы Стэн школу не закончил. Курсанты считали Масона самым натуральным ублюдком. Они были правы. И в отличие от того, как случается в кино, каменное сердце Масона не растаяло после церемонии выпуска и вручения дипломов. Под оболочкой из гранита скрывалась стальная душа.

Во время Таанской войны МASON получил чин адмирала. Для этого у него были все необходимые качества: умен, властен, отличный стратег. Убийца. Помешан на строгой дисциплине. Командир, который стоял за своих подчиненных до самого конца. Например, когда он не смог найти честного способа выгнать Стэна из школы, он выпустил его с самыми высокими оценками и характеристиками. Возможно, МASON самый лучший тактический пилот империи.

«После меня, конечно»,— подумал Стэн.

Отчаянно преданный императору, МASON сумел выжить во времена Тайного совета благодаря удаче и хитрости. Теперь он, вне всякого сомнения, как и в прежние времена, выполнял приказы властителя четко и безжалостно. Да, мир, конечно же, установлен. Но это можно назвать миром только в сравнении с ужасами Таанской войны. Живые существа все равно еще гибнут.

— Я слышал, ты стал мальчиком на побегушках у императора,— проговорил МASON.— Никогда не мог понять, как настоящий человек способен жить в мире, где все серое и не существует правды.

— Я научился любить этот цвет,— ответил Стэн.— Кроме того, он не пачкает руки так, как красный. И его легко отмыть.

Громоподобный голос прервал перепалку:

— Благородные господа, прошу вашего внимания.— Шелест вежливых разговоров стих.— Я главный гофмейстер Блейк.

Стэн увидел забавно одетое, небольшого роста существо, обладающее невероятно громким голосом. Естественно, у губ находился крошечный микрофон с усилителем.

— Мы хотим, чтобы вы все, благородные господа, получили награды в соответствии с вашими заслугами и чтобы церемония прошла так, как это запланировано. Поэтому мы должны следовать следующим правилам. Награды будут вручаться по нисходящей линии. Вестник объявит порядок вручения. Когда прозвучит название вашей награды, вы должны выстроиться в одну линию здесь, у входа. Как только вестник...— Блейк указал на существо в каком-то красном одеянии,— назовет ваше имя, войдете в главный зал. Нужно пройти вперед ровно на семнадцать шагов — на полу вы увидите нарисованную линию. Император будет стоять по другую сторону этой линии. Если вы получаете данную награду один, вы должны встать прямо перед императором. Если же вас окажется целая группа, подойдите прямо к линии и остановитесь рядом с существом, находящимся слева от вас. Стоять по стойке «смирно». Адьютант императора зачитает список ваших заслуг и объявит, за какую из них вы награждаетесь.

Второй адъютант вручит вам награду — либо на орденской ленте, либо приколет ее прямо к форме. Мы просим вас не выказывать никаких эмоций, если возникнет ошибка в момент вручения награды. Церемония, естественно, записывается для последующей передачи через средства массовой информации на ваших родных мирах. Дополнительные копии можно получить у меня за вполне разумную плату. Сегодня никто не удостоен тайных дворцовых наград императора. Следующими по рангу идут наследственные титулы: графства, герцогства и тому подобное. Тот, кто получает одну из этих наград...

— Наследственные,— удивленно выдохнул Стэн. Губы его не шевелились, а голос долетел только до ушей Масона. Разговаривать таким способом умеют лишь военные и узники тюрем.

Однако Масон тоже это умел.

— У вечного императора много новых и уникальных способов отблагодарить тех, кто хорошо ему служит.— В его словах не было и намека на иронию.

— Однако...

— Такое положение радует не только всяких там канцелярских крыс, но и их начальников бюрократов,— проговорил Масон.

Чувства, которые они оба испытывали, никоим образом не отразились на их лицах. Тем не менее всего в нескольких метрах от них кое-кого охватило очень сильное и ничем не прикрытое возмущение. Человек был громадным и очень белым — от гривы развевающихся волос до бакенбард и официального одеяния придворного. Казалось, он был в легком подпитии.

— Целая куча ополоумевших кретинов,— возвестил незнакомец громоподобным голосом.— Думают, получив титул, заодно приобрели и голубую кровь. Только забивают себе головы дурацкими идеями! Первый раз в жизни слышу про такое дерьмо! Черт подери. Император ошибается... зря он идет на поводу у этих безмозглых идиотов! Ни за что не стану принимать участия в дурацких церемониях. Скажите императору, если он хочет...

Белые Бакенбарды так и не успели сделать императору разумные предложения, потому что из пустоты материализовались четверо громил и окружили громогласного придворного.

Стэн еще слышал протесты, но возмутителя спокойствия сдержанно, однако достаточно уверенно повели — он был слишком крупным и сильным человеком, чтобы применить к нему обычные полицейские методы,— к ближайшему выходу.

Четверка служителей порядка была одета в серую полицейскую форму — Стэн не помнил, чтобы ему доводилось видеть такую на Прайме или во дворце. На погонах он заметил черно-золотые переплетенные буквы ВВ.

— А это кто такие? — беззвучно спросил он у Масона.

— Новая служба: внутренняя безопасность. Больше ничего не знаю и знать не хочу.

— К какому подразделению они относятся? «Меркурий»? «Богомол»? — Естественное любопытство Стэна было вызвано — по крайней мере, официально — тем, что он в прошлом принадлежал к обеим организациям.

— Я могу только повторить свои последние слова. — Теперь голос Масона звучал громче и стал ледяным. — Бандиты, наемники, инквизиторы и прочие гнусные типы никогда не были моей специальностью.

Стэн принялся рассматривать тех, кто подходил к двери, выстраивался в линию и исчезал внутри.

Наследственные награды... Ордена за заслуги... Награды (военные)... Награды (гражданские)...

Стэн остановился перед гофмейстером, который внимательно изучал свой список.

— Сэр полномочный посол Стэн, сегодня только вы получаете эту награду. Можете войти.

Стэн подошел к огромной двери. Два существа с белыми волосами — скорее всего, искусственными — и в красной униформе распахнули перед ним дверь.

Голос торжественно проблеял:

— Почтеннейший Стэн с планеты Мостик!

В громадном зале собрались те, кто уже получил свои награды. Стэн медленно прошел вперед тем специальным шагом, которым умеют ходить все дипломаты, зная, что он прекрасно выглядит на экранах телевизоров. На лицо Стэн нацепил торжественное и важное выражение.

«Почтеннейший,— подумал он.— Очень интересно. Насколько я помню, в прошлый раз при дворе меня называли всего лишь почтенным. Может, теперь мне станут больше платить?»

— Полномочный посол Стэн добился превосходных результатов; служа империи, он рисковал своей личной безопасностью, выполняя задание, заключавшееся в установлении дружественных отношений между торвадианцами и жителями Маркель Бата. Ему не только удалось сохранить мир — во всем созвездии наступила эра спокойствия и процветания. В знак признания заслуг сэру Стэну присваивается почетное звание... спутник императора!

А это, подумал Стэн, может означать все, что заблагорассудится вечному императору. Только не принадлежность к тайному императорскому двору — кто бы за этим ни стоял. По крайней мере, отвратительные ублюдки, с которыми Стэну пришлось общаться, выполняя задание императора, не дошли до того, чтобы убивать друг друга. И, несмотря на то что порой у него ужасно чесались руки, он посчитал, что нет никакой необходимости с ними связываться.

Ни одна из этих мыслей не отразилась на бесстрастном лице Стэна. Он подошел к линии и внимательно огляделся по сторонам.

Вон там наверху, в люстре, установлена самонаводящаяся винтовка. Огромный портрет — односторонний экран, за которым, вне всякого сомнения, спрятался целый взвод стрелков. Там. И еще там. На уровне пояса. По обе стороны от линии — скрытые лазерные орудия.

По обеим сторонам двери, ведущей в зал Награждений, застыли гурки. Тихие невысокие темнокожие люди с ничего не выражающими лицами, в военной форме, под нижней губой тесьма, удерживающая фуражки. У каждого на бедре мини-виллиган. А на другом бедре смертоносный, острый как бритва кукри, благодаря которому гурки стали самыми опасными и внушающими страх воинами империи. Кроме того, по всему залу расставлены типы в серой форме — внутренняя безопасность.

«Ну и что? А разве ты не усилил бы охрану, если бы какой-нибудь ублюдок убил тебя несколько лет назад?»

Возле линии стоял человек. Один.

Вечный император.

Темные волосы. Голубые глаза. Отлично сложен. Он выглядел лет на тридцать.

«Нет, — поправил себя Стэн, — глаза говорят о том, что император намного старше».

И тем не менее он, конечно же, недостаточно стар для того, чтобы быть тем, кем является, — человеком, на протяжении многих лет в одиночку создававшим империю, столь великую, что одно человеческое существо не в состоянии осознать ее размеров. Империю, которая была практически уничтожена, а сейчас начала возрождаться.

Стэн встал по стойке «смирно». Император внимательно оглядел своего личного посланника с головы до ног, а потом удовлетворенно кивнул.

Два его адъютанта — тот, что читал послужной список Стэна, и другой, державший на бархатной подушечке какой-то орден, — выступили вперед.

И тут император нарушил традицию. Он повернулся к одному из адъютантов и взял награду из его рук. Затем подошел совсем близко к Стэну и надел орден ему на шею.

— Через сорок пять минут, — тихо произнес властитель тем же искусным тюремным шепотом, что и Стэн несколькими минутами раньше. — Задняя лестница... мои апартаменты... нам нужно выпить.

Глава 3

Стэн ступил на площадку безопасности, по сигналу офицера службы ВБ протянул ладонь для идентификации. Площадка ожила, загудела, и Стэна окатила волна разноцветных огней. Где-то в самом

сердце дворца были собраны всевозможные данные: сейчас Стэна обследовало самое сложное электронное оборудование империи.

Первый уровень включал в себя идентификацию личности. Как только отпечаток ладони Стэна был проверен несколько раз, подошла очередь биосистемы — хитроумные приборы изучали его на наличие потенциально враждебных намерений в адрес императора. Эту информацию проверяли в третий раз относительно данных, имеющихся в файлах корпуса «Меркурий», а потом результаты сверялись с теми сведениями, что поступили за последние двадцать четыре часа.

На втором уровне организм Стэна анализировался с точки зрения вирусной или бактериологической угрозы. Микроб, использующийся в качестве оружия — живой бомбы, уже давно изобретен.

Третий, последний, уровень проверки включал в себя самый настоящий обыск: Стэн вполне мог прихватить с собой банальный пистолет или нож, а мог иметь и вживленное хирургическим способом взрывное устройство. Или, как у Стэна, нож в руке. Но он знал: когда сканеры обнаружат нож, приборы немедленно сообщат, что ему позволено иметь при себе такое оружие в присутствии императора, и сигнал тревоги не прозвучит.

Стэн получил разрешение следовать дальше, сошел с платформы и направился по длинному коридору в сторону апартаментов императора. Его беспокоил предстоящий разговор. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как он в последний раз встречался с императором с глазу на глаз. Должно быть, властитель империи хочет сказать ему что-то очень важное и сверхсекретное.

Однако волновало Стэна вовсе не это. Он почему-то нервничал из-за присутствия такого количества офицеров безопасности, которые предпринимали повышенные меры предосторожности, — довольно странная реакция для человека, возглавлявшего когда-то личную охрану императора. В те времена Стэн старался предусмотреть все возможности, его беспокоила привычка императора появляться в толпе или то, что он просто обожал выскользнуть тайком из дворца и отправиться на поиски приключений.

Впрочем, Стэн считал, что императора нельзя винить за дополнительные меры предосторожности. Только теперь, став опытным общественным деятелем, Стэн прекрасно понимал, какие опасности таит в себе подобный образ мышления, особенно если он присущ человеку, наделенному властью. Чем надежнее заслон, тем труднее злоумышленнику совершить преступление, ясно любому. Но не менее очевидно, что и тем, у кого на уме нет ничего плохого, в такой ситуации тоже бывает совсем не просто пробиться к почти недоступному властелину.

Глядя на представителей новой службы безопасности, Стэн почему-то чувствовал, как у него по спине начинает пробегать холодок.

Он не мог объяснить почему даже самому себе. По мере приближения к покоям вечного императора Стэна все больше и больше охватывало какое-то странное, непонятное беспокойство. Они все казались ему... знакомыми.

Увидев высокого светловолосого человека у двери, ведущей прямо к императору, Стэн наконец сообразил, в чем тут дело. Этот человек как две капли воды походил на императора — и этот, и все те, кто встретился ему на пути с тех пор, как он вошел в личные покои императора. Отличал этих людей от великого правителя империи лишь рост — все они были выше его.

Стэн вынужден был признать, что это довольно разумная идея. Каждый по отдельности, охранники настолько походили на императора, что вполне могли ввести в заблуждение убийцу. А если они окружали императора, то превращались в живой щит.

Офицер ВБ молодцевато шелкнул каблуками, увидев Стэна.

— Вас ждут, посланник Стэн.— Его вежливый голос резко контрастировал с суровым, непроницаемым выражением лица.

Офицер с подозрением оглядел Стэна. Оценивал. Сравнивал. А потом удовлетворение и уверенность в себе сменили подозрительность. Стэн ужасно разозлился: этот ублюдок решил, что справится с полномочным послом Стэном без особых проблем.

— Вы можете войти,— сказал офицер ВБ.

Стэн напрягся, мышцы приятно заныли — он решил поиграть в ту же игру, что и охранник. Глаза представителя службы ВБ превратились в щелки. Он понял. Однако Стэн только рассмеялся и сказал:

— Благодарю вас.

Дверь распахнулась.

По пути Стэн успел заметить удивленное выражение на лице охранника, который сообразил, что его оценили и посчитали недостойным соперником. Стэну ничего не стоило разобраться с этим кретином. Конечно, его рефлексy стали немного более замедленными. Он уже давно не тренировался. Но это абсолютно ничего не знало.

Стрегг вцепился в «Черный бархат», собрался было повоевать немного, но стал жертвой мягкого, обволакивающего напитка. Стэн почувствовал, как в желудке полыхнуло пламя.

Вечный император весело ему улыбнулся, снова наполнив стаканы огненным пойлом, которому бхоры дали имя своего древнего врага.

— Как говорит наш приятель ирландец Махони, мы пьем это, чтобы Господь Бог поверил в серьезность наших намерений.— Император залпом осушил свой стакан.

Стэн последовал его примеру. Если боссy хочется, чтобы их встреча превратилась в попойку,— ну что ж, ничего не остается делать, как

принять участие... и получить удовольствие. Кроме того, вечный император совершенно прав. Как и обычно. Стэну действительно просто необходимо пропустить парочку стаканчиков чего-нибудь серьезного.

— Так, а теперь по поводу обеда, который я тебе обещал,— проговорил император.— Твое дело следить за тем, чтобы наши стаканы постоянно были полными — пока я не отменю этого приказа.

— Совсем не простое задание, сэр,— сказал Стэн,— но я постараюсь не ударить в грязь лицом.

Он рассмеялся, наполнил стаканы, отнес их к стойке и уселся на одну из высоких табуреток.

Потом с удовольствием принялся к необычным ароматам, мучительно пытаюсь в них разобраться. Запах отдаленно напоминал что-то знакомое, но одновременно был совершенно чужим. Загадка, да и только: вечный император вполне мог бы давать уроки кулинарного мастерства. Это признавали даже Марр и Сенн, знаменитые по всей империи своими великолепными банкетами.

Император просто обожал возрождать старинные земные рецепты. Впрочем, с точки зрения самого властителя, они, вероятно, не были такими уж старинными. Ведь он правил империей вот уже три тысячи лет.

Стэн снова принялся.

— Что-то японское? — попытался угадать он.

Сам Стэн очень любил готовить. Это увлечение возникло у него — вне всякого сомнения, под влиянием императора,— когда он вынужден был проводить бесконечные дни на военных базах, где еда была еще тошнотворнее, чем компания.

— Ты так решил только потому, что в аромат входит несколько составных частей,— ответил император.— Хотя надо признать, что кое-какое влияние японской кухни тут, конечно же, имеется. И тем не менее ты ошибся. Самыми лучшими поварами были китайцы. Однако между ними постоянно шел спор за лидерство. А я обращаюсь то к тем, то к другим.

Он приложил ладонь к краю стойки, и оттуда выскользнула холодильная камера, уставленная самыми разнообразными баночками и горшочками. Император выставил их на стойку.

— Сегодня мы отправимся в Индию,— объявил вечный император.— В некотором смысле это соответствует работе, которую я для тебя приготовил.

Он улыбнулся. Стэну и раньше приходилось видеть императора в хорошем расположении духа, но никогда он не казался ему таким веселым. Ой-ой-ой. Еще одно почти невыполнимое задание. Впрочем, Стэна это не особенно беспокоило. Он обожал потенциальные трудности.

— Не хочу показаться невежливым, сэра, — проговорил Стэн, потягивая стрегг, — но я рассчитывал на небольшой отпуск.

На лице властителя промелькнуло раздражение. Отлично! Стэн заметил, что раздражение моментально сменилось яростью.

— И не надейся! — взорвался император. — Я устал от отказов. Из всех сил стараешься сохранить разваливающуюся империю, а тут... — Властитель замолчал.

Стэн видел, что он пытается успокоиться. И у него это не очень получается. Потом император покачал головой и печально посмотрел на Стэна.

— Извини. Работа у меня нервная, ну и все такое. Иногда я забываю, кто мои друзья. Мои настоящие друзья. — Он поднял свой стакан и сделал несколько глотков стрегга.

— Я сам виноват, сэра, — заговорил Стэн. Интуиция подсказывала ему, что необходимо взять вину на себя. — Чудесный запах... расслабился.

Императору это понравилось. Он быстро и одобрительно кивнул и вернулся к прерванному занятию и предмету, о котором рассуждал.

— В данный момент меня ужасно беспокоит место, похожее чем-то на то, где придумали это блюдо. На территории Индии было столько разных людей со своими собственными взглядами на жизнь — как нигде на Земле. Общество разделилось на группы, которые ненавидели друг друга с незапамятных времен, иными словами, так долго, что уже давно забыли, с чего все началось... Нет, тут я не прав. Они прекрасно все помнили. Индусы и сикхи могли бы с невероятными подробностями, вплоть до оттенков неба в тот день, описать страшные, чудовищные преступления, совершенные прапрапрадедами их врагов.

Император склонился над миской, наполненной какой-то зеленоватой массой.

— Это дхал, блюдо из бобов, а в данном случае из гороха. Совершенно нейтральное по вкусу, чтобы сбалансировать все остальное. Очищает рот после каждого куска мяса. Я сделал его вчера. Нужно только разогреть.

— Ну а как насчет той проблемы? — закинул удочку Стэн.

— Да... — Император глотнул стрегга. — Я мог бы выбрать для примера другую страну. Но там ели в основном картошку — и свинину, когда могли достать. Зато делали совершенно потрясающую колбасу. Обсыпали ее мукой и жарили. Только мне сегодня не хочется колбасы.

Стэн принялся к ароматам ингредиентов, которые собирал воедино император.

— Индия подойдет, сэра, — сказал он.

— Я собираюсь послать тебя в созвездие Алтай, — сообщил император.

Стэн нахмурился. Он почти ничего не знал про это скопление звезд.

— Там живут джохианцы, не так ли? Я считал, что они наши самые надежные союзники.

— Ты не ошибся,— кивнул император.— И я хочу, чтобы они и впредь оставались нашими союзниками. Проблема в том, что Хакан — так называет себя тот тип, который там всем заправляет,— завяз в дерьме по самую макушку.

Император взял в руки большой кусок мяса.

— Козлятина,— пояснил император.— Я приказал построить специальный выгон, а на поле велел посадить все то, что ели их предки в Индии,— мяту, дикий лук ну и все такое.— Он положил мясо в огнеупорную кастрюлю.

— Хакан стареет и постепенно впадает в маразм,— продолжал император в своей любимой манере, перескакивая с предмета на предмет.

Впрочем, Стэн уже давно понял, что темы, о которых говорит император, всегда каким-то образом связаны между собой.

— По крайней мере, он сам виноват в том, что там происходит... И тем не менее я не могу его потерять.

Стэн кивнул, соглашаясь. Кем бы ни был старый Хакан, созвездие Алтай — важный союзник. Кроме того, это скопление звезд находится слишком близко к Прайм-Уорлду.

— Ему что-нибудь угрожает, сэр?

— Со всех сторон,— ответил император. И начал посыпать мясо специями.— Немного имбиря,— прокомментировал он, возвращаясь к описанию рецепта.— Кардамон, чили, гвоздика, тмин... несколько долек чеснока, соль и перец.

Он добавил немного йогурта и лимонного сока, все перемешал, а затем отставил кастрюльку в сторону и принялся жарить лук в арахисовом масле.

— На Алтае живут три расы, разделенные на четыре народа. Все они порядочные сволочи. Во-первых, джохианцы. Люди. Они составляют большинство. Хакан — джохианец.

— Понятно,— сказал Стэн.

— Их главная планета — Джохи, там живет Хакан. Она находится в самом центре созвездия. Итак... теперь перейдем к другим участникам этой пьесы...

Император выложил наполовину прожаренный лук на мясо и все перемешал. Затем достал рис. Вода кипела уже почти пять минут. Он высушил рис, перемешал его с луком и положил поверх мяса.

— Немного масла сверху, и... все готово! Я называю это блюдо «бомбейское бирани», хотя на самом деле это довольно заурядное жаркое.

Властитель прикрыл кастрюлю плотной крышкой, поставил ее в печь и стал ждать, когда мясо будет готово.

— А вот теперь я собираюсь немного схитрить. Это блюдо надо готовить при температуре триста восемьдесят градусов в течение часа. А потом нужно уменьшить температуру до трехсот двадцати пяти градусов и держать его в печи еще час.

Стэн запомнил эти цифры вместе с остальными деталями рецепта.

— Но Марр и Сенн, благослови Господь их души, привезли мне новую печь. Еда в ней готовится в два раза быстрее. А результат тот же.

— Так как насчет других подонков, сэр?

— Ах да. Так вот, у нас есть джохианцы. Я уже говорил, что они люди. Кроме того что джохианцев большинство, они владеют преимущественным правом на торговлю. Я подарил им его лет пятьсот назад. Тогда это был дикий пограничный район... Что наводит меня на мысль о торках. Они тоже люди. Их раса возникла в городах во времена экономического бума.

Стэн не до конца понял, что император имел в виду, но общий смысл был ему ясен.

— Торки начали проникать в это звездное скопление раньше, когда там были открыты залежи империума-икс,— продолжал император.— Шахтеры. Пираты. Владельцы магазинов. Мальчики и девочки для развлечений. Вот такие типы. Только когда залежи империума-икс исчерпались, они осели на Алтае, а не стали искать новые золотые миражи.

Империум-Х был единственным элементом, который мог удерживать частицы антиматерии-два. АМ-2 — топливо, на котором и была возведена империя. Все, что касалось АМ-2, жестко контролировал лично вечный император. В такой степени, что, когда Тайному совету удалось убить императора, поступление АМ-2 мгновенно прекратилось. Шесть лет Тайный совет безуспешно пытался разыскать источник АМ-2. Постепенно империя начала разваливаться — Стэн в данный момент и пытался поправить дело. Правда, иногда ему начинало казаться, что результатов своих трудов он так и не увидит до конца жизни.

— Конечно, торки начали протестовать, когда появились джохианцы. Однако джохианцы провели несколько успешных рейдов, а потом показали мой указ о преимущественном праве торговли. На этом дело и кончилось. Прошло время, и раса джохианцев начала понемногу множиться и рассеялась в отдельные миры-государства. Отец нынешнего Хакана несколько сотен лет назад снова собрал всех под своим началом.

— А что представляют из себя два оставшихся вида? — спросил Стэн.— Именно они, как я понимаю, населяли скопление прежде?

— Верно. Создали и богazi. Про них я мало что знаю. Думаю, они ничем не отличаются от других народов — у них те же слабые места. Вероятно, когда появились торки, эти существа еще только открывали для себя космос и знакомились друг с другом. Они располагали жалкими космическими кораблями. Однако это не мешало им успешно уничтожать друг друга в те времена, когда в скоплении появились торки. Торкам даже не пришлось особенно сражаться — существа с других планет смотрят на наши космолеты с благоговением.

Стэн мог легко представить себе потрясение, которое пережили создатели и богazi. Им удалось выбраться из каменного века в космос. Они смотрели на манящие звезды и чувствовали гордость за свои достижения. Переломный момент в истории! Еще ни одно разумное существо не добивалось подобных успехов.

А потом — бах! Появляются инопланетяне — в нашем случае люди — со всякими там штучками и с оружием, конечно, которое может с легкостью вернуть их обратно в каменный век. Ну и естественно, чудо из чудес: инопланетяне умеют путешествовать от звезды к звезде, более того, от одной звездной системы к другой. Они способны даже облетать целые галактики — без малейших проблем. Потому что у них есть АМ-2. Величайшее достижение в истории.

«Интересно,— подумал Стэн,— как это было в те времена, многие века тому назад, когда император — счастливый обладатель АМ-два — появился на сцене? Ужасное потрясение для существовавшей в те времена цивилизации, событие, поставившее всех на колени».

Казалось, вечный император вспоминает какой-то давно забытый ингредиент экзотического блюда.

— Силантро,— наконец проговорил он,— вспомнил.

Властитель смял несколько листьев и покрошил их в блюдо с йогуртом и нарезанными ломтиками огурцами.

«Да,— подумал Стэн.— АМ-два, а еще секрет вечной жизни... Это должно было произвести впечатление».

Обед получился необыкновенным. Незабываемым. Как обычно.

Стол был заставлен едой. Три сорта чатни — индийской фруктово-овощной приправы к мясу — с манго, чатни бенгальское и из свежего лайма. Настоящий зеленый лайм. Крошечные блюдечки с очень острыми соусами и малюсенькими красными перчиками. А еще свежее испеченный плоский хлеб — император называл его шапати. И бомбейское бирани. От кастрюли поднимались изысканные ароматы.

— Начинай,— приказал император. И Стэн начал.

Долгие минуты они молча ели, наслаждаясь каждым проглоченным куском, запивая мясо тайским пивом — во всяком случае, император утверждал, что оно тайское.

Когда голодная смерть им больше не угрожала, император поддел на вилку кусок козлятины и принялся внимательно изучать его.

— Насчет моего старого приятеля, Хакана, — произнес властитель, засунул в рот мясо и принялся жевать. — Первостатейный тиран. Я даже не стану этого отрицать. Проблема настоящего тирана заключается в том, что он не может отступить. У него нет возможности немного поднять крышку, чтобы выпустить пар. Если ты так поступишь, твои враги посчитают это признаком слабости. И у тебя сразу начнутся серьезные неприятности. Кроме того, нельзя допускать небрежности. Или дряхлеть. Насколько мне известно, он вообще мог уже давно выжить из ума. А уж то, что его неизменно сопровождает система жизнеобеспечения, я знаю точно. Постоянные переливания крови, замена износившихся органов новыми, имплантации — такие вещи давно стали для Хакана обычными. Если повезет, он сумеет прожить достаточно долго, и тогда я приму какие-нибудь меры. А пока я очень занят.

Стэн кивнул. Он только сейчас начал понимать, как сильно загружен император. Стэн не имел доступа к общей картине того, что происходило в империи. Однако, судя по его заданиям — дипломатическим миссиям местного значения — и общению с узким кругом друзей, он имел вполне определенные представления о событиях.

Когда император вернулся, империя лежала в руинах. Огромные регионы длительное время не получали АМ-2. Промышленность, лишенная топлива, встала. Начались волнения и бунты. Каждый пытался захватить место под солнцем.

С тех пор вечный император прилагал отчаянные усилия, чтобы залатать дыры там, где это представлялось возможным. Некоторые созвездия пришлось совсем оставить без помощи, существенно уменьшить сферу своего влияния и ввести жесткий экономический и военный контроль. Среди союзников императора появилось много новых лиц. Существа, с которыми он не имел никаких дел раньше. Сомнительные личности, ненадежные. Страшные существа, которые третировали голодающее население своих планет и миров и постоянно вступали в сговор то с одними, то с другими мятежниками.

— Я дал Хакану гораздо больше АМ-два, чем он заслуживает, — сказал император. — Но старый козел попусту растрачивает запасы! Строит огромные монументы вместо того, чтобы накормить людей. Они устали от него. Я предупреждал Хакана. Примерно год назад был отозван наш посол на Алтае. Обычное дело. Однако я до сих пор не назначил ему замену — а это уже не совсем обычная ситуация.

«Довольно жесткая мера против Хакана», — подумал Стэн.

— Странно, что это не отрезвило его, — заметил он.

— Я тоже был удивлен. Как я уже говорил, Хакан стар. Закоснел в своих привычках. Однако если ему придет конец, многие мои ны-

нешние союзники начнут сильно беспокоиться, требовать увеличения поставок АМ-два. А этого экономика империи не выдержит.

Стэн понял. Вся денежная система империи была привязана к единственному источнику энергии. Если увеличить производство АМ-2, сразу обесценятся деньги, начнется неуправляемая инфляция. Произведи меньше — придется уменьшить денежную массу. Сразу возникают тяжелейшие проблемы: меньше топлива — меньше товаров на рынке. Все цены резко поднимаются, что приводит к еще большему свертыванию производства. Черный рынок. В результате население становится почти неуправляемым.

Император шел по натянутому канату.

— Кто самый вероятный преемник Хакана? — спросил Стэн. Властитель вздохнул.

— Его нет. У Хакана нет живых наследников. Этот болван привык вникать во все, даже самые мелкие вопросы, начиная от количества воды в дворцовом бассейне и до цен, которые должны получать с пассажиров водители гравитакси. Он подавил всякую инициативу.

Император сделал хороший глоток пива.

— Тем не менее в данный момент он находится в отчаянном положении. Умоляет меня показать ему хоть как-нибудь, что я его поддерживаю. Чтобы, мол, подданные знали — я на его стороне. Ну, не считая АМ-два, естественно.

— Вы хотите, чтобы этой поддержкой был я? — поинтересовался Стэн.

— Точно. Устроим для него грандиозное представление. Мой личный представитель. Награды. Почести. Победы. На поле боя и дипломатическом поприще... ну и прочая чепуха. Представители средств массовой информации поднимут настоящую шумиху. Впрочем, ты в этом не особенно нуждаешься.

Он посмотрел на Стэна, только теперь вечный император не улыбался, у него был весьма задумчивый вид. «Пожалуй, не хотел бы я знать, о чем он сейчас думает...»

Император встряхнул головой и ухмыльнулся.

— Можешь взять с собой всех, кого пожелаешь, — своих приятелей бхоров, военных, экспертов, которых ты повсюду таскаешь за собой... В общем, это твое дело и твое решение. Главное, операция должна быть обставлена так, чтобы ослепить своим великолепием джохианцев. Поэтому я решил отдать тебе свой личный корабль — «Победу».

От этого известия на лице Стэна расцвела улыбка.

— Я знал, что ты будешь доволен, — рассмеялся император.

«Победа» — корабль-мечта. Военно-пассажирский тактический корабль нового класса, построенный по специальному заказу импе-

ратора. Великолепный императорский корабль. На «Победе» все было суперсовременным и суперроскошным — от кают членов экипажа до личных апартаментов самого императора.

— Вот это называется постановка задачи! — воскликнул Стэн, поднимая бокал в честь своего босса. — У меня, однако, есть один вопрос: если вы хотите, чтобы на людях я демонстрировал всяческую любовь и привязанность к Хакану, как я должен вести себя с ним наедине?

— Холодная вежливость, — ответил император. — Сдержанность. Веди себя так, чтобы он боялся, — ты это умеешь. Я хочу, чтобы в тебе он видел меня. Скажи ему, что я обещал прислать нового посла. Кроме того... мне необходимо знать, кто станет его наследником, когда он отбросит копыта. Тогда я смогу начать частные переговоры с тем типом. Посмотри, не сможем ли мы сделать жизнь в созвездии Алтай немного более приятной и стабильной, когда эта старая развалина отдаст концы.

Стэн кивнул — он понял задание. Император желает узнать его мнение по поводу того, кто должен стать наследником.

— И еще, — продолжал властитель. — Скажи ему, что я внес его в свой личный список приглашенных. Короткий список. Я хочу с ним встретиться через год или около того.

— Ему это понравится, — кивнул Стэн. — Отличный пропагандистский козырь для подданных.

— Да уж, — сказал вечный император. — Только ему совсем не доставит удовольствие то, что я ему скажу. В личной беседе.

Он нацепил на вилку еще один кусок мяса, а потом быстро отправил его в рот.

Глава 4

— Похоже, ты меня спас, — проворчал Алекс. — Да, мой мальчик, пора с этим кончать.

Он встал, подошел к стойке, заплатил бармену и вернулся обратно с подносом. Четыре большие кружки пива и четыре изящных бокала с прозрачной жидкостью. Стэн указал на бокалы.

— Квилл. Не стрегг. Мы далеко от миров бхоров и не в императорском дворце, так что приходится довольствоваться всего лишь этим.

Стэн еще не совсем пришел в себя после марафонского обеда, на котором император несколько дней назад вразумлял его. Поэтому он послушно проглотил содержимое бокала, вежливо выкатил глаза, а потом быстро запил пивом.

— Вот увидишь, я буду вести себя очень пристойно и составлю тебе хорошую компанию, — заявил Алекс, повторив действия Стэ-

на. — Не хочу, чтобы кто-нибудь считал, что я превратился в несчастного алкоголика. С этим надо кончать — я, во всяком случае, уже так и сделал.

Они сидели вдвоем в неприметных серых комбинезонах в дальнем углу бара огромного космопорта Соуарда. В баре было шумно — матросы деловито напивались, готовясь к будущим полетам или для того, чтобы осознать, что они наконец вернулись в порт, а проститутки и воры помогали им побыстрее расстаться с деньгами.

— Я и в самом деле тебя спас?

— Ну! — воскликнул Алекс. — Она красива, умна, без ума от меня, и у нее даже есть собственные деньги.

— Так, может быть, тебе действительно следовало жениться?

— А я чуть и не женился, черт возьми! Уже нанял зал, нашел пилота, который мог сохранить серьезность до конца церемонии. А потом познакомил ее с моей матерью.

— И что она думает по этому поводу?

— Мама сказала, что, если мне так хочется жениться, она не возражает, хотя, по ее мнению, я еще слишком молод, чтобы жить с женщинами. Тогда я привел последний довод: мол, мне пора осесть и подумать о следующем лорде Килгуре. — Алекса немного передернуло. — Не знаю, приятель, в какой-то момент... А потом я представил себя старым, в маразме, без зубов, со стаканом бренди, разбавленным молоком, и подумал о том, как стану вспоминать свои прежние славные деньки и сетовать на молодежь, которой наплевать на бывшие подвиги стариков, когда мужчины были настоящими мужчинами, а не тупыми овцами... Тьфу, отвратительно! Настоящая мерзость. Ну вот, как раз в тот момент и пришло твое сообщение. Я написал подробную записку и на рассвете смылся через заднюю дверь.

— Мистер Килгур, — сказал Стэн. — Трусливый поступок! Ты должен был остаться и все объяснить.

— Подумай сам, приятель. Красотка произвела впечатление на мою мать. Я, конечно, сумасшедший, но не полный идиот.

Стэн взглянул на часы.

— Мы должны быть на «Победе» через десять минут. Выпьем на дорожку и пойдем.

Килгур мгновенно схватился за выпивку, к нему вернулись боевые рефлексы. Пиво и квилл исчезли. Алекс вежливо рыгнул, поднялся на ноги и направился к выходу, пробираясь между столами; Стэн следовал в кильватере.

Путь Алексу преградило здоровенное четвероногое существо, чья серая шкура вполне могла заменить броню. Существо осушило огромный баллон с какой-то дрянью и отшвырнуло его в угол. Все три — его, ее? — глаза смотрели в разные стороны, но потом, постепенно, остановились на Килгуре. Обе длинные руки рефлекторно сжимались и разжимались.

— Люди! Не люблю люди!

— Я тоже,— вежливо отозвался Алекс.

— Ты человек.

— Нет.

— А кто?

— Пингвин. С Земли. Я маленькая худенькая птичка, которая питается селедкой.

Стэн стал перебирать в уме все прочитанное об инопланетянах в разных справочниках и попытался вспомнить тех, кого встречал сам. Ни один из них не имел четырех ног, трех глаз, двух рук и крошечного мозга — последнее, правда, не было известно доподлинно; возможно, существо просто успело сильно набраться... Да еще рост в два с половиной метра и масса под тонну. И колоссальный избыток злобы.

Стэн немного пожалел странное существо. Совсем чуть-чуть.

— Пингвин не ты.

— А откуда тебе это известно, дружище? По-моему, ты не похож на извращенцев, любителей пингвинов.

— Человек ты.

— Послушай, сынок. Ты устал. Может, тебе стоит... нюхнуть, глотнуть или пососать что-нибудь. Давай присядем, и я куплю тебе новый баллон.

— Не люблю люди! Делаю больно люди! Сначала делаю больно тебе, потом он.

— Ну, ладно,— со вздохом произнес Килгур.— Стэн, ты свидетель — скажешь моей матери, что я вел себя скромно и не ввязывался в драку, как какой-нибудь шенок.

— Обязательно скажу.

— Я всегда знал, что могу на тебя положиться.

Тем временем инопланетное существо протянуло обе руки к шее Килгура — если вообще можно было говорить о шее этого массивного коренастого человека.

Алекс схватил руки существа, где у гуманоида должны были быть запястья. И резко дернул вниз. Существо взвыло от боли и с грацией земного верблюда упало на то, что отдаленно напоминало колени. Килгур, продолжая держать «запястья» существа, сделал шаг вперед — и четырехногому пришлось опрокинуться назад.

— Вот видишь,— заметил Алекс,— как легко дается пацифизм: нужно только слегка поразмыслить, верно?

— Ты закончил свои игры, мистер Килгур?

— Да, адмирал. Вот только нужно угостить моего друга. Я же обещал.

Килгур, честный и благородный человек из Эдинбурга, мира с тройной силой тяготения, давнишний помощник и соратник Стэна,

был одним из самых искусных бойцов во всей империи. И он действительно сдержал свое слово — купил поверженному монстру баллон с какой-то отравой перед тем, как они со Стэном отправились инспектировать императорский крейсер «Победа».

— Тут все дело в рычаге, — только и сказал он Стэну. — Вроде как разорвать телефонный справочник голыми руками.

— А что такое телефонный справочник?

— Да, это корабль! — уважительно протянул Алекс через три часа.

— Верно, — согласился Стэн.

Он снял шлем с сенсорами и закончил проверку оснащенных тройной защитой систем управления «Победой».

Алекс внимательно осмотрел комнату и лишь после этого снова заговорил. Рядом никого не было, коммуникационную систему включать не стали.

— Может быть, я старею, — осторожно продолжал Килгур, — но все здесь устроено совсем не так, как в прежние времена.

— Ты хочешь сказать — до убийства императора?

— Ага. Здесь слишком много роскоши, которая совсем не интересовала нашего старого босса. Или я начинаю идеализировать прошлое?

— Я подумал о том же, — признался Стэн.

Он коснулся клавиш, и компьютер послушно выдал трехметровую голограмму «Победы» в воздухе над столом, за которым они сидели. Стэн нажал еще на несколько клавиш, и компьютер начал раскладывать голограмму на составляющие, показывая им боевой крейсер во всех подробностях.

Стэн испытывал беспокойство на нескольких уровнях. Во-первых, чисто прагматические соображения по поводу качеств «Победы» как боевого корабля. У Стэна был некоторый опыт обращения с приборами, летательными аппаратами и космическими кораблями, которые якобы имели два или несколько назначений. Почти всегда это значило, что инструмент может многое делать плохо и ничего как следует.

Боевые крейсеры, например, строились на основе старинной конструкции и могли уничтожить практически любого противника, за исключением линкора, — и имели достаточную скорость, чтобы сбежать от более мощных судов. Однако довольно часто оказывалось, что крейсеры недостаточно быстроходны, чтобы настигать мелкие корабли, а сами едва успевают спастись от супергигантов. Кроме того, если крейсеру приходилось вступать в бой, его вооружение, вполне способное уничтожить эсминец или миноносец, оказывалось слишком легким, чтобы нанести урон линейному кораблю, а защитные системы, активные или пассивные, были слишком слабыми.

Стэн просмотрел все боевые характеристики «Победы», сравнив их с результатами полевых испытаний. Если только... если только поставщики императора не брали взятку — такая возможность существовала, но была уж очень маловероятной, — создавалось впечатление, что «Победа» действительно способна оказаться эффективным боевым кораблем.

Проблема заключалась в том, что император считал существенными тактические возможности корабля, на котором полетит Стэн. Третью часть кормовых отсеков «Победы» занимали ангары для целой флотилии истребителей — три эскадрильи, по четыре истребителя в каждой. Истребители класса «Балкели-II» были усовершенствованы во время Таанской войны. Каждый представлял собой почти стометровую иглу, предназначенную для уничтожения врага. Их строили из соображений максимальной скорости и маневренности — нанести удар и скрыться, вот и вся тактика. Все остальное — удобства пилотов, защитные системы, броня — практически не имело значения. Здравомыслящие пилоты ненавидели истребители — эти суденышки требовали постоянной концентрации, а наказание за малейшую ошибку было одно — смерть. Стэн истребители любил.

Так что, с одной стороны, дополнительные возможности «Победы» радовали Стэна. А с другой — это значило, что корма крейсера была чем-то вроде бомбы замедленного действия: истребители, начиненные взрывчатыми веществами, топливо, остальное вооружение... Любое прямое попадание в один из ангаров могло означать полное уничтожение всего корабля. К тому же «Победа» была почти слепой и беззащитной со стороны кормы.

— Это может создать нам определенные проблемы, — заметил Килгур. — Мы не должны разворачиваться, чтобы спастись бегством, и будем вынуждены давать задний ход, придерживая юбки, как положено леди.

Слова Алекса заставили Стэна вспомнить о викторианской роскоши: он никогда не видел боевых кораблей, изобилующих такими удобствами. Стэн и раньше знал, что даже самый последний матрос имел здесь хоть и крошечную, но собственную каюту. Стенные панели были или деревянными, или облицованы камнем. Огромные кухни могли без всякого напряжения обеспечить всем необходимым настоящий имперский банкет.

В определенной степени Стэну это нравилось. Стройные, чистые линии боевого корабля — все эти глупости хороши для кино, но Стэн знал из собственного опыта, что после трех или четырех недель боевого дежурства необходимость с колоссальным трудом втискиваться в узкую кабинку душа, чтобы помыться, никому не доставляет ни малейшего удовольствия, особенно если в кабине имеется несколько острых углов, о которые ты обязательно разбиваешь локти или колени.

Кроме всего прочего, здесь имелись императорские апартаменты, в которых, похоже, мог бы разместиться весь императорский двор, а ведь были еще номера для гостей, комнаты для охраны, не говоря уже о помещениях для оружия и спортивных залах. Последнему Стэн был особенно рад — он не забыл о намечающемся животике и втором подбородке, который он разглядел в зеркале на приеме у императора.

Императорские апартаменты — если можно их так назвать — занимали верхнюю четверть «Победы» между палубами, на которых располагались истребители, и жилыми отсеками, где находились каюты команды крейсера. Сечение во фронтальной плоскости показывало покои императора в виде буквы Т. Как и все флагманские корабли, «Победу» сконструировали и построили так, что императорские — или адмиральские — покои были отделены от остальных отсеков крейсера. На протяжении многих тысяч лет каждому адмиралу было известно, что он во всех отношениях превосходит капитана флагманского корабля, поэтому адмиралы часто забывали о своих основных обязанностях и занимались управлением данного корабля, а не флотом, из чего никогда ничего хорошего не получалось.

Да, Стэн не мог не согласиться с Алексом, что императорские апартаменты уж слишком роскошны. Дверные ручки из чистого золота. Бассейны выложены настоящим мрамором. Стены спален обиты дорогими тканями. Что же до самих кроватей, в особенности тех — множественное число здесь совершенно верно, — что стояли в личных покоях императора, то Стэна вдруг страшно заинтересовало, как они должны описываться в инвентаризационных документах:

«Кровать, Марк-24. Может быть использована несколькими персонами одновременно. Имеет технические приспособления, позволяющие реализовать любые фантазии. Оборудована гидравлическим устройством, обеспечивающим движение в любой плоскости; произвольная часть кровати может подниматься на желаемую высоту. Дополнительные внутренние и наружные возможности, включающие внутреннее освещение, внешнее освещение, голографическое проектирование, голографическую запись. Имеется встроенный холодильник. Система связи. Ничем не ограниченные возможности для стробоскопического и голографического создания любых образов».

Обладатель подобной кровати, подвел итог Стэн, может считать себя крупным специалистом по оргиям.

Император?

Стэну было совершенно наплевать — однако, когда он возглавлял отряд императорских телохранителей гурков, ему не приходилось замечать, что вечный император чрезмерно интересуется сексом.

Впрочем, тогда Стэн особенно об этом не задумывался, подсознательно решив, что за несколько тысяч лет император успел попробовать все.

А теперь?

Проклятье, он даже не был уверен в собственной правоте — ведь Стэн не исследовал каждый дюйм замка Арундель, чтобы убедиться в том, что некие помещения, помеченные как склад, на самом деле являются грандиозным императорским борделем.

«Интересно, — подумал Стэн, — как я сам буду спать в этой кровати? Да хватит прикидываться, несчастный ты кретин, — сердито одернул он себя. — Были времена, когда ты валялся в одной постели с несколькими приятелями и подругами сразу... Интересно, кто увидит тебя в этой роскошной кровати? Последнее время события складываются таким образом, что ты вполне мог бы быть евнухом».

Стэн заставил себя вернуться к насущным проблемам.

— Мистер Килгур, — сказал он, — мне совершенно неизвестно, что нас ждет в дыре под названием созвездие Алтай. У меня складывается впечатление, что босс осыпает нас милостями совсем не из любви к моим красивым глазам.

— Не стану спорить, — согласился Алекс.

— А это означает, что мне понадобится сосредоточить все мои силы. Как ты думаешь, лорд Килгур, правильно ли будут использованы твои таланты и опыт, если мы назначим тебя капитаном этого борделя, сделанного из чистого золота?

— Меня? — поразился Килгур. — Так это ж адмиральская должность. Две звезды, насколько я знаю. А мне до этого еще далеко.

— Ну, какие проблемы, — беззаботно бросил Стэн.

Алекс задумался, а затем медленно покачал головой.

— Не думаю, приятель. Хотя ты меня приятно удивил. До сих пор среди Килгуров не было адмиралов. Если не считать пиратов, конечно. Мамуля была бы счастлива. Но... нет. Вряд ли мне доставит удовольствие таскать по небу эту посудину. Гораздо больше меня интересуют те придурки, которых мы летим перевоспитывать... Кажется, это я умею делать неплохо.

Стэн был очень доволен. Он ценил дружбу Килгура и твердо знал, что всегда может на него положиться, а еще ему было известно, что человек, которого вечный император называл «личным головорезом Стэна», был талантливым дипломатом, великолепно анализировал ситуацию и умел быстро находить единственно верные решения.

Тут ему пришла в голову идея. Стэн ухмыльнулся, потому что идея была немного забавной. Однако ее нужно обдумать.

Он выключил компьютер и встал.

— Пошли, лорд Килгур. Идем в бар: посмотрим, сможет ли это чудище удовлетворить наши потребности.

Алекс тоже встал, потом нахмурился и посмотрел на стенные часы.

— Отличная идея, босс, вот только к нам сейчас придут гости.

— Гости? Килгур, что ты опять затеял?

— Ничего, приятель. Разве ты не знаешь, что я всегда пекусь о твоих интересах?

Стэн даже не стал тратить силы на ответ. Пожалуй, правильнее было бы просто врезать своему «дипломатическому советнику».

— Будь я трижды проклят! — пробормотал Стэн.

— И больше ты ничего не скажешь? Не скажешь: «Ублюдок Килгур опять меня втравил»? Не скажешь: «Долг призывает меня, миледи, и я должен с вами попрощаться»?

— Не скажу.

Стэн прошел от двери своих апартаментов в замке Арундель к панели управления.

— Единственное, что я скажу, — проговорил он, — я совсем недавно вернулся из комнаты, которую хотел бы тебе показать когда-нибудь.

— Объяснишь?

— Нет.

— А я увижу ту комнату?

Стэн ничего не ответил. Только взял в руки графин и внимательно посмотрел на его содержимое.

— Стрегг?

— Угу... стрегг.

— Еще рановато, но если ты пьешь, тогда, пожалуй, и я могу позволить себе стаканчик.

Стэн нашел два стакана, до краев наполнил их стреггом и отнес один из них Синд. Та полулежала на одной из кушеток, стоящих в комнате.

Эту женщину Стэн встретил много лет назад при весьма своеобразных обстоятельствах. Синд была представительницей высшей военной элиты, которая когда-то защищала религиозных фанатиков в Волчьих мирах. Стэн способствовал свержению этого коррумпированного и воинствующего религиозного правительства, когда был секретным агентом спецотряда богомоллов.

Когда все немного успокоилось, Стэн решил — а император, хоть и очень неохотно, вынужден был с ним согласиться, — что победителями и новыми хозяевами созвездия Волка должны стать бхоры, местные жители созвездия — негуманоиды, отчаянные дикари и неисправимые алкоголики.

Синд выросла среди представителей угасающего культа воина и изучала военное искусство. Она так долго его изучала, что война стала ее любовью — нет, страстью. Она присоединилась к бхорам и

стала женщиной-воином — Синд была снайпером и умела виртуозно управлять небольшими военными кораблями — особенно брать на бордаж корабли противника.

С детства ее кумиром был легендарный герой, разрушивший культуру ее предков — дженнисаров. Этого человека звали Стэн. А потом она его встретила. И обнаружила, что это вовсе не бородатый и древний старик, каким она себе его представляла, а все еще молодой, полный жизненных сил воин.

В своем обожании Синд сумела подобраться к Стэну так близко, что чуть было не очутилась в одной с ним постели. Однако Стэн находился в тяжелом эмоциональном состоянии после того, как во время выполнения задания погиб весь его отряд, и не имел ни малейшего намерения заводить любовный роман ни с кем, а уж тем более с семнадцатилетней девчонкой. Тем не менее ему каким-то образом удалось повести себя так, что Синд не почувствовала себя оскорбленной, а он не выглядел полным идиотом.

Во время войны против Тайного совета они встретились снова — как два солдата. И стали друзьями.

Потом, когда император вернулся, а Тайный совет был уничтожен, Синд отправилась вместе со Стэном на свою родную планету в созвездие Волка. Во время того путешествия их отношения изменились. И все же... между ними так ничего и не произошло.

А когда Стэн полетел выполнять новое задание в качестве имперского полномочного посла, Синд продолжала воевать, хотя теперь ее гораздо больше стали интересовать причины и результаты войн, чем сами военные действия.

Сейчас оба воина сделали по глотку стрегга, поморщились, но не отставили стаканов в сторону.

— Насколько я понимаю, — сказал Стэн, — ты прибыла сюда, чтобы влиться в мою разудалую компанию и отправиться вместе с нами с дипломатической миссией на Алтай?

— А, так, значит, вот куда мы направляемся... Алекс сказал, что информация засекречена.

— Точно. Мистер Килгур введет тебя в курс дела.

В комнате воцарилась тишина — мягкая и совсем не напряженная.

— Ты хорошо выглядишь, — заметил Стэн.

— Спасибо. С тех пор как мы с тобой встречались в последний раз, я решила, что мне, пожалуй, стоит больше внимания обращать на гражданскую одежду.

Стэн был восхищен — Синд прекрасно справилась с этой задачей. Сейчас ей было чуть больше двадцати — перед ним сидела очаровательная женщина в строгом костюме. Короткие волосы, косметики ровно столько, сколько нужно, чтобы подчеркнуть достоинства лица... Любой, взглянув на Синд, принял бы ее за представителя руководства какой-нибудь межзвездной корпорации.

Никто, естественно, не заметил бы — и мало кто, кроме Стэна, мог бы предположить, — что в подоле ее платья укрыт нож, в сумочке лежит мини-виллиган и что ее ожерелье вполне могло при необходимости послужить отличной гарротой.

Синд внимательно посмотрела на Стэна.

— Помнишь, как мы встретились в первый раз?

Стэн подавился стретгом, который потек у него из носа, — очень неприятное ощущение. Синд рассмеялась.

— Да, нет, не тогда. Раньше... на банкете. Я была среди обслуживающего персонала.

— А... — Стэн мысленно вернулся в то время. Синд, тогда еще совсем девочка, была одета... во что-то, напоминавшее форму. Но он чувствовал, что говорить этого не нужно.

— На мне было выходное платье, — сказала Синд. — Только сначала я выбрала не его.

Теперь пришла очередь Синд смущенно отвернуться, после чего она подробно описала Стэну легкомысленное, соблазнительное платье, за которое она заплатила целое состояние, надела, а потом, разозлившись, сорвала и забросила куда-то в угол.

— Я выглядела в нем как самая настоящая девочка для развлечений. И вдруг я поняла, что единственная одежда, в которой я чувствую себя уверенно, — солдатская форма. Ведь я же всю сознательную жизнь была солдатом. А это включает и одежду, которую носят солдатские шлюхи.

Ну вот, опять, подумал Стэн. По какой-то причине Синд могла говорить ему совершенно поразительные вещи, которых другие женщины порой не говорят мужчине и после многих ночей, проведенных вместе. Впрочем, он заметил за собой то же самое.

А еще он понял, что отчаянно хочет переменить тему разговора.

— Давай вернемся к официальным проблемам.

— Конечно, адмирал.

— Нет, не адмирал. На этот раз я буду действовать как гражданское лицо.

— Отлично.

— Почему?

Синд снова улыбнулась.

«Ах да, — сообразил Стэн. — Никаких тебе приказов по цепочке подчиненных. Ну и конечно, никаких запретов на любовную связь с низшим или, наоборот, высшим по чину офицером».

— Я нахожусь в очень неудобном положении, — проговорила Синд и устроилась на кушетке поудобнее, поставив таким образом в весьма неудобное положение Стэна. — Я ведь уже майор.

— Прими мои поздравления.

— Ну, не знаю. Я хочу представить тебе одного из моих солдат.

Стэн молча ждал. Синд поднялась, подошла к двери, открыла ее и крикнула:

— Эй, солдат? Ко мне!

Послышался шум, и в комнату ввалилось существо ростом примерно полтора метра, хотя при этом оно весило, вероятно, килограммов сто пятьдесят — на двадцать больше, чем при последней встрече со Стэном. Узловатые, волосатые лапы касались пола, так же как и похожая на огромную метлу борода. Потом существу почти удалось выпрямиться, и оно взвыло:

— Клянусь бородой моей матери, вот вы где, посол и майор! Стрегг пьете — а бедный, мучающийся жаждой солдат, который любит вас всей душой, брошенный, забытый в крошечной темноте, должен умирать оттого, что никому не пришло в голову предложить ему капельку живительной влаги!

— Что, — воскликнул Стэн, — во имя ягодиц моего отца... нет, твоего отца, тыфу, проклятье... ягодиц отца Синд... Что, во имя замороженных ягодиц твоего отца, ты здесь делаешь, Ото?

— Я всего лишь солдат и следую военной тропой, как велят нам великие боги Сарла, Лараз и... и как там его... как же зовут того ублюдочного божка? Ах да — Колерик.

— Похоже, он сегодня уже принял хорошую порцию стрегга, — заметил Стэн.

— Уж точно, — согласилась с ним Синд.

— Ну давай, зови остальных, — сказал Стэн. — И Килгура. Пусть он свяжется с кухней и велит доставить сюда еще стрегга, эту мерзость, которую император называет виски, и... все, что входит в состав коктейля «Черный бархат». Ну а теперь, Ото, давай выкладывай, сколько гнусных типов, которых называют бхорами, я получил?

— Всего сто пятьдесят.

— О господи! — воскликнул Стэн. — А до отправления еще несколько недель... Майор Синд, вы расквартировали ваших солдат?

— Да. Нам отвели целое крыло в новом общежитии для офицеров, здесь, недалеко от императорского дворца. Мои солдаты размещены весьма надежно.

— Так что бхоры не будут иметь ни малейшей возможности выйти за пределы огражденной территории и разграбить, разрушить и уничтожить добрую половину Прайма?

— Ну, если повезет.

— Прекрасно. А теперь, рядовой Ото, налей-ка нам и объясни, что произошло. Только быстро.

Стэн нуждался в объяснениях, потому что когда он последний раз встречался с Ото, тот был вождем, правителем — если такое вообще возможно, когда имеешь дело с бхорами, — всех Волчьих миров. Теперь же он имел самый низший военный чин, словно был юнцом, чья борода только начала расти.

— Я не знал,— сказал Стэн после третьего стакана стрегга — Килгур и остальные бхоры не успели присоединиться к их компании, так что он еще был способен на трезвые размышления,— что у вас бывает второе детство.

— Не будь идиотом,— прорычал Ото, снова наполняя свой рог.— Во-первых, в созвездии Волка царит мир. И если они не хотят расстаться с жизнью, для них будет весьма полезно его поддерживать. Наверное, мир — это хорошо. Но это все равно что похлебка без мяса, мой друг. В те стародавние времена, когда нас чуть не истребили дженны, мне и в голову не могло прийти, каким скучным может быть мир. Так что я сбежал оттуда, чтобы немного развлечься.

Он вздохнул — точнее, Стэн принял порыв пропитанного алкогольными парами газа, который с шумом покинул тело Ото, за вздох.

— Я становлюсь таким цивилизованным!

— Что ты, черт подери, сказал? — поинтересовался Алекс, входя в комнату.

Печальный рассказ Ото был прерван воплями, рычанием, объятиями, слюнявыми поцелуями — всем тем, что входит в ритуал приветствия друзей, принятый у бхоров. Правда, человеку, непривычному к нравам бхоров, он может показаться слишком бурным.

А потом появились напитки, и Стэну пришлось продемонстрировать своим гостям, что такое «Черный бархат». Ото заявил, что напиток в самый раз сгодится для грудных детей, Алекс предпочел пить неразбавленный портер, а Синд последовала примеру Стэна, решив попробовать новый напиток, и их глаза на мгновение встретились.

А потом Стэн попытался направить разговор на тот предмет, который его интересовал.

— Ото, ты говорил, что жизнь здесь делает тебя цивилизованной личностью.

— Клянусь отможенной задницей моего отца, так оно и есть. Даже по людским стандартам. Если я цивилизованная личность... и великий вождь — что является чистой правдой, поскольку моя борода в целости и сохранности,— значит, сейчас я буду вынужден вернуться к моим старым привычкам дикаря. Насколько я понял, нам предстоит иметь дело с весьма примитивными существами. Недавно я узнал про человека, которого вы, люди, вероятно, считаете великим. Его звали Илчерч, или что-то вроде того. Так вот, после того как он совершил свое первое деяние в качестве вождя, Илчерч решил поселиться среди примитивного земного племени, которое называлось «американцы». — Ото буйно жестикулировал и поливал стреггом все вокруг.— Поскольку я вряд ли сумею найти остатки этого племени, я решил, что вполне могу связать свою судьбу со вторым по примитивности племенем... — Ото высоко поднял свой рог со стреггом.— За человеческую расу,— торжественно провозгласил он.

Глава 5

— Я был бы вам весьма признателен,— официальным голосом проговорил Стэн,— если бы вы оказали мне честь и составили компанию на сегодняшний вечер.

— С огромным удовольствием, сэр. Сколько солдат я должна взять с собой для охраны?

— Я повторяю, миледи. Не будете ли вы столь любезны отобедать со мной сегодня вечером?

— Ой, минутку, я должна проверить... да. С удовольствием, Стэн. Куда мы пойдем? Как мне одеться?

— Оружие должно оставаться незаметным, но соответствовать цвету платья. Значит, в... семь тридцать?

— Хорошо, семь тридцать,— сказала Синд и отключила связь.

— Ой, какой красавчик! Чем мы будем заниматься сегодня вечером: грубо соблазнять даму или постараемся вскрыжить ей голову?

— И то и другое — понемногу.

— Ага...— Алекс смахнул несуществующую пылинку с шелкового пиджака Стэна.— Ну так что ты намерен делать? Должен я предупредить охрану или ты останешься где-нибудь на ночь?

— О господи,— вздохнул Стэн,— я и не подозревал, как хорошо быть сиротой. Мамочка Килгур, я не имею ни малейшего представления о том, где проведу ночь или даже стану ли целовать даму. Слушай, а что это ты так переживаешь?

— Просто хочу тебе напомнить, что завтра ты должен быть у императора для получения последних наставлений.

— Ну так я там буду. Что-нибудь еще?

— Нет... да. Галстук криво завязал.— Килгур поправил галстук Стэна.— Знаешь, что говорит моя мамочка? Никогда не делай ничего такого, о чем ты потом не смог бы рассказать святому отцу в церкви.

— Она так говорит?

— Точно. Теперь тебе понятно, почему среди Килгуров не принято ходить в церковь?

Алекс вышел из комнаты, а Стэн проверил все в последний раз. «Вот черт,— подумал он,— а я действительно стал что-то слишком много времени проводить перед зеркалом». Спрятал мини-виллиган в замшевую кобуру у шиколотки, два раза сжал руку в кулак — нож скользнул в ладонь... Стэн был готов провести ночь в городе.

В дверь постучали.

— Открыто.— Интересно, какую новую гадость сейчас выкинет Килгур?

Однако в комнату никто не вошел, только вновь послышался стук. Стэн нахмурился и подошел к двери. На пороге стояли трое невы-

соких, сильных на вид молодых людей. В гражданском — но костюмы, казалось, были сшиты по одной и той же мерке.

Гурки. Солдаты встали по стойке «смирно» и отсалютовали Стэну. Он уже собрался ответить им подобающим образом, но вовремя спохватился.

— Простите меня, славные воины. Я больше не солдат.

— Вы всегда будете солдатом. Вы Стэн. Вы по-прежнему субадар.

— Еще раз благодарю вас, — проговорил Стэн. — Заходите, пожалуйста. У меня, правда, всего несколько минут.

Стэн завел своих посетителей в комнату. Все трое смущенно молчали.

— Приказать, чтобы принесли чай? — предложил Стэн. — Или виски, если вы не на службе в данный момент?

— Большое спасибо, мы ничего не хотим, — сказал один из гурков. Двое других посмотрели на него и кивнули. Словно предоставили ему право говорить за себя.

— Меня зовут Лалбахадур Тапа, — сказал он. — Это Читтаханг Лимбу. А вот это Махкхаджири Гурунг. Он считает, что принадлежит к высшей касте, но вы не обращайте внимания на его высокомерие. Он прекрасный солдат. Мы все в чине нанка.

— Лалбахадур... Читтаханг... у вас славные имена.

— Это... имена наших отцов. Отец Махкхаджири возглавляет призывной пункт на Земле. В Покхаре.

Хавилдар-майор Лалбахадур Тапа погиб, спасая жизнь императора, много лет назад. А субадар-майор Читтаханг Лимбу заменил Стэна по его собственной просьбе на посту командира гурков. Читтаханг был первым гурком, возглавившим подразделение, и тем самым положил начало новой традиции.

Гурки, в дополнение к другим своим достоинствам, никогда не забывали, кто их друзья или враги.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил Стэн.

— В административном офисе вывешено объявление о том, что вам нужны добровольцы для выполнения специального задания и что вы принимаете всех желающих из имперских вооруженных сил.

— Вы?

— Нас немногим больше двадцати.

— Но... — Стэн опустил на стул. У него было такое ощущение, словно он получил хороший удар в челюсть. Впрочем, он довольно быстро пришел в себя. — Но ведь гурки служат только императору.

— Так было.

— Было?

— Только горы и коровы никогда не меняются. Мы обсудили эту проблему с нашим капитаном. Он согласился — помогая вам,

мы сослужим прекрасную службу императору. Это будет сабаш — правильно.

— Вы делаете это с разрешения императора? — осторожно начал Стэн. — Император позволил вам присоединиться ко мне?

— А разве может быть иначе? Ведь в самом конце объявления было написано: «Именем императора».

Гурки очень наивны. Кое-кто утверждал, что они просто прикидываются наивными, для того чтобы иметь возможность делать то, что считают нужным. Стэн подумал, что, если император не поддержит их просьбу, может разразиться грандиозный скандал. Ведь властитель никогда не упускал шанса хвастливо напомнить, что после его гибели гурки отказались служить Тайному совету, вернулись на Землю и стали ждать возвращения императора.

Стэн постарался скрыть свои опасения от неожиданных посетителей. Он весело улыбнулся.

— Я горжусь честью, которую вы мне оказали, джентльмены. И переговорю с вашими командирами, а после этого мы займемся официальной стороной этого вопроса.

К счастью, гурки не были любителями длинных церемониальных разговоров, так что Стэну удалось довольно быстро выпроводить их из своих апартаментов, умудрившись при этом никого не обидеть. Следующие несколько минут он провел со стаканом стрегга в руке, размышляя над новым поворотом событий.

«Проклятье, ну почему я? Почему это всегда происходит со мной? Хотелось бы мне стать лилипутом в тот момент, когда я буду докладывать об этом нашему императору».

И тут ему в голову пришла новая идея: «Если удастся убедить императора отпустить гурков со мной, он получит именно то, что хочет, — с блеском обставленную миссию. Ведь меня будет сопровождать личная охрана самого императора. Кроме того, я смогу не беспокоиться о личной безопасности...»

Синд не понимала, что происходит.

Во-первых, Стэн пригласил ее на обед. А потом сказал что-то непонятное про оружие, которое должно быть малозаметным, но соответствовать цвету платья.

Она решила позвонить Килгуру, потому что чувствовала, что он на «ее» стороне. Возможно. Впрочем, она и сама толком не знала, где находится «ее» сторона.

Естественно, толку от огромного шотландца не было никакого.

— Мистер Килгур, помните наш разговор, который произошел некоторое время назад, — начала Синд, — когда вы сказали, что я слишком молода и красива, чтобы играть в шпионов?

Алекс честно пытался вспомнить разговор, о котором говорила Синд. Промелькнуло что-то неясное...

— Помню.

— Стэн сегодня вечером пригласил меня на обед. Мне почему-то кажется, что это мероприятие... только наполовину профессиональное.

— Неплохое начало, малышка. Наш приятель не может заниматься ничем, что хоть каким-нибудь боком не было бы связано с его работой. Бедняга! Боюсь, такая жизнь сведет его в могилу раньше времени.

— Куда мы идем?

— Тебя интересует моральный, исторический или коллективный аспект?

— Меня интересует, куда Стэн собирается пригласить меня на обед. И как я должна одеться.

— А... Я тебя неправильно понял. Там вполне безопасно, можешь надеть что-нибудь роскошное.

— А больше вы мне ничего не скажете?

— Естественно, нет, Синд. Думаю, это будет самый обычный обед — честно. С тех пор как я видел тебя в последний раз, ты заметно повзрослела. Знаешь, если бы ты не была такой молоденькой и вы со Стэном не были бы друг в друга влюблены, я бы отвез тебя к себе и представил своей мамочке. Так зачем я буду рассказывать, что происходит, когда ты и сама все прекрасно понимаешь?

Не дожидаясь ответа, Килгур отключился.

«Проклятые мужики!» — подумала Синд.

Проклятые... и тут она сообразила, о чем только что сказал Килгур. Любовь? Стэн, прошу обратить внимание, — Стэн? Конечно, она, по всей вероятности, влюблена в него, если считать любовью то, что не дает заснуть по ночам, заставляет строить воздушные замки, а потом жить в них и вести себя так, словно ты приняла хорошую дозу наркотиков.

Но...

Но Стэн?

Проклятые мужики!.. Синд решила, что такой образ мышления гораздо надежнее и безопаснее всех остальных.

По крайней мере, теперь она знала, как одеться.

Платье Синд навевало чувственные мысли — простое, без воротника, с очень глубоким вырезом, облегающее. Небольшой волан у колен, никаких пуговиц, молний или других приспособлений, чтобы платье не падало, а держалось там, где ему полагается. Самый обычный тонкий пояс. Простое, отлично пошитое платье стоило Синд почти четверть премии, которую она получила за одну из последних успешно проведенных операций.

Кроме того, платье было сшито из совершенно необычной ткани. Спецотряд богомоллов — высшая элита имперской службы безо-

пасности — носил форму из специальных камуфляжных тканей: благодаря фототропическому эффекту одежда оперативника становилась того же цвета, что и окружающая среда. Какой-то гражданский тип купил права на изготовление и продажу таких тканей, а потом немного их модифицировал. Они оставались фототропическими — но отражали цвет с пятиминутной задержкой. Миниатюрное приспособление для запоминания цвета и таймер находились в поясе. Кроме того, платье было снабжено специальной прокладкой, компьютерная программа которой следила за сочетанием цветов. А еще в поясе имелись сенсоры, реагирующие на освещение в помещении. Весь этот сложный механизм был устроен таким образом, чтобы держать зрителей в напряжении. Время от времени на короткие доли секунды платье позволяло — по желанию своей хозяйки, естественно, — увидеть все, что под ним укрыто. Программа была рассчитана на то, чтобы учесть присущую особям женского пола скромность, в случае же Синд — еще и желание скрыть нож и мини-виллиган, спрятанные за поясом.

Встретившая Стэна Синд была смертельно опасна — во многих отношениях.

А животное по имени мужчина для разнообразия ничего не испортило — Стэн не только обратил внимание на платье Синд и сделал ей ряд комплиментов, но еще и задал несколько очень разумных вопросов про то, как устроен сногшибательный наряд. Точно его это и в самом деле интересовало.

Более того, он подарил Синд цветок.

Ну, не то чтобы это можно было назвать цветком... Многие века назад на Земле жил человек, который выращивал орхидеи. Потом его по какой-то давно забытой причине изгнали из родных ему тропиков, и тогда он создал новое растение — много крошечных цветочков на одном стебле (он скрестил орхидею с местным растением — переменчивым, словно хамелеон, и обладающим высокой способностью к адаптации). В результате получился живой букет, что-то вроде ожерелья, всегда соответствующего по цвету платью, на которое оно надевалось.

Синд скромно поцеловала Стэна в знак благодарности. А когда отодвинулась от него, словно бы невзначай, нежно провела пальчиком по шее своего командира.

Ей не хотелось, чтобы он думал, что она совсем уж неопытна в любовных делах...

Ресторан прятался в индустриальном тупике недалеко от Посольского проспекта. Стэн проехал мимо нужного поворота, и ему пришлось вернуться на взятом напрокат гравитолете — он вежливо, но твердо отказался от предложенного ему роскошного официального чудовища. Здание располагалось в стороне от всех остальных, пря-

талось в ночном мраке, так что и разглядеть его было практически невозможно. Но как только гравитолет приземлился, вспыхнули яркие огни.

Синд даже сморщилась от их ослепительного сияния. У нее сложилось впечатление, что эти огни предназначены не для того, чтобы освещать путникам дорогу, а для того, чтобы те, кто находился внутри, могли как следует разглядеть новых гостей.

На стене довольно криво висела вывеска:

ЗАПАДНАЯ СТОЛОВАЯ НОМЕР ПЯТЬ

— Не скажу, что очень экзотическое название,— заметила Синд.

— Тут все не так просто,— ухмыльнулся Стэн.— Представь себе, что это заведение родилось давным-давно на древней Земле, еще до возникновения империи. На окраине города, который назывался Лэнгли. Говорят, туда ходили только клиенты определенного сорта. Так вот, за многие прошедшие века ничего не изменилось.

— Ну, хорошо, предположим. А кто ходит в это заведение? — Она быстро подняла руку, чтобы Стэн не успел ответить.— Не говори. Только намеки.

— Ладно. Возьми первые буквы слов и получишь ЗСНП.

— Как ты сказал? ЗСНП? — повторила Синд.

Ах да, она же слышала древнюю формулировку «Закончить с наибольшими предосторожностями». Ее употребляли старые оперативники службы безопасности. Официально санкционированное убийство.

Внутри ресторана их ждали мягкие, уютные кожаные кресла, приглушенные разговоры и отличное обслуживание.

Хотя метрдотель оказался самым настоящим страшилищем. У него была только половина лица, а другую заменяла пластиковая маска. «Интересно,— подумала Синд,— сколько времени он пробыл без медицинской помощи? В наше время реконструктивная хирургия достигла небывалых высот, так что встретить человека с таким страшным лицом можно нечасто». Несколько секунд он не замечал Синд и Стэна, потому что руководил двумя рабочими, которые заделывали большую дыру в стене. Затем приветствовал посетителей так, будто видел впервые.

— Чем могу быть полезен, сэр?

— Она в порядке, Дилэни.

Дилэни ухмыльнулся остатками изуродованного лица.

— Это точно. У меня наверху установлен сканер. Ваша приятельница в баре. Я позову ее.

— Ты уже бывал здесь? — прошептала Синд, когда Дилэни вел их по роскошно убранному залу.

— Нет. Мы с Дилэни давнишние знакомые.

Оказалось, что у Дилэни прекрасный слух. Он остановился.

— Капитан однажды снял меня с горы. Очень большая была гора. А времена были тяжелыми. Я тогда совсем не преуспевал. — Он коснулся того места, где раньше было его лицо.

— А у меня выбора не было, — ответил ему Стэн. — Ты мне должен кругленькую сумму. — Смутившись, он перевел разговор на другое: — Что произошло со стеной?

— Когда-нибудь работал с октоподом по кличке Квебек Девять Три Майк? Сама себя она называет Безумная Дейзи. Довольно симпатичная, если тебе нравятся цефалоподы.

Стэн подумал немного, затем покачал головой.

— Она вышла в отставку в звании ОС, команда «Богомол — триста шестьдесят пять», — сообщил Дилэни. — Ну, те... НГС — тысяча триста из центрального отделения.

— Это было, наверное, до меня. Подожди-ка минутку... Кажется, именно парни из триста шестьдесят пятого сперли спортивный стадион?

— Точно, они.

— Тогда я их знаю. Но твою Дейзи не встречал. Мне казалось, она в каком-то черном списке?

— С кем-то спутал, — пожал плечами Дилэни.

— Извини, продолжай, я не собирался тебя прерывать.

— Ну, так вот, она зашла к нам сегодня. Отметить что-то. Все время вылезала из своей лохани и скакала по бару. Начала безобразничать. Поливала все вокруг дженеввером с сухим льдом. Короче говоря, эта типоза купила себе новую игрушку — реактивное оружие, которое она называла «гусиный пистолет». Ну и решила его продемонстрировать. Может быть, мне следовало ей что-нибудь сказать по этому поводу, но... Показала, как оружие заряжается — она его модернизировала по своему собственному проекту, — и объявила, что готова побиться об заклад, будто пробьет в стене дыру, через которую можно будет выбросить наружу человека. Один парень, отставник из корпуса «Меркурий», — ему бы следовало помалкивать — заметил: «Дерьмо это!» Тогда Дейзи проделала дыру в стене и начала засовывать в нее этого типа. Он оказался прав: дыра была недостаточно большой. Но Дейзи никак не хотела с этим смириться. Мне пришлось не меньше трех раз сказать ей, чтобы она завязывала со своими безобразиями и отправлялась домой.

Синд изо всех сил старалась не хихикать. Дилэни отвел их в небольшую кабинку и предложил устраиваться поудобнее.

— Что будете пить, скипер? Виски или сегодня вы настроились на стрегг?

Стэн решил проявить благоразумие.

— Виски, еще слишком рано для стретга.
— Вы подаете «Черный бархат»? — спросила Синд.
— Мы подаем все. А если вы не пьете, то вам могут принести иглу, баллончик с газом — что пожелаете. Я скажу Арете — она предпочитает, чтобы ее называли именно так, — чтобы подошла к вам.

Дилэни ушел.

— В этом баре встречаются оперативники? — спросила Синд. — Я угадала?

— Да.

Все категории людей имеют свои места для встреч, от политиков до педерастов. И у каждой категории свои требования. Западная столовая была почти идеальным местом для встреч оперативников. Расположенная в столице, она совсем не бросалась в глаза. Обслуживала действующих или вышедших в отставку клиентов и была готова угодить любому, даже самому экзотическому вкусу — ведь эти самые клиенты побывали в сотнях и тысячах миров. Весь обслуживающий персонал имел какое-то отношение к разведке, начиная от метрдотеля Дилэни и кончая барменом, который был сыном недавно скончавшегося контрразведчика (он ждал начала занятий в каком-то престижном университете); даже вышибалы в прошлом зарабатывали себе на жизнь, выполняя заказные убийства.

В столовой не было подслушивающей аппаратуры; все здание регулярно самым тщательным образом осматривалось. Сюда допускали лишь тех журналистов, которые умели держать язык за зубами.

Столовая, как и дюжины других подобных заведений, давала своим клиентам возможность не только расслабиться и отдохнуть, но и получить необходимую информацию, которую не пожелало сообщить злополучному оперативнику его начальство. Именно поэтому Стэн и попросил Алекса заказать ему столик здесь. Уж слишком вечный император был щедр, поручая Стэну эту странную миссию.

Арета проскользнула в кабинку и устроилась на маленьком диванчике, элегантно подобрав под себя копыта. Она вполне могла бы быть шестиногим травоядным, учитывая загнутые назад, острые, как иглы, рога, мохнатую шкуру в бело-коричневую полоску и копыта на передней и задней парах ног. Однако когда она подняла голову и изобразила нечто напоминающее улыбку, острые белые зубы навели Стэна совсем на другие мысли. Арета заказала минеральную воду — Стэн и Синд моментально отставили свои бокалы в сторону — и порцию сырого мяса. Стэн выбрал зажаренного на углях земного лосося, сравнительно редкое блюдо, с маслом и укропным соусом. Синд тоже заказала лосося. Сырого.

Арета лаконично ввела их в курс дела — как это умели делать только оперативники из спецотряда богомоллов. Стэн был благодарен Арете за то, что после короткого приветствия она общалась с ними че-

рез переводчик-синтезатор. Даже в тех случаях, когда твой собеседник говорит на хорошо известном тебе языке, его не так-то легко понять, если вместо рта у него двойная диафрагма, предназначенная скорее для произнесения свистящих и шипящих звуков.

Арета хорошо знала Стэна, и ей была известна его репутация, поэтому она сразу согласилась встретиться с ним. Видимо, женщина тоже должна присутствовать при разговоре. Так вот: она поможет Стэну наилучшим образом, если покрепче лягнет его по гениталиям, чтобы тот был вынужден отказаться принять назначение императора.

Три года назад Арета служила в качестве военного атташе в посольстве на Джохи, сказала она. И до сих пор не может прийти в себя. Стэн прикинул, что у Ареты наверняка чин майора.

— Кошмар,— продолжала она,— самый натуральный кошмар. Сначала я хочу рассказать вам о людях, мой дорогой будущий посол. Ужасно. Ужасно. Ужасно. Бывшие шахтеры, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Делали все, чтобы не дать возможности навести порядок, а потом принялись скулить, как недорезанные шенки, когда добывать на рудниках стало нечего. С точки зрения общей культуры у торков достаточно воображения, чтобы желать всевозможных благ, но явно не хватает мозгов, чтобы их добиться. Они будут с пеной у рта доказывать, что никому не по силам овладеть этими воображаемыми сокровищами. Потому что скопление Алтай можно считать сокровищницей только в том случае, если вы собираетесь экспортировать оттуда ненависть и нетерпимость.

Или взять, к примеру, джохианцев. Раньше они называли себя Искателями Приключений. Сам вечный император дал им официальное разрешение грабить... да будет он править до конца времен.

— Мне об этом известно,— сказал Стэн, который решил не говорить Арете о том, что получил эту информацию от императора.

— Искатели Приключений раньше были пиратами. Потом их культура претерпела изменения, началась анархия, и возникли отдельные миры-города, а потом появился Хакан. Первый. Всего их было два. Хакан тоже был лжецом, вором и любителем наносить удары в спину. Просто дело заключалось в том, что он умел это делать быстрее и лучше любого другого джохианца. Таким образом он поднялся на самую вершину. Как щуки в пруду, которые поедают друг друга. Хакан то ли умер своей смертью, то ли его убил сын, нынешний Хакан, который наделен всеми талантами папаши, но вдобавок обожает возводить себе монументы, теряя при этом остатки здравого смысла, в результате чего положение на Алтае стало ухудшаться. И все время, пока я там находилась, империя и пальцем не пошевелила, чтобы хоть как-то изменить ситуацию. Вероятно, императора занимали более серьезные проблемы. Несомненно, он и понятия не имел, насколько тяжелым стало положение на Алтае. К несчастью, наш возлюбленный император назначил туда посла, чьи таланты...

здесь я позволю себе говорить о нем только хорошее, но за два земных года внимательного наблюдения я пришла к выводу, что главным и единственным талантом посла Налласа был его аппетит.

— А что вы можете сказать о других существах, живущих в этом созвездии?

— Тучи милосердные, они ничем не отличаются от живущих там людей. Ну, во-первых, богази. Вы когда-нибудь видели фильмы о планете Земля?

— Я там был.

— Конечно. Извините, забыла. Представьте себе цыплят.

— Что? — удивленно переспросил Стэн.

— Злобных цыплят.

Стэн фыркнул, едва не обрызгав Синд своим виски.

— Я даже и не начинала шутить. Похожи на птиц. Большие. Ростом в два с половиной метра. Двунogie. С клювами, напоминающими молот. Клювы усеяны зубами. Две руки — с пальцами, которые вполне могут держать оружие или душить. Втягивающиеся шпоры. Только вот темперамент у них совсем не цыплячий. В тех случаях, когда богази попадают в тяжелую ситуацию и ими овладевает паника, они начинают метаться взад и вперед, размахивая всем этим данным им природой оружием. Судя по всему, богази произошли от морских птиц. Однако, насколько я поняла, у них, как и у земных цыплят, очень вкусные ножки. К сожалению, мне не представилось возможности в этом убедиться. Они живут группами, как хищники из семейства кошачьих, — один самец и пять или шесть самок. Такая группа называется — имейте в виду, я ничего не придумываю — курятник.

Яйца они не откладывают — богази рождаются живыми. Сумчатые самцы меньше размером и слабее, отличаются яркой пестрой окраской. Самки охотятся, поэтому имеют защитную окраску — не фототропическую, как ваша молчаливая помощница, но почти столь же эффективную. Богази очень демократичны. Вы бы только послушали их дискуссии, которые длятся бесконечно, пока они не придут к какому-нибудь решению. Птичий базар. Вам они понравятся.

В данный момент Стэну страшно нравились описания Ареты.

— Стэн рассказывал мне о них, — заявила Синд, наполовину расправившись со своим лососем. — А как насчет суздалей?

— Вы, наверное, сможете — во всяком случае, я сумела — к ним привыкнуть. Представьте себе древних млекопитающих. Стая хищников. Маленькие. От полутора до двух метров. Шесть существ в одной группе. Симпатичные, золотистого цвета.

— А какие с ними могут возникнуть проблемы?

— Если бы я верила в расовую память — а я в нее не верю — или если бы на моей родной планете были ископаемые мелкие существа, собирающиеся в стаи и питающиеся падалью — чего тоже не было, — я могла бы предложить вам это в качестве объяснения. Возмож-

но, все дело в языке — непрекращающийся лай. И уж конечно же, любовь к насилию. Суздали обожают убивать. Любимое развлечение — выпустить какое-нибудь животное на свободу, а потом охотиться на него всей стаей. Похоже, они не слишком далеко ушли от своих предков.

Как бы там ни было, суздали прекрасно соответствуют образу жизни в скоплении Алтай, где все существа ненавидят друг друга с таких незапамятных времен, что уже давно забыли, в чем причина ненависти. Однако это не останавливает их, и при каждой возможности они учиняют небольшой геноцид.

— Замечательно.— Следующий вопрос Стэн постарался сформулировать очень тщательно.— До меня дошли слухи, что имперские корабли с топливом... уходят на сторону.

— Вы хотите сказать, что кто-то ворует АМ-два,— спокойно уточнила Арета.— Так оно и есть. Этим занимается сам Хакан.

— Куда же он их направляет?

— Тут у меня нет точной информации. Я пыталась узнать, но наш посол начал всячески мне мешать. Часть АМ-два идет приспешникам Хакана внутри созвездия. Другая часть перепродается в другие созвездия, а доходы идут на строительство памятников. А еще какая-то часть просто исчезает.

Арета закончила свой обед и сделала последний глоток минеральной воды.

— Без сомнения, вам говорили, что Хакан обожает большие разукрашенные строения. Но пока не увидите все своими глазами...

— Благодарю вас, Арета. Мне кажется — это должно остаться между нами,— что наиболее естественным способом наведения порядка в скоплении Алтай будет разделение всех четырех рас, его населяющих, по четырем секторам. По крайней мере, нужно держать их подальше друг от друга, чтобы они не могли перебить соседей.

Арета издала звук, похожий на смех.

— Значит, вам не сказали?

— Похоже, мне ничего не сказали,— заметил Стэн.

— Много, много лет назад Хакан решил разобраться с этой проблемой. Поэтому он взял и перемешал все эти существа.

— Что?

— Он устраивал произвольные переселения. Например, суздали, восставшие против него, после подавления восстания выселялись с тех территорий, что они занимали. При этом очень часто их новый дом оказывался в самом центре богази.

— Вот дерьмо! — возмутился Стэн и налил себе неразбавленного виски, потом предложил Синд, но она покачала головой.

— Заметьте,— продолжала Арета,— Хакан сформировал отряды милиции. В каждой группе населения.

— Вполне разумно,— сказала Синд.

— Конечно. А если использовать такие отряды против традиционных, исторических врагов, злоба и недовольство оказываются направленными в противоположную от Хакана сторону. Кроме того, эти отряды, размещенные на расстоянии многих световых лет от своих родных миров, являются не только потенциальными заложниками, но еще и вынуждают свои родные миры сидеть тихо и вести себя скромно — в такой ситуации они и не подумают устроить революцию или гражданскую войну.

Снизу послышался грохот, похожий на выстрелы, потом раздался веселый смех. Арета с тоской посмотрела на дверь.

Стэн улыбнулся.

— Спасибо, майор. Теперь я ваш должник. Попросите, пожалуйста, Дилэни принести счет.

— Вы позволите мне угостить вас чем-нибудь в баре внизу?

— Увы.— Стэн покачал головой.— Мне нужно рано встать, а... джентльмен, с которым я должен встретиться, вряд ли будет доволен, если его любимый посланник будет себя плохо чувствовать с перепоя.

С чувством облегчения Арета выскочила за дверь и помчалась вниз по лестнице. Через минуту Стэн и Синд слышали оглушительный грохот.

— Надеюсь, тут есть черный ход,— сказала Синд.

— Конечно есть,— ответил Стэн.— Ты когда-нибудь слышала, чтобы в подобном заведении не было черного хода?

Пальцы Стэна нежно ласкали шею Синд, опускаясь все ниже к вырезу платья. Синд глубоко вздохнула...

Их взятый напрокат гравитолет управлялся автопилотом и летел со скоростью примерно пятьдесят километров в час на высоте около шести тысяч метров, в стороне от напряженных транспортных магистралей. Стэн успел включить все управляющие приборы и сенсоры, прежде чем они, обнявшись, упали на широкое заднее сиденье.

Потом Стэн нащупал пряжку пояса и безуспешно попытался растягнуть ее.

— Я чувствую себя мальчишкой,— сказал он.

— Так и должно быть,— пробормотала Синд.— Сначала ты рассказываешь мне про великолепную имперскую постель, а потом заваливаешь на заднее сиденье взятой напрокат старой развалины. Вот будет здорово, если нас засекут полицейские. Представляю себе заголовки,— прошептала она прямо ему в ухо.— «Знаменитый полномочный посол императора пойман с голой телохранительницей».

— Но ты не...

Неожиданно его пальцы справились с трудной задачей.

— А вот и да,— тихо сказала Синд, и ее платье соскользнуло, обнажив маленькую, упругую грудь.

Их губы слились в долгом поцелуе, словно они уже много лет были любовниками, а потом Стэн почувствовал тепло тела Синд и провалился в вечность.

Глава 6

В кабинете императора царило мрачное настроение. Никаких алкогольных напитков. Стэн чувствовал себя отвратительно, когда инструктаж относительно его миссии подходил к концу.

— Кодирование... действия в экстремальных ситуациях... мы подготовили все материалы. «Победа» может взлететь через три земных дня после того, как закончится погрузка всего необходимого.

Стэн положил две дискеты с программами на стол императора. Они были закодированы так, что к ним имели доступ только доверенные лица властителя. Вечный император не обратил на них ни малейшего внимания.

— У меня складывается впечатление,— сказал он,— что ты прекрасно справился с задачей подбора персонала для этой миссии. Твой давнишний заместитель — обитатель мира с повышенной гравитацией. Бхоры. Их командир. Очень фотогенична. И отличный способ избежать... связи с нежелательными иностранными элементами.

Тот, кто встречался с императором перед Стэном, похоже, сумел его как следует разозлить. Однако Стэн привык к демонстрациям дурного нрава своих начальников и не обращал на это внимания.

— Да, сир, вопрос — тоже касательно персонала.

— Что еще ты хочешь?

— Капитана для «Победы». Мне кажется, вы устроили все таким образом, что у меня на Джохи совсем не будет свободного времени.

— Имеешь кого-нибудь на примете?

— Адмирал флота Роберт Масон. Он как раз сейчас на Прайме, ждет нового назначения.

Сначала эта идея показалась Стэну забавной, не более. Но чем больше он думал, тем больше находил в ней плюсов. Масон всегда был тираном, но моральный дух команды «Победы» не особенно волновал Стэна. А вот остаться в живых — дело серьезное. Стэн прекрасно знал, что, хотя Масон и являлся прирожденным солдафоном, ему вряд ли удастся найти лучшего капитана. Кроме того, он не сомневался, что Масон будет беспрекословно выполнять приказы. Ему было немного интересно, как Масон отнесется к тому, что придется служить под началом человека, которого он терпеть не может. Вполне вероятно, просто не обратит на это ни малейшего внимания —

Масон испытывал такие чувства практически ко всем мыслящим существам. Сам Стэн, еще будучи дэлинком, а потом солдатом, усвоил, что совсем не обязательно водить дружбу с теми, с кем идешь на задание.

— Ммм. Хорошо. У тебя появилась новая манера — ты стараешься заполучить самых лучших из моих людей.

Значит, император слышал о гурках, которые хотят присоединиться к отряду Стэна.

— Да, сир. В связи с этим возникает еще один вопрос. В миссии вызвались участвовать двадцать семь ваших гурков.

— И что ты им сказал?

— Я сказал, что, если это соответствует вашим желаниям, я при- му их с удовольствием. Мне показалось, они уверены в вашей под- держке.

Император развернул свое кресло и стал смотреть в окно. Потом он что-то произнес, но Стэн не понял, что именно.

— Простите, сэр, я не расслышал, что вы сказали.

— Ничего.

Властитель снова повернулся к Стэну. Он улыбался. Даже хихик- нул разок.

— Взяв с собой непальцев, ты, конечно же, покажешь жителям Алтая, что к твоей миссии относятся серьезно — а ты сам возвращаешь- ся в высших кругах, не так ли?

Стэн молчал.

— Забирай, — разрешил вечный император. — Им это будет толь- ко полезно. Возможно, нам вообще необходимо создать программу, по которой гурки время от времени должны будут выполнять опера- тивные задания. Таким образом они приобретут необходимый опыт — и не будут скучать.

— Да, сир.

— Я считаю, — сказал император, — что ты великолепно провел подготовительную кампанию — ты и твой отряд способны успешно выполнить мое задание. Желаю тебе успеха... и удачи.

Он поднялся и протянул руку. Стэн пожал ее, потом встал по стой- ке «смирно» и отдал честь — хотя и был в гражданском. Затем повер- нулся и направился к выходу.

«Император не предложил мне выпить стаканчик на дорогу», — подумал он отстраненно. Однако его гораздо больше занимали сло- ва, которые, как ему показалось, произнес император, когда отвер- нулся к окну: «Значит, все меняется...»

Властитель удерживал на лице официальную улыбку, пока за Стэ- ном не закрылись двери. Прежде чем он снова сел в кресло и вызвал следующего посетителя, прошло довольно много времени — импе- ратор просто стоял и задумчиво смотрел на дверь.

Стэн задержался в административном офисе замка Арундель для того, чтобы получить приказ на перевод Масона на «Победу» и сообщить гуркам, что император удовлетворил их просьбу и что им следует собрать вещи и прибыть на корабль на следующий день.

После этого он направился к своему гравитолету в самом паршивом настроении. Проклятье. Следовало сказать Лалбахадуре Тапи, чтобы он забрался на какую-нибудь непальскую гору и сидел бы там до тех пор, пока не отморозит себе задницу, и чтобы не забыл прихватить с собой приятелей.

Да еще кто-то за ним шпионит! Выходит, известно, что они с Синд спят вместе. Не то чтобы они особенно стремились сохранить свои отношения в секрете, но Стэну все равно не нравилось, что вечный император уже в курсе его личных дел.

Впрочем, Стэн знал, что императору удалось продержаться так долго только благодаря тому, что у него самая лучшая служба безопасности. Все служащие дворца прошли курс изучения законов шпионажа, а большинство являлись отставными разведчиками. Пожалуй, вполне разумно со стороны императора собрать сведения на предмет состояния душевных и любовных дел своего полномочного посла.

Но Стэну это все равно не нравилось.

Рядом с его гравитолетом стоял другой, точно такой же. Странно... Гравитолет Стэна был изящным, удлиненным, ослепительно белым и роскошным. Не вызывало сомнения, что он принадлежит официальному лицу, — водитель и охранник, один из бхоров Синд, посольские флажки, фототропическая прозрачная крыша. Таких на Прайме не много. На дверях дипломатической яхты Стэна эмблема императорской власти.

Гравитолет, стоявший рядом с гравитолетом Стэна, отличался только отсутствием посольских флажков.

Дверь открылась, и из машины вылез Ян Махони.

Раньше Махони возглавлял корпус «Меркурий», был командиром спецотряда богомоллов, человеком, который вытащил Стэна с жутких заводов Вулкана и взял на имперскую службу. Затем он стал маршалом, главнокомандующим во время последнего сражения с таанцами. Когда императора убили, Махони пытался уничтожить его убийц — Тайный совет.

По возвращении императора Махони получил задание, очень похожее на задание Стэна: ему надлежало от имени императора гасить возникающие конфликты.

Задача по наведению порядка в разоренной империи была необъятной. Поэтому Стэн и Махони виделись за прошедшие годы только дважды, но даже и в эти короткие моменты не могли как следует поговорить.

Махони насмешливо посмотрел на плечи Стэна.

— Не могу разобраться с твоими эполетами. На этот раз у тебя чин выше или ты должен поцеловать мое кольцо?

Стэн рассмеялся. На душе вдруг стало хорошо. На свете существовало совсем немного людей, с которыми он чувствовал себя совершенно свободно, не говоря уже о том, что он относился к Махони как к своему учителю, хотя за долгие годы знакомства они не раз спасали друг другу жизнь.

— Черт подери, — отозвался Стэн. — Я и понятия не имею, за какой чин мне сейчас платят деньги. Давайте остановимся на том, что я буду называть вас «сэр». Мы успеем чего-нибудь выпить?

Махони покачал головой.

— К сожалению, меня зовет дорога долга, и это совсем не легкий путь. Очень скоро мне придется выступить с очередной, еще более бессмысленной речью перед парламентом. Несмотря на мою любовь топтаться на подиуме, рыгать стретгом и проклинать несуществующие души политиков, я думаю, что босс, — Махони указал большим пальцем на апартаменты императора, — захочет со мной встретиться.

— Проклятье, — проворчал Стэн. — Вы и я сражались на войне для того, чтобы покончить с войнами и заговорами, а они до сих пор не дают нам возможности немножко посекретничать.

Махони наморщил лоб, явно о чем-то размышляя.

— Почему бы не скоротать пару минут перед моей речью? У нас появится возможность поговорить, да и прогуляться нам обоим совсем не повредит. Политическая ересь подождет — если у тебя, конечно, есть время.

— У меня есть время.

— Кажется, где-то здесь, — заметил Махони, — находилась мастерская императора? Он делал какие-то музыкальные инструменты...

— Гитары, — подсказал Стэн.

— Интересно, почему они так и не отстроили мастерскую после... его возвращения? — спросил Махони.

Стэн пожал плечами. Ему очень хотелось немного выпустить пар, но Махони упорно переводил разговор на всякую ерунду.

— Мы с тобой побывали в переделках, не так ли? — Тут небрежный тон Махони резко изменился. — Проклятье, ты чертовски долго включаешься, мой мальчик! Продолжай улыбаться. Мы только сейчас оказались вне досягаемости параболических микрофонов, но тут стоят скрытые камеры, при помощи которых наш разговор могут прочитать по губам.

Стэн быстро исправил свою промашку. Он снова стал профессионалом.

— А откуда вы знаете, что сейчас за нами никто не следит?

— У меня есть экземпляр всех секретных планов — и изменений к ним — замка Арундель. Одна из женщин, работающих в техническом отделе, кое-что мне должна.

— Что происходит?

— Черт побери, Стэн, как бы я хотел дать тебе прямой ответ. Или чтобы у нас было больше двух минут до того момента, когда мы снова попадем в поле действия микрофонов. Потому что я и сам не до конца уверен. Хотя некоторые вещи... Здесь что-то не то. Насколько мне известно, с тех самых пор, как он вернулся. — Махони крикнул. — А может быть, я просто постепенно превращаюсь в старого, выжившего из ума параноика. Но вина, с моей точки зрения, лежит на императоре.

Стэн почувствовал, как его охватывает облегчение. Вот оно — кто-то еще подтвердил его подозрения.

— Если я попытаюсь рассказать тебе подробности, ты наверняка подумаешь, что я тронулся, — продолжал Махони. — Потому что... все это мелочи. Мелочи, которые ведут к очень серьезным проблемам.

— Например, новые ребята в сером, — предположил Стэн. — Внутренняя безопасность.

— Это как раз не мелочь. Они не подчиняются ни «Меркурию», ни «Богомолам». Самое странное, что чем ближе они к императору, тем больше создается впечатление, что они его дети, будь они прокляты. Пора!

— Верно. Мы просто устали. Последнее время мысль о том, чтобы удалиться на покой и осесть окончательно на Мостике, кажется мне все более и более привлекательной, — тут же подхватил Стэн. — Пусть дела делаются сами, без меня.

— Я всегда говорил, что тебе не хватает тщеславия, — заметил Махони.

— И чем старше я становлюсь, тем это становится заметнее.

— Чисто, — перебил его Махони. — Ты много времени проводишь при дворе?

— Пожалуй, нет.

— Раньше это было место, где император собирал всяких мерзких типов или тупиц с деньгами. Награди их титулами, посели здесь, на Прайме, и они не смогут устроить какое-нибудь безобразие на своих мирах. Большинство из них продолжают оставаться расфуфыренными павлинами. Однако у меня складывается впечатление, что император проводит в их обществе все больше и больше времени. Кроме того, здесь начинают появляться люди, которые вовсе не являются пустоголовыми шеголями.

— Вы не заметили, что император стал особенно вспыльчивым последнее время? — спросил Стэн.

— Видишь ли, — ответил Махони и собрался было развести руки в стороны, но потом передумал, — подобное дерьмо — ну, идеи вроде того, что у нашего императора нервы стали ни к черту, — не знаю, мне кажется, это не очень важно. Может быть, он всегда был таким. Может быть, он слишком много сил отдает тому, чтобы собрать обломки империи воедино. Я... я, честное слово, не знаю, — повторил Махони.

— А вот и еще один вопрос, — настаивал Стэн. — Возможно, самый главный вопрос из всех: можно ли спасти нашу чертову империю? Или Таанская война и Тайный совет довели ее до такого состояния, что все усилия бесполезны?

— Осторожно... три, два, давай... Повторяю, Стэн, могу сказать тебе только одно — данных недостаточно.

Они продолжали шагать, обогнули искусственную гору, которую император построил исключительно ради того, чтобы не видеть, как придурки в парламенте занимаются пустословием. Наконец Махони объявил, что они вышли за пределы досягаемости подслушивающих устройств, и поинтересовался новым заданием Стэна.

— У нас есть целых десять минут, так что давай поподробнее.

Стэн так и сделал. Махони главным образом молчал, только время от времени фыркал или качал головой.

— Вот еще один пример того, в чем я пытаюсь разобраться, — вздохнул он. — Созвездие Алтай. Босс отлично понимает, что там происходит, только мне не ясно, почему он ничего не предпринимал так долго, отговариваясь тем, что у него были другие, более серьезные дела. А хуже всего то, что он приказал тебе туда отправиться и благословить от его имени Хакана. Он ведь мог, и это было бы куда разумнее, отправить тебя в тот регион, чтобы ты разобрался в ситуации, а потом принять решение, стоит ли ему поддерживать этого ворюгу или лучше послать небольшой отряд богомоллов, чтобы они перерезали ему глотку. Слушай, мне только что пришла в голову одна идея. Складывается впечатление, что наш император больше не обладает присущим ему раньше терпением и глубиной. А это очень серьезно.

— Проблема заключается в том, — проговорил Стэн немного грустно, — что, насколько я понимаю, вся власть сосредоточена в руках императора.

— Уверен, все так или иначе образуется, — загадочно проговорил Махони. — Ну, приближаемся к «жучкам». Давай поговорим о моих делах. Надеюсь, ты понимаешь, я выслушивал тебя не только потому, что меня занимают твои идиотские проблемы. Для подобных глупостей существуют священники.

Стэн рассмеялся — он почувствовал, что ему стало очень хорошо. Сейчас Махони демонстрировал ему на языке богомоллов свое

сочувствие: «Прости, приятель, я понимаю, что ты истекаешь кровью и вот-вот умрешь, но не мог бы ты сделать так, чтобы твоя кровь не была такой красной — терпеть не могу этот цвет».

— Во-первых, вот. — Рука Махони коснулась руки Стэна — старый друг передал ему небольшой пластиковый кружок. — Он реагирует на температуру тела. Держи его при себе. Если уронишь, он обуглится.

— Что это?

— Очень сложная компьютерная программа — на самом деле их три. Тебе нужно подобраться к терминалу какого-нибудь имперского компьютера, имеющего вход ВСЕ/ОБ. Первая уничтожит все имеющиеся сведения во всех имперских базах данных, включая богомолов и информацию, предназначенную только для глаз императора, про некоего Яна Махони. Вторая сделает то же самое для Стэна; третья — для твоего головореза Килгура. После завершения работы эта штука самоуничтожается.

— Ну и зачем она мне нужна? — Стэн был совершенно искренне изумлен.

Махони ничего ему не ответил.

— И еще вот что, слушай меня очень внимательно, поскольку я не собираюсь это повторять и хочу, чтобы информация накрепко застряла в твоем мозгу. Если начнется светопреставление, а ты поймешь, когда это произойдет, первым делом отправляйся домой. Там есть для тебя кое-что интересное.

— На Мос...

— Думай, черт тебя подери! — рявкнул Махони. Неожиданно он изменил тон. — И сказал: «Проклятье, надеюсь, в самой глубине ее души».

Махони рассмеялся, а Стэн, который прекрасно ориентировался в ситуациях, когда требовалось изобразить веселье, подхватил его смех.

— Отлично, Ян. Если уж мы перешли к старым анекдотам, расскажу вам один из тех, что любит Килгур, только я даже и пытаться не стану передавать его замечательный акцент.

Он начал рассказывать старую полузабытую шутку, даже не позволив себе бросить виноватый взгляд через плечо на замок Арундель... Стэн сосредоточился на анекдоте, непристойностях, шотландцах и прочей чепухе.

Несколько дней спустя Махони стоял в тени здания космопорта. В небе расцвело облако фиолетового пламени.

«Победа» легко поднималась на драйве Юкавы, пока не оказалась высоко над Праймом. Тогда капитан перешел на АМ-2, и неожиданно корабль погрузился в ночной мрак, сквозь который не пробивались никакие звуки.

Махони еще долго стоял, глядя в пустоту.

«Удачи, приятель. Надеюсь, тебе повезет больше, чем мне. Боюсь, мое везение кончилось. Надеюсь, ты поймешь, что пришла пора искать другого властелина,— и узнаешь, кто должен им стать».

Глава 7

В комнате, где царила атмосфера заговора, собралось около двадцати существ. Разговоры — и запахи. Чуть сладковатый, мускусный запах суздалей. Мятно-рыбный — богази. И аммониевый аромат людей.

— Пахнет, как в уборной,— проворчал самец богази.

— Тише. Могут услышать,— предупредила его одна из жен. Она начала суетиться вокруг него, поправляя перышки в роскошном разноцветном хвосте. Этого богази звали Хоатцин. Он постучал своим, похожим на молоток, клювом по клюву супруги, давая ей понять, что он доволен.

— Людей я изучаю в книгах только,— сказал Хоатцин.— Несколько в школе я вижу. Но не близко.— Он махнул тонкой, однако достаточно ловкой рукой в сторону людей, собравшихся в комнате.— Это очень близко. Нравится. Не запах. Нравится изучать вблизи.

Хоатцин был учителем, как и большинство самцов его вида. Они растили и воспитывали молодежь. Их вотчиной были книги и гнездо. А жены охотились.

Хоатцин с гордостью посмотрел на главный стол. Именно там устроились лидеры всех групп, пытаясь договориться друг с другом. Главная жена Хоатцина, Диатри, сидела там. Она сейчас держала речь.

— Кругами идут наши переговоры. Круги точно большие яйца. Но пустота в этих яйцах. Можем всю ночь провести. Говорим и говорим. А цыпленок не проклюнется.— Она опустила клюв и посмотрела на тех, кто находился рядом с ней. Очень маленькие. Даже по стандартам богази Диатри была высокой: около трех метров.

Вожак суздалей оскалилась, и тусклый свет отразился от острых зубов.

— Итог подведен, как это принято у богази,— сказала Ютанг.

Комплимент в адрес бывшего врага был сделан ненамеренно. Просто Ютанг устала от обмена колкостями. Она, вероятно, удивилась бы, узнав, что ее объединяет с богази одно общее ощущение — отвращение к запаху человеческих тел. Тут они были едины.

Генерал вздохнул. Он не мог понять, как этим существам удалось уговорить его участвовать в столь дурацкой встрече. Если не считать, конечно, того, что торк Мениндер обладал потрясающим даром убеждения. Доу был напуган. То, что началось как сбор информации, переросло в самый настоящий заговор. Его раздражал такой пово-

рот событий. Будучи джохианским министром обороны, он мог потерять больше остальных.

— Что еще мне добавить? — Доу беспомощно пожал плечами. — Что условия невыносимы? Так это любому ясно. — Он нервно огляделся по сторонам. — То есть... кое-какие условия ужасны. С другой стороны...

— Неплохо сказано.

— Что? — не понял Доу.

«Похож на корову, — подумал Мениндер, — на корову с серебряными волосами».

— У нас не заседание штаба, генерал, — напомнил он. — Все собравшиеся здесь существа рискуют жизнью. Пора начинать серьезный разговор. Иначе риск себя не оправдывает. — Он обвел руками комнату. — Я уже говорил вам, здесь нет подслушивающих устройств. Собственными руками я обшарил каждый камень. Таким образом я обеспечил безопасное место встречи. Посреди самого неприметного поселения торков на Джохи. — Потом он начал по очереди показывать пальцем на остальных. — Ютанг рискнула своей шеей, войдя в контакт с богази. Что же до Диатри, она наверняка находится в главном списке неблагонадежных персон Хакана — поэтому она рисковала уже в тот момент, когда покидала свой район.

Торк устроился на стуле поудобнее.

— Взгляните правде в глаза, генерал, — продолжал Мениндер, — если он что-нибудь узнает, то мы все трупы. А теперь давайте займемся делом.

Доу начал обдумывать ситуацию, его консервативному уму военного требовалось время. Но вывод был очевидным — Мениндер прав.

— Внимательно наблюдая за Хаканом, — спокойно сказал Доу, — я пришел к мнению, что он безумен.

Никто не рассмеялся. Все существа в комнате понимали, какой шаг сделал Доу. Слова прозвучали так, словно они были произнесены в суде.

— Более того, я считаю, что он представляет опасность не только для себя, но и для всех обитателей скопления Алтай. — Генерал глубоко вздохнул.

Все. Дело сделано.

Комната взорвалась.

— Ясное дело, безумен, — заявила Ютанг. — Убил всех своих щенков, разве не так?

— Один потомок доставил неприятности, — сказала Диатри. — С восставшими он связался.

— Конечно. А как насчет остальных? Три дочери и сын. Он убил их всех.

— Боялся, что они не дождутся, пока он умрет, и захватят власть.— Ютанг была особенно возмущена этим грехом. Создали очень серьезно относились к своему потомству.

— В излишествах он живет,— сказала Диатри.— Еда, питье. Секс. Деньги. Власть. Слишком много этого он имеет. По всему Алтаю в гнездах холодно. Рынки пусты. Мы стоим в очередях. Часами. Что это за жизнь?

— Дерьмо, вот что! — рывкнула Ютанг.

— Что будем по этому поводу делать? — настаивал на своем Мениндер.

— Делать? А что нужно делать? — спросил Доу.

Мениндер расхохотался.

— Судя по тому, что происходит в этой комнате, мы все согласны в одном: существующий порядок необходимо изменить.

— Три вопроса мы решить должны,— сказала Диатри.— Первый: будем ли мы убивать? Второй: если убивать, как? Третий: когда его не будет, кто станет править? Я права, да?

С ней никто не спорил.

— Давайте начнем с конца,— проговорил Мениндер.— Поскольку я являюсь торком, мне уже надоело, что нас постоянно обходят из-за того, что мы в меньшинстве. Тот, кто займет место Хакана, должен будет разобраться с этим вопросом.

— Я согласна,— сказала Ютанг.

— Богази тоже,— вмешалась Диатри.

— А что, если попытаться найти доктора Искру? — предложил Мениндер.— Его уважают в нашем созвездии. Кроме того, у него репутация человека, способного посмотреть на проблему со всех сторон.

Искра принадлежал к джохианскому большинству, но был знаменитым профессором, вращающимся в имперских кругах. В данный момент он правил от лица императора одним из регионов, ранее принадлежавших таанцам.

Последовало долгое молчание — существа, собравшиеся в комнате, обдумывали предложение Мениндера.

— Не знаю,— сказала наконец Ютанг.— Сплошная дымовая завеса. Никакой сути. Я хочу сказать: что он на самом деле думает?

Все повернулись к генералу Доу, чтобы выяснить его мнение по поводу выдвинутой кандидатуры. Генерал сосредоточенно размышлял.

— Вы на самом деле считаете, что нам необходимо убить Хакана? — спросил он.

В комнате зашумели, но прежде, чем кто-нибудь смог ответить, дверь с грохотом распахнулась.

Собравшиеся в комнате попросились с жизнью — они увидели своего самого страшного врага. Хакан стоял в дверях, окруженный солдатами в золотой форме с оружием в руках.

— Предатели! — взревел Хакан. — Решили меня убить!

Он прошел вперед, его бескровное лицо превратилось в маску смерти, а костлявый палец походил на копье, готовое пронзить сердца заговорщиков.

— Я поджарю вас живо! — взвыл Хакан и подошел к столу, полыхая яростью и ненавистью. — Но сначала я разорву вас на кусочки — и это будут очень мелкие кусочки. Потом я скормлю эти кусочки вашим детям. И вашим друзьям. После этого я поставлю их возле Стены Возмездия. Отведите их в мою...

Неожиданная тишина. Все смотрели на Хакана. Его рот был широко раскрыт, глаза вылезли из орбит. Лицо стало пунцовым. Даже солдаты не сводили с него глаз.

Хакан упал лицом на стол, затрепали мелкие косточки, а изо рта фонтаном брызнула кровь. Затем тело медленно сползло на пол.

Мениндер присел на корточки рядом с ним и положил руку на горло Хакана.

Поднялся. Снял очки. Протер их. Снова надел.

— Ну? — Как ни странно, этот вопрос задал капитан стражи.

— Он мертв, — объявил Мениндер.

— Благодарение Богу, — опуская оружие, сказал солдат. — Этот старый сукин сын давно спятил.

Глава 8

Полномочный посол и воительница спали на огромной кровати, обнявшись. Их переплетенные тела напоминали древнекитайскую головоломку — эротического характера. Пах посла был прикрыт фуражкой.

Сквозь толстые стены спальни доносились какие-то звуки. Где-то далеко, во внутренних помещениях «Победы», заработал насос, который начал нагнетать жидкость в гидропонические контейнеры.

Первой зашевелилась голова воительницы со светлыми локонами. Затрепали длинные ресницы. Воительница посмотрела на лицо спящего посла. Потом ее глаза опустились вниз, на фуражку, и в них загорелся озорной огонек. Она радостно улыбнулась.

Синд осторожно высвободилась. Вытащив свои изящные ноги из-под Стэна, она привстала на коленях на огромной постели вечно-го императора. Здесь, на гладких шелковистых поверхностях, могла бы разместиться целая дивизия любовников. Но для тех целей, которые имела в виду Синд, ей вовсе не требовались обширные территории.

Она осторожно сдвинула фуражку в сторону. Ее хрупкие пальцы потянулись к цели.

Стэну снился сон о Мостике. Он бродил по снежным полям, которые простирались от леса до самого его домика на берегу озера. По каким-то причинам он был одет в боевое снаряжение — сильно облегчающее. Еще более странно: снаряжение было надето прямо на голое тело. И не то чтобы ему было неудобно или что-нибудь в таком же роде. Просто непривычно.

Неожиданно он оказался внутри своего дома, лежал на полу у потрескивающего огня. Снаряжение исчезло. Однако он по-прежнему оставался обнаженным — и с ним происходило нечто совершенно замечательное. Потом он сообразил, что все еще спит. Ему снится сон. Ну, не совсем сон. Во всяком случае, по части отсутствия одежды. Или происходящих с ним замечательных вещей. Потом он услышал, как огонь затрещал громче.

— Посол, ваше присутствие необходимо на командном мостике! — строго проговорил огонь.

— Что? — с трудом прошептал Стэн.

— Посол! Вы меня слышите?

— Уходи прочь, огонь. Я занят.

— Посол Стэн. Говорит адмирал Масон. Будьте так любезны зайти к нам на мостик. Ваше присутствие здесь необходимо.

Замечательные вещи неожиданно перестали происходить. Стэн открыл глаза. Настроение у него резко испортилось. Он помрачнел еще больше, когда увидел округлые формы Синд и ее огорченное лицо. Губы девушки беззвучно проговорили:

— Извини.

Стэн положил ладонь на выключатель связи, который находился у самой постели.

— Ладно, Масон, — пробормотал он, безуспешно пытаясь заставить голос звучать нормально. — Сейчас приду.

Синд засмеялась. Стэн еще больше нахмурился. Проклятый Масон.

— Ты только отдай приказ, — ухмыльнулась Синд. — Мои ребята живо его пристрелят.

Только тут Стэн заметил, что ситуация получилась достаточно забавная, и рассмеялся.

— Может быть, сначала мне следует немного его помучить? Самое главное, я знаю, с чего начну. — Он соскользнул с кровати и начал одеваться.

— Мне заступать на вахту только через два часа, — поставила его в известность Синд. — Так что если вернешься сюда до того, как я залезу в душ... — Она многозначительно замолчала.

— Я потороплюсь, — обещал Стэн.

Два часа спустя он посмотрел на часы и с огорчением вспомнил о Синд. Потом снова повернулся к Масону.

— Может, мы сами забываем наши сенсоры? «Победа» — совсем новый корабль. Может, машины еще не успели приработаться, имеются какие-то утечки?

Шрам на лице Масона побагровел. Он самолично проверил все сканеры и сенсоры. У него не было никакого желания осрамиться перед этим сукиным сыном. Уж лучше есть дерьмо на обед!

— Со мной случилась подобная история, когда я летал на первом истребителе, — гладко соврал Стэн, прекрасно понимая, о чем думает сейчас Масон.

Однако он вовсе не собирался подкалывать адмирала. В конце концов, именно Масон был капитаном «Победы». Стэн просто хотел решить проблему.

— Истребитель был совсем новым, когда мистер Килгур и я получили его.

Стэн показал на своего друга, который в это время обсуждал что-то с одним из офицеров Масона. Их пальцы летали над панелью управления. Специальные термины жужжали в воздухе, словно пчелы.

— Видимо, конструкторы не учли побочного эффекта действия основных двигателей, — предположил Стэн. — Что привело к тому, что наши приемники были испорчены к чертям собачьим.

Шрам Масона приобрел свой обычный цвет.

— Недурная мысль. Попробую проверить.

Он отдал указания главному инженеру, мысленно выругав себя за то, что не догадался сделать этого раньше.

Несколько минут спустя стали известны результаты проверки.

— Ничего не получилось, — сообщил Масон. Он был слишком профессионален, чтобы радоваться неудаче Стэна. Адмирал прежде всего хотел справиться с возникшей проблемой. — Вы оказались правы по поводу утечки, но она настолько мала, что не оказывает решающего влияния.

Стэн кивнул. Он не особенно рассчитывал на успех. Потом бросил взгляд на Килгура и офицера связи.

— Я думаю, нам следует рассказать им, сэр, — сказал офицер Килгуру.

— Я сам не понимаю, что происходит, — заговорил Килгур. — Однако проблемы возникают только с передачей, а не с приемом.

— Если отбросить случайно отразившиеся старые радиосигналы, сэр, — обратился к Масону офицер связи, — на поверхности планеты не работает ни один радиопередатчик. Джохи сохраняет полнейшее молчание, сэр. Даже телевидение не ведет никаких передач. Я попробовал связаться с ними на всех мыслимых и немыслимых диапазонах, сэр. Предложения сэра Килгура тоже не принесли успеха.

Я дважды передавал, что на борту «Победы» находится личный посланник его величества. — Он кивнул Стэну. — И все равно молчат.

— А другие миры скопления? — спросил Масон.

— Ничего, сэр. Молчат, как и Джохи. Но самое странное...

— Ну, говори!

Офицер связи посмотрел на Килгура и облизнул губы. Килгур ободряюще кивнул.

— Как-то все очень противоестественно, сэр. Я уже сказал: передач никаких не ведется. Но наши сканеры указывают на какие-то непонятные проблески жизни. Словно все жители Джохи одновременно настроились на одну и ту же волну. Они слушают. Хотя никто ничего не передает.

— У этого молчания необъяснимое эхо, — пробормотал Алекс. — Как будто призрак моей прабабушки решил немного попугать детишек.

Масон бросил на Алекса уничтожающий взгляд, потом повернулся к своему офицеру связи.

— Продолжайте вести передачи, — приказал он.

— Есть, сэр.

Офицер связи включил микрофон.

— Вызывает военный корабль его императорского величества «Победа». Просим ответить все принимающие станции.

Отключился. Подождал. Сделал новую попытку.

— Вызывает военный корабль его...

Масон жестом пригласил Стэна следовать за ним, и они отошли в более тихий уголок капитанского мостика.

— Я не понимаю, что происходит, — сказал Масон. — Однажды я накрыл массивированным бомбовым ударом целую планету, но даже из-под окутанных дымом обломков какой-то бедняга сумел выйти на связь. Ненадежная связь — да. Полное молчание — никогда.

— С моей точки зрения, есть только один способ ответить на вопрос, — проговорил Стэн.

— Вы имеете в виду, что мы в любом случае должны приземлиться?

— Именно эта мысль и пришла мне в голову.

— Но ведь император хотел, чтобы мы устроили грандиозное представление. Почетный караул. Я в парадной белоснежной форме, вы во фраке, ликование толпы, когда вы с Хаканом будете приветствовать друг друга.

— Придумаем что-нибудь в этом духе попозже, — успокоил его Стэн. — Император беспокоится по поводу того, что происходит в этом регионе. По-моему, стоит забыть о грандиозном представлении и попытаться выяснить, что же тут все-таки случилось. — Он покачал головой. — Мне трудно представить себе, что он скажет, ес-

ли я вернусь и сообщу ему: «Извините, сир, я не выполнил ваше задание. Такое впечатление, что у всех жителей Джохы болезнь гор-тани».

— Хорошо, приземляюсь,— решил Масон.— Но я объявлю тревогу. Боевую готовность номер один.

— Моя судьба в ваших надежных руках, адмирал,— сказал Стэн.

Масон фыркнул и вернулся в центр связи, а Стэн потихоньку покинул капитанский мостик.

— Ну и призрак, Килгур,— сказал Стэн.

Он вытер пот со лба и поднял воротник, чтобы хоть чуть-чуть прикрыть шею от обжигающего джохианского солнца.

— А может быть, у нашего крошки призрака есть такая малюсенькая бомбочка,— предположил Алекс.

Стэн снова оглядел космопорт Рурика. Кроме членов команды «Победы», нигде не было видно ни единой живой души. Однако ему показалось, что он заметил чьи-то обуглившиеся останки в куче мусора рядом с большим кратером, возникшим после взрыва бомбы. Или это всего лишь обман зрения — здесь так жарко и такая кошмарная влажность... Весь космопорт усеян подобными ямами, и площадка для военных кораблей и другого транспорта.

Неожиданно воздух заволновался, и на землю опустился небольшой смерч, который увлек за собой часть валяющегося на земле мусора. У циклонов, больших и маленьких, довольно странные нравы. Вот и этот заинтересовался почему-то огромной ямой в самом центре взлетного поля и не успокоился, пока не облетел ее всю по периметру. Раньше на том месте стояла контрольная башня.

Еще несколько секунд — и циклона как не бывало.

— Теперь мы знаем, почему никто не выходит на связь,— сказал Стэн.— Они напуганы. Не хотят привлекать к себе внимание.

— Но при этом внимательно слушают,— заметил Алекс.

Стэн кивнул.

— Они ждут. Хотят выяснить, кто одержит победу.

Вспыхнула молния. Прогредел гром. Гурки схватились за свои мини-виллиганы.

Приближался кто-то — или что-то. Стэн разглядел какую-то маленькую фигурку... Вот она обогнула контрольную башню. Синд и ее разведчики? Нет. Они же отправились в противоположном направлении.

— Он один,— сообщил Килгур.

— Может быть, за ним следует целая банда,— сухо проговорил Стэн.

Маленькая фигурка начала медленно увеличиваться. Теперь Стэн уже видел приземистого, плотного, сильно вспотевшего человека.

С отвращением приглаживая свою пропитанную потом одежду, человек упорно шел вперед, устало размахивая белым платком.

— Пропустите его,— приказал Стэн гуркам.

Они расступились, и незнакомец, с облегчением вздохнув, остановился перед Стэном. Снял старомодные очки, подышал на стекла, протер их белым платком. Снова надел. Посмотрел на Стэна странно увеличенными карими глазами.

— Надеюсь, вы посол Стэн. И если так, прошу прощения за неподобающий прием.— Он огляделся по сторонам.— Фу, похоже, они действительно отнеслись к проблеме всерьез.— Незнакомец снова повернулся к Стэну.— Так вы на самом деле посол, да?

— Именно.— Стэн ждал.

— Ой, простите, пожалуйста. Вероятно, жара повлияла на мою старую торкскую голову. Меня зовут Мениндер. От лица торков здесь больше некому говорить.

Он вытер потную руку о белый платок и, смущенно улыбаясь, протянул ее Стэну.

Стэн пожал руку. Потом показал на развалины.

— Что здесь произошло?

Мениндер вздохнул.

— Мне не хотелось первым сообщать вам эту новость, но... Хакан мертв.

Стэну пришлось вспомнить о своих дипломатических трюках, чтобы скрыть изумление, появившееся у него на лице.

— Это еще что за чертовщина? — переспросил Килгур.— Кто же прикончил старого...

— Умер собственной смертью,— заверил Мениндер. Потер шею.— Я при этом присутствовал. Все видел. Это было просто ужасно. Мы собирались начать... обед, когда Хакан повалился на стол. Замертво. Раз, и все.— Он прищелкнул пальцами.

— Вскрытие производили? — холодно спросил Стэн.

— Господи, мы были вынуждены,— ответил Мениндер.— Никто не хотел... я хочу сказать, учитывая все обстоятельства, мы решили, что без этого не обойтись. Две разные группы врачей, независимо друг от друга, дали заключение. Мы самым тщательным образом их изучили. Чтобы не оставалось ни малейших сомнений.— Он снова потер шею.— Хакан умер собственной смертью.

— Когда состоятся похороны? — спросил Стэн.

Ситуация кардинально изменилась. Император будет очень недоволен.

— Ну... трудно сказать. Видите ли, мы договорились, что примем окончательное решение после доклада коронера. Но события начали разворачиваться так стремительно...— Мениндер указал на воронки от бомб.— Если вы понимаете, что я имею в виду.

Стэн понимал.

— Я не хочу ни на кого указывать пальцем, — продолжал Мениндер, — однако первыми начали джохианцы. Они пустились в споры о том, кто должен стать новым лидером. С нами они даже не стали советоваться. Хотя мы им прямо сказали, еще до того, как началась стрельба, что у нас есть мнение по этому вопросу.

— Естественно, — согласился Стэн.

— Так или иначе, когда джохианцам надоело спорить, они стали воевать друг с другом. Мы все поспрятались. Потом шальной снаряд разорвался в квартале, населенном торками. Это было... ужасно. На моей родной планете решили послать милицейский отряд.

— О? — удивился Стэн.

— Только чтобы защитить мой народ, не более. Мы не собирались ввязываться ни в какие конфликты с джохианцами.

— Ну и что из этого получилось?

— Да мало хорошего, — вздохнул Мениндер. — Я и не сомневался, что так будет. Было несколько... гммм... обменов резкостью, если вы понимаете, что я имею в виду.

Стэн понимал.

— Конечно же, как только появилась наша милиция, милицейские отряды богази и суздаей посчитали, что их народы тоже нуждаются в защите.

— Это мне понятно, — сказал Стэн. Все хуже и хуже.

— Ну вот, надеюсь, картина вам ясна. А теперь я сообщу вам настоящему плохие новости, — сказал Мениндер после того, как посмотрел на свои часы и нервно огляделся по сторонам.

— О-хо-хо, так это были неплохие новости, так? — проворчал Килгур, которому положение на Джохи нравилось еще меньше, чем Стэну, если это вообще было возможно.

— Видите ли, мы тихо сидели по своим норам, ожидая, пока появится кавалерия. Все слышали ваши обращения. От компьютеров, наверное, дым валил столбом — шла проверка, что такое «Победа». — Мениндер показал рукой на изящный военный корабль за спиной Стэна. — Лично я уже знал. Я горжусь тем, что стараюсь держаться в гуще событий. Однако про вас я мало что слышал.

Стэн беззвучно выругался, вспомнив, как офицер связи сказал, что испробовал все возможные варианты.

— Значит, я и есть кавалерия, — промолвил Стэн.

— Вот именно, посол, — кивнул Мениндер. — Я заглянул в имперский выпуск альманаха «Кто есть кто». Очень впечатляюще. Воин-герой. Герой-дипломат. Первый человек из окружения императора. По крайней мере, так считают на Джохи.

Просто отвратительно. Стэн совсем не так собирался провести сегодняшний день.

— Сейчас сюда спешат очень многие, — сказал Мениндер. — Я чуть не погиб, стараясь их опередить. Они все потребуют, чтобы вы их выслушали. Перебьют друг друга, а заодно и вас, если в этом возникнет необходимость.

Мениндер помолчал минуту, давая Стэну возможность понять, что он имеет в виду.

— Видите ли, тот, кто сумеет заполучить вас на свою сторону, станет вожаком. — Он поморщился. — Простите за неудачное выражение — слишком много друзей среди суздалей.

— Насколько я понимаю, у вас есть план, — сказал Стэн. — Иначе вы бы к нам не пришли.

— Конечно есть, — согласился Мениндер. — Хотя мне, вероятно, будет непросто убедить вас в том, что намерения у меня самые лучшие.

— А, понял, — проговорил Стэн. — Хотите предложить нам отправиться в какое-нибудь тихое торкское местечко и спокойно там поговорить. Так?

— Ну и что? — ухмыльнулся Мениндер. — Попробовать-то стоило. В противном случае будет лучше, если вы как можно скорее отсюда улетите. Я не шучу, это необходимо сделать очень быстро.

Стэн не обратил ни малейшего внимания на его слова. Он думал. И тут ему в голову пришла идея.

— До посольства далеко?

Нейтральная территория. Никто не посмеет обстрелять посольство вечного императора, даже воевать друг с другом рядом не будут.

— Через весь город, — ответил Мениндер. — Вам туда не добраться.

Стэн услышал грохот приближающихся тяжелых гусеничных машин. Бронированный автомобиль шел сквозь кучи мусора и обломков; возле орудия развевался маленький флажок — Стэн не сомневался, что это джохианцы.

С другой стороны поля донесся крик, и, повернувшись, Стэн увидел мчащуюся, словно ветер, Синд. Следом за ней спешили ее бхорские воины. Она что-то кричала, предупреждая, и показывала на низкое здание у себя за спиной.

Неожиданно здание рухнуло. Сквозь тучи поднявшейся пыли Стэн разглядел еще один танк. Тоже с орудием на изготовку и тоже с джохианским флажком.

К Стэну подбежала запыхавшаяся Синд.

— И это еще не все, — выпалила она, показывая пальцем на танк. — Их там довольно много. И солдаты. Кроме того, судя по всему, сюда движется большая толпа.

Неожиданно орудия танков пришли в движение — джохианцы заметили друг друга. И выстрелили.

По громкоговорителю до Стэна донесся голос адмирала Масона:

— Я считаю, мы должны покинуть космопорт, посл.

Стэн был с ним совершенно согласен. И повернулся к Мениндеру.

— Пожалуй, вам пора линять отсюда. Удачи.

— Я думаю, что просто удача нам вряд ли поможет, — ответил Мениндер.

Торк помчался к какому-то укрытию. А Стэн со своими людьми бросился вверх по трапу корабля.

Позади них взорвался один танк, а потом другой. На какое-то мгновение стрельба прекратилась, но затем на поле появились новые военные машины, которые вели непрерывный огонь.

«Победа» поднималась вверх, а Стэн смотрел на главный обзорный экран корабельного мостика. «Хорошенький прием мне оказали, — подумал он. — Ну и что же теперь делать?»

Стэн сидел в адмиральской каюте Масона, пытаясь решить, каким же должен быть их следующий шаг. Рассматривали несколько возможностей — от просто глупых до абсолютно идиотских, а сообщения о событиях на Джохи продолжали непрерывно поступать. Джохи больше не молчала.

Стэн пробежал глазами ворох расшифровок, которые вручил ему офицер связи.

— Они там все спятили, — подвел он итог. — Обзывают друг друга самыми гнусными именами, стараясь вынудить своих противников начать стрелять первыми. — Стэн прочитал несколько свежих сообщений, а потом, присвистнув, поднял глаза на адмирала. — Что они и начали делать. Джохианский отряд милиции поймал несколько торков в каком-то здании. Торки ни за что не соглашались покинуть здание — понимали, что с ними расправятся самым безжалостным образом. Тогда джохианцы сожгли здание.

— Просто чудесно, — прокомментировал Масон. — Кроме того, повсюду беспорядки. Наш компьютер, очевидно, скоро выйдет из строя, поскольку не успевает делать предсказания о скорости распространения беспорядков. — Он фыркнул. — Прощай, дипломатия! Еще одно доказательство моей теории о поведении среднего гражданина в экстремальной ситуации. Остановить их можно только одним способом — перестрелять половину.

— У меня такое ощущение, что здесь этот метод ничего не даст, — сухо возразил Стэн. — Император нуждается в их сердцах и душах. Скальпы вряд ли ему пригодятся.

— И тем не менее... — сказал Масон.

— Знаю, — перебил Стэн. — Когда смотришь на этих типов, начинают чесаться руки. К сожалению, то, что сейчас происходит, вызвано именно нашим появлением.

— Я тут совершенно ни при чем,— немного сердито заявил Массон.

— А никто вас и не обвиняет, адмирал.— Стэн вздохнул.— Император захочет поджарить мою задницу. Хотя, если ситуация резко ухудшится, одной моей задницы ему может оказаться недостаточно.

Массон открыл было рот, чтобы достойно ответить, но Стэн поднял руку, заставив его замолчать. Ему в голову пришла новая идея.

— Мой отец рассказывал мне про одно животное, вроде мул называлось. Животное тупое и очень упрямое. Говорят, что единственным способом привлечь его внимание было как следует треснуть чем-нибудь тяжелым.

— Ну, я уже предлагал нечто подобное,— вставил Массон.

— Да-да, помню. Только для этих уродов удар по голове может оказаться слишком тонким намеком... Так вот, слушайте, что я тут придумал...

Массон наклонился к Стэну, который в общих чертах набросал ему свой план.

Толпа джохианцев наступала на баррикаду, осыпая камнями, обломками и насмешками небольшую группу богази, защищавшую свой район. По обе стороны широкой главной улицы Рурика выстроились магазины, смотревшие на мир сквозь стекла разбитых витрин. Многие горели.

А дневное небо почернело от надвигающегося урагана: тяжелые черные тучи натывались друг на друга, и тогда в небе возникали ослепительные электрические разряды.

Высокий джохианец подскочил к куче сломанной мебели и досок, из которых была сложена баррикада. Бросил гранату, повернулся и помчался прочь.

Огненная вспышка остановила его. И в тот же самый момент взорвалась граната. Во все стороны полетели осколки, послышались крики боли и гнева.

Огромная самка богази пробралась сквозь отверстие, проделанное гранатой. Схватила двоих джохианцев, и из ее предплечий тут же выдвинулись шпоры. Потом она нанесла один удар своим, напоминавшим тяжелый молот, клювом. Второй удар. Черепа треснули, словно яичная скорлупа.

Богази отбросила трупы в сторону и повернулась в поисках новой жертвы. Огромная доска опустилась ей на голову. Самка рухнула на землю рядом с двумя трупами.

Появились новые богази. Через мгновение по главной улице столпы потечет кровь...

Неожиданно над головами сражающихся раздался оглушительный вой. Сильный порыв ветра осыпал толпу с головы до ног пы-

лю и мусором. Враждующие стороны на мгновение остановились и, широко раскрыв рты, уставились в небо.

Сияющее белое тело «Победы» несло прямо на них. Огромный корабль летел на уровне крыш, а он явно не предназначался для подобных эскапад.

По мере приближения корабля к баррикадам вой становился все громче, «Победа» перешла на маклиновские движки, чтобы толпа могла как следует рассмотреть эмблему императора на ее бортах.

Увидев имперский корабль, все сразу представили себе разгневанного властелина, который вынужден марать руки, разбираясь в безобразиях черни.

— Мой бог, смотрите! — выдохнул джохианец.

— Может быть, теперь справедливость получим мы, — заявила богази.

— Подождите! Что он делает? — спросил охваченный ужасом джохианец, рассеянно дергая за рукав богази.

«Победа» была уже совсем близко, метрах в двадцати над землей. В тени, отбрасываемой корпусом огромного корабля, собралась толпа. Снова заработали двигатели, и «Победа» медленно поплыла вперед, вдоль широкого проспекта.

Обе воюющие стороны несколько мгновений не сводили с корабля глаз, а потом уставились друг на друга. Оружие выпало из рук и лап на землю.

Черное небо над головами вдруг стало ослепительно голубым, солнце раскрасило кружевные облака в разноцветные тона. В воздухе запахло весной.

— Мы спасены, — сказал джохианец.

— Я знал, что император нас не бросит, — подхватил другой.

С крыши донесся крик:

— Корабль направляется к императорскому посольству...

Волшебство было разрушено, и толпа с криками облегчения и смехом помчалась вслед за кораблем.

«Победа» медленно плыла над тротуаром. Улица внизу неожиданно оказалась заполненной живыми существами. Богази и джохианцы, суздали и торки весело шутили, толкали друг друга, хлопали по плечам.

Из окон высоких зданий выглядывали тысячи других существ, которые радостно приветствовали «Победу» и ее величественный полет.

По всей Джохи — на самом деле по всему созвездию — существа бросали свои дела и мчались посмотреть на прибытие человека, посланного императором.

К тому времени, как корабль добрался до посольства, его огромная огороженная территория была окружена миллионами жителей

планеты Джохи. Миллиарды других наблюдали за происходящим по телевизорам.

Все военные действия были прекращены.

А внутри «Победы» Стэн быстро привел в порядок свою одежду. Синд пробежала пальцами по его волосам, стараясь пригладить их.

Алекс посмотрел на экран, на огромную толпу, собравшуюся снаружи.

— Ты словно мальчик с дудочкой, юный Стэн!

— Ой, не надо, не говори этого,— взмолился Стэн.— С ним расплатились крысами. Или домашними обезьянками — не знаю, что хуже.

Кто-то из членов команды нажал на кнопки, контролирующие люк. Стэн почувствовал, как свежий ветерок коснулся его лица. Услышал, что на землю опустился трап.

— Ну, хорошо,— сказал он.— Давайте сюда этих ублюдков.

И вышел из корабля под оглушительные приветственные крики.

Книга вторая

Кошачий Коготь

Глава 9

— Я никогда не принадлежал к числу властителей, которые убивали гонцов, принесших дурные вести,— сказал вечный император.

— Да, сир,— ответил Стэн.

— В данном случае, однако,— продолжал император,— очень хорошо, что я знаю тебя так долго.

— Да, сир.

— Ты понимаешь, что я очень недоволен?

— Понимаю, ваше величество,— ответил Стэн.— Полностью понимаю... сир.

Голографическое изображение императора дрогнуло, когда босс Стэна подошел к антикварному подносу с выпивкой и плеснул себе в бокал немного виски.

— У тебя там есть что выпить? — немного рассеянно спросил властитель.

— Да, сир,— сказал Стэн.— Я привык полагаться на собственные запасы.

Он достал бутылку виски из письменного стола предыдущего посла и наполнил бокал.

Император произнес шутливо:

— Я бы выпил за то, чтобы среди наших врагов воцарилась паника. Но если они запаникуют еще сильнее, мы все окажемся по уши в дерьме.

Потом он осушил свой стакан, и Стэн последовал его примеру.

— Ты понимаешь, у меня нет никакой возможности все это скрыть? — спросил император.

Стэн ничего не ответил. На самом деле ответа от него и не требовалось.

— Средства массовой информации уже начали намекать на то, что в созвездии Алтай вот-вот разразится кризис. Как они запоют, узнав об истинном положении вещей!..— Император задумался и

снова наполнил свой стакан. — Особенно досадно то, что именно сейчас я собирался заключить важные соглашения. Сама возможность этого базировалась на вере в устойчивость империи. Малейшее сомнение в стабильности системы, которую мне удалось вернуть к жизни, моментально отбросит нас назад. А если эти переговоры окончатся неудачей...

Стэн вздохнул.

— Я бы и сам хотел нарисовать более радостную картину, ваше величество, — сказал он, — но мне еще никогда не приходилось сталкиваться с такими трудностями. Более того, события только начинают набирать ход.

— Я все понимаю, Стэн, — проворчал император. — Хакан умер ужасно не вовремя. — Он глотнул виски. — Ты уверен, что ему никто не помог отправиться к праотцам?

— Я внимательно просмотрел отчеты. Там ясно изложено, как и почему он умер. Аневризм. Лопнула артерия. Правда, остаются неясными некоторые обстоятельства. — Стэн подумал об уверениях Мениндера, что смерть произошла во время обеда в честь Хакана. — Однако мне не кажется, что это имеет значение. Если здесь и был какой-то заговор... ну, меня бы это несколько не удивило.

— Согласен, — не стал возражать император, — более того, если бы ты не нашел никаких следов заговоров, это было бы еще подозрительнее. Отлично. Оставим это. Пока.

— Есть, сир.

— Сейчас, — продолжал властитель, — нам прежде всего необходимо взять события под контроль. Раз уж за Алтаем собирается наблюдать вся империя, я не хочу, чтобы у кого-нибудь сложилось впечатление, что нам не хватает твердости. Наверняка начнутся разговоры о том, что это я во всем виноват, что были допущены серьезные ошибки... после того, как я вернулся. Другие же просто ждут проявления слабости с моей стороны, чтобы самим поднять мятеж. Поэтому, имея в виду все нынешние обстоятельства, я хочу, чтобы с самого начала нами выдерживалась самая жесткая линия... Которая будет заключаться в следующем: если кто-то делает движение — и оно нам не по нраву, — мы кончаем с ним. Сразу. И устанавливаем новое правительство. При моей полной поддержке. Как только это будет проделано, никто не станет возражать. По крайней мере, я вряд ли услышу эти голоса. Если же вокруг моих решений начнут разгораться скандалы, их следует погасить. Быстро. Не считаясь с потерями. Я не потерплю никаких насмешек! — Император с размаху ударил ладонью по столу.

Стэну звук напомнил выстрел.

Неожиданно настроение императора изменилось, и он холодно улыбнулся Стэну.

— У меня должна быть полнейшая уверенность в том, что мои враги и друзья знают — шутить со мной не следует.

— Да, сир. Я... согласен, сир.

— Мне кажется, в твоём согласии звучит какое-то невысказанное «но»?

— Если учитывать общее положение, ваше величество, совсем нет. Сейчас не время для сомнений. Однако, когда вы вводили меня в курс дела, вы вовсе не преувеличивали, рассказывая о том, насколько сильны противоречия между народами созвездия Алтай. Даже если мы будем использовать самые жесткие методы, мне кажется, просто необходимо сохранять большую осторожность.

Стэн помолчал немного, стараясь понять, что думает император. Его лицо ничего не выражало. Однако это вовсе не означало, что он сердится.

— Продолжай,— велел император.

— Вам известно, сир, что я разговаривал с лидерами всех этнических групп — по крайней мере, с существами, которые так себя называют. Пока я не получу более точного анализа ситуации, основанного на всех собранных данных, я буду полагаться на интуицию. Так вот: группировок здесь гораздо больше, чем четыре. Когда я прибыл, два джохианских отряда стреляли друг в друга в космопорте.

— Тебе следует положиться на интуицию,— кивнул император.

— Как только я появился на планете,— продолжал Стэн,— все лидеры группировок, гуманоиды и инопланетяне, стали прорываться в посольство, умоляя меня сделать одного из них новым правителем. Я заставил их дожидаться официального приглашения на аудиенцию. Вызывал по одному.

— И не очень спешил, естественно,— сказал император.— Чтобы они немножко пришли в себя и вспомнили все преступления, совершенные против меня. Мне нравится, как ты это провернул.

— Спасибо, сир. Честно говоря, здесь такое творится... Я очень сильно сомневаюсь, что навести порядок будет просто. И уж во всяком случае, прежние методы тут не пройдут. Сейчас все жители сидят по домам, на своих родных планетах, и думают только о собственных проблемах. Зализывают раны. Но мне кажется, достаточно искры, чтобы на Алтае разгорелся самый настоящий военный пожар. Конечно же, каждое из этих существ имеет очень четкое представление о том, каким должен быть рай для его соплеменников. Лично я считаю, что здесь очень скоро разразится самый настоящий ад.

— Если только мы не наведем порядок,— сказал император.

— Если только мы не наведем порядок, сир,— согласился Стэн.

— Для начала,— заявил император,— я даю тебе батальон императорских гвардейцев. Полагаю, это будет очень полезно.

Стэн удивился.

— Так много... сир? Я рассчитывал получить один отряд богомоллов. Если мы не станем особенно высовываться и не сумеем добиться успеха... нам никто не поставит этого в вину. И вообще, сир, я считаю, что смогу сделать больше при помощи скальпеля, а не молота.

— Рисковать нельзя,— отрубил властитель.— Ты получишь батальон. Я уже и так стал предметом насмешек... Ладно, у тебя есть какие-нибудь предложения?

— Да, сир. На мой взгляд, среди этих несчастных идиотов есть один человек, подходящий на место Хакана. Хотя бы временно.

— Кто? — осторожно спросил император.

Однако Стэн не обратил внимания на реакцию своего босса.

— Мениндер, сэр. Торк. Хитрая бестия. Но мне кажется, его там все уважают. Врагов у него совсем мало. У меня сложилось впечатление, что он может заставить остальных прислушаться к его доводам. И задуматься.

— Хороший выбор,— проговорил император.— Только... ты прав, это всего лишь временное решение. У меня на примете есть постоянная кандидатура.— Он сделал глоток виски.— Его зовут Искра. Доктор Искра. Джохинанец.

Стэн нахмурился. Имя показалось ему смутно знакомым. Он слышал об этом человеке. И знал, что доктор Искра пользуется авторитетом. Однако Стэн еще не очень хорошо разбирался в обстановке на Джохи и был вынужден поверить императору на слово, когда тот заявил, что доктор Искра обладает всеми необходимыми качествами для того, чтобы стать хорошим правителем.

— Я уже переговорил с доктором Искрой,— сообщил император.— За ним отправился один из моих кораблей. Он присоединится к нам через несколько циклов. Доктор Искра — другая причина, по которой я посылаю батальон гвардейцев. Он попросил меня об этом. Для личной охраны. На первых порах.

— Очень хорошо, сир,— сказал Стэн.

Услышав о просьбе доктора Искры, которую тот высказал, еще не успев побывать на Алтае и оценить сложившуюся там ситуацию, Стэн почувствовал первые признаки тревоги. Но пока решил не думать об этом. Пока. Самое главное — добиться успеха в выполнении миссии. Он гордился тем, что не набрался дурных привычек служащих имперского министерства иностранных дел, которые часто на первое место ставили свое эго.

— Еще что-нибудь? — спросил император.

Стэну показалось, что боссу не терпится заняться другими проблемами.

— Нет, сир.

— В таком случае... до следующего отчета.— Властитель наклонился вперед и нажал кнопку на своем столе.

Однако прежде чем изображение Стэна, сидящего в посольстве на Джохи, исчезло, император внимательно посмотрел на выражение его лица. Оно было исполнено уважения. Через мгновение экран погас.

Вечный император задумчиво взял свой стакан и принялся потягивать виски. За многие века ему удалось воспитать в себе способность к абсолютной сосредоточенности. Он потратил на Стэна целых пять секунд такой полной концентрации.

Сохраняет ли Стэн верность? Вне всякого сомнения. Во время отсутствия императора Стэн участвовал в разработке плана свержения Тайного совета. Главной идеей созданной им организации была верность памяти императора.

Да, Стэн лоялен. Однако мало кто понимает, какой личностью является Стэн. Он настоящий герой.

Пожалуй, впервые за все время император порадовался тому, что Стэн на его стороне. Но эта мысль властителя тем не менее не утешила. Интересно почему?

Император заставил себя не думать об этом. Он вернется к этой проблеме позже. А пока у него есть другие, более срочные дела.

Ему придется прибегнуть к помощи еще одного человека. Молчаливого, незаметного и очень опасного. Да. Он не может рисковать, когда речь идет о созвездии Алтай. Просто не имеет права.

Глава 10

Телепередачи были наполнены сообщениями о появлении Стэна на Джохи. Имперские специалисты обеспечили средства массовой информации драматическими картинками «Победы», проплывающей над потрясенными джохианскими толпами, и репортажами о приеме, оказанном Стэну, когда тот прибыл в посольство.

Много говорили о том, что имперский флаг оказал умиротворяющее влияние на впавших в истерическое состояние несчастных жителей Алтая. Смерть Хакана отошла на второй план, хотя император произнес, как полагается, печальную речь по поводу ухода из жизни его «дорогого друга и верного союзника».

Было сказано, что порядок в созвездии восстановлен, а люди императора «работают в тесном контакте с местными лидерами над мирной передачей власти новому правителю».

Стэн вздохнул и нажал кнопку, заставив замолчать белозубого комментатора. Он не сомневался, что император организует подобную кампанию, и его нисколько не удивила ее интенсивность. Только, к сожалению, события представлялись в таком оптимистичном свете, что Стэн не сомневался: стоит кому-нибудь икнуть, и вся империя посчитает, что на Алтае разразилась катастрофа.

Он изо всех сил старался предотвратить возникновение такой ситуации. В данный момент Стэн занимался решением одной из срочных задач, не обращая ни малейшего внимания на разговоры техников, работавших в посольской комнате связи под руководством Алекса. Стэн сражался с дипломатической нотой. Проблема заключалась в следующем: он не знал, как сообщить генералу Доу, Мениндеру, Ютанг, Диатри и всем остальным, что император уже принял решение о том, кто будет управлять их миром. Как сообщить им, что новый Хакан уже избран — без их согласия?

Доктор Искра уже на пути к Джохи. Стэну придется сделать свое сообщение в самое ближайшее время, иначе он попадет в очень неприятное положение.

Он представил себе, как начнет: «Добрый день, господа. Я хочу представить вам вашего нового деспота. Он рекомендован самыми высшими кругами. По правде говоря, вы все его знаете. Я сожалею, что не назвал его имени раньше. Но император никому из вас не доверяет. И ему совершенно наплевать, будете вы жить или передохнете. Его беспокоит только, чтобы это произошло тихо». А потом он возьмет и сбежит, словно ветер.

О господи! Тут вряд ли удастся сохранить лицо. И тем не менее выхода нет. Ноту необходимо составить. Придется зачитать ее самому.

Мысли Стэна начали путаться. Подняв голову, он посмотрел на Алекса, который занимался подготовкой небольшой разведывательной миссии. И уже в который раз Стэн подумал о том, как часто им приходится прибегать к своим старым, отвратительным привычкам и навыкам, занимаясь решением проблем мира.

Его глаза пробежали по экранам, занимавшим почти все стену в помещении спецсвязи посольства.

— Ну, давайте, малыши Фрик и Фрэк, — наставлял Алекс, пальцы которого мелькали над клавишами управления, — будьте умниками, мои летучие мышки.

Килгур уже успел предварительно разобраться с наследством, которое оставил им предыдущий посол. Первая же попытка оказалась очень удачной. На складе нашлись сотни автоматических мониторов. Они имели крылья и были похожи на летучих мышей. Алекс нарек их Фрик и Фрэк, дав номера от одного до тысячи, в честь славных маленьких летучих существ, с которыми они служили в отряде богомоллов. Килгур подзарядил батареи, проконсультировался с техниками и знатоками джохианской культуры, запрограммировал своих мышек соответствующим образом и разослал их в разные стороны. Теперь они вели передачи из всех районов Рурика. И показывали совсем не то, что передавали средства массовой информации империи.

Да, спокойствие удалось восстановить. Но только по сравнению с тем хаосом, который застал Стэн, впервые появившись здесь.

Экран в верхнем левом углу показывал небольшую площадь перед джохианскими казармами. Все казалось мирным... на первый взгляд. Однако когда Алекс подвел своего маленького разведчика поближе, Стэн увидел несколько бронированных машин. Они были готовы в любой момент начать боевые действия. На других еще работали команды техников. Гравитолеты доставляли амуницию и припасы.

На нижнем экране повстанческий отряд джохианцев проходил военную подготовку. Другой экран показывал лагерь торков, в котором повсюду велись возбужденные разговоры и мелькало оружие.

На остальных мониторах картинка была точно такой же: суздали и богази восстанавливали и укрепляли баррикады, милиция патрулировала улицы; в одном месте отряд сознательно прошел мимо группы юнцов, наполнявших стеклянные банки горючей жидкостью.

Центральный рыночный район Рурика был совершенно пуст — магазины закрыты, возле некоторых охрана. Стэн заметил банды молодежи, слоняющиеся по улицам в поисках добычи и приключений. Одна из мышек Алекса пролетела мимо развороченной взрывом лавки, где довольно эффективно орудовали грабители — солдаты и несколько полицейских.

— Ага, дружок Стэн, — проворчал Килгур, — а вот и барышня. Я о ней так беспокоюсь...

Он вывел изображение на центральный экран, который был заметно больше остальных. Из аллеи вышла проститутка. На небольшой карте в углу экрана было видно, что она находится недалеко от военного лагеря джохианцев. Пронзительный свист, донесшийся из микрофона, показал, насколько близко она подошла к солдатам.

Картинка переместилась, и Стэн увидел, как несколько солдат отреагировали на полураздетую женщину. Проститутка остановилась и, положив руку на бедро, очень ловко начала демонстрировать свои прелести всем желающим полюбоваться. Один солдат что-то крикнул. Женщина кивнула, развернулась, не забыв выставить напоказ стройную ножку, и направилась назад в сторону аллеи.

Солдаты переглянулись и начали смеяться, а двое последовали за проституткой.

— Теперь посмотри, как эта малышка работает, — сказал Алекс и нажал на небольшую рукоятку, посылая «летучую мышь» в сторону аллеи.

Солдаты догнали девушку и принялись торговаться. Наконец цена была установлена, и девушка прислонилась к стене. Сражаясь с одеждой и весело переговариваясь со своим приятелем, первый солдат приблизился к ней. Когда он начал поднимать девушку на руки,

на экране возникло какое-то легкое движение — Стэн чуть все не пропустил.

У проститутки были очень умелые друзья, так что через несколько секунд солдаты лежали на земле. К тому моменту, как девица закончила приводить в порядок свое соблазнительное одеяние, с бесчувственных тел солдат было снято оружие, форма и документы.

На глазах у Стэна проститутка со своими приятелями отправилась на поиски новой жертвы.

— Ну и скольких она уже обработала таким образом?

— Около десятка. Но это только с тех пор, как я начал считать. Она работает очень быстро. А еще пара парней передает добычу повстанцам.

— Решили поразвлечься за счет джохианцев? — проговорил Стэн. — Это было бы даже смешно, если бы я не был уверен в том, что тут вот-вот начнется черт знает что. И при этом мы ничего не можем сделать. Нам остается только сидеть на месте, надеяться на лучшее и призывать местных жителей сохранять спокойствие. Ну и конечно, ждать появления доктора Искры.

— Когда мы впервые встретились, дружок, ты не был таким сладкоголосым лжецом. Твой прогресс доставляет мне несказанное удовольствие.

— Спасибо... — с сомнением проговорил Стэн. — Проблема сейчас заключается в том, что мне необходимо максимально использовать свои творческие способности. — Он постучал пальцем по дипломатической ноте, которую составлял. — Когда придет Искра, обиженных окажется более чем достаточно.

— Справишься, приятель. Лжецы вроде нас не рождаются, такими нас делает жизнь. Иначе дорогие мамочки собственноручно расправились бы с нами, когда мы были еще младенцами.

Стэн согласно фыркнул. Разве у него был выбор?

Радостный энтузиазм, с которым местные жители приветствовали прибытие дипломатической миссии, продолжался ровно столько, сколько и переменчивая весенняя погода — которая испортилась почти сразу. Повышалась влажность, и росло недовольство. Черные облака затягивали небо, а настроение менялось от эйфории до невыносимой мрачности, что, как Стэн уже понял, было характерной чертой жителей Джохи.

Вечером второго дня, за несколько часов до захода солнца на небе Рурика, словно взбесились все мыслимые и немыслимые циклоны. Они метались, рычали и вообще вели себя, подчиняясь какой-то странной, необъяснимой логике. Набрасывались на горы. Пугали всех до полусмерти. А потом уносились прочь, забирая с собой деревья, обломки зданий, целые кучи земли, — отчего обитатели города впадали в еще большую панику.

С тех пор жители Рурика без конца бросали испуганные взгляды на небо. И друг на друга.

А вскоре вернулась зима, сковав город холодом, точно весна и жара и не заглядывали сюда. Еще одно из чудес Джохи.

Стэн вернулся к своему занятию.

«...В то время как вечный император... демонстрируя глубокую любовь и заботу обо всех жителях созвездия Алтай...»

— Проклятье! Ты только погляди!

Стэн резко вскинул голову и бросил взгляд в сторону экрана, на который смотрел Алекс. На центральном мониторе творилось нечто невероятное. Стэн подошел поближе, чтобы понять, что там происходит. Огромная группа существ маршировала перед каким-то учреждением; судя по размерам и полному отсутствию архитектурного вкуса, оно было построено прежним Хаканом. Здание напоминало огромные улы, соединенные между собой проложенными под небесами дорожками и переходами.

— Это университет Пушкан,— сообщила серьезная молодая девушка-техник. Стэн вспомнил, что ее зовут Наоми.

— Студенты? — простонал он.— Только этого нам не хватало!

— Да, парень, кажется, у нас неприятности,— сказал Алекс.

Он повертел ручки настройки, и неожиданно на главном экране появилось сразу несколько изображений университета. Полицейских в форме теснили молодые существа, стараясь прогнать их с территории университета. В другом месте студенты расколотили стеклянную витрину кафе, и через несколько секунд там началось отчаянное сражение за еду.

Преподаватели спасались бегством, в то время как студенты бросали в них все, что попадалось под руку. По всей территории кампуса полыхали костры, в которых, в этом Стэн был совершенно уверен, горели, кроме всего прочего, и сведения о тех студентах, кто не слишком успешно справлялся с учебой.

Он также заметил обнаженные тела в кустах и под деревьями и услышал радостные крики некоторых, не очень искренне протестующих студентов.

Возле главного входа в университет студенты соорудили громадную баррикаду. В ее строительстве наверняка принимали участие студенты инженерного факультета, поскольку построена она была достаточно разумно. Значит, акция спланирована заранее. Еще одно доказательство: знамена с аккуратными надписями. Надписи были самыми разнообразными, но чаще всего в глаза бросалось требование: «Демократии — и немедленно!»

— Замечательно,— сказал Стэн.— Вот этого-то здесь никто и не получит.

Он принялся более внимательно рассматривать студентов и только теперь удивился: во-первых, здесь можно было увидеть не только

джохианцев и торков, но и суздалей и богази. Во-вторых, все они действовали сообща. Такое крайне редко происходило на Джохи, не говоря уже о других планетах скопления, где сегрегация стала нормой жизни.

— Что это за университет? — спросил Стэн, обратив внимание на то, какими сытыми — и хорошо одетыми — выглядят беснующиеся существа на экране.

— Запроси компьютер, детка, — повернулся Алекс к девушке-технику.

Наоми покачала головой.

— Мне это ни к чему. Пушкин — лучший университет нашего созвездия. Именно сюда все важные шишки Алтая отсылают учиться своих сыновей, дочерей, птенцов и детенышей.

— Богатые детишки, — простонал Стэн. — Вдвойне замечательно. — Потом он пожал плечами. — Ну, ладно. Не наша проблема. Полицейские разберутся.

— О-хо-хо, — протянул Алекс.

— И что должно означать твое «о-хо-хо»? — неохотно поинтересовался Стэн.

— Тебе стоило только пожелать... — ответил Алекс. — Смотри, маленькие свинки выходят на сцену. Изыщными колоннами.

Стэн увидел фалангу полицейских, направляющихся строевым шагом в сторону главных ворот. В полной экипировке: шлемы, щиты, электрические дубинки и — он заметил небольшой грузовик — слезоточивый газ.

— Проклятье!

— А вот и зрители, — прокомментировал Килгур, показывая на толпу, собравшуюся неподалеку от главных ворот.

Одни кричали на полицейских. Другие на студентов. А третьи друг на друга. Наблюдатели явно разделились по этнической принадлежности.

— Черт с ними, — заявил Стэн. — Проблема местного значения. Мы не вмешиваемся.

В этот момент зажегся сигнал вызова. Техники начали настраивать аппаратуру.

— ...Имперское посольство. Да, мы слышали о волнениях в университете. Нет, у посла нет никаких комментариев... Имперское посольство... Беспорядки в Пушкане? Да, сэр. Нет, сэр... Имперское посольство...

Стэн с отвращением взял свои записки и направился к выходу.

— Позовете меня, только если ситуация резко ухудшится, — бросил он через плечо. — Знаете что... вообще не зовите.

— Мне кажется, тебе стоит поговорить с этим типом, приятель, — сказал Алекс. И показал на монитор с крупным планом молодого надутого джохианца.

Красивый мальчик с немного пухлыми щеками. Стэн заметил, что он держит в руках переговорное устройство для прямой связи с посольством.

— Думаю, это их вожак,— продолжал Алекс.— Говорит, что его зовут Милхуз.

Наоми присвистнула.

— Его родители члены правления Банка Джохи,— сообщила она.

Только сейчас Стэн сообразил, что представляет из себя Пушкан. В некоторых кругах разбитый там нос будет рассматриваться как самое настоящее убийство.

— Да, сэр Милхуз,— нежно проговорил Стэн в микрофон.— Это посол Стэн. Могу вам чем-нибудь помочь?

Слушая взволнованный голос молодого человека и глядя на его возбужденное лицо, Стэн понял, что ему придется нарушить главное правило, которое он установил для себя касательно первой фазы операции. Правило гласило: не покидать посольство. Они должны сами приходить к тебе.

— Мы прибудем через несколько минут, молодой человек,— сказал он и отключил связь.

Отвернувшись от панели с экранами, Стэн заметил, что в комнату вошла Синд, а по выражению ее лица понял, что ей известно о событиях в университете.

На одном из экранов как раз в этот момент появилась группа студентов — они начали бросать в полицейских самыми разнообразными предметами. Надо сказать, фантазия работала у них превосходно.

— Это может быть искрой, из которой разгорится большой пожар,— произнес Стэн.— Сделаем так: мне нужен десяток гурков и, может быть, пятьдесят бхоров. Но при этом мы должны вести себя скромно — никакой формы, оружие спрятано. Мы же не хотим, чтобы к нам отнеслись как к штурмовикам.

— Приказ, который бхорам будет выполнить не так-то просто,— прокомментировала Синд.— Особенно Ото.

— Если все получится, как задумано, их так заинтересуют Ото и остальные, что возмутители спокойствия забудут о драках. Алекс?

— Я готов,— ответил Килгур.

— Отлично, мальчики и девочки,— сказал Стэн.— Возвращаемся в школу.

Глава 11

День был солнечным и очень холодным. Полномочный посол и его отряд шагали по площади Хакана. Стэн с изумлением глазел на огромные памятники, возвышающиеся над площадью. Все чувствовали себя насекомыми, попавшими в страну великанов.

— Невольно мерещится, что какой-нибудь из них на меня вот-вот наступит, — произнесла вслух Синд то, о чем подумал сам Стэн.

— Клянусь длинной и клочковатой бородой моей матери, — проворчал Ото. — У этого типа было такое эго, что его хватило бы на целый полк бхоров.

Ото поднял волосатую лапу, чтобы прикрыть глаза от ослепительного блеска золотых куполов, и задумался об особенно кошмарном проявлении дурного вкуса Хакана: на плечах дюжины статуй была установлена платформа. Статуи — не меньше двадцати метров высотой — изображали прекрасно сложенных мужчин и женщин, по всей вероятности джохианцев. Они были совершенно обнаженными. А на платформе возвышалась идеализированная статуя Хакана в золотом одеянии. В руке он держал факел с вечным огнем.

— Я бы еще понял, если бы он строил пивнушки, — наконец заявил Ото. — От них гораздо больше пользы, если хочешь остаться в истории. Кроме того, накрой хороший стол, не жалея стретга — и всем будет наплевать, хвастун ты или нет. — Он посмотрел на Стэна своими красными глазками. — Хотя лично я предпочитаю, чтобы меня хвалили мои гости.

Стэн показал на надпись на платформе. Она гласила: «ТОМУ, КТО ОСВЕТИЛ АЛТАРЬ СВОЕЙ СЛАВОЙ». А внизу маленькими буквами было написано: «От благодарного народа».

— Может, у него были похожие мысли, — заметил Стэн. — Только он не успел воплотить их в жизнь.

Ото наморщил лоб.

— Именно поэтому я и считаю, что от бара куда больше пользы. Для существа, которое правило так долго, Хакан мало что понимал в том, как следует руководить народом.

Стэн рассмеялся и жестом показал своему отряду, чтобы никто не останавливался. Он решил подойти к университету пешком. Кемпус располагался недалеко от посольства, и пеший отряд наделает меньше переполоха, чем воины на броневиках.

Кроме того, как усвоил Стэн на дипломатическом поприще, очень важно не оказаться в изоляции. Он знал многих послов, чья нога ни разу не касалась земли. Они перебирались со ступенек посольства прямо в резиденции местных правителей, на банкеты, а потом назад в посольство, и так всю жизнь. А еще Стэн заметил, что их советы всегда были неудачными.

События, происходящие на улицах, ничем не отличались от того, что передавали мышки Килгура. Только здесь было меньше народу. И ощущения у Стэна возникли совсем другие — при ярком солнечном свете и обжигающем холоде. Из рта шел пар, а призрачные фигуры прятались, завидев посла и его отряд, готовый в любой момент пустить в ход оружие.

Куда бы Стэн ни бросил взгляд, он видел огромный портрет или статую Хакана, взирающего сверху вниз на простых смертных, кото-

рые вынуждены ходить по улицам и заниматься своими пустячными делами. Особенно действовало на нервы глухое рычание грома где-то в горах. Он, вне всякого сомнения, не способствовал поднятию духа.

Стэн подумал об этом, готовясь к встрече с Милхузом и другими студентами.

Однако все эти мысли исчезли, когда его отряд вступил на площадь Хакана. Один только ее размер производил потрясающее впечатление на воображение любого нормального существа. А ослепительные краски действовали на органы чувств. В этом месте было невозможно увидеть горизонт. Ты отворачивался от аляповатого столба и тут же натыкался взглядом на такой огромный памятник, что у тебя начинала кружиться голова.

Несмотря на огромные размеры площади, Стэн почувствовал себя так, словно он по совершенно необъяснимой причине оказался в тесном, замкнутом пространстве. Его профессиональный взгляд отметил, что площадь способна вмещать громадную толпу. А потом он увидел Стену Возмездия. И сразу понял, что это такое. Памятник ненависти. Или власти, потерявшей рассудок.

Неожиданно его охватило ощущение беспомощности. Он почувствовал себя слишком ничтожным для выполнения столь важной задачи. Сознание убеждало Стэна в том, что площадь как раз для того и построена, чтобы возбуждать в любом живом существе неуверенность. И все же справиться с этим ощущением было очень трудно.

Наконец они добрались до противоположного края площади, где находился университет Пушкина. Как только Стэн услышал гудение сердитых студенческих голосов, настроение у него моментально изменилось, и он уверенно зашагал вперед. По крайней мере, с этим можно бороться. И, кто знает, даже победить.

— Полицейские собирают остатки мужества, — сказал Алекс. Он вместе с несколькими гурками успел провести короткую разведку. — Со всех сторон прибывают гравитолеты с подкреплением. А военные стоят неподалеку на случай, если толпа прорвется.

— Достойные воины! — фыркнул Ото. — Наступают с тыла. Даже когда имеют дело с детьми. Не устаю повторять, мой друг, что это место лишено чести. Клянусь, я не почувствую ни малейшей радости, когда займусь их черепами.

— Ну-ну, Ото, — попытался успокоить его Стэн. — В твои обязанности не входит разбивание голов. Ты не забыл, что это дипломатическая миссия?

В конце улицы раздавались сердитые крики — туда и направился Стэн со своим отрядом. Он понял, что там собралась огромная толпа, готовая пустить в ход зубы, когти, слезоточивый газ и оружие.

Неожиданно раздался грохот — град камней обрушился на щиты полицейских. Ах да — еще и камни.

— Обещаю, что воспользуюсь только вот этим, мой друг, — сказал Ото, помахав перед носом Стэна своим огромным лохматым кулаком. Остальные бхоры ворчанием одобрили его заявление.

— Вот ваш приказ, — резко проговорила Синд, — вы должны пользоваться только руками. А еще локтями и коленями. Лгаться — не сильно — тоже можно.

Последовало долгое молчание, во время которого Ото внимательно разглядывал это крошечное существо, отдававшее ему приказы. Синд строго посмотрела на него.

— Ты понял... рядовой?

Ото расхохотался.

— Клянусь замороженными ягодицами моего отца, только руками! — Он посмотрел на Стэна и вытер влагу с красных глаз. — Я горжусь этой девочкой. Она доказательство того, что бхоры умеют воспитывать молодежь... У нее есть идеалы.

Пока Ото пытался справиться с волнением, крики с противоположной стороны улицы стали громче. Завыла полицейская сирена. В ответ вновь посыпались камни.

— Что вы все набросились на моего доброго мохнатого друга? — проворчал Алекс. — Не забывайте, нам нужно навести порядок.

— Положим, сначала нужно туда добраться, — заметила Синд, показывая на толпу, собравшуюся перед входом в университет.

Стэн услышал знакомый голос.

— Жители Джохи, — прогрохотали слова, усиленные мощными динамиками, — выслушайте мольбу ваших детей...

Говорил молодой Милхуз. Стэн заметил его на высоком постаменте одного из многочисленных памятников усопшего Хакана.

— Мы несем вам слово надежды и лю...

Голос оборвался, когда отряд полицейских под прикрытием щитов пошел в атаку. Послышались крики ненависти и боли, которые моментально перекрыл рев толпы зевак.

Потом, когда полицейские начали поспешно отступать, раздались восторженные вопли студентов. Милхуз изобразил над головой знак победы.

Однако Стэн понимал, что радоваться студентам придется не долго. Полицейские были унижены и напуганы. Он видел, что готовится новое наступление — на этот раз куда более мощное.

Он кивнул Синд.

— Ты знаешь, что от тебя требуется.

Они двинулись вперед. Алекс вместе с гурками начал обходить полицейских с фланга. Синд с бхорами врзалась в толпу зевак. Стэн, Ото и двадцать бхоров пошли по центру, прямо сквозь ряды полиции.

— Ох, прошу меня извинить, — сказала Синд, всаживая локоть в брюхо здорового торка. — Какая я неловкая, — извинилась она, нанося короткий удар в челюсть суждаля.

— Прошу прощения,— сказал Лалбахадур Тапа, когда носок его сапога вонзился в лапу огромной самки богази.

Он ловко проскользнул между двумя другими и наступил на ногу здоровенному джохианцу, имевшему глупость оказаться у него на дороге.

— Виноват,— пробормотал Алекс, плечо которого легонько задело полицейского — и тот почему-то отлетел в сторону, повалив нескольких товарищей. Неуловимое движение рукой — и другой полицейский отскочил как ошпаренный.— Ох, да что это сегодня со мной! Извини, дружище.

— Проходим сквозь них! — закричал Стэн. Он поднял колено, и оно тут же вошло в соприкосновение с задницей полицейского. Тот рухнул шлемом на землю.— Прошу простить. Интересы империи, вы же понимаете.

Мощная рука полицейского схватила Ото за шею. К ним сразу подскочили еще двое с занесенными дубинками.

— Клянусь седой бородой моей матери! — рявкнул Ото.— Я же обещал, что не буду драться!

Он резко наклонился вперед, и полицейский перелетел через его голову, приземлившись прямо на своих коллег.

Кто-то схватил Синд за рубашку. Кто-то большой. Она немедленно сунула ему палец в глаз. Большой взвыл и отпустил рубашку.

— Просто не понимаю, что со мной сегодня,— пожав плечами, пожаловалась Синд.— Я такая неловкая.

Суздай, шелкая зубами, подскочил к Читтаханг Лимбу. Маленький гурк схватил противника за ухо как раз в тот момент, когда челюсти суздаля собирались сомкнуться у него на горле. Читтаханг Лимбу резко повернул руку (вместе с ухом суздаля), и хищник оказался верхом на своей подружке.

— С самого утра со мной происходят всякие глупости,— пожаловалась Читтаханг.

— Дорогу! Дело имперской важности! Дорогу! — кричал Стэн.

Как ни странно, это подействовало. Большинство полицейских расступались. Те же, кто делал это недостаточно быстро, получали увесистые затрещины от бхоров.

Алекс оказался возле двух полицейских, которые самозабвенно колотили маленького студента. Не останавливаясь, Килгур поднял их в воздух и стукнул головами. А потом отпустил. Оба упали без сознания.

— О нет. Надеюсь, я не переборщил и не проломил ваши маленькие головки. Стэн спустит с меня шкуру.

Ото и четыре бхора добрались до статуи. Развернулись — как живой танк,— и сразу вокруг них образовалось свободное пространство. Через несколько секунд там уже находился Стэн. Вскоре весь отряд собрался вокруг своего командира.

Стэн посмотрел на Милхуза. Молодой джохианец даже рот раскрыл от удивления.

— Прошу простить за небольшое опоздание,— извинился Стэн.— А теперь, если вы отдадите мне эту штуку, я немного поговорю с собравшимися здесь существами.

Он показал на микрофон, зажатый в руках Милхуза. Молодой джохианец продолжал изумленно глазеть на Стэна. Потом кивнул и протянул Стэну микрофон.

— Не могу поверить, что вы это сделали...

— Я и сам не могу,— ответил Стэн. После этого он повернулся лицом к толпе.

— Во-первых... мы требуем уважения достоинства всех разумных обитателей звездного скопления Алтай,— торжественно заявил Милхуз, ткнув пальцем в документ, составленный им и другими студентами.

— Не думаю, что кто-нибудь будет спорить с вами по этому поводу,— сказал Стэн.

Он посмотрел через большой стол кафетерия на остальных лидеров студентов. Все они были очень молодыми и очень серьезными.

«Странно,— подумал Стэн,— как юные существа похожи друг на друга. Суздали, богази или люди — у всех сияющие, невинные глаза и пухлые беспомощные лица. Смертельно симпатичные. В этом и заключается секрет генетического программирования. И вероятная причина того, что родители не убивают своих детенышей при рождении».

— Во-вторых,— продолжал Милхуз, щеки которого горели от возбуждения,— равенство народов должно быть краеугольным камнем при создании нового правительства.

— Тут император дал предельно ясные указания,— сухо заметил Стэн.— Он известный сторонник равных прав.

— И все же мы должны сказать об этом,— вмешалась студентка богази. Ее звали, вспомнил Стэн, Нирски. Судя по тому, как самцы богази посматривали на нее, она считалась хорошенькой.

— Ну, тогда говорите.

Милхуз откашлялся, чтобы снова привлечь к себе внимание.

— В-третьих, все милицейские отряды должны вернуться на родные планеты. Немедленно.

— Я думаю, эта задача будет решена в первую очередь теми, кто придет к власти,— заявил Стэн.

— Да вы смеетесь над нами,— пожаловался Милхуз.

— Ничего подобного. Я просто подчеркнул очевидный факт. Лицо Стэна оставалось совершенно серьезным.

— Никто никогда нас не слушает,— горестно возопил суздаль по имени Техранд.

— Да. Он правильно говорит. Мы всю ночь выкрикивали наши требования. — Теперь настала очередь девушки торк. Очень даже хорошенькая, явно влюбленная в юного Милхуза. Девушку звали Риель.

— Я слушаю, — сказал Стэн. — Вы еще не забыли, как я добирался до вас? Ну, что же вы не продолжаете?

— В-четвертых, — снова заговорил Милхуз, — мы требуем амнистии всем студентам Пушкана, которые участвовали в борьбе за свободу. В том числе и нам — членам студенческого комитета.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал Стэн совершенно искренне.

— Недостаточно этого, — заявила Нирски, — обещать должны вы.

— Обещания легко даются, — вздохнул Стэн, — гораздо труднее их выполнять. Я повторяю: сделаю все, что будет в моих силах.

Лицо Милхуза вдруг обрело некую чистоту и святость.

— Я готов рискнуть, — гордо заявил он. — С радостью принесу свою жизнь в жертву ради идеалов.

— Вот только этого не надо, — вернул его с небес на землю Стэн. — Сейчас вашим жизням ничто не грозит. Однако хочу вам напомнить, что, когда новое правительство придет к власти, с вас могут спросить за ущерб, который вы причинили университету и городу. Могут быть возбуждены уголовные дела. Наложены штрафы. Не исключено даже короткое тюремное заключение — от чего я, по мере моих сил, постараюсь вас избавить. Но меня могут не послушать. Так что будьте к этому готовы.

Поднялся невообразимый шум. Стэн откинулся на спинку стула, давая студентам возможность выговориться. Техранд с угрозой посмотрел на Стэна, зубы суздала сверкнули. Стэн не обращал на него внимания, как и на остальных (тридцать или даже более) студентов, собравшихся здесь. Многие из них тоже бросали на него злобные взгляды.

Хотя Стэн и пришел на встречу один, он не сомневался, что сумеет справиться с любыми проблемами.

— Мне очень жаль, — наконец заявил Милхуз, — но последнее требование не подлежит обсуждению.

— А что, если вам откажут? — поинтересовался Стэн.

— Мы до основания сожжем университет, — решительно проговорила Риель.

— Я бы не советовал. Более того, хотелось бы, чтобы вы отказались от тактики угроз. Тогда мне было бы гораздо легче договориться с полицией.

— Одна неделя, — жестко отчеканила Нирски. — Потом сжечь должны.

— Мы все согласны, — подтвердил Техранд. — Мы голосовали.

— Ну так проголосуйте еще раз, — спокойно предложил Стэн. — Вы всегда можете сказать, что обстоятельства изменились — посол Стэн сообщил вам новые факты.

— Демократия так не работает. Принятые решения носят окончательный характер,— торжественно провозгласил Милхуз.— Так что мне пора переходить к последнему и самому главному требованию... Правление Хаканов должно закончиться. Более того, мы не приемлем тирании ни в каком виде. Мы требуем нового порядка. Только через демократию могут быть разрешены многовековые проблемы Алтая!

— Чтобы подчеркнуть серьезность наших требований,— подхватила Риель,— мы составили список достойных кандидатов, которых поддерживает студенческий комитет Пушкана.

— Подождите минутку,— перебил ее Стэн.— Расскажите мне побольше о «списке достойных кандидатов». По-моему, звучит совсем не демократично.

— Вот и нет,— возразил Милхуз.— Это демократия в чистейшем виде.

— И он вовсе не хочет сказать, что придерживается примитивной теории — каждый имеет право голоса, каким бы... бездарным он ни был.

— Понятно,— хмыкнул Стэн и соорудил специальную «дипломатическую» рожу.— Как интересно, что вы придерживаетесь именно такой точки зрения.

— Отлично. Вы меня понимаете,— сказал Милхуз, посчитав эти слова Стэна согласием.— Давайте откровенно. Большинство существ — ну, я имею в виду, конечно, необразованные классы — хотят, чтобы им говорили, что они должны делать.— Он взволнованно наклонился вперед.— Они чувствуют себя... не очень уверенно, когда нужно принимать серьезные решения. Они нуждаются в порядке. И в этом случае им становится...

— Хорошо,— подсказал Стэн.

— Вот именно, господин посол. Да. Именно то самое слово. Им хорошо и уютно. А еще они счастливы.

— В отличие от тех, кто получил образование,— добавила Нирски.

— Это хорошо известный факт,— пролаял Техранд.

— Тирания не может существовать в обществе, где есть образованная элита, так говорит Милхуз. Это ведь правда? — Риель покраснела, потому что выдала свои чувства.

Милхуз похлопал ее по ноге, при этом он не особенно спешил.

— Да. Я говорил... что-то вроде этого. Но мне далеко до гения. И не один я занимаюсь этими проблемами.— Он бросил на Стэна значительный взгляд.— Так что эта мысль не отличается оригинальностью.

— Вы очень скромный человек,— одобрил Стэн.

— Спасибо вам, посол. Ну, хорошо... вернемся к нашему... манифесту. Мы считаем, что новые лидеры Алтая должны быть избра-

ны из всех великих семей нашего созвездия. Из среды самых образованных суздалей, торков, богази и джохианцев — таких, как я.

— Поможет ли успешная учеба в этом университете... получению подобных назначений? — поинтересовался Стэн.

— Университет Пушкан является лучшим учебным заведением в нашем созвездии. Поэтому... в данном вопросе сомнения неуместны.

— Мне следовало и самому догадаться. Какая непростительная глупость с моей стороны, — посетовал Стэн.

— Хотя мы прекрасно понимаем, что в систему образования необходимо внести определенные изменения, — сказала Риель. — Многие курсы... с самого начала неверно построены.

— Насколько я понимаю, реконструкция университетов — одно из ваших требований? — спросил Стэн.

— Совершенно верно.

— И вы сожжете университет, если ваше требование не будет выполнено?

— Да. Кто нам помешает? — заявила богази. — Моя семья самая важная. Если кто-нибудь причинит мне вред — большие неприятности.

— То же самое можно сказать и про всех нас, — подхватила Риель. — Полицейским повезло, что вы прибыли. Если бы они сделали какую-нибудь глупость... ну, наши семьи рассчитались бы с ними. Уж можете мне поверить.

Милхуз вручил Стэну несколько листов бумаги, на которых был записан манифест студенческого комитета.

— Это наши требования. Возьмите их... или оставьте здесь.

Стэн намеренно долго ничего не отвечал.

— В таком случае... я ухожу, — наконец заявил он.

И встал, собираясь уйти.

В комнате воцарилась настоящая паника.

— Подождите! — воскликнул Милхуз. — Куда вы уходите?

— Назад в посольство, — ответил Стэн. — Я здесь не нужен. Кроме того, меня эти дела не касаются. Это, вне всякого сомнения, проблема местного значения. Так что прошу простить... я буду следить за событиями по экрану своего телевизора. С бокалом чего-нибудь горячительного в руке.

— Вы не можете уйти! — крикнула Риель, которая чуть не расплакалась.

— Смотрите на меня внимательно, — сказал Стэн.

— Но полиция...

— Перебьет вас всех, — закончил Стэн. — Они очень разозлились. И я думаю, им требуется совсем немного, чтобы окончательно потерять контроль над собой. А ваши родословные только подольют масла в огонь. Вы знаете полицейских? Это весьма нервные типы.

Забавно, не так ли? Думаете, это вы устроили беспорядки? Ничего подобного, беспорядки всегда устраивают полицейские.

— Чего вы от нас хотите? — жалобно спросил Милхуз. Его скулы побелели от страха.

Уже возле двери Стэн повернулся.

— Хороший вопрос. А что вы сами хотите? Только не нужно дурацких разговоров про манифест.

В комнате повисло молчание.

— Вот что я вам скажу, — произнес Стэн. — Я позабочусь о том, чтобы кто-нибудь переговорил с вами. Чтобы вас выслушали.

— Кто-нибудь... важный? — спросил Милхуз.

— Угу. Кто-нибудь важный.

— Общественные слушания?

— Не знаю. Возможно.

— Нам нужны свидетели, — заявил Техранд.

— Я поговорю, — пообещал Стэн. — Ну, этого достаточно? Чтобы вас выслушали. И чтобы на вас обратили внимание люди, принимающие решения. Согласны?

Милхуз оглядел своих товарищей, которые закивали.

— Мы согласны, — сказал он.

— Хорошо. — Стэн направился к двери.

— Но... если они не станут слушать... — Милхуз вспомнил про чувство собственного достоинства.

— Вы сожжете университет дотла, — закончил за него Стэн.

— Через одну неделю! — бросил Милхуз.

— Я этого не забуду, — сказал Стэн и вышел.

Глава 12

Стэн вернулся в посольство в отвратительном настроении. Если бы сейчас ему дали топор...

Он бросил короткий взгляд на лживую дипломатическую ноту, которая осталась лежать на столе недописанной, а потом швырнул ее через всю комнату.

Реакция совсем незрелого человека. К тому же это не принесло ему никакого удовлетворения.

Он собрался уже лягнуть как следует письменный стол, но вовремя остановился, обратив внимание на его размеры — в соответствии с вкусами безвременно усопшего Хакана; и еще ножки стола были покрыты многочисленными шрамами, являвшимися, вне всякого сомнения, результатом опасной для здоровья ярости прежнего посла, в которую тот впадал, общаясь с очаровательными, альтруистичными и невероятно обаятельными жителями созвездия Алтай.

Следующим порывом Стэна было приказать адмиралу Масону отправиться в свою каюту, в надежде спровоцировать того на вспышку гнева и нарушение устава, однако вместо этого он удовлетворился громким, наводящим ужас рыком в адрес проливного дождя, который изо всех сил барабанил по стеклу.

Кто-то хмыкнул. И хихикнул.

Стэн не стал поворачиваться.

— Я и не думал, что ты пожалеешь этого типа, — проворковал Алекс. — Кажется, он обнаружил, что ему придется отвечать за все это чертово созвездие, населенное злобными Кэмпбеллами.

— И это, — добавила Синд совершенно искренним голосом, — тот самый храбрый Стэн. Великий воин! Я боготворила его с самого детства. Человек из легенды, который привел народы Волчьих миров к миру и процветанию. На его устах всегда цвела улыбка, а в сердце ликовала музыка.

Стэн, как и прежде, не поворачивался к своим друзьям.

— Интересно, есть ли хоть одно кретинское существо в этом кретинском созвездии, которое не стремилось бы покончить со всеми другими кретинскими существами? — осведомился он. — Есть здесь хоть кто-нибудь, начиная от наглых дураков аппаратчиков, считающих себя интеллектуалами, взбесившихся студентов и кретинов, бегающих со своими кретинскими бандами наемников, до проклятых полудурков, играющих в кретинские игры для того, чтобы не дать сесть на кретинский трон проклятому идиоту Искре, которому наш вечный кретинский... — Стэн запнулся, обнаружив, что воздух в его легких весь вышел, вздохнул и продолжал немного более спокойно, делая поправку на присутствие Синд: — Чтобы мы отдали кретинские ключи от этого кретинского королевства; но есть ли здесь кто-нибудь, у кого найдется хоть капелька элементарной человеческой доброты?

— Нехорошо, — укоризненно покачал головой Алекс. — Какая невоздержанность в языке. И еще в присутствии леди.

— Налейте мне что-нибудь выпить.

— Сейчас не время, шкипер.

Стэн наконец повернулся. Синд и Килгур были одеты в гражданскую одежду джохианцев. Довольно бедную. Темной расцветки.

И держали в руках джохианские плащи.

Что еще интереснее, на них были бронежилеты с встроенными передатчиками, виллиганы с короткими дулами и складными прикладами в подплечной кобуре, два запасных магазина с зарядами АМ-2 и боевые кинжалы в ножнах. Под плащами вся эта экипировка совсем не заметна.

А самым замечательным было то, что под мышкой Килгур держал большой пакет, завернутый в третий плащ.

Между сумерками и тьмою,
Когда зажигаются звезды,
Отдохни от дневных забот.
Час злодеев стоит у ворот.

Продолжая читать стихотворение, Алекс развязал сверток. В нем, как Стэн и полагал, оказался полный набор гражданской одежды, бронежилет, оружие и фототропический комбинезон.

Рядом тихо звучит
Шорох чьих-то шагов.
Сталь находит тело врага,
Смерть свой суд вершит.

— Значит, вы, пара клоунов, собираетесь поиграть в свои любимые игры, а меня оставляете здесь возиться с бумажками?

— Господин благородный посол,— сказала Синд,— не может выходить на сырость и холод, чтобы встречаться с отбросами общества.

— Ты права. Я должен соответствовать своему званию. Килгур, ты не забыл про мой кукри?

Настроение Стэна заметно улучшилось. Он быстро скинул тунику посла.

— Я думаю, тебе следует одеться, как это принято в отряде богомоллов, босс. На случай, если нас раскроют.

— А что тебе удалось пронюхать?

— Ты мне говорил, что среди прочего император жаловался на Хакана, который продавал на черном рынке АМ-два. Сбывал в другие системы, чтобы иметь возможность оплачивать свои дорогостоящие монументы.

— Ну и что?

— Если предположить, что здесь ничего не изменилось, плохиши должны искать себе новых хозяев. Значит, было бы полезно разузнать, как работает система черного рынка.

— Очень хорошо. Отлично,— похвалил его Стэн.— По крайней мере, хоть кто-то здесь еще способен думать. Видит бог, не я. Ну и кто этот симпатичный гражданин, который готов забыть об интересах своего родного созвездия, променяв их на заботу о собственном благе?

Алекс объяснил. Шеф корпуса «Меркурий» в скоплении Алтай, сравнительно молодой и неопытный оперативник по имени Хиндс, по традиции служивший под прикрытием атташе по культуре, дал задание своему лучшему джохианскому агенту.

Стэна интересовало, насколько хорош агент. Килгур пожал плечами.

— Ну, они считают, что агент уровня «А». Но, судя по его отчетам и разговору, при котором я присутствовал, он и на уровень «В» не очень тянет. Впрочем, нам особенно не из чего выбирать, босс, так что приходится довольствоваться тем, что под рукой. У меня нет времени самому заниматься этой проблемой. Так вот, агент Хиндса утверждает, что знает одного из контрабандистов, который ужасно сердит на своих бывших товарищей, исключивших его из операции и лишивших, таким образом, солидного куша.

— У тебя есть еще какое-нибудь подтверждение, что эта птичка действительно хочет прийти и спеть нам песенку, а не собирается просто взять наши денежки и накормить нас взамен каким-нибудь более или менее правдоподобным дерьмом?

У Килгура моментально сделался обиженный вид — неужели Стэн на самом деле считает его таким доверчивым простаком? Но он промолчал и продолжал объяснять.

Человек, с которым им предстоит встретиться, утверждает, что является владельцем нескольких небольших кораблей — на них Хакан вывозил АМ-2. Агенту Хиндса удалось получить копию бортового журнала одного из этих кораблей.

— Конечно, там написано, что корабль везет груши, сливы, мак и тому подобную ерунду, но порт назначения вызывает интерес. Корабль летел на Хондзо, а там всегда готовы купить АМ-два, не задавая при этом лишних вопросов.

— Звучит не слишком убедительно, — заметил Стэн,

— Это точно, — согласился Килгур. — К тому же он почему-то хочет встретиться ночью. В старой части города. И чтобы никакой охраны. Вот почему я решил прихватить с собой оружие. Поэтому и Синд пригласил. Ну и сам я, конечно, пойду, если ты одобришь эту операцию.

— Ладно, пошли. — Стэн ухмыльнулся.

Перспектива заняться чем-нибудь опасным радовала его, хотя Стэн был уверен, что ублюдок, с которым им предстояло встретиться, наверняка врет.

— Ты ведь понимаешь, капитан Синд, — сказал он, — некий рядовой Ото очень захочет, чтобы мы срезали свои бороды, только за то, что не взяли его с собой в тот момент, когда наметилась маленькая драчка. — Потом Стэну в голову пришла другая мысль. — Интересно, как мы туда пойдем? Я вдруг вспомнил, что послам не полагается покидать посольство, не уведомив об этом местные власти.

У Синд был очень хитрый вид.

— Пока ты играл в свои дипломатические игры, я решила, что следует проверить, насколько безопасна наша спальня. У меня сложилось впечатление, что у предыдущего посла были довольно своеобразные вкусы.

Синд подошла к панели управления и включила какой-то рубильник. С тихим шипением стена отошла в сторону.

— Ага,— сказал Стэн.— Что за жизнь без тайных ходов?

— Он идет отсюда мимо нашей спальни,— объяснила Синд.— Потом сворачивает вниз, вдоль крыла, где расположены офисы и квартиры обслуживающего персонала. В районе кухни спускается под землю, а затем выходит наружу за задней стеной посольства.

— Причем через этот ход можно попасть в комнаты горничных. Прежний посол был большим романтиком,— добавил Килгур.

— Извращенцем,— поправила его Синд.

— А разве есть какая-нибудь разница? — удивился Килгур.— Капитан, если вы пойдете за ним, я буду последним. Можете не беспокоиться по поводу подслушивающих устройств. Про этот тайный ход никто, кроме меня и Синд, не знает.

Вот тут-то Килгур ужасно ошибался.

Встреча должна была состояться в четырех километрах от посольства. Улицы были пусты, если не считать редких гравитолетов, медленно пробирающихся через разыгравшуюся бурю, да еще каких-то несчастных существ, спешивших по своим делам.

Килгур вел своих друзей через крупнейший вокзал Рурика. Когда троица подходила к нему, Стэн подумал, что вокзалы почему-то всегда располагаются в ужасных трущобах. Интересно, что тут первично? Почему вокзалы притягивают к себе бездомных?

Двое полицейских, стоявших у входа, посмотрели на них и решили, что перед ними бедный горожанин с женой и приятелем. А значит, подошедшие не представляют никакого интереса. Килгур повел Стэна и Синд через огромное здание. Скамейки были заполнены существами, которые, как показалось Стэну, ждут здесь, сами не зная чего, бесконечно долго. Некоторые спали, иные ели, другие читали. Кое-кто смотрел развлекательные передачи на тусклых экранах, но еще больше существ бессмысленно пялились в пустоту. На Рурике умение стоять в очередях, не сходя с ума от скуки, было не просто искусством, а жизненной необходимостью.

Друзья остановились возле стойки небольшого бара. Ничего горячего здесь не продавалось, только три разновидности охлажденного лимонада. Из еды предлагали лишь жидкую похлебку, причем вся посуда казалась ужасно грязной. Какой-то вонючий жир плавал на поверхности похлебки.

Синд, которая продолжала считать себя новичком по части шпионажа, внимательно наблюдала за поведением Стэна и Килгура — ее поражало, как опытные разведчики умудрялись все увидеть, не привлекая при этом к себе никакого внимания.

Пока Стэн не заметил ничего подозрительного, однако он прекрасно понимал, что если противник поставил на ноги всех своих

агентов, которые постоянно «ведут» Стэна, передавая его и его друзей от одного наблюдателя к другому, то даже им с Алексом не удастся ничего заметить.

Наконец Килгур безнадежно пожал плечами, показывая на мигающую надпись, которая зажглась на экране: «ВСЕ ПЕРЕВОЗКИ ПРИОСТАНОВЛЕННЫ ИЗ-ЗА ПОГОДНЫХ УСЛОВИЙ». Что-то невнятно бормоча себе под нос, как и положено крестьянину, оказавшемуся в такой дурацкой ситуации, он повел друзей к выходу.

Они проходили мимо двери с надписью «Только для служащих», когда Алекс сделал незаметный сигнал и метнулся к двери. Синд этого не ожидала, но Стэн успел схватить ее за плечи, и они последовали за Килгуром. Дверь за ними закрылась, Алекс задвинул засов; друзья оказались на сырой вонючей лестнице, в конце которой виднелся выход на улицу, где продолжал идти дождь.

Килгур махнул рукой — Синд, будь внимательна, спустись вниз по лестнице и охраняй выход.

Синд бесшумно скользнула вниз по ступенькам, чуть распахнув плащ и положив руку на рукоять пистолета, палец рядом с курком — она была готова в любой момент пустить оружие в ход. Оказавшись на улице, Синд мгновенно прижалась к стене.

Она даже успела найти минутку, чтобы восхититься Стэном и Килгуром. Они снова преподали ей урок. Синд никогда не приходилось участвовать в подобных вылазках, когда приказы отдает тот, кто в данный момент лучше осведомлен о происходящем, а вовсе не тот, у кого выше звание.

Стэн появился в дверях и прижался к стене по другую сторону от выхода. Алекс последовал за ним.

Ему тоже хватило времени, чтобы оценить способности Синд: «Подходящая барышня, точно. Она, конечно, еще мало чего знает, но вполне может стать не хуже отборных агентов из отряда богомолов. Надо сказать Стэну, что я его благословляю».

А потом Алекс вышел под дождь, и они быстро перебежали через дорогу и вышли на грязную улицу за вокзалом. Пройдя квартал, зашли в подворотню — удостовериться, что их не преследуют.

Улица была пустой и темной. Килгур удовлетворенно кивнул. Потом достал из кармана сенсор и проверил, не нацепили ли на кого-нибудь из них датчик, пока они находились в здании вокзала.

— Откуда ты знал, что та дверь на вокзале не заперта? — спросила Синд.

— Ах, красавица,— проворчал Килгур.— Я позаботился об этом заранее. Кто, по-твоему, ее открыл? Кто повесил «официальное» объявление? Нет, ты меня явно недооцениваешь.— Он не стал дожидаться ответа.— А теперь пора на встречу с нашим агентом.

Друзья осторожно двинулись вперед, стараясь держаться поближе к стенам зданий. Впрочем, на них никто не обращал внимания —

в этом районе все старались заниматься собственными делами и не совать нос в чужие.

Трущобы, по которым друзья сейчас пробирались, представляли из себя бесконечные ряды высоченных мрачных полуразрушенных построек — все на Джохи было монументальным, даже развалины. Здания были выстроены около ста земных лет назад для служащих администрации Хакана. Поэтому архитектор позаботился о некоторых удобствах — клерки самого Хакана не могут жить так же плохо, как простые смертные.

Прошло время. Здания начали разрушаться. Государственные служащие постепенно переехали в новые, более престижные районы. Маклиновские лифты перестали работать. Теперь приходилось подниматься по бесчисленным ступенькам. Смотрители домов были трусливыми и жадными. Да и вообще, очень характерная для Джохи вещь — здесь умели строить, но никто и не думал о поддержании порядка. Здания, дороги, монументы — все это медленно, но верно приходило в запустение.

Почти все стекла на окнах разбиты или украдены. На верхних этажах нет света, лишь изредка поблескивает огонек в воровских притонах. Фронтоны зданий облупились, часть облицовки обрушилась прямо на тротуар. Улицы засыпаны толстым слоем мусора.

Друзьям пришлось пройти мимо реки, протекавшей через Рурик, — большая сточная канава, вдоль русла которой валялся мусор. Казалось, его швыряли вниз прямо с моста. Вероятно, много лет назад вдоль реки можно было приятно прогуляться праздным летним вечером. Только не теперь.

Стэну было не по душе, что Алекс договорился встретиться с агентом именно здесь. На мосту, например, просто превосходное место для засады. А под мостом, возле реки? Даже Алекс с его невероятной и, как правило, оправданной уверенностью в собственных мускулах и опыте не согласился бы спуститься в это кошмарное место.

Так, во всяком случае, надеялся Стэн.

— Ситуация такова, — начал объяснять Алекс. — Я сказал нашему новому приятелю-агенту, что возьму с собой прикрытие, имея в виду тебя, Синд. Я не сообщил ему, где ты будешь находиться, так что хорошо, если бы ты следовала за мной, но так, чтобы никто про это не знал. Я должен прогуливаться по берегу, где меня и будет поджидать этот тип. Лично мне его план совсем не понравился, но он был тверд, как скала. Босс, ты должен стать незаметным, словно муха в хагтисе, если не возражаешь. Встань вон там, возле разрушенной стены, будешь меня прикрывать. Спереди.

— Большое тебе спасибо, Килгур! Придется влезть в эту грязь, а потом еще постараться обойти тебя спереди? А ты выдумщик, однако.

— Ага, все так, как ты говоришь. Только, кроме всего прочего, тебе надо постараться не шуметь. Я-то всего лишь мелкий, незаметный агент, а ты у нас адмирал. Так что терпи.

Стэн проверил свой пистолет.

— Если хорошенько пошаришь в карманах жилета, найдешь парочку гранат. Отличные штуки: грохочут, изрыгают пламя и, естественно, взрывают все что ни попадя.

— Ты считаешь, могут возникнуть проблемы? — прошептала Синд.

— Всякое может быть. Вероятность не больше семидесяти процентов, иначе я заставил бы Стэна взять с собой какое-нибудь серьезное оружие. Ладно, хватит чесать языками. Пора идти.

Внимательно наблюдая за набережной, можно было бы заметить передвигающийся силуэт. Однако на самом деле это была всего лишь игра света и тени, отбрасываемой мостом, — во мраке ночи шел дождь. Стэн, который и стал этой тенью, скользнул через остатки стены и выбрался на берег реки.

Настоящее болото. Нога погрузилась во что-то, совсем недавно бывшее мыслящим существом.

Стэн поморщился. «Становишься слабаком, приятель. Помнишь, как вас тренировали в отряде богомоллов — заставляли ползти полкилометра на животе по открытой сточной канаве, а потом, когда вы возвращались на базу, объявляли, что на сегодня отключили воду и помыться не удастся?»

Стэн отметил, что тело слушается его совсем не так хорошо, как прежде, — сказывалось отсутствие тренировок, ведь в последнее время он не слишком часто выполнял подобные задания. Он замер на месте, словно крыса, высматривающая добычу. Сзади, сквозь шуршание дождя, едва доносились шаги Алекса, который специально громко топал по тротуару набережной.

Синд держалась в тени полуразрушенного здания на противоположной стороне набережной, примерно метрах в пятидесяти за спиной Алекса, отличной мишени.

Килгура передернуло, но вовсе не от пронизывающего ветра и холодного дождя, который с энтузиазмом поливал все вокруг. Интересно, сколько раз он вот так приходил на встречу с местным агентом? «Десятки, — подумал Алекс. — И тебя каждый раз мороз продирает по коже, стоило представить, как пуля, выпущенная из пистолета кем-то, стоящим у тебя за спиной, проникает в твое тело».

Немного впереди Килгур заметил небольшое здание, рядом с которым стоял сломанный уличный фонарь. Раньше здесь, наверное, была остановка транспорта или будочка полицейского.

Какое-то движение. Пальцы Алекса коснулись пистолета, спрятанного в защитном жилете, но он тут же решил, что мини-вилли-

ган в кобуре на спине подойдет больше. Щелкнул предохранителем и поморщился, хотя быстро сообразил, что шум дождя заглушает все звуки. Касаясь пальцем курка, Алекс приготовился к неожиданностям — дуло пистолета упиралось в полу его плаща. Не отдавая себе в этом отчета, он встал поудобнее: немного согнувшись, расставил ноги, продолжая при этом идти вперед.

Тень приобрела очертания человека. Новое движение. За спиной незнакомца вспыхнула молния, и палец Килгура замер на курке. Затем он немного расслабился. Теперь человек в длинном, почти до пят, плаще был прекрасно виден. А еще Килгур успел заметить, что в руках человек ничего не держит.

Агент.

— Солнце пробивается сквозь самые темные тучи, — сказал Алекс, проклиная себя за абсолютно кретинский выбор пароля, который показался ему вполне подходящим, когда он сидел в своем теплом и сухом кабинете в посольстве.

Тот, с кем он встречался, — шкипер, должен был ответить так: «Даже в самых низких поступках можно найти благородство».

Ничего. Только вой ветра.

За стеной, в нескольких метрах от Килгура, Стэн приготовился действовать — сбросил плащ прямо в грязь, выхватил из кобуры небольшой пистолет, перевел стрелку мимо «БЕЗОПАСНО — ОГОНЬ — ВЗРЫВ» и остановился на «АВТО». Другой рукой снял пистолет с предохранителя, встал на колени и принялся вглядываться в темноту, готовый защитить своего друга в случае опасности.

Ему показалось, что он что-то заметил. Показалось, что над головой незнакомца, пришедшего на встречу, нечто блеснуло — или действительно только показалось?

Килгур тихонько присвистнул, а в это время сознание уже выдавало подробные инструкции рефлексам. Нет, нет, ложиться на землю нельзя, ты попал в зону смертельной опасности. У тебя есть несколько секунд, приятель. Этого более чем достаточно.

Связник ничего не ответил на пароль Килгура, потому что связник умер. В мире теней, с которым были так хорошо знакомы Стэн и Килгур, обнаружить, что враги поймали твоего человека и всадили в него несколько пуль, было почти нормальным явлением. А повесить человека на уличном фонаре, воспользовавшись проволоочной петлей, — вполне распространенная идея, если речь идет об убийстве. Но вот поставить тело так, чтобы казалось, что он стоит и ждет тебя...

Засада.

Алекс выхватил гранату из кармана жилета и швырнул крошечную бомбу направо от себя, одновременно сделав три огромных шага и подпрыгнув в воздух. Потом метнулся вперед и, пролетев немного,

упал на мокрый от дождя асфальт, прокатился по нему около метра, подумав, что ему следовало бы побольше времени проводить в спортивном зале, потому что завтра все тело будет в синяках, а мышцы еще долго станут напоминать о том, что лень — это плохо.

«Если завтра наступит», — добавил про себя Килгур в тот момент, когда пулеметная очередь разнесла в щепки маленькую будочку.

«Треугольник. Нас окружили с трех сторон. Очень серьезная ситуация», — подумал Стэн и, нажав на спусковой крючок, прикончил одного из потенциальных убийц.

Синд, широко раскрыв рот от изумления, смотрела целую микросекунду на то место, где только что стоял Килгур. А потом граната, которую он с невероятной силой — не надо забывать, что Килгур родился на планете тяжеловесов, — метнул в воздух, коснулась каменного здания где-то на высоте шестидесяти метров и взорвалась.

Передняя часть здания рухнула, и второй убийца оказался погребенным под градом кирпичей как раз в тот момент, когда пистолет Синд, заряженный АМ-2, сделал все, чтобы мерзавец не смог выбраться из-под обломков.

Третий член команды убийц еще только собрался стрелять, когда Килгур заметил его и нажал на курок. И не попал. Алекс тихонько выругался, обвиняя во всем кретинские пистолеты, потом, ухватившись левой рукой за дуло, чтобы его уравновесить, выстрелил — и третий нападавший простился с жизнью, присоединившись к своим коллегам.

Отряд Стэна начал передвигаться — Стэн направился к полуразрушенной стене, Килгур, превратившись на время в мяч, прокатился по мокрой мостовой в сторону какой-то кучи мусора, а Синд схоронилась сначала в одной парадной, затем перебежала в другую. Килгур убрал пистолет в кобуру и вытащил мини-виллиган, приготовившись открыть огонь.

Прогрохотал гром, и тут Стэн осознал, что он, оказывается, считал в уме: молния осветила небо примерно в двух километрах от них, а с того момента, как они увидели тень человека, прошло около шести секунд.

Засада. Почему? Чтобы показать Килгуру, что за ним следит другая группировка, занимающаяся, как и он, сбором информации? Весьма мелодраматический способ продемонстрировать, что этот контрабандист, даже если он не является подставным, ничего им не скажет. Малопрофессиональная организация. Профессионалы никогда не убивают друг друга. В этом нет никакой необходимости, если закрыт источник утечки информации.

Ну, ладно, как бы там ни было, проанализировать, кто, что и почему, можно позже. Пора уходить. Точнее, пора уносить ноги — и побыстрее! Стэна не беспокоило, что здесь в любой момент могут появиться полицейские — он прекрасно знал, что местная полиция

относится к своим обязанностям, мягко говоря, без особого рвения, к тому же они вряд ли регулярно патрулируют этот район, разве что большими группами и один раз за ночь. Но если посол императора на Джохи окажется замешанным в вульгарной уличной драке, это будет... ну, не очень приятно.

Стэн начал подниматься, инстинктивно принимая на себя командование, хотя до сих пор операцией руководил Килгур. Он успел услышать свист и увидеть вспышку, возникшую впереди и наверху, на мосту. Мина угодила прямо в грязь, окатив его дождем вонючей слизи, но не причинив ни малейшего вреда.

И тут наступила очередь автоматического оружия: вокруг Стэна начали метаться пули, словно ополоумевшие насекомые. Он снова прижался к стене, потом упал на землю, только тут заметив, что стреляют из окна третьего этажа здания, расположенного напротив. Подняв виллиган, проклиная его короткое дуло, невозможность как следует прицелиться и отсутствие времени на подготовку, Стэн выстрелил, но оружие, зажатое теперь в мертвой руке стрелка, продолжало стрелять, посылая смертоносных мух в черное, дождливое небо. Потом стрелок упал, увлекая за собой и свое оружие. Однако оставалось еще два ствола, которые продолжали обстрел.

Через мгновение Стэн оказался рядом с Килгуром, старательно пытаясь укрыться за чудесной кучей мусора, которая, правда, становилась все меньше и меньше, потому что один из стрелков сообразил, где они спрятались, и принялся обстреливать их убежище. Вторая мина разорвалась на асфальте неподалеку.

— Похоже, у этих ублюдков серьезные намерения, босс.

Очень справедливое замечание, поскольку эта акция больше не была похожа на обычное желание покончить с сующим нос не в свои дела разведчиком. Когда первый удар не принес желаемых результатов, группе надлежало тихонько покинуть место происшествия. Кем бы ни были эти типы, они устроили здесь самую настоящую засаду и очень хотели заполучить несколько имперских трупов, не считаясь ни с какими затратами.

«Армия? — подумал Стэн. — Нет. Они не играют в подобные игрушки — по крайней мере, пока... Где, черт подери, Синд?»

Как раз в этот момент он получил ответ на свой вопрос — разорвалась граната, распахнулось окно, и Синд крикнула:

— Давайте двигайте! Я прикрою!

Стэн изо всех сил треснул Килгура по спине, тот вскочил на ноги и уже через секунду оказался в пустой, давно брошенной хозяйками лавчонке. Стэн тоже бросился вперед, прямо туда, где стреляли, тренированные мышцы принялись за дело, и он, под прикрытием огня Килгура, метнулся к окну. Перекатившись через подоконник, Стэн прижался к стене. Синд влетела в это же окно с такой скоростью, словно за ней гналась целая свора кровожадных чудовищ.

Это временное убежище скоро станет ловушкой. Зато не нужно беспокоиться о боеприпасах. Их хватит на целый день — в магазине каждого мини-виллигана содержалось почти полторы тысячи одно-миллиметровых зарядов АМ-2.

И снова минометчик изменил прицел. В сторону разрушенной лавчонки летел новый снаряд, и Стэн прижался к вонючему полу-сгнившему ковру на полу. Почему-то в этот момент он подумал о крысах.

Стрелок плохо прицелился, и бомба разорвалась где-то наверху. Посыпались кирпичи, совсем как от гранаты Килгура, брошенной несколько минут назад.

— Клянусь бородой моей матери, — рассеянно проговорила Синд, — это самое лучшее, что произошло с нами за последнее время.

Она была совершенно права — теперь у них появилась пища для размышлений. Но Стэн хмыкнул.

— Чем-чем ты клянешься?

— Заткнись! — рявкнула Синд. — Видишь, что получается, когда убегаешь из дома и тебя воспитывают бхоры?

— По правде говоря, — вставил свое веское словечко Килгур, — я бы не стал горевать, если бы здесь сейчас оказалась парочка твоих головорезов. А вы?

— Да уж точно. Хотя ты мечтаешь о бхорах, а я — о запасном выходе. Как думаешь, чье желание исполнится раньше? — спросил Стэн.

Они вскочили на ноги и, спотыкаясь в темноте о разные предметы, разбросанные тут и там, бросились искать заднюю дверь.

— Есть какие-нибудь идеи насчет того, кому мы так сильно не приглянулись? — поинтересовалась Синд.

Ни у Килгура, ни у Стэна никаких достойных обсуждения идей на этот счет не возникло. У жителей созвездия Алтай были такие своеобразные манеры, что занять зуб против представителей императора мог кто угодно.

В задней части лавчонки Стэн обнаружил черный ход, и в этот момент возле двери разорвалась граната, проделав в стене несколько отверстий. Стэн заметил снаружи какое-то движение и швырнул в отверстие свою бластер-гранату. Послышались крики, которые мгновенно смолкли в тот самый момент, как граната разорвалась. Граната-бластер останавливала время для всех тех, кто попадал в радиус ее действия, — жертва находилась без сознания два часа, а когда приходила в себя, ничего не помнила.

— А вы, оказывается, добряк, шкипер, — проворчал Алекс.

— Да уж это точно, — рявкнул Стэн. — Я просто бомбы перепутал. Ладно, давай действуй, ты нас впутал в эту веселенькую историю!

— Ага,— проговорил Килгур.— Наступило время, точнее ночь, когда волшебство больше не действует.

Он ухватился рукой за одну из планок и потянул. Тяжелая планка вместе с дверью осталась у него в руках.

— Здание можешь не трогать,— разрешил Стэн.

Стэн и его друзья осторожно выбрались из двери и увидели, что поблизости лежат четыре человека. Люди — а это означает: торки или джохианцы. Группировка Доу? Или какая-нибудь партия джохианцев, о целях и идеях которой Стэну еще только предстоит услышать? Данных недостаточно. Все четверо были в комбинезонах без знаков различия.

— Ну, ладно. Сваливаем отсюда. Вряд ли здесь будет еще что-нибудь интересное. Да и тела...

Стэн понял, что Килгур имеет в виду, и они, согнувшись, помчались по аллее, стараясь двигаться как можно тише.

Удача отвернулась от них практически сразу: во-первых, гроза стихла так же неожиданно, как и началась. И что еще хуже — небо прояснилось, и на нем появились обе джохианские луны.

— Синд, скажи, у бхоров есть божество, отвечающее за погоду?

— Шинд. Он управляет ледяными бурями.

— Дерьмо!

И тут их настигло второе несчастье. Луч прожектора высветил небольшой отряд Стэна, словно они были тараканами на гладкой, ровной поверхности стены. Или негативами старой фотографии. Но тут рывкнули все три пистолета одновременно, и свет с шипением погас. Снова стало темно, а троица успела нырнуть за брошенные кем-то давным-давно обломки гравитолета.

— Я его видел! — раздался удивленный возглас.— Того самого. По телику показывали — приятель императора!

Стэн выругался. Теперь придется давать объяснения. Сначала тем, кому принадлежит временная власть на Джохи. Император, естественно, наверняка узнает об инциденте и захочет задать Стэну несколько вопросов: например, почему его полномочный посол самостоятельно занялся каким-то дурацким расследованием, которое спокойно можно было поручить кому-нибудь другому.

Ладно. По крайней мере, теперь их не убьют. И может быть, Стэну даже удастся придумать способ избежать гнева императора.

Тут он услышал:

— Этот чертов посол?

— Угу.

— Убейте негодяя! Давайте исполняйте!

— Интересно, кто тут такой смелый, что не боится пришить приятеля императора? — задумчиво проговорил Килгур.— Ладно, разберемся позже. Назад. Туда, откуда мы пришли.

Небольшая пехотная ракета попала в стену как раз над головами друзей — так что путь назад был закрыт.

— Мы в ловушке,— объявила Синд.— Кто-нибудь из вас умеет летать?

— Слушай, пора отнестись к проблеме серьезно,— возмутился Килгур.— Мне даже и смеяться что-то не очень хочется, не то что летать.

Потому что они действительно попали в ловушку.

Пока он это говорил, начался упорный обстрел гравитолета, который и без того был не очень надежным укрытием.

— Интересно,— задумчиво произнес Стэн,— почему в кино, когда герой прячется за гравитолетом, все пули отскакивают от него, вместо того чтобы пробить обшивку насквозь, как это принято в жизни?

Никто ему не ответил.

Огонь прекратился. Послышались шаги.

Синд подняла свой пистолет. Но Стэн покачал головой, и Синд заметила у него в руке кукри, на лезвии которого на мгновение мелькнул лунный свет. Секунда — и Синд уже держит в руке свой боевой нож.

Нападающих было четверо.

Номер Один ничего не увидел. Нож Синд с плоским лезвием был сделан из анодированной стали, он легко вошел прямо в сердце врага, и тот беззвучно повалился на землю.

Номер Два ничего не услышал. Два небольших бочонка, которые Килгур скромно называл кулаками, опустились ему на голову, и та треснула, точно яичная скорлупа.

Номер Три успел два раза моргнуть, прежде чем изогнутый нож, столь обожаемый гурками, разрубил ему плечо, потом ребро и застрял в животе.

Номер Четыре получил даже слишком много времени: он повернул винтовку в сторону Стэна, толкнул его, рука посла с окровавленным кукри описала круг, а в это время Номер Четыре попытался прицелиться.

Стэн сгруппировался, опустил правую руку, с силой сжал пальцы — пришло время смертельного оружия, ждущего своего часа. Взмах левой руки — если ты дерешься с ножом в руке, необходимо делать все машинально, думать тебе некогда... И Четвертый увидел, что дуло его винтовки разрезано на две части. Потом нож с силой вошел в солнечное сплетение Четвертого, который сразу стал напоминать большую выпотрошенную рыбину.

Стэн по привычке вытер нож об одежду поверженного врага и вернулся на свое место. Затем привел в порядок кукри, стараясь не смотреть на то, что несколько секунд назад было человеком. «Еще один,— подумал он.— Еще один в бесконечном списке».

Синд и Алекс ждали, что теперь прикажет босс.

Стэн поднял пистолет и постучал пальцем по стволу. Синд и Килгур кивнули. Врагу понадобилось целых десять минут, чтобы понять, что четверо убийц не вернутся, — ведь не прозвучало ни единого выстрела, ничего даже отдаленно напоминающего крик.

Тогда они послали семерых.

Стэн подпустил их совсем близко к гравитолету, а потом подал сигнал своим друзьям. Огонь! На асфальте осталось лежать семь тел.

Третья волна атаки накатила меньше чем через две минуты. Нападающие решили проложить себе путь гранатами — воздух наполнился осколками стекол и обломками разрушенных строений.

— Они ведут себя нечестно! — возмутился Алекс.

— Лично я не намерена сдаваться, — заявила Синд.

— Я тоже, — кивнул Стэн. — Однако самоубийство мне представляется малополезной штукой.

— Мы ждем, приятель. Может, тебе все-таки придет в голову какая-нибудь идеяка.

Стэн задумался... И как раз в этот момент снова началась гроза — прогремел гром и начался дождь. Стэн выругался. На пять минут бы раньше и...

«Ладно. Воспользуемся тем, что у нас имеется. Внесем панику в ряды противника».

— Килгур, ты можешь бросить гранату так, чтобы она попала ровненько в их компанию?

Алекс задумался.

— Близко к ним — могу.

— Когда граната взорвется — бежим! Через пятнадцать метров прижимаемся к земле, снова бросаем гранату и налетаем прямо на всю эту шайку.

Синд и Алекс посмотрели на него. Их лица ничего не выражали.

— И некому будет даже выпить за наши души, за то, чтобы они отправились прямехонько, без задержек, в ад, — вздохнула Синд, потом сняла гранату с пояса и присела.

— Ну ладно, ладно, — печально проговорил Алекс. — По крайней мере, можно утешаться тем, что умрем мы не в своих теплых постельках.

Он опустил пистолет, достал гранату, чуть приподнялся, нажал на кнопку и швырнул гранату туда, где, по его мнению, сконцентрировался отряд врагов.

Граната упала, отскочила от асфальта и взорвалась примерно в метре от позиции неприятеля. Трое друзей вскочили на ноги, в этот момент сверкнула молния, словно отворяя для новых посетителей врата ада, взревел гром, а Синд издала отчаянный боевой клич бхоров. Они втроем метнулись в сторону поджидавших их врагов. Сколько их было, никто не знал.

И вдруг Стэн в ярости, отчаянно блефуя, прорычал:

— Айо-о-о! Гуркали!

Он посчитал, что это отличный клич, с которым совсем не стыдно сложить голову в бою.

Вопль эхом отразился от коричневых каменных стен.

И гурки его слышали. И атаковали.

Волна невысоких коричневых воинов накатила откуда-то из ночной мглы и поглотила врагов Стэна. Те не ожидали нападения с тыла, а гурки не стали дожидаться, пока противник придет в себя, и пустили в ход свои кукри.

Два отряда гурков промчались мимо Стэна и его друзей — у каждого бойца в руках было легкое огнестрельное оружие. Двигаясь, словно на параде, они выстроились в ровную линию и открыли огонь — теперь пламя полыхало по всей аллее.

К тому времени, как Стэн и его друзья поняли, что они живы и останутся в этом состоянии еще некоторое время — ну, по крайней мере, смогут выбраться из вонючей аллеи, — ни один из тех, кто на них напал, не смог бы похвастаться тем же.

Дождь приятно касался лица, а плечи Синд, которую Стэн прижимал к себе, были чудесны. Улыбка Алекса показалась Стэну самым потрясающим и доброжелательным проявлением чувств, какое ему когда-либо доводилось встречать.

Там, где только что была вражеская позиция, горели карманные фонарики. Трое друзей направились к ним.

Махкхаджири Гурунг подждал Стэна там.

— Сэр, вас было очень трудно отыскать, — с легкой укоризной произнес Махкхаджири Гурунг. — Я сожалею, что вы не призвали нас раньше. Будьте любезны в следующий раз, когда вы предпримете подобную вылазку, захватить сенсоры.

— Как, — удивленно спросил Стэн, — вы вообще узнали, что я покинул посольство?

Махкхаджири пожал плечами.

— После того как мистер Килгур обнаружил тайный проход, мы тоже его нашли. И хотя он не установил там соответствующей аппаратуры, мы посчитали, что следует это сделать. Видите ли, мы не так опытни, как мистер Килгур, и не можем почувствовать во сне присутствие наемного убийцы. Мы, гурки, стараемся пользоваться всеми доступными нам средствами, чтобы делать свое дело как полагается.

Стэн, Синд и Алекс переглянулись.

— Ну, хорошо, — сказал наконец Стэн. — Выходит, вам все известно. В таком случае, остается задать только один вопрос: где же бхоры?

— На мосту. И на набережной. Там было очень много людей с оружием — мы посчитали, что с ними необходимо разобраться. Бхо-

ры хотели, чтобы эта честь была предоставлена им. Мы согласились, поскольку они гораздо опытнее нас в вопросах дипломатии.

«Значит, пленных не будет»,— подумал Стэн.

— Мне нужен гравитолет,— сказал он,— потому что я хочу как можно скорее оказаться в посольстве и выпить чего-нибудь покрепче.

— Гравитолет вас ждет,— сообщил Махкхаджири Гурунг.— Там, на улице.

Пока они шли к машине, Килгур отвел Стэна в сторону.

— Мы выпутались из этой передраги чудом, приятель. Что-то мне не нравится, как повернулось наше маленькое дельце. Похоже, пришла пора как следует изучить, что тут происходит.

— Вот именно.

— А знаешь, что было самым интересным сегодня вечером?

Стэн знал. Кто-то совершенно сознательно пытался убить полномочного посла вечного императора. Не в сражении, не по случайности — был отдан прямой приказ.

Любому разумному существу было известно, что подобное убийство вызовет мгновенную и безжалостную реакцию со стороны императора. Получается, что существовали люди — целые фракции, здесь, на Джохи, по сравнению с которыми самые настоящие безумцы могут показаться вполне разумными и миролюбивыми существами.

В таком случае необходимо ответить на вопрос: кто командовал этой небольшой армией? Мины... автоматическое оружие... солдаты, прошедшие подготовку,— плохую, конечно, но тем не менее подготовку.

Ведь кто-то же послал их на задание.

Ладно, проживем — увидим. Должны подняться крики по поводу происшедших этой ночью событий, придумают какую-нибудь историю, чтобы объяснить гибель такого количества людей с оружием...

Но шли дни, и нигде не появилось никаких упоминаний об этом инциденте.

Все молчали. Словно ничего и не произошло. Включая полицейское управление Рурика.

Глава 13

План был очень коротким — всего три странички, написанные от руки на какой-то древней бумаге. Человек с совершенно бескровным лицом, сидевший напротив вечного императора, закончил читать и положил листки на стол.

— Ну, что скажешь?

— Интересно, сир,— ответил собеседник властителя совершенно нейтральным тоном.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было, поскольку все в Пойндексе было нейтральным — никаким. Он возглавлял корпус «Меркурий» — имперскую разведку — в последние дни Таанской войны. Опытный, бесстрастный солдат, Пойндекс продолжал служить, когда к власти пришел Тайный совет. Спустя некоторое время в результате внутренних политических интриг он стал одним из младших членов совета.

А когда император вернулся, Пойндекс предал Тайный совет. Бывший шеф разведки просил только об одном — по правде говоря, больше ни о чем другом он просить не мог, и прекрасно это понимал — сохранить ему жизнь. Он не имел никакого отношения к убийству императора. И не участвовал ни в каких зверствах и злодеяниях, в которых обвинялись узурпаторы власти.

Император принял его предложение — серьезный удар в спину Тайного совета,— и Пойндекс влился в дружную семью придворных вечного императора.

— Тебя это не удивило,— прокомментировал император реакцию Пойндекса.

— Сир, могу я говорить откровенно?

Властитель промолчал, и Пойндекс расценил его молчание как знак согласия.

— Меня удивляет, что я все еще жив, ваше величество. Когда вы приказали мне вернуться на Прайм-Уорлд, я был уверен...

— Нет,— перебил его император.— Если бы мне был нужен твой труп, мои люди сделали бы все тихо и быстро. Я решил, что устраивать показательные процессы ради того, чтобы люди запомнили период безвластия, не стоит. Кроме того, я прекрасно помню, что ты был очень хорошим шефом разведывательной службы. Я хочу, чтобы ты продолжал мне служить. Я собираюсь назначить тебя главой новой службы, которая будет называться внутренней безопасностью. Порядки в ней должны быть несколько иными, чем в корпусе «Меркурий». Кадры в это подразделение будут набираться не из военных. Они присягнут на верность лично мне, а не империи. Только я буду знать о том, какие задания выполняет ВБ. С точки зрения общественности единственный их долг — обеспечить мою личную безопасность. А я собираюсь интерпретировать это понятие очень широко.

Все задания ВБ будет получать от меня и отчитываться об их исполнении только мне. Никаких промежуточных звеньев. Данное подразделение получит преимущества при выполнении своих миссий. Все доклады и сообщения должны быть составлены в единственном экземпляре с грифом «Только для чтения» или передаваться устно. Никаких данных в имперских архивах. Итак... твой ответ?

— Ну, у меня выбора нет, ваше величество,— проговорил Пойндекс.— Я ведь теперь знаю о существовании такого подразделения,

так что это может... оказаться не очень приятным... К тому же... — Он постучал пальцем по листкам бумаги, лежащим на столе. — Этот план и проблемы, ради решения которых создано подразделение, вне всякого сомнения, не должны стать общественным достоянием.

— Твои рассуждения совершенно справедливы. На самом деле ты единственный, кроме меня, человек, которого я посчитал нужным ознакомить с этой проблемой и тем, как я предполагаю ее решить, — сказал император. — Однако, прежде чем ты примешь мое предложение, я хочу задать тебе один вопрос. Что помешает тебе предать меня так же, как ты предал Тайный совет?

Последовало очень долгое молчание. Затем Пойндекс поднялся на ноги и принялся вышагивать по кабинету.

— Я отвечу на ваш вопрос, сир, — сказал он, — хотя предпочел бы не обсуждать свои личные качества. Я нахожу эту тему... неприятной. Возможно, если вы позволите рассказать... притчу, мне будет легче. — Пойндекс сделал глубокий вдох. — В разведшколе номер один любят вспоминать некоего известного разведчика, который служил в древности одному земному императору. Говорят, именно он создал современную систему шпионажа, когда все следят за всеми — брат за братом, дети за родителями. И тому подобное. Император, восхищенный его достижениями, захотел наградить своего верного слугу. Но тот стремился только к одному — всю свою жизнь он мечтал о фельдмаршальском жезле. Император был потрясен этой просьбой и отказал. Шпион не может быть награжден так же, как честный солдат. И уж конечно — впрочем, император не сказал этого вслух, — не имеет права на славу.

— Этого человека звали Фуше, а диктатора — Наполеон Первый, — сказал император.

— Я вижу, вы в курсе, сир. Историю рассказывают для того, чтобы у молодых, переполненных тщеславными помыслами разведчиков не возникало стремления к общественному признанию и славе. Мне казалось, я понял мораль и научился подавлять в своей душе мечты о том, чтобы увидеть свое имя на страницах печатных изданий, ну и все такое прочее... что только мешает человеку эффективно выполнять свою работу. Но когда покойный сэр Кайс предложил мне войти в состав Тайного совета, имея в виду, естественно, свои собственные интересы, я понял, что все-таки не сумел избавиться от тщеславия. После падения Тайного совета — и моего, конечно же, тоже — я справился с этой слабостью.

— Да? — с интересом спросил император. — Тщеславие — гидра многоголовая.

— А разве это имеет какое-нибудь значение, сир? — спросил Пойндекс. — Я не сомневаюсь, что, в отличие от кретинов из Тайного совета, вы никогда не будете доверять мне до конца.

Император кивнул. Соблюдение собственных интересов — из страха или благодаря хорошо развитым умственным способностям — вполне уважительная причина. Особенно для выполнения задач, которые император собирался поставить Пойндексу.

— Я принимаю назначение, ваше величество. Естественно. Вы оказали мне честь.

— Отлично. В твоём подчинении будут и другие люди... имеющие такое же, не очень безупречное прошлое. Кое-кто из них получит задания, о природе которых тебе знать не нужно.

— Ясно, сир.

— Вот, например, это. — Император кивнул в сторону листков. — Здесь имеется три вопроса. Ты хочешь получить какую-нибудь дополнительную информацию про устройства, о которых идет речь?

— Нет, сир. И не стал бы слушать, если бы вы посчитали необходимым рассказать мне. Я знаю и так достаточно много, чтобы опасаться за свою жизнь.

— Ты считаешь, это выполнимо?

— Да, — ровным голосом ответил Пойндекс.

— Хорошо. Очень хорошо, — сказал император.

— Нам понадобится около месяца для того, чтобы собрать необходимый персонал, сир. Возможно, два цикла для самой работы и, конечно, полная изоляция.

— Я уже подумал об этом.

Император протянул руку и взял листки, на которых было написано предложение. Потом достал зажигалку из стола, поджег бумаги. Они моментально превратились в кучку серого пепла.

— Ты отправишься на Землю.

Пойндекс поднялся, отдал властителю честь и покинул кабинет.

Император внимательно посмотрел ему вслед. Жаль, что он не может предложить Пойндексу выпить с ним стаканчик и никогда не приготовит для него обед, как Яну Махони или Стэну.

Впрочем, это было так давно... Теперь наступили другие времена.

Глава 14

— Ну что ты так мучаешься, приятель? Я бы на твоём месте перестал переживать, — заявил Алекс. — Ты все равно ничего не в силах изменить. Приказ императора.

— Мне от этого не легче, — проговорил Стэн.

— А я совершенно согласна с Алексом, — заявила Синд, бхорское воспитание которой сказывалось в очередной раз. — Я понимаю, тебе не нравится, что ты вынужден вот так взять и объявить этим несчастным о решении императора. Новый правитель на пути сюда, и им придется смириться с этим фактом. Но лично я не вижу, как

ты смог бы подсластить пилюлю. Это факт их жизни, у них нет выбора.

— Я не пытаюсь ничего подсластить,— перебил ее Стэн.

— Думай быстрее, дружище,— поторопил Алекс.— Четверка наших приятелей будет здесь с минуты на минуту.

— Вот как я представляю себе ситуацию,— сказал Стэн.— Когда доктор Искра прибудет — а я так до сих пор и не знаю, когда же он все-таки объявится в этих краях, черт его подери,— так вот, когда он прибудет, тут может разразиться такое, что и представить нельзя. А что, если местные жители возмут и посоветуют императору засунуть своего нового бесстрашного и замечательного правителя... ну, сами знаете куда?

— Император раздавит их,— спокойно проговорила Синд.

— Может быть,— согласился Стэн.— Но в истории случались и более странные вещи. Включая массовые самоубийства.— Он подумал о миллионах жертв и о том, что творили с собой и своими соплеменниками таанцы.— Я очень хочу сделать все правильно. Иначе мы получим самую настоящую и очень кровавую гражданскую войну. Я хочу исполнить волю императора. Они должны задуматься о том, что их ждет, если они не станут поддерживать доктора Искру.

Синд не поняла.

— Если они настолько безумны — а судя по тому, что я видела в этом богами забытом созвездии, они все здесь не в своем уме,— разве лишние волнения и беспокойства не ухудшат и без того сложную ситуацию?

Алекс задумался.

— Не сразу, крошка.— Он повернулся к Стэну.— Нужно внести в их переживания немножко личностного фактора. Одного только страха недостаточно. Но прибавь к страху чувство вины, и ты получишь самого натурального, запуганного до полусмерти труса.

Стэн посмотрел на Алекса. И просветлел.

— Здравствуйте, доктор Рикор,— рассмеялся он.

— Ну, я не такой умелец по части умных речей,— фыркнул Алекс.

Но Стэн его не слушал. Он торопливо набрасывал план на листке бумаги.

Как раз в этот момент прозвучал сигнал коммуникатора.

Пора.

— Прежде чем мы начнем, господин посол,— проговорил генерал Доу,— мы хотели бы выразить нашу...— Седовласый джохианец нервно оглядел пустое, совершенно официальное помещение, которое Стэн сознательно выбрал для проведения этого совещания.— Нашу благодарность за ваше... гмм... гостеприимство.

Стэн выразительно посмотрел на стену, где висели часы — единственное украшение холодной, словно безжизненной, комнаты.

— Вы очень любезны,— ответил он скучающим голосом. Постучал костяшками пальцев по столу.

— Мы знаем, что вы очень занятой человек, сэр Стэн,— проговорил Мениндер, дружелюбно глядя на Стэна сквозь толстые стекла своих уникальных очков.— Поэтому, как только мы узнали, что вы хотите нас видеть, мы собрались, чтобы составить документ.

— Да? — только и промолвил Стэн.

— Мы очень гордимся своей деятельностью,— вмешался генерал.— Лично я рассматриваю эту встречу как историческое событие.— Он подтолкнул к Стэну несколько листов бумаги.— Вот проект состава нового правительства. Мы подписали его — все четверо. Я думаю, наши усилия установить порядок на Алтае произведут на вас должное впечатление.

— Осталось только утвердить документы на наших родных мирах,— сказала Диатри, вождь богази.

— Поддержку суздаелей я гарантирую,— пролаяла Ютанг.

Стэн нахмурился и с подозрением ткнул в документы пальцем.

— Что-то не так? — спросил Мениндер.

Старый торк встревожился. Когда их провели в эту неприветливую белую комнату, в его сознании звякнул сигнал опасности. Очень недружелюбная обстановка. Напоминает комнату для проведения допросов. Да и стены толстые — никакие крики не пропустят наружу. Из мебели здесь был только длинный, пустой стол, за которым они и сидели. И пять очень жестких и неудобных стульев.

— А вы уверены в том, что хотите это мне отдать? — поинтересовался Стэн, снова ткнув пальцем в документы.

— Естественно, уверены! — заявил генерал Доу.— Это программа, я же уже сказал вам, программа нашего будущего.

Стэн молча посмотрел на него. Генералу стало немного не по себе под холодным взглядом. Он повернулся к Мениндеру.

— Вы ведь именно это говорили, не так ли?

— Успокойтесь, генерал,— предупредил его Мениндер.

— А почему я должен успокоиться? Мы пришли сюда, чтобы сообщить послу о наших решениях. Мы договорились твердо придерживаться своего плана. Мы же хотели вести себя именно так, верно?

— Вы говорите, говорите, говорите,— улыбнулась Диатри, быстро сообразив, откуда дует ветер — с весьма неприятным запахом.

Однако Доу по-прежнему не желал ничего понимать и продолжал возмущаться:

— Я не собираюсь брать на себя всю вину! Я ни при чем, господин посол, пожалуйста...

— Вы хотите забрать это? — спросил Стэн несколько мягче и подтолкнул документ к генералу.— Будем считать, что я ничего не видел.

— Конечно. Никаких проблем. Все равно это куча дерьма и не более того,— лепетал Доу, прижимая к груди листки.

— Чем можем быть вам полезны, господин посол? — спросил Мениндер.

— У меня два вопроса. Первый — чистейшей воды любопытство. Вечного императора заинтересовало вот что...

— Мы вас слушаем,— вставил Мениндер.

— Обед в честь Хакана. В тот трагический вечер.

В комнате воцарилась тишина. «Попались»,— подумал Стэн. И не стал нарушать напряженной тишины.

— Вы все присутствовали на том обеде? — наконец спросил он.

— Ну... гмм... я прибыл после всех остальных,— сказал генерал Доу.

— Значит, вы там были.— Слова Стэна прозвучали как утверждение, а не как вопрос.

— Конечно был. В этом нет ничего подозрительного, я надеюсь?

— А кто говорит о подозрениях? — спросил Стэн. Потом вопросительно посмотрел на Доу. «А почему вы ведете себя так, словно в чем-то виноваты?»

— Вот именно,— пробормотал Доу.— Я хотел сказать, что вы не... я...

— Да, сэр. Мы все присутствовали на том обеде,— вмешался Мениндер.

— Странно,— заявил Стэн.

— Это была дружеская встреча,— заговорила Диатри.— Разве там, откуда вы прибыли, дружеские встречи выглядят странно?

Стэн проигнорировал ее выпад.

— И вы не заметили ничего такого, что говорило бы о том, что Хакан нездоров? Может быть, он был бледен, чувствовал слабость? Или... наоборот, слишком раздражен?

— А с какой стати он должен был сердиться? — пролаяла Ютанг.— Обычный вечер, встреча...

— Я думаю, он очень счастлив был перед тем, как умер,— сказала Диатри.— Не сердит. Шутил. Мы смеялись. Ха, ха, ха. Потом умер. Мы все горевали очень, когда случилось. Плакали. Долго.

Стэн решил зайти с другой стороны.

— Я просмотрел его календарь дел на тот день,— сказал он.— Обед там не значился.

— Вопрос о нем решился... э-э-э... в последнюю минуту,— быстро проговорил Мениндер.

— В таком случае одна маленькая загадка прояснилась.— Стэн вздохнул.

— Вас это беспокоило? — спросил Мениндер.— Календарь дел?

— Не меня,— поправил его Стэн,— вечного императора. Вы не забыли, что я задал этот вопрос от его имени?

— Да, конечно, — быстро согласился Мениндер. Потом снял очки и принялся протирать их платком, который достал из кармана. — Императора интересует еще что-нибудь?

— Нет. Думаю, нет. Ах да, вот еще что... Где проходил этот обед?

— В доме моего друга, — ответил Мениндер. — Хакан пожелал, чтобы обед был организован в тесном кругу. Я устроил все в соответствии с его желаниями.

— В районе, где живут торки? — спросил Стэн.

— А почему бы и нет?

Стэн пристально посмотрел на Мениндера. И не отводил взгляда, пока Мениндеру не стало явно не по себе. Потом он принялся переводить взгляд с одного существа на другое, внимательно всматриваясь в лица своих посетителей. Напряжение стало почти невыносимым — плотный энергетический шар, готовый лопнуть в любой момент. Но тут Стэн спокойно проговорил:

— И правда, почему бы и нет.

И сделал вид, что не заметил, как очень обеспокоенные существа тихонько, но с явным облегчением вздохнули.

— Ну а теперь вернемся к тому, ради чего я вас сюда позвал, — серьезно проговорил Стэн.

Доу, Мениндер, Диатри и Ютанг продемонстрировали полнейшее внимание.

— После тщательного изучения обстановки и размышлений по поводу ситуации, сложившейся в звездном скоплении Алтай, император нашел решение вашей проблемы. Я уверен, вы все единодушно согласитесь с тем, что его решение гениально.

— Я в этом ни секунды не сомневаюсь, — вставил Доу, который в данный момент готов был согласиться на что угодно.

Мениндер вытирал пот со лба, а Диатри и Ютанг подсчитывали в уме свои прегрешения против империи, о которых Стэн пока не имел ни малейшего представления.

— Господа, я с удовольствием объявляю вам, что император выбрал того, кто поведет вас за собой и станет созидателем новой эры на Алтае... Его зовут, господа, доктор Искра. — Стэн спокойно оглядел присутствующих. Хитрость удалась — ни на одном лице не появилось ни малейшего признака протеста.

— Отличный выбор, — сказал Мениндер. — Честно говоря, насколько я помню, его имя упоминалось на том обеде, о котором мы с вами только что говорили. Ведь правда, генерал Доу?

Доу вздрогнул. Опять этот проклятый обед!

— Да, все именно так. Мы гордимся честью, которую оказал нам император, посвятив свое драгоценное время решению наших проблем.

— Когда должен прибыть доктор Искра? — поинтересовался Мениндер.

Как раз в этот момент огромный корабль приближался к космопорту. От рева его двигателей задрожали стекла в здании посольства.

«Вот черт,— подумал Стэн.— Вовремя...» Однако ответ его прозвучал совершенно спокойно:

— Сейчас, господа, прямо сейчас.

Глава 15

Доктор Искра появился на Джохи с большой помпой, хотя Стэн считал, что устраивать из прибытия пышную церемонию несколько рановато. С его точки зрения, было бы гораздо лучше, если бы ставленник императора и будущий диктатор объявился через несколько циклов после того, как все местные претенденты на власть сообразили бы, что ни одному из них рассчитывать особенно не на что — и успели принять решение, как вести себя с новым правителем Алтая.

Однако еще в самом начале своей службы на благо империи, много лет назад, Стэн понял, что одно дело чего-то хотеть или считать правильным, и совсем другое — реальность.

К счастью, корабль нового джохианского владыки находился на достаточном расстоянии от Рурика, так что Стэн успел призвать Алекса, собрать гурков и поручить Синд отыскать всех бхоров, не успевших накачаться стретгом, чтобы обеспечить солидный прием доктору Искре в космопорте. Кроме того, он не забыл прихватить с собой двух посольских операторов на случай, если вдруг никому не придет в голову запечатлеть столь исторический момент.

Над посадочным полем зависли два тяжелых крейсера: генераторы Маклина угрожающе шипят, корабли прикрытия, словно мухи, мечутся вокруг. Наконец на поле приземлились четыре транспортных корабля флота. Вскоре вылетели и гравитолеты, рассыпавшие по всему летному полю отряды охраны. По внутреннему кругу, образованному транспортными кораблями, было выставлено плотное кольцо солдат.

Стэн, Алекс и Синд удивленно наблюдали за этой необычной процедурой.

— Охрана,— проворчал Алекс.— Похоже, он еще не оправился от ужаса, который навела на него война и деятельность Тайного совета.

— Алекс,— тихо проговорил Стэн,— тебе не приходило в голову, что ни один из отрядов, в которых мы с тобой раньше служили, теперь не получает приказов охранять даже самые обычные задницы, не то чтобы каких-нибудь шишек? Тебе не кажется, что все изменилось?

— Ну и что? — удивился Килгур.— Так оно и есть.

Стэн двинулся вперед — в сопровождении отряда гурков и бховров — по направлению к самому большому крейсеру, который стоял в центре круга, образованного транспортными кораблями.

К тому моменту, как Стэн подошел к трапу, над крейсером уже развевался разноцветный флаг. Капитан крейсера и командир батальона имперских гвардейцев отдали Стэну честь. Этот батальон входил в состав третьего полка, с которым Стэн в прошлом практически не имел дела и о котором почти ничего не знал. Однажды, очень давно, когда он выполнял одно из заданий спецотряда богомолов, Стэн, по легенде, числился офицером, уволенным со скандалом из третьего полка.

«Интересно,— подумал он,— остались ли где-нибудь в архивах данные об этом инциденте?»

Имперская служба безопасности всегда очень тщательно разрабатывала легенды и следила за тем, чтобы все детали были выверены. Стэн надеялся, что эти данные где-нибудь затерялись,— ему было бы очень сложно объяснить командиру батальона, bravому на вид вояке по имени Т'м Джерети, почему полномочный посол империи был уволен из гвардии за совершенные в далеком прошлом злодеяния,— сейчас Стэн уже не помнил, какие именно преступления вменялись ему в вину.

Сухой, обжигающий ветер пронесся по летному полю, когда доктор Искра спускался по трапу крейсера.

Все лица остались бесстрастными. Прибывшие имперские солдаты уже успели привыкнуть к доктору Искре. Однако Стэн был восхищен профессионализмом своей собственной команды. Только Килгур тихонько выдохнул, Ото хмыкнул, а Синд шепотом прокомментировала это необычное зрелище. «Пожалуй,— подумал Стэн,— ей все-таки придется научиться контролировать свой язык — бхорское воспитание нет-нет да и дает себя знать».

— Проклятье,— услышал он,— этот тип напоминает судью-висельника, у которого под одеждой розовые штанишки с кружавчиками.

Абсолютно точное описание.

С расстояния двадцати метров доктор Искра не производил никакого впечатления. Невысокий. Худой. В ничем не примечательном, мешковатом костюме — в кино такие носили рассеянные профессора. Лысеющий в том возрасте, когда проблема наличия или отсутствия волос легкоразрешима. Остатки волос тщательно начесаны на лысину, чтобы ее прикрыть.

С расстояния двадцати метров этот человек был смешон и вызывал жалость. С расстояния трех — все выглядело иначе.

Доктор Искра становился пугающим. Стэн не понимал почему. Возможно, причина заключалась в том, что холодные серые глаза,

не мигая, буравили каждого, на ком останавливались. Или дело было в небольших красных точках, обрамлявших безгубый рот. А может, в том, что ни одна морщина на лице доктора Искры не была рождена улыбкой.

Искру окружал — как это всегда бывает с опальными политиками — целый выводок учеников-помощников.

Стэн церемониально поклонился. Искра не ответил на его приветствие подобающим образом.

— Вы Стэн, так? Отлично. Хватит церемоний. У нас много работы. Я хочу, чтобы меня немедленно доставили во дворец.

— Нас ждут посольские гравитолеты, — сказал Стэн.

— Нет, нет. — Искра повернулся к полковнику Джерети. — Мне нужно шесть тяжелых гравитолетов. Я сяду во второй. На первом должны быть флажки в качестве отвлекающего маневра. Один отряд вашего батальона будет обеспечивать безопасность маршрута. Второй должен ждать меня у въезда на площадь Хакана. Третий отряд займется самим дворцом. Я размещусь, естественно, в апартаментах бывшего узурпатора. Проверьте, чтобы там был полный порядок. Кроме того, вы должны приставить охранника к каждому слуге во дворце, пока я лично не произведу набор обслуживающего персонала.

Полковник отдал доктору Искре честь, распорядился о выполнении его распоряжений — очевидно, он не знал, что большинство государственных деятелей либо ничего не смыслят в вопросах безопасности, либо стараются организовать свою жизнь таким образом, чтобы между ними и обожающим их народом было как можно меньше представителей этой службы. Возможно, Джерети уже привык к подобным требованиям доктора Искры. «Интересно, — подумал Стэн, — завел уже доктор Искра специального человека, чтобы тот пробовал его пищу, или еще не успел?»

Искра снова повернулся к Стэну.

— Я уже сказал, работы много. Прошу вас сопровождать меня во дворец, для того чтобы мы с вами обсудили то, как я представляю себе применение власти с целью скорейшего восстановления порядка и спокойствия в нашем созвездии.

Стэн отвесил еще один поклон. Его лицо ничего не выражало, так же как и окаменевшие лица Алекса, Синд и Ото.

На площади Хакана их поджидала толпа. Поскольку все собравшие были людьми, Стэн решил, что их созвал Доу или Мениндер. Скорее всего, учитывая, сколько времени требовалось министру обороны, чтобы принять какое-нибудь решение и начать действовать, это было дело рук Мениндера.

Искра очень медленно поднимался по широкой, бесконечной лестнице к главной террасе дворца — он знал, что его появление на

площади снимают сразу несколько операторов. Повернулся и посмотрел сверху вниз на небольшую ликующую толпу. «Интересно, — подумал Стэн, — произнесет ли он речь?» Однако Искра просто кивнул, как будто принимая то, что ему полагается, и повернулся к поджидавшим официальным лицам, среди которых были все джохианские лидеры и, конечно же, представители богази и суздалей.

Он внимательно оглядел их всех, словно стараясь навсегда запомнить. Взгляд его при этом оставался совершенно непроницаемым. Потом доктор Искра снова кивнул.

— Спасибо вам за то, что пришли поприветствовать меня, — сказал он. — Завтра мы встретимся вновь: надо решить, как наиболее способные из вас помогут мне в установлении нового порядка в нашем созвездии. А сейчас я устал. Я должен поесть, отдохнуть и заняться своими записями. Кто-нибудь из моих людей свяжется с вами и сообщит точное время и место нашей встречи.

Не дожидаясь ответа на свое заявление, доктор Искра прошел в громадные двери, ведущие во дворец. Стэн последовал за ним.

Внутри он заметил нескольких охранников из батальона Джерети и одного насмерть перепуганного лакея.

— Я... — начал было лакей.

— Ты Нуллимер, — перебил его Искра. — Ты был мажордомом у Хакана. Как и твой отец. А отец твоего отца служил свинье, породившей Хакана.

Нуллимер, казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Кроме того, — продолжал Искра, — ты однажды предупредил моего отца на заседании суда, что Хакан плохо о нем отзывался.

На лице Нуллимера появилось тупое выражение — он явно забыл про тот случай, но постарался справиться с изумлением.

— Да, — продолжал Искра. — И ты будешь награжден, хотя тогда твое предупреждение не было воспринято всерьез. Могу только надеяться, что ты станешь служить мне так же верно, как служил тому злодею.

Нуллимер попытался встать перед доктором Искрой на колени. Искра в единое мгновение оказался возле него и помог ему подняться.

— Нет, приятель. Когда установится новый порядок, никто ни перед кем не должен будет преклонять колени.

Искра повернулся, словно обращаясь к собравшейся на улице толпе или тем высокопоставленным гражданам Джохи, которые поджидали его на ступенях перед дверью:

— Видите? Все известно. И всех ждет награда. — А потом добавил немного тише: — Или наказание. — Затем он снова повернулся к мажордому. — Ты слышал. А теперь ступай. Предупреди на кухне, что я желаю обедать. Я передам кому-нибудь из офицеров службы безопасности меню на неделю.

Нуллимер, сияющий и пунцовый от волнения, практически выпал из комнаты, потому что ноги его уже не держали. А Искра в это время обратился к одному из своих адъютантов:

— Теперь он будет служить мне очень честно. Однако тщательно проверьте его комнаты — на случай, если я в нем ошибся.

Адъютант кивнул и показал Искре отпечатанный листок. Тот передал листок одному из офицеров охраны.

— Я буду есть вот это, — сказал он. — Пожалуйста, поставьте в известность кухонных работников. И сообщите им, что эта диета, естественно, не распространяется на банкеты и другие особые случаи.

Искра на несколько секунд нацепил на лицо выражение, которое, вероятно, считал улыбкой, потом убрал его.

Стэну стало ужасно любопытно. Он подошел к офицеру и заглянул в листок. Меню на один цикл с примечанием в конце, что по окончании каждого цикла меню должно повторяться.

Он успел прочитать только то, что относилось к одному дню:

Завтрак

Черный хлеб

Травяной чай

Обед

Овощной суп

Минеральная вода

Ужин

Суп из легкого

Ореховая котлета

Зеленый салат без заправки

Торт со сливками

Перед сном

Пищеварительный крекер

Травяной чай

Стэн надеялся, что совещания с имперским посланцем будут рассматриваться как особый случай. Особенно во время ужина. Он решил, что суп из легкого призван напоминать Искре о днях, проведенных в нищете, когда его изгнали с родины. Трудно поверить, что такое может нравиться. А торт со сливками? Возможно, это единственное послабление, которое доктор Искра себе позволяет? Если бы Стэн вдруг чудом стал диктатором, то сразу бы составил бесконечный список маленьких радостей, призванных скрасить тяжелую работу: женщины, крепкие напитки, галлюциногены или хотя бы дурная компания. Да, у каждого тирана свои собственные вкусы.

Искра поджидал его с весьма нетерпеливым видом. Стэн поспешил к нему присоединиться.

— Насколько я понимаю, это спальня Хакана?

— Да,— ответил один из адъютантов, который все время болтался у Искры за спиной.

— Значит, она будет моей. Однако я хочу внести изменения.

— Естественно, доктор.

Искра задумчиво оглядел огромную спальню.

— Во-первых, нужно избавиться от этой непристойной кровати. Я не собираюсь устраивать сексуальные развлечения наподобие тех, коим предавался этот гнусный червяк. Вы знаете, на чем я сплю. Далее, картины. Уберите. Отдайте в музей или сожгите. Не имеет значения. У нас все равно не будет времени для больших представлений, посвященных несчастному прошлому. Вместо них установите во всю стену экран; на другой стене необходимо повесить карту. Две другие займите книжными полками и стеллажами для микрофишей. Камин перенесите в соседнюю комнату — там будет кабинет для военных советов. А теперь уходите. Ты, Дж'Дин, возвращайся на корабль. Сообщи моим людям, что они могут перебираться во дворец. Имперские солдаты должны обеспечить их безопасность.

Адъютант нервно кивнул, совсем как доктор Искра. Возможно, у них было так принято — что-то наподобие военного ритуала.

Двери закрылись, доктор Искра и Стэн остались наедине. Искра заговорил без какой-либо преамбулы:

— Вы говорили с вечным императором?

— Говорил,— ответил Стэн.

— Он дал вам указания? Что вы должны обеспечить меня максимальной поддержкой, без каких бы то ни было вопросов?

— Вынужден поправить вас, доктор. Чтобы в дальнейшем у нас с вами не возникло разногласий. Император приказал мне оказывать вам поддержку. Тем не менее ни я, ни другие представители нашего посольства не являемся вашими подчиненными. Мы находимся здесь, в созвездии Алтай, для того, чтобы представлять интересы империи и ее властелина. Кроме того, в соответствии с распоряжениями императора в нашу задачу входит следить за тем, чтобы на Алтае был установлен мир, а у власти стояло надежное правительство.

— Слова другие,— заявил Искра.— Смысл тот же.

Стэн решил не вступать в спор.

— Могу ли я поинтересоваться вашими намерениями на ближайшее будущее?

— В мои намерения входит установление мира в этом созвездии, как вы только что совершенно справедливо заметили. Еще я намерен положить конец несправедливости, жестокости и гнусностям Хакана и его приспешников.

— Достойные восхищения планы,— сказал Стэн, изо всех сил стараясь говорить доброжелательным голосом.

— Благодарю вас.

— Вы употребили при мне выражение «новый порядок» два раза,— продолжал Стэн.— Я бы хотел знать, что это означает.

— Вы не знакомы с моими трудами? С моим анализом ситуации и обстановки?

— К сожалению, я был очень занят последнее время, стараясь изо всех сил предотвратить возникновение большого пожара на этой планете. Кроме того, я узнал о вашем прибытии совсем недавно.

— Вы должны их прочитать,— серьезно проговорил Искра.— Иначе никогда не сможете понять, что такое созвездие Алтай, и уж конечно, не сможете оказать мне помощь в управлении им.

— В таком случае я непременно это сделаю. Немедленно. Но вы только что сказали, что намереваетесь править этим созвездием. Прошу простить меня за невежество, в какой форме вы собираетесь это делать? Точнее, кто войдет в ваше правительство?

— Многие,— твердо проговорил Искра.— Новое правительство не будет ни в чем походить на правительство бывшего Хакана. С тиранией покончено. Но вот что я хочу вам сказать, посол Стэн. Поскольку вы прибыли к нам из цивилизованного мира, вам следует быть очень осторожным и опасаться антропоморфизма.

«Цивилизованный мир,— подумал Стэн.— Вулкан? Искусственная планета, рабский труд, ранняя смерть?» Он постарался ничем не выдать своих мыслей, в то время как Искра продолжал:

— Вы должны понимать, что никто из нас — ни джохианцы, ни торки, ни богази, ни суздали — никогда не знали демократии. Местные жители могут болтать о ней, но для них демократия абсолютно непостижимая вещь. Это все равно как считать, что слепой от рождения человек в состоянии оценить красоту восхода солнца, так? Мой новый порядок предполагает определенную степень диктатуры. И разумеется, наставление жителей нашего созвездия на праведный путь. Только так мы в конце концов обретем свободу. Естественно, не при моей жизни и даже не при жизни моих еще не родившихся сыновей. Но это время наступит. Такую клятву я дал на могиле отца и именно эту цель поставил перед собой, когда Хакан убил моего брата. В звездном скоплении Алтай наступит мир. Моя священная надежда будет исполнена — и не важно, чем придется заплатить за ее исполнение нынешнему поколению! Не бывает настоящего героизма или святости без жертв!

В глазах доктора Искры отразилось красное солнце, которое опустилось за горизонт.

Глава 16

— Интересно, почему у меня такое ощущение, что я смотрю на злобного уroda? — задумчиво проговорил Алекс Килгур.

Он махнул рукой в сторону большого экрана на стене, на котором в данный момент была изображена терраса дворца Хакана. «Впрочем,

пора, наверное, привыкать к новым названиям,— подумал Стэн.— Теперь здесь заправляет всем доктор Искра».

Правитель стоял на террасе, высоко подняв руки и чуть улыбаясь, в то время как собравшаяся внизу толпа приветственно выла.

Стэн не очень разбирался в психологии богази и суздалей, чтобы иметь определенное представление насчет их отношения к происходящему. По всей вероятности, этот митинг является обязательной тронной речью нового правителя, заступающего на свою должность, совсем как в армии: когда в подразделение назначается новый командир, он обязан произнести речь перед офицерами, чтобы продемонстрировать им, какой он замечательный военачальник и человек. И только потом принято сообщать о наказаниях и репрессиях.

Радостные вопли смолкли, и Искра продолжил речь:

— ...Время исцеления. Время, когда все мы должны отринуть прошлое, забыть о мщении и, объединившись, создать новое, надежное будущее для себя и наших детей. Мы все алтайцы. Мы живем в одной системе. У нас общие планеты. Однако вместо того, чтобы осознать нашу единую судьбу, мы растрачиваем силы в междоусобных войнах, начатых так давно, что никто уже не помнит причин конфликта. Мы ненавидим нашего соседа только за то, что его генетический код отличается от нашего. Но ведь нас всех породила одна универсальная плазма, и не важно, к какому виду или расе мы принадлежим и какую планету населяем. Вы меня знаете. Вы знаете, что я представляю справедливость и честь. Вы знаете, что я провел многие годы в ссылке, сражаясь всеми доступными мне способами за то, чтобы низвергнуть чудовище, которое называло себя Хаканом. И мне это удалось.

— Угу. Ты — и небольшой апоплексический ударчик. Сейчас он скажет, что лично изобрел АМ-два и виски! — возмутился Алекс.

— Пришла пора выполнить новую задачу. Пришла пора, а прошлое для всех нас...

Стэн выключил звук, оставив Искру жестикулировать в полнейшей тишине. Они вдвоем с Алексом сидели в посольских апартаментах Стэна, которые были, наверное, миллион раз проверены на предмет безопасности и наличия подслушивающих устройств.

— Знаешь, почему тебе кажется, что Искра злобный урод? — спросил Стэн.— Потому что он именно такой и есть.— Он махнул рукой на большую стопку вырезок и микрофиш.

— Ты что, уже изучил всю эту чушь собачью?

— Прочитал парочку, а остальное просмотрел. Знаешь, в его письмах не так просто разобраться. А считается, что он великолепный оратор.

— Эти глупости меня совершенно не впечатляют,— согласился Алекс.

— Меня тоже. Насколько я понял — а я не могу сказать, что силен в политической философии,— главным образом его теория за-

ключается вот в чем: сначала мы уничтожим все, что сделал Хакан, а потом будем решать, как быть дальше. Он говорит, что этот его новый порядок «должен оставаться гибким и чувствительным к различным переменам и угрозам». Ерунда какая-то.

— Да, наш доктор Искра — натуральный козел. И уж конечно же, самой гибкой и чувствительной к переменам личностью является он сам, тут можно не сомневаться.

— Естественно. Он много путешествовал. Занимался изучением разнообразных предметов. Делал сравнительный анализ всех существующих политических теорий, включая теории нашего императора. Я не знал, что император назначил его на должность одного из региональных правителей в системе Таан после войны. У него там все прекрасно получалось — по крайней мере, так он сам утверждает.

— Нисколько не удивлен, — заметил Алекс, — таанцы понимают, только когда им под нос сунут увесистый кулак, так они воспитаны. Доктор Искра вряд ли добился бы чего-нибудь путного либеральными методами. А как насчет самой главной проблемы? Ведь все эти типы, населяющие Алтай, не могут спокойно заснуть ночью, если не перережут парочку соседских глоток. Как Искра собирается покончить с этим?

Стэн покачал головой.

— Он много говорит о равенстве. Но у него почему-то получается, что один народ Алтая стоит несколько выше всех остальных.

— Ну-ка, ну-ка, дай подумать... Поскольку сам Искра джохианец, он считает джохианцев высшей расой?

— Точно.

— Просто чудесно. Берегись нового босса, потому что он ничем не отличается от старого. Только вот этого выбрал сам император. Лично я ничего не имею против того, чтобы он стал диктатором, мы с тобой имели дело с таким количеством подобных типов, что и вспомнить страшно. Но мне совсем не нравится этот кретин, которому не хватает ни ума, ни терпения. Он мечтает заполучить в свое владение целый мир, и не завтра, а сейчас — немедленно.

— Ну, хорошо, примем к сведению, — сказал Стэн. Потом еще раз посмотрел на экран и ликующую толпу. — Хотел бы я знать, что, кроме обычного обмена любезностями, сказал Искра своему парламенту... Как ты думаешь, там можно кого-нибудь подкупить?

— Со временем всех, — задумчиво проговорил Килгур. — Но если тебе некогда ждать, думаю, стоит начать с Мениндера. Похоже, он соображает получше остальных, да и потерял больше всех с появлением нашего милого доктора.

— Согласен, — кивнул Стэн. — Посмотри, может быть, удастся сделать его полезным источником информации.

— Без проблем. — Килгур немного помолчал, а потом, казалось, совершенно не к месту спросил: — А тебе не приходила в голову вот

какая симпатичная мыслишка... Тебя ни разу не посещали сомнения в том, что наш Бесстрашный Вождь не в своем уме?

Стэн поморщился, словно в комнату ворвался порыв ледяного ветра. Он ничего не ответил Килгуру, отправился к бару и налил два очень полных стакана. Не виски и даже не стрегга — чистого спирта, к которому привык, когда еще был солдатом. Протянул один стакан Килгуру.

— Если так,— сказал Стэн после того, как сделал хороший глоток,— и доктор Искра является одним из примеров этого, Алтай — прототип нашего будущего.

Он махнул рукой в сторону надежного, защищенного от любых неожиданностей окна, показав на небо, где собирались грозовые тучи, намереваясь обрушить еще одну летнюю грозу на столицу Джохи.

— Не увиливай от ответа, приятель,— перебил его Килгур, осушив свой стакан и дожидаясь, когда Стэн сделает то же самое и принесет ему добавки.— Мы представители империи, верно? Так что если этот тип не в своем уме, мы все равно не проживем достаточно долго, чтобы узнать о том, что с ней станется.

Стэн чувствовал себя не очень уверенно.

— Ну,— сказал он, последовав примеру Алекса и залпом осушив свой стакан,— зато мы развлечемся, наблюдая, как доктор Искра демонстрирует всем свой нрав и разбирается с несогласными...

— На это у меня тоже есть готовенький ответ. Наш придурок — самый настоящий идеалист, а значит, очень скоро кровь здесь польется рекой. Через полгода местные жители станут вспоминать прежние времена с ностальгией: мол, какой чудесный, добрый и мягкий человек был Хакан. Просто душка. Вот увидишь, я прав. Может, хочешь заключить пари?

Стэн покачал головой.

— Все будет, как ты говоришь. Я, конечно же, спятил, но не до такой же степени. Если не считать, естественно, того, что я вообще тут оказался... Нет. Доктор Искра не войдет в историю за добрые и светлые поступки.

— Вам, господа,— говорил доктор Искра,— я могу рассказать о том, какое нас ждет будущее, без прикрас и красивых оберток. Вы все профессионалы, изучившие неизбежность исторических процессов и озабоченные будущим процветанием созвездия Алтай.

Послышалось тихое перешептывание, которое можно было принять за что угодно, в том числе и за согласие.

На конференции в огромном зале присутствовали всего пятнадцать человек. Зал являлся частью казарменного комплекса, в котором прежде размещалась личная гвардия Хакана, элитарный корпус, в задачу которого входила охрана жизни последнего правителя

Алтая, так же как и охрана его владений, родственников и друзей. Стены совсем недавно были перекрашены, и на них появилось изображение солдат гвардии, сражающихся на баррикадах с неизвестным врагом: героические позы, гордо задранные к небу подбородки... солдаты помогают несчастным беззащитным горожанам победить невероятно страшные несчастья. Как все солдаты, так и все гражданские лица, изображенные на этих грандиозных настенных картинах, были джохианцами.

Пятнадцать человек, присутствовавшие в зале, принадлежали к командному составу армии Хакана. Но не к самому высшему. Искра самолично произвел тщательнейший отбор.

Каждый из офицеров получил устный приказ быть готовым выполнить специальное задание. Представители доктора Искры привели всех по одному в этот надежный, проверенный с точки зрения безопасности и секретности комплекс.

Все они были людьми, сделавшими военную карьеру. Все происходили из семей, в течение нескольких поколений служивших Хаканам. И все являлись джохианцами. Искра не хотел, чтобы на этом совещании присутствовали торки, богази и суздали, занимавшие высокие посты в армии.

Среди приглашенных был высокий седовласый человек. Генерал Доу. Он изо всех сил старался вести себя так, чтобы оставаться в тени и не обращать на себя внимание доктора Искры — генерал Доу хотел сначала понять, в какую сторону дует ветер.

— Мы, алтайцы, — продолжал Искра, — устроены так, что мечтаем ухватиться за какую-нибудь надежную скалу, когда вокруг нас бушуют ветры перемен. Одной из таких скал будет — в отличие от времен правления Хакана и его отца — армия. Существа, готовые защищать свое государство ценой собственной жизни. Не просто солдаты на поле боя, а те, кто отдаст всю жизнь военной службе, которая, в свою очередь, является для них опорой и надеждой. Еще ребенком я любил и уважал таких людей. Должен вам признаться — надеюсь, мое признание не выйдет за стены этого зала, — что я горько плакал несколько дней, когда узнал, что здоровье не позволит мне поступить на военную службу.

Искра замолчал, внимательно глядя в лица присутствующих. Задержался на мгновение на генерале Доу. Однако этого мгновения оказалось вполне достаточно, чтобы генерал перепугался до полусмерти. Доу кивнул и надел на лицо сочувствующее выражение.

Искра продолжал:

— Естественно, прошло несколько лет, и я стал достаточно взрослым, чтобы осознать, какие чудовищные преступления совершали солдаты, выполняя приказы Хакана, а мой отец и уважаемый брат посчитали меня достаточно зрелым, чтобы рассказать правду, не опа-

саясь, что я вынесу ее за порог нашего дома. С тех пор я благодарил судьбу за свои болезни... Но я отвлекаюсь, а у нас мало времени. Вы — те пятнадцать мужчин и женщин, которые необходимы мне для установления нового порядка. Вы представляете военных. Не тот мусор, который Хакан называл своей армией и флотом, а настоящих военных. Кроме того, вы все джохианцы.

Искра молчал так долго, что присутствующие почувствовали себя неловко.

Не понять такого намека не могло ни одно существо, достигшее высоких постов в армии.

— Я заметила это,— проговорила женщина с жестким лицом, вся форма которой была увешана медалями.— Мы должны сделать соответствующие выводы?

— Которые заключаются... в чем, генерал Ф'ланн? — Искра, словно учитель отличнику, подсказывал ответ.

— Я читала ваши работы, доктор. В них говорится о созвездии, где все мы, торки, суздали и богази, объединены для достижения единой цели. Цели, к которой нас поведут самые лучшие представители нашего мира, джохианцы, высоко поднимая знамя борьбы за лучшее, справедливое будущее. Может быть, я поняла вас неправильно?

— Вы поняли все правильно,— сказал Искра.— Именно поэтому я начал свое обращение к вам со слов, что здесь я могу говорить честно, не пытаясь приукрасить действительность. Наступают новые времена, новый порядок. Однако это дело далекого будущего. Сейчас нам необходимо восстановить мир. Все существа, населяющие Алтай, должны верить в то, что им ничего не угрожает. Ни им самим, ни их домам и детям. Они должны знать, что у них надежная работа, которую никто не отнимет.

Снова по залу прошелестел шепот — определенное согласие. Генерал Ф'ланн получит награду за храбрость.

— Пока существуют все эти карманные армии,— проворчал седой адмирал,— а милицейские отряды болтаются по улицам, называя себя солдатами...

— С этой проблемой мы справимся, я вам обещаю, адмирал Нель. Отряды будут либо распушены, либо переданы под командование обученных по всем правилам офицеров, либо...

Он не закончил своей фразы. Впрочем, в этом не было никакой необходимости. Теперь все пятнадцать офицеров откровенно и радостно улыбались.

— Да,— сказал Искра,— в то время как новый порядок одарит всех чувством уверенности в будущем и принадлежности к великому созвездию под названием Алтай... Глупости, устроенные студентами университета Пушкан, например...

— Доктор Искра, Хакан совершил множество страшных преступлений. И некоторые представители военных кругов... К своему великому стыду, должна признать, что среди убийц были и джохианцы. Вы думали об этой проблеме?

Задала вопрос женщина, самый младший из присутствующих офицеров, бригадный командир С!Кт. Она считала себя ученицей и последовательницей доктора Искры и была уволена из армии в отставку. Девушку спасло только то, что Хакан не посмел ее казнить, поскольку родители С!Кт были невероятно богаты и поддерживали Хакана. Как только Искра вернулся на Рурик, он не забыл «попросить» ее вернуться на общественное поприще.

— Да, на их совести чудовишные преступления. Эти преступления совершались против моих дорогих джохианцев, против торков и суздалей и против богази. Пока мы с вами тут ведем переговоры, мои люди уже исполняют приказ по выявлению всех виновных — военные, подозреваемые в совершении этих страшных преступлений, будут арестованы и самым серьезным образом допрошены.

Все замерли. Доу, если бы мог, с удовольствием забрался бы под собственный стул. Однако доктор Искра снова нацепил свою особенную улыбочку.

— Естественно, если кто-то из здесь присутствующих командовал воинскими подразделениями, ответственными за совершение преступлений против народа, — ну что же, я понимаю, какое давление на вас оказывал Хакан. Могу заявить совершенно прямо и откровенно, что считаю каждого из вас честным солдатом. А тот, кто придерживается иного мнения, будет осужден мной самым суровым образом. Окажите мне в этом вопросе помощь. Когда наше совещание закончится, вы получите данные об офицерах и воинских подразделениях, чью деятельность я хотел бы тщательно расследовать. Если вам известно, что среди них есть невиновные, а мои информаторы совершили ошибку, прошу вас немедленно поставить об этом в известность кого-нибудь из моей администрации. А если какие-нибудь преступные личности не упоминаются в этих микрофишах, включите их имена в списки тех, кого мы должны судить по закону справедливости.

Молчание. Несколько офицеров — в особенности генерал Доу — осмелились улыбнуться. Скоро все тайны будут раскрыты.

— Надеюсь, мы поняли друг друга, так?

Кивки. Радостные улыбки.

— Последний вопрос.

— Да, генерал Ф'ланн.

— С вашей семьей... обошлись самым возмутительным образом.

Лицо Искры окаменело.

— Это совершенно другое дело. И вас оно не касается. Кровь есть кровь. За пролитую кровь нужно отвечать кровью. Те, кто помогал

мерзкому червяку, называвшему себя Хаканом, в преследовании и уничтожении моего отца, моей семьи и моего брата, жестоко поплатятся за свое преступление. Я их знаю. Их имена известны мне уже много лет. Лежа без сна на своей жалкой циновке, мечтая о своей родине, которую, как я думал, мне не суждено больше никогда увидеть, я запоминал их лица, и я поклялся, что, если мне когда-нибудь представится возможность им отомстить, я это сделаю. Теперь наступило мое время.

В зале повисло напряженное молчание. А потом его прервали аплодисменты, как это принято в созвездии Алтай — сильный хлопок рукой по боку. Генерал Доу усердствовал больше всех.

Ведь у каждого из присутствующих были враги.

На кровь действительно нужно отвечать кровью.

— ...Если мне когда-нибудь представится возможность им отомстить, я это сделаю. Теперь наступило мое время... — Человек нажал на кнопку.

— Ну, как отнесется твой могущественный господин к этому? — с вызовом спросил доктор Искра.

— Никак, — ответил его собеседник. — Император избрал вас правителем Алтая после того, как посчитал, что вы лучше других подходите для этой роли. Каким образом вы собираетесь консолидировать свои силы, не имеет никакого значения, особенно когда речь идет о таком пустяке, как военная иерархия.

Доктору Искре явно полегчало. А его собеседник подошел к столу и налил две чашки травяного чая, который Искра пил на ночь, перед сном.

— Учитывая, конечно, что все будет проделано как полагается. Это означает, что вам следует обратить внимание на то, какое количество личных врагов генералы занесут в ваш список... Вопрос должен быть решен без промедления.

— Можешь не сомневаться, мы не станем тратить время попусту, — проговорил Искра. — И сделаем все именно так, как ты сказал, — наиболее эффективным способом. Естественно, мне пришлось внести некоторые изменения, учитывая особенности психологии моего народа.

Человек посмотрел на Искру, но решил не задавать больше никаких вопросов.

Этот человек являлся связным между доктором Искрой и вечным императором — ему было приказано действовать, соблюдая высшую степень секретности. О нем не знал никто, кроме самого властителя; его присутствие должно было оставаться тайной, особенно для имперской миссии в Рурике. Точнее, для полномочного посла Стэна.

Потому что Стэн знал этого человека.

Он был разведчиком высшего класса, служил и подчинялся только самому себе и тому хозяину, на которого работал в данный момент и который платил больше других.

Его звали Венлоу.

Именно он был убийцей вечного императора.

Глава 17

Лес находился далеко на север от Рурика. Он начинался там, где кончалось огромное болото, и тянулся на многие километры почти до самого берега внутреннего моря, на котором никогда не было приливов.

Местные крестьяне называли лес Район Дыма. Летние ураганы поднимали высоко в воздух мельчайший мусор. Весной и осенью сырой туман окутывал высохшую, безмолвную землю. А зимой полярные ветры окрашивали «дым» в белый цвет.

Много лет назад Хакан решил построить для себя лесную избушку недалеко от внутреннего моря. Но поскольку все в Рурике было огромным, а Хакан отличался весьма специфическим образом мышления, его лесная избушка включала в себя столько строений, сколько хватило бы, чтобы разместить весь его двор.

Хакан потерял интерес к своей лесной избушке еще до того, как строительство было завершено, и в Район Дыма снова вернулось запустение. Теперь в лесу появлялись только охотники за пушниной зимой и собиратели топлива летом и осенью.

Тут никто не задерживался подолгу. Лес был по-настоящему огромным. И таким молчаливым, словно ему ни до кого не было дела.

Бесконечная вереница гравитолетов тянулась по тому, что когда-то было подобием дороги, направляясь в самую глухую чашу леса.

Гравитолеты были набиты живыми существами — людьми, богами и суздалями. Кое-кто из них был в форме, поспешно натянутой в тот момент, когда раздался оглушительный стук в дверь и они получили приказ следовать в неизвестном направлении. Теперь форма превратилась в лохмотья и мало походила на настоящий военный мундир. Другие пассажиры гравитолетов были одеты в то, что успели схватить, когда их срочно вызвали на работу.

Существа в точно такой же форме зорко охраняли гравитолеты. Только все охранники были людьми.

Пленники хранили молчание. Некоторые из них были ранены.

Гравитолеты вышли на лужайку и приземлились.

Послышались приказы. Пленники стали выбираться наружу.

Но не все покинули гравитолеты. Некоторые пленники неподвижно лежали прямо на полу. Какое-то время на мертвых или умирающих пассажиров гравитолетов охрана не обращала внимания.

Всем, кто остался в живых, приказали построиться.

Среди пленников были Асинхау и Н'ерн. Одна из них являлась младшим офицером и служила в тюрьме, а другая — налоговым инспектором. Обе успели во время ареста прихватить с собой кое-что из еды, благодаря чему сумели продержаться весь этот долгий путь на север.

— Слушай, — прошептала Н'ерн. — Что-то я не вижу ничего похожего на тюрьму. Нам что, придется строить ее для себя прямо здесь, в лесу?

Асинхау чуть покачала головой и кивком показала Н'ерн в сторону.

Луг пересекала длинная открытая канава. Неподалеку стояли землеройные машины. За канавой было вырыто еще несколько таких же. Только те уже были засыпаны землей.

Лицо Н'ерн посерело.

Пленники зашептались — они тоже увидели канавы, однако охранники окриками заставили всех замолчать.

Н'ерн дважды пыталась заговорить и не могла.

— Дети никогда... — Она замолчала. Асинхау дрожала.

Н'ерн попыталась снова:

— По крайней мере... по крайней мере, — прошептала она, — мы умрем с честью.

Глава 18

Стэн по самую макушку завяз в рутине, что на Джохи означало непроходящее ощущение паники. Две трети огней на панели коммуникатора мигали желтым — сигнал тревоги. Остальные светились красным.

Техники связи, прошедшие школу подготовки дипломатов, сражались с желающими пробиться в посольство и поговорить с полномочным послом Стэном. Разгрести дерьмо лопатами — вот в чем заключалась их работа. Утешали в тех случаях, когда нежных, ласковых слов оказывалось достаточно. Кое-кого отсылали в официальные службы — зная, что пройдет некоторое время, прежде чем хоть какое-нибудь официальное учреждение на Джохи начнет функционировать. Раздавали небольшие имперские подачки, если это было возможно.

Информация, которая могла показаться интересной Стэну, обрабатывалась и отсылалась ему немедленно. Однако таких сообщений становилось все больше и больше. В конце концов Стэн вынужден был проводить все утро в комнате связи, изучая доклады или отвечая на звонки, предназначенные только господину послу.

День начался со звонка юного Милхуза, который хотел срочно переговорить с послом. Стэн занес разговор с ним в самый конец

списка своих дел. Да, конечно, он обещал студентам университета, что их выслушает кто-нибудь, наделенный властью. После встречи с доктором Искрой Стэн не очень понимал, как ему удастся сдержать свое обещание.

Ладно, с этим разберемся позже. Придется придумать что-нибудь — нужно только понять, что означают сообщения о мелких беспорядках по всей Джохи. Особенно в районах и на окраинах Рурика.

За последнее время возникло гораздо больше кровавых столкновений, чем в предыдущие дни. Уличные драки, в которых принимали участие отряды милиции. Впрочем, никто не стрелял — по крайней мере, в приступах ярости. Увеличилось количество грабежей.

Стэн продолжал читать. Добрался до еще одного срочного звонка от Милхуза. Офицеру связи удалось несколько успокоить молодого человека, так что в конце сообщения он приписал: «Добился отсрочки. Комитет согласился продлить действие ультиматума еще на неделю». Стэн отметил про себя, что этим офицером связи был Фрестон — самый опытный и надежный из всей команды. К сожалению, он настолько хорошо делал свою работу, что Стэну с большим трудом удалось спасти его от тошнотворно скучной карьеры старшего офицера какого-нибудь центрального подразделения связи.

Под заголовком «Наблюдения» Фрестон написал: «Абонент внешне спокоен. Однако напряжение голосовых связок указывает на нестабильность психики. Воспринимает посла Стэна в качестве всемогущего отца. Предлагаю выдерживать твердую линию. В противном случае нестабильность будет прогрессировать».

«Вот здорово, — подумал Стэн. — Образ всемогущего папочки для испорченного богатого молокососа. Милхуз мне даже не нравится: вонючка с пронзительным голосом, воспользовался растерянностью таких же бесполезных, как и он сам, молодых дураков. Да провались он пропадом! Позвоню ему, когда смогу с ним разговаривать. Папаша, черт подери...»

Стэн продолжил читать отчеты, все больше и больше удивляясь. И тут наткнулся еще на одну подозрительную странность. Началась паника — жители Джохи бросились скупать все подряд и делать запасы. По всей планете магазины, торгующие напитками и едой долгого хранения, распродавали свой товар с головокружительной скоростью. Топливо и пищевые масла тоже мгновенно исчезли с прилавков магазинов и со складов.

Стэну это совсем не понравилось. Поскольку означало, что доктору Искре придется сделать что-нибудь более серьезное, чем произносить утешительные речи, дабы народ поверил в светлое будущее, ожидающее Алтай буквально в ближайшее время.

Стэн бросил тоскливый взгляд на стопку листов с сообщениями, которая росла так быстро, что он не успевал их просматривать.

Закон Килгура о том, что неприятности ходят по трое, здесь явно не сработывал — несмотря на то, что придумала закон «мамуля» Алекса, которая была возведена почти что в ранг святых. Стэн считал, что неприятности наступают на тебя до тех пор, пока ты в состоянии терпеть. А после этого их становится в два раза больше.

Дверь с шипением раскрылась, и в комнату связи ворвалась Синд. Стэн был рад ее видеть. Только вот выражение ее лица окончательно испортило ему настроение.

— Мне кажется, ты пришла сюда вовсе не затем, чтобы рассказать нам, что на улицах Рурика настал рай, совсем как предсказывал Искра.

— Нет, если в понятие о рае не входят массовые аресты и грозные штурмовики, — ответила Синд.

Стэн отреагировал на это заявление в своей самой изысканной дипломатической манере:

— Что за дерьмо ты нам тут на уши вешаешь?

— Я решила проверить слухи о том, что стали пропадать люди, — спокойно произнесла Синд. — Так вот, это не слухи. У меня есть свидетели. Главы семей — целые семьи — подвергаются арестам. Солдатами Искры.

— Что за игру он затеял? — задумчиво проговорил Стэн. — Пройдет совсем немного времени, и тут такое начнется... И это в самом начале!

Один из офицеров связи помахал ему рукой.

— Вас снова вызывает Милхуз, — доложил он. — Сейчас на связи. Говорит, ему просто необходимо кое-что вам сказать. Утверждает, что это срочно.

— Конечно! — фыркнул Стэн. — Наврите ему что-нибудь. Скажите, что у меня случился приступ или еще что-нибудь такое... А потом соедините меня с доктором Искрой. Я хочу с ним переговорить. И немедленно!

Через несколько минут на экране появилось тонкогубое лицо доктора Искры.

— Насколько я понял, у вас ко мне срочное дело, — сказал Искра.

— Я хочу получить объяснения, доктор.

— Мне не нравится ваш тон, господин посол.

— Я всегда разговариваю таким тоном, — ответил Стэн, — когда узнаю, что правитель, которого я поддерживаю, делает все, чтобы поставить в сложное положение человека, являющегося моим непосредственным боссом. Я говорю о вечном императоре.

— А что такого особенного я делаю?

— У меня есть достоверные сообщения о том, доктор Искра, что ваши солдаты производят массовые аресты.

— Если бы вы сначала спросили меня... — проговорил доктор Искра. — Впрочем, я считаю, что называть эту акцию массовыми арестами

стами несколько преждевременно. Я принял решение — исключительно ради удобства — арестовать всех виновных одновременно и отправить их для содержания в тюрьму, которая называется крепость Гатчин и является единственным местом на Джохи, предназначенным для заключения преступников перед судом и вынесением приговора. Уверяю вас, это самые обычные меры, направленные на восстановление порядка в нашем созвездии. Мои люди хотят получить доказательства того, что в наш мир вернулась справедливость. Типы, о которых идет речь, обвиняются в совершении самых разнообразных преступлений. Некоторые из них очень серьезные. Однако буду с вами до конца откровенен: я полагаю, что большая часть этих обвинений не подтвердится. Уверен, что кое-кто из этих несчастных стал жертвой мелочных обид. Но я уже сказал вам, что народ требует суда над преступниками. И я намереваюсь организовать такие суды. Справедливые. Чтобы все те, кто подвергся ложным обвинениям, могли вернуть себе доброе имя.

— А как насчет тех, кто будет признан виновным? — спросил Стэн.

— Не кажется ли вам, господин посол, что вы задаете вопросы, которые не имеют к вам никакого отношения? — отрезал Искра. — Разве система правосудия, принятая на Алтае, должна заботить имперского посла?

— Нет, конечно, — признал Стэн. — Но я собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы выполнить приказ императора. А это означает установление мира и покоя в созвездии Алтай. Способствуя возникновению новых кровавых междоусобиц, доктор Искра, вы вряд ли добьетесь успеха в том, чего ждет от вас император.

— Обещаю вам, господин посол, — проговорил Искра, — суды будут абсолютно честными и справедливыми. И я постараюсь проявить гуманность к тем, кого суд признает виновным. Вы удовлетворены?

Стэн вынужден был сказать, что совершенно удовлетворен обещанием доктора Искры. Естественно, тот лгал. Но Стэн не мог себе позволить вступить в открытую конфронтацию. Он потеряет контроль над ситуацией, и его миссия потерпит крах.

— Наш разговор доставил мне огромное удовольствие, сэр Стэн, — заявил Искра, когда они прощались.

А через мгновение экран погас.

— Пожалуй, стоит усилить наблюдение, — сказал Стэн Синд. — Нужно поднять в небо еще несколько летучих мышек Килгура.

— Тебе понадобится гораздо больше этих мышек, чем ты думаешь, — проговорил Алекс.

Стэн подпрыгнул на месте, потому что не слышал, как Килгур вошел в комнату.

— Если только меня не обманывает мой превосходный слух, сейчас стреляют где-то возле университета.

Стэн остолбенел.

— Студенты? Где они взяли оружие?

— Не думаю, что это студенты стреляют,— заявил Алекс.

— Проклятье! — воскликнул Стэн и бросился к двери.

Алекс и Синд поспешили за ним.

Пробегая по коридорам посольства, Стэн собрал отряд бхоров и гурков и выскочил на улицу, уже сообразив, какое несчастье может произойти. Этот Милхуз был прав по поводу, по крайней мере, одного — если что-нибудь случится с любимыми детками высокопоставленных особ, на Алтае разразится настоящий ад.

Добравшись до ворот посольства, Стэн услышал выстрелы, которые доносились со стороны университета Пушкан.

И тут ему пришлось остановиться. Бульвар за посольскими воротами был перекрыт джохианскими солдатами. Люди Искры. И два бронированных танка.

К Стэну подошел плотный крепкий майор.

— Освободите дорогу! — рявкнул Стэн.

— Прошу прощения, господин посол,— ответил майор,— но я не могу разрешить вам покинуть посольство.

— Чей это приказ?

— Доктора Искры, сэр. Вы должны понять нас правильно. Это для вашей же безопасности. Я получил инструкции извиниться перед вами за доставленные неудобства. Вы сможете покинуть посольство после того, как инцидент будет исчерпан.

Стэн услышал новые выстрелы со стороны университета.

— Это и есть инцидент?

— Молодые хулиганы безобразничают,— пожав плечами, сказал майор.— Совершают ужасные злодеяния. Уничтожают общественное имущество. Убивают. Грабят. Сексуальное насилие. Ужасно, просто ужасно.

— Вранье вонючее,— пробормотала Синд.

— Я должен посмотреть на это собственными глазами,— настаивал Стэн.

Майор сохранял профессиональное спокойствие. А вот солдаты, окружавшие его, напряглись — это Стэн заметил. Кто-то шепотом передал приказ, и пушки танка развернулись в сторону посольства.

— Я не могу вам этого позволить,— проговорил майор.— Честное слово. Ради вашей собственной безопасности. Прошу вас не настаивать и не вынуждать меня выполнить свой долг.

Когда Стэн повернул назад к посольству, он почти ничего не чувствовал. Услышал новые выстрелы. И крики боли.

Что он мог сделать, черт подери? Он подумал о Милхузе и тех несчастных ребятишках, детях богатых родителей. Они ему были совершенно не нужны. Он с удовольствием забыл бы об их существовании, если бы мог.

Если бы только он переговорил с Милхузом раньше, до того... Если бы только...

Проклятье!

По пути в посольство Алекс и Синд попытались утешить его.

Ничего не оставалось делать, как готовиться к ответному удару.

Глава 19

Дети Алтая умирали сражаясь.

Когда силы доктора Искры нанесли свой удар, на территории университета находились двадцать пять тысяч студентов.

Сначала это были небольшие стычки на баррикадах. Шестидесят полицейских с дубинками набросились на десятиметровую кучу обломков и всякого хлама, из которого молодые люди соорудили баррикаду. Наступление оказалось неожиданностью, и студентов оттеснили от защитных рубежей. Отряд полиции прорвался сбоку от баррикады и напал на студентов, безжалостно расправляясь с ними, — тут и там виднелись раскроенные черепа, несчастные со сломанными руками и ногами.

Неожиданно появилась пара суздалей, которые, не обращая внимания на удары дубинок, пустили в ход острые, словно бритвы, зубы. Полицейские отступили, сделали вид, что собираются перегруппироваться для новой атаки.

Юные защитники баррикады попросили подмоги. И уже через несколько минут к ним присоединились сотни отважных представителей молодого поколения алтайцев.

В штабе студенческого комитета собрались Милхуз и остальные его товарищи, которые, конечно же, слышали призыв о помощи.

— Нас предали! — выкрикнул Милхуз.

— Пошли. Надо им помочь! — с тревогой в голосе сказала Риель. Она метнулась к двери вместе с Техрандом и Нирски.

Милхуз молчал. Он заметил кое-что, когда бросил мимолетный взгляд в окно. В конце длинной аллеи, соединяющей факультет иностранных языков и факультет искусствоведения, Милхуз увидел танк, который медленно двигался по дороге, идущей параллельно территории университета.

— Милхуз! — снова позвала его Риель. — Пошли. Мы должны их остановить!

Милхуз заметил, что к первому танку присоединился второй и оба увеличили скорость. Он постарался успокоиться и повернулся к Риель. Девушка стояла в дверях вместе с Техрандом и Нирски.

— Попробую еще раз дозвониться до посла Стэна. Попытаюсь напугать его до полусмерти, пригрозить... Он должен помешать им.

Милхуз подошел к коммуникатору, который настроили для него студенты инженерного факультета, и взглянул через плечо на своих друзей.

— Идите, я вас догоню.

Трое друзей поспешили на помощь своим товарищам.

Милхуз остановился. Внимательно посмотрел на открытую дверь, немного наклонив голову набок, словно испуганный зверек. Подождал, прислушиваясь к крикам о помощи, несущимся со стороны баррикад. А потом бросился к окну, открыл его, перекинул ногу через подоконник — и прыгнул.

На баррикадах полицейские снова отступали — на этот раз под градом камней, палок и самых разнообразных обломков: в ход шло все, что попадалось под руку.

Риель и двое других студентов примчались, задыхаясь, на место боя. Их узнали. Стоявшие на самой вершине баррикады существа принялись приветственно махать руками, выкрикивая их имена, призывая поддержать студентов во время следующей атаки.

Риель отчаянно озиралась по сторонам. Где Милхуз? Сейчас необходим лидер, вождь! Проклятье!

— Нужно забраться на самый верх,— заявила Нирски.

— Наверх! Наверх! — вопил Техранд.

Все еще надеясь, что ее любимый вот-вот появится, Риель бросилась вперед. Ее подхватили чьи-то руки, подняли и стали передавать, точно по эстафете. Наверх. Все выше и выше. Техранд и Нирски следовали за ней.

Риель поставили на ноги. Она бросила взгляд вниз на собравшихся возле баррикады полицейских. Потом повернулась к студентам, подняла высоко над головой руку и сжала кулак.

— Свободу Алтаю! — крикнула она.

Студенты подхватили ее слова.

— Свободу! Свободу!

Неожиданно эти крики перекрыл шум моторов. Риель повернулась и увидела, что полицейские расступаются, пропуская танк. И еще один. Огромные машины катили вперед. А за ними шли солдаты. С оружием на изготовку.

Первый танк остановился. Послышался хлопок.

Взрыв... потом еще...

Канистры со слезоточивым газом полетели прямо в студентов. Повсюду раздавались крики.

Несмотря на то что глаза Риель застилала слезы, она не уходила со своей позиции, продолжая угрожающе размахивать кулаками в сторону танков.

Неожиданно оба танка одновременно выстрелили по баррикаде, сломав ее, словно она была сделана из бумаги. В разные стороны полетели обломки.

Риель заметила, что прямо на нее, медленно переворачиваясь в воздухе, летит острый обломок дерева.

— Милхуз! — крикнула девушка.

Обломок вонзился ей прямо в горло. Она медленно, точно тряпичная кукла, упала на рушащуюся баррикаду.

А тем временем солдаты открыли огонь.

Техранд и Нирски погибли там, где стояли.

Кое-кто из студентов стал спасаться бегством. Другие защищали свои позиции до последнего — их расстреляли, а иные погибли под гусеницами танков. И тем не менее... многими из них родители могли бы гордиться.

Но в конце концов солдаты смяли оборону студентов и заняли территорию университета, не прекращая стрелять прямо в толпу. Последние, самые стойкие студенты вынуждены были бежать. Солдаты преследовали их.

Наступила ночь, а на территории Пушкана все еще раздавались выстрелы. Это не был направленный огонь. Солдаты охотились за детьми Джохи и убивали их.

Одного за другим.

Глава 20

Пойндекс на мгновение почувствовал, что обладает безграничной властью. Он приказывал вечному императору — и великий человек ему подчинялся.

А потом Пойндекс одернул себя: «Ты безмозглый дурак, нет, ты хуже, чем безмозглый дурак! Мне казалось, ты сумел себя переделать, сумел избавиться от тщеславия и амбиций, вырезав их, словно опухоль, из своего тела».

Пойндекс с силой сжал рукой ржавую проволоку. Острые железные колючки вонзились в ладонь и палец. Только через минуту он отпустил проволоку и внимательно посмотрел на окровавленную руку. «Пусть возникнет заражение, — сердито подумал он. — Пусть распухнет и начнет гнить. Потому что твое стремление к власти уже однажды чуть не уничтожило тебя. Второго шанса ты не получишь».

Пойндекс внушил своему телу, что просто не чувствует раненую руку, и заставил себя не думать о почти невыносимой боли. А потом посмотрел на разлившуюся реку Ампуа.

«Я во второй раз попал на родину человека, на планету Земля. В первый раз я находился на службе Тайному совету и прекрасно справился с заданием. Особенно в том, что касалось проведения операции против отряда убийц, во главе которого стоял Стэн. Что про-

изошло бы, что сложилось бы иначе, если бы я понимал, в какую сторону дует ветер, и не помешал ему? Если бы позволил Стэну закончить с Тайным советом?.. Не выполнил бы свой долг... Верно. Но ведь в этом случае и другие события могли бы не произойти?.. Кто знает, — думал Пойндекс. — Тогда я остался бы всего-навсего полковником, лишь главой корпуса “Меркурий”. Возможно, вечный император так никогда и не узнал бы о моем существовании, не заметил бы меня, когда вернулся. Хотя, надо признать, я предстал перед ним не в самом выгодном свете. Вполне вероятно, меня отправили бы в отставку после того, как император вернул себе власть — ведь так произошло со многими. Впрочем, нельзя думать о прошлом и о том, что было бы, если... Следует учиться на своих ошибках, но не следует размышлять о том, что прошлое можно или нужно было бы изменить. Гораздо важнее будущее и настоящее — особенно возвращение на Землю. Потому что я почти приблизился к моменту триумфа».

Предложение, которое сделал ему император, было прекрасно продумано, хотя и сформулировано весьма кратко: властителю необходимо сделать определенную хирургическую операцию. Из его тела нужно извлечь предмет искусственного происхождения. Однако операция должна быть произведена таким образом, чтобы император ни о чем не знал.

С точки зрения Пойндекса это было совсем не трудно. Он уже говорил императору, что довольно часто имел дело с вражескими агентами, в организм которых были имплантированы средства суицида — начиная от различных приспособлений и кончая программой, предполагающей психологическую травму, в результате которой личность человека просто переставала существовать.

Пойндекс предупредил императора, что приступит к выполнению плана без ведома самого императора, учитывая предполагаемый характер приспособления, вживленного в его тело. Начнут происходить определенные события. Император не должен ничему удивляться и не должен позволять своему сознанию испытывать тревогу. Ему следует принимать все так, словно это естественный ход событий и ничего особенного не происходит.

Вечный император долго думал, прежде чем дать свое согласие.

На первом этапе было необходимо собрать команду хирургов. Много лет назад, когда Пойндекс еще только превратился из простого агента в офицера службы безопасности, планирующего операции, — не сразу, конечно, — он узнал три главных мифа, касающихся профессии врача.

1. Каждый врач в своей деятельности придерживается этического кодекса, утверждающего, что человеческая жизнь священна. Правда заключалась в том, что врачам присущ идеализм не в большей, но

и не в меньшей степени, чем любому другому члену общества. С точки зрения морали Пойндекса это означало, что собственные интересы превалируют над всеми остальными, а главным является соблюдение своей выгоды или следование верованиям, принятым в данный момент в обществе, в котором живет этот врач. Можно убедить врачей участвовать в разработке проектов, посвященных изучению психологической реакции человека на пытки, в экспериментах по массовому умерщвлению живых существ или принудительной стерилизации, не вписывающихся в данное общество индивидуумов... и это всего лишь некоторые из проектов, над которыми Пойндекс работал за годы своей карьеры в качестве главы «Меркурия».

2. Единственными врачами, готовыми совершать «незаконные» действия, являются те, у которых низкая квалификация. Однако Пойндексу всегда с легкостью удавалось заполучить для своих нужд профессионалов самого высокого класса — если только он обеспечивал собственные действия солидной ширмой. Патриотизм. Долг перед империей. Или, еще лучше, долг перед самой жизнью.

3. После выполнения требуемого врач иногда испытывает чувство вины или просто непереносимое желание обсудить то, что произошло. По правде говоря, Пойндекс заметил, что врачей охватывает чувство вины только тогда, когда общественная мораль меняется, а врач этого не замечает, или когда он не получает того вознаграждения за свои услуги, на которое рассчитывал, а еще когда он сам не в состоянии найти достойного оправдания своей деятельности. Кроме того, все врачи так сильно ненавидят друг друга, что разговаривать с ними на профессиональные темы всегда ужасно сложно.

Хирургическую бригаду для этой операции Пойндекс собрал за два часа. В нее вошли самые лучшие и опытные врачи империи. И все они вот уже многие годы состояли на службе у Пойндекса.

Для прикрытия Пойндекс придумал историю, бросив несколько намеков медсестре (сотруднице «Меркурия»), что будет прооперирован один из двойников императора. Все «знали», что у императора есть двойники, которые выполняют за него опасную или неинтересную работу. На самом же деле у императора двойников не было, и Пойндекс намеревался переговорить об этом недосмотре, как только представится такая возможность.

Когда бригада была готова, ее отправили на Землю. Император оказался прав: это место подходило лучше всего.

Многие века назад властитель решил, что ему нравится ловить лососей. Тогда он купил у правительства Земли и у администрации провинции, которая называлась Орегон, целую реку. За многие десятилетия, прошедшие со времени той сделки, император купил всех, кто жил или работал на этой реке. Нескольким местным жите-

лям было позволено остаться — в конце концов, нужны проводники, сторожа, ну и тому подобное... А потом император начал приезжать на рыбалку, выбирая ровные уютные полянки, где можно было поставить палатки.

Танз Сулламора, промышленник, тоже разбил свой лагерь на берегах этой реки. Однако Сулламора довольно скоро обнаружил... Неизвестно, что он обнаружил: либо ему разонравилась рыбалка, либо места были слишком дикими и нецивилизованными, так что он взял и превратил свой лагерь в роскошный комплекс. Когда-то Сулламора был одним из самых яростных сторонников императора, а потом стал его жесточайшим врагом и возглавил заговор с целью убийства великого властелина империи. Когда бомба взорвалась и уничтожила императора, Сулламора тоже погиб.

Его пансионат, расположившийся в столь удаленном от цивилизации месте, стал приютом, где устраивали встречи остатки группировки заговорщиков, назвавших себя Тайным советом.

А теперь...

Теперь властитель отправился сюда, чтобы немного отдохнуть от напряженных трудов на благо империи — средства массовой информации дружно утверждали, что император давно заслужил каникулы.

Вот только он не имел ни малейшего представления о том, что отправился на Землю.

За много дней до назначенного срока в его еду стали добавлять небольшие дозы снотворного. Император не понимал, что постепенно погружается в туман. Он продолжал выполнять свои обязанности и встречаться с адъютантами, давая им рекомендации по поводу решения важных проблем.

Он не ведал, что адъютанты — ни одного из них он не узнавал — были тщательно проинструктированными оперативниками из корпуса «Меркурий», которые представляли на суд императора очень простые проблемы, с каждым днем все легче и легче. В конце концов они стали такими незамысловатыми, что одноклеточная амeba вполне смогла бы справиться с любой из них. Традиционный ход операции подобного рода, которая называлась «рейган-бейкер» и была придумана для того, чтобы как можно дольше удерживать у власти абсолютно выжившего из ума правителя.

Пойндекс и его подчиненные постепенно подвели императора к такому состоянию, когда он практически лишился сознания. Однако по-прежнему продолжали давать ему небольшие дозы тормозящих препаратов, вводя их теперь внутривенно.

Пойндекс не хотел рисковать.

Наконец лаборанты доложили, что император находится в состоянии глубокого сна, в который искусственно вводили пассажиров

и команды чудовищных космических кораблей, стартовавших с Земли в сторону ближайших звезд еще до того, как был обнаружен АМ-2, сделавший межзвездные путешествия реальностью. Так вот, как правило, все, кто находился на борту этих космических кораблей, умирали.

Пойндекс приказал, чтобы состояние императора было введено в определенный стабильный режим, а самого правителя перенесли на борт «Нормандии», военной яхты, которой официально не существовало.

Властитель чувствовал себя прекрасно. А Пойндекс был невероятно горд собой.

Далее следовало изучить при помощи электронных приборов природу устройства — или нескольких устройств, вживленных в тело императора. Но Пойндекс не мог этого сделать.

Он был уверен, что ловушек, установленных против слишком любопытных исследователей, в теле властителя империи нет. Ведь он же совершенно спокойно проходил мимо электронных защитных экранов, и ничего особенного не случилось.

Однако Пойндекс был всего лишь уверен.

Поэтому, чувствуя себя так, словно прибыл из Средних веков, он приказал главному хирургу начать контрольную операцию. Далее хирургу сообщили, что операция должна занять как можно меньше времени, словно речь идет о сложной и очень опасной для жизни пациента травме.

Дав такие инструкции, Пойндекс оказался прав. Он тоже отправился в операционную, предварительно подвергшись всем необходимым процедурам. Здесь он бывал не раз, так что обстановка операционной не произвела на него никакого впечатления.

Первый разрез сделан — и Пойндекс сразу увидел устройство. Он оттолкнул руку хирурга и приложил пальцы к пластиковому овальному предмету, который начал быстро нагреваться.

— Извлеките его! — рявкнул Пойндекс.

— Но...

Еще два надреза скальпелем — и приборчик извлечен из тела. «Сволочь, — подумал Пойндекс. — Мы выгащили тебя прежде, чем ты успел взорваться».

— Вот. Еще один.

— Но ведь... кровотечение!

— Плевать! Вырезайте!

Второй прибор.

— Состояние? — хрипло спросил Пойндекс.

— Стабильно.

— Хорошо. Доктор, вскрывайте грудную клетку.

Тяжелый лазерный скальпель появился в руках врача.

— Вон там. Еще один. Достаньте.

Сделаны необходимые надрезы. Пойндекс взмок. Вполне возможно, что существует еще прибор. Но нельзя же искромсать тело императора вдоль и поперек.

— Проверьте. Продолговатый мозг.

— Да, сэр.

Время остановилось.

— Кажется, там есть... что-то вроде коротковолнового передатчика. Очень короткие волны — треть метра. Если вас интересует мое мнение, я бы сказал, что это самый сложный энцефалограф. Не более того.

Пойндексу стало очень хорошо.

— Можете больше не спешить. Стабилизируйте состояние. Остановите кровотечение. Ну, вы сами знаете, что нужно делать.

— А как насчет вот этого? — поинтересовался второй хирург, показывая на явно изготовленные руками человека приспособления, извлеченные из тела императора.

— Они мои. Вы их не видели.

Три пластиковых предмета отправились на немедленный тщательный технический анализ.

Первый оказался сложной бомбой, в которой использовалась традиционная материя в качестве детонатора и антиматерия — два в качестве взрывчатки. Этой бомбы было бы достаточно, чтобы сровнять с землей огромную парковочную площадку. Пойндекс ухмыльнулся. Теперь он знал природу того загадочного взрыва, который произошел через несколько секунд после того, как убийца, нанятый Тайным советом, застрелил императора. Бомба должна была предотвратить вскрытие — по крайней мере.

Второе устройство являлось приемником и одновременно ловушкой, устроенной таким образом, что она должна была взорваться в случае, если тело императора будет по какой-нибудь причине вскрыто. Пойндексу понадобилось несколько часов, чтобы разгадать назначение этого устройства. Электроэнцефалограф, по-прежнему находящийся в мозгу императора, постоянно передает его мысли. Если эти мысли станут расходиться с запрограммированными условиями, бомба сработает.

«Интересно, — подумал Пойндекс. — Один из способов сохранить ясность мышления, способ борьбы с безумием, или...» Он решил, что, пожалуй, не станет рассматривать другие возможности.

Самым интересным оказалось третье устройство. Очень мощный передатчик. Его активирующий механизм был подсоединен к жизненно важным органам. Если императора убьют, передатчик сработает — пойдет сигнал. Или еще существует такая возможность: если

императора начнут пытаться, чтобы заставить его сделать нечто, что он делать не должен, или накачают его наркотиками, бомба взорвется, и передатчик начнет передавать информацию.

Кому?

Куда?

А потом проходит время, и император возвращается.

Пойндексу ужасно хотелось продолжить расследование. Но он заставил себя остановиться.

Может ли вечный император, придя в себя после операции, приказать уничтожить всех, кто принимал в ней участие?

Естественно, может.

Может ли вечный император, оставив в живых всех участников операции, приказать произвести сканирование их сознания, чтобы узнать, что им известно про его тайну?

Еще как может.

Неожиданно Пойндекс понял — причем это понимание не имело никакого отношения к его жизненному опыту, параноидальному психозу или моральным устоям, — что его шансы остаться в живых, если он узнает, куда направлен этот загадочный сигнал, равны нулю, нет, меньше нуля. Пойндекс был огорчен, что лишился возможности решить интересную загадку, однако он очень хотел жить и поэтому собственноручно уничтожил все три устройства.

Он не совсем понимал, что сделал. И не знал, почему в теле императора находилась бомба и почему властитель хотел от нее избавиться. В качестве защиты от наемных убийц и похитителей бомба была вполне разумным средством.

Но... если император владеет секретом вечной жизни, а он этим секретом владеет, тогда что происходит после взрыва? Как ему удастся выжить?

Психическая проекция?

Проклятье! Еще немного, и можно поверить в постулаты религиозного культа вечного императора, последователи которого считают, что властитель время от времени покидает своих подданных для того, чтобы общаться со священными сферами.

Пусть идут ко всем чертям. Пришла пора стать не больше чем просто верным слугой.

— Сэр, у вас идет кровь.

Пойндекс вернулся в реальность и ответил на приветствие солдата из отряда богомолов:

— Спасибо. Я, должно быть, порезался.

Солдат кивнул и продолжил свой обход территории, внимательно вглядываясь в темноту, чтобы вовремя заметить врага, намеревающегося причинить вред империи.

Радуюсь боли, правильно принятому решению и появлению солдата, Пойндекс отправился в медпункт. Он позволил себе испытать гордость в течение целой минуты.

С этого времени император — при помощи верного слуги — больше не будет зависеть от своего прошлого.

Вечный император открыл глаза.

Понял, что находится в холодном стерильном помещении. И что он обнажен.

Неужели он снова вернулся на тот корабль? Его охватила паника. Неужели совершена ошибка и он стал безмозглым существом, которое так ненавидел?

Нет. Он почувствовал боль. Не мышечную боль возрождения.

Он вспомнил...

Да.

Должно быть, он на Земле. Пойндекс, как и обещал, выполнил свой долг.

Император жив.

Он позволил себе расслабиться, его сознание еще не окончательно оправилось после анестезии. Но даже в своем нынешнем состоянии он больше не чувствовал, что за ним наблюдают. Ему не нужно впредь бояться за свои мысли.

Связь нарушена.

Глаза охранника, убийца, голос на корабле — все пропало.

Теперь он жив.

Теперь он может управлять империей так, как повелит ему его судьба.

Теперь он свободен.

Вечный император улыбнулся.

Книга третья

Стена дыма

Глава 21

Известие о расправе над студентами Пушкинского университета пронеслось по всему Алтаю. Слухи об этой трагедии уже метались по улицам Рурика, когда солдаты еще только начали стрелять. Стэн, посчитав этот факт очень важным и совершенно ненормальным, тем не менее решил, что подумает об этом позже. А пока он пытался разобраться в хаосе, разразившемся вокруг.

Окруженный джохианскими войсками, которые получили приказ охранять имперское посольство, Стэн находился в самом сердце урагана, но мог только сидеть и составлять сообщения, помеченные грифом «только для чтения», которые отправлял на Прайм-Уорлд.

Стэн наблюдал за тем, что произошло в университете, при помощи Фрика и Фрэка, точнее, нескольких отрядов этих любопытных мышек. Он ни секунды не сомневался в том, что приказ отдал доктор Искра. Однако доказать это будет очень трудно. На форме солдат не было никаких знаков отличия. Это вполне мог оказаться составивший отряд джохианской милиции. Или торкской.

Кроме того, сначала слухи утверждали, что нападение организовано отрядом милиции суздалей. Стэн обратил внимание на этот факт.

Дезинформация возникла как раз в тот момент, когда Риель упала с баррикады. Практически сразу за первым слухом последовало новое предположение, совершенно противоположное, — в совершении зверства виноваты богази.

Стэн, видевший немало пролитой крови за свою жизнь, заставил себя смотреть на разворачивающуюся перед его глазами кровавую драму. Несколько молодых офицеров связи рвало — не всякий был в состоянии выдержать это зрелище. Даже Фрестон, возглавлявший отряд связников, отвернулся, чтобы не видеть кошмара.

— У придурка совсем нет мозгов...— пробормотал Алекс, не сводя глаз с экрана.— Он же спятил.

Стэн не обращал на него никакого внимания, потому что уже, наверное, в десятый раз пытался связаться с доктором Искрой, чтобы потребовать прекращения этого избиения младенцев. И уже, наверное, в десятый раз на его вызов отвечал кто-то из подчиненных правителя, причем самого низшего уровня, заявляя, что Искра «медитирует» и оставил строжайшие инструкции, чтобы его не беспокоили.

— Я ему помедитирую,— прорычал Стэн. А потом, повернувшись к Алексу, сказал: — Ну-ка, сделай так, чтобы можно было посмотреть на дворец.

Уже через несколько секунд над площадью Хаканов зависло несколько мышек.

Там творилось что-то несусветное. К дворцу приближалась группа протестующих, возмущенных граждан Рурика, узнавших о событиях в университете.

Стэну стало по-настоящему плохо, когда он увидел, что вместо джохианских солдат навстречу демонстрантам по ступеням дворца спускаются имперские гвардейцы.

Они бросились в толпу, нанося удары направо и налево. Столкновение было яростным — и коротким. Прошло всего несколько секунд, а толпа уже бросилась врассыпную. Перепуганные до смерти существа пытались спасти свои жизни, но на земле росла гора трупов в гражданской одежде.

Гвардейцы преследовали убегающих, пустив в ход дубинки.

Синд возмущенно выругалась:

— Они ведут себя как вонючие полицейские, эти солдаты. Как плохие полицейские.

Стэн молчал. Ему удалось взять свои чувства под контроль, но при этом покоя не давала некая мысль: когда резня закончится, будет выдвинуто множество самых разнообразных обвинений, и имперская гвардия станет одной из потенциальных мишеней.

— Объяви состояние боевой тревоги,— велел Стэн Килгуру.— И прикажи, чтобы сюда принесли дополнительные койки. Будем работать, пока не свалимся.

Алекс поспешил выполнить распоряжение Стэна, который сразу же снова повернулся к экранам. Глаза у него покраснели от напряжения и отчаянно чесались. Он почувствовал, как Синд тихонько погладила его рукой по плечу. Девушка ничего не сказала, но легкое прикосновение ее руки придало Стэну силы.

Шли часы, трагические события развивались.

Отряд милиции суздаей, озверевший от слухов и разговоров, ворвался в район, где спали богази. Суздали подожгли дома. А по-

том хладнокровно перебили испуганных богази, которые пытались выскочить из своих охваченных пламенем жилищ.

За их гибель моментально отомстили. Когда трое взрослых суздалей вели примерно двадцать детенышей из домов в столовую, из засады выскочили богази. Взрослые суздали погибли мгновенно. А потом детеныши. Одна самка богази подняла крошечного детеныша высоко в воздух, перекусила его тело своим смертоносным клювом, а затем проглотила малыша целиком.

— Права бабушка была, — сообщила она своим друзьям. — Не годятся ни на что суздали. В пищу только.

Этот инцидент, естественно, только подлил масла в огонь. Все знали, что суздали — самые заботливые родители в империи, генетически запрограммированные на убийство любого, кто угрожает их потомству.

А в посольство продолжали поступать сообщения о все новых и новых кровавых событиях.

Вечером небольшой отряд торкской милиции напал на джохианскую рыночную площадь. Однако джохианцы были готовы: откуда-то появились солдаты и вступили в сражение с торками, которые взвыли от удивления и ужаса, развернулись и бросились бежать. Джохианцы стали их преследовать. Но как только ряды нападающих были нарушены, появился большой отряд торков, который нанес удар с тыла. На рыночной площади погибло более двухсот человек, военных среди них почти не было.

А кровопролитие продолжалось. Рурик превратился в огромное поле боя. Стэн уже практически был не в состоянии уследить за событиями. Он просто продолжал тупо составлять донесения императору и безуспешно пытался связаться с Искрой. Точно так же, как и с вечным императором. Босс плохо себя чувствовал. Стэна это несколько удивило. Потому что, насколько он помнил, император никогда не болел.

На следующий день, когда Стэн посмотрел слезящимися глазами на экран монитора — о чудо из чудес! — он увидел, что в сторону Пушканского университета движется группа мирных граждан. Толпа была смешанной — в нее входили представители всех четырех народов Алтая. Они несли венки, чтобы возложить их на место гибели студентов и почтить память погибших.

Кроме того, над толпой развевались знамена, призывающие к восстановлению мира и покоя на Алтае. На некоторых из них были даже надписи в поддержку доктора Искры.

Стэна несколько не удивило то, что произошло в следующее мгновение. Он уменьшил звук и отвернулся от экрана, когда солдаты, охранявшие территорию университета, открыли огонь по демонстрантам. Он только посмотрел на Синд. Девушка стояла по-солдат-

ски прямо, сжав зубы, молча. Но под глазами у нее были синяки. Она невольно вздрогнула, когда со стороны университета стали доноситься приглушенные крики ужаса.

Синд открыла рот, точно хотела что-то сказать, но так и не произнесла ни звука.

«Она хочет, чтобы я заставил их прекратить это,— подумал Стэн.— Но знает, что я ничего не могу сделать».

Стэн никогда не чувствовал себя так ужасно. Он казался себе таким отвратительно бесполезным. И не то чтобы он верил во всю эту чепуху о том, что каждый человек должен приносить пользу обществу, в котором живет. А если что-нибудь подобное и коренилось когда-нибудь в душе Синд, оно, вне всякого сомнения, погибло, сраженное событиями последних часов.

Раздался голос Фрестона. Стэн повернулся.

— Доктор Искра, сэр,— проговорил офицер связи.— Он интересуется, сможете ли вы с ним встретиться.

Стэн отправился к доктору Искре, приготовившись содрать с него живьем шкуру, по крайней мере дипломатическая нота преследовала именно эти цели. И хотя Стэн напрямую не обвинял Искру в том, что тот приказал устроить бойню в Пушкане, посол на это вполне определенно намекал. Он также высказал свое отношение к расстрелу мирной демонстрации, пришедшей возложить венки, и к использованию имперских гвардейцев против гражданского населения. В конце он давал доктору Искре ясно понять, что постарается сделать все, что в его силах, чтобы император пересмотрел свое отношение к новому правителю Алтая и лишил его своей поддержки.

Стэн прекрасно понимал, что ступил на тонкий лед. Значение созвездия Алтай для империи столь велико, что в данном случае необходимо воспользоваться всеми тремя правилами дипломатии: а) сначала посоветуйся с боссом; б) сначала посоветуйся с боссом. И самое главное правило из трех: в) сначала посоветуйся с боссом.

И хотя Стэн был озадачен тем, что не может связаться с императором, он отправился на встречу с доктором Искрой с абсолютно серьезными и жесткими намерениями.

Как только Стэн вошел в комнату, Искра вскочил на ноги.

— Господин посол,— проговорил он,— я протестую против вашего категорического нежелания поддержать мое правительство!

Стэн усилием воли удержался от того, чтобы не раскрыть от изумления рот. Сжал губы, приподнял одну бровь. От него веяло холодом.

— Более того, я намереваюсь просить императора отозвать вас из звездного скопления Алтай.

— Вы оказали мне любезность, сообщив об этом лично,— сухо произнес Стэн.— Я предполагаю, вы просите...

— Требую, сэр. Не прошу.

— Хорошо, пусть будет так. Вы требуете. Впрочем, я бы посоветовал вам исключить это слово из словаря во время разговора с императором. Так вот, вернемся к моему вопросу. Имеет ли это... требование... какое-нибудь отношение к хаосу, охватившему созвездие? Или дело просто в том, что вам не нравится покрой моего фрака?

— Я обвиняю вас в тех страданиях, что выпали на долю моего народа. Неужели вы станете утверждать, что лично вы и ваши подчиненные продемонстрировали вполне очевидное отсутствие энтузиазма в выполнении миссии, порученной вам императором?

— Да, буду. С легкостью. Энтузиазм присущ новичкам и непрофессионалам. В мои обязанности входит оказывать вам поддержку. Но — и это «но» очень серьезно, сэр, — моя миссия заключается в восстановлении порядка на Алтае. Должен с прискорбием заметить, что выполнение миссии сейчас находится под вопросом — если она вообще не обречена на провал. Вся полнота ответственности за это лежит на вас, сэр. Что я и намерен сообщить императору.

— В таком случае я был совершенно прав, — прошипел Искра. — Вы противостоите моим начинаниям.

— А чего вы ожидали после событий в Пушкане? Хотели, чтобы я послал военный оркестр прославлять ваши подвиги?

— Вы считаете меня виноватым в этом кошмарном происшествии? Вы обвиняете меня?! — Искра изо всех сил изображал возмущение. Стэн рассмеялся бы над его жалкими попытками, если бы дело не касалось пролитой крови. — Должен вам сказать, меня до глубины души возмущает то, что произошло в Пушкане. Я приказал провести тщательное расследование, во главе которого стоит человек, чья репутация выше каких бы то ни было сомнений и подозрений, — генерал Доу.

«Хо-хо, — подумал Стэн. — Ну и нравы! Искре удалось завлечь в свои сети генерала Доу».

— Я доложу императору, — проговорил Стэн, — он будет... заинтересован. Впрочем, это не совсем то слово, которое, по моему мнению, следует употребить, описывая реакцию императора на положение, сложившееся в созвездии Алтай.

— Ба! Это мой народ, господин посол. Вы его не понимаете. Кровавые войны являются главной составной частью истории. Это факт нашей природы, от которого никуда не деться. Именно поэтому, когда вы отказались оказать нам поддержку, небольшой инцидент — вроде трагедии в Пушкане — может привести к хаосу.

— Хаос вы уже получили — в лучшем виде, — сказал Стэн. — И что теперь собираетесь предпринять?

— Это мое дело! — взорвался Искра. — Частное дело нашего звездного скопления. Советую вам об этом не забывать.

— Я постараюсь,— ответил Стэн.

Он подумал о дипломатической ноте, лежащей в кармане пиджака, той самой, что должна была раздавить Искру. Если он вручит ее, как планировал, вряд ли его отношения с правителем Алтая станут нежнее.

Он подумал о юношах и девушках, погибших на баррикадах Пушкана. Провалились они пропадом, будущие отношения! Стэн намеревался избавиться от этого человека. Он соберет по крупицам свидетельства и улики, выстроит надежное обвинение. Так что когда он заговорит об Искре с императором, у него будет достаточно доказательств для того, чтобы с треском вышвырнуть Искру из звездного скопления Алтай.

Кроме того, этот тип уже объявил, что считает себя врагом Стэна. Большинство книг по дипломатии утверждали, что на этом этапе необходимо нанести удар — желательно ниже пояса.

Стэн достал ноту из кармана и протянул ее Искре.

— Советую вам прочитать это на ночь, перед сном,— сказал он.— А теперь прошу меня простить...— И вышел из комнаты, оставив у себя за спиной булькающего от возмущения диктатора.

Как только Стэн покинул доктора Искру, в кабинет вошел Венлоу.

— В этом не было никакой необходимости,— резко бросил он.— Вы только что завели себе очень опасного врага.

— Этот? Стэн — всего лишь мелкий функционер.

— Еще одна ошибка, доктор. Поверьте мне, он не функционер.

Венлоу вспомнил свою встречу со Стэном и Махони, и у него по спине пробежал холодок. Он был жив только потому, что оказался им нужным.

— Кроме того, Стэн совершенно прав насчет университета,— сказал Венлоу.

— Это было необходимо,— заявил Искра.— Как я только что сказал этому идиоту послу, мои люди нуждаются в суровом правителе и жесткой руке. Инцидент в университете дал мне прекрасную возможность показать всем, что я как раз и являюсь суровым правителем — таким, как нужно. Когда все это закончится, будущие поколения станут благословлять мое имя, поверьте. Я знаю, что займу достойное место в истории.— Он немного насмешливо посмотрел на Венлоу.— Вы меня удивляете. Я и не думал, что вы станете огорчаться из-за небольшого количества пролитой крови, тем более что пролита эта кровь ради великой цели. Странно, как можно ошибаться в человеческом существе.

Венлоу только мрачно фыркнул. Ему пришла в голову неожиданная мысль: если бы он получил привычное для себя задание, как легко ему было бы убить доктора Искру. Прямо сейчас. И следов никаких не осталось бы.

— Наверное, вы не очень хорошо разбираетесь в человеческой природе.

Искра уставился на него, пытаясь вовлечь в детскую игру «кто кого переглядит». У Венлоу зачесались руки. С каким удовольствием... Вместо этого он опустил глаза.

— Вот и хорошо, — просиял Искра. — А теперь я хочу еще раз внимательно просмотреть свой список. Надеюсь, император поймет мои нужды и предоставит все, что я у него прошу.

И он принялся зачитывать подробный перечень того, чем император должен был его обеспечить. Венлоу не сомневался, что императору этот перечень совсем не понравится.

— Я очень внимательно вас слушаю, — тихо сказал он.

Стэн откинулся на спинку сиденья гравитолета. Лил сильный дождь, и в окна ничего не было видно.

«Проклятье, — подумал он, — я не имею ни малейшего понятия, что делать дальше. Политических деятелей типа Искры любой дипломат встречает по крайней мере один раз в жизни, но опыт общения с такими типами все равно ничего не дает. Как можно иметь дело с правителем, лично рубящим сук, на котором сидит? Самое простое решение — просто взять и умыть руки. К сожалению, как правило, такой возможности у дипломатов никогда не возникает. Трудность номер один: в ситуациях вроде этой почти никогда нет подходящей замены. Если правитель терпит крах, его государство тоже гибнет. Что может оказаться большой удачей для окружающих государств, если бы не трудность номер два. Правителей с суицидным комплексом всегда поддерживает кто-нибудь извне, чья судьба и благополучие основываются на благополучии как раз именно этого королевства. Иными словами, невозможно допустить, чтобы история развивалась своим естественным ходом. Если молния попадает в очень сухие деревья, многие народы бросаются тушить пожар».

Стэн сообразил, что Искра преподавал ему серьезный урок. Он понял, что Алтай упорно шел к своему нынешнему тяжелому положению с того самого момента, как первые джохианцы появились в этом скоплении, да еще с разрешением на торговлю, подписанным императором.

Разрешение — красивое слово для обозначения деловых отношений между джохианцами и императором — делало их особенными, обласканными великим властителем, разрешение ставило их выше всех остальных. Право господствовать в этом скоплении им самим казалось богоданным, как было принято считать в древние времена. В результате возникли Хаканы, которые навязали свое правление недовольному населению.

Не имея поддержки императора, существа, населявшие созвездие, вынуждены были бы искать какое-нибудь другое решение. Воз-

никло бы кровопролитие, но в конце концов джохианцы, торки, суздалы и богази пришли бы к какому-нибудь консенсусу.

Когда Стэн согласился выполнить задание императора, он предполагал, что ему надлежит придумать, как создать правительство согласия. Он рассчитывал, что сумеет навести порядок и построить более или менее надежное государственное здание.

А вместо этого... Вместо этого ему приходится иметь дело с ублюдком Искрой. Интересно, о чем все-таки думает босс?

Стэн заставил себя успокоиться, раздражение вряд ли поможет разобраться с этой кучей дерьма. Совершенно бессмысленно пытаться понять, что на уме у властителя. Император, конечно, вечный, но он никогда не утверждал, что безупречен. Если Стэн хочет, чтобы он вышел на более правильный путь, придется ему в этом помочь.

Водитель подал сигнал. Они приближались к посольству суздалей. Первая остановка Стэна. Первый шаг в создании консенсуса.

Выглянув в окно, Стэн понял, что одна треть его плана может отправляться псу под хвост. Посольство суздалей было совершенно пустым. Какие-то торкские молокососы копались в брошенных вещах работников посольства.

Стэн выскользнул из гравитолета. Торки заметили его и напряглись, готовясь сбежать. Стэн махнул рукой своей охране, которая вслед за ним быстро покинула машины. А потом спокойно направился к ребятам.

— Подходящая добыча? — спросил он того, что был повыше, посчитав, что размеры, вероятно, делают его вожаком.

— А тебе какое дело? — сердито рявкнул самый маленький торк.

Ага, значит, догадка оказалась неверной. «Что-то не везет мне сегодня», — подумал Стэн.

— Хороший вопрос. А как насчет вот этого?

Он вытащил несколько кредиток и помахал ими перед загоревшимися жадным огнем глазами мальчишки, который попытался выхватить деньги из руки Стэна. Но не тут-то было! Стэн ловко отвел руку в сторону. А потом кивнул на посольство.

— Куда они подевались?

— Домой отвалили.

Мальчишка, плотно сжав губы, не сводил глаз с денег. Стэн протянул ему несколько кредиток.

— Ну-ка расскажи поподробнее, — попросил он. — Начни с того, когда они уехали.

— Часа три назад, — ответил мальчишка. — Мы играли вон там, на улице, когда поднялся ужасный шум. Суздали разгавкались, как они это обычно делают, оралы — страх просто. Повсюду гравитолеты и солдаты. Мы и понять ничего не успели, а они — вжик и отвалили!

Стэн вложил в руку маленького атамана еще несколько кредиток.

— Кто-нибудь их преследовал?

— Не-е-е. И потом никто не приходил. Суздали к себе полетели, это точно. И они не трухали, по разговорам было видно.

— А о чем они говорили? — поинтересовался Стэн, добавив немного бумажного сиропчика к своему вопросу.

— О том, что прикончат всех богази, о чем же еще? — Торк был потрясен явной глупостью Стэна — Мы подобрались к ним поближе, понимаешь? Хотели посмотреть, может, забудут тут чего ценное. И слышали, как вожак стаи разговаривала с тем кривоногим типом, что у них главный в милиции: скоро, мол, будет большая драчка. С богази. Поэтому они и отвалили домой, понял?

Мальчишка поднял на Стэна глаза.

— Думаю, у суздалей нет ни шанса. Они жадные и злобные. Только цыплята будут почище их. Как считаешь? Кто победит, суздали или богази?

Стэн отдал ему остальные кредитки.

— А тебя это беспокоит?

— Нет, конечно! Просто интересно. В нашем районе все ставят на богази. Десять к одному. Думал, может, ты мне что-нибудь такое скажешь... полезное. Я бы тогда причесал их всех. — Мальчишка помахал деньгами перед носом Стэна. — Я так соображаю, делай ставки, когда можешь. Тогда и повезет в конце концов. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Естественно, понимаю, — ответил Стэн.

По дороге к своему гравитолету он подумал о том, что шансов на успех у него практически нет никаких.

— Я представляю себе все очень просто, генерал, — заявил Искра. — Однако я думаю, вы со мной согласитесь, что простота концепции — самое главное.

— Вне всякого сомнения, — кивнул генерал Доу. — Это одно из ваших качеств, которым я восхищался еще много лет назад. Вы видите предмет, очень сложный предмет, а потом меняете части местами, производите еще какие-то действия, и проблема перестает быть сложной. Она проста и реальна. Гениальное решение!

Доу не имел ни малейшего представления, о чем говорит. Впрочем, это не играло никакой роли. Генерал был опытным льстецом. Настоящим экспертом. Он потягивал воду, которую Искра предложил ему, и делал вид, что получает несказанное удовольствие, точно это редкое вино.

— Похоже на стакан воды, — продолжил Доу, ухватившись за первую попавшуюся аналогию. — Я вижу воду, а вы видите...

Мысли у него в голове путались. Ну и что, черт подери, Искра видит? Может быть, тоже только воду и больше ничего? Сам Доу видел амфибию с зеленой шкурой, которая издавала отвратительные, угрожающие звуки.

— Да-да. Продолжайте,— заинтересовался доктор Искра.— Что вижу я, генерал?

— Символ,— выдохнул Доу.— Вот! Символизм. Так вот, кто, как не гений, может увидеть в стакане простой воды символ?

Генерал Доу бросил мимолетный взгляд на лицо своего повелителя, чтобы понять, куда завели его словесные упражнения. Доктор сиял и энергично кивал головой. Фу! Благодарение Господу!

— Вы смотрите в самую суть проблемы, генерал, как всегда,— похвалил его Искра.— Именно поэтому я понял, что вы мне необходимы. Я знал, что найду в вас родственную душу.

— Совершенно,— согласился Доу и нервно откинул со лба прядь серебристых волос.— Вне всякого сомнения.

«Старый кретин»,— подумал Искра.

— Убеден, что вы самая уважаемая личность в армии, генерал,— сказал он.

— О, благодарю вас.

— Ну, это же правда. У вас безупречная репутация, вы честный и верный человек. И боретесь за сохранение джохианских традиций.

— Раньше все было лучше,— сказал Доу. На эту тему он мог рассуждать часами.— Иногда мне кажется, что старые ценности слишком быстро были забыты.

— Именно так считаю и я,— торжественно произнес Искра.

— Да?

— Конечно. Мы вынуждены прибегнуть к самым суровым мерам, чтобы иметь возможность вернуться к славному прошлому наших отцов.

— Верно. Как это верно. Печально. Но совершенно верно.

— Тем не менее я не хочу, чтобы вы оказались замешаны в настоящему неприятных событиях. Часть мер, которые необходимо принять, боюсь, запятнают репутацию настоящего джохианского солдата. Я прикажу подготовить для выполнения подобных заданий отряды особого назначения, которые будут отчитываться только передо мной.

— Как точно вы все понимаете! — просиял Доу.

— И все же я хотел бы, чтобы вы возглавили мои вооруженные силы в борьбе за восстановление мира в нашем славном созвездии. Мне просто необходим человек, способный хладнокровно оценивать ситуацию и готовый идти до конца ради достижения великой цели.

— В таком случае я именно тот, кто вам нужен,— объявил Доу.— Благодарю за оказанную честь.

— Когда наш народ только появился в этом звездном скоплении,— продолжал Искра,— он встретил враждебный прием невежественных инопланетян и людей, находящихся на крайне низком уровне развития. Самых настоящих варваров.

— Ужасные времена. Ужасные,— пролепетал Доу.

— Тогда нас было совсем немного.

— Как справедливо. Я и сам это всегда говорил. Тогда нас было совсем мало. Но мы победили не числом, а храбростью.

— И еще,— сказал Искра.

— Верно. И еще... это... гмм...

— Умом,— подсказал Искра.

— Вот именно. Ум. Как раз про ум я и собирался сказать.

— Чтобы подавить сопротивление этих животных — прошу прощения, я не придерживаюсь дурацких современных теорий, они самые настоящие животные и не более того... Так вот, чтобы подавить сопротивление этих животных, наши предки прибегли к тактике, которую можно свести к одной точной, элегантной фразе. Эта фраза и все, что за ней стоит, по моему мнению, является основной частью нашего джохианского наследия.

— Я знаю ответ,— перебил его Доу,— но вы формулируете все намного лучше меня. Пожалуйста, произнесите эти слова за нас обоих.

— Разделяй и покоряй,— торжественно объявил Искра.— Мы сумели поставить этих ублюдков на колени только потому, что следовали этому простому лозунгу. Наши предки разожгли ярость в сердцах суздалей и богази. И торков. А потом натравили их друг на друга. Мы даже совершили несколько очень выгодных сделок, продавая оружие и тем, и другим, и третьим. И стали править.

— Клянусь всеми богами, мы должны и сейчас сделать то же самое! — Доу с силой ударил кулаком по своей ладони, его сердце пылало патриотическим гневом.— Разделяй и покоряй. Вернемся к забытой традиции!

— Значит, вы принимаете пост, который я вам предложил?

— С гордостью, сэр,— прорычал Доу и смахнул скупую мужскую слезу с ресниц.— С гордостью.

Мениндер жил в старом, окруженном стеной поместье в самом центре торкского района.

Стэн наметанным глазом определил, что дом сознательно подерживается в таком неприглядном состоянии. Выщербленные стены заросли ползучими растениями, старые входные ворота были самой настоящей древностью и висели неровно. Сад сразу за воротами зарос — за ним явно никто не ухаживал. Однако система безопасности, окружавшая стену, была изощренной и совсем новой. Ворота поддерживались стальными подпорками. А по границам запущенного сада росли колючие кустарники и остролистые папоротники.

Стэн знал, что у Мениндера есть деньги. Для торка у него их было даже слишком много. Но он вел себя осторожно и не демонстрировал свое богатство всем и каждому. Точно так же, почуяв опасность, Мениндер просто скрылся из виду.

— У меня траур,— сообщил он, закидывая удочку в зеленую воду пруда.

Стэн уселся рядом с ним на берегу. Дождь кончился, и невыносимо палило солнце. Однако под деревьями, растущими возле пруда, где торк любил удить рыбу, было прохладно. Мениндер вытянул удочку, проверил наживку и крючок и снова забросил удочку в воду.

— В вашей семье кто-то умер? Я вам сочувствую,— сказал Стэн.

Мениндер снял очки, вытер несуществующие слезы, а потом снова надел очки на нос.

— Очень молодой кузен... Погиб в Пушкане.

Стэн собрался еще раз выразить сочувствие, но тут заметил циничную усмешку на губах Мениндера.

— Он вам был близок?

Мениндер снова ухмыльнулся.

— Не очень. И тем не менее мы все пережили большое потрясение.

— Могу себе представить,— проговорил Стэн.

— Я так несчастен,— продолжал Мениндер,— что, боюсь, пройдет не меньше года, прежде чем я снова смогу появиться среди людей.

— Вы считаете, что на Алтае к этому времени все успокоится? — поинтересовался Стэн.

— Если этого не произойдет,— ответил Мениндер,— у меня будет рецидив. Горе — весьма сложная болезнь. Возникает и исчезает.— Он вытащил удочку и опять забросил ее.

— Как лихорадка,— подсказал Стэн.

— Угу. Только у депрессии нет никаких симптомов. Человек может горевать и одновременно ловить рыбу.

— Рыбалка вообще забавная штука,— заметил Стэн.— У человека с удочкой в руках всегда такой серьезный, занятой вид. Разве можно нарушить уединение человека, сидящего на берегу с удочкой?

— Насколько я понимаю, господин посол, не я один занимаюсь тут рыбалкой,— сказал Мениндер и забросил удочку в другое место.

— Я пытаюсь найти правильную наживку,— ответил Стэн.

Мениндер твердо покачал головой.

— И не мечтайте. Вряд ли вы сумеете выманить меня отсюда обещаниями славы или денег. Я прожил долгую жизнь. И хочу умереть своей смертью.

— В наше время это сделать не просто,— заметил Стэн.

— Тут вы правы.— Крючок зацепился за что-то. Мениндер с силой дернул, и удочка высвободилась.— Лично я не считаю, что станет лучше. По крайней мере, не при моей жизни.

— Проблема будет решена,— пообещал Стэн.— Так или иначе.
— Значит, у вас есть на мой счет какие-то планы. Вы хотите, чтобы я принял участие в решении наших проблем?

— Да.

— Потому что я был настолько глуп, что высунулся в самом начале?

— Вам удалось убедить некоторых существ вступить в переговоры, в то время как их обычная реакция на кризис — применение силы.

— Раньше я думал, что такие вещи у меня получаются весьма плохо,— сказал Мениндер.

— Они у вас и сейчас получаются. С моей точки зрения.

— Бесплезный, дурацкий талант. Если это вообще талант. Сам я считаю себя вруном. Просто врать я умею очень правдоподобно.

— Скоро здесь начнут происходить серьезные события,— сказал Стэн.— Давным-давно — при похожих обстоятельствах — я посоветовал человеку вроде вас убраться подальше с линии огня. Сказал, что для него будет лучше, если он неожиданно заболеет чем-нибудь серьезным.

— Он воспользовался вашим советом?

— Воспользовался.

— И остался жив?

— Да. Все у него было хорошо.

— Однако вы хотите, чтобы я поступил как раз наоборот?

— Угу.

— Тому типу вы дали хороший совет.

— Время было другое. Сейчас все изменилось.

— Не обижайтесь, сэр, но ведь я не нахожусь под крылышком империи. Мои владения надежно защищены. Но, несмотря на это, именно сюда наш милый доктор пошлет отряд с дубинками или чем еще похуже.

— Вы не считаете, что у Искры получится что-нибудь путное?

— Нет, конечно! Больше всего меня огорчает то, что я однажды сам привел его имя. Отозвался о нем положительно. Скажите вашему боссу, что с этим политическим деятелем он промахнулся. Только не ссылайтесь на меня. Если не возражаете, я намерен привлекать к себе как можно меньше внимания.

— Я не стану лгать и говорить, что вы единственная надежда,— сказал Стэн.— Но вы могли бы сыграть очень важную роль.

— Вы считаете, что мне следует рисковать своей жизнью — и жизнью моей семьи — ради войны с ветряными мельницами? Чтобы спасти созвездие Алтай?

— А по-вашему, это недостойная цель?

Мениндер задумчиво посмотрел на поплавок. Затем вздохнул.

— Не знаю.

— Вы мне поможете?

— Может быть, потом,— ответил Мениндер.

Стэн поднялся на ноги. Посмотрел на зеленую воду пруда и подумал о том, что не видел в нем рыбы.

— Здесь что-нибудь водится?

— Раньше водилось,— ответил Мениндер.— Потом погода стала переменчивой. Это я вам говорю на случай, если вы еще не заметили. И с водой что-то произошло. Баланс изменился, что ли... ну, не знаю. Вся рыба сдохла.

— Однако вы продолжаете сидеть на берегу с удочкой.

Мениндер рассмеялся и снова забросил удочку.

— Конечно. Никогда не знаешь, что можно поймать в пруду.

Стэн нашел Кейбак, министра иностранных дел богази, на территории посольства. Она спускала флаг. Все остальные уже отправились в космопорт. Кейбак планировала присоединиться к ним, не теряя ни минуты драгоценного времени.

— В этом нет необходимости,— сказал Стэн.— Я могу гарантировать безопасность вашего посольства.

— Богази в безопасности не нуждаются,— ответила Кейбак.— Страх в нас нет. Гнев есть. Суздали забыли гнев богази. Мы сожалеть их заставим об этом.

— А почему вы считаете, что во всем происходящем виноваты суздали? Их дети умирали в Пушкане рядом с вашими.

— Ха! Это ложь. Суздалей пропаганда. Обвиняют богази за свои поступки плохие. Все повод. Они войны хотят. И получают.

С точки зрения Кейбак, разговор был окончен. Она села в свой транспорт, но Стэн решил попытаться еще раз.

— Давайте поедem со мной в имперское посольство. Я покажу вам данные моей разведки. Вы поймете, что суздали — такие же марионетки в чужих руках, как и вы.

Мотор заурчал. Стэн сделал шаг назад. Кейбак высунула клюв из окна.

— Обманули они и вас тоже. Нет нужды на ложь суздалей смотреть. Я отправляюсь домой. Помогу приготовить собачье жаркое.

Невезение преследовало Стэна до конца этого дня и не покинуло его наутро следующего.

Он все время пытался дозвониться до вечного императора. Каждый раз ему отвечали одно и то же: император плохо себя чувствует, и никто не знает, как долго он пробудет в таком состоянии.

Стэну просто необходимо было посоветоваться с боссом, потому что теперь он брел вслепую, плохо понимая, что же делать. Положение на Алтае постоянно ухудшалось.

Стэн был совершенно уверен, что Искру необходимо сместить. Но только один человек мог принять это решение. На карту была поставлена судьба Алтая.

Стэн предпринял еще одну, последнюю попытку.

— Мне очень жаль, господин посол, — услышал он спокойный голос секретаря императора. — Я уверен, император свяжется с вами сразу, как только сможет. Да, я передал ему ваше сообщение. Да, я передал ему, что у вас дело чрезвычайной важности. Прошу простить за причиненное неудобство, господин посол. Не сомневаюсь, что вы все понимаете.

Стэн сжал зубы. Где же, черт побери, находится император?

Глава 22

— Я уже давно собирался с вами встретиться, — проговорил император. — Очень жаль, что не смог сделать этого раньше. Поскольку я многим обязан вам и вашей организации.

Старуха хихикнула в ответ.

— Мы гордимся (*хи-хи*), что служим (*хи-хи*) вашему величеству. Ведь разве не в этом (*хи-хи*) заключается культ вечного императора?

— И тем не менее. Вы не забывали меня в трудные времена.

— Не бывает трудных (*хи-хи*) времен, — ответила Зоран, — потому что вы с нами (*хи-хи*) всегда.

Император даже и не стал пытаться ей отвечать. В неприветливой комнате повисло напряженное молчание. Властитель постарался создать обстановку, соответствующую его целям: он хотел, чтобы женщину окутало, словно темным, тяжелым покрывалом, ощущение мрачного величия повелителя империи. Но дурацкое хихиканье Зоран разгоняло сумрак. Император сердился. Отвратительное начало.

Какая странная старуха! Лет сто пятьдесят или больше... а под оранжевым одеянием соблазнительное тело молодой женщины. Будучи верховной жрицей (выборная должность) культа, она должна была оказаться — по крайней мере, так предполагал император — немного с приветом. Его предположения вполне подтвердились постоянным хихиканьем — пока он не понял, что Зоран делает это нарочно, чтобы отвлечь собеседника. На самом деле ее глаза светились скорее умом, чем восторгом оттого, что она находится в присутствии своего кумира.

— Правда ли, — наконец проговорил император, — что ваша организация... э-э-э... считает меня богом?

— Образ священных сфер (*хи-хи*) — более правильное (*хи-хи*) описание наших верований, ваше величество.

— В таком случае... вы не поклоняетесь мне, как богу?

— Поклонение — такое непонятное (*хи-хи*) слово, ваше (*хи-хи*) величество. Мы не приносим (*хи-хи*) в жертву ягнят или наших (*хи-хи*) первенцев. Но мы все равно вас (*хи-хи*) чтим.

— Как бога?

— Как вечное (*хи-хи*) существо.

— Проклятье, женщина! Я бог или нет?

Зоран прекратила хихикать. Втянула в себя воздух. Император ее пугал. Она и не думала, что увидит нимб вокруг его священной головы в тот самый момент, как переступит порог комнаты. По правде говоря, она предполагала увидеть самого обычного человека. Каким он и являлся — хотя в жизни был гораздо симпатичнее и выше, чем на экране телевизора.

Больше всего ее расстраивали — кроме темной комнаты, которую, вероятно, император выбрал специально, — глаза властителя. Он ни разу не посмотрел прямо на нее, все время переводил взгляд с предмета на предмет. Беспрерывно. Это напоминало... какую-то болезнь. Такие мысли огорчили жрицу еще больше.

— Прошу прощения, что позволил себе выказать вам свое раздражение, — проговорил император. — Сложные государственные проблемы и все такое. — Он наклонился к Зоран и ласково улыбнулся. Однако она заметила, что глаза императора так и не перестали бегать. — Вы простите мою грубость?

— О, ваше величество, — тоже очень ласково ответила жрица, — это я должна просить у вас прощения. Я всего лишь старая глупая женщина. Вы со мной великодушно терпеливы.

Вечный император фыркнул. Так-то лучше. Он заметил, что Зоран перестала хихикать. Отлично.

— Ну а теперь, может, вы будете настолько любезны, что объясните мне, в чем заключается моя божественность?

— О, конечно, сир. Если мои слова показались вам не очень понятными... ну, это просто сила привычки. На свете существует такое количество самых разнообразных существ. И у каждого из них есть свое представление о боге.

— Верно, — кивнул император, который гордился своими познаниями в этой области.

— Однако с точки зрения людей, — продолжала Зоран, — божественность есть самое правильное описание вашей священной особы.

— Представьте себе, я — бог! — рассмеялся император.

— Вы знаете, мы постоянно представляем это себе, ваше величество, — сказала Зоран. — Если честно, все, кто служит культу вечного императора, должны проделывать это два раза в день. В молитвах, обращенных к вам.

— Как интересно, — промолвил император и улыбнулся. Глаза его по-прежнему ни на чем не останавливались. Они метались по ком-

нате — туда-сюда, туда-сюда. — У нас с вами получился самый потрясающий разговор из всех, что я вел в последнее время.

— Я так рада, что доставила вам удовольствие, ваше величество, — промурлыкала Зоран.

— Скажите, пожалуйста, а сколько существ верит в... ха-ха-ха... меня?

— Многие тысячи, ваше величество. Возможно, даже миллионы.

— Миллионы, гмм?

— Мне сейчас трудно назвать точное число, ваше величество. Но могу утверждать, что во время вашего отсутствия количество членов нашей организации достигло рекордной цифры. А когда вы вернулись, многие и многие новые верующие присоединились к нам. На некоторое время.

— Вы хотите сказать, что сейчас это число уменьшается? — Император поджал губы.

— Да, ваше величество, как ни прискорбно. Ничего удивительного. Живые существа слабы. И они привыкли к тому, что вы вернулись.

— Так быстро? — прошипел император.

— Ну, это же естественно, ваше величество. И конечно, у нас сейчас не те фонды, что раньше.

Императору было все известно про прошлое финансирование культа. Деньги поступали тайно от Кайса, единственного разумного человека, входившего в Тайный совет. Естественно, какие цели преследовал Кайс на самом деле, Зоран известно не было. И император не собирался раскрывать ей этой тайны.

— А что нужно, чтобы энтузиазм среди ваших верующих... э-э-э... возрос?

— Очень немного, ваше величество. Я говорю всем потенциальным спонсорам, что члены культа являются самыми преданными делу процветания империи гражданами. Это самые обычные существа, но их жизнь не проходит зря — они приносят пользу. В свободное время они скидывают свои мирские одежды, надевают священное одеяние и осеняют души каждого, кто готов их слушать, учением о вашем могуществе.

— Иными словами, не возникает никаких махинаций с теми пожертвованиями, что поступают в фонд культа, — проговорил император.

— Совершенно верно, ваше величество. Девяносто процентов всех денег идет на наше дело. И всего десять на административные расходы: транспорт, почта, ну... подобные вещи.

— Замечательно! — одобрил император.

Он был на самом деле восхищен. Его агенты, занимавшиеся тщательным изучением культа, докладывали ему то же самое.

Он вытащил из ящика стола документ и протянул его Зоран.

— Я приказал своим людям провести небольшое расследование. Здесь результаты. Анализ популярности культа по всей империи. И список наших самых, скажем, понимающих граждан.

Когда Зоран протянула руку, она заметила, что дрожит, и попыталась быстро скрыть от императора свою реакцию.

— Не знаю, как и благодарить вас, ваше величество.

— Ну, это ерунда. Всего лишь небольшая помощь благородному делу. Так... а теперь перейдем к вопросу о фондах. Надеюсь, вы понимаете, что мое имя не должно быть связано с этим вопросом?

— Да, ваше величество. Это было бы... некрасиво.

— Вот именно. С вами свяжусь в самое ближайшее время. Вы получите большую сумму. Используйте ее на благие цели. Позже будут еще поступления. Когда в этом возникнет необходимость.

— Да, ваше величество.

— Я рад, что мы прекрасно понимаем друг друга,— сказал вечный император.

Зоран почему-то этому совсем не радовалась. Еще одно доказательство, что молиться о получении чего-то совсем не такая уж мудрая вещь. Потому что существует огромная опасность, что на твои молитвы кто-нибудь ответит.

И... она не могла отказаться от того, что ей предлагали.

Глава 23

— Я тут кое-что заметил,— заявил Килгур.— Небольшое чудо.

— Учишься правильно разговаривать?

— Ты в последнее время не проверял, на месте ли твой нос?

Стэн высунул язык, потрогал им кончик носа и кивнул. Килгур всегда умел поднять настроение — именно за это его все так и любили в отряде богомолов.

Если не считать выдающихся способностей убивать...

Алекс вручил Стэну микрофишу, которую тот вставил в считывающее устройство. Это был еженедельный отчет джохианской полиции с грифом «секретно». Ничего особенного Стэн там не увидел, обычный набор: убийства, грабежи, драки.

— Можешь, конечно, почитать это все внимательно, если у тебя есть время.

— Ладно, давай выкладывай.

— Арсеналы по всей Джохи подвергаются разграблению, дружок. Причем главным образом военные арсеналы. У них большие потери.

— Знаешь, меня это почему-то не удивляет,— сухо проговорил Стэн.— Учитывая, в какое дерьмо мы вляпались... Если бы я был

жителем этого кретинского созвездия, я бы тоже занялся поисками оружия или чего-нибудь посерьезнее. Ну, например, завел бы себе танк. И пулемет.

— Ну-ка выпей чего-нибудь, шкипер. Синд, налей нашему несчастному приятелю стаканчик. Он начал задумываться о смысле жизни. Смотри, какой он бедный, как страдает... Император, по-моему, не собирается отзывать его отсюда. Знаешь, барышня, у начальников и командиров всегда возникают ужасно серьезные проблемы. Могу побиться об заклад, наш Стэн когда-то был счастлив, как дитя, если ему удавалось набить брюхо, припасти бутылочку или он узнавал, что где-то есть тепленькая постелька, где его ждут. А теперь он вдруг стал циником и пустился в рассуждения. Забыл, бедняга, что для него завтра может никогда не наступить, если только я этого не захочу.

— Ты, Алекс? — строго спросила Синд и достала графин. — Не хочешь ли ты сказать, что являешься высшим существом?

— Конечно являюсь, — заявил Алекс, разливая стрегг по стаканам. — И могу это доказать. Если стрегг отравлен, у меня начнутся конвульсии и я стану извиваться тут, точно лох-несское чудовище, из моего горла будут вырываться хриплые стоны — завтра не наступит. Верно?

— Ну, по крайней мере, для тебя.

— Так. Этот стрегг не отравлен, можете пить его со спокойным сердцем. Потому что вот оно, доказательство: если завтра не наступит для меня, а я являюсь самым важным существом во Вселенной, значит, оно не наступит ни для кого. Правильно?

Стэн и Синд переглянулись. Вне всякого сомнения, Алекс уже успел опередить их по меньшей мере на две порции стрегга.

— Ну так вот, — продолжал Килгур, — вернемся к арсеналам, из которых исчезает оружие. Все данные содержатся в секретных рапортах полицейского управления, которые вы получили благодаря мне после того, как я попробовал местное жаркое в одной из местных забегаловок. Надо сказать, оно не годится в пищу не только человеку или зверю, но даже самому гнусному Кэмпбеллу. Так вот, знаете, какая странная штука объединяет все кражи? Оружие действительно крадут, направо и налево. Только нигде нет ни одного сообщения об убитой охране.

— Ага.

— А что значит твое «ага»? — поинтересовалась Синд.

— Очень трудно, — объяснил Стэн, — забраться в арсенал, который предположительно охраняется армией, полицией или... ну, кем угодно. Потому что всегда найдется какой-нибудь патриот, который станет возражать против такого налета, а какой-нибудь майор в отставке вспомнит, что он герой, и обязательно кого-нибудь пристрелит или сам нарвется на пулю.

— Да, армия завязана в этом деле по уши.

— Проклятье! — взорвалась Синд. — Может, мне лучше снова стать простым, бесхитростным солдатом?! Вы, специалисты по особым операциям, такие циники.

— Я предупреждал тебя, — напомнил Алекс, — давным-давно, на Ньютоне, когда ты так хотела стать подружкой Стэна.

— Точно, предупреждал. Мне следовало прислушаться.

Стэн не обращал внимания на их болтовню.

— Я бы не отказался от небольшой самостоятельной акции, — сказал он. — Во-первых, это поднимет мой боевой дух. Во-вторых, весьма полезно показать местным ублюдкам, что мир не собирается плясать под их дудку; и в-третьих, мне не нравится, что тутошние военные кретины считают, будто могут организовать частную террористическую организацию, которая станет действовать по первому их приказу. Давайте выясним, куда идет краденое оружие.

Синд скептически посмотрела на него.

— А как мы это сделаем? Окружим арсеналы, на которые еще не было совершено нападений, нашими любимыми мышками — Фриками и Фрэками? Много же их понадобится.

— Нет. У воров есть мотив, мы дадим им возможность. Воспользуемся игрой, которую я называю Ловушка Поющего Пистолета.

— Низкопробное кино, — заявила Синд.

— А вот и нет. Нам нужно только...

— Вот что, — закончил за Стэна Килгур, положив на стол виллиган. — Если эти придурки интересуются оружием, я думаю, они полопаются от счастья, когда им в руки попадет такая штучка — пистолет, сделанный на имперском оружейном заводе, верно? Мне кажется, тут я не ошибся, потому что вот уже три вечера возле нашей ограды толкуются какие-то подозрительные типы.

— Ну, вот всегда так. Хочешь продемонстрировать, какой ты умный, а ты уж тут как тут, мистер Килгур.

— Ой-ой, босс. Я не знал, что вы... Ладно, вы еще вполне можете проявить свои выдающиеся способности, потому что мы не решили, кому поручить это маленькое дельце.

— Ну, мы... О, черт побери!

— Ага, понял. Я не доверяю посольской службе безопасности. Парни полковника Джерети такие безмозглые, мы даже объяснить им не сможем, что от них требуется. Бхоры, скорее всего, посчитают подобное предложение личным оскорблением и устроят массовую стрижку бород в знак протеста. И я знаю, что гурки просто вежливо попросят тебя не морочить им голову, если ты обратишься к ним с таким заданием.

Стэн кивнул, потому что Килгур был совершенно прав.

— За парочку толковых оперативников из отряда богомоллов я бы заплатил кругленькую сумму. Уж они бы исполнили все в лучшем виде.

— Я не совсем понимаю, что нужно делать, — сказала Синд, — но я готова.

— Нет, думаю, тебя они уже успели хорошенько рассмотреть.

— Мистер Килгур, им ведь и в голову не придет, что главный головорез и дружок имперского посла вытащит из теплой постели свою задницу, особенно в такую ночь, и отправится гулять, надев при этом солдатскую форму?

— Да, босс, эта мысль меня тоже посещала. Только ничего не выйдет. Даже если я переоденусь, они обязательно заметят вот эту чудесную вещь. — Алекс с гордостью похлопал себя по солидному животу. — Они подумают, что я всего лишь старая развалина, и не клонут на нашу наживку. А вот если им попадется на глаза молодой солдатик, который немного перебрал за ужином и который направляется на свой пост... ну или что-нибудь в этом же роде...

— Килгур, такие задания обычно поручают в отряде богомоллов новичкам, которые только начинают проходить подготовку. Ты хочешь, чтобы я, посол Стэн...

— Очень полезно, приятель, вспомнить старые времена и проверить, не растерял ли ты прежних навыков. Чтобы не зарывался.

— Подонок.

— Опять с моей мамулей общался?

— Не забудьте оставить мне немного стрегга.

— Может быть, — проговорила Синд, — мне придется принять еще парочку стаканчиков, прежде чем Килгур скажет, что я действительно понимаю, что тут происходит.

— Давай, давай, приятель. Смена постов будет через несколько минут. Я приставлю к тебе Фрика. Не сомневаюсь, на следующей встрече богомоллов эта пленка будет пользоваться колоссальным успехом.

Стэн изобразил рукой что-то малоприличное, собрался было выпить стрегга, но потом передумал. Трудно изображать из себя пьяного, если ты действительно накачался. Кроме того, еще нужно найти форму, которая ему подошла бы.

Прошло меньше часа. Имперский взвод охраны обходил территорию посольства. Возле каждого поста взвод останавливался. Громко звучали приказы командиров. Те гвардейцы, кто сменялся с поста, отдавали честь, становились по стойке «смирно», а потом занимали место парами в самом конце строя. Те, кто сменял их, тоже отдавали честь и приступали к исполнению своих обязанностей. После этого взвод отправлялся дальше.

Новый охранник некоторое время вышагивал бравым шагом возле своего поста, затем остановился, чтобы справить нужду. На противоположной стороне широкого проспекта два наблюдателя заметили, что он сначала положил оружие, а сам стал придерживаться рукой за стену, изо всех сил стараясь сохранить равновесие.

Охранник застегнул молнию и повернулся. Тут он вспомнил про виллиган и, подняв его, убрал в наплечную кобуру. Потом прошел несколько шагов, виллиган явно ему мешал. Нарушая приказ, часовой отпустил ремень и закинул оружие себе на плечо.

Два раза обошел охраняемую территорию. одному из наблюдателей показалось, что часовой поднес к губам флягу. Во всяком случае, шаг его после этого стал гораздо менее твердым и уверенным. Потом охранник вернулся к воротам и спрятался в небольшую нишу, расположенную в паре метров от будочки, стараясь устроиться так, чтобы его не доставал ветер. Несколько минут он стоял совершенно неподвижно.

Двое на противоположной стороне проспекта переглянулись.

Один из них прошептал что-то на ухо своему приятелю, и как раз в этот момент зажужжал вызов в постовой будочке. Он жужжал и жужжал, словно назойливая муха. Охранник зашевелился и, спотыкаясь, поспешил ответить на вызов.

Забывший виллиган остался в нише — а охранник еще и повернулся к нему спиной.

Когда он закончил свой громогласный и подробный отчет и выключил коммуникатор, виллиган исчез.

Килгур, уютно устроившись в теплом и сухом кабинете Стэна со стаканом стрегга в руке, наблюдал за происходящим, глядя на экран одного из мониторов. Он подождал несколько минут, прежде чем приступить к выполнению второй стадии операции: сержант обнаруживает пьяного в стельку охранника, который к тому же лишился виллигана, и приказывает ему отправляться под арест.

Услышав шаги в коридоре, Алекс налил Стэну двойную порцию стрегга.

Теперь пришла пора третьей стадии операции, которая могла начаться в любой момент. В дуле виллигана был спрятан крошечный передатчик. Пока он был включен на прием. Через час или два после того, как воры спрячут виллиган в том месте, куда они отправляли все украденное оружие, Килгур включит передатчик и получит направленный сигнал. И кто бы ни прихватил виллиган — член какой-нибудь военной организации или самый обычный вор в надежде получить за него хорошие денежки, — Килгур не сомневался, что на том складе они найдут много интересного.

И тогда они со Стэном решат, какой будет стадия четыре.

— Отлично, парень. Прямо как в старые добрые времена, — поздравил он Стэна, когда тот появился в кабинете и устало плюхнулся в кресло.

— Да ну их к черту, эти старые времена! Проклятый ветер пробирает до самых костей. А где Синд?

— Барышня сказала, что мы и без нее справимся, а ей нужно пойти подготовить постельку для замерзшего старого вояки.

Стэн ухмыльнулся и пододвинул свой нетронутый стакан со стрегом Алексу.

— В таком случае хочу пожелать вам спокойной ночи, лорд Килгур. Я должен немного помедитировать о преимуществах положения старого вояки.

— Ага, понятно. А я в своем целомудренном одиночестве займусь размышлениями о том, какое несчастье свалится на наши головы следующим.

Следующее несчастье явилось в лице очаровательных созданий, населявших созвездие Алтай. Хотя никто уже ничему не удивлялся, на этот раз неприятности были гораздо более серьезными, чем просто начиненное передатчиком оружие, спрятанное на каком-то тайном складе ворованных боеприпасов.

Адмирал Масон, лицо которого было еще более мрачным, чем обычно, доложил Стэну о происшествии. Последнее время он и «Победа» отдыхали, им обоим было совершенно нечего делать — стоило по этому поводу вознести благодарственную молитву какому-то миролюбивому божеству, которое, пролетая мимо Алтая, осенило адмирала и экипажи своей милостью. Так что Стэн велел Масону дать кораблям разведывательные задания в разных регионах звездного скопления.

Масон возражал главным образом потому, что приказ исходил от Стэна, но довольно быстро смолк, когда Стэн объяснил, что он не может здесь никому доверять, включая службу безопасности посольства и персонал, поскольку, если бы они старались как полагается исполнять свои обязанности, уже давно должны были сообщить ему о том, что происходит.

Масон вел себя совершенно официально и попросил разрешения переговорить со Стэном наедине. Стэн велел секретарю, шифровальщику и стенографистке покинуть его кабинет и отключил систему электронного наблюдения. Именно поэтому Килгур, находившийся в комнате по соседству, моментально включил подслушивающую аппаратуру.

Масон без лишних разговоров установил небольшой видеозэкран и включил его. На столе Стэна появилось голографическое изображение. Баррикады у главного входа в университет Пушкин, студенты на них, а потом нападение на студентов. Изображение было не очень четким, снимал, очевидно, кто-то из туристов. Вероятно, бежлага застрел в транспортной пробке и оказался в самом центре событий. Фильм являлся подделкой, естественно, потому что на нем не было показано, как солдаты расстреливали студентов. Вообще не было видно никакого оружия. А нападавшие были одеты в простые комбинезоны, а не в военную форму.

— Вы это уже видели? — спросил Масон.

— Видел. Каждый час в течение последней недели во всех питатских передачах, сделанных про это созвездие.

— Версия Б,— сообщил Мэсон и вставил другую микрофишу в аппарат.

Та же самая сцена, только на этот раз на территории университета почти не видно людей. Теперь на баррикадах воюют щенки суздалей, а нападают богази.

— Чудесно! — воскликнул Стэн.— Где вы достали эту версию?

— Выполняя ваш приказ, я отправил «Сан-Хасинто» посмотреть, что поделявают богази и суздали. Эта передача шла на широких волнах, так что любой из миров богази мог спокойно ее принимать.

— Хотите побьемся об заклад,— предложил Стэн,— что чуть позже на «Сан-Хасинто» могли бы поймать точно такую же передачу, но жертвами там оказались бы богази?

— Никаких ставок, сэр.

Корабль «Сан-Хасинто» был еще одним тайным преимуществом Стэна — новенький, как с иголочки, истребитель получил свое название в честь первого имперского боевого судна, официально уничтоженного таанцами. На этом корабле было все, что необходимо: оружие, суперсовременные двигатели, сенсоры... В общем, еще одна версия тактического корабля, только больших размеров.

— Итак, все запустили свою пропаганду на полную катушку,— подытожил Стэн.— Интересно, сколько пройдет времени до первых крестовых походов? О, да у вас есть еще?

Так оно и оказалось — только на этот раз информация была настолько важной, что капитан «Сан-Хасинто» передал ее Мэсону устно, а тот сообщил Стэну.

Священная война уже началась. Два суздальских флота: один, официально разрешенный Хаканом с целью поддержания «безопасности в регионе», а другой сборный и состоящий из наспех вооруженных транспортных судов, кораблей контрабандистов и патрульных катеров — готовились стартовать со своих миров.

Из переговоров между кораблями и мирами аналитики, работающие на имперском корабле, определили их цель. Суздали собирались полностью уничтожить столичный мир богази. Эту опухоль, утверждали они, необходимо вырезать полностью, чтобы от нее не осталось ничего. И не важно, какой ценой придется заплатить обеим сторонам за эту операцию. Слишком долго проклятым богази позволялось...

— Позволялось нападать, жечь, уничтожать, убивать и так далее... — проговорил Стэн.— И естественно, богази, которые так же рассудительны и прагматичны, собирают силы, чтобы защитить свой мир. А если им это удастся, то их защита превратится в битву под лозунгом: «Уничтожим всех этих гнусных тварей суздалей!» Верно?

— Да, сэр.

— Задание, которое дал мне император, с каждым днем становится все приятнее. Килгур, давай заходи.

Алекс, который даже не посчитал нужным дать объяснения, вошел в комнату.

— Ты будешь следить за порядком в нашей крепости. Мы с Масоном отправимся погулять. Может быть, нам удастся предотвратить столкновение.

— Есть, сэр.— Килгур вытянулся по стойке «смирно».

Если Алекс и разозлился, что Стэн решил не брать его с собой, он этого не показал. Настоящий профессионал ведет себя сдержанно при посторонних.

У Масона целую минуту было удивленное лицо, но и он сумел справиться со своими чувствами, моментально превратившись в военного, ожидающего приказа командира.

— Вы принимаете командование на себя?

— Да, адмирал.

— Отлично. Должен вас предупредить, что никакое подкрепление имперских вооруженных сил не сможет добраться сюда прежде, чем суздали и богази начнут воевать. Я проверял.

— Это мне понятно,— успокоил его Стэн.— Нам все равно не удалось бы получить никакой поддержки — в империи сейчас немало проблем и без нас. Напоминаю вам так, на всякий случай, вдруг вы не заметили... Так что мы с вами возьмем на борт «Победы» кое-какие инструменты и немного почистим парочку сломавшихся часов.

— Стартуем, адмирал?

— Алекс, Стэн не взял с собой тебя, меня, бхоров и гурков для того, чтобы все думали, что он по-прежнему на своем посту и никуда не отлучался из посольства?

— Вот видите, майор Синд? Вы уже научились правильно мыслить. Еще парочка сотен лет, и вам разрешат высказать какую-нибудь простенькую идею.

— Отвали, Килгур.

— Во-первых, «отвалите» и, во-вторых, «мистер» Килгур, понятно? Разве тебе неизвестно, что я теперь исполняю обязанности посла и заслуживаю хотя бы немного уважения?

— А ты именно это и получаешь. Совсем немного уважения.

Гораздо больше солдат погибло от скуки, чем в бою.

Именно скука явилась причиной смерти братьев Тукунгбази.

Скучали не только они, но и сержант стал немного рассеянным, так же как и командир взвода и все прочие командиры вплоть до самого полковника Джерети. Обеспечение безопасности доктора

Искры и дворца Хаканов стало тошнотворно скучным и рутинным делом.

Братьев Тукунгбази, совсем недавно приписанных к военному взводу, это не радовало. Они вступили в ряды гвардейцев вовсе не затем, чтобы служить в качестве почетного караула или заменять полицейских, когда нужно разогнать демонстрацию. Они так никогда и не узнали, что никто в третьем гвардейском полку не испытывал удовлетворения от выполнения этого задания императора, особенно те, кто мечтал сделать головокружительную военную карьеру. Но, будучи профессионалами, одетыми в форму, несмотря на то что пехота никогда не добивалась ощутимых успехов в деле борьбы за мир, они держали рты на замке и несли свою службу.

Несли службу, содержали бараки и оборудование в безукоризненной чистоте, пили отвратительное местное пиво в своей столовой и стервенели.

Особенно солдат возмущали запреты, которые казались им совершенно бессмысленными. Их с радостью встретили на Джохи, разве не так? В таком случае почему гвардейцев заперли в строго охраняемой зоне и никуда не выпускают?

Конечно, жители Джохи не ангелочки, но ведь и гвардейцы — солдаты, а не дети малые. Если они станут вести себя разумно, никакая опасность им не угрожает.

Солдаты не имели ни малейшего представления о бесконечно показываемых на экранах телевизоров репортажах о том, как они в самую последнюю минуту, приложив все свое старание и мастерство, умудрялись сохранить жизнь доктору Искре. Или что благодаря их смелости и самоотверженности уличные драки не превращались в самые настоящие военные столкновения. И уж конечно же, ни один из них и понятия не имел о комментариях, сопровождавших эти репортажи, не говоря уже об историях, которые сочинялись, обрастали самыми невероятными подробностями, а потом пересказывались в лавках и пивных Рурика.

Скука...

К счастью, у братьев Тукунгбази был друг. Одна старуха, которая работала в столовой, часто встречала их улыбкой и какой-нибудь шуткой. Ей было ужасно жаль, что братья не могут выбраться за забор и повстречаться с жителями Джохи, особенно с ее внучкой.

Старуха показала им голографическое изображение девушки.

Оба брата тут же согласились, что запреты — не просто грустный факт, запреты — ужасная несправедливость. Девушка была очень красивой.

Однажды старуха спросила, не хотят ли братья передать ее внучке записочку. Один из них написал письмо. И получил ответ. Девушка ужасно хотела бы познакомиться с молодым человеком — и между

прочим упомянула в своем ответном письме, что у нее есть подружка, которая тоже с удовольствием познакомилась бы с храбрым гвардейцем. Обе горестно сетовали на то, что являются всего лишь жительницами такого дурацкого, провинциального мира, как Джохи, и писали, что мечтают встретиться с настоящими мужчинами из настоящего мира. Из мира, где жизнь бьет ключом и происходит много всего необычного.

Братья Тукунгбази, родившиеся на небольшой сельскохозяйственной планетке, были польщены.

Постепенно записки от девушки и ее подружки становились все увлекательнее и увлекательнее. Братья потеряли всякий интерес к каким бы то ни было отношениям со своими товарищами. Ни одна из женщин, служивших в батальоне, — по крайней мере, ни одна из тех, что не имела постоянного друга, — не могла сравниться с местными девушками красотой, не говоря уже об опыте в романтических делах, на который девушки весьма определенно намекали.

Однажды, когда братья были свободны от службы, они получили записку, в которой их просили прогуляться вдоль заграждения. По другую сторону, совсем близко — всего метрах в ста, не больше — прогуливались две очаровательные девушки. На самом деле они были ослепительно красивы. Правда. Девушки помахали братьям, и те чуть не умерли от огорчения, что не могут ответить на приветствие.

Они приняли твердое решение выбраться за ограждение.

Можно покинуть дворец вечером, в сумерках, и вернуться до восхода солнца, после того как они удовлетворят все свои фантазии. И тогда братья принялись искать возможность выбраться на свободу.

Поскольку гвардейцы ничего не понимали в вопросах безопасности, а территория, где был расквартирован батальон, ограждена проволокой только для того, чтобы отпугивать нежеланных гостей, и уж ни в коем случае не наоборот, Тукунгбази довольно быстро нашли то, что искали.

Следовало лишь пробраться мимо одного из роботов-охранников и выскользнуть с территории после того, как пройдет очередной патрульный отряд, делающий обходы. Кто же устоит против мужчины в форме...

Тукунгбази, не имевшие никакого опыта в вопросах любви, по крайней мере решили, что нужно прихватить с собой какие-нибудь подарки. Они купили в лавке две бутылки спиртного, да такого дорогого, какого никогда не покупали для своих собственных нужд. Однако, поскольку им совершенно негде было тратить деньги, оба решили шикануть. Ведь вечер обещал быть особенным.

Старуха из столовой дала им карту и показала, как добраться до квартиры, где жила ее внучка. Братьям не пришлось в голову уди-

виться тому, что старуха изо всех сил старается помочь молодым людям соблазнить свою собственную внучку, — в бараках ходили уверенные слухи, что на Алтае все возможно, что жители этого звездного скопления способны на что угодно по отношению друг к другу.

Что было почти правдой — хотя слухи не совсем это имели в виду.

Девушка жила на одном из верхних этажей высокого обшарпанного дома, расположенного в районе трущоб. Братьям следовало бы удивиться тому, что нужный им дом был единственным, на котором красовался номер и у входа в который горел фонарь.

Они отыскивали квартиру и постучали в дверь. Услышали женское хихиканье и хриплый голос:

— Не заперто.

Тот из братьев, что был постарше, взялся за ручку, и дверь распахнулась. Он увидел старенький диван, стол и две зажженные свечи. Но тут возле двери возникли две тени, ему на голову набросили грязное одеяло, руки прижали к бокам, и он услышал приглушенный вскрик брата.

Больше он ничего не слышал и не видел.

Сначала ему выжгли глаза.

Трое стражников, стоявших на посту у главных ворот, ведущих во дворец доктора Искры, обнаружили братьев Тукунгбази.

Их тела были подвешены на установленной второпях треноге примерно в пятидесяти метрах от проволочного ограждения.

Братьев идентифицировали потому, что уже стало известно об их отсутствии во время переключки.

Иначе определить их личность не смог бы никто — мучители об этом позаботились.

Никакой разумной причиной объяснить это зверское убийство двух молодых солдат просто нельзя — так возмущенно вопил на сошествии своих командиров полковник Джерети.

Братья Тукунгбази были первыми.

— У меня вопрос, мистер Килгур.

— Давайте, майор. — Почему-то Синд выбрала официальный тон в разговоре, и Алекс последовал ее примеру.

— Когда кого-нибудь арестовывают и держат в заключении до суда, разве не принято разрешать обвиняемому иметь кого-нибудь, кто его представлял бы? Даже если суд является самым настоящим фарсом? Даже здесь, на Джохи?

— Ну... думаю, принято.

— А разве не естественно и не принято позволять арестованному преступнику встречаться или общаться каким-нибудь иным способом со своими родственниками? Даже здесь, на Джохи?

— Это звездное скопление населяют такие очаровательные существа, что они вполне могут не подчиняться законам общепринятой логики. Прекрати играть со мной в шарады, майор. Выкладывай, что ты узнала.

Однако, прежде чем Синд заговорила, Алекс принялся отчаянно ругаться. Он понял, что она имеет в виду.

Синд заинтересовалась судьбой тех существ, что были арестованы по приказу доктора Искры некоторое время назад. Тех самых, над которыми он обещал организовать справедливый суд.

Она ничего не слышала о них — а быстро просмотрев данные и сообщения, имеющиеся в посольстве, не нашла ничего, что могло бы прояснить ситуацию. Да и самый опытный офицер связи Фрестон, о котором Стэн был очень высокого мнения, тоже ничего не слышал о процессах над арестованными «преступниками».

Тогда она запросила Хиндса, главу местного отделения спецотряда богомоллов. После засады в трущобах Хиндс окончательно потерял веру в свои аналитические способности и помечал любую информацию либо грифом «Класс III: ненадежно»; либо «Класс IV: возможна дезинформация со стороны противника»; или еще так: «Класс V: двойной агент».

Среди военных, однако, у него было три агента — все они имели низкие чины и не участвовали в активных военных действиях. Хиндс связался с ними. Все трое были смертельно напуганы, ни один не вызвался отыскать необходимые сведения, ни один ничего не слышал про судьбу военных и бюрократов, арестованных некоторое время назад.

Кроме одного-единственного факта: всех, как и говорил Стэну доктор Искра, содержали в крепости Гатчин, далеко на севере от Рурика.

Килгур обдумал сообщение Синд и сказал:

- Гмм.
- А ты очень занят?
- Ага. Прогноз погоды узнала?
- Узнала. Возьми парку.

Глава 24

— В кабинете для военных советов на одном из экранов детально изображен этот сектор — точность шестьдесят пять процентов. Хотите посмотреть, сэр?

— Ни в коем случае, адмирал, — ответил Стэн. — У меня же нет вашего опыта в расшифровке мерцающих световых точек. Кроме того, приборы показывают достаточно ясно, где мы находимся.

— Я жду ваших приказаний.

Стэна тошнило от подчеркнуто вежливого поведения Масона.

— Адмирал, — сказал он, — можно вас на минутку?

Масон знаком показал офицеру на палубе, чтобы тот взял наблюдение на себя, и отправился вслед за Стэном в адмиральскую дневную каюту.

— Адмирал, — начал Стэн, — я просил императора назначить вас командиром «Победы», поскольку считал, что вы профессионал, способный выполнять приказы и забыть о личных отношениях. Я ошибся. С того самого момента, как мы прибыли на Джохи, вы ведете себя как новичок, только что закончивший военную школу и считающий себя Господом Богом.

— Посол...

— Начнем вот с чего: мой гражданский чин сейчас не имеет никакого значения. Я не выходил в отставку и не подавал рапорт о том, чтобы меня перевели в запас. На Джохи вы спросили меня, принимаю ли я командование на себя. Я ответил утвердительно. Следовательно, адмирал Масон, меня бы вполне устроило, если бы вы стали обращаться ко мне в соответствии с моим воинским чином, помалкивали и вели себя, как это принято у военных. У меня нет ни желания, ни времени соревноваться с вами на предмет, кто из нас лучший командир. Если хотите, мы выйдем сейчас из каюты, и я при всех освобожу вас от командования «Победой». Этот приказ будет иметь под собой все формальные основания, и на суде военного трибунала его признают законным. Ну, хотите?

Масон молчал.

— Вы должны до новых распоряжений обращаться ко мне «адмирал». Я же, в свою очередь, уважая ваш чин, буду отдавать вам приказы в виде предложений. Я не имею ни малейшего желания подрывать ваш авторитет. Но считаю, что ваше несерьезное поведение не делает вам чести. Вы унижаете себя и свое воинское звание в глазах подчиненных.

Именно это и оказалось решающим доводом. Масон покраснел, напрягся и целую минуту сражался со своими чувствами.

— Это все, что я хотел вам сказать. У вас есть какие-нибудь предложения или комментарии?

— Нет. Нет, сэр.

— Хорошо. Надеюсь, у нас больше не возникнет проблем подобного рода. Ну что, пошли творить мир?

Масон браво отдал Стэну честь, развернулся на каблуках и вышел на капитанский мостик.

Стэн позволил себе ухмыльнуться ему вслед. Черт побери, вся эта галиматья, которой его пичкали, пока он делал карьеру военного, еще срабатывала, если, конечно, тот, кому проповедовали, в нее верил.

Стэн последовал за Масоном — пообещав себе, что, когда все это закончится, он обязательно заманит ублюдка в какую-нибудь темную аллею и станет бить ему морду целых полторы недели.

Адмирала Масона «попросили» собрать в конференц-зале четырех старших офицеров и специалистов связи, а потом по надежным каналам связаться со шкиперами кораблей сопровождения.

— Господа,— начал Стэн без лишних разговоров,— ситуация совершенно очевидна.

Все закивали.

«Победа» скользила по узкому проходу между двумя звездными скоплениями. На экране появилась расшифрованная для глаз и пространственного видения человека информация — крошечный флот пробирался сквозь темную ночь, а по обеим сторонам громоздились наполненные ярким светом облака. Экран с более подробным изображением показал бы слева и справа от предполагаемого курса «Победы» крошечные светящиеся пятна. Это были соответственно: впопыхах собранный флот богази, приготовившийся защищать свой столичный мир и скопление звезд справа, а в самом центре темного облака слева — корабли суздалей. В комнате для военных советов экраны, естественно, показывали все до мельчайших подробностей: планеты, корабли и их точное местоположение относительно друг друга.

«Победа» промчится прямо между двумя флотами...

— Как там у нас со временем? — поинтересовался Стэн.

— Примерно два земных дня, сэр. А если точно...

— Нет необходимости уточнять. Они знают о нашем присутствии?

— Нет, сэр.

Стэна это нисколько не удивило — имперские суда были оборудованы суперчувствительной сенсорной аппаратурой. И еще один маленький секрет: прежде чем АМ-2 уходил за пределы империи, его «одевали» веществом, производным от империума-Х. Любой не имперский корабль на экранах был окружен едва заметным пурпурным сиянием, которое сенсоры улавливали гораздо раньше, чем присутствие любого имперского корабля, пользующегося необработанным АМ-2. Не так чтобы очень большое преимущество, но иногда этого хватало, чтобы одержать победу.

— Целью нашей прогулки,— начал Стэн,— является помешать флотам богази и суздалей уничтожить друг друга. Впрочем, это, я думаю, вам понятно. Ну и конечно, вряд ли было бы полезно, если бы кто-нибудь один из них или оба сразу решили, что тот, кто мешает друзьям выяснять отношения, является общим врагом и заслуживает, чтобы ему надрали уши.

На лицах присутствующих появились улыбки. Адмирал Масон никогда не вел себя так во время совещаний.

— Отлично,— продолжил Стэн.— Любому ясно, что добиться этого мы можем только одним способом — навалить огромную кучу дерьма. К счастью, адмирал Масон, как вам всем, конечно же, известно, является одним из самых опытных специалистов империи по вопросам тактики введения противника в заблуждение.

На самом деле Стэн собирался сформулировать свою мысль по-другому и сказать, что адмирал Масон такое дерьмо, что прекрасно разбирается в подобных вопросах... но потом он все-таки решил воздержаться от подобных заявлений.

— Мы с ним обсудили возникшие проблемы, и у адмирала Масона появилось несколько интересных идей. Впрочем, у меня тоже была парочка предложений, которые стоило бы рассмотреть. У нашего плана пять этапов. Этап номер один являет собой самое неприкрытое злодейство; этап номер два — благородный; за четвертый этап кое-кто из вас, возможно, получит медали. Пятый этап — абсолютно бесчестный, и я иду на этот обман совершенно намеренно.

— А третий этап, сэр? — поинтересовался капитан истребителя «Принстон».

— А третий этап — воплощение моей собственной идеи,— ответил Стэн.— В данный момент все, кто свободен от вахты на борту «Победы», занимаются претворением его в жизнь.

Стэн сжал руку в кулак. Когда он сказал: «все, кто свободен от вахты», он ни на секунду не погрешил против истины — руки у него отчаянно болели от ссадин и заноз, застрявших в ладонях и пальцах.

— До третьего этапа мы тоже со временем доберемся. Выполнение первого этапа плана начнется немедленно, пока мы тут с вами занимаемся обсуждением наших дальнейших действий. Вы должны приказать всем офицерам, отвечающим за оружие, и командам «Кали» находиться в боевой готовности.

Ракеты «Кали» — пятое поколение — были предназначены для уничтожения кораблей. Тридцатиметровые чудовища, с каждым новым поколением становившиеся все дороже, имели самое современное и хитроумное оборудование слежения, обнаружения и перехвата. Поскольку ракеты «Кали» использовали АМ-2, на самом деле они являлись миниатюрными звездными кораблями. Единственное, что не изменилось на протяжении всех лет их существования, — размеры полезного груза. Шестидесяти мегатонн было по-прежнему достаточно, чтобы разнести в щепки военный корабль любого класса. Даже «Форез», таанский линейный корабль, самый мощный из всех, когда-либо принимавших участие в военных действиях, был уничтожен ракетами «Кали».

Действие ракеты контролировал и направлял прошедший специальную подготовку офицер. Система управления была вмонтирована в шлем и соединялась напрямую с мозгом человека. Вначале конт-

роль осуществлялся при помощи нажатия определенного набора кнопок и рычагов. Теперь же «Кали» реагировала на осознанную, а иногда и неосознанную реакцию «пилота». Существовали ракеты с автоматической системой наведения. Однако их использовали в очень редких случаях — «пилотов» выбирали, главным образом обращая внимание на инстинктивную готовность убивать. Отбор производился чрезвычайно жестко, труднее было стать только капитаном тактического корабля.

Этап номер один предполагал запуск всех имеющихся в распоряжении ракет «Кали».

Целых тридцать секунд ракеты вылетали на полной скорости из брюха «Победы» и истребителей, после чего они несколько снизили скорость движения. «Кали» мчались впереди эскадры имперских кораблей.

Этап номер два начался, когда офицеры-наблюдатели доложили о том, что флот богази стал проявлять признаки беспокойства. Они засекли приближающийся корабль без опознавательных знаков — «Победу». Поскольку богази готовились к появлению кораблей суздалей, их сенсоры были настроены на соответствующую волну.

Стэн подождал несколько часов, приказав никому не реагировать на угрозы со стороны как богази, так и суздалей. После этого собрал своих актеров, которые должны были осуществить следующую часть его плана.

Каналы связи кораблей богази и суздалей были перекрыты мощной передачей с борта «Победы». На экранах появилась одна и та же картинка: всем известный посол императора Стэн находился на капитанском мостике военного корабля. Он был одет так, словно собирался на официальный прием. Рядом с ним, также в форме, стояли адмирал Масон и его заместитель.

Передача была очень короткой, но абсолютно однозначной: Стэн проинформировал обе стороны, что они нарушают не только договор, заключенный много лет назад между империей и созвездием Алтай, но и межпланетные соглашения о взаимных правах. Флотам приказывалось немедленно возвратиться на свои планеты и оставить все попытки военных действий. В случае молчания той или иной стороны к ней будут применены самые суровые меры.

В задачу этого сообщения не входило убедить кого-нибудь в необходимости остановиться или даже запугать. Это был предварительный шаг перед дальнейшими действиями, которые запланировал Стэн.

Он надеялся, что никто не сообразит, что дубинка, заготовленная им заранее, сделана из металлической стружки, фольги и деревянных реек — в самом буквальном смысле.

Реакция была именно такой, как Стэн и ожидал.

Суздали вообще никак не ответили на предупреждение посла — ни с кораблей, ни со своих планет. Богази, немного более разумные

существа, послали сообщение о том, что все корабли, сохраняющие нейтралитет, должны держаться подальше от названных координат. Любое вторжение на данную территорию будет встречено огнем. Любые ошибки, вне всякого сомнения, будут рассмотрены в качестве хоть и вызывающей сожаление, однако необходимой самообороны.

«Победа» ничего не ответила на это заявление.

Стэн надеялся, что такое поведение имперского корабля вызовет у обеих сторон беспокойство.

Прошло еще немного времени. Всего четыре часа — и «Победа» займет позицию прямо между двумя врагами. А они, в свою очередь, окажутся в пределах досягаемости «Победы» через пять часов, а друг с другом встретятся через двенадцать. Очень интересная складывалась ситуация.

— Три часа, сэр. Флот богази совсем рядом.

Стэн встал с кушетки, которую по его просьбе поставили на капитанском мостике, чтобы он мог немного поспать. Демонстрация в чистом виде — Стэн намеревался показать всем, что он настолько уверен в успехе своего плана, что может спокойно уснуть перед началом акции.

Он, естественно, не спал.

Больше всего его беспокоило то, что в прежние времена он и вправду с легкостью засыпал, как только возникала малейшая возможность,— иногда даже стоя.

Из своей каюты вышел Масон.

— Мы готовы, сэр,— сказал он.

— Отлично.

Масон подошел совсем близко к Стэну, так, чтобы никто его не услышал.

— Вы тоже не спали, ведь так?

Стэн удивленно посмотрел на адмирала. Неужели он пытается продемонстрировать дружелюбие? Неужели выговор, который сделал ему Стэн, заставил Масона пересмотреть свое отношение к происходящему?

Ну да, конечно, держи карман шире! Просто Масон надеется подловить Стэна, чтобы, если им случится оказаться в пустынной темной аллее, преимущество было на его стороне.

— Пожалуй, пора перейти к третьей стадии нашей операции,— сказал Стэн.

— Я отдам соответствующие приказы.

Третий этап был самым натуральным блефом.

Еще на Джохи Стэн попытался припомнить все известные ему способы доставить огорчение живым существам. Он смутно помнил одну историю, которую в отряде богомоллов рассказывали как шут-

ку, но еще и как пример сообразительности. Многие века назад молодой офицер, командир отряда партизан, должен был задержать военный конвой. По всей видимости, действие происходило совсем в древние века, потому что транспорт был наземным и никто ничего не говорил о прикрытии с воздуха. Конвой был хорошо вооружен, а в партизанском отряде было около двадцати человек, да и то половина из них не имела никакого оружия.

Партизаны могли устроить массовое самосожжение, геройски погибнуть и задержать конвой на целых пять минут. Вместо этого офицер захватил близлежащую ферму и собрал там всю обеденную посуду, какую только смог разыскать в доме. Затем он разложил тарелки дном кверху на дороге.

Мины.

Стэн ужасно возмутился, когда им рассказывали эту историю. Командир конвоя наверняка полнейший кретин, поскольку мины не имели ничего общего с тарелками для супа даже в те далекие времена.

После того как Стэн выполнил положенное количество отжиманий, которым награждали каждого курсанта в любой военной школе за любые прегрешения, преподаватель сказал, что, конечно же, командир конвоя не мог принять тарелки за мины, которые ему доводилось видеть. Но ведь они могли быть новым изобретением. Например, ловушками. А если они нарвутся на настоящие мины и он начнет терять одну машину за другой, задницу надерут известно кому. Поэтому он выслал вперед отряд, которому было приказано поднять каждую тарелочку, определить, что это такое на самом деле, а после этого перейти к следующей.

В это время командир партизан выставил снайперов и занялся весьма успешным отстрелом солдат противника, несмотря на то что те стреляли в ответ.

— Конвой задержался на целых два земных часа, так, во всяком случае, гласит история. При этом партизаны не потеряли ни одного человека. Обдумайте эту историю хорошенько, ребята. А вы, мистер Стэн, можете прекратить отжимания.

Мины на земле... мины в космосе. Отличная идея. Мины — смертельно опасная штука, которая сидит себе и тихонько поджидает, пока какой-нибудь дурачок не подберется к ней поближе, и тогда она разбирается с ним по-свойски — не очень популярное оружие. Даже несмотря на то, что мины гораздо более эффективны и стоят меньше, чем многие другие приспособления для уничтожения людей и всего остального. «Честные» солдаты почему-то считают их грязным оружием. Или по меньшей мере бесславным.

Стэн никогда не считал убийство живых существ делом славным. Если у него и были сомнения морального порядка по поводу использования мин, служба в спецотряде богомоллов лишила его иллюзий

на этот счет. Он ведь видел, насколько эффективно пользовались этим видом оружия таанцы. Они придерживались вполне разумного, хотя и не очень цивилизованного принципа, что убийство есть убийство и не нуждается ни в каком моральном оправдании.

Солдаты империи, будучи «честными» военными, почти ничего не знали о минах и не интересовались ими. Поэтому те, кого они обеспечивали оружием, как, например, вооруженные силы звездного скопления Алтай, скорее всего, тоже не имели ни малейшего представления об этом предмете.

Поэтому как только «Победа» покинула Джоху, ее ангар превратился в плотницкую мастерскую. Реечки связывали между собой проволокой так, что со стороны они напоминали ежей, завернутых в фольгу. В ангаре хранилось несколько сотен таких «мин». По приказу Стэна их выбрасывали по несколько штук сразу, и постепенно образовалось нечто вроде реки, своего рода граница, разделившая два флота. Они, естественно, летели с такой же скоростью, что и «Победа», но Стэн уже запланировал, что он сделает, прежде чем «мины» расчистят поле деятельности.

Как и предполагал Стэн, «мины» произвели мгновенное действие.

Наступающие флотилии впали в состояние паники, когда сенсоры кораблей богази и суздаей засекли наличие мин. Командиры пытались понять, что за странные предметы беспрерывно выпадают из брюха «Победы», словно конфеты, которые принято разбрасывать в толпу во время парада. Они видели имперский корабль, истребители прикрытия, возможно, несколько тактических кораблей, ну и, конечно же, целое море мин.

Вскоре командиры обоих флотов отправили на разведку истребители.

Настала пора показать, что обеденные тарелочки опасны.

— Адмирал Масон?

— Есть, сэр. Все корабли — орудия, — приказал Масон. — Цель — истребители. Не забывайте об инструкции: следите за частотными детекторами, делайте только по одному выстрелу на каждую цель. Младший офицер, нарушивший этот приказ, будет разжалован и подвешен суду военного трибунала.

Мягкий, ласковый папочка Масон.

«Кали» не спеша поплыли к цели — офицеры, управлявшие полетом, сообщили им, что другие ракеты раньше достигнут цели. А потом, прежде чем сенсоры истребителей богази и суздаей засекли их присутствие, ракеты помчались вперед на полной скорости.

На экранах капитанской рубки «Победы» появились вспышки в том месте, где только что находился истребитель, уничтоженный ракетой.

Три истребителя суздалей и два богази вернулись к своим флотилиям.

Анализ ситуации, проделанный наблюдателями флотов, показал, что ракеты стартовали из странных «мин».

Стэн еще раз кивнул Масону, и на поле боя неожиданно вышли тактические корабли. Им было приказано появиться на сцене в нужный момент, а через несколько минут вернуться на исходные позиции.

Было уничтожено два крейсера и пять истребителей.

«Очень хорошо, — подумал Стэн. — Мне, конечно, жаль, что умирают живые существа, но они не являются гражданами империи. Кроме того, сейчас их погибло гораздо меньше, чем если бы они устроили между собой сражение. Не говоря уже о том, что флот суздалей намеревался напасть на планеты богази, когда все будет кончено».

Теперь пришла пора завершить операцию.

Началась еще одна передача, в которой посол Стэн приказал флотам оставить попытки развязать войну и отправляться по домам. Однако передача была недостаточно хорошо заэкранирована. «Победа» посылала сигналы «назад», туда, откуда она прилетела.

Сигналы, естественно, были закодированы. Но компьютеры и шифровальщики определили, что имперский флагман связан с другими кораблями, местоположение которых детекторы засечь не смогли. Складывалось впечатление, будто на сцене появился целый имперский флот, а «Победа» являлась всего лишь разведчиком — огромным и хорошо вооруженным разведчиком, но не более того, — за которым следовала целая эскадра.

Время шло, положение флотов богази и суздалей быстро ухудшалось: «Победа» изменила частоты и код передач, а после этого начала передачу, обращаясь к другому, такому же «невидимому», военному флоту.

Что касается гражданских прав, богази и суздали вели себя весьма неразумно. Когда же дело доходило до войны, они начинали мыслить достаточно ясно.

Не отвечая на приказы Стэна, оба флота отключили связь и на полной скорости устремились к родным планетам.

Стэн с шумом выдохнул и плюхнулся в кресло.

— Проклятье, — бросил он, забыв о маске холодного спокойствия, которая все это время не сходила с его лица. — Честно говоря, я не думал, что из этого что-нибудь получится.

— Такие номера проходят всего лишь раз, — тихо, чтобы не слышали офицеры, заметил Масон.

— Одного раза более чем достаточно. Мы постараемся предупредить любые агрессивные действия своими передачами в надежде, что здравый смысл возобладает — насколько это вообще возможно

на Алтае. А если они попытаются развязать войну еще раз, придумаем что-нибудь покруче и дадим им жару! Черт возьми, адмирал, такой сукин сын, как вы, всегда способен придумать какую-то хитроумную ловушку. Ладно, пора ложиться на обратный курс. В данный момент, для разнообразия, мы опережаем этих гадов. Следует позаботиться о том, чтобы так продолжалось и дальше.

Неприступная крепость Гатчин наводила на жителей Алтая ужас. С самого начала не предполагалось использовать ее по назначению — это была тюрьма, где содержались те, кто выступал против Хакана. Она находилась на крошечном острове, расположенном примерно в километре от берега. Мощные каменные стены росли словно прямо из скал, окружавших остров. Стены обрывались прямо в воду. Попасть в крепость можно было только по воздуху.

Алекс и Синд лежали, прижавшись к земле, возле скалы на самом берегу моря — вели наблюдение. Готовясь к этой операции, они не просто взяли с собой теплые вещи — сейчас разведчики лежали под тщательно установленным фототропическим камуфляжным тентом, который полностью соответствовал покрытому снегом берегу моря и грязным скалам вокруг. У каждого был мощный бинокль, установленный на треногу, сенсоры, реагирующие на тепловое излучение, и детектор, фиксирующий движение. Все это разведчики направили на бастионы крепости Гатчин.

— Вот черт, что-то я замерзла, — заявила Синд.

— Хватит ныть, женщина. Мне доводилось бывать на твоей родной планете, по сравнению с ней у нас тут сейчас лето.

— Да ладно тебе, — проворчала Синд. — Теперь ты понимаешь, почему многие мои соплеменники отправляются на другие миры... Кроме того, разве не ты мне говорил, что твоя родная планета сплошь состоит из снега, льда и тому подобных вещей?

— Точно, только тамошний лед мне почему-то нравится больше, а падающий снег похож на лепестки цветов.

— Ты что-нибудь видишь?

— Нет. Я начинаю думать, что ты права.

— К ночи будем все знать наверняка. Надеюсь.

— Ага, а пока мы ждем, я расскажу тебе одну маленькую историю, которая имеет непосредственное отношение к нашей нынешней ситуации. Я тебе когда-нибудь говорил о том, как принимал участие в конкурсе на сочинение лучшего лимерика? Ты знаешь, что такое лимерики?

— Не такие уж мы темные.

— Вот и умница. Я был тогда еще совсем зеленым юнцом, и меня направили в качестве гвардейца почетного караула на Землю. Объявили конкурс. С огромным денежным призом. Нужно было сочи-

нить самый гнусный, грязный и непристойный лимерик. Ну, кто на это способен? Так вот, у меня огромный опыт, когда речь идет о гнусных, грязных и непристойных лимериках.

— И не сомневалась.

— Я не собирался рисковать, майор. Поэтому отослал очень непристойное стихотворение. Такое отвратительное, что даже зеленый новичок вроде меня немного краснел, когда думал, что под ним будет стоять его имя. Но ведь победителю обещали большие деньги, кажется, я тебе уже это говорил. Надеюсь, ты не сомневаешься, что бедные маленькие солдатики ужасно нуждаются в деньгах. Время шло и шло, и вот однажды мне стало известно, что победил не я! Я ничего не получу! Новость сразила меня наповал. А победителем стал какой-то там Макгуир. Д. М. Макгуир, который жил на крошечном острове Эйр, так они его называли, в Дублине. Лимерик Макгуира был таким грязным и непристойным, что члены комиссии даже не смогли прочесть стишок вслух!.. После того как я немного пришел в себя, мне стало ясно, что тот лимерик просто не мог быть непристойнее моего. Поэтому я взял отпуск и отправился прямо на остров Эйр, в город Дублин, где занялся поисками Д. М. Макгуира. Дни шли за днями, и наконец в Дублине остался последний представитель рода Макгуир, с которым я еще не встречался. Симпатичная старушка, очень милая, с озорными глазами и ласковой улыбкой на губах. Можешь не сомневаться, она ходит в церковь каждый день, даже два раза в день, и в жизни не произнесла ни одного дурного слова. Я пришел в отчаяние, потому что это не мог быть тот самый Д. М. Макгуир. Но я все равно набрался храбрости и спросил ее — напрямик. Чуть не выпал из килта, когда она ответила: «Да, это я». Тогда я принялся умолять ее: мол, расскажите мне этот лимерик. Старушка ужасно покраснела и сказала, что она всеми уважаемая вдова и ни за что не станет произносить такие ужасные слова в присутствии мужчины. Смешно, правда? Я никак не мог ее понять. Тогда я попросил написать лимерик. Однако она и этого не могла сделать. Я подумал, что старушка, вероятно, сочинила самое грязное стихотворение в мире. И начал уговаривать, и убеждать, и умолять, так что наконец она сказала: «А можно я расскажу это, только буду заменять пропусками плохие слова?» Естественно, я согласился. Я и не представлял себе, как это будет выглядеть. Старушка сделала глубокий вдох и начала декламировать:

Пропуск-пропуск-пропуск
Пропуск-пропуск-пропуск
Пропуск-пропуск
Пропуск-пропуск
Пропуск река дерьма.

Прошло несколько минут... и Синд захихикала. Алекс весь свесился от удовольствия.

— Я с самого начала знал, что в тебе масса достоинств. Теперь вас стало трое.

— Это еще что значит?

— Мои истории вызывают восхищение у трех живых существ. Один из них тюлень, другой лемур, ты — третья.

— Отличная компания,— заявила Синд.— Может, все-таки объяснишь, какое отношение твоя история имеет к нашей нынешней ситуации?

— А я, как любой проповедник,— сообщил Алекс,— утверждаю, что мои проповеди не нуждаются в дальнейших разъяснениях.

Оба надолго замолчали.

По правде говоря, тот факт, что они до сих пор так ничего и не увидели, говорил сам за себя. Синд и Алекс провели в укрытии два дня. И ни разу им не удалось заметить ничего похожего на стражу на стенах крепости, и ни разу ни одно воздушное судно не приблизилось к острову. Только ночью в мрачной крепости зажигались редкие огни.

Два часа спустя, перед самым рассветом, Алекс фыркнул.

— Кажется, какое-то движение. Два грузовых гравитолета приближаются с юга... Что происходит в крепости?

— Ничего,— ответила Синд.— Ни одна из броневого башен — я думаю, это пусковые установки ракет — не двигается.

— Паршивое дело,— проворчал Алекс.— А хуже всего то, что на гравитолетах не видно ни солдат, ни пушек. На палубе груз. Проклятье. Припасы. Их хватит только на один взвод. Тебе видно?

— Да,— отозвалась Синд.

Она наблюдала, как гравитолеты медленно опускались на посадочную площадку. Через несколько секунд двое солдат в форме вышли встречать груз. Если они и были вооружены, то только пистолетами.

— Никакой охраны.

— Нет охраны, нет солдат, нет продуктов — из чего следует, что и арестованных здесь быть не может. Так?

— Пожалуй.

— Где же наш док Искра прячет подозреваемых?

Синд покачала головой.

— Выходит, нужно начинать поиски? Боюсь, нам не слишком понравится то, что мы найдем.

Молча, в полной темноте они покинули свой пост. Синд и Алекс прекрасно понимали, где они могут найти арестованных военных и функционеров. Теперь оставалось лишь добыть доказательства.

— Исключено! — рявкнул Искра. — Исключено. Мы не можем выполнить поставленную задачу. У нас не хватает персонала. Все гвардейские части уже получили задания. Что, черт возьми, происходит?

— Империя еще не до конца оправилась от понесенных потерь, сэр, — ответил Венлоу ничего не выражающим голосом. — Сейчас у нас нет того рога изобилия, которым император располагал до войны.

— Меня не беспокоит империя, — заявил Искра. — Я возмущен тем, что вся система власти не в состоянии поддерживать своего правителя. Император выбрал меня для того, чтобы я навел порядок в звездном скоплении Алтай. Однако у меня нет инструментов, необходимых для выполнения поставленной задачи.

Венлоу хотел было возразить, что список Искры составлен либо некомпетентным глупцом, либо безумцем. Среди прочего Искра запросил — точнее, потребовал — целую дивизию императорской гвардии для охраны собственной персоны, две полные боевые эскадры флота, увеличения нормы АМ-2 для Алтая, и все это без малейших объяснений. Искра лишь заявил, что все это диктуется необходимостью восстановления порядка в созвездии.

— Неужели эти ублюдки хотят, чтобы я потерпел неудачу?

— Вряд ли, доктор.

— Императору следует кое-что сказать своим бюрократам. Не вызывает сомнения, что только я в состоянии навести здесь порядок. Мой успех жизненно важен. Не только для народа Алтая, но и для всей империи. До сих пор я всегда поддерживал политику Прайм-Уорлда. Сильно сомневаюсь, что люди в высших эшелонах власти будут довольны, если узнают, что я начинаю рассматривать другие альтернативы.

Венлоу уже научился скрывать свою реакцию на заявления Искры. Однако последние слова доктора заставили его обратить все внимание на экран коммуникатора, где в данный момент не появилось никаких важных сообщений. Так что когда он снова повернулся к доктору Искре, его лицо выражало лишь спокойное внимание.

Венлоу решил не задавать никаких уточняющих вопросов. Другие альтернативы? Какие, например? Разбитый Таан? Призраки уничтоженного Тайного совета?

Неужели миляга доктор думает, что император нуждается в нем больше, чем он сам нуждается в императоре?

Когда он передаст это сообщение, реакция, несомненно, будет интересной. Однако Венлоу не слишком рассчитывал на то, что получит удовольствие от предстоящего разговора с властителем.

Стэн предполагал, что по возвращении его ждет множество неприятностей и нерешенных проблем. Но вместо этого...

— Никаких проблем, босс. Я делал главную работу, Синд выполняла рутинные задания, а Ото не обращал ни малейшего внимания

на нашу суету. Ты мог бы гулять еще целый год, и тебя бы никто не хватился.

— Может, нам следует прикончить его, Синд? — прогрохотал бхор.

— Немного позднее.

— Вам придется занять очередь, — объявил Стэн. — У меня чин выше.

— Я не понимаю, почему мы ничего не пьем? — спросил Ото. — И не отмечаем возвращение нашего воина Стэна. Не празднуем наступление первого дня новой недели... уж не знаю, что важнее.

— Потому что, приятель, нам предстоит ночная работа, — пояснил Алекс.

Килгур с таинственным видом показал, что Стэну следует сделать пояснения. Стэн усмехнулся — Алекс всегда умел опустить его на грешную землю даже лучше, чем римский раб, в обязанности которого входило шептать на ухо императору во время триумфов: «И это тоже пройдет». Или как там еще звучала эта фраза.

— Виллиган с датчиком, который мы позволили украсть заговорщикам, нашел подходящее место для зимовки, — сказал Стэн. — Думаю, пришло время навестить его.

— Ха, — сказал Ото, — отлично. Я не слишком люблю имперских солдат. Но те два брата, которых прикончили, — необходимо отправить в ад их убийц. Надеюсь, этот виллиган не сидит в одиночестве в кладовке какого-нибудь прыщавого деревенского парня.

— Не думаю. Он спрятан на складе продуктового магазина. Там еще есть бар.

Ото довольно крикнул.

— Закусочная. Гмм. Отличное прикрытие: множество людей могут постоянно приходить в заведение и уходить оттуда, когда им вздумается. Надо взять на вооружение.

— Получается, это та самая группа, которую мы ищем. Кому-нибудь известно, за что они сражаются?

— Пока нет. Именно это мы и хотим разузнать.

— Насколько серьезный удар мы им нанесем?

— Мне нужна информация, — сказал Стэн. — Следует узнать, сколько людей охраняет бар. Впрочем, это не так уж и важно. Синд?

— Ну... у нас есть возможность посмотреть на это заведение сверху? Спасибо. Чтобы войти с черного хода, потребуются одно отделение. Еще одно отделение нужно поставить у главного входа, с одним взводом поддержки. Ну и резерв, конечно.

— Не будем просить подкрепления у полковника Джерети, — бросил Алекс.

Это не было даже вопросом.

— Конечно, — согласился Стэн. — Я думаю, происходит утечка информации, скорее всего от них, но если мы воспользуемся посоль-

скими средствами связи, Искра наверняка все узнает. А в случае, если мы решим предупредить гвардейцев напрямую, у кого-нибудь наверняка возникнут подозрения.

— Ты думаешь, дружище Стэн, что этот ублюдок Искра завел собственных террористов?

— В данный момент, Ото,— сказал Стэн, который вдруг почувствовал, что ужасно устал,— я подозреваю каждого жителя этого гнусного созвездия, что он вступил в ряды отряда смертников. Кроме тебя и Синд.

— А как насчет меня, босс? — поинтересовался Алекс.

— Ха. Могу только повторить свои последние слова. Тебя я знаю. Ладно. Хватит трепаться. Мы с бхорами займемся террористами. Гурки останутся в резерве.

— Им это совсем не понравится,— сказала Синд.

— Отлично. События разворачиваются таким образом, что в самом ближайшем будущем мне понадобятся очень сердитые молодые люди. Майор Синд, пишите приказ. К двум часам сорока пяти минутам совершенно стемнеет. Тогда мы и выступим.

В баре горела всего одна лампочка, где-то возле кассы. Всматриваясь через толстую решетку, Стэн заметил, что внутри никого нет. Улица тоже была пустыня.

— Кто бы ни пользовался этим местечком в качестве прикрытия,— прошептал Алекс,— он абсолютно в себе уверен. Даже сторожа не выставили. Правда, может быть, они нашли моего «жучка» и положили его среди кучи грязных тарелок, чтобы подшутить над нами.

— Уверены в себе — или заплатили кому следует. Смотри.— Стэн показал рукой на полицейский гравитолет, который медленно проплывал над крышей.

— Ну и?.. Мы уже дошли до такой жизни, что начнем убивать полицейских?

— Ото получил приказ взорвать парочку гранат и поднять шум, если кто-нибудь захочет нам помешать,— сказала Синд.— Полицейские подумают, что это разборки крутых парней, и не полезут сюда. Но если они попрут на нас, мы не будем стоять в сторонке.

Коммуникатор, закрепленный у нее на плече, щелкнул:

— Отряд, охраняющий тылы, вышел на позицию. Мы готовы.

— Начнем?

Казалось, время застыло на месте.

Килгур поднялся, разогнул двумя руками стальные прутья, словно они были сделаны из жести. Мгновение — решетка, дверь и косяк рухнули вперед. Напоследок Алекс придал конструкции дополнительное ускорение и отскочил в сторону.

Синд швырнула гранату.

Яркая вспышка заставила всех прикрыть глаза.

Стэн, выхватив пистолет, метнулся в дверь и прижался спиной к стене.

Синд бросилась на пол и несколько раз перекатилась.

Стэн прыгнул вперед, прямо к двери, ведущей на кухню.

Килгур остался внутри, он их прикрывал; Синд вскочила на ноги и кинулась вслед за Стэном на кухню; пока Стэн двигался, Килгур его прикрывал.

Задняя комната оказалась пустой. Килгур поднялся, держа в руке один из прутьев от решетки.

— Лараз! — заорал Стэн.

Это был пароль, чтобы их не застрелили свои.

Дверь сорвана с петель, снаружи темная ночь... Дула винтовок... Волосатые лица бхоров над прицелами...

— Порядок, — крикнул Стэн. — Собирай свой отряд, Синд. Оставь резерв на противоположной стороне улицы.

— Ото, троих солдат!

— Есть, сэр.

— Я нашел, шкипер. Под печкой.

— Сам справишься?

— Угу.

Килгур положил свое оружие на пол и без малейшего напряжения сдвинул в сторону огромную кухонную плиту. Провода, подсоединенные к ней, заскрежетали, но не порвались.

— Симпатичный тайник, — заметил Алекс, ухватившись за небольшое металлическое кольцо в цементном полу. Кольцо и пол медленно поднялись, ловушка-противовес.

— Эврика, — довольно заявил Килгур. — Босс?

— Вы, ребята, займитесь делом, — обратился Стэн к трем здоровенным солдатам, дожидавшимся его приказа. — Я хочу, чтобы все здесь было раздолбано. Как будто мы долго не могли найти тайник. Нет никакого резона выдавать наши секреты.

Трое бхоров переглянулись. Конечно, это не так здорово, как пришить парочку ублюдков, и все же предстоит кое-что разрушить — тоже неплохо. Они самозабвенно принялись крушить все подряд.

— Ну, удалось обнаружить? — Стэну пришлось повысить голос, чтобы перекрыть грохот.

— Типичный арсенал террористов, — заметил Килгур.

Алекс был совершенно прав. Однако их глазам предстал уж очень большой арсенал — все подвальное помещение оказалось забито оружием. Винтовки были как раз такими, как Стэн и ожидал, — оружие этой марки предпочитают наемники, или, если вы на их стороне, борцы за свободу: украденное, купленное тайком, самых разных систем и калибров. Армейское оружие, украденное или отданное добровольно регулярными солдатами Джохи. Два очень старых крупнокали-

берных пулемета. Шесть или семь самодельных пушек. Несколько таких же бомб. Неполный ящик ручных гранат. Патроны для разных типов винтовок. Ножи. Стэну даже показалось, что он заметил какой-то дурацкий меч. Три или четыре пистолета на полках. И два имперских виллигана.

— Один из них наш, — заметил Килгур. — Интересно, где они добыли второй?

— Кто знает? Виллиганы начали производить довольно давно, — сказал Стэн. — Может быть, еще до нас кто-то в посольстве продал его. Или им удалось украсть виллиган у солдат гвардии.

Килгур бросил Стэну спортивную винтовку. Стэн передал винтовку Синд, которая быстро и профессионально ее осмотрела.

— Обычно я имею дело только с настоящим оружием, — проворчала она. — Это самая настоящая дрянь. К тому же давно не чищенная.

— Ну, не такая уж плохая, как все остальное, — заметил Килгур. — Большинство террористов, которых я знал, занимались риторикой, им было некогда чистить оружие. Босс, мы их поймали с поличным. Устроим большой скандал или как?

— Подождем немного, — решил Стэн. — По-твоему, сумеем мы на кого-нибудь выйти?

— Боюсь, что нет, шкипер. Они были достаточно профессиональны и не оставили визитных карточек. Эй!.. А это что такое?

Пистолет. Пистолет, который стрелял АМ-2. Стэн поднял бровь. Империя, по очевидным причинам, очень тщательно следила за тем, чтобы подобное смертельно опасное оружие, как и виллиганы, не попадало в руки случайных людей. Пистолеты охранялись вдвойне, хотя на самом деле это оружие годилось главным образом для ограблений и парадов. Подобный пистолет практически не мог попасть в руки гражданских лиц.

К тому же пистолет был очень необычным. Его рукоять украшало что-то напоминающее золото, серебро и прозрачную белую кость. Вся поверхность оружия покрывала тончайшая гравировка.

Стэн внимательно ее изучил и не нашел никаких охотничьих сцен или изображений живых существ, которые подсказали бы ему, откуда прибыло это чудо.

— Кобура есть?

— Да. Великолепная. Настоящая кожа, я думаю. Никаких инициалов. Даже марки изготовителя.

— Эта штука, — заметила Синд после того, как внимательно рассмотрела пистолет, — из тех, что посол может подарить правителю или наоборот. Интересно, если мы проверим номер... может быть, выяснится, что последний имперский посол занимался продажей оружия? Или скупкой — сознательно. А возможно, и сам Хакан?

— Знаешь, — предупредил ее Килгур, — я бы тебе не советовал особенно увлекаться этими идеями, хотя предположение весьма при-

влекательно. Известно лишь, что нам в руки попала очень симпатичная игрушка. Жалко уничтожать такую замечательную вещь.

— Это уж точно,— сказал Стэн.— Такой пистолет должен принадлежать лорду. Возьми его себе, Алекс... Нет, подожди.

Алекс ухмыльнулся и сделал сердитое лицо. Однако он совершенно не был расстроен тем, что лишился столь замечательного сувенира.

— Тебе что-то пришло в голову?

— Получишь его в следующий раз,— обещал Стэн.— Когда мы еще найдем. Я бы хотел, чтобы этот пистолет раскрыл для нас парочку секретов. Вытащи «жучок» из виллигана. Сможешь вставить его в этого красавчика?

— Без проблем, босс.

— Так, когда вы установили заряды, чтобы взорвать это хранилище смертоносного оружия,— продолжал Стэн,— случилось вот что: взорвались только два из них. А третий всего лишь загорелся — не забудь убедиться в том, чтобы сторел детонатор. Нам совершенно ни к чему давать мерзавцам повод догадаться о том, кто стоит за этой акцией. Поскольку взрыв не был полным, он уничтожил все ружья, а пистолеты раскидало в разные стороны.

— Ну почему,— пожаловался Килгур,— все твои планы начинаются с того, что я, самый великий во все века специалист по взрывам, совершаю ошибки?

Стэн сделал непристойный жест вытянутым средним пальцем.

— Это единственно возможный ответ, к которому может прийти сменившийся с поста и как следует надравшийся солдат. А теперь давай взорвем эту помойку, прежде чем кто-нибудь из местных жителей заметил наше присутствие.

Килгур приказал принести рюкзак с оборудованием и приступил к подготовке взрыва. Синд попросила Ото, чтобы все бхоры вошли внутрь. Стэн предоставил Алексу делать свое дело самостоятельно. Задача была совсем не трудной для Килгура — среди прочего он в свое время сумел разрядить взрывное ядерное устройство под яростным перекрестным огнем. И одновременно заложить мину в верблюда.

— Откуда ты знаешь,— спросила Синд,— что кто-нибудь возьмет этот пистолет и он приведет нас к другому арсеналу?

— А я не знаю. Во всяком случае, полной уверенности у меня нет. Однако люди, которые зарабатывают на жизнь продажей оружия, вряд ли смогут удержаться, увидев подходящий нож или пистолет. Кроме того, я рассчитываю, что пистолет приведет нас не просто к другому складу оружия. Я буду рад, если эта великолепная штучка в конце концов окажется в руках того, кто сможет оценить ее по достоинству.

— Например?

— Того, кто руководит этой организацией. И тогда у нас появится возможность заняться им.

— Стэн, ты злой человек.

— Ты так говоришь только потому, что хочешь забраться ко мне в постель.

— Это правда. Я бы поцеловала тебя, только это может оказать плохое влияние на дисциплину.

— Мою или бхоров?

— Твою, конечно.

Она все равно его поцеловала.

Венлоу попытался прочесть выражение лица на экране. И не смог.

— Это все? — спросил человек на экране.

— Да, сир.

Стало так тихо, что Венлоу слышал слабые шумовые помехи.

— У тебя есть предложения?

После небольшой паузы Венлоу ответил:

— Нет.

— Мы должны рассмотреть все возможности. — Человек на экране коснулся, словно бессознательно, центральной части своей груди.

Венлоу старательно подбирал слова:

— Когда вы давали мне это задание, я спросил, что должен буду сделать в критической ситуации.

— И я ответил, что пока не готов это обсуждать. В тот момент я был не готов, да и сейчас тоже. Я занимаю достаточно жесткую позицию. Доктор Искра должен получить полную поддержку.

— Есть, сир. Виноват.

Снова наступила тишина.

— Извинений не требуется. Я не хочу, чтобы мои слуги превратились в рабов. Ты должен четко понимать одно: доктор Искра будет правителем созвездия Алтай. Это главная задача. Однако... однако то, о чем ты сейчас упомянул — критическая ситуация, — ее нельзя игнорировать. Нужно рассмотреть все возможности и последствия.

Экран потемнел.

Венлоу автоматически кивнул. И хотя никто не мог его услышать, ответил:

— Да, ваше величество.

Глава 25

Вечный император в задумчивости слушал доклад Стэна о докторе Искре. И не делал никаких комментариев, когда Стэн подробно перечислял свои обвинения.

Стэн рассказал императору о массовом уничтожении студентов. Представил доказательства, что это дело рук Искры. Рассказал про сознательную кампанию по дезинформации, которая должна была привести к войне между обитателями созвездия Алтай. Тайнственное нападение на персонал империи. Пустая крепость. И многое другое.

Наконец он закончил. И ждал, пытаясь сообразить, в какую сторону на сей раз подует ветер.

— Как я понял, — заявил император, — твои рекомендации существенно отличаются от того, что предпринял доктор Искра.

— Сожалею, сир, — сказал Стэн, — но я просто обязан иногда говорить вам не слишком приятные вещи.

— Совершенно верно, — кивнул император. — В противном случае ты был бы таким же бесполезным, как те дураки, что меня окружают. Уж в одном-то я всегда могу быть уверен, Стэн: ты скажешь мне правду — какой бы неприятной она ни была.

— Благодарю вас, сир. Сейчас, если вы мне позволите...

— Подожди минутку, — перебил его император. — Нет никакой необходимости продолжать.

— Не понял, сир.

Стэн и в самом деле был смущен. В последнее время у императора появилась странная новая привычка: он перестал смотреть собеседнику в глаза. Эти проклятые глаза. Двигаются, словно на подшипниках.

— Я просто сказал, что больше ничего не следует говорить. Я знаю, какое предложение ты хочешь сделать. Увы, я вынужден от него отказаться. Искра останется на месте. Ты будешь его поддерживать,

— Очень сожалею, сир. И надеюсь, вы все правильно поймете... Я бы хотел, чтобы вы освободили меня с этого поста.

Глаза императора прекратили свое беспорядочное движение. Всего на короткий миг Стэн снова увидел знакомую холодную сталь. Потом император рассмеялся.

— Я понимаю, почему ты так говоришь, Стэн. Ты думаешь, я перестал в тебя верить.

— Может быть, сир. Не мне об этом судить. Просто... ну, вы нуждаетесь в людях, в преданности которых у вас не может быть никаких сомнений.

— Я ведь уже сказал, Стэн, что полностью тебе доверяю.

— Да, сир. Но ведь я откровенно заявил, что не согласен с вами.

— Верно. Однако дело тут совсем в другом. Таков мой приказ. Должен сообщить: доктор Искра требовал, чтобы я заменил тебя. Я ответил категорическим отказом.

— Да, сир, — пробормотал Стэн, не зная, что еще на это сказать.

— И еще я сообщил ему то, что сейчас сообщу тебе. Ты находишься слишком близко к происходящим событиям, Стэн. Из-за деревьев не видно леса — так иногда говорят.

Стэн знал, что в словах императора есть резон. Он не в состоянии, как император, увидеть всю картину в целом.

— Я по-прежнему считаю, что не подхожу для этой должности. И все же благодарю вас за оказанное доверие.

— Мы многое пережили вместе, Стэн,— сказал император.— Я знаю о твоих достоинствах и недостатках. Мне кажется, я гораздо лучше тебя самого знаю твои возможности. Вдобавок, положение на Алтае вступило в критическую фазу. Если мне придется заменить тебя, политический резонанс будет совсем не в нашу пользу. Возможно, я немного поспешил, предложив Искре возглавить правительство Алтая. Однако я и сейчас считаю, что лучшего выбора у меня все равно не было. Теперь мне не остается ничего иного, как поддерживать Искру. Я связал свое имя с этим человеком. Для меня жизненно важно, чтобы доктор Искра добился успеха.

— Да, сир.

— Я рассчитываю на тебя, Стэн,— сказал вечный император.— Может, даже гораздо больше, чем раньше. Сделай так, чтобы наш план сработал. Предпринимай для этого что хочешь — но ты должен победить. Это приказ.

— Есть, сир.

— Стэн?

— Да, сир?

— Улыбнись. Не расстраивайся. Все будет хорошо.

— Да, сир,— сказал Стэн.

Он отдал честь, и император выключил связь.

Глава 26

Стэн не мог заснуть. Всякий раз, когда он начинал дремать, перед его мысленным взором возникало лицо императора. Станные глаза следили за Стэном. Эти глаза не останавливались ни на минуту, они обжигали его сознание, вытаскивали самые скрытые сомнения Стэна на поверхность.

В этом кошмарном сне император складывал огромную пирамиду из извивающихся, словно ужи, сомнений Стэна. Потом поворачивался к Стэну с потемневшим от гнева лицом. Стэн знал, что как только глаза остановятся на нем, ему конец.

Вот они приближаются к нему. Поворачиваются, оставляя на полу выжженный след. Поворачиваются. Потом начинают медленно подниматься, чтобы навсегда лишить Стэна зрения.

Стэн со стоном проснулся. Все его тело было покрыто холодным потом. Он побрел в туалет, и его начало рвать. Он долго стоял в туалете на коленях, чувствуя себя ужасным дураком, испугавшимся такого глупого кошмара,— однако ему ужасно не хотелось возвращаться обратно в постель из страха, что сон снова вернется.

Потом Стэн услышал легкий шелест и почувствовал тепло и аромат Синд.

— Со мной все в порядке,— пробормотал Стэн.

— Конечно в порядке. Мне не раз приходилось находить совершенно здоровых и довольных жизнью людей, которые валялись на полу в ванне и пытались выблевать собственные легкие.

— Со мной все будет в порядке... через несколько минут.

— Я знаю, знаю. А сейчас не спорь со мной, милый. Иначе у тебя и в самом деле начнутся серьезные неприятности.

Она подняла Стэна на ноги, раздела и засунула под душ. Холодные струйки тонкими иглками начали колоть кожу, и Стэн окончательно проснулся. Вода быстро смыла пот, покрывавший тело. Потом холодная вода стала горячей, его окутали тучи пара.

Стэн увидел, как сквозь пар к нему скользнула обнаженная фигурка Синд. Девушка успела вооружиться мылом и жесткой губкой.

— Повернись,— велела она,— я начну со спины.

— Я и сам справлюсь,— сказал Стэн, потянувшись за мылом.

— Я сказала, повернись кругом.— Синд резко провела губкой по его груди.

— Ой! Ладно, ладно. Твоя победа!

Он повернулся.

— На тот случай, если ты еще не заметил,— заявила Синд,— я всегда побеждаю.

Она намочила губку, как следует намылила ее и начала мыть Стэну спину.

Ему стало хорошо. Он забыл про глаза.

Позднее, лежа на заново застеленной постели, Стэн потягивал горячий травяной чай, который Синд приказала доставить из кухни посольства. Снаружи доносился рев ветра, бесившегося на улицах Рурика. На Стэна вдруг снизошел мир. Он чувствовал себя удивительно уютно.

Синд устроилась на постели рядом с ним, плотно запахнув мягкий разноцветный благоухающий халат. Ее обычно гладкий лоб был нахмурен — Синд обдумывала странный сон Стэна.

— Ты никогда не думал о том, что произошло бы, если бы император так и не вернулся?

Стэн покачал головой.

— Мне кажется, было бы еще хуже. Надеюсь, ты не забыла, что тогда творилось.

— Естественно, не забыла. Да, конечно, тогда были ужасные времена. Но ведь мы же пытались с этим справиться, у всех были надежды. Какие-то представления и идеи о будущем.

— Ты считаешь, что сейчас у нас нет будущего? Все очень не просто, тут я с тобой согласен. Как только мы справимся...

— Все снова станет нормально? — прервала его Синд. — Скажи мне, а что такое «нормально»? Я еще достаточно молода и ничего не знаю о тех чудесных днях... перед Таанской войной.

— К чему сарказм?

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Ну, хорошо. Да, тогда тоже наша жизнь не напоминала райские куши.

— А на что она была похожа?

Стэн скорчил гримасу.

— Знаешь, надо признать, что тогда было почти как сейчас. Только... всего было больше.

— Значит, все тогда были счастливее, да? Жители Джохи, например, были счастливее? Конечно, Хакан прижимал их, но ведь при этом они были сыты. И жизнь казалась им прекрасной. Самый настоящий рай для угнетенных.

— И снова цинизм.

— И снова ты уходишь от ответа.

— Просто так устроен мир, — сказал Стэн. — Кто-то должен за все отвечать. Чтобы жизнь не остановилась. К несчастью, время от времени этот кто-то оказывается самым настоящим подонком. И тиграном.

— Например, Хакан?

— Угу. Например, Хакан.

— Например, доктор Искра?

— В особенности доктор Искра. Хакана, по крайней мере, оправдывало то, что он был старым и выжившим из ума кретином.

— А нам приказано навязать жителям этого звездного скопления доктора Искру в правители, — сделала вывод Синд, — даже несмотря на то что мы знаем: он, возможно, еще хуже, чем Хакан. Разве в этом есть какой-нибудь смысл?

— Только в том случае, если ты согласишься на всю картину в целом, — ответил Стэн. — В свои самые лучшие времена империя представляла собой очень сложный баланс, равновесие между весьма непростыми личностями. А сейчас — думаю, ты не станешь со мной спорить — не самые лучшие времена.

— Согласна.

— Хорошо. Доктор Искра, естественно, сукин сын. Но он человек императора. И помогает ему удерживать положение вещей на таком уровне, чтобы все не полетело к чертовой матери.

— Иными словами, ты хочешь сказать, что все это правильно? Даже учитывая то, что многие поколения жителей Джохи будут страдать?

— Ну, я бы не стал формулировать все именно так. Однако... Это правильно и целесообразно. Кроме того, империю населяют миллиарды других существ, о которых необходимо подумать.

— Сколько миров подчиняются правителям вроде доктора Искры? Стэн открыл было рот, чтобы ответить... и не смог.

Синд продолжала настаивать на своем, хотя и сама не до конца понимала, чего добивается.

— Стэн, какой тиран может считаться хорошим? Или диктатор? Кого можно назвать безупречным верховным правителем? Или такого понятия вообще не существует?

— Возможно, по крайней мере, в данный момент. Очень часто складывается ситуация, когда люди ужасно хотят, чтобы кто-нибудь руководил ими, говорил, что нужно делать. Они начинают убивать друг друга, пока не появляется рыцарь на белом коне и не спасает их. И они с радостью вручают этому рыцарю все, что у них есть, все свои права. Если им повезет, новый правитель будет молодым и разумным. И не важно, каких принципов он придерживается, — главное, чтобы его подданные считали эти принципы достойными и следовали им в своей жизни. Тогда в доме воцаряется порядок. Только вот проблема в том, что мне еще ни разу не доводилось слышать или читать о ситуации, в которой не срабатывал закон энтропии. Например, как в случае Хакана.

— Что-то я не понимаю.

— Когда диктатор находится на своем посту слишком долго, он теряет связь с реальностью. Отдаляется от остальных людей. Начинает считать, что власть дана ему самим Богом. Собирает вокруг себя разнообразных психопатов, которые за кусок сладкого пирога готовы выполнить любой его приказ. В результате все правители, обладающие абсолютной властью, доходят до такого состояния, когда они зависят от своих шакалов-психопатов гораздо больше, чем от остальных, нормальных людей. Это и является началом их конца. Потому что они начинают забывать о том, кто на самом деле наделил их властью. Иными словами, народ, которым они правят.

— Очень интересная лекция, профессор Стэн.

— Да я не собирался читать тебе лекцию.

Синд молчала, задумчиво теребя поясok халата. Через некоторое время она прошептала:

— Знаешь, твое описание почему-то заставило меня подумать о нашем императоре.

Стэн ничего не сказал. Только кивнул.

— Ты не ответил на мой первый вопрос, — продолжала Синд. — Как ты думаешь, что произошло бы, если бы император не вернулся?

— Думать об этом не имеет никакого смысла. Потому что без АМ-два мы снова превратились бы в варваров, это неоспоримый факт. Связь между звездными системами стала бы невозможной. Для межзвездных путешествий использовались бы старые, опасные для жизни корабли, которые затрачивают такое количество энергии, что ни

одна планета не может себе позволить запускать их в космос. Никакого прогресса. Какой прогресс!.. Мы все больше и больше стали бы отставать в развитии. И дошли бы до состояния полного невежества. А вечный император — типы из Тайного совета вынуждены были это признать — единственный, кто владеет секретом АМ-два.

— Что же произошло? — спросила Синд. — Я так и не смогла понять.

— Прекратились поставки АМ-два, — объяснил Стэн. — Как все и предполагали — Тайный совет потратил не один час на прогнозы, — АМ-два перестал поступать, как только императора убили... или что там с ним случилось, не знаю.

— А откуда все-таки поступает АМ-два?

— Что? — удивился Стэн.

Его удивление напоминало состояние человека, только что узнавшего, что уровень его умственного развития не столь высок, как он думал. Стэн почувствовал себя бараном, уставившимся на неожиданное препятствие.

— Если АМ-два прекратил поступать, — настаивала Синд, — значит, есть какое-то место, где он хранится. Я не имею в виду огромный засекреченный склад или что-нибудь в таком же духе. Потому что склад рано или поздно может опустеть. И тогда его снова наполняют. А это означает, что кто-то должен заниматься доставкой АМ-два. Откуда же его доставляют? Идиотский вопрос?

— Совсем не идиотский, — пробормотал Стэн.

— Вот-вот. Эта мысль пришла мне в голову совершенно неожиданно. И тогда я решила, что кто-то наверняка задумывался об этом раньше.

— По крайней мере, я ничего не слышал на этот счет, — ответил Стэн. — Императору ужасно не нравится, когда ему задают вопросы про АМ-два.

— И тем не менее АМ-два должен где-то находиться. В больших количествах. Целые горы АМ-два. Сидят на месте и ждут, чтобы кто-нибудь прибрал их к рукам. Тот, кто его найдет...

— Кто-то уже нашел, — перебил ее Стэн, на которого наконец снизошло озарение. Впрочем, открытие совсем не радовало.

— Это и сделало его императором, так ведь? — спросила Синд.

— Частично так. Только ты кое о чем забыла. Одного АМ-два недостаточно.

— Да?

— Он еще раскрыл секрет вечной жизни. Или что-то в этом же роде, черт его побери.

— Ах, это! — воскликнула Синд. — Большое дело! Кому охота жить вечно? Пройдет некоторое время, и все станет таким скучным и однообразным. Никакого удовольствия от вещей вроде...

— Ой! — взвыл Стэн, когда Синд укусила его за мочку уха.
— И никакой радости, когда...
— Ладно, даю тебе пару часов на то, чтобы прекратить это безобразие, — заявил Стэн.
— И еще, — продолжала Синд, — тебе будет совершенно наплевать, если...

Она распахнула халатик и потянула Стэна к себе. Он не стал сопротивляться, смутно подумав о том, что эта женщина обладает изумительной способностью доказывать свою правоту.

Глава 27

Поляна замерла. Но Район Дыма не молчал. Ветер с ревом трепал верхушки высоких сосен.

Стэн, Алекс, Синд и Ото стояли возле посольского гравитолета. Гурки, охранявшие их, покинули свои гравитолеты и окружили место посадки.

Трясушийся от страха проводник, которого сумел нанять Алекс, воспользовавшись услугами своего, казалось, бездонного кошелька, показал им дорогу от старого тракта на поляну. Заметив, что Синд выгружает записывающую аппаратуру, он захотел получить плату немедленно. Алекс отдал ему деньги и попросил немного подождать: они закончат и отвезут его в деревню.

Нет. Перепуганный до полусмерти проводник упорно настаивал на том, что дойдет до своего дома пешком. Тридцать километров? Ерунда.

Проводник направился к деревьям, повернулся, чтобы бросить последний взгляд на Стэна и его компанию, а потом помчался прочь с такой скоростью, словно его преследовала целая шайка разъяренных чертей.

«Интересно, чего он боится больше, — думал Стэн, — того, что его лицо окажется записанным на пленку, или длинных ровных холмов, избороздивших поляну?»

— Их копали городские жители, — заявил Ото. — Деревенским известно, что земля оседает, когда ее насыпают заново. Они сделали бы большие холмы.

Все молчали.

— Сколько?

Стэн покачал головой. У него не было опыта могильщика.

— Официально заявлено о пропаже пяти тысяч существ, — сказала Синд.

— Площадь небольшая, — задумчиво проговорил Алекс, не сводя глаз с траншей. — Выходит, где-то еще есть подобные места. — Он повернулся к Стэну. — Ну, что будем делать, босс?

Стэн подумал немного, а потом подошел к гравитолету и открыл ящик с инструментами. Достал две лопаты и отдал одну Килгуру.

— Наверное,— сказал он,— нужно отнестись к этому вопросу как к археологическим раскопкам. Раскопаем траншею на метр в ширину. Синд, ты будешь записывать. Постарайся снять так, чтобы было ясно, что здесь уже достаточно долго никто ничего не трогал. Трава, небольшие растения...

— Мох,— перебил его Алекс.

— Мох. Никаких следов живых существ, кроме тех, что оставим мы, когда будем подходить к...— Он не договорил.

— Сэр,— вмешался Ото,— солдаты могут раскопать...

Стэн покачал головой и показал Синд, чтобы она начала съемку. А потом направился к ближайшей траншее и лопатой отметил место, где станет копать. Начал очень осторожно, но песчаный грунт легко поддавался, и не требовалось никаких особых усилий, чтобы убрать его с дороги. Алекс так же осторожно копал с другой стороны траншеи.

Стэн раскопал яму меньше чем на метр и вдруг неожиданно остановился.

— Ото, в ящике для инструментов есть лопатка.

Он наклонился и принялся копать еще осторожнее. Потом издал какой-то звук, закашлялся, и его вырвало прямо на край траншеи.

Ото принес ему флягу и респиратор. Другой респиратор он отдал Алексу.

— К этому запаху невозможно привыкнуть.

Стэн прополоскал рот и обрадовался, что ему удалось скрыть выражение своего лица.

— Два... может быть, три месяца?

— Похоже, так, босс. Синд? Можешь заснять покрупнее?

Синд подошла поближе.

Она разглядела спину женщины со скованными за спиной руками. Рядом с женщиной — лицо мужчины; то, что осталось от глаз, смотрит прямо в небо, рот широко раскрыт в безмолвном крике.

Синд приказала своему сознанию абстрагироваться от картин, что предстали ее глазам,— машина зафиксировала все, что необходимо. Только почему-то глаза не желали подчиняться.

— Почему,— спросил Ото,— Искра не сбросил тела в море? Или не сжег огнем?

— Быть похороненным заживо,— пояснил Стэн,— считается почетной смертью здесь, на Джохи.

— Разве убийство может быть почетным? — проворчал Ото.

Стэн помог Алексу выбраться из могилы.

— Ты не ответил на мой вопрос, босс. Нам какая польза от того, что мы узнали об этом зверском убийстве? Мы ведь не станем звонить о находке по всей Джохи. Иначе они такое устроят...

— Естественно. Мы снова все закопаем. И пошлем копию фильма на Прайм-Уорлд.

— С грифом «для императора лично»? Стэн, ты же знаешь, мы уже докладывали императору про Искру. Просто это самое худшее из того, что нам удалось про него узнать. Почему ты думаешь, что император обратит внимание на это сообщение? Ему наверняка доводилось видеть и не такое за свою долгую жизнь.

— Не знаю, — ответил Стэн. — Только пора ему присмотреться повнимательнее к доктору Искре — ты был совершенно прав, когда говорил, что тут собираются грозовые тучи. А мы оказались в самом центре событий.

Воцарилась полная тишина.

Только шуршание земли, падающей в огромную могилу, и громкое завывание ветра над головой.

Глава 28

Вопрос о том, изменит ли сообщение о находке в Районе Дыма планы императора, так и остался открытым.

Ее семья была ни богатой, ни бедной. Ну, по крайней мере, по представлениям жителей Рурика, бедными их назвать было нельзя. На большинстве других миров ее назвали бы нищей. У нее были отец и мать, и только два ее брата умерли совсем маленькими. Хватало еды — уж на раз в день, точно, — и чистой одежды, хотя и перешитой из того, что носила до нее старшая сестра.

Она была джохианкой. Однако она не помнила, чтобы в детстве — в свои шестнадцать лет она считала себя уже взрослой — она ненавидела суздаей или богази. Даже несмотря на то, что представители этих народов редко появлялись в районе, где она жила. А торгов она просто жалела.

В течение нескольких лет она слышала разговоры о том, что мир должен измениться — к лучшему. Как только умрет тиран Хакан, начнется новая жизнь. Впрочем, она никогда особенно не думала о том, что такое Хакан.

Прекрасное будущее принесет человек по имени Искра. Кое-кто из ее друзей давал ей почитать листовки, в которых рассказывалось о том, что этот великий и благородный деятель всегда верил в Алтай, всегда знал, что это созвездие со временем станет центром цивилизации. А пламя новой жизни разожгут джохианцы.

Она, естественно, не читала статей доктора Искры. Ей говорили, что они слишком сложны для человека ее положения и образования, так что не стоит и пробовать в них разобраться.

Она вступила в небольшую, конечно же, секретную организацию и поклялась сделать все, что в ее силах, чтобы приблизить наступление светлого будущего.

А потом вернулся Искра.

Она была в той ликующей толпе, что приветствовала нового правителя. Ей показалось, что она видела великого человека — крошечная точка на балконе дворца, принадлежавшего раньше Хаканам.

Прошло время, и до нее стали доходить разные истории. Новый день не может наступить быстро. Торки вовсю демонстрируют свои богатства — те самые, что они отняли у джохианцев. А что еще хуже, присутствие богази и суздалей по-прежнему отравляет жизнь на Джохи.

Даже когда «инопланетяне» покинули Джохи, силы зла продолжали мешать попыткам доктора Искры твердой рукой остановить то безумие, что охватило Алтай. И естественно, после того как руководитель группы все ей объяснил, она прекрасно знала, кто является главными злодеями: люди императора, которые пытаются использовать доктора Искру в своих целях так, как они это проделывали с Хаканом. Теперь она знала, что доктора Искру практически держат в плену в огромном дворце и он не имеет возможности управлять страной.

Она хотела что-нибудь сделать. Чтобы ускорить наступление счастливого времени. Помочь — как-нибудь.

Она видела по телевизору, что делали другие. Два молодых человека и девушка — девушка была даже моложе ее — предали свои тела пламени, добровольно согласившись умереть столь позорной смертью, потому что только таким способом они могли показать Джохи, какой непереносимый стыд они испытывают.

Она сказала руководителю тайной организации, что готова умереть. Тот ответил, что ему необходимо спросить у своего руководителя, принесет ли эта акция какую-нибудь пользу.

Два дня спустя руководитель группы сообщил, что ей уготована иная судьба. Она выполнит крайне важное задание, которое заставит имперские силы покинуть созвездие Алтай. Они исчезнут, словно их унесет холодный северный ветер.

Ее переполняло благоговение.

Она тщательно готовилась к своему заданию.

Через два дня после того, как Стэн обнаружил захороненные в лесу тела, ей сказали, что время пришло.

— Эти придурки никогда не слушают, что им говорят, — заявил охранник двум другим имперским солдатам, стоявшим вместе с ним на посту у входа. — Можно сотни раз повторить, что все закрыто и здесь нельзя пройти на рынок, они же в ответ только кивают, улыбаются и, приехав в город в следующий раз, снова приходят сюда. Когда Создатель спросил джохианцев, нужны ли им мозги, те решили, что он говорит про розги, и отказались.

Пост находился на одной из улиц, выходивших к площади Хакана. Она сейчас охранялась, потому что часть дворца, которая бы-

ла отдана батальону третьего полка имперских гвардейцев под бараки/офисы/столовые, находилась примерно метрах в ста от этого места.

Охранник зевнул — рассвело всего час назад, значит, до смены осталось меньше часа, только тогда можно будет поесть. — взял свой виллиган, повесил его на плечо и вышел из будочки. Поднял голову и посмотрел на парящий в небе гравитолет. «Старая развалина, — подумал он. — Интересно, как эта машина вообще может передвигаться?» В грузовом отсеке лежало что-то похожее на недозрелые или полугнилые фрукты, которых никто, кроме джохианцев, даже и не подумает покупать, не говоря уже о том, чтобы есть.

Он покачал головой и решил, что, когда закончится срок его службы, он ни за что на свете не станет ругать жизнь на своей родной планете, потому что теперь знает, как мало имеют эти джохианцы. Можно было бы даже пожалеть этих несчастных ублюдков, если бы их души не переполняла ненависть друг к другу...

Стражник не видел, кто управляет гравитолетом, потому что пластик иллюминаторов был грязным и потрескавшимся, однако жестом показал, что можно садиться.

Гравитолет завис в воздухе, но опускаться не стал. Просто раскачивался на ветру, который разгуливал по широкой площади Хакана.

Охранник выругался. Сдвинулся с места, решив, что водитель его не заметил. А потом улыбнулся. «Хорошенькая», — отметил он. Снова махнул рукой — как раз в тот момент, когда гравитолет, набирая скорость, пролетел мимо него.

Может быть, сама машина и выглядела старой, но генератор Маклина был совсем новеньким и работал на полную катушку. Охранник еще успел подумать, что девушка его не поняла, и только в самый последний момент успел отскочить в сторону.

Инструкция по имперской системе безопасности — впрочем, это подсказывал элементарный здравый смысл — рекомендовала: вход на любую охраняемую территорию должен быть устроен так, чтобы любое транспортное средство, наземное или летательное, было вынуждено максимально снизить скорость. В данном случае требовалось сделать V-образный поворот.

Массивные заградительные блоки, прочная ограда с острой как бритва колючей проволокой на трехметровой высоте. У этого входа колючая проволока шла только в три ряда. Гравитолет зацепился за проволоку, но продолжал двигаться вперед.

Совершенно необходимо, говорилось в имперских инструкциях, иметь второй заградительный блок, на случай, если злоумышленники сумеют преодолеть первый барьер.

Такое заграждение так и не было сооружено.

При всех обстоятельствах, предупреждала инструкция еще более строго, бараки солдат должны быть защищены от отчаянной, само-

убийственной атаки противника. Предписывалось иметь мониторы, ведущие непрерывное наблюдение, посты, естественные и искусственные заграждения, патрули, вооруженные мощными противоздушными пушками, и так далее, и так далее.

Гравитолет находился уже всего в десяти шагах от ступеней, ведущих в бараки имперской гвардии, когда девушка-пилот, дружелюбная улыбка которой, предназначенная для часового, превратилась теперь в застывшую гримасу, потянулась к маленькой коробочке, спешно припаянной к полу кабины гравитолета.

На коробочке было две рукояти: одна синяя, а другая красная. Девушку проинструктировали, что синяя рукоять включает таймер, у нее будет тридцать секунд, чтобы убраться подальше.

Красная...

Красной следовало пользоваться только в случае крайней необходимости.

Она и понятия не имела, что обе рукояти имели одинаковое назначение, потому что была уверена, что не допустит ошибок. Это будет выстрел — взрыв, — который услышат далеко за пределами Джохы или Алтая. Раскаты этого взрыва донесутся до Прайм-Уорлда, где злобный хозяин марионеток, вечный император, обязательно узнает о нем и поймет, к чему привели его гнусные махинации.

Девушка рванула красную рукоять на себя.

Она умерла первой, когда взорвались три тонны взрывчатки, которые были настоящим грузом гравитолета.

Взрывная волна окатила стены. Из шестисот пятидесяти гвардейцев, живших в бараках, многие все еще спали или только что проснулись. Всего в здании дворца находилось пятьсот восемьдесят гвардейцев.

Полковник Джерети с кофейником в руке как раз собирался спросить у офицеров, сидящих с ним рядом за столом, не хотят ли они еще кофе, когда прогремел взрыв.

Взрыв разом смял бараки.

Наиболее везучие умерли мгновенно.

Те, кому повезло чуть меньше, потеряли сознание и умерли, так и не приходя в себя, под развалинами зданий.

Но были и другие.

Крики начали раздаваться еще до того, как осела пыль и налетела ударная волна.

В другом конце города от взрыва содрогнулось здание посольства.

Стэн лежал в постели, раздумывая о самых разнообразных предметах, в то время как Синд пыталась убедить его, что, если он позвонит ее языку продолжить свое путешествие, его день будет не таким напряженным и он сможет работать гораздо более плодотворно.

Как раз в этот момент здание содрогнулось, и обнаженный Стэн мгновенно вскочил на ноги — он решил, что ублюдки нанесли удар по посольству.

Синд крикнула, чтобы он пригнулся, но Стэн, не обращая на нее никакого внимания, бросился к окну. Огромный столб огня и дыма поднимался над дворцом правителя.

Кто-то, сидевший в самой глубине души Стэна, сообщил ему, что это поворотный момент. Что произойдет дальше, Стэн даже представить себе не мог. Только опять же тот, кто сидел в глубине его души, сообщил, что все убийства и предательства, с которыми им до сих пор пришлось столкнуться, — сушие пустяки по сравнению с тем, что их ждет.

Глава 29

— Я знал, когда вернулся, что положение сложилось очень серьезное, — сказал вечный император, — но, как и большинство моих подданных, я думал, что нужно только потуже затянуть имперский ремень и устремиться вперед.

Император налил Махони полный стакан виски, а потом снова наполнил свой.

— Я был настолько глуп, что считал, будто, имея немного воображения и работая не покладая рук, мы сможем справиться с кризисом.

Его глаза на мгновение остановились на Махони, а потом отправились в новое путешествие по комнате.

Махони почему-то подумал о ящерице, которая охотится на муху. Но тут же отбросил это нелестное сравнение.

— Я не сомневаюсь, что в конце концов все наладится, сир. Мы все в вас верим.

Император невесело рассмеялся.

— Вера — это удобство, которое принято переоценивать, Ян. Вот именно, самое настоящее удобство. Уж я-то знаю — только что купил немного этого товара для того, чтобы быть еще увереннее в себе.

Махони пропустил заявление мимо ушей. Он не хотел знать, о чем говорит император.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, сир?

— Вот одно из твоих самых замечательных качеств, старый друг, — сказал вечный император. — Стоит мне тебя позвать, и ты всегда готов прийти на помощь.

В прежние времена Махони обрадовался бы комплименту, на сердце у него потеплело бы, когда император назвал его другом. Теперь же слова казались ему холодными и неискренними.

— Спасибо, сир, — промямлил он и поднес стакан виски к губам, чтобы скрыть охватившие его чувства.

— Во-первых, я хочу сказать тебе кое-что важное, — начал вечный император. — У меня в столе собрана целая куча отчетов, сделанных экспертами, которые противоречат друг другу во всех вопросах, кроме одного — куда идет наша империя. Оптимисты утверждают, что мы очень медленно катимся в пропасть. По их прогнозам, катастрофа наступит через двадцать земных лет. Ученые, занимающие среднюю позицию, утверждают, что у нас осталось лет пять. Пессимисты говорят, что худшее уже произошло. Они заявляют, что мы продолжаем двигаться дальше только благодаря экономической инерции. И что лишь огромные размеры империи мешают увидеть очевидный факт — мы уже давно мертвы, мертвы, мертвы.

— Они наверняка ошибаются, сир, — сказал Махони. — Эксперты зарабатывают огромные деньги на подобных мрачных прогнозах. На хороших далеко не уедешь — кому тогда будут нужны эксперты!

— Нет, это не ошибка. Если не считать моего поведения. Я просто отказывался смотреть в глаза фактам.

— Но... я не понимаю, как это может быть. — Смутившийся Махони снова схватил стакан, а потом потянулся за бутылкой, чтобы добавить, но обнаружил, что они уже все выпили. Тогда он встал и направился к стойке бара за новой, однако по пути заметил фляжку со стреггом и передумал. Взяв ее в руки, он заявил: — Мне кажется, нам требуется что-нибудь покрепче, босс.

Лицо императора побледнело от гнева.

— А это еще что такое? — рявкнул он. — Я больше не пью такую дрянь!

Махони с беспокойством наблюдал, как растет ярость императора.

— Проклятье! Я ведь сказал Блейку, чтобы здесь больше не было этого дерьма. — Потом властитель опомнился и сделал неудачную попытку улыбнуться Махони. — Извини. В последнее время меня выводят из себя даже мелочи.

Махони молча кивнул и вернулся на свое место с бутылкой виски в руках. Что, черт возьми, происходит? Откуда у императора такая ненависть к стреггу?

Впервые Махони почувствовал, что находится в одной комнате с незнакомцем. Опасным незнакомцем.

Пока Махони наполнял стаканы, император как ни в чем не бывало продолжал:

— Когда Таанская война закончилась, мы влезли в колоссальные долги. Однако у меня был четкий, надежный план выхода из создавшегося положения... без особых проблем. К несчастью...

Ему не нужно было продолжать. Махони прекрасно знал, что императору так и не удалось приступить к осуществлению своего плана.

— И все равно я бы сумел выкрутиться, если бы не действия Тайного совета. Видит бог, они потратили невероятные суммы. И все попусту. Ни одного проекта, который мог бы со временем принести деньги в казну или хотя бы создать предпосылки для небольшого экономического бума.

Император откинулся на спинку кресла и положил ноги на письменный стол.

— Таанские военные долги в данный момент составляют не более одной десятой общего дефицита. И у меня есть все основания ожидать — даже если мы постараемся сократить до минимума расходы, — что через год этот дефицит удвоится.

Махони плохо разбирался в вопросах финансовой политики. Огромные суммы денег смущали его. Он ничего не понимал в кредитах и подобной ерунде. Но это Махони очень даже хорошо понял.

— Проблемы империи превысили критическую массу на четвертый год правления Тайного совета, — продолжал император. — Сказался недостаток АМ-два, точка возврата была пройдена. Начался хаос. Нас засасывало в огромный водоворот. Все новые и новые части экономической системы рушились. Теперь ситуация полностью вышла из-под контроля. Если я немедленно не предприму самых решительных шагов, даже преуспевающие регионы империи будут уничтожены.

Император одним глотком опустошил стакан, со стуком поставил его на стол и перевел свои пугающие глаза на Махони. Несколько раз моргнул... а потом отвел их в сторону.

Махони вдруг почувствовал, что его обманывают. Факты, изложенные императором, были слишком общими, их невозможно проверить. Уж слишком гладко все у него получалось: X умножить на Y будет обязательно равно тому, что я сейчас тебе скажу.

— Но этим дело не ограничивается, — продолжал властитель, — я и сам оказался в тяжелейшем положении. Почти банкрот. Как тебе, наверное, известно, Ян, в прошлом я иногда использовал свои личные ресурсы, чтобы помочь империи в трудные моменты. Однако Тайный совет умудрился наложить свои лапы и на мои деньги. Теперь у меня нет ничего, я не в состоянии помочь империи выбраться...

— Что вы намерены предпринять, сир? — спросил Махони. Его тон оставался нейтральным.

— Я должен навести порядок, Ян, — ответил император. — По всей империи лидеры уводят свои народы в разные стороны. — Он поднял стакан и сделал несколько маленьких глотков. — Поэтому для начала нам необходимо единение. Во-вторых — и это самое главное, — мы должны положить немедленный конец всем местным военным конфликтам. Посмотри, что делается в созвездии Алтай, например. Наш добрый и весьма компетентный друг, посол Стэн, отчаянно бо-

рется с проблемами, которые там постоянно возникают. Именно из-за таких нестабильных регионов и началась таанская катастрофа.

Вечный император покачал головой.

— Я уже говорил тебе, Ян, что единственная возможность выбраться из кошмара — следовать за одним лидером. Положение позволяет мне взвалить на себя всю полноту ответственности. Я хочу покончить с промежуточными правителями, Ян. С этих пор все решения буду принимать лично я. — Властитель пожал плечами. — В противном случае мы можем только сдаться и идти по домам. К несчастью, у меня нет другого дома.

— А какова моя роль во всем этом, сир? — спросил Махони.

— Я хочу, чтобы ты командовал этим шоу, — заявил император. — Ты будешь во главе моего восстановительного плана.

— И в чем состоит план, ваше величество?

— На следующей неделе мои карманные политики сделают в парламенте доклад, посвященный первой части плана. Я обращусь ко всем провинциям с предложением. С одним — отказаться от независимого правления. Они могут стать доминионами империи.

— Простите, сир, — вставил Махони, — но зачем им соглашаться на это? Зачем отказываться от власти? Как вы сами меня учили, это противоречит природе почти всех живых существ.

— Конечно. Но есть еще морковка, которую я им предложу. И кнут. А прежде всего жадность. Будучи провинциями, они должны платить полную цену за поставки АМ-два. Строго ограниченные поставки. Как только они станут доминионами, цены будут существенно снижены, как и почти все основные налоги.

— А если они откажутся? Как будет осуществляться политика кнута?

Вечный император улыбнулся. Отвратительной улыбкой.

— О... для начала я увеличу на десять процентов налог на АМ-два для всех провинций. И уменьшу объем поставок. А это сразу приведет к тому, что рыночная цена на АМ-два увеличится вдвое, а то и больше.

Император негромко рассмеялся, а Махони стало не по себе.

— Ну, это для разминки. Я придумал еще несколько забавных способов вогнать им иголки под ногти. У меня есть долгий опыт создания новых правителей — но и свергать их я умею не хуже.

— Позвольте вернуться к моему исходному вопросу, сир. Какова моя роль во всем этом? — Махони не забыл о своем настоящем первом вопросе. — Как я могу вам помочь, сир?

— Я хочу, чтобы ты взял на себя провинции. Я хочу украсить твою широкую грудь новыми орденами — в качестве благодарности и для того, чтобы поднять твой престиж в глазах болванов, которых тебе предстоит посетить. А встретиться тебе придется с каждым крупным лидером провинций. Умаслить их. Очаровать своим знамени-

тым ирландским юмором. И при случае, если возникнет необходимость, заломить им руки за спину. При этом ты должен быть жестким, Ян. Ты можешь обещать им все, что угодно, тем не менее они должны знать, что в руках ты держишь кнут.

— Это для меня высочайшая честь, сир,— быстро ответил Махони,— но я совсем не подхожу для подобной роли. Я вынужден отказать. Это назначение не в ваших интересах... сир.

Император повернул свое холодное лицо.

— Почему, Ян? — Пустые глаза бессмысленно уставились куда-то за спину собеседника.

— Я считаю, что это кошмарная идея, сир,— выпалил Махони.— Вы просили меня всегда быть с вами честным. И я говорил правду. Поэтому... Ситуация обстоит именно так, сир. Я не хочу соглашаться на эту работу, сир, поскольку не верю в нее.

— А во что ты, собственно, не веришь? Это план, а не... религия.

— Прежде всего, сир, мне кажется, кнут нам понадобится куда в большей степени, чем морковка. В большинстве случаев нам придется силой навязывать статус доминионов, сэр. Нас возненавидят. Из чего следует, что ваши приказы будут исполняться неохотно — в лучшем случае. Что неизбежно приведет к неудачам. Таково, сир, мое скромное мнение.

Кроме того, Махони всегда считал, что система, жестко управляемая сверху, обречена. Если человек, находящийся внизу, не может одержать победу, зачем ему вообще рисковать? Схема «пусть большой человек думает сам» быстро становится привычной. Его демократическая ирландская душа восставала против диктатуры.

С точки зрения Махони, необходимо предоставить каждому существу самому решать свою судьбу. Именно это больше всего и нравилось ему раньше в империи. Конечно, периодически возникали серьезные проблемы, но главное, у каждого была возможность выбора. Всегда находилось место как для гениев, так и для дураков.

Теперь Махони начал сомневаться в верности своих прежних оценок. Действительно ли у них был выбор?

— В обычное время я бы согласился с тобой, Ян,— промолвил император.— Я могу привести множество примеров из истории.

— Прежде всего я вспоминаю национализацию британской короной Восточно-Индийской компании, сир. Один из ваших любимых примеров, сир. В качестве урока неудачной централизации власти.

Император рассмеялся. Махони показалось, что в этом смехе было что-то от прежнего императора, и почувствовал себя немного лучше.

— Давай, Ян, используй против меня мои же собственные высказывания! Совсем немногие осмелились бы на это... Подобные разговоры заставляют кровь быстрее бежать по жилам, не дают ей застаиваться.

Властитель склонился над столом и слегка понизил голос:

— Должен сказать тебе, Ян, что типы, окружающие меня, в подавляющем большинстве некомпетентны. Я часто вспоминаю прежние времена. Когда ты, я и еще несколько толковых ребят — таких, как Стэн, — заставляли империю двигаться вперед. Это было здорово.

Император откинулся на спинку кресла и взял свой стакан с виски. Лицо его вновь стало холодным.

— К несчастью... теперь это исключено. Я говорю не только о текущем кризисе. Проблемы становятся слишком серьезными и запутанными. Управлять, достигая каждый раз полного консенсуса, возможно, только когда имеешь дело с небольшим племенем. Двадцать или тридцать существ максимум. Как только это число увеличивается, эффективность системы резко падает. Пришло время нового порядка, мой друг. Универсального порядка. Требуется новое мышление.

Махони не сумел удержаться.

— Я не уверен, что правление, которое во все времена называлось просвещенной монархией, соответствует определению «нового мышления», сир.

Император покачал головой.

— Ты прав, но в то же время и ошибаешься, Ян. Ты забываешь, что я... бессмертен.

Он остановил взгляд на Махони.

— Я считаю, будет правильно, если один мудрый правитель станет руководить империей до конца времен. — Глаза императора вдруг впились в Махони. — Теперь ты видишь, что я прав, Ян? После моих объяснений? Ты оценил великолепие моего плана?

Загудел коммуникатор. Махони был временно избавлен от необходимости немедленно отвечать на поставленные вопросы. Затем, когда император начал разговаривать по коммуникатору, оказалось, что ему вовсе не потребуется отвечать. Махони спасла ужасная новость.

Император резко отдал несколько приказов и сердито отключил коммуникатор. Потом повернулся к Махони.

— В созвездии Алтай произошла катастрофа, Ян. Я хочу сказать, что императорские войска погибли при самых унижительных обстоятельствах.

Властитель отвернулся к окну и посмотрел на идиллический пейзаж. Долго молчал, о чем-то раздумывая. Наконец повернулся к Махони.

— Забудь о предыдущем предложении, Махони, — сказал он. — Мы продолжим наш прерванный спор потом. Сейчас у меня есть для тебя более срочное поручение.

— Да, сир, — ответил Махони.

На этот раз он знал, что возможности отказаться у него не будет.

Три долгих мрачных дня ушло на то, чтобы раскопать разрушенные бараки гвардии. Когда вместе с гравитолетом взорвалась огромная бомба, здесь находилось пятьсот восемьдесят солдат.

Четыреста тридцать семь погибли. Сто двадцать один человек получили ранения, причем в большинстве случаев повреждения были столь серьезными, что врачи посольства сомневались в том, что ампутированные органы удастся регенерировать. Двадцать три солдата не пострадали — физически.

Сначала их было двадцать шесть. Трех вытащили из-под развалин без видимых повреждений. Один из них встал, усмехнулся и сказал:

— Спасибо, кретины. Ну, кто мне нальет? — сделал пять шагов и упал замертво.

Остальные тихо умерли в своих постелях. Двадцать три солдата, естественно, получили психические травмы. Никто не знал — по крайней мере, на эту тему не было никаких сообщений, — сколько джохианцев погибло во время взрыва.

Однако прошло целых три дня, прежде чем стихли крики раненых и умирающих.

Этот батальон третьего полка гвардии перестал существовать.

Около тела Джерети Ото обнаружил флаг батальона и приказал упаковать его для отправки на Прайм-Уорлд. Возможно, через некоторое время батальон будет восстановлен. А может быть, он навсегда закончил свое существование.

Раненые гвардейцы — те, кто находился не в бараках в момент взрыва, — были доставлены на борт «Победы» и эвакуированы.

Стэн назначил Масона руководить спасательной операцией, хотя и сам все свободное время вытаскивал из-под обломков солдат империи. После этого он приказал Масону доставить раненых на Прайм-Уорлд. Одновременно он послал на Прайм копию своего приказа, хотя ему было совершенно все равно, встретят ли его действия императорское одобрение. И был немного удивлен, когда это одобрение получил — вместе с коротким закодированным сообщением о том, что император немедленно высылает подкрепление.

В следующем известии с Прайма сообщалось о присвоении медалей. Их получили гурки и бхоры, о которых сообщил Стэн. Остальные были присвоены полковнику Джерети и офицерам, имевшим высшие чины в третьем гвардейском полку. Если бы эти офицеры остались в живых, их, естественно, разжаловали и расстреляли бы за преступную некомпетентность.

Стэн, Килгур и МASON тоже получили награды. Только для них эти медали были бессмысленными железками, которые нужно засунуть в ящик стола и забыть. Потому что несчастье, происшедшее на

Джохи, необходимо как следует изучить и извлечь из него уроки. Впрочем, предаваться философским размышлениям у Стэна не было времени, возникли новые проблемы.

Взрыв, уничтоживший батальон гвардейцев, послужил катализатором — жители Джохи словно посходили с ума. Неожиданно империя превратилась во врага созвездия Алтай. Ей следовало преподать урок. Потому что империя не должна вмешиваться в чужие дела.

Стэна восхитила — немного — организация этой кампании. До определенной степени она на самом деле возникла спонтанно — крестьян не нужно было подталкивать для того, чтобы они организовали очередную бойню, однако Стэну было ясно, что все тщательно отрепетировано.

Сначала он просто удивился и принялся посылать доктору Искре и его марионеточному правительству сформулированные по всем правилам официальные протесты. Собирал его ответы, изо всех сил сражался с репортерами, поддерживал жизнь в посольстве и делал все, чтобы сохранить свой персонал.

Стэн немедленно объявил, что Джохи представляет для империи угрозу, и проинформировал все имперские миры о том, что посещать созвездие Алтай опасно. Он настоял на том, чтобы на Прайме требовали оформления визы для каждого, кто захочет отправиться в это созвездие. Затем послал отряды вооруженных гурков и бхоров с приказом разыскать всех граждан империи и доставить их в посольство.

Большинство этих граждан — благодарение богу! — являлись профессиональными бизнесменами, великолепно чувствовали приближение опасности и умели вовремя убраться с дороги. Однако были и исключения: пожилая пара, решившая посетить ту часть галактики, где они еще не бывали; молодожены, которые, по всей вероятности, выбрали Джохи, прочитав какой-то древний туристический проспект... Стэн спас пожилую пару. И не успел вовремя добраться до молодоженов.

А вскоре и само посольство оказалось в осаде.

Сначала возле него начали собираться небольшие группы джохианцев, и любой человек или транспортное средство, пытавшееся войти в посольство или покинуть его, забрасывались камнями.

Стэн проконсультировался с Килгуром.

— Да,— согласился Алекс,— ситуация явно ухудшается.

— В таком случае давай покажем им, что такое настоящая драка.

— Есть, босс.

И Килгур принялся за работу — он готовил ответ. Теперь он мог справиться с этой задачей без особых проблем. Уже не в первый раз они со Стэном попадали в осаду «толпы гражданских лиц» на «миролюбивой планете» и разработали весьма эффективное средство борьбы с этой проблемой.

Толпа становилась все больше. В здание посольства вместо камней летели зажигательные бомбы и самодельные гранаты.

По словам одной из помощниц доктора Искры, которую звали Дж'Дин, эти люди выражали справедливый гнев Джохи. Стэн не стал тратить время на вопрос о причинах этого гнева. Дж'Дин сказала ему, что доктор Искра, который в данный момент очень занят, с удовольствием пошлет войска, чтобы очистить площадь возле посольства, если Стэн его об этом попросит.

«Конечно,— подумал Стэн.— Еще одно массовое убийство, которое будет вменено мне в вину,— разговор-то записывается».

— Нет,— вежливо отказался он.— Империя ни за что не согласится причинить вред ни в чем не повинным джохианцам, которые пришли выразить свои политические взгляды. Ведь это их право.

Стэн отключил коммуникатор. Он был уверен, что даже специалисты доктора Искры не смогут переделать это заявление так, что его можно будет трактовать в качестве просьбы о массовом убийстве.

Теперь за дело взялись снайперы. Стреляли люди, которые прошли некоторую подготовку. Один из секретарей посольства был ранен в ногу, девушка-клерк временно потеряла зрение, когда ей в лицо посыпалась пыль от стены, в которую попала шрапнель.

Это уже слишком, решил Стэн и приказал всему персоналу посольства держаться подальше от окон и не выходить во двор.

Естественно, следующим этапом будет прямое нападение.

Стэн отослал всех гражданских лиц в обширные подвалы под зданием. А тех, кто имел хотя бы минимальный военный опыт, расставил в стратегических точках у входов в посольство.

Бхоры были заняты выполнением приказов Килгура. Внешне эти чудовищные существа походили на варваров-убийц — собственно говоря, они ими и являлись,— но, кроме того, бхоры были умелыми торговцами и пилотами. Из чего следовало, что каждый из них (это передавалось на генетическом уровне) был отличным механиком. Любой умел, к примеру, паять, в том числе и радиоактивные материалы, иногда пользуясь чисто символической защитой. Или восстановить двигатель, которого они раньше и в глаза не видели, с минимальным количеством инструментов и времени на разгадку головоломки.

В посольстве имелось два старых бронированных вездехода, предназначенных для борьбы с демонстрантами. Алекс приказал снять с них пушки, взамен которых бхоры установили устройства его собственного изобретения. Четыре посольских гравитолета, включая роскошную машину для торжественных выездов, унаследованную Стэном от предшественника, были переделаны, снабжены самодельной броней и специальным вооружением — еще одним изобретением Килгура.

Четыре гравитолета для перевозки гурков тоже модифицировали: к их носам припаяли массивные клинообразные железные тараны. Эту четверку гравитолетов поставили неподалеку от главных ворот посольства.

Стэн и Алекс собирали мины, которые потом устанавливались вдоль внешних стен.

Этой ночью Лалбахадур Тапа, которого Стэн назначил джемеда-ром, взял два немодифицированных гравитолета и взвод гурков и, выбравшись через боковые ворота, осуществил налет на центральный склад. Он вернулся, не потеряв ни одного из своих людей и выполнив задание, хотя и сказал Стэну, что никогда еще не видел такого громадного склада, где хранилось бы так мало товаров.

— Как могут джохианцы тратить столько времени на то, чтобы убивать своих соседей, и при этом почти не заботиться о пище и крове над головой?

Стэн не знал, что ответить на этот вопрос.

Килгур выпросил себе двенадцать солдат посольской службы безопасности для выполнения особого задания. Они получают ворованное оружие и будут называться — очередное проявление старомодного чувства юмора, присущего Килгуру, — «отряды Боевых Котов».

К восходу солнца посольство было готово. Стэн не сомневался, что атака начнется где-нибудь между полуднем и наступлением сумерек — нужно время, чтобы организовать, раздражить, взбудоражить и направить любую толпу.

Гурки и бхоры были приведены в состояние боевой готовности на случай, если толпе удастся прорваться в ворота или кому-нибудь вздумается перелезть через стены. Оставалось решить две задачи.

Алекс взял на себя решение первой. Он проверил систему безопасности посольства, сосредоточив внимание на строениях, расположенных вне посольской территории, которые могли быть использованы в качестве командных пунктов. Таких зданий оказалось два — одно совсем новое, построенное для офисов, а другое торчало среди полупустых и развалившихся высоких домов-трущоб. На крыше каждого виднелась новенькая коммуникационная антенна.

Килгур решил, что нужно уделить этим двум домам самое пристальное внимание.

Синд собрала самых лучших стрелков во дворе и установила цели. Расстояние до мишеней было, конечно, совсем небольшим — Синд хотела, чтобы снайперы просто убедились в том, что прицелы их ружей в порядке. Она радовалась, что они будут стрелять АМ-2, поскольку, когда имеешь дело с огнестрельным оружием, нужно рассчитывать в сантиметрах, с какого расстояния можно попасть в цель. В общем, никакой такой древней чепухи. АМ-2 направлялся прямо в цель, не отклоняясь ни на миллиметр от траектории.

Защитники посольства пользовались имперскими снайперскими ружьями. Эти смертельно опасные устройства являлись модифицированными виллиганами, стреляющими АМ-2. Однако на них не было лазеров, как на обычных пехотных ружьях. Вместо них вдоль дула устанавливались модифицированные линейные ускорители. Прицел, почти не отличающийся от стандартного, мгновенно определял расстояние до цели. Если же цель исчезала из виду — пряталась за стеной, например, — перекрестие прицела перемещалось до тех пор, пока не останавливалось на том месте на стене, за которым должна была находиться предполагаемая жертва. Стоило нажать на спусковой крючок, и оружие стреляло за угол.

У Синд была собственная, специально для нее переделанная снайперская винтовка, оснащенная всеми мыслимыми и немыслимыми приспособлениями для ведения точной стрельбы. Один из гурков, Найк Ганджабахадур Рай, должен был корректировать ее стрельбу.

Стэн надеялся, что треск ружейного огня из-за стен посольства поубавит энтузиазм толпы, но не слишком на это рассчитывал.

Они ждали.

Шум снаружи все нарастал. В ход пошли камни, бутылки; люди и инопланетяне начали скандировать оскорбительные лозунги. К полудню Стэн почувствовал, что толпа достаточно разбушевалась. Им потребовалось так много времени, потому что день выдался холодный, с дождем и сильным ветром — не самая лучшая погода для нападения на официальные здания.

Снайперы Синд устроились на крыше. Этажом ниже разместился Алекс с бхорами и двумя противовоздушными установками. Стекла из окон пришлось вынуть.

Все переговоры со своими войсками Стэн собирался вести в очень узкой полосе частот. Учитывая, какими опытными и надежными солдатами были гурки и бхоры, ему не приходилось особенно беспокоиться о связи — нескольких коротких команд будет достаточно, чтобы его поняли.

— Всем отделениям, всем войскам, — начал Стэн. — Переговоры вести только в этой полосе частот. Командиры отрядов, проверьте связь и доложите. Конец связи.

Он вел передачу открытым текстом — они не успели приготовить коды. Впрочем, в этом не было особой необходимости. Если тот, кто стоит за «спонтанной демонстрацией», хочет послушать их переговоры, что же, пожалуйста, Стэна это вполне устраивает.

Связь функционировала отлично, только одному из командиров пришлось сменить свой коммуникатор. Наверное, пройдет немало столетий, прежде чем кто-нибудь сумеет создать такое радио для пехоты, которое будет надежно работать не только рядом с заводом-изготовителем.

Стэн переместил треногу с мощным биноклем поближе к окну, решив, что пришло время проверить улицы, примыкающие к посольству.

Вопли. Развевающиеся знамена. Рев клаксонов. Скрежет тормозов. Баррикады на боковых улицах. Негромкие хлопки отдельных выстрелов. Посольство окружала ревушая толпа безумцев.

«Где-то я уже слышал подобный рев», — подумал Стэн, но тут же переключился на текущие проблемы.

— Довольно большая толпа. Почти... сейчас прикинем... да, пожалуй, не меньше ста тысяч.

— Откуда ты знаешь, что их здесь так много? — спросила Синд, устроившаяся в двух метрах от него.

— Плевое дело, — ответил он. — Я просто сосчитал их ноги, а потом разделил на два. Подожди, Синд... Цели. Альфа тринадцать-тридцать. Пятьсот метров. Bravo. Пятнадцать сотен. Четыреста — поправка, триста семьдесят пять. Чарли шестнадцать-сто, четыреста. Еще одна — дельта. Девятьсот, шестьсот метров. Похожа на большой лимбургер. Отвечайте. Стэн. Конец связи.

Он использовал локатор, который покрывал километр с лишним открытого пространства между бульваром и посольством.

Корректировщики огня немедленно ответили. Все цели, о которых упоминал Стэн, находились под прикрытием толпы. Стэна интересовали люди, которые держались немного в стороне, но явно руководили происходящими событиями.

Рев толпы все нарастал. «Так, — подумал Стэн, — если эти ораторы всего лишь самые обычные возмущенные граждане, которых заставляет страдать несправедливость, они должны будут перебраться в переднюю часть толпы».

Однако они продолжали оставаться на своих местах.

Значит, это профессиональные организаторы беспорядков. Как только начнут летать пули, они немедленно постараются убраться подальше отсюда.

— Алекс.

— Да, приятель.

— Когда ты разберешься со своей парой, мы позаботимся об остальных пустомелях.

— Есть, шкипер. Тебя интересует дополнительная разведывательная информация?

— Нет... да.

— Я прихватил с собой тик-такер. Тот, что присоединен к нашей маленькой игрушке, помнишь?

Стэн подумал... ага! Алекс имел в виду приемник, который принимал сигналы с «жучка», спрятанного в маленьком роскошном пи-столете из тайного арсенала, найденного ими ранее.

— Понял. Давай.

— Как я и говорил. Он у этого паршивого Камемберта.

Что ж, «толпа» была создана, а теперь ее умело направляли вперед. И тот, кто задумал операцию, не брезговал и мелким терроризмом. Теперь Стэн был готов поверить, хотя он и не располагал никакими доказательствами, что этот человек вполне мог послать самоубийцу, готового уничтожить почти пятьсот имперских гвардейцев.

— Постарайся не упустить его, Алекс.

— Я так и думал, что ты меня об этом попросишь, босс. Надеюсь, ты помнишь, что за тобой маленький должок. Буду следить за ним с центрального пульта. Алекс. Конец связи.

— Синд? — Стэн прикрыл рукой свой микрофон.

— Да, я слышу тебя. — Она говорила в открытый микрофон связи со своими снайперами.

— Для снайперов шестого отделения. Дельта является негативной целью. Повторяю, Дельта — негативная цель. Конец связи.

Эта цель — существо, которое Стэн заметил в самой дальней части толпы и которое, как ему показалось, командовало толпой, а кроме того, являлось обладателем помеченного пистолета. Ему очень хотелось нанести удар по Дельте, но он решил, что сделает это позже.

— Вон они идут!

— Неизвестное соединение! Назовитесь!

— Извините. Главный центральный.

Стэн перевел бинокль. Огромная толпа направлялась к главной дороге.

Стэн отдал приказ.

Отравляющий газ раздражающего действия начал с шипением вырываться из специальных установок на стенах. Очень тонкая струя с содержанием газа один к десяти. Он был окрашен в желтый цвет и прилипал к каждому, на кого попадал. Это на случай, если Стэну или еще кому-нибудь понадобится идентифицировать участников беспорядков, поскольку такую краску не сразу смоешь. Газ был всего лишь раздражителем, но он должен показать всем, что могут произойти гораздо более серьезные вещи.

Первая волна отшатнулась, а потом окрашенные в желтый цвет хулиганы бросились вперед. На этот раз они размахивали ножами, самодельными копьями и зажигательными бомбами.

Стэн прикоснулся к кнопкам на панели управления, и тут же взорвались их с Алексом бомбы. На самом деле это были не бомбы, а что-то вроде леек, работавших под давлением. Внешне они походили на урны, тумбы уличных фонарей и любые другие предметы, на которые никто не обращает внимания. Каждая бомба содержала по крайней мере двадцать литров вещества, использующегося для смазки.

Передвигаться по скользким тротуарам вокруг посольства стало очень затруднительно.

А потом нанес свой удар отряд Боевых Котов, выскочивших из открывшихся и тут же захлопнувшихся за их спинами дверей посольства.

Отряд состоял из групп по два человека: один с виллиганом и приказом использовать его только в случае крайней необходимости, а другой с большим рюкзаком, набитым тем, что гурки забрали на складе. Шарикоподшипники. Очень много шарикоподшипников — их разбрасывали горстями.

Мышеловка из шарикоподшипников.

Боевые Коты.

Теперь нападающим стало гораздо труднее размахивать руками, выкрикивать оскорбления и бросать камни, не оказавшись при этом прямо на асфальте.

Толпа остановилась. Возмутители спокойствия, находившиеся в первых рядах, были явно озадачены происходящим, а оставшиеся позади ужасно хотели выяснить, что же все-таки происходит — может быть, грабеж уже начался.

Снова открылись двери посольства, из них появились две специализированные машины для борьбы с демонстрантами, к ним Стэн добавил еще четыре, которые они немного переделали. Гравитолеты поднялись в воздух и открыли огонь.

Водой.

Под небольшим давлением. Меньшим, чем при тушении пожаров.

Первые несколько рядов толпы неожиданно решили, что пришло время отправляться по домам. На улице стало слишком холодно.

Стэн решил их немножко взбодрить — из посольства вылетела вторая группа гравитолетов. Раздались отчаянные вопли, люди начали метаться, стараясь избежать вращающихся лопастей, прежде чем сообразили, что атакующие гравитолеты находятся на высоте трех метров над землей.

Эта группа летательных аппаратов не рассматривалась как оружие — они мчались в сторону баррикад, выстроенных на боковых улицах. Гравитолеты ударили в них, баррикады затрещали, во все стороны посыпался мусор. После второго удара боковые улицы опустели.

Гравитолеты развернулись и улетели обратно на территорию посольства. Никаких потерь. Стэн облегченно вздохнул — это была самая опасная часть его плана, здесь он мог потерять людей.

Толпа не знала, что делать.

Удар по баррикадам был актом доброй воли со стороны Стэна: тем самым он обеспечивал хулиганам путь к отступлению... после

реализации следующей части его плана. Стэн хотел, чтобы люди и инопланетяне благополучно вернулись в свои дома.

— Пора!

Теперь появились жертвы.

Пальцы бхоров коснулись переключателей, и снаряды вылетели из двух орудий. Расчет был безошибочным. Один снаряд попал в верхний этаж полуразвалившегося небоскреба, другой угодил в мансарду, построенную на крыше противоположного здания.

Те, кто не собирался подвергаться реальной физической опасности, имели считанные секунды, чтобы спастись: прочертив две длинные огненные линии, оба снаряда почти сразу же взорвались.

Пошла первая взрывная волна... пальцы бхоров снова коснулись переключателей.

Ораторы в толпе смолкли еще до того, как увидели, что из логова их руководителей повалил густой дым.

Толпа замерла на месте.

И в этот момент ворота посольства распахнулись.

Проклятия, угрозы и вопли разом стихли. Наступила полная тишина.

Потом послышался громкий хруст мусора под тяжелыми сапогами.

Стэн в сопровождении двадцати гурков вышел из ворот посольства. Все они были вооружены кукри — полуметровыми изогнутыми кинжалами, которые держали наготове, под углом в сорок пять градусов к груди.

Гурки сделали десять шагов и без приказа остановились.

Следом вышли десять бхоров, вооруженных виллиганами, чтобы прикрыть своих коллег с тыла. Они тоже остановились, лихо шелкнув каблуками своих сапог.

Над толпой пронесся негромкий шепот. Потому что это были убийцы — маленькие темнокожие воины не брали пленных. Про них ходили слухи один страшней другого: гурки якобы поедали собственных детей, если те не проявляли должной прыти в сражениях. Теперь все грязные слухи, распущенные агитаторами Джохи про непальских воинов, сработали против их врагов. Эти гурки были еще более ужасными, чем истории, которые про них рассказывались, — там, где они проходили со своими длинными кинжалами, оставалась лишь кровь да молчание.

И снова, без всякого приказа, гурки сделали один шаг вперед. И остановились.

Потом еще один.

И еще.

Через пять шагов они окажутся возле горы мусора.

Толпа дрогнула. Еще несколько минут назад люди были готовы стереть посольство с лица Джохи, уничтожить всех его обитателей,

а теперь превратились в стадо напуганных до смерти баранов, в головах которых пульсировала одна мысль: как можно быстрее убратся отсюда.

С криками и воем они бросились прочь от ножей и страшных коричневых лиц гурков.

Стэн и его солдаты даже бровью не повели.

Потом Стэн едва заметно кивнул, и гурки все как один сделали поворот крутом. Тем же ровным шагом они вернулись обратно в посольство. Бхоры подождали, пока гурки войдут в ворота, затем быстро последовали за ними.

Ворота захлопнулись.

Стэн подошел к стене и, убедившись, что снаружи его невозможно увидеть, с облегчением привалился к ней. Момент был очень тяжелым.

Джемедар Лалбахадур Тапа строевым шагом подошел к нему, вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь.

Стэн отсалютовал в ответ.

— Очень хорошо.

— Нет, не очень. Любой сумел бы напугать этих овечек. Или детей. Погибшие солдаты имперской гвардии остались неотомщенными.

Стэн тоже помрачнел.

— Сегодня вечером, — пообещал он. — Сегодня или следующей ночью. И тогда это будут уже не детские игры, можешь не сомневаться.

В действительности прошло три ночи, прежде чем движущаяся точка, которая на экране соответствовала меченому пистолету, оставалась.

Приказ Стэна был устным и очень кратким.

Двадцать гурков. Добровольцы. Должны быть готовы к исполнению специального задания к 23.00. Только ручное оружие. Обычная форма.

В ответ на последний приказ Алекс поднял бровь: почему бы не использовать фототропические комбинезоны?

— Я хочу, чтобы потом никто не задавал вопросов, — коротко ответил Стэн. — Бойня будет учинена по моему приказу, месть тут совершенно ни при чем.

Как и следовало ожидать, вызвались все гурки до единого.

Восемь бхоров. Все пилоты высшей квалификации. Четыре гравитолета, снабженных стандартным вооружением.

Синд заявила, что весь ее отряд хочет пойти на дело. Во главе с ней самой, добавила она.

Стэн ничего не сказал о сути предстоящего задания. Очевидно, в этом не было необходимости.

Солдаты собрались к десяти часам вечера. Черные грозовые тучи быстро неслись по небу, скрывая четыре видимые джохианские луны.

На этот раз гурки не производили обычных приготовлений перед сражением. Они знали. Почему-то о предстоящей операции знало все посольство. Столовая и коридоры были пусты.

Стэн и Алекс зачернили лица, надели камуфляжные комбинезоны и проверили свое оружие. Стэн взял с собой кукри, нож и пистолет. Алекс прихватил легкий карабин, из которого мог стрелять одной рукой, и стальной прут длиной в метр, обмотанный с одной стороны клейкой лентой, чтобы не скользила рука.

Потом Алекс зашел в аппаратную, чтобы в последний раз проверить местонахождение цели — они принимали не только сигналы датчика, спрятанного в пистолете: четыре Фрика и Фрэка парили над целью, а еще восемь заняли удобные позиции на окружающих зданиях.

Гурки и восемь пилотов бхоров построились в ангаре посольства. Перед ними стояла Синд. Стэн отсалютовал своим солдатам и сказал, чтобы они приготовились к проверке. Гурки обнажили кукри. Ремешки шлемов под нижней губой — глаза устремлены в бесконечность.

Стэн прошел вдоль строя. Ради простой формальности проверил пару клинков. Они, естественно, были острыми как бритва. После этого он передал командование Синд, которая приказала зачехлить оружие и сомкнуть ряды. По лесенке к ним спускался Алекс с мрачной улыбкой на лице.

— Нас ждет пир, друзья. Они еще живы, о да, живы! Наши сенсоры засеки пятнадцать слетевшихся стервятников. У них намечается совещание или вечеринка — похоже, соберутся все.

Ответная улыбка Стэна была не менее холодной.

— Работаем группами по четыре человека. После приземления перемещаемся в зону цели. Ждать команды к атаке. Стрелять только в случае крайней необходимости. Никаких раненых. Пленных не брать.

Они вышли во двор, где ждали гравитолеты. Бхоры заняли места пилотов, гурки погрузились в первые два — остальные гравитолеты предназначались для врага — и полетели к месту встречи. Цель находилась всего в двадцати минутах полетного времени. Все молчали. Стэн, сидевший справа от пилота, всматривался в большую карту на экране — там пульсировала точка, соответствующая положению датчика, спрятанного в стволе пистолета.

Точка перестала двигаться два дня назад. Пистолет теперь находился в довольно большом особняке, стоящем на противоположном берегу реки, разделяющей Рурик на две части.

Штаб? Место встречи тайных агентов?

Стэна это мало интересовало. Он и Алекс перетряхнут весь дом — после.

Гравитолеты приземлились в нескольких сотнях метров от особняка.

Двое часовых охраняли подходы к дому. С ними разобрались быстро и бесшумно.

Алекс проверил главный вход на наличие сенсоров или сигнализации. Все было чисто.

Стэн выгасил свой кукри, и в тусклом свете луны сверкнули кинжалы гурков. Затем тучи скрыли луну, и свет погас.

Они вошли.

Работа заняла пятнадцать минут. Никто даже не успел пикнуть. Когда все было кончено, тела пятнадцати террористов и двух часовых сложили на лужайке. Синд обыскала тела, но ей не удалось найти почти ничего интересного.

Стэн и Алекс достали фонари из гравитолета и молниеносно обыскали особняк — они научились этому искусству, еще когда служили в отряде богомоллов. Им даже не требовалось разговаривать друг с другом.

Наконец Алекс нарушил молчание:

— Я кое-что нашел. Эти гады боготворили Искру. Посмотри на пропаганду: Джохи для джохианцев... Боюсь, нам не найти здесь серьезных улик.

— Согласен.

— Проклятье. Почему этот ублюдок не пришел сюда, чтобы дать новые указания своим бандитам? Тогда мы бы взяли его на месте.

— Такое случается только в кино.

— Знаю. Просто хочется иногда помечтать. Пошли, Стэн. Здесь нам больше нечего делать. Подождем этот притон?

— Да.

Гурки успели погрузить тела террористов в два пустых гравитолета. Стэн подождал, пока особняк загорится, а потом дал сигнал к отступлению.

К ногам семнадцати трупов будут привязаны грузы, после чего их сбросят где-нибудь далеко в море.

Терроризм всегда был обоюдоострым оружием. У доктора Искры возникнут серьезные проблемы, если он захочет нанять новых людей, чтобы заменить этих, бесследно исчезнувших в туманной ночи.

А потом убийцы ушли. Там, где они побывали, осталась лишь кровь и тишина.

Глава 31

Мало кто из историков стал бы спорить, что в период расцвета своего правления вечный император имел больше власти, чем любое живое существо до него.

Его почитатели — а их всегда было превеликое множество — писали, что, как правило, он старался не пользоваться своей всеобъемлющей властью. Циники утверждали, что ему удалось продержаться так долго потому, что император был идеальной третьей стороной для разрешения множества кровавых конфликтов.

Короче говоря, другого, более подходящего претендента на этот пост попросту не было.

Поэтому, когда император решил, что пришла пора взять в свои руки как можно больше власти, чтобы употребить ее против многочисленных врагов, задача оказалась весьма сложной. Как только его намерения станут известны, против него выступят как деспоты, так и демократы. Причем прежде всего постараются поставить под сомнение способность властителя управлять империей.

Триумфальное возвращение после смерти вызвало восторг у миллиардов подданных. Грандиозные парады и спектакли продолжались почти два года. Он стал героем, затмившим всех и вся.

Но парады должны были рано или поздно закончиться — и тогда за блестящим фасадом открывался весьма неприглядный вид. Возбуждение от победы сменилось обычными буднями. Более того, после таких грандиозных свершений все ждали от императора чуда. Обычные люди были разочарованы тем, что их проблемы так и остались нерешенными. Они нутром чувствовали, что их собственным лидерам на это ровным счетом наплевать. Социологи и историки старались обходить подобные вопросы молчанием. Именно по этой причине их наука всегда оставалась лживой. Историки не в ладах с правдой.

Чтобы преодолеть возникшие трудности, императору был необходим успех. В обычные времена он всегда мог растрюбить о какой-нибудь победе. Однако теперь вокруг были руины и страдания. Конечно же, развалины — следствие Таанской войны, а в страданиях народа виноват Тайный совет. Однако...

К несчастью, время шло, и с каждым днем становилось все труднее списывать все проблемы на старых, к тому же давно подошедших собак.

Императору был необходим некий позитивный результат.

Когда Хакан умер, он увидел подходящую возможность. Целое созвездие оказалось в труднейшем положении. Однако на самом деле ситуация была не такой уж безнадежной. Когда здесь будет наведен порядок, созвездие Алтай станет образцовой мини-империей: люди и инопланетяне живут в мире и согласии под надежным покровительством императора.

Поэтому он и выбрал доктора Искру. Его правление в качестве губернатора было несколько рутинным, но вполне удачным. Доктор Искра принимал взвешенные решения, и у него не возникало серьезных конфликтов. К нему хорошо относились в созвездии Алтай.

Когда его имя было внесено в список потенциальных правителей, никто не стал выступать против.

Все джохианцы называли его имя первым. Торки ставили Искру на второе место — после Мениндера. Точно так же относились к нему суздали и богази.

Искра казался самым надежным вариантом. Император сделал ставку на доктора, и во всей империи была развернута мощная рекламная кампания.

Стэна послали в созвездие Алтай не только из-за его замечательного умения превращать серную кислоту в горячий пунш, столь приятный в холодную погоду. Он был настолько известен, что само присутствие знаменитого Стэна придавало всему, что творилось в созвездии Алтай, новый блеск.

Появились серьезные аналитические статьи, в которых подробно обсуждались расовые проблемы на Алтае, указывалось на пропасть, разделяющую богази и торков, джохианцев и суздалей, — вина, естественно, падала на усопшего Хакана. Профессор Искра превозносился чуть ли не до небес. Часто упоминалась способность доктора Искры «залечивать раны».

Желтая пресса тоже внесла свою лепту. Искра изображался интеллектуалом с добрым сердцем, который поклялся вести спартанский образ жизни, чтобы служить примером для своих народов. Его странную диету провозгласили верхом совершенства и гарантией долгой здоровой жизни.

Кампания, развернутая вокруг доктора Искры, была такой шумной, что только глупец — причем глупец, ведущий жизнь отшельника, — мог не понять, что от успеха на Алтае зависит престиж императора. Поэтому когда в бараках имперской гвардии на Рурике разорвалась бомба, были уничтожены не только четыреста с лишним гвардейцев — под угрозой оказались грандиозные планы властителя.

Конечно, в запасе оставался большой пес — Махони, но его еще рано спускать с поводка. Сначала нужно подготовить почву.

Императору требовалось время для перегруппировки сил.

Он действовал без промедления. Всем средствам массовой информации заткнули рот.

Ранетт была старомодным репортером — ей нравилось работать на себя. Кроме того, она прославилась своими репортажами с фронтов Таанской войны, которые она вела непосредственно с линии огня. Во время правления Тайного совета Ранетт старалась особенно не высываться. Однако не прекращала писать — для себя. Когда император вернулся, она напечатала целую серию статей, разоблачавших глупость и чудовищные преступления Тайного совета.

Последний ее репортаж как раз совпал с назначением доктора Искры правителем созвездия Алтай. Эту передачу видели миллиарды зрителей. Было бы циничным утверждать, что именно по этой причине император возжелал лично поблагодарить ее во время той последней передачи. Ранетт приняла поздравления в своей типичной манере. Как только передача закончилась, она сразу спросила императора:

— Ваше величество, что с этим клоуном, Искрой?

Улыбающееся лицо императора мгновенно превратилось в маску. Он сделал вид, что не слышит вопроса. Его внимание переключилось на важнейшие государственные дела. Прежде чем Ранетт успела повторить свой вопрос, император уже вышел из студии.

Тогда Ранетт решила получить ответ самостоятельно. Ее издателью это совсем не понравилось.

— У меня уже из ушей лезут истории про созвездие Алтай и доктора Искру, Ранетт. Кому они нужны? Кроме того, хорошие новости не дают популярных видеорепортажей.

— А я не думаю, что там будут только хорошие новости,— ответила Ранетт.— Иначе я бы и не взялась за это.

— Да ну, сплошное дерьмо, Ранетт. Все, что происходит на Алтае,— хорошая новость. Они так долго бедствовали, что любые перемены только к лучшему. Нет, сейчас тебе нужно найти какую-нибудь подходящую маленькую войну. И чтобы побольше крови.

— Если я отправлюсь на Алтай,— заявила Ранетт,— то найду там моря крови.

— У тебя есть какие-нибудь факты или только репортерский инстинкт?

Ранетт молча посмотрела на своего издателя. Потом пожала плечами, словно хотела сказать: у меня есть только инстинкт, но разве этого мало? Издатель посмотрел на нее. Его молчание тоже было весьма красноречивым. Так они всегда сражались друг с другом. Потом он поднял бровь, словно спрашивая: ты на самом деле уверена? Ранетт снова пожала плечами.

Издатель вздохнул.

— Что ж, черт возьми, твоя взяла. Давай, мотай на свой Алтай.

Ранетт решила особенно не афишировать свое присутствие. Она заказала билет на грузовой корабль, отправляющийся в интересующее ее созвездие. О предстоящем путешествии знали только издатель, клерк, который выдавал ей деньги на расходы, и капитан грузового звездолета, надежный старый пьяница.

Ранетт принадлежала к той редкой категории людей, которые всегда оказываются в нужном месте в нужное время.

«Мне просто повезло, что я там оказалась»,— часто говорила она своим коллегам в баре клуба.

Ей никогда никто не верил. Считалось, что своим успехом она обязана «вранью, взяткам и хорошеньким ножкам». Однако Ранетт никогда не лгала, она скорее отказалась бы от хорошего репортажа, чем стала бы расцвечивать его ложью. Да и внешне она была самой непримечательной молодой женщиной.

Когда их корабль находился в двух днях пути от созвездия Алтай, Ранетт снова улыбнулась удача. Пришло известие о трагедии на Рурике. Слушая противоречивые сообщения по корабельному коммуникатору, Ранетт только посмеивалась. Она, несомненно, будет единственным репортером большого калибра, вовремя поспевшим на место происшествия.

Ранетт заперлась в своей каюте, чтобы с удвоенной энергией приняться за изучение грязной истории маленького созвездия.

За восемнадцать часов до прибытия на Джохи капитан протрезвел и постучался в дверь каюты Ранетт.

— У меня для вас плохая новость, леди, — смущенно проговорил он, когда журналистка впустила его. — Мы возвращаемся.

Ранетт посмотрела на него своим знаменитым взглядом — в такой ситуации и у куда более стойких людей начинали дрожать колени.

— Объяснитесь, пожалуйста.

Капитан покачал головой.

— Не могу. Мой босс ничего не сказал. Просто велел не доставлять груз на Джохи, и все. И немедленно возвращаться в Соуард.

— Что ж, черт с ним, с грузом, — проворчала Ранетт. — Вы все равно высадите меня на Джохи.

— Это невозможно. Извините.

— Я заплачу еще. Вдвойне. Проклятье! Я зафрахтую весь твой дурацкий корабль!

Капитан вздохнул. Его душа коммерсанта истекала кровью.

— Я получил категорический приказ ни при каких обстоятельствах не садиться на Джохи.

Ранетт вскочила на ноги.

— Твой босс заключил контракт с моей компанией! И вы должны выполнить его, до конца!

Она приперла капитана к стенке.

— Немедленно соедини меня с твоим паршивым боссом. Слышишь?

Капитан слышал.

Она начала с босса и довольно быстро добралась до президента компании, растерев по дороге в порошок нескольких исполнительных директоров.

Ничего не получилось.

Когда грузовой корабль развернулся и отправился в обратный путь, Ранетт удалось узнать две вещи: компания по перевозке грузов

была расстроена не меньше, чем сама Ранетт, — на корабле находилась довольно дорогой груз; приказ исходил извне.

Значит, в дело вмешались политики.

Значит, они не хотят, чтобы она оказалась там.

Какая-то очень важная персона не желает, чтобы Ранетт попала на Джохи.

И она ничего не может с этим поделать.

Ее издатель был ужасно сердит.

— Никто, конечно, в этом не признается, но мне очевидно, что без вмешательства императора здесь не обошлось, — возмущался он. — Я использовал все свои связи — ниточка тянется в Арундель. Все на- смерть перепуганы.

— Как они могли узнать, что я направилась на Джохи? — спросила Ранетт.

— Шпионы, «жучки». Как еще? Сейчас я приказал, чтобы наши силы безопасности прочесали мой офис.

— А что делают конкуренты? — поинтересовалась Ранетт.

— Это единственная хорошая новость, — ответил издатель. — Дело тут не только в нас. Начиная с этого момента никто из журналистов не получит аккредитацию на Джохи.

Однако новости из созвездия Алтай все-таки просачивались и приводили императора в ярость.

«СЧЕТ ЖЕРТВ БОМБАРДИРОВКИ КАЗАРМЫ РАСТЕТ», — вещала с экранов телевизоров одна из станций.

«ПОЗОР СОЗВЕЗДИЮ АЛТАЙ», — говорил диктор второй станции.

И было еще много других: «СЕМЬИ ГВАРДЕЙЦЕВ ПОТЯСАНЫ»... «ТРАГЕДИЯ НА РУРИКЕ»... Наиболее вдумчивые видеожурналисты передавали: «ВОЛНЕНИЯ НА АЛТАЕ СВЯЗАНЫ С ДОКТОРОМ ИСКРОЙ. ВОЗНИКАЮТ СОМНЕНИЯ В ПРАВИЛЬНОСТИ ВЫБОРА ИМПЕРАТОРА».

— Когда я в следующий раз буду писать конституцию, — бесился император, — внесу туда закон о сохранении государственной тайны, и он будет иметь реальную силу. Я хочу, чтобы этот закон предусматривал тюремное заключение. Расстрел... Я просто мечтаю о рождении камеры пыток, черт возьми!

Женщина с великолепной фигурой и глазами старого политика принялась аплодировать.

— Ну, с этим проблем не будет, — сказала Эври. — Последний опрос общественного мнения показывает, что большинство за вас, босс. Лишь десять процентов выступают за свободную прессу. Шестьдесят пять процентов уверены, что мы должны как следует поддаться под зад этим любителям падали. А остальные двадцать пять процен-

тов настолько глупы, что считают вечерние новости прямой передачей.

Ярость императора превратилась в рокошущий смех.

— Вот это-то мне и понравилось в тебе с самого начала, Эври,— сказал он.— Ты всегда смотришь в суть вопроса.

— Я оттачивала свое мастерство, гоняясь за скальпами на Дьюсабле, но докторскую степень получила, наблюдая за тем, как действуете вы, сир.— Эври с откровенным обожанием посмотрела на императора.— Я никогда не слышала о живом или мертвом политике, который мог бы проверить то, что регулярно удается вам.

Император скромно потупился.

— Я ничего нового не придумал. Просто украл парочку идей из твоей докторской диссертации.— Он ухмыльнулся волчьей усмешкой.— Конечно, я внес кое-какие изменения в правила игры.

— Это уж точно, черт возьми, сир.

— Да оставь ты этих «сиров»,— проворчал император.— Когда мы с тобой вдвоем, конечно. Если речь идет о политике, бессмысленно вспоминать об уважении.

Император встретил Эври во время своего долгого возвращения к имперской короне. Ему было необходимо победить на выборах на Дьюсабле, а Эври поддерживала превосходного кандидата — пустоголового хорошенького парнишку, который мог сидеть, кланяться и голосовать, как симпатичная дрессированная собачка.

В то время императора привлекал лишь изворотливый ум Эври. Однако сейчас эта женщина, одетая в черный облегающий костюм, будила в нем новый интерес. Эври перехватила его взгляд и кокетливо улыбнулась, а потом откинулась на спинку своего кресла, чтобы он мог получше ее разглядеть. Император почувствовал желание. Но решил отложить решение этой проблемы на потом. Пусть она как следует созреет.

— А как идут дела в парламенте?

— Отлично,— ответила Эври, которая была явно разочарована. Впрочем, она тут же повеселела, принявшись за свою любимую игру: считать «за» и «против».— Тиран Уолш репетирует речь, которую мы для него сочинили. Безмозглый кретин не понимает в ней ни единого слова, но говорит весьма убедительно.

Уолш был тем самым хорошеньким мальчиком, которого Эври и император привели к победе на выборах на Дьюсабле. При этом ему удалось обойти одного из самых старых и грязных политиков империи.

Сейчас император пригласил Эври, чтобы ознакомить ее с планом превращения независимых имперских провинций в доминионы под его жестким правлением.

— Вот что я прикинула,— начала Эври.— Уолш своей речью открывает дебаты, как вы и предлагали. Набросает целую кучу красивых

слов, которые принято писать с большой буквы: долг, преданность, патриотизм...

Император кивнул.

— Отлично. Отлично. Значит, он произнесет большую речь, верно?

— Ведь вы именно этого хотели, — заметила Эври, — правда, мне кажется, вы слишком торопитесь. Я хочу сказать, что нам следует как можно дольше держать в секрете тот факт, что Уолш — всего лишь пешка в ваших руках.

Император захихикал.

— Конечно, тут ты права.

— Ну, по крайней мере, выгладеть все будет именно так, — продолжала Эври. — Мы хотим, чтобы на заседании парламента он объявил, что, как глава правительства, передает Дьюсабль в ваши руки.

— Ты хочешь сказать, что он добровольно согласится передать мне всю полноту власти?

— Ну, примерно, — ответила Эври. — Впрочем, в случае с Уолшем это не имеет никакого значения. Он уже и так весь с потрохами принадлежит вам. Однако кое-кто все-таки продолжает настаивать на самостоятельности. Им придется несладко.

Император понял, что она имела в виду.

— Что ты придумала?

— Бутерброд из героев. Если мы возьмем куски булки потолще, никто не заметит, что слой ветчины и сыра совсем тоненький. Они проголосуют и отправятся домой — и, только пролетев полпути, сообразят, что произошло.

— Продолжай, — велел император.

— Ну так вот. — Эври с силой стукнула кулаком по колену. — Тут мы напустим на себя страдальческий вид. Например: пришло письмо от симпатичной старушки, которая посылает свои последние деньги, чтобы помочь империи. А еще у меня есть несколько фильмов о голодающих детях. Отличные штучки — прямо мурашки бегают, когда их смотришь. Рыжие волосы, раздутые животы. Сердце кровью обливается.

— Кровь, пот и детская моча, — проговорил император, — очень надежные вещи.

— Естественно. Вы их победите одной левой. А дальше будет вот что: пока они будут проливать слезы над судьбой несчастных детей, я преподнесу им историю старого солдата.

— Очень интересно, — кивнул император. — Я и сам проголосовал бы на их месте — раз пять или шесть.

— Да уж конечно, — проговорила Эври. — Так вот... я раскопала одного вашего старого генерала. Он ушел в отставку больше тридцати лет назад. В голове у него больше дерьма, чем мозгов. Я привела

его в состояние помешательства на предмет «печалей империи». Он чуть не плакал, бедняжка. А потом с трудом поднялся на ноги — я поставила его на костыли — и призвал всех граждан империи объединиться. Просто потрясающе говорил о необходимости совместных усилий, о том, что наступили тяжелые времена и что никакая жертва не может быть чрезмерной... Это сработает как заклинание. Уж можете не сомневаться. Я вчера провела эксперимент. Плакали все. А самое главное, присутствующие облегчили свои карманы на значительные суммы. Подобного представления эти уроды в жизни не видели.

— И тогда Уолш сделает свое заявление? — спросил император.

— Да, именно в этот момент Уолш и сделает свое заявление.

— Отлично сработано, — похвалил император. — Но я хочу добавить еще одну проблему к тем, которыми ты занимаешься.

— Какую?

— Повышение налогов на АМ-два.

Эври кивнула.

— Да, хорошая идея. Со страху они в штаны наложат. А как вы хотите это сделать?

— Я хочу дать закону обратную силу. За все количество АМ-два со времени окончания Таанской войны.

— Это может перепугать их до полусмерти, — присвистнула Эври.

— Тут я бессилен. Тебе придется что-нибудь придумать.

Неожиданно глаза Эври загорелись.

— А если генерал в конце концов умрет?.. Прямо перед камерой его хватит удар. Тогда мы сможем раздуть кампанию под лозунгом: «Последняя воля умирающего». Он и так еле жив. Я думаю, наши техники сумеют все устроить.

— Не годится, — сказал император.

— Угу. Кто-нибудь обязательно пронюхает, от утечек информации не спастись.

— Это беспокоит меня меньше всего, — заявил император. — Просто его последние слова все испортят Уолшу, который должен стать героем дня.

Эври была способной ученицей.

— Вот что делает вас боссом, — сказала она. — Я что-нибудь придумаю. Не слишком сложное.

Разговор был закончен, но Эври снова бросила на императора призывный взгляд — томные глаза, расслабленное тело.

— По крайней мере, — хрипло произнесла она, — таков план.

— Я не возражаю, — согласился император. — Начиная действовать.

Теперь и он посмотрел на нее весьма откровенно, демонстративно разглядывая с ног до головы.

- Что-нибудь... еще? — спросила Эври.
- Император немного помолчал, а потом сказал:
- Возможно... позже.
- Я вам говорила о своей секретарше? — спросила Эври и облизнула губы. — Она ужасно... много мне помогает.
- Я должен ее поблагодарить, — сказал император.
- Хотите, я позову ее?
- Только мы — и больше никого, — тихо проговорил император.
- Конечно, больше никого. Только... мы трое.
- Позови, — велел император.

Глава 32

Пойндекс снова вывел на экран сообщение. С тех пор как он прочел его в предыдущий раз — ровно три минуты назад, — ничего не изменилось. Если бы оно поступило не от абсолютно надежного — насколько глава разведки в состоянии вообще кому-нибудь доверять — агента, Пойндекс решил бы, что кто-то пытается проверить его лояльность. Или доклад прибыл прямо из тех лет, когда у власти стоял Тайный совет.

Пойндекс дал себе слово тогда, на Земле, что будет вести себя хорошо и не станет рассылать агентов, чтобы те держали его в курсе того, что действительно происходит. И естественно, не смог удержаться. Ни один человек, имевший когда-либо дело с темной стороной жизни, не поверил бы, что общественности говорят правду.

В своем докладе агент сообщал, что кто-то финансирует культ императора. Причем речь идет о весьма солидных суммах. Как Кайс несколько лет назад. Этот кто-то являлся «анонимным благодетелем», установить личность которого было практически невозможно. Деньги поступали из разнообразных источников, а дальше след обрывался.

Пойндекс решил проверить культ просто так, чтобы посмотреть, происходит ли там что-нибудь интересное.

Через несколько минут он получил ответ на свой вопрос.

Происходило много чего интересного. Представители культа, занимавшие высокое положение, на которых автоматически были заведены досье еще в те времена, когда Пойндекс возглавлял корпус «Меркурий», неожиданно получили возможность реализовать свои мечты.

Неожиданно у Пойндекса волосы зашевелились на голове. Пальцы забегали по клавиатуре — он прекратил поиск. На лбу выступила испарина.

Пойндекс немного подумал, потом поморщился.

Возможно, он превратился в жалкого параноика. Однако все его существо охватило пронзительное чувство опасности — точно такое же, какое он испытал, когда извлекал бомбу из тела императора.

Он обрадовался, что запрограммировал компьютер на работу с кодами. Хороший специалист сможет получить информацию о том, что какие-то запросы делались. Но след приведет его к открытому библиотечному терминалу, расположенному на далекой пограничной планете.

Култ императора действовал — и весьма активно...

Пойндекс открыл потайную панель на боку клавиатуры, сдвинул два рычага вместе, сломал в процессе ноготь, но зато активировал программу «Отмена команды».

Только один человек мог манипулировать огромным количеством живых существ, словно они были марионетками на веревочках, только он один имел возможность отправлять деньги в адрес культа таким надежным способом — это Пойндекс прекрасно понимал.

Его компьютер моментально стер последнюю информацию, заменив ее стандартным набором данных, как это было принято в армии. Затем он автоматически стер всю информацию.

Сам вечный император...

Щелчок, и в компьютер введена третья и последняя программа, в которой не содержалось никаких данных о действиях Пойндекса в течение последней земной недели.

Интересно, какую пользу извлекает император из культа своего имени?

Пойндекс почувствовал себя в относительной безопасности.

Неужели император решил превратиться в бога? Только этого не хватало!

Пойндексу снова стало нехорошо, потому что он понял, что никогда больше не будет чувствовать себя спокойно, никогда не сможет ходить не оглядываясь. Он сделал опасное для собственной жизни открытие.

Сэр Эку, известный всей Вселенной дипломат, начал снижаться, чуть не рухнул на землю и страшно пожалел, что его народ не в состоянии оценить тот облегчающий душу эффект, который оказывает на нее непристойная брань.

Под ним лежала арктическая пустыня.

Справа из серой морской воды поднималась одинокая скала, а слева проплывал огромный айсберг. Повсюду преобладали ярко-голубые тона. Утомительно однообразный цвет.

Эку совсем не собирался судить этот мир, он просто считал, что так выглядел христианский ад, когда там переставал полыхать огонь.

Где-то внизу, на поверхности льда, двигалась крошечная точка. Сэр Эку сосредоточил все свое внимание на этой точке, и она превратилась в огромное, тучное морское существо, чья шкура и клыки прекрасно подходили для жизни в этом замороженном аду. Существо, вероятно, считало, что сейчас приятный весенний денек, подходящий для прогулок на свежем воздухе.

Неизвестное существо, расположившееся на глыбе льда, с первого взгляда казалось примитивным пожирателем рыбы, а на самом деле являлось самым мудрым философом своего мира. И поэтом.

Порыв пронзительного ветра подхватил сэра Эку, и он снова чуть не потерял контроль над своим полетом. Его трехметровый хвост отчаянно сражался с потоками воздуха, стараясь стабилизировать положение тела, а огромные белые крылья были сложены, чтобы уменьшить площадь. Маленькие подкрылки с красными кончиками трепетали на ветру. Эку был слишком стар и слишком себя уважал, чтобы заниматься подобной чепухой — летать в одиночестве, когда бушует полярная буря, словно ты желторотый юнец, только что познавший величие полета.

Он также считал, что все, имевшее отношение к затеянному им проекту, напоминало низкопробную мелодраму, столь обожаемую детьми и выжившими из ума старухами, — с героями и злодеями, которых ни с кем не перепутаешь. Одно Отважное Создание храбро сражается с Силами Зла... ну и тому подобное.

Не говоря уже о том, что сэр Эку на самом деле верил, и его печалила эта уверенность, что он — единственное во Вселенной существо, кому известно о существовании великого зла, которое грозит гибелью всему живому. Это абсурд, думал он, и гордился тем, что первым понял великую истину: правда — редкая штука, а свет гаснет, не успев разгореться. Все окрашено в разные тона серого. Нужно анализировать и интерпретировать события самым тщательным образом.

Возможно, у Рикор его ждут ее помощники, которые накачают манаби наркотиками и запрут в специальной комнате, где он проведет остаток жизни, рассказывая стенам истории о вечном императоре.

Возможно, именно поэтому, прежде чем отправиться самому, он послал собранный материал, который тщательно зашифровал хитроумным кодом, тем, что они использовали во времена Трибунала — когда члены Тайного совета предстали перед судом за совершенные преступления.

Сэр Эку попытался взять под контроль свои мысли. Впрочем, с таким же успехом он мог бы предаваться мечтам о том, чтобы ледяная буря стихла. Ни одному из этих желаний не суждено было сбыть-

ся. Он с горечью отметил, что его разум не желает подчиняться строгой дисциплине, в частности из-за страха. А страх — как раз то самое чувство, что мешает логическому анализу.

Сэр Эку неплохо послужил вечному императору и даже убедил свой народ отказаться от традиционного нейтралитета и встать на сторону империи во время Таанской войны, однако он ни на секунду не сомневался, что сделал бы с ним император, если бы ему стали известны мысли сэра Эку, его убеждения и та цель, с которой он пришел на этот мир.

Именно поэтому сэр Эку покинул свою родину, никому не сообщив, куда и с какой целью направляется, и добрался до родного мира Рикор на одном из независимых торговых судов. Их дружеские отношения тоже восходили к дням Трибунала и возникли благодаря человеку, который хотел, чтобы все имели возможность летать: Стэну.

Стэн заманил сэра Эку в ту давнишнюю историю с Трибуналом при помощи очень простого подарка: небольшого голографического изображения «воздушного цирка», где, скованные законами земного тяготения, люди рисковали жизнью, забираясь в воздушные машины с двумя крыльями, которые работали на двигателе внутреннего сгорания. Ни один уважающий себя археоптерикс даже не посмотрел бы в сторону такого аппарата.

Увидев эту чудесную вещь, сэр Эку удивленно спросил:

— Они что, действительно так поступали? Я никогда раньше не задумывался о том, что может чувствовать существо, прикованное к земле из-за неудачного сочетания генов. Мой бог, как же сильно они хотели летать!

— Живые существа готовы многим рискнуть ради свободы, — ответил ему тогда Стэн.

Интересно, как идут его дела в созвездии Алтай... Сэр Эку надеялся, что у Стэна все в порядке, однако подозревал ввиду отсутствия каких бы то ни было новостей из того региона, что и без того серьезное положение с каждым днем становится все хуже.

Он подумал о том, согласится ли Рикор с его совершенно безумным предложением сообщить Стэну о новом повороте событий. Интересно, как это сделать? В каком виде?

Сэр Эку рассердился сам на себя. Чем может помочь Стэн?

«Знаешь, приятель, ты становишься похожим на людей, которые, как только перед ними возникает неразрешимая на первый взгляд проблема, с дружными стенаниями воздевают к небу руки и отдаются во власть правителя в сияющей кольчуге — а тот, конечно же, оказывается тираном».

Именно из-за этого и возникла нынешняя ситуация.

Впрочем, поправился сэр Эку, не нужно забывать об АМ-2.

АМ-2. Это и есть камень преткновения. Если бы не существовало АМ-2, все в империи — ее достижения и преступления, естественно, — погибло бы.

«Именно АМ-2, — мрачно думал сэр Эку, — и помешает нам в конце концов найти разумный выход из положения».

Горизонт посветлел, и манаби увидел впереди остров. Остров был столь же мрачным и негостеприимным, как и весь этот мир, — острроверхие скалы, торчащие тут и там на усыпанных громадными камнями отмелях. Ледяная пустыня... Тем не менее белые усики-сенсоры подсказывали сэру Эку, что там, внизу, есть жизнь.

Тут и глаза подтвердили правильность ощущений: он заметил движение на «пляже» одного из каменистых островов. Несколько существ вроде того, что приветствовало его некоторое время тому назад, лежали на отполированных водой льдинах, напомнив сэру Эку людей, загорающих под тропическим солнцем.

Донесся оглушительный рев — одно из существ поднялось в полный рост на задних плавниках и протрубило что-то похожее на приветствие. Наверное, это Рикор.

Существо не очень уверенно проскакало несколько метров по земле и нырнуло в воду, где его тело, грациозно изогнувшись, ушло на глубину.

«Ну и как, — раздраженно подумал сэр Эку, — я должен расценивать ее поведение? Мне что, придется последовать за ней под воду?»

Черная скала скользнула в сторону, и манаби увидел вход в широкий туннель, который исчезал в одной из скал острова. Над скалой и вокруг было установлено множество антенн.

Сэр Эку бросился вперед, инстинктивно сложив подкрылки, несмотря на то что в туннеле спокойно мог поместиться звездный корабль среднего размера.

Это был дом Рикор — и ее офис.

Ян Махони часто сравнивал Рикор с веселым тюленем. Однако на самом деле сходство было только внешним — народ Рикор вследствие эволюции и свободного выбора стал водоплавающим. Впрочем, и внешнее сходство было не таким уж сильным, поскольку пятиметровая Рикор намного превосходила размерами любого самого огромного земного тюленя. Да и весила около двух тысяч килограммов.

Ее народ тем не менее славился своим интеллектом, особенно в том, что касалось интуитивного анализа и способности экстраполировать выводы из имеющихся данных. Они, естественно, были талантливыми поэтами. Философами. Проектировщиками городов и целых миров. И психологами, как Рикор.

Она ушла в отставку, будучи главным психологом империи. Кроме того, ее услугами пользовался Ян Махони, возглавлявший тогда

корпус «Меркурий» и спецотряд богомоллов. Рикор помогала ему разобратся в психологии шпионов, саботажников, наемных убийц и предателей — имперских и принадлежавших к другим, недружественным империи мирам.

Во времена Трибунала над членами Тайного совета Стэн уговорил Рикор оставить мирное уединение своей родной планеты. Тогда она приняла участие в том, что все считали триумфом, победой над силами зла. Она могла получить все, что угодно, однако после возвращения императора Рикор ушла на покой: она планировала посвятить целые тома исследованию поведенческих структур людей и других видов живых существ, которых никто, кроме нее, не был в состоянии проанализировать.

Кроме того, Рикор надоело находиться на службе у других живых существ и убеждать анализируемое существо (культуру), что нужно вести себя так, а не иначе.

Теперь ее снова просили применить свои способности. И что очень важно — об одолжении ее просил сэр Эку.

— Все это так необычно, — извинилась Рикор. — Я построила эту комнату, чтобы иметь возможность общаться с моими друзьями и клиентами, привыкшими к жизни на суше. Ну и конечно, это своего рода шутка. Я ведь столько времени служила императору, находясь в лохани с застоявшейся водой или в гравикресле.

Сэр Эку пошевелил своими усиками-сенсорами, изобразив вежливое веселье, — его народу не требовалось никаких особенных подтверждений собственных умственных способностей.

Это помещение действительно было порождено желанием отмстить. Высокие потолки, приливная пещера с огромным входом — та часть его, что находилась над водой, была закрыта прозрачной стеной. Эку решил, что стена подвижна и может подниматься и опускаться вместе с приливом. Если посмотреть в сторону моря, ничего нельзя было разглядеть, кроме огромных пенистых волн, разбивающихся о скалы, которые образовывали небольшую лагуну снаружи. Шум ветра и плеск волн усиливали микрофоны. Попасть в эту пещеру Рикор и ее соплеменники могли, поднырнув под прозрачной стеной, перегораживающей вход, а если вы существо, живущее на суше, — по специально выстроенному проходу.

Эку завис над выступом искусственного происхождения, который Рикор построила специально для своих посетителей. Он тоже реагировал на прилив и поднимался или опускался, при этом постоянно оставаясь всего в нескольких сантиметрах над тихими волнами, плещущимися внутри пещеры. На выступе было множество всяческих приспособлений, начиная от экранов и кончая компьютерами и коммуникаторами. Над конференц-залом располагались жилые помещения и столовые.

Добраться до апартаментов Рикор можно было по подводному туннелю, который соединял комнаты между собой. Специальное оборудование психолога было либо запрятано в специальные футляры, либо не реагировало на окружающую среду.

— К сожалению, я,— начала Рикор,— не очень знакома с... этикетом, не говоря уже о правилах приема существ, обитающих в воздухе. Вы... э-э...

— Сидим на насестах? — Усики Эку еще раз дрогнули.

Прошло всего лишь одно короткое мгновение — усы Рикор зашевелились, и ее громоподобный смех эхом разнесся по пещере, пока активированная акустическая система не поглотила его.

— Нет,— ответил сэр Эку.— Мой народ редко опускается на землю. Только с определенными целями.

Он не стал ничего объяснять, а Рикор не спросила.

— Могу я предложить вам что-нибудь? Поскольку манаби — не частые гости в империи, мне мало что удалось узнать о ваших привычках. Но, насколько я поняла, вот это считается у вас приятным, особенно если оно разбрызгивается. И хотя на нашей планете невозможно найти в точности такие же микроорганизмы, мы синтезировали смесь.

Она протянула плавники и коснулась клавиш на парящей возле нее панели управления. Вверху на экране появилась химическая формула. Эку внимательно изучил формулу и снова «рассмеялся».

— Вас правильно информировали, Рикор. Нам действительно очень нравится этот органический компот. Только он немного ударяет в голову, и мы, по словам Килгура, превращаемся в «слепых котят». Если не возражаете, я попробую вашу смесь немного позже. Возможно, когда мы начнем разговор, я перестану чувствовать себя идиотом, не буду волноваться и смогу немного расслабиться. Или вы придете к выводу, что меня просто необходимо немного успокоить этой штукой, поскольку мои основные реакции постепенно становятся непредсказуемыми.

— Манаби,— ровным голосом проговорила Рикор,— никогда не сходят с ума.

— Вдруг я окажусь первым?

Тишину в пещере нарушали лишь плеск волн и шум ветра, но это все было где-то далеко, будто на втором плане. Рикор некоторое время неподвижно лежала на воде.

— Нет,— твердо возразила она.— Вы не сошли с ума. Я изучила ваши материалы. Проанализировала их сама и с помощью электроники. Далее, я позвонила одному из своих помощников — я абсолютно в нем не сомневаюсь, и вам не о чем беспокоиться: на самом деле он один из детенышей моей сестры, и ему можно доверять, поскольку коррупция, царящая в империи, нас совершенно не инте-

ресует; поэтому никто и не пытается купить нас, пообещав все права на рыбалку в имперской реке на Земле.

Она снова рассмеялась, и Эку немного расслабился.

— Но сначала я хочу поблагодарить вас за вашу посылку. Это моя первая настоящая книга, написанная на Земле в древние времена. Мне интересно вот что: была ли эта книга с самого начала водонепроницаемой?

— Я об этом позаботился.

— Ага, так я и думала. Невероятно интересная, очаровательная и немного грустная книга. Я представила себе того примитивного человека, что писал ее, живя в своем мрачном непросвещенном времени: сидел у себя дома и созерцал ужасные события, что тогда происходили. В те времена жили ведьмы — так они, кажется, назывались, — которые напускали чары и варили отвратительное зелье в кастрюлях, а еще люди спали возле огромного племенного костра, который должен был отпугивать настоящих и выдуманных чудовищ, порождений ночи. — Рикор сочувственно фыркнула. — Так вот, этот несчастный верил в то, что наступит день, когда миром будет управлять психология. Что она станет наукой. Даже не психология — как он это назвал? — психоистория? Очень интересное заблуждение. Лично я считаю эту мечту завораживающей. Хотя должна признать, что нахожу героя книги, человека по имени Селдон, довольно неприятной личностью. Он ужасно напоминает моих наставников из яслей — слишком много воспоминаний, какой-то ненатуральной правды, отвратительных предрассудков и самолюбования. Впрочем, я отвлеклась. Я поняла, почему вы послали мне этот подарок и каким образом бесславная жалкая попытка отыскать порядок во Вселенной и в империи, для которых характерна энтропия, связана с данными, предоставленными мне вами. Вопрос: вы сознательно подбирали материал, обращая внимание только на те факты, которые подтверждают вашу теорию?

— Ни в коем случае, — ответил Эку. — Я попытался предоставить вам как можно больше данных... столько, сколько смог собрать.

— Вы опытный дипломат, следовательно, знаете, как быть справедливым, — заявила Рикор. — Я взяла на себя смелость перевести ваши необработанные данные в логические символы.

Она снова прикоснулась к клавиатуре, вспыхнуло сразу несколько экранов. Эку, хотя и нечасто пользовался символикой в своей деятельности, был знаком с этой наукой.

Понадобился целый час, чтобы данные, даже переведенные на язык компьютера, прошли перед глазами сэра Эку и Рикор. Поскольку язык знаков был совершенно непонятен большинству, закодированное таким образом сообщение и не произвело бы столь пугающего впечатления. Чего нельзя было сказать про двух очень опытных

в этих вопросах существ, устроившихся в морской пещере. Наконец последний экран погас.

— Как вы считаете, от моего сокращения не пострадала суть вашего сообщения? — поинтересовалась Рикор.

— Совершенно не пострадала, — ответил сэр Эку, крылья которого печально повисли.

Ситуация и вправду очень серьезна — как он и предполагал.

— Суммируя ваши тезисы, — спокойно, словно врач, выносящий диагноз, продолжала Рикор, — можно утверждать, что империя находится в крайне сложном положении. Впрочем, пока нет поводов предаваться панике, поскольку это не первая и даже не пятидесятая имперская катастрофа, которая нам грозит. Однако по вашим вкладкам получается, что сама империя является катализатором экономического, политического и социального упадка. Особенно учитывая все, что предпринял император с тех пор, как... вернулся.

— Именно в этой области я и считал себя совершенно некомпетентным, — сказал сэр Эку.

— Вы не правы. Поскольку я утверждаю, что с рассудком у вас все в порядке, может быть, вы теперь не откажетесь немного подкрепиться? Пришла моя очередь привести доводы и сообщить очень интересные факты, которые я раздобыла сама после того, как получила ваши материалы.

— Большое спасибо. Не откажусь.

— Смесь находится в сжатом состоянии в контейнере справа от вас. Приводится в действие... да, вот этим большим рычагом.

Жидкость с шипением вылетела в воздух. Эку словно унесло в заоблачные выси, и он вспомнил о том времени, когда однажды на Земле увидел, как птицы резвились в струе воды.

Рикор угощалась чем-то похожим на кусок высушенного на огне торфа.

— Писцейская кожа, — объяснила она. — Ее подвешивают возле воды так, чтобы брызги не доставали, и сушат на ветру. Это единственное наркотическое средство, к которому прибегает мой простодушный народ. Однако мы занимаемся изучением этого вопроса... Давайте вернемся к нашему разговору. Я заметила, что вы включили в свои материалы данные о событиях, с которыми пытается разобраться наш отважный герой Стэн. Созвездие Алтай. Вам известно, что Стэн поддерживает безумца. Некого доктора Искру. А знаете ли вы, что этого Искру император опекал многие годы, пока тот был в ссылке? Кроме того, я обнаружила, что император приказал Стэну любой ценой помочь доктору Искре удержать власть.

Тело Эку раскачивалось под порывами воображаемого ветра.

— Откуда ваши сведения? — спросил он.

— Не могу вам этого сказать. Мой коллега по-прежнему находится в той звездной системе, следовательно, подвергается опасности.

Рикор остановилась, и ее мощный хвост разрезал поверхность воды.

— Как странно,— задумчиво произнесла она.— Я говорю о том, что жизни моего друга угрожает опасность только потому, что этот друг находится рядом с нашим уважаемым правителем и не боится сказать правду.

— Я и сам чувствую, что мне угрожает опасность,— признался Эку.

Рикор, никак не отреагировав на его слова, продолжала:

— Второй факт. Уже и не помню, когда я на него наткнулась. Однако могу точно сказать, что это произошло во время какого-то официального расследования. Так вот, не помню при каких обстоятельствах, но мне вдруг пришло в голову: а ведь я не знаю, какую выгоду получает император — прямую, денежную — от правления империей. Или его просто устраивает та безграничная власть, которой он обладает? Поэтому я занялась изучением этого вопроса. Естественно, соблюдая максимальную осторожность. Вот что мне удалось обнаружить: император владеет невероятными суммами, которые вложены в различные области, где политика приносит финансовую выгоду. Вклады сделаны таким образом, чтобы их источник невозможно было выявить. Я не считаю такие действия моральными или аморальными. Дальше я обнаружила, что вклады были использованы в трудные времена для поддержки экономики и политики. А это означает, что большинство отнесется к такому поведению как к «моральному». По-моему, люди называют это заначиванием на черный день.

— Заначка.

— Что, моя смесь уже действует... ах да. Заначка — так надо говорить. Несколько дней назад я самым тщательным образом проверила парочку таких фондов. Личное состояние императора увеличивается с чудовищной скоростью, ежесекундно. В то время, которое большинство назвало бы тяжелым, наш собственный правитель получает огромные прибыли и богатеет благодаря нищанию своей империи.

— Это же безумие,— сказал сэр Эку, разволновавшись.

— Я совершенно согласна с употреблением этого слова, хотя в данном случае оно совершенно бессмысленно. Кстати — некоторое подтверждение сказанного вами ранее: вы в последнее время не обращали внимание на вечного императора, когда он появлялся на экранах? Теперь это случается все реже и реже, причем его всегда снимают издалека и под благоприятным углом зрения. Однако обратите внимание на то, как бегают его глаза, словно у побитой собаки, жительницы Земли, которая боится, что ее в любую минуту снова начнут колотить. Или как у человека, погружающегося в состояние... ну,

раньше такое состояние было принято называть маниакально-депрессивным психозом.

И снова сэр Эку пожалел о том, что не умеет выразить свой эмоциональный настрой непристойной бранью. Рикор утверждала, что сейчас империей управляет безумец. Эта мысль казалась манаби совершенно непостижимой. И все же в его памяти всплыли те несколько случаев, когда ему приходилось иметь дело с лишившимися рассудка правителями,— Эку помнил, как жалел несчастные народы, попавшие под пяту тиранов.

— Вот еще одна часть головоломки,— продолжала Рикор.— Император приказал увеличить капиталовложения в развитие армии. Каирен, например, практически превратился в пустыню после окончания Таанской войны. В строительстве боевых кораблей больше не было необходимости, а Сулламора погиб. В таком случае я не понимаю одного: когда император вернулся, на Каирен рекой потек АМ-два. Вы же помните, что властитель прибыл на корабле с планеты Дьюсабль, которая является центром системы Каирен. Что ж. Император оказал им помощь, и обитатели Дьюсабля были вознаграждены. Именно так делается политика. Так что забудем о золотом тельце и его яйцах, или как там еще назывались эти существа. Они продолжали процветать. Как мне удалось выяснить, за последний год корабельные верфи в Каирене получили более сотни заказов. Ни один из них не был предоставлен на конкурсной основе. Сейчас, когда никто не воюет, какой смысл строить боевые корабли? После Таанской войны их сохранилось более чем достаточно. Кроме того, на многих верфях остались недостроенные суда.

— Может быть,— предположил Эку, который сознательно решил играть роль адвоката,— это просто «кормушка» для лояльных подданных?

— Не исключено. Однако я не люблю опираться в своих рассуждениях на такие сомнительные предположения. Это мой недостаток, но я ничего не могу с собой поделать. А вот еще одна часть той же головоломки. Моя коллега — на самом деле это женщина, которую я пыталась научить ходить по дорогам логики,— получила интересное назначение. Она психолог-эксперт по рекрутированию солдат. Ей предложили разработать план кампании для Таанских миров.

— Что?!

— Да. Наш прежний враг сейчас находится в еще более тяжелом положении, чем империя. Кстати, ничего не было сделано, чтобы оздоровить их экономику. Однако сейчас там вовсю идет набор добровольцев.

— Это неправильно,— заметил Эку,— но военные всегда пользуются нищетой народов, и их голос звучит особенно уверенно именно в мирах, где нечего есть.

— Верно. Однако, если помните, император заявил в самом конце войны, что военная истерия, которую таанцы называли своей «культурой», должна быть уничтожена. Сегодня же имперские вербовщики солдат вопят на всех углах о том, что пришла пора таанским воинам подняться и возродить свой культ войны. Они, мол, должны доказать, что в их жилах течет кровь отважных предков — и не важно, что эти самые предки сражались за победу зла; теперь они должны выступить на защиту империи. И так далее, и тому подобное.

Обдумывая слова Рикор, Эку поднялся повыше, почти к потолку пещеры.

— С точки зрения существа, не имеющего никакого экономического опыта, очень выгодно попытаться выбраться из состояния депрессии, покупая невостребованное оружие, — сказал он. — Но никто не нанимает солдат или моряков. Просто потому, что они дорого стоят и от них масса неприятностей в мирное время. Самое обычное повышение благосостояния и борьба с голодом — гораздо более эффективные средства решения этой проблемы, если, конечно, хорошенько над этим подумать. Зачем нанимать солдат, — закончил свою мысль сэр Эку, — если нет врагов?

— Возможно, император *видит* врагов, — тихо сказала Рикор. — Поразмыслите над природой королей. Подумайте о том, во что они превращаются.

— Но ведь император вечен, — проговорил ужасно разволнованный Эку. — Раньше ничего подобного не происходило.

— Да, действительно. Что-то изменилось. Однако меня занимает совсем другое. — Рикор снова коснулась клавиатуры. — Каждое поколение, когда оно стареет, начинает с тоской вспоминать Армагеддон. А вот компьютеры никогда не впадают в маразм и не брюзжат.

— Я занялся прогнозами. Предсказаниями.

— Вернемся к этому позже, когда немного отдохнем, чтобы не возникло никаких ошибок. Сообщу вам только выводы, к которым я пришла: наша империя, как и все империи до нее, вступила на путь ужесточения режима, коррупции, разложения, ей грозит неминуемая гибель. Причиной гибели станет не какой-нибудь исторический процесс или внешний враг. А один-единственный человек — вечный император.

Именно к этому выводу пришел и сам сэр Эку.

— Насколько я понимаю, — проговорила Рикор после некоторого раздумья, — вы прилетели сюда не только затем, чтобы я подтвердила состояние вашего рассудка. Вы слишком рациональное существо для того, чтобы проделать такое расстояние, подвергая столь серьезному риску свою жизнь и само существование собственного народа только для получения моральной поддержки.

— Да,— согласился сэр Эку.

И тут его посетила неожиданная мысль: вот он, опытный дипломат, консультант, эксперт, к чьим словам прислушивались многие правители, даже сам вечный император... А спрашивает совета у Рикор, будто снова превратился в желторотого птенца. Теперь он осознал, за что все так уважают Рикор.

— Вы хотите понять,— промолвила Рикор,— что мы должны сделать, чтобы предотвратить катастрофу.

— Да,— произнес сэр Эку.

— Не знаю. Я об этом много думала и буду думать еще. Пока у меня нет ответа. И все же хочу предложить вам поразмыслить над одной идеей, поскольку все, что я говорила до сих пор, весьма туманно и неопределенно. Что произошло бы, если бы вечный император не вернулся? Я имею в виду — не вернулся совсем.

— Хаос,— ответил Эку.— Мы все превратились бы в варваров.

— Согласна. Но ведь так случилось бы только по одной причине — из-за потери АМ-два, верно? Присутствие или отсутствие самого императора — не столь важный фактор в возникновении хаоса или сохранении порядка.

— Да,— осторожно произнес сэр Эку,— с этим я согласен.

— Благодарю вас. А теперь скажите мне, разве не правда то, что у каждого народа и у каждой культуры были свои темные, тяжелые времена? Иногда они продолжались достаточно долго.

Тело сэра Эку покачнулось — он согласно кивнул.

— Но рано или поздно народы всегда побеждали свои проблемы и находили выход, верно?

— Не могу сказать, чтобы это происходило всегда,— промолвил сэр Эку.— Кое-какие народы наверняка превратились в варваров, и мы просто не смогли узнать об их существовании. Или у них возникла полная анархия, которая в конечном результате привела к самоуничтожению данного народа.

— Ну, хорошо, забираю свое «всегда»,— продолжала Рикор.— По большому счету мои слова верны. И разве не правда то, что после варварства всегда следует период возрождения?

— Да. Вы вселяете в меня надежду, хотя я и не очень верю в то, что ваши выводы можно отнести к империи. Она слишком велика, могущественна, и ей очень много лет.

— А если убрать из нашего уравнения АМ-два?

— Но ведь император — единственное существо, которому известно, где находится необработанная АМ-два или как ее синтезировать.

— Сэр Эку,— мягко пожурела Рикор,— вы слишком хорошо образованы и умны, чтобы считать, будто на свете существует всего один изобретатель, способный подарить миру какое-то определен-

ное изобретение. Или один художник, способный рисовать картины. Или один философ, который в состоянии придумать социальную систему.

— И снова вы радуете меня, — проговорил сэр Эку. — Однако я все равно не могу поверить, что какой-нибудь ученый или даже группа ученых в состоянии разрешить проблему АМ-два. Насколько мне известно, Тайный совет потратил на это немало сил.

— Тайный совет представлял собой — и опять я вынуждена употребить очень сильные с семантической точки зрения слова — Тайный совет представлял собой зло. Менее напряженное слово было бы слишком личностным. Так что я употреблю именно это — зло. Зло, как противоположность добра, по определению есть близорукость, соблюдение собственных интересов, лень и бесчестность. Поэтому поиски Тайного совета были с самого начала обречены на провал.

— Рикор, как вы можете оставаться оптимисткой, имея столь обширный жизненный опыт? — удивленно спросил Эку. — Лично мне приходилось не один раз видеть победу зла над добром. В конечном счете добро побеждает далеко не всегда.

— Килгур сказал бы на своем примитивном диалекте, который он считает понятным языком, что чистая душа дарит человеку чистое тело. Вот так-то. Ну а теперь, — вздохнула Рикор, вылезая из воды на скалистый выступ и устраиваясь в гравикресле, — не возражаете, если мы с вами переберемся на верхние этажи, где вас ждет еда и еще немного моей смеси? Пока не стоит впадать в панику. Даже энтропия продвигается вперед очень медленными осторожными шагами.

Эку летел над гравикреслом Рикор, поднимаясь вверх, в самое сердце скалы, и продолжал обдумывать все, о чем они только что разговаривали. Оба совершенно спокойно приняли тот факт, что императора необходимо убрать или, по крайней мере, обезвредить. Если не считать проблемы АМ-2, следующий вопрос заключался в том, кто покончит с этим всемогущим ублюдком.

В сознании сэра Эку снова промелькнуло имя.

Тот, кто хотел, чтобы все люди могли летать.

Стэн.

Глава 33

Эхо взрыва, от которого погибли имперские солдаты, еще не стихло, а Искра уже начал предпринимать шаги для консолидации и расширения своей власти. Приказ императора, не допуская в созвездие Алтай журналистов, сыграл ему на руку. Средства массовой информации, надрываясь, поносили безымянных предателей,

которые унизили созвездие Алтай, трусливо напав из-за угла на миролюбивые вооруженные силы императора. Искра объявил военное положение. Назначил комендантский час, который начинался за час до захода солнца и заканчивался через час после восхода. Запретил демонстрации, публичные протесты и забастовки. Искра также намекал на «другие меры», о которых будет «сообщено» в надлежащее время. Он заканчивал свои речи холодным обращением ко всем гражданам, призывая их поискать в своих душах и душах соседей, нет ли там измены.

После многих поколений жестоких репрессий жители Джохи знали, что произойдет дальше. Кое-кто распорол матрасы и вскрыл тайники, чтобы достать припрятанные на черный день деньги. Другие же составляли списки врагов, с которыми они собирались посчитаться. Однако большинство сидели по своим домам, со страхом ожидая, когда в их двери застучат кованые сапоги и приклады винтовок.

Впрочем, хорошо знакомые с политикой страха жители созвездия Алтай не были готовы к тем испытаниям, которые им уготовила судьба.

Стройный юноша по имени Милхуз гордо вышагивал в новенькой черной форме. На голове у него красовался берет, а на груди значок с надписью «Студенты за Искру». На одном плече у него были погоны капитана, на другом знак Корпуса Очищения.

Он вытащил пистолет и выкрикнул несколько приказов своим молодым, переполненным энтузиазмом солдатам.

— Я хочу, чтобы вы точно рассчитали время. Займете позицию — бесшумно, черт возьми! А когда я подам сигнал, мы одновременно бросимся на них. Ясно?

Послышался нестройный хор голосов:

— Да, сэр.

Милхуз сделал величественный жест рукой. Корпус Очищения поспешил выполнить его приказ.

Потрепанный штурмовой отряд двинулся вперед. Милхуз с основными силами остался немного позади. Они рысцой бежали по темной, усаженной деревьями аллее к центральной библиотеке Рурика. Луны Джохи тускло освещали им путь.

В библиотеке горел свет. Главный библиотекарь — пожилой торк по имени Порей — потратил немало сил, чтобы получить разрешение остаться на работе после наступления комендантского часа. Официальная причина: проверить, вся ли литература, запрещенная декретом Искры, подготовлена к уничтожению.

На самом же деле библиотекарь собирался спасти как можно больше книг. Порей и его коллеги позвонили всем своим единомышлен-

никам среди интеллигенции. Они часто проводили подобные операции во времена правления Хаканов. В прошлом именно таким образом удалось спасти наиболее ценные библиографические тексты.

Когда отряд Милхуза сосредоточился возле здания, Порей в очередной раз оказался перед проблемой выбора. Он не сможет спасти все. Чтобы продемонстрировать лояльность интеллигенции, надо представить большое количество запрещенных книг.

Порей посмотрел на тележки, забитые книгами, которые он собирался спрятать в тайных подвалах под библиотекой. С другой стороны лежали книги, предназначенные для сожжения.

Их было слишком мало.

Порей вздохнул. Он плохо справляется со своей задачей. Нужно быть жестче.

Старик взял два старых тома. Настоящие книги — единственные экземпляры в библиотеке. Одна из них — потертое издание «451° по Фаренгейту». Другая — «Здравый смысл», книга, написанная мыслителем древности Томасом Пейном.

Порей ненавидел роль, которую был вынужден играть. Старого библиотекаря мучила мысль, что его вкусы окажут решающее влияние на то, какие книги будут спасены.

Он снова посмотрел на «Здравый смысл». Потом на «451° по Фаренгейту». Пожал плечами. Брэдбери отправился на тележку с книгами, которые будут спасены. «Простите меня, сэр Пейн», — подумал Порей.

В этот момент послышался звон бьющегося стекла — Милхуз нанес удар.

Порей с изумлением уставился на юнцов в черной форме, ворвавшихся в библиотеку. Его помощники закричали от страха.

— Покончим с интеллигенцией! — завопил кто-то.

Вынимая на ходу пистолет, Милхуз побежал к Порю. Тот инстинктивно поднял Томаса Пейна, закрываясь им, как щитом.

Милхуз выстрелил.

Порей упал.

Он был так же мертв, как и «Здравый смысл».

Очередь в магазин растянулась на полкилометра. Сотни и сотни голодных существ стояли с продовольственными карточками наготове, дожидаясь, когда откроются двери.

Они находились здесь с того самого момента, как закончилось действие комендантского часа. Таким образом, первые в очереди стояли уже семь часов. Под лучами палящего солнца.

— С каждым днем открывают все позже и позже, — проворчала пожилая женщина.

— А продуктов становится все меньше и меньше,— пробормотал ее сосед.

— И все тухлое,— сказал третий.— Доктор Искра должен был бы прийти сюда и посмотреть на это безобразие. Он бы голову оторвал хозяину магазина за воровство!

Прежде чем кто-нибудь успел ответить, вся очередь устремилась вперед.

— Открывают! — закричал кто-то.

Внезапно очередь снова остановилась. Послышались возмущенные возгласы. Люди, стоящие в хвосте, вставали на цыпочки, пытаясь понять, что происходит.

Магазин не открывался.

А с соседней улицы трусцой приближался отряд солдат с оружием наперевес. Голос офицера, усиленный громкоговорителем, разнесся над толпой:

— Всем оставаться на местах. Проверка документов. Продовольственные карточки держите в левой руке, остальные бумаги — в правой.

Толпа недовольно заворчала, но приказ выполнила.

Однако пожилая женщина, которая жаловалась на долгое ожидание в очереди, имела другие намерения. Она вышла из толпы и заковыляла к офицеру.

— Вам должно быть стыдно, молодой человек,— заявила она.— Мы все голодны. Мы простояли тут много часов, чтобы купить еду для наших семей.

Офицер без долгих разговоров застрелил ее. А потом пнул ногой ее тело и сказал:

— Вот так-то, бабуля. Теперь тебе больше не нужно ждать.

Командир отряда богази, охранявшего жилой район, шла вдоль баррикады, проверяя ее надежность; кроме того, ее интересовала бдительность караульных. Баррикада была такой же надежной, как и тогда, когда она проверяла ее в предыдущий раз, а солдаты исправно несли службу.

Она огляделась по сторонам — богази спят, ни одно окно не светится, нигде не слышно ни звука. Хорошо, очень хорошо. А потом она услышала какой-то звук у себя за спиной и резко обернулась. Ничего. «Воображение,— подумала она.— Какая я глупая».

Боевой катер возник прямо над баррикадой, прогремели орудия.

Командир баррикады погибла, не успев даже поднять тревоги.

Еще два катера появились из темноты и начали обстреливать район. Через несколько минут гнезда богази горели, а их обитатели с воплями выскакивали наружу. Кто-то был ранен. Некоторые несли на руках потерявших сознание родственников. Теперь здесь царил страх.

Солдаты джохианцы прорвались сквозь баррикаду. За ними следовали гравитолеты.

Через час оставшихся в живых богази погрузили на гравитолеты, которые умчались в ночь. На следующий день по району прошли бульдозеры, смешав мертвые тела с дымящимися развалинами. К вечеру здесь была голая земля.

Средства массовой информации Джохи объявили, что для «достойных граждан» появилась новая территория, где они могут строить свои дома. А еще через день вся территория уже была занята.

Письмо саппер-майора Шейза Марля директору-руководителю С!Кт, командиру Седьмого фронта:

...И хотя, посылая это письмо, я нарушаю военную субординацию, я не знаю никого, обладающего достаточной властью, чтобы разобратся с проблемой. Обращаюсь к вам не как командир к верховному главнокомандующему, а потому что помню, как много лет назад то порождение зла, что правило нами, — Хакан (будь проклята его память), заставил вас подать в отставку. Вы выступали перед нами, когда я был на первом курсе академии Куишев, и я на всю жизнь запомнил ваши слова. О том, что долг офицера часто выходит за рамки приказов — это долг перед его честью и народом. Мое письмо — последний шанс выполнить свой долг.

Впервые проблема возникла, когда нашему отряду было приказано возглавить операцию по очистке Окно IX, одного из спорных миров сектора семь вверенного вам фронта. Там находились не сложившиеся оружие военные подразделения суздаей, которые настаивали, что планета по праву принадлежит им, хотя всем хорошо известно, что она с давних пор является владениями Джохи. Меня ввели в курс дела, указали территорию, где я должен был навести порядок, выделили дополнительные войска, в том числе третий ударный отряд особого назначения под командованием капитана Л'Мердинга.

Прежде чем принять новые отряды под свое командование, я осмотрел их и пришел к выводу, что солдаты вполне могут отправляться прямо на парад, а люди Л'Мердинга, кроме того, прекрасно экипированы для борьбы с партизанами. В то же время у меня сложилось впечатление, что они не прошли необходимой подготовки, да и младшие офицеры не внушали должного доверия. Конечно, я ничего не сказал капитану Л'Мердингу, а только приветствовал его отряд и заявил, что постараюсь предоставить им возможность продемонстрировать все свои достоинства и послужить армии Джохи и доктору Искре.

Капитан Л'Мердинг ответил лишь, что они получили соответствующие приказы и выполняют их.

В этот момент мне следовало обратиться к своему командиру, полковнику Эллену, и потребовать разъяснений. Я этого не сделал. Мы высадились на планете и направились в сельскохозяйственные районы, населенные торками, джохианцами и суздалями. Именно здесь и находились бандитские формирования суздалей. Суздали, как обычно, отчаянно сопротивлялись (см. отчет 12-341-651-06, месяц третий, недели первая, вторая и третья), и мои силы понесли некоторые потери. Нам почти не удалось взять пленников, поскольку, как вам известно, суздали не сдаются, предпочитая плену смерть.

Первая проблема с третьим отрядом возникла в тот момент, когда капитан Л'Мердинг отказался ввести своих солдат в этот район, заявив, что главными врагами являются не эти твари — его точные слова, — а гнусные заговорщики, которые стоят за ними и прячутся в городах. Я не стал вникать в это странное заявление, поскольку я все-таки солдат, а не политик.

Все мое внимание было сосредоточено на военных действиях, естественно, и прошло целых три недели, прежде чем мне сообщили сведения, в которые я сначала не мог поверить, но сразу понял, что должен провести немедленную проверку, дабы защитить честь солдат джохианцев.

Отряд особого назначения обвинялся в совершении невероятных злодеяний. Я самолично отправился в тот регион, за который отвечал капитан Л'Мердинг, и обнаружил, что все обвинения совершенно справедливы. Отряд особого назначения действительно убивал мирных суздалей, нарушая все законы военного времени. Их жертвами главным образом являлись образованные суздали, в особенности учителя и юристы. Кроме того, их интересовали те суздали, у кого было большое состояние. Эти существа просто исчезали из своих домов. Капитан Л'Мердинг отказался дать мне объяснения о дальнейшей судьбе этих суздалей, однако у меня не было ни малейших сомнений.

Я получил несколько абсолютно достоверных сообщений об убийствах детей, актах насилия над джохианскими гражданскими лицами и разграблениях зданий. Кроме того, среди бела совершались убийства мирных суздалей, а их тела солдаты бросали прямо посреди улицы. Мне стало совершенно очевидно, что в этот так называемый отряд особого назначения входят бандиты и убийцы. Капитан Л'Мердинг развесил повсюду приказ за своей подписью, запрещающий употребление как устного, так и письменного суздальского языка, а суздалям было запрещено собираться в группы, состоящие более чем из двух существ. Нарушение этих распоряжений влекло за собой расстрел на месте.

Он также развесил множество других, таких же противозаконных приказов, худшим из которых был следующий: в ответ на любое преступное действие суздаля будут приняты самые жесткие меры, включающие уничтожение дома этого суздаля, всей его семьи и ста вы-

бранных случайным образом суздалей. Я сказал капитану Л'Мердингу, что снимаю его с должности. Он только рассмеялся в ответ. Я попытался арестовать его. Меня и моих людей разоружили, избили и приказали покинуть охраняемую отрядом Л'Мердинга территорию, если мы не хотим быть расстрелянными.

Я вернулся в свое собственное подразделение и известил командира батальона о действиях капитана Л'Мердинга, после чего попросил выслать специальные войска, которые арестовали бы этого бандита и его головорезов. Сначала полковник Элмен приказал мне не совать нос в чужие дела. Я принялся было возражать и тогда получил распоряжение оставить мерзавцев Л'Мердинга в покое. Более того, полковник Элмен поставил меня в известность, что отряд Л'Мердинга подчиняется только высшему командованию и выполняет малоприятные приказы, необходимые для успешного завершения нашей миссии. Я отказался смириться с этим и через голову полковника Элмена обратился к командиру бригады, а когда никакой реакции не последовало — к командиру дивизии.

Мне сказали, что я виноват в нарушении субординации и что мое поведение позорит офицеров Джохи. Увидев, что я продолжаю настаивать на своем, меня совершенно незаконно понизили на сто позиций в списке офицеров, подлежащих повышению, причем сделали это без суда и следствия. Я в полном отчаянии, вы моя последняя надежда.

Неужели в созвездии Алтай не осталось больше людей с честью? Неужели наша некогда благородная раса потеряла чувство собственного достоинства? А армия, которой я посвятил всю свою жизнь, превратилась в наемных убийц, стреляющих в спину мирным гражданам?

Ответа на свое письмо он так и не получил.

Шесть недель спустя саппер-майор Шейз Марль был убит. В отчете его подразделения говорилось, что произошел случайный выстрел, виновного обнаружить не удалось.

Саппер-майор Марль получил повышение — посмертно. Он был награжден лентой и звездой и с почестями похоронен на Окно IX.

Главная дорога, ведущая в космопорт Рурика, была заполнена несчастными жителями Джохи. Тысячи существ брели вперед под проливным дождем, а солдаты джохианцы подталкивали их прикладами.

Здесь не было деления на расы: суздали, богази и люди, с трудом передвигая ноги, тащились по дороге.

Толпа беженцев была такой плотной, что даже если кто-то окончательно терял силы, его тело продолжало двигаться дальше. Люди плакали, скорбя по членам своих семей или просто от горя.

В космопорте беженцев ждали десятки древних грузовых кораблей. У трапов стояли солдаты, заталкивавшие несчастных внутрь. По сигналу люки переполненных кораблей закрывались, и производился старт. Не успевало одно судно выйти на орбиту, как стартовало другое.

Профессор Искра наблюдал за происходящим с напряженным интересом. Нажимал рычаги, переключал экраны: заполненные живыми существами проспекты, крупный план тоскливых, потерявших надежду лиц, и снова перспектива космопорта. Когда взлетел один из грузовых кораблей, Искра откинулся на спинку стула и позволил себе сделать большой глоток любимого травяного чая. Потом бросил взгляд на Венлоу, и на его губах появилось то, что считалось у него улыбкой.

— Надеюсь, ты понимаешь, что сейчас перед нашими глазами творится история,— объявил Искра.— Кто мог представить, что такой исход возможен? Замечательное очищение нашего любимого мира!

Венлоу только фыркнул.

— Послушай,— настаивал на своем Искра,— разве я не заслуживаю хоть небольшого, скромного комплимента за то, как ловко я справляюсь с возникшими проблемами?

— Это не входит в мои обязанности, профессор,— ответил Венлоу.— Кроме того, у вас и без меня достаточно обожателей.

Искра был слишком доволен собой, чтобы разозлиться.

— Ладно. Я и не рассчитывал на понимание со стороны столь невежественного существа, каким ты являешься.

Венлоу нажал на кнопки, контролирующие экраны.

— Вы называете это гениальным решением?

— А как назовешь это ты, мой необразованный друг?

— Безумием,— резко бросил Венлоу.— Или самой обычной глупостью.

— Ой-ой-ой. Твое холодное сердце плачет вместе с остальным человечеством.

— Я вам не советую путать профессиональное мнение с нежным и мягким сердцем, профессор,— сказал Венлоу.— Только педантичному дураку до сих пор непонятно, что от ваших действий становится еще хуже. Ваши приказы не просто бессмысленны, они опасны. Всякий раз, когда вы поступаете таким образом,— он ткнул пальцем в изображение солдата, избивающего несчастного беженца,— вы наживаете себе пять или шесть новых врагов.

— А я не собираюсь ни с кем соревноваться в популярности,— со смешком ответил Искра.— По правде говоря, мне казалось, тебе это понравится. После того, что произошло в бараках, я думал, ты будешь рад тому, как мы отомстили за наших бедных погибших гвардейцев.

— Только не надо сваливать это на нас, — предупредил Венлоу. — Вас никто не уполномочивал на подобные действия. Не стоит впускать сюда императора.

— Это уже случилось, — промурлыкал довольный Искра. — Все заметили. К тому же империи известно, какую важную роль я играю. — Он показал на видеоэкран. — Очень скоро жители Алтая узнают, ради кого принесены жертвы.

Глаза Венлоу сузились.

— О чем вы говорите?

— Это только начало. — Искра засмеялся. — Да, потребуется сделать немало, чтобы очистить Алтай.

— Что вы хотите сказать?

— Посмотришь мою следующую видеотрансляцию, — ответил Искра. — Мне кажется, даже на тебя произведут впечатление новые декреты.

Венлоу не выдержал и отвел глаза. Он не мог смотреть на кривую ухмылку Искры. Его взгляд упал на видеоэкран: из толпы выскочил очередной беженец и быстро развернул самодельное знамя. Прежде чем солдаты сбили несчастного с ног и начали его топтать, Венлоу успел прочитать надпись на знамени: «Где император?»

Глава 34

— Ваше величество, никто не мог предвидеть, что Искра превратится в такое чудовище, — сказал Венлоу, подпустив едва заметное сочувствие в свой голос, — в том числе и вы. Ведь вам приходится заботиться о проблемах огромной империи.

На лице вечного императора возникло странное выражение. Удивление, что кто-то заботится о нем?.. Венлоу не мог — да и не стал бы — трактовать то, что он заметил на экране. Уже через несколько мгновений лицо властителя выражало обычную холодную уверенность.

— Да, — согласился он. — Ты прав, Венлоу. Ты понимаешь реальность, с которой вынужден сталкиваться правитель. Теперь я вижу, почему Махони так хорошо о тебе отзывался, хотя ты и воевал на противоположной стороне.

Пришел черед Венлоу вспомнить о своем умении играть в poker. На самом деле Ян Махони не только отказался пожать ему руку, как это принято у джентльменов после того, как игра закончена, но и заявил, что он с удовольствием убил бы Венлоу. Медленно. Венлоу ему поверил.

Казалось, император не заметил, что лицо Венлоу приняло отрешенное выражение.

— Последние действия доктора и его правительства, о которых ты, Стэн и... другие агенты доложили мне, свидетельствуют о том,

что Искра превратился в маньяка,— продолжал император.— Поэтому необходимо быстрое и прямое вмешательство.

— Да, ваше величество. Благодарю вас за то, что вы прояснили ситуацию. Боюсь, я не знал, какой путь мне следует выбрать,— солгал Венлоу, который сознательно пошел на это, чтобы посмотреть, какой будет знаменитая реакция императора на очевидную лезть.

Император, однако, отвернулся к другому экрану — Венлоу не мог разглядеть, что на нем происходит.

— Я просмотрел твои предложения на случай резкого изменения плана действий. Очень тщательно подготовлено, Венлоу. Мои поздравления.

— Благодарю вас, сир.

— Очень скоро я сообщу тебе, какие средства ты должен будешь избрать. И еще одно. Нужно внести кое-какие изменения. Я хочу, чтобы ты участвовал в этом непосредственно. Такого рода операции невозможно контролировать издалика. Тут нельзя допустить ошибку.

Венлоу слегка ошетинился.

— Ваше величество, мои операции редко терпят фиаско, и я всегда имею как минимум один запасной вариант.

— Иными словами, если дерьмо начнет падать тебе на голову, ты успеешь слить в безопасное место.

— Меня до сих пор еще ни разу не обвиняли в трусости, сир. Причина, по которой я предпочитаю руководить операцией со стороны, иная: я хочу, чтобы никто не смог заподозрить, кто является моими клиентами. Даже если одного из моих оперативников поймут и он во всем признается, это не будет иметь ни малейшего значения, поскольку никого, кроме пары агентов, сознательно снабженных ложными сведениями, не схватят на месте преступления.

Венлоу не стал говорить вслух, что его планы были настолько хороши, что в свое время ему удалось поймать самую крупную рыбу из всех возможных: вечного императора. Венлоу никогда не был самоубийцей.

— Я не об этом,— сказал император.— Ты *должен* там быть, я приказываю. Потому что тебе надлежит лично исправить ошибку, если она будет допущена.

— Есть, сир.

— Вот и отлично. Я уже говорил тебе, с каким поручением Махони отправляется на Алтай. Кстати, он ничего не знает о нашем плане. Я хочу, чтобы ты как можно быстрее покинул созвездие — сразу после завершения операции. Учитывая предстоящее появление Махони, тебе следует решить несколько задач. Первое: доктор Искра должен быть убит. Немедленно. И он не должен ничего заподозрить до самого последнего момента.

— Естественно, сир.

— Второе: Махони будет гораздо легче выполнить мои приказы, если часть легковесных искателей власти, о которых сообщал мне в своих донесениях Стэн,— те, что выются вокруг Искры, исчезнут вместе с ним. В глазах империи их замена будет достойным действием.

— Правильно ли я понял, что ваше величество выбирает варианты «К» или «Р»?

— Правильно. И ты поймешь, на каком именно варианте я остановился, когда узнаешь о последнем условии. Империя не должна быть вовлечена в эту акцию. Мы не можем допустить возникновения даже малейших слухов. Если один из наших лучших и благороднейших слуг погибнет во время этих событий, мы наверняка сумеем избежать каких бы то ни было подозрений.

— Вы имеете в виду... полномочного посла Стэна, сир?

— Да,— ответил вечный император.— Мы все созданы для того, чтобы служить. И это будет его величайшей услугой мне и империи. Стэн должен умереть.

Книга четвертая

Вихрь

Глава 35

Венлоу был уверен, что легко справится с заданием вечного императора — по крайней мере, в том, что касалось убийства Искры и джо-хианских политиков. А вот идея прикончить Стэна, чтобы создать иллюзию заговора, не вызвала у него ни малейшего энтузиазма. И вовсе не потому, что Венлоу переполняли нежные чувства — именно Стэн и Махони нашли тайное убежище Венлоу, после чего его подвергли отвратительной процедуре сканирования мозга, — просто он считал, что император перестраховывается.

С точки зрения Венлоу, никто за пределами созвездия Алтай не обратит ни малейшего внимания на смерть какого-то паршивого диктатора. А многие наверняка обрадуются — несмотря на подозрения, что вечный император приложил к заговору руку.

Однако приказ есть приказ. Следовательно, Стэн умрет.

Чем больше Венлоу размышлял об этом, тем больше он убеждался в том, что ему выгодно убить Стэна, который слишком хорош в двойной и тройной игре и которого почти невозможно подловить на ошибках. Без Стэна ему будет легче убраться отсюда.

Венлоу по-прежнему злился на императора, приказавшего ему принять непосредственное участие в заговоре. Полнейший идиотизм!.. Венлоу заставил себя не думать об этом. Среди его клиентов было достаточно эксцентричных типов, требовавших выполнения абсурдных заданий, и вечный император не был первым в этом ряду, но зато, вне всякого сомнения, являлся самым влиятельным, а следовательно, Венлоу должен сделать все, чтобы он остался доволен.

Итак, император хочет, чтобы Венлоу вспомнил молодость и еще раз продемонстрировал свои способности. Да будет так. Венлоу добавил лишний час к ежедневным занятиям физическими упражнениями, во время которых, как правило, обдумывал план на день.

Он был достаточно умен и понимал, что должен точно выполнить приказ императора. Почти наверняка упоминание о «других агентах» в созвездии Алтай чистой воды блеф — но зачем рисковать?

Количество трупов не имело для Венлоу никакого значения. Он как следует продумал путь к отступлению — настолько простой, что обязательно должен был сработать. Выполнив задание, Венлоу просто уберется с Джохи и из созвездия Алтай. Отлично. За две недели до прибытия с доктором Искрой на Джохи Венлоу припрятал на запасном посадочном поле неподалеку от Рурика небольшую яхту.

Кто-то однажды сказал, что Венлоу даже в сортир не пойдет, не убедившись предварительно в том, что там есть запасной выход, — если надо, он и в дерьмо прыгнет. Венлоу расценил это заявление как комплимент.

Продумав путь к отступлению, он перешел к вопросу об оружии. Конечно, Венлоу предпочел бы воспользоваться имперским оружием из-за его бесспорного качества, но он планировал оставить оружие убийства на месте преступления, следовательно, нужно было подыскать что-нибудь местного производства. Венлоу ужасно гордился своим вкусом, поэтому решил, что для убийства следует выбрать что-нибудь изысканное. В конце концов он остановился на древнем спортивном ружье, сделанном около века назад специально для охоты на диких животных, которые с тех пор давно перевелись. Он нашел место, где можно было отлить пули, и сделал несколько штук. После этого сам зарядил обойму.

Теперь пора заняться убийцей.

Точнее, убийцами, поскольку император, который платит, жаждет получить за свои денежки грандиозное представление.

Это тоже совсем просто.

Венлоу начал с отрядов особого назначения доктора Искры. У каждого диктатора, на которого Венлоу когда-либо работал, был свой собственный отряд бандитов с более или менее оригинальным названием.

Венлоу не очень серьезно к ним относился. Вслух называл их «бороды» или «бородатые» и отказывался объяснить почему. На самом деле он имел в виду одну из самых бездарных террористических организаций, когда-либо существовавших в природе. Она появилась на свет в незапамятные времена, на древней Земле.

Первый и, с точки зрения Искры, самый важный из этих отрядов особого назначения, глубоко засекреченный, исчез из своего абсолютно надежного и безопасного убежища в одном из особняков, расположенных на окраине Рурика. По этому поводу не возникло никаких слухов, и ни один из штурмовых отрядов не взял на себя ответственность за это загадочное происшествие. Венлоу подумал,

что, поскольку именно этот отряд, по всей вероятности, был ответственным за взрыв, организованный в бараках имперских гвардейцев, Стэн вполне мог доставить себе небольшое удовольствие и стереть отряд с лица земли.

Эта акция имела мгновенный и пугающий эффект. Несколько отрядов особого назначения попросили, чтобы их в полном составе отправили на другие миры, где они готовы исполнить свой долг, сражаясь с богами, суздалями и торками. Некоторые отряды просто перестали существовать, а их члены разбежались. Это привело к тому, что те джохианцы, кто еще сохранил верность Искре, принялись охотиться за ними, объявив предателями.

Сам Венлоу не воспринимал подобные формирования всерьез. Однако вполне мог воспользоваться ими для выполнения задания императора. Он поинтересовался у главы службы безопасности, кто из представителей джохианской армии вызывает наибольшие подозрения, является потенциальным предателем и может принять участие в заговоре и вооруженном мятеже против законного правителя Алтая.

И получил список.

Второй список составила для него армейская разведка. Тот, кто отвечал за него, явно находился в гораздо более уравновешенном состоянии духа.

Имена, встречающиеся в обоих списках, Венлоу заносил в свой собственный. И страшно удивился, обнаружив, каким большим он оказался, — проклятье, даже окружить себя надежными людьми Искра не в состоянии.

Теперь Венлоу знал, каким будет его последний шаг: он соберет всех, кто состоял в тех же воинских подразделениях, что и военные, которых Искра репрессировал, когда прибыл на Джохи, и которые, по его словам, до сих пор содержались в крепости Гатчин. Венлоу ему, конечно же, не верил, однако не стал интересоваться, куда Искра подевал тела.

Венлоу остался доволен окончательным списком своих будущих «помощников». А узнав, что эти люди, у которых были все причины ненавидеть Искру, подавали прошения о переводе в определенные подразделения, Венлоу обрадовался еще больше.

Довольный Венлоу позволил себе даже выпить стаканчик веганского вина. Ничего нет лучше, чем обнаружить уже готовый заговор, который можно использовать в своих собственных целях, — не нужно тратить силы на его организацию. А потом Венлоу послал двух самых надежных агентов на задание: они должны были определить, кто возглавляет зарождающийся заговор.

Четыре молодых офицера. Ни один из них не имел ни малейшего представления о том, какое направление примет их деятельность,

однако они поставили перед собой вполне определенную цель — уничтожить Искру, причем в самое ближайшее время. Эти офицеры не отличались особым умом или хитростью. Если бы Венлоу их не обнаружил, заговор наверняка раскрыла бы военная разведка или какой-нибудь из командиров отряда особого назначения. Со всеми вытекающими последствиями.

В организации состояло тридцать человек — Венлоу решил, что использует всех. Как прекрасно все складывается! Техника убийства, которой Венлоу решил воспользоваться, в его собственном словаре называлась «Стая Алых Крыс». Поскольку Искра ему полностью доверял, Венлоу собрал досье заговорщиков, хранившиеся в разведке, и уничтожил их. Заговорщики стали его должниками — ведь теперь им не грозило превратиться в кучку пепла возле Стены Возмездия. Самое малое, что они могли сделать, это пожертвовать собой ради светлой мечты.

Агенты Венлоу связались с четырьмя офицерами, не сообщая им, естественно, что тайный советник Искры планирует перерезать своему боссу глотку. Венлоу оказался совершенно прав — офицеры были просто счастливы принести эту жертву на алтарь справедливости и светлого будущего народа Джохи.

Таким образом, Венлоу собрал половину своих актеров. Оставалось организовать наличие другой половины — иными словами, жертв.

Ну и конечно же, необходимо подготовить сцену.

Это тоже совсем не сложно.

— Не понимаю,— заявил Искра, который сердито читал записки Венлоу,— в какой целью нужно устраивать весь этот фарс? Что я — иными словами, правительство Алтая — от этого выиграю?

— Солидарность,— ответил Венлоу.

— Каким образом?

— Во-первых, крестьяне обожают дурацкие представления, вы сами писали об этом в одной из своих работ, которая называлась «Революция должна понимать душу народа».

— Верно.

— Во-вторых, возникли разговоры о том, что армия и отряды особого назначения принимают участие в определенных событиях, происходящих на других мирах.

— Пустые разговоры необходимо прекратить и подвергнуть наказанию тех, кто их ведет.

— Вы совершенно правы,— продолжал Венлоу.— Ваши отряды особого назначения успешно с этим справляются. Кроме того, у нас возникнет возможность создать положительный образ. Кто же поверит распространяемым грязным слухам, увидев, как благород-

ные солдаты Джохи проходят торжественным строем мимо своего правителя?!

— Точно.

— Да и вообще, такой парад — великолепная возможность продемонстрировать всем, что вы и ваше правительство пользуетесь всеобщей поддержкой, включая торков, потому что рядом с вами на трибуне будет стоять лидер торков и жители Алтая увидят это на экранах своих телевизоров.

— Мениндер не согласится присутствовать.

— Согласится, — возразил Венлоу. — Потому что ему совсем не понравится предложенный нами альтернативный вариант.

Искра задумался.

— Да, да, Венлоу, я тебя понял. К тому же прошло слишком много времени с тех пор, как я последний раз выступал перед своим народом. Я уже указывал, делая анализ деятельности Ха... этого тирана и чудовища, что он сам подготовил свое падение, причем весьма разнообразными способами. А то, что он прятался в своем дворце, сыграло не последнюю роль. Об этом говорится во втором томе.

— Извините, — сказал Венлоу, — но после работы у меня не остается времени для чтения. И вот еще что, — добавил он, — необходимо пригласить имперского посла.

— Стэна? Я просил императора заменить его, — заявил Искра. — Однако в очередной раз этот человек на Прайме никак не отреагировал на мое требование. Зачем приглашать посла?

Венлоу ужасно хотелось сообщить доктору Искре, что он о нем думает, однако он не доставил себе такого удовольствия. Этот правитель, несмотря на миллионы слов, посвященных политике и законам управления государством, ничего в этих вопросах не смыслил.

— Присутствие посла продемонстрирует народу, что вы пользуетесь высочайшей поддержкой. И что беспокоиться о нехватке АМ-два не стоит. Стэн примет ваше приглашение только по одной причине — он настоящий профессионал.

Стэн выглянул в окно. Погода по-прежнему не обманывала ожиданий: сильная влажность сменялась тяжелыми облаками, которые затягивали небо, потом становилось невыносимо душно, начинался дождь, снова влажность, тучи, подталкиваемые вперед порывами ветра, — никто не знал, как одеваться, если нужно выйти на улицу.

Килгур в это время просматривал поступающие в посольство сообщения.

— Чертов придурок тот, кто делал для меня килт! Посоветоваться со мной он, естественно, не догадался. Пусть только попробует еще раз сунуться к лорду Килгуру за заказом или деньгами, он у меня запоет! Сшил килт старого фасона, такого, как носили пастухи Кэмпбеллы. Представляешь, наглец заявил, что не видит ника-

кой разницы между разными рисунками шотландки и тем, что принято носить у Килгуров.

— Ха.

— Посмотрим, посмотрим... какие у нас тут новости? Хмм.— Алекс фыркнул.— Вот это да, босс. Смотри, как интересно.

Стэн отвернулся от окна.

— Ну, что там у тебя такое, мой нежный мотылек?

— Помнишь маленькое озеро Пити? И метеоролога, который на нас работал, мы тогда были в отряде богомоллов?

— Не очень.

— Мы еще должны были взорвать дамбу на планете, где живут такие странные существа, похожие на тюленей, от них даже пахнет, как от тюленей. Предполагалось, что мы устроим представление, когда начнется сезон дождей, чтобы, с одной стороны, не причинить больших повреждений, а с другой — заставить местное правительство благосклонно отнестись к мирным посланникам империи.

— А... да-да. Подожди минутку. Метеоролог? Человек? Мы еще называли его мистер Ящерица?

— Тот самый.

— Как, черт подери, ему удалось не загреметь в тюрьму? Не говоря уже о суде военного трибунала?

— Понятия не имею. Может, мы в нем ошиблись и все просто души в нем не чают. Может, девушкам нравится то, что он с ними делает. Не знаю. Пишет мне время от времени. Сейчас он просто процветает. Содержит конюшни с настоящими лошадьми с Земли и развлекает богатых барышень. Так вот, я написал ему и спросил, почему на Рурике такая отвратительная погода. Он ответил, что любая большая планета, которая вращается с такой скоростью, имеет большие моря и относительно малое количество земли, несколько лун и высокие горы, рано или поздно плохо кончает.

— Конечно,— проговорил Стэн.

Его не очень занимали проблемы погоды на Джохи. Дальше наблюдений он не шел — еще одна гнусность, характерная для помойки под названием Рурик.

— Он нас предупреждает. Про циклоны. Я лично ему верю. На, почитай сам.

Алекс передал Стэну длинное, написанное от руки письмо. Стэн начал его листать, пока не нашел то место, о котором говорил Алекс. Он, конечно же, помнил мистера Ящерицу, и ему ужасно хотелось как можно скорее расправиться с письмом и хорошенько вымыть руки.

...Так что находиться на Джохи станет просто невыносимо — очень холодно зимой, страшно жарко летом, кроме того, времена года вообще могут перемешаться.

Так тебе и надо, дерьмо ты поганое, за то, что остался в армии.

Тебе следует опасаться одной штуки — мог бы ради меня засунуть своего дружка, ублюдка Стэна, прямо в самый ее эпицентр. Эта штука называется торнадо. Такой маленький вихревой ветерок, который портки с тебя стащит, если ты не спрячешься от него под землей или не свалишь куда подальше.

К этому ветерку следует относиться со всей серьезностью — у него такая мощность турбуленции, что не выдерживают измерительные приборы. Убежать ты не сможешь, так что лучше забиться в какую-нибудь дыру.

В моих файлах имеется целая куча статистических данных, могу их тебе послать, если ты интересовался тем, на что способен торнадо, — например, убить тысячу человек за сорок минут, пронзить соломинкой наковальню, отбросить тактический корабль весом в несколько килотонн на километр, не причинив никакого вреда команде, находящейся внутри... ну и тому подобное.

Самый интересный, с моей точки зрения, случай произошел на Альтаире-3. Тамошние кретины построили свою столицу прямо посередине пояса торнадо (кстати, ужасно похоже на Рурик, о котором ты написал). Так вот, у тамошних торнадо есть свои особенности. Летний полдень, и на город с населением около пяти миллионов жителей наваливается семьдесят два смерча. Одна пятая населения погибла — наверное, они не верили в надежность подземных убежищ.

Чтобы продемонстрировать вам, какой я замечательный парень, дам вам несколько примет, чтобы, прежде чем вас выбросит на орбиту, вы сообразили, что пора уносить ноги.

Во-первых, есть такая вещь, как конвекционное течение, которое ослабит инверсионные слои. Воздух начнет подниматься на десять тысяч метров или около того и будет подвергаться воздействию любого струйного течения, возникающего в атмосфере. Постепенно в движение придут все воздушные потоки в данном регионе, которые дестабилизируют инверсионные слои.

Воздух из струйного течения напоминает огромную трубу, вращающуюся на высоте, и, когда верхушки кучевых облаков приходят с ней в соприкосновение, труба сгибается примерно посередине из-за воздействия поднимающегося вверх воздуха и из-за того, что ротационный ветер усиливается по мере увеличения высоты.

Чем вертикальнее становится труба, тем больше усиливается ветер, но, что еще важнее, возникает движение воздуха по часовой стрелке... Теперь вы имеете огромную вращающуюся трубу, находящуюся в самом центре солидного урагана...

Если у вас есть такая примитивная вещь, как радарная установка, вы сможете рассмотреть эту самую трубу, которая ужасно похожа на вытянутую кошачью лапу.

Стена облаков... считайте ее горизонтальным торнадо... обычно черного цвета, иногда зеленого... стена облаков наклоняется...

...На вас не останется сухой нитки, потому что на земле разразится чертовски страшная гроза.

Вот тут-то вам и следует начать бояться.

Стэн пролистал еще несколько страничек.

...Град и буря... нисходящие и восходящие потоки воздуха... низко нависшие тучи... внезапно часть туч отрывается от стены и начинает вращаться вокруг мезоциклона — южной трубки; не помню сейчас, сколько всего трубок должно быть.

Впрочем, только полнейший кретин захочет их сосчитать, потому что вот тут-то и наступает тот самый момент, что заставит вас отказаться от каких бы то ни было планов на целую неделю.

Письмо было очень длинным, дальше шли бесконечные уравнения — похоже, мистеру Ящерице надоело пугать Алекса, и он решил повнимательнее изучить предмет разговора.

Стэн отбросил письмо в сторону.

— Спасибо, мистер Килгур, вы показали мне, что на этой планете есть еще одна штука, которой нам следует опасаться, поскольку она может, стоит ей только этого пожелать, с легкостью нас прикончить.

— Не стоит благодарности, босс.

Экран моргнул, и Алекс принялся читать сообщение, появившееся на нем.

— Ого! Эта новость будет почище ураганов мистера Ящерицы. Доктор Искра решил устроить смотр своих войск. И был бы очень признателен, если бы посол Стэн принял его приглашение присутствовать на параде. Зачем ему это надо, и дураку ясно. Он хочет, чтобы ты помер с тоски, глядя на бесконечные дивизии вышагивающих солдат...

Алекс повернул экран так, чтобы Стэн прочитал, что там написано. Только безмозглый кретин станет устраивать парад просто так, без какой бы то ни было видимой причины. Что у Искры на уме? Алекс задумался. Ну, во-первых, необходимо поднять моральный дух гражданского населения. Во-вторых, он получает возможность выступить перед народом. Диктаторы просто обожают подобные штучки.

Недостаточно.

Кто-то постучал в дверь. Вошла секретарша и протянула Килгuru конверт, который Алекс распечатал.

— Пришло подтверждение о параде. Написано от руки, самолично Искрой, тебе ясно? Да еще и на настоящей бумаге. Интересно, — задумчиво проговорил Алекс, — какую очередную мерзость задумал наш дружок? Ну что, пошлешь вежливый отказ?

— Нет, пойду.

— Считаю это полнейшей глупостью. Разве ты не можешь заболеть сифилисом или еще чем-нибудь таким же серьезным?

Стэн только покачал головой — оба понимали, что он не может не пойти на парад. В этом как раз и состояла его работа — он обязан принять приглашение, даже несмотря на то, что правительство, находящееся у власти, относилось к нему без особой любви и совсем без уважения. Стэн представлял здесь интересы империи. Следовательно, должен, обязан присутствовать на параде в подтверждение того, что император полностью поддерживает правителя Искру.

— Если ты туда отправишься, — тоном, не допускающим никаких возражений, объявил Килгур, — то не в своем бальном платье, с фиалками в волосах и нежнейшей из улыбок на устах. В данный момент можешь рассматривать меня как главу службы безопасности. Коли ты вынужден играть в игры здешнего главного придурка, это вовсе не значит, что партию следует вести по его правилам.

Стэн ухмыльнулся. То, что Алекс предлагал, было на самом деле настоящим нарушением протокола — ни один уважающий себя дипломат не пошел бы на официальный правительственный прием, как следует вооружившись и взяв с собой охрану. Просто немыслимо. Однако учитывая, как развиваются события в созвездии Алтай и природу прекрасных, прямолинейных и доброжелательных существ, населяющих созвездие, Стэн подумал, что будет правильно, если он не просто возьмет с собой охрану, а еще и удвоит ее.

Огромный кулак Килгура обрушился на металлическую скамейку. Поскольку скамейка предназначалась для хранения генераторов Маклина, используемых в гравитолетах, она только покачнулась, но осталась стоять на месте.

— Прошу вашего внимания! — взревел Алекс, и шум разговоров смолк. Килгур стоял перед гурками и бхорами, собравшимися в одном из гаражей посольства. — Я хочу, чтобы вы смотрели вот на эту карту на стене очень внимательно и до тех пор, пока я не прикажу вам заняться чем-нибудь другим. Буду краток. Все, что вы должны делать, уже заранее определено. Около часа назад я и капитан Синд прочесали этот гараж — «жучков» здесь нет. Так что разговаривать будем прямо, без всяких там иносказательных глупостей. План таков — завтра босс отправляется на это кретинское представление. Оно будет проходить на площади Хакана. Мы считаем, что дело тут нечисто. Поэтому следует быть начеку, понятно? Я хочу, чтобы гур-

ки разделились на группы — по две на каждый гравитолет. Ото, ты получаешь чин сержанта и назначаешься командиром бхоров. Понятно?

— Как скажешь,— прорычал Ото.— Только я не понимаю, как насчет нашего капитана?

— Капитан Синд займется снайперами. У нее превосходная винтовка — такой ни у кого нет. Мы расставим снайперов по двое на крышах еще до рассвета. А теперь слушайте приказ. Если будет совершена хоть малейшая попытка нападения на Стэна — виновник должен быть мертв. Мертв еще до того, как успеет нажать на спусковой крючок. Связь поддерживаем при помощи коммуникаторов, так что в случае покушения вы должны как можно быстрее оказаться на трибуне. Пусть вас не волнует проблема пленных и тому подобные глупости.

— Вопрос?

— Давай, приятель.

— Клянусь бородой моей матери,— прорычал молодой бхор,— вы собрали здесь целую армию только потому, что у вас возникли подозрения...

— И что?

— Я ни в коем случае не собираюсь вам возражать, сэр. Только я хотел бы знать, что вы стали бы делать, если бы были совершенно уверены, что послу угрожает опасность?

Лицо Алекса на мгновение окаменело, а глаза засверкали. Помолчав немного, он сказал:

— Я бы запер Стэна в каком-нибудь подвале, а потом взорвал бы всю их площадь к чертовой матери еще до того, как началась бы эта вонючая церемония. Ну, ладно. Все. Идите займитесь оружием, формой и так далее... Подготовьтесь как следует. Встречаемся за час до рассвета.

— Килгур, это же не мой фрак.

— Конечно. Заткнись и надевай то, что тебе дают. До идиотского парада осталось около двух часов.

— Сидит отвратительно,— пожаловался Стэн, хмурясь на свое изображение в зеркале.— Кто сшил это безобразие? Омар, изготовитель палаток?

— Пиджак сделан из пуленепробиваемой ткани, кроме того, внутри есть несколько потайных карманов для разных полезных вещей.

— Зачем это? На случай, если кто-нибудь захочет застрелить меня из пушки?

— Точно,— улыбнулся Килгур.— Я всегда знал, что ты не так глуп, как утверждает Синд. «Пушка» — наш девиз. Так, а теперь да-

вай застегивайся. Если бы ты узнал, какими глупостями мне пришлось заниматься с тех пор, как пришло сообщение, то перестал бы меня уважать. Давай, парень, шевелись. Мне ведь тоже еще нужно нарядиться. Если будешь хорошо себя вести, я куплю тебе пинту пива, когда вся эта муть закончится.

«Если,— подумал Килгур,— вся эта муть закончится благополучно...»

Гравитолет посла приближался к дворцу, а Стэн разглядывал огромную толпу, собравшуюся по обеим сторонам бульвара.

Если сегодняшний день должен стать праздником, ожидания доктора Искры явно не оправдывались. Лица были сердитыми, такими же мрачными, как и тяжелые серые тучи, затянувшие небо.

Сначала Стэн решил, что гнев жителей Рурика направлен на гравитолеты с имперскими флажками, однако быстро понял, что ошибся. Ярость бушевала в сердцах людей и не была направлена против кого-либо в отдельности — Стэн заметил, как какой-то человек поднял голову, посмотрел на один из военных гравитолетов, патрулирующих улицу, и плюнул себе под ноги.

Ото посадил официальный посольский гравитолет позади громадной трибуны, которая была специально построена для проведения парада. Гравитолет выглядел ужасно — почти все оружие с него сняли, но времени на то, чтобы покрасить машину и привести ее в порядок, не хватило. Она выглядела так, что ее не взяли бы даже на конкурс самых уродливых судов на свете.

Гурки в своей парадной форме, включающей обязательное наличие кукри и виллиганов, легко выскочили из гравитолета и отдали честь сначала джохианскому флагу, установленному у края возвышения, а затем главной трибуне, где должен был стоять доктор Искра, который еще не появился. Впрочем, все остальные высокопоставленные гости уже прибыли и заняли свои места.

Стэн вышел из гравитолета. Сразу за ним следовал Килгур, который решил надеть в этот торжественный день полный церемониальный костюм своей родины: ботинки на плоской подошве, клетчатые носки, в одном из них был спрятан кинжал, килт, спорран с пистолетом, еще один нож на боку, черная жилетка и куртка с серебряными пуговицами, кружевное жабо и кружевные манжеты. На голове Килгура красовался берет, а на одно плечо он набросил плащ из клетчатой шотландки.

Впрочем, если бы Килгур принимал участие в каких-нибудь торжествах в Эдинбурге в качестве лорда Килгура из Килгура, он оделся бы немного иначе. Ботинки он привязал к ногам, чтобы они не соскочили во время бега. Рисунок церемониальной шотландки был очень темным; Алекс объяснял всем желающим послушать, что это

традиционное охотничье сочетание цветов, принятое в его клане. У Стэна были большие сомнения на предмет существования клана Килгуров, а также насчет того, действительно ли тысячи людей, живущих на землях Килгура, настолько точно выполняют принятые в древности традиции. Впрочем, от шотландцев можно ждать и не такого — в этом Стэн убеждался не раз.

Килгур решил не брать полагающегося к костюму меча — на случай осложнения ситуации. Меч — ужасно неудобная штука и обычно только болтается под ногами. Зато плащ Килгура звенел, стоило ему коснуться чего-нибудь твердого. «Похоже, Алекс прихватил с собой целую оружейную лавку», — подумал Стэн.

Посол императора поклонился джохианскому флагу и, отчаянно ругаясь в душе, — гербу Искры. Ото улетел на гравитолете — он будет держать его наготове в парке за дворцом вместе с одним из резервных отрядов.

У подножия лестницы стояли два бандита из отряда особого назначения Искры. В руках они держали детекторы. Алекс только посмотрел на них. Одного взгляда оказалось достаточно — даже у хулиганов время от времени просыпается здравый смысл. Головорезы молча посторонились, смущенно отсалютовав Стэну и его сопровождению.

Гурки остались за спиной у Стэна — и он сразу почувствовал себя спокойнее: за свой тыл ему не придется опасаться. Перед трибуной, плечом к плечу, стояли солдаты из отряда особого назначения.

— У меня есть хорошие новости, — прошептал Алекс. — Всем войскам, проходящим мимо трибун, приказано направлять оружие в сторону. Нарушители приказа будут расстреляны на месте убийцами Искры.

Стэн, пробираясь к своему месту почетного гостя, был удивлен дважды. Во-первых, он увидел Мениндера. Интересно, что заставило хитрого торка прервать добровольное затворничество?

И второй сюрприз. Стэн не сразу сумел узнать этого типа — на трибуне, в черной форме нового «студенческого» движения, которое создал Искра, стоял Милхуз, бывший заговорщик. Рядом с Милхузом мялись двое пожилых людей — наверное, родители. Милхуз встретился со Стэном взглядом, испуганно вздрогнул, но потом, вспомнив о своем новом статусе, вызывающе посмотрел на императорского посла.

Стэн нахмурился, делая вид, что пытается вспомнить лицо этого юноши и не может, потом из вежливости кивнул — мол, наверное, нас представляли друг другу на каком-нибудь приеме.

Стэну стало даже немного жалко этого ублюдка. Предателям никто не верил — в особенности те, кому посчастливилось завербовать их. Как в шпионаже, так и в политике. Впереди у Милхуза обычное

будущее предателя: Искра попользуется им некоторое время, потом выбросит на помойку. А если учесть, что представляет из себя уважаемый доктор Искра, бедняга Милхуз может рассчитывать лишь на неглубокую могилу.

Впрочем, ничего другого он и не заслужил.

Стэн в сопровождении Килгура пробирався к своему месту. Вежливо поздоровался с Доу, одетым в полную парадную форму, вся грудь в наградах — старых и новых. Кивал направо и налево другим политикам и государственным деятелям. Остановился рядом с Мениндером.

— Я рад, — проговорил он, — что вы оправились после вашей семейной трагедии.

— Да, — ответил Мениндер и чуть заметно кивнул в сторону герба Искры. — Никто не знает, насколько я счастлив, что у меня появились новые друзья, которые помогли мне пережить горе и понять, как много для меня значит моя семья, а еще напомнили, что неплохо было бы подумать и о поместьях. В общем, благодаря им я сумел справиться с меланхолией.

Как Стэн и предполагал, Мениндера вынудили присутствовать на параде.

Военный оркестр принялся играть — возможно, считалось, что беспорядочные звуки, рожденные духовыми инструментами, называются музыкой. С террасы дворца начал медленно спускаться доктор Искра — адъютанты следовали за ним по пятам, — потом он важно прошествовал через открытое пространство площади и подошел к трибуне.

— Как ты думаешь, — шепотом спросил Стэн у Килгура, — почему доктор не принимает парад там, где это принято делать?

— Я спрашивал, — прошипел в ответ Килгур. — Мне ответили, что терраса находится слишком далеко, а Искра желает находиться как можно ближе к своим героям.

— Дешевое вранье.

— Ясное дело. Кстати, ты заметил, что трибуна построена не совсем правильно? Мне это не нравится.

Килгур был совершенно прав — трибуна возвышалась над землей не более чем на полтора метра. При сооружении подобных штук было принято поднимать их на такую высоту, чтобы никто из толпы не смог на нее забраться.

Когда доктор Искра начал подниматься на трибуну, члены правительства отсалютовали ему. Зазвенели тарелки, вой, издаваемый оркестром, достиг крещендо и неожиданно смолк. В наступившей тишине Стэн услышал, как издали доносится пение свирели — какой-то уличный музыкант развлекал толпу.

И тут, словно по приказу невидимого повелителя, налетел ветер и разогнал тяжелые грозовые тучи — над площадью засияло непривычно яркое синее небо.

Оркестр снова проснулся и принялся за свою какофонию — парад начался.

На площади Хакана стучали кованые сапоги, громыхали гусеницы танков и визжала военная музыка. Время от времени из толпы раздавались отрететированные заранее радостные вопли.

Стэн аплодировал, приложив руку к боку, как это принято на Алтае, а мимо трибуны все шли и шли ровные ряды солдат и офицеров.

— Пятый батальон, шестой полк, железные гвардейцы Перма, — раздавался из громкоговорителя, расположенного где-то на площади, голос невидимого комментатора.

— По-моему, мы их только что видели, или мне показалось?

— Не-е-е, приятель. То был шестой батальон. Пятый полк. Тебе следует быть повнимательнее.

— Интересно, сколько еще времени это будет продолжаться?

— До бесконечности, — прошептал Килгур. — Пока мы не начнем плакать кровавыми слезами и бормотать славословия в адрес замечательного человека и прекрасного правителя доктора Искры. Это называется массовым гипнозом, дружок.

— Пора, — сказала Синд.

Ее наблюдатель послушно откатился от прицела. Синд заняла его место и принялась оглядывать крыши дворца и окна своего сектора.

Остальные снайперские группы делали то же самое — один наблюдает, а другой находится возле винтовки. Наблюдатель мог работать эффективно всего несколько минут, потом начинал принимать за опасность движение занавески на ветру, тень от трубы или вообще видел несуществующие предметы. Архитектура дворца Хаканов только усложняла задачу, поскольку он был построен, а затем восстановлен, в некоем раннем неоромантическом стиле.

Синд и ее наблюдатель заняли позицию на одной из крыш дворца. Ей удалось найти достаточно удобное место, чтобы разложить запасное оружие и патроны и подползти к краю крыши для более удобного обзора. Темно-алый чехол, как раз под цвет металлической крыши, на которой они лежали, скрывал оружие, а лица обоих снайперов были покрыты темно-коричневой краской.

Уже через несколько минут напряженного наблюдения глаза Синд начали слезиться. Раз за разом она осматривала крыши. Наконец перевела прицел обратно.

— Эрл,— сказала она шепотом, хотя в этом не было никакой необходимости.— Под прямым углом. Окно спальни.

— Вижу,— ответил ее напарник.— Окно открыто. Внутри ничего не видно. Слишком темно.

— Левее на полпальца,— приказала Синд.

— Ага.

— Я займусь ружьем.

Эрл начал было протестовать, а потом взял на прицел указанное место. Синд переместилась немного вверх, а ее руки автоматически принялись готовить винтовку к выстрелу.

На другой стороне площади, чуть левее окна спальни, открылся люк, ведущий на крышу,— еще совсем недавно он был закрыт. Совсем рядом с этим люком шел низкий парапет, который сможет служить прекрасным прикрытием для того, кто захочет незаметно проползти тридцать метров до поворота стены, за которым находилось скрытое углубление — идеальное место для отхода.

Окно располагалось примерно в шестистах метрах от трибун внизу и...

— Прицел?

— Двенадцать... двенадцать — двадцать пять.

— У меня то же самое...

...И вдвое дальше до позиции Синд.

Синд застегнула куртку и прижала приклад винтовки к плечу. Теперь ее тело застыло в полной неподвижности, словно было сведено судорогой смерти. Существовало лишь открытое окно, находящееся более чем в километре от нее.

Она едва расслышала, как Эрл сообщил остальным снайперам, что они засекли возможную цель, и приказал другой группе вести наблюдение.

Венлоу был готов. Его огромное спортивное ружье удобно опиралось о край стола, а сам стол для устойчивости был аккуратно обложен мешками с песком.

Он находился примерно в трех метрах от открытого окна спальни — здорово придумано, снаружи его практически невозможно заметить. Никакой человеческий глаз, даже усиленный оптическим прицелом, не сможет засечь человека в сумраке комнаты, а если какой-нибудь сверхосторожный, помешавшийся на безопасности псих захочет использовать прибор для усиления видимости, отсветы на крыше мгновенно его ослепят.

Венлоу еще раз посмотрел через прицел винтовки, а потом потер глаза. Он успел забыть, каким трудным делом была снайперская стрельба и как быстро рассеивается внимание.

В шестистах метрах под ним находились трибуны.

Венлоу выбрал цели, шесть сигарообразных толстых пуль ждали своего часа в массивной обойме.

Если будет допущена ошибка... первая цель — Искра.

Потом Стэн.

Затем...

Крошечный передатчик, стоящий возле его руки и настроенный на официальную волну, заговорил:

— Восьмой отряд, гвардейцы поддержки, спасители Гамрака, группа разведчиков, Восемьдесят третья легкая пехотная дивизия. Оно.

Настала очередь «Стаи Алых Крыс».

Гравитолеты поддержки пехоты медленно выдвинулись вперед, по три в ряд. Перед ними бежали трусой легковооруженные разведчики.

В каждом гравитолете находился отряд солдат в полной боевой готовности. Пилоты гравитолетов старались держать строй, а командир пехоты отсалютовал трибуне.

В шестом ряду, в самом центре, шагала первая группа убийц Венлоу. Пилот гравитолета, как и все остальные солдаты, принадлежал к числу заговорщиков.

— Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать...

При счете двадцать, как и предполагалось, гравитолет оказался в нескольких десятках метров от трибуны.

Пилот включил генераторы Маклина на полную мощность и резко бросил свою машину вправо.

Гравитолет сделал пируэт, врезался в своего соседа, который мгновенно потерял управление и рухнул на марширующих солдат.

Молодой пилот с трудом удержал управление, а потом гравитолет помчался вниз, ударился о землю и, отчаянно раскачиваясь, заскользил в сторону трибун.

Из него начали выскакивать солдаты — как только их ноги касались земли, они устремлялись вперед, стреляя и бросая гранаты в отряд особого назначения.

Пока охрана приходила в себя, заговорщики успели уничтожить каждого третьего. Затем атакующие перенесли огонь выше, теперь пули ударили по трибуне.

Гравитолеты, летевшие позади, разорвали строй и начали набирать высоту. Отряды особого назначения немедленно открыли огонь по ним — выполняя приказ стрелять, как только случится что-нибудь непредвиденное.

Взвод разведчиков тоже разорвал свой строй и залег. Зазвучали приказы, и ружья взяты на изготовку.

Началась стрельба по трибуне.

Один залп, и новая команда:

— Гранаты!

После чего взвод бросился в атаку.

За четверть секунды до этого гурки, стоявшие за спиной у Стэна, были уже наготове. В следующий момент совершенно неожиданно для всех они оказались в самом центре трибуны, растолкали обезумевших от страха политиков, и пули из их виллиганов, начиненные АМ-2, начали косить заговорщиков.

Стэн полез за отворот своего дурацкого костюма, чтобы вытащить пистолет, но в этот момент на него обрушился Килгур, прикрывая друга телом. В следующий миг Алекс выпрямился, виллиган, словно по мановению волшебной палочки, появился из-под плаща и заработал на полную мощь.

Доу, впавший в транс, уставился на упавшую перед ним гранату — какое безобразие, — а потом как следует лягнул ее. Граната свалилась с трибуны и тут же взорвалась, отбросив генерала на Мениндера. Оба упали. Доу был сильно контужен.

Мениндер начал было отталкивать массивное тело генерала в сторону, но потом передумал. Лучшего щита сейчас нигде не достанешь, сообразил торк, а затем направил все силы на то, чтобы прикиннуться настоящим трупом.

Глаза доктора Искры округлились, он начал хмуриться, совсем как профессор, который собрался отругать любимого ученика за то, что тот не может ответить на простой вопрос, и тут прямо перед ним возникла залитая кровью женщина. Искра поднял руки, пытаясь оттолкнуть от себя эту ужасную фигуру.

Женщина успела выстрелить в лицо Искры четыре раза, прежде чем ее прошла очередь из автомата одного из охранников.

Стэн, зажав пистолет в руке, откатился в сторону и начал подниматься на колени, а его сознание фиксировало крики толпы, вспышки выстрелов, рев двигателей гравитолетов, работавших на полную мощность.

Краем глаза он заметил, как к трибуне несутся гравитолеты бхоров, потом увидел, что в него целятся два человека, и выстрелил... бум, бум... они упали замертво... надо искать новую цель...

Довольная улыбка застыла на лице Венлоу, когда он коснулся прицела и навел его на цель.

Искра мертв. Точно.

Мениндер и Доу ранены — скорее всего. Не имеет значения — не они его беспокоили.

Так. Теперь пришла очередь Стэна.

Этого ублюдка невозможно убить. Он поднимается на ноги... Задерживаем дыхание... медленно выдыхаем... касаемся спускового крючка... готовы к отдаче... начинаем нажимать... Пора!

Он почувствовал, как приклад ударил ему в плечо. Дымящаяся гильза отлетела в сторону, шелкнул механизм винтовки, следующая пуля вошла в дуло, проклятье, прицел ушел в сторону...

— Стэн упал,— произнес лишенный эмоций голос по коммуникатору.

«Запрещаю,— приказала себе Синд.— Не смотри. Не поворачивайся. Продолжай наблюдать за окном этой спальни, и тогда ты увидишь, как занавеску отбросило вспышкой изнутри, ублюдок знает свое дело, спрятался в темноте...»

Она послала три пули с АМ-2, одну за другой, в открытое окно...

Килгур сделал парадный костюм Стэна пуленепробиваемым. Однако человек ни за что не сможет устоять на ногах, когда пуля весом более сотни граммов ударит в него на скорости порядка восьмисот метров в секунду, если только он или она не находятся внутри танка,— пуленепробиваемый жилет столь же полезен пешеходу, в которого врезался автобус.

Видимо, Венлоу слишком давно не тренировался, потому что задача показалась ему слишком сильной.

Расстояние в шестьсот метров не является проблемой для современного оружия. Тем не менее этот фактор следует учитывать, в особенности если твое оружие должно донести до цели такую тяжелую и массивную пулю. Поэтому траектория, которую описала пуля, пущенная из древнего ружья Венлоу, представляла из себя высокую арку. Сказывалось влияние ветра, а также потоков горячего и холодного воздуха.

Пуля должна была попасть Стэну в живот. Вместо этого она сначала ударила в тяжелый стул под ним, а потом разорвалась. И в основном срикошетировала в неизвестном направлении. Однако оболочка пули ударила непосредственно в защитный костюм Стэна, как раз в основание одной из бронированных пластин, вставленных Килгуром. Стэна отбросило с трибуны. Самовключаящаяся подушка сообразила, что настал нулевой час, и неожиданно императорский посол стал ужасно похож на детскую игрушку, плавающую в ванне; затем, когда он упал на трупы, подушка лопнула, а перед Стэном оказался кто-то со штыком на ружье.

Каким-то образом пистолет так и остался в руке Стэна, поэтому он моментально пристрелил противника и принялся оглядываться по сторонам, прежде чем сообразил, что все еще жив и слышит этот чудесный, чудесный боевой клич: «Айо!..» На помощь прибыли гурки.

Заряды АМ-2, выпущенные Синд, превратили маленькую комнату в ад и, оглушив Венлоу, заставили его сделать несколько шагов назад; однако он быстро пришел в себя и, спотыкаясь, побежал в сто-

рону открытого люка. Но нет, там его наверняка ждут, он ведь сам все спланировал заранее, ему нужно вниз, вниз.

Рука Венлоу сама нашла шнур, дернула, и две дымовые шашки, которые он приделал по обе стороны от люка, взорвались одновременно.

Подожди... подожди... подожди, пока станет побольше дыма... пора.

Сквозь люк — и прочь отсюда.

— Вот черт, промазала, — пробормотала Синд, когда перевела перекрестье прицела к открытому люку, который теперь заполнял дым.

— С послем все в порядке! Повторяю, с послем все в порядке, — проблеял коммуникатор.

Неужели в результате взрыва начался пожар?

«Дьявол! Это же дымовая завеса, — сообразила Синд, увидев быстрое движение — человеческая фигурка скрылась за парашютом. — Э, да ты хитрец».

— Эрл. Три короткие очереди. По центру вон той стены. На один метр от водосточной трубы. Давай!

Бум... бум... бум.

Старый камень, из которого был сделан парашют, раскрошился. Сквозь прицел Синд увидела небольшую зазубренную дыру.

Ну, как тебе там, за стеной, о чем ты сейчас думаешь? Может быть, считаешь, что достаточно быстр — или что я промахнусь, а ты успеешь проскочить мимо этой маленькой дырочки?

Синд вздохнула и выстрелила. Ее единственная пуля пролетела сквозь отверстие и взорвалась где-то по другую сторону парашюта.

Да, дружок. Я из тех стрелков, что могут положить пулю в это отверстие столько раз, сколько захотят.

Теперь, как мне кажется, у противника должен возникнуть вопрос: хорошо ли он продумал путь к отступлению, потому что я бы предпочла уходить другим путем.

— Эрл, присматривай за дымом.

— Его дело дрянь. Дым рассеивается.

Очень хорошо. Ну, так что мы имеем? Мы имеем тебя, ты лежишь на брюхе за парашютом. Путь к отступлению заблокирован дырой, которую Эрл просверлил в парашюте, ну и кроме того, тебе известна одна совсем простая вещь: покажись мне на одно коротенькое мгновение — и тебе конец. Примерно в двенадцати метрах в стороне от дыры, пробитой Эрлом, возле самого окна в спальню парашют кончается. Значит, ты лежишь где-то там, в этом промежутке.

Начнем потихоньку исследовать территорию...

Синд выстрелила еще раз в подоконник, который с грохотом рассыпался. Да. Ну, если бы я лежала там, какое бы место я выбрала?

Ближе к окну или к этой трещине? Я бы подобралась к трещине и стала ждать чуда, которое поможет мне проскочить мимо.

Прицел на подоконник... Так. Синд зафиксировала положение прицела. Начала перемещать его в сторону, так что перекрестье заскользило вдоль парапета, однако дуло было по-прежнему направлено на разбитый подоконник. Примерно... здесь. Готово. Синд выстрелила. Пуля с начинкой из АМ-2 мигом пролетела километр, разделявший здания. Затем, в соответствующем месте, пуля заложила вираж.

Венлоу лежал на животе, стараясь придумать, что делать дальше, — в точности так, как и предполагала Синд.

Пуля ударила его в основание крестца и взорвалась. Верхняя половина тела Венлоу подпрыгнула вверх, перелетела через парапет и приземлилась на наклонную крышу. Потом, раскинув руки, словно пытаясь за что-нибудь зацепиться, то, что раньше было Венлоу, соскользнуло вниз, перевалилось через край и упало на площадь с двухсотметровой высоты.

С того момента, как взорвались дымовые шашки, прошло немногим меньше двух минут.

Милхуз стоял на трибуне один. Он вдруг понял, что все еще жив. Только он.

Там... лежали тела его родителей.

Он будет скорбеть о них.

Однако их династия не умрет.

Искры больше нет.

Но Милхуз жив.

На его лице появилось выражение священного благоговения и самодовольства.

Именно в этот момент один точный удар кукри снес ему голову, и она, оставляя алые следы, покатилась с трибуны.

Джемедар Лалбахадур Тапа сделал шаг назад, когда обезглавленный труп упал на пол трибуны. Затем убрал свой кукри и удовлетворенно кивнул.

Гурка был в университете Пушкин.

На площади Хакана было почти тихо, если не считать стонов раненых и рева моторов разбившихся гравитолетов.

Стэн слышал крики, доносившиеся из толпы, когда еще не до конца пришедшие в себя отряды безопасности начали расчищать площадь. В нескольких метрах от себя Стэн заметил тело доктора Искры.

Яркое синее небо над головой снова затянули грозовые тучи. «Вот так-то, — подумал Стэн, — вот чем кончаются прогнозы погоды, колдовские предсказания и прочая чушь».

Он подошел к телу и перевернул его ногой.

— Мертвое не бывает,— заметил Алекс.

— Это точно.

— Ну,— Алекс зашагал рядом со Стэном,— король сдох, да здравствует король, и все такое прочее. Что будем делать?

Стэн как раз об этом и думал.

— Будь я вдвойне проклят, если у меня есть хотя бы малейшее представление,— честно признался он.

Глава 36

Тридцать семь земных часов спустя над Руриком разразилась гроза. Стэн составлял подробное сообщение об убийстве доктора Искры — вслед краткой телеграмме, которую он послал вечному императору на Прайм-Уорлд через несколько минут после того, как вернулся в посольство.

Позвонил кто-то из космопорта и сообщил, что имперский отряд или отряды передали, что они готовятся к высадке.

Ни Стэн, ни Алекс не успели даже подумать: что это такое — поддержка или просто имперские отряды, случайно оказавшиеся поблизости. А может быть, вторжение?

В небе раздался грохот, который перекрыл бы самую сильную джохианскую грозу,— мимо посольства пронеслись корабли.

— О господи! — воскликнул Алекс.— Я и не видел столько с тех пор, как закончилась война. Кажется, их... две, нет... три эскадрильи. Слетающими крепостями. Кто-то решил взяться за дело всерьез — или просто они узнали, что мы тут.

Стэн ничего не ответил — он тоже смотрел на небо. За военными двигалась вторая волна кораблей.

Большие суда для транспортировки войск, запасные корабли и прикрытие. Целая дивизия имперских солдат прибыла на Джохи.

Ну и какого черта...

— ...вы здесь, Ян?

— Ты хочешь получить ответ позавчерашнего дня,— спросил Ян Махони,— или тебя интересует, что произошло после того, как мы перехватили твоё веселенькое послание на Прайм?

— Любой — только чтобы я понял,— ответил Стэн.

Они стояли на флагманском мостике имперского линейного корабля «Отпор», на котором развевался флаг Махони. Пустой до этого космопорт Рурика заполнили корабли, совсем как на военных базах Прайм-Уорлда.

Стэн и Алекс не ошиблись — прибывшее подкрепление состояло из трех эскадрилий и собственного отряда Махони, Первой гвардейской дивизии. Ян поприветствовал их, представил адмиралу, воз-

главлявшему флотилию, довольно официально державшемуся типу по имени Лангсдорфф, отослал его с мостика и открыл бутылку напитка, который производился специально для императора и назывался виски.

— В таком случае я расскажу вам все с самого начала. Сразу после бомбежки барачков император приказал мне собрать воедино все здешние миротворческие силы и прибыть в подходящий момент с подкреплением на Джохи. Я должен поддерживать тебя и проследить за тем, чтобы Искра остался на троне.

Стэн поджал губы.

— Значит, он так и не изменил своего мнения? Относительно Искры.

— А что, должен был?

— Угу. Я из кожи вон лез, чтобы убедить его сделать это. Ладно, позже расскажу. Ситуация с Искрой разрешилась сама собой.

— И мои приказы изменились,— сказал Махони.— Созвездие Алтай должно полностью подчиниться Прайм-Уорлду.

— Централизованное правление,— присвистнул Алекс.— Да это же никогда не было решением проблемы!.. Простите, сэр.

— Килгур, тот день, когда ты *не* вставишь в разговор свое веское словечко, будет для меня великим днем, нет, праздником. Мне сложившаяся ситуация тоже не нравится, но я получил приказ.

— И на какой срок установлено правление?

— Мне не сказали.

Стэн держал в руках стакан с нетронутым виски и раздумывал, как бы лучше сформулировать вопрос.

— Ян, каковы ваши приказы относительно меня?

— Никаких, а что?

— Не знаю.

Стэн объяснил Яну, что просил императора освободить его от должности посла, но получил отказ. Теперь, когда Искра умер, а созвездие находится на грани хаоса, он предполагал, что его либо с позором отправят домой, либо по меньшей мере предложат новое назначение.

— Я думаю,— произнес Махони,— ты должен оставаться послом. По крайней мере, до тех пор, пока все здесь не успокоится. А потом, как мне кажется, одного из нас отправят куда-нибудь в другое местечко. Вряд ли император станет держать двух своих самых лучших специалистов по урегулированию конфликтов в одном и том же регионе в течение длительного времени. Ему есть куда нас послать.

— Это уж точно.

— Кроме того, по-моему, нет никакой необходимости беспокоиться о проблеме старшинства и должностей.

— Я не это имел в виду.

— Ладно, договорились. Давай посмотрим, как заставить этих кретинов подписать что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее перемирие, начиная с завтрашнего дня. И выбрось все эти глупости из головы, Стэн. Живя среди местных кровожадных уродов, ты стал каким-то нервным, прямо параноик, да и только.

— Похоже,— согласился Стэн и, выполняя приказ Махони, попытался расслабиться.

Теперь, во всяком случае, появился человек, на которого можно рассчитывать при принятии ответственных решений. Впрочем, в глубине души Стэн считал, что созвездие Алтай непременно найдет способ втянуть Махони, вооруженные силы и имперских гвардейцев в кровавую анархию, столь милую их душам.

Глава 37

Они сидели на берегу безжизненного пруда Мениндера. В то время как Стэн рисовал мрачные картины будущего, ожидающего Алтай, старый торк молчал.

— Вы находитесь в такой точке истории,— говорил Стэн,— когда возможность улучшить положение и катастрофа имеют одинаковые шансы. Вам выбирать, что произойдет дальше.

— Не мне,— проговорил Мениндер.— Выбор делают люди, у которых есть надежда. А у меня сейчас столько же надежды на лучшее будущее для моего народа, сколько на то, что я поймаю хоть какую-нибудь рыбешку в этом пруду.— Он махнул рукой в сторону мертвой воды.

— Но кто-нибудь же должен заменить Искру! — воскликнул Стэн.— Вполне возможно, что один тиран придет на смену другому. Зачем оставлять решение такой серьезной проблемы на волю случая?

— Потому что в одиночку никто не сможет успешно управлять Алтаем,— объяснил Мениндер.— Это я вам сообщаю на случай, если вы не заметили, что договориться с нами не так-то просто.

— Я заметил,— сухо сказал Стэн.

— По правде говоря, мы вообще плохо ладим друг с другом. Многие из нас с удовольствием поубивали бы своих соседей. Так что на верхушку пирамиды заберется самый главный убийца. По определению, так устроена наша дурацкая система. Самое большое и самое гнусное племя старается вытряхнуть душу из всех остальных. Поэтому ничего и не меняется.

— У меня есть несколько идей на этот счет. Я хотел предложить вам создать коалиционное правительство.

— Коалиция,— фыркнул Мениндер.— На Алтае? Исключено.

— Но вы же почти организовали ее,— спокойно сказал Стэн.

Глаза Мениндера сузились.

— Что вы имеете в виду?

Стэн не стал притворяться и сказал напрямую:

— Тот обед с Хаканом... я ни на секунду не поверил в вашу историю.

— А во что вы верите? — ледяным тоном поинтересовался Мениндер.

— Я думаю, что Хакана никто не приглашал. Он ни за что не сел бы за один стол с кучей суздалей, богази и торков. А уж тем более не стал бы есть с ними. Я думаю, вы — генерал Доу, Ютанг и Диатри — не имели ни малейшего понятия о том, что он появится на вашем собрании. На самом деле вы встретились для того, чтобы придумать способ от него избавиться. А вы являетесь единственным существом в этом созвездии, кто в состоянии собрать в одном месте представителей всех народов, живущих на Алтае, и организовать заговор. — Стэн холодно улыбнулся. — Если это так, следовательно, вы — единственный человек, кто подходит для воплощения моей идеи о создании коалиционного правительства.

Мениндер молчал. В похвале посла звучало обвинение.

— Я не понимаю только одного, — заметил Стэн, — как вам удалось убить старого ублюдка.

— Я этого не делал, — ответил Мениндер. А потом добавил: — Мы этого не делали.

Стэн пожал плечами.

— Впрочем, меня это совершенно не интересует.

— Вы согласились бы отдать власть убийце?

— Назовите мне кого-нибудь, кто не является убийцей, — попросил Стэн.

Мениндер немного подумал, а затем сказал:

— А если я не соглашусь? Вы отстанете от меня?

Стэн только посмотрел на него.

— На этот раз нет.

— Значит, на самом деле у меня нет выбора, — подытожил Мениндер.

— Может быть, и нет. Только вы сумеете добиться успеха, если будете думать, что выбор у вас все-таки был.

— В таком случае лучше я как можно быстрее скажу «да», — со вздохом проговорил Мениндер.

— Тут я с вами совершенно согласен, — кивнул Стэн.

— Снова Мениндер, — рявкнул вечный император. — Почему ты все время настаиваешь на его кандидатуре?

— Потому что, сир, он самый подходящий человек для этого поста, — ответил Стэн.

Вечный император, прищурившись, посмотрел на него.

— Не означают ли твои слова, Стэн, вот что: «Я вам это уже говорил, сир?» Не хочешь ли ты сказать, что я все испортил, назначив правителем этого кретина доктора Искру?

— Не мне судить о правильности ваших решений, сир.

— Почему же тогда я слышу упрек в твоём голосе? — спросил вечный император.

— Профессор был самым лучшим выбором из совершенно негодных кандидатур, сэр, — вмешался Махони. — Это же любому ясно. Именно поэтому, сир, я считаю, что в идее Стэна есть свои достоинства.

— Комитеты издают отвратительные законы, — возразил император. — Так было всегда. И так всегда будет. Не успеете вы и глазом моргнуть, как у каждого члена комитета возникает своя собственная идея и своя собственная повестка дня — причем все это основано на чистейшем эгоизме. И тогда консенсус превращается в фарс. За него платят властью, деньгами или похотью, а иногда всем сразу.

Император осушил свой стакан. Голографическое изображение великого правителя махнуло рукой, чтобы Стэн и Махони последовали его примеру.

— Комитеты — это куча дерьма, — сказал он, но настроение его заметно изменилось.

Стаканы опустели и снова наполнились спиртным. Стэн начал было что-то говорить, однако Махони едва заметно ему подмигнул, и он замолчал, предоставив своему старому другу продолжить этот тяжелый разговор.

— Я с вами совершенно согласен, сир, — сказал Ян. — Управление страной при помощи коалиционного комитета, скорее всего, окажется абсолютно бесперспективным. Но в данном случае это может быть временным решением проблемы. Которое в конечном итоге приведет к возникновению стабильного правительства.

— Ну-ка объясни, что ты имеешь в виду, — приказал император.

— Создание коалиции, — начал Махони, — будет иметь побочный эффект. Эта акция может привести к тому, что страсти немного утихнут. Они хотя бы на время перестанут думать только о насилии.

— Ход твоих рассуждений вполне логичен, — согласился император. — Давай продолжай.

— А что, если мы поставим коалиционное правительство в жесткие временные рамки, сир? Это и вот это должно быть сделано к такому-то сроку. В противном случае коалиция прекращает свое существование. Автоматически.

— Этакий хитрый закон, — прокомментировал император.

— Вот-вот, сир, — согласился Махони. — Комитет должен быть заменен более стабильной системой к назначенному вами сроку.

Император задумался. И сказал:

— Ладно. Победил. Разворачивайте кампанию.

— Спасибо, сир,— сказал Стэн, стараясь скрыть облегчение, которое почувствовал.— И вот еще что...

Император только махнул рукой.

— Да-да, знаю. Вам нужна какая-нибудь демонстрация моего благорасположения, того, что я с вами заодно.

— Да, сир.

— Как насчет императорского приема? Отправьте Мениндера и остальных на Прайм. А я устрою при дворе целое представление. Благословлю их священную миссию, несущую мир... ну и тому подобное... Они вернутся домой героями. Подойдет?

— Просто замечательно, сир,— сказал Стэн.

Император потянулся к кнопке, собираясь отключить связь, но потом остановился.

— Надеюсь, на этот раз у вас все получится как надо,— рывкнул он, и его изображение исчезло с экрана.

Стэн повернулся к Махони.

— Ян, я ваш должник.

— Запиши куда-нибудь, а то забудешь,— рассмеялся Махони.

— Это Конни Джордж, я веду прямой репортаж из космопорта Соуард. Господа, делегация из созвездия Алтай должна приземлиться с минуты на минуту. Посмотрите, сколько народу собралось, чтобы встретить и поприветствовать их. Том!

— Грандиозная встреча на Прайме, Конни. О господи! Исторический момент! Не сомневаюсь, что наши зрители не могут оторваться от экранов телевизоров, ожидая, когда им представится возможность увидеть уважаемую делегацию — и все это благодаря тому, что студия «КРСАКС» получила эксклюзивные права на репортаж. Интересно, о чем сейчас думают наши зрители, Конни.

— Наверное, о том же, о чем думаю я, Том. Ой-ой-ой! Какая потрясающая новость!

— Точно, Конни. Точно... гмм... Ну-ка, скажи нам, что ты думаешь об этом... гмм... историческом... гмм... моменте, Конни.

— В официальном сообщении императорского пресс-агентства говорится, что на борту находится четыре существа. Цель их жизни — творить мир. В официальном сообщении больше почти ничего и нет, Том.

— Нет... гмм... да?

— Извини, Том, я попрошу капитана Пауэрса сделать так, чтобы мы оказались немного поближе. Вы можете подобраться немного левее, к посадочной площадке, Гэри?

— Попытаюсь, Конни. Только тут довольно-таки интенсивное движение, и диспетчеры сегодня ведут себя даже слишком сурово.

— Они же стараются как следует выполнять свою работу, Гэри. А ведь это такая трудная работа!

— Ты права, Конни... Ладно... Держи линию... Господи, откуда взялся этот лихтер?

— Может быть, это наши конкуренты, Гэри. Ха-ха. Прости меня, Том, надеюсь, наши зрители поймут нас правильно.

— Конечно, Конни. Они знают, что именно мы являемся главной студией новостей на Прайме. «КРСАКС».

— Ты совершенно прав, Том. Ну-ка посмотри, какой вид!

— Да уж, впечатляющее зрелище. Вы отлично работаете, капитан Пауэрс!

— Спасибо, Том. Проклятье! А ну, вали отсюда, ты грязный ублю...

— Осторожно, Гэри. Нас ведь и дети смотрят. Ха-ха... Теперь, когда мы получили совершенно исключительный вид для нашего исключительного прямого репортажа, Конни, почему бы тебе не рассказать зрителям, что ты еще знаешь про созвездие Алтай.

— Чудесно, Том. Так вот, потрясенный трагической гибелью профессора Искры, вечный император придумал план — специалисты утверждают, что план просто гениален, — как разрешить жизненно важные проблемы Алтая. На борту этого корабля находятся существа, которые поведут свой регион галактики к миру. Возглавляет делегацию выдающихся политических деятелей созвездия сэр Мениндер. Его миротворческие усилия на тысячу процентов поддерживают все торки, населяющие Алтай. Том!

— Так и должно быть, Конни. А теперь расскажи нам о... гмм... об остальных. Очень представительная группа граждан, не так ли, Конни?

— Ты прав, Том... Суздалей возглавляет Ютанг, известный дипломат и политический деятель созвездия Алтай. Богази представляет существо, пользующееся таким же бесконечным уважением, — Диатри. И наконец, сэр Грэй от основного населения — джохианцев.

— Отлично сработано, Конни. Расскажи, пожалуйста, нашим зрителям, какие праздники будут устроены в честь... гмм... почетных... гмм... гостей.

— Ну, можешь не сомневаться, Том, жители Прайм-Уорлда, знаменитые своим гостеприимством, не подкачают и на этот раз. Во-первых, гостей ждет грандиозный прием в Соуарде.

— Извини, Конни, я хочу только напомнить нашим зрителям, что мы будем передавать этот прием в прямом эфире. Как только корабль приземлится.

— Давай, Том.

— Гмм... я только что это сделал, Конни. Ха-ха.

— Ха-ха. Ладно. Затем вечный император наметил большой официальный прием во дворце. Его мы тоже вам покажем.

— Исключительный репортаж, Конни. Прямой и исключительный.

— Вот именно, Том. А за официальным приемом будет императорский бал, который назначен на сегодняшний вечер. Затем...

— Извини, что прерываю тебя, Конни, но к нам поступило сообщение: корабль приближается.

— Не стоит извиняться, Гэри, ты же делаешь свою работу. Ха-ха. А теперь давайте посмотрим, на какое расстояние мы можем к ним приблизиться. Зрители «КРСАКС» получают потрясающую возможность увидеть этот исторический момент своими собственными глазами.

— Диспетчеры рассердятся.

— Не беспокойтесь, капитан Пауэрс. Там, в диспетчерской башне, сидят отличные ребята. Кроме того, они всего лишь...

— Я знаю, Конни... делают свою работу.

Мениндер смотрел на корабельный видеоэкран — космопорт быстро приближался. И вынужден был признать, что его охватило волнение.

«Ты волнуешься, как мальчишка, старый, глупый торк. А что в этом плохого? Ну что ж, будь честным до конца. Ты ни разу в жизни нигде не был. А теперь увидишь Прайм-Уорлд. Об этом мечтает каждое живое существо с... да, черт подери, с начала времен».

Мениндер рассмеялся про себя и посмотрел на остальных членов делегации. Они были так же взволнованы, как и он сам. Обычно сердитая усмешка Ютанг превратилась в восторженную шенячью улыбку. А Диатри раскрыла свой клюв, изумленно таращась на чудеса Прайма. Мениндеру было не видно джохианца, Грэя, но зато он слышал, как тот тихонько фыркает.

«Ну-ка, прекрати, Мениндер. У тебя впереди серьезное дело. Да-да, можешь не сомневаться... Но разве сейчас, всего на несколько мгновений, я не могу снова стать ребенком? Ведь я увижу вечного императора. В самом настоящем замке. Может быть, даже пожму ему руку. Проклятье. Проклятье. Проклятье. Жаль, что меня сейчас не видит моя мама».

Неожиданно Мениндер заметил на экране гравитолет. На его боку было написано: «КРСАКС». Какие-то телевизионщики? Потом он мельком подумал, что капитан подлетел уж слишком близко. Нет. Это же лучшие из лучших, разве не так? Самая великая компания, передающая новости с великого Прайм-Уорлда. Настоящие профессионалы.

Но... о, кретинство! Гравитолет приближается! Эй! Что происходит?

— Берегитесь! — крикнул Грэй. — Мы сейчас...

Мениндер почувствовал толчок и увидел, как экран почернел, а потом взорвался. Огромная тяжелая рука ударила его в спину. Загрело кресло.

Мениндера бросило вперед. Ему навстречу неслась дальняя стена каюты.

Он услышал крикикрикикрикикрикикрики. Подумал... вот дерьмо!

— Это «КБСНК», мы ведем прямой репортаж из космопорта Соуард. Сообщаем тем, кто присоединился к нам позже, — в главном космопорте Прайм-Уорлда произошла страшная трагедия. Корабль с делегацией представителей народов созвездия Алтай, которая направлялась сюда для жизненно важных мирных переговоров с вечным императором, столкнулся в воздухе с лихтером, на борту которого находились представители местной службы новостей. Предполагается, что все погибли. На место происшествия выехала имперская группа расследования. Вечный император приказал приспустить все флаги и объявить недельный траур. А теперь мы возвращаемся к другим новостям. Как только появятся новые сообщения, мы немедленно поставим вас в известность. Это Пит'р Джиинингс, прямой эфир, «КБСНК». В следующие двадцать две минуты...

Глава 38

Стэн в задумчивости смотрел на темное небо Рурика. Единственный свет исходил от вечного огня на площади Хакана. Все застыло в ожидании.

Он почувствовал, как рука Синд коснулась его плеча.

— Мениндер был нашей последней надеждой, — промолвил Стэн.

— Я знаю.

— Это я уговорил его. А он хотел только сидеть и смотреть в мертвый пруд. Хотел покоя.

— Я знаю.

— Он был хитрым старым псом, но... черт побери, я хорошо к нему относился.

В ответ Синд только сильнее сжала его плечо.

— Я не имею ни малейшего представления о том, что делать дальше, — сказал Стэн.

— Может быть... император что-нибудь придумает.

— Конечно.

— Ну, тогда Махони.

— Он растерян не меньше меня. Сейчас Ян задраивает люки. Готовится.

— Ты считаешь, что ситуация настолько серьезна?
— Да, дело дрянь.
— Но ведь никто не виноват. Если не считать вонючих кретин из службы новостей. Проклятье, это же несчастный случай!

— Они думают иначе.— Стэн показал на притихший город.— Они считают, что это был заговор. Что император выманил Мениндера и остальных на Прайм, чтобы покончить с ними.

— Просто смешно. Зачем ему их убивать?

— Им не нужна причина,— ответил Стэн.— Они хотят свалить вину на кого-нибудь. Наконец-то мы облажались. Значит, крайний нашелся.

Синд вздрогнула. Стэн обнял ее за плечи.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты здесь... со мной... Вот и все.

Синд еще теснее прижалась к нему.

— А ты попробуй выгнать меня,— пробормотала она.— Только попробуй.

В полном мраке, который окружал их, Стэн впервые увидел слабый лучик надежды. Они молча сидели обнявшись.

Наступил рассвет. Над горизонтом медленно восходило огромное солнце — красное и злое.

Несколько минут спустя раздались первые выстрелы.

— Начались налеты, повсюду снайперы, город наводнен мародерами,— сказал Килгур.— Это, конечно, не радует, но тут есть свои плюсы.

— Интересно, что может быть хуже? — поинтересовался Стэн.

— Именно этого я и боялся, дружище.

— Чего именно?

— Их вонючая армия. Разве ты не заметил, что нигде нет солдат?

— Если подумать, я и вправду нигде не видел джохианских войск. Но я считал, что это хорошая новость. Давай. Убеди меня в том, что я ошибаюсь. Я уже начал привыкать к такому положению вещей. Мне даже будет этого не хватать — потом.

— Именно присутствие армии здесь вносило во все путаницу, разве ты не заметил? — сказал Алекс.— Они все тут какие-то несчастные. Даже радоваться не умеют. Наверное, на них действует отвратная погода. Мне их немного жаль. Такое впечатление, что на завтрак они поглощают большие порции ненависти вместо хаггиса.

— Спасибо, что напомнил о набитом овечьем желудке, Килгур. Ням-ням. Теперь я чувствую себя гораздо лучше.

— А я радуюсь, глядя на тебя, приятель.

— Расскажи об армии.

— Об отсутствии армии, сынок.

— Ладно, ладно.

— Ну, черт побери, ее здесь нет, не так ли? Ни одного солдата, ни одной солдатской шляхи во всем Рурике. Мои летучие мышки уже давно носятся над городом — успели всюду сунуть нос. Бараки пусты. Офицеры куда-то смылись.

— Проклятье, и где же они?

— Мудрый вопрос. Я хотел задать его нашей серебристой лисе.

— Генералу Доу?

— Угу. Только его тоже нет.

Стэн подскочил на стуле.

— А он-то где?

— Отбыл вместе с войсками. Маневры, так объяснил отсутствие генерала его пресс-атташе — настоящий вонючий хорек. Большие маневры в Альпах. — Алекс показал в сторону мощной горной гряды, широкой дугой опоясывающей долину Рурик.

— Маневры? Вот дерьмо! Ты ведь в это не веришь, да?

— Не-е-ет. Если только джохианские войска — храбрые парни и красотки — не отправляются на маневры с полным боезапасом.

— Дерьмо, — пробормотал Стэн.

— Не напрягайся так, старина. Будет еще хуже.

Возможно, Доу и был седым дураком с крошечным, усохшим мозгом. Однако, усевшись на походном стуле в своем горном командном пункте, он выглядел как настоящий военачальник. И вел себя со всей строгостью, положенной чину.

— Нам не требуется никаких доказательств, — оскалился генерал через стол переговоров. — Настаивать на доказательствах — последнее прибежище трусов.

— Еще ни одного суздаля никто не называл трусом, — последовало ответное рычание.

Это был Тресс, предводитель военных сил суздалей.

— Не стоит обижаться, — вмешался Снайдер. Он был кузеном Мениндера и теперь стал фактическим вождем торков. — В этом и состоит наша главная проблема на Алтае. Всякий раз, когда мы пытаемся объединиться, кто-то начинает крутить носом и все рушится.

— Уважение должны иметь мы, — сказал Хоатцин.

Его голос был хриплым и усталым. Жена Хоатцина, Диатри, погибла вместе с Мениндером и остальными. И теперь именно Хоатцин должен был вести богази в битву. Если до этого дойдет.

— Разделяй и покоряй. Разделяй и покоряй. Таким всегда был девиз императора, — сказал Доу.

И он вовсе не лицемерил. Генерал и в самом деле забыл, что доктор Искра говорил теми же словами, хотя и в ином — джохианском — контексте.

— Значит, мы сражаемся,— сказал Тресс.— Какой у нас есть шанс? Против вечного императора? Его могущество...

— Кого волнует его могущество? — вмешался Доу.— Созвездие принадлежит нам, населяющим его народам. Объединившись, мы обязательно победим.

— Император не так силен, как он думает,— сказал Хоатцин.— Сражался с Тааном много лет. Победил, да. Но это была плохая победа. Слишком долгая война. Солдаты, я думаю, устали. Кроме того, я согласен с генералом, это не их земля. За что им сражаться?

— И все же,— не сдавался Тресс,— императора еще никому не удавалось победить.

— Однажды такое случилось,— возразил богази.— Должно было случиться. Почему же еще император исчез? Я думаю, он сбежал от Тайного совета.

Никто до сих пор не рассматривал исчезновение императора в таком свете. Так нельзя было думать. Подобные размышления могли повлечь за собой обвинение в предательстве.

— Нам необходимо объединиться,— сказал Доу.— Впервые в нашей истории мы должны встать плечом к плечу в борьбе за общее будущее. Наше дело правое. Наши солдаты не знают страха. Нам не хватает только доброй воли.

Наступило долгое молчание.

На дереве запела птица.

Тресс поднялся на задние лапы.

— Я должен поговорить со своим народом,— заявил он.

— И что вы им скажете? — спросил Доу.

— Что мы будем сражаться. Вместе.

Синд никак не могла разобраться со снайпером.

— Только не надо суетиться, красавица,— посоветовал Алекс.— Они следили за всеми.

— Клянусь замороженными ягодицами моего папаши, ты меня достал.

— А теперь ты поносишь меня по-бхорски. Никакого уважения к седому мудрому наставнику. Тебе должно быть очень стыдно, барышня.

— Кончай трепаться, Алекс. Как он мог пробраться во дворец? Каким образом оказался в самом удобном для стрельбы окне? Почему у него было столько времени на подготовку? Откуда он узнал, где будет Стэн? Как ему удалось подготовить путь для отхода?

— Целая команда наших людей пытается найти ответы на твои вопросы, Синд. Они допрашивают заговорщиков.

— Ну, тогда у нас нет никакой надежды,— вздохнула Синд.— Слишком много подозреваемых. Слишком много разных показаний. Гораздо больше шансов выиграть в имперскую лотерею.

— Ты считаешь, что смогла бы добиться большего?

Синд немного подумала, а потом кивнула.

— Конечно. Потому что они ищут не там, где надо. Этот парень был профессионалом. Выбор позиции, старое спортивное ружье, пули ручного изготовления... У меня нет никаких сомнений.

— Ладно. Твой мертвый стрелок был профессионалом. Снайпер есть снайпер. Что еще тебя гложет? — Неожиданно для себя Килгур заинтересовался. Возможно, Синд что-то нащупала.

— Две вещи. Первая — личная. Он пытался убить Стэна. Проклятье, ему это почти удалось!

Тут Килгуру было нечего возразить — он только развел руками.

— Однако больше всего меня поразило то, что он был *единственным* снайпером. Черт возьми, это же абсурд. При данных обстоятельствах на крышу должен был забраться целый взвод. Или ни одного. Если только кто-то не хотел наверняка покончить со своим врагом. Понятно? Мы знаем, что к тому моменту ему не нужен был Искра. В докладе коронера говорится, что атака снизу была вполне успешной. Но Стэна им убить не удалось. Поэтому... бум! Он попытался покончить со Стэном. И если бы не ты и твой костюм...

Алекс задумался.

— М-да... Однако этого еще мало.

— Мало чего? — раздался голос Махони. — Какую еще гадость вы тут готовите?

Они повернулись и увидели вошедшего в комнату Яна Махони. Синд уже успела привыкнуть к тому, что крупные существа умеют двигаться почти беззвучно. Взять хотя бы Алекса или ее приятелей бхоров. Но Махони ее удивлял. И дело тут не в том, что Ян был уже совсем немолодым человеком... Крупное тело ирландца и круглое доброжелательное лицо совсем не подходили существу, способному красться, как кошка, и беззвучно появляться прямо у тебя перед носом.

Она собралась было встать по стойке «смирно», чтобы поприветствовать старшего офицера, однако Махони небрежно махнул рукой.

— Признавайтесь, что вы тут замышляете.

Синд рассказала ему о таинственном снайпере. Махони внимательно выслушал ее, а потом покачал головой.

— Согласен, тайна заслуживает внимания, — сказал он. — Этот человек несомненно был профессионалом. Значит, его наняли и работодатель уже успел замести следы. Следовательно, если вам даже удастся установить личность снайпера, больше вы ничего не узнаете. В некотором смысле этот человек может оказаться весьма интересным типом. Однако боюсь, что решить уравнение вам все равно не удастся.

— Я не могу согласиться с вами, сэр,— сказала Синд.— Никак не могу. Это некий инстинкт. Профессиональный. Понимаете, когда я пыталась поймать гада, мне пришлось заставить себя думать, как он.

— Естественно,— проворчал Махони,— продолжай.

Отставной шеф богомоллов вдруг почувствовал, что ему становится интересно.

— И очень скоро мне это практически удалось. Я даже мысленно прозвала его Хитрец.

— Ну так чем же Хитрец отличается от других? — нетерпеливо спросил Махони.

Синд вздохнула.

— Он прекрасно знал местность и цель. Я хочу сказать, что Хитрец провел некоторое время во дворце. И еще мне кажется, что он сделал все, чтобы получше познакомиться с привычками своей будущей жертвы. Иначе он чувствовал бы себя неуютно. Да. Хитрец хотел знать Стэна. По-настоящему. Иметь представление о его привычках. Он должен был понимать, куда Стэн кинется, когда возникнет неожиданная опасность.

Махони ударил ладонью по столу.

— Конечно! Он наверняка пытался проникнуть в посольство. Или присутствовал на каком-нибудь официальном приеме, который устраивал Стэн.

— Именно,— сказала Синд.— А это значит, что Стэн или Алекс могут опознать его.— Она посмотрела на Махони.— Сэр, я хочу, чтобы Стэн отправился в морг и осмотрел труп.

— Вот ты ему об этом и скажи,— нахмурившись, предложил Махони.

— Он посчитает, что это пустая трата времени, сэр. Может быть, вы...— Синд замолчала.

— Я притащу его туда за ухо,— пообещал Махони.— Пошли, Алекс, поболтаем с послом.

В подвальном помещении морга, где, несмотря на обработку антисептиками, стоял неприятный сладковатый запах, от которого начинало щипать язык, было холодно.

— Подождите секунду,— сказал служитель.— Я еще не закончил ужинать.— Он помахал в воздухе толстым бутербродом. Томатный соус просочился сквозь хлеб.

Синд была готова вцепиться ему в глотку. Им с трудом удалось уговорить Стэна отправиться в морг. Поддержка Махони и Килгура не помогала — он наотрез отказывался идти.

Забавно, что теперь именно он выступил вперед. Вместо того чтобы приказывать, кричать и возмущаться, он вытащил из кармана пачку кредиток и помахал ею у служителя под носом.

— Вы вполне можете захватить ужин с собой,— небрежно бросил Стэн.

Служитель одной рукой схватил деньги, а другой, с зажатым в ней бутербродом, предложил им пройти внутрь.

— Это единственная возможность привлечь к себе внимание бюрократа,— прошептал Стэн на ухо Синд.— От криков они становятся еще упрямее и тупее.

Служитель шел вдоль ряда холодильников.

— Так, посмотрим... Куда я положил этого типа?

Он ткнул в какую-то кнопку, и из холодильника выдвинулись носилки с трупом. На посетителей повеяло холодом.

Служитель взглянул на труп. Капелька соуса упала на тело. Он вытер капельку пальцем и облизал его.

— Нет. Не тот.— Нажал кнопку, и дверца с шумом захлопнулась. Служитель рассмеялся.— Кажется, я зря потревожил его покой.

Никто никак не отреагировал на шутку. Он пожал плечами.

— У нас было много работы после того, как умер Хакан. Клиентов столько, что мы просто сбились с ног.— Служитель снова рассмеялся.— Моя жена теперь счастливее, чем свинья в дерьме. Уже несколько месяцев я получаю двойную плату за сверхурочные. Еще один такой матч со стрельбой, и мы купим домик, о котором давно мечтали. Тогда и на покой можно уйти.

— Вам повезло,— проговорила Синд.

Служитель понял ее тон.

— Это ведь не я прислал их сюда, леди,— сказал он.— Ваша работа. Вы кончаете их, а я складирую. Таков мой девиз.

Он нажал на другую кнопку. Снова открылась дверца. Служитель заглянул внутрь.

— Вот он, тот самый тип, за которого вы выложили денежки. Все еще мертвый. Ха-ха. Животик ему отхватило, ребята. Ну, можете посмотреть, что вас ждет в будущем.— Он ухмыльнулся в сторону Синд.— И вы, леди, тоже.

Однако первым заглянул Махони.

Он отреагировал мгновенно. И бурно.

— Боже милосердный! Это же Венлоу!

Стэн отшатнулся.

— Не может быть.— Потом посмотрел сам.— Проклятье! Действительно Венлоу.

— Совершенно невозможно,— пробормотал Алекс, когда пришла его очередь,— но это он.

Сначала Синд не понимала, о чем они говорят. Потом вспомнила. Венлоу был убийцей императора!

— Я думала, он...

— В тюрьме самого строгого режима,— закончил за нее Стэн.— Последний раз, когда я о нем слышал, Венлоу находился так глубоко

ко под землей, что солнечный свет приходилось туда закачивать искусственным способом.

— Наверное, сбежал,— предположила Синд.

— Абсолютно исключено,— сказал Стэн и снова посмотрел на труп.— Однако... он здесь.

— Во всяком случае, его верхняя часть,— уточнил Алекс.

Махони нахмурился, глядя на восковые черты покойника. Он вспомнил тот день, когда доставил Венлоу наверх. И их последующий разговор. Венлоу обладал способностью выбираться из любых передрыг — даже если попадал в самую надежную тюрьму империи.

— Интересно, что он здесь делал? — спросила Синд.— Кто мог...

В этот момент загудел передатчик на поясе у Махони. Он быстро включил его.

— Махони, слушаю.

До них донесся встревоженный голос дежурного офицера:

— Вам следует вернуться обратно как можно быстрее, сэр. Мы только что засекали флот, приближающийся к Джохи. Они не отвечают на наши запросы, сэр.

Махони бросился к выходу. Остальные последовали за ним.

Забывший труп Венлоу так и остался лежать в морге — угроза немедленного нападения заставила всех забыть о его тайне.

Служитель морга, который подслушал сообщение, поспешил к жене, чтобы доложить ей о радостной новости.

Глава 39

Адмирал Хан Лангсдорфф, очевидно, проспал или прогулял лекцию об основных стратегических ошибках — впрочем, это произошло лет пятьдесят назад.

Он был полон презрения ко всем и уверенности в своих силах, когда взял три боевые имперские эскадры, чтобы остановить вторжение объединенных флотов богази и суздалей. Простая, но кровопролитная операция. Во-первых, он предполагал, что эти примитивные существа — Лангсдорффу довольно успешно удавалось скрывать тот факт, что он являлся ярым ксенофобом,— разом наложат в штаны, когда увидят железный кулак империи. Ну а потом немного придут в себя, испытают священный ужас и, в самом худшем для флота империи случае, пойдут в лобовую, безрассудную атаку.

Лангсдорфф оставил небольшой отряд крейсеров в качестве приманки, а основные силы расположил по большому кругу у них за спиной.

Противник попытается атаковать имперские силы, развернется к Лангсдорффу флангом, после чего будет разгромлен.

Не слишком сложный план. Но простота есть главное преимущество в сражении. А кроме того, что могут объединенные силы пернатых и зубатых против империи?

Конечно же, адмирал Лангсдорфф был не первым командующим, который с презрением относился к врагу. История сохранила подробный список подобных случаев.

Катастрофа, случившаяся с Ксинг-Ню в Туркестане. Маленький Рог. Изандхлвана. Магерсфонтейн. Суомуссалми. Дьен Бьен Фу. Сарагосса. И так далее, и так далее...

Наверное, имя флагманского корабля тоже сыграло свою роль. Лангсдорфф смутно помнил, что много, много веков назад существовал морской корабль, который его создатели окрестили «Отпор». И что корабль такого класса назывался боевым крейсером. Правда, больше Лангсдорффу ничего о том корабле известно не было.

Он не знал, что тезка «Отпора» — и еще один боевой корабль — спокойно заплыли в нейтральные воды, уверенные в том, что уже само присутствие боевых кораблей вселит в сердца врагов ужас; что никто не станет рисковать и посылать в открытое море самолеты; и уж конечно же, ни один из представителей столь презируемой монголоидной расы не посмеет напасть на великолепные создания империи.

Японским бомбардировщикам потребовалось меньше часа на то, чтобы потопить оба боевых корабля.

Лангсдорфф осмотрел экран. Мощные имперские сенсоры засекли объединенный флот суздалей и богази. Адмирал презрительно фыркнул. Эти существа ничего не могут сделать как следует. Если бы он собрался атаковать чужую звездную систему, то собрал бы побольше боевых кораблей — даже если бы для этого пришлось реквизи́ровать грузовые и транспортные суда.

Две эскадрильи крейсеров нанесли прямой удар по имперским кораблям — приманке, которую оставил адмирал. Всего несколько минут спустя два других соединения суздалей и богази — они сосредоточились вокруг тактических кораблей и тяжелых крейсеров — атаковали имперские силы сверху и снизу одновременно. Челюсти шелкунчика сомкнулись.

Имперские крейсеры повели ответный огонь — но силы оказались неравными.

Тогда адмирал Лангсдорфф бросил в сражение линейные корабли, чтобы рассеять левый фланг противника. Точно так же попытались нанести удар турки в морском сражении при Лепанто. Однако, в отличие от турок, Лангсдорфф не оставил никаких сил в резерве.

Командиры флота суздалей и богази, как и Лангсдорфф, считали, что план сражения должен быть максимально простым. Их тактика опиралась на классическую картинку: маленькую рыбешку заглатывает другая, побольше, а ту хватает акула, которую в конечном счете проглатывает кит.

Потому что вне сомкнувшихся на приманке челюстей находились истинные силы суздалей и богази. Их адмиралы дождались, пока весь

флот Лангсдорффа вступит в бой. После чего они сомкнули вторые челюсти на куда более привлекательной добыче: на сей раз им попался весь ударный флот империи.

Лангсдорфф был мертв прежде, чем успел послать призыв о помощи — помощи, которой не существовало.

Для империи битва оказалась настоящей катастрофой.

Флот суздалей и богази потерял пять крейсеров, четырнадцать истребителей и ряд вспомогательных кораблей. От всего имперского флота остался лишь один линейный корабль, три крейсера и несколько вспомогательных суденышек.

Суздали и богази с триумфом возвращались на Джохи. Их победу, однако, никто не будет изучать в военных академиях — даже на Алтае.

Почему-то бойни никогда особенно не интересуют солдат.

Поражение Лангсдорффа создало предпосылки для широкомасштабного вторжения — и Первая гвардейская дивизия устремилась к враждебному миру.

Глава 40

Здание посольства содрогалось под мощными порывами ветра, налетевшего с гор. Даже здесь, в конференц-зале, расположенном в подвале, Стэн слышал раскаты грома.

Его била дрожь, но не от холода и промозглой погоды, а от слов, произнесенных необычным существом, парившим в метре от пола.

— ...К сожалению, должен сказать, что я не ошибся. Чтобы убедиться в собственной правоте, я, невероятно рискуя, отправился к доктору Рикор. Меня не покидала надежда, что я не прав. И что наш мудрый друг сможет вернуть меня к реальности.

Сэр Эку взмахнул хвостом, подлетел к Стэну и коснулся его руки щупальцем.

— Однако я не ошибся. Вечный император сошел с ума — в результате чего нас ждут ужасные несчастья.

Стэн ничего не сказал. Во второй раз в жизни он почувствовал, что осиротел. Он работал и сражался для императора с тех самых пор, как повзрослел, после того, как погибла вся его семья.

— Не могу в это поверить, — сказал Махони, который уже довольно давно начал подозревать, как на самом деле обстоят дела, тем не менее не мог смириться с жестокой правдой.

— Мне очень жаль, мой старый друг, — проговорил сэр Эку. — Но вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, что я прав. Однако... я должен сказать вам обоим еще кое-что.

Он спустился поближе к полу и поискал что-то в открытом чемоданчике. Через мгновение в руках у Махони оказалась микрофиша.

— Это данные, собранные агентами. Видите ли, когда я убедился в безумии императора, мне стало интересно, кто же является его советчиком сейчас. С кем он общается? И кто выполняет его приказы?

Махони посмотрел на микрофишу.

— И что же вы узнали?

— Пойндекс, — ровным голосом ответил Эку.

Стэн присвистнул — еще один, и весьма неожиданный, удар.

— Он же предатель, — запротестовал Махони. — Сначала предал императора, чтобы стать членом Тайного совета, а потом — их всех, чтобы спасти свою шкуру!

— Именно. А теперь Пойндекс занят тем, что пытается воплотить в жизнь идею императора о превращении имперских провинций в доминионы. Мои агенты сообщили мне, что вы отказались от этой работы. По моральным соображениям.

Махони в отчаянии откинулся на спинку стула.

— Неужели такое возможно? После стольких лет?

Но манаби еще не покончил с плохими новостями. Теперь настала очередь Стэна. Ему сэр Эку вручил две папки в картонных обложках. Одна была голубой, другая красной. Стэн послушно прочитал надписи на обеих.

— Ваше личное дело, — объяснил сэр Эку. — Прошу прощения, что вмешиваюсь...

Стэн пожал плечами. Разве теперь это имело значение?

— Первая папка — голубая: официальные данные, предназначенное для публики перечисление ваших заслуг перед империей. Если прочитать эту папку внимательно, можно заметить определенные пробелы, пропуски, которые очень искусно закамуфлированы.

Стэн и Махони знали, что эти так называемые пропуски были секретными миссиями, выполненными Стэном на службе императора.

— Вам не стоит тратить силы и пытаться объяснить мне, что вы делали в те, пропущенные, годы, — сказал сэр Эку. — Я, естественно, догадываюсь о природе заданий, которые вы тогда выполняли.

— Спасибо, — устало кивнул Стэн, — вероятно, я должен вас благодарить.

— Стэн, я прошу вас, загляните во вторую папку, — промолвил сэр Эку.

Стэн открыл красную обложку и увидел титульный лист со знаком внутренней безопасности. Тут он с удивлением посмотрел на Эку.

— Мной занималась внутренняя безопасность?

— Расследование в данный момент уже закончено, — сказал сэр Эку. — Когда у вас появится время прочитать, что там написано, вы

узнаете, что у господ из этой организации совсем другое мнение на предмет пропущенных в вашем официальном досье лет. Они приходят к совершенно бесспорному мнению, что вы предатель, Стэн. Вы, один из самых лояльных подданных императора, стали инструментом в руках его врагов.

Стэн быстро пролистал страницы и увидел нанизанные, словно бусины на нитку, факты. Закрыв красную папку.

— Оружие против меня, не так ли?

— Совершенно верно. Если вы потерпите неудачу в каком-нибудь предприятии — или навлечете на себя гнев императора, — все ваши достижения отправятся псу под хвост, прошу извинить за грубость.

Стэн почувствовал, как на него надвигаются стены комнаты. Он с трудом взял себя в руки.

— Спасибо за предупреждение, сэр Эку. Все же... мне кажется, что вас беспокоит не только моя репутация.

Сэр Эку ужасно рисковал, предпринимая этот визит. Да, конечно, он воспользовался абсолютно надежным транспортом, которым обеспечила его Ида из Рома — старая приятельница Стэна еще по тем временам, когда они вместе служили в отряде богомоллов. Если кто-нибудь узнает о природе его миссии, опасность угрожает не только сэру Эку, но и всему его народу.

Манابي решил забыть на время о дипломатических приемах и красивых словах.

— Я надеялся, что вы сумеете помочь, — сказал он.

Стэн был потрясен.

— Помочь? Но... как? Я не командую армиями и флотами. Я всего лишь...

— Не надо пугаться, юноша, — проговорил сэр Эку. — Я и сам толком не знаю, о чем вас прошу. Кроме как... подумать... хорошенько подумать. Когда эта гнусная алтайская история закончится, навестите меня на моей родной планете. И вы тоже, Ян. Как-то раз, в прошлом, нам удалось совершить чудо, помните?

— Ну, это же был всего лишь Тайный совет, — возразил Стэн, — а не вечный император.

— Мне кажется, Стэн, мы должны прислушаться к тому, что он говорит, — сказал Махони, почему-то переходя на шепот. — Я давал присягу на верность символу. Вовсе не человеку.

Стэн молчал. Он не знал, как объяснить свои чувства. Никакими словами нельзя было описать его потерю. Король и вправду умер. Да здравствует король. Неожиданно он подумал: «Ну и что меня теперь удерживает? Разве я кому-нибудь что-нибудь еще должен? Не считая Синд, конечно. И моих друзей». Он подумал о Мостике,

и ему ужасно захотелось оказаться в своем домике на берегу замерзшего озера, окруженного лесом и горами.

— Поищите кого-нибудь другого, — заявил он сэру Эку. — Я не хочу показаться неблагодарным, но собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы использовать ваше предупреждение с самыми эгоистичными целями.

— Я все равно буду вас ждать, юноша, — ответил манаби. — Потому что верю в вашу способность находить правильные решения в любой ситуации.

— Вам, пожалуй, пора отправляться домой, — резко сказал Стэн. — Мои люди проводят вас на корабль. Желаю счастливого пути. И спасибо за визит.

Стэн поспешил к двери. Махони последовал за ним, только гораздо медленнее.

— Рикор так и сказала: сначала вы откажетесь, — крикнул вслед Стэну Эку. — Но в конце концов все равно придете ко мне.

Стэна охватила ярость. Он сердито посмотрел на существо, производившее столь далекий и опасный путь, и прорычал:

— Ваша Рикор может валить ко всем чертям!

— Просто подумайте хорошенько, Стэн, — донеслись прощальные слова Эку. — Это поможет нам сэкономить кучу времени.

Ослепленный яростью, Стэн промчался сквозь приемную. Ему было необходимо убраться отсюда. Подальше. Все равно куда. Напиться. Сломать что-нибудь.

Он даже не заметил перепуганного лица офицера, дежурившего в приемной, когда пронесся мимо входных дверей и направился в само здание посольства.

Тяжелая рука опустилась Стэну на плечо, и Махони резко повернул его к себе. Стэн чуть не ударил старого друга.

— Стэн! Послушай меня, черт тебя подери! Ты помнишь, что я сказал тебе тогда, на Прайме? Еще прежде, чем началась вся эта кутерьма? А теперь... по-моему, мне известно, где может находиться ответ на наш вопрос.

Стэн стряхнул его руку.

— Ян, с меня достаточно этих развлечений. Пусть кто-нибудь другой поищет ответы на любые вопросы, какие только пожелает. Провались оно все пропадом! Меня это больше не интересует.

Неожиданно они увидели четырех громил в форме службы внутренней безопасности. Когда Стэн сообразил, что может означать их присутствие, он похолодел.

Представители ВБ направились прямо к ним. Капитан показал ордер. Другой моментально вытащил пластиковые наручники. Стэн выпрямился — он был готов.

Однако капитан ВБ прошел мимо него и обратился к Яну — вот тут-то у Стэна закружилась голова.

— Прошу вас следовать за нами, правитель Махони.

Стэн смотрел на них, широко раскрыв рот. Что за кретинство тут происходит? Почему они не арестуют *его*?

— По чьему приказу? — услышал он громоподобный голос Махони.

— По приказу вечного императора! — рявкнул капитан ВБ. — Вас обвиняют в некомпетентных действиях перед лицом врага. Вы освобождаетесь от командования. Вас отправят на Прайм-Уорлд, где предадут суду... и если суд признает вашу вину, вы понесете наказание.

Стэн отчаянно пытался понять, что происходит. Вероятно, они сейчас говорят о том, что произошло на Спорных мирах. Глупое, унижительное поражение адмирала Лангсдорффа.

Он встал между офицером ВБ и Махони.

— Но... Ян тут совершенно ни при чем!

— Освободите дорогу, посол, — приказал капитан.

Стэн повернулся, чтобы позвать на помощь, однако вовремя сообразил, что вряд ли здесь найдутся люди, которые окажутся настолько глупы, чтобы поспешить на его зов.

— Все в порядке, Стэн, — сказал Махони. — Давай не будем усложнять ситуацию. Я готов. — Ян повернулся к офицеру.

Стэн беспомощно наблюдал, как его друга грубо толкнули к стене, заставили расставить ноги и подвергли тщательному и унижительному обыску. Руки Махони, заломленные за спину, были так туго стянуты наручниками, что налились кровью и стали пунцовыми.

Прошло всего несколько минут, а Махони уже вывели из здания посольства.

— Я свяжусь с императором, — крикнул ему вслед Стэн. — Это же ошибка, я знаю. Ужасная ошибка.

— Отправляйся домой, приятель, — прокричал в ответ Ян, когда дверь за ним практически закрылась. — Вспомни, что я тебе говорил, — и отправляйся домой!

Щелчок... дверь захлопнулась. Яна Махони увели.

Стэн бросился в комнату связи и оттолкнул офицера в сторону. Сам набрал код и нажал на кнопку сигнала.

— Я хочу поговорить с императором, — рявкнул он, когда ему наконец ответил какой-то клерк. — И немедленно, чтоб ты сдох!

— Прошу прощения, посол, — ответил клерк. — Однако я получил четкие указания. Император не желает с вами разговаривать. Ни при каких обстоятельствах.

— Подожди, ты, грязный ублюдок! — Стэн уже практически не владел собой. — Это посол Стэн! А не какое-нибудь вонючее ничтожество вроде тебя.

Представитель императора сделал вид, что внимательно изучает бумагу на своем столе.

— Извините. Никакой ошибки нет. Император лично приказал нам вычеркнуть ваше имя из списка лиц, имеющих доступ к его системе связи. Мне очень жаль, если этот факт причиняет вам неудобства... не сомневаюсь, вы сможете получить все, что вам необходимо, по официальным каналам.

Экран потемнел.

Стэн откинулся на спинку стула. Теперь единственное, что он мог сделать для Махони, — молиться.

Но ведь он же только что лишился всех богов...

Глава 41

Увольнение и арест Махони окончательно подорвали боевой дух имперских вооруженных сил. Для Стэна Ян Махони был не только учителем и другом, но и человеком, спасшим ему жизнь на Вулкане. Для Килгура, практически не доверявшего офицерам, Махони, среди всего прочего, являлся уважаемым командиром — он служил под его началом в спецотряде богомоллов еще до того, как встретил Стэна.

Для Синд, Ото и бхоров Махони был старейшиной и почтенным полководцем. Все дружно согласились с тем, что, если он каким-нибудь образом оскорбил императора, тот должен был дать ему шанс отрезать бороду при большом скоплении народа — на каком-нибудь официальном собрании — и оставить его ждать приговора, а не заставлять покинуть посольство в сопровождении вооруженных солдат, словно какого-нибудь преступника.

Для Первой гвардейской дивизии Махони был не просто одним из них, поскольку начал военную службу именно в рядах этой дивизии, но и самым уважаемым командиром. Он возглавлял ее во время Таанской войны. Нынешний командир дивизии Пайдрак Сарсфилд имел под своим началом лишь один из батальонов, когда они выполняли задание на Кавите — планете, напоминающей преисподнюю.

Никто не мог понять, какую ошибку, не говоря уже о преступлении, совершил Ян Махони.

Впрочем, никто не обсуждал случившегося.

Это событие, да и сама ситуация были слишком спорными, чтобы вести о них разговоры. Солдаты даже не возмущались странным происшествием.

Стэну придется предпринять какую-нибудь акцию, чтобы поднять боевой дух своих людей. Правда, он плохо себе представлял, что

тут можно сделать. К тому же стремительно развивались события: к Рурику на полной скорости приближался флот суздалей и богази. Стэн не знал, как остановить вторжение.

Гурки и адмирал флота Масон имели свое собственное мнение на предмет отставки и ареста Махони.

Алекс ворвался в кабинет Стэна, с грохотом захлопнув за собой дверь. Во все стороны полетели щепки, но дверь устояла.

— Только что, — заявил он, сразу переходя к делу, — я раскоди-ровал наш приказ к выступлению. Так вот, мы никуда не выступаем. Гриф «только для прочтения». Приказ исходит не от нашего кре-тинского и всеми уважаемого императора, чтоб он горел в адском пламени, а от какого-то придурка из его кабинета.

Он бросил на стол Стэна распечатку. Она была короткой:

«Действуйте согласно инструкции. Будет установлено прямое им-перское правление. Поддерживайте общественный порядок».

— И написано, как это сделать, — возмущался Алекс. — Кое-кто там окончательно спятил — и я знаю, кто именно. Этот летучий па-рень был совершенно прав.

Стэн не обращал ни малейшего внимания на возмущение Алекса.

— Ну и что теперь? — поинтересовался Килгур.

Стэн принял решение.

— Ты можешь внести кое-какие изменения в журнал приема со-общений?

— Левой ногой. Хочешь представить так, что мы получили при-каз отвалить, или?..

— Нет. Слишком сложно будет подтвердить этот приказ. Мы его просто не получали.

— Есть, сэр. — Килгур повернулся, чтобы уйти. — Знаешь, прия-тель, когда мы отсюда в конце концов слиняем, я не стану больше служить императору. Он не заслуживает той клятвы, что я ему при-нес.

— Давай сначала позаботимся о том, чтобы убраться отсюда по-добру-поздорову. Это довольно трудно будет сделать, — спокойно проговорил Стэн.

— Адмирал Масон, я освобождаю вас от командования «Побе-дой».

— Есть, сэр.

— Я хочу, чтобы вы возглавили то, что осталось от флота этого придурка Лангсдорффа, — плюс корабли сопровождения, которые прибыли с гвардейским транспортом.

— Есть, сэр.

— «Победой» и крейсером с тактическими кораблями, который привел ее назад, буду командовать я.

— «Беннингтоном», сэр.

— Благодарю вас.

— Каковы будут ваши приказания? — спросил Масон по-прежнему холодным, безжизненным голосом.

— Мы готовимся к эвакуации всех имперских подданных с Джохи и со всего созвездия Алтай. Правда, я не очень понимаю, как это можно сделать с минимальными потерями.

— А Первая гвардейская дивизия?

— Я беру под свое командование и их тоже.

— Есть, сэр. Могу я высказать свое мнение?

— Можете, — ответил Стэн.

— Вы считаете, что имеете достаточно высокую квалификацию, чтобы взять на себя роль генерала?

— Адмирал, я считаю, что никто не обладает достаточной квалификацией, чтобы организовать отступление под огнем противника, — а именно это мы и собираемся предпринять. Но должен напомнить вам, что однажды мне уже удалось успешно провести подобную операцию. Во время военных действий. На планете, которая называлась Кавите. Ну, какие еще оскорбительные инсинуации вы заготовили? Давайте выкладывайте.

— У меня есть всего один вопрос.

Стэн кивнул.

— Почему все изменилось? Мне казалось, что император хочет сохранить за собой созвездие Алтай. Мне казалось, что эта дыра имеет принципиально важное дипломатическое значение, хотя я и не знаю всех деталей.

— Сегодня утром я отправил донесение на Прайм, — соврал Стэн, — в котором сообщил императору, что мы не сможем удержать Алтай. И не получил никакого ответа. Поэтому я считаю, что необходимо начать эвакуацию. Если ситуация изменится, вы узнаете об этом первым. Это все, что я хотел вам сказать.

Катера-разведчики сообщили, что корабли суздалей и богази находятся в трех земных днях от солнечной системы Джохи.

— Генерал Сарсфилд, вы один?

— Да, сэр.

— Я хочу, чтобы вы занялись своей дивизией. Упакуйте все, что не имеет отношения к военным действиям. То, что не является жизненно необходимым для сражения на земле, можно погрузить на транспортные суда. Меня интересует минимальное время, за которое ваша дивизия может сняться с места.

— По инструкции мы должны быть в состоянии полной боевой готовности через десять земных часов. Можем справиться за пять.

— Хорошо.
— Могу я спросить, куда мы направляемся?
— Домой. Надеюсь. Впрочем, по дороге может возникнуть несколько непредвиденных остановок.

— Достаточно,— приказал Стэн и потер глаза, в которые точно насыпали раскаленного песка.

Он выключил все экраны в конференц-зале, и в комнате воцарилась тишина — больше не ощущалось неумолимой поступи судьбы.

Стэн подошел к столу, где стоял накрытый поднос, на который он до сих пор не обращал внимания. Поднял одну из крышек и взял бутерброд — всего лишь чуть-чуть несвежий. Стэн передал бутерброд Алексу, а себе взял другой.

Рядом с бутербродами стоял графин. Стэн открыл крышку и понюхал. Стрегг.

Стоит ли это делать?

А почему бы и нет? Будет он трезвым или немного выпьет, несчастье все равно может свалиться на их головы.

Он налил полные стаканы, протянул один из них Алексу, и они выпили.

Господи, благослови Синд! Она, наверное, приказала кому-то тихонько поставить тут поднос с едой и графин со стреггом, в то время как сама занималась гвардейцами, охранявшими посольство.

— Ну что, придумал какой-нибудь гениальный стратегический план? — поинтересовался Алекс, который в единый миг заглотил бутерброд и потянулся за другим.

— Лучше, чем на Кавите, ничего придумать не удалось,— ответил Стэн.

Махони начал эвакуацию имперских сил с планеты — противник заметно превосходил их по количеству людей и вооружения, — а Стэн довел это дело до конца. Ему удалось вывезти всех гражданских лиц и почти две тысячи имперских солдат. Сам Стэн при этом попал в плен. За подвиг он был награжден почетными медалями и прославился как блестящий военный командир. Впрочем, он никогда не относился всерьез к похвалам, ведь на Кавите они потерпели сокрушительное поражение, и его усилия всего лишь немного компенсировали неудачу.

По крайней мере, здесь не так много гражданских лиц, кроме работников посольства.

— Верно,— согласился Алекс, хотя сам он никогда не оценивал их деятельность на Кавите так же сурово, как Стэн.

— У меня есть парочка идей,— продолжал Стэн,— только сейчас мне кажется, что мои мозги пошли погулять, не спросив у меня разрешения.

— Неудивительно, — проворчал Килгур. — До рассвета остался всего час. Может, пойдем поспим чуток?

Стэн неожиданно почувствовал, что умирает, как хочет спать, и широко зевнул.

— Отличная идея. Скажи, чтобы нас разбудили через два часа. Кто-то постучал в дверь.

— Убью га...

— Войдите, — крикнул Стэн.

Дверь открылась. На пороге стояли трое гурков. Неожиданно Стэна охватили мрачные предчувствия. Несмотря на ранний час, все трое были одеты, словно готовились к смотру.

Стэн с трудом сдержался, чтобы не застонать. На него смотрели джемадар Лалбахадур Тапа, только что получивший повышение хавилдарс Читтаханг Лимбу и Махкхаджири Гурунг.

В прошлый раз эта троица предстала перед ним на Прайме, когда они предложили Стэну взять на службу их троих и еще двадцать четыре гуркских бойца, нарушив таким образом многолетнюю традицию, по которой наемники непальцы служили только императору. Тогда император был явно недоволен таким поворотом событий.

Гурки отдали Стэну честь. Он ответил на их приветствие и командовал «вольно».

— Простите, что беспокоим вас в такой час, — начал Лалбахадур. — Но нам не удалось выкроить другого времени. Мы хотели бы поговорить с вами наедине, если это возможно.

Стэн кивнул — и Алекс, проглотив бутерброд, запил его стретгом и исчез. Стэн предложил своим посетителям сесть. Они предпочли остаться стоять.

— У нас есть несколько вопросов, касающихся будущего, на которые мы не в состоянии ответить, — продолжал Лалбахадур. — Спрашивать об этом, естественно, полнейшая глупость, поскольку злобные пернатые хищники, что собираются на нас напасть, вне всякого сомнения, разорвут нас на мелкие кусочки и выбросят эти кусочки на мусорную кучу на радость своим друзьям шакалам. Разве я не прав?

— Вы абсолютно правы, — ответил Стэн.

Все четверо улыбнулись, по крайней мере, изобразили некое подобие улыбки.

— Когда мы покинем эту помойку, каково будет наше следующее задание?

— Мне... я думаю, вы вернетесь во дворец вечного императора. Во всяком случае, пока не закончится срок вашей службы.

Стэн раздумывал над тем, почему гурки задают ему столь несущественный вопрос именно сейчас, почему отнимают у него время,

а его сознание продолжало твердить, что эти солдаты никогда не подходят прямо к проблемам, имеющим для них жизненно важное значение.

— Я так не думаю,— твердо сказал Лалбахадур.— Мы должны будем переговорить с нашим королем, который находится на Земле, и с командирами, несущими службу по охране императора, чтобы окончательно убедиться в том, что нам следует предпринять. И тем не менее я не думаю, что мы вернемся во дворец. Мы, непальцы, покинули имперскую службу, когда императора убили, отказались от всех предложений, исходивших от гнусных собак, называвших себя Тайным советом, и от других бандитов. Мы вернулись только тогда, когда вернулся император.

— Древняя история, джемедар. Кто ж этого не знает. А я ужасно хочу спать.

— В таком случае я постараюсь объяснить вам нашу точку зрения как можно короче. Мы считаем, что, вернувшись, совершили ошибку. Этот император, которому мы присягнули на верность, совсем не тот человек, кому мы служили в прошлом. Мы считаем, что родился не он, а Ракаша, демон с его лицом.

— Дед моего деда,— заговорил Махкхаджири Гурунг,— сказал бы, что император сейчас ведет себя, как Бхаирава Ужасный, и что поклоняться ему может только горький пьяница, который никогда не трезвеет.

— Я с удовольствием поболтал бы с вами, джентльмены,— произнес Стэн, чувствуя, как усталость практически лишила его способности соображать,— но не могли бы вы побыстрее подойти к сути проблемы?

— Ну хорошо,— сказал Лалбахадур.— Если мы не нарушаем наш контракт, но даже и в этом случае... Мы хотим вам служить на постоянной основе, сэр. И снова должен заметить, что говорю не только за нас троих, а от имени остальных двадцати четырех гурков.

«Великолепно,— подумал Стэн.— Император полюбит меня еще нежнее».

— Благодарю вас. Я потрясен оказанной мне честью. И буду помнить о вашем предложении. К сожалению... Я не знаю, что стану делать после того, как мы выберемся из этой помойки, однако уверен, что телохранители мне вряд ли понадобятся.

— Ошибаетесь, сэр. Впрочем, вы поймете это позже. Мы благодарим вас за то, что вы оказали честь нам.

Гурки отсалютовали и вышли из комнаты, оставив Стэна в полнейшем недоумении по поводу последних слов.

Ладно, провались они пропадом! Он слишком устал. А ему еще предстоит придумать способ убраться отсюда без потерь.

— База... это «маленькое ушко три четыре браво», — бормотал коммуникатор голосом, который был специально натренирован, чтобы никогда не показывать никаких эмоций — ни страха, ни напряжения, ни просто огорчения. — У меня тут на экране много, много вражеских судов, которые направляются в вашу сторону. Предполагаемое время прибытия — около двадцати земных часов. Основной курс...

Передача с разведывательного катера прекратилась.

Офицеры в коммуникационном зале нового флагманского корабля Масона «Калигула» знали, что «четыре браво» больше не пошлет ни одного сигнала.

— Адмирал Масон, — сказал Стэн. — Ждите приказаний.

— Есть, сэр.

— Я хочу, чтобы вы подняли весь флот с поверхности Джохи. Займите наступательную позицию — любую, по своему выбору — примерно в пяти астрономических единицах от звездного скопления.

— Есть, сэр. Я не оспариваю ваш приказ, но надеюсь, вам известно, что противник превосходит нас — восемь к одному.

— Точнее, двенадцать к одному. Не имеет значения. Вы ни в коем случае — повторяю, ни в коем случае — не должны вступать в соприкосновение с врагом. Вам необходимо отвлечь на себя только те корабли суздалей и богази, которые попытаются атаковать вас. Вам следует сохранить, насколько это возможно, видимость боевого имперского флота, готового броситься в бой в любой момент. Вам ясно?

— Совершенно. Итак, вы собираетесь блефовать?

— Именно. Можете строить грозные рожи и делать самые разнообразнейшие устрашающие жесты, только в боевые действия не вступайте.

— А почему вы думаете, что я смогу отвлечь их? Может быть, они вообще не обратят на меня ни малейшего внимания? Вряд ли они поверят тому, что я располагаю каким-нибудь секретным оружием или готов совершить самоубийство.

— Если бы вы были суздаем или богази и стали свидетелем того идиотского номера, который отмочил Лангсдорфф, разве вы не подумали бы, что имперские военные способны на все? Причем чем глупее их действия, тем лучше?

Масон помолчал секунду, затем промолвил:

— Можно попробовать.

После этого нажал на кнопку и отключил свой коммуникатор.

Стэн очень рассчитывал на то, что Масону удастся выбраться из этой передраги. Пусть темная аллея катится ко всем чертям — он отделает Масона среди бела дня, прямо на плацу для парадов в замке Арундель.

— Ну, хорошо, воины, собираемся.— Голос Стэна эхом разнесся по огромному ангару для тактических кораблей на борту «Победы». Всем пилотам такшипов и двух эскадрилий истребителей «Беннингтона» было приказано явиться на совещание.— Я буду краток. Проинструктируйте свои команды самостоятельно. Вот что у нас тут происходит: к нам приближается флот противника с самыми серьезными намерениями. Остановить их мы не в состоянии. Попытаемся по возможности усложнить жизнь этим ублюдкам, пока мы — трусливые гражданские лица — попробуем унести отсюда ноги. Вы, ребята, сделаете все, что в ваших силах, чтобы оправдать свою шикарную форму и зарплату, которую получаете из карманов налогоплательщиков.

Пилоты засмеялись и немного расслабились. Всем был известен послужной список Стэна в качестве пилота и командира тактического корабля.

— Адмирал Масон увел за собой тяжелые корабли, они сейчас находятся недалеко от звездного скопления. Он там немного покрутит задом, постарается убедить наших друзей, что намерен на них напасть. Им придется построить что-нибудь вроде защитного рубежа между своими кораблями и нашим флотом. И тут вступите в дело вы.— Теперь Стэн заговорил совершенно серьезно.— Командиры звеньев... эскадрилий... можете атаковать любыми формированиями, какими только пожелаете. Ваша цель — транспортные суда. Уничтожьте их. Если вы нанесете удар вне пределов звездной системы, не теряйте времени на завершающие атаки. Находясь поблизости от планеты, вы должны сделать все, чтобы ни один из вражеских кораблей не совершил вынужденную посадку на поверхность. Если они успеют сбросить катера с солдатами, прежде чем вы уничтожите основной корабль, займитесь катерами. Если вы окажетесь недалеко от планеты и увидите вражеские войска — кончайте с ними. Включая суздалей, богази, джохианцев и торков. Усиьте посты возле орудий. Если ваши корабли снабжены противопехотными минами, воспользуйтесь ими. Это приказ. Я хочу, чтобы вы устроили настоящее светопреставление — по полной программе. Любого пилота, попытающегося изобразить из себя аса или звезду вооруженных сил, я собственноручно сотру в порошок. И запомните вот еще что: каждый солдат, которому вы позволите ступить на землю Джохи, сделает все, что в его силах, чтобы убить как можно больше имперских гвардейцев. Это все. Свободны.

Стэн устал повторять: «Это приказ». Но он хотел, чтобы пилоты и командиры считали, что это сражение — последний шанс на спасение.

Он знал, как многие годы, века, эпохи назад разворачивались события, когда одна сторона пыталась вести войну цивилизованным

образом, — он не только видел, как была уничтожена его первая команда, но и сам лично похоронил столько друзей, что не испытывал ничего, кроме желания убивать, по отношению к кровожадным жителям Алтая.

Адмиралы суздалей и богази, проанализировав ситуацию, когда их флоты приближались к Джохи, пришли к выводу, что ни вблизи планеты, ни вне звездного скопления нет имперских вооруженных сил.

На самом деле единственным противником, о существовании которого им было известно, являлся небольшой флот, находившийся в боевой готовности довольно далеко от Джохи, на орбите между двумя ее лунами. Вопрос номер один: можно ли проигнорировать этот флот? Ответ: нельзя. Если имперские суда перейдут в наступление, могут возникнуть паника и беспорядок. Вопрос номер два: следует ли отложить высадку до того момента, пока имперский флот будет уничтожен? Ответ: нельзя — он не представляет серьезной опасности.

Кроме того, один из богази, хорошо разбиравшийся в политике, заявил:

— То, что нас объединяет, весьма ненадежно. Торки. Джохианцы. Суздали. Рано или поздно они поведут себя как обычно и начнут нападать сзади. Поэтому сначала нужно захватить Джохи. Потом уничтожить имперские корабли. Имея Джохи в качестве базы, будет легко реагировать на изменения в поведении союзников.

Основные боевые корабли суздалей и богази стартовали в сторону флота Масона. Заняли оборонительную позицию. И стали ждать.

Транспортные суда направились на посадку под защитой всего лишь нескольких истребителей.

Первая волна имперских кораблей нанесла по ним удар в верхних слоях джохианской атмосферы.

Ханнелора ла Сиотат, по ее собственным словам, была крутым пилотом. С этим никто не спорил, в том числе и пилоты из ее эскадрильи. Не таким крутым, как она думала, и, конечно же, не такой крутой, как они, но все-таки крутой.

Она потом и кровью сумела дослужиться от второго стрелка до командира истребителя. Ханнелора утверждала, что полезно видеть всю картину боя, а не маленький кусочек из хвостового отсека.

На экране возникло большое транспортное судно. Оно сверкнуло опознавательными огнями, компьютер принял сигнал, расшифровал его, но ла Сиотат пока не обращала на него внимания.

— Сближаемся... сближаемся... на прицеле... на прицеле... — бормотал стрелок.

— Полная готовность...

Теперь транспортное судно занимало большую часть экрана.

— Отказаться от запуска «Кали», — резко отдала команду ла Сиотат, и стрелок переключился с мощной дальнобойной «Кали» на «Гоблинов», предназначенных для стрельбы на средних дистанциях.

— На прицеле... на прицеле... на прицеле...

— Полная готовность...

Ла Сиотат чувствовала себя крутым пилотом — но, что еще важнее, у нее имелся секрет: она вовсе не была крутым стрелком. Поэтому предпочитала наносить удары с близкого расстояния и желательно в упор.

— Полная готовность... проклятье!

Должно быть, сенсоры транспортного судна уловили присутствие тактического корабля, и капитан принял решение произвести экстренный сброс катеров с войсками в атмосфере Джохи.

— Транспорт...

— На прицеле.

— Первый залп! Немедленно!

Она сдвинула шлем наведения на затылок, не обращая внимания на призрак снаряда, врезавшегося в брюхо транспорта, который безуспешно попытался уйти вверх. Ее пальцы танцевали на панели управления, ноги нажимали на педали, она отводила тактический корабль назад — несущий смерть ястреб, парящий над мечущимися в страхе утками.

— Прицел... прицел...

— «Гоблины»... совместный запуск, направление на одиночные цели... готово!

— Готово! Прицел... прицел...

— Автоматический... огонь!

Тактический корабль был снабжен восемью ракетными установками «Гоблин», в каждой по три ракеты. Установки заворачали, давая старт десяти ядерным боеголовкам.

Девятнадцать катеров с солдатами взорвались в воздухе, разбросав вопящих, умирающих существ в атмосферу; солдаты пытались ухватиться за пустоту, а сила притяжения тащила их вниз, на землю.

Неожиданно ла Сиотат перестала рассматривать свои цели как неодушевленные изображения на экране. Они превратились в живые существа, умиравшие мучительной смертью, задыхавшиеся в ледяной атмосфере или мгновенно потерявшие сознание — этим еще повезло.

Ла Сиотат увидела смерть совсем рядом, и ей стало нехорошо. Ее затошнило и вырвало прямо на экран панели управления. Однако она потянулась к кнопкам, чтобы довести дело до конца — оставался последний, двадцатый катер.

Стэн наблюдал за расправой над боевыми частями суздалей и богази, сидя в посольстве. Он следил за ходом сражения по видео-экрану, запретив себе думать о том, чем на самом деле являются крошечные вспышки, возникающие перед его глазами. Он мог бы уйти из этого полуподвального помещения и выглянуть в окно — грандиозное сражение бушевало в районе гор, окружавших долину, где был выстроен Рурик. Только от этого ему стало бы еще хуже.

Рядом с ним последние из оставшихся работников посольства торопливо упаковывали оборудование и папки, которые собирались забрать с собой.

Во дворе полыхали костры, где горели остальные документы.

Стэна удивило, что эвакуация не вызвала паники и у него не возникло никаких дополнительных проблем. Килгур объяснил: для обеспечения безопасности посольства он взял отряд гвардейцев, приказав бхорам и гуркам отложить на время оружие и помочь с эвакуацией. Когда на четверых гражданских приходится один опытный солдат, паника возникнуть просто не может.

— Здесь все проходит гораздо лучше, чем на Кавите, босс.

На Кавите Алекс отвечал за эвакуацию гражданских лиц — и поклялся своей собственной страшной клятвой никогда больше не принимать участия в подобном мероприятии.

— Что будем делать с посольством, босс? Взорвем? Или просто оставим несколько ловушек?

— Ни то ни другое. Через некоторое время сюда может прибыть другой посол. Зачем усложнять ему жизнь?

Взгляд, которым наградил его Алекс, был весьма многозначительным.

Кого волнует, что произойдет со следующим правителем или с другим идиотом, который будет настолько глуп, что согласится пойти на службу к императору?

Однако он промолчал.

— Каковы прогнозы на возможность высадки, генерал? — спросил Стэн.

— Не совсем понятно, — ответил Сарсфилд. — Такое впечатление, что они собрали двадцать дивизий. Пять в первой волне, пять во второй, пять в третьей и пять — резерв. Это мое предположение; по крайней мере, я бы поступил именно так. Во всяком случае, других вариантов не возникает.

— Продолжайте.

— В данный момент мне кажется — пожалуй, я в этом даже уверен, — им удалось посадить не более восьми дивизий. Остальные либо погибли во время приземления, либо по-прежнему находятся на орбите.

Стэн тяжело вздохнул, хотя в данном случае речь шла о погибших врагах. Первая гвардейская дивизия в полном составе насчитывала примерно восемнадцать тысяч человек.

Предположим — а экран, находящийся поблизости, показывал, что это предположение вполне корректно, — объединенные силы суздалей и богази обладали примерно такой же численностью.

Триста шестьдесят тысяч разумных существ, и только половина из них сумела приземлиться — атакующие понесли колоссальные потери еще до того, как началось настоящее сражение.

— Конечно, — энергично продолжал Сарсфилд, — ни одна дивизия не была уничтожена полностью. Части всех отрядов, несомненно, сумели добраться до поверхности Джохи.

«Сарсфилд — настоящий гвардеец, — подумал Стэн. — Похоже, его совершенно не волнует, что на Джохи в данный момент находится около ста пятидесяти тысяч врагов плюс торкская милиция, которая насчитывает около ста тысяч человек. И еще примерно пол-миллиона существ входят в состав джохианской армии. Итого три четверти миллиона против восемнадцати тысяч».

— Меня радует, — проговорил Сарсфилд, — что, насколько известно, пока еще они не доставили на поверхность Джохи артиллерию и тяжелую технику.

Она им и не понадобится, это Стэн понимал. У Доу и джохианцев и так вполне достаточно возможностей справиться с имперскими войсками. Интересно, сколько понадобится времени, чтобы организовать нападение на город?

Ответ на этот вопрос был тоже прекрасно известен всем. Не более трех земных дней.

Потери среди имперских солдат были совсем несущественными — врагу удалось сбить только пять тактических кораблей. Однако их было нечем заменить.

Стэн, Сарсфилд и Масон переговаривались по секретному каналу связи, пытаясь решить, какие действия необходимо предпринять.

Следовало погрузить весь персонал на имперские суда и отправить домой, на Прайм. Однако существовали две небольшие проблемы: флот суздалей и богази, находившийся неподалеку от Джохи, и приближающаяся армия союзников.

Около дюжины Фриков и Фрэков было сбито, прежде чем Килгур получил надежные и вполне подтвержденные сообщения о том, что Алтайская конфедерация выступила против империи.

У Стэна было два преимущества: во-первых, корабли Масона, расположенные вне Джохи, — они обязательно должны вызвать бес-

покойство у адмиралов суздалей и богази. Кроме того, у него хватало подразделений, чтобы сделать воздушное пространство над Руриком не очень доступным для вражеского флота.

Тяжелые корабли суздалей и богази, скорее всего, не станут стрелять ракетами по имперским силам, расположившимся в столице Джохи. Никто из союзников, включая суздалей и богази, не согласится уничтожить древнюю столицу только для того, чтобы разобратся с имперскими солдатами. Такую победу вряд ли кто-нибудь сочтет великой. Даже с точки зрения жителей созвездия, она была бы пирровой.

И конечно же, флот — разве что в самом крайнем случае — не пожертвует маневренностью и не спустится, чтобы раздавить гнусных тварей под названием «тактические корабли», которые к тому же в состоянии уничтожить врага, превосходящего их числом. Кто же решится потерять крейсер или линейный корабль ради того, чтобы вывести из строя посудину, в которую помещается не больше пятнадцати человек?

С другой стороны, приближающаяся армия Доу в самом ближайшем времени лишит имперские силы воздушного преимущества. Неожиданно на Стэна снизошло озарение.

Во-первых, у него была дисциплинированная, опытная сила — Первая гвардейская дивизия, они еще не участвовали в сражениях и, следовательно, были полны энтузиазма. А во-вторых, Стэн понял, что, если ему удастся вывезти людей из Рурика, погоня будет чисто символической.

Тот факт, что имперские силы изгнаны из созвездия Алтай, будет расценен как грандиозная победа.

По крайней мере, так будут считать жители Алтая.

Стэн некоторое время слушал предложения Масона и Сарсфилда, а потом задумался, пытаясь найти наилучший способ вытащить подданных империи из ловушки, в которую они попали.

Наконец у него появились проблески надежды. Он некоторое время обдумывал свою идею, рассматривая ее со всех сторон. И решил, что ею можно заняться. Вполне возможно, что ничего не выйдет, но ситуация при этом хуже не станет.

— Мистер Килгур, — обратился он официальным тоном к Алексу, сидевшему в стороне от экранов. На лицах Масона и Сарсфилда появилось изумление — они не знали, что Килгур присутствует при разговоре. — У нас есть какой-нибудь простенький код? Что-нибудь такое, что они смогли бы расшифровать — частично и не очень напрягаясь?

Алекс пожал плечами и позвал начальника шифровальщиков. Масон хотел было что-то сказать, но Сарсфилд махнул рукой, чтобы тот помолчал. Через пять минут Килгур представил Стэну три

кода, которые, по мнению шефа шифровальщиков, были частично раскодированы и с которыми он имел моральное право расстаться.

— Отлично. А почему бы нам не... — Стэн рассказал о первом этапе своего плана.

Сарсфилд никак его не прокомментировал, поскольку первый этап не предполагал участия его солдат в операции. Стэн видел: Масон изо всех сил старается быть справедливым — но ему все равно ужасно хочется сказать, что любой план, придуманный Стэном, обязательно провалится и окажется никудышным.

— Главное мое возражение, — начал Масон, — заключается в том, что мы уже один раз это сделали.

— Не совсем, адмирал, — заметил Стэн. — Мы испробовали простой вариант обманного трюка. Вы когда-нибудь играли в игру: «В какой руке зажат шарик?»

— Конечно. Когда-то и я был ребенком.

Стэн сильно в этом сомневался, но решил не отвлекаться и продолжить объяснения:

— Когда вы попытались повернуть эту аферу в первый раз, вы просто солгали. Потом сказали правду. А после этого опять солгали. Вранье движется по нарастающей. Именно это мы и попробуем сделать, если ни у кого, естественно, не возникло каких-нибудь других, более разумных, идей — или вы сможете указать мне, в каком месте я ошибаюсь.

Итак, они приступили ко второму этапу блефа.

Сначала расположение флота Масона покинул истребитель — его послали по направлению к Прайм-Уорлду.

Как только истребитель оказался вне пределов досягаемости суздалей и богази, он передал закодированную информацию Масону и осажденным имперским силам на Рурике.

Стэн ждал шесть часов, наблюдая за сообщениями, которые поступали благодаря летучим мышкам Алекса. Армия Алтая неуклонно приближалась к Рурику. Благодарение богам — Стэн не знал, кого благодарить, и решил, что, скорее всего, им помогают боги бховров: Сарла и Лораз, — армия двигалась невероятно медленно. Причин, видимо, было две: во-первых, жители Алтая еще ни разу не сражались с силами империи, а во-вторых, союз, в котором все ненавидят всех, — вещь практически неуправляемая.

Он приказал тактическим кораблям подняться в воздух и организовать прикрытие, выбрав основными целями главные дороги, перекрестки и тому подобные вещи.

А затем к нему обратились с докладом Фрестон, офицер связи посольства и офицер связи Масона: корабли суздалей и богази активизировали передачи, посылая друг другу сообщения, закодирован-

ные редким — следовательно, очень сложным — кодом. Кроме того, на столичные миры богази и суздалей были посланы одновременные сигналы.

— Мистер Масон?

— Да, сэр. Мы в пути. Кажется, рыбка клюнула.

Стэн на самом деле только что придумал второй вариант операции — они с Масоном делали вид, что посылают ответные сообщения приближающемуся имперскому флоту.

Истребитель, находившийся на окраине созвездия, отправил сигнал, закодированный тем самым легко читаемым кодом, который, казалось, исходил от авангарда мощной ударной имперской флотилии. Там сообщалось, что Масон получит подробные инструкции позднее и что флотилия послана специально для того, чтобы навести порядок и наказать возмутителей спокойствия — суздалей и богази, атаковав их столичные миры. О людях, участвующих в восстании, ничего сказано не было.

Идея Стэна была слишком сложной — он забыл сделать скидку на тот факт, что именно так, оказавшись на месте императора, поступил бы любой народ, населяющий Алтай.

Три земных часа спустя корабли суздалей и богази покинули орбиту и устремились к своим собственным мирам.

Стэн, изо всех сил старавшийся удержать в голове запутанный геометрический рисунок астронавигации, решил, что они, по всей вероятности, направляясь домой, проложат свой курс в направлении X. Этот курс, естественно, будет более прямым, чем предположительный курс Масона, и не должен совпасть с направлением Y, которое по логике вещей избрала бы имперская флотилия.

Ха-ха! И этот изысканный план придумал человек, нуждавшийся в дополнительных занятиях по астронавигации, когда учился в Навигационной школе. Конечно же, они быстро разберутся, что к чему. Однако Стэн надеялся, что ему хватит времени, чтобы предпринять второй шаг, иными словами, что Масон успеет обойти флоты суздалей и богази и вернуться туда, где он будет больше всего нужен.

Ловушка перестала быть такой смертельно опасной.

Через четыре часа разведчики армии Алтайской конфедерации вошли в пригороды Рурика.

Стэн не приказывал Сарсфилду, только высказал ему свои пожелания. Он не хотел, чтобы Первая гвардейская дивизия чувствовала, что ее понуждают совершить совершенно ненужное, хотя и героическое самопожертвование.

Остановите армию. Попытайтесь заставить их окопаться. Пусть противник считает, что мы решили контратаковать.

Сарсфилд, как и Стэн, был человеком разумным. Ни тот ни другой и не надеялись, что этот номер у них пройдет. В конце концов,

невозможно блефовать с игроком, у которого на руках три туза и джокер, а у тебя ничего похожего на приличные карты нет и в помине.

Вражеские разведчики вошли в город без потерь.

Однако им пришлось немного понервничать. В одном месте они заметили брошенную баррикаду. В другом — несколько перевернутых гравитолетов. На крыше какого-то здания работала антенна. На асфальте валялись всевозможные загадочные предметы.

Разведчики продвигались вперед — но теперь уже гораздо осторожнее.

Они нигде не видели имперских солдат.

Впрочем, это было совершенно естественно — разведчики-гвардейцы славились своим умением оставаться незаметными в самых сложных ситуациях.

О продвижении сил конфедерации постоянно сообщалось в посольство.

Фрики и Фрэки оставались в запасе, дожидаясь появления в городе тяжелых орудий и гравитолетов. Никто не захочет рисковать дорогими танками и еще более дорогими гравитолетами, опасаясь попасть в ловушку на улицах города. Однако у солдат Алтая не было выбора.

Потому что они уже попали в ловушку.

Сарсфилд отдал артиллерии приказ начать обстрел. Его собственные орудия открыли огонь по заранее определенным целям, которые в данный момент прикрывала вражеская техника.

Тактические катера, стартовавшие с корабля-носителя, приземлились позади посольства, около огромного парка, там, где Стэн приказал посадить транспортные суда.

Крутой пилот Ханнелора ла Сиотат подняла свой катер, заметила, как поворачивается орудие танка, и нажала на кнопку запуска ракет, которые выпали прямо из брюха катера, а потом, для верности, еще и обстреляла территорию из автоматического оружия. Только после этого она решила, что можно улетать.

Ла Сиотат ругалась практически непрерывно. Проклятье. Вполне могла бы записаться в кретинскую пехоту! Она промчалась на своем катере вдоль улицы в поисках новой цели.

Взвод был уничтожен — и атака временно приостановлена.

Однако враг продолжал наступать.

Джохианские танковые и пехотные войска быстро и четко продвигались к центру города. Отлично вымуштрованные солдаты, которые к тому же находились на своей территории. Танки нанесут удары по тем целям, с которыми не сможет справиться пехота. А пехотин-

цы защитят своих бронированных приятелей от противотанковых стрелков.

— Батарея «А»... огонь!

Казалось, взорвались сразу четыре имперских гравитолета — на самом же деле сорок восемь ракет, закрепленных на задней панели каждого гравитолета, стартовали одновременно, создав иллюзию грандиозного взрыва. Безоружные гравитолеты в это время под шумок взлетели и направились в другой район.

Ракеты были всего лишь управляемыми реактивными вертушками с боеголовками. С точностью попадания в цель плюс-минус пятьдесят метров. Отвратительно. Но когда сто девяносто две такие ракеты, каждая начиненная пятьюдесятью килограммами соответствующего вещества, взрываются на площади, равняющейся примерно ста метрам и занятой танково-пехотным взводом, результат производит впечатление.

Джохианские пехотинцы погибли все до единого. Несколько танков пострадали от прямого попадания и вышли из строя. Однако большинство все-таки осталось в строю.

И тогда из своих укрытий поднялись противотанковые группы, состоящие каждая из двух человек, и принялись за дело, поливая танки ракетным огнем.

Но конфедерация продолжала наступать.

Небо потемнело, где-то на горизонте собирались черные грозовые тучи.

Килгур вытер пот со лба.

— Сейчас разразится гроза, и мы потеряем все наши тактические катера.

Синд поморщилась. Катера были снабжены аппаратурой, позволявшей им функционировать при любой погоде. Однако не предполагалось, что космические корабли станут летать по городу, сражаться с наземным врагом и при этом не испортят городскую архитектуру. А в случае Рурика, где строили достаточно прочно и надежно, машины частенько разбивались сами.

Вскоре началась гроза, и огромные капли дождя с шумом застучали по крышам домов. Килгур выругался и попытался где-нибудь спрятаться, но довольно быстро сообразил, что вряд ли сможет это сделать, поскольку нигде не было ничего подходящего для этих целей. А когда на него обрушились градины величиной с горошину, его выражения стали такими впечатляющими, что могли напугать кого угодно... только не Джохианских богов погоды.

«Просто расчудесно все складывается, — подумал Алекс. — Мало того что приходится иметь дело с кучей придурков, жаждущих перегрызть нам глотки, так еще и погода взбесилась».

Мичман ла Сиотат стояла возле своего катера, не замечая дождя, который стучал по открытой двери ангара «Победы». Корабль приземлился позади посольства рядом с другим носителем тактических катеров «Беннингтоном».

— Сэр, я хотела бы попробовать,— возразила ла Сиотат.— Мы воспользуемся сенсорами «Кали», я полечу по приборам и прихвачу цели изнутри ракеты.

— Запрещаю,— заявил ее командир.— Мы приземлились. Вскоре покинем эту систему. А если у нас ничего не получится, тогда мы действительно выступим в роли камикадзе... вместо обычного риска, на который ты хочешь пойти. Это приказ.

— Я получил сообщения,— ровным голосом проговорил Сарсфилд,— что мои артиллеристы стреляют по открытому пространству. Враг приближается.

— Прикажете им взорвать орудия и возвращаться на транспортные суда.

— Есть, сэр.

— Каково положение с погрузкой?

Сарсфилд проконсультировался с адъютантом.

— Почти все батальоны уже заняли свои места на судах, один находится в процессе погрузки, и первый батальон защищает позиции на площади. Мне кажется,— продолжал Сарсфилд,— первому придется прикрывать отход. Проклятье! По крайней мере,— грустно добавил он,— они сами вызвались...

Как и все остальные батальоны Первой гвардейской дивизии — это Стэну было хорошо известно.

— Персонал посольства эвакуирован и размещен на кораблях,— сказал Стэн.— Вы должны поднять все имперские суда в воздух, когда первый батальон пойдет в контратаку. «Победа» будет оставаться на земле до самого последнего момента, чтобы забрать тех гвардейцев, кто останется после вашего взлета. Прерываю связь.

— Последний вопрос: вы отправляетесь на «Победу»?

— Нет,— ответил Стэн.— Я отправляюсь в первый батальон. Конец связи.

Сарсфилд не успел даже рта раскрыть, чтобы что-нибудь возразить. Стэн встал, потянулся, разминая затекшие мышцы, и начал надевать боевое снаряжение.

Его ждал Алекс, тоже готовый к бою. Они направились к лестнице. Килгур повернулся и потянул за тоненькую проволочку, а потом они поднялись на первый этаж.

Через десять секунд в конференц-зале и комнате связи раздался взрыв.

— У тебя есть план? — удивился Килгур.

— Конечно,— ответил Стэн.— Много-много планов. Я буду молиться об установлении мира. Постараюсь сделать все, чтобы остаться в живых. Добраться до «Победы» прежде, чем она взлетит. Прервать связь к вечеру, а потом... залечь в кусты.

— Ну и через сколько времени, по твоему мнению,— поинтересовался Килгур,— наш полоумный император сообразит, что нужно послать отряд и освободить человека, нарушившего его приказ?

— Нужно верить, Алекс,— торжественно проговорил Стэн,— и тогда рано или поздно мы сможем улететь домой... на собственных крыльях или на чем-нибудь в таком же духе.

Во дворе Стэн увидел Синд, гурков и бхоров. Они ждали их с Алексом.

Стэна это нисколько не удивило.

Но в горле у него застрял комок.

Синд отсалютовала ему, и как раз в этот момент с носа у нее стекла огромная капля дождя.

Стэн ответил на приветствие, и его крошечный отряд отправился в путь по широкому бульвару, прямо к площади Хакана, туда, где гвардейцы первого батальона удерживали последний рубеж.

Адмирал флота Масон с возмущением смотрел на экран — планета Джохи приближалась с головокружительной скоростью. Это задание — натуральное дерьмо!

«Сначала мне пришлось работать шофером ублюдка Стэна на вонючей яхте, которую ему отдал император. Потом играть в прятки и морочить голову куче инопланетных кретинов. Вот он я, смотрите... только хорошенько... а теперь меня нет, я скрылся в тени. Фу, мерзость!.. Прав я был тогда на Прайме, когда сказал Стэну, что в мире нет правды и весь он выкрашен в серый цвет... По крайней мере, мне не грозит отставка и суд военного трибунала, как случилось с Яном Махони,— подумал Масон.— Я беспрекословно исполняю приказы. Солдат не может ошибиться, выполняя приказы своих командиров».

— Приближаемся к Джохи через два земных часа,— доложил вахтенный офицер.

Солдаты Алтая уверенно ступили на площадь Хакана. Никто не оказал им сопротивления. Теперь они возьмут дворец, а потом двинутся дальше, чтобы полностью уничтожить ненавистных подданных императора.

Раздался дружный торжествующий клич. Солдаты подошли к самому сердцу власти, к ее трону. Отсюда веет могуществом. Теперь — каждый солдат джохианской армии думал в этот момент о своем,

в зависимости от того, представителем какого народа являлся, — теперь в созвездии Алтай будет новый правитель.

И тут началась контратака. Многочисленные ракетные установки были демонтированы с гравитолетов и спрятаны под балюстрадами, террасами и даже статуями. Кнопки нажаты, и над площадью заметались ракеты и разнеслось эхо взрывов. А потом в наступление пошел первый батальон, который мощным ударом отбросил солдат Алтая назад.

Прошло всего несколько секунд, и послышались новые раскаты грома. Однако этот грохот был рожден не разбушевавшейся стихией и не орудиями гвардейцев.

Ослепительные вспышки рассеяли сумрак — хотя, строго говоря, на Джохи был еще день. Это имперские транспортные суда стартовали из парка за зданием посольства и устремились в открытый космос.

Стэн смотрел, как они, один за другим, исчезают среди грозовых туч. Хорошо. Просто отлично. Даже лучше, чем на Кавите.

Теперь посмотрим, есть ли какой-нибудь способ спасти свою собственную задницу.

Лил сильный дождь, грохотал гром, а ветер ревел на огромной площади, раскинувшейся перед Синд.

Она спряталась за лестницей, сильно поцарапанной пулями, и не обращала ни малейшего внимания на то, что лужа, в которой она лежит, постепенно становится алой от крови гвардейца, живого еще несколько минут назад.

Рядом с ней примостилась ее собственная винтовка — сейчас от снайперского оружия было мало пользы.

На противоположной стороне площади, усеянной разбитыми танками и гравитолетами, силы конфедерации, словно не замечавшие разразившейся бури, готовились к новому наступлению.

Прошло время. Синд не знала сколько.

Враг перестроился и пошел в атаку.

Они пустили вперед танки — но гвардейцы с противотанковым оружием, засевшие на верхних этажах дворца, стреляли в незащищенные крыши боевых машин.

Следом за танками на площадь устремились гравитолеты, пытаясь прорваться сквозь редеющие цепи гвардейцев. Их остановили.

После этого конфедерация бросила в бой людей. Не обращая внимания на ураганный огонь, бесстрашно пошла вперед пехота — мужчины и женщины, выкрикивая злобные антиимперские лозунги.

Они умирали — но гибли и гвардейцы.

Синд видела, как Алекс, отчаянно ругаясь, наложил повязку на хотя и поверхностную, но сильно кровоточащую рану от шрапнели

у себя на бедре, прежде чем снова отправиться в бой. Ото тоже был ранен. Однако после перевязки вернулся в строй, присоединившись к отряду, ведущему огонь из пушки.

«Интересно,— подумала Синд,— сколько еще атак мы сможем выдержать — две, три или всего одну, прежде чем нас накроет волна наступающей пехоты противника».

И ни малейшей возможности даже попробовать добраться до «Победы», если корабль вообще не улетел.

На землю рядом с ней плюхнулся Стэн.

Оба грязные, перепачканные кровью — но пока это не их кровь. Глаза у обоих блестят.

— Ну?

— Осталось только два магазина, босс.

— Вот, держи.— Стэн передал Синд еще один магазин с пулями, снаряженными АМ-2.

— Сделай мелодраматический жест,— предложила Синд.— Поцелуй меня.

Стэн состроил гримасу, собрался было выполнить ее указание, но потом, снова услышав скрежет гусениц приближающихся танков, быстро отодвинулся в сторону.

— А, черт! Будь я проклят! Ты только посмотри.

На этот раз в атаку пошли танки вместе с пехотой. А на броне переднего танка стоял...

Синд схватила свое экзотическое ружье и прицелилась. Она тоже увидела красивое лицо и серебристые волосы.

— Это он! Хочешь с ним посчитаться?

— Кончай сама. В последнее время все удовольствия доставались мне.

Человеком на танке был генерал Доу. Видимо, он решил, что эта атака будет последней и им удастся смять имперские силы, поэтому сам возглавил наступление.

Смело.

Смело, но глупо, решила Синд, нажимая на спусковой крючок. Мгновение спустя пуля, начиненная АМ-2, разорвалась в груди Доу.

— Большое тебе спасибо,— сказал Стэн.

Синд бросила снайперскую винтовку и взяла в руки виллиган. Солдаты не заметили гибели своего командира. Волна за волной наступали они на площадь. Синд стреляла без промаха, но потом решила, что стоит подпустить противника поближе. Она немного подняла голову, чтобы лучше оценить ситуацию, и глаза у нее округлились.

— Джамчиид и Колерик,— прошептала она преисполненным благоговения голосом, призывая бхорских богов так, словно и в самом деле в них верила.— Сарла и Лораз.

Из-за высоких городских крыш, точно огромная черная змея, сметающая все на своем пути, приближался циклон. А за первым смерчем — еще один... второй... Синд насчитала шесть — они извивались, точно бедра танцовщицы, продолжая неотвратимо продвигаться вперед.

Стэн вспомнил: «...убивает тысячу людей за сорок минут... пробивает соломинкой наковальню... отбрасывает тактический корабль на километр...»

На своем пути торнадо захватывал все больше и больше обломков. Крыша. Сарай. Гравитолет. Прогулочный катер. Разбившийся такшип. Смерч раскручивал свою добычу, ломал так, что все предметы становились неузнаваемыми, а после этого использовал как оружие.

У Синд заложило уши, и она сглотнула.

Теперь рев стал громче, он даже перекрыл пушечную канонаду. Войска алтайцев остановились, повернули назад — и увидели смерч.

В этот момент первый вихрь ворвался на площадь Хакана. Он подхватил солдат и их оружие, как пылесос — мелкий мусор, поднял их, поиграл немного, а потом отбросил в сторону.

Стэн вскочил на ноги. Что-то крикнул. Потом еще раз. Его никто не слышал.

Тогда он помахал рукой — назад. Назад — прочь отсюда. К «Победе»!

На площадь ворвался второй смерч. Завис в воздухе, словно раздумывал, что делать дальше.

Имперские солдаты отступили перед этим новым демоном, с которым невозможно было сражаться.

Однако паники не возникло. Солдаты бежали, забирая с собой своих раненых товарищей. И оружие они не оставили врагу, отступление было четким и организованным.

Стэн и Алекс остановились в начале широкого бульвара, над которым, как теперь им казалось — многие годы назад, пролетела «Победа», перед тем как приземлиться возле посольства.

Черный вихрь хозяйничал на площади, но Стэн заметил, что приближается еще один. Стены дворца затрещали и рухнули, их стало затягивать в область низкого давления, почти вакуум, а потом смерч подхватил обломки и поднял на тысячеметровую высоту, и они исчезли в нависших над городом тучах.

И снова вихрь перешел в наступление, набирая скорость, взревел ветер, мигом пролетев через дворец, еще недавно бывший гордостью Хаканов и ставший на короткое время домом доктора Искры. В долю секунды дворец исчез.

Теперь настала очередь детей торнадо, порожденных этой огромной черной стеной туч, которые, не зная жалости, сметали алтайских солдат, продолжавших сражение за свою только что появившуюся

на свет конфедерацию и дворец Хаканов — последний памятник тшеславию, исчезнувший с лица Рурика. И не осталось ничего — только хаос.

«Победа» все еще стояла на земле и ждала.

Уже находясь на расстоянии одной астрономической единицы от Рурика, Стэн послал сообщение по прямому каналу связи с императором — открытым текстом, — а копию отправил в его офис:

«Все имперские силы благополучно эвакуированы с Рурика. Курс на Прайм-Уорлд. В созвездии Алтай началось вооруженное восстание против империи».

«А теперь давай, предай меня военно-полевому суду, — подумал Стэн. — Обезумевший ублюдок».

Глава 42

Махони ждал своей участи, сидя в камере, находившейся в подвале большого нового здания службы внутренней безопасности. Это была узкая комнатка с белыми пластиковыми стенами, складной койкой и дырой в полу для справления естественных надобностей.

Через несколько минут он предстанет перед имперским судом. Махони был одет в белый комбинезон, как это предписывал преступникам закон. Цвет имел важное значение. Белый — символ невиновности. А еще того, что заключенный дал показания не под пыткой.

В случае с Махони это было чистейшей правдой. По крайней мере, до этого момента. С ним обращались грубо, но с профессиональным уважением. Его, конечно, били. В первый раз, когда они поднимались на борт корабля, отправлявшегося на Прайм. Но это было сделано только затем, чтобы он понял — теперь его положение кардинально изменилось; синяки и кровь должны были показать Махони, кто сейчас босс. Его били без энтузиазма. Ничего личного. И так каждый раз, когда агенты ВБ передавали его из рук в руки.

Когда Яна перестали бить, он понял, что назначен день слушания его дела. Обычная предосторожность. Чтобы все наверняка зажило к тому моменту, когда обвиняемый предстанет перед судом.

Махони держался прекрасно. Не то чтобы он философски относился к своей судьбе, просто запретил себе думать об этом. Если начать размышлять о предательстве, станешь слабее — сомнительная подготовка для почти неизбежного сканирования мозга.

Тогда Ян принялся вспоминать старые приключения. Друзей. Любовь. Совсем не думал о еде. Его радовало, что в тюрьме прилич-

но кормили. Иначе обеды, которые готовил для него император своими собственными руками, обязательно всплыли бы в памяти. Инстинкты, рожденные во время службы в спецотряде богомоллов, неожиданно подсказали Яну, что за ним кто-то наблюдает. Он заставил себя расслабиться. Услышал шорох у двери в камеру.

«Ага, они наконец пришли, Ян. Не стучи так сильно, сердце. Вы тоже успокойтесь, легкие. Возьми себя в руки, приятель. Вспомни о своих ирландских предках».

Пойндекс наблюдал сквозь стекло, как солдаты ВБ вытолкнули Махони из камеры. Его удивило, что Махони так хорошо держится, он даже подумал о том, как выглядел бы сам, оказавшись на его месте. Быстро отогнал от себя подобные мысли. Пожалуй, он готов остаться в неведении на этот счет.

Пойндекс вышел в коридор, чтобы остановить Махони и его тюремщиков. По тени, промелькнувшей в глазах маршала, Пойндекс понял, что Махони его узнал. На лице заключенного появилась ухмылка.

— О-хо-хо. Итак, босс послал первый состав,— проговорил Махони.— Я бы сказал, что польщен, но не хочется врать.

Пойндекс рассмеялся.

— Ради меня не следует так напрягаться,— сказал он.— Не нужно начинать суд с неверной ноты.

Пойндекс приказал снять с Махони наручники и знаком показал, что охрана ему больше не нужна.

— Я буду вас сопровождать,— сказал он Яну.— Не сомневаюсь, что вы не станете делать никаких... глупостей.

Махони потер запястья.

— С какой стати? Я же ни в чем не виноват. И с радостью жду свершения правосудия.— Он улыбнулся.

Пойндекс улыбнулся ему в ответ и показал на дверь, расположенную в конце коридора. Они зашагали в указанном направлении, Пойндекс позади Махони.

— Я прибыл сюда, чтобы убедиться в том, что правосудие будет свершено,— заявил Пойндекс.— Император хочет, чтобы справедливость восторжествовала.

— О, не сомневаюсь,— бросил Махони.— Передайте ему, что его старый друг Ян благодарит за проявленную заботу.

Пойндекс выдавил из себя смешок. Это задание вызывало у него смешанные чувства.

С одной стороны, Ян Махони был его единственным конкурентом на власть, которой Пойндекс сейчас обладал. Позор старого вояки положил конец этой конкуренции.

— Скажите ему, чтобы не волновался,— продолжал Махони.— Когда меня будут допрашивать, я стану придерживаться фактов. По-

сколько не имею ни малейшего намерения впутывать его имя в эту процедуру.

— В подобном обещании нет необходимости, — спокойно ответил Пойндекс. — Однако я не сомневаюсь, император будет рад, что вы по-прежнему заботитесь о его интересах и помните о ваших прежних отношениях.

С другой стороны, Махони был когда-то на месте Пойндекса. В течение многих десятилетий Ян оставался верным слугой вечного императора. Видя, с каким достоинством Махони готов встретить судьбу, Пойндекс стал опасаться за свою собственную. «Со мной произойдет то же самое, — подумал он, — если я лишусь милости императора».

Где-то в глубине его сознания кто-то тихонько прошептал: «Не если, а когда».

— Скажите боссу, что я все помню, — говорил Махони. — Я помню все очень хорошо.

— Обязательно, — ответил Пойндекс. — Обещаю.

Он опустил руку в карман, а потом вытащил ее. Когда они подошли к двери, Пойндекс приставил дуло пистолета с глушителем к щеке Махони. От соприкосновения с холодным металлом Ян вздрогнул.

Пойндекс выстрелил.

Махони повалился вперед. Наткнулся на дверь. Сполз на пол.

Пойндекс с удивлением посмотрел на тело. На лице Махони застыла его проклятая ирландская ухмылка.

Тогда Пойндекс наклонился, приставил дуло к голове Махони и снова выстрелил.

С человеком вроде Яна Махони нужно на всякий случай подстраховаться.

Глава 43

— Прощайте, берега Сицилии, прощайте, ручейки и долины, ведь не осталось шотландских солдат, которые могли бы оплакать вас, — напевал Алекс, с вожделением думая об очень высоком запотевшем стакане, который возьмет в руки, когда флот навсегда покинет распроклятое созвездие Алтай.

Он наугад переключал каналы станций, вещающих с различных миров империи. Рядом с ним в кресле капитана «Победы» развалился Стэн — никто не мешал ему отдыхать. На обоих все еще была надета рваная и грязная военная форма.

На командном мостике было почти тихо — вероятно, ни один из них не верил в то, что на сей раз им удастся спастись.

— Спорт, — пробормотал Килгур, поймав очередную передачу. — Не понимаю, какой интерес бессмысленно таскать надутую кожаную

сумку от одной меловой линии к другой. Напоминает,— продолжал он, обращаясь к Фрестону, сидевшему рядом у консоли радиосвязи,— о том времени, когда меня заставили играть в одну кретинскую игру — джентльмены называют ее крокет. Сначала я думал, что они окончательно спятили...

Тут его челюсти с треском захлопнулись.

Никто потом не мог вспомнить точно, что говорил диктор в этой прямой передаче. Но смысл был абсолютно ясен:

«Позор... бывший герой Таанской войны... маршал... генерал-губернатор... высшая мера наказания... Ян Махони... Имя должно быть вычеркнуто из всех хроник и стерто с монументов... предательство...»

Стэн вскочил на ноги. Его лицо стало совершенно белым.

— Ну, уж это слишком,— прошептал он.

Килгур собрался было что-то сказать, но только покачал головой. Язык не слушался. Офицер, несущий дежурство, что-то прорывал у него за спиной.

— Следите за экранами, мистер. Какое сейчас передавали сообщение?

— Э-э-э... виноват... оно закодировано.

— Я и сам это вижу,— проворчал офицер связи.— Кому оно предназначено? И от кого?

— Сэр... я полагаю... Прайм. И... оно предназначено для «Калигулы»... Так я думаю.

— Думать не надо, мистер! Ну!

— Сэр... у нас нет соответствующего кода. Он отсутствует в печке.

Стэн заставил себя на время забыть о смерти Махони.

— Что это за передача?

— Не знаю, сэр. С Прайма на «Калигулу», сэр.

— Это я уже слышал. Свяжите меня с Масоном.

— Есть, сэр... «Калигула», это «Победа»...

— «Калигула» на связи.

— Это «Победа». Какое сообщение вы получили?

— Подождите, сигнал расшифровывается...

— Какого лешего,— удивленно присвистнул Килгур, в душу которого начали закрадываться подозрения,— как это может быть, что у них код есть, а у нас его нет?

— Сэр! «Калигула» прервал связь.

— Восстановите.

— «Калигула», это «Победа»... «Калигула», это «Победа». Вы получили сообщение?... Сэр, «Калигула» ведет передачу.

— Ну?

— Они обращаются не к нам, а к своим кораблям прикрытия. Сообщение закодировано. Я не успел записать его.

Стэн пытался понять, что же все-таки происходит, а потом бросил взгляд на основной экран.

«Калигула» вышел из общего строя, и вместе с ним еще четыре истребителя, которые обычно прикрывали линейный корабль.

— Сообщите, куда направляется «Калигула».

— Подождите минутку, сэр... похоже, это обратный курс. Прямо — насколько я понимаю — назад на Джохи!

Послышались удивленные возгласы.

— Ну-ка тихо на мостике!

Стэн заставил себя сосредоточиться. Что, черт подери, происходит? Тут только он заметил, что говорит вслух.

— Сэр? — К нему обратился Фрестон. — Мне кажется, я знаю.

— Наконец-то луч света. Говорите!

— Э-э... сэр, прежде чем меня перевели под ваше начало, я исполнял обязанности офицера связи на «Черчилле». Когда капитан принял командование, ему выдали личный код. В сейфе корабля содержится копия этого шифра — на случай, если командный мостик будет выведен из строя.

— Понятно. Но почему, черт возьми, «Калигула» — или Масон — получил код, которого нет у нас? Ведь «Победа» — флагманский корабль.

— Так точно, сэр. Но... именно на «Калигуле» установлено устройство для уничтожения планет.

Конечно. Империя не любила признаваться в том, что обладает оружием, способным уничтожить целые планеты. Однако такое оружие у нее было. Оно никогда не использовалось — даже в разгар Тананской войны, в самые трудные для империи времена.

Для императора это практически не было связано с моралью. Он часто говорил, что геноцид не самая лучшая политика. Так император считал раньше. «Очевидно, — мрачно подумал Стэн, — вечный император изменил свою точку зрения».

Вероятно, моральные соображения теперь им вовсе не принимались в расчет. Однако Стэн относился к этому вопросу иначе.

— «Калигула» вышел на связь? — спросил Стэн.

— Нет.

— Командор, у вас есть наготове тактический корабль?

— Конечно.

— Мне нужен только один корабль. С лучшим пилотом «Победы». Снабженный «Кали». Он должен стартовать, как только я спущусь в ангар.

Килгур вскочил на ноги и устремился к двери.

— Алекс! Я хочу, чтобы ты остался здесь, на мостике. Я буду находиться на тактическом корабле и должен иметь постоянную связь с «Победой».

- Это вполне может сделать кто-нибудь другой, шкипер.
 - Мне нужно, чтобы ты постоянно анализировал ситуацию.
 - Ладно. Понял. До встречи, приятель.
- Стэн уже мчался в сторону ангара «Победы».

Тактический корабль стартовал с «Победы» и, едва оторвавшись от корабля-носителя, сразу перешел на АМ-2.

- Насколько они нас опережают?
- Ла Сиотат даже не нужно было смотреть на экран.
- Пятьдесят три... пятьдесят одна минута, сэр.
- Отлично.

Стэн сидел рядом с пилотом, настраивая шлем управления.

— Ситуация такова. «Калигула» взял курс на Джоху. Они собираются взорвать планету.

Ла Сиотат, которая всегда гордилась умением играть в покер, на сей раз не смогла совладать со своими эмоциями.

- Но как... адмирал Масон поднял мятеж или...
- Вам это знать ни к чему. Я хочу, чтобы мы взяли курс прямо на «Калигулу», держите линию связи с «Победой» постоянно включенной. Сообщите мне, когда мы будем... в пяти минутах от «Калигулы». У вас есть сомнения по поводу моих приказов?

- Нет, сэр.
 - Постарайтесь сделать так, чтобы нас не засекли истребители.
- Я практически уверен, что они получили приказ нас остановить.

— Это меня совершенно не беспокоит, сэр.

Стэн едва сумел сдержать улыбку — похоже, ла Сиотат действительно крутой пилот.

— «Калигула», это «Победа». Адмирал Масон, говорит Стэн. Конец связи.

По-прежнему никакого ответа.

— «Калигула», говорит Стэн, конец связи. Немедленно ответьте. Это приказ. Конец связи.

— Семь минут до перехвата, сэр.

— Черт возьми...

Неожиданно экран связи на тактическом корабле засветился, и Стэн увидел лицо Масона.

Масон — так, во всяком случае, надеялся Стэн — видел его, точнее компьютерное изображение с борта «Победы», и ни в коем случае не должен был догадаться, что на самом деле Стэн находится на тактическом корабле, который уже почти нагнал «Калигулу».

- Адмирал Масон, я думаю, мне ясна ваша миссия, — начал Стэн.
- Я получил приказ, сэр, не обсуждать свое задание ни с кем.
- Я не собираюсь с вами ничего обсуждать, Масон. У нас тут не дискуссионный клуб. Кроме того, мне известно, что вы получили приказ взорвать Джоху. Вы не вправе этого сделать.

— Я получил приказ, сэр.

— Значит, вы подтверждаете, что вам приказано взорвать планету? Масон, неужели вы хотите стать первым человеком — за многие, многие века, — уничтожившим целый мир? Там не все спятили, Масон.

— Не вижу никаких оснований для продолжения связи, — механическим голосом ответил наконец Масон.

— Масон... подождите минуточку.

Стэн выключил микрофон и натянул шлем управления на голову.

— Мисс ла Сиотат, я запускаю «Кали».

— Есть, сэр. На полном драйве... Мы находимся в одной целой и трех десятых минуты... по корабельному времени в двух минутах.

Стэн нажал на красную кнопку на панели управления оружием — единственное физическое действие, которое он должен был сделать.

Страшная ракета вылетела из шахты тактического корабля — двадцатиметровое чудовище с боеголовкой, содержащей шестьдесят мегатонн смертоносного вещества.

Стэн направил ее при помощи своего шлема на быстро приближающегося «Калигулу» и корабли сопровождения. Затем открыл глаза и увидел лицо Масона на экране.

— Обращаюсь к вам в последний раз, адмирал Масон. Вы же знаете, что служите безумцу. Мы только что слышали — император приказал расстрелять Махони.

В глазах Масона что-то промелькнуло, но он быстро справился с собой и снова превратился в робота.

Стэн сделал еще одну попытку — прекрасно понимая, что все бесполезно.

— Послушайте, приятель. Неужели вы хотите, чтобы ваше имя вот так вошло в историю — Масон, уничтоживший целую планету?

Масон неожиданно ухмыльнулся.

— Стэн, как раз в этом и заключается разница между нами. Вы думаете, что обладаете богоданном правом судить, какие приказы следует исполнять, а какие нет. Это неправильно. Возможно, именно поэтому и был казнен Махони. Вам когда-нибудь приходили в голову подобные мысли? Я выполняю приказ императора... Нет, Стэн, я не стану предателем. Конец связи.

Экран потемнел.

Стэн закрыл глаза и превратился в единое целое с «Кали». Он готовился нанести удар.

— Сближаемся... сближаемся... — доносился до него издали монотонный голос ла Сиотат. — Вас заметили... вы прорвали защитный экран... запускаю... сближаемся... перехват невозможен... сближаемся... цель... попадание!

Мир Стэна взорвался.

Он стянул с головы шлем управления и, посмотрев на экран, увидел, что «Калигула» перестал существовать. Возникло что-то похожее на взрыв, и больше ничего. Словно он смотрел в черную дыру.

Стэн знал, что истребители «Калигулы» попытаются поразить тактический корабль, если, конечно, они уцелели, — но экран оставался черным, слишком велика была сила взрыва.

Его это не беспокоило. Уйти от истребителей было делом ла Сиотат.

— Вот и все, мисс, — устало сказал он. — А теперь обратно на «Победу».

Масон умер, как и жил, — исполняя приказ.

Но вместе с Масоном погибло более трех тысяч человек — и Стэн сильно сомневался, что в память о них в темном межпланетном пространстве будет когда-нибудь воздвигнут монумент.

Глава 44

Стэн продолжал действовать автоматически. Вернувшись на борт «Победы», он снова направился на мостик и отдал необходимые приказы.

— Теперь мы освободились от этого палача, сынок, — сказал Килгур.

Говорил Алекс тихо, но его слова вернули Стэна к реальности. Он посмотрел на своего друга. Лицо шотландца было таким спокойным, будто он обсуждал детали предстоящего обеда.

Потом Стэн обвел взглядом командный мостик «Победы». Неожиданно здесь оказалось много народа.

Ото с несколькими бхорами. Маленькие подтянутые гурки во главе с Лалбахадуrom Тапа. И другие.

Знакомые лица. Но имена... К собственному стыду, Стэн вынужден был признать, что имена он забыл.

И еще Синд.

У нее на лице было точно такое же выражение, как и у всех остальных. Они ждали его решения.

Стэн быстрым движением стер набежавшие слезы.

Они были с ним — все до одного.

Стэну страшно захотелось обнять Синд. Ему было необходимо, чтобы кто-то его успокоил и утешил. Уверил в том, что все будет в порядке.

А потом он осознал, что совершил.

Теперь он оказался вне закона.

Из-за него пострадают все, кто ему доверял.

Очень скоро вечный император узнает о предательстве и пустит по следу ищеек. Стэну придется спасаться бегством. Им всем придется спасаться бегством.

Он начал было что-то говорить... Потому что знал множество мест, где можно спрятаться. Нужно только выбрать и назвать координаты.

Замолчал.

Везде им грозит опасность. Рано или поздно их настигнут слуги императора.

Стэн снова посмотрел на лица своих верных друзей.

Возможно, они не одиноки. Он вспомнил про сэра Эку. И про его предложение.

Что толку?

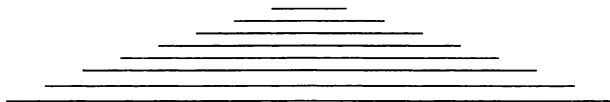
Стэн пожалел, что рядом нет Махони. Ян бы знал, как следует поступить. Он бы сказал: «Прекрати ныть, парень. Ты жив и здоров. У тебя есть подружка. Рядом с тобой твой друг, уродливый шотландец Алекс Килгур, и еще множество верных друзей. И отличный боевой корабль. Собственный корабль императора!»

В этот момент джемедар Лалбахадур что-то прошептал своему отряду. Гурки встали по стойке «смирно», подняв вверх кукри, что на их языке означало: «Мы готовы вам служить, сэр!»

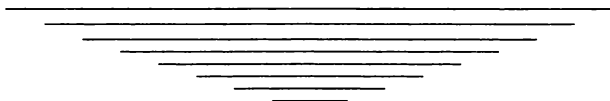
И Стэн принял решение.

Если он побежит, император обязательно его поймает. Поэтому он должен добраться до вечного императора первым.

Стэн отдал приказ.

Конец империи

*Всем, кто был здесь, когда «смерть пришла в городок Развлечений
тихой незваной гостьей»*

Книга первая

Индийское начало

Глава 1

Остатки имперского штурмового флота спасались бегством в «темноте», возникшей между скоплениями звезд. Среди них был один носитель тактических кораблей, два тяжелых крейсера и один легкий, флотилия эсминцев, а в центре шли вспомогательные суда и транспортные корабли с сильно потрепанными представителями Первой гвардейской дивизии на борту.

Замыкающим шел огромный линейный корабль «Победа». На капитанском мостике Стэн смотрел на стратегический военный экран, не замечая ни сияния «впереди», изображавшего империю, ни значков «позади», обозначающих раздираемое гражданской войной и гибнущее в анархии скопление звезд под названием Алтай.

За два земных дня до этого:

Стэн — полномочный посол, личный посланник вечного императора. Адмирал. Медалей и наград не сосчитать, начиная от Галактического креста до императорской медали. Герой.

Теперь Стэн — предатель, отступник. И, напомнил он себе, еще и убийца.

«Позади» остались имперский линейный корабль «Калигула», его командир адмирал Масон и более трех тысяч верных империи солдат. Стэн уничтожил их за то, что они попытались исполнить приказ, отданный лично самим императором, — взорвать главную планету звездного скопления Алтай.

— Эй, босс, я хочу тебе кое-что сказать.

Стэн оторвался от своих размышлений.

Алекс Килгур. Лучший друг Стэна, происходящий с одного из миров, где сила тяжести превосходит ту, к которой привыкли люди. Алекс знал о разрушениях и смерти, вероятно, больше, чем Стэн.

— Ну, ДВ.

Его позабавило, что оба по-прежнему пользуются речевыми оборотами, оставшимися с тех давних пор, когда они служили в спецотряде богомоллов, секретном подразделении имперских вооруженных сил. «Давай выкладывай» — ДВ.

— Учитывая, что ты всего лишь начинающий преступник, а вся твоя жизнь ушла на славословия и воспевание достоинств нашего дорогого и всеми любимого императора, ты, вероятно, не знаешь, что типы в твоём положении не могут себе позволить останавливаться, чтобы полюбоваться природой и понюхать цветочки, если спасаются от правосудия.

— Спасибо, мистер Килгур. Я вам очень признателен за своевременное напоминание.

— Да ладно, приятель. Если тебе что-нибудь понадобится, ты только свисти.

Стэн отвернулся от экрана. Вокруг него, дожидаясь приказов, собралась вахтенная команда «Победы». Эти люди прослужили вместе с ним многие годы и на самом деле были скорее его личной службой безопасности, чем обычными подчиненными.

Гурки, двадцать три бойца, наемники из Непала, известные всей империи тем, что соглашались служить только в охране самого императора, добровольно вызвались беречь жизнь своего бывшего командира Стэна.

Ото и еще шесть бхоров. Приземистые, лохматые страшилища с длинными бородами, желтыми клыками и непропорционально большими костяшками пальцев. Они радовались, как дети, если получали возможность медленно и с наслаждением разорвать на части тело своего врага или произвести то же самое с его банковским счетом при помощи изощренных торговых сделок, которые они заключали по всему свету. Кроме того, бхоры просто обожали поэзию вроде Эдды. На борту «Победы» было еще около сотни бхоров.

И, что важнее всего, с ними их капитан — Синд. Женщина. Опытный снайпер. Произошла из семьи, поклонявшейся забытому ныне культу воина. Боевой командир, пользующийся непререкаемым авторитетом своих солдат. Красивая. Подруга и любовница Стэна.

«Ладно, хватит заниматься подсчетами, — подумал Стэн. — Килгур совершенно прав: волк не может позволить себе валяться на прогретой теплым солнышком лужайке, слушая, как жужжат пчелы, — если только он, конечно, не решил круто изменить свою жизнь и стать ковриком возле камина».

— Группа вооружения!

— Да, сэр? — Молодая женщина ждала его указаний. Стэн вспомнил, что ее зовут Ренци.

— Верните ваших людей в основной отсек. Командор Фрестон, я хочу... о, проклятье. Нет, ничего не нужно.

Он вдруг вспомнил.

— Вы оба,— проговорил Стэн, неожиданно повысив голос.— И все, кого это интересует, внимательно послушайте меня. Обстоятельства изменились. Я только что объявил императору войну. А это означает, что я стал изменником. Я не требую от вас исполнения моих приказов. Никому из тех, кто пожелает сохранить верность присяге, не будет причинен вред. Мы...

Его речь была прервана воем сирен — Ренци выполнила приказ. Один ответ он получил. Следующим был Фрестон.

— Простите, сэр, заряды статического электричества помешали мне как следует разобрать ваше распоряжение.

Стэн жестом попросил Фрестона встать рядом.

— Лейтенант Ренци, я хочу, чтобы «Кали» и «Гоблины» были готовы к запуску. Возможно, кто-нибудь из наших имперских дружок захочет прибрать их к рукам и разобраться с предателем. Кроме того, «Калигулу» сопровождало четыре истребителя. Если какой-нибудь из кораблей начнет атаковать нас, взорвите ракету где-нибудь неподалеку от них — в качестве предупреждения.

— А если их это не остановит?

Стэн колебался.

— В таком случае свяжитесь со мной. Никаких запусков «Кали» без моего приказа не осуществлять, руководить запуском буду я сам или мистер Килгур.

— Это не...

— Это приказ. Выполняйте.

— Слушаюсь, сэр.

— Командор Фрестон. Подберите какую-нибудь надежную линию связи и соедините меня с генералом Сарсфилдом — на каком бы корабле он ни находился.

Сарсфилд командовал Первой гвардейской дивизией, выше его по званию был только сам Стэн. Фрестон коснулся кнопок.

— И вот еще что,— проговорил Стэн,— вы ведь учились в Высшей летной школе?

— Да, сэр.

— Ваше прошлое омрачают какие-нибудь страшные грехи, которые могут помешать вам стать образцовым капитаном военного корабля? Может быть, вы хотя бы разок протаранили адмиральскую баржу или надраили корабельные орудия карболовой кислотой? Занимались тайным ввозом пива? Злословили или участвовали в драках? Может, вы педик?

— Не-е-ет, сэр.

— Вот и отлично. Говорят, пираты быстро продвигаются по службе, прежде чем их успевают повесить. Теперь «Победа» — ваш корабль.

— Да, сэр.

— И не надо меня благодарить. Это означает только то, что вы, вероятно, покинете наш мир следующим за Килгуром... Мистер Килгур?

— Сэр?

— Соберите всех, кто свободен от вахты, в главном ангаре.

— Слушаюсь, сэр.

Тут Стэн заметил, что Килгур опустил руку. «Наверное, потирал шрам от старой раны на пояснице», — подумал он и ошибся — рука Килгура лежала на рукояти мини-виллигана, спрятанного под ремнем. Алекс не хотел рисковать: верность императору — дело, конечно, хорошее. Однако если кто-нибудь попытается буквально исполнить свою клятву «защищать империю и ее благополучие до самой смерти», его ждет малопривлекательная участь мученика. А уж потом Килгур станет громко восхищаться благородством и верностью своему слову.

Экран засветился, и на нем появился Сарсфилд.

— Генерал, вы знаете, что произошло?

— Да.

— Прекрасно. Учитывая то, как сложились обстоятельства, вы теперь возглавляете флот. До тех пор, пока вы не получите какой-нибудь другой приказ от императора, я советую вам отправиться на ближайший из миров империи. Должен с сожалением предупредить вас, что любая попытка помешать продвижению «Победы» встретит максимальное противодействие. Вместе с тем ни один из ваших кораблей не подвергнется опасности до тех пор, пока вы будете следовать моим инструкциям.

Старый солдат нахмурился. Сделал глубокий вдох, хотел что-то сказать. Потом передумал.

— Я вас понял.

— Конец связи.

Экран опустел. Интересно, что собирался сказать Сарсфилд? Что ни один из имперских судов не обладает и четвертью огневой мощи «Победы» и что на его борту нет ни одного самоубийцы? Или — Стэн проклинал себя за то, что все еще оставался в душе романтиком, — старый вояка хотел пожелать ему удачи? Впрочем, какое теперь это имеет значение?

— Джемедар Лалбахадур?

— Сэр!

— Разверните своих людей, я хочу, чтобы они защищали нас с флангов.

— Есть.

— Капитан Синд, ваши люди должны быть в полной боевой готовности.

— Можете не беспокоиться, сэр,— ответила Синд.

— Командор... простите, капитан Фрестон, подготовьте к старту адмиральский катер. Мы для вас своруюем другой где-нибудь по дороге.

«Забавно,— подумал Стэн,— как быстро человек расстается со смиренной рубашкой дисциплины, которой так гордятся военные моряки».

— Есть, сэр.

— Мистер Килгур? Вам не кажется, что пора пойти поговорить с командой и выяснить, кто что думает?

Алекс колебался.

— Ну, если вы так считаете, сэр. Но только вот одна крошечная мелочь... проблема безопасности... Пожалуй, я...

— О господи!

Стэн не имел ни малейшего понятия о том, что беспокоило Алекса, но вдруг вспомнил о двух козырных картах, имеющих в его распоряжении. Если они, конечно, еще чего-то стоят. Стэн расстегнул ворот своего военного кителя и достал маленький мешочек, который висел у него на шее. Вынул оттуда два пластиковых круга.

— Оставайтесь здесь,— приказал он и поспешил в центральный компьютерный зал. Попросил операторов выйти, выставил вокруг станции защитный экран и сел за главный компьютер. Прикоснулся к клавишам.

Эта станция была одной из трех на борту «Победы», которая имела доступ к ВСЕ/ОБ — центральной имперской компьютерной сети, которая действовала на всех мирах и кораблях империи.

«Должна иметь»,— подумал Стэн. Почти наверняка «Победу» лишили доступа ко всем компьютерным сетям, точно так же, как император перекрыл прямую линию связи, соединявшую Стэна непосредственно с его дворцом.

Прошли недели. Месяцы. Десятилетия. Стэн не сомневался, что его тело уже начало превращаться в прах, когда неожиданно экран засветился и на нем появилась надпись «ВСЕ/ОБ», а потом быстро исчезла.

Затем:

«ПРИНЯТО».

Стэн ввел код «Победы». Прождал еще несколько сот лет.

Теперь он, вне всякого сомнения, увидит схематичное изображение принятого в прежние времена непристойного жеста и слово «ОТКАЗ».

Вместо этого он прочитал: «АТЕЛЬЕ».

Стэн ввел программу первого пластикового чипа. Еще немного подождал. На экране появилось: «БОРРУМБАДА». Принято! И сно-

ва: «АТЕЛЬЕ». Стэн вставил второй чип. И вновь имперский компьютер принял его программу. Теперь оставалось только молиться, чтобы эти пластиковые крошки сотворили обещанное чудо.

Они были подарком маршала Яна Махони, прежнего командира Стэна по спецотряду богомоллов, бывшего на протяжении многих веков ближайшим другом вечного императора. Но Махони умер — император обвинил его в измене и казнил.

«Очень жаль, Ян, что ты не смог воспользоваться такой же штукой, прежде чем этот вечный кретин сумел с тобой расправиться... На подобные мысли у меня нет времени», — рассердился на себя Стэн.

Затем он отодвинул защитный занавес и увидел, что его ждет Алекс.

— Спасибо, что согрели для меня стульчик, босс. А теперь — не пора ли вам отвалить отсюда?

— Слушаюсь, сэр, мистер Килгур, сэр. Убираюсь с вашей дороги, меня уже нет, сэр. Вы позволите послать вам чашечку чая, сэр?

— Еще чего не хватало, эта мерзость годится только для того, чтобы течь в жилах слабаков! Я сам о себе позабочусь. — И Килгур опустил защитный занавес.

Стэн же направился к проходу, соединяющему капитанский мостик с центральным коридором. Он спешил в ангар, расположенный на корме. Не дожидаясь приказа, гурки с виллиганами на изготовку затрусили вслед за ним.

Синд и бхоры ждали на перекрестке. Капитан жестом показала им и гуркам, чтобы они шли вперед. На короткое время она и Стэн оказались одни за поворотом коридора.

— Благодарю, — сказала Синд и поцеловала его.

— За что?

— За то, что не стал спрашивать.

— Спрашивать о чем?

— Ты кретин.

— Ты имеешь в виду...

— Имею.

— Но мне и в голову не пришло, что ты... То есть...

— Ты прав. Я остаюсь добровольцем. Кроме того, я не приносила присяги вашему императору. Да и вообще, я знаю, на кого ставить.

Стэн внимательно посмотрел на нее. Вроде бы она не шутила и не пыталась поддержать его.

— Мои предки были дженнисарами, — продолжала Синд. — И служили тиранам, которые лгали, утверждая, что говорят от имени выдуманных ими богов. Я поклялась, что если стану воином, то не буду похожа на них. По правде говоря, именно о такой службе я и

мечтала — избавить мир от пророков и прочих подонков. Вроде Искры. Или императора.

— Ну,— ответил Стэн,— ты уже говорила мне об этом раньше. Теперь, похоже, у тебя появится такая возможность. В крайнем случае ты сможешь благородно сгореть в очишающем огне.

— Ну уж нет,— возразила Синд.— Мы ему надерем задницу! А теперь пошли. Твоя паства ждет проповеди.

Стэн стоял над толпой из почти двух тысяч существ — моряки «Победы», свободные от боевого дежурства, плюс остатки дипломатического корпуса окружали его со всех сторон. Он не считал свою речь о необходимости борьбы с тиранией достаточно убедительной и старался не смотреть вверх, где на мостиках устроились снайперы — бхоры и гурки — на случай, если у кого-нибудь возникнут существенные возражения.

— Ладно,— закончил он.— Дело обстоит так: я прищемил императору хвост. Он, конечно же, не позволит мне исчезнуть, сделав вид, что ничего не произошло. Впрочем, я и не собирался исчезать. Не знаю, что будет дальше, поскольку у меня нет никакой уверенности, что кто-нибудь захочет со мной остаться. Если среди вас есть специалисты в тактических вопросах или вы умеете общаться с компьютером, вам будет совсем не трудно предсказать, чем все это может закончиться.

У меня есть «Победа», и, вероятно, кто-то на других мирах разделяет мои взгляды, которые заключаются в том, что пора вступать в бой. Вот и весь план.

Большую часть жизни я служил императору. Затем все пошло наперекосяк. Как в истории с Алтаем, например. Допустим, эти несчастные ребята страсть как любят пускать друг другу кровь. Так продолжается уже многие поколения. Но в том, что события приняли такой оборот, виноваты мы. Из-за нас их мелкие конфликты переросли в кровавый хаос.

Стэн одернул себя.

— Нет,— продолжал он, понизив голос, и даже те, кто находился рядом с ним, вынуждены были напряженно вслушиваться в его слова.— Я не должен говорить «мы». Вы, я — мы сделали все, что в наших силах. Однако этого оказалось недостаточно. Потому что есть человек, который имеет собственную программу. Император. Мы следовали его приказам... Теперь вы видите, к чему это привело. Я не мог допустить, чтобы этот человек взорвал целую планету только для того, чтобы никто не узнал о его ошибках.

Вот, пожалуй, и все, что мне следовало сказать. Очень скоро будет готов адмиральский катер, который отправится в распоряжение имперских кораблей. У вас есть час на то, чтобы собрать вещи и под-

няться на его борт. Сделайте это. Вы проживете намного дольше, если останетесь с императором, — разве имеет значение, кем он является и что совершает? У меня нет выбора. У вас он еще остался.

Один час. Уйдите с линии огня. Сейчас. Те же, кто сыт по горло приказами безумца, ввергшего империю в хаос вроде того, который сейчас охватил Алтай, — отступите за ограждение ангара. Вот и все. Спасибо за помощь. И удачи вам — каким бы ни был ваш выбор. Все свободны.

Стэн отвернулся и сделал вид, что занят разговором с Синд, но на самом деле он прислушивался к глухому говору и стуку каблуков по палубе.

Синд не смотрела на него, готовая отразить внезапную атаку. Потом голоса смолкли и движение прекратилось.

Стэн заставил себя обернуться... и удивленно заморгал. Он не успел еще ничего спросить, а Синд уже говорила:

— Первыми были люди из твоей посольской миссии. Мне кажется, останется девять из десяти. Ты умудрился совратить их.

— Проклятье, — только и смог пробормотать Стэн.

— Не слабо, — согласилась Синд. — Кроме того, по моим подсчетам, с нами останется около двух третей офицеров. А я-то думала, среди военных не бывает добровольцев... Выходит, под твоим началом служили одни мятежники.

Переговорное устройство взревело прежде, чем Стэн успел сделать что-нибудь полезное: например, упасть на колени и возблагодарить парочку бхорских богов за то, что они осенили «Победу» своей благодатью (а может быть, наоборот, прокляли ее), лишив более тысячи членов команды рассудка и способности здраво мыслить.

— Стэна на капитанский мостик! Стэна на капитанский мостик!

Голос был взволнованным — из чего очевидным образом следовало, что приближается катастрофа.

— Эти шесть экранов показывают, что происходит на «Беннингтоне». Передача пошла сразу после того, как мы установили с ними связь.

Стэн посмотрел — на экранах были видны брошенные командой станции наведения ракет.

— Я думаю, ведется прямая передача, — продолжал Фрестон.

Почти весь главный экран занимал «Беннингтон», тяжелый авианосец, самый мощный корабль из флотилии Сарсфилда. По обе стороны от него расположились два эсминца. И все на полном ходу мчались в сторону «Победы». Или Сарсфилд приказал им выступить в роли камикадзе — рассчитывать на то, что они смогут причинить реальный урон «Победе», не мог даже глупец, — или ситуация вообще вышла из-под контроля.

— У меня, — объявил Фрестон, — снаряжено шесть станций «Кали», которые находятся в четырехсекундной готовности.

— Повторите первую передачу с «Беннингтона».

Фрестон включил вспомогательный экран. Стэн увидел командный мостик «Беннингтона» — создавалось впечатление, что здесь только что закончилась грандиозная драка. У офицера на экране была перевязана рука и разорвана форма.

— «Победа», это «Беннингтон». Пожалуйста, ответьте на этой же частоте. Говорит командор Джеффрис. Я принял командование «Беннингтоном». Офицеры и матросы корабля отказались подчиняться приказам императора. Мы хотим присоединиться к вам. Пожалуйста, ответьте.

Изображение затуманилось, а потом все повторилось снова.

— Кроме того, — сказал Фрестон, — мы получили сообщение от одного из эсминцев — «Аойфа». Другой называется «Айслинг». Оба класса «Эмер». — Он показал на другой экран, на который Стэн сначала не обратил внимания. — Их сообщение короче, передача не закодирована. Вот она: «Эсминцы “Аойф” и “Айслинг” хотят присоединиться. Принимаем команду Стэна». Оба корабля из системы Хондзо. Вам это что-нибудь говорит, сэр?

Совсем немного. Хондзо славилась в империи умением торговать. Нельзя сказать, что остальные обитатели галактики относились к ним с особой симпатией. Хондзо был присущ чрезмерный этноцентризм. Более всего их интересовало получение максимальной выгоды, при этом, однако, они были удивительно преданы хозяину, которому соглашались служить, — но только до тех пор, пока им отвечали тем же. Кроме того, они отличались отчаянной смелостью, вплоть до готовности к уничтожению всей своей расы, в чем имел возможность убедиться Тайный совет в период смуты, когда пытался украсть у хондзо их АМ-2.

До Стэна доходили слухи, что с тех пор, как император вернулся, хондзо, имея на то достаточные основания, считали, что не получили заслуженного вознаграждения (в денежном выражении) за свою верность империи.

— Снимите «Кали» с боевого дежурства. Немедленно свяжитесь с командирами этих кораблей и передайте: сообщение получено, пусть ждут дальнейших инструкций, — приказал Стэн. — Скоро мы выясним, насколько они готовы нас поддержать. А сейчас вызовите на связь этого Джеффриса с «Беннингтона».

Соединиться удалось почти сразу. Разговор получился совсем коротким. На «Беннингтоне» и в самом деле произошел мятеж. Капитан убит; пять офицеров и двадцать матросов в госпитале. Около тридцати процентов команды — все они находятся под арестом — сохранили верность империи.

— Ждем ваших приказов,— закончил Джеффрис.

— Во-первых,— сказал Стэн, стараясь соображать побыстрее,— добро пожаловать в наш кошмар, вы все явно спятили. Во-вторых, отправьте тех, кто верен империи, к Сарсфилду. Если у вас есть грузовая шлюпка, используйте ее для этих целей; в противном случае снимите оружие с одного из боевых катеров. В-третьих, как и прежде, не допускайте людей на станции наведения. Мне очень жаль, но в нашем положении никому нельзя доверять. В-четвертых, приготовьтесь принять посетителей. В-пятых, переключите ваши навигационные системы на принятие команд с моего корабля. Вы будете нас сопровождать. Пока все.

— Есть, сэр. Будет исполнено. Ждем прибытия ваших людей. И... спасибо вам.

Стэн выключил экран. Ему было некогда удивляться, почему еще одна большая команда идиотов добровольно вызвалась сопровождать его в камеру смертников. Он огляделся по сторонам в поисках Алекса и увидел, что тот с довольным видом сидит у главной панели управления. Килгур незаметно поманил его пальцем. Стэну страшно захотелось рывкнуть что-нибудь этакое в ответ, но он сдержался и подошел к Алексу.

— Прошу прощения, босс, но, прежде чем мы двинемся дальше, у меня есть важное сообщение. Мы все еще богаты, приятель.

Стэн едва удержался от опасной для жизни попытки лягнуть Алекса. Какое, черт возьми, это имеет отношение к...

— Раз уж мы так торопимся, я постараюсь быть кратким. Пока ты вдохновлял всех этих идиотов на подвиги, я занялся нашими банковскими счетами. Нам, людям, оказавшимся вне закона, прежде всего требуется ликвидность. Так что я перевел наши счета в тот банк, где мы всегда, еще со времен службы с богомолами, отмывали грязные денежки.

Стэн собрался было что-то сказать, но потом сообразил, что это вовсе не проявление жадности со стороны Килгура. Революции, как и большая политика, должны постоянно подпитываться деньгами, отсутствие которых чаще всего и является причиной неудач. Потребуются огромный капитал, если они надеются выжить в этой борьбе, не говоря уже о победе.

А Килгур вовсе не преувеличивал, утверждая, что они очень богаты. Несколько лет назад, когда друзья попали в плен во время Тананской войны, их соратница из отряда богомолов Ида тайно вложила накопившиеся на их счетах деньги в очень выгодные предприятия. Они стали настолько богаты, что Стэн сумел купить целую планету, а Килгур умудрился построить около полудюжины замков с огромными поместьями на своей родине в Эдинбурге.

— Подумай сам, они наверняка уже пустили кого-нибудь по следу. Я послал коротенькое сообщение Иде, чтобы эта толстая корова

ждала нас в гости. Мне кажется, нам пригодится помощь цыган, пока суматоха не уляжется. Еще я послал небольшое сообщение королю контрабандистов, хотя у меня нет уверенности в том, что почтовый ящик у Вайлда по-прежнему надежен. Вот и все, босс. У тебя есть для меня задание? Насколько я понимаю, мы решили взяться за ум, поискать барсучью нору и выманить оттуда этого ублюдка.

Алекс вскочил и вытянулся по стойке «смирно». Стэн кивнул:

— Вот именно. Кроме того, император непременно пошлет по нашему следу своих псов. Тут нам нечего беспокоиться. Забирай половину бхоров и отправляйся на «Беннингтон». Убедись, что они не пытаются шутить с нами шутки.

— А если пытаются?

— Поступай, как считаешь нужным. Если это ловушка, сделай так, чтобы они заплатили за предательство. Я буду держать две установки «Кали» в боевой готовности, пока ты не дашь отбой, и еще эскадрилью боевых катеров.

— Меня уже нет,— сказал Килгур и исчез.

Стэну очень хотелось отдышаться и придумать какой-нибудь осмысленный план, но он едва успевал реагировать на происходящие события. Он вернулся к командору — теперь капитану — Фрестону.

— Ну, капитан, вы слышали, что мы собираемся сделать. Все три корабля будут управляться с капитанского мостика «Победы». Я хочу, чтобы вы задали навигационному компьютеру программу случайного выбора направления полета.

— Слушаюсь, сэр.

— И еще, пошлите эскадрилью боевых катеров к «Беннингтону», а другая... напомним, как зовут ее командира... должна находиться в одной световой секунде, защищая «Победу» с тыла. Каждый раз, совершая прыжок в гиперпространство, мы будем оставлять одну установку «Кали» с «Беннингтона» под управлением одного из офицеров Ренци. Мне не нравится, когда меня преследуют.

— Слушаюсь, сэр.

— А теперь свяжите меня с хондзо.

— Есть, сэр. А куда мы летим?

Стэн не ответил. Но совсем не потому, что не знал ответа, просто ему было известно: у заговорщика есть только одна возможность остаться в живых — никогда и никому не рассказывать заранее о своих планах. На самом деле он мог отправиться в два места... теперь, когда произошло настоящее чудо и вместо одного корабля у него появилось нечто похожее на флот.

Насчет первого Стэн сомневался, но оно отличалось выгодным расположением, поскольку все уважающие себя мятежники начинают с того, что разрушают свою Бастилию.

А второе?

Когда Махони арестовали, он прокричал: «Отправляйся домой». Стэн наконец понял, что имел в виду Махони. Впрочем, некоторые сомнения на этот счет у него все-таки имелись.

Глава 2

Ранетт ткнула в бок заспанного клерка, наступила на ногу офицеру военно-морских сил и точно рассчитанным движением, но как будто совершенно случайно, подтолкнула какого-то бюрократа в бок так, что он вылил на свое толстое брюхо целую чашку дымящегося кофе.

Пробираясь сквозь толпу, она рассыпалась в извинениях: «Прошу прощения... Какая же я неловкая...»

Если бы в этот момент кто-нибудь пригляделся к ней повнимательнее, он, вне всякого сомнения, заметил бы, что Ранетт продвигается к намеченной цели с уверенностью человека, привыкшего к большим скоплениям народа. Она легко скользила между людьми, пробегала через открытые пространства, создавала себе проходы там, где их до сих пор и в помине не было, и все время не сводила глаз с огромной двери, ведущей в комнату для прессы замка Арундель.

Однако возле двери проход ей загрозила черная гора в форме. На рукаве стражника причудливо переплелись золотые буквы ВБ. «Просто замечательно,— пронеслось в возмущенном сознании Ранетт,— не хватало только кретинов из службы внутренней безопасности». Она одарила стражника одной из своих самых ослепительных улыбок, которая была призвана растопить сердце любого дееспособного мужчины с нормальными сексуальными пристрастиями.

— Извините, пожалуйста...

Ранетт уже поднырнула ему под руку и почти проникла в конференц-зал. Изнутри доносился сухой голос какого-то официального лица, читавшего доклад. «Уже начали, ублюдки,— подумала Ранетт.— Я спущу шкуру с того, кто в этом виноват».

Однако стражник с нашивками на рукаве заградил ей дорогу.

— Только для прессы,— прорычал он.

Сладенькая улыбочка по-прежнему светила на лице Ранетт.

— Вот-вот, для меня, значит.

Она выхватила свое удостоверение и твердой рукой поднесла его к глазам-пуговкам тупоголового громилы. Он внимательно изучил документ, потом посмотрел на Ранетт. Придурок из ВБ не спешил.

— Похоже, документы ваши,— наконец объявил он. А потом злобно ухмыльнулся.

«Вдвойне замечательно и необыкновенно любопытно,— подумала Ранетт.— Этот тип ненавидит средства массовой информации».

— А вы все равно войти не можете.

— Это еще почему, чертово кретиновство?

Лицо Ранетт перестало быть соблазнительно нежным. Теперь от ее тона повеяло могильным холодом. Однако стражник был настолько глуп, что еще этого не понял.

— У меня приказ, вот почему, — рявкнул он. — Конференция началась. Никому не разрешается входить и выходить, пока она не закончится.

Всего через одну секунду самодовольное выражение на его лице сменилось неприкрытым ужасом — Ранетт позволила сдерживаемой до сих пор ярости вырваться на свободу.

— А ну-ка, проваливай с дороги, ты, вонючий раздутый член! — прошипела она. — Если ты меня не пропустишь сию минуту, я твои яйца зажарю себе на завтрак.

Она подождала целых полторы пронизанных ужасом минуты, чтобы до стражника дошел смысл ее слов. А потом окатила стражника и всю прилегающую территорию столь отборными ругательствами и невообразимыми угрозами, что по своей силе и изощренности они с легкостью могли бы поспорить со всем, слышанным до сих пор бравым представителем службы безопасности — включая обещание познакомить его со старшим палачом императора.

Девяносто секунд истекли, превратившись в целый мучительный год, когда в крошечном мозгу стражника наконец вспыхнуло имя, написанное на удостоверении. Женщина, готовая растерзать его собственными руками, была знаменитостью. Ранетт вела репортажи о Таанской войне прямо с линии фронта. Ей удалось выжить в те страшные годы, когда у власти стоял Тайный совет. Она выдавала блестящие документальные передачи, которые даже он смотрел, испытывая благоговение и ужас. Могущественные члены правительства и главы корпораций разбегались в разные стороны, как нашкодившие мальчишки, стоило ей только появиться со своей командой и аппаратурой.

Когда Ранетт замолчала на одно мгновение, чтобы перевести дух или в надежде, что ее посетят новые идеи, громила с золотыми буквами ВБ на рукаве поспешил убраться с ее пути. Он был готов дезертировать с поста — легче пережить гнев сержанта с голосом гены, чем ярость этой женщины, — когда услышал, как огромная дверь с легким шорохом приоткрылась, а потом быстро закрылась снова. Его трясло. Ранетт уже была внутри — пока не закончится пресс-конференция, он в безопасности. И пусть приказы катятся ко всем чертям.

Адмирал Андерс, командующий военно-морским флотом его императорского величества, мысленно выругался, увидев, как Ранетт влетела в переполненный журналистами конференц-зал и, мило улыбаясь, вынудила какого-то юнца уступить ей место возле прохода.

До сих пор конференция проходила спокойно. Едва Андерс узнал про то, как повернулись события на Алтае, он дал офицерам, отве-

чающим за работу пресс-служб в кризисной ситуации, соответствующие задания, не дожидаясь приказов императора.

Противники адмирала, которые в данный момент помалкивали, считали, что он слишком молод, красив и обладает чересчур безукоризненными манерами для этой должности. Он сумел взобраться на самый верх только благодаря таланту политика, а не военного. По правде говоря, Андерс получил все свои медали за полеты на вражеские территории, которые были недавно освобождены и очищены от нежелательных элементов. Он много стрелял, впадая в ярость, зато к его отчетам для прессы и рапортам было невозможно придаться даже при очень сильном желании.

Став командующим военно-морским флотом, адмирал Андерс первым делом издал свод законов, касающихся кризисных ситуаций, в соответствии с которыми должны действовать и действовали собравшиеся в этом зале. Все было очень просто:

- только представители прессы, получившие соответствующие бумаги от его администрации, имеют право присутствовать на пресс-конференциях, посвященных той или иной кризисной ситуации;
- журналисты имеют право задавать вопросы, касающиеся лишь фактов, излагаемых во время конференции;
- журналисты имеют право задавать вопросы только тем официальным лицам, кто делал сообщение о возникшей ситуации;
- любое нарушение первых трех правил может рассматриваться как нарушение имперской безопасности, с обвинением виновных в государственной измене.

Тем не менее адмиралу приходилось считаться с определенными условностями, общаясь с представителями прессы. В этом зале были и звезды журналистики, известные во всех уголках империи. Они получали за свою работу такие огромные гонорары, что представляли собой целые корпорации в лице одного человека.

К счастью, большинство из них были вполне ручными. Андерс прекрасно понимал: даже овод вынужден быть членом того общества или организации, на которые осуществляет нападки, если он хочет стать знаменитым и богатым оводом.

Ранетт к этой категории журналистов не относилась. Она была известна. Не стремилась стать очень богатой. Пользовалась своей славой только в качестве инструмента, дающего ей возможность добиться желаемых результатов. Именно поэтому, составляя список репортеров, которых следовало пригласить на эту пресс-конференцию, Андерс вынужден был включить и ее имя. Однако оно оказалось в конце списка, и в соответствии с самыми суровыми инструкциями Ранетт должна была получить сообщение о конференции слишком поздно, чтобы не иметь возможности прибыть на нее вовремя.

Она успела. Своей собственной кретинской персоной. Несмотря на раннее начало пресс-конференции — Андерс совершенно сознательно назначил совещание на время за два часа до земного рассвета, — Ранетт выглядела пугающе бодрой в отличие от своих непроспавшихся коллег, которые отчаянно зевали и клевали носами, вполуха прислушиваясь к монотонному голосу любимого пресс-офицера Андерса, который щедро пересыпал свою речь жаргонными словечками.

— ...Про историю и строение звездного скопления Алтай, пожалуй, достаточно. В информационных листках, которые мы вам вручили, вы найдете краткое описание планет, данные, касающиеся среднего уровня гравитации, и карты, где обозначены временные регионы. Кроме того, мы включили сведения о четырех главных народах, населяющих планеты: джохианцы и торки (гуманоиды), суздали и богази (негуманоиды). Джохианцы являются самым многочисленным народом. Мне кажется, будет не вредно напомнить вам, что каждый из народов исторически люто ненавидит своих соседей.

Офицер продолжал говорить под легкий шорох переворачиваемых страниц.

— Далее... политическая обстановка. Ну, тут вам известны все подробности. Теперь подведу итог. Когда верный союзник императора Хакан умер, тот регион галактики мог стать жертвой анархии. Хакан был представителем джохианского большинства. К сожалению, беззаветное служение делу, самые разнообразные обязанности, которые он выполнял безупречно, помешали Хакану обзавестись наследником. Император назначил доктора Искру — выдающегося джохианского ученого и преданного империи гражданина — новым правителем звездного скопления Алтай...

Ранетт начала понимать, что здесь происходит. Остекленевшие глаза ее коллег указывали на то, что ничего важного сказано не было... пока. Прошел уже почти целый час, и выступающий сейчас перед ними утомительно занудный докладчик был далеко не первым. Вне всякого сомнения, до этого говорилось о столь же незначительных и скучных вещах. Ни для кого не было новостью, что события на Алтае приняли серьезный оборот. Известия о волнениях в том районе уже начали просачиваться в прессу, несмотря на попытки официальных лиц скрыть правду. Сама Ранетт совсем недавно прилетела из тревожного сектора: кто-то очень влиятельный приказал ей вернуться на Прайм-Уорлд, не подпустив корабль даже близко к Алтаю.

Ранетт быстро пролистала официальные документы, которые ей удалось прихватить, пока она пробиралась от двери к месту у прохода. Нашла заголовок «Повестка дня». Естественно, первым пунктом в повестке дня шли «исторические сведения». Далее значился пункт под названием «Обсуждаемая проблема: адмирал флота Ан-

дерс, командующий военно-морскими операциями флота его императорского величества». Далее: «Вопросы и ответы». Нигде в повестке дня — и ни в каких других материалах, содержащихся в официальных бумагах, — не содержалось и намека на то, ради чего была созвана эта пресс-конференция. Если не считать того, что происшедшие события каким-то образом связаны с Алтаем. И что они имеют отношение к военным, поскольку в пресс-конференции участвовал командующий флотом.

Если бы Ранетт умела, она непременно сейчас присвистнула бы. Вся эта конференция сильно пахла дерьмом. Опыт подсказывал Ранетт, что имперские политики сообщали хорошие новости немедленно, зато плохие приберегали напоследок.

Она заметила, что адмирал несколько раз бросал на нее косые взгляды, определенно не радуясь ее присутствию на конференции. Отли-и-ично! Ранетт одарила его своей самой отвратительной улыбкой. Андерс сделал вид, что не замечает журналистку, и снова вернулся к офицеру, делавшему доклад.

— ...Самая большая проблема, — продолжал докладчик, — заключается в том, что некоторые из этих рас обладают серьезным тяжелым вооружением. С самого начала были предприняты дипломатические попытки встретиться с лидерами повстанцев, выступивших против доктора Искры. Кроме того, на помощь доктору Искре для поддержания мира и порядка были посланы имперские военные отряды. Этими отрядами командовал самый надежный и опытный офицер наших вооруженных сил — адмирал Масон...

В голове Ранетт прозвучал сигнал тревоги. С какой стати такие изысканные славословия в адрес Масона? А еще она обратила внимание на прошедшее время, в котором было сделано заявление: «командовал». Тут сигнал тревоги стал просто оглушительным. По непонятной причине докладчик не назвал имени человека, возглавившего дипломатическую миссию на Алтай: полномочный посол Стэн. Она знала, что Стэн — чуть ли не самая важная персона из окружения вечного императора. «Бедняга, — подумала Ранетт, — либо его решили сделать козлом отпущения, либо собираются казнить. А может, уже и казнили».

— ...Однако, несмотря на трудности, — продолжал офицер, — мы счастливы сообщить вам сегодня, что положение на Алтае стабилизировалось. Порядок восстановлен. В ближайшем будущем будет возобновлена связь и путешествия к этому скоплению звезд.

Поня-я-я-ятно! Ранетт обладала тончайшим журналистским нюхом и за многие мили чувствовала вонь фальшивки. «Ближайшее будущее» почти наверняка означало: не при ее жизни.

— На этом мы заканчиваем тот раздел нашей повестки дня, который был посвящен историческим сведениям, — неискренне улынувшись, заявил нудный тип. — Благодарю за внимание, господа.

Адмирал Андерс расскажет вам о последних событиях в этом регионе. Давайте поприветствуем его.

Андерс вышел вперед под недружные аплодисменты собравшихся сонных журналистов. Ранетт ужасно рассердилась. Она заметила, что большинство хлопков доносится из рядов особенно шикарных репортеров. В глазах Ранетт все они выглядели разодетыми, богатыми и самодовольными — при этом гуманоиды практически ничем не отличались от инопланетян.

— Это торжественный для меня момент, господа, — заговорил Андерс. — Мне выпала тяжелая обязанность поставить вас в известность: один из наших людей предал то, за что я... и сотни тысяч представителей имперских вооруженных сил... сражаются и отдают свои жизни.

Ранетт подалась вперед: «Вот, начинается!»

— Всего несколько часов назад адмирал Масон узнал о заговоре, имеющем целью свергнуть его величество вечного императора.

Конференц-зал взорвался возбужденными криками. Андерс поднял руку, требуя внимания, и тишина установилась мгновенно.

— Попытка переворота — мятежники спрятались за событиями на Алтае, как за ширмой, — была раскрыта сразу. Адмирал Масон вступил с мерзавцами в бой. И разбил их наголову... Но лишился жизни во время сражения. А вместе с ним погибли и все те, кто находился на его корабле.

Возбужденные крики превратились в громовые раскаты. Журналисты вскочили со своих мест, каждый пытался привлечь к себе внимание Андерса. Ранетт продолжала спокойно сидеть. Она заметила, что у адмирала подергивается левая щека, а глаза чересчур блестят. Вывод: лжет.

Андерс снова поднял руку, и снова в зале воцарилась тишина.

— Удар по нашему императору был задуман человеком, которому мы все верили... человеком, который, как выяснилось, тайно лелеял безумное желание убить правителя и снова ввергнуть нашу империю в хаос и страдания. Полномочный посол Стэн! Человек, которого любил и которому доверял император... Я думаю, вы будете счастливы узнать, что, хотя этому межпланетному разбойнику и удалось спастись, его силы разбросаны по всей галактике, а часть из них уничтожена. Даже сейчас, во время нашей конференции, их вылавливают по одному, так что скоро с ними будет покончено.

Теперь Андерс очень ловко позволил журналистам засыпать себя вопросами.

— Известно, где находится этот подонок, адмирал? — спросил один из журналистов, которому явно слишком много платили.

— Я не имею права разглашать подобную информацию, — ответил Андерс. — Можете не сомневаться, Стэн и его приспешник Алекс Килгур попытаются спастись бегством, но им не удастся от нас спрятаться.

— Имеет ли какое-нибудь отношение к этому заговору восстание на Алтае? — Еще одному из журналистов удалось пробиться со своим вопросом.

— И опять я вынужден сослаться на то, что обязан заботиться об имперской безопасности. Могу лишь сообщить, что Стэн был тесно связан с восставшими жителями Алтая.

— Существует ли опасность распространения заговора?

— Я не вправе ответить на вопрос отрицательно. Но, с моей точки зрения, нам удалось локализовать кризис. Служба внутренней безопасности занимается расследованием.

«Началась охота на ведьм», — подумала Ранетт.

— Каково общее число потерь адмирала Масона?

— Извините... снова соображения имперской безопасности не позволяют мне ответить на ваш вопрос. Могу сказать только, что все, кто находился на борту его флагманского корабля, погибли во время сражения.

— Каковы потери Стэна?

Андерс пожал плечами.

— Обещаю, вы получите ответы на все эти вопросы и на множество других... в свое время.

Ранетт пошарила среди своих запасов полезных трюков и вытащила на свет один из самых любимых — который назывался «Дональдсон». Ее хорошо поставленный голос эхом пронесся по конференц-залу, заглушив всех остальных желающих что-то спросить.

— АДМИРАЛ АНДЕРС! АДМИРАЛ АНДЕРС!

Проиигнорировать эту журналистку не представлялось возможным. Андерс вздохнул и жестом предложил ей продолжать.

— Какие у вас имеются улики против мятежников? — спросила она.

Андерс нахмурился.

— Улики? Я же сказал вам... Была предпринята попытка переворота. — Он решил выставить ее на всеобщее посмеище. — Я знаю, еще очень рано, Ранетт, но нам бы хотелось, чтобы вы обращали хотя бы некоторое внимание на то, что мы говорим.

— Я слышала вас, адмирал, — оскалилась Ранетт. — Однако... если вы поймаете этого Стэна...

— Когда, Ранетт. Когда!

— Это уже ваши проблемы, а не мои, адмирал. Все равно. Если или когда Стэн и Алекс Килгур будут пойманы... какие существуют доказательства того, что заговор действительно имел место? Для суда, я хочу сказать. Например: есть ли у вас записи переговоров? Удалось ли вам перехватить корреспонденцию мятежников? Засечь их встречи с известными врагами империи?

Андерс начал брызгать слюной.

— Проклятье! Они напали на флагманский корабль адмирала Масона и уничтожили его! Какие еще доказательства вам нужны?

Однако Ранетт подобное объяснение не устроило.

— Честный прокурор может не удовлетвориться только вашим свидетельством на этот счет, адмирал, — спокойно ответила она. — Вы же должны это понимать. Покажите нам запись их нападения для начала. Запись переговоров между кораблями мятежников. Любые вещественные доказательства.

— Здесь я опять должен сослаться на соображения безопасности, — мрачно бросил Андерс. — Вы получите все доказательства... позже.

— В свое время? — спросила Ранетт.

— Я бы и сам не смог лучше выразиться.

В этот момент Ранетт поняла, что никто не собирается захватывать Стэна. Во всяком случае, живым.

Адмирал скрыл улыбку и уже собрался было отвернуться от Ранетт.

— Еще один вопрос, адмирал... если вы будете настолько любезны.

Андерс с трудом сдержал стон.

— Давайте, Ранетт. Еще один вопрос.

— Означает ли этот случай с полномочным послом, что весь наш дипломатический корпус оказался не на высоте?

Лицо Андерса выражало полное недоумение.

— Я не понимаю. Один человек вошел в сговор с группой душевнобольных. И ничего больше.

— А как насчет Яна Махони?

Андерс побагровел.

— Они никак не связаны между собой, — злобно ответил он.

— Да? А разве Ян Махони не был послан на Алтай? И не являлся ли он в свое время начальником Стэна? И не его ли совсем недавно казнили? Он обвинен — и весьма громогласно — в предательстве. И, как и Стэн, всю жизнь находился на службе у императора. Перестаньте, адмирал, — продолжала Ранетт, — или один плюс один равно двум, или возникло совпадение, которое по меньшей мере показывает недовольствие политикой империи. Верные и надежные люди, которые всю свою жизнь служили императору, вдруг превратились в предателей. Что-то здесь не так.

— Пишете передовицу, Ранетт? — прорычал Андерс.

— Нет, адмирал. Просто задаю вопросы. В этом и заключается моя работа. А ваша — в том, чтобы на них отвечать.

— Я не собираюсь реагировать на грязные выпады, — угрюмо заявил Андерс. Он повернулся к остальным журналистам. — И... предупреждаю вас всех: сфера, в которую сейчас вторглась ваша коллега, является запрещенной для публикаций — по законам военного времени. Вы должны ограничиться освещением только тех вопросов, которые соответствуют этим законам. Я ясно выражаюсь?

В зале наступила тишина. Никто даже не смотрел в сторону Ранетт. Разозлившись до такой степени, что она была готова содрать с Андерса шкуру и сварить его на медленном огне, Ранетт уже открыла рот, чтобы задать еще один ядовитый вопрос. Тут она заметила, как помертвели глаза Андерса, как сделал шаг вперед офицер внутренней безопасности, готовый броситься на нее по первому знаку адмирала. И закрыла рот. Улыбнулась, многозначительно пожала плечами и уткнулась в свои записи. Ранетт была специалистом по выживанию в подобных ситуациях. Она получит ответы на свои вопросы — тем или иным путем.

Пресс-конференция закончилась, и все устремились к выходу. Ранетт снова подумала о Стэне.

Бедняга. У него нет ни единого шанса.

Глава 3

— Меня окружают дураки! — взревел вечный император. — Разжиревшие, наглые, самодовольные дураки, которым я слишком много плачу!

Большая группа самых разнообразных существ переминалась с ноги на ногу и дрожала, слушая разъяренного властителя. Среди них была Эври, молодая женщина с глазами старухи, — глава политической администрации императора. Уолш, красивый, но глупый босс Дьюсабля, лизоблюд, представлявший императора в парламенте. Андерс, адмирал, который разругался с Ранетт на пресс-конференции. Блейк, камергер императора. Десятки других существ — в форме и без оной — сновали по огромному залу или стояли, опустив от стыда голову под градом императорских упреков.

Император обрушился на Андерса. Его голубые глаза стали цвета холодной стали.

— Что это за пресс-конференция, адмирал? Ты ведь считаешься экспертом по подобному дерьму. Видит бог, ты не можешь даже поссать мимо собственных ботинок, когда дело доходит до настоящих военных действий!

— Да, сэр,— выдавил из себя Андерс. Он стоял, вытянувшись в струнку, как зеленый новобранец.

— А ты, Эври... Ты должна была продумать стратегию. Я преподнес тебе все факты на блюде с золотой каемочкой!

— Да, сэр,— сказала Эври, нервно облизывая пухлые губы.

— У меня нет времени на то, чтобы разъяснять вам, как делается элементарная политика,— прокрипел вечный император. — Предатели — Тайный совет — ввергли империю в самое кошмарное за последние две тысячи лет положение. Мне с трудом удалось исправить тот вред, что они причинили. Теперь, когда я обременен долгами, а союзники без конца изводят меня жалобами, каждый раз,

стоит мне перевернуть камень побольше, из-под него начинает вылезать всякая сволочь. С моей точки зрения — а это, черт возьми, единственная точка зрения, которая имеет значение, — Стэн худший из всех. Я вскормил эту змею на своей груди. Возвысил его. Сделал богатым. И как он отплатил мне? Вошел в сговор с моими врагами. Задумал меня убить. А когда его заговор был раскрыт, устроил настоящую бойню, уничтожил тысячи ни в чем не повинных матросов и моего лучшего адмирала, трусливо и подло напав на них из-за спины.

Голос императора стал еле слышен. Он утомленно покачал головой.

— Никто не предполагал такого поворота событий, проклятье! Так можно превратить вонючую помойку в роскошный дворец.

— Мне очень жаль, сэр, — вставил Андерс. — Я понятия не имею, как эта журналистка — Ранетт — узнала...

— Ну так заткни свою тупую пасть, адмирал, — оборвал император. — Если ты не в состоянии придумать план, который может выдержать напор писаки с двумя извилинами в голове, тогда тебе, крестину, пора подавать в отставку.

— Да, сэр.

— Эври, у нас возникла чрезвычайная ситуация. Я хочу, чтобы все передачи новостей блокировались политическими советниками. Надави на крупнейшие программы: «Лицо империи», «Исторические свидетельства», «Отсчет» и тому подобные. И особенно я хочу, чтобы ты взяла за задницу этого клоуна Джиннингса из «КБНСК». Половина империи смотрит собачье дерьмо, которое он называет «Ночное сканирование». Я сам не понимаю почему. Наверное, каждый чувствует себя умником, видя, какой он чертовский болван.

— Все будет исполнено, ваше величество, — сказала Эври.

— Теперь ты, Уолш!

Скудоумный правитель Дьюсабля заморгал, пытаясь изобразить на лице осмысленное выражение.

— Как... э-э... могу быть... полезным, ваше... э-э... величество? — максимально напрягаясь, сумел пролепетать он.

— Я хочу, чтобы эти ленивые педерасты в парламенте немного пошевелились. Провели голосование. Назвали Стэна и его дружка, шотландского ублюдка, всеми известными им погаными словами. И если голосование не будет единогласным, я прибью твои внутренности гвоздями к столбу. И буду водить тебя вокруг него.

— Да, сэр, — прокурлыкал Уолш.

— И еще. Свяжись с Кенной. У меня будет для него личное поручение.

— Все исполню, ваше величество, — заверил Уолш.

— Андерс, наши силы быстрого реагирования должны быть направлены против Стэна. И меня не интересует, где вы возьмете корабли. Стэна необходимо найти.

— Да, сэр.

— Блейк! — Камергер подскочил к императору. — Я хочу...

Властитель замолчал на полуслове — дверь с тихим шипением открылась, и в зал вошел Пойндекс, шеф службы внутренней безопасности. Его лицо было мрачным и совсем бледным. Гонец, принесший дурные вести. Но император был слишком разгневан, чтобы заметить это сразу.

— Что за кретинские штучки, Пойндекс? Я ведь сказал, что хочу немедленно получить всю информацию на Стэна и Килгура, черт побери! Не завтра. Не послезавтра. Сейчас, черт побери. Сейчас!

Пойндекс быстро скользнул взглядом по залу, а потом снова посмотрел на императора.

— Мне кажется, нам следует поговорить с глазу на глаз, сир.

— У меня нет времени на игры, Пойндекс. Говори!

Пойндекс колебался. В глазах императора появился жутковатый блеск. Клиническая паранойя — таким был диагноз Пойндекса.

— Если вы настаиваете, ваше величество, — сказал Пойндекс. — Но я чувствую себя обязанным еще раз предупредить вас. Мы не должны говорить об этом при свидетелях. Я очень прошу вас изменить свое решение.

Вечный император повернулся к своим людям:

— Выйдите.

Они выполнили приказ. Быстро. Через несколько мгновений в зале никого не было. Император посмотрел на Пойндекса.

— Ладно. Докладывай.

Пойндекс напрягся.

— Я должен с сожалением сообщить, что докладывать нечего, сир. Все файлы на Стэна и Килгура стерты.

— Что? Повтори!

— Стерты так, словно никогда и не существовали в природе, сир. — Сердце Пойндекса мучительно билось, когда он сообщал эту новость.

— Не может быть, — пробормотал император.

— Боюсь, это правда, ваше величество, — сказал Пойндекс. — Даже в компьютеры богомоллов кто-то проник. Нет никаких сведений о Стэне — или Алексе Килгуре — ни в одной компьютерной сети империи. Я не знаю, как такое могло случиться. Сейчас над этим работают наши лучшие программисты. Единственное, в чем мы можем быть уверены, — это дело рук человека, который занимает очень высокий пост.

Император смотрел на Пойндекса несколько ужасно долгих секунд. Потом повернулся и положил руку на выключатель.

Засветился дисплей его личного компьютера.

— К счастью, — сказал император, — именно на такой случай я храню свои личные файлы. — Он рассмеялся. Не слишком весело. — Когда все потеряно, приходится полагаться на себя.

Его пальцы забегали по клавишам, он начал поиск.

— Раньше у меня был персонал, на который я мог положиться, — продолжал властитель. — Махони, например. Иногда я жалею, что приказал казнить его. Ян был моей настоящей правой рукой, это точно.

Император, который всегда выглядел лет на тридцать пять, вдруг показался шефу ВБ старым. Черты его красивого лица заострились. Голос стал пронзительным и... слабым.

— ...И со Стэном то же самое. Я тебе вот что скажу, Пойндекс: беда заключается в том, что предатели оказываются твоими лучшими людьми. — Он снова безрадостно рассмеялся. — Может быть, именно об этом и пытался сказать Юлий Цезарь Бруту.

— Простите, ваше величество. Я ничего не знаю об этих существах. Следует ли мне внести имена Юлия Цезаря и Брута в список ваших личных врагов?

— Не имеет значения, — проворчал император. Он явно сказал это для себя, но Пойндекс сумел расслышать. — И еще одна проблема — не с кем поговорить... — Властитель вдруг встрепенулся. — Что такое?..

— Что-то не так, сир?

Руки императора снова забегали по клавишам.

— Да. Наверное, мне следовало... Дерьмо, о господи!

Император уставился на Пойндекса.

— Мои файлы!.. — воскликнул он. — Они...

Пойндекс посмотрел на экран и прочитал:

«СТЭН. КИЛГУРАЛЕКС. НЕТ ИНФОРМАЦИИ. НАЖМИТЕ КЛАВИШУ “ПОВТОРНАЯ ПРОВЕРКА”».

Шеф ВБ отшатнулся, удивленный не меньше, чем его босс. Файлы на Стэна и Килгура в личном компьютере вечного императора тоже были уничтожены.

Тяжелый кулак императора ударил по столу.

— Проклятье! Мне нужен Стэн! Найди его, Пойндекс. Если не сможешь ты, это сделаю я. И собственными руками насажу его голову на кол рядом с твоей!

Пойндекс устремился прочь.

Он мог бы поклясться, что, когда он подходил к двери, ему вслед донеслось рычание — словно огромный цепной пес оскалил зубы.

Глава 4

— Добрый вечер, джентльмены. Я Пит Джиннингс. Добро пожаловать на еженедельный выпуск «Ночного сканирования». Аналитическая программа новостей, которую интересуют наиболее важные события нашего времени. Весь сегодняшний час мы решили посвятить событию, потрясшему империю. В центре нашего внима-

ния один вопрос: «Стэн — предатель или непонятый гений?» Справа от меня — профессор Новак, широко известный всей нашей империи историк и эксперт по вопросам работы парламента. Слева от меня вы видите сэра Уикера, в прошлом составлявшего речи для нашего вечного императора. Сейчас он является послом империи в мирах Таана.

Ну, профессор, начнем с вас. Как вы ответите на мой вопрос?

— О, Стэн — предатель. Тут не может быть никаких сомнений.

— А что скажете вы, мистер Уикер?

— Я с вами совершенно согласен, Пит. Стэн самый настоящий предатель.

— Вы согласны друг с другом! И... так решительно. Не везет мне. Хорошо, в таком случае обратимся к другой стороне медали. Профессор?

— Я был первым в прошлый раз.

— Ха-ха. И правда. Мистер Уикер, мы за справедливость. Ну-ка, скажите нам... считаете ли вы Стэна непонятым гением?

— Это очень интересный вопрос, Пит. Я готов обсуждать его хоть целую ночь... если, разумеется, возникнет необходимость.

— Хорошо. Просто прекрасно.

— Но прежде чем приступить к обсуждению, давайте поговорим о природе этого человека.

— Да? А вы знали Стэна? Лично?

— О господи! Нет, конечно! Я хотел сказать... я слышал о нем. А кроме того, мне хорошо известен этот тип людей.

— Пожалуйста, поделитесь своими мыслями с нашими зрителями.

— Ну, для начала, он всю жизнь пользовался благосклонностью императора. Да, он, конечно же, оказал ему несколько услуг. Кто-то даже скажет, что услуги были весьма ценными.

— А как считаете лично вы?

— Я считаю, что это... как бы выразиться... можно трактовать по-разному. Гораздо важнее то, что Стэн получил массу наград. Поэтому его подвиги — что бы там про них ни говорили — были вознаграждены. Кроме того, он обладал огромным состоянием. Только благодаря расположению вечного императора.

— А вы как прокомментируете эти слова, профессор Новак?

— Я думаю, что этот... этот... предатель сумел втереться в доверие к нашему императору в один из редких моментов его слабости. После той ужасной истории с Тайным советом. Наш чудесный властитель ошибочно принял амбициозность за любовь и верность. А теперь... оказалось, что император пригласил змею на своей груди.

— Отлично сформулировано, профессор! Вы еще раз доказали, что вас не зря считают признанным специалистом в области слова... Что скажете, сэр Уикер?

— По-моему, мы забываем о тех несчастных, что находились на службе империи и стали жертвами трусливого предательства Стэна. Особенно давайте вспомним адмирала Масона. Подумайте о его семье! Подумайте о том, какую боль они сейчас испытывают.

— Великолепная мысль. Я считаю, что мы должны прервать наш разговор. Минуту молчания, пожалуйста. Из уважения к семье адмирала Масона и команде «Калигулы»...

Видеокамеры «КБНСК» тихо урчали, а три участника передачи в скорбном молчании склонили головы.

Голос директора передачи раздался в самом ухе Джиннингса:

— О господи, что за кретинство, Пит. Опять минута молчания!

Ведущий прошептал в микрофон, укрепленный возле его губ:

— Ты сам кретин, Бейди, заткнись. Не тебе приходится целый час занимать разговорами этих двух уродов.

— Ну, так думай быстрее, крошка. У нас еще целых пятьдесят минут.

— Вставь рекламу, черт побери!

— Ты, наверное, шутишь, — сказал Бейди. — Кто станет добровольно рекламировать хоть что-нибудь посреди этого дерьма?

— А как насчет «Сдавайте кровь!»?

— Ой, приятель, еще одна домашняя реклама... Ладно, раз ничего другого не остается. Начинаю отсчет. Один, два...

В этот момент дверь пробил таран.

— На пол! — крикнул Стэн.

— Кто шевельнется, может распрощаться с жизнью, друзья! — прорычал Алекс.

Джиннингс, его гости, Бейди и весь персонал студии целых две секунды смотрели на них, разинув рты. Стэн и Алекс перешагнули через обломки двери, держа оружие наготове. За ними следовала Синд с отрядом бхоров и гурков.

— Это Стэн! — в ужасе пробормотал Джиннингс. — И Килгур. Стэн помахал оружием.

— Я же сказал, лежать!

Он выстрелил, проделав огромную дыру в столе ведущего.

Все бросились на пол, а Джиннингс прижался своей кудрявой головой прямо к полу. Только у директора передачи хватило духа прошептать в микрофон:

— Пресвятая Богородица... пожалуй, у нас появилось, чем занять час! Продолжайте передачу, идиоты! Продолжайте передачу!

Стэн прошел немного вперед, но так, чтобы не попадать в объектив камеры. Справа от него скрипнула дверь запасного выхода. Мелькнула военная форма. Охрана. В следующий миг воздух вспорола очередь, выпущенная в дверной проем из оружия Синд. Послышались стоны. Военная форма исчезла.

Из тени вышел здоровенный парень, который размахивал тяжелой металлической стойкой из-под прожектора.

— Ну, иди сюда, приятель,— сказал Алекс, перехватил стойку одной рукой и дернул.— Ты сделал большую ошибку.— «Приятель» выпустил стойку и пошатнулся. Алекс отбросил стойку в сторону и поднял парня в воздух. Одной рукой.— Это не входит в твои обязанности. Тебе повезло, что я не люблю болтать. А не то я бы с тобой с удовольствием пошептался.

Глаза парня начали вылезать из орбит. Алекс небрежно отшвырнул его. Послышался громкий скрежет — громила рухнул на пол, круша оборудование.

Алекс снова повернулся к Стэну.

— Мне кажется, они наконец обратили на нас внимание... Пора начинать, ребята.

Стэн встал перед камерой.

— Благородные господа,— начал он.— Граждане империи... Меня зовут Стэн. Предмет дискуссии, возникшей в этой передаче. Я нахожусь в прямом эфире, в студии «КБНСК»...

Андерс глотал ртом воздух, точно рыба, выброшенная на берег, глядя на то, как Стэн обращается ко всей империи. Человек, которого он разыскивал, находился в одной из главных студий, всего в получасе от Прайм-Уорлда.

Он уже столько лет имел дело со средствами массовой информации, что его сознание работало исключительно в этом направлении,— поэтому Андерс мгновенно понял значение удара, нанесенного Стэном империи. В данный момент мятежник проник в сердце крепости императора и грозит пальцем самой могущественной военной машине в истории Вселенной.

— ...Император назвал меня и моих соратников предателями,— говорил Стэн.— Истории решать, правда ли это. Потому что именно история вынесет приговор императору. Я обещаю вам, ее суд будет суровым. Что станет со мной, не имеет никакого значения. В настоящий момент вам следует подумать о собственной судьбе. И о судьбе ваших детей. Я обвиняю императора в том, что он предал вас... свой народ. Вы работаете и живете в нищете. Он же позволяет себе изысканные удовольствия. А вместе с ним и его доверенные дружки и приятели. Вы трудитесь на морозе, в невыносимой жаре, практически в темноте. А любимчики императора загорают в лучах многочисленных даров АМ-два.

Император предал вас. Но это всего лишь одно из множества его злодеяний. В самое ближайшее время я расскажу вам обо всех его деяниях: о правосудии Звездного зала, заключении в тюрьму, пытках, казнях существ, единственным преступлением которых явилась безграничная вера в своего властителя...

Андерс наконец пришел в себя и повернулся к адъютанту, капитану Лоуренс. На ее лице застыло удивленное выражение.

— Поднимайте флот! — рявкнул адмирал. — Я хочу увидеть большую дыру на небе. И как можно быстрее.

— Но... на станции гражданские лица...

— К черту гражданских лиц! Этот человек должен умереть. Давайте пошевеливайтесь!

Капитан метнулась исполнять приказ.

Алекс просигналил Стэну. Провел пальцем по горлу. Пора отваливать.

— ...У меня нет времени, чтобы перечислить все грехи императора. Я подозреваю, что его флот уже мчится сюда. Так что у меня остались считанные секунды только на то, чтобы сказать вам: я, Стэн, объявляю вечному императору войну. И призываю всех вас присоединиться к моему крестовому походу против преступника. Вам все равно нечего терять. Но зато вы можете получить свободу. Спасибо. И спокойной вам ночи.

Стэн поднял свое оружие, и камера превратилась в расплавленный металл и пластмассу. Тут и там раздавались взрывы — солдаты Стэна расположили заряды в стратегических точках. Невинные не пострадают. Но пройдет много месяцев и потребуется немало денег, прежде чем «КБНСК» снова выйдет в эфир.

Подойдя к Джиннингсу, Стэн пнул его ногой в бок. Тот захныкал и посмотрел на него полными ужаса глазами. Ведущий популярной программы был совершенно уверен, что смотрит в лицо безумцу.

— Спасибо, что дали мне возможность выступить в вашей программе,— вежливо поблагодарил его Стэн.

— Не за что,— пропищал Джиннингс.— В любое время, пожалуйста...

Синд крикнула:

— Мы опаздываем на три секунды!

Стэн кивнул и выскочил в почерневшее отверстие, служившее теперь дверью; его компания последовала за ним. Последней была Синд. Она задержалась на мгновение и сделала несколько выстрелов по помещению студии, просто чтобы припугнуть тех, кто там оставался. С дымящихся стен потек расплавленный пластик.

А потом и она скрылась за «дверью».

Джиннингс поднял голову с пола и прошептал:

— Благодарение богам, я жив.

— Можно подумать, это кого-то волнует,— прокомментировал директор студии, поднимаясь на ноги.— Ты понимаешь, *что* мы только что передали в эфир? Нам больше не страшна никакая конкуренция.

Бейди оглядел разгромленную студию. Он напевал себе под нос. Теперь у них не будет никаких проблем. Теперь они смогут выбирать, о чем делать передачи.

«Интересно,— подумал он,— осталась ли хоть одна неповрежденная линия связи?» Ему было просто необходимо связаться со своим агентом.

Когда Стэн вернулся на борт «Победы», выли все сигнальные сирены. Через несколько минут он уже стоял на капитанском мостике.

Капитану Фрестону заметно полегчало.

— Успели,— заметил Фрестон.— Весь кретинский имперский флот отправился в поход за нашими нежными чувствительными шукурами. А возглавляет их громадный крейсер «Невский». С вашего позволения, сэр, мы полетим точно ветер.

— Нет,— проговорил Стэн, разглядывая мигающие точки на экране. Времени для этого было вполне достаточно.— Сначала займемся ими, капитан. На мой взгляд, их слишком много, мы должны уменьшить их количество.

— Оружие? — Стэн повернулся к лейтенанту Дензи.

— Все установки «Кали» и «Гоблины» готовы к запуску,— ответила она. Эта женщина была готова сражаться.

Стэну ужасно не хотелось ее огорчать.

— Должен расстроить вас, лейтенант, я намереваюсь сам заняться ими.— Натягивая шлем, он бросил на бегу капитану Фрестону: — Когда я скоманую «старт», стартуйте изо всех сил!

Фрестон кивнул. Ему не нужно будет ничего объяснять, когда придет время действовать.

Мониторы показывали приближающийся «Невский», который сопровождали около полудюжины крейсеров и целая туча истребителей. Стэн автоматически навел ракету и выстрелил.

Прямо на «Победу» мчался крейсер, за которым следовал линейный корабль. Может быть, удастся запустить «Кали» так, что она сможет проскользнуть мимо крейсера. Однако Стэн решил не рисковать, особенно когда заметил, что крейсер приготовился открыть огонь по «Победе».

Капитану «Невского» Личу пришлось решать точно такую же проблему. Мониторы показывали, что «Победа» находится на парковочном причале возле орбитальной радиостанции. Сигнал тревоги указывал на то, что в сторону ведущего крейсера направлена ракета «Кали». И что крейсер полностью закрывает собой «Победу».

А потом он понял, что нужно сделать. Телестудия.

Когда Лич был еще совсем молодым неопытным офицером и служил на отдаленном форпосте, он был просто помешан на древней земной игре. Она называлась «пул».

Самой популярной тактикой в ней считался «силовой прорыв» — белый бильярдный шар с силой врзался в своих собратьев. В резуль-

тате возникал страшный беспорядок, иногда приводивший к головокругительному успеху.

Телестудия, находящаяся прямо перед «Невским», создавала очень похожую ситуацию. Если нанести по ней прямой удар, возникнет взрыв, который, самое малое, повредит стоящую поблизости «Победу». Чем сильнее будет взрыв, тем больше вероятность, что корабль Стэна погибнет.

Личу даже и в голову не пришло подумать о том, что студию типа «КБНСК» обслуживало не менее двух тысяч живых существ. Ему велели заполучить Стэна. Любой ценой.

Серия резких приказов — и оружие приведено в боевую готовность. Несколько мгновений спустя три ракеты с ядерными боеголовками покинули оружейный отсек «Невского».

Фрестон понятия не имел об игре под названием «пул». Однако бог наградил его сообразительностью. Когда на экране появились вражеские ракеты, он сначала засомневался в компетентности капитана «Невского». Потому что, судя по траектории полета, ракеты не могли даже близко оказаться возле «Победы». Он быстро вычислил в уме их курс... телестудия? Какое кретинство!

А потом Фрестон понял.

Предупредить студию он уже не успевал. Так же как и Стэна, который сосредоточился на управлении «Кали» и следил за направлением их полета. Фрестон быстро пробежал пальцами по панели управления кораблем.

Крейсер напал на них, когда «Кали» образовали вокруг него кольцо. Стэн коснулся кнопок управления и... начал терять сознание. Он падал... назад... назад... назад...

Имперские ракеты достигли студии одновременно. Взорвались они тоже одновременно. Две тысячи живых существ лишились жизни.

Повсюду летали радиоактивные обломки. Через несколько мгновений от «Победы» ничего не останется.

Стэн пришел в себя, когда «Победа» вошла в гиперпространство. Он смотрел в склоненное, с расплывающимися чертами лицо Килгура. Алекс был бледен и казался озабоченным. У него за спиной стоял расстроенный Фрестон.

— Ну-ка, говори, как тебя зовут, приятель, — потребовал ответа Алекс.

— Ты что, спятил? Что я должен сказать?

— Свое имя. Проверочка.

— Килгур, если ты сейчас же не уберешь от меня свою паршивую морду, от которой так и несет хаггисом, — прорычал Стэн, — я скормлю тебя нашему кораблю вместе с остатками этой мерзости.

Килгур повернулся к Фрестону, круглое лицо осветилось улыбкой.

— Ну, с боевым духом у него все в порядке. Хотя над манерой выражаться можно было бы немного поработать.

— Что за идиотизм тут происходит, Алекс? — потребовал ответа Стэн.

— Пришлось стартовать, не дожидаясь, пока ты уничтожишь тот крейсер. А происходит тут вот что: наш ополоумевший император вляпался в самое настоящее дерьмо. Понятно, дружочек Стэн?

— Повторяю, Килгур, что за идиотизм тут происходит?

— Император отдал приказ взорвать свою любименькую телестудию.

— Какого черта? — Стэн открыл рот от удивления.

Алекс повел своими мощными плечами.

— Может, ему не понравилось наше выступление.

Глава 5

Только для чтения.

Не распространять.

Сообщить о получении устно.

КОМУ: ВСЕМ РУКОВОДИТЕЛЯМ СТАНЦИЙ,
ПОСЛАМ, ГЛАВАМ СЛУЖБ
БЕЗОПАСНОСТИ ПОСОЛЬСТВ,
ДРУГИМ ЛИЦАМ, ИМЕЮЩИМ
СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛНОМОЧИЯ,
ВЫДАННЫЕ ПАРЛАМЕНТОМ
ИЛИ ИНЫМИ ВЫШЕСТОЯЩИМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ.
ОТ: ПОЙНДЕКСА,
СЛУЖБА ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

1. Немедленно задержать СТЭНА (без инициалов). Никакое другое задание не может рассматриваться службами безопасности как более важное, если только не поступят другие приказы от П. или назначенного им заместителя.

2. Это задание включает в себя задержание и деактивацию любыми доступными способами всех участников заговора: как тех, чьи имена появились в имперских бюллетенях, так и тех, чьи еще остаются тайной, но чье участие в заговоре доказано.

3. Для достижения этой цели вы имеете право затребовать любую помощь империи и располагаете высочайшими полномочиями. Отчета за произведенные действия не требуется.

4. В довершение всего, любые секретные сведения, касающиеся СТЭНА (без инициалов) и КИЛГУРА АЛЕКСА, долж-

ны пересылаться на эту станцию (приоритет 1-альфа). Требуется описание внешности, привычек, увлечений, специальности (гражданской и любой другой), мест, которые посещали данные личности, короче, все данные, относящиеся к преступникам.

5. Никаких, повторяю, никаких данных, относящихся к параграфу 4, не должно быть внесено в память компьютера.

6. Параграфы 4 и 5 не должны обсуждаться с местными властями и подразделениями службы безопасности.

7. Любое требование данных, относящихся к параграфу 4, в настоящий момент не может быть удовлетворено, и руководителям ВБ предписывается избегать упоминаний причин этого всем, о ком говорилось в параграфе 6. Это произошло из-за путаницы в компьютерных сетях, которая возникла вследствие саботажа СТЭНА (без инициалов) или какого-то другого заговорщика, — он будет обнаружен и сурово наказан. Как только данные на СТЭНА (без инициалов) и КИЛГУРА будут получены, мы немедленно разошлем их.

8. Ни при каких условиях информация, содержащаяся в параграфах 4, 5, 6 и 7, не должна быть передана персоналу, когда-либо в прошлом связанному с дискредитировавшим себя подразделением «Меркурий», и особенно со спецотрядом богомоллов. Кроме того, любые запросы, касающиеся СТЭНА (без инициалов), сделанные бывшими оперативниками, особенно из спецотряда богомоллов, немедленно пересылать П. (приоритет 1-альфа).

9. Если возможно, СТЭНА (без инициалов) необходимо арестовать тайно и немедленно переправить прямо на Прайм-Уорлд для суда. Никакие сведения не должны просочиться в средства массовой информации.

10. Однако, если задержание будет производиться оперативниками, не имеющими отношения к ВБ, и избежать огласки не удастся, СТЭНА (без инициалов) следует обвинить в измене, убийстве, заговоре, покушении на жизнь императора. Другие обвинения будут выдвинуты после того, как СТЭН окажется в тюрьме.

11. В ситуации возникновения контакта со СТЭНОМ (без инициалов) и невозможности произвести арест или в случае попытки побега после задержания произвести немедленный расстрел.

12. Сопутствующая задача: всем оперативникам ВБ надлежит уделять максимум внимания степени распространения заговора, возглавляемого СТЭНОМ (без инициалов). Однако ни при каких обстоятельствах расследование не должно рассматриваться в качестве «охотничьей лицензии» на уничтожение

других врагов империи. Это задание является слишком важным и срочным, чтобы распылять силы, хотя данные, касающиеся сказанного выше, должны быть подготовлены заранее.

13. Успешное выполнение этого жизненно важного задания должно быть рассмотрено не только с позиций внутренней безопасности, но и как личная услуга самому вечному императору и будет соответствующим образом вознаграждено.

От имени вечного императора, П.

Глава 6

Разбрызгивая пену на белом гребне волны, появился рыбный косяк, через мгновение стая устремилась вниз, в сторону впадины. Их побег не имел ни малейшего смысла. Их ждала смерть.

Море забурило, вспенилось, огромное существо с широко разверстой пастью поднялось из воды прямо перед стаей и мгновенно поглотило вожака. Чудовищный плавник раздавил еще двух полуметровых рыбин, которые медленно всплыли на поверхность.

Загудел сигнал связи, и Рикор пришлось отвлечься от обеда под открытым небом. Однако она не стала отвечать сразу, а вместо этого, не торопясь, задумчиво оценивая вкус, съела обе рыбины, прежде чем они успели прийти в себя.

«Да,— подумала Рикор.— Они явно выращены не искусственным способом. Вот еще одна причина, чтобы вернуть все на круги своя. Дикую рыбу всегда можно отличить. У нее вкус... более... более...»

Размышляя на эту тему, существо, которое считалось самым одаренным психологом империи, перевернулось на спину, не обращая ни малейшего внимания на рев урагана и арктический холод. Рикор прикоснулась плавником к индикатору прибора связи, висевшего у нее на шее. Назвать это место шеей можно было только весьма приблизительно — Алекс Килгур однажды заметил: «Это, должно быть, шея красотки, раз уж она не дает голове упасть на грудь, так?»

Звонил один из помощников, который находился в роскошном офисе, выстроенном по собственному проекту Рикор,— кое-кто (абсолютно бесчувственные типы) сравнивал офис, столь нежно любимый его хозяйкой, с арктической морской пещерой.

— Терпеть не могу,— пророкотала Рикор,— когда прерывают мой обед. Люди говорят, что еда — дело серьезное.

— Мы получили приоритетное сообщение с Прайм-Уорлда,— доложил помощник, который был еще настолько молод, что связь со столицей империи приводила его в трепет.— Там говорится, что вы должны быть готовы для выполнения специальной миссии под руководством,— тут голос помощника снизился до шепота,— самого вечного императора.

Рикор напряглась.

— Какого рода миссия?

— В сообщении не сказано ничего определенного. Предупреждают, что почти наверняка она займет много времени, поэтому вам следует захватить с собой гравикресло и необходимые вещи.

«Никакого упоминания о покойном Яне Махони,— подумала Рикор,— или о недавно объявленном вне закона Стэне. Нет упоминаний и о том, что император — а точнее, его новый начальник тайной полиции Пойндекс — может заинтересоваться, почему Рикор совсем недавно в обстановке полнейшей секретности совещалась с неким сэром Эку, известным дипломатом. Плохо, плохо, очень плохо».

— Как я доберусь до Прайм-Уорлда?

— За вами послан корабль. Из космопорта пришло подтверждение, что он прибудет через два земных дня.

«Еще хуже»,— подумала Рикор.

— Я должен ответить сам или дождаться вашего возвращения?

— Сообщите... сообщите, что вы все еще пытаетесь со мной связаться.

— Понял. Но...

— Ради вашей собственной безопасности, если вы записываете этот разговор, я вам советую его стереть. Кстати, это приказ.

— Вы возвращаетесь?

Рикор принялась размышлять. У нее было два земных дня до того, как прибудет корабль с мордоворотами Пойндекса или ордером на арест. Времени вполне достаточно.

— Да. На короткое время. Для выполнения особого задания мне необходимо побыть в одиночестве, здесь, в море, чтобы сосредоточиться и накопить психическую энергию.

— Конечно,— проговорил по-прежнему удивленный помощник. Как и все расы, живущие в воде, народ Рикор нуждался в море не только в качестве средства поддержания физического здоровья, но и для создания психического равновесия.— Я подготовлю ваши вещи для путешествия, как обычно.

— Отлично. Возвращаюсь. Конец связи.

Не дожидаясь подтверждения, Рикор отключила переговорное устройство и поспешила к своему дому.

Два дня.

Вполне достаточно времени для того, чтобы собрать самое необходимое и добраться до флайера, приспособленного к полетам в атмосфере, который Рикор припрятала под водой неподалеку от пещеры, а купила несколько лет назад, когда почувствовала, что с империей происходит что-то неладное.

У нее были только теоретические представления о разведке, но она в течение многих лет консультировала сначала Махони, ко-

гда он возглавлял корпус «Меркурий», а после него — Стэна. И знала, что у любого уважающего себя заговорщика должна быть потайная дверь, через которую он может ускользнуть в случае опасности.

Рикор спрятала небольшую космическую яхту в стоящем на отшибе складском помещении космопорта, расположенного на другом конце ее родной планеты. До прибытия имперского корабля у нее было два дня, и, возможно, еще два, пока они будут прочесывать скованный зимними холодами океан в тщетных поисках места, куда отправилась Рикор, чтобы заняться медитацией. Только потом ишейки императора сообразят, что она сбежала.

Рикор надеялась, что этого времени хватит.

Ей даже было где спрятаться — она отправится к существу, которое посетило ее с ужасным известием о том, что вечный император лишился рассудка.

Сэр Эку дождался воздушного потока, который поднялся до практически вертикального, залитого солнцем гребня скалы, и, оседлав его, взмыл в небо из извивающегося, точно змея, каньона. Прямо перед ним, в самом центре огромной долины, возвышался шпиль гостевого центра манаби.

Сэр Эку совершенно сознательно выбрал кружной путь по каньону к центру, ему совсем не хотелось спешить, хотя и тянуть дольше было уже нельзя. Он не сразу ответил на вызов не потому, что был плохо воспитан, — по законам манаби имперский дипломат и посол должен обладать хорошо развитым чувством приличий и соблюдать их во всех ситуациях. Он просто хотел быть уверенным в том, что его тщательно заготовленная лож окажется достаточно надежной и выдержит испытание разговором с представителем империи.

Кроме того, сэр Эку испытывал относительно непривычное для него «ощущение», как сказали бы люди. Страх. Если на него падет хоть малейшее подозрение, нейтралитет манаби, являющийся главной их защитой, окажется абсолютно бесполезной штукой и не может ему остаться в живых.

Сам Эку нарушил политический и моральный нейтралитет некоторое время назад, когда решил, что вечный император больше не имеет права управлять империей и что он на самом деле разрушает то, что сам же и создал. Тогда Эку отправился к Рикор, чтобы обсудить с ней свои идеи и убедиться в том, что не является первым в истории спятившим манаби. А потом разыскал Махони и Стэна, поведал о сложившейся ситуации так, как он ее себе представлял, и, что еще хуже, объявил о собственной и, следовательно, всего народа манаби готовности оказать любую помощь в предотвращении неминуемой гибели империи.

Махони казнен, а Стэн в бегах. Возможно, в данный момент самого Эку ждет переход в нематериальный мир его предков.

«Интересно,— подумал он,— кто будет допрашивать меня от имени императора».

Длинное черное тело манаби с красноватыми обводами на крыльях и почти трехметровым хвостом, являвшимся чем-то вроде руля, плавно скользило, приближаясь к центру. Все чувства Эку были обострены. «Возможно,— подумал он,— это потому, что я наслаждаюсь покоем своего родного мира в последний раз». Иногда он спрашивал себя, почему выбрал карьеру дипломата, которая вынуждала его так часто оставлять Сейличи, где был всего один континент с множеством озер и редкими горами.

Может, ему не следовало покидать родную планету, а нужно было стать одним из множества философов — парить в воздухе по воле легкого ласкового ветра, думать, преподавать. Его юношеские статьи, посвященные диалектике личности, хранились в памяти компьютера где-то под землей, там, где находились все необходимые манаби машины и строения.

Единственными искусственными сооружениями на поверхности Сейличи были три гостевых центра, построенные исключительно в качестве любезности неспособным летать существам, которые пожелают посетить планету. Внешне каждый из центров напоминал огромное жерло потухшего вулкана, в «кратере» которого прятались посадочные площадки.

Сенсоры центра уловили приближение Эку, и двери распахнулись. Дипломат влетел внутрь и пошевелил усиками. Почувствовал едва уловимый запах и последовал за ним в сторону конференц-зала. Там его поджидал посланник императора, который удобно расположился в мягком кресле.

Солон Кенна оказался еще толще и доброжелательнее на вид, чем помнил его Эку. Впрочем, похоже, он по-прежнему злоупотребляет спиртными напитками, отметил про себя манаби. Те, кто считал Кенну жирной карикатурой на тупого и беспринципного политика, не сумели продержаться на политической арене достаточно долго, чтобы изменить свое мнение. В данный момент Кенна в качестве наемного убийцы прибыл на Сейличи — от имени императора.

— Давненько мы с вами не виделись.

— Да уж, это точно,— ответил Кенна, который выбрался из своего кресла и улыбнулся.— Я тут сидел и раздумывал о красотах Сейличи.— Естественно, Кенна произнес название планеты правильно. Он по-прежнему обожал витиеватые речевые обороты, на которые много лет назад обратил внимание император.— Мне следовало бы почаще приезжать сюда, особенно сейчас, когда империя восстановлена. Однако...— Он пожал плечами.— Время проходит, оставляя нас далеко у себя за спиной. Да и забот у меня предостаточно. Вы знаете, что я решил написать мемуары?

— Невероятно интересно.

Не просто вежливость со стороны Эку — он никак не мог понять, почему люди так любят запутанные и сложные, да к тому же еще и нечестные политические приемы, когда, как было принято считать среди манаби, прямой и открытый путь приносит гораздо больше пользы. Впрочем, эти представления манаби не мешали им по достоинству оценивать многословные разглагольствования и прибегать к ним в случае необходимости. Так что если мемуары и вправду увидят свет, подумал Эку, интересно, как Кенне удастся избежать в них упоминания того простого факта, что с самого рождения он был подонком и мерзавцем и пробивался в политику всеми доступными ему способами.

— Однако я прибыл сюда по делу, — с деланой тоской в голосе проговорил Кенна. — Меня послал вечный император. — Он достал из кармана карточку, на которой сразу же засветился герб империи, оживший благодаря прикосновению руки Кенны.

— Насколько я понимаю, вас интересует Стэн.

— Вы правильно понимаете.

— Конечно, — проговорил сэр Эку. — Я окажу вам любую посильную помощь. Нейтралитет моего народа не имеет в данном вопросе никакого значения, поскольку он никогда не распространялся на сокрытие информации о преступниках, коим, если я не ошибаюсь, является Стэн.

— Он самый отвратительный из всех преступников в галактике, — согласился Кенна. — Он предал империю — исключительно ради собственных амбиций. Никаких других причин у него для этого не было.

Кенна попытался напустить на себя негодующий вид, но у него это не очень получилось. Он намеренно старался выглядеть глупым, чтобы собеседник не заметил холодного блеска свиных глазок и посчитал его полным кретином.

— Амбиции делают нас посмешищем, так сказал какой-то поэт... Стэн, — задумчиво проговорил Эку, словно собирал свои воспоминания об этом человеке воедино. — Честно говоря, мне о нем почти ничего не известно, поскольку время, проведенное мной в его обществе, было несколько... беспорядочным — мне кажется, это самое подходящее слово. Я много размышлял о трибунале и Тайном совете, остальное занимало меня в гораздо меньшей степени, когда я имел дело с этим человеком. Повторяю, я готов оказать вам любую помощь. Однако, честно говоря, вы меня озадачили. Ведь Стэн столько времени посвятил имперской службе... я думал... ну, имперские базы данных должны содержать о нем более подробные факты.

Кенна нахмурился — Эку показалось, что сейчас он, для разнообразия, абсолютно искренен.

— Я тоже так считал. Но выяснилось, что все совсем не так просто. Очевидно, император желает проверить имеющиеся у него сведения. Или, что более вероятно, он надеется отыскать мельчайшие улики и детали, которые помогут свершиться правосудию над преступителем.

— С чего вы хотели бы начать?

— Вы согласитесь на сканирование вашего сознания? У меня на корабле имеется необходимое оборудование и лучшие специалисты ВВ.

Эку подпрыгнул на месте, кончики его крыльев затрепетали. Сканирование сознания равносильно умственному изнасилованию и может привести к длительной психической травме или смерти — даже если его проводит специалист высокого класса.

— Ни за что, — твердо проговорил Эку, когда ему удалось прийти в себя. — Несмотря на то что я поддерживаю императора, должен официально заявить, что ни я и никакой другой представитель моего народа не состоял у него на службе. У нас имеются собственные секреты, которые абсолютно не касаются императора.

Кенна, соглашаясь, кивнул и потянулся к столику. На нем стояло угощение — бренди с Дьюсабля, столь любимое Кенной, и поднос с печеньем, предположительно нейтрализующим алкоголь в организме, а на самом деле химически синтезированным таким образом, что оно, наоборот, усиливало его действие.

— Император сказал, что вы откажетесь, и приказал мне не настаивать на этом предложении. Однако он добавил — неофициально, так что я прошу вас, если вы записываете наш разговор, стереть эти слова, — цитирую: «Когда Стэн будет арестован, осужден и подвергнут сканированию перед казнью, все, кто поддерживал его разговор, невзирая на нейтралитет, будут рассматриваться как личные враги императора со всеми вытекающими отсюда последствиями».

— Надо сказать, — заявил Эку, который ужасно гордился тем, что ни один усик у него не дрогнул, когда угроза была произнесена, — не самое дипломатичное заявление из всех слышанных мной из уст вечного императора.

— Времена дипломатии прошли, — промолвил Кенна. — Кроме того, наш император относится к опасности, которую представляют собой Стэн и его дружки-бандиты, столь серьезно, что не считает возможным тратить время на красивые речи. Тем не менее от себя лично я готов принести вам извинения по поводу резкости этого заявления, даже несмотря на то, что я всего лишь посыльный. И еще я заранее приношу вам свои извинения за то, что нам придется отнять у вас много времени, поскольку император желает знать все. Хочу напомнить вам, что этот разговор записывается. Вы имеете право на совет юриста, медицинское обследование и присутствие любого другого лица для подтверждения того, что на вас не оказывается ни физическое, ни фармакологическое воздействие.

— Я понимаю вас и благодарю за принесенные извинения, — проговорил Эку. — Лично для меня в данный момент решающее значение имеет время. Давайте начнем?

Эку принялся рассказывать. Он будет говорить очень медленно, с кучей подробностей, так что понадобится несколько дней, чтобы довести историю до конца.

А в конце каждого дня он будет консультироваться по поводу продолжения рассказа и реакции на него Кенны со своим наставником, спрятавшимся глубоко под конференц-залом в одной из лабораторий манаби.

С Рикор.

Шеф отдела расследований Лайза Хейнз неожиданно проснулась — но осталась лежать неподвижно в своей кровати.

Сначала... слух. Ничего.

Обоняние... Ничего.

Что же тогда?

Движение. Ее «плавучий дом» слегка раскачивался.

Лайза Хейнз чуть приоткрыла глаза.

Лунный свет заливал единственную комнату дома — баржи с мощным двигателем, пришвартованной в нескольких сотнях метров над одним из лесных прибежищ Прайм-Уорлда.

Комната была пуста.

Сэм, муж Лайзы, тихонько похрапывал у нее под боком.

Рука Хейнз скользнула вдоль края кровати по водяному матрасу, прикоснулась к дулу всегда заряженного мини-виллигана, который уже через мгновение удобно лежал у нее в ладони.

И снова баржа покачнулась.

Кто-то пытается взобраться по одному из причальных канатов?

Да.

Мгновение назад Лайза еще лежала в кровати — и вот уже она, совершенно обнаженная, заняла боевую стойку посреди комнаты, с оружием наготове. Подтвердилось. Никого здесь нет.

Она метнулась к своему маленькому арсеналу, вытащила и быстро натянула на себя фототропический комбинезон. Комбинезон, как и пистолет, выпускался исключительно для высших чинов империи; даже полицейский ранга Хейнз не имел права обладать ни тем ни другим. Однако, как водится, полицейские далеко не всегда исполняют законы, которые призваны охранять.

Хейнз была готова к визиту незваных гостей. Теперь нужно их встретить как положено.

Осторожно ступая, она подошла к двери, выходящей на палубу баржи, и слегка приоткрыла ее. Затем, сняв очки для ночного видения с крючка возле двери, надела их.

Дневной свет. Немного зеленоватый, но все-таки дневной. Наружу, на палубу.

Баржа вновь слегка покачнулась.

Лайза посмотрела на темный склон расположенного напротив холма. Ничего. Хейнз переключила очки в другой режим и посмотрела снова.

Ага. Маленькое, едва заметное свечение. Несколько живых существ.

Командный пост, прикинула она. Да, именно так и должно быть, если она правильно поняла, что происходит.

А может, это какие-нибудь бандиты — за прошедшие годы она поймала и засадила в тюрьму множество подобных типов — пришли свести с ней счеты? Маловероятно. Только в кино преступники прибегают к мести, которая не может принести им никакой выгоды.

Хейнз переключила очки на меньшее усиление, опустилась на палубу, осторожно подползла к борту и заглянула вниз. Все правильно.

Кто-то... три каких-то типа... ползли вверх по причальному канату. Они хорошо знали свое дело — но они карабкались вверх, а канат раскачивался все сильнее. Все трое были одеты в одинаковые фототропические комбинезоны и защитные жилеты, на боку у каждого болтался пистолет в кобуре. Какой-то спецотряд.

«Ну и отлично,— подумала Хейнз.— Ты надеялась, что этого не произойдет, однако надежды не сбылись. Тебя беспокоили подозрения с тех самых пор, как Стэна объявили предателем. Ты не можешь подвергнуться сканированию или еще чему-нибудь в этом же духе, тебе ведь известно, что внутренняя безопасность не останавливается ни перед чем, когда проводит “глубинный допрос”. И уж конечно же, ты не имеешь права подставлять Сэма. Всю свою кретинскую жизнь ты находилась на стороне закона, а теперь из-за какой-то ерундовой любовной связи — ну, ладно, ладно, не ерундовой, а очень даже серьезной, но это же было так давно — теперь ты стала преступницей».

В мозгу Лайзы промелькнул непонятно откуда взявшийся отрывок, переведенный с давно забытого, чужого языка: «...где каждый полицейский — преступник, а каждый грешник — святой...» Она выстрелила прямо в лицо тому из своих незваных гостей, что лез первым. Эхо выстрела раскатилось в ночной тишине, а человек беззвучно полетел вниз, увлекая за собой одного из своих приятелей.

Хейнз перекатилась назад к двери, открыла крышку наружной электрической розетки — только это была не розетка, а рубильник, — дернула на себя и... «Благодарю тебя, Господи, за то, что наградил меня паранойей», — три заряда разрубили пополам якорные канаты.

Третий «гость» удивленно вскрикнул, а потом молча встретил свой конец, когда баржа, освободившись от якорей, словно воздушный шар, взмыла в воздух.

В доме завозился проснувшийся Сэм, поднялся на ноги и направился прямо к боковому столику.

— Какого черта?..

Он не был Стэном, не был ни солдатом, ни полицейским, ему требовалось целых полчаса, чтобы проснуться и начать понимать, где он находится и что с ним происходит. Лайза Хейнз именно за это и любила его... за это и многое другое.

Ночной ветер подхватил баржу и понес ее над лесом. Внутри, в комнате, с грохотом сорвались со стен картины и полетела на пол посуда. Лайза вошла, придерживаясь рукой за стену, когда их дом, словно подвыпивший моряк, начал выделять в воздухе замысловатые пируэты.

— Отряд по захвату, — объявила она, хотя прекрасно понимала, что Сэм вряд ли сейчас в состоянии понять значение слова «захват». — Все в форме. Имперские подонки.

К ее удивлению, Сэм мгновенно проснулся.

— О! — проговорил он. А потом кивнул. — Ну, надо полагать, это должно было случиться. Правда, лично я считаю, что нам следовало предпринять что-нибудь более действенное, чем просто побег.

— Сначала мы убежим, — сказала Хейнз. — Потом спрячемся. У нас будет достаточно времени, чтобы решить, как рассчитаться с ними.

Она подошла к шкафу, открыла дверцы и вынула два персональных «парашюта» со встроенной тягой Маклина — подобное устройство давало возможность любому человеку среднего веса спокойно спускаться вниз с высоты до двух километров до тех пор, пока не кончится заряд батарей.

Когда баржа поднимется достаточно высоко, они выпрыгнут в открытую дверь и половину расстояния до земли преодолению в свободном полете; Хейнз надеялась, что на таком большом расстоянии сенсоры императорских подонков не смогут их засечь. Именно Сэм заставил ее пристраститься к этому виду спорта.

У них еще будет время, чтобы отомстить. Да. Если немного повезет. Впрочем, Лайза ничего не сказала вслух, только помогла Сэму надеть снаряжение.

Даже сейчас, в самую темную часть ночи, башня на дне ущелья светила приглушенными цветами радуги. Внутри, прижавшись друг к другу, беспокойно спали Марр и Сэнн. Казалось, они совсем не постарели с тех пор, как служили поставщиками продовольствия у самого императора, а Стэн был молодым капитаном, командовавшим отрядом гурков — телохранителей императора. Может быть, только немного потемнел золотистый мех. Больше в их внешности ничего не изменилось.

Двое милчендов, уйдя на покой, ни в чем не нуждались. Они по-прежнему наслаждались красотой и любовью. Марр и Сэнн были не просто друзьями Стэна, хотя они не виделись уже много лет, но

именно молчание устроило грандиозную вечеринку, после которой Хейнз и Стэн стали любовниками.

Марр неожиданно проснулся. Сел. Сэнн вопросительно присвистнул, его огромные глаза замигали.

— Это был просто сон.

— Нет. Гравитолет. Только что пролетел над долиной.

— Я ничего не вижу. Тебе приснилось.

— Нет. Вон там. Посмотри. Снижается с выключенными фарами.

— Ой. Кто-то холодными пальцами коснулся моей души. Холод. Холод. Ночью, с выключенными огнями. Если они останутся возле нас, не будем отвечать.

Марр промолчал.

— Я сказал, мы не будем им отвечать. В нынешние времена, когда император так изменился, только глупцы открывают дверь после полуночи. Те, кто летает по ночам, не могут быть нашими друзьями.

Тишина. Гравитолет замер снаружи.

— Стало еще холоднее. Ты чувствуешь?

— Да.

— Звонок. Кто это?

— Не знаю.

— Не включай свет. Может быть, они уйдут.

Хрупкая рука Марра протянулась в сторону, и снаружи загорелось четыре луча света, озаривших посадочную площадку.

— Ты глупец, — резко сказал Сэнн. — Кто к нам пожаловал?

Марр всмотрелся в темноту.

— Двое людей. Мужчина и женщина. Мужчину я не знаю, а женщина кажется мне знакомой.

— Да, Марр. И у нее есть пистолет. Выключи свет.

— Я ее знаю, — заявил Марр. — Она служит в полиции. И совсем недавно звонила мне по какому-то пустяковому делу. Я тогда удивился.

— Служит в полиции?... А, Хейнз.

— Да. Та, что любила Стэна.

— Значит, она в бегах. Император наверняка захочет допросить всех, кто знал Стэна. Ей определенно что-то известно, иначе она не стала бы спасаться бегством.

— Сэнн, подумай. Неужели ты бы сам не сбежал от этого ужасного Пойндекса? Который лично убил Махони?

— Выключи свет. Залезай обратно в постель. Нам незачем вмешиваться в политику людей. Видишь? Они собираются уходить. Их приютит кто-нибудь другой.

Марр ничего не ответил. Ему показалось, что он слышит шум шагов снаружи, у посадочной площадки.

— Один человек однажды сказал мне,— медленно проговорил Марр,— что если у него будет выбор между предательством друга и предательством своей страны, он надеется, что у него достанет мужества стать изменником.

Они прижались друг к другу, и их антенны соприкоснулись. Сенн отпрянул.

— Ладно,— сказал он.— Только не говори мне о преданности и о других чрезмерно сложных человеческих чувствах. Просто тебе хочется, чтобы в нашем доме снова были гости, для которых ты мог бы готовить.

Его рука описала полукруг.

Перед домом неожиданно возник столб света, приглашающий Хейнз и Сэма войти.

Глава 7

Снова покои вечного императора были переполнены, а кондиционеры работали на полную мощность. Сам император отдавал одно приказание за другим.

— Эври.

— Да, ваше величество?

— Общественное мнение по поводу взрыва «КБНСК»?

— Не слишком благоприятное, сир. Я собрала лучших политических комментаторов, но никто из них не стоит на тех же позициях, что и мы.

— А каковы наши позиции?

— Это был трагический несчастный случай, вызванный нападением Стэна на станцию. Что мы только пытались защитить невинных гражданских лиц.

— Замени слова «защитить невинных гражданских лиц» на «попытку ограничить второстепенный ушиб».

— Благодарю вас, сир.

— Теперь я хочу, чтобы ты обернула дело в нашу пользу.

— Что вы имеете в виду, сир?

— Очень просто. Все станции вещания принадлежат империи. Мне, иными словами. Проинформируйте их, что я прекращаю действие их лицензий и они не смогут больше лгать с экранов, если не начнут говорить то, что хочу я.

— Да, сир...

— У тебя есть сомнения. Какие?

— Они напуганы. Боятся, что Стэн в следующий раз нападет на них.

— Никаких проблем. Андерс.

— Да, ваше величество.

— Собери резервные корабли и войска. Я хочу, чтобы все крупнейшие телестудии империи находились под охраной. Сеть должна быть такой плотной, чтобы и муха не пролетела. Понятно?

— Да, сир. Но у нас уже практически не осталось резервов. Ведь фонды были заметно урезаны. Кроме того, наши силы связаны необходимостью помогать более слабым союзникам. Мы повсюду выставляли гарнизоны. Наш флот очень растянут...

— Найди необходимые корабли. Просто найди их, и все.

— Да, сир.

— И еще одно. Я не забыл, кто виноват в том, что произошло на нашей центральной телестанции.

— Конечно, сир. Я несу всю полноту ответственности, сир.

— Заткнись, Андерс. Пока ты исполняешь мои приказы, я советую тебе подумать о том замечательном месте, куда я пошлю тебя, когда это безобразие закончится. Какой-нибудь остров. Где очень холодно. И можешь не сомневаться: он будет маленьким. Не больше километра во всех направлениях. А теперь займись делом!

— Э-э... есть, ваше величество!

— Уолш.

— Да, ваше величество.

— Как обстоит дело с законом о налогах на АМ-два?

— Я не уверен, что мы сумеем провести его в парламенте, сир.

— В чем проблема?

— Оппозиция заявляет, что увеличение налогов идет вразрез с вашими обещаниями.

— Большое дело! Они только и делают, что нарушают собственные обещания. Почему этого не могу сделать я? Политика для того и создана. Одна ложь громоздится на другую.

— Безусловно, сир. Однако они перестали так думать, когда лишились независимости. Мы предложили им АМ-два по фиксированно дешевым ценам, если они согласятся стать доминионами империи.

— Конечно, я помню. А еще я помню, что именно моя рука лежит на кране с АМ-два. Я — единственный поставщик. Следовательно, я и буду определять цену.

— Да, сир. Знаю, сир. Парламентарии твердят, что всех душит дефицит.

— Ну, тогда скажи им, что тут они не одиноки. Именно поэтому я и вынужден увеличить налоги. Моя сокровищница почти пуста. В буфете остались лишь голые кости. Я не верю этим людям. Проклятье, я вынужден нести на своих плечах все тяготы! Без меня им конец. Шесть лет жестокого правления Тайного совета доказали мою правоту.

— Верно, ваше величество. Но парламентарии начали шептаться, что им было не так уж и плохо, когда всем без вас заправлял Тайный совет.

— Не стоит из-за этого беспокоиться... Кенна?

— Да, ваше величество.

— Я хочу, чтобы ты помог Уолшу в этом деле.

— С удовольствием, сир. Как и всегда.

— Я хочу, чтобы, когда дело дойдет до голосования, Дьюсабль поддержал меня. Мне необходим большой прорыв. А еще мне требуется преимущество при голосовании. Единогласно было бы лучше всего, но я согласен и на девяносто девять процентов.

— Я не уверен, что это возможно, сир.

— Сейчас Дьюсабль процветает, не так ли?

— Да, ваше величество.

— Я сделал вас, ребята, обладателями самых крупных хранилищ АМ-два. А это значит, что вы можете причесать всех на прямой пробор в любой момент и как только пожелаете.

— Я протестую, ваше величество. Граждане Дьюсабля...

— Кончай, Кенна. Если бы ты не воровал, у меня бы это только вызвало подозрения. Так или иначе, я дал Дьюсаблю все. Сделал его одним из самых драгоценных камней в моей короне. Теперь пришло время платить по счетам. И получить голоса.

— Я сделаю все, что в моих силах, сир.

— Этого недостаточно. Потребуется обман. И насилие. Я хочу, чтобы парламент знал свое место. По крайней мере, до тех пор, пока кризис не будет разрешен. Позднее я всегда смогу укомплектовать парламент нашими людьми.

— Считайте, что дело сделано, ваше величество.

— Блейк.

— Да, сир.

— Вы с Пойндексом общаетесь с главной жрицей, не так ли? Как ее зовут?

— Зоран, сэр. Главная жрица культа императора.

— Да, я имею в виду именно эту тронутую. Что там у вас происходит? Сейчас необходимо подчеркнуть мою божественность, особенно среди темных масс. Проклятье, бедняков легко убедить выступить против своего правителя. Волнения теперь возникают практически постоянно, а это плохо сказывается на делах. Несколько храмов, построенных в мою честь, — продолжал император, — помогут восстановить веру в экономику, что, в свою очередь, повлечет уменьшение инфляции.

— Откровенно говоря, сир, мы не добились больших успехов с этой женщиной. Чаще всего она чем-то постоянно занята, а когда

мне все-таки удастся с ней встретиться, говорит загадками и все время хихикает. Я думаю, Зоран спятила.

— Это хитрая лиса, Блейк. Она, конечно, свихнулась. Однако она куда умнее большинства людей, собравшихся в этом зале. Скажи ей, что мне надоело финансировать ее организацию. Проку нет.

— Я уже говорил ей об этом, сир. Самым жестким образом.

— Гмм. Дурно пахнет. Отлично. Забудем о ней. Отправьте ее в ссылку за что-нибудь. Скажите, что пришло время предаться глубоким размышлениям. Пусть Пойндекс вознаградит ее должным образом. Что-нибудь быстрое и безболезненное. После чего займись ее заместительницей. Если и с ней ничего не получится, иди дальше вниз по списку, пока не попадется кто-нибудь с большими глазами и птичьими мозгами. Поговори с Пойндексом. Он знает, что я имею в виду.

Дверь с шипением открылась. Вошел Пойндекс — по его лицу было ясно, что он принес очередную дурную весть.

Вечный император нетерпеливо махнул рукой, показывая присутствующим, что они должны немедленно удалиться. Приказ вечного императора был исполнен мгновенно.

— Садись.

Пойндекс повиновался, но присел лишь на краешек стула, словно продолжал стоять навытяжку. Император вытащил бутылку из стола. Налил себе стакан и приготовился сделать большой глоток, подчеркнуто не предлагая Пойндексу.

— Ну, что случилось на сей раз?

— Стэн, сир.

— Я так и думал. Что он натворил теперь?

Пойндекс наклонился над столом. На его лице появилось искреннее недоумение.

— Сир, мои люди сотни раз проверили все ниточки, которые вы нам дали. Нам самим удалось разыскать множество других. Но в результате — ничего. Никто, ни единая душа не знает его, сир. Только мельком. Мы провели сканирование сознания многих людей. С ними работали лучшие эксперты. Однако единственное, что нам удалось установить, — во всей империи у Стэна нет ни единого друга.

Император присвистнул, а потом сделал еще один большой глоток виски. Пойндекс заметил, что на носу властителя проступили мелкие красные пятнышки.

— Этого просто не может быть, — заявил император. — Даже у самого ничтожного существа есть по крайней мере один друг в империи. Даже отбросы общества тянутся друг к другу. Я бы сказал, что подобные люди должны еще в большей степени привлекать к себе других таких же уродов.

Пойндекс поднял руки ладонями вверх.

— Все это правда, но сути дела не меняет, сир. Наша беда в том, что файлы на Стэна и Килгура уничтожены... Нам не за что зацепиться.

— Если не считать моей памяти.

— Которая находится в превосходном состоянии, сир. Только благодаря вам мы смогли добиться хоть каких-то успехов.

Император внимательно посмотрел на Пойндекса. Нет. Он не пытается убажить императора. Пойндекс и в самом деле так считает. Император подумал, что, кажется, он начинает слишком сильно опираться на Пойндекса. У человека могут возникнуть очень опасные идеи... если он почувствует, что от него многое зависит. Только Пойндекс, к примеру, знал о бомбе, помещенной у него в животе. Бомбе, которая была связана с этой... штукой.

Огромный корабль, находящийся за Альва-сектором, за разрывом между мирами.

Огромный корабль, который его контролирует. Император содрогнулся при мысли о корабле, где была комната с белыми стенами и голос, лишенный тела, говорил с ним.

Он задрожал. Сделал еще один глоток виски. Потом вспомнил: *раньше* контролировал. Именно Пойндекс собрал специальную бригаду хирургов, которая сумела вынуть бомбу из его тела и прервать связь с контролером.

Еще один глоток. Да-а-а. Так гораздо лучше. Он будет последним вечным императором. Пока не придет конец империи... Когда же он наступит?

Никогда.

Император взял себя в руки.

— Тогда остается только одно, — сказал он. — Мне необходимо выиграть время. Подготовь команду психологов. Каждую свободную секунду я буду посвящать воспоминаниям о Стэне. И каждую новую деталь ты будешь немедленно пускать в дело.

Пойндекс заколебался:

— Вы уверены в том, что это разумно, сир?

Император нахмурился.

— Я знаю, что это неразумно. Я уже и так совершаю серьезную ошибку, вникая в каждую деталь на манер Джимми Картера. Если так пойдет дальше, в следующий раз я буду проверять список новогодних поздравлений, который составит Блейк. Но, черт побери, разве у меня есть выбор?

— Стэн всего лишь человек, ваше величество, — сказал Пойндекс. — Позвольте нам с ним разобраться.

— Я не могу рисковать. Стэн — символ всех наших неудач. Граждане потеряли веру. Они перестали выполнять приказы. Они ставят под сомнения мои действия. Несмотря на то, что я — единственный человек, кто по-настоящему о них заботится. Разве кто-нибудь еще

может взглянуть на процесс так, как я? С точки зрения не одного поколения, а огромного множества?

Император немного помолчал.

— Нет. Я должен это сделать,— наконец сказал он.— Будь он проклят!

И вечный император осушил стакан.

Глава 8

«Дом».

Он был разбросан на тысячи тысяч километров пространства — медленно вращающееся месиво промышленных отходов.

Вулкан.

Стэн смотрел на руины сквозь стекло шлема. Звук собственного дыхания вдруг показался ему очень громким.

Это был тот самый проклятый богом мир, где Стэн родился, искусственная планета-фабрика, которую построила и эксплуатировала компания. Его родители — обычные чернорабочие, не имевшие никакой квалификации, — братья и сестры погибли здесь только из-за того, что было принято решение уничтожить всех, дабы не разглашать важных государственных секретов.

Мальчишка, которым тогда был Стэн, попытался отомстить. Его быстро схватили и приговорили к работе в Экзотическом секторе, экспериментальном районе, где всех осужденных ожидала медленная мучительная смерть. Но Стэн выжил. Выжил, научился сражаться и — его пальцы коснулись смертоносного лезвия, спрятанного в руке, — «выточил» свой нож из инопланетного кристалла.

Он сбежал, стал преступником, жил в тайных воздуховодах и покинутых складах планеты, избегая встреч с полицией компании, которая выжгла бы ему мозг. Здесь он встретил Бэт, свою первую настоящую любовь. И здесь его спас от смерти Ян Махони, когда Стэн лежал оглушенный после очередного полицейского рейда.

Тогда же Стэна зачислили в гвардию. Через некоторое время Махони еще раз помог ему — перевел из пехотного подразделения в свой спецотряд богомоллов, где Стэна обучили искусству разведки и тайным приемам рукопашного боя. Теперь он знал, как можно убить человека, не оставив на нем никаких следов. Или, что оказалось еще полезнее, научился вербовать агентов так, что у тех не возникало ни малейших подозрений о том, что их завербовали.

Потом Махони отослал Стэна обратно на Вулкан вместе с Килгуром и другими бойцами отряда богомоллов. Задача: убить человека, уничтожившего семью Стэна.

Его первый большой успех. В процессе выполнения задания Стэн, три инопланетянина и трое людей, включая цыганку Иду, подняли

на планете восстание. Были введены императорские войска, а команда Стэна спаслась бегством — сам Стэн едва успел забраться в герметичную капсулу и удрать. Он так и не узнал, чем кончилось восстание на Вулкане. Хотя его это не особенно интересовало. Стэн предполагал, что на смену прежнему руководству пришло новое и условия жизни рабочих немного улучшились.

Впрочем, похоже, ненадолго, отметил он, глядя на обломки во-круг. Даже если бы Вулкан и сослужил службу оборонной промышленности, когда шла Таанская война, дальнейшая его эксплуатация в период правления Тайного совета явно стала невыгодной — АМ-2 не хватало, и содержать тяжелую промышленность на таких удаленных, искусственных планетах стало совершенно нерентабельно.

Вулкан был брошен, разграблен и опустошен. Даже в свои самые благополучные времена планета больше походила на огромную свалку — заводы, жилые бараки и склады строились, эксплуатировались, а потом их оставляли, не потрудившись разобрать. Теперь же создавалось впечатление, что боги хаоса, посмотрев на дело рук человеческих, посчитали, что пришла пора и им немного порезвиться, дабы доделать за людей то, что они оставили незавершенным.

Где-то посреди этой чудовищной свалки — во всяком случае, Стэн на это очень рассчитывал — прячется разгадка тайны Яна Махони.

Сначала, когда Стэн обдумывал странные слова Махони, ему пришла в голову мысль о Мостике — мире, который Стэн купил несколько лет назад и который был для него единственным настоящим домом вне императорской службы.

Маловероятно.

Если Махони имел в виду, что в «доме» может содержаться что-то полезное Стэну — лучший вариант: оружие против императора, — он не стал бы прятать его в месте, известном не только друзьям Стэна, но и его врагам. К тому же, насколько Стэн помнил, Махони был на Мостике всего один раз, и то только затем, чтобы предупредить Стэна про отряд убийц, посланных Тайным советом. Вряд ли у него тогда было время подготовить надежный тайник.

Нет, Мостик отпадает. Слишком очевидно — даже учитывая известный с древних времен способ прятать похищенные письма — для такого хитрого ирландца, каким был Махони.

Поэтому Стэн заставил себя вспомнить координаты Вулкана и отдать соответствующий приказ. Если там ничего нет, решил он, эта планета может стать вполне подходящим временным пристанищем. Уничтожение Торесена было секретной миссией, не занесенной в файлы; следовательно, значение Вулкана в связи с величайшим предателем не будет замечено, даже если кому-нибудь в руки и попадет чрезвычайно подробное досье Стэна — командира спецотряда богомоллов.

Стэн, как и любой опытный солдат, исходил из того, что хитроумная программа Махони не сработала и империя располагает о нем полной информацией.

Конечно, он продолжал считать варианты двойных, тройных и четверных обманов, которые отправляют в конце концов многих контрразведчиков в мир безумия. Если у императора действительно прекрасная память и ему удастся разобраться в своих личных файлах, тогда властитель вполне может вспомнить отданный им приказ об уничтожении таинственного проекта «Браво» в мире, где родился Стэн.

— Дружище?

Стэн с благодарностью вернулся в настоящее — от этих тягостных размышлений толку все равно не было.

— Не хочу показаться занудой, но меня не очень-то тянет присоединиться к тем, кто остался здесь навсегда. Давай делать что-нибудь полезное, а?

Солдаты спецотряда богомоллов, которые погибли на Вулкане — Йоргенсон, Фрик и Фрэк, — были друзьями и Килгура тоже. Сам Алекс чуть не погиб, разряжая атомную боеголовку.

Стэн кивнул, а потом сообразил, что Алекс не мог разглядеть этого жеста за толстым стеклом шлема.

— Пошли.

Он коснулся кнопок и помчался вперед — заработал крошечный драйв Юкавы — по направлению к скоплению обломков — центральному ядру Вулкана.

Возможно, он поступил неразумно, но вместо того, чтобы воспользоваться скафандром, предназначенным для работы в глубоком космосе, который на самом деле являлся небольшим космическим кораблем с сиденьем, как у велосипеда, где было достаточно места, чтобы почесать за ухом, если в этом возникнет необходимость, они с Килгуром облачились в самые настоящие военные доспехи.

Ведь на Вулкане вполне мог оказаться работающий генератор Маклина и сохраниться сила тяжести. Возможно, в этом облачении им будет легче передвигаться пешком, чем летать по коридорам в костюмах, своей формой напоминающих канистру.

За спиной Стэна висела «Победа», которую прикрывал эсминiec «Аойф». Стэн приказал «Беннингтону» и «Айслингу» отправиться прямо к конечной цели, после того как небольшой флот провел несколько дней по корабельному времени, спасаясь от преследования, замата следы и выбирая самые невероятные траектории. С тыла «Победу» защищала целая флотилия истребителей, которые в боевой готовности расположились вокруг Вулкана. Пожалуй, ловушки можно не опасаться.

Однако Стэн дожил до своих лет именно благодаря тому, что ему было присуще врожденное чувство осторожности. Один из его

самых любимых лозунгов родился в древности на Земле и принадлежал отряду каких-то рейнджеров: «Никогда не рискуй, если нет необходимости».

Остается только ответить на вопрос: где в этой куче хлама искать то, что спрятал Ян Махони?

— Стэн.— Фрестон обращался к Стэну с борта «Победы». Он по собственной инициативе временно разжаловал себя из капитанов и находился сейчас в коммуникационном отсеке на прямой связи со Стэном и Килгуром.— Я засек передачу.

— Откуда?

— С Вулкана. Откуда-то из самого центра до нас доходит слабый широкополосный сигнал. Едва различимый и неравномерный. Похоже на радиомаяк, батареи которого вот-вот сдохнут. «Аойф» дал мне координаты. Это место находится прямо по вашему курсу.

— Раньше оно называлось Око,— сказал Стэн.— Ждите указаний.

Он заглушил двигатель, снизил скорость и повернулся к Алексу так, что микрофон, встроенный в его костюм, оказался направлен прямо в сторону Килгура.

— Я слышал,— сразу отозвался Алекс.— Только нам от этого не легче — все равно непонятно, что здесь происходит. Если Махони что-то тут спрятал, может, он и подбросил бы малюсенький передатчик, чтобы облегчить нам жизнь. Но ни за что не оставил бы его включенным, если речь идет о какой-то очень важной и страшной тайне, разве не так? И уж наверняка не стал бы настраивать передатчик таким образом, что он начинает работать, когда к нему кто-то приближается на достаточное расстояние. Словно детская игра в «холодно-горячо». Да и вообще, любая батарея имеет временной предел работы и все такое прочее. Вон Фрестон утверждает, что батарейка почти выдохлась.

— Все возможно,— ответил Стэн.— Значит, кто-то другой заставил передатчик работать.

— Сам того не зная... или, может быть, этот неизвестный нам «кто-то» не смог забрать сокровище Махони. Или все это хитроумная мина-ловушка, а психопат, что установил ее, потерял терпение и не стал дожидаться, пока мы угодим в нее по собственной глупости, и решил немного нам помочь.

— Точно. Тут есть о чем подумать.

— Да нет. «Дом» теперь занимает совсем небольшое пространство, если мы, конечно, поняли все правильно и этот сигнал не исходит от какой-нибудь старой электронной схемы, валяющейся на одной из свалок.

— Согласен. «Дом» находится где-то в районе Ока. Это нечто хорошо нам знакомое. Точнее, мне. Место, где мы прятались... Старый

корабль? Нет, Махони про него ничего не знал. Может быть, хитрый лис имел в виду свою контору, когда он жил здесь под видом вербовщика и изучал обстановку? Вполне возможно. Только мне кажется, он вряд ли рискнул бы выбрать место, не будучи уверенным, что я его помню. Потому что я как раз и не помню, где находилась его контора. Проклятье! — рассердился наконец Стэн.

— Слушай, а этот главарь. Герцог или Династ... или как там он себя называл.

— Барон Торесен.

Это имя Стэн не забудет никогда.

В последней схватке Стэн отомстил ему за уничтожение своей семьи — он убил мерзавца голыми руками. Резиденция Торесена находилась на самой вершине Ока, в огромном, напоминающем дворец куполе, который накрывал сад, покои и рабочие кабинеты.

— Да, это там. Только мы не пойдем прямо туда. Но и здесь нам нельзя оставаться — мы уже достаточно долго были тихими, смиренными мишенями, пора уходить.

Стэн включил полную скорость, а Килгур рассчитал на глаз траекторию, чтобы пролететь над заброшенным доком, — там вполне могли оставаться мины-ловушки, и Алекс не собирался рисковать.

Пролетая над Вулканом, Стэн и Алекс заметили большую рваную рану на поверхности планеты — здесь находилась лаборатория, работавшая над проектом «Браво», пока ее не разбомбил Килгур.

А еще это означало, что где-то внизу находится крошечная, убогая квартирка, в которой вырос Стэн.

«Наверное, — подумал он, — время еще не уничтожило картинку на стене, которая преследовала меня в ночных кошмарах: снежный пейзаж далекого пограничного мира, за который мать заплатила шестью месяцами жизни и который облез и потускнел меньше чем за год».

Стэн, не отдавая себе в этом отчета, возродил тот пейзаж на собственной планете — скопление куполов уютно устроилось в одном из арктических районов планеты.

Нет. Он не станет — не сможет — снова входить в ту квартирку. Это уж слишком.

Стэн заставил себя не думать о прошлом. Они приближались к Вулкану.

Стэн приземлился на полоске голого корпуса планеты, узкой, как палец.

— Организуй проход, Алекс.

Алекс достал из чемоданчика заготовленный заранее заряд, высвободил маленькие ножки и прикрепил заряд на «коже» Вулкана. Затем включил таймер и жестом показал Стэну, чтобы тот отодвинулся подальше. Алекс был профессиональным подрывником —

он спокойно, без лишней суеты отплыл на безопасное расстояние от места предполагаемого взрыва.

Таймер показал ноль, последовал взрыв, и струи расплавленного металла брызнули в разные стороны. Это был насильственный, но сравнительно бесшумный способ попасть внутрь. Воздух со свистом вырывался в космос.

Килгур, всегда стремившийся к аккуратности, руками ободрал острые выступы вокруг образовавшегося отверстия. Мощный обитатель мира тройного тяготения, он вполне мог бы справиться с задачей, даже не пользуясь псевдомускулатурой, встроенной в комбинезон.

Друзья забрались в пробитое отверстие.

Непроглядный мрак тут же поглотил их. Оба включили фонари над шлемами.

Они попали в машинное отделение.

Стэн повернулся в сторону отверстия.

— Мы внутри, — начал передавать он на «Победу», — ничего не предпринимайте. Будем держаться на связи. Идем дальше.

Затем он настроил внутреннюю навигационную систему комбинезона так, чтобы она вела его в сторону Ока, на тот случай, если они заблудятся в бесконечных туннелях Вулкана, и двинулся вперед. Его «связь» — передатчик, работающий на необычной частоте, — будет постоянно сообщать на «Победу», где именно в этом металлическом лабиринте они находятся.

Полное отсутствие воздуха и силы тяжести.

Включить двигатели и «лететь» в сторону Ока будет куда быстрее. Интересно, попытался представить себе Стэн, что подумал бы семнадцатилетний преступник, которым он тогда был, если бы узнал: через многие годы люди и в самом деле будут летать внутри Вулкана. Скорее всего, он пришел бы в восторг, а потом немедленно стал соображать, как использовать новое изобретение для очередного рейда.

Ему очень захотелось увеличить скорость, особенно когда они пролетали через огромные пустые помещения. Однако это могло привести к фатальному результату, если бы их действительно ждала ловушка. Или если бы у них на пути неожиданно возникло препятствие и они не сумели бы вовремя затормозить.

Теперь друзья продвигались «вверх», в сторону доков. Огромные люки размером с космический корабль открывались в пустоту — вся арматура была либо взорвана, либо аккуратно срезана. Мародеры не дали себе труда закрыть за собой двери.

Ответвление — или то место, где оно было раньше. Взрыв сорвал металлическую обшивку, оставив открытыми вентиляционные решетки. Коридор вел на «север», в сторону Ока.

Неожиданно перед друзьями возникла огромная пробоина, уходящая вверх на несколько уровней, прямо в открытый космос. Именно здесь один из тяжелых кораблей империи пробил «кожу» Вулкана, для того чтобы открыть гвардии доступ на планету.

— Вы еще должны меня слышать,— зашептал в наушниках голос Фрестона.— Переключитесь на шесть-три-кило-четыре.

Стэн переключил запасной передатчик. И сразу услышал вой, который то усиливался, то пропадал совсем. Звук действительно был похож на позывные передатчика, чья батарейка практически села.

Они подобрались уже совсем близко к «верхушке» Ока и находились рядом с куполом Торесена. Стэну ужасно хотелось увеличить скорость, но он заставил себя двигаться вперед как можно медленнее.

Впереди возникла огромная дверь: еще одна переборка, которая должна была предотвратить потерю всей атмосферы Вулкана на случай неожиданной утечки. Алекс начал было открывать люк, но потом, еще до того, как Стэн успел предупредить его, остановился сам.

Сопротивление. Как интересно. Это значило, что по другую сторону имелаась атмосфера.

В этот момент позывные смолкли.

Связь с «Победой» возобновилась, и Фрестон начал что-то говорить — видимо, хотел предупредить Стэна, что неизвестный передатчик прекратил работу.

— Принято,— прошептал Стэн.— Кончайте передачу. Ведите только запись. Переходим на код.

Он и не сомневался, что тут все не так просто.

Килгур слегка согнул руку, и в тот же миг в его ладони оказался виллиган. Он чуть приподнял одну бровь — может быть, взорвем, босс?

Стэн отрицательно покачал головой и показал, что Килгур должен немного отодвинуться в сторону. Потом нажал на кнопку.

Люк начал со скрипом открываться. Стэн двинулся было вперед, но Килгур махнул рукой. Прячемся... Стэн не стал спорить. Алекс резко распахнул крышку люка, прижавшись спиной к стене коридора.

Ничего. Внутрь.

Теперь друзья и вправду оказались в ловушке. Оба выключили фонарики на шлемах. Быть явными мишенями еще куда ни шло, но зачем же давать врагу возможность как следует прицелиться?

Скрежет прекратился, однако надпись «Атмосферное давление выровнено» так и не зажглась. Перегорела, наверное. Да и внутренняя дверь автоматически не открылась.

Стэн толкнул ее, и дверь неохотно сдвинулась с места.

Вот он, вход в купол Торесена. Друзья присели по обе стороны от прохода, держа оружие наготове. Стэн почувствовал, как ткань его комбинезона прижалась к телу, пока давление внутри автоматически не выровнялось. Ну и откуда здесь появилось атмосферное давление? Неужели купол Торесена был выстроен так надежно, что все эти годы удерживал воздух? Никак такого не может быть, черт возьми!

Он посмотрел на автоматический анализатор атмосферы. Нейтральный газ — семьдесят пять процентов, кислород — восемнадцать процентов, примеси других газов. Вот это да — полпроцента двуокиси углерода!.. Значит, кто-то тут дышит?

Давление — половина нормального земного.

Света от звезд и далекого солнца, проникающего сквозь оболочку купола, вполне хватало, Стэну даже не пришлось снова включать фонарик на шлеме. Килгур показал рукой, и Стэн увидел составленные в ряды пустые кислородные контейнеры.

Вот откуда появилась здесь атмосфера — кислород доставлялся вручную. Купол Торесена был огромным. Представьте себе джунгли, которые давно окаменели после того, как купол потерял атмосферу. Парк. Где-то впереди должны располагаться офисы и апартаменты самого Торесена. Придется обыскать весь купол самым тщательным образом. Причем друзья не имели ни малейшего понятия о том, что же именно они ищут; более того, они вообще не были уверены, что искать нужно здесь, на Вулкане.

Стэн включил наружный микрофон и прислушался. Ничего. Естественно, несмотря на благоприятный анализ наружного воздуха, он не стал рисковать и снимать шлем.

Перед ним расстилались изуродованные остатки роскошного леса Торесена, превратившегося теперь в самый настоящий кошмар. Как странно, они старались ступать бесшумно, словно отправились на разведку в непроходимые джунгли. В специальных космических комбинезонах. Осторожный шаг... нога коснулась земли, вес тела перенесен вперед, еще один осторожный шаг...

Мертвые ветви изгибались, словно мучительно и безуспешно пытались достать далекие звезды.

Хруст. Стэн напрягся и посмотрел вниз. Блестящие кости. Он вспомнил. Один из «домашних» тигров Торесена. Тот самый, которого он убил отчаянным ударом обеих ног, пришедшимся зверю прямо в горло.

Стэн содрогнулся. Тогда ему просто повезло — именно он должен был умереть здесь.

Килгур следовал сразу за ним. Он тоже посмотрел на скелет тигра, а потом, сам не понимая почему, на спину Стэна. Алекс слышал историю про тигра, но не верил в нее. И никогда бы не поверил.

Откуда-то с другой стороны купола донесся шум. Показалось?

Стэн замер на месте, прислушиваясь. Ничего. Рискнул бросить взгляд назад, на Алекса. Сквозь стекло шлема увидел, что Килгур покачал головой. Он ничего не слышал.

Стэн зашагал дальше.

Нервы его были так напряжены, что он бы не удивился, увидев скелет Торесена с развороченной грудной клеткой, откуда было вырвано еще бьющееся сердце. Но тело, вероятно, похоронили или выбросили в открытый космос. Ведь так?

Вот на этой стене Торесен развесил свою коллекцию оружия, от старинного огнемёта до боевого топора. Теперь полки были пусты — оружие, скорее всего, досталось в качестве сувениров солдатам императорской гвардии, ворвавшимся в купол.

Еще немного вперед, в офис. Огромная столешница, которую когда-то поддерживали в воздухе генераторы Маклина, прислонена к стене... А потом из мрака на свет вышел барон Торесен.

Стэн даже не заметил, как в его руке появился виллиган, а палец перевел переключатель на автоматический огонь. Проклятье, тебя здесь нет, ты мертв, будь ты проклят... мертв или будешь мертв, после того как я всажу весь магазин прямо в середину твоей кретинской робы, между длинных костлявых рук, которые тянутся к моему горлу...

Он услышал голос барона:

— Не убивайте меня. Пожалуйста, не убивайте меня.

Скрипучий, дрожащий голос древнего бесполого существа. Несколько пучков седых волос, торчащих в разные стороны.

Ровно тысяча из тысячи нормальных людей уже давно открыли бы огонь. Девятьсот девяносто с лишним солдат, прошедших спецподготовку, поступили бы точно так же.

Стэн убрал палец со спускового крючка.

— Не убивайте меня, — снова проговорил старик.

Стэн включил фонарь на шлеме.

Перед ним стоял хрупкий человек и протягивал к нему высохшие руки, пытаясь защититься от смерти, которая приближалась к нему в обличье человека в космическом комбинезоне.

— Я не сделаю вам ничего плохого, — наконец проговорил Стэн.

Старик был действительно одет в парадную форму Торесена, примерно такую Стэн видел на нем, когда барон устроил злобную пародию на похороны его родителей. Вероятно, это странное существо сумело прибрать к рукам оставшийся в целости и сохранности гардероб Торесена. Стэн опустил оружие.

Килгур даже не подумал последовать его примеру. Обошел Стэна сбоку.

— Кто ты?

Усиленный динамиком голос Килгура разорвал тишину. Старик поморщился.

— Пожалуйста, пожалуйста, не так громко.

Килгур вывел себя из состояния контролируемой паники, а заодно и уменьшил усиление голоса.

— Назови себя.

— Я никто. Меня зовут Дан Форте.

— Где твой корабль?

— У меня его нет. Корабль у других. Они меня здесь оставили. Сказали, что у меня нет права на жизнь. Сказали, что я был... Теперь это не имеет значения, что они сказали.

— Кто-то бросил его здесь,— задумчиво проговорил Стэн.

Алекс кивнул — он пришел к такому же выводу.

— Интересно, почему?

— Может быть, мы не хотим знать.

— Точно. Не вздумай поворачиваться к мерзавцу спиной.

Килгур подошел к Форте — тот вздрогнул — и быстро, профессионально обыскал.

— Он чист, в метафорическом смысле... но я не стал бы открывать свой шлем, стоя рядом с ним.

— Как давно ты здесь, Дан? — спросил Стэн.

— Недолго. Недолго.— Старик засмеялся, а потом заговорил нараспев: — Бутылка здесь, бутылка там, крысиная стая здесь, крысиная стая там, выдох здесь, выдох там.— Он перестал говорить нараспев.— Вы знаете, солнце скоро умрет. Они собираются его убить. Таан знает. То, что они знают, они всегда знают. То, что они делают, они всегда делают.

— Оставь его,— вмешался Килгур.— Этот жалкий кретин попал сюда во время войны!

— Я смотрел,— продолжал Форте.— Я всегда смотрел. Возьмите меня с собой. Пожалуйста. Не оставляйте меня. Приходил еще человек. В комбинезоне. Как у вас. У него был пистолет. Как у вас. Я боялся попросить его. У него был пистолет. Но я был молод тогда. И еще больше боялся. Теперь я не боюсь. Мне нечего бояться. Правда?

Килгур повесил автомат на грудь.

— Да, старик,— мрачно проговорил он.— Тебе нечего бояться. Мы друзья.

— Тот человек,— осторожно начал Стэн,— он здесь ничего не оставлял?

Форте задрожал.

— И Моисей дважды ударил по скале... и прихожане напились... а Господь заговорил... потому что вы мне не верили, не освятили имя мое в глазах детей моих... ты не выведешь этих людей в землю обетованную.

— Гмм... мы тебе верим, Дан.

— Тогда ударьте по стене! — размахивая руками, закричал Форте.

Алекс и Стэн удивленно посмотрели друг на друга. Стэн кивнул. Алекс пожал плечами и направил виллиган на стену, где Торесен развешивал оружие, а затем четыре раза выстрелил — по заряду в каждый угол.

Стена рухнула, точно была сделана из песка.

За стеной, в потайной комнате, которая могла быть построена самим Торесеном или Махони, они увидели тайну. Ряды одинаковых ящиков для папок.

Стэн бросился вперед. Опустился на колени перед одним из ящиков. Увидел надпись четким, уверенным почерком Махони:

УБИЙСТВА, УСПЕШНЫЕ

Скрытые улики, слухи, личные выводы.

Другой ящик:

ТАЙНЫЕ ГОДЫ

Политика системы, приказы об убийствах, первая поставка АМ-2, сделанная Филантропическим фондом.

И еще один:

ЭКСПЕДИЦИЯ «СИБОЛА»

Научные журналы — предложения о проведении экспедиции. Никакой информации. Точных данных не обнаружено. Только личные выводы.

Стэн понял, что они нашли.

Он не знал — и подозревал, что Махони это тоже было неизвестно, — содержится ли в этих ящиках тайна, которая покончит с вечным императором или, по крайней мере, окажется им полезной. Но он точно знал, что в них достаточно опасных для императора данных, и тот, не задумываясь, пожертвовал бы большей частью своей гвардии, чтобы их заполучить. Это были записки и собранные Яном материалы для биографии властителя, которую он так и не написал.

После того как вечного императора убили по приказу Тайного совета, Махони решил, что пришла пора уйти на покой и заняться разработкой плана, который должен был привести к уничтожению совета. В качестве прикрытия он объявил, что, скорбя по своему старому командиру и другу, напишет подробную биографию вечного императора. Сначала так оно в действительности и было. Но Махони как-то признался Стэну, что с удовольствием был бы архивари-

усом, а не генералом, так что его папки становились все более толстыми, а информация более подробной.

Может быть, если бы Махони подал в отставку и занялся какими-нибудь невинными изысканиями, он прожил бы дольше...

Махони захватило его новое занятие, особенно когда он понял, что все биографии вечного императора фальсифицированы — сознательно. Ложные данные возникали постоянно; некомпетентные писатели, исследователи и фонды поощрялись всеми возможными способами, в то время как талантливые люди лишались права голоса.

Махони обнаружил множество версий одних и тех же событий, намеренно созданных империей.

«Интересно,— спросил однажды у него Стэн,— что так старательно скрывает император?» А Ян ответил: «Да почти все — откуда он родом и как попал сюда... где находится запас этого проклятого АМ-2. Этот сукин сын был... или есть, ну, не знаю... он бессмертен. Кроме того, его ведь и раньше убивали».

Стэн насмешливо фыркнул, и Махони сказал, что когда-нибудь покажет ему документы. Но события стали разворачиваться слишком стремительно и пролилось слишком много крови, так что Стэн вспомнил про этот разговор всего один раз — он тогда подумал, что в ответах на вопросы Махони наверняка содержится какая-то очень опасная информация и что тот, кто намерен остаться на стороне императора, должен просто забыть об их существовании. Так будет разумнее всего.

Или, как это принято делать в низкопробных телепередачах, когда сценарист не в состоянии дать хоть мало-мальски правдоподобное объяснение той лапше, которую он перед этим старательно навешивал своим зрителям, этот урод говорит: «В мире есть вещи, мой мальчик, о которых человеку знать не полагается».

Ну, хорошо, подумал Стэн. Только на этот раз человек узнает то, что ему раньше знать не полагалось. Потому что Махони в определенном смысле погиб из-за этих папок.

Стэн поднялся на ноги. Начал настраивать коммуникатор, чтобы приказать «Победе» прислать погрузчик и парочку мускулистых ребят. Он — или кто-нибудь еще — проанализирует находку, когда они доберутся до места, которое Стэн решил сделать своей базой.

— Вы мои друзья, ведь правда?

Стэн вспомнил про Форте и попросил прислать с «Победы» крытые носилки.

Абсолютно полоумного Дана Форте вылечат, если это вообще возможно — Стэн, во всяком случае, сделает все, что в его силах,— или отправят в самый роскошный сумасшедший дом во Вселенной.

Потому что, похоже, он вручил Стэну ключ к разгадке тайн империи.

Глава 9

— До сих пор вам просто сказочно везло,— сказал сэр Эку.

— Вношу поправку,— заявил Стэн,— нам и вправду пока очень везет. Однако я не могу рассчитывать на то, что нам все время будет сопутствовать удача. Мне нужна цель. И план. До сих пор я занимался разведкой в полнейшем мраке и стрельбой по невидимым мишеням.

— Я прекрасно понимаю, что деятельность без четкого плана беспокоит тебя и создает ощущение дискомфорта,— сказала Рикор.— Ты всегда и во всем стремился отыскать четкую структуру и любил порядок.

Стэн рассмеялся, несколько не смутившись тем, что самый лучший психоаналитик империи вот так, с ходу, подверг его анализу.

— Прощай еще одна иллюзия. Лично я никогда не считал себя человеком подобного типа.

— И ошибался,— проговорила Рикор.— Я помню отчет, который составила после первого обследования твоей личности. Творческие способности у тебя находятся на таком высоком уровне, что за всю свою жизнь я встретила всего несколько существ, которые обладали такими же. Но ты испытываешь дискомфорт, если вынужден действовать в вакууме. Эта черта характерна для многих оперативников высшего класса. Ты предпочитаешь иметь иллюзию полной свободы, но тем не менее не можешь обходиться без четкой структуры и планирования. Ты просто обожаешь порядок.

Рикор пошевелилась в своей лохани, и немного воды выплеснулось на пол.

— В прошлом твоя служба на благо императора давала тебе ощущение порядка.

Стэна передернуло. Рикор говорила правду.

— Тебе совершенно не обязательно испытывать чувство вины,— продолжила Рикор, которая угадала его мысли, словно перед ней был младенец, а не взрослый, опытный воин.— Я тоже обладаю похожими чертами характера. И тоже наслаждалась покоем, прильнув к груди императора.

Пока Стэн обдумывал слова Рикор, Эку прикоснулся одним из своих щупальцев к потайной кнопке. Из алькова появился маленький робот, который держал в руках поднос, и уже через пару секунд Стэн с наслаждением сделал несколько хороших глотков стрегга.

— Не хочу, чтобы вы подумали, будто я пытаюсь сделать вам комплимент, но вы настоящий провидец,— заявил он.— Именно этого мне сейчас и не хватало — почти как воздуха, друг. Спасибо.

Усики сэра Эку радостно задержались.

— Обстоятельства требовали принятия серьезных мер. Кроме того, мы с Рикор уже довольно сильно вас опередили... по этой части.

В атмосферу нашего помещения введено определенное количество веществ, способствующих снятию напряжения. Так же как и в ту жидкость, в которой с таким удовольствием плещется наша солидная приятельница.

Рикор рывкнула на него, и ее голова скрылась под водой. Потом она снова появилась на поверхности — что-то вроде усмешки несколько скрашивало свирепость ее клыков.

— Теперь тебе понятна причина моей педантичности, — призналась Рикор. — Когда я впитываю подобную влагу, мои речи всегда звучат немного напыщенно.

— Да, похоже, мне и вправду придется приложить определенные усилия, чтобы вас догнать, — сказал Стэн и поднес к губам стакан со стреггом. — Пусть смута проникнет в ряды наших врагов! — торжественно произнес он, осушил свой стакан и снова его наполнил.

Хотя общее положение дел не изменилось, теперь Стэн начал чувствовать себя намного лучше. Стрегг был тут совершенно ни при чем.

Стэн оставил свой небольшой флот вне пределов этой звездной системы, когда отправился на Сейличи в поисках сэра Эку. Он хотел посоветоваться. Но не успел он приземлиться, как его мгновенно провели в тайное помещение, расположенное под одним из гостевых центров планеты.

А там Стэн обнаружил, что его поджидает старая приятельница Рикор — вот это уже настоящая удача. Имея на своей стороне таких замечательных союзников, как Рикор и Эку, он понимал, что получает дополнительные шансы на успех. Теперь осталось всего девять процентов вероятности, что вскоре он будет безнадежно мертв.

Стэн сделал еще один большой глоток стрегга, и в голове вдруг возникла странная мысль.

— Сэр Эку, а вы всегда держите стрегг под рукой? Мне трудно представить себе, что эта бхорская мерзость популярна среди дипломатов.

Усики снова радостно задергались.

— Нет. Я приготовил его специально для вас.

Стэн был озадачен.

— Не понимаю, зачем вам держать его тут? В прошлый раз, когда мы встречались, я отказался последовать за вами. Потому что твердо знал, что намерен делать. Иными словами, я собирался убраться куда-нибудь подальше от нашего императора и залечь на дно. И не иметь к нему больше никакого отношения.

Стэн говорил о тайном посещении сэром Эку Алтая, когда тот представил Стэну доказательства, собранные Рикор и говорящие

о том, что император окончательно свихнулся. Манаби просил у Стэна помощи.

— Я сказал, что верю в вас. Вернувшись домой, я подготовил запас стрегга.

— А я оказался в одном помещении с существами,— прокомментировал его слова Стэн,— которым лучше, чем мне самому, известно, что я стану делать со своей жизнью.

Рикор фыркнула сквозь густые усы.

— Нелогично. Но в данных обстоятельствах вполне объяснимо... Впрочем, я полагаю, это открытие тебя не очень огорчило.

— Да нет, чего уж там. Я только надеюсь, что вечный император будет не в состоянии просчитать мои следующие ходы столь же виртуозно, как это делаете вы.

Никто ему на это ничего не ответил. В полной тишине каждый из троих вспоминал свои самые тяжкие грехи и думал об искуплении.

— Что касается того посещения, сэр Эку,— наконец проговорил Стэн.— Вы просили моей помощи, и я понял, что у вас есть какой-то план.

— Ну... иллюзия плана,— пробормотала Рикор. И прежде чем Стэн успел что-либо сказать, заявила: — Мы ведь оба спасаемся бегством от закона, так что нам обоим хотелось бы услышать хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее план.

Она приподнялась в своей лохани. Помахала плавником сэру Эку.

— У вас же есть план, не правда ли, мой любезный друг? Я не хочу прятаться всю жизнь. Существо с моими запросами и моих... габаритов довольно трудно этим заниматься.

Стэн вдруг представил себе, как Рикор прячется в темных аллеях какого-нибудь заброшенного парка, повсюду таская за собой свою огромную лохань, и с трудом заставил себя сосредоточиться на ответе сэра Эку.

— По правде говоря, никакого плана у меня нет,— печально ответил тот.— Я ведь дипломат, а не полководец. Боюсь, сложившаяся ситуация требует начать с военных действий. И лишь потом переходить к переговорам.

— Император не пойдет ни на какие переговоры,— сказал Стэн.— Даже раньше... когда он был...— Казалось, он просто не в состоянии произнести это слово.

— Нормальным? — закончила за него Рикор.— Разве существо, обладающее бессмертием, может быть нормальным? Нет. Он был безумен с самого начала. Теперь мне это совершенно ясно. Вот только что-то, какое-то событие привело к ухудшению его состояния... Мне кажется, именно так можно объяснить случившееся.

— Я понимаю сложившуюся ситуацию следующим образом, — заговорил сэр Эку. — Сейчас я выступаю от лица манаби. Все наши специалисты пришли к единому мнению. Империя умирает. А будущее представляется нам как медленное, безнадежное наступление хаоса. Мы не сомневаемся, что впереди нас ждут самые кровавые войны из всех, что до сих пор знала Вселенная. Голод и эпидемии. Полное уничтожение всех сообществ и культур. В результате мы окажемся там, откуда стартовали, у самых истоков цивилизации. Мы станем варварами. Наши ученые-социологи в один голос утверждают, что существует только одно решение возникшей проблемы. Император должен отказаться от власти. Как можно быстрее. Потому что отсрочка приведет к таким же катастрофическим последствиям. Пользуясь терминологией, принятой дипломатами, «окно возможностей совсем сузилось». Мы должны действовать немедленно. Иначе окно закроется.

Последние дни были настолько насыщены событиями, что на Стэна мрачный прогноз сэра Эку не произвел сильного впечатления. Просто части головоломки наконец начали складываться в единое целое.

— Ну, хорошо. Окно пока еще открыто. Надо через него пробраться внутрь. А как?

— То, что я готов вам предложить, вряд ли можно назвать серьезным словом «план», — проговорил сэр Эку. — Однако у меня есть идея...

— Ну, слава богу! Давай-ка послушаем.

— Многие разумные существа, разбросанные по всей империи, чувствуют то же самое, что и мы. Возможно, их нужно только немного подтолкнуть. Так вот... У вас в распоряжении имеется определенное количество военных. Почему бы не начать партизанскую войну? Нужно нанести серию ударов, которые привлекут бы всеобщее внимание. Многие представители других миров наверняка захотят после этого присоединиться к нам. А когда ситуация станет для императора совершенно невыносимой, мы сделаем ему предложение. Потребуем отречения... или согласия на конституционную монархию. История знает несколько правительств подобного рода, которые действовали весьма успешно. Он по-прежнему будет оставаться императором. Слава будет по-прежнему принадлежать ему. Только он лишится всей полноты власти.

— У нас нет ни малейшей на это надежды, — проговорил Стэн. Он был разочарован. — Вы правы, сэр Эку. Вы не солдат. В реальности дело обстоит вот как: у императора на руках все козыри. Мне удалось продержаться в живых так долго только потому, что он просто еще не пришел в себя. Он, может, и спятил, но при этом остается самым умным из всех людей, что мне доводилось встречать. Империя огромна. Поэтому все делается очень медленно. Если импера-

тор хочет нанести удар, ему нужно сначала предусмотреть множество самых разнообразных вещей. Однако поверьте мне, когда удар будет нанесен — а это непременно произойдет, и уж не сомневайтесь, он не промахнется, — от всех нас останется только мокрое место.

Рикор пошевелилась в своей лохани, и вода снова перелилась через край.

— Верно, сэр Эку. Я потеряла счет операциям, по поводу которых император со мной советовался. Так вот, конец у всех был одинаковым.

— В ваших рассуждениях есть еще одна ошибка, — продолжал Стэн. — Даже если давление на императора будет очень сильным, он ни за что не согласится уйти со сцены. И уж конечно, ни за что не пойдет на то, чтобы разделить власть с кем-нибудь еще. Зачем ему это? Он же вечный император. Кое-кто считает его самим Господом Богом.

— И неудивительно, — мрачно заметил сэр Эку. — Ведь складывается впечатление, что он и в самом деле бессмертен. Насколько я понимаю, это одно из главных качеств божества.

— По правде говоря, лично я в этом сомневаюсь, — сказал Стэн. — Бессмертных людей не бывает. Доказано Клавдием.

— Однако мы же все видели, что произошло, когда Тайный совет нанес свой удар, — запротестовал сэр Эку. — Миллиарды существ, разбросанных по всей Вселенной, видели, как умер император. А потом, шесть лет спустя, мы собрались, чтобы поприветствовать его, ты и я, и многие другие, когда он покинул борт своего корабля. Словоно восстал из мертвых.

— Махони говорил, что такое случилось и раньше, — сказал Стэн. — Несколько раз. Ян утверждал, что каждый раз, когда убивали императора, происходил сильный взрыв. Совсем как в тот, последний раз. Словоно у него в теле находилась бомба. К тому же он каждый раз возвращался через три земных года после своей «смерти». Сейчас он вернулся через шесть.

— Но ты не веришь нашему ушедшему другу? — спросил сэр Эку.

— Ян знал про императора больше всех остальных. У меня на борту несколько десятков ящиков с документами, собранными им. Мы хотим внимательно изучить их — как только представится возможность и появится немного времени. Возможно, из этих документов мы сможем узнать об уязвимых местах императора. Что касается бессмертия... Нет, я в него не верю.

— В таком случае как ты объяснишь то, что случилось прямо у нас на глазах? — спросил сэр Эку.

— Никак, — ответил Стэн. — Исторические факты утверждают, что это событие произошло. Естественные законы природы гласят,

что такого быть просто не могло. Лично я предпочитаю доверять естественным законам природы, а не истории. Известны случаи, когда история извращала факты и лгала.

— Теперь я знаю, каким христиане представляли себе ад, — заявила Рикор. — Мы в нем живем. И нам суждено провести здесь остаток своих дней. Выслушав Стэна, я не вижу никакого выхода.

Стэн задумчиво потягивал стрегг. Постепенно у него в голове начало складываться нечто похожее на план. Он со стуком поставил стакан на стол.

— Проклятье, мы все равно должны попытаться!

— Каким образом? — поинтересовался сэр Эку. — Ваши доводы убедили меня. Я совершенно согласен с Рикор. Надежды нет.

— Есть проблеск надежды, — покачал головой Стэн. — Только забудьте о том, что его величество можно убедить вести себя разумно. Он сам говорил мне множество раз, что императорам не нужно вести себя разумно, потому что они и есть разум тех, кем они правят.

— В таком случае нам остается либо взять его в плен... либо убить.

— Я просто обожаю, когда дело доходит до постановки целей, — пробублькала Рикор. — Это так здорово, так успокаивает.

— Но ведь вы только что нам объяснили, — перебил ее сэр Эку, — и вполне доходчиво, что император слишком могущественная для нас сила.

— Именно это нам и поможет, — сказал Стэн. — Он должен находиться в состоянии шока как можно дольше, нельзя позволить ему прийти в себя. — Стэн постучал пальцами по столу. — Если бы нам удалось выманить... заставить его растянуть свои силы до предела... тогда теоретически их количество уже не будет иметь никакого значения. Останется только отыскать прореху — или проделать ее — и прорваться. Не нужно будет возиться с пешками, потому что наша цель — покончить с королем.

— Предположим, невозможное стало возможным, — проговорил сэр Эку, — мы все равно встанем перед той же проблемой, которая возникла, когда у власти стоял Тайный совет. Без АМ-два империя погибнет. Вам же не хуже моего известно, что вся современная промышленность и транспорт действуют на этом топливе. И только император знает, где находится его источник.

— Тайный совет искал его целых шесть лет, — вставила Рикор, — и у них ничего не вышло.

— Я много об этом думал, — проговорил Стэн, вспомнив долгий ночной разговор с Синд, когда они впервые заподозрили, что император сошел с ума. — Знаете, я совсем не уверен, что наша судьба будет такой уж ужасной. Я имею в виду вот что: вполне можно жить и без АМ-два. Когда у нас стали кончаться запасы — во время правле-

ния Тайного совета, — дела, конечно, обстояли неважно. Но зато многие начали учиться заботиться о себе самостоятельно и понимать, что нужно надеяться только на собственные ресурсы.

— Это положит конец межзвездным путешествиям, — заметил сэр Эку. — И тогда мы снова станем чужаками.

Стэн пожал плечами.

— Может быть, нам это только пойдет на пользу. Начнем все сначала. Кроме того, может, кто-нибудь найдет способ синтезировать АМ-два. — Он снова наполнил свой стакан стрегтом. — Конечно, все было бы гораздо проще, если бы удалось захватить императора живым. Поджарить ему пятки или еще что-нибудь такое же надежное. Заставить расстаться с секретом АМ-два.

Рикор завозилась в лохани.

— Еще одна серьезная проблема... плюс ко всем остальным. А если ты ошибаешься насчет его бессмертия? Что, если произойдет очередной сильный взрыв — надеюсь, ты не забудешь принять такую возможность в расчет и отойдешь на безопасное расстояние, — и император исчезнет? Чтобы вернуться. Через несколько лет.

— Я по-прежнему продолжаю считать, что это какой-то трюк, — сказал Стэн. — Финт руками. Или, может быть, обман с зеркалом. Что угодно. Если мне удастся выиграть эту шахматную партию и надрать императору задницу, обещаю, я обязательно выясню, какие штуки он вытворял, чтобы обманывать всю Вселенную.

— Лично я не вижу никакого другого варианта, — отозвался сэр Эку. — Что касается манаби — меня, естественно, наделили соответствующими полномочиями, — я обещаю вам нашу полную поддержку.

— Она мне понадобится, — проговорил Стэн. — Я был бы вам очень признателен, если бы вы провели несколько дипломатических переговоров. Конечно, с соблюдением полнейшей секретности.

— По правде говоря, — признался Эку, — я уже кое-где начал потихоньку забрасывать удочку. У вас много союзников... даже небольшой успех решает дело. Акция на телестудии была хорошим началом. А то, что вам все еще удастся успешно избегать встречи с императорскими ищейками, говорит само за себя.

— Постараюсь продолжать в том же духе, — сухо пообещал ему Стэн.

— А как насчет меня? — поинтересовалась Рикор. — Чем я смогу вам помочь в этой справедливой борьбе? — А потом, несколько раз булькнув, скромно заявила: — Какой чудесный состав, вы должны обязательно рассказать мне, сэр Эку, что в него входит.

Стэн поднялся на ноги.

— А ты, подружка, отправишься со мной. Тебе придется воспользоваться своими способностями и придумать какой-нибудь хитроумный способ разделаться с императором.

— Ха-ха! Наконец-то я буду сражаться. К оружию! К оружию! Когда лохань доставили на борт «Победы», новый воин армии Стэна мирно похрапывал во сне.

Глава 10

— Кажется, — проговорил Стэн, — мы попали в ловушку.

Синд, которая пыталась отдышаться, только фыркнула в ответ.

— А это было на плане местности, снятой с воздуха?

— Нет. Впрочем, может, и было. Только я не стала выводить этот район на дисплей и внимательно его изучать.

— Ладно, теперь не имеет значения. Если только нам не придется возвращаться.

Стэн стянул свой тяжелый рюкзак и чуть не упал, поскользнувшись на зеркально-гладком ледяном склоне. Возвращаться? Он оглянулся.

Далеко-далеко внизу виднелись следы, которые их лыжи оставили на снегу — почему-то они напомнили Стэну рыбные скелеты. Следы вели прямо сюда, на эту, с позволения сказать, гору, где они, по всей вероятности, застряли навсегда. Примерно за два километра до этого места подъем стал слишком крутым; Стэн и Синд, привязав лыжи к рюкзакам, надели «кошки». А некоторое время назад им пришлось воспользоваться веревкой, потому что подъем становился все круче.

Еще один километр... придется пройти это расстояние почти по вертикальному склону горы. Они сняли лыжи практически сразу после восхода солнца, а сейчас день уже клонится к вечеру. Нужно очень быстро принять решение, что делать дальше, — Стэну совсем не хотелось ночевать в спальном мешке, прикрепленном к поверхности горы, чтобы он не соскользнул вниз. Не говоря уже о том, что у него имелись вполне определенные намерения, касающиеся целомудрия Синд...

Стэн прибыл на место, где планировал устроить свою базу — родной мир бхоров в созвездии Волка, — не встретив по дороге ни одного имперского военного корабля. Здесь он начнет подготовку к войне против императора.

Но ему все равно необходимо заручиться согласием Совета бхоров, если он собирается остаться на их планетах. Впрочем, встретили его радостными воплями, пригласили сразу на несколько пиров, а многие принялись предлагать свои услуги — бхоры всегда готовы прикончить кого-нибудь... кого угодно. Тем не менее старейшинам бхоров нужно было довольно много времени, чтобы собраться, и еще в два раза больше, чтобы принять решение, учитывая любовь бхоров к тщательному изучению обсуждаемого вопроса и всего, что

с ним связано, до мельчайших подробностей, — когда каждому желающему дается право выступить и высказать свою точку зрения. Вероятно, эта традиция уходила корнями в далекое прошлое — беднякам совсем нечем было заняться во время бесконечных арктических ночей.

Рикор хотела побыть в одиночестве и подумать, что же можно сделать, чтобы победить империю.

Больше пока никто не пожелал присоединиться к Стэну, и никакой гарантии того, что потенциальные союзники объявятся, не было — контрабандисты с Рома и Вайлд, по всей вероятности, сообразили, что союз со Стэном скорее принесет им смерть, чем свободу.

А его армия, как члены дипломатической миссии на Алтае, так и бхоры с гурками, да и имперские моряки тоже, все только что перенесли тяготы очень долгого перелета. По правде говоря, ни у кого не было ни единого выходного дня с тех пор, как они прибыли в систему Алтай. Даже гурки устали от сражений и кровопролития.

Тот, кто устал, часто совершает ошибки, а Стэн не мог себе этого позволить.

Он распределил четыре своих корабля среди планет созвездия Волка, спрятал их как следует в небольших космопортах и дал своим воинам немного отдохнуть. Стэн беспокоился, что его присутствие среди бхоров может быть обнаружено имперскими агентами, обязательно имеющимися на каждой планете, но Килгур заявил: у него есть план, и он разберется с этой проблемой до того, как отправится отдыхать. Для успешного ее решения нужен Ото, солидные запасы стрегга, ну и конечно же, сам Килгур.

Синд уже получила увольнительную и даже придумала, что она станет делать. Обычная любовница, вне всякого сомнения, устремилась бы к тропическим океанам и романтическим островам с десятизвездочными отелями. Однако Синд вышла из дженнисаров, выросла среди бхоров и была опытным, жестким командиром. Каникулы для нее означали возможность отправиться на дикую природу.

Планета бхоров была по-прежнему покрыта льдами, даже несмотря на то, что местные жители хоть и весьма неохотно, но все-таки расстались с некоторым количеством ледников — ведь численность населения росла, а цивилизация развивалась. По всей планете были разбросаны вулканические «острова» — оазисы посреди арктического холода. Многие были созданы бхорами столетия назад, однако часть их так никогда и не заселили.

Синд хотела отправиться со Стэном в один из таких оазисов, но никак не могла выбрать район, где можно было бы одновременно насладиться катанием на лыжах и зимним альпинизмом. Стэн на-

учил ее ходить в горы, и она твердо решила, что должна делать это так же хорошо, как он, а может быть, и лучше.

На одном из последних снимков, сделанных с воздуха, она нашла подходящее местечко. На картах оно отсутствовало. Никто про него не знал. Оставалось найти пилота и гравитолет — через час они уже добрались бы до нужного места.

Синд фыркнула. Разве это отдых? Половину удовольствия составляла сама дорога!

Поэтому, надев на спину тяжелые рюкзаки, они попросили Килгура высадить их там, где кончалась тропа, взяв с него слово, что тот вернется за ними через пять дней — или организует поиск, если они не объявятся.

Рюкзаки были такими тяжелыми потому, что ни Стэн, ни Синд не захотели брать с собой концентраты — они вполне могли остаться в своих бараках и наслаждаться консервированной едой там. Вместо этого они прихватили с собой самые разнообразные мелочи, делающие жизнь человека приятной, и не очень огорчились, что на время им пришлось превратиться в двух вьючных осликов — эти необычные животные жили раньше на Земле.

Сначала маршрут проходил по лыжной тропе вдоль подножия холмов; так они добрались до гор. В том месте, где подъем становился крутым, Стэн и Синд собирались взобраться вверх по обычно замерзшему руслу реки, пройти через ущелье — и они на месте. Поскольку карты этого района никуда не годились, путешественники решили, что воспользуются снимками, сделанными из космоса.

Сначала, пока они не добрались до места, находящегося неподалеку от вершины, все шло просто замечательно — а дальше река стала практически вертикальной, превратившись в тридцатиметровый водопад. Стэн и Синд оказались в ловушке.

Да, ну и ситуация, подумал Стэн. И высказал вслух некоторые сомнения.

— А ну, заткнись! — рявкнула Синд. — Я пытаюсь понять, сможем ли мы скатиться вниз по склону в то ущелье, которое прошли час назад. А потом добраться до этой вершины с другой стороны. Оттуда спустимся в оазис.

— Похоже, придется попотеть.

— Прекрати ныть.

— А я не ною. Я страдаю. Сколько у нас веревки?

— Семьдесят пять метров.

— Проклятье, — выругался Стэн. — Больше никогда в жизни не стану лазать в горы без специального снаряжения. В данный момент парочка дополнительных мотков веревки, крюки и клинья нам бы совсем не помешали. Или надежная лестница. Ну, ладно, ладно, мы выбираем трудный путь.

Он отстегнул веревку, снял рюкзак и поставил его, надеясь, что тот не скатится вниз, к подножию горы; потом закрепил веревку, сделал глубокий вдох и полез наверх.

Прямо по льду водопада.

— Не нравится мне все это, — ворчал он. Ему и вправду все это ужасно не нравилось — он знал, что подобную штуку можно сделать, потому что однажды видел похожий эпизод в кино, и еще однажды он провел уик-энд с инструктором из спецотряда богомоллов, которая просто обожала взбираться на водопады, когда температура опускалась ниже нуля, — интересно, что стало с ней теперь, подумал Стэн.

Он помнил, что тогда дважды чуть не свалился с довольно серьезной высоты, и его самым натуральным образом пришлось втаскивать на вершину. Нет. Кажется, память начала подводить... никому из их компании так и не удалось добраться до самой вершины в тот тяжелый, отнявший много сил уик-энд.

Пожалуй, стоит последовать совету Синд и заткнуться.

Совсем не плохо, отметил Стэн. Подумаешь, висишь на руках и подтягиваешься каждые две минуты.

По крайней мере, лед замерз как следует. Нет причин беспокоиться о том, что он где-то подтаял.

Кроме того, можно найти подходящее местечко, чтобы остановиться и передохнуть. Что Стэн и делал в данный момент.

— Как это называется? — поинтересовалась Синд, которая находилась метрах в пяти ниже по склону.

— Самоубийство, — стараясь отдышаться, ответил Стэн. — Любому ясно.

Сейчас он стоял, опираясь на два передних металлических шипа своих кошек, — к его ботинкам были прикреплены металлические пластины с вертикальными двухсантиметровыми шипами, а спереди, там, где были пальцы, торчали горизонтальные шипы.

Неожиданно одна нога соскользнула, и Стэн повис на руках. Некоторое время он раскачивался, оценивая ситуацию, потом снова подтянулся, ухватился рукой за какой-то выступ, поставил ногу. И поднялся еще на два метра.

Два глубоких вдоха, и новая попытка.

Снова. И снова.

Наконец наверху не оказалось никаких выступов, за которые он мог бы уцепиться, и Стэн начал водить рукой по льду. Кусок скалы. Скалы? Значит, водопад кончился?

Водопад и в самом деле кончился.

Стэн подтянулся, упал на ровную поверхность и немного отдохнул. Затем отвязал веревку и подал сигнал Синд.

Сначала он вытащил наверх рюкзаки, привязанные к веревке. Еще немного передохнул. «Да, приятель, ты не просто стареешь, ты теряешь прежнюю силу», — подумал Стэн.

Теперь Синд. Он подождал — несмотря на ее нетерпеливые крики, — пока не почувствовал, что силы восстановились. Рюкзак потерять не жалко, но...

Синд закрепила веревку.

— Я еще ни разу не делала ничего подобного, — крикнула она снизу.

— Девицы всегда так говорят.

Синд начала подниматься вверх. «Она это делает совершенно естественно, — с некоторым отвращением подумал Стэн, — она все делает естественно». Синд плыла вверх по замерзшему водопаду, словно по воде, и сама она была не женщиной, а изящной рыбой, попавшей в свою стихию. К тому же, оказавшись на вершине горы, она даже не стала переводить дух, потому что совсем не запыхалась.

— Я и представить себе не могла, что ты на такое способен.

— Девицы тоже так говорят.

Стэн надел на плечи рюкзак, помог Синд. Они стояли на берегу небольшого замерзшего озера, из которого тут и там выглядывали скалы. Немного дальше озеро исчезало в дымке. А впереди — примерно в пятидесяти футах у них над головами — медленно проплыло огромное облако. Чудесно. Теперь придется карабкаться вверх в тумане.

Однако Стэн ошибался: остаток пути по ровной и гладкой поверхности занял у них всего четыре минуты.

Они прошли сквозь туман и оказались в зимнем раю: крошечная долина, усыпанная полевыми цветами, зеленая трава, деревья.

— Будь я проклят! — воскликнул Стэн.

На краю долины бил горячий ключ, его вода, напоив небольшой луг, попадала в реку, которая оставалась достаточно теплой для того, чтобы растопить лед. Повсюду виднелись крошечные озера, скорее похожие на лужицы, вода в них была горячей или едва теплой, в зависимости от того, на каком расстоянии они находились от ключа.

Увидев эту красоту, Стэн решил, что, пожалуй, не стоит жалеть о тяжелом восхождении.

Горячие ключи притягивали, но Стэн и Синд знали закон, который нельзя нарушать, — сначала укрытие, потом огонь, затем еда и только после этого развлечение. Организовать укрытие было совсем легко — через несколько секунд они уже поставили небольшую удобную палатку, тут у них имелся достаточный опыт. Еще несколько секунд — и палатка надежно закреплена. Добывание огня тоже не доставило им никаких проблем — у них была печь из арсенала богомоллов; размером не больше ладони Стэна, она работала на АМ-2 и могла выдавать тепло на полную мощность хоть целый год без перезарядки. Стэн достал ее из своего рюкзака и положил рядом с палаткой, посередине небольшого, выложенного камнями круга,

на котором собирався поставить складную жаровню. Еда? Они так устали, что совсем не испытывали голода.

Во всяком случае, такова была официальная версия.

— Проклятье, камни холодные...

— Естественно, холодные. Давай сюда, здесь тепло.

Стэн, совершенно голый, забрался в небольшое озеро, где уже плавала Синд.

— А что,— спросила она,— в этой бутылке?

— На первый взгляд это самая обычная военная фляга, которую приличные люди с чистыми и благородными помыслами наполняют какой-нибудь витаминизированной, полезной для здоровья жидкостью. Но по необъяснимой и совершенно таинственной причине некий тип с извращенными вкусами вылил из чудесной фляги полезное содержимое и наполнил ее стрегом.

Стэн открутил крышку, глотнул, поморщился, фыркнул, снова закрутил и бросил флягу Синд.

— У меня в рюкзаке еще три точно такие же.

— Ой-ой-ой, приятель. Я тоже прихватила две штучки,— призналась Синд.— Прощай, здоровый образ жизни! — Она сделала глоток.

Стэн уставился на нее с задумчивым видом.

— А они всплывают!

— Блестящее наблюдение. Мы уже столько времени вместе, а ты только сейчас это заметил? Поэтому тебя и решили сделать адмиралом?

— Ясное дело.

— И этот тип собирается свергнуть императора! — возмущенно заявила Синд. Она перевернулась, оттолкнулась от скалы и выплыла на середину озера.

Плавание совершенно не интересовало Стэна. Он лег на спину на мелководе, совсем рядом с горячим ключом. Казалось, вода смыкает годы забот, страданий и боли, очищая тело и душу.

— Такое ощущение,— наконец проговорил он,— что мое тело и мышцы превратились в желе.

— Какой ужас!

— Ну, не совсем, конечно. Иди сюда, проверь.

— Он наблюдателен, романтичен и невероятно галантен. Ну, я пришла. А дальше что?

— Вот так... так. Угу. Немного пониже.

Синд вскрикнула, когда Стэн изогнулся, поднял руки и посадил ее себе на колени.

Они так и не приготовили обед.

К потолку палатки была подвешена свеча, которая и окрашивала мир в розовые тона, потому что палатка была сделана из ярко-красной синтетической ткани.

— Я думаю,— с трудом проговорила Синд,— что до утра вряд ли сгложусь на что-нибудь полезное.

— А я ничего и не предлагал.

— Да? И что же ты тогда делаешь?

— Ну... потягиваюсь.

— А-а, тогда понятно.

— Я где-то читал, что можно даже и не шевелиться. Сосредоточиться, сконцентрироваться и... раз!

— Не верю.

— Я никогда не вру. Там было написано, что это называется... забыл, как называется, но все равно такое бывает,— заспорил Стэн.

— По крайней мере, место ты выбрал подходящее. Эй, ты двигаешься.

— Ничего подобного, это ты двигаешься.

— Я... вот и нет. Может быть, ты... постарайся хотя бы чуть по-медленнее... Эй! Если ты не перестанешь задирать мою ногу, я получу самый настоящий ожог!

Стэн задул свечу.

— Сколько будем ждать, мистер Килгур?

— Минуту. Час. Всю жизнь,— совершенно спокойно заявил Алекс.— Тот, у кого не хватает терпения, никогда не добивается успеха.

Техник-связник Марль пошевелилась. Возможно, ей все-таки не хватало терпения, а может быть, она чувствовала себя немного странно, оказавшись втиснутой в грависани между массивным шотландцем и не менее массивным полицейским констеблем-бхором. Все свободное место в санях занимала электроника.

Впрочем, Марль промолчала — Алекс выбрал ее из всей команды связников «Беннингтона», решив, что она больше остальных подходит для обучения секретам разведывательной связи.

Килгур уже создал разведывательный отряд в армии Стэна из числа дипломатов и членов команды «Победы», прошедших подготовку на Алтае. Но ему не хватало людей. Он решил, что Марль вполне годится для его целей — достаточно взрослая и опытная в военных вопросах. К тому же в отличной форме, не то что худышки, которых обожает Стэн. Это, однако, не означало, что Килгур намеревался предпринимать какие-нибудь шаги по этому поводу — заводить роман с подчиненным... Алекс считал такое поведение совершенно неслыханным и недопустимым — все равно что пригласить Кэмпбелла к себе в замок и предложить ему что-нибудь выпить.

Но смотреть-то никому не запрещено...

В ящике что-то шелкнуло. Метнулась стрелка. Загорелся экран. Начался поиск. Грависани были замаскированным подвижным локатором.

— Охо-хо,— обрадовался Килгур. — Вот видите, что я имел в виду, когда говорил про терпение? Смотрите-ка, точно по расписанию. Урок номер один: если ты собираешься заняться шпионажем, никогда не придерживайся никакого расписания. Вам понятно, техник Марль? Особенно в такой ситуации. Он (она) так беспокоится о том, чтобы не пропустить обед, что не боится оказаться раскрытым. Хороший шпион должен быть непредсказуемым — это его главное оружие. А наш приятель, словно заводная мышка, вот он, весь как на ладони.

Неожиданно все показания приборов остановились на нуле.

— Не очень он спешил,— с деланой грустью проговорил Килгур.— Такое впечатление, что он на третьем этаже. А ты что скажешь, Пэн?

Полицейский настроил свой коммуникатор, подсоединенный к другому локатору.

— Точно.

— Ага,— заявил Килгур,— как мы и предполагали. Человек. Урок номер два: если посылаешь агентов на задание в какой-нибудь чужой район, никогда не используй своих людей, если можно нанять кого-нибудь из местных жителей. Их вывести на чистую воду совсем не так просто.

— И,— закончила за него техник-связник, проходящая обучение,— когда с таким агентом что-нибудь происходит, вам не нужно переживать и не спать ночами, как если бы это был ваш человек.

— Вот именно. Вы очень способная ученица. Ну ладно, пошли в гости.

Агент, работавший под именем Хоне, тщательно смазывал волосы гелем, когда дверь в его комнату с грохотом распахнулась. Он быстро отвернулся от зеркала.

— Помогите! Полиция!

— А ну, заткнись! — прорычал бхор.— Я и есть полиция! — Он достал свой значок.

— Кто вы? А это кто такой? Что вам нужно?

Килгур не слушал.

— Констебль Пэн,— спокойно проговорил он,— не будете ли вы так любезны последить за дверью с той стороны — чтобы ее никто не трогал. А я тем временем побеседую с этим достойным и заслуживающим всяческого уважения молодым человеком.

Полицейский беспрекословно выполнил приказ.

— Вы не имеете права... — начал было Хоне.

— Тише, — перебил его Алекс. — Вот, барышня, первая ошибка, — сказал он, обращаясь к девушке. — Его переполняет справедливое негодование — ведь мы ворвались к нему без всякого предупреждения. Он человек и имеет соответствующие права.

— Я хочу видеть что-нибудь похожее на ордер, — твердо объявил молодой человек.

— А у нас нет ничего похожего на ордер, — сообщил ему Алекс. — Мы не собираемся тебя арестовывать. Никто не сообщал о беспорядках в этом районе, так что никто тебя ни в чем не обвиняет.

Хоне побледнел, но потом взял себя в руки.

— Ага, — обрадовался Алекс. — Это цена, которую приходится платить за шпионскую деятельность. Так что давай, приготовься платить, сэр Хоне. Ты в этом деле не новичок, старший имперский агент в данном регионе, опытный, ну и все такое прочее. Впрочем, должен признать, что вы, ребята из внутренней безопасности, с моей точки зрения, годитесь только на то, чтобы подтирать дерьмо в сортирах спецотряда богомоллов. Правда, может быть, у меня несколько предвзятое мнение. Ладно. Я расскажу тебе, куда ты попал... Ты по самые уши завяз в очень опасном болоте, дружок. Можешь присесть, пока я объясняю тебе ситуацию. Да, вот еще что... Забыл сообщить тебе одну малюсенькую подробность. Вся твоя сеть находится у меня в кармане.

Хоне исполнил приказ и молча уселся на стул, а Килгур продолжал говорить.

Империя, естественно, шпионила за своими друзьями и союзниками точно так же, как и за врагами. Любое уважающее себя правительство поступало так. И в прежние времена — тоже. После того как служба внутренней безопасности заменила корпус «Меркурий», у императора возникли новые опасения и страхи, шпионская сеть стала более разветвленной, а деятельность гораздо более интенсивной.

Сэр Хоне действительно был старшим оперативником ВБ. Впрочем, это ничего не значило, служба внутренней безопасности была в шпионаже новичком, не имеющим никаких шансов на быстрый успех, поскольку Пойндекс и император решили, что ни один из представителей спецотряда богомоллов не проявил себя в достаточной степени лояльным, честным и достойным этой службы.

Хоне находился в созвездии Волка уже некоторое время, работая под прикрытием экспортера изделий местных мастеров. Не слишком оригинальная идея.

Контрразведке бхоров, конечно же, было известно, что их созвездие находится под наблюдением. Точно так же, как их собственное Бюро по внешним связям следило за всеми подряд. Многие агенты, завербованные Хоне, были бхорами. Среди них попадались, конеч-

но, и люди — местные жители, родившиеся в этом созвездии. Только контроль осуществлялся снаружи — с точки зрения Килгура, это являлось грубейшей ошибкой. Возглавлять местное подразделение тоже должен был бхор, а руководителю всей разведывательной сети надлежало тихо и мирно протирать штаны в имперском посольстве.

Однако император и Пойндекс никому не доверяли. В имперском посольстве в созвездии Волка сидели полнейшие кретины.

Агенты постоянно докладывали о результатах своей деятельности Хоне. Их передачи и донесения перехватывались, копировались, а потом оставлялись для секретных агентов бхоров. Контрразведке нужен был только Хоне. Надо сказать, что искали они его не очень тщательно — империя и бхоры по-прежнему теоретически оставались союзниками, хотя Волчьи миры и находились под подозрением имперской службы безопасности, точно так же, как любое существо, когда-либо входившее в контакт со Стэном, являлось потенциальным изгоем имперского общества.

Килгуру понадобилось провести в штабе разведки всего несколько часов, чтобы разобраться в том, что имперские агенты работали в соответствии с четким расписанием. Сообщение должно было поступать в день X вне зависимости от того, удалось агенту получить какие-нибудь стоящие сведения или нет. После этого следовал ответ — даже если он был отрицательным и не нес никакой информации — в час Y в районе Z, удаленном от того места, где передавалось сообщение.

Теперь оставалось только отыскать главного имперского агента-контролера. Килгур исходил из постулата: каков господин, таков и слуга. Широкополосный поиск обнаружил неизвестный передатчик, настроенный на имперскую базу, расположенную «в близости» от созвездия Волка; сигнал был пойман, введен в компьютеры, а потом обнаружено место, откуда велась передача.

Таким образом Килгур оказался в квартире Хоне.

— Итак,— закончил свою речь Алекс,— поскольку ты успел передать своим хозяевам сообщение о том, что бывшие имперские моряки появились в районе созвездия Волка, твои благодетели непременно беспокоятся. От тебя потребуется подробный доклад, не так ли?

— Вы хотите сделать из меня двойного агента?

— Я не требую от жизни многого: хорошая выпивка, закуска, симпатичная девушка и кусочек копченого лосося размером с твою задницу — больше мне ничего и не нужно. А вот что касается тебя, дружок, ты обязательно станешь двойным агентом. У тебя выбора нет. Меня абсолютно не касается, почему ты решил ввязаться в шпионаж: ради денег или из-за какой-нибудь благородной идеи, а может, и по другим причинам. Теперь ты работаешь на Алекса Килгура.

— Не выйдет,— ответил Хоне,— я не стану помогать вам и покрывать ваше предательство. Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я сидел здесь и посылал сообщения, что это созвездие соблюдает верность нашему императору на все сто пятьдесят два процента, что никто здесь и в глаза не видел Стэна и даже не слышал о его существовании, а если он и появится, его просто побьют камнями.

— Два пункта, дружок. Первый: мне не нужно, чтобы ты сочинял вранье про созвездие Волка. Во всяком случае, не в том виде, как ты излагаешь. Ни в коем случае. Здесь опасно. Тебе нужны еще агенты. Много агентов, целые полчища. Второй: ты будешь помогать мне. Лично я в этом ни секунды не сомневаюсь и тебе не советую. Мне кажется, ты довольно быстро сообразишь, что в моих словах даже слишком много правды и что я просто замечательный парень. Ну? Все еще не веришь мне?.. Мистер Пэн, не могли бы вы к нам присоединиться? Забирайте его с собой. Я еще переговорю с ним, потом.

Сэра Хоне, служащего ВБ, увели, совсем не ласково подталкивая в спину.

— Ну что, он согласится? — спросила Марль.

— Конечно,— ответил Алекс, пока они ехали на своих гражданских грависанях туда, где был расквартирован их отряд.— Посидит немного в камере, подумает о своих прегрешениях, а их не так уж мало, о печальном будущем, которое его ждет, и как миленький захочет с нами дружить. Шпионы всегда так делают, если их раскрывают. А чтобы помочь ему, мы попросим бхоров включить леденящие кровь записи допросов и вопли пленников, когда их распинают заживо и заставляют слушать всякие политические бредни. Я просто великолепно умею вопить, особенно если записывающая аппаратура настроена как следует и мне есть чем промочить горло. Вот видите, Марль, вы уже многому научились. Для начала вы узнали, какие плоды может принести терпение. Ну а теперь для завершения урока я расскажу вам притчу. Вы верите в Бога, барышня?

— Нет, сэр. Но я выросла в религиозном приюте.

— В таком случае моя притча придется вам по сердцу. Жил-был человек. Не бедняк, но и не богач. Жил он в очень маленьком домишке, который ему ужасно не нравился, однако денег, чтобы выстроить себе дом побольше, не было. Так вот, однажды он услышал про мудреца. Очень мудрого мудреца. И тогда наш приятель решил с ним посоветоваться. Он отыскал его не сразу — не зря же тот человек славился своим умом. Однажды наш страдалец взобрался на вершину горы — оказалось, что как раз там и живет великий человек,— и взмолился:

«О Великий, что мне делать? У меня такой маленький дом. Я не могу в нем жить».

Мудрец подумал и спросил:

«У тебя корова есть?»

«Корова?» — удивился наш путешественник.

«Да, корова», — ответил мудрец.

«Есть, герфордской породы», — сказал несчастный.

«Возьми ее в дом».

Больше великий мудрец ничего не сказал, несмотря на то что бедняга, пришедший просить совета, рыдал и валялся в пыли у его ног. Он отправился домой, и обратный путь показался ему таким тяжелым!

Всю дорогу он пытался сообразить, что же означают услышанные им слова... но твердо знал, что тот человек настоящий мудрец. Поэтому он взял корову в дом, который от этого стал еще меньше. Очень быстро бедняга понял, что жизнь стала совсем невыносимой. И снова отправился к мудрецу, снова проделав весь ужасный путь до горы, на вершине которой жил великий человек. И снова задал свой вопрос.

Мудрец снова немного подумал и спросил:

«У тебя козел есть?»

«Козел?» — удивился наш дружок.

«Угу, козел», — повторил мудрейший.

«У меня есть козел», — ответил бедняга.

«Возьми и его в дом».

И снова мудрец отказался объяснить свои слова.

Страдалец печально побрел назад в свой маленький домик. Но ведь все в один голос утверждали, что человек на горе самый мудрый из всех на свете, так что, придя домой, наш приятель послушно поселил в своем домишке козла рядом с коровой. Так вот, теперь его жизнь и в самом деле превратилась в настоящий ад, а домик стал казаться еще меньше. Он снова пошел к мудрецу и взмолился о помощи:

«У меня крошечный домик, теперь же, когда в нем живут еще и корова с козлом, там совсем не стало места, я больше не могу так».

Мудрейший из мудрейших подумал, а потом сказал:

«У тебя есть цыплята?»

«Цыплята?»

«Вот именно, цыплята».

«Да, у меня есть цыплята».

«Посели их у себя в доме. Знаешь, пожалуй, если у тебя есть утки, лебеди и свиньи — возьми их к себе в дом тоже».

И, несмотря на все мольбы, мудрец не сказал больше ни слова. Наш приятель вернулся домой и поселил у себя в домике цыплят.

Его жизнь стала еще хуже, ее и жизнью-то назвать было нельзя. В ма-люсеньком домике больше не осталось места для самого хозяина. И он опять отправился к старику и сказал:

«Я больше не могу! В моем доме для меня больше нет места! Умо-ляю тебя, помоги мне!»

«Иди домой и выгони всех животных из дома», — посоветовал мудрец.

Вот и все, что он сказал. Бедняга бросился домой, выгнал всех животных... и как вы думаете, что он обнаружил? Его домик по-преж-нему был очень маленьким. Но теперь в нем было полно дерьма!

Марль несколько минут не сводила глаз с Килгура. Ее предупре-ждали: следовало быть готовой ко всему. Однако...

— А какое все это имеет отношение к терпению?

— Ну, вы же дослушали до конца, разве не так?

Синд первой заметила грависани Килгура, которые мчались к ним по грязной скользкой дороге.

— Вот все и кончилось, — немного грустно промолвил Стэн.

— Да. Все равно уже пора возвращаться — мы выпили весь стрегг. Зато у нас остались три баночки паштета, они лежат у меня в рюкзаке рядом с пустыми флягами. Вряд ли мы продержались бы еще неделю на том, что ты взял с собой.

— Ну, я ошибся. Этикетка выглядела вполне нормально. Ладно, не сердись — ведь именно я прихватил дополнительную выпивку.

— Это правда, считай, что я все забыла, но простить все равно не смогу, — сказала Синд. — Ну а как мы объясним тот факт, что за-горели в самых неожиданных местах — ведь мы же собирались ла-зять по горам.

— Скажем, что учились кататься на лыжах голышом. Только я им не советую спрашивать.

Неожиданно Стэн перестал улыбаться и сказал очень серьезно:

— Спасибо, Синд. Пять дней — жаль, что не в пять раз больше. Нам будет о чем вспомнить через несколько недель. Когда все... за-вертится. Потому что мы не должны забывать о том, что в жизни есть много хорошего, не только безумие и смерть.

Синд молча поцеловала его. Стэн крепко ее обнял.

И тут приземлились грависани, так что никому из них не при-шлось сказать вслух о том, что это может никогда больше не повто-риться.

Они ожидали увидеть только Алекса. Однако рядом с ним на пассажирском сиденье с трудом умещалась Ида. Она стала еще тол-ще, а яркое одеяние цыганки показалось Стэну очень дорогим. Оче-видно, ее витса — семья-банда — еще не окончательно лишилась рассудка, и Ида по-прежнему оставалась там главарем — воеводой.

Несмотря на габариты, Ида выбралась из грависаней так же легко и уверенно, как много лет назад, когда входила в состав спецотряда богомоллов, была гораздо моложе и весила на несколько десятков килограммов меньше. Естественно, она не стала рассыпаться перед Стэном в комплиментах, как, впрочем, и перед Килгуром за несколько часов до этого.

— Ты просто пышешь здоровьем — отвратительно! — только и сказала она. Потом принялась внимательно разглядывать Синд. — Значит, так...

— Ида, — вмешался Стэн, — с каких это пор ты вмешиваешься в мою личную жизнь?

— С незапамятных времен, идиот. Только ты был настолько глуп, что этого не понимал.

— А!

— Она в порядке, — высказала свое мнение Ида. — Хороший товарищ. Мужчина не должен спать один. Как, впрочем, и женщина.

— Наша коровушка стала сентиментальной, — прокомментировал Килгур. — Всю дорогу приставала ко мне и щипала за ляжки.

Ида только фыркнула в ответ на дешевые обвинения Килгура.

— Сейчас не до приветствий, — проворчала она. — Может быть, все-таки уйдем с этого кретинского снега туда, где можно погреться у огня и что-нибудь выпить?

Они быстро забрались в грависани и полетели в замок Ото, где остановился Стэн. Ида, которая и не подумала предложить Стэну сесть впереди, повернулась и посмотрела на него.

— Ну, похоже, настало время покончить со всеми этими глупостями, да и с императором заодно?

— Я вижу, ты не собираешься ходить вокруг да около, — усмехнулся Стэн.

— Всему приходит конец. Цыгане и раньше с трудом это терпели — законы, границы, владения, а потом еще и войны, вечно устраиваемые кретином, который назвался императором. Свободе нельзя служить, создавая законы и заборы. Империя нас перестала устраивать задолго до того, как рехнулся ваш ублюдок на Прайме. Мы обсуждали эти проблемы на племенных сборах. Возможно, для цыган пришло время выступить.

— Куда?

— Вперед. — Ида указала рукой вверх, забыв о том, что у грависаней есть крыша, и слегка поцарапала ее. — Вперед, за границы империи, туда, где еще не ступала нога человека. Пришло время пуститься на поиски сокровищ и удивительных существ. В этой тесной маленькой империи стало нечем дышать.

Стэна вдруг посетило головокружительное, ошеломляющее видение невероятных галактик, звездных систем, зовущих к приключениям... Вместо бесконечных войн и кровопролития.

Вперед. Это короткое слово притягивало его как магнит.

— Нагрузим корабли самыми ценными и компактными товарами, запасемся топливом, возьмем несколько больших барж в качестве танкеров и... — продолжала Ида. — До меня дошли слухи, что некоторые воеводы уже сумели убедить свои таборы отправиться в путь. Отдельные витсы действительно перестали появляться на совете. В конце концов, говорят ведь, что цыгане родились не в мире людей.

Потом она обратилась к ближайшим задачам:

— Но об этом еще рано думать, сначала следует прикончить подонка, который слишком уж долго называет себя императором. Именно так решили цыгане, Стэн. Мы пришли послужить звезде свободы. А это, во всяком случае на данный момент, означает — тебе и твоим союзникам. Если ситуация изменится — или если ты изменишься, — мы пересмотрим наши позиции.

— Благодарю, — ответил Стэн, — я принимаю вашу помощь.

— Кроме того, — вмешался Алекс, продолжая внимательно наблюдать за показаниями приборов, — с нами связался Вайлд. Правда, я посоветовал ему не торопиться. Чем меньше у короля контрабандистов команда, тем легче с ним торговаться.

— Отлично, — одобрил Килгура Стэн. — Мы пошлем один из кораблей бхоров, который доставит сюда Вайлда вместе с одним из его помощников для обсуждения совместных действий.

Стэн откинулся на спинку сиденья.

Мятежники набирают силу...

— У меня есть, — начал Стэн, — некое подобие плана. Или по меньшей мере наброски.

Семеро существ, внимательно слушавших его, казались карликами в огромном зале замка Ото, где с удобствами могли бы разместиться, устроив веселую пирушку, две тысячи бхоров.

Зал удовлетворил бы самого строгого викинга — вполне подходящее место для Валгаллы, хотя потолок и не украшали шиты, а рядом не нашлось козы, с сосцов которой стекала бы скандинавская тминная водка. Высоко над головой располагались чудовищные деревянные потолочные балки с отверстиями для дневного света, которые разыгравшаяся снаружи буря засыпала снегом. Четыре громадных камина — внутри каждого, казалось, мог бы спокойно и с удобствами разместиться истребитель — ревели по углам зала, а батареи отопления, работающие на АМ-2, скрытые за фальшивыми каменными панелями, давали настоящее тепло.

Толстые ковры покрывали выложенный плитняком пол, стены украшали военные трофеи и головы убитых на охоте животных. Мебель — столы и скамейки — была массивной и тяжелой, как и все

остальное в зале, — очень полезная традиция, учитывая любовь бхоров подкреплять свои доводы могучими ударами кулаков по чему придется.

Они собрались, чтобы обсудить стратегию дальнейших действий. Все были предельно сосредоточенны, потягивали только безалкогольные напитки (хотя Ото и поглядывал задумчиво на здоровенный рог для стрегга и огромную бочку этого смертельного пойла, стоявшую у соседнего стола). Фрестон, представлявший скромные военные силы Стэна; Ида; Вайлд, который будет следовать за Стэном только до тех пор, пока это устроит группу контрабандистов и других мошенников, прислушивавшихся в данный момент к его мнению; Ото, который, хотя формально и сложил с себя функции главы Совета бхоров, чтобы служить под началом Стэна, продолжал пользоваться большим уважением соплеменников; Килгур и Синд, ближайшие помощники Стэна, и, наконец, Рикор. Никто, кроме Синд и Килгура, не знал про сэра Эку и про то, что манаби тоже вошли в сговор против императора. Рикор будет передавать всю необходимую информацию на Сейличи сэру Эку, которого ни при каких обстоятельствах не должны были видеть среди соратников Стэна.

— Вот что я предполагаю сделать, и простите, если иногда мне придется говорить очевидные вещи. Пока нам удавалось заставлять империю лишь как-то реагировать на наши действия. Мы должны сделать все, чтобы как можно дольше события развивались именно таким образом. Стоит только немного замедлить темп, как империя раздавит нас, будто жуков.

— Мы будем наносить императору удары при каждом удобном случае, — продолжал Стэн, — но всякий раз постараемся выбирать самое неожиданное место. Подонок очень хитер, к тому же ему продолжают служить очень толковые люди. Поэтому мы будем атаковать его там, где он меньше всего этого ждет...

— Как «КБНСК», — одобрительно пророкотал Ото.

— Точно. Всякий, кому придет в голову что-нибудь подобное, должен поделиться своими идеями с остальными. Мы хотим поставить империю в смешное положение. Например: если кто-нибудь узнает, где находится главный склад империи, на котором сосредоточены основные запасы туалетной бумаги... очень подходящая мишень. Сейчас мы не в состоянии нанести императору нокаутирующий удар, но, может быть, нам удастся смутить его неожиданными перемещениями, заставить потерять равновесие, а уж когда он упадет, лягнуть изо всех сил.

Нужно стремиться к тому, чтобы наши удары становились достоянием общественности. Пусть все увидят, в какое дурацкое положение попала империя. Я позволю себе предложить сравнение с боксерским поединком — камера должна крупным планом показать

рассеченные брови, распухшие губы, синяки под каждым глазом. Если император рассвирепеет, это только к лучшему. Я не думаю, что он настолько глуп, но стоит попробовать. Планируя рейды, следует учитывать то, как они повлияют на наших потенциальных союзников. Например, у нас уже есть два корабля хондзо. Можете не сомневаться, их действия наверняка получили молчаливое одобрение у них на родине. Если нам будет сопутствовать удача, хондзо, увидев, что империя терпит одно поражение за другим, поддержат нас открыто. Вопросами пропаганды занимается Рикор, мы обсудим возникающие возможности чуть позже.

Стэн замолчал, чтобы допить чашку чая.

— Следующей нашей важнейшей целью будет АМ-два. Мы намерены воровать, уничтожать и срывать поставки этого важнейшего топлива. Я опираюсь на то, что император остается единственным человеком, которому известно, откуда поступает АМ-два или как ее можно синтезировать. Мы должны этим воспользоваться. И мы попытаемся захватить столько антиматерии-два, сколько император передает своим прихвостням... а потом раздать нашим союзникам. Более подробно рассмотрим эту проблему позднее. Килгур будет заниматься вопросами разведки. Поэтому все, что вам удастся разузнать об АМ-два, даже если это окажется ничем не подтвержденный слух или сознательное вранье, запущенное императором, от которого будет нести за километр, — направляйте все сведения к Килгуру, пусть они пополнят нашу базу данных.

Так же следует поступать с любой информацией о самом императоре. Истории о его происхождении, прошлых делах, любовницах, любовниках, овцах, козах или осьминогах, к которым он был неравнодушен много, много веков назад... все-все-все. Это критический момент кампании, нужно держать в тайне тот факт, что мы пытаемся собрать об императоре сведения. Поэтому все распоряжения должны отдаваться только в устной форме и самым надежным сотрудникам. Наш вечный противник сможет легко обрушить на нас тонны глупейших слухов, в которых навсегда затеряются истинные факты. Нельзя забывать: наша цель — сам император. Если получится, мы должны захватить его в плен и убедить в нашей правоте. Однако, скорее всего, нам придется его убить. Все это, конечно, не для огласки.

— Стэн? — вмешался Фрестон.

— Ну?

— В данный момент император находится на Прайме. В тех редких случаях, когда он покидал Прайм-Уорлд, это делалось инкогнито. Правильно, сэр?

— Верно, — согласился Алекс. — Наш приятель сидит взаперти в своем замке. Который, насколько мне известно, абсолютно неприступен.

— Бесспорно. Значит, нужно выкурить его оттуда.

— Желаю успеха,— цинично заявил Вайлд.— Император никогда бы не стал тем, кем он стал, если бы делал то, что хотят другие.

— Все равно следует попытаться. Нельзя упускать этот шанс. Мы должны выманить его на открытое место и вывести мерзавца на чистую воду. А там уж мы с ним разберемся.

— Восхитительно,— заявила Ида.— Но моя витса захочет узнать подробности, прежде чем принять участие в этой затее. В частности, как мы станем выманивать вашего кретинского императора из его неприступной раковины?

— Рикор?

— Необходимо смутить его,— отозвалась Рикор.— Сначала вы, ребята, организуете роскошные декорации. Выставите его армию на посмеище. Превратите адмиралов и генералов в образец некомпетентности. Всякий раз о ваших победах будет появляться сообщение сразу на двух уровнях, причем нам надлежит говорить только правду, какой бы горькой она для нас ни была. Если хоть немного повезет, императорская пропаганда будет играть нам на руку. Одним из многочисленных недостатков властителя, который стал особенно заметным в последнее время, является его непомерное эго — вспомните о глупостях, которые он учинил в созвездии Алтай. Подобные маньяки, как и типы, рвущиеся к власти, никогда не удовлетворяются достигнутым. Поэтому мы надеемся, что люди императора начнут безмерно раздувать любой, пусть даже самый скромный его успех. Такие маневры носят название Большой Лжи — считается, что если ты наврешь побольше, твои слушатели начнут ставить под сомнение детали, но не саму ложь. В некоторых случаях все получается как надо, но если противник начеку... Всякий раз, когда они начнут трубить о своих грандиозных успехах, мы немедленно опровергнем их сообщения, причем сами станем говорить только правду! В результате очень скоро любой факт, исходящий от авторов Большой Лжи, будет ставиться под сомнение, а нам только того и нужно. Однако повторяю: мы должны говорить только правду.

— Пугающая концепция,— заметил Алекс.

— Не беспокойтесь, мистер Килгур. Это касается только нашей белой пропаганды — то есть историй, которые исходят непосредственно от нас. Серая и черная... тут у нас будет возможность перевернуть самого императора.

— Не думаю, что сумею стать его конкурентом... хотя попытаюсь.

— Что до черной пропаганды,— продолжала Рикор,— о ней Стэн упоминал раньше. Мы распространим ужасающие слухи. Истории о том, что император на самом деле не возвращался. Если мы сможем выманить его из Арунделя и устроить сражение, то немед-

ленно распустим слухи, что император погиб. О нем будут рассказывать, что он моральный, интеллектуальный и даже физический урод. Распустим слух и о его импотенции.

— Все это мелочи, — прорычал Ото. — Император — воин. Кто станет обращать внимание на рассказы о том, что он превратился в евнуха?

— Мелочи, — не стала спорить Рикор. — Я расскажу тебе анекдот, Ото. Ты знаешь, в чем заключается разница между прежним императором, новым императором и Тайным советом?

— Нет, не знаю.

— Если бы все они оказались в одной наземной машине и им сообщили, что движение вперед приостановлено, они отреагировали бы следующим образом: Тайный совет приказал бы расстрелять охрану, команду посадил бы в тюрьму, а на их место взял новых людей. Прежний император приказал бы провести тщательное расследование, потом продвинул по службе самых толковых членов команды, и машина поехала бы дальше. Новый император задернул бы шторы на окнах и сделал вид, что машина продолжает ехать.

Ото немного подумал, а потом вежливо хмыкнул.

— Как ты сама сказала, Рикор, это мелочи.

— Угу, — вмешалась Синд. — Мораль истории в том, чтобы заставить существа мыслить в терминах старого и нового? Тогда с верой в вечного императора будет покончено?

— Именно так. Когда мы привлечем к нему внимание, поползут самые разные слухи — и в них начнут верить. Еще одна область, — продолжала Рикор, — которой имеет смысл заняться, это культ императора, который он в последнее время начал всячески насаждать. Стоит только убедить одно из двух существ, что имеется нечто духовное, способное воздействовать на материальный мир, оно немедленно назовет другого еретиком. Возможно, даже удастся доказать некоторым, что император не Бог, а в действительности дьявол.

— Многие существа, в особенности люди, — не унималась Рикор, — будут верить в самые дурацкие теории и совершать чудовищные деяния во имя бога, которого они себе придумали... Прошу прощения, я несколько увлеклась.

— Вовсе нет, — возразил Стэн. — У тебя, по крайней мере, намечена четкая кампания. У меня же есть только самые общие пожелания и первая цель. Уважаемые коллеги, я готов выслушать любые идеи и предложения, какими бы глупыми и странными они вам самим ни казались.

— Наши идеи стали бы заметно более разумными, — проворчал Килгур, — если бы мы глотнули виноградного сока. Или стрегга. Босс, почему бы тебе не выпить?

Стэн покачал головой.

— Нет, спасибо. Кто-то ведь должен вести машину.

Он начал понимать, что среди других неприятных моментов, которые приносит бремя лидерства, необходимость оставаться трезвым является одним из самых значительных.

Оказалось, что выпить готовы только Ото, Килгур и Фрестон, причем последний остановился после первого же сильно разбавленного стакана виски.

Ото посмотрел на всех сверху вниз и прорычал:

— Замечательно. Просто замечательно. Клянусь бородой моей матери, кажется, я попал в компанию синих чулок.

И он быстро опорожнил свой огромный рог, а потом сразу до краев вновь наполнил его, словно намеревался смыть этот позор лично.

Совещание продолжалось до самого рассвета. Оно получилось достаточно продуктивным — удалось определить первую цель. Когда все, зевая, расходились по своим комнатам, чтобы на несколько часов забыться сном, пока реальность шаг за шагом вновь не вступит в свои права и каждый из них не займется исполнением своих обязанностей: кораблями, оружием, припасами и всем прочим, Синд задержалась и поймала взгляд Ото. Он кивнул, понимая, о чем она хочет его спросить. Потом наполнил свой рог и вопросительно хмыкнул. Синд кивнула, и Ото налил и ей.

— Когда мы соберемся? — спросила Синд.

— Я уже говорил со старейшинами. Они готовы.

— Тогда скоро. Ты знаешь, что они решат?

Ото наморщил лоб. Его огромные клыки обнажились. Он оскалится. На того, кто плохо знаком с бхорами, это произвело бы впечатление неприкрытой угрозы, а может быть, и нападения с последующим каннибализмом. Однако Синд знала, что Ото просто улыбнулся.

— Знаю, клянусь Сарлой и Ларазом! Но не то, что я планировал. Клянусь теплыми ягодицами моего отца, иногда я бываю очень глуп. Но теперь, когда у меня есть что сказать, я могу, если потребуется, срезать бороду, чтобы заставить старейшин выслушать меня.

Обрезание бороды — обычай бхоров, по которому вопрос ставится на немедленное голосование, причем если голосование оканчивается не в пользу отрезавшего себе бороду, он лишается еще и головы.

— Да, теперь я знаю, что сказать, — повторил Ото. — Я сообщу старейшинам, что встреча состоится к вечеру сегодняшнего дня. Посоветуй Стэну и остальным, чтобы они не выходили из своих покоев после наступления темноты. Не хочу смущать таких замечательных воинов, но этот вопрос мы должны решать между собой. Пришла пора бхорам определиться, как жить дальше.

Больше Ото ничего не сказал.

Когда начали сгущаться сумерки, в замок стали прибывать бхоры. Тут подошло бы слово «стекаться», но цунами никогда не течет

по каналам. Синд была одной из очень немногих присутствовавших на совете людей; все они родились в созвездии Волка и занимали высокие посты в армии бхоров — только поэтому им разрешили присутствовать на собрании. Синд, как и остальные, была в полном боевом снаряжении.

Огромные длинные столы по приказу Ото были накрыты для пира. Холодные закуски для опоздавших стояли на одном из боковых столов. Еду заранее разрезали на кусочки: политические дискуссии бхоров были такими горячими, что холодное оружие на подобные сборища приносить запрещалось. Огромные бочки со стретгом располагались через стратегические промежутки, то есть на расстоянии протянутой руки.

Когда совсем стемнело, старейшины бхоров объявили причину, по которой собрался совет: станут ли бхоры объявлять войну империи? Если да, то следует ли им заявить о своей независимости и начать открытую войну или только тайно поддержать Стэна, вслух заявляя о своей полной невинности и готовности схватить предателя?

Второй по важности вопрос был решен быстро. Несмотря на любовь бхоров к хвастовству, они не были полнейшими идиотами. Одно только упоминание о размерах императорского флота, не говоря уже о распылителях планет и готовности императора применить это оружие, заставило поежиться даже самых бесстрашных воинов в этом огромном зале. И у великих воинов есть подружки и потомство, к которым они могли бы возвратиться в случае победоносного завершения войны.

Затем был поставлен главный вопрос.

К полуночи завершилось обсуждение следующих проблем:

- стоит ли бхорам вообще связывать свое будущее с людьми и их распрями;

- является ли Стэн на самом деле человеком, или он бхор, случайно поселившийся в хрупком человеческом теле;

- бхор ли Алекс Килгур? (да — принято под радостные возгласы);

- как лучше обогреть замерзшие ягодицы;

- стоит ли, если из войны с империей ничего не выйдет, объявить войну еще кому-нибудь;

- правда ли, что на полуострове Влю до сих пор растет дикий стрегг;

- правда ли, что на полуострове Влю рыбалка лучше, чем в заливе Клон, если уж там нельзя найти стрегг;

- можно ли решить проблему с вечным императором, если лучший воин-бхор вызовет его на дуэль до смерти.

Было разбито шесть столов, два из них о головы. Двенадцать воинов отправились в больницу. Синд получила синяк под глазом и разбила ребро ладони, аргументируя свои возражения. Было сделано пять многообещающих вызовов на дуэль. Семерых воинов выкинули через окно на снег, чтобы они немного протрезвели.

Бхоры только начали разогреваться — это было первое серьезное сборище за последние несколько лет, и могла пройти целая неделя, прежде чем вопрос был бы разрешен, если, конечно, хватит стрегга и останутся негоспитализированные бхоры, способные продолжать дискуссию.

Однако Ото это надоело.

Старейшины пытались направить «диалог», но без особого успеха. Ото дождался, пока Ивр не дошел до самой середины своей речи и на удивление близко подобрался к предмету, ради обсуждения которого они собрались, утверждая, что даже самых лучших представителей имперской гвардии бхоры не могут рассматривать в качестве достойных противников, и не важно, будут они превосходить их числом или нет.

Ивр, давнишний друг Ото — однажды Ото победил его в состязании на выдержку, призом в котором было управление одним из арктических оазисов, — увидел, что тот поглаживает бороду, понял, к какому крайнему средству он готов прибегнуть, и уступил ему право говорить следующим. Для этого Ивру пришлось как следует врезать бхору, утверждавшему, что борода его матери была неприлично короткой, — обидчик потерял сознание, а довольный Ивр уселся на свое место.

Моментально воцарилась тишина.

Ото заговорил. Наступили ужасные времена, сказал он. Империя превратилась в самого настоящего убийцу, которого направляет безбородый бандит. Бхоры должны отреагировать на эту опасность по-новому, иначе им грозит полнейшее забвение. Ото напомнил соплеменникам, как они уничтожили своих древнейших врагов, стрегганов; нельзя, конечно, забывать и о помощи, оказанной пророками Таламейна и их воинами-дженнисарами еще до того, как Стэн впервые появился в созвездии Волка.

Теперь пришло время сделать выбор — только есть ли у бхоров из чего выбирать?

— Вы должны принять решение! — Громоподобный голос Ото отражался от стен и высокого потолка. — Но любому ясно, каким оно должно быть. Или мы превратились в уродов, которые спасаются бегством прямо по льду от какого-то вшивого стреггана?

Такая постановка вопроса делала решение однозначным: бхоры, конечно же, присоединятся к Стэну. Вопль Ивра перекрыл все остальные крики.

— В таком случае давайте выберем командира. Величайшего воина, который поведет нас на битву.

Тут поднялся невообразимый шум. Кто-то соглашался с Ивром, но были и противники его предложения — они опасались возникновения тирании, хотя выборы командира в военное время считались уважаемой бхорской традицией. Особенно же громко вопили те, кто считал, что на этот пост есть только один по-настоящему достойный кандидат.

Ивр начал громко скандировать:

— Ото! Ото! Ото!

Постепенно к нему присоединились и остальные.

Ото взвыл таким страшным голосом, что все вдруг замолчали — ну не так чтобы совсем замолчали, однако теперь некоторым удавалось иногда слышать свой голос.

— Нет!

Вот тут-то и наступила мертвая тишина.

— Я стар, — начал Ото.

Вопли согласия и несогласия. Ото не обратил на них никакого внимания.

— Я окажу помощь, сделаю все, что в моих силах. Но мои дни близятся к закату, а эта война может продлиться достаточно долго. Я хочу участвовать в ней как обычный солдат. Или в крайнем случае командовать отрядом. Я не просто так сказал, что мы должны по-новому ответить на угрозу, исходящую от подонка императора. А это означает, что во главе армии бхоров должен встать тот, кто в состоянии видеть дальше нашего созвездия, кто понимает, как нужно действовать, чтобы добиться максимального успеха, и сумеет убедить старейшин в правильности своих решений.

Вместо того чтобы продолжить свое выступление и выдвинуть кандидата на предложенную ему самому должность, Ото слез со стола, наполнил стреггом рог, единым духом осушил его, пролив часть живительной влаги себе на грудь, перевел дух, а потом указал пальцем на противоположную сторону стола.

— Она.

Она — это, естественно, была Синд.

Последовало очень долгое молчание, а потом началось самое настоящее светопреставление.

Придя в себя, Синд попыталась возражать. Она же человек. Еще очень молода и недостойна такой чести. Она...

Ее лепет утонул в развернувшейся широкомасштабной дискуссии по поводу нового поворота, который приняли прения. К рассвету проблема была решена. Те из бхоров, кто еще оставался в сознании, кто знал и уважал Синд как командира и солдата, плюс те, кому понравилась необычная идея, когда человек должен был повести

за собой бхоров, победили — однако зал, где проходили дебаты, скорее напоминал поле боя, чем помещение для урегулирования политических споров.

Синд возглавит бхоров.

Она отправилась будить Стэна — интересно, что он скажет.

Стэн, естественно, был в восторге. Во-первых, потому что бхоры согласились присоединиться к его армии, а во-вторых, потому что выбрали такого талантливого и способного командира. Кроме того, его ужасно развеселило, что он и представитель бхоров делят ложе. Он тут же предложил Синд сосредоточить все свои силы на отращении бороды.

Этой ночью Алекс Килгур не спал. Ближе к рассвету он вдруг сообразил, что оказался на парапете одной из башен. Стражники его заметили, собрались было продемонстрировать, как старательно они несут службу, но узнали Алекса и оставили его в покое.

Буря прекратилась, над головой сияли холодные звезды.

Килгур поднял глаза и принялся рассматривать чужое небо, словно надеялся в единую долю секунды преодолеть расстояние, отделявшее его от галактики, где был его любимый дом.

В Эдинбурге лорду Килгуру принадлежали замки, поместья и заводы. Суровый мир, где сила тяжести равняется трем земным, мир, рождающий сильных мужчин и женщин.

«А если тебе не суждено вернуться на родину? — подумал Алекс. — Ну что ж, ведь когда ты решил служить империи, ты же знал, что рано или поздно погибнешь, как твой брат Кеннет. Или тебе ужасно повезет, и ты станешь инвалидом, как Малькольм. Да. Да. Но ведь ты и представить себе не мог, что доживешь до того дня, когда тебе придется похоронить императора. Разве тебе больше хочется умереть в постели, прожив долгие годы и превратившись в высушенного, сморщенного, слабоумного старика?»

Алекса передернуло, потому что воображение нарисовало ему сразу несколько жизненных дорог, ждущих его впереди, и все они так или иначе вели к смерти.

Было не холодно, но Алекс Килгур дрожал.

Глава 11

Каждые четыре года на Дьюсабле проводились выборы — очередные должны были состояться через один земной год. Решалось, кто станет тираном и кому будут принадлежать две трети мест в Совете солонов.

По всей огромной густонаселенной планете — промышленном и политическом центре системы Каирен — предстоящие выборы

обсуждались с невероятным энтузиазмом. Даже главная новость дня — об имперской охоте, устроенной на Стэна, ставшего предателем, затерялась среди моря рассуждений и прогнозов, которыми средства массовой информации отравляли сознание граждан.

Каждый житель Дьюсабля, от чернорабочего до промышленника, пытался понять, куда дуют политические ветры. Родители обсуждали шансы Уолша и солона Кенны за обеденным столом. Мальчики и девочки для развлечений особенно усердствовали, подкупая местных полицейских. Главы избирательных округов считали и пересчитывали будущие голоса. Мошенники устраивали всякого рода махинации. Даже маленькие дети занимались тем, что по поручению взрослых рыскали по избирательным округам в поисках какого-нибудь сногшибательного скандала.

Вечный император любил говорить, что политика — это большой бизнес. На Дьюсабле политика была единственным бизнесом.

Протекция являлась осью, вокруг которой вращался этот мир. На Дьюсабле вряд ли нашлось бы хоть одно существо, чья жизнь не зависела бы от протекции. Полицейских продвигали по службе начальники округов за то, что те оказывали им услуги, бизнесмены платили взятки инспекторам, чтобы получить лицензии. Члены региональных советов пользовались своим влиянием для получения теплых местечек. Даже мойщики посуды продавали свои голоса, получая за них работу официантов. Ассенизаторы платили деньги, чтобы сохранить свою должность.

Короче говоря, Дьюсабль был самой коррумпированной планетой в империи. И надо сказать, что в определенном смысле эта система работала. Гражданин, которому хватало ума ставить на выигрышную лошадку, мог надеяться на счастливую жизнь. Здесь только неудачники придумывали разнообразные способы «прогнать подонков».

Когда вечный император завершал свой длинный и трудный обратный путь из могилы, выборы на Дьюсабле помогли ему приблизиться к трону. С тех пор он всеми возможными способами старался расплатиться по этому векселю.

Уолш и Кенна были политическими советниками императора, к мнению которых он прислушивался. Ему удалось победить на выборах тирана Йелада — одного из глав администрации, имевшего тридцатилетний опыт политической борьбы.

Император твердо верил в древний закон политики: «Он был со мной еще до Чикаго...» — и щедрой рукой раздавал призы в соответствии с этим принципом.

Солон Кенна очень тщательно проводил предвыборную кампанию. Он вел себя так, словно выборы должны были состояться через неделю, а не через год, и не обращал ни малейшего внимания

на уверения советников, твердивших, что вождьеленный пост уже у него в кармане. Они напоминали ему о том, каким богатым и процветающим стал Дьюсабль. Орбиты больших космических портов переполнены. Фабрики и заводы работают по двадцать четыре часа в сутки. ПНУВ (показатель национального уровня взяток) достиг рекордных результатов. АМ-2 стоит дешево, и его сколько хочешь, однако вечный император подарил системе новенький склад, который будет обслуживать два громадных сектора в этом регионе империи.

Но Кенна не желал успокаиваться. Будучи президентом совета солонов и достаточно влиятельным человеком, поддерживавшим тирана Уолша, он многое терял, допустив какой-нибудь просчет, и вполне мог остаться не у дел. Кенна не собирался повторять главную ошибку Йелада — тот был чрезмерно уверен в себе.

Свою первую большую речь, открывающую предвыборную кампанию, Кенна готовил особенно тщательно. Для начала он выбрал дружелюбную аудиторию — каиренское отделение гигантского профсоюза кораблестроителей, СДТ. Союз поддерживал Кенну, еще когда тот был зеленым новичком в совете солонов. На дюжих рабочих-корабельщиков всегда можно было рассчитывать, когда дело доходило до голосования, крупных денежных взносов, молниеносных забастовок или организации банд громил для рейдов в соседние избирательные округа.

Кенна затратил немало средств из собственных фондов, чтобы обеспечить собравшимся отличные развлечения. Три сотни столов ломились от разнообразных закусок. Еще одна сотня служила импровизированным баром. На высокой платформе после речи Кенны выступают музыканты, клоуны и танцовщицы в прозрачных одеждах — концерт продлится от восхода до заката. По краю огромной площади поставили пятьдесят тентов, под которыми будут неутомимо трудиться целые команды патриотически настроенных мальчиков и девочек для развлечений, их всегда призывали на помощь во время выборов на Дьюсабле.

Наконец, Кенна слегка надавил на императора, чтобы тот дал ему подходящий материал для речи. И вечный император, о чем Кенна с удовольствием поведал своим помощникам, когда поднимался на платформу, чтобы обратиться к собравшимся членам СДТ, дал ему даже больше, чем он мог рассчитывать в самых смелых мечтах.

Рев приветствий, которым был встречен Кенна, мог бы легко заглушить шум двигателей трансконтинентального лайнера. Долгие минуты солон стоял среди грома аплодисментов и восторженных криков. Потом сделал попытку прервать овацию — поднял руку, призывая к тишине. Но рука бессильно упала: энтузиазм обожателей дело серьезное. Когда Кенна почувствовал, что оператор, снимавший

его для новостей, дает крупный план, он сверкнул скромной белозубой улыбкой, которую довел до совершенства за долгие десятилетия политических баталий.

Трижды Кенна пытался прервать овацию. И трижды был вынужден склониться перед массами собравшихся, принимая их восхищение. На четвертый раз Кенна сделал незаметный знак рукой, и его помощники по цепочке передали многочисленным клакерам, чтобы те успокоили толпу. Восторженные аплодисменты и крики быстро стихли.

— У меня есть один вопрос, прежде чем мы начнем,— сказал Кенна, и мощные громкоговорители разнесли его голос над огромной площадью.— Лучше ли вам живется сейчас, чем четыре года назад?

Толпа зашумела еще громче.

Техник из отдела новостей заметил, что стрелка популярности вышла на максимум и оставалась на этой отметке целую минуту. Он подтолкнул своего напарника, глаза которого округлились. Почти рекорд!

После того как клакеры с некоторым трудом успокоили толпу, Кенна продолжал:

— С радостью и смирением пришел я сюда, чтобы снова просить у вас поддержки. Мои достойные оппоненты думают, что я поступаю глупо, рассчитывая на добрых, честных тружеников вроде вас...

Он сделал паузу, чтобы слушатели смогли выразить свое презрение к «достойным оппонентам». Все шло по плану.

— Но я сказал им: «Что было бы с Дьюсаблем без рабочего класса?»

Из толпы раздался пронзительный голос одного из клакеров:

— Сидели бы по уши в дерьме, вот что!

Толпа зашлась от хохота. Кенна снова улыбнулся своей отточенной улыбкой хищника:

— Спасибо, дружище!

Толпа снова засмеялась.

Однако улыбка на лице Кенны быстро сменилась выражением глубокого беспокойства.

— Ветер меняется, друзья мои, и никто лучше рабочего человека не чувствует этого. Среди трудящихся Дьюсабля в авангарде перемен всегда шел союз СДТ!

На сей раз слушатели взревели даже без подсказок со стороны людей солона. Он дождался, пока толпа сама успокоится.

— Теперь вы знаете, что я не из тех, кто прикидывается скромником,— заявил Кенна. Раздался смех.— Но с вами, мои добрые друзья, я буду честен. Ветры перемен, о которых я говорю, принесли Дьюсаблю неслыханное процветание. Полная занятость. Огром-

ные зарплаты. Цены на рекордно низкой отметке. Частично мы должны благодарить за это тирана Уолша... ну, и моя скромная лепта... Но прежде всего мы должны благодарить за наше процветание другого человека. Речь идет о... самом вечном императоре!

Толпа словно взбесилась. Крики. Люди принялись хлопать друг друга по спинам. Восторженные вопли, которыми уверенно руководили клакеры, продолжали нарастать. На этот раз стрелка на приборе у техника из агентства новостей зашкаливала целых полторы минуты.

Наконец Кенна снова заговорил:

— Мои противники говорят, что после того исторического дня, когда император вновь появился среди нас и мы его поддержали, он занимается благотворительностью.

Толпа возмущенно загудела. Кенна понимающе улыбнулся и продолжал:

— Говорят, Дьюсабль готов бежать к вечному императору, стоит тому только пальчиком поманить. И что с тех пор, как мы стали его доминионом, наш народ лишился независимости.

Толпа неистовствовала.

— Вы, конечно же, слышали все эти глупости и много чего другого,— продолжал Кенна.— Однако правда заключается в том, что к мнению Дьюсабля впервые в истории нашего мира начали прислушиваться. По-настоящему. Мы можем с гордостью пройти по улицам всех великих столиц империи. А к кому обратился император за советом в эти трудные времена? Ясное дело, к нашему любимому Уолшу, который не покладая рук трудится в зале заседаний парламента на Прайме.

Кенна сделал глоток специального напитка, смягчающего горло, пока бушевали аплодисменты.

— Да... Дьюсабль многим обязан вечному императору, это уж точно. Но ведь и император нам кое-чем обязан. В эти сложные времена он нуждается в нас больше, чем когда бы то ни было. Как раз вчера я разговаривал с ним лично, и он приказал мне поблагодарить народ Дьюсабля за его бесконечные попытки добиться свободы. Еще он просил меня выразить особую признательность рабочим СДТ. Наш император хочет, чтобы вы знали: без корабельных союзов его борьба была бы бесполезной.

Толпе понадобилось сорок пять секунд, чтобы как полагается поблагодарить императора.

— Вам всем известно, что вечный император не бросает слов на ветер. Сегодня я пришел сообщить вам: властитель снова готов подтвердить свою признательность Дьюсаблю.

Кенна достал большую, старомодную на вид грамоту. Операторы немедленно навели камеры сначала на имперскую печать, потом на Кенну.

— Во-первых, новенькое, словно с иголки, хранилище АМ-два — то, что находится на орбите над нашим благословенным миром, — только что получило статус «ААА»!

Толпу охватил массовый психоз. Статус «ААА» означал, что порт станет еще более процветающим местом и работы там будет сколько душе угодно.

— И это еще не все, — продолжал Кенна. — Вместе с новым статусом мы получили привилегию, которая накладывает на нас серьезные обязательства. Друзья мои, я с удовольствием сообщаю вам, что император направил на Дьюсабль огромный груз АМ-два, который ранее предназначался менее достойному миру. Груз столь велик, что его хватит на то, чтобы удовлетворять все нужды нашего сектора в течение двух лет. В данный момент корабль с АМ-два приближается к Дьюсаблю. Когда драгоценный груз будет размещен в нашем замечательном портовом хранилище — сконструированном и построенном, не могу не добавить, талантливейшими жителями Дьюсабля, — мы сможем справедливо гордиться уважением и доверием, оказанными нам императором. Потому что, — продолжал Кенна, — с этого славного дня Дьюсабль будет единственным поставщиком АМ-два в нашем секторе. И это, друзья мои, достойная награда за верность империи.

Аплодисменты, приветственные крики и восторженные вопли разнеслись по всей столице Дьюсабля. Жители других округов с удивлением посматривали на небо и поражались: почему гремит гром при таком безоблачном небе?

На борту «Пай-Коу» — в шестидесяти семи миллионах миль от Дьюсабля — восторженные крики превратились в неожиданный взрыв, от которого чуть не лопнули динамики.

Капитан Хотско выключила звук, фыркнув про себя в тот момент, когда солон Кенна принялся вещать об огромных поставках АМ-2. Она прикоснулась к сенсору на панели управления, и лицо Кенны — губы его продолжали беззвучно произносить слова речи — мгновенно переместилось в правый угол экрана. Теперь большую часть дисплея занимало космическое пространство.

Внимательно вглядываясь в монитор, Хотско запела себе под нос:

— Муши, муши ано ней, ано ней... муши, муши ано...

И тут она увидела. Замигали огоньки.

— Ой, какие миленькие! — рассмеялась Хотско. — Идите к мамочке, ясные глазки. — Она посмотрела на круглое лицо Кенны, на открывающийся и закрывающийся рот, продолжавший охмурять дружественные массы трудящихся. Капитан отдала ему шуточный салют. — За солидарность, братишка!

Пальцы снова коснулись сенсоров, и лицо Кенны исчезло. Мигающие огоньки переместились в самый центр экрана.

Хотско затаила дыхание, когда на экране появился управляемый роботами «поезд». «Локомотив» походил на боевой имперский корабль, рассеченный надвое. В некотором смысле так оно и было. Десятилетия назад корабль был доставлен в доки Сулламоры. Здесь все вооружение и каюты команды были срезаны, а на их место поставили новый носовой отсек; теперь старый крейсер состоял главным образом из двигателя. На корме получился горб, в котором и помещался мозг корабля. Единственной задачей этого гигантского двигателя было тащить баржи, которые тянулись за ним, словно хвост длиной в восемьдесят километров.

Хотско принялась автоматически считать контейнеры, но довольно быстро сбилась. И ведь каждый до отказа набит самым драгоценным веществом империи — АМ-2!

Капитан Хотско время от времени пиратствовала, а уж от занятий контрабандой не отказывалась никогда. Теперь она с воодушевлением смотрела на этот фантастический куш. Состав с АМ-2, направляющийся в порт Дьюсабля, стоил столько, что и представить себе невозможно. Даже если предположить, что Кенна как следует приврал — ну, скажем, увеличил общий объем вдвое, — Хотско прекрасно понимала: здесь хватит не на одно огромное состояние.

Ладно, вряд ли ей удастся отхватить все. Однако она наверняка сможет прибрать к рукам достаточно, чтобы купить две или три звездные системы размером с Каирен.

Впрочем, Вайлд рассвирепеет и вполне может перерезать ей горло. Да пропади он пропадом, этот Вайлд!

Ну а как насчет милашки Килгура? Ведь именно его разведывательная служба сообщила о грузе АМ-2...

Хотско стала жертвой собственной жадности, когда огромный шотландец изложил Вайлду и группе его капитанов — среди которых была и Хотско — свой план. Контрабандисты должны были воспользоваться тайными маршрутами в сторону Каирена, по которым они обычно доставляли дорогие незаконные товары для разных важных шишек и их дружков и подружек, чтобы разнюхать про состав с АМ-2.

Чертовски хитрый план. Доказательства точности данных Килгура сейчас маячили на экране ее дисплея.

А вокруг ни одной живой души. Никто, кроме нее, Хотско, не знает, что состав находится в этом секторе. Стоит ей стать жертвой своих инстинктов — и она может так никогда и не узнать, что же скрывается под традиционной юбкой — килтом, кажется, — шотландца по имени Килгур.

Да пропади она пропадом, эта юбка!

Лучше посмотри, сколько здесь АМ-2.

В конце концов, она же никому ничего не обещала. Не обещала, и все тут. Только сказала, что может слетать и посмотреть. Вот она и смотрит, разве нет?

Но тут в мозгу Хотско промелькнула отвратительная, пугающая мысль: а что она станет делать с таким количеством АМ-2? Ведь если начать потихоньку его распродавать, кто-нибудь обязательно наступит. И тогда на хвост сядут имперские ублюдки из службы безопасности.

Да пропади они пропадом, эти имперские ублюдки! Хотско практически родилась в контрабандистском корабле.

Ну да... Только ей еще ни разу не приходилось удирать от целого флота. А произойдет именно это. Стоит лишь связаться с их проклятым АМ-2.

Хорошо.

Хотско решила поступить по-честному — невзирая на бурные протесты своей пиратской души.

Чтобы немного приободриться, она подумала о широком, улыбающемся лице Алекса. И о его коротенькой юбочке.

Быстро закодировала сообщение, включив в него координаты состава с АМ-2, а потом послала его одним коротким, быстрым сигналом. Подождала две-три секунды...

Коммуникатор запиликал. Сведения получены.

Хотско быстро отключила связь и поспешила убраться из этого района. «Надеюсь, ты того стоишь, Алекс Килгур», — подумала она напоследок.

Новый склад АМ-2 на Дьюсабле был размером с небольшую луну. По внешнему виду он напоминал разделенную на четвертинки сферу. Каждая «долька» была установлена в углу воображаемого квадрата и соединена с остальными при помощи громадных труб — по ним и осуществлялось движение. Сверху эту конструкцию прикрывало хитроумное переплетение коммуникаций, ремонтных дорожек и трубопроводов, по которым перекачивалось все, начиная от промышленных жидкостей и кончая переработанным кислородом и самыми разнообразными отходами.

Для обслуживания обычного склада требовалось шестьсот существ. Но ведь Дьюсабль не был обычной планетой. Даже на орбите действовали законы о теплых местечках. Когда прибыл состав с АМ-2, здесь прохлаждалось вдвое больше бездельников. Многие из них спали. Кое-кто принимал участие в вечеринке, устроенной в Центре отдыха. Заявление Кенны не было новостью для работников склада. Несколько дней назад их предупредили о том, чтобы они были готовы к прибытию груза. Впрочем, нельзя сказать, что им

приходилось работать в поте лица: склад был почти полностью автоматизирован.

Сонный оператор внес в вахтенный журнал сведения о приближении состава. Не особенно тщательно проверил, работают ли автоматы, затем вернулся на койку и обнял за плечи своего дружка. Несколько секунд раздумывал, не разбудить ли его, чтобы немножко порезвиться. Тело приятно заныло, но тут оператора сморил сон, и он громко захрапел.

А на мониторе появилось изображение огромного состава с АМ-2, который остановился, когда конвой вышел на орбиту станции. Сигналы погасли, а панель связи ожила сообщениями, которыми обменивались компьютеры.

Первые контейнеры отделились от состава. Медленно, по дуге направились в сторону склада, где роботы уже приготовились подхватить их и отправить куда следует.

Если бы оператор смотрел на монитор, он бы заметил, что один из контейнеров отделился от конвоя и помчался в противоположную от своих товарищей сторону.

Потом тень склада упала на состав, и экран потемнел.

— Никогда больше не смогу держать голову высоко поднятой в зале совета, — с тоской проговорил Ото.

— Тебе это только на пользу, — сказала Синд, отгоняя фальшивую баржу, которая находилась среди контейнеров, приближавшихся к открытому входу на склад. — Такому толстяку, как ты, совсем не вредно потерять килограммов восемьдесят — фигура снова станет что надо.

— Клянусь бородой моей матери, у тебя нет сердца, женщина! — заявил Ото, внимательно оглядываясь по сторонам, чтобы вовремя успеть заметить патрульный катер — что входило в его прямые обязанности. Он считал, что у них есть пятьдесят пять минут до того, как катер снова появится в этом месте. — Мне, знаменитому Ото, приказали сделать вещь, которая вряд ли принесет нам славу.

— Бедняжка, — с насмешливым сочувствием произнесла Синд.

Она уже приспособилась к рукоятям управления, хотя сначала они показались ей ужасно неудобными. Синд управляла старым неповоротливым кораблем — если не считать того, конечно, что его выпотрошили, а внутри спрятали обычный спасательный катер. От стандартных контейнеров этот отличался лишь тем, что на корме проделали отверстие для двигателя. Сама баржа была страшно старой, миллионы световых лет оставили на ней свои следы; только внимательный взгляд заметил бы выходное отверстие, проделанное моряками «Победы» под руководством Алекса Килгура. В катере находились Синд, Ото и около полудюжины бхоров.

— Когда мой горячо любимый друг Стэн сообщил мне, что нашей первой мишенью станут вонючие политики Дьюсабля, я испугался, как бы мое старое сердце не разорвалось от радости, — заявил Ото. — Клянусь замороженными ягодами отца, подумал я, это же самая настоящая радость. Потому что настоящий, уважающий себя бхор больше всего на свете ненавидит политиков. А мне представится возможность разделаться с целой планетой, населенной этими кровопийцами. Знаешь, Синд, я мечтал о долгой старости, когда смог бы рассказывать своим потомкам о том, сколько тупоголовых политиков прикончил. Я мечтал, что их кровь потечет рекой, словно благословенный стрегг. Меня печалило только одно: пришлось бы выпить за такое количество душ, отправившихся в ад, что, боюсь, мне не хватило бы для этого целой жизни.

— Тебе не удастся меня разжалобить, Ото, — сказала Синд. — Во-первых, ты не настолько стар. Во-вторых, ты успел прикончить такое количество живых существ, что рассказов об этом хватило бы на шесть жизней. Не рассчитывай, что я вдруг стану тебя жалеть и скажу: «Ну... если для тебя это так важно, дорогой... давай устроим настоящую бойню».

— Ну, зачем уж так сразу — бойня, — перебил Ото. — Если бы ты мне позволила перерезать парочку глоток, я был бы вполне удовлетворен. Я был бы счастливым и довольным жизнью бхором.

— Нет, — заявила Синд. — И это мое последнее слово.

Как раз в этот момент контейнер приблизился к одной из «долек» склада. Стукнулся разок. Еще. Потом Синд выровняла его и поставила рядом со стальной стенкой. Затем она двинулась вдоль корпуса станции и наконец остановилась возле ремонтного входа.

— Так, входим внутрь, — приказала Синд. — И не забудь, Ото, никаких убийств. Ты должен помнить, что мы сражаемся за свободу. А убийство несчастных, ни в чем не повинных гражданских лиц создаст нам плохую репутацию.

— Ну, если ты настаиваешь, — фыркнул Ото. — Наверное, со временем мне удастся привыкнуть к этим вашим новым нравам.

Через несколько минут отряд организовал небольшой взрыв и вошел в помещение склада. Синд два раза нажала на кнопку коммуникатора. Через мгновение послышался ответный сигнал с «Победы».

Первая стадия плана завершена.

До сих пор Синд не приходилось видеть склад, предназначенный для АМ-2, а уж тем более бывать внутри. Во время обсуждения операция показалась ей простой. На схеме, которую Килгур утащил из справочной библиотеки, было изображено скучное, ничем не примечательное строение. Только то, что там хранилось, имело жизненно важное значение. Склад и центр распределения самого эффективного источника энергии, который когда-либо удавалось обнаружить.

Судя по схеме, все складское помещение было предназначено именно для этих целей. В специально защищенных хранилищах содержались только АМ-2, ну и конечно же, жилые и подсобные помещения для обслуживающего персонала. А еще громадный компьютер, который следит за тем, чтобы все механизмы работали без перебоев.

На экране дисплея операция выглядела совсем простой...

Синд осмотрела коридор, по которому бесшумно пробирался ее отряд. Серые стены, серый потолок и серый пол, освещенные тусклым отраженным светом. Дальше коридор уходил прямо вперед. А потом сворачивал налево. Оттуда уже совсем близко до центрального компьютера.

Для разнообразия, на деле все оказалось таким же простым, как в теории. Они подошли к перекрестку. Свернули. Вот тут-то все и перестало быть таким простым.

— Клянусь кудрявой бородой моей матери, — простонал Ото. — Это похоже на логово стреггана.

Его сравнение оказалось довольно точным. Стрегганы — смертельные враги бхоров, которые теперь практически были истреблены, — жили в глубоких пещерах-лабиринтах, выдолбленных внутри скал. И по сей день бхоры играли в сложнейшую игру, основанную на законах легендарных лабиринтов. Сейчас глазам Синд представало нечто очень похожее. Инженеры Дьюсабля только частично придерживались схемы. Вместо одного коридора, ведущего к компьютеру, они создали целую дюжину ответвлений. Синд и понятия не имела, в каком направлении следует двигаться.

— Сколько у нас в запасе времени? — спросила она в некоторой растерянности.

— Не важно, — спокойно ответил Ото.

— Нет, черт возьми, важно. Если патрульный катер...

— Ты сумела превзойти своего старого учителя во многих вещах, — проворчал Ото. — Но я вижу, тебе еще есть чему поучиться. Клянусь худыми боками моего отца, это дает нам надежду.

Он с любовью посмотрел на Синд.

— Лабиринт, — наставительно сообщил Ото, — делается с определенной целью. Для развлечения, например, или для того, чтобы что-нибудь спрятать.

Он посмотрел на туннели, которые, точно змеи, разбегались в разные стороны. Глубокие тени внутри каждого коридора показывали, что они и дальше разветвляются на множество других.

— Типы с Дьюсабля наверняка поставили перед собой вторую цель. Из того, что я про них слышал, политикам есть что скрыть от любопытных глаз.

— Зачем же прятать собственный главный компьютер? — спросила Синд. — Казалось бы, наоборот, к нему необходим быстрый доступ.

Ото кивнул, затем прошел несколько метров по центральному туннелю, тихонько постукивая по стенам. Сплошная скала. Потом он обнаружил полость. Снял с пояса портативный лазер и быстро проделал небольшое отверстие. Заглянул внутрь и хмыкнул:

— Так я и знал.

Ото жестом позвал остальных. Синд тоже заглянула в отверстие и увидела большое помещение, заставленное коробками с контрабандой.

— У этого склада двойное назначение, — объявил Ото. — Здесь хранят АМ-два для империи, а еще товары для черного рынка Дьюсабля. Видишь, я был прав. Как обычно.

— С чем я тебя и поздравляю, — сказала Синд. — Только я все равно не пойму, как найти главный компьютер.

— Ах это... Никаких проблем, — отозвался Ото. — Меня просто интересовала цель, с которой придумана загадка.

— Ты хочешь сказать, что знаешь дорогу?

— Конечно. Тупоголовые болваны с Дьюсабля наверняка выбрали самый простой принцип построения лабиринта. Мы пойдем по левому туннелю. В дальнейшем, всякий раз, когда у нас будет выбор, станем сворачивать налево. Рано или поздно попадем туда, куда нужно.

— Если ты ошибаешься, мы будем блуждать здесь долгие часы. И задание не выполним. Не говоря уже о том, что нам самим как следует надерут задницы.

— Ты во мне сомневаешься? Во мне, знаменитом Ото, мастере игры в лабиринт?! — Красные глазки Ото широко раскрылись от удивления.

Синд немного подумала, а потом пожала плечами.

— Веди, — со вздохом согласилась она.

Ото не пришлось долго уговаривать. Они быстро свернули в левый коридор, который, извиваясь, повел их вперед, а вскоре распался на новые туннели. Ото всякий раз сворачивал налево. Иногда они попадали в тупики. Тогда возвращались назад и снова пускались на поиски.

Неожиданно туннель резко свернул налево, как и в самом начале, перед входом в лабиринт, и Синд увидела дверь, из-за которой доносился едва слышный гул приборов. Драматическим жестом Ото показал в сторону двери.

— Мы шли сюда, — тихонько пропел он, а потом лучезарно улыбнулся Синд, рассчитывая увидеть восхищение на ее лице.

Синд только кивнула ему и устремилась к двери. По дороге достала подслушивающее устройство, приложила его к двери и включила прибор. Через минуту показала своему отряду, что все в порядке, нажала на ручку, и дверь с шипением открылась.

Огромный сложный компьютер, контролировавший всю деятельность склада АМ-2, заливал яркий свет.

Синд бросилась прямо к компьютеру. Внимательно на него посмотрела, коснулась клавиш, ухмыльнулась, а потом достала запрограммированную микрофишу и засунула ее в машину.

Ото и остальные бхоры стояли на страже возле двери.

— Молодежь стала такой грубой в наше время,— сетовал Ото.— Ну совершенно не в состоянии оценить опыт старшего поколения. Вот когда я был ребенком — и мог употреблять стрегг только с молоком,— моя мать заживо содрала бы с меня шкуру, если бы я забыл об уважении. Ладно... жаловаться бесполезно. Зато я, по крайней мере, получил удовольствие, вспомнив, как играют в лабиринт.— Он с силой хлопнул кулаком по спине капрала.— Правда, было здорово?

Прежде чем капрал ответил, они услышали пронзительный вой, который сопровождали оглушительные сигналы тревоги. Синд отскочила от панели управления компьютером, когда во всех помещениях склада и коридорах зазвучала запись:

— Склад столкнулся с метеоритом. Точка столкновения — центральное хранилище АМ-два. Взрыв неизбежен. Персонал должен немедленно покинуть склад. Воспользоваться инструкцией для экстремальных ситуаций номер одна тысяча четыреста двадцать два А. Не паниковать. Конец сообщения.

— Давайте-ка выбираться отсюда, пока это не начали делать они.

Отряд Синд выскочил в коридор, всякий раз сворачивая направо, пробираясь через лабиринт.

Работники склада выскакивали из разных помещений и мчались в сторону спасательных лодок. Сигналы тревоги выли, компьютер советовал не паниковать, а они толкались, сражаясь за места в лодках. Склад опустел через несколько минут. А небольшое пространство вокруг хранилища оказалось заполненным сотнями лодок, которые мчались в сторону родной планеты.

Корабль Синд стартовал незаметно.

Она три раза нажала на клавишу коммуникатора.

Задание выполнено.

На борту «Победы» сигнал принял Фрестон. И послал приказ «Аойфу» подобрать отряд Синд и лечь на обратный курс — пора возвращаться домой.

Фрестон повернулся к Стэну.

— Готово, сэр.

— Тогда вперед.

Пока состав с АМ-2 и покинутое хранилище продолжали вращаться по своим орбитам, «Победа» неожиданно вынырнула из гиперпространства. Открылись бомбовые люки, «Победа» словно оскалилась на своих врагов и выплнула шесть ракет «Кали».

Прежде чем они нанесли удар, «Победа» уже покинула этот сектор пространства.

На Дьюсабле, когда «Кали» уничтожили запасы АМ-2, не было слышно ни звука. Кенна и тысячи рабочих СДТ, собравшихся на предвыборную встречу, почувствовали какие-то мимолетные изменения — возникло странное чувство, словно предметы вдруг лишились своих привычных измерений. Как будто все перенеслись в плоский мир точек на бумаге.

Глаза устремились ввысь. Небо исчезло. Ослепительно белый свет. Громкие вопли. Толпа заволновалась, когда по ней прокатилась волна леденящей душу истерии.

Кенна изо всех сил старался сохранять спокойствие. Поднял руку, умоляя собравшихся не волноваться.

И вдруг все снова пришло в норму. Белый свет исчез. Привычные измерения вернулись в мир Дьюсабля.

Кенна с трудом перевел дух. И тут сердце у него в груди забилося, словно пойманная птица в клетке, — на экране, установленном на дальнем краю поля, где собрались его будущие избиратели, неожиданно исчезло изображение.

А через секунду они увидели лицо другого человека. Кенна подумал, что знает его, и стал копаться в памяти. Из толпы донеслись громкие, испуганные восклицания. И тогда Кенна понял.

Это был Стэн.

— Граждане Дьюсабля, — гремел голос Стэна. — Я принес вам печальные новости. Политики, которые заправляют всем на этой планете, решили поиграть вашими жизнями. Они продали право Дьюсабля на свободу и независимость вечному императору. Вы превратились в рабов.

Кенна отчаянно кричал, чтобы техники убрали изображение с экрана. Бесполезно. Люди смотрели на лицо Стэна и слушали его не только здесь, в доках; эта передача перекрывала все остальные сигналы на всех остальных частотах.

— Учитывая, какое значение Дьюсабль имеет для империи Зла, я не могу поступить иначе — мы должны покончить с угрозой, которую ваш мир представляет для меня и всех тех, кто любит свободу. Атака началась. Мы уничтожили хранилище АМ-два, по поводу которого хвастался предатель солон Кенна. Кроме того, мы покончили с грузом АМ-два, платой за предательство ваших подлых лидеров.

Потрясенная толпа молча внимала каждому слову, которое произносили гигантские губы на видеозэкране. Кенна искал глазами место, где бы спрятаться.

— Мои силы начинают серию атак на ваш мир, — продолжал Стэн.

Люди в толпе стали испуганно озираться по сторонам, как будто ждали, что снаряды упадут им на головы с минуты на минуту.

— Однако, — говорил Стэн, — мы не собираемся наносить вред ни в чем не повинному гражданскому населению. Поэтому я зара-

нее сообщу, по каким именно военным объектам мы нанесем удары. Убедительно прошу вас немедленно покинуть названные районы.

Стэн взял в руки список обреченных районов и принялся читать:

— Сектор три, оружейный завод... сектор пятьдесят шесть, завод по производству станков и сопутствующего оборудования... сектор восемьдесят девять, доки...

Кенна и его сподвижники не дослушали список до конца. Стэн только что назвал док, где все они стояли, глядя на него широко открытыми от изумления глазами.

С отчаянными воплями, плачем и призывами к давно забытым богам в надежде на пощаду толпа бросилась прочь, стремясь как можно скорее оказаться подальше от этого проклятого места.

Кенна был слишком напуган, чтобы стыдиться того, что оказался в самом центре ревущей, подавшейся панике толпы обезумевших людей.

Ракета лениво спустилась с неба, зависла на высоте примерно двадцати футов над широким бульваром и медленно поплыла над проспектом, управляемая установленным впопыхах двигателем Маклина. Продвигаясь вперед, ракета передавала сообщение:

— Я ракета «Кали». Я несу в себе ядерный заряд малой мощности. Пожалуйста, не мешайте моему продвижению. В мои намерения не входит причинять вред беззащитному гражданскому населению.

Самые разные живые существа метались по улице в поисках безопасного убежища. Ракета пролетала на уровне второго этажа зданий, и по мере ее продвижения всюду захлопывались окна. Из одного окна высунулся ребенок и собрался потрогать ракету палочкой. Мать успела затащить его в комнату в самый последний момент.

В секторе три рабочие оружейного завода, производившего самонаводящееся оружие, мчались к выходу из огромного, похожего на страшное чудовище комплекса. Они спасались на гравитолетах, пешком, а иногда и на спинах тех, кому повезло несколько меньше.

«Кали», медленно приближаясь, повисла у них над головами.

— Опасность. Опасность. Я ракета «Кали». Этот военный завод является моей целью. Прошу немедленно очистить территорию. Не паникуйте при моем приближении. Взрыв произойдет через пятнадцать минут.

Не прекращая передачи, ракета проплыла в открытую дверь административного корпуса завода.

Директор завода в ужасе следил за тем, как ракета направилась в сторону главного здания, где располагались цеха. А потом опустилась на пол.

— У вас есть пятнадцать минут, чтобы покинуть этот район. Пожалуйста, не теряйте время. Я не намерена причинять вред незащищенным гражданским лицам... У вас осталось четырнадцать минут пятьдесят секунд. Пожалуйста...

Директор и его подчиненные не дослушали предупреждение до конца. Они бросились бежать.

В секторе сорок пять, на подшипниковом заводе, ракета погрузилась по самый нос в кратер.

— Пожалуйста, очистите этот район. Я снабжена двадцатью четырьмя взрывными устройствами. Первое взорвется через шестьдесят минут. Пожалуйста, не возвращайтесь в этот район после первого взрыва. Следующие будут происходить каждый час. Предупреждение. Я ракета «Кали». Пожалуйста...

Толстяк начальник сектора, возмущенный тем, что сегодня ему не удастся заставить рабочих остаться на сверхурочную смену, метнулся вперед. Бросил двухметровый стальной брус. И попал. А потом исчез с лица земли, потому что ракета «Кали» взорвалась.

Рухнули два заводских здания. Однако погиб только сам начальник сектора и четверо его подчиненных. Здравый смысл спас тринадцать тысяч рабочих, которые уже давно покинули завод.

Самый большой кораблестроительный завод Дьюсабля опустел — там не осталось ни политиков, ни рабочих, ни зевак, ни вообще какой-нибудь разумной жизни. Повсюду виднелись брошенные частные машины, транспортные средства, большие лайнеры...

«Кали» спустились с неба без всякого предупреждения. Через две минуты территория завода превратилась в огромную дымящуюся яму, окруженную оплавленными металлическими конструкциями.

На месте причалов зияли кратеры — порт будет бездействовать не одно десятилетие.

Стэн следил за происходящим по монитору. Картины разрушений сменяли одна другую.

Фабрики исчезали с лица земли. Взрывы, дым и пламя.

Мятежники полностью разрушили не один док, а целых тридцать.

Пройдет много времени, прежде чем Дьюсабль снова сможет кому-нибудь угрожать — или оказать поддержку.

Наблюдая за работой ракет, за разрушением, которое они производили, Стэн вдруг почувствовал головокружение. К нему пришло ощущение силы.

Он был почти... как бог?

На мгновение он понял, *что* чувствует вечный император.

Стэна передернуло, и он отвернулся от экрана, потому что стал противен самому себе.

Капитан Фрестон остановил его как раз в тот момент, когда Стэн собирался покинуть капитанский мостик. На лице у него было озадаченное выражение.

— Произошло нечто очень странное, сэр.

— Ну, выкладывайте.

— Тот груз АМ-два... Один из радистов утверждает, что перед тем, как наши ракеты нанесли удар, была какая-то непонятная передача.

— А вы уверены, что передача велась с корабля?

— Да, сэр. Я сам проверил. Сообщение, естественно, закодировано.

— Кому оно послано? — спросил Стэн.

— А это уж и вовсе удивительно, сэр, — сказал Фрестон. — Я сам проверил координаты несколько раз. И все время получал один и тот же ответ.

— Какой?

— Никуда, сэр. Сигнал был послан в никуда.

Книга вторая

Отравленная пешка

Глава 12

Мощный удар, нанесенный Стэном по Дьюсаблю, застал вечно-го императора, который еще только собирал силы для массовой охоты за горсткой повстанцев, врасплох. Тут Стэн оказался совершенно прав.

Когда сообщение о нападении дошло до императорского замка, властитель совершенно остервенел. Он тут же собрал своих военных и политических советников и отправил несколько флотилий на охрану других складов АМ-2. А в самые разные уголки империи разослал дипломатов, чтобы они поддерживали моральный дух его союзников.

Количество кораблей империи, охотящихся за Стэном, было увеличено в четыре раза.

Однако еще до того, как император отдал эти приказы, он блокировал все средства массовой информации — такого ни разу не случилось за всю историю его правления. Телестанции получили жесткий приказ: ни одного упоминания о Дьюсабле или Каирене до тех пор, пока не будет отменено это распоряжение. Император даже не потрудился сообщить, что сделает с теми, кто ослушается.

Впрочем, у руководителей телестанций воображение было развито хорошо.

Однако между приказом и его реализацией все-таки прошло немало времени. Ничейная земля для журналистов...

— Это Ранетт, я веду прямую передачу с Дьюсабля. Вождь повстанцев Стэн неожиданно атаковал одного из самых важных союзников империи и тем самым нанес вечному императору сокрушительный удар. Нападение Стэна продолжалось менее часа, но за это время было уничтожено одно из крупнейших хранилищ, где, по слухам, находился двухгодичный запас АМ-два для Дьюсабля. Затем с хирургической точностью повстанцы нанесли удары по ключевым военным и транспортным объектам. Высокопоставленные ис-

точники сообщают: потребуется не менее десяти лет, чтобы восстановить разрушенное... если это вообще возможно.

Свидетели стремительного вторжения утверждают, что силы Стэна старались не наносить удары по скоплениям гражданских лиц — потери минимальны. И хотя вся операция заняла лишь несколько часов, эта еще совсем недавно процветающая планета-порт надолго, если не навсегда, потеряла свое ключевое значение. Разрушения — а эксперты утверждают, что общая сумма потерь составляет несколько триллионов кредитов — способны оказать существенное влияние на экономику всей империи.

Наши источники заявляют: рейд Стэна нанес серьезный удар по престижу вечного императора; многие союзники могут поставить под сомнение его способность защитить от аналогичных акций своих союзников. Стэн — Давид, выступивший против Голиафа, — сумел поставить императора в унижительное положение...

Ранетт вздрогнула, когда ее изображение на мониторе исчезло, а на экране пошли сплошные полосы помех. Уши заложило от оглушительного воя.

Она не стала тратить время на то, чтобы разобраться в причинах происходящего. На самом деле передача и так продолжалась слишком долго. Ранетт предполагала, что в лучшем случае ей удастся пробыть в эфире всего несколько минут, после чего императорские цензоры отключат станцию.

Ранетт нажала на рукоятки управления, и маленький корабль стартовал из роши возле главного космопорта Дьюсабля. Эту роскошную яхту журналистка получила в подарок от одного бизнесмена за то, что не стала упоминать его имя в связи с крупным скандалом, возникшим после серии репортажей о применении рабского труда.

На самом деле она вовсе и не оказывала ему никаких услуг. Ей просто не хватило доказательств, чтобы припереть мерзавца к стенке. Ранетт часто жалела об этой упущенной возможности. Зато теперь ему придется попотеть, когда имперские агенты, разыскивающие нахальную журналистку, постучат к нему в дверь. Ведь регистрационные номера яхты обнаружить ничего не стоит.

Ранетт рассмеялась, представив себе, какая рожа будет у этого трусливого подонка. А потом постаралась как можно быстрее убраться подальше от Дьюсабля. Придется спрятаться где-нибудь. Именно так она поступила во время правления Тайного совета. Посидит тихонько, не высываясь, пока суматоха не уляжется. Впрочем, у нее не было ни малейших иллюзий на этот счет — возможно, прятаться придется до конца жизни.

Когда корабль покинул поле притяжения Дьюсабля и направился к первой точке сложного маршрута бегства, разработанного Ранетт заранее, она раздумывала о только что сделанном репортаже.

Жаль, не удастся продолжить — это была бы самая грандиозная серия в долгой и кровавой истории империи. Интереснее, чем история убийства и возвращения императора. Интереснее любой войны.

Похоже, вечный император наконец-то встретил равного себе противника. Невозможное становится возможным. Любопытно, что будет, если победит Стэн? Может, назовет себя новым императором? Не исключено. И если это произойдет, станет ли он так называемым «просвещенным правителем»?

«Кончай-ка эти глупости, — приказала себе Ранетт. — Не бывает людей хороших или плохих. Одни сидят на верхушке, а другие мечтают туда забраться. И этот Стэн наверняка ничем от остальных не отличается. Как только у него появится возможность, он нам покажет».

Эври считала, что за свою жизнь успела повидать самые разнообразные проявления гнева... Увидев лицо вечного императора, она забыла о своем прошлом опыте.

Великий правитель был невероятно бледен, взгляд метался по комнате, словно обезумевший коршун в поисках добычи. Но страшнее всего была застывшая на лице усмешка. И полнейшее спокойствие.

— Пришло время холодных, рассчитанных действий, — сказал император, обращаясь к собравшимся придворным. — Истерия никогда не помогала в борьбе с кризисными ситуациями. Мы должны рассматривать возникшие перед нами проблемы как самые обычные, заурядные вопросы, которые нам необходимо решить. Теперь перейдем к делу... Эври? Как настроен парламент?

Эври вздрогнула, поскольку не ожидала, что император начнет с нее. Однако быстро взяла себя в руки.

— Не слишком хорошо, ваше величество. Тиран Уолш, естественно, был вынужден срочно вернуться домой.

— Конечно. — Император продолжал говорить спокойным, бесцветным голосом.

— В открытую никто ничего не заявлял, но я обратила внимание, что среди ваших союзников ведутся какие-то тайные переговоры. Они входят в контакт с оппозицией.

— Я их быстро приведу в норму, — произнес император. — В конечном счете они все равно прибегут ко мне за поддержкой. Я понял, куда ты клонишь, Эври. Мне придется кое-что предпринять, чтобы напомнить им, кто есть кто. Пока же выступи с сообщением о моем сочувствии и беспокойстве за судьбу Дьюсабля. Пообещай помощь. Скажи, что мы окажем им всяческую поддержку. Кстати, не забудь сделать заявление, что Стэн вот-вот будет схвачен нашими людьми.

— Да, ваше величество, — ответила Эври. — Но... после Стэна... их больше всего беспокоят поставки АМ-два. Они жалуются, что и до мятежа ситуация была тяжелой. А теперь... я не знаю... Они очень волнуются.

Губы вечного императора снова застыли в усмешке.

— Я сам позабочусь о поставках АМ-два. И на это обещание они могут рассчитывать. По правде говоря, — император показал на коммуникатор, — я пятнадцать минут назад отдал приказ о старте нового транспорта с грузом АМ-два. Первый конвой должен прибыть довольно скоро.

— Да, ваше величество. Члены парламента будут счастливы услышать об этом.

— Пойндекс?

— Сир!

— Передача Ранетт... Удалось установить, сколько граждан империи ее слышали?

Пойндекс изо всех сил постарался скрыть, какое облегчение испытал, услышав вопрос императора. Он ожидал грандиозного скандала из-за этой ошибки. В то же время Пойндекса, как и Эври, тревожило неестественное спокойствие императора.

— Да, сир, — ответил он. — И новости не самые обнадеживающие, ваше величество. Впрочем, вред от единичного выхода в эфир оказался не таким существенным, как мы опасались. Только шесть процентов граждан находилось возле телевизоров. Проблема заключается в том, что запись передачи пользуется колоссальным спросом на черном рынке.

Император махнул рукой; казалось, слова Пойндекса его не слишком беспокоили.

— Ладно. Пиратские копии разойдутся еще среди трех-четырех процентов населения империи.

— К сожалению, ситуация гораздо серьезнее, — ответил Пойндекс. — По моим сведениям, около двадцати процентов ваших подданных приобрели эту запись в первый же день. А потом — если пользоваться их жаргоном — возник настоящий прорыв.

Пойндекс замолчал и сглотнул. Требовалось собраться с силами, чтобы сделать следующее сообщение.

— Продолжай, — сказал император.

— Есть, сир... Э-э... По прогнозам программистов, через две недели репортаж Ранетт посмотрят более восьмидесяти процентов жителей империи.

Император молчал. Пойндекс и все остальные напряглись, ожидая вспышки ярости абсолютного правителя Вселенной. Долгие мучительные секунды император сохранял полную неподвижность.

«Как будто,— подумал Пойндекс,— консультируется с демоном, сидящим где-то в глубинах его души».

Император пошевелился, издал короткий смешок.

— Не самая приятная новость, должен признать,— промолвил он.— Однако я уже говорил, сейчас не время обращать внимание только на негативные моменты. Если мы будем действовать спокойно и взвешенно, нам удастся быстро преодолеть кризис. Мне уже приходилось сталкиваться с подобными проблемами. Конец всегда одинаков: враги мертвы или в беспорядке разбегаются кто куда, поданные восхваляют мое имя.— Император обвел взглядом собравшихся в комнате.— Конечно, придется пролить немало крови.

Он замолчал. Словно забыл о присутствующих. Машинально потянулся к шкафчику, достал бутылку виски и налил себе в стакан. Немного отпил. И все это не торопясь.

Затем император снова заговорил, очень быстро. Однако создавалось впечатление, что он обращается не к тем, кто собрался в его покоях, а беседует за стаканчиком со старыми, добрыми друзьями.

Это дьявольски напугало Эври. Как и все остальные, она стояла, стараясь не шевелиться. Инстинктивно каждый чувствовал, что не нужно привлекать к себе внимание вечного императора.

— Я виню себя за Стэна. О чем я думал? С того самого момента, как Махони обратил на него мое внимание, я сразу понял, что это человек с колоссальным потенциалом. Способный служить мне. Я должен был заметить, что у него есть серьезный недостаток. Амбиции. Удивительно, как можно было этого не заметить. Ведь речь шла об амбициях, во много раз превосходящих норму. Да. Теперь я вижу, что все это время Стэн мечтал завладеть моим тронном.

Вечный император сделал еще один солидный глоток.

— Да. Вот объяснение происходящего. Стэн безумен. И всегда был безумен.— Император на несколько секунд задержал взгляд на Пойндексе.— Достойное объяснение, не так ли?

Пойндекс не совершил смертельной ошибки — он не колебался ни секунды.

— Абсолютно, ваше величество,— сказал он.— Стэн сошел с ума. Иначе и быть не может.

Император кивнул. Рассеянно.

— Однако, полагаю, он придумал какое-нибудь оправдание своим действиям,— продолжал он.— Очень немногим нравится считать, что они действуют во зло... Скорее всего, Стэн считает, что это я свихнулся.

Глаза императора остановились на Эври. Как и Пойндекс, она не дрогнула.

— Если он так думает,— без колебаний заявила Эври,— значит, он наверняка безумен.

Император снова рассеянно кивнул.

— Конечно, его позиция может понравиться народу... Впрочем, я не сомневаюсь, что переманить на свою сторону многих моих подданных ему не удастся.

— Да, многих не удастся, — поспешил вставить Пойндекс.

— Ну, что ж тут делать, — вздохнул император. — Спад в экономике всегда вызывает к жизни худшие качества в наших подданных.

Холодный смех.

— Принято считать, — продолжал он, — что времена процветания — это норма, а экономический кризис — отклонение от нормы. Обычно во всех неприятностях обвиняют правителя. — Император допил виски в своем стакане. — На самом деле последнее утверждение истинно. В большинстве случаев, почти для всех существ, жизнь — это сущий ад. И они устраивают нам, правителям, еще худшие мучения за то, что мы якобы не оправдали их надежд. — Перекошенное застывшей улыбкой лицо снова обратилось к Эври. — Однако сообщать об этом нашим подданным не слишком разумно, конечно.

— Я согласна с вами, сир, — сказала она. — Обещания всегда действуют лучше, чем бесконечный перечень проблем.

Император знаком показал, чтобы Эври подошла поближе, и она подчинилась. Потом протянул руку и начал гладить ее. Эври покраснела. Все вели себя так, словно ничего необычного не происходит. Придворные не сводили с императора глаз, когда он снова заговорил:

— И все же... правитель испытывает невероятное давление — он постоянно должен совершать невозможное.

Эври содрогнулась. От страха, а не от желания, когда ласки владыки Вселенной стали более интимными.

— И... если мы споткнемся... вина всегда падает на монарха... Подданные предают нас. — Император горько рассмеялся и скорбно покачал головой. — Однако монарху вредно размышлять о подобных вещах. Иначе... подданные вынудят его...

Он смолк и уставился в пустоту. Потом в его глазах снова загорелась жизнь. Он крикнул:

— Господи, как бы я хотел, чтобы у всех моих подданных было одно горло! Я бы не задумываясь перерезал его.

Присутствующим стало по-настоящему плохо. Пойндекс обнаружил, что не может оторвать взгляда от глаз императора — он боялся смотреть и боялся отвернуться.

Впрочем, он довольно быстро понял, что император глубоко погружился в свои мысли и не видит его.

Заскрипело вращающееся кресло, император усадил Эври к себе на колени. Его пальцы начали путаться в застежках. Эври инстинктивно повернулась, чтобы ему было удобнее.

Пойндекс отчаянно замахал руками, и придворные стали потихоньку выходить из комнаты. Он направился к двери последним. Но прежде чем он успел выйти...

— Пойндекс?

Шеф службы безопасности повернулся. Обнаженная Эври лежала на коленях императора.

— Да, сир.

— Мое желание не оригинально,— сказал император и задумчиво провел пальцем по телу Эври.

— Да, сир?

— Один из моих коллег... давным-давно...

Рука остановилась. Он сжал пальцами нежную плоть.

— Калигула.

— Да, сир.

— Его принято порицать. Он не умел обращаться с деньгами, но во многих вопросах продемонстрировал настоящий талант. К сожалению, историки почему-то обращают слишком пристальное внимание на его пристрастия.

Император еще сильнее сжал пальцы. Эври тихонько застонала.

— Очень несправедливо,— заявил он.

— Да, сир.

Император снова посмотрел на Эври — Пойндекс был окончательно забыт.

— Красивая,— сказал император.

Пойндекс быстро вышел из комнаты, однако прежде, чем дверь за ним захлопнулась, он услышал отчаянный крик Эври.

Глава 13

Кал'гата, сэр Танжери, пронзительно свистнул, нарушив долгое молчание, которое повисло в комнате, пока он обдумывал слова сэра Эку. Свист означал удивление и заинтересованность.

— Я понимаю,— заговорило существо,— почему вы так тщательно подбирали слова. Ведь то, что вы сказали, очень легко неправильно понять. Вашу речь можно расценить как очень тонкую попытку выяснить, испытывают ли кал'гаты недовольство империей в том виде, в каком она возродилась после возвращения императора.

— К счастью,— подхватил Эку,— я знал, что обращаюсь к существу, наделенному высокоразвитым интеллектом, поэтому и не боялся быть неправильно понятым.

Танжери снова свистнул, а Эку помахал в воздухе усиками, показывая собеседнику, что он в восторге от изысканного обмена репликами, продолжавшегося вот уже два земных часа. Эку иногда жалел, что все занятия, которые стимулировали его интеллект — исто-

рический анализ или любимая игра людей го, — наводили на Танжери такую скуку, что его черно-белый мех вставал дыбом; а любимые занятия Танжери — сложнейшие топологические уравнения и создание карт Вселенной, содержащих дополнительное, искусственное восьмое или девятое измерение, — Эку рассматривал как интеллектуальную мастурбацию.

Общий интерес у них был один — тонкости дипломатических приемов. Однако каждый из них знал, что на самом деле это всего лишь дружеская беседа: в «настоящем» соревновании никакой борьбы не будет.

Причина, по которой империя предпочитала дипломатов манаби, заключалась в их пацифизме и неизменном нейтралитете. Увидев выгоду для своего народа в том, чтобы принять чью-нибудь сторону, кал'гаты, ни секунды не сомневаясь, именно так и поступали, даже если при этом приходилось пролить моря крови.

— Если я правильно понял то, что вы сказали некоторое время назад, — продолжал Танжери, — был упомянут человек по имени Стэн. Кроме того, мне кажется, вы считаете, будто его легкомысленный и бесполезный жест, заключающийся в размахивании интимными частями тела перед носом императора, имел самые серьезные цели.

— Вы почти правильно поняли то, что я сказал, — проговорил сэр Эку. — Прошу вас, продолжайте.

— Очень романтично. Одно существо против целой империи. На первый взгляд создается именно такое впечатление. А знаете, я произвел собственный анализ данных, которые вы любезно послали мне по секретным каналам. Я имею в виду данные об описываемой вами забавной ситуации, в которой, с вашей точки зрения, империя сама себя губит. Вы обладаете редким талантом синтезировать вымысел.

Оба знали, что самоубийственное падение империи вовсе не вымысел.

— Как я уже говорил, воспользовавшись вашими данными, я сделал кое-какие выводы. Исключительно в духе интеллектуальных упражнений, которые создали вы. Если хотите, я представлю на ваш суд один отрывок. Коротко скажу только, что при определенных условиях, естественно указанных мной, одно существо — вроде человека, который находится в данный момент вне закона, — вполне в состоянии поколебать устои целой империи. Если империя не сумеет ответить правильно на этот небольшой кризис, можно предположить, что возникнет более серьезная ситуация, которая охватит большую территорию. Далее последуют колебания, и, если они будут продолжаться некоторое время, вся система может зайти в тупик или — при достаточно благоприятных обстоятельствах — будет полностью разрушена. Очень интересно.

Танжери замолчал и принялся поглаживать шупальцем длинные лицевые сенсоры, а потом уселся на хвост — толстый мохнатый черно-белый трипоид. В таком положении при необходимости он мог просидеть несколько часов, а то и целые дни.

— Действительно, любопытно, — согласился Эку. — И я бы с удовольствием изучил ваши выкладки. Исключительно ради интеллектуального развлечения, конечно. Но вы упомянули еще кое о чем — возможно, я неправильно вас понял.

— Приношу вам мои искренние извинения. Я становлюсь старше и начинаю страдать многословием, а иногда в моих речах даже появляются неточности.

— Нет, — возразил Эку. — Вы высказались совершенно четко. Просто меня заинтересовало, что именно вы имели в виду под «определенными условиями».

— Тут речь может идти сразу о нескольких факторах, — хладнокровно ответил Танжери. — Самым замечательным из них является вопрос о том, сумел ли заключить вышеупомянутый Стэн тайный союз с некой расой, которая, когда дело доходит до большой политики, обычно сохраняет или, по крайней мере, пытается сохранять нейтралитет.

— Что? — переспросил Эку.

Неужели Танжери хочет удостовериться в том, что манаби приняли сторону Стэна? Нет. Вряд ли он будет гордиться собой, если сумеет установить то, что и так очевидно — Эку разве что не поднял флаг с боевыми цветами Стэна над своими бастионами.

— Да. А еще я представил себе другую многочисленную расу. Довольно воинственную.

Сэр Эку молча парил в воздухе.

— Расу, которая сохраняла верность императору во время Таанской войны, но при Тайном совете придерживалась холодного нейтралитета.

Вот оно! Именно за этим сэр Эку и предпринял такое далекое и опасное путешествие.

— Ммм, — сказал он. — Возможно, к вашим словам следует добавить, что эта гипотетическая раса после возвращения императора практически не была вознаграждена за свою верность — по той причине, что созвездия, которые она контролировала, какими бы многочисленными они ни были, находились довольно далеко от сердца империи.

— Их более двухсот пятидесяти, этих созвездий. — Сэр Танжери пронзительно свистнул, и с дипломатическими увертками было покончено. — Многие представители нашего народа, пользующиеся огромным уважением среди своих сограждан, были убиты Тайным советом. А во время Таанской войны погибло около двух миллионов кал'гат. Теперь же о нас забыли. Количество АМ-два сильно огра-

ничено. Если бы в качестве горючего для космических кораблей можно было использовать дерево, мы бы уже давно рассмотрели эту возможность. Да, — продолжал Танжери, — император забрал себе ключи от огромной системы и не пускает нас туда. Кал'гаты больше не пойдут рядом с императором по одной дороге. Войдите в контакт со Стэном. Расскажите ему о нашем разговоре. Для того чтобы принять участие в войне, нам не хватает только АМ-два. Спросите, что ему нужно — корабли, солдаты, фабрики? Все, что угодно. Кал'гаты приняли решение. Даже если мы ошиблись и восстание Стэна будет подавлено, а часть империи упадет в варварство, это все равно будет лучше, чем абсолютный хаос, в который нас неизбежно ввергнет император. Скажите Стэну и об этом тоже.

«Двести пятьдесят созвездий — звучит совсем неплохо, — подумал Эку, когда вернулся на свой корабль, чтобы отдохнуть и подготовиться к банкету, который должен был состояться на следующий день. — Однако с точки зрения бескрайней империи, включающей в себя многие галактики, это так, мелочь. И все же начало положено».

Эку подлетел к полке в стене — свободно парящие манаби называют такое приспособление письменным столом — и принялся просматривать бумаги, доставленные курьерским кораблем во время переговоров с Танжери.

Будучи существом дисциплинированным, Эку сначала взялся за официальные документы, но его внимание было приковано к небольшой стопке личных писем — послания от коллег, друзей и одной из его бывших любовниц. И еще что-то. Мерцающее.

Невыносимо. Щупальце протянулось вперед и коснулось странного предмета. Микрофиша заискрилась калейдоскопом красок, разные цвета волнами поплыли по ее поверхности.

Коммерческое предложение. Мог бы и догадаться. Вот только как им удалось узнать его личный почтовый код? Сэр Эку присмотрелся повнимательнее.

Обратный код написан вручную. Марр и Сенн? Эку задумался и довольно быстро вспомнил. Бывшие поставщики императорского двора. Сэр Эку относился к ним с симпатией. Он, как и все, кто знал двух однополых любовников, которые никогда не расставались, был очарован милченами. Сэр Эку познакомился с ними на официальном банкете и был поражен, что они не только побеспокоились о том, чтобы найти и синтезировать любимую еду манаби, но еще и постарались выяснить — Эку не знал, как им это удалось, — какие блюда он любит больше всего. Кроме того, его несколько раз приглашали на вечеринки в знаменитую «башню света» — так назывался дом милчендов, расположенный на окраине Прайма.

Что нужно Марру и Сенну от дипломата сэра Эку? Кажется, они ушли в отставку.

Он коснулся микрофиши в определенном месте. В воздухе возникло два голографических изображения. Марр и Сенн. Усики едва заметно подрагивают.

— Мы приветствуем вас с глубочайшей любовью, сэр Эку,— пропели они и исчезли.

Значит, персонифицированная реклама.

Удивительные ароматы чудесной кухни коснулись его органов обоняния. Появилось крошечное голографическое изображение тарелки, от которой поднимался пар. Потом возникла другая голограмма, на этот раз официального банкетного стола. Ага! Очевидно, милчены начали какую-то новую кампанию по доставке продовольствия, решили, что сэр Эку находится где-то рядом с Праймом и захочет воспользоваться их услугами.

Непонятно. Деньги им не нужны. Вероятно, им стало скучно, и они решили вернуться в бизнес.

Стол исчез, снова появились Марр и Сенн. Подтвердили, что их услугами можно воспользоваться, и предложили...

Раздался бой часов. Эку посмотрел на стену, где они висели, и понял, что опаздывает. Затем взглянул на длину записи и удивился. Осталось около тридцати земных минут. Эку уже и так потратил время, которое мог бы использовать на то, чтобы подготовиться к встрече с Танжером. Однако он колебался, микрофиша притягивала его. Нет. Все-таки это какая-то бессмыслица, думал он, хотя и понимал, что в данный момент следовало заняться другими, более срочными делами.

Очень, очень странно. Однако он уже практически опоздал на банкет...

Возможно, позже.

Конвой мчался сквозь гиперпространство — восемнадцать транспортных кораблей с войсками и всего два дозорных катера, следовавших впереди конвоя в качестве эскорта. Они не знали, что в засаде, всего в нескольких световых минутах, их поджидают две акулы.

— Похожи на стаю трески,— сказал своему брату-берхалу Уолдмену, находящемуся на борту «Аойфа», берхал Флю, командир эсминца «Айслинг».— Когда они, ослепленные солнцем, беззаботно плывут на мель, туда, где расставлены сети. Точнее,— поправил он себя,— туда, где их поджидают люди с копьями.

— Тактика, сэр? — спросил Уолдмен, на класс младше Флю, не смотря на то что у обоих был одинаковый чин — берхал.

— Как договорились. Наносим удар и разбиваем строй.

— Один удар и сразу уходим?

Флю колебался.

— Скорее всего. Но будьте готовы к изменению плана.

— Сэр, мне трудно поверить, что этот конвой отправлен практически без сопровождения. Может быть, лучше залечь и подождать, пока он пройдет, убедиться, что нас не ждут никакие неприятные сюрпризы, а потом ударить по ним с тыла?

— Приказ остается в силе, берхал,— резко проговорил Флю.— Если они почуют наше присутствие, то разбегутся в разные стороны. Сейчас у нас появилась возможность одержать серьезную победу над империей. И тогда наши имена навсегда войдут в историю.

Уолдмена, как и большинство хондзо, слава интересовала гораздо меньше, чем возможность с честью остаться в живых да еще получить при этом прибыль, однако он промолчал.

— Слушаюсь,— сказал Уолдмен и отвернулся от экрана.

Команда «Аойфа» уже собралась в капитанской рубке и ожидала приказов.

Минуты корабельного времени медленно утекали... ноль! Оба эсминца на полной скорости врезались в конвой.

На борту имперских кораблей взвыли сирены тревоги, и два дзорных катера бросились между атакующими в храброй, но совершенно бессмысленной попытке хотя бы немного помешать нападающим. Они были мгновенно уничтожены.

И тогда волки проникли в овечью стаю, которая распалась,— корабли заметались, надеясь спастись, всюду их настигали ракеты повстанцев. Эсминцы хондзо промчались сквозь рассыпавшийся конвой, оба опытных капитана сумели подвести свои боевые машины так близко к имперским судам, что смогли воспользоваться автоматическим оружием — всего на доли секунды, однако этого оказалось достаточно.

«Аойф» и «Айслинг» уничтожили переднюю часть конвоя. Четыре транспортных судна с солдатами перестали существовать, а три остальных получили серьезные повреждения.

— Еще один общий удар,— приказал Флю,— а потом выбирайте себе одиночные цели, уничтожим их всех по очереди.

Уолдмен снова приготовился возразить. Такие действия не только противоречили здравому смыслу, но и были нарушением приказа Стэна. Посылая их на это задание, он велел им устроить как можно больше беспорядка и внести панику в ряды противника, но ни в коем случае не рисковать.

— У вас быстрые корабли,— сказал тогда Стэн,— однако это не означает, что вам позволено испытывать судьбу. В нашем распоряжении всего четыре корабля — бхоры еще не готовы принять участие в сражении. Сражайтесь — но вернитесь назад!

Прежде чем Уолдмен принял решение, стоит ли что-нибудь говорить по этому поводу, на экране появился эскорт, прикрывавший транспорт с тыла.

Четыре имперских легких крейсера и одиннадцать тяжелых истребителей.

Зазвучал сигнал предупреждения.

У Флю не было ни времени, ни необходимости отдавать новый приказ. Оба эсминца включили дополнительную скорость, задали своим компьютерам поиск случайных маршрутов и попытались удрать с поля боя.

В самый последний момент при отступлении офицеры-стрелки успели запустить «Кали». А все остальные хондзо принялись отчаянно молиться своим богам.

Загорелся истребитель, когда в него попала ракета, а у одного из легких крейсеров куда-то подевался нос. Однако молитв оказалось недостаточно — или боги, присматривающие за этим сектором гиперпространства, возжелали кровопролития. Потому что имперские суда нанесли ответный удар.

Оба эсминца повели заградительный огонь противоракетным оружием. Но ракет было выпущено слишком много.

Уолдмен увидел: «Кали», выпущенная с имперского корабля, приближается к «Айслингу»... Лицо Флю на экране, его широко раскрытые глаза, вой сенсоров, предупреждение об опасности...

В следующее мгновение экран погас — связь с «Айслингом» прервалась.

— Прямое попадание в «Айслинг», сэр, — доложил Уолдмену офицер, ведущий наблюдение, совершенно спокойным голосом, как его и учили. — Подождите... подождите...

Уолдмен не обращал на него внимания.

— Навигаторы! Орбита! Курс на столкновение... последняя позиция «Айслинга».

— Есть!

— Подождите... подождите... — монотонно бормотал командир группы наблюдения. — Экран чист. Никаких признаков «Айслинга», сэр.

— Спасибо, я был бы вам крайне признателен, если бы вы немного помолчали.

— Ракета приближается, — прозвучал доклад. — Осталось семь секунд... наши снаряды не успели... четыре секунды...

И «Аойф» промчался сквозь почти пустое пространство, где только что находился «Айслинг». *Почти* пустое; там хватало обломков, чтобы смутить офицера, направлявшего «Кали». Промаях. Имперский офицер на главной станции слежения ничего не выражающим голосом доложил, что противник все еще цел и невредим. Последовал второй залп.

Но было уже слишком поздно. «Аойф», поджав хвост, сумел убежать от снарядов, а потом и от бросившихся вдогонку истребителей.

Имперские крейсеры остались далеко позади, в его «кильватерной струе».

С начала боя прошло всего семь минут.

Имперские потери: уничтожено два легких катера эскорта. Один тяжелый эсминец. Четыре транспорта с солдатами. Серьезно поврежден легкий крейсер. Один транспортный корабль пришлось бросить и взорвать после того, как оставшиеся на нем солдаты были эвакуированы. Еще один транспортный корабль доставлен в ближайший имперский док — выяснилось, что восстановить его уже невозможно. Потребуются долгие месяцы ремонта, прежде чем оставшиеся два транспортных корабля можно будет снова использовать по назначению.

Погибло почти полторы тысячи имперских моряков. Семь тысяч хорошо обученных имперских солдат.

А у повстанцев? Уничтожен один эсминец. Погибло двести девяносто три повстанца хондзо.

Грандиозная победа империи.

Стэн с мрачным видом отвернулся от экрана, на котором наблюдал гибель «Айслинга». Господи! Он был рад, что берхал Флю отправился в мир иной. Потому что, если бы он остался в живых, Стэну пришлось бы его расстрелять.

Ему очень хотелось разжаловать Уолдмена, и в другой ситуации он бы так и сделал, но сейчас боялся потерять поддержку миров хондзо. Поэтому объявил погибших хондзо мучениками революции и, сказав, что новый боевой корабль будет назван «Флю», сообщил о награждениях матросов обоих кораблей.

Потом собрал офицеров «Аойфа», «Победы» и «Беннингтона» и заявил, что, если кто-нибудь мечтает стать генералом Курибайяши, им следует сказать об этом немедленно — он избавит их от необходимости вспороть себе живот после длительного и героического, но самоубийственного сопротивления. Стэн предложил заняться этим немедленно, до наступления летнего сезона.

Особенно серьезный разговор Стэн имел с бхорами. Как и всякий народ, специализирующийся на торговле, они обладали ярко выраженным чувством самосохранения. Однако в то же время бхоры славилась своими знаменитыми приступами ярости, которые они были практически не в состоянии контролировать, а Стэн больше не нуждался в мертвых героях.

Потом он постарался забыть об этом эпизоде.

И занялся выработкой дальнейшей стратегии. Можно ли осуществить еще какую-нибудь акцию, кроме тех, что уже предприняты? Он считал, что нет. Довольно скоро добровольцы из созвездий кал'гата начнут незаметно просачиваться в Волчьи миры. Стэну было необ-

ходимо заранее подготовиться к возмущенным воплям — он начнет переводить заслуженных ветеранов с кораблей бхоров и собственных, чтобы они взяли под свою команду суда новобранцев.

Кроме того, он так и не нашел того, кто мог бы проанализировать файлы Махони. Сначала Стэн хотел поручить это дело Алексу, да только шотландец был ему необходим в качестве командира разведки.

«Самое трудное, когда ты начинаешь революцию, — подумал Стэн, — найти подходящих исполнителей».

То немного, что он мог замыслить и реализовать, учитывая ограниченность возможностей, уже было сделано. Неожиданно перед его глазами предстала следующая картина: огромный шар из материалов, оставшихся после коллапса звезды, подвешен к самому сердцу пульсара. На кабеле. А он, словно маленькая мошка, долбит этот шар крохотным клювиком.

«Отлично, можешь придумать еще что-нибудь, чтобы поднять настроение? Вот, например: разыскать Килгура и Синд и пропустить парочку стаканчиков стрегга. Или поговорить с Килгуром, а потом спрятаться с Синд в какой-нибудь каюте и не выходить оттуда целый месяц».

Немного повеселев, Стэн отправился искать друзей.

Товарищи по революции складывали вещи.

Синд объяснила: она могла бы возглавить бхоров, но они представляли собой военную машину, которая действовала сама по себе. Ее другую обязанность — охрану Стэна — взяли на себя гурки. Кроме того, она вдруг увидела перспективу... еще до того, как Ото сделал свой хитрый тактический ход, Синд начала понимать, какие ограниченные возможности имеет деятельность вышибалы и командира вышибал.

Ее заинтересовала проблема АМ-2, и она обнаружила возможность уникальных исследований. Тайный совет изо всех сил старался найти источник универсального топлива, но потерпел неудачу. Синд занялась — насколько это возможно на таком расстоянии от Прайма — изучением шагов, которые были предприняты.

— Поначалу, — вмешался Алекс, — когда барышня сообщила мне о своих идеях, я нахмурился, поскольку никак не мог понять, зачем интересоваться тем, чем занимался Тайный совет, раз любому известно, что у них ничего не вышло. А Синд мне объяснила, что самый лучший способ сэкономить время — выяснить, в каком именно месте ошибся твой предшественник, тогда тебе не нужно будет повторять его ошибки.

Синд продолжала.

Начальное расследование не принесло никаких результатов, и она начала думать, что, возможно, время все-таки было потрачено

зря. А потом случайно наткнулась среди рассекреченных данных о последних месяцах деятельности Тайного совета на сведения о том, что они ввели новую специальную должность энергетического царя — официально она называлась «секретарь АМ-2». Некий сэр Лаггут, который неожиданно исчез вскоре после встречи всех членов совета, устроенной, по слухам, для того, чтобы попытаться хоть каким-нибудь способом разрешить возникший кризис с АМ-2.

— Он, вероятно, встал и объявил: «У меня ничего нет», — задумчиво проговорил Стэн. — А его за это сделали клоуном.

— Может быть, — согласилась Синд. — Только сначала его взял под свое крылышко Кайс.

Кайс. Специалист по инопланетному искусственному интеллекту, который тоже исчез практически сразу после того, как совет принял в свои ряды Пойндекса, занимавшего до этого должность главы корпуса «Меркурий». Это исчезновение также не получило никакого объяснения. Стэн изучал деятельность совета и обнаружил, что раса, к которой принадлежал Кайс, была симбиотической, уровень интеллекта обеспечивался паразитом. Через некоторое время паразит брал верх, а г'орби превращались в слабоумных идиотов. Кайса, который давно переступил порог соответствующего возраста, скорее всего, однажды утром обнаружили лепечущим какую-то нечленораздельную чепуху на залитом солнцем подоконнике и без лишнего шума доставили в специальный приют.

— Возможно, — продолжала Синд, — последователи культа вечного императора верят в то, что он непосредственно общается со священными сферами, что бы это, черт бы их подрал, ни значило. Однако давайте подумаем, что у нас получилось. Кайс, компьютерный гений, и его дружок, тоже специалист в этой области, оба интересовались АМ-два. Да, и вот еще что: когда Кайс сошел с катушек, вся информация, которую Тайный совет накопил по АМ-два, была уничтожена.

— Угу, — пробормотал Стэн, почувствовав, что здесь что-то не чисто. — Я думаю, отчеты, которыми ты занимаешься, сплошная липа. Каким-то образом императору удалось стереть все файлы после своего возвращения. А потом он вставил микрофишу, которую ты теперь пытаешься расшифровать.

— Вполне возможно, — не стала спорить Синд. — Однако я отправляюсь к Лаггуту, просто чтобы задать несколько невинных вопросов. Если только ты не придумашь чего-нибудь получше.

Стэн уже давно придумал, но его идея вряд ли помогла бы им выиграть сражение с вечным императором, разве что подняла бы моральный дух самого Стэна.

— А ты собираешься отправиться вместе с ней? — поинтересовался он у Алекса.

— Не-ет, конечно, кретинское это дело. Я иду к волшебнику. Точнее, хочу немножко заняться императором. У этой барышни все в порядке с головой, Стэн. Так что я решил перенять ее тактику. Только меня заинтересовала личность самого императора. Помнишь, когда мы были на Алтае и все полетело псу под хвост, ты из кожи вон лез, чтобы с ним связаться, а у тебя ничего не вышло? Когда Искра поубивал всех студентов?

Стэн помнил прекрасно. Тогда он многократно пытался связаться с императорским дворцом на Прайме по прямой линии связи. А ему отвечали, что император болен.

— Я все время считал,— сказал Стэн,— что он просто не хотел со мной разговаривать. Я так и не понял, что тогда произошло, и, если честно, забыл об этом эпизоде.

— Точно. Конечно, вполне возможно, что император не хотел с тобой разговаривать, приятель. Только я решил все-таки проверить. С Праймом можно связаться, если у тебя среди богомоллов есть приятели, которые вышли в отставку и получили теплые местечки в имперской системе связи, верно? И еще парочка приятелей, владеющих частными агентствами. Я выяснил одну любопытную штуку. Примерно в то же самое время, хотя, естественно, с точностью до дня сказать нельзя, император отправился на Землю. По-тихому, без фанфар.

— Зачем?

— Понятия не имею. Всем было объявлено, что он поехал отдохнуть и половить рыбу. И больше ничего. А еще мои источники среди имперских военных сообщили одну маленькую деталь. Примерно тогда же, когда император отправился на рыбалку, несколько ребят получили специальное задание, выполнение которого требовало их присутствия при дворе императора. Ребята из отряда минеров.

Минеры. Специалисты по бомбам и эксперты по разминированию. Интересно, зачем они понадобились императору на Земле? Стэн немного подумал, а потом кивнул. Пришла пора отправить кого-нибудь на Землю и выяснить, что же там, черт подери, произошло.

— Я собираюсь на Землю,— сказал Алекс, заметив его кивок.— Хотя меня туда совершенно не тянет. Неприятные воспоминания.

Совсем, кажется, недавно Стэн возглавлял отряд, направлявшийся на Землю, чтобы расправиться с Тайным советом, который организовал свою встречу в роскошном особняке на берегу реки Ампуа в Орегоне, там, где раньше император ловил рыбу. Из десяти членов отряда один лишь Стэн остался в живых — а ведь все они были опытными оперативниками из спецотряда богомоллов и друзьями Алекса и Стэна. Да, еще одно место — кроме Вулкана,— с которым были связаны тяжелые воспоминания.

— Ты собираешься искать что-нибудь определенное?

— У меня нет никаких зацепок. Просто поброжу немного и постараюсь держать нос по ветру. Я попросил господина Вайлда дать мне небольшой корабль и пилота. Он предоставил в мое распоряжение катер и самого лучшего, по его словам, пилота. Барышню зовут Хотско. Вайлд говорит, что она сама вызвалась. Поэтому можно не сомневаться, что она не в своем уме. Я с ней поговорил немного. Хорошенькая, если тебе нравятся стройные крошки с маленькими бедрами и сиськами и такой талией, что ее можно обхватить одной ладонью. Лично я, когда оказываюсь рядом с подобными красотками, всегда боюсь сломать их пополам. Однако, поскольку большинство жителей Земли наверняка посчитают ее невероятно привлекательной, мы в качестве прикрытия будем изображать из себя любовников. Если кто-нибудь, конечно, поверит, что эта Хотско с массой роскошных волос, прикрывающих корму, и блестящими глазами может заинтересоваться колодой вроде меня.

В свое отсутствие он назначил Марль, нового агента, и отвечающего за разведку при полицейском управлении бхоров констебля Пэна возглавлять программу по контршпионажу, в которой им успешно помогал ставший двойным агентом Хоне. На имперского шпиона снизошло озарение, в точности как и предсказывал Алекс во время разговора с Марль, после того как он провел несколько циклов в весьма специфической тюрьме бхоров.

— Так что все идет по плану, работает четко, как часы. А я собираюсь отправиться в путь. Может, кто-нибудь из вас хочет поцеловать меня на прощание? Я чистил клыки всего два века назад. Честно.

Вместо этого Стэн налил ему прощальный стаканчик. Или два. Синд тоже не отказалась пропустить стопочку.

Стэн громко застонал, склонившись над стреггом; он начал понимать на собственной шкуре, каково быть главой целого движения. Никаких тебе удовольствий.

Синд потрепала его по щеке.

— Так поется в одной старой песне,— сказала она.— «Ты просто стоишь, сделав ласковое лицо, и стреляешь во все, что движется».

«Просто стоишь,— подумал Стэн.— Вот уж нет, черт возьми!»

Ида тоже нарушила третье правило истинного главаря, параграф Д: старайся успеть три раза хрюкнуть, прежде чем до тебя доберется пуля. Стэн твердо решил держать цыган в резерве как можно дольше и воспользоваться их помощью в качестве глубоко законспирированных агентов или для тайной транспортировки небольших ударных отрядов. Рано или поздно их деятельность будет раскрыта — но Стэн надеялся получить от них как можно больше, прежде

чем они будут объявлены врагами империи. А это, естественно, означало, что сама Ида не должна и носа высовывать.

Она придумала отличный план, который Стэн с радостью одобрил. Только не стала утомлять его подробностями о том, кто будет агентом, отвечающим за выполнение этого ударного плана.

Ида планировала установить дьявольскую штучку сама. Романтики или те, кто никогда не был знаком с калдерсашами, подумали бы, что она собирается показать героический пример, возглавив акцию, или, возможно, страдает ностальгией по славным денькам, проведенным в спецотряде богомоллов. На самом же деле Ида быстро сообразила, что агент, которому выпадет счастливый шанс выполнить это задание, получит двойную прибыль. Впрочем, Ен Вайлд тоже мгновенно это понял.

Поэтому невероятно толстая и важная женщина в сопровождении своего мужа, похожего на мышку, прибыла на торговую планету Гиро. Оказалось, что муж очень богат, но его держат под каблуком. Однако, поскольку супружеская пара прибыла с несколькими миллионами в твердой валюте, никто не стал обращать внимания на их семейные отношения.

Цивилизации, гуманоидные и все прочие, имеют обыкновение относиться очень серьезно к определенным идеям. Одной из самых популярных является следующая: акции, ценные бумаги и прочие штуки имеют непосредственное отношение к процветанию правительства (корпорации), которое их выпустило. Парижская фондовая биржа, Уолл-стрит, Аль-Манамах, Система Дркс'л — все они многие века действовали, руководствуясь этим заблуждением.

Ида давным-давно разработала два правила безопасной торговли:

- избегай известных истин;
- ценные бумаги — еще не компания.

Этот неаристотелевский подход к рынку как к системе взаимных договоров принес ей несколько триллионов кредитов. Во время периодических набегов (торговых операций) Ида сумела положить в свою копилку полезных фактов еще и вот какой: Гиро был миром, специализировавшимся на недвижимости и финансах, здесь находилась вся главная компьютерная сеть.

Официальной причиной, по которой Ида и ее муж, конечно, прибыли на Гиро, вместо того чтобы использовать брокерский дом на ее так и оставшейся неизвестной планете, было то, что Ида любила находиться в центре событий.

Впрочем, это тоже никого особенно не интересовало.

Однажды утром она и Вайлд торжественно вошли в только что открывшуюся торговую фирму «Чинмил, Боски, Траут и Гроссфрюнд».

Ида долго и тщательно выбирала фирму, и эта привлекла ее не своими размерами и многочисленными филиалами, а тем, что «ЧБТиГ» славились «либеральной» трактовкой имперских законов о безопасности. Ида знала, что обмануть мошенника в белом воротничке легче всего. Он не только убежден, что никому и в голову не придет хитрая афера, разгадать которую ему ничего не стоит, но и твердо убежден, что все остальные, от полицейских до дельцов, полнейшие идиоты.

Ида и Вайлд заявили о намерении сделать вложения за пределами своей звездной системы, а когда упомянули сумму, клерк немедленно отправил их к одному из владельцев, самому сэру Боски.

Ида сделала вид, что прислушивается к его советам, а потом, устроившись за центральным терминалом, принялась покупать. И продавать.

При этом ее речь лилась безостановочно:

— Сэр Боски, теперь, если я поступлю так, как вы советуете, и начну делать крупные закупки трансмига, оставив сибиниум, подумайте, пожалуйста, о новом выпуске трелэни... Енатан, перестань метать икру, мы знаем, что делаем... Ага, избавимся от пяти процентов муниципальных акций Соуарда... посмотрите сюда... я могла бы им показать... отличный совет, мистер Боски, я уже говорила, меня интересует трелэни, хотя перспективы не кажутся такими уж очевидными...

За полдня Ида сумела полностью запутать Боски. Она ужасно веселилась — в душе, конечно: аферисты вроде «ЧБТиГ» будут в состоянии следить за ее операциями день, максимум два. Поэтому она продолжала свою болтовню, с бешеной скоростью покупая и продавая акции.

Боски очень хотелось предложить этой нахальной особе убраться прочь, но он заметил, что Ида удвоила свой капитал — и это всего лишь за два дня. Он стал слушать ее. Очень внимательно. И принялся тратить собственные деньги, а потом и капитал фирмы, повторяя действия Иды. Конечно, то, что Ида в действительности делала со своими деньгами, весьма существенно отличалось от того, что видел Боски, но пройдет немало времени, прежде чем уляжется суматоха и он сумеет подсчитать, сколько мегакредитов потерял.

Кроме того, Боски не заметил, что, пока Ида болтала, Вайлд незаметно запустил свою программу в главный компьютер фирмы. Первый этап. Потребовалась одна неделя, чтобы программа сделала свое дело.

Этой ночью начался второй этап. Ида и Вайлд после полуночи незаметно выскользнули из отеля и сели в гравитолет, который совсем недавно приобрел Вайлд. На следующий день Ида получила ужасное известие из дома. Дешевый, бездарный трюк, за который ее не-

медленно изгнали бы из любой серьезной академии, где готовят шпионов. Но бизнесмены, несмотря на хвастливые заявления о том, что они изучают военную стратегию, на самом деле лишь запоминают несколько громких историй, чтобы иметь возможность убедить собутыльников в собственной значительности.

Ида обещала Боски, что они очень скоро вернутся.

Вайлд и Ида отбыли на роскошном космическом лайнере, а на первой же планете пересели на один из кораблей Вайлда, который их там поджидал. Потом этот корабль сменил регистрационный номер и все прочее, так что даже лучшие эксперты не смогли бы его найти. В подобных делах цыгане не знали себе равных.

Еще до того, как они ступили на борт лайнера, начался третий этап операции: заработала автономная программа, которую Ида скопировала компьютеру в одном из дочерних отделений «ЧБТиГ» где-то на границе галактики.

Все вложения Иды были немедленно ликвидированы и переведены в твердую валюту — началась отмывка денег. Позднее полиции удалось проследить первые три шага, после этого следы окончательно затерялись.

Ида и Вайлд, которые и до того были настолько богаты, что могли считать Креза жалким оборванцем, утроили свои состояния. Они заработали так много, что Ида даже почувствовала себя немного виноватой и перевела крупные суммы на счета Стэна и Килгура — просто чтобы успокоить совесть.

— Как здорово, — заметила Ида, — что мы можем заработать, делая при этом доброе дело, или как там это принято называть у философов.

Второй этап завершился утром, когда открылись биржи и начался новый день.

Двадцать шесть маленьких, но очень удачно расположенных ядерных зарядов взорвали компьютерный центр Гиро — именно здесь хранилась вся информация о владельцах недвижимости империи. Заряды были изобретены и изготовлены Килгуром, выдающимся мастером своего дела, еще до того, как он отправился на Землю.

Общее количество жертв: один служащий, который случайно оказался на территории центра, и несколько охранников.

Уже через наносекунды весть о катастрофе разнеслась по всем каналам связи. Паника. Кто... почему... что может извлечь... как такое... анархия... чудовищное преступление... против всех законов...

Цены на акции упали на сотни тысяч пунктов. А потом мгновенно подскочили снова, когда восстановилось некоторое подобие порядка.

Катастрофа не была столь уж страшной. Ведь существовала дублирующая компьютерная сеть. Не вызывало сомнений, что чудовище, учинившее сей акт вандализма, не могло об этом знать.

Заработал главный дублирующий компьютер.

Одновременно включилась программа Вайлда.

Младший партнер «ЧБТиГ» заметил это первым, как только загорелся его дисплей. На экране вместо списка биржевых курсов появился портрет вечного императора. Очень серьезного. В парадной форме. Его палец указывал прямо на клерка. Строгий голос императора произнес: «ТВОЯ ИМПЕРИЯ НУЖДАЕТСЯ В ТЕБЕ».

Портрет продолжал занимать весь экран, и младший партнер не выдержал, начав ругаться по поводу кретинских политиков и кретинских... Тут он замолчал, испуганно озираясь по сторонам: ходили слухи, что служба ВБ давно ведет постоянное наблюдение за всеми гражданами империи.

И сделал перезагрузку.

Перезагрузка активировала вирус, запущенный Идой. Неожиданно империя захотела всех и каждого, и служащие принялись ругаться про себя — любой бы возмутился, если бы ему стали напоминать о правилах противопожарной безопасности, зная, что вот-вот начнется пожар...

Новая перезагрузка...

...И вирус распространился еще дальше. Он расползлся все быстрее и быстрее... Дублирующая компьютерная система не выдержала и тем самым послала вирус в следующую запасную систему.

Вся биржевая сеть империи теперь представляла собой страну дураков.

Прошел почти цикл, прежде чем на биржах восстановилось нечто похожее на порядок. Когда начинается паника, всякий хороший капиталист стремится вложить средства в золото, избавиться от всего и иметь что-нибудь надежное. Однако мало кому удалось это сделать. Многие биржи закрылись. Банки объявили, что у них начались внеочередные каникулы. Некоторые весьма процветающие корпорации были вынуждены объявить о банкротстве, когда держатели акций начали повсюду их продавать; и, как это часто бывает, некоторые уже почти разорившиеся компании вдруг сумели перехватить инициативу и стать их преемниками. При заключении сделок торговцам приходилось составлять контракты на бумаге! Покупка и продажа требовали теперь личных контактов!

Стэн был очень доволен. Афера Иды привела к желаемому результату: при ликвидации предприятий все стремились вложить освободившиеся деньги во что-нибудь надежное — естественно, самыми надежными были кредиты, обеспеченные имперскими запасами АМ-2, которые стремительно дорожали. Некоторое время казалось, что, несмотря на колоссальные суммы, выброшенные на рынок главными банками империи, катастрофа неизбежна. В конце концов финансовые вливания императора сработали, и маятник перестал

раскачиваться. Но тут появилась мошка с крохотным клювиком — и шар вновь сдвинулся с места. Еще один фронт на войне, начатой мятежниками.

Стэн занимался обедом. Настроение у него было паршивое, он все время напоминал себе, что лучшая месть императору — получать удовольствие от жизни.

Еда, которую он себе готовил, называлась земным бутербродом. С говяжьим бифштексом.

Утром, еще до того, как бумажная работа и все прочие проблемы поглотили его внимание, Стэн отрезал несколько кусочков мяса толщиной в три сантиметра. Положил в маринад — одна треть рафинированного оливкового масла, две трети замечательного темного пива, с которым он свел знакомство перед последней встречей наедине с вечным императором, соль, перец и немного чеснока. Теперь мясо уже как следует промариновалось.

Стэн взял размягченное масло, положил туда чайную ложку сушеной петрушки, эстрагона, тимьяна, намазал масло на только что испеченную мягкую булочку, завернул ее в фольгу и поставил греться.

После этого нарезал лук. Много лука. Потушил лук в масле с перцем. Когда лук начал шипеть, согрел в кастрюле пол-литра сметаны, смешанной с тремя столовыми ложками редьки. Затем чуть прожарил мясо, сделал на нем диагональные надрезы, положил бифштекс на булку, лук на мясо, сметану на лук и совершил грех, заключавшийся в чрезмерном поглощении холестерина.

В качестве гарнира Стэн нарезал тонкими ломтиками помидоры с соусом из уксуса, оливкового масла, базилика, шнитт-лука и приготовился запить все это пивом.

В этот момент раздался сигнал коммуникатора. Это был Фрестон — не прослушивается ли данная линия связи? Естественно, не прослушивается. Фрестон доложил: он только что закончил весьма любопытный анализ того странного сигнала, отправленного в пустоту роботами ведущего корабля из конвоя АМ-2, на который было совершено нападение в районе Дьюсабля.

Стэн решил сначала выслушать Фрестона и только потом устроить ему выволочку, напомнив, что он больше не является офицером связи, а должен выполнять свои непосредственные обязанности командира корабля и оставить в покое проблемы связи.

Фрестон сообщил, что на самом деле сигнал ушел не в пустоту. Он был направлен в сторону погибшей, давно забытой системы. Фрестон одолжил у бхоров один из их разведывательных кораблей, настроил сенсоры таким образом, что они до определенной степени стали соответствовать тому высокотехнологичному оборудованию, к которому он привык, находясь на службе у императора, а затем отправился в эту мертвую систему.

На одной из планет ему удалось обнаружить небольшую ретрансляционную станцию. Фрестон не стал рисковать и садиться на планету; он даже не решился производить электронное сканирование, поскольку опасался, что на станции могут быть ловушки.

Он начал объяснять Стэну, что думает по поводу своей находки. Однако Стэн и так понимал. Фрестон обнаружил первую промежуточную станцию, через которую направлялись таинственные конвои с АМ-2, управляемые роботами.

Очевидно, конвой прибывал в эту звездную систему непосредственно из того места, где производилась добыча АМ-2, либо получал сообщение: «следуйте дальше», либо «путь закрыт», либо «изменить курс». В соответствии с сигналом транспорт отправлялся на Дьюсабль или в сторону какого-нибудь другого хранилища АМ-2, а в случае необходимости менял направление или...

Интересных предположений возникало множество.

— Корабль бхоров по-прежнему находится в той звездной системе?

— Так точно, — ответил Фрестон. — Я приказал им затаиться, настроить пассивные принимающие устройства и не предпринимать никаких активных разведывательных действий без моего распоряжения.

— Когда корабль бхоров впервые появился в системе, велись какие-нибудь передачи?

— Никаких.

— А с тех пор?

— Строго говоря, никаких. Однако электронные сенсоры, установленные на корабле, сообщают, что на всех волнах происходит увеличение выходного напряжения — такое впечатление, что станция готовится к передаче.

Стэн забыл об обеде и о выговоре, который собирался сделать Фрестону.

— Оборудование на разведывательном корабле сможет уловить сигнал, похожий на тот, что вы засекли на Дьюсабле?

— С легкостью.

— Расстояние?

— Вы доберетесь туда за три земных дня.

Стэн ухмыльнулся: Фрестон хорошо знал своего босса.

— Отлично. «Аойф» готов стартовать?

— Так точно.

— Я отправляюсь в путь. Скажите капитану...

— Уолдмен, сэр.

— Это будет прекрасная возможность реабилитироваться за катастрофу с конвоем. Пусть «Аойфу» придадут тактический корабль. И еще: установите надежную связь между такшипом и эсминцем. Срочно.

— Есть, сэр. Вы будете сами командовать тактическим кораблем?

Стэн уже совсем было собрался кивнуть: естественно. Но вовремя успел одернуть себя: «Кончай, приятель. Ты уже давно успел всем все доказать. Не будь дураком».

— Нет,— ответил он, чем невероятно удивил Фрестона.— Я хочу крутого пилота — у меня уже есть один на примете. Конец связи.

Стэн успел выйти из своих покоев еще до того, как окончательно потемнел экран. Часовой из отряда гурков едва успел взять на караул — и остался далеко позади, в кильватерной струе мчавшегося вперед Стэна.

В одной руке Стэн держал шлем и оружие — пистолет, запасные патроны и кукри, а на плече у него висела сумка с трехдневным запасом продовольствия и туалетными принадлежностями — с этими вещами он никогда не расставался.

Ида, сама того не желая, подала пример. Пришло время немного размяться.

Еще более века назад сэр Эку понял, что дипломат должен обладать тремя талантами: никогда не принимать происходящие события близко к сердцу, выглядеть довольным, когда на банкете предлагается умершая от старости недожаренная курица, и самое главное — научиться легко переносить скуку. Не только длинные, усыпляющие совещания, когда начинающие политики стремятся доказать, что они способны на большие дела, но и бесконечные часы утомительных путешествий.

«Интересно,— думал Эку,— как экипажи космических кораблей, особенно в прошлом, умудрялись не сойти с ума?» Он даже провел небольшое исследование этого вопроса. Узнав об убийствах, мятежах и других отклонениях от нормы, имевших место на старых космолетах, Эку понял, что эту проблему решить до конца так и не удалось.

Теперь, во время утомительного, бесконечного пути домой из миров кал'гатов, да еще с учетом того, что их корабль из соображений безопасности был вынужден прервать связь с внешним миром, Эку начал подумывать о том, что мятеж не такая уж дурная идея, хотя постоянно и напоминал себе, что манаби не должны страдать от скуки и его состояние лишь результат многолетнего общения с людьми.

Он просмотрел все фильмы, имевшиеся на борту маленькой яхты, прочитал все книги, написал бесчисленные отчеты и программы, а до Сейличи оставалось еще четыре дня пути.

Наконец скука привела его к микрофише Марра и Сенна. Эку и раньше хотел посмотреть ее, но всякий раз что-то его удерживало.

Вспомнив о кулинарных способностях милченгов, он решил, что просмотр микрофиши может оказаться последней каплей, в особен-

ности учитывая то, какой гадостью их кормил повар на яхте. Теперь Эку пришел к выводу, что вполне сможет продержаться четыре дня, прежде чем получит что-нибудь по-настоящему питательное.

Он снова коснулся микрофиши и вновь увидел Марра и Сенна, которые вежливо поприветствовали его, обратившись по имени. И снова ощутил тонкий аромат. Два неразлучных существа еще раз сообщили ему о предоставляемых услугах и показали меню.

Эку сразу встревожился. Проблемы. Меню было представлено как бы между прочим, словно экономические трудности заставили Марра и Сенна заняться новым для себя делом. Однако это невозможно. Стало быть...

Голографические изображения замерли. Марр и Сенн смотрели друг на друга.

— Мне кажется, если кто-то заинтересовался вашей почтой, к этому моменту ему уже наскучило на нас смотреть, — сказал Марр.

— Надеюсь, — заметил Сенн. — Сэр Эку, нам нужна ваша помощь. Верю, что именно вы смотрите на это послание, а чужие...

Он вздрогнул и весь сжался, словно налетел порыв ледяного ветра. Марр подошел поближе, стараясь успокоить друга.

— ...Чужие, — продолжал он, немного успокоившись, — не смотрят. У нас возникли проблемы. Нам нужно связаться со Стэном. Мы не знаем, известно ли вам, где он находится, и обращаемся к вам только потому, что вы с ним вместе работали во время процесса — тогда, когда те ужасные пять существ, чьи имена я не хочу называть, подверглись справедливому наказанию. Вы — наша единственная надежда. Нам просто необходима помощь Стэна. И кое-кому еще. Я не назову имени этого существа. Однако можете сказать Стэну, что он прекрасно помнит это существо. Сообщите ему, что речь идет о вечеринке и о том, что произошло после. В саду. Черный шар напротив луны — так бывает всего три раза в год. Это существо помнит Стэна. Если он поймет, о ком идет речь, передайте ему, что у его друга неприятности. За ним охотится император. Мы...

Его перебил Марр.

— Мы слышали, где находится это существо, — сказал он. — И если император узнает, что нам это известно, на нас тут же начнется охота. Мы не располагаем точными сведениями о местонахождении этого существа. Мы чувствуем, что сеть заброшена — где-то совсем рядом — теми, кто желает нам зла. Рано или поздно, если рыбак будет продолжать забрасывать свою сеть, мы в нее обязательно попадем.

Милчены придвинулись поближе друг к другу, пытаясь найти любовь и защиту друг у друга.

— Больше мы ничего не должны говорить, — промолвил наконец Сенн. — Передайте Стэну, что мы ждем его помощи. Спросите

его, можем ли мы на него рассчитывать. Он знает, где нас найти. Мы ничего не предлагаем ему. Но... передайте следующее: он не должен рисковать всем. Мы так считаем, и его друг согласен с нами. Если, помогая нам, Стэн подвергнет риску свое дело, он не должен ничего предпринимать. Он обязан одержать победу.

Крутой пилот Ханнелора ла Сиотат задумалась — насколько вообще может задуматься человек, выбравший себе профессию, двумя важнейшими составляющими которой является невозможность разговаривать, не размахивая руками, и беспокойство о том, что будут подавать в качестве фирменного блюда в офицерском клубе, — почему она присоединилась к восстанию.

Никто, кроме ее товарищей-повстанцев, не знал, что она была пилотом Стэна, когда он заманил в ловушку адмирала Масона и «Калигулу». Но даже если бы ей и были предъявлены обвинения, она вполне могла бы сослаться на то, что опасалась за свою жизнь в случае невыполнения приказа. По правде говоря, Ханнелора ла Сиотат была одним из первых пилотов такшипов «Победы», перешедших на сторону Стэна.

Сама для себя она сформулировала три причины. Первая: империя представлялась ей в виде толстозадых старших офицеров, которые не в состоянии понять, каким важным с тактической точки зрения является умение пролететь на максимальной скорости под каждым мостом, находящимся в самом центре любого столичного города; генералов, которые рано или поздно заставили бы ее припарковать свой корабль и начать летать за письменным столом. Вторая причина заключалась в том, что Стэн тоже был пилотом и разговаривал на одном с ней языке. В-третьих, она получит гораздо больше возможностей сражаться и летать, оставаясь с повстанцами, чем на службе у императора. Ла Сиотат старалась не думать о четвертой причине, которая гласила: а почему бы и нет, потому что это означало бы, что пилоты относятся к типу людей, часто совсем лишенных здравого смысла. В особенности пилоты тактических кораблей.

Она слушала инструктаж Стэна на борту «Аойфа» с определенной долей скептицизма. Стэна это явно позабавило.

— У вас вопрос, лейтенант? Прошу прощения, капитан. Кстати, примите мои поздравления по случаю повышения в звании.

Ла Сиотат пожала плечами. Больше количество звезд на погонах означало всего лишь большее количество кредиток, оставленных в баре офицерского клуба в день зарплаты, поскольку сержанты-пилоты и адмиралы-пилоты все равно летали на одних и тех же кораблях.

— В последний раз, когда у вас возник такой замечательный план, — стараясь быть максимально тактичной (правда, по этой ча-

сти у нее всегда были проблемы), начала она, — он состоял в следующем: «Эй, там, Ханнелора, давай-ка покончим с этой летающей коробкой!» Глупо, глупо, ужасно глупо, однако мы сумели заставить кретина Масона врасплох, а потом еще и унесли ноги. Теперь вы хотите попытаться снова проделать то же самое. Это будет гораздо труднее. Насколько я понимаю, мой тактический корабль вместе с какой-то паршивой консервной банкой...

Стэн прервал ее:

— «Аойф» будет там только для того, чтобы прикрыть в случае опасности наши задницы. Я не собираюсь ни в кого стрелять.

— Еще лучше! Один хилый кораблик, не поддержанный вшивым эсминцем, должен атаковать целый конвой, который несет самый важный источник топлива в империи... И вы думаете, нам удастся довести дело до конца? Проклятье! Боюсь, мы даже и ноги-то унести не сможем, не говоря уже о том, чтобы выполнить поставленную задачу. Кто позаботится о кораблях сопровождения?

— Их там не будет.

— О-хо-хо. Да вы меня не слушаете... Кстати, как, черт побери, я должна вас называть? Кроме «сэр»? Какой теперь у вас чин? Вождь? Герой? Наверное, вы назначили себя кем-нибудь почише простого адмирала.

— Попробуй называть меня Стэн. Без всяких чинов. И без «сэра».

— Договорились. Так вот, вы утверждаете, что империя посылает АМ-два без конвоя?

— Именно.

— Стэн, я хочу спросить: можно ли доверять разведке?

— Можешь сомневаться, задавать вопросы, ла Сиотат, но ответа ты никакого не получишь. Сама знаешь, секретность и все такое.

Ла Сиотат долго смотрела на Стэна.

— Не хотела бы я оказаться на вашем месте, — наконец сказала она. — Мне лишний адреналин ни к чему. Однако очень похоже на то, что мне придется принять участие в этой кретинской операции. Наверное, я родилась вместе с сестрицей-близнецом, причем мамочка решила, что глупого следует утопить, только папочка, как всегда, перепутал. Ладно, шкипер. Пойду поставлю в известность команду. Они будут в восторге. Бесстрашные добровольцы отправляются в долину Жажды и все такое. В следующий раз придется спросить у них разрешения, прежде чем засунуть в такую задницу.

Сразу за мертвой звездной системой Стэн, ла Сиотат и ее команда взошли на борт тактического корабля «Стернс». Между «Аойфом» и «Стернсом» установили постоянно открытую линию связи, а разведывательный корабль бхоров «Хеорот» остался наготове на дальней орбите в надежде, что ретрансляционная станция вновь начнет передачи.

Теперь оставалось только ждать.

Ла Сиотат, как всегда перед сражением, отправилась отдохнуть в свою крошечную конуру — каюту капитана, напоминавшую большой туалет с опускающимся письменным столом. Но все-таки это была каюта с занавеской, которую все на тактическом корабле называли дверью. Ла Сиотат разделась и выкупалась в воде, захваченной из запасов «Аойфа», в которую она добавила ароматические масла с родной планеты. Потом нанесла боевую раскраску своего клана на лицо и постаралась очистить разум от зла, похоти и других желаний.

Теперь она готова к бою. Интересно, подумала ла Сиотат, что делает Стэн (он занимал другую каюту — раньше она принадлежала ее помощнику и инженеру, которые добровольно уступили ее Стэну)? Каковы обычаи его мира? И существуют ли они вообще? Она некоторое время размышляла о том, что может перестать существовать. А если накинуть халатик, выскользнуть из каюты, пройти несколько шагов до двери в другую, вежливо постучать и...

Ла Сиотат заставила себя об этом не думать. Снова проделала все необходимые упражнения, чтобы очистить сознание от похоти и амбиций.

Беспокоиться не о чем — страшная пропасть поглотит не Ханнелору ла Сиотат, а ее врагов.

Она надела чистый комбинезон и попыталась заснуть.

Стэн крепко спал в соседней каюте. Потом проснулся. Поел, думая только о вкусе того, что кладет в рот, жужжании вентиляторов, рокоте двигателей корабля, о глупых шуточках и дружном смехе за обеденным столом в кают-компании, где тринадцать членов экипажа «Стернса» готовились к сражению, изо всех сил стараясь не дать воли своим чувствам.

Затем он снова заснул. Может быть, ему даже приснился сон.

Впрочем, сознание не посчитало нужным зафиксировать этот сон в памяти, когда Стэн проснулся от воя сирены. Он посмотрел на хронометр. Прошло менее четырех дней по корабельному времени с тех пор, как они прибыли в эту звездную систему. Фрестон, похоже, наделен талантом прорицателя; кроме того, он превосходный командир.

«Хеорот»:

— Все станции! Я получил сигнал...

«Аойф»:

— Боевая тревога!

«Стернс»:

— Мы их видим.

Стэн с борта «Стернса»:

— Всем станциям! Сохранять абсолютное молчание!

Команды трех кораблей, затаив дыхание, смотрели, как из гиперпространства появляются огромные транспорты с АМ-2 — в два раза больше, чем тот конвой, на который совершили нападение повстанцы возле Дьюсабля.

Офицер связи на «Хеороте» поймал сигнал ретрансляционной станции — ответ на запрос конвоя. Ему хотелось проанализировать сигнал, но он сдержался, только доложил Стэну о передаче.

— Всем станциям, — спокойно сказал Стэн. — Записывающие устройства и сенсоры включить на полную мощность. Быть наготове... быть наготове... быть наготове... Пора! Капитан! Полный ход!

Ла Сиотат выполнила приказ. «Стернс» метнулся в сторону огромного конвоя. Офицер связи «Хеорота» увидел, что конвой запаниковал. Формально ничего не произошло, однако передачи пошли сразу на нескольких частотах.

— Мисс ла Сиотат, — продолжал Стэн, — я хочу выпустить «Кали»... индивидуальный контроль, район цели... вывести конвой на главный экран... по моей команде...

— Мисс Косталеоне, — обратилась Ханнелора к своему стрелку.

— Принято...

— Вижу цель, сэр.

— Запускайте, — приказал Стэн.

— Огонь!

Огромная ракета вылетела из оружейного отсека «Стернса». На экране «Хеорота» появились вспышки.

— Мы перехватили запрос конвоя на ретрансляционную станцию, — доложил офицер связи бхоров. — А потом нам удалось записать ответный сигнал. Направление неизвестно... мощность сигнала велика... передается в субспектре ЕМ... неизвестный одиночный спектр. Компьютеры предполагают, что он находится в интервале между Омикрон-суб-два и Ксета-три. Никаких сведений об использовании этого спектра в прошлом нет... О, клянусь кретинской породой моей несчастной матери!

Это странное восклицание было вызвано зрелищем, представшим глазам офицера связи, — весь конвой совершил хакари. Чудовищный взрыв напоминал вспышку сверхновой! Даже прямое попадание «Кали» в конвой, который вез АМ-2 на Дьюсабль, не шло ни в какое сравнение с этим невероятным зрелищем.

Секунду спустя другой экран зафиксировал, что ретрансляционная станция на мертвой планете также самоликвидировалась.

На борту «Стернса» все экраны почернели. Лишь через некоторое время засветился запасной, третичный экран, который передавал информацию, поступающую на ракету «Кали». На нем была... пустота. Косталеоне проверила все частоты.

Ничего, кроме парсеков, парсеков и парсеков.

Ла Сиотат заставила себя сделать вид, что она совершенно спокойна, точно конвои, состоящие из тысячи судов, взрывались у нее на глазах каждый день.

— Ну, ладно,— проворчала она.— Хорошенькое сражение у нас тут получилось.

Стэн ничего ей не ответил, а вместо этого взял микрофон, соединенный со всеми тремя судами:

— «Хеорот». «Стернс». Цифра шесть. Ловушка? Направление? «Хеорот», подтвердите получение запроса.

— Вы засеки принимающую сигнал станцию?

— Нет. Никакой. Продолжаем анализировать ситуацию.

— «Стернс», все чисто.

Стэн улыбнулся.

— Просто замечательно все получилось,— объявил он.

— Почему?

— Потому что,— медленно начал объяснять Стэн,— император оказался в самой настоящей заднице. Мы только что отрезали сочный кусочек от пирога с АМ-два, которым он намеревался угостить своих дружков и союзников. Мы отхватили по-настоящему большой кусок.

Он радостно улыбался. Ла Сиотат же посмотрела на него скептически — ей почему-то казалось, что он чего-то недоговаривает.

Так оно и было на самом деле, хотя сам факт, что им достаточно было выскочить из кустов и сказать «бах-бах!», как злой зубастый волк замертво повалился на землю с сердечным приступом, имел огромное значение,— этой тактикой можно будет пользоваться в дальнейшем, если они смогут узнавать маршруты следования транспортов с АМ-2.

Стэн начал понимать, что самое главное оружие императора — тот факт, что он никого не подпускал близко к источнику АМ-2,— оказалось палкой о двух концах. Точно так же, как исчезновение императора означало прекращение поступления АМ-2 и, следовательно, никакой заговор не был бы жизнеспособен, новая тактика Стэна могла привести к тому, что экономика империи будет ввергнута в хаос.

Вполне возможно. По крайней мере, до тех пор, пока император не придумает что-нибудь в ответ.

Что еще важнее, «Хеороту» удалось записать второй такой же загадочный сигнал, который уходил в никуда. На этот раз его передала ретрансляционная станция.

Если они определят, куда отправлен сигнал, Стэн еще на один шаг приблизится к разрешению загадки АМ-2.

И еще на один шаг приблизит конец императора.

41413... 31146... 00983... 01507...

Вне пределов досягаемости самых чувствительных сенсоров, вне пределов досягаемости бхорских дозорных кораблей имперский эсминец, приспособленный для выполнения специальных перевозок, выбросил в пространство тактический корабль и поспешил убраться восвояси.

Тактический корабль, абсолютно безоружный, поскольку все его отсеки занимала сложная электронная аппаратура, скользнул в сторону Ви, родной планеты бхоров, которая к тому же еще и являлась статичным миром созвездия Волка. На борту тактического корабля было пять членов экипажа плюс агент внутренней безопасности — она только что закончила школу разведки и вернулась после своего первого задания, которое одновременно являлось и стажировкой.

09856... 37731... 20691...

Тактический корабль нашел парковочную орбиту, которая пряталась за одной из лун и располагалась неподалеку от планеты назначения, после чего стал дожидаться времени высадки разведчика.

Затем, включив среднюю скорость, корабль вышел на посадочную траекторию. Она была довольно странной — если бы кто-нибудь смотрел на тактический корабль с земли, он подумал бы, что тот опускается «резко вниз», в сторону определенной точки на поверхности планеты — дикого леса, расположенного вблизи столицы. На совсем небольшой скорости инфракрасные сенсоры бхоров не должны были засечь приближения корабля.

Он ненадолго завис над планетой, дожидаясь подходящего момента. Наконец с одного из космопортов с ревом стартовало межпланетное суборбитальное транспортное судно. Тактический корабль приблизился к земле, прикрываясь электронным, инфракрасным и физическим переполохом, устроенным громадным транспортом. На борту имперского корабля рядом с разведчицей стоял инструктор. В каюте горел мягкий ночной свет, не раздражавший глаза.

На груди у разведчицы был рюкзак с генератором Маклина, в рюкзаке на спине — оружие и небольшой, совсем неприметный чемоданчик с вещами. Внутри него — одежда, традиционный набор шпионских штучек и большая пачка имперских и бхорских денег. На ноге разведчицы был закреплен тяжелый отстегивающийся контейнер, содержащий самый необходимый и опасный инструмент шпиона — передатчик.

Зажужжал коммуникатор.

- Приближаемся к Дельта Зулу,— доложил пилот.
- Есть, сэр,— сказал инструктор.
- Скорость сброшена. Приготовиться.

Инструктор почувствовал, что корабль снизил скорость и выровнялся.

— Есть, сэр. Открываем люк.

Инструктор прикоснулся к кнопке, и открылось круглое отверстие в полу корабля. Светила яркая луна, а далеко внизу сверкал ослепительно белый снег. На середину отверстия выдвинулись гофрированные стальные пластины. С одной стороны инструктор увидел мерцающие огоньки бхорского транспортного судна, уходящего вверх, все выше и выше.

Разведчица начала дрожать, хотя в каюте было тепло.

— Похоже, там, внизу, холодно.

— Вас ждут друзья,— успокоил ее инструктор.— Пора. Приготовились...

Разведчица ступила на пластины, слегка покачнувшись — снаружи дул сильный ветер, — потом выпрямилась и, как ее учили в школе, крепко ухватилась за ручку рюкзака с генератором Маклина. На одной из них была кнопка, включавшая прибор.

— Досчитай до тридцати, прежде чем сбросить контейнер,— напомнил инструктор.

Разведчица кивнула, но на самом деле она практически его не слышала.

Снова зажужжал коммуникатор.

— Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... Давай!

Стальные пластины вернулись на свое место, а разведчица начала падать на Ви. Инструктор включил микрофон, когда закрылся люк.

— Выполнено, сэр.

— Подтверждаю. Возвращаемся.

Такшип направился в сторону открытого космоса. Пилоту ужасно хотелось включить все двигатели на полную мощность, чтобы унести отсюда ноги как можно быстрее, но он был профессионалом — движение чужого космического корабля на полной скорости наверняка засекут наземные сенсоры, и тогда все их предосторожности вместе с этой так тщательно разработанной операцией отправятся псу под хвост.

Инспектор посмотрел вниз, на закрытый люк.

— Пусть во всех твоих яйцах,— проговорил он тихо,— будет по два желтка.

Разведчица очень нуждалась в том, чтобы ей улыбнулась удача.

43491... 29875... 01507...

Марль, которая получила повышение и стала теперь лейтенантом, и констебль бхорской полиции Пэн не сводили глаз с одного из экранов ночного видения, установленных в гравитолете. Изоб-

ражение стало расплываться, и Марль прикоснулась к какой-то кнопке — картинка снова стала четкой.

— Не могу смотреть, как такой замечательный тактический корабль уходит от нас в целости и невредимости,— заявил Пэн.

— Я тоже,— согласилась с ним Марль.

Сообщение было закодировано и послано с Ви в сторону имперской разведывательной радиоприемной станции, расположенной максимально близко — насколько позволяли соображения безопасности — от созвездия Волка:

41413 срочно
31146 требу(е)ются
00983 дополнительный (е)
01507 агент(ы)
...
30924 сообщения
32149 с
37762 т
11709 э
23249 н
03975 начинает (собирается начать)
26840 планирует
41446 использовать
37731 систему(ы)
03844 базальт возник снова
...
09856 система
37731 доставки
20691 м
...
43491 буд(е)ут
29875 послан(ы)
01507 агент(ы)

Марль особенно гордилась тем, что ей удалось разгадать 03844, поскольку она уже заметила, что Хоне не самый опытный из шифровальщиков. Килгур был совершенно прав, когда сказал, что Хоне — всего лишь любитель, поскольку только любитель станет прибегать к старым кодам. Для Алекса не имело никакого значения, что Хоне выбрал доисторическую эпоху, когда люди пользовались такими кретинскими штуками, как обсидиановые кинжалы и одноразовые приспособления для письма.

Марль не сомневалась, что имперский шифровальщик будет ужасно озадачен, начнет страшно рутаться, полезет в справочники, про-

изведет замену значения 03844, получит «по направлению к базе», и только после этого послание станет ему понятно. Полоумный шотландец гордился бы ее хитростью и сообразительностью.

Проклятье, она уже по нему скучает, по Алексу Килгуру. Теперь, получив повышение по службе и технически не являясь его подчиненной, она могла бы соблазнить его пообедать вместе, пропустить парочку стаканчиков, ну и... кто знает? Пусть только вернется...

По крайней мере, она хотя бы узнает правду про его титул — лорд Килгур из Килгура. Если он и вправду какой-нибудь там барон, что он тогда делает с мятежниками? Потому что на самом деле ему следовало бы находиться под тепленьким боком у императора.

— Похоже, она замерзла, — объявил бхор, в голосе которого не было и тени жалости.

— Точно.

Марль почувствовала некоторую жалость к разведчице, которая медленно к ним приближалась. Но быстро прогнала эти глупые мысли. Ей будет предоставлен выбор.

— Хотите еще стрегга? — спросил констебль Пэн.

— Повторяю в последний раз — люди не могут заглатывать стрегг в таких количествах, как это делаете вы, ребята, и продолжать функционировать на полную катушку.

— Килгур может.

— Килгур не человек, это точно.

— Тут вы правы.

Пэн осушил свой стаканчик — миниатюрную копию традиционного рога для стрегга, — сложил его и убрал подальше.

— Ну что, пойдем заберем нашу новую подружку?

Марль и Пэн выскользнули из гравитолета, сознательно не закрывая за собой дверь — в ночной тишине любой звук напоминает пушечный выстрел. В зарослях кустарника сидели, дожидаясь приказа начать действовать, двадцать бхорских полицейских.

Где-то наверху, у них над головами, разведчица прикоснулась к кнопкам, и скорость ее падения замедлилась, генератор Маклина сражался с земным притяжением. Век чудесных моторчиков, которые прикреплялись бы прямо к спине и которые могли бы отнести тебя, куда ты только пожелаешь, еще не наступил — даже несмотря на антигравитационные возможности генератора Маклина. Впрочем, по крайней мере, теперь не нужно пользоваться такой опасной штукой, как парашют.

Разведчица направилась к краю большой открытой поляны, где в соответствии с планом должна была приземлиться, — последний пункт в системе переправки агента. Под ней лежал неподвижный спящий лес. Где-то очень далеко — не меньше чем в пяти километрах — светились огни маленькой фермы.

Все идет по плану. Засады нет.

«А вдруг, — подумала разведчица, и ей стало немного не по себе, — ее друзья — имперский агент, работавший под именем Хоне, или те, кого он послал, — не пришли в назначенное место встречи?» Впрочем, в этом не будет никакой трагедии. Она ляжет где-нибудь на один планетный день — такой вариант был предусмотрен во время инструктажа. В рюкзаке у нее есть еда и батарейки для поддержания тепла, а комбинезон сохранит тепло тела, так что бояться холода нечего.

Если никто не появится и к этому времени, она все равно знает, что нужно делать. Закопает генератор Маклина и свой комбинезон и отправится в столицу. Разведчица запомнила три адреса, по которым могла встретиться с агентами.

Земля приближалась. Разведчица направилась туда, где было больше снега, заставляя себя не смотреть на землю внизу: она знала, что под пушистым снежным покрывалом прячутся острые, словно ножи, камни. Перевела взгляд на горизонт. Неожиданно вспомнила о предупреждении инструктора и быстро нажала кнопку на ремне, чтобы пятиметровая веревка, прикрепленная к контейнеру, отбросила его в сторону и он не оказался пристегнутым к ее ноге, когда она коснется земли.

Контейнер с передатчиком упал менее чем в полуметре от того места, где приземлилась разведчица. Она выполнила все так, как ее учили: ступни, колени, нос... и ее пронзила боль. Девушка вскрикнула и быстро прижалась к снегу.

— Вот проклятье! — выругалась Марль, когда полицейские выбрались из своего укрытия и направились к распростертой на снегу фигуре. — Если она сломала коммуникатор, я собственноручно оторву ей голову! У нас и так уже не хватает двух штук.

Чтобы сделать копию одного из секретных имперских приборов, компактного сверхмощного передатчика, требовалось много времени — разведчик переставал действовать и вынужден был придумать правдоподобное объяснение своего молчания.

Марль ни секунды не сомневалась, что они смогут перевербовать и этого агента тоже. Или подвергнуть ее сканированию мозга, чтобы узнать пароли, имена связников, электронные схемы, а потом казнят.

До сих пор только трое из агентов внутренней безопасности брали патриотизм и дорогу в Тибурн — трое из двадцати девяти, которых Пойндекс послал в созвездие Волка в ответ на сообщение Хоне о прибытии туда Стэна.

Остальные двадцать шесть превосходно себя чувствовали в уютных квартирах, разбросанных по разным планетам созвездия, — такую жизнь, конечно, нельзя было рассматривать как свободу, но

и тюремным заключением она не была. Агенты послушно передавали на Прайм все, что приказывали новые хозяева. Марль, а через нее Килгур, а через него Стэн контролировали шпионскую сеть императора в этом уголке Вселенной.

Все получилось именно так, как и планировал Алекс.

Незадолго до этого одной из коллег Рикор дали необычное задание. Поскольку она являлась специалистом по рекрутированию солдат, ей приказали подготовить кампанию, предназначенную для побежденных миров Таана. Поначалу Рикор отнеслась к этой идее как к чему-то абсолютно немыслимому, но она была достаточно прагматична и понимала, что военные всегда набирают новых солдат среди побежденного и поверженного в прах врага.

Однако ее коллега объяснила, что в приказе особый упор делался на возрождение старого самурайского культа Таана, пути к смерти, с которым император поклялся покончить после того, как победил в Таанской войне.

«Интересно, неужели император настолько неразумен, что считает, будто с нищетой можно справиться, надев на бедняков военную форму?» — думала Рикор. Впрочем, она понимала, что здесь все не так просто. Тщательный анализ показал — это еще одно свидетельство прогрессирующей психопатии императора. Он, вне всякого сомнения, решил создать армию, которой собирался воспользоваться. Поскольку никаких известных внешних врагов, защита от которых требовала бы содержания огромной армии, у него не было, новая военная организация ставила своей целью уничтожение врагов внутренних. Иными словами, граждан империи.

Поскольку таанская доктрина проповедовала ксенофобию, расовое превосходство, считала великодушие вещью абсолютно недопустимой и утверждала, что слабые должны подчиняться сильным, новая армия императора должна была стать самым настоящим сборищем варваров.

Рикор провела тайное расследование и обнаружила, что другие миры, где царили такие же первобытные, дикие законы, неожиданно стали центром пристального внимания императора. Невероятно интересно.

К счастью, кампания проводилась совсем просто, без каких бы то ни было хитростей — по крайней мере, с точки зрения существа, обладающего способностями и знаниями Рикор в том, что касалось вопросов психологии масс. Помешать успеху кампании было совсем не трудно.

Рикор связалась со специалистами-психологами и со студентами, изучающими эту науку. Она задавала им одни и те же вопросы:

Вы любите путешествовать?

Как вы переносите одиночество?

Можете ли в случае необходимости солгать и не испытать при этом угрызений совести?

Можете ли выполнять работу, результаты которой не видны?

Можете ли взять на себя выполнение миссии, зная, что не получите в случае успеха никаких наград?

И так далее, и тому подобное.

К сожалению, Рикор не могла набрать и подготовить столько специалистов по контрпропаганде, сколько было необходимо, — ведь официально она по-прежнему находилась на службе у вечного императора.

Впрочем, противоядие против этого опасного психологического вируса начало распространяться очень быстро и само по себе. Идея Рикор сработала, потому что в ней было достаточно правды, а кроме того, она поставила перед собой цель помешать кампании императора в самом начале.

Например, одного из добровольных помощников Рикор звали Стенджерс. Ему придумали надежную легенду и отправили на один из имперских миров, где он совершенно открыто путешествовал, представляясь студентом социологии из университета в Хизе — бывшей таанской столице. По чистой случайности он появлялся в тех местах, где только что побывал авангард имперских вербовщиков, тоже работавших под прикрытием, и куда еще не успели прибыть основные силы.

Стенджерс ничего особенного не делал: он только изображал удивление и задавал вопросы, особенно тем таанцам, кто раздумывал над предложением вступить в имперскую армию.

Например:

Если император хочет, чтобы вы восстановили честь Таана, почему же тогда он предлагает вам служить так далеко от родного дома? Трудно обрести честь, когда тебя окружает мрак, — так гласит одна из таанских пословиц.

Иногда он говорил более откровенно:

Интересно. Из этого района, где живут одни фермеры, на императорскую службу отправились восемнадцать таанцев, так мне, по крайней мере, сказали. И никто из них не вернулся? Двое погибли? Как же, наверное, тяжело умирать вдали от родины, на службе у человека, который не в состоянии оценить, сколь велика эта жертва.

Или:

Если император вдруг стал высоко ценить таанцев и их традиции, почему тогда в этом регионе царит такая ужасающая нищета? Властитель сказочно богат, а вы дрожите от холода, потому что ваши очаги едва теплятся. Почему мир, из которого я сюда прибыл, совсем не богаче вашего, но там в каждом доме имеются печи, работающие на АМ-2?

И совсем грубый подход:

Отличный способ загубить Таан — император забирает самых лучших и отправляет их на пограничные миры умирать.

Стенджерс и его коллеги показывали заснятые фильмы: тщательно подобранные военные баллады Таана, главной идеей которых была вера в то, что император и его приспешники — всего лишь черви под ногами таанцев...

Следующий доклад о наборе добровольцев в имперскую армию, отправленный на Прайм, содержал разочаровывающие статистические данные о неожиданном падении количества волонтеров...

Стэн предупреждал Килгура, чтобы он вел себя на Земле крайне осторожно. Даже несмотря на то, что акция, предпринятая ими на реке Ампуа, была направлена против Тайного совета, офицеры безопасности есть офицеры безопасности. Вполне вероятно, что громилы, облюбовавшие для собственных надобностей покинутую жителями деревушку в Кус-Бей, которую Стэн с Алексом использовали в качестве своей базы, по-прежнему не сменили профессию, только теперь служат другому хозяину. Гестапо не меняется с годами — так гласит совершенно непонятная архаическая поговорка.

Никаких проблем, Алекс поклялся Стэну соблюдать максимальную осторожность. Он вообще намеревался держаться подальше от провинции Орегон. Потому что рассчитывал, что разгадка тайны, которую он собирался раскрыть, — а именно с какой целью вечный император предпринял загадочное путешествие на Землю, лежала очень далеко от Орегона. В данном случае «далеко» означало — на территории ближайшего крупного космопорта.

Сан-Франциско, самый крупный город Калифорнии, гордился тем, что его население достигло невероятно высокой цифры — 100 000 человек. Молодые влюбленные — Хотско, по крайней мере, подходила под одно из этих определений — говорили всем, что прибыли в Калифорнию из небольшой провинции со столицей Санта-Ана. Они сели на роскошный гравитолет, который пролетел над болотистыми берегами реки Сан-Хоакин, над деревушкой Бейкерсфилд и дальше на север.

На самом же деле контрабандистский корабль Хотско был спрятан в пятидесяти метрах под водой в заливе, где стоял Сан-Франциско, недалеко от острова Пеликанов. Одного сигнала передатчика Хотско будет достаточно, чтобы робот-спасатель отправился на поиски.

Изображая из себя туристов, пара сняла номер в одном из новых псевдовикторианских отелей, построенных прямо среди дикой природы недалеко от Твин-Пикс. Они были восхищены, когда узнали, что когда-то через весь мыс шел мост, слушали мечтателей, утверж-

давших, что настанет день и через пролив будет вновь переброшен грандиозный мост. Отказались от предложения поохотиться на тигра-людоеда, обитавшего в непроходимых джунглях, которые когда-то были парком. Послушали споры о том, стоит ли расчищать район Миссии — некоторые клялись, что невысокие холмы есть не что иное, как горы обломков небоскребов, рухнувших после какого-то грандиозного землетрясения. Танцевали в ресторане огромного старинного особняка, восстановленного на вершине холма после того, как много веков назад он был разрушен — еще до эры правления вечного императора.

Они вежливо отклонили предложение двух весьма хорошеньких женщин, которые хотели слиться с ними в сексуальном экстазе Любовного Танца Древних Меркинсов. Бесплатно. Алексу показалось, что Хотско заинтересовалась, а потом была несколько разочарована, когда он напомнил ей, что обычно любовники, которые лишь недавно познакомились, неохотно принимают участие в подобных мероприятиях. Однако он взял на заметку, что эта женщина имеет весьма любопытные представления о способах релаксации.

А еще они ели. Крабов, которых ловили сами при помощи взятого напрокат оборудования под другим давно рухнувшим мостом, когда-то пересекавшим залив. Длинные ломти изумительного хлеба. Жареную рыбу. Сырую рыбу, искусно приготовленную вместе с рисом. Бараньи ноги. Цыпленка табака. Алекс, ни в коей мере не сибарит и тем более не гурман, начал подумывать о том, что он, весьма возможно, ошибался.

Они много разговаривали. Со всеми и обо всем. В особенности в барах и ресторанах возле небольшого космопорта, находившегося к югу от города. Алекс представлялся торговцем предметами роскоши, а Хотско играла роль его новой партнерши. Что, спрашивали они, можно экспортировать с Земли, учитывая тот замечательный факт, что именно отсюда вышло человечество? Чем прельстить разборчивых обитателей империи? Что же все-таки можно вывезти с Земли легально?

Шесть земных дней спустя — тут Алекс не мог не улыбнуться: это действительно были земные дни — никто так и не понял, с чем связаны расспросы Килгура, а он нашел то, что искал. Работницу таможи с обостренным чувством долга — а это значит прекрасное чутье на любые неприятности, в особенности если кто-то пытался действовать через ее голову, чтобы при помощи высшего начальства избежать установленной процедуры.

Все будет в порядке, успокоил ее Килгур. Никто из них никогда... это достойно полнейшего презрения... бизнес нужно вести честно... кстати, мисс Тжантинг... одна из самых ужасных вещей в моей профессии... некоторые торговцы... я слышал истории о том,

что очень высокопоставленные официальные лица нарушают законы...

Ему не пришлось долго ее уговаривать.

Да, очень высокопоставленные официальные лица. Непосредственно с Прайма. Алекс очень этим интересовался.

Таможня через Комиссию по контролю над космоплаванием поставили в известность, что провинция Орегон закрыта для всех нетрадиционных видов перевозок. Однако для Тжантинг это не имело никакого значения. Она знала, что там находятся владения императора — и чем он или его люди занимаются, ее не касалось. Конечно, как и всякому благонадежному гражданину, ей интересно, бывает ли там император. Конечно, она знала — нет.

Откуда она могла это знать, заинтересовался Алекс.

Ну... тогда бы сообщили по телевизору, не так ли? Однако Тжантинг догадалась совсем по другой причине. Потому что, если бы вечный император узнал, как нарушается закон под прикрытием его имени, он был бы очень недоволен.

Примерно за две недели до заявления, продолжала Тжантинг, в Сан-Франциско приземлился коммерческий транспортный корабль. Они хотели пройти таможню здесь, чтобы сразу отправиться в пункт назначения — императорские владения в нескольких сотнях километрах от города. Тжантинг сама поднялась на борт и сразу почувствовала: здесь что-то не так. Корабль содержался в идеальном порядке, а команда выполняла приказы так, словно это было не гражданское судно, а императорский крейсер. Хотя по-настоящему и все-речь смутил Тжантинг сам груз.

Шкипер сначала вовсе отказался дать ей разрешение на инспекцию, заявив, что корабль несет секретный груз — собственность императора. Однако он не смог показать никаких бумаг, подтверждавших это. Корабль вполне мог иметь в качестве груза обычные товары — и тогда император, как и всякий честный гражданин, был обязан заплатить правительству Земли таможенную пошлину.

Тжантинг настаивала на том, чтобы командир корабля разрешил ей провести полную инспекцию, иначе она грозилась вызвать силы безопасности и задержать корабль вместе с командой. Капитан был вынужден уступить.

Груз оказался медицинским — сложное оборудование и лекарства, словно кто-то собирался открыть маленький, но первоклассный хирургический центр. Так, во всяком случае, заявил ее коллега, специализирующийся на подобных грузах, когда она зачитала ему список того, что нашла на корабле.

Проблема заключалась не в том, что медицинское оборудование облагалось таможенным сбором; скорее всего, из гуманитарных соображений платить за него пошлину не требовалось. Тжантинг ин-

тересовал один вопрос, на который она не получила ответа: зачем вообще нужно все это оборудование? Таможня отвечала за карантин и состояние здоровья населения Земли. Значит, кто-то из придворных императора заболел? Или нуждается в хирургической помощи? Создавалось впечатление, что начинается эпидемия.

Она доложила обо всем своему начальству, и ей было сказано, что следует подождать — руководство таможни свяжется с людьми императора в Орегоне. Это заняло всего несколько минут. В Орегоне никто ничего не знал о грузе с медицинским оборудованием.

Тжантинг была совершенно уверена, что засекла контрабандистов, действующих с удивительной наглостью.

Потом им позвонили с севера, и, прежде чем смена закончилась, Тжантинг вызвали к начальству и начали сурово отчитывать за «ничем не обоснованное вмешательство в личные дела вечного императора». Кроме того, ей было заявлено, что она вечно лезет куда не просят и если в ее планы входит продвижение по службе, следует немедленно изменить отношение к делу.

К этому времени женщина уже кипела от возмущения. Алекс успокоил ее и принес еще выпить — отвратительное сочетание сладкого кампари, газированной воды и бренди. «Какое чудовищное неуважение к хорошему коньяку!» — подумал Алекс, но ничего не сказал.

Хотско, подыгрывая ему, всячески сочувствовала собеседнице, а Килгур в это время обдумывал то, что она рассказала. Итак, прежде чем император прибыл на Землю, кто-то из его приятелей решил подготовить тут небольшую операционную. Трудно поверить, что в поместье, где намеревался остановиться император, нет медицинского оборудования. Следовательно, они собирались проверить здесь что-то необычное, верно? Операцию?

Прооперировать самого вечного императора? Сделать такую малюсенькую, тайную операцию, о которой никто не должен узнать?.. Да, странно все это. Очень, очень странно.

На самом деле все совсем просто, сообразил Килгур, если принять во внимание присутствие среди персонала, обслуживающего императора, специалистов по разминированию. Алекс знал о том, что существует практика имплантации хирургическим способом бомбы в тело человека — фанатики не раз прибегали к такому довольно убедительному способу доказательства собственной правоты. А еще он слышал о героях, которые добровольно подвергались подобной операции, прежде чем отправиться на какое-нибудь смертельно опасное задание, чтобы враг не смог захватить их в плен, подвергнуть пыткам и выведать все тайны.

Тем не менее извлечение бомбы — что-то новенькое. Похоже, именно это здесь и произошло, отметил Килгур.

«Ммм, теперь мы знаем, что взрывается, когда умирает император, верно? Бомбу засовывают ему в брюхо где-нибудь рядом с аппендиксом, например. Ай, ладно, не имеет значения, куда именно. Только вот мне страшно интересно, кто проделал с ним эту весьма симпатичную штуку? Вот как странно получается, — грустно размышлял Килгур, — чем больше я копаю эту историю, тем меньше и меньше я в ней понимаю. Тут уж никаких сомнений не остается... Впрочем, если ты мечтаешь о жизни, где все ясно и понятно, мог бы остаться простым солдатом».

Алекс приказал себе остановиться — стоит начать делать выводы из недостаточного количества данных, как на свет рождаются весьма сомнительные идеи. Он подумает об этом позднее.

Алекс с Хотско уговорили Тжантинг выпить еще несколько порций ее любимого пойла, а потом объявили, что им пора возвращаться в гостиницу. Тжантинг долго смотрела вслед влюбленной парочке, потом нахмурилась, и на ее лице появилось удивленное выражение.

На противоположном краю империи два человека сидели в небольшом кабаке неподалеку от строительной площадки и поглощали чистый спирт, запивая его домашним пивом. Один из них был сварщиком, а другой — вице-президентом банка, который обожал проводить свободное время в трущобах.

— Ты слышал, — начал сварщик, — о том, что произошло, когда вечный император позвал к себе девицу для развлечений? Сначала он сказал: «Я возьму тебя, и ты будешь стонать». Так он и сделал, и она стонала. Потом он сказал: «Я возьму тебя, и ты будешь кричать». Так он и сделал, и она кричала. После этого он сказал: «А теперь ты у меня попотеешь». Тогда девица отступила на парочку шагов и спросила: «Да?» — «Да, — ответил вечный император, — потому что в следующий раз ты подумаешь, что наступила летняя жара...»

Банкир вежливо ухмыльнулся.

— А я слышал, что император просто считает, что есть вещи, о которых мужчина должен заботиться сам, и это — одна из них.

Сварщик вежливо хихикнул в ответ, а потом вдруг стал серьезным.

— Слушай, Велс, ты никогда не обращал внимания на то, что император не появляется на экранах телевизора с женщинами во время каких-нибудь официальных церемоний?

— А зачем ему это?

— Верно, — согласился сварщик, — только лично я так понимаю: если бы ты взобрался на самую верхушку, к тебе сразу стали бы липнуть всякие там красотки, верно? Представь себе, что тебя назначили самым главным в твоём банке... ну, что будет?

— Может, ты и прав. Только моей жене это совсем бы не понравилось.

— А у императора и жены нет.

— Возможно, именно поэтому он никогда не умирает,— предположил банкир.— Экономит свои драгоценные естественные ресурсы.

— Если они у него есть.

Событыльники фыркнули и стали смотреть на экран телевизора, где начался четвертьфинальный матч по гравболу.

Обе «шутки» изобрел персонал Рикор. Были они веселыми или нет, не имело никакого значения — их рассказывали с совершенно другой целью: разрушить представление жителей империи об императоре как о всемогущем существе. В данном случае речь шла, причем весьма откровенно, о его потенции.

Эти шутки и сотни тысяч других в соединении с действительно отвратительными слухами и историями распространялись по империи со скоростью, намного превышающей световую.

Перед сном Алекс каждый раз проделывал один и тот же ритуал: проверял, не появились ли в номере какие-нибудь «жучки», пока они с Хотско прогуливались и расспрашивали жителей Земли. Затем он мылся в душе. После этого Хотско принимала душ, приводила себя в порядок и присоединялась к нему в старомодной пуховой постели. Но только затем, чтобы мирно заснуть до следующего утра. Алекс, профессионал и моралист, и помыслить не мог о том, чтобы воспользоваться легендой для своих, корыстных целей. Впрочем, стройная молодая женщина не казалась ему особенно привлекательной. Совсем не в его вкусе.

Так он, по крайней мере, говорил — и, надо сказать, довольно часто.

Килгур помылся, а затем стал наслаждаться мягкой, теплой водой, которая слегка покалывала тело. При этом он вспоминал о заданиях, когда вода у них была только питьевая, да и ее не хватало. Повернулся, чтобы переключить кран с позиции «Иголки» на «Поток», и услышал, как кто-то тихо хихикнул, примерно в двух сантиметрах от него — так подсказало натренированное ухо Алекса.

— А ну-ка подвинься,— велела Хотско.— И дай мне мыло. Пора помыть спинку.

— Эй, барышня...

— Я сказала, подвинься!

Алекс повиновался, и Хотско принялась мыть ему спину, медленно, возбуждающе касаясь кожи губкой.

— Я на тебя не смотрю,— объявила она.— Но, мне кажется, я знаю, что прячет шотландец под своим килтом.

— Да? — спросил Алекс и почувствовал, как у него на лице расцветает глупая улыбка.

Хотско тоже улыбалась. Ее пальцы продолжали двигаться и нащупали пунцовый жесткий шрам на бицепсе Килгура.

— Что это?

— Напоминание о глупости. Раны как раз и существуют для того, чтобы твое эго не слишком зарывалось. Барышня, это уже не спина...

— Угу, не волнуйся, — томно проворковала Хотско. — Это и не мыло тоже.

— Учти, если я повернусь, — голос Килгура немного сел, — то начну принимать твою игру всерьез.

— Ммм...

Алекс повернулся, наклонился и поднял Хотско на руки.

Через некоторое время они вышли из душа. Им пришлось воспользоваться халатом Килгура вместо полотенца, поскольку, заглянув в ванную комнату, можно было спокойно предположить, что там прорвало трубу — со всеми вытекающими последствиями.

За окном висела луна, заливая призрачным сиянием залив Сан-Франциско. Кое-где еще горел свет в домах.

— А теперь, — заявил Килгур, — зароемся в пуховые перины, и мне не придется беспокоиться о том, что генератор Маклина выдохнется.

— Ты так это называешь? — удивилась Хотско.

Она подошла к зеркалу, взяла тюбик с ароматическим маслом и начала медленно втирать его в кожу, улыбаясь Алексу через плечо.

— Если ты специализируешься на губке с мылом, — заявил Алекс, — я готов помочь тебе немного с этой мазилкой. По-моему, это было бы только справедливо.

Взял из рук Хотско тюбик, выдавил немного масла на пальцы... И тут инстинкт заставил Алекса забыть о плотских утехах. Он оттолкнул Хотско в сторону, прямо на роскошную постель. Девушка плюхнулась на перину и от удивления даже не вскрикнула — как раз в этот момент зеркало на туалетном столике, возле которого спутница Килгура стояла всего секунду назад, разлетелось на мелкие кусочки.

Алекс откатился к двери, приподнялся, в его руке, словно по волшебству, появился мини-виллиган. Он встал на колени, прицелился, три раза выстрелил... и грудь убийцы, спрятавшегося на балконе, взорвалась.

Кто-то или что-то стукнуло в дверь, и Килгур послал еще три заряда с АМ-2 — в разные стороны полетели щепки, а за дверью закричали.

Алекс положил крошечный радиопередатчик в рот — это был их единственный путь к отступлению — и подхватил одной рукой Хотско. Сделал два гигантских прыжка к балконной двери, выскочил на балкон и спрыгнул вниз. Хотско вскрикнула. До земли, поросшей травой, было семь метров, и Алекс, падая, перевернулся, подобрал под себя ноги и воспользовался полицейским, который смотрел на него, широко разинув от изумления рот, в качестве подушки.

Ребра полицейского затрещали, и он отчаянно завопил. Килгур приземлился на колени, затем быстро вскочил и, не останавливаясь, держа Хотско в одной руке, а пистолет в другой, помчался в сторону зарослей кустарника, окружавших гостиницу. Рядом с ним взорвалась пуля, начиненная АМ-2. Тогда Килгур, не целясь, выпустил четыре пули прямо в комнату, которую они только что покинули столь необычным способом, и снова помчался вперед.

Однако к тому моменту, как отряд захвата, считавшийся лучшим в полиции Сан-Франциско, и оперативники из внутренней безопасности пришли в себя, голый представитель мира тяжеловесов уже скрылся в кустах.

Взрели сирены, всюду загорелся свет, и заработали коммуникаторы.

Только Килгур был уже далеко.

Алекс остановился лишь после того, как пробежал два километра. По его представлениям, они оказались в джунглях, на самой оконечности полуострова, где по ночам бродят тигры, выпущенные из зоопарков несколько веков назад.

«Придется тиграм рискнуть собственной шкурой, если им придут в голову какие-нибудь глупые мысли», — подумал Килгур.

— Я сейчас совсем не в настроении для дурацких шуточек, — объявил он шепотом. — У меня были совершенно другие планы на сегодняшний вечер.

И хотя Хотско выросла по другую сторону того забора, что большинство честных граждан называют законом, к подобным эскападам она не привыкла — особенно когда события начинали развиваться с такой головокружительной скоростью.

— Насколько я понимаю, — заявила она, — империя нас вычислила.

— Угу, — ответил Алекс. — И у них есть виллиганы. Девушка из таможни настучала. Не помню, как ее звали, Хотско. Может быть, Кэмпбелл?

Казалось, он совершенно не обращает внимания на то, что они оба голые. И что единственным оружием против города и целого мира, который вот-вот спустит на них своих ищеек, является крошечный передатчик и мини-виллиган.

— Ну, что будем делать? — поинтересовалась Хотско.

— У нас есть два варианта, — начал Алекс. — Первый и наиболее подходящий — отыскать тех двух барышень, что клеились к нам в баре. Вряд ли они испугаются, увидев парочку любовников, которые решили их навестить в чем мать родила. И продолжим то, что мы — прошу прощения, милая, — начали... пока шум не стихнет. Ты не прихватила с собой их визитную карточку?

— Забыла в номере, — ответила Хотско. Она уже немного пришла в себя, и ситуация показалась ей ужасно забавной. — Там, в отеле. Хочешь, схожу поищу?

Алекс задумался.

— Нет, пожалуй, не стоит, — совершенно серьезно проговорил он. — Можно ведь человеку немного пофантазировать. Возможность номер два: доберемся до доков и либо украдем какую-нибудь лодочку, либо доплывем до того островка, где гуляют эти дурацкие птицы с громадной пастью. Ну, что тебе нравится больше?

— Доплывем!.. Я не умею плавать.

— Какие проблемы, барышня! Мне хватит и одной руки, чтобы отгонять акул. Тебя я буду держать другой, а пистолет возьму в зубы. Шотландцы всегда так делают. Бог наградил меня сильными ногами и головой, которой можно воспользоваться вместо руля. До острова всего парочка километров, не больше. К тому же купаться на рассвете очень полезно, знаешь, как здорово освежает? Мне ужасно хочется поскорее вернуться к той игре, в которую ты совсем недавно научила меня играть. Мне она понравилась. Что скажешь?

Алекс церемонно поклонился, взял Хотско за руку, и они направились на юг в сторону деревушки, где жили рыбаки.

Адмирал флота Андерс, командующий военно-морским флотом его императорского величества, посмотрел на компьютерные прогнозы развития ситуации, выведенные на пять огромных экранов, а потом на шестнадцать микрофишей, разбросанных по столу. Его лицо ничего не выражало — он считал, что именно так должен выглядеть настоящий командир в момент, когда требуется принять ответственное решение.

Андерс и сам до конца не был уверен в том, о чем думает, поскольку, по уверениям офицера службы безопасности, был первым, кто увидел, а тем более проанализировал эти данные. В конце концов, существовала же возможность, что вечный император не шутил, когда сказал некоторое время назад: как только проблема со Стэнном будет решена, он, Андерс, станет владельцем двух гребных лодок и небольшого приливного пляжа на какой-нибудь всеми богами забытой планете. Адмирал боялся совершить еще одну ошибку и решил, что скептицизм для начала очень подойдет, поскольку всегда считал себя человеком, обожающим порядок во всем.

— Назовите мне, — сказал он, — три причины, по которым я должен поверить, что именно из системы Истрн этот предатель Стэн предпримет свою следующую атаку? И почему ваша разведывательная служба предполагает, что его целью является Аль-Суфи?

Заместитель Андерса, Шеффрис, раздумывала над тем, сколько причин необходимо привести — три или шесть? Ведь шеф задал два не связанных между собой вопроса. Впрочем, три и еще три причины у нее были заготовлены заранее.

— Первая: Аль-Суфи — один из трех крупнейших центров распределения АМ-два в империи. Вторая: Стэн уже нанес удар по одному из таких хранилищ. Третья: революционеры вроде Стэна, которые весьма ограничены в средствах...

— Следует говорить «предатель Стэн», — поправил ее Андерс.

— Прошу прощения. Предателей вроде Стэна, которые имеют ограниченное количество военных кораблей и солдат, часто привлекают грандиозные мишени. Особенно если, по их мнению, нападение нанесет максимальный ущерб врагу... виноват, тем мирам, против которых они восстали. Это называется «мишени-панацея». Иными словами...

— Иными словами, — продолжил за нее Андерс, — ему удалось добиться небольшого успеха на Дьюсабле, и именно поэтому вы считаете, что предатель Стэн обязательно нанесет удар по Аль-Суфи.

— Благодарю вас, сэр. Вы просто великолепно подвели итог моим рассуждениям. Четвертая причина: сражение при Аль-Суфи и Дюрере, которое в народе принято называть сражением при Дюрере, явилось величайшей победой императора в Таанской войне. Следовательно, предатель Стэн захочет разрушить образ императора-победителя. Пятая причина: поскольку Стэн, судя по всему, хотя мы и не располагаем точными данными на этот счет, не служил в имперских вооруженных силах во время сражения при Дюрере...

Андерс махнул рукой, приказывая Шеффрис замолчать.

— Ладно, ладно, вы меня убедили. Для этой операции необходимо три флотилии. Предупредите штабных офицеров. Я сообщу им план действий.

— Три флотилии, сэр?

— Вот именно. Я собираюсь одним ударом покончить с этим восстанием. Поэтому хочу, чтобы все матросы понимали, что принимают участие в судьбоносной операции.

— Сэр, точность прогноза плюс минус восемьдесят процентов. И я не запрашивала компьютер, решит ли Стэн — я хочу сказать, предатель Стэн — возглавить эту операцию.

— Естественно, он ее возглавит, — нетерпеливо произнес Андерс. — Я на его месте непременно так бы и поступил. И вы тоже. — Адмирал улыбнулся. — Вечный император будет страшно рад, услышав это известие. Когда с предателем Стэном будет покончено, Шеф-

фрис, я лично прослежу за тем, чтобы вы получили повышение по службе.

Шеффрис изобразила восторг, отсалютовала и вышла из кабинета Андерса. «Просто замечательно,— мрачно подумала она.— А если что-нибудь пойдет не так, отвечать будет, естественно, командор Шеффрис».

Стэн обдумывал проведение рейда на Аль-Суфи и то, как будет выглядеть место встречи в системе Истрн, когда получил сообщение под грифом «только для чтения» от сэра Эку, находившегося на Сейличи. Сообщение было доставлено специальным курьером.

Стэн выругался, нашел дешифровальную машину и внес туда все необходимое — персональный код, отпечатки пальцев и прочие данные. Затем просмотрел запись просьбы о помощи Марра и Сенна.

Вот проклятье. Он, конечно же, понял, о ком идет речь. Лайза Хейнз. Да, он прекрасно помнил ту вечеринку, сад и черный шар на фоне луны.

Безумец, называющий себя вечным императором, принялся охотиться на всех, кто знал Стэна, чтобы подвергнуть их сканированию мозга. Неудивительно.

Хейнз удалось каким-то образом сбежать. Впрочем, за то время, что просьба о помощи искала Стэна, император и его дружок Пойндекс вполне могли забросить сеть во второй раз и захватить Лайзу. Или решили расширить зону поиска и взяться за Марра и Сенна — уже после того, как те послали свое «письмо». Однако третьей и самой вероятной возможностью было то, что агенты Пойндекса сумели разгадать любительскую попытку Марра и Сенна зашифровать свое послание и устроили засаду.

Первая реакция — поспешить на выручку — прошла мгновенно.

«Проклятье. Теперь ты не имеешь права на подобные вещи. Ты осмелился объявить себя человеком вне закона и восстал против императора. Прекрасно. Каждое существо вправе совершить самоубийство тем способом, который нравится ему больше всего. Но ведь ты не один, к тебе присоединились другие. И ты за них отвечаешь, не так ли? Следовательно, ты не имеешь права мчаться на помощь одному-единственному существу, даже если оно на тебя и надеется. Ты вынужден думать о более серьезных вещах. Кроме того, тебе же не в первый раз приходится бросать друга или любовницу ради выполнения важной миссии, верно?

Конечно верно».

Зажужжал коммуникатор. Стэн нажал на кнопку включения.

— Давайте, что там у вас?

— Мистер Килгур, — доложил дежурный офицер связи, — возвращается. Прибудет примерно через один земной час. Миссия выполнена. Он у меня на прямой связи.

Стэн собрался было сказать, что поговорит с Алексом, когда тот приземлится, но передумал.

- Надежный канал?
- Естественно, сэр.
- Соедините.

Экран очистился, а потом на нем появился Алекс, рядом с ним смущенно улыбалась женщина. «Ах да,— подумал Стэн,— это, должно быть, капитан корабля — контрабандистка, которая вызвалась доставить Килгура на Землю». Стэн посмотрел на приятеля.

- Добро пожаловать домой,— сказал он.
- Спасибо, босс.
- Не обижайся, но ты не блестяще выглядишь.
- Знаешь, приятель, задание оказалось не из простых.
- Вас раскрыли?

— Угу. Не император... но пришлось немного побегать, когда мы занимались разведкой. И не только на Земле. Ничего пока не стану тебе рассказывать подробно... скажу лишь, что мне тут удалось кое-что обнаружить. Встретимся, доложу. Как шли дела в мое отсутствие?

Стэн заговорил и вдруг сообразил, что рассказывает про «письмо» от Марра и Сенна. Быстро замолчал, не успев сказать Алексу, какое принял решение.

— Понятно,— проговорил тот.— Знаю, знаю. У тебя нет выбора, ведь так?

Стэн молчал.

— Через один земной день после моего возвращения «Победа» в полной боевой готовности сможет стартовать, приятель.

Стэн заморгал.

Алекс улыбнулся,

— Ты меня не так понял, да, дружок? Ты думал о долге и ответственности, правда?

— Ну, что-то в этом духе.

— Да... а ты подумай о парнях и барышнях, что присоединились к тебе. Кем-то двигал эгоизм, а кто-то горит желанием принести пользу цивилизации. Но большинство пошли за тобой, потому что им нравится твоя улыбающаяся мордочка, понятно? В каком-то смысле это и является одной из самых тяжелых проблем в жизни — когда нужно принять решение, руководствуясь не логикой и благополучием других живых существ. Однако в жизни все устроено именно так, а не иначе. Ведь те идиоты, что служат в твоей армии и относятся к тебе, словно ты их родная мамочка, считают, что ты иначе и мыслить не можешь. Что ты готов отдать жизнь за то, чтобы спасти от смерти одного, всего одного солдата-повстанца. Потому что если мы относимся к этой проблеме иначе и не готовы сгореть

в костре самопожертвования, значит, ничем не отличаемся от императора и тогда нам нужно бросить всю эту затею немедленно. Тебе следует сразу же связаться с теми, по кому собирается зазвонить колокол, понятно? Мне кажется, у тебя нет выбора, ты должен отправиться на выручку Хейнз и тех двух меховых шаров.

— Ладно, давай,— прорычал Стэн.

Но потом вдруг замолчал, и на его лице расцвела отвратительнейшая из улыбок. Он вспомнил о подонке, с которым когда-то работал, расследуя побеги из тюрьмы. И придумал совершенно замечательный план.

— Нет, мистер Килгур. Я обойдусь без «Победы». Одного бхорского катера и «Аойфа» будет вполне достаточно. Нет никакой нужды воевать с мельницами. Ах да. Еще мне нужна парочка актеров и компания тележурналистов. Три пилота: два громилы и один идиот со стальными зубами, такой немывтый и дикий на вид. Люди. И еще около пятнадцати перепуганных насмерть ребятишек. Давай, тащи свою задницу сюда, да поскорее. Ты мне тут понадобишься. Необходимо, чтобы кто-нибудь присмотрел за крепостью, пока я буду изображать из себя рыцаря, спасающего от кровожадного дракона благородную дамочку. Конец связи.

Стэну понадобилось меньше половины дня, чтобы все подготовить для реализации своего плана.

Он в любом случае шел к смерти, но только очень хитрым, грязным, неприличным путем, вместо того чтобы броситься на противника, надев полную парадную форму и размахивая консервным ножом с ручкой из слоновой кости,— такой способ борьбы с врагом он всегда презирал.

— Диспетчерская Соуарда, говорит транспортное судно «Джультта». В обычном пространстве, передаем координаты... Используем коммерческую орбиту Квебек девять семь. Просим разрешения на посадку. Конец связи.

Вот так на Прайм-Уорлд пришел ужас.

— «Джультта», говорит диспетчерская Соуарда. Получили ваши координаты. Передаем координаты на посадку. Просим внести их в ваш компьютер и включить посадочные автоматы на орбите Квебек девять семь. Конец связи.

— Соуард, это «Джультта». Подождите минутку, у меня тут возникла проблема с посадочными координатами. Вы хотите посадить нас на юго-восточном конце поля, верно?

— Да, даем подтверждение.

— У меня к вам просьба, Соуард. Не могли бы мы подлететь поближе? У меня полный корабль школьников, и им ужасно хочется все получше рассмотреть. К тому же не нужно будет далеко идти до здания космопорта. Вы не могли бы прислать для нас шаттл?

— Говорит Соуард. Никаких проблем. Мы посадим вас совсем рядом с диспетчерской башней. Передаем новые координаты... Что касается шаттла, то здесь есть только коммерческие. Может быть, вызвать катер?

— Говорит «Джультта». Спасибо. Нет, катер нам не нужен. У моих ребятишек с деньгами не густо. Обычные бедные школьники на экскурсии.

— Ладно. Постараемся...

В этот момент связь с «Джульттой» прервалась.

— «Джультта», говорит Соуард. «Джультта», пожалуйста, ответьте.

Шум помех. Эфир молчит. Радист немедленно нажал на кнопки «ВНИМАНИЕ» и «ТРЕВОГА».

— Говорит диспетчерская Соуарда, — начал передавать он, — корабль, зашедший на посадку, неожиданно прервал с нами связь. Пилот успел сообщить, что на борту у него находятся дети.

Спасательный отряд занял исходные позиции. Радист начал вести передачу на обычной и экстренной частотах одновременно:

— «Джультта»...

— Кто говорит? — раздался новый голос с «Джультты».

— Говорит диспетчерская Соуарда. Представьте. Это «Джультта»?

Смех.

— Да. Да. Где тут переключатель для видеосигнала... ага. Вот так.

Загорелся экран, и перед глазами радиста предстала ужасающая сцена. Это был командный мостик «Джультты». Четыре существа в летной форме неподвижно лежали на полу. В лужах крови. На переднем плане стоял человек в грязном комбинезоне, с безумными глазами. В руках у него был пистолет.

За его спиной можно было заметить двух не менее отвратительных мерзавцев. Каждый из них одной рукой держал вырывающегося ребенка, а в другой — длинный нож.

— Ну, надеюсь, тебе все понятно, — сказал отвратительный тип. — А теперь слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты связался с каналом, ведущим передачу прямых новостей. Немедленно!

— Я не могу...

Тип сделал короткий жест, и один из его подручных единым махом перерезал ребенку горло. Брызнула кровь, послышался сдвленный крик.

— Тащи следующего, — скомандовал главарь, и громила исчез. Через несколько мгновений он вернулся с новой жертвой. — Видишь? Мы тут не шутим, дерьмовая ты рожа. Давай...

Диспетчер уже начал стучать по клавишам.

— Ты уж постарайся, чтобы тебя послушали, — продолжал террорист. — Потому что у меня здесь есть еще четырнадцать цыпочек.

Я им с удовольствием перережу глотки. Или придумаем еще что-нибудь. Покруче.

Так началась драма на «Джульетте». «КБНСК» повела передачу в прямом эфире, из временной студии на Соуарде, через ретрансляционные спутники на всю империю.

Жизнь на Прайм-Уорлд замерла — все, затаив дыхание, наблюдали за старым транспортным кораблем, который завис над Соуардом. Террорист объявил свои условия:

— Я хочу получить прямую связь с вечным императором. И не через этот вонючий коммуникатор. Мне необходимо говорить с ним лицом к лицу. Ему нужно кое-что уладить. Он обязан прекратить преследование моей семьи. Такой крупной шишке нельзя устраивать кровную месть, как будто он обычный деревенский лавочник. Пусть завяжет с этим делом. От моей семьи и так почти никого не осталось. Проклятье! Если это не прекратится, я на полном ходу запущу этот кретинский транспорт прямо в его кретинский дворец. Так и передайте императору.

Были вызваны спецотряды по освобождению заложников — они ждали приказа на штурм «Джульетты», если с террористами не удастся договориться. Императорский флот, патрулирующий внешние миры, был отозван на Прайм. Все системы защиты Арунделя привели в боевую готовность. Ракеты-перехватчики стартуют по первому сигналу, как только будет замечено, что «Джульетта» берет курс на императорский дворец.

Конечно, ни о какой встрече императора с головорезами с «Джульетты» не могло быть и речи. С террористами необходимо занимать жесткую позицию.

Начались долгие переговоры — бандитов убеждали сдаться. Однако те не поддавались: только повторяли свои чудовищные требования, злобно смотрели с экрана или просто отключали связь без всякого предупреждения.

Средства массовой информации вели непрерывный репортаж. История на заказ: безумные террористы, самые хорошенькие дети — поскольку людям Алекса удалось обнаружить молоденькую звезду Ширли Рич в постели с орангутангом.

Всепонимающие психологи без конца анализировали ситуацию. Эксперты пытались понять, откуда могли взяться эти никому не известные типы. По небу метались военные корабли. Производились какие-то совершенно необъяснимые маневры, комментировать которые не решались даже самые крупные телестанции из опасения помешать какой-нибудь секретной спасательной акции. Служащие главной страховой фирмы объясняли, что могло произойти с транспортным судном «Джульетта» с тех пор, как оно поступило в рас-

поражение имперских специальных служб еще во время Таанской войны. Спасательные отряды, до зубов вооруженные всевозможным оружием, были готовы в любой момент пожертвовать жизнью ради благородной цели.

И что самое главное — все это происходило на самом деле.

Приближающегося к Прайму «Аойфа» почти никто не заметил — задали какие-то поверхностные, формальные вопросы, на которые берхал Уолдмен даже не стал обращать внимания. Всем было не до них.

«Аойф» направился прямо на посадку.

Корабль не вызвал интереса даже у жителей маленькой деревеньки, примостившейся на краю узкой долины. Гнусный подонок на борту «Джувелетты» только что зверски убил еще одного ребенка.

Эсминец кажется совсем небольшим судном в космосе, в сравнении с огромным боевым кораблем вроде «Победы», и на посадочном поле космопорта, где глазам предстают громадные открытые пространства. Однако здесь башня, возле которой приземлился эсминец, превратилась в детскую игрушку. Уолдмен пробежал пальцами по кнопкам, и «Аойф» завис над землей, удерживаемый в таком положении работающими генераторами Маклина. Не стоило оставлять посередине прекрасного сада пятиметровую яму. И не только из эстетических соображений — кое у кого могли возникнуть вопросы по этому поводу.

Башня казалась совершенно безжизненной.

Оружие «Аойфа» было наведено на цель, пальцы Уолдмена готовы в любой момент нажать на кнопки.

Из корабля выдвинулся трап. На нем появился Стэн в боевом снаряжении и с виллиганом в руке. Он не стал полностью надевать шлем, оставив лицо открытым.

Уолдмен считал это полнейшим безумием — солдаты внутренней безопасности могли поджидать их возле башни или внутри. Но Стэн не сумел придумать никакого другого способа показать своим друзьям, что их пришли спасти, а не арестовать.

Он уже был почти у двери, когда она распахнулась.

На пороге стояли Марр и Сенн.

— Должен сказать,— заявил Марр,— вы прибыли к нам весьма своеобразным способом, мой юный капитан.

— Угу. Своеобразным, точно. Только давайте уберемся отсюда поскорее, а то кто-нибудь захочет сделать из нас что-нибудь очень своеобразное, например оторвет нам головы или придумает еще какую-нибудь мерзость. Потом поговорим, ребята.

И тут он увидел Лайзу Хейнз.

— А ты не спешил.

— У меня шнурки по дороге развязались.

За Лайзой стоял какой-то тип мужского пола. Плешивый, среднего возраста. Одет по моде, устаревшей лет этак десять назад.

Наверное, муж, догадался Стэн. Совсем неподходящий тип для Лайзы; по крайней мере, по мнению Стэна, она не такого должна была выбрать в спутники жизни.

«Даже и не думай об этом, идиот. Ты сам только что всем сказал, что некогда предаваться рассуждениям».

— Давайте, занимайте места.

Сенн, Хейнз и Сэм побежали к кораблю. Марр колебался мгновение, потом наклонился и поднял маленький разноцветный камешек.

— Возможно, когда мы вернемся, здесь уже ничего не останется.

Потом и он тоже поднялся на борт «Аойфа», а за ним последовал Стэн.

— Стартуем, сэр? — спросил Уолдмен, когда Стэн влетел на капитанский мостик.

— Подождите немного.

Стэн посмотрел на экран с изображением рубки управления «Джувелетты». Там никого не было — ни заложников, ни террористов.

— Передавайте. Пора.

— Есть, сэр. — Оператор, сидящий возле экрана, нажал на кнопку, и короткое закодированное послание ушло на «Джувелетту».

Хаос на экране. Крики. Мольбы. Оружие террористы. Молоденькой девушке удалось вырваться, она бросилась бежать, но ее пристрелили на месте. Террорист завопил на каком-то не поддающемся переводу языке и принялся размахивать зажатым в руке пистолетом. Раздался выстрел. Прямо в камеру! Изображение померкло.

— О мой дорогой, мой дорогой, — простонал Марр, обнимая Сенна. — Бедные детишки!

— Ага, — со вздохом согласился Стэн. — Ужасно, ужасно. И будет еще хуже. Берхал Уолдмен, поднимайте корабль. На высоту пятисот метров, пожалуйста.

«Аойф» устремился ввысь.

Стэн оказался настоящим пророком — вскоре ожил второй экран. На этот раз передача велась коммерческой телестанцией.

Муть... Неясное изображение... Разгромленный космический корабль... Генераторы Маклина вышли из строя... Экран заволочло дымом — на полную мощность включился Юкава-драйв...

Репортер в отчаянии выкрикивал в эфир:

— Ужас... Ужас... Какой ужас...

— Полный ход, пожалуйста. Домой, Джеймс.

«Аойф» прыгнул в гиперпространство, воздух с громким хлопком занял освободившееся место, где только что находился эсминец. Однако никто ничего не заметил, потому что как раз в этот момент

«Джультта» рухнула прямо в центр посадочного поля Соуарда. Не было ни огня, ни обломков. Только дымящийся кратер.

Стэн с печальным лицом отвернулся от экрана, когда «Аойф» перестал принимать передачу с коммерческого канала.

— Какая чудовищная история,— произнес он.— Такие милые, маленькие детки, а теперь они размазаны по летному полю, как клубничный джем. Клубничный? Нет, томатная паста. С солоноватым привкусом. И все так совпало. Не повезло им. Хотя, скорее всего, они выросли бы и стали жестокими убийцами, или адвокатами, или еще кем-нибудь, но нам их послала сама судьба. Как говорит мистер Килгур, когда Бог что-нибудь забирает одной рукой, другой он обязательно дает.

Марр и Сенн перестали обниматься и огромными немигающими глазами потрясенно уставились на Стэна. Однако заговорила Хейнз, которая выразила общее мнение:

— Знаешь, Стэн, ты все-таки настоящий мерзавец.

— Вот и мама всегда мне так говорила,— с довольным видом согласился Стэн.

— Спасибо,— совершенно серьезно сказала Лайза.

— А, ладно. Ничего особенного. Ты же меня знаешь. Святой Стэн. Убиваю целомудренных девушек. Спасая драконов.

Стэн уже давно не чувствовал себя таким довольным. Кроме всего прочего, его ужасно удивило, что все прошло так успешно. Официально история с «Джульттой» так и осталась трагическим событием, очередным примером растущего психоза безмерно разросшейся цивилизации. На самом деле расследование показало, что силы правопорядка были ловко одурачены. Конечно, никому не удалось отыскать следов записи, которую так тщательно сделали актеры и режиссер, нанятые Стэном. Ничего не осталось от старого корабля бхоров, если не считать здоровенной ямы на взлетном поле и клубящегося дыма. Следователи понимали, что обязательно должны были быть следы углерода: ведь на корабле находилось восемнадцать или даже больше живых существ, погибших во время катастрофы.

Узнав об этом, Стэн выругался. Если бы он как следует продумал все заранее, обязательно засунул бы на корабль несколько говяжьих туш — тогда никто и никогда ни о чем не смог бы догадаться.

Три могучие имперские боевые флотилии вышли из гиперпространства в системе Истрн. Все корабли находились в полной боевой готовности. Окажись здесь Стэн, ему бы не поздоровилось.

Вокруг давно погасшей звезды вращались шесть планет и их многочисленные луны. Пустота. Никакого Стэна.

Никакого повстанческого флота. Ничего.

Сложные сенсоры определили, что в эту систему никогда не залетал ни один корабль. Система была лишь отмечена на звездной карте, ее даже не стали исследовать. По правде говоря, здесь не было ничего, представляющего хотя бы малейший интерес.

Большой блеф Стэна сработал. И продолжал работать. Он, естественно, и не собирался отправляться на Аль-Суфи — система находилась слишком близко от Прайм-Уорлда, чтобы он стал рисковать своим маленьким флотом.

Дезинформация, запущенная через сеть двойных агентов Хоне, была лишь первым шагом сложного многоступенчатого плана.

Стэн начал партию в покер с вечным императором. В следующий раз, в другой системе, императорские разведчики обнаружат следы пребывания Стэна или его кораблей.

И дело было не только в том, что в эту игру можно играть до бесконечности, — император не мог себе позволить роскошь игнорировать сообщения о перемещениях Стэна. Ему придется сжигать АМ-2, попусту гонять огромные боевые флотилии, теряя тем самым остатки уважения, которым он еще пользовался в глазах военных моряков.

Началась игра, которая в конечном счете должна подорвать моральный дух имперских вооруженных сил.

Глава 15

Субадар-майор Четабахадур четко отдал честь.

— Сэр! Явился по вашему приказанию.

— Присаживайтесь, субадар-майор, — сказал Пойндекс. — Оставим формальности.

Четабахадур сел, его маленькое хрупкое тело замерло на стуле.

— Боюсь, у меня плохие новости, — заявил Пойндекс. — Мне жаль, что именно на мою долю выпало сообщить их вам. Впрочем, нет никакого смысла тянуть резину — будет только хуже. Как вы знаете, вечный император очень ценит вас, ребята, за долгие годы верной службы.

Четабахадур заморгал. Быстро-быстро. Любая другая реакция была недопустима. Слова «вас, ребята» являлись оскорблением, за которое следовало перерезать глотку тому, кто их произнес. «Годы верной службы» — их насчитывалось несколько сот... Это заявление требовало перерезать Пойндексу глотку во второй раз. Что касается «высоко ценит» — ну, это уж слишком!

Субадар-майор нацепил на лицо нежное выражение, раздумывая о том, какие невероятные чудеса позволяют этой жабе оставаться в живых после произнесения таких чудовищных оскорблений.

— Император ценит вас чрезвычайно высоко, — продолжал Пойндекс. — К сожалению, он в ужасном положении. Понимаете,

денег не хватает. Идет повсеместное сокращение расходов — людям приходится потуже затягивать пояса.

— Да, сэр,— сказал Четабахадур.— Гуркам это известно, сэр. Но если требуются новые жертвы, сэр... не сомневайтесь, мы готовы.

— Как великодушно с вашей стороны.— Пойндекс снисходительно улыбнулся.— Однако в этом нет никакой необходимости. В данных обстоятельствах. Видите ли, я получил приказ распустить ваш отряд. Нам всем приходится чем-то жертвовать в смутное время.

Без малейших колебаний Четабахадур сказал:

— Нет никакой необходимости извиняться, сэр. Передайте императору, что гурки готовы выполнить любой его приказ. Если он желает распустить нас, сэр... и хочет, чтобы мы вернулись в Непал... ну что ж, мы так и сделаем. Без малейших колебаний, сэр. Вы можете заверить в этом императора.

Пойндекс снова улыбнулся.

— Обязательно.

Субадар-майор вскочил на ноги и снова отсалютовал шефу ВВ.

— Если это все, что вы хотели мне сказать, сэр, я пойду проинформирую моих людей.

Пойндекс небрежно махнул рукой.

— Да, это все. Большое вам спасибо.

— Это вам большое спасибо,— сказал Четабахадур, затем повернулся и, четко печатая шаг, вышел из комнаты.

Пойндекс откинулся на спинку кресла, довольный тем, как ловко ему удалось справиться с таким трудным делом... Впрочем, его немного удивило то, как спокойно гурк отнесся к его сообщению.

Какая верность императору! Слепая, тупая верность.

Пойндекс рассмеялся, настроил свой коммуникатор и приказал солдатам внутренней безопасности занять посты покидающих Прайм-Уорлд гурков.

Оказавшись за дверью кабинета Пойндекса, в коридоре, расположенном этажом ниже императорских апартаментов, Четабахадур с трудом сдержал желание подпрыгнуть вверх и изобразить в воздухе какое-нибудь замысловатое па.

Уже довольно давно он и его люди чувствовали беспокойство по поводу распадающейся личности императора. Их тошнило от его действий и приказов. Они никак не могли понять, как солдат, которым они так восхищались,— Ян Махони — мог оказаться предателем. Кроме того, они просто не могли поверить, что Стэн, бывший когда-то их командиром и, насколько им было известно, командовавший взводом гурков и по сей день, мог восстать против императора без особой на то причины.

Все гурки хотели уволиться. Единственное, что их останавливало,— клятва, которую они принесли, и то, что император мог вос-

принять подобный поступок как жестокое оскорбление. Он бы их всех уничтожил.

Они боялись за своих соплеменников в далеком Непале. Никто из гурков не сомневался, что император сотрет Непал с лица земли. Теперь же — о радость, радость! — небеса улыбнулись гуркам. Император их уволил. Замечательно, что эту новость принес такой отвратительный варвар, как Пойндекс.

Не следует думать, что Четабахадур простил ему хамское поведение. Когда-нибудь он убьет Пойндекса. А если нет, сын Четабахадура убьет сына Пойндекса.

У гурков долгая память.

Пойндекс с интересом наблюдал за распростершейся перед вечным императором Бэсикер.

— О, мой господин, я ослеплена вами. Мои члены дрожат. Мой разум отказывается служить. Язык не в состоянии передать чувство восхищения и благоговения.

Пойндекс с трудом скрыл улыбку. Как раз язык у нее работал превосходно. Новая верховная жрица культа вечного императора лежала у ног новоявленного бога.

— Можешь подняться, — торжественно произнес император.

Пойндекс был несколько удивлен тем, с какой серьезностью его босс отнесся к этой встрече.

Бэсикер встала на колени, несколько раз коснулась лбом пола, чтобы еще раз показать свое восхищение, и только после этого поднялась на ноги. Пойндекс заметил, что глаза императора заблестели от удовольствия, и поздравил себя с удачным выбором. Бэсикер, заменившая Зоран, хорошо усвоила все его уроки, к тому же она привнесла в постулаты культа и кое-что свое. Полный успех!

— Пожалуйста, садись, — сказал император, улыбаясь. — Не хочешь ли чего-нибудь выпить?

Бэсикер присела на самый краешек предложенного стула, как будто малейшее лишнее движение, сделанное в присутствии божества, было бы ужасающим святотатством.

— Благодарю вас, господин. Позвольте скромной искательнице правды отклонить ваше любезное предложение. Сейчас, рядом с вами, я никак не могу. Позвольте мне насладиться вашим присутствием и теми божественными эманациями, что исходят от вашего тела.

Пойндекс сильно сомневался, что Бэсикер интересуется что-нибудь, кроме личных амбиций. Хрупкая, с почти прозрачной белой кожей, неопределенного возраста женщина с морщинистым лицом. Острые, выдающиеся вперед зубы, блестящие глаза-пуговицы. Как у крысы, отметил Пойндекс.

— Как хочешь, — сказал император, сделав широкий жест.

Бэсикер кивнула, собирая белое одеяние вокруг костлявых колен. Император показал на стопку бумаг, лежащих на письменном столе:

— Я очень внимательно просмотрел твои предложения о реорганизации. На меня они произвели благоприятное впечатление.

— Благодарю вас, господин, — ответила Бэсикер. — Но без вашего вдохновляющего примера я бы ничего не сумела сделать. Честно говоря, моя покойная предшественница — Зоран — оставила после себя полный беспорядок. Наша цель состоит в том, чтобы должным образом восславить вас... и разъяснить вашим подданным высшую миссию вечного императора. Однако культ не слишком преуспел на этом поприще.

— Ты составила новую программу, — заметил император. — В ней предлагается воздвигнуть храмы во всех крупнейших столицах империи.

Бэсикер склонила голову.

— Я надеялась, что мои идеи будут одобрены вами.

Пойндекс даже отвернулся, чтобы не рассмеяться. Его взгляд упал на висящую на стене картину — романтическое изображение императора в виде героя, который единолично привел свою армию к победе в битве за Ворота. Пойндекс прекрасно знал, что императора и близко там не было.

Одна из многих прославляющих подвиги императора картин, принадлежавших некогда покойному Танзу Сулламоре. По приказу Пойндекса секретные агенты ВБ разыскали их там, где им и положено было быть, — в самых темных подвалах различных музеев. Теперь они висели, рама к раме, вдоль стен в кабинете императора. Впечатление картины производили по меньшей мере странное. Глаза святых императоров-героев укоризненно смотрели сверху вниз на Пойндекса. Ему вдруг показалось, что все это галлюцинация, результат чрезмерного употребления прокисшего наркопива.

Он заставил себя сосредоточиться на разговоре.

— Это предложение ничто по сравнению с моим истинным внутренним видением, — продолжала Бэсикер. Ее маленькие глазки загорелись, казалось, ее переполняет благоговейный восторг. — Я вижу храмы, выстроенные в честь моего господина, в каждом городе империи. В каждой деревушке. Там будут собираться подданные и купаться в лучах вашей славы.

— В самом деле? — заинтересовался властитель. — Я и не знал, что количество моих потенциальных почитателей так велико.

— А разве может быть иначе, господин? — сказала Бэсикер. — Разве не написано в священных книгах, что скоро ваших почитателей станет больше, чем звезд на небесах? И что они будут восхвалять ваше имя как единственного истинного бога?

Последнее заявление привело императора в некоторое смущение. Он даже откашлялся в кулак.

— Э-э... Как ты говоришь, это выглядит весьма разумно.

— Нам только не хватает средств, господин, — продолжала Бэсикер, — чтобы начать реализацию этой программы.

Император нахмурился.

— Я уже предоставил в ваше распоряжение вполне достаточные суммы. Разве не так?

— О да, господин, — сразу дала обратный ход Бэсикер. — И по моему мнению, это было слишком обременительным грузом для вас. Я считаю, платить должны те, кто от этого выигрывает. Ваши подданные, господин, именно они должны нести все расходы. Не пристало живому Богу платить за свои храмы. Но мы — ваши истинные почитатели — были до сих пор лишены этой возможности, господин. Боюсь, это вина наших политических лидеров. Они слишком заняты тем, что набивают собственные карманы.

— Хорошо сказано! — воскликнул император. — Очень свежая мысль!

Он повернулся к Пойндексу.

— Мне надоели дураки в парламенте. Пришло время им раскошелиться. Составьте вместе с Эври обращение. Мои подданные — такие преданные, как эта женщина, — не должны ходить с протянутой рукой, когда речь идет о столь благородных целях.

— Да, ваше величество. Я немедленно этим займусь.

Император вновь повернулся к Бэсикер.

— У меня есть еще одно пожелание.

— Все, что угодно, господин.

— Я хочу, чтобы ты обратила пристальное внимание на каждого члена культа. Выделила наиболее преданных вере.

— Мы все готовы отдать за вас свои жизни, господин.

— Да... однако всегда находятся такие, кто хочет этого больше других. Ты должна понимать, о чем я говорю.

Бэсикер кивнула. Слово «фанатик» не было произнесено, хотя и подходило к тому, что имел в виду император, наилучшим образом.

— Я хочу, чтобы они составили ядро, им предстоит пройти специальную подготовку. В этом вам помогут люди Пойндекса.

— Да, господин.

— Они должны быть готовы на подвиг. А когда я отдам приказ, я рассчитываю на немедленное действие без лишних вопросов.

— Да, господин. Эти... миссии, о которых вы говорите... Насколько я понимаю, они будут опасными?

— Возможно, смертельно опасными.

Бэсикер улыбнулась.

— Я знаю, какие люди нам необходимы, — сказала она, обнажив свои крысиные клыки, которые словно отгрызали каждое слово.

Пойндекс вздрогнул. Практика использования религиозных фанатиков в качестве наемных убийц была не новой. Однако когда он представил себе маньяка с дикими глазами, размахивающего большим окровавленным ножом, ему стало не по себе. Впрочем, он тут же прогнал от себя эти мысли. Какой бы пугающей ни была эта идея, нельзя не оценить ее очевидные достоинства.

— Вот и отлично. Значит, договорились, — объявил император, заканчивая разговор. — А теперь... надеюсь, ты простишь меня...

Бэсикер вскочила.

— Конечно, господин. Благодарю вас за то, что вы осчастливили меня, одарив драгоценными минутами своего времени.

Она снова упала на колени и три раза стукнула лбом по ковру, устилающему пол.

— Да будет благословенно ваше имя, господин. Да будет благословенно ваше имя...

И ушла.

Император, радостно улыбаясь, повернулся к Пойндексу:

— Просто замечательно. Они и в самом деле верят, что я бог.

— Вне всякого сомнения, ваше величество, — ответил Пойндекс, которому инстинкт самосохранения подсказал, что ответной улыбки не требуется. — Их верования могут быть наивными... но они совершенно искренни.

Вечный император посмотрел на дверь, за которой только что скрылась Бэсикер.

— Устами младенца... — пробормотал он.

Настроение властителя изменилось, и он вытащил бутылку виски из стола. Быстро налил и так же быстро выпил.

— А теперь перейдем от проблем возвышенных к земным глупостям, — объявил император. — Мой гофмейстер жалуется на тебя.

Пойндекс изобразил удивление:

— Да, ваше величество?

— Очевидно, награды, которыми я приказал тебе заняться, еще не добрались до его письменного стола. А ему нужно подготовить торжественную церемонию, которая, должен тебе напомнить, состоится через две недели.

— Прошу прощения, сир, — произнес Пойндекс самым что ни на есть пристыженным голосом. — Это моя вина. И у меня нет никаких оправданий.

— Честно сказано, — фыркнул вечный император. — Мы с тобой оба знаем, что медали и почести — абсолютно бессмысленные штуки, но публика их просто обожает. Особенно в такие сложные времена, как сейчас.

— Да, ваше величество. Очень виноват, ваше величество. Я займусь этим немедленно.

— Да ладно,— сказал император.— Пришли мне список. Я сам с ними разберусь.— Он покачал головой.— А что еще остается... Такое впечатление, что мне все приходится делать самому.

— Да, сир.

Властитель выпил еще виски и немного успокоился.

— Полагаю, у тебя и так забот по горло,— сказал он.

— Это меня не оправдывает, сир. Но я все равно вам благодарен.

— Рано благодаришь,— перебил его император.— Потому что я заготовил тебе еще одну пилюльку.

— Да, сир?

— Я все время думаю о Стэне, который наносит нам большой ущерб. Ему это удается только потому, что он нас постоянно опережает. Пока мы не успели разогнаться, Стэн наносит нам удары там, где мы его совсем не ждем. Создается образ отважного народного героя и тому подобное.

— Рано или поздно Стэн совершит ошибку, сир,— заявил Пойндекс.

— Я предпочитаю не рассчитывать на удачу или ошибки своих врагов,— возразил император.— Мы должны немедленно перехватить инициативу. Поставить Стэна в такое положение, чтобы он забыл, как его зовут.

— Не хочу с вами спорить, сир,— проговорил Пойндекс,— но наши силы и так рассредоточены до предела. Нам даже пришлось пустить в дело резервы.

— Изыщи новые,— приказал император.

— А если возникнет какая-нибудь экстремальная ситуация?..

В глазах властителя загорелся злой огонек.

— К чертям экстремальные ситуации! Стэн постоянно застает нас врасплох. Наносит удары с разных сторон. Моя любимая телестанция, склады АМ-два, финансы...

— Финансы? — удивленно спросил Пойндекс.— Я считал, что экономические проблемы связаны с кризисом. Что может Стэн...

Император наградил его презрительным взглядом.

— Не будь идиотом. Классическая партизанская акция. Я уверен, это дело рук Стэна или кого-то из его людей.

— Понятно... ваше величество,— запинаясь, пробормотал Пойндекс, который на самом деле ничего не понимал.

Император разочарованно фыркнул.

— Так вот, вбей в свою глупую башку, Пойндекс: это и есть экстремальная ситуация. Если мы в самое ближайшее время не погасим пожар, быть нам по уши в дерьме. Я ясно выражаюсь?

— Да, сир.

— Отлично. А теперь посмотри сюда.— Император отодвинул в сторону бутылку с виски и разложил на столе карту империи.

Пойндекс наклонился над ней и заметил множество кружков, крестиков и стрел, нарисованных властителем.

— Полагаю, эти области наиболее уязвимы,— заявил император, тыкая пальцем в разные места.— Именно здесь Стэн, скорее всего, нанесет следующий удар. Мы можем осуществить прикрытие, если переведем Пятую гвардейскую дивизию от Солфи... а потом переместим флот у Бордбуча...

Пойндекс с удивлением наблюдал за вечным императором, который перемещал флотилии и армии на огромные расстояния, точно фишки в детской игре. И всякий раз, когда его палец касался бумаги, сотни кораблей и тысячи солдат меняли дислокацию среди звезд.

В погоне за одним-единственным человеком.

Много позднее, спрятавшись в своем собственном царстве в замке Арундель, Пойндекс обдумывал положение дел в империи. Коснулся сенсора на письменном столе, и фреска на дальней стене его командного центра сменилась электронным вариантом карты, которую он видел у императора. Игровая доска. Повсюду мигали огни, которые показывали наличие кризисных ситуаций.

Пойндекс просмотрел сводку новостей. Хлебные бунты. Дефицит энергии. Забастовки. Кризис валютного рынка. Скачки цен на товары народного потребления. Панические вопли крупных корпораций о помощи. Бесконечные просьбы о дополнительных квотах на АМ-2.

Плохие новости не ограничивались гражданским сектором. Со всех сторон сообщалось о бесконечных атаках Стэна. Бывшие союзники императора один за другим сообщали об объявлении войны или независимости. Гибель агентов, сорванные задания и другие неудачи разведывательных служб империи не добавили Пойндексу оптимизма.

Обычное существо пришло бы в отчаяние. Однако Пойндекс не был обычным существом. В каждой новой неудаче он умел находить новые возможности. В каждой катастрофе — скрытый источник обогащения.

Пойндекс за короткое время успел многому научиться у вечного императора. Успех требовал перспективы... и терпения. В данном случае речь шла о самом Пойндексе, а не об императоре.

Пока его личная охрана в черной форме сновала взад и вперед по различным поручениям, Пойндекс еще раз все взвесил. И вновь пришел к выводу, что властитель ошибается. Он слишком серьезно относится к угрозе, которую представляет Стэн.

Пойндекс считал, что проблема Стэна именно потому и выглядит такой серьезной, что вечный император всячески ее раздувает. Лучше было бы вообще не обращать на него никакого внимания. И чем больше император бушевал и перебрасывал корабли и войска из одного региона в другой, тем более привлекательной становилась личность Стэна для врагов империи.

Все данные говорили за то, что судьба против Стэна. У него ограниченные ресурсы и незначительные силы, особенно по сравнению с могущественной империей. Стэн не имел права совершать ошибки. Император же мог позволить себе принять великое множество неверных решений.

По какой-то причине властитель этого не понимал. И был совершенно помешан на Стэне. Практически ничто другое не привлекало его внимания.

На лице Пойндекса начала расцветать улыбка. Поддерживая одержимость императора одной-единственной идеей, он чувствовал себя невероятно умным. Император сражался с огромным пустым пространством.

Пойндекс предупреждал императора о самых разнообразных вещах. Но только затем, чтобы защитить себя — на случай, если что-нибудь получится не так. А пока ему удалось изолировать императора от внешнего мира, окружив его своими людьми. Гурки были последними из старой гвардии.

Теперь император полностью зависел от шефа ВБ. Пойндекс лично выбрал преемницу Зоран, сам решал, кто будет допущен к императору. И именно он всячески способствовал прогрессирующему безумию вечного императора.

В результате властитель стал так сильно в нем нуждаться, что Пойндекс начал сознательно делать ошибки. Как в истории с наградами и церемонией вручения.

Император, конечно же, безумен. Но совсем не дурак. Он не хуже Пойндекса понимает, как опасно впадать в зависимость от одного человека.

Поэтому шефу ВБ приходилось время от времени допускать промахи. Для того чтобы император не начал его ненавидеть.

Он посмотрел на карту. Его не интересовали плохие новости. Перед глазами Пойндекса была вся империя. Империя, которая в определенном смысле подчинялась его воле.

А вовсе не воле императора.

Дни шли за днями. Личность великого властелина распадалась, а влияние Пойндекса росло.

Он не представлял себя императором. По крайней мере, старался делать это не очень часто.

Во времена правления Тайного совета Пойндекс видел, что случилось с империей без сильной личности во главе.

Нет. Император необходим. Если не он сам, то его присутствие.
Легенда.

Впрочем, есть одно «но». Пойндекс скоро начнет стареть.

Ослабеет.

И умрет.

А император бессмертен.

Что будет, если Пойндекс узнает его секрет?

Что, если сможет жить вечно?

Пойндекс коснулся сенсора, и фреска снова заменила карту.

Эта ситуация имела гораздо больше возможностей, чем Пойндекс мог предвидеть.

А он был мечтателем-практиком.

Глава 16

— Я не знаю, как им удалось обнаружить ваше местонахождение, — сказал сэр Эку. Его голографическое изображение было слегка затенено по краям, видимо, сказывалась мощность сигнала. — Дело в том, — продолжал Эку, — что они уже находятся на пути к созвездию Волка. Делегация насчитывает двести шестьдесят существ. Ее возглавляют три самых уважаемых лидера загинозов.

— Как дипломат дипломату, — ответил Стэн, — могу лишь заявить, что меня это совсем не радует. Придется переместить базу. Немедленно.

— Думаю, отказавшись встретиться с ними, вы совершите серьезную ошибку, — заметил сэр Эку, взмахнув хвостом. Это движение привело к тому, что он сдвинулся немного в сторону. — Я знаю, как опасно считать, что их намерения носят исключительно мирный характер. — Еще одно движение, и сэр Эку восстановил равновесие. — Однако... если загинозы действительно заключат с нами союз, это нанесет империи серьезный удар. Подумайте о возможностях. Целый регион, объединяющий сотни звездных скоплений, перейдет на нашу сторону. Хотя бы с точки зрения пропаганды стоит рискнуть.

Стэн нервно постучал ногой по холодному каменному полу радиорубки бхоров.

— Я знаю, знаю. Но меня очень беспокоит тот факт, что загинозы каким-то образом не только смогли с нами связаться, но и выяснили, где именно мы находимся.

— Меня тоже поразило, — кивнул сэр Эку, — когда они явились ко мне и потребовали встречи с вами. Первое, что мне пришло в голову, — произошла утечка информации. Второе — народ манаби обречен. Я представил себе, как имперский распылитель планет приближается к нашей звездной системе. Однако после разговора

с ними я проверил при помощи компьютеров все возможные варианты. Так вот, учитывая мои личные представления о загинозах, я считаю, что предательство с их стороны маловероятно.

— Меня пугает именно низкая вероятность ловушки, — ответил Стэн. — А кроме того, «зачем им это нужно»... Иными словами, если они хотят присоединиться к нашему восстанию, почему они не сделали этого через вас? Почему для них так важно провести переговоры со мной?

— Потому что загинозы еще не приняли окончательного решения, — сказал сэр Эку. — Сейчас они уверены в одном — у нас общий враг. Однако они не уверены, что у нас есть хоть какая-то реальная возможность победить этого врага.

Сэр Эку подлетел поближе к камере.

— Решение принимать вам, Стэн. Они явно склоняются к союзу с нами. В противном случае загинозы не стали бы так рисковать.

— Поэтому вы советуете, — сказал Стэн, — устроить легкую дипломатическую кутерьму и окончательно убедить их перейти на нашу сторону?

— Кутерьму? Я не понимаю этого термина.

— Грандиозное шоу.

— А-а. Замечательно. Да, именно это я и советую. Грандиозное шоу.

Стэн колебался.

— А вы спрашивали у них, как они меня вычислили?

— Да. Они сказали, что сложили один да один, а потом как следует подумали. Затем применили аналогичные рассуждения, чтобы сделать вывод, что вы выбрали миры бхоров в качестве базы. Я, естественно, не стал говорить им, что они правы. По правде говоря, загинозы меня ни о чем и не спрашивали. Покидая меня, они просто попросили оказать им любезность и предупредить вас, что они на пути к созвездию Волка.

Стэн вздохнул.

— Ладно, придется с ними встретиться. Разве у меня есть выбор? Если мы ошибаемся и они меня прикончат, тогда и сообразить, сколько раз меня одурачили, я вряд ли смогу.

— Вы будете не одиноки, Стэн, — сказал сэр Эку. — Загробный мир, говорят, как раз и населен дураками вроде нас.

— Знаете, мне уже стало немного легче, — поморщился Стэн. — Благодарю вас.

— Не стоит благодарности.

Изображение сэра Эку погасло.

А Стэн принялся расхаживать взад и вперед по комнате, пытаясь привести в порядок мысли. Сложные повороты и странные события войны, которую он затеял против императора, настолько пе-

репутались в его сознании, что он был не в состоянии разобраться в происходящем.

Он нуждался в совете.

— Итак, сэр Эку утверждает, что их привело к нам удачное стечение обстоятельств? — переспросила Рикор.

— Вот именно,— ответил Стэн.

— Не верю я в удачное стечение обстоятельств,— сердито заявил Алекс.— Разве что в тех случаях, когда я сам его организовал.

— Удача существует,— непререкаемым тоном объявил Ото.— Бхорам это прекрасно известно. Три разновидности. Слепая, тупая и плохая.

— Мы познакомились со всеми тремя разновидностями на кухнях,— объявил Марр.

— А еще во время одного обеда,— добавил Сенн.

— Я вынужден полагаться на слово сэра Эку,— сказал Стэн,— но все равно считаю, что мы рискуем, согласившись иметь дело с загинозами. А если бы они ошиблись, обратившись к сэру Эку? Все равно что броситься императору на грудь и признаться в предательстве — ведь всем известно, что манаби сохраняют нейтралитет.

— Смешно,— сказал Марр.— Мне это нравится.

— Перестань. У нас серьезный разговор! — рассердился Сенн.

— Я совершенно серьезен, дорогой,— заявил Марр, поглаживая колено Сенна,— и объясню тебе, что имел в виду, немного позже, ночью.

— Если хорошенько подумать,— сказала Рикор, переворачиваясь в лохани,— в их действиях есть своего рода здравый смысл.

— Отлично,— обрадовался Стэн,— именно этого мне как раз и не хватает в последнее время. Объясни, что ты имеешь в виду. И постарайся не употреблять никаких сложных слов, а то я вряд ли смогу тебя понять.

— Мне кажется, это заложено в природе загинозов, Стэн,— начала Рикор.— Они экономические беженцы. Беженцы готовы рискнуть — иногда по-крупному — даже ради незначительной выгоды. Когда у тебя почти ничего нет, сам акт риска позволяет почувствовать себя сильным. Словно тебе наконец удалось взять контроль над своей судьбой.

Стэн кивнул. Да уж, хорош здравый смысл! Ему приходилось иметь дело с загинозами — почти все жители этого региона были потомками бедняков рабочих, людей и инопланетян, которые не гнушались никакой работой и были готовы отправиться в любой уголок империи, чтобы заработать на кусок хлеба. Любые, самые незначительные экономические кризисы делали загинозов еще беднее.

Стэн почему-то подумал о своей семье, которой в жизни не на что было надеяться, кроме как на собственные руки. Впрочем, еще

разрешалось мечтать. Кое-кто из таких мечтателей попадал на мины-фабрики вроде Вулкана, с невыносимыми условиями труда. А иным сопутствовала удача — опять это слово! — и они поселялись в каком-нибудь скоплении звезд, как загинозы. И тогда период странствий заканчивался. Беженцы пускали корни.

Загинозов объединял весьма своеобразный союз и общие взгляды. И хотя среди них не преобладал никакой народ или раса, каждая отдельная личность пользовалась уважением. При этом не имело ни малейшего значения, какого цвета эта личность — черного, белого или зеленого, есть ли у нее чешуя или она вся покрыта гладкой кожей, ходит она прямо или как-нибудь иначе.

Стэн вспомнил о грандиозной афере, которую предпринял его отец, решив быстро заработать целую кучу денег и связавшись с бойцовыми ксипаками. Он, естественно, все проиграл — увеличив тем самым свой контракт на несколько лет, — однако неудача ничему не научила его, и он продолжал рисковать, принимая участие в таких же безнадежных затеях. Теряя все, его отец тем больше стремился сделать хоть что-нибудь, чтобы получить возможность покинуть мир Вулкана, и чем быстрее, тем лучше.

Да, Стэн понимал, что имела в виду Рикор.

— Может, они хотят рискнуть, дружок Стэн, — проговорил Алекс, — им же почти нечего терять.

И это тоже было правдой. Незадолго до того, как отправить Стэна на Алтай, император послал его с дипломатической миссией к загинозам. Стэн прекрасно справился с заданием — по крайней мере, ему удалось заключить с ними определенное соглашение, не прибегая при этом к особой лжи.

— Когда я встречался с ними в прошлый раз, — сказал он, — у загинозов была целая куча самых разнообразных проблем. Причем возникших не по их вине. До Таанской войны они жили в весьма процветающем регионе: прекрасно развитое сельское хозяйство, какая-то тяжелая промышленность, достаточно рабочих рук, хороший образовательный уровень.

Брови Ото полезли вверх.

— Я этого не знал. Мне казалось, загинозы славятся своей военной промышленностью.

— Так было до Таанской войны. Появился старина Танз Сулламора с деньжками и обещаниями императора. И не успели они сообразить, что происходит, как весь регион превратился в грандиозное оборонное предприятие. А потом, когда война закончилась...

— Понятно, — проворчал Алекс, — от них отвернулась удача, как я и говорил.

— Пушки есть не станешь, — сказал Марр.

— Вот-вот. Фабрики остановились, и начался экономический кризис.

— Но... клянусь бородой моей матери, почему они не вернулись к тому, чем занимались до войны?

— Не могли,— ответил Стэн,— без больших капиталовложений и смены всего оборудования. Когда у них кончились деньги, Тайному совету пришлось оказать им минимальную помощь. Для загинозов возвращение императора было большим несчастьем. Конечно, он сделал вид, что его интересуют их проблемы. Например, послал меня в тот сектор для заключения каких-то соглашений. На самом же деле ему было проще — и дешевле — оставить их в покое. Забыть о них. Чтобы они тихонько все вымерли.

— А им это почему-то не понравилось,— сказал Алекс.

— Не забываете,— предупредила Рикор,— сэр Эку не уверен в том, что они нас поддержат. Придется убедить их, что союз с нами выгоден.

— Он сказал, что нужно устроить представление. Грандиозное,— кивнул Стэн.— Проблема заключается в том, что нам и хвастаться-то особенно нечем. У нас нет ни армии, ни приличного флота, который было бы не стыдно показать. Любой, у кого в голове есть хотя бы полторы извилины, сообразит, что стоит императору только дунуть в нашу сторону, и от нас ничего не останется.

Сенн выбрался из своего кресла и плюхнулся на пол.

— Никаких проблем. Во-первых, они собираются встретиться с вами. А не с солдатами и флотилиями.

Марр опустил на пол рядом со своим приятелем.

— У императора в распоряжении имеются все флоты и армии, какие только существуют в империи,— поддержал он Сенна.— Наши друзья знают, какую пользу это ему приносит. Он сидит в громадной сочной заднице.

— Да уж точно,— подтвердил Сенн.— И при этом не получает никакого удовольствия.

Рикор поднялась в своей лохани, и немного воды перелилось на пол.

— Наши меховые коллеги во многом правы,— сказала она Стэну.— На твоём месте я бы к ним прислушалась.

— А я и прислушиваюсь, черт бы тебя побрал! — возмутился Стэн и посмотрел на пару маленьких лохматых существ.— Говорите, что придумали?

— Если мы хотим, чтобы они забрались в нашу тепленькую постельку, нужно сначала создать соответствующее настроение,— объяснил Марр.

— Иными словами, необходима предварительная игра,— хихикнул Сенн.— Которой так бедна их любовь.

— И вы, Стэн, нам поможете,— заявил Марр.

— Я? Каким образом?

— Пришло время, о великий революционный вождь, дать немного отдохнуть серым клеткам,— сказал Сенн.

— Спуститесь с заоблачных вершин,— подхватил Марр трагическим голосом,— и потратьте немного своего драгоценного времени на простых смертных.

Стэн подозрительно посмотрел на него.

— А что полагается при этом делать?

— О, приносить и помогать,— ответил Марр.

Стэн захихикал.

— И отскребать кастрюли,— добавил Сенн.

— Ну а с чего это вы решили, что я соглашусь? — поинтересовался Стэн.

— Потому что в случае загинозов, дорогой Стэн,— пояснил Марр,— дипломатия начинается с кухни.

— Мы собираемся устроить небольшой торжественный обед,— заявил Сенн,— на двести шестьдесят с лишним персон.

— К тому моменту, когда мы покончим с обедом,— сообщил Марр,— они будут на коленях просить вашей руки.

— Станут умолять вас разделить с ними любовь,— добавил Сенн.

Стэн собрался возразить, но ничего не смог придумать. Нет, он совсем не против торжественного обеда. Идея была просто отменной, особенно если учесть, кто его будет готовить. Просто ему страшно не хотелось чистить кастрюли — даже при условии, что таким образом удастся выведать кое-какие секреты Марра и Сенна.

Тут только он заметил ухмылку на лице Килгура. Что же до Ото, так тот просто засунул себе лапу в рот, чтобы не расхохотаться. Рикор всячески старалась не смотреть на Стэна, но ее выдавала лохань, которая вдруг начала неудержимо раскачиваться.

Стэн вздохнул.

— Ну, чего мы ждем? Давайте начинать.

И стремительно вышел из зала совещаний.

Стэн — самый главный преступник империи и герой революции — теперь получил повышение: главный чистильщик кастрюль.

Стэн стер соус с передника и взял донесение от курьера. Быстро прочитал его.

— Официальное сообщение,— объявил он.— Загинозы будут здесь завтра вечером.

Сенн забеспокоился:

— Мало времени.

— Мы все успеем, дорогой,— успокоил его Марр.— Кладовые Ото оказались куда более богатыми, чем я предполагал. Нам не придется особенно жульничать.

Стэн снова взялся за тесак и возобновил неравную борьбу с очередным цыпленком.

— Не то чтобы я сомневался в ваших способностях, но мне непонятно, как вы составляете меню в таких случаях.

— Ну... мы хотим произвести на них впечатление,— ответил Марр.— Так, чтобы успех обеда наложил определенный отпечаток на ваши переговоры. Ведь нам всем предстоит работать вместе...

Из роскошного мягкого меха Марра высунулся коготь. Молниеносное движение — и помидор полетел в кипящую воду.

— Мы хотим, чтобы они полюбили нас. Небеса свидетельствуют, нам совсем не нужно, чтобы они решили, будто мы считаем себя высшими существами.

Марр вытащил помидор из горячей ванны и перебросил его в другую лапу. Еще одно неуловимое движение когтя — и кожура снята. Раз, два. Вот и все. Челюсть у Стэна отвисла. Совершенно автоматически Марр подхватил следующий помидор, и процесс повторился. Еще один красный шар очищен. Раз, два. Вот и все.

— Высокое кулинарное искусство исключается. Абсолютно,— добавил Марр.

— Да, это ни к чему,— согласился Сенн.— Совсем ни к чему.— Его кривые, острые как бритва когти безостановочно мелькали среди желтых луковиц.

Сенн одновременно чистил лук и нарезал его идеально ровными дольками. Удивительное дело — у Стэна, который стоял рядом, даже не зашипало в глазах.

— Мы решили, что будем подавать местные блюда,— заявил Марр.— Пищу, которую могли бы приготовить на кухне самого обычного существа. И в то же время чуточку экзотичную, потому что на самом деле мы получили ее из других мест.

— А кроме того, это дает нам тему,— сказал Сенн, расправляясь с очередной луковицей.— Что-то вроде флага всех наций. Это очень хорошо подходит загинозам — их нация представляет собой множество самых разных народов.

— Нам нравятся темы,— добавил Марр.

Стэн слушал их лишь вполуха, неотрывно следя за фантастическими манипуляциями милченгов. Они были живыми кухонными комбайнами. Каким удивительным количеством изумительных трюков они владеют?

— Великолепно. Великолепно. Темы и все такое,— сказал Стэн.— Но прежде чем вы продолжите, я хочу задать вам вопрос.

— Что ж, спрашивайте, дорогой,— отозвался Марр, небрежным жестом покончив счеты с последним помидором.

— Я не умею чистить лук так, как Сенн...— сказал Стэн, показывая на маленький смерч, который уже успел нарубить огромную гору идеальных колечек.— Мои руки для этого не приспособлены. Но этот трюк с помидорами... Всякий раз, когда мне нужно почи-

стить помидор, результаты получаются совсем не такие впечатляющие. Да и отходов оказывается не меньше половины.

— Бедняжка, — пожалел его Марр.

— Нужно всего лишь окунуть их в кипящую воду, — сказал Сенн тоненьким голосом, словно пытался убедить Стэна, что вовсе не считает его дурачком.

— И это наш вождь, — пробормотал себе под нос Марр.

— Ну-ну, дорогой, — утешил Сенн, — не надо так расстраиваться.

В кухне изумительно пахло помидорами, перцем и луком, поджаривающимся в оливковом масле. Марр попробовал, подсыпал стручкового перца, немного помешал, а потом кивнул Сенну, который добавил свежих цыплят. Марр накрыл кастрюлю крышкой и поставил на медленный огонь.

— Когда будем подавать обед, нужно поменьше наливать супа.

Стэн с сомнением посмотрел на большую кастрюлю.

— Мне кажется, тут вполне достаточно...

— Конечно достаточно, — рассмеялся Сенн, — первоклассная вещь для снятия напряжения. Я имею в виду гостей. Хозяевам следует относиться к этому блюду с большой осторожностью.

— Видите ли, — начал объяснять Марр, — мы добавим туда немного муки и сметаны — чтобы суп стал таким гладеньким-гладеньким.

— А затем... сразу перед тем, как подавать... вольем в него водки. Много водки! И вот вам, получайте! — объявил Сенн. — Перед вами... венгерский томатный суп с водкой! Очень полезная вещь.

— Языки развязывает, — сухо прокомментировал Стэн. — Слушайте, ребята, а вам не приходило в голову переквалифицироваться в следователей спецотряда богомоллов?

— Фи, они все любители! — фыркнул Сенн.

— Не обижайтесь, — поспешил извиниться Марр.

— После того как делегация загинозов как следует расслабится, — сказал Сенн, — нужно будет заняться их храбростью.

Он посыпал кусочки мяса мукой, перцем и солью. Марр в это время складывал в кастрюльку мелко нарезанный лук, перец и чеснок.

— Мы сделаем их твердыми и непоколебимыми.

Сенн фыркнул:

— Так сказать.

— Прекрати нахальничать! — Марр поставил на огонь сковороду, которую предварительно смазал оливковым маслом.

— Не могу, — пожаловался Сенн и принялся хихикать еще радостнее. — Ну что делать, если я так устроен. Особенно когда мы готовим горных омаров.

Стэн нахмурился, взял кусочек посыпанного мукой мяса, понюхал.

— Омарами не пахнет,— сообщил он.

— Это телячьи яички, дорогой друг,— пояснил Марр.— Их отрезают у очень маленьких теляток — они еще даже не понимают, чего лишились.

— Мы хотим приготовить их по-баскски,— перебил Сенн.— Образы возникают такие сексуальные. Здоровенные мужики с огромным либидо.

— Стоит мне об этом подумать, и я готов поджаривать яйца хоть каждый день,— сообщил Марр.

Стэн посмотрел на кусочек мяса, который держал в руке.

— Простите, ребята,— торжественно проговорил он,— надеюсь, вы знаете, что пострадали за благородное дело.

— Так, а теперь займемся их мозгами,— объявил Марр.

Стэн недоверчиво посмотрел на целую кучу только что разрезанных на кусочки цыплят.

— Неужели эти чертовы цыплята могут способствовать развитию мыслительного процесса? Не верю.

— Очень глупые существа, это уж точно,— согласился Сенн.— Но такие на все готовы. Особенно если их как следует ошипать и приправить соусом. Смотрите, как терпеливо они ждут, когда их положат в маринад.

— Как загинозы? — догадался Стэн.

— Великолепно, дорогой друг! Кажется, вы начинаете понимать, что мы имеем в виду,— сказал Марр.— На этом этапе наши друзья уже будут готовы к новым подходам с нашей стороны... Когда работают вкусовые рецепторы, возникают самые разнообразные возможности, в особенности если договор уже заключен.

— Да перестань ты умничать,— прервал его Сенн и махнул мохнатой лапой, покрытой специями, в сторону Стэна.— Не обращай на него внимания. Между прочим, это блюдо называется «вяленый цыпленок».

— Мне оно нравится...— сказал Стэн.

Марр положил пучок лука, который нарезал.

— Вы о нем слышали? — Казалось, он был разочарован.

— С Ямайки, верно? — спросил Стэн.— Одного из древних земных островов. Они там коптят длинные полосы мяса и пьют дурацкие фруктовые напитки, а стаканы украшают смешными маленькими зонтиками.

— По-моему, у нас кончились чистые кастрюли,— вздохнул Марр.

— Ничего не выйдет,— заявил Стэн.— Я только слышал про вяленого цыпленка. И не уйду, пока не узнаю, как его готовят.

— На кухне,— сердито проговорил Марр,— только шеф-повару позволительно умничать. А посудомойщикам позволительно внимать его гениальным шуткам. Посудомойщики чистят картошку. Посудомойщики постоянно восторгаются шеф-поваром. Посудомойщики моют жирные полы. Посудомойщики должны прятаться под стол, когда в них летят острые предметы за то, что они приготовили отвратительный салат и рассердили беднягу шеф-повара. И это только малая часть того, что должны делать посудомойщики.

Марр фыркнул.

— А вот умничать им запрещено. Посудомойщики никогда, никогда, никогда не умничают!

— Даю слово, что подобного больше не повторится,— пообещал Стэн.

— Ну, не так уж он и умничал,— заступился Сенн.

— Ладно,— проворчал Марр.— Оно может остаться. Но только в том случае, если оно зашьет себе рот.

— Ммм,— просипел Стэн, показывая на свои сомкнутые губы.

— На самом деле это блюдо сумеет приготовить даже посудомойщик,— заметил Марр.

Он нажал на кнопку, и механическое устройство начало вращаться. Горсти нарезанного острого перца и пучки лука посыпались в комбайн вместе с несколькими пальмовыми листьями, молотым имбирем и мелко нарезанным чесноком.

— А теперь гвоздика,— сказал Марр.— В качестве завершающего штриха. Берется пять столовых ложек на килограмм мяса; и еще по одной чайной ложке корицы, соли и мускатного ореха.

Он сложил специи в кухонный процессор и нажал на кнопку. Когда устройство заработало, Марр медленно влил туда масло.

— Арахисовое масло,— объяснил он.— Ровно столько, сколько необходимо, чтобы все склеилось.

Через две секунды все было готово. Стэн посмотрел на липкую массу.

— В обязанности посудомойщиков,— наставительно заявил Марр,— входит намазывать кусочки курицы вот этим.

— Точно. Шеф-повар никогда такого не делает,— согласился с ним Сенн.— Особенно когда он лохматый.

Стэн, относительно безволосый посудомойщик, начал обмазывать курицу маринадом. По правде говоря, он не имел ничего против этого занятия. Пахло просто замечательно. Когда он представил себе, какой у всего этого будет вкус, после того как Марр и Сенн снимут еду с огня, у него потекли слюнки.

В углу Марр и Сенн спорили о достоинствах кедровых орешков в ливанском плове. Стэна окутывали ароматы нескольких готовящихся блюд. Он чувствовал себя расслабленным... в голове начало проясняться. «Пожалуй, лучше бы мне быть посудомойщиком, чем героем революции».

Марр и Сенн наблюдали за сияющим лицом Стэна, пока тот намазывал цыпленка.

— Как ты думаешь, он готов? — прошептал Марр.

— Абсолютно, — ответил Сенн. — Я не люблю хвалиться, но мне кажется, это одно из лучших наших достижений.

— Многие существа не понимают, — заявил Марр, — что первый — и единственный — секрет званого обеда — как следует подготовить хозяина.

— Маленькое кухонное волшебство, — сказал Сенн. — Срабатывает всегда.

Предводительница загинозов отправила себе в рот еще один кусочек пирожного с кремом. И посмотрела на него, словно не могла поверить, что ее желудок способен выдержать еще что-нибудь. Однако вилка снова двинулась вперед, и очередной кусок пирожного исчез во рту.

Она закрыла глаза. Смуглые черты выражали полнейшее блаженство. Ммм.

Глаза раскрылись, и она увидела, что Стэн с улыбкой смотрит на нее.

— Боже мой, — прошептала она. — О небеса. Я больше не могу есть.

— Полагаю, шеф-повар вас простит, мисс Совази, если вы покинете поле битвы, — сказал Стэн. — Вы доблестно сражались.

Он обвел взглядом банкетный зал. Марр и Сенн превратили продуваемый сквозняками зал для торжественных заседаний бхоров в удивительно уютное место, украшенное изящными букетами цветов и мягким, приглушенным освещением. Остальные гости пребывали в таком же благодатном настроении, что и Совази.

Два часа Марр и Сенн командовали парадом деликатесов. И было ли очередное блюдо предназначено для людей или для инопланетян, оно встречалось и поглощалось с неизменным энтузиазмом.

Все присутствующие уже давно поставили локти — или соответствующие части тела — на столы. Гости болтали со Стэном и его коллегами так, словно были старыми друзьями, встретившимися после долгой разлуки.

Марр и Сенн подарили каждому члену делегации загинозов в качестве сувенира меню торжественного обеда.

— Мы всегда так поступаем, — сказал Марр. — Все существа любят показывать своим друзьям, как хорошо они провели время. А кроме того... прекрасная реклама для нас.

— Не «реклама», дорогой, — возразил Сенн. — Во всяком случае, не в этот раз. Не забывай, мы сейчас революционеры. Военные называют это пропагандой.

— То же самое, — фыркнул Марр.

— Верно. Только слово «пропаганда» звучит гораздо романтичнее.

Стэн вынужден был признать, что меню в качестве сувенира вполне можно было рассматривать как пропаганду. На последней странице поместили изображение Стэна, а рядом с ним главных поваров, Марра и Сенна. А на первой странице красовался девиз, придуманный Сенном: «ПИР ДЛЯ ВСЕХ».

Вот какое меню предлагалось людям:

Суп

Венгерский, томатный, с водкой.
Креветки мисо-саки.

Салат

Камбоджийская сырая рыба.
Райта из помидоров и огурцов.

Закуски

Горный омар по-баскски.
Русские блины с икрой.
Фаршированные грибы по-армянски.

Основное блюдо

Вяленый цыпленок по-ямайски.
Марокканская жареная баранина.
Бифштексы из лосося.
Мескитские бобы, тушенные с овощным кебабом.

Гарниры

Ливанский рисовый плов.
Картофель розмари.
Кубинские черные бобы и рис.

Десерт

Пирог с сыром по нью-йоркски.
Шведские кексы с брусникой.

Меню для инопланетян было не менее впечатляющим.

Стэн увидел, как из-за двери выглядывает Марр, который, заметив Стэна, помахал ему лапой. Пора.

Стэн повернулся к Совази:

— Нас зовут пить кофе с коньяком.

Она радостно улыбнулась.

— Надеюсь, нам еще предложат и сигары.

— Сигары обязательно будут,— заверил ее Стэн.

Поднявшись на ноги, Стэн незаметно показал Марру, что все идет по плану.

— Вот наши условия,— сказал Моши Камаль, второй по значению лидер загинозов.— Мы готовы к вам присоединиться. Но нам нужны гарантии.

— Я не могу дать вам никаких гарантий,— сказал Стэн.— Если вы помните, я начал разговор с того, что сообщил о соотношении сил: оно складывается явно не в нашу пользу. Присоединившись к нам, вы можете погибнуть.

— Однако ваше поведение, сэр Стэн, не соответствует этим словам,— заявил Труиз, представлявший инопланетян в тройке правителей загинозов.— Вы прекрасно сражаетесь. Логично. Совсем не так, как существо, потерявшее всякую надежду и готовое к смерти.

— Наши действия только выглядят успешными,— возразил Стэн.— На самом же деле все далеко не так просто. Император потерпел несколько неудач, но он может себе это позволить. Если у меня будет хоть одна — нам конец.

— Почему вы с нами так откровенны? — спросила Совази.— Мы думали, вы станете привлекать наше внимание к своим достижениям. Станете говорить о флотилиях, которыми командуете, победах, растущем числе союзников...

Она обвела рукой уютную гостиную, которую Марр и Сенн устроили из бывшей оружейной комнаты специально для этих переговоров.

— Вы совершенно спокойно тут сидите, едите потрясающие деликатесы и при этом дразните императора и его приспешников. Почему вы не хвастаетесь всем этим, чтобы заручиться нашей поддержкой?

— Действительно, почему бы и не похвастаться? — согласился Стэн.— Только проблема заключается в том, что, получив вашу поддержку таким способом, я вряд ли смогу на вас рассчитывать. Когда произойдет нечто катастрофическое — можете не сомневаться, так оно и будет,— вы поймете, что я вас обманул. И бросите меня. Я не имею права совершать ошибки,— продолжал Стэн.— Это борьба до конца. Император никогда не простит нам восстания. Мы погибнем, если проиграем.

— Это я понимаю,— проговорила Труиз. Ее маленькие подрагивающие усики, расположенные прямо под глазами, покраснели от волнения.— Но вы рисуете такую печальную картину. Дайте нам хоть небольшую надежду!

Стэн наклонился вперед.

— В данный момент силы властителя предельно растянуты. Он вынужден гоняться за мной по всей империи. Но так не может про-

должаться бесконечно. Сейчас мне необходимо решить два вопроса. Резервы. И подходящая возможность. Без решения первого вопроса у нас нет никаких шансов.

— Вы думаете, некая возможность у вас все-таки появится? — спросил Моши Камал.

Стэн немного помолчал, словно размышлял над ответом. Потом кивнул.

— Несомненно, — хладнокровно солгал он. — Когда мы анализируем прогнозы наших компьютеров, постоянно возникают различные варианты. Пока инициатива за нами. Рано или поздно у нас обязательно возникнут реальные шансы.

— Тогда мы хотим быть вместе с вами, — заявила Совази. — Это... это... существование становится невыносимым.

— Он вынуждает нас стать одним из его доминионов, — вмешался Моши Камал. — Хочет загнать нас под свой каблук. У загинозов хорошая память. Мы все произошли от рабочих. Боссы не раз пытались загнать нас в темные дыры, чтобы мы там сидели и не смели высовывать носа.

— Совершенно верно, — поддержала его Труиз. — Все наши предки сбежали от злых деспотов. Мы не желаем обрекать себя на участь, от которой они сумели уйти.

— А вы знаете, — прошипела Совази, — что он решил сделать из себя бога? И эти... эти... существа объявили его святым. Они хотят воздвигнуть храмы в его честь в наших городах! Это... омерзительно!

От Стэна не требовалось никаких комментариев. Вместо ответа он перевел взгляд с одного из своих новых союзников на другого.

— Значит, вы готовы присоединиться к нам даже без каких бы то ни было гарантий?

— Да, — ответил Моши Камал, — готовы.

— Более того, похоже, мы сумеем решить первую из ваших проблем, — добавила Совази.

— Каким образом?

— Ну, резервные силы, — сказала Труиз. — Если мы правильно поняли, у вас есть войска, но не хватает кораблей и оружия?

— Вы правильно поняли, — ответил Стэн.

— Вам наверняка хорошо известно, что мы располагаем тысячами заводов, строительство которых навязал нам вечный император, предназначенных для производства военных кораблей и вооружения.

— Да, я знаю об этом, — согласился Стэн. — Но мне также известно, что большинство из них пришлось закрыть. Оборудование пришло в негодность или продано на металлолом.

— Всего лишь в нескольких случаях, — возразил Моши Камал. — Большая часть наших заводов находится в отличном состоянии. Это

одна из черт загинозов: мы не в силах спокойно смотреть, как хорошие станки ржавеют и портятся.

— У наших людей нет работы, но они продолжают следить за тем, чтобы оборудование оставалось в отличном состоянии, — пояснила Совази.

— Вы хотите сказать, — с удивлением произнес Стэн, — что готовы в любой момент начать производство столь необходимых нам кораблей и оружия?

Маленькие шупальца под глазами Труиз зашевелились от удовольствия.

— Уже через одну земную неделю мы начнем работу, — сказала она. — Вам останется только доставить ваши войска.

Теперь Стэну нужно было лишь дожидаться подходящей возможности.

Бледный, стройный г'орби был заметно выше Синд. Родимое пятно на гладком черепе пульсировало от любопытства.

— Ваша просьба очень необычна, — сказал он. — Здесь мало кто бывает — из людей.

Синд посмотрела на маленькое здание, в зеркальных стенах которого отражались окружающие дом сады.

— Я не понимаю почему. Тут так красиво.

Грб'чев коснулся рубильника, и дверь скользнула в сторону.

— Сэр Кайс всегда любил красоту, — сказал он. — Особенно в тех случаях, когда ее недооценивали.

Синд кротко улыбнулась:

— Мне известно об этой стороне характера сэра Кайса. Он был очень сложным существом. Даже для грб'чева.

— Даже для грб'чева, — согласился ее спутник. — Но это возвращает нас к моему первому замечанию. В нашей культуре сэр Кайс был героем. Его ум, изобретательность, деловая сметка уже приобрели почти мифическую известность. Мы превратили его дом в музей. Для некоторых это нечто вроде храма.

Синд и ее спутник шли по фойе.

— Однако я всегда считал, что только существа нашей культуры способны по достоинству оценить сэра Кайса.

— Тогда я должна извиниться за людей, — сказала Синд. — Никто не станет спорить, что г'орби — одна из самых мудрых рас империи.

— Это правда, — отозвался ее спутник без ложной скромности.

— А сэр Кайс, бесспорно, был самым талантливым среди всех г'орби этого века, — добавила Синд.

— Вы не первая это говорите, — кивнул ее спутник.

— Поэтому разве может разумное существо — а в особенности студент вроде меня — не желать собственными глазами увидеть, как жил и работал сэр Кайс?

— Вы очень способная молодая женщина,— сообщил спутник Синд.

Он нажал на следующую кнопку, и открылась новая дверь. Они вошли в библиотеку. Кто-то сидел за столом и работал на компьютере. Человек.

— Сегодня очень удачный для вас и ваших исследований день,— продолжал ее спутник, бросив короткий взгляд на застывшую у экрана фигуру.— Я уже говорил, что совсем немногие люди разделяют ваш интерес к сэру Кайсу. Один из них работает в нашем музее. К моему удивлению, ваш визит совпал с его дежурством.— Он постучал по плечу сидящего за компьютером человека.

Мужчина повернулся, на его лице появилась вопросительная улыбка.

— Мисс Синд, позвольте представить вам одного из наших старших исследователей... сэра Лаггута.

Лаггут встал, и они пожали друг другу руки.

— Очень рад встрече с вами,— сказал он.— Мне не хватает общения с людьми. Сегодня у меня выходной. Однако мой коллега заболел.

— Какое невероятное совпадение.

— Да, какое невероятное совпадение,— проговорила Синд, внимательно разглядывая нового знакомого.

Это вовсе не было совпадением. И для Лаггута оно уж точно не будет счастливым.

Ночь за ночью Лаггута преследовали бесконечные кошмары: за ним приходили жестокие существа с застывшими лицами. Они всегда были огромными. Всегда одеты в черное. Иногда у них в руках появлялись пистолеты. Временами они скалили окровавленные клыки. Но говорили всегда одно и то же: «Ты слишком много знаешь, Лаггут. Поэтому должен умереть».

Женщина, представшая перед ним, вышла из этих кошмаров, только все краски были смягчены. Он не заметил при ней никакого оружия. И у нее были маленькие белоснежные зубы, а не клыки.

— Ты слишком много знаешь, Лаггут,— сказала Синд.— И если ты мне не поможешь, тебя за это убьют.

— Я был самым обычным функционером,— простонал Лаггут.

— Я не стала бы называть главу целого отделения Тайного совета, отвечающего за поставки АМ-два, простым функционером,— хмуро проговорила Синд.

— У меня не было никакой власти, я ничего не решал. Только исполнял приказы. Вот и все. Я никому не принес вреда!

— Любому ясно, что ты был в сговоре с убийцами императора,— сказала Синд.— Что же до власти... Тысячи существ, чьи близкие умерли от холода и истощения из-за недостатка топлива, обяза-

тельно захотят поговорить с тобой по поводу власти, которую ты использовал.

Тут Лаггута нечего было возразить. Он склонил голову.

— Так вот. Тебе придется ответить на мои вопросы, Лагут. Иначе я не стану молчать. И тогда до тебя доберутся головорезы императора. Или разъяренная толпа. Мне тебя почти жалко, потому что ты — ничтожная пародия на мыслящее существо.

— Вы замолвите за меня словечко? — взмолился Лагут. — Вы скажете сэру Стэну, что я вам помогал?

Голос Синд слегка смягчился:

— Да. Я замолвлю за тебя словечко. — А потом она словно бичом щелкнула. — Ну, говори, Лагут!

И Лагут заговорил. Он рассказал ей о странной программе, которую сделал для сэра Кайса. Главной ее целью было установить, где император прятал АМ-2. Так, во всяком случае, сказал сам Кайс своим коллегам по Тайному совету.

— Но я понял, что на самом деле он не так уж и интересовался АМ-два. Его исследования были гораздо более глубокими. Очень личными.

— В каком смысле? — спросила Синд.

— Ну, мы действительно собрали все, что нам было известно об АМ-два, вплоть до направлений, откуда прибыло несколько кораблей с грузом АМ-два до того, как поставки по таинственной причине прекратились. Эту информацию мы скормили новому чудо-компьютеру, который создал Кайс. — Лагут показал на маленький терминал в углу библиотеки. — Он соединен с этим компьютером, который до сих пор в полном порядке. К сожалению, никто не знает, как с ним работать. Я сомневаюсь, что в ближайшие годы кто-нибудь сумеет разобраться с управляющей программой.

Синд постаралась оторвать его от рассуждений о гении Кайса.

— Продолжай. У меня мало времени.

— Да. Как я уже говорил, мы загрузили всю информацию по АМ-два в компьютер. А кроме того, начинили его теми сведениями об императоре, которые смогли разыскать. В этом нам оказал помощь сэр Пойндекс.

Глаза Синд округлились.

— Пойндекс? Он тоже в этом участвовал?

— Конечно, — ответил Лагут. — У него что-то было на Кайса. Не знаю, что именно, однако Кайс обратил это знание против самого Пойндекса. Вовлек в наш круг. Именно он сделал Пойндекса членом Тайного совета. Очевидно, они заключили какую-то сделку.

— Очевидно, — задумчиво произнесла Синд. Любопытно было бы узнать подробности сделки, но она сомневалась, что сможет их как-нибудь использовать. — Ладно. Значит, ты скормил все эти сведения компьютеру. Что потом? Что выяснил Кайс?

— О чем-то ему узнать удалось — это точно, — ответил Лаггут. — Кайс ужасно разволновался. Понимаете, он всегда был крайне сдержанным существом. А тут... приказал отключить программу. И ушел. В страшной спешке.

— Куда он направился? — поинтересовалась Синд.

— И опять я ничего не знаю. Если не считать того, что сэр Кайс покинул Прайм и отправился куда-то далеко. А когда он вернулся, его мозг... умер.

Синд знала, что это означает. Г'орби были единственным известным примером высокоорганизованных симбиотических существ. Их тела, большие и красивые, происходили от умственно ограниченной расы. «Мозги» являлись результатом воздействия на организм какого-то вируса. Получались невероятно развитые в интеллектуальном отношении существа. Проклятием г'орби был тот факт, что «мозг» имел фиксированную продолжительность жизни — сто двадцать шесть лет. Кайс был одним из редчайших исключений из этого правила — его мозг прожил на несколько лет больше. Трагедия заключалась в том, что лишенное разума тело продолжало вести совершенно бессмысленное существование еще не менее ста лет.

Синд видела немало живых трупов, слоняющихся по улицам городов звездной системы, где жили г'орби, — постоянное ужасающее напоминание о том, что ждет каждого грб'чева в будущем.

Синд показала на терминал компьютера.

— А ты пытался узнать, чем занимался Кайс в свои последние дни?

Лаггут заколебался. Потом грустно покачал головой.

— Я не очень храбрый человек, — сказал он. Хрипло рассмеялся. — Это на тот случай, если вы еще не догадались. Каждый день моей жизни здесь я боялся, что кто-нибудь вроде вас... или хуже... найдет меня. И убьет. Или мой мозг сожгут в попытке выведать то небольшое, что мне известно. Поэтому, хотя мне ужасно хотелось узнать, куда отправился Кайс, я так и не смог заставить себя что-нибудь предпринять.

Из-за двери слышался какой-то шум. Как раз с той стороны, где находился терминал компьютера. Рука Синд мгновенно метнулась к спрятанному оружию.

— Не беспокойтесь, — сказал Лаггут. — Он просто хочет есть.

Синд нахмурилась.

— Кто хочет есть?

— Сэр Кайс, конечно, — ответил Лаггут. — Желаете посмотреть на него?

— Он здесь? — Синд была поражена.

— А почему бы и нет? Тут ему ничуть не хуже, чем в любом другом месте. На самом деле ему отлично живется. Его выпустили на

пастбище, если так можно выразиться. Как превосходного скакуна. Он получает все, что только пожелает. Хотя, если быть откровенным, он слишком глуп, чтобы у него возникали какие-нибудь определенные желания. Иногда... нам приходится помогать ему.

Лаггут поднялся на ноги.

— Мне и правда следует покормить его. Жестоко заставлять беднягу ждать.

Синд последовала за ним.

Комната Кайса оказалась очень симпатичным местом. Здесь было полно игрушек, а стены окрашены в веселые, яркие цвета детства. Кайс примостился на огромном кресле и, хихикая, смотрел на экран телевизора. Там показывали детский фильм: маленькие мохнатые существа бегали друг за другом и дрались.

— Есть,— сказал Кайс, увидев Лаггута.

— Не волнуйтесь. Сейчас я вас накормлю,— ответил Лаггут.

Синд с содроганием наблюдала за тем, как Лаггут кормит с ложечки существо, которое еще совсем недавно управляло империей.

Остатки еды вывалились изо рта Кайса. Он показал на Синд:

— Кто, красивая?

— Вас навелstil друг, сэр Кайс,— сказал Лаггут.

Синд немного пришла в себя и шагнула к Кайсу. Взяла тарелку из рук Лаггута. Кайс смотрел на нее широко раскрытыми глазами, в которых не было и намека на интеллект. Потом распахнул рот, и Синд принялась его кормить. Сэр Кайс облизал губы, громко икнул. Захихикал.

— Смешно,— объявил Кайс.

— Очень смешно,— согласилась с ним Синд.— Хороший мальчик.

Кайс погладил ее по плечу.

— Хорошо,— сказал он.— Люблю, когда хорошо.

— А разве тебе не всегда хорошо? — поинтересовалась Синд.

Кайс энергично закивал:

— Хорошо. Всегда.

Синд заставила себя собраться с силами. То, что она собиралась сделать, было жестоко.

— А что, если придет император? Что, если он придет, чтобы забрать тебя отсюда?

Несчастный полоумный идиот, который когда-то был сэром Кайсом, в ужасе отшатнулся от нее.

— Нет. Только не он. Не надо забирать. Пожалуйста. Не хочу в другое место!

Синд тут же ухватила за его слова.

— Какое другое место?

— Другое,— стонал Кайс.— Плохое. Там император. Мне там не хорошо.

— Оставьте его! — взмолился Лаггут. — Он не может вам больше ничего сказать. Разве вы не видите, как он испуган?

Кайс сжался в комок и начал всхлипывать. Он казался таким маленьким и беспомощным в огромном кресле.

Однако Синд не хотела сдаваться.

— Что ты нашел? — настаивала она на своем. — Что ты нашел в том плохом месте?

— Императора. Я сказал.

— Что еще?

Кайс взвизгнул — он что-то вспомнил. Генетический призрак.

— Вечность. Нашел вечность.

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду? — спросил Лаггут. — Он несет какую-то чушь, и больше ничего. Каждый раз это твердит, когда напуган чем-нибудь. «Вечность».

Кайс кивнул.

— Не хорошо, вечность. Не счастлив.

Синд погладила его по руке, стараясь немного успокоить. Затем повернулась к Лаггуту.

— А теперь покажите мне компьютер, — попросила она. Когда они покинули комнату, Кайс уже начал приходить в себя. Выпрямился в кресле, вытер глаза и стал опасливо хихикать, глядя на экран телевизора.

На крошечной луне царили запустение и тишина. Синд путешествовала по кратерам, оставшимся после взрывов бомб, мимо расплавленных, истерзанных конструкций, назначение которых теперь определить было практически невозможно.

Сенсоры небольшого приборчика отчаянно мигали, записывая данные. Синд пробиралась по поверхности луны, останавливалась тут и там, чтобы направить свой прибор на те или иные обломки. Полученные результаты отправлялись на обработку на борт ее корабля, находящегося на орбите. Выводы мгновенно передавались назад через коммуникатор ее шлема.

Пока все, что ей удалось обнаружить в базах данных компьютера, установленного в музее Кайса, подтверждалось. Эта крошечная луна раньше служила центром связи, построенным по очень сложному проекту. Одна из остановок на пути к тайному хранилищу АМ-2. Однако Синд была уверена, что Кайс прибыл сюда вовсе не за этим. И нашел тут императора. Существо, которое большинство в те дни считало мертвым. А Кайс встретил его. На этом плане-тоиде.

Она представила себе Кайса, который впал в панический ужас, опасаясь надвигающейся «смерти». Предлагал императору все, что угодно. Отчаянно умолял о спасении.

Лепечущее существо в музее г'орби было достаточным свидетельством того, что ответил ему император.

Синд обследовала луну несколько часов. Наконец все было проверено и данные собраны. Пора рассказать Стэну, что ей удалось узнать. Этот пограничный пост был местом, где пересекались пути двух секретов императора.

Во-первых, тайна АМ-2.

Во-вторых, тайна очевидного бессмертия императора.

Посылая просьбу на корабль, чтобы ее забрали с крошечной луны, Синд почувствовала, что устала. Не от работы. Ведь, несмотря на то, что ей удалось многое узнать, знание практически ничего им не давало.

Синд молила богов бхоров, призывая все бороды всех бхорских матерей на помощь,— она боялась, что ломится в открытую дверь.

Хейнз провела рукой по папкам.

— Как только мы привели все это в порядок,— проговорила она,— сразу же стало ясно, что Махони считал, будто ему удалось узнать тайну вечного императора.

— Которая заключалась в чем? — нетерпеливо спросил Стэн, обращаясь к голографическому изображению бывшего инспектора отдела по расследованию убийств.

Изображение передавалось из небольшого бхорского курортного местечка, куда Стэн отправил Хейнз вместе с мужем и ящиками, содержащими сокровище Махони.

— Не спеши,— спокойно произнесла Лайза,— факты следует излагать по порядку.

— Извини,— сказал Стэн и поморщился.

— Во-первых, я посылаю тебе психологическую характеристику императора. Махони здорово ее составил. Мы с мужем перепроверили ее, и все подтвердилось. Но я тем не менее обратилась к Рикор за советом. Все совершенно точно. Просмотри выкладки, когда у тебя будет время.

— Верю тебе на слово,— сказал Стэн.

— Дальше я посылаю выводы, сделанные Махони, исходя из этой характеристики. Он ориентировался на те, другие времена, когда император якобы умирал, а потом возвращался, живой и невредимый. Каждый раз это было то же самое существо. Никакой возможности появления на свет двойника, полученного хирургическим способом. И снова мы подтвердили предположения Махони.

Стэн тихонько застонал.

— Опять проблема возрождения. Проклятый маньяк Махони протянул из могилы руку и обратил тебя в свою веру.

— Никто меня никуда не обращал,— заявила Хейнз.— Однако если бы эти факты указывали на возможного убийцу... я бы сама

арестовала сукина сына и без малейших сомнений представила моему прокурору. Посмотри на факты, Стэн. Такая возможность существует.

— Я готов посмотреть на это привидение, когда увижу его и смогу дотронуться рукой, — заявил Стэн. — А пока... Что нам это дает?

Хейнз помолчала, раздумывая над тем, как лучше преподнести Стэну те сведения, что им удалось собрать.

— Нам это дает еще более серьезную загадку. Видишь ли, мы с мужем взяли идею Махони и продвинули ее немного вперед.

— Что вы сделали?

— Взяли характеристику вечного императора — ту, правильность которой все дружно подтвердили. Привели к современным условиям и сравнили с характеристиками человека, встречи с которым мы так старательно пытаемся избежать.

— И что? — Стэн вдруг понял, что не хочет задавать следующий вопрос. — Это тот же самый тип, верно?

— Угу. Тот же. Но одновременно и другой. Император производит впечатление того же самого человека. Однако, если присмотреться повнимательнее, его поведение очень изменилось.

— Просто замечательно, — простонал Стэн.

— Сожалею, что тебе приходится еще и в это вникать, Стэн, — сочувственно проговорила Лайза. — В кино в таких случаях обычно принято говорить: «Таковы факты, мэм».

Стэн поблагодарил ее и отключил связь.

Откинулся на спинку кресла, пытаюсь переварить только что полученную информацию. Факты укладывались в малопривлекательное уравнение: такое же, но другое, почему-то равнялось другому.

Зазвучал сигнал вызова. Дежурный офицер доложил, что Синд вызывает Стэна, у нее какое-то важное сообщение.

Приготовившись ответить на вызов Синд, Стэн вдруг подумал: «Если я сражаюсь не с императором... в таком случае с кем, черт подери, я все-таки сражаюсь?»

Глава 17

Солон Кенна стоял на широкой трибуне — огромная платформа из белого мрамора отходила прямо от стены в зале заседаний парламента.

Рядом с ним маячил Уолш — расфуфыренный, словно с обложки модного журнала. У них за спиной висел портрет вечного императора размером в три этажа.

Сильный, хорошо поставленный голос Кенны разносился над головами собравшихся в зале политиков.

— Почетные представители, верные граждане империи, господа. Мы с моим коллегой стоим перед вами в этот исторический момент, испытывая непреодолимый стыд.

Голос Кенны стал гладенько-пристыженным. Едва заметным жестом он велел идиоту Уолшу опустить голову.

— Народ Дьюсабля облагодетельствован нашим любимым императором,— продолжал он.

Кенна был опытным политиком — и обратил внимание на тот факт, что никто не стал хихикать, когда он произнес эти слова. А ведь здесь собрались представители всех, даже самых отдаленных провинций империи. Никаких перешептываний по поводу недавнего унижения, которому народ Дьюсабля подвергся по вине врага императора — Стэна.

Кенна показал рукой на громадный портрет императора, а потом обвел глазами своих слушателей.

— По причинам, известным только нашему мудрому правителю, народу Дьюсабля снова оказана честь.

Произнося эти слова, Кенна внимательно посмотрел на собравшихся в зале заседаний политиков, пытаясь оценить положение — понять, кто поддержит его, а кто выступит против. Стэн, конечно же, унизил Дьюсабля, однако от этого умение Кенны манипулировать живыми существами совершенно не пострадало.

Они с Эври прекрасно подготовились к заседанию. Когда он закончит произносить речь, будет объявлен указ императора. Весьма противоречивый документ, который в прежние времена мог бы и не пройти. Подарки, услуги, горы денег перешли из рук в руки в темных коридорах парламента. Древнее как мир средство обеспечило императора необходимым количеством голосов. Пойндекс — по причинам, о которых Кенна предпочитал не задумываться,— предложил оказать им содействие. Старые досье, в которых содержались самые разные сведения о представителях оппозиции, были извлечены на свет. Оказывалось давление. Шантаж. В результате прибавились новые голоса.

И тем не менее всякое может случиться. В политике мелочи часто решают судьбу целых королевств.

— Господа, я стою перед вами, чтобы представить на ваше рассмотрение замечательное предложение. Нас просят посмотреть правде в глаза. И увидеть то, что мы слепо не замечали в течение этих трагических лет. На самом деле мы живем в счастливое время — ведь нами правит живой бог. Этим богом является наш прекрасный святой вечный император. Бессмертие — его щит против ударов истории. В этом священном телесном воплощении перед нами проходит слава. Наша слава. Которая является и его славой тоже. Его и наша слава. Господа... я хочу задать вам вопрос. Я предлагаю вам раз и навсегда, сейчас и здесь объявить вечного императора полноправным богом Вселенной.

Слушатели зашевелились. Перчатка брошена. Император требует, чтобы парламент принял решение о его божественности. Кен-

на повернулся к спикеру, который вот уже много лет был марионеткой в руках императора и пользовался самыми разными привилегиями за верную службу.

— Сэр спикер, — торжественно проговорил Кенна, — проведите голосование.

Грязное рыльце спикера выдвинулось вперед, на сморщенном лице старика обозначились мужественные — искусственные — клыки. Дурацкое проявление тщеславия.

— Относительно вопроса ПБ шестьсот тысяч триста двадцать три, озаглавленного «ДЕКЛАРАЦИЯ БОЖЕСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРА». Ставлю на голосование формулировку: «Добавить к титулу императора слово “святой” и все остальные словесные формы, принятые в качестве терминов демонстрации поклонения и особого уважения». Итак, что вы на это скажете, господа? Все, кто за, должны произнести «да».

Хорошо отрепетированный хор голосов прокричал «да-а-а», однако его начали перекрывать крики протеста... Они нарастали, постепенно заглушив все остальные звуки. Особенно усердствовал один пронзительный голос:

— Сэр спикер! Сэр спикер! Пожалуйста, прошу слова в порядке ведения! Прошу слова!

Спикер попытался проигнорировать этот голос. Его молоток с грохотом опустился на стол заседаний. Спикер чувствовал себя особенно униженным, потому что нахальный голос принадлежал представителю его собственного народа. Это был Николаевич, молодой кабан-секач, смутьян.

Молот отбивал отчаянную дробь, микрофоны усиливали звук — по всему залу заседаний разносился оглушительный грохот. А в это время неуправляемая толпа подхватила вопль Николаевича: «Прошу слова!» Другие голоса заглушили эти выкрики: «Пусть говорит! Пусть говорит!»

Спикер беспомощно повернулся к Кенне. Он не мог ничего сделать. Во всяком случае при таком стечении народа. Кенна махнул рукой — пусть говорит. А потом опустил руку в карман, чтобы поднять в Арунделе тревогу.

— Слово предоставляется сэру Николаевичу, представителю верной императору звездной системы Свердловск.

Спикер настроил микрофон, который должен был усилить голос Николаевича так, что его услышали бы во всех уголках зала заседаний.

— Сэр спикер, — выкрикнул молодой кабан-секач, — мы категорически протестуем против того, как организовано голосование. Вопрос, выдвинутый на обсуждение, просто неприличен. И мы не позволим, чтобы через голову большинства был принят закон, утверждающий это безобразие.

— С моего места, юноша, — объявил спикер, и в его голосе зазвучал сарказм, — было нетрудно понять, что большинство присутствующих отдали свои голоса за утверждение этого закона. Возгласы «да» перекрыли все остальные голоса. А теперь, если вы позволите, я попрошу проголосовать тех, кто против. И тогда вы увидите, что вас почти никто не поддерживает.

— Мы имеем право отказаться от всеобщего голосования. И требовать поименного голосования, — настаивал Николаевич. — Пусть каждый встанет и даст возможность своему народу увидеть, как он голосует по этому вопросу. Если император должен стать богом, пусть его подданные видят, как мы это провозгласим. И пусть это решение падет на наши головы.

Спикер метнул затравленный взгляд на Кенну, прося у того поддержки. Кенна жестом показал: «Потяните подольше дискуссию».

— Ну, хорошо, — проговорил спикер. — Я назначу поименное голосование.

Николаевич хрюкнул от удовольствия, почувствовав, что одержал победу.

А спикер насмешливо продолжал:

— Тем не менее, поскольку вы считаете этот вопрос весьма деликатным, — хотя как кто-нибудь из присутствующих может сомневаться в святости нашего императора, мне совершенно непонятно, — я хочу сначала задать собравшимся здесь благородным представителям народов империи один вопрос.

— Протестую! — выкрикнул Николаевич. — Председатель не имеет права задавать следующий вопрос, пока не принято решение по предыдущему.

Мятежник из Свердловска знал законы. Хитрый старый спикер тоже кое в чем разбирался. Он, конечно же, был марионеткой в чужих руках — но очень опытной и умелой марионеткой.

— Наше собрание имеет право — обязанность, с вашей точки зрения, — решить, как будет проходить подобное голосование. Вы считаете, что оно должно быть количественным. Я же утверждаю, что будет лучше, если мы станем голосовать решительными криками.

Николаевич посмотрел на своих приятелей. Они быстро оглядывались, подсчитывая количество своих сторонников. Ответ был получен тут же. Сомневающиеся вдохновились смелостью Николаевича. На короткое мгновение он получил преимущество.

— Ставьте вопрос на голосование, господин спикер, — сказал он жестко. — И я уверен, вы услышите громкие крики «нет», которые положат конец сомнениям.

Он гордо уселся на свое место, кивая всем направо и налево. Спикер поднял кроткий взор.

— Учитывая все обстоятельства, при которых было сделано ваше заявление, я считаю, что вопрос не может быть решен подобным образом. Мы так и не приходим ни к какому выводу, сэр. Нет. Необходимо выслушать мнение собравшихся здесь уважаемых граждан.

Возмущенный Николаевич тут же вскочил со своего места.

— Сэр спикер, это неслыханно. Вы хотите провести голосование, чтобы выяснить, можно ли его проводить? — Он повернулся к своим союзникам и развел руками. Оглушительно захохотал. Однако его смех был вымученным.

— Да, именно это я и имел в виду, — спокойно ответил спикер. — Чрезвычайно вам благодарен за то, что вы так ясно выразили мою мысль. Должен признаться, что, послушав некоторых юных представителей оппозиции, я начинаю испытывать сомнения — не подкрался ли ко мне маразм.

Сторонники императора громко расхохотались. Однако Николаевича не так-то просто было заставить замолчать.

— Этот идиотизм отнимет у нас полжизни, сэр спикер, — запротестовал он. — Заставлять каждого из нас высказываться по очереди по вопросу, который ничего не стоит решить, — верх слабоумия.

— И тем не менее, — заявил спикер, — именно так мы и поступим. — Он повернулся к секретарю: — Пожалуйста, вызывайте всех по очереди!

Секретарь бросился вперед, открыл толстую книгу, начал зачитывать имена:

— Мисс Декстер из обширного региона Когли, что вы скажете?

— Я голосую за, сэр спикер.

И началось — представители разных миров поднимались со своих мест по очереди, и слова каждого из них с полнейшей серьезностью заносились в толстую книгу.

Люди Кенны расползлись по огромному залу. С помощью спикера ему удалось перенести линию фронта. Если они выиграют это голосование, вторая победа им обеспечена.

Те, кто поддерживал Николаевича, отчаянно старались сохранить сторонников. Однако время — время тянулось очень медленно... и начало работать против них.

Кенна по-прежнему кипел. Да. Он обязательно выиграет. Но сейчас старое правило о случайности, которая может перевернуть все с ног на голову, чуть не лишило его победы. После выступления Николаевича, которого многие поддерживали, необходимо было завоевать полную победу.

Не так император желал бы начать свой первый день в роли божества.

Голосование закончилось. Кенна победил. Однако преимущество было символическим. Он видел, как Николаевич и его приятели что-то кричат в микрофоны.

Он понимал, что молодой кабан-секач действует достаточно успешно. Один из его представителей послал записку в секретариат президиума. В записке говорилось, что, когда дело дойдет до подсчета голосов, Николаевич и его компания планируют устроить демонстрацию.

Кенна ломал голову, пытаясь придумать еще какой-нибудь способ потянуть время. И ничего не мог придумать. Когда это безобразие закончится, император шкуру с него сдерет.

Где он, черт подери? Хорош бог! Не может даже оказаться рядом, когда в нем возникает нужда.

Спикер начал размахивать руками. В панике. Что делать?

У Кенны не было выбора. Он махнул рукой — задавайте вопрос.

— Господа,— медленно произнес спикер,— второй раз за сегодняшний день я прошу вас проголосовать относительно вопроса ПБ шестьсот тысяч триста двадцать три, озаглавленного: «ДЕКЛАРАЦИЯ БОЖЕСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРА».

Неожиданно распахнулись двери, застучали кованые сапоги.

Секретарь выкрикнул:

— Господа, представляю вам вечного императора!

Лица, на которых было написано изумление, повернулись к дверям. Целая команда служителей культа в белых одеяниях протанцевала через огромные двери, ведущие в зал заседаний парламента. Их глаза сияли. Некоторые помахивали горшочками с благовониями, другие разбрасывали розовые лепестки. У всех к запястьям были привязаны маленькие острые кинжальчики, украшенные красными ленточками.

Во главе процессии шествовала главная жрица — Бэсикер.

За ними, круша сапогами розовые лепестки, маршировал отряд офицеров ВБ в черной униформе. Оружие на изготовку. Они внимательно оглядывали зал — не грозит ли их господину опасность.

В центре вышагивал вечный император.

Когда Кенна и остальные парламентарии увидели его, они не обратили внимания на остальные детали. Второй отряд ВБ, который следовал непосредственно за императором, вел Пойндекс. Никто не заметил и отряда снайперов, стремительно разбежавшихся по залу, чтобы занять оптимальные позиции. И Эври, под руководством которой незаметные фигурки рассредоточились среди парламентариев. Когда все заняли свои места, она заметила Николаевича и направилась к нему.

Но этого практически никто не видел. Взгляды присутствующих были устремлены на императора.

Раньше он никогда не одевался подобным образом. Длинные золотые одеяния стекали с его мускулистой фигуры. Ткань фосфоресцировала странным призрачным светом. Темные локоны охва-

тивала тонкая полоса сияющего золота. В руке властитель держал посох из желтого металла, который заканчивался круглым штандартом. На штандарте горели огненные буквы: «АМ-2».

Процессия двинулась по проходу и поднялась на мраморную платформу с трибуной. Вечный император вышел вперед и посмотрел на парламентариев. С грохотом ударили о мраморный пол приклады виллиганов, солдаты заняли позицию с двух сторон от подиума. Бэсикер и ее люди окружили императора. Потом они быстро улеглись на платформе у его ног. Получилось гнездо из ангелов в белых одеяниях с кинжалами.

Кенна изумленно смотрел на императора. На мгновение он — как и все остальные — был почти готов поверить. Казалось, в огромный зал незаметно прокрались древние мифы, странным туманом заволакивая сознание присутствующих. Древний, древний туман, поднявшийся из холодных глубин далеких тысячелетий. Именно это существо и управляло ими все это время.

Возможно, он действительно бог.

— Мне стало известно, — заговорил вечный император, — что кто-то здесь мяукал. — Его голос был очень тихим, но никому не пришлось напрягаться, чтобы его услышать. Мрачная угроза витала в воздухе. — Обычно я не обращаю внимания на ваше нытье. Я дал вам это право, когда создал парламент своим имперским указом. Должен признать, что от вас одни неприятности. Однако такова природа демократии, а я уж очень к ней привык.

Николаевич не обратил внимания, что к нему кто-то подбирается. Эври.

— Именно природа вашего нынешнего мяуканья и заставила меня сюда прийти. Насколько я понял, вы обсуждали вопрос о вашем императоре, о том, чтобы оказать ему некую честь. Должен добавить, что я не ищу этой чести. Она была навязана мне моими подданными. — Император указал на жрецов в белых одеяниях. — Они утверждают, что я — бог, — продолжал вечный император, — и хотят воздвигнуть храмы в мою честь. Храмы, где миллионы других моих подданных смогут мне поклоняться. В этих храмах будут проповедовать мудрость, терпение и доброту. Именно эти качества, считают они, лежат в основе моей божественности.

Николаевич почувствовал какое-то движение у своего пояса — видимо, кто-то из союзников послал ему записку. Он нетерпеливо отмахнулся. Фигура быстро ускользнула.

— Я всегда поддерживал свободу вероисповедания среди моих подданных. Поэтому я был потрясен, узнав, что моих почитателей жестоко преследуют. Более того, у меня имеются неопровержимые доказательства, что это преследование есть часть заговора, во главе которого стоит предатель Стэн. Чудовищные акты насилия были

совершены Стэном против этих людей, потому что он боится той глубокой веры, что живет в сердцах моих почитателей. Он опасается, что они встанут на его пути к трону. Потому что, — громоподобным голосом продолжал император, — Стэн прекрасно понимает: если я бог, никто не захочет к нему присоединиться. Так что вы видите — даже мой главнейший враг верит в мою божественность. Сатана, поднявшийся против своего господина.

Странные логические посылки позволили Николаевичу немного прийти в себя. Он вытащил послание из сумочки, висевшей на поясе. Какой-то комок в оберточной бумаге. Внутри оказался клык, изящный маленький клык, украшенный резным кольцом. На одной стороне клыка запеклась кровь.

Это кольцо Николаевич подарил своему любовнику, когда они впервые расстались.

— Такова предыстория того закона, который спикер поставил на обсуждение. Я сообщил вам об этом только сейчас из соображений безопасности — предатель Стэн проявляет нездоровый интерес к этому вопросу. Закон положит конец преследованию невинных существ; это будет серьезный удар по моральному духу наших врагов. Закон всего лишь зафиксирует то, что очевидно уже многие столетия. Я опекал вас и ваших предков. Я кормил вас. Одевал вас. Дал возможность процветания. Обеспечил мир и согласие.

Голова императора опустилась.

— Иногда, — негромко проговорил он, — я чувствую, что устал...

— Да здравствует святой император! — завопила Бэсикер. — Да здравствует великий всемогущий бог!

Ее приспешники подхватили клич:

— Да здравствует святой император! Восхваляйте его! Восхваляйте его!

Кенна ткнул Уолша локтем в бок. И еще раз. Глаза Уолша остекленели.

— Восхваляйте его! — заорал Кенна и снова пихнул Уолша. — Восхваляйте его!

Уолш глупо оскалился.

— Восхваляйте его! — закричал Уолш. — Восхваляйте его!

Николаевич и его союзники вдруг отчетливо ощутили на себе взгляды остальных парламентариев.

Николаевич чуть не задохнулся. Он понял, что не он один получил кровавое послание.

— Да здравствует святой император! — крикнул он.

Через мгновение к нему присоединились сотни других голосов.

— Восхваляйте его! Восхваляйте его!

Император улыбнулся и развел руки в стороны. Потом быстро повернулся и вместе со свитой стремительно направился к выходу.

Он шел по проходу, изредка кому-то кивая. Даже сейчас, заметил Пойндекс, император наслаждается криками «Да здравствует святой император!».

Пойндекс последним вышел из зала заседаний. Он еще успел услышать, как спикер стучит молоточком, призывая парламентариев успокоиться. А потом спикер взвыл:

— Относительно вопроса ПБ шестьсот тысяч триста двадцать три, озаглавленного: «ДЕКЛАРАЦИЯ БОЖЕСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРА»... Что решите, господа? Все, кто за, пусть скажут «да».

Уже из коридора Пойндекс услышал громоподобное:

— Да!!!

Глава 18

— Ничего? — Адмирал флота Мадейра свирепо посмотрел на своего офицера связи. Он с трудом удержался от того, чтобы добавить: «Опять?»

— Да, сэр. «Нешо» докладывает: не удалось поймать никаких передач ни с одной планеты системы. Они ведут непрерывное прослушивание на всех частотах. Ничего. И нигде нет кораблей — вражеских или наших союзников. Я дважды все проверил. От этой звезды шли мощные радиопомехи, поэтому, прежде чем доложить, мы постарались полностью исключить возможность ошибки.

— Хорошо. Подготовьте сообщение на Прайм, что разведка опять оплошала. Здесь нет Стэна. И вообще ничего нет. Мы еще раз пройдем через эту звездную систему, чтобы в последний раз все проверить.

— Сэр, мы не сможем вести передачи до тех пор, пока не выйдем из зоны влияния этой звезды. Она гасит дальние сигналы.

— Не имеет значения. Пошлем полный отчет после того, как покинем систему. Не могу сказать, что я не ожидал этого...

Адмирал вовремя остановился, чтобы не добавить: «...от кретинов, которые называют себя стратегической разведкой».

Оперативное соединение Мадейры уже который месяц пыталось поймать неуловимого предателя в данном секторе галактики. По мнению Мадейры, новая служба внутренней безопасности, заменившая корпус «Меркурий», ни на что не годилась.

Ни одна из версий о местонахождении Стэна, которые сообщила им ВБ, не оказалась верной. Или Стэна вообще не было там, где, по их сведениям, он должен был находиться, или он, не задерживаясь, пролетел через названную звездную систему, или разведчики замечали корабли без опознавательных знаков и кто-то делал вывод, что они относятся к флоту повстанцев. Почему, размышлял

Мадейра, ВБ не понимает, что все эти истории почти наверняка чушь собачья? Ведь системы, куда посылали его флотилию, были мертвыми или давно заброшенными. Как эта, например. Никто даже не удосужился дать ей имя, она имела лишь координаты радиопульсара: НР-0406-У-32.

Может быть, ему надлежит как-нибудь назвать эту проклятую систему. Скажем, «Пойндекс».

Прекрасно. А потом предстать перед судом на Прайме по обвинению в недостаточной лояльности. Хотя в данный момент Мадейре казалось, что он никогда больше не увидит цивилизации. Он сам, матросы и морская пехота так и будут долгие годы болтаться по окраинам империи, пока в один прекрасный день не узнают, что Стэн умер от старости и пришла пора возвращаться домой. А может быть, начальство вообще забудет об их оперативном соединении и флотилии Мадейры суждено бесконечно скитаться по галактикам напоподобие некоего «Летучего Голодранца», или как там его.

Проклятье.

Мадейра мрачно прошествовал из своей каюты в рубку управления флагманского корабля. Посмотрел на один из экранов с изображением звездной системы — несколько сожженных миров располагались слишком близко к радиопульсару, чтобы на них могло находиться хоть что-нибудь, представляющее интерес. Мадейра потянулся через плечо вахтенного офицера и нажал на три кнопки.

Засветился еще один экран, на нем появились оперативные силы Мадейры. Тяжелый флот, предназначенный для звездных сражений: флагманский корабль «Геомис ройал», несущий тактические корабли; линейный корабль «Парма»; два дивизиона крейсеров, один состоял из двух тяжелых кораблей, а второй — из трех легких; и семь истребителей прикрытия. Кроме того, была еще флотилия поддержки, состоявшая из трех легких крейсеров и четырех истребителей. В хвосте флота находились два грузовых корабля и один вспомогательный — с эскортом из двух истребителей.

Мощное соединение, с которым противнику пришлось бы считаться. Если они когда-нибудь — в чем Мадейра очень сильно сомневался — смогут вступить в бой с повстанцами, сражение будет очень коротким. И кровавым, в этом адмирал имперского флота как раз не сомневался. Стэн избрал ложный путь, но дураком он никогда не был. Повстанцы слишком хорошо понимали, что сдаваться им нет никакого смысла, приговор трибунала будет однозначным — смертная казнь.

Учитывая этот факт, Мадейра отдал постоянно действующий приказ, в котором говорилось, что при встрече с кораблями повстанцев нужно соблюдать крайнюю осторожность — противник будет сражаться до последнего солдата. Сам Мадейра, оказавшись он в положении Стэна, поступил бы точно так же.

Разглядывая экран, Мадейра размышлял о том, все ли виды ложных тревог отработал — другого способа поддерживать боеготовность флота у него просто не было.

«А, пропади все пропадом, — решил он. — Мы и так слишком долго гоняемся за призраками. По крайней мере, люди не будут ворчать, что командир решил окончательно сжить их со свету».

— Вошли в звездную систему, — доложил вахтенный офицер.

— Благодарю вас. Вперед. Построение — «бриллиант».

Так, во всяком случае, он сможет проверить, насколько хорошо навигаторы владеют искусством полета в сложных формациях. В особенности если учесть, что им необходимо вести постоянное прослушивание на фоне непрерывного белого шума радиопульсара. Остается только надеяться, что ни один из кораблей не напорется на астероид. В противном случае Мадейра может рассчитывать, что его отправят на какой-нибудь далекий мир, где будет полно настоящей воды и кораблей. С веслами.

Мадейра вполуха прислушивался к болтовне флагманского навигатора, который отдавал приказы, синхронизирующие действия флота. Адмирал зевнул.

Именно в этот момент повстанцы на них и напали.

Без предупреждения — два истребителя, прикрывающие фланги, просто исчезли. Кто-то встревоженно вскрикнул, и на экранах «Геомис ройал» возникли корабли противника. Они оказались «сзати» имперского флота.

Повстанцы, должно быть, знали, сообразил Мадейра, по какой орбите его оперативные силы будут подходить к этой проклятой НП-0406-У-32, и незаметно следовали за ними.

Имперские корабли шли в походной формации, но оружие не приводили в состояние боевой готовности, часть снарядов даже не загрузили в пусковые установки. Зачем рисковать дорогими снарядами — или членами команды, — когда рядом нет ни одного корабля противника!

Возникла паника, однако Мадейра и другие офицеры быстро навели порядок. Воцарилось спокойствие — за долгие месяцы совместных полетов Мадейра успел превратить своих солдат в настоящих профессионалов.

На экранах замелькали цифры, компьютер оценил силы атакующего противника.

— Сэр, — доложил вахтенный офицер, — нас атакуют шесть тяжелых крейсеров и десять истребителей.

— Благодарю вас, мистер. Я и сам это вижу. Какой класс? Кому они принадлежат?

— Сэр... У «Джейн» нет информации, — ответила женщина. — Опознать не удалось. Можно судить лишь по конструкции. «Джейн» предполагает, что они построены совсем недавно.

Появилась новая волна атакующего противника. На этот раз они оказались «снизу» от имперского флота.

— Три линейных корабля, семь крейсеров, двадцать истребителей, сэр. Мне удалось идентифицировать их, сэр. Линейные корабли. «Джейн» знает марку. Все три сконструированы и построены в системе кал'гата. До Таанской войны. «Джейн» говорит, что они были списаны и проданы. Пять истребителей из системы хондзо, а один из кораблей определен однозначно — «Аойф».

Стэн. Сомнений нет.

Но где же, черт возьми, «Победа»? Мерзавец наверняка управляет своим флотом с ее мостика. Если Мадейра сумеет опознать флагманский корабль Стэна, самоубийственная атака парочки истребителей, возможно, покончит с этим клоуном. Однако ни на одном из экранов «Победы» не было видно. С определенной точки зрения это даже хуже — следовал очевидный вывод: силы мятежников настолько выросли, что их вождь может позволить себе роскошь не участвовать в каждом большом сражении.

— Всем орудийным расчетам, — монотонно бубнил офицер противоракетной защиты. — Противник выпустил несколько снарядов класса «Кали»... Делаем попытку отвлечь... Орудийным расчетам. Переключайтесь на местный контроль. Производите пуск по собственному усмотрению.

Мадейра задумчиво пожевал губу.

— Первый дивизион наносит прямой удар по линейным кораблям, — приказал он. — И передайте на «Нешо»: не вступать в сражение, выбраться в открытый космос и доложить. Капитан, тактические корабли на старт.

— Есть.

— Сэр, «Нешо» не отвечает, и мы не можем найти его на экранах.

Мадейра даже не заметил, как корабль был уничтожен. Он напряженно размышлял.

— Ну что же, пусть второй дивизион обойдет их с фланга. Грузовые корабли остаются в арьергарде основных сил. Передайте на «Парму»...

— Сигнал с «Пармы», сэр. Четыре попадания. Автоматическая система наведения вышла из строя. Все оружейные расчеты переведены на ручное управление.

На экране возник третий флот мятежников.

— Откуда они... — отчаянно завопил кто-то.

— Молчать! — рявкнул Мадейра. — Открывать рот только тогда, когда к вам обращаются, мистер! Вы же не новичок.

Мадейра сохранял спокойствие, закрыл глаза и постарался представить себе общую ситуацию.

— У нас есть связь со вторым дивизионом поддержки?
— Подтверждаю. Однако мешают помехи пульсара.
— Прикажите им избегать сражения. Пусть выходят из боя мимо «Пармы» и «Геомис ройал» по случайной траектории. Повторяю, не вступать в сражение. Не пытаться сохранять связь с основными силами.

— Приказ отправлен, сэр.

— Хорошо. Капитан. Попробуйте обойти линейные...

Мадейра приказал остаткам своего флота — подбитому линейному кораблю, флагманскому кораблю и всем остальным — составить сферическую формацию и перейти на случайные траектории, чтобы избежать прямых попаданий. Однако он не стал отменять приказа, который отдал двум тяжелым крейсерам на фланговую атаку.

Конечно, он их потеряет, но так появляется надежда внести смятение в ряды мятежников, что даст возможность основным силам вырваться в открытый космос.

— Сэр, — обратился к нему радист, — удалось связаться с «Алексеевым». Он докладывает...

«Геомис ройал» содрогнулся от прямого попадания. Заскрежетал металл, закричали люди. Погас свет, через мгновение включилось аварийное освещение. Мадейру затошнило, когда вырубилась генераторы Маклина и они оказались в невесомости. Потом генераторы заработали снова — только корабль перевернулся набок.

— Всем станциям доложить о повреждениях...

«Аойф» на полном ходу приближался к «центру» поля боя. Берхал Уолдмен, стоя за спиной вахтенного офицера, даже не почувствовал, что его пальцы пытаются согнуть стальную спинку кресла. Эсминец Уолдмена находился впереди V-образного построения. Остальные четыре корабля тоже принадлежали хондзо: их команды, офицеры и солдаты подняли мятеж и присоединились к повстанцам. Они добровольно вызвались участвовать в этой операции. И поклялись отомстить за «Айслинг».

— Всем кораблям, всем кораблям, — приказал Уолдмен. — Оружейные расчеты, передать командование на мой корабль... немедленно.

Приказ был выполнен.

— Всем установкам, готовность к пуску. Отлично. Цель... вражеский линейный корабль. «Гоблины»... Пуск!

Снаряды средней дальности устремились к «Парме».

— Цель — вражеский линейный корабль! — выкрикнул берхал Уолдмен. Он не обращал внимания на своего артиллерийского офицера — ее не было на «Аойфе», когда погиб «Айслинг». Он сам раз-

берется с этими недоносками. — «Кали». По одной на каждый корабль. Офицеры наведения, поддерживайте контакт со своими снарядами... Пуск!

Имперский линейный корабль включил противоракетные батареи и лазеры на полную мощность, пытаясь уничтожить ракеты, пущенные с эсминцев хондзо. В ослепительных вспышках защитные системы перепутали «Кали» с «Гоблинами» и не смогли правильно выбрать цели.

Один из «Гоблинов» прошел сквозь оборону и уничтожил два орудийных расчета и сорок человек на «Парме», а затем нанес удар два снаряда «Кали». Взрыв развалил «Парму» пополам, после чего линейный корабль рассыпался на мелкие кусочки.

Теперь хондзо переключились на «Геомис ройал».

Мадейра наблюдал, как на главном экране один за другим исчезают имперские корабли — кое-кто из них посылал сигналы о том, что повреждения слишком велики и они выходят из боя.

Все ясно. Адмирал флота Мадейра поднял микрофон и передал сигнал: «Спасайся, кто может».

— Всем имперским кораблям... всем имперским кораблям. Говорит адмирал Мадейра. Всем кораблям прервать связь. Повторяю, прервать связь. По индивидуальным траекториям, на полном ходу возвращаемся на базу. Это приказ.

Он бросил микрофон.

— Капитан, свяжитесь с вашей эскадрильей тактических кораблей. Я хочу, чтобы они попытались задержать мятежников и прикрыли наш отход. Мы...

— Снаряд приближается... приближается... отвлечь не удастся... уничтожить не удастся... попадание!

«Гоблин» ударил примерно в двухстах метрах за командной рубкой «Геомис ройал». Вслед за ним шла «Кали». Оператор «Кали» увидел представившуюся возможность и послал свою ракету прямо в сторону огненного шара, досчитал до двух, а потом подорвал ее. Вспышка сверхновой — и там, где только что находился «Геомис ройал», теперь было лишь пустое космическое пространство.

Остатки императорского флота — один тяжелый крейсер, один легкий крейсер, три истребителя и один вспомогательный корабль — улепетывали на полном ходу по орбите, проложенной максимально близко к радиопульсару. Они мечтали только об одном: убраться подальше из этой проклятой звездной системы.

В этом секторе повстанцы не атаковали. Именно здесь их поджидала «Победа» со Стэнном на борту.

— Всем тактическим кораблям,— передавал капитан Фрестон,— в нашем секторе шесть имперских кораблей. Всем оружием расчетам, получить информацию из центрального компьютера. Атакуем. Повторяю, атакуем.

Ла Сиотат и ее коллеги-убийцы с шелковыми платочками в кармашках приготовились завершить операцию.

С мостика «Победы» Стэн наблюдал за сражением до тех пор, пока последний имперский корабль не исчез с экрана. Его лицо ничего не выражало. Точно то же самое произошло и с «Калигулой» — существа, одетые в такую же форму, что носил раньше и сам Стэн, существа, служившие с ним или под его командованием, проводившие время в тех же барах, что и он, погибли.

Лицо Килгура тоже ничего не выражало.

— Все...— Фрестон поколебался несколько мгновений, а потом продолжил: — Враги уничтожены.

— Отлично. Второй этап.

Силам Стэна не удастся покинуть поле боя, не видя того, что они учинили.

Сорок транспортных кораблей, принадлежавших загинозам и кал'гатам, пронеслись через звездную систему. Вместе с десятью вооруженными судами бхоров они охотились за обломками имперских судов, появлявшимися на экранах. Части кораблей уничтожались специальными командами, которые устанавливали заряды, а если от корабля сохранился большой кусок, с ним разбирались при помощи лазеров или «Гоблинов».

Не было никакой необходимости убивать оставшихся в живых солдат. Впрочем, их было не так много. Космическое сражение менее жестоко, чем морская битва вдали от берега. Подобранным имперским солдатам оказывалась медицинская помощь, затем их отправляли вместе с теми, кто не пострадал, на планету, расположенную на границе Волчьих миров. На этом забытом, немного напоминающем рай мире их обеспечат крышей над головой, пищей и постоянной медицинской помощью.

Но не более того. Пока не закончится война между Стэном и императором. Никакого почтового сообщения и связи с семьями и друзьями.

Потому что целью этой операции, проведенной в мертвой системе Истрн, было исчезновение всего имперского флота.

Стэн сознательно выбрал район возле НП-0406-У-32 для реализации своего плана. Любые сообщения о нападении его флота будут блокированы пульсаром. План сработал на все сто процентов. Двадцать шесть боевых кораблей, адмирал и их команды исчезли. Бесследно.

Это напугит страху даже на самых храбрых воинов.

И так же точно, как Истрн стал местом, где состоялось сражение, пульсар НП-0406-У-32 обеспечил подходящую арену для разгрома, сообщить о котором не представлялось возможным.

Статья, которая легла в основу речи вечного императора на церемонии выпуска в одной из самых престижных имперских военно-морских академий, была перепечатана в «Новостях флота». В своей речи властитель сообщил, что молодым офицерам довелось служить в очень сложные времена, но это еще и великие времена. И тот, кто проявит себя на поле боя, будет замечен и награжден.

Второе важное положение статьи находилось в самом конце «Империял таймс», куда ни один человек не заглядывает ради удовольствия, — здесь печатались сведения о новых назначениях, парадах и переводах имперских офицеров.

Семь адмиралов решили уйти в отставку. Все семеро, как установили аналитики, пользовались всеобщим уважением; к тому же они считали, что настоящий командир должен руководить сражением, опираясь на четкий анализ ситуации, а не бросаясь в бой очертя голову, гордо стоя на мостике флагманского корабля.

Следующей новостью был старт нового огромного линейного корабля, который называли «Дюрер». Император назначил себя командиром этого флагманского корабля. Боевого корабля, а не яхты или пассажирского космолета, отметили аналитики.

Все эти малые новости были собраны в специальной статье.

Но главной новостью явилась редакционная статья в «Империял таймс». Император отдал приказ начать строительство мощного имперского флота в самые сжатые сроки. Не пройдет и шести месяцев, а новый грандиозный флот уже будет готов.

Однако больше всего писали о другом: под звуки фанфар было объявлено, что адмирал флота Андерс и его штаб призвали на помощь вечного императора, чтобы тот поделился с ними мудростью и опытом и помог поймать бандита Стэна.

Мятежникам удалось выманить императора из его цитадели. Теперь властитель стал уязвим.

В следующий раз Стэн нанесет удар в самое сердце империи, а потом доберется и до вечного императора.

Глава 19

Огромные флоты повстанцев встретились в межзвездной пустоте рядом с чудовищной вихревой галактикой. В пустоте, от которой было рукой подать до Прайм-Уорлда и сердца империи.

Здесь собрались тысячи кораблей. Загинозы. Кал'гаты. Хондзо. Бхоры. Другие существа, представляющие культуры, миры и даже

созвездия, о которых Стэн никогда не слышал. Флоты целых звездных скоплений присоединились к мятежникам. Несколько эскадрилий императорского флота дезертировали и примкнули к Стэну. Отдельные корабли, а в некоторых случаях даже одинокие существа нашли путь к мятежникам.

Иногда Стэну хотелось понять, что ими движет. Золото? Боги? Слава? Может быть, страстное желание покончить с несправедливостью, ненависть к тирании? Чтобы восстание созрело, потребовались долгие столетия, но теперь, когда тиран сбросил маску, оно стало неизбежным.

Огоньки на главном экране «Победы» обозначали не отдельные корабли, а целые флоты. Однако даже и сейчас на открытое восстание решилась лишь десятая часть империи.

Стэн надеялся, что этого окажется достаточно.

Он отдал приказы. Флот повстанцев двинется к сердцу империи, имитируя атаку на Прайм. Конечно, прежде чем они успеют напасть на столицу империи, корабли противника атакуют их. Это будет, молился Стэн, решающая битва.

На самом деле Стэна совсем не интересовал Прайм, в его задачу входило уничтожить флот врага. Как только способность империи вести межзвездную войну будет подорвана, Прайм и любые другие миры можно легко захватить, изолировать или просто не обращать на них внимания.

Это будет, так подсказывали ему интуиция и анализ, сделанный штабом, очень трудное сражение. По предварительным прикидкам получалось, что на данном этапе силы мятежников имеют некоторое преимущество: шестьдесят один процент против тридцати девяти процентов в пользу Стэна. Предполагаемые потери должны были составить не менее тридцати пяти процентов сил мятежников.

Однако кровь становилась единственным аргументом — казалось, другой альтернативы нет. Что ж, так тому и быть.

— Значит, предатель двинул свои войска,— промолвил вечный император.

Что-то отдаленно напоминающее улыбку тронуло его губы, а потом исчезло.

— Да, сир,— ответил адмирал де Корт.— Согласно вашим предсказаниям и прогнозам компьютеров.

Де Корт был одним из семи помешанных на компьютерах адмиралов, о которых «Империял таймс» написала, что они ушли в добровольную отставку. В действительности адмиралов собрали в специальную группу, которой под руководством вечного императора надлежало определять стратегию вооруженных сил империи.

Конечно, их истинная роль останется тайной для всех. Ни один из семи адмиралов никогда не позволит себе упомянуть, что окончательное уничтожение предателя Стэна было делом их рук, а не результатом гениального предвидения вечного императора. Они были преданными войками... К тому же самоубийство их никогда не привлекало.

Адмирал де Корт не испытывал радости от того, что события развиваются именно так, как они и предполагали.

— Каковы прогнозы? — спросил вечный император.

— Пятьдесят один процент в пользу империи.

— Неужели? — Властитель был явно удивлен.

— Да, сир. Слишком многие части имперского флота не имеют настоящего боевого опыта.

— Я приказал провести тайную мобилизацию несколько месяцев назад.

Де Корт промолчал. Даже вечный император не в состоянии создать новые боеспособные флоты простым возложением рук.

— Предполагаемые потери?

— Более семидесяти процентов.

Долгая тишина.

— Приемлемо.

Де Корт облизнул вдруг пересохшие губы. Его выбрали из-за того, что он считался лучшим дипломатом среди семерки адмиралов-технократов.

— И еще, сир. У нас есть две отдельные программы... Мы не можем на них полностью полагаться, но они предсказывают, что с вероятностью более восьмидесяти процентов предатель Стэн должен погибнуть в этом сражении. И... вы тоже.

Император застыл в неподвижности.

— Сир.

Никакой реакции. Лишь через некоторое время вечный император негромко произнес:

— Благодарю вас. Вы свободны.

Корабли-разведчики, потом истребители и легкие крейсеры сошлись между галактиками в кровавом бою. Суда лавировали, выпускали снаряды, взрывались и погибали.

Потери оказались гораздо более серьезными из-за того, что обе стороны не ожидали встречи.

— Значит, этот негодяй заманил нас в ловушку, — прошипел Стэн.

— Ну, я не стал бы утверждать, — ответил Фрестон. — Однако император, надо отдать ему должное, подготовился к встрече с нами.

Килгур ужасно рассвирепел.

— Шкипер! — взорвался он. — Я не пойму, что случилось с нашей разведкой. Кое-кого мне придется поджарить себе на завтрак. Позже. Сейчас развлекаться некогда. Ситуация такова: император успел мобилизовать флот, понятно? Это почти полная катастрофа, если только император, что очень вероятно, не думает то же самое. Однако я не могу утверждать, что это правильный прогноз.

— Ну, давай дальше, — сказал Стэн.

— Мы покончим с этими крестинами. Больше восьмидесяти процентов всего имперского флота никогда не вернется домой. Но и нам придется заплатить. Семьдесят пять процентов наших кораблей погибнет. Это будет чудовищная бойня, приятель. Кроме того, мы почти наверняка прикончим самого императора. И примерно с такой же вероятностью погибнем сами.

Стэн кивнул. Он продолжал смотреть, уже ничего не видя, на экраны, где ряд за рядом шли цифры.

Итак, он, скорее всего, погибнет в этом сражении среди звезд. Ладно. Стэн был удивлен, что способен так спокойно принять этот факт — во всяком случае, он довольно успешно себя обманывал.

Оставалось утешаться тем, что вечный император тоже погибнет. И имперские силы будут уничтожены.

Однако со временем флот можно отстроить заново. В особенности если — тут он полностью полагался на то, как Хейнз трактовала невероятную теорию Махони, — император вернется. А потом снова займет трон, потому что никто, кроме него, не знает, как добывать АМ-2.

Император будет отсутствовать по меньшей мере три, а может быть, даже шесть земных лет. За это время «цивилизованный» мир еще больше погрузится в хаос. А потом на сцене вновь возникнет этот безумец, убивая направо и налево, чтобы вернуть свое королевство. Пятый всадник Апокалипсиса.

Сколько времени пройдет до следующего восстания? Восстания, которое будет направлено не на то, чтобы новый босс заменил старого? Не такое, как Таанская война или мятеж Мюллера до нее?

Стэн отдал необходимые приказы, а потом уединился в адмиральских покоях «Победы». Повстанцы должны занять оборонительную позицию. Он не может — и не станет — устраивать чудовищную, бессмысленную бойню. Во всяком случае, при таком раскладе — когда он не уверен в том, что сможет навсегда уничтожить отвратительную опухоль, которая называет себя вечным императором.

Нет, если возникнет необходимость, они могут отступить. Перегруппироваться. Придумать новую стратегию. Или, в худшем случае, последовать примеру бесчисленных освободительных движений прошлых столетий — сложить оружие, уйти в подполье, а когда обстоятельства изменятся, предпринять новую попытку.

«Проклятье,— подумал Стэн.— Если дело обернется именно так, я могу исчезнуть. Сменить лицо, имя, а потом попробовать еще один раз. Еще один раз — сам. При помощи бомбы или снайперской винтовки. Я не сдамся,— пообещал себе Стэн.— Но сейчас необходимо сделать все, чтобы сохранить жизнь тем существам, которые пошли за мной. Нужно отказаться от борьбы. Отступить. Занять выжидательную позицию. Других вариантов нет».

Стэн подумал о спирте или стрелке. Нет, не годится. Он откинулся на спинку кресла и бездумно уставился на экран, где в калейдоскопе гиперпространства мелькали звезды. Секунды... минуты... часы... столетия спустя коммуникатор вывел его из задумчивости.

Стэн нажал на кнопку и собрался уже зарычать. В последний момент передумал. На экране возник Алекс, лицо и голос которого ничего не выражали.

— Мы получили сигнал от имперских сил,— сказал он, сразу переходя к делу.— Направленный луч. Фрестон утверждает, что эта частота зарезервирована только для императора, «Победа» — один из немногих кораблей, способных принимать подобные сообщения. Ты ведь помнишь, император построил этот корабль для себя?

— Известно, откуда идет сигнал?

— Нет, Стэн. Во всяком случае, не с какого-то разведанного мира. С корабля, так я думаю. С имперского корабля. И... передача идет открытым текстом. Видеосигнал и звуковая запись. И еще там говорится, что ты должен лично просмотреть сообщение.

Стэн собрался было приказать, чтобы послание перевели к нему на экран, но потом передумал. Нет. Даже в такое время, перед самым штурмом, вечный император мог передать какую-нибудь ерунду — а потом пустить слух, что сообщение содержало тайные инструкции императора одному из двойных агентов.

— Подожди,— решил Стэн.— Я сейчас приду в рубку управления. Выведи сообщение на главный экран.

— Босс? Ты уверен?

— Да, черт возьми. Я уже слишком стар, чтобы играть в игры. Все.

На экране возник вечный император. Он стоял один на командном мостике огромного боевого корабля «Дюрер». На императоре была черная, как ночь, форма с золотым знаком на груди — буквы АМ-2 поверх элементов атомарной структуры антиматерии.

— Это сообщение предназначено для Стэна, и только для него. Здравствуй. Когда-то ты был моим самым верным слугой. Теперь стал моим самым главным врагом. Я не знаю почему. Мне казалось, ты прекрасно служил империи, поэтому я дал тебе возможность управлять и повелевать, предполагая, что это принесет пользу. Очевидно,

я ошибался. А еще, к своему величайшему огорчению, я заметил, что некоторые из моих подданных считают, будто я их не замечал и обошел своими милостями, несмотря на все мои попытки помочь им в трудные времена. Я мог бы поспорить и попытаться показать страшную картину хаоса, который ждет нас всех. Но не стану этого делать. Возможно, кое-кто из моих сатрапов действительно тиранил народы, прикрываясь моим именем, тогда как я всегда старался обеспечить максимальной выгодой всех существ, людей и инопланетян, установить царство мира и справедливости, которое, будь на то добрая воля моих граждан, длилось бы до конца времен.

Живые существа, — продолжал император, — многие из них были моими верными подданными — погибли. Погибли во время убийственных войн, о которых история забудет упомянуть даже в примечаниях. А я предлагаю решение, с которым никто не в силах поспорить. Ты, Стэн, утверждаешь, будто мое правление авторитарно. Более того, что я — диктатор. Очень хорошо.

Я предлагаю тебе разделить со мной правление.

Не в качестве соправителя, потому что ты или те, с кем ты поднял восстание, посчитают мои намерения дешевой попыткой тебя подкупить.

Нет, я предлагаю полное разделение власти между мной, парламентом, тобой и любыми твоими представителями в той форме, которую мы найдем наиболее разумной и справедливой.

Дабы избежать кровопролития, я предлагаю немедленное перемирие. Оно будет совсем коротким, чтобы ни та, ни другая сторона не могла утверждать, что противник использует передышку к своей выгоде. Мне кажется, две недели по земному исчислению — оптимальный срок.

По истечении этого времени мы с тобой встретимся. Каждый из нас пригласит с собой своих лучших советчиков и союзников, чтобы мы могли подготовить почву для будущего процветания империи.

Я предлагаю Сейличи — лучшего места встречи не придумать. Манаби — самая уважаемая раса во Вселенной, известная своей объективностью, любовью к миру и постоянным нейтралитетом. Я буду просить прославленного дипломата, сэра Эку, выступить в качестве главного посредника в наших переговорах. Я обращаюсь к тебе, Стэн, как к честному человеку — прими мое великодушное предложение. Теперь только от тебя зависит, прольется ли кровь невинных.

Экран потемнел. На капитанском мостике «Победы» все заговорили одновременно. А потом смолкли и повернулись к Стэну.

«Вот сукин сын, — подумал он. — Поимел нас. И никакого выхода. Никакого».

Стэн потер уставшие глаза и попытался заставить себя думать. За последние недели ему практически ни разу не удалось как следует выспаться. Если и выдавалась свободная минутка, Стэна постоянно будили, чтобы передать сообщения от разведчиков, союзников и тому подобное. Даже находясь наедине с Синд, он не мог заставить себя не думать о войне.

Двадцать часов назад Синд разогнала всех и заставила Стэна отдохнуть. Он спал крепко, но его тревожили кошмары.

Сейчас он проводил последнее совещание. Союзники представили проекты по переделке мира — главным образом они выдавали желаемое за действительное, а некоторые идеи и вовсе не стоило произносить вслух, пока власть находилась в руках императора.

Это совещание, как и все, что касалось Стэна и восстания, было каким-то беспорядочным, хотя в нем принимали участие давние соратники Стэна: Килгур, Синд, Рикор, даже Ото, на которого можно было рассчитывать, если возникала нужда в прямом, без всяких хитростей, подходе к решению проблемы.

Стэн жалел, что на этом совещании не присутствует сэр Эку и что они не могут даже послать ему записку: не должно возникнуть ни малейших подозрений в том, что манаби являются союзниками Стэна.

«Победа» в сопровождении пяти крейсеров и одиннадцати эсминцев находилась на орбите необитаемого мира, расположенного менее чем в двадцати световых годах от Сейличи. Собственно говоря, им нечего было обсуждать на этом совещании — они уже множество раз обо всем подробно переговаривали. Стэна беспокоил Алекс, который в последнее время вел себя непривычно тихо, стараясь помалкивать и не высказывать собственного мнения.

Стэн налил стакан травяного протеинового напитка и сделал глоток. Его передернуло. Почему всегда то, что полезно, имеет такой отвратительный вкус?

— Интересно, — сказал он, — сколько пройдет времени, прежде чем император попытается нас обмануть?

— Все зависит от того, — начала Ида, — как мы справимся с первой кризисной ситуацией, когда императору придется подвинуться на своем троне и дать тебе место. Если наше решение совпадет с его и при этом он будет продолжать считать, что вся власть, как и прежде, сосредоточена в его руках... думаю, около двух земных лет. Если же возникнут разногласия и победит наша точка зрения... три цикла. Во всяком случае, попытка контрреволюции произойдет примерно через пять земных лет, и ее возглавит либо сам вечный император, либо его сторонники. Однако мы — если будем все правильно

планировать и окажемся чертовски удачливыми — сможем успешно защитить первое демократическое правительство.

— Все эти выкладки,— сухо заметил Стэн,— дают коалиции гораздо больше времени, чем у нас было бы, если бы мы решили сражаться. По крайней мере, его будет достаточно для того, чтобы решить, как мы справимся с императором, прежде чем он придумает способ покончить с нами.

— Вряд ли правильно предаваться воспоминаниям,— покачав головой, заявил Алекс,— только мне почему-то все время приходит на память место, которое называется Гленкоу, клан Кэмпбеллов и политик по имени Далримпл.

— Это как понимать? — проворчал Ото.

— А никак, если не считать того, что мне все это не нравится, приятель. Когда имеешь дело с безумцем, не следует говорить о логике.

— Мы это все уже сто раз обсуждали,— перебил его Стэн.— Вряд ли вечный император собирается обмануть нас сейчас. Во-первых, он сам предложил нам встретиться, так что его флаг мирных переговоров будет обеспечен. Он, естественно, спятил и, конечно же, с удовольствием спустил бы с меня шкуру, но я не сомневаюсь, что он будет вести себя прилично, находясь в мире манаби.

Что-то прошипел коммуникатор. Алекс подошел к терминалу и прочитал сообщение на экране. Набрал на клавиатуре ответ и отключил связь.

— Ну, хорошо,— сказал он.— Отправляйся на встречу.

— А почему мы полетим туда не на «Победе»? — спросил Ото.— С чего бы это Стэн должен прибыть на Сейличи, словно у него еще и борода не выросла? Может, вообще скажешь, что его доставит туда торговое судно?

— Ты почти угадал,— проговорил Алекс.— Он воспользуется транспортным кораблем — попросим у загинозов. Не хочу, чтобы кто-нибудь подумал, что Стэн держит камень за пазухой. Он прибывает на переговоры как посол мира. Мы же хотим, чтобы все думали именно так, правда, Рикор?

Рикор плескалась в лохани, обдумывая слова Килгура.

— С моей стороны это чистейший идиотизм,— заявила она.— А я-то еще гордилась тем, что способна делать мгновенные умозаключения. Тем не менее я считала, что Стэн должен сойти с борта «Победы» в сопровождении своих союзников. Однако... что вы предлагаете, сэр Килгур?

— Стэн прибывает на Сейличи только с одним сопровождающим лицом — со мной. Установим прямую связь между «Победой», которой надлежит находиться неподалеку от мира манаби, но так, чтобы о ее местонахождении никто не знал. Мы будем выглядеть во-

все не как покрывшие себя кровью невинных жертв гнусные мятежники, а как сторонники мира и согласия. Давид и фарисеи, или как там говорится в этой сказочке... Тележурналисты будут просто в восторге, можете не сомневаться.

Рикор закрыла глаза и представила себе картинку, нарисованную Алексом. Впечатляющее получилось зрелище: один маленький человечек, который сумел одержать победу над вечным императором.

— А ты, Рикор, останешься тут, будешь слушать все эти глупости и думать, подружка.

— Стэн не отправится на встречу с императором без сопровождения! — вскочив на ноги, объявила Синд.

— Отлично сказано, — вздохнул Алекс. — Только именно так и будет. Твои бхоры и гурки вряд ли что-нибудь смогут противопоставить лазерным пушкам линейного корабля. Кроме того, совершенно ни к чему устраивать военный парад лишь затем, чтобы показать, на что мы способны.

Синд открыла было рот, чтобы возразить ему, но Алекс едва заметно покачал головой. Она сразу замолчала.

— Сделаем так, как говорит Алекс, — решил Стэн, прежде чем Ото присоединил свой рев к возражениям Синд. — Император будет весь в белом, в то время как все остальные сопровождающие его лица будут одеты в парадную военную форму. Мы сыграем в его игру, но по своим правилам. Позовите кого-нибудь, пусть приготовят для меня одеяния невинного агнца. А теперь оставьте меня одного, пришлите мне поесть чего-нибудь невкусного, а потом я еще немного посплю. Мы готовы.

Сэр Эку парил над огромным посадочным полем в «кратере» гостевого центра. Все его органы восприятия находились в отличном состоянии. Эти переговоры, как и последующая серия конференций, могут стать кульминационным моментом не только его жизни, но и всего народа манаби.

Его раса всегда относилась к императору и самой идее империи с большой долей скептицизма и недоверия. Однако правление одиночки принесло покой и процветание многим и многим мирам. За определенную цену, конечно. Тирания. Иногда правление было довольно мягким, иногда случались ужасающие конфликты, вроде восстания Мюллера и Таанской войны, которые, если отбросить риторику, велись только для того, чтобы сохранить правление императора. Эку уже давно размышлял о том, возможно ли исправить недостатки императора, сохранив преимущества его правления.

Может быть, такой момент наступил?

«Как романтично, — скептически говорил его разум. — И так считает существо, посвятившее всю жизнь извлечению минимального

смысла из бесконечных лабиринтов дипломатического вранья! Ты ждешь вечного мира как результата встречи двух существ: один из них безумец, а второй — молодой революционер, который еще совсем недавно служил наемным убийцей у этого безумца? Пройдет совсем немного времени, и — кто знает — может быть, молодой человек сам захочет стать императором?» И все же...

Телекамеры, стоявшие по всему периметру гостевого центра, показывали лишь одинокого манаби, который парил над пустынной территорией посадочного поля. Эку без конца взвешивал различные варианты, он никогда не уставал от подобных интеллектуальных игр.

Наконец корабль вечного императора приблизился к посадочному полю. Впереди него летел маленький катер, который выполнял роль лощмана. Эку узнал «Нормандию» — старый, хорошо вооруженный, мало кому известный корабль императора. Странно как-то. Эку не удивило бы, если бы император появился с невероятной помпой, на борту своего нового великолепного линейного корабля «Дюрер». Он знал, что на некотором расстоянии от планеты, на геосинхронной орбите, расположился весь имперский военный флот — в качестве охраны.

В душу Эку закралась надежда. Может быть, император хочет показать всем, что он сторонник мира. Однако через несколько секунд, когда корабль приземлился и из него вышли вооруженные до зубов люди в черной форме из службы внутренней безопасности и окружили корабль, Эку понял, что ошибся.

Больше на трапе никто не появился.

Он услышал вой у себя над головой, и корабль Стэна, самый обычный гражданский лайнер — сэра Эку предупредили, что Стэн прибудет на таком, — пошел на посадку. Юкава-драйв отключился, заработали генераторы Маклина, лайнер приземлился. Открылся широкий люк, и из корабля вышли два человека: Стэн и Алекс Килгур.

Килгур был одет в традиционное одеяние шотландского лорда: берет, плащ, килт и спорран. Однако в носке он не стал прятать кинжал, а висевшие на поясе ножны были пусты. Килгур даже не убрал пистолет в спорран.

Стэн был одет в бледно-голубую рубашку, которая спереди застегивалась на пуговицы, и в такие же голубые брюки. Голова не покрыта, никаких наград или знаков отличия на груди. За ними не следовала охрана. Стэн и Алекс вышли на освещенное ярким солнцем пространство и остановились.

На другом конце посадочного поля стучали кованые сапоги и звенело оружие — солдаты ВБ приветствовали своего императора.

Вечный император и его свита спускались по трапу. Как и предполагалось, на императоре была простая черная форма с имперским знаком на груди. На шее у властителя висело еще одно украшение —

какой-то журналист узнал его и шепотом сообщил, что это знак Миротворца, который император получил, когда было покончено с восстанием Мюллера.

Дальше журналист рассказал о свите императора: Эври, его главный политический советник; Уолш, марионеточный правитель Дьюсабля и главная опора императора в парламенте, и так далее, и тому подобное. Комментатор ошибся, называя одно существо, однако Эку прекрасно его знал: солон Кенна. Вечный император привез с собой на эту встречу самых талантливых политических деятелей. Эку снова почувствовал пробуждение надежды.

Самое главное, что в свите императора не было Пойндекса. Еще один знак, что эта конференция может привести к тому, что в империи установится мир.

Стэн и Алекс направились поприветствовать имперскую делегацию. Властитель вышел им навстречу.

— Стэн.— Тон императора был совершенно нейтральным.

Лишь с некоторым трудом Стэн удержался от того, чтобы не отдать честь. От многолетних привычек трудно отказаться.

— Ваше величество.

— Можем начинать?

Стэн вымученно улыбнулся и кивнул.

Стэн и вечный император находились вдвоем на балконе последнего этажа гостевого центра. Балкон напоминал карниз на почти вертикальном склоне вулкана, под который был стилизован центр.

После того как участники конференции разошлись по своим комнатам, император обратился к сэру Эку с просьбой предоставить ему возможность несколько минут поговорить со Стэном с глазу на глаз. Содержание разговора не должно было записываться. Эку обратился с этим предложением к Стэну, и тот после некоторых колебаний согласился.

Наступили предзакатные сумерки, облака окрасились в багровый цвет, и вся долина казалась залитой кровью. Молодой манаби, который сопровождал высокие стороны, сказал, что они могут говорить совершенно спокойно — помещение полностью звукоизолировано, так что никакой ловкий репортер с параболическим микрофоном не сможет записать их разговор. Стэн и император посмотрели друг на друга, и Стэн слегка улыбнулся. Ни один журналист не позволит себе подобной наглости.

На балконе стояли два кресла и солидный бар. Император подошел к нему и открыл дверцы.

— Виски, стрегг, спирт, чистый квилл. Пиво. Чай. Даже вода. Манаби позаботились, чтобы у нас не пересохло в горле.— Он повернулся к Стэну.— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Нет,— ответил Стэн.— Благодарю.

Император выбрал фляжку со стрегом. Повертел в руках.

— Раньше я любил этот напиток, — задумчиво проговорил он. — А теперь почему-то потерял к нему интерес. Странно, правда?

Он посмотрел прямо на Стэна, потом его глаза снова забегали. Стэну стало не по себе, но он не отвел взгляда.

Через несколько секунд властитель отвернулся. Подошел к краю балкона и, присев на низкую ограду, посмотрел вниз, на долину.

— Станные существа манаби, — продолжал император, словно размышляя вслух. — Вся их цивилизация находится под землей. Я бы постоянно думал о том, что, когда исчезну, не останется никаких следов моего существования... моего присутствия на поверхности планеты.

Стэн молчал. И снова император взглянул на него, и снова его глаза пустились в свой безумный танец.

— Ты помнишь нашу первую встречу?

— Когда меня вам представили, сир?

— Нет. Я имею в виду День империи. Когда ты был начальником моей личной охраны. Полагаю, тебе известно, что я распустил гурков — у них весьма ограниченные возможности. Так вот, в тот день я попросил тебя показать твой знаменитый нож. Кстати, ты по-прежнему с ним не расстаешься?

— Да.

— Могу я еще раз взглянуть на него?

Теперь улыбнулся Стэн.

— Надеюсь, здесь нет телохранителей, которые неправильно меня поймут...

Затем он слегка сжал пальцы, и рукоять кинжала скользнула в ладонь. Стэн протянул оружие вечному императору, который с интересом изучил его, а потом вернул.

— Именно таким я его и запомнил. Знаешь, время от времени мне снился этот нож. Только я никак не мог вспомнить, при каких обстоятельствах. Да. Мне следовало раньше сообразить, что символизирует этот кинжал.

Стэну потребовалось несколько секунд, чтобы понять, куда клонит император. Прежде чем Стэн успел возразить, император продолжал:

— Интересный был вечер. Ты научил меня пить стрегг. А я готовил. Только вот не помню, что именно... Теперь у меня нет времени на подобные развлечения. Когда... наши разногласия будут разрешены, я надеюсь, что смогу снова вернуться к прежним привычкам. — Его лицо неожиданно помрачнело. — Хорошо иметь хобби на склоне лет.

Стэн посчитал, что лучше промолчать.

— День империи. Наверное, с этого и началось разложение. Хакан. Таан. Махони. Алтай... Господи!

Император пристально посмотрел на Стэна.

— Ты и сам не знаешь, о чем просишь, Стэн. Все это продолжается и продолжается, никогда не замедляясь, и никто не испытывает благодарности.

— Сир, я вас ни о чем не просил. Разделение власти...

— Конечно не просил,— с раздражением перебил император.— Но после всех этих столетий власти... неужели ты думаешь, что я не знаю? Уж дураком-то меня считать не надо.

— Никогда и не считал, ваше величество.

— Да? — Властитель вновь перевел бегающий взгляд на темный пейзаж, раскинувшийся далеко внизу.— Как пусто, как здесь все пусто.

Он поднялся на ноги.

— Я собирался поесть у себя,— сказал император и улыбнулся.— Наверное, банкет следует отложить до того момента, когда мы придем к согласию.

— Для меня это не имеет значения,— ответил Стэн.— Я не слишком расположен к ритуалу бесконечных перемен блюд, сопровождаемому вежливыми тостами.

Улыбка императора стала еще шире.

— Одна из причин, по которой я тебя уважал. Ты мне нравился. Потому что никогда не прикидывался. Иногда я даже удивлялся, как тебе это удавалось.

Он кивнул и, продолжая улыбаться, ушел с балкона.

Алекс проводил Стэна в его покои, а потом, отчаянно зевая, отправился в свою комнату. Оказавшись внутри, он моментально скинул одежду, которую называл «наряд лорда Килгура», и перестал делать вид, что сейчас свалится с ног от усталости. Достал из сумки фототропический комбинезон и облачился в него. Как по мановению волшебной палочки, в руках оказался полный набор альпинистских принадлежностей.

«Теперь,— подумал Килгур,— следует положиться на шотландский фарт».

Только вот вопрос, на чьей стороне будет удача, на этот раз оставался открытым.

Техник ВБ снова и снова проверял пленки с записями, пытаясь определить источник странного шума на низких частотах. Не «Нормандия»... не имперское оборудование... не телевизорщики... Наконец ему удалось выяснить, что сигнал исходит из гостевого центра, но не от электронного оборудования манаби.

В конце концов техник сообразил, в чем дело. Жужжание издавал портативный коммуникатор, принадлежавший приятелю мятеж-

ника. Очень характерная деталь, отметил про себя техник. Не могут даже воспользоваться средствами связи так, чтобы никто об этом не догадался. Сигнал действовал ему на нервы. Когда начнется конференция, надо попросить одного из начальников переговорить с этим придурком и посоветовать ему приобрести новый передатчик.

Затем техник занялся своими прямыми обязанностями — он отвечал за то, чтобы связь между катером и новым прибором, установленным на борту «Нормандии», работала безотказно.

Вечный император дважды за ночь овладевал Эври, причем делал это в своей излюбленной манере. Женщина отчаянно впивалась зубами в подушку. На дикий крик, раздающийся в полночь в имперских апартаментах Арунделя, существа, наделенные здравым смыслом, не обращают внимания, однако здесь, на Сейличи, какой-нибудь глупец мог поднять ложную тревогу.

Император отправился в душ, а затем, остановившись около небольшого чемоданчика, достал из него крошечный предмет. Подошел к кровати, пробежал пальцами по коротко остриженным волосам Эври — движение отдаленно напоминало ласку — и, когда выдвинувшаяся иголочка коснулась кожи, нажал на кнопку.

Эври потеряла сознание.

Это будет ее последний сон.

Император поднялся и надел черный комбинезон, который перед этим достал из своего багажа. Комбинезон имел все необходимые приспособления для лазания по горам. А еще император надел специальные ботинки с жесткими подошвами. Натянул защитный жилет и проверил надежность крепления застежек. Властитель в который раз пожалел, что у него нет пистолета, но он знал: ему не удалось бы пронести оружие мимо автоматических систем защиты маби. Впрочем, того, что у него есть, вполне достаточно.

Император немного размялся, затем открыл двойные окна, ведущие на балкон. Где-то далеко внизу, в центре кратера, стояли корабль Стэна, его собственная «Нормандия» и катер.

Было совсем темно и тихо. Императору показалось, что он заметил, как охранник, выставленный у трапа «Нормандии», вышел на освещенное пространство, повернулся и пошел обратно. Это не имело ни малейшего значения. В тот день, когда император не сможет проскользнуть мимо какого-нибудь охранника, он вынужден будет признать, что Стэн и, похоже, вся остальная империя имеют все основания считать его дураком.

По обеим сторонам апартаментов императора мирно спали адъютанты и мнимые советчики. «Спите, мои слуги, — подумал властитель. — Потому что сейчас вы послужите империи так, как не могли и мечтать. Ваша жертва будет принесена не зря».

Он посмотрел на обнаженное стройное тело Эври. Возникло мимолетное чувство жалости, но оно быстро прошло. Жертва бывает убедительной только тогда, когда отдаешь что-то очень дорогое. Впрочем, она уже начала ему надоедать. Его внимание привлекли другие, более умелые женщины.

Император отцепил катушку с веревкой от жилета, нажал на крошечную кнопку, и конец тончайшей цепочки надежно уцепился за перила балкона. Пришлось надеть специальные перчатки — спускаться с голыми руками по этой веревке было все равно что скользить вниз по гибкому лезвию бритвы.

Вечный император перелез через перила и исчез в темноте. Уже давно он не испытывал такого восхитительного чувства опасности.

Килгур считал, что устроился очень удобно. Он стоял одной ногой на твердом выступе шириной примерно в три сантиметра, накинув страховочную веревку на другой выступ и придерживаясь за него рукой.

Он мог бы пуститься в пляс.

Алекс стоял на посту — огромный паук, невидимый в фототропическом комбинезоне, который точно повторял цвет и рисунок искусственной скалы, где размещался гостевой центр манаби.

Где-то внизу, примерно в середине кратера, Килгур заметил движение и увеличил резкость очков для ночного видения. Апартаменты императора, точно. Какой-то тип выходит оттуда.

Повезло, да? Может, вовсе нет. Везение — абсолютно невозможная вещь. Алекс считал бы, что ему повезло, если бы он провел здесь ночь, ничего бы не произошло и конференция началась бы, как и предполагалось.

Нет. Интересно, кто это там висит на веревке? Император собственной персоной?

Алекс нахмурился, обдумывая возможные мерзости, которых можно ожидать от императора. Он не сомневался, что император попытается выкинуть какой-нибудь фокус здесь, на Сейличи, но ни одно из его предположений не соответствовало происходящим сейчас событиям.

Когда они еще были на борту «Победы» после последнего инструктажа Стэна, Алекс попросил Синд и Ото пройти с ним в его каюту. Он знал, что это единственное место на «Победе», которое никем не прослушивается — ни Фрестоном, ни Стэном. В данном случае особенно важно, чтобы не услышал Стэн. Хотя тот бросил на него такой выразительный взгляд, что Килгур не сомневался: босс догадывается о его намерениях.

— Когда мы прилетим на Сейличи, — начал он, — я хочу, чтобы вы были наготове. Будете действовать по моему приказу, или прика-

зу Стэна, или, если связь с нами прервется, возьмете командование на себя и выполните приказ, который я вам отдам перед тем, как мы покинем борт «Победы». Если капитан Фрестон станет возражать, освободите его от командования. Я знаю, что это совсем не просто, но придется попросить вас поклясться, что вы выполните все мои инструкции. Вы должны верить: я хочу, чтобы наше восстание победило и Стэн уцелел. Если вы доверяете мне и если доверяете Стэну... то сделаете все, о чем я прошу.

Синд и Ото задумались. Синд первой согласно кивнула. По правде говоря, она подозревала, что у Алекса есть какой-то план. Потому что иначе они ввяжутся в совершенно безнадежное сражение с имперским флотом и ее навязчивый кошмар станет реальностью. Затем Ото крякнул — он тоже выполнит приказ Килгура.

Алекс поблагодарил их за доверие. А потом отослал.

Он стал размышлять. Гленкоу... Узкая, жуткая долина на старой Земле, где всегда идет дождь. Лорд Гленкоу до самого последнего момента оттягивал клятву на верность королю-узурпатору, а потом от этой неприятной, хотя и обязательной процедуры его освободили зимние ураганы.

Лорд не учел, что у узурпатора был дружок по имени Далримпл, который просто мечтал показать всем, что бывает с непокорными; забыл и про клан предателей Кэмпбеллов, пытавшихся втереться в доверие и получить максимальную выгоду от дружбы с англичашкой Вильямом.

Солдаты Кэмпбеллов появились в долине, и их приняли с традиционным шотландским гостеприимством. Но на уме у них было предательство, и они не стали долго ждать. Ночью долина Гленкоу была предана огню и мечу, женщины и дети с отчаянными криками выбегали на мороз и погибали.

«Гленкоу, — думал Алекс. — Да. Иногда разные там умники, которые планируют и пытаются предугадать события, ошибаются, потому что предательство не ждет наступления подходящего момента, когда ночь будет темной и безлунной, а ворон издаст свой пронзительный крик смерти».

Отправляясь на Сейличи, Алекс был готов к тому, что император попытается их предать. Он не сомневался в этом ни тогда, когда лайнер загинозов, на борту которого они со Стэном прибыли на Сейличи, приземлился недалеко от гостевого центра, ни сейчас, когда увидел, что человек в черном, похожий на самого вечного императора, вышел на балкон.

Коридор, ведущий в имперские апартаменты, был снабжен автоматическим сенсором, и Алекс знал, что, стоит кому-нибудь сделать лишнее движение, манаби, хотя и не очень опытные воины, немедленно поднимут тревогу.

Килгур на мгновение задумался, в очередной раз пожалев, что у него нет с собой снайперской винтовки. Вот тогда бы они узнали, на что способен настоящий специалист по двойной игре.

Тут он сообразил, какую гнусность придумал император, и коснулся выключателя у себя на запястье. Затем стремительно забрался вверх по своей веревке, как паук, спасающийся из огня. Килгур знал, что пройдет совсем немного времени, и им будет грозить адское пламя.

Техник службы внутренней безопасности спал далеко от своих приборов. Он так и не заметил, что раздражающий шум прекратился, как только Алекс коснулся выключателя на своей руке. Этот белый шум на самом деле был направленной передачей.

Существует по меньшей мере два способа предупредить своих об опасности. Первый и самый распространенный — послать соответствующее сообщение. Второй, куда более изощренный, — прекратить передачу сигнала при первых признаках осложнения ситуации.

Как знаменитая собака Шерлока Холмса, которая ничего не делала по ночам, конец передачи направленного пучка помех из коммуникатора Килгура означал немедленную тревогу на двух космических кораблях.

Общий сигнал тревоги раздался на борту «Победы». На корабле никто не спал, и экипаж моментально пришел в состояние полной боевой готовности.

Синд, Ото, Фрестон и Лалбахадур и не собирались спать до тех пор, пока Стэн не вернется, даже если для этого им пришлось бы принимать сильные стимуляторы и без конца бегать под холодный душ.

— Все оружейные расчеты в полной боевой готовности, сэр, — доложил вахтенный офицер. — Никаких признаков опасности не наблюдается.

— Очень хорошо, — заявил Фрестон и повернулся к Синд: — Мистер Килгур отдал приказ, что, как только будет поднята тревога, я перехожу под ваше командование и выполняю все распоряжения. Принимайте управление кораблем на себя.

— Благодарю вас. — Синд глубоко вздохнула и приложила ладонь к маленькой микрофише, которую ей вручил Алекс перед тем, как они со Стэном покинули «Победу».

Инструкции были предельно простыми:

ЖДИТЕ НА УСТАНОВЛЕННОЙ ОРБИТЕ, ПОКА ВАС НЕ НАЧНУТ АТАКОВАТЬ, НЕ ПРЕДПРИНИМАЙТЕ, ПОВТОРЯЮ, НЕ ПРЕДПРИНИМАЙТЕ НИКАКИХ АГРЕССИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ИМПЕРИИ, НЕ ПЫ-

ТАЙТЕСЬ ПРИБЛИЗИТЬСЯ К СЕЙЛИЧИ И СДЕЛАТЬ ПОСАДКУ. ОЖИДАЙТЕ СИГНАЛА НА ЧАСТОТЕ КВЕ-БЕК 34 АЛЬФА. ЕСЛИ ИМПЕРСКИЕ КОРАБЛИ АТАКУЮТ ВАС, ПОСТАРАЙТЕСЬ ОТ НИХ ОТОРВАТЬСЯ И НЕЗАМЕТНО ПРИБЫТЬ В (шли координаты). ЕСЛИ ОТ НАС НЕ ПОСЛЕДУЕТ НИКАКИХ СИГНАЛОВ, «ПОБЕДА» ДОЛЖНА СНОВА ПЕРЕЙТИ ПОД КОМАНДОВАНИЕ ФРЕСТОНА. В ДАЛЬНЕЙШЕМ БУДЕТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ.

— Значит, мы должны ждать,— произнес Ото.

Синд издала настоящее рычание — любой бхор мог бы гордиться ею,— а потом с трудом выдавила из себя:

— Будем ждать.

Ноги императора коснулись земли, и он опустил на колени. Отсоединил веревку и избавился от перчаток. Несколько огней освещало три корабля, стоящих на посадочном поле. Одиноким часовой прохаживался перед входным люком «Нормандии».

Низко пригнувшись к земле, император побежал к катеру.

И еще один корабль перестал принимать сигнал статических помех.

Ханнелора ла Сиотат бодрствовала, положив ноги на приборную доску своего тактического корабля. Она переделала сигнал тревоги так, что он напоминал приятный колокольный звон. Этого было вполне достаточно для небольших помещений крошечного боевого корабля.

Ла Сиотат загерметизировала комбинезон и практически спихнула вахтенного офицера на пол.

— Вы свободны, мистер.

Ее пальцы заскользили по панели управления. «Включить все системы... Занять посты по боевому расписанию... Приготовить оружие...»

Она коснулась рукояти управления, и тактический корабль поднялся над землей на генераторах Маклина, срывая маскировочную сеть, которую ла Сиотат и ее команда днем раньше накинули на свой маленький корабль.

Такшип ла Сиотат, словно призрак, летел над самой землей.

— Вижу центр,— сказала она своему заместителю.

— Принято. На всех экранах одно и то же.

— Двигатели?

— Полная готовность, Ханнелора.

Теперь и ей предстояло ждать.

— Вставай, приятель! Император сделал ход!

Сознание Стэна никак не могло оторваться от невнятного, отвратительного кошмара, но Килгур не отставал.

— Какого черта...

— Заткнись!

Алекс бросил Стэну фототропический комбинезон, и Стэн принялся его натягивать. Огляделся по сторонам в поисках сапог.

— Нет времени, Стэн! Шевелись!

Килгур подтолкнул его в сторону двери, выходявшей в пустынный коридор, и Стэн, спотыкаясь, побежал вперед — кошмар все еще не отпускал, и он не понимал, насколько реально то, что с ним происходит. Однако грубый ковер обжигал ноги, а Алекс постоянно подталкивал в спину.

— В какую сторону...

— Если ты еще раз откроешь рот, я тебя пристукну!

Мощная дверь, которая вела на балкон, была закрыта на засов. Алекс врзался в нее на полном ходу, и она распахнулась. Раздался сигнал тревоги — пожарной или еще какой-нибудь, теперь это не имело значения.

Вечный император подобрался к входному люку катера. Вахтенный офицер вздрогнул, хотя и был предупрежден заранее.

— Поднимай корабль, — приказал император, одновременно нажимая на кнопку, закрывающую люк. — Передай условный сигнал!

— Есть, сир.

Офицер открыл замаскированную крышку и переключил рукоять совсем недавно смонтированного устройства... В тот же миг сработал механизм на «Нормандии», начался отсчет секунд. Одновременно прозвучал сигнал тревоги на «Дюрере» и кораблях сопровождения, которые находились на орбите Сейличи. Заработал генератор Маклина, маленький катер бесшумно поднялся в воздух.

На другой стороне посадочного поля часовой, стоявший возле «Нормандии», пришел в себя, и виллиган мгновенно оказался у него в руке. Что, черт возьми, здесь происходит? Подонок капрал опять его не предупредил...

Стэн даже не почувствовал дуновения предрассветного ветерка. Алекс включил коммуникатор.

— Забирайте нас!

— Слышу, — донесся спокойный, неторопливый женский голос, который Стэн узнал — или это ему только показалось? — Уже в пути.

— Значит, ты оказался прав, — окончательно проснулся Стэн.

— Да. Мерзавец убежал через заднюю дверь. В одиночку.

— О господи! Нужно предупредить манаби,— сказал Стэн, понимая, что это совершенно бесполезно.

— Что они могут...— Килгур сморщился и заморгал, когда из его коммуникатора послышался вой — мощный передатчик с борта «Нормандии» начал глушить сигналы на всех частотах.

На противоположной стороне долины они увидели крошечное солнце. Тактический корабль ла Сиотат мчался к ним навстречу.

Капитан имперского катера поставил свой корабль на хвост и включил драйв Юкавы на полную мощность. Суденышко понеслось прямо к звездам. Как только они поднялись над кратером, капитан перешел на стар-драйв, и катер исчез.

На борту «Нормандии» сработало еще одно реле.

Рев двигателей катера разбудил сэра Эку. В тот же миг он вернулся из другой вселенной, куда погружался во время сна,— мира, где нежно пели кристаллы, где мысли были разумными и прекрасными, где отсутствовала плоть, а горизонты были бесконечными.

Эку подлетел к прозрачной панели своего огромного номера, выходящего на гостевой центр, и успел заметить исчезающий в космическом пространстве имперский катер.

Эку почувствовал, как, словно огромные паруса, расправляются крылья его разума — это другая вселенная открывалась для него, звала к себе, перекинув бесконечный блистающий мост.

Ла Сиотат выключила коммуникатор, едва услышав гудение глушилки.

— Мадам, я потерял...

— Заткни пасть! — Ханнелора уже видела балкон.

Ла Сиотат бросила ревуший корабль в сторону гостевого центра, описала вокруг него дугу, как бы между прочим успела отключить генераторы Маклина, и теперь на полном ходу тактический корабль, кормой вперед, со скрежетом уперся в синтетический камень стены гостевого центра.

Боцман успела открыть люк как раз в тот момент, когда Стэн влетел в него — по воздуху. Алекс швырнул его с высоты пяти метров, увидев, что люк начинает открываться. Секунду спустя боцман оказалась на полу — Килгур приземлился прямо на нее. Женщина смогла лишь выдохнуть; она не сомневалась, что в ней не осталось ни одной целой косточки.

Килгур откатился в сторону, ничего не заметив, нажал на кнопку, закрывающую люк, крикнул:

— Валим отсюда!

Ла Сиотат включила драйв Юкавы, и тактический корабль взмыл в небеса. Она протянула руку к панели с надписью «СТАР-ДРАЙВ».

И тогда...

...сработало последнее реле.

Император выбрал «Нормандию» не только потому, что ему было жалко жертвовать «Дюером», но еще и потому, что на яхте были широкие коридоры и залы для банкетов.

Антиматерия-два заполнила огромные помещения. Теперь по приказу императора она взорвалась.

Вопрос остался без ответа: был ли сэр Эку мертв — в традиционном понимании этого слова — еще до взрыва, или он умер в тот момент, когда детонировали килотонны АМ-2, самого мощного взрывчатого вещества во Вселенной?

Когда бомба императора взорвалась, гостевой центр в течение наносекунд напоминал начавшееся извержение вулкана. А затем исчезла и сама долина. Взрыв распространялся быстрее, чем мог воспринимать глаз, захватывая и уничтожая собственные обломки. Возможно, половина манаби погибла именно в это мгновение, когда четверть планеты стала жертвой невиданного землетрясения.

Затем на борту «Дюера» пришел в действие распылитель планет: ракета размером с эсминец, точнее, двухступенчатая ракета, снабженная генератором стар-драйва в оболочке из империума-Х и несколькими тоннами АМ-2 в качестве боеголовки. Первая ступень попала прямо в то место, где находился гостевой центр, а вторая с включенными на полную мощь генераторами направилась прямо к ядру планеты.

Для полного уничтожения планеты было совсем не обязательно, чтобы вторая ступень пробила мантию, однако благодаря взрыву на «Нормандии» она практически добралась до ядра. Несколько секунд планета манаби была похожа на праздничный фонарик, громадные массы земли стали практически прозрачными, и любой желающий мог взглянуть на расплавленное ядро Сейличи. Оно начало распухать... расти... и взорвалось.

Сейличи закачалась, материки, океаны и атмосфера унеслись в космос, а потом планета рассыпалась, потекла магма, точно начинка конфетки в руках у ребенка.

В космосе потемнели экраны дисплеев, а потом включились резервные.

Вечный император спокойно смотрел на кипящую и пылающую Сейличи.

— Есть связь с «Дюером»?

— Да, сэр.

Император взял протянутый микрофон.

— Говорит император,— сказал он без всякого вступления.— После нашего старта удалось поймать какие-нибудь сигналы? Корабли поднимались в воздух с поверхности Сейличи?

— Минутку, сир... нет, сир. Одна короткая передача из самого центра, адресат неизвестен, ответа не было. Больше ничего.

Император отдал микрофон офицеру связи.

«Отлично,— подумал он.— Все кончено. Разумеется, придется кое-что подправить, но главная проблема решена».

Жаль, Стэн так и не узнал, что его восстание ничем не угрожало империи и самому вечному императору. Ему никто не опасен. И никогда не был опасен. С самого начала.

А когда было это начало?

Возможно... Возможно, на острове Мауи.

Тысячи лет назад. Когда время измерялось от момента рождения умершего бога.

Мауи...

Звон разбитого стекла...

Книга третья

Вариант дракона

Глава 21

Мауи, 2174 год нашей эры

Мальчишка перебежал по неровной доске на узкую палубу соседней баржи. Успел вовремя заметить обмазанный смолой трос, которым были связаны баржи, прыгнул, поскользнулся, подлетел вверх, оставив внизу грязные воды залива, где покачивались разнообразные суденышки, приземлился, чуть не упал, быстро обогнул кучу мусора, сложенную на носу какого-то катера, и прижался к палубе.

Ему вслед неслись громкие злобные крики. Шестеро парней. Старше, сильнее. Они сказали, что хотят только заглянуть в его старый солдатский рюкзак.

Не имело никакого значения, что они говорили. Мальчишка прекрасно понимал, что у парней на уме. Раньше он никогда не ходил этим путем; сейчас же прошел между старыми, вытасненными на берег кораблями, мимо полузатопленных лодок, траулеров, принадлежавших рыбакам, и яхт, владельцами которых наверняка были какие-то богачи пару веков назад. Проскользнул мимо крошечных плавучих домиков китайцев, не меняющихся тысячелетиями. Он упорно пробирался к каналу, потому что на противоположном берегу находился город Каханамоку.

Мальчик знал, что шестеро преследователей не станут его убивать, если найдут. Так ему, во всяком случае, казалось. Изобьют, конечно. Но его и раньше били и, наверное, будут бить еще не раз. Кроме того, обидчики не уйдут безнаказанными — синяки напомнят им о встрече с мальчишкой. Содержимое рюкзака заставляло его спастись бегством и готовиться к сражению.

Потому что парни обязательно отнимут рюкзак, а потом откроют. Коснутся своими грязными руками сокровищ, спрятанных внутри, станут над ними смеяться, разорвут и бросят в вонючую воду залива.

Три книги. Настоящие. Старьевщик сказал, что они ему не нужны. Одна толстая и две потоньше. Толстая книга была очень старой, с мелким шрифтом и называлась «Тысяча и одна ночь». Мальчишка не имел ни малейшего понятия, о чем эта книга, но он заглянул внутрь и понял, что сможет узнать о чудеснейших и увлекательнейших приключениях удивительных существ, попавших в самые невероятные места, а еще там были какие-то джинны и птица по имени Рок. Вторая книга тоже обещала поведать ему много интересных тайн и загадок — «Свобода от гравитации. Уравнения и первые эксперименты лорда Арчибалда Маклина». Возможно, прочитав эту книгу, он сможет понять, как так получается, что огромные наземные баржи, заполненные грузом, легко поднимаются в воздух, пролетают над грязными водами залива мимо заграждений туда, где стоят большие планетолеты. Третья книжка — «Дитя звезд. Воспитание ребенка в глубоком космосе». Голографическое изображение писательницы на обложке наводило на мысль, что она немного не в своем уме. Какая разница? Ей, по крайней мере, удалось убраться с этой планеты, а выглядела она немногим старше мальчишки.

Топот. Преследователи забрались на баржу. Желтые вспышки, фиолетовые. Нет. Леонг Сак было бы за него стыдно. В сознании промелькнула мысль, которой было гораздо больше лет, чем самому мальчишке: «Нет ничего страшного в том, что ты стыдишься своих поступков, — если ты остался жив, чтобы испытать это чувство».

Победный рев. Его заметили! К нему протянулась рука, чтобы вытащить наружу, навстречу кулаку или палке. Мальчишка выхватил из кучи мусора старую стеклянную вазу и разбил ее о какую-то опору, расположенную рядом. Посыпалось стекло, мальчишка подпрыгнул и рассек длинным осколком вазы, точно это был меч, лицо напавшего.

Кровь. Отчаянный крик. Еще крик — на этот раз он вырвался из горла самого мальчишки, когда он бросился на второго из преследовавших его парней. Снова с силой размахнулся, рассек врагу руку. Потекла кровь. А потом с криками и топотом пятеро помчались прочь, словно за ними гналось целое стадо морских чудовищ. Один остался лежать, скорчившись, на палубе, прикрывая руками то, что совсем недавно было лицом.

Мальчишка пришел в себя, метнулся в сторону и помчался по судну, не обращая внимания на возмущенные вопли и ругань матросов, которые чистили цепи и мыли палубу, перескочил через борт на маленькую лодочку — еще прыжок — и исчез. Он бежал до тех пор, пока не оказался на пароме, отправляющемся на противоположную сторону канала. Тяжело дыша, прижался к канату ограждения. Мальчишка все еще держал в руке разбитую вазу. Она была фиолетовой, желтой... и алой. В воду ее!

Мальчишка не хотел думать о том, что произошло. У него не было ощущения, что он одержал победу. Он не испытывал гордости. Но ведь три драгоценные книжки остались лежать в рюкзаке. Мальчишка решил, что понял нечто, о чем не имел ни малейшего представления раньше. Необходимо знать, какие опасности тебя могут подстерегать. И нужно иметь преимущество, о котором неизвестно другим. Может быть, оружие... или знание.

Он покачал головой. Потому что не представлял, куда могут завести подобные размышления, но твердо решил вернуться к ним позже. Сегодня он понял одну очень важную вещь.

Мальчишку звали Кеа Ричардс. Ему было восемь лет.

К двадцать первому веку Гавайи превратились в гниющие трущобы. Оставшиеся в живых местные жители обитали в резервациях, за содержание которых платило правительство. Флора и фауна погибли, если не считать нескольких ботанических садов и зоопарков. А население равнялось примерно двадцати миллионам человек. Как всегда, события в мире оказались жестоки к судьбе островов: китайцы вернулись к первобытному состоянию и отгородились от всего остального мира бамбуковым занавесом. Японию погубили анархия и землетрясения, религиозные войны превратили Индонезию в невежественное теократическое государство. Не улучшили положения и антиазиатские законы, изданные правительством Северной Америки в первые десятилетия века, еще до того, как оно было свергнуто и установилось единое правление Землей.

Из всех островов почти не пострадали только Оаку и Кауи, поскольку были самыми богатыми. Они меньше остальных отличались от прежних райских местечек этого региона, подобно тому как остров Манхэттен двадцатого века отличался от скалистого куска земли, который Питер Минуит купил в семнадцатом веке. Большой остров Гавайи не был ни сельскохозяйственным, ни промышленным районом, но его населяли бедняки, являвшиеся источником дешевой рабочей силы.

Центром Гавайских островов теперь стали Мауи-Моло-каи-Ланай-Кахоолаве-Молокини. В далеком прошлом это был один остров, и человек сейчас пытался снова соединить их все в единое целое, построив великое множество плавучих баррикад и дамб. И все из-за космоса. Гавайи были прекрасным перевалочным пунктом для планетолетов, направляющихся на терраформированные Марс и луны Юпитера и Сатурна. Или, гораздо реже, туда, где громадные суда собирали команды для путешествий к звездам длиной в целую жизнь. Именно на Гавайях производился запуск двух из пяти настоящих звездных кораблей, построенных на Земле и отправленных в долгие и баснословно дорогие исследовательские экспедиции.

На Мауи процветал самый разный бизнес — от баров и автомобильных лавок до контор по импорту и экспорту. Множество кораблей — маленькие прогулочные лодки и громадные плавучие рестораны, стоящие на якорях или сцепленные друг с другом тросом, — заполняли бухты. Острова окружали огромные понтонные ограждения Гамильтона, сделанные по тому же проекту, что и приливные дамбы на Темзе; требовалось всего несколько секунд, чтобы они превратились в волноломы в случае приближения урагана или цунами. Более мощные волнорезы окружали глубокие места — там раньше был канал Кеалаикахики, а теперь бросали якорь планетолеты.

Когда Кеа Ричардс родился, его семье принадлежало небольшое кафе на острове Бит, в городе Хило. Кеа смутно помнил о том, как его отец и бабушка рассказывали о старых добрых временах, когда они жили на материке. В их кафе подавали все; отец Кеа часто хвастался, что они могут приготовить любое блюдо, которое попросит посетитель, если только им сообщат рецепт и обеспечат ингредиенты. Он даже пару раз заключал пари, которые неизменно выигрывал, производя на свет блюда со странными названиями и весьма специфическим вкусом. Сам Кеа просто обожал, когда отец ставил на стул ящик, а на ящик своего крошечного сына и делал вид, что советуется с ним по поводу приготовления того или иного блюда. Кеа до сих пор помнил некоторые рецепты наизусть.

Он почти забыл мать, если не считать того, что она была очень красивой. А может, дело было в том, что Леонг Сак часто говорила об этом. Неодобрительно. Его мать была наполовину ирландка и наполовину тайка, вот почему у Кеа такие глаза, голубые, как зимнее небо, когда сильный ветер разгоняет грязные серые облака. Кеа был ее единственным ребенком, а больше она и не хотела. Мальчик так и не узнал, почему отец иногда пел одну странную песню — он забыл почти все слова, кроме: «Облади, Облада, жизнь продолжается...» А потом всегда устраивал ужасный скандал.

Когда мальчику было всего пять, мать исчезла. Отец организовал поиски, опасаясь самого худшего, сам не понимая, в чем оно, это самое худшее, может выражаться. Потом он нашел свою жену, точнее, узнал, что с ней произошло. Она добровольно отправилась в долгое путешествие к звездам. Старшие Ричардсы хмурились и опасливо пожимали плечами — реакция, которую Кеа смог понять только много лет спустя, прочитав отчеты о несчастьях, убийствах, безумии и прочих ужасах, случавшихся на огромных звездных кораблях еще до того, как прерывалась связь с Землей.

Кеа Ричардс немного поплакал. А потом ему объяснили, что все это не имеет никакого значения. Его мать будет чувствовать себя гораздо счастливее там, где она находится. А им хорошо здесь. Втроем. Два года спустя на остров налетел цунами.

Кеа карабкался на дерево, когда океан ушел.

Одна девочка сказала, что на этом дереве растет кокосовый орех, и Кеа было ужасно интересно посмотреть, как он выглядит. Загрязнение окружающей среды покончило с местными кокосовыми пальмами многие десятилетия назад. Кеа обвязал ноги веревкой, закрепил ее вокруг ствола и полез наверх. Как раз в этот момент он и посмотрел на море.

И открыл от изумления рот. Ему показалось, что огромная режущая приливная волна помчалась прочь от берега и исчезла в заливе Хило. Он в жизни ничего подобного не видел. Рыбы извивались и били хвостами на открывшемся илистом дне. Отступая, Атлантический океан прихватил с собой обломки лодки, которую переворачивало и подбрасывало, словно детскую игрушку. Вода уходила, как будто кто-то вытащил пробку из ванны.

Примерно в двух километрах от берега началось землетрясение — в результате три огромные волны направились в сторону Гавайских островов. Они были не такими уж большими, около полуметра высотой, но между гребнями волн лежали сотни километров. Приборы почувствовали приближение землетрясения и должны были подать сигнал тревоги, но в городе Хило в момент, когда начался цунами, было тихо. Огромные заграждения, защищавшие комплекс Мауи и порт планетолетов, сыграли свою роль. Вокруг Хило таких заграждений так и не собрались построить.

Кеа услышал крики. Увидел мечущихся людей. Некоторые из любопытства бежали на берег, посмотреть, что происходит, другие, наоборот, мчались в противоположную сторону. Где-то в конце улицы он заметил отца, который звал Кеа. Мальчик свистнул, и отец принялся размахивать руками. Кеа начал послушно спускаться вниз.

И тут он услышал рев. Море вернулось в Хило, как это уже происходило четыре раза за последний век. Океанское дно несколько замедлило приближение цунами, но теперь, когда волны добрались до мелководья, они начали набирать высоту.

Первая была не самой большой из тех, что мальчику доводилось видеть, — отец брал его с собой в Оаху и показывал северный берег во время зимней непогоды, когда громадные волны высотой около десяти метров с шумом обрушивались на землю. Эта волна была всего лишь пятиметровой, так говорили потом. Но она мчалась со скоростью почти восьмисот километров в час.

Волна сломала огромный волнорез, словно его там вовсе и не было, и понеслась вперед, бурля и пенясь, сметая все на своем пути. Она крушила большие здания и корабли, хижины и машины, вертолеты, людей. Крушила и использовала в качестве боевых дубинок. Передняя часть волны представляла собой прочную стену, состоящую из всевозможных обломков.

Кеа казалось, что он помнит, как отец попытался убежать, но волна подхватила его вместе с крошечным домиком и кафе. Впрочем, может быть, он и ошибся.

Мальчик пришел в себя через полтора дня в палате госпиталя для бедных. Его нашли рыбаки; он был все еще привязан к дереву, которое отнесло примерно на километр от берега. Тела его отца и бабушки так и не обнаружили.

Кеа не попал в приют. В госпиталь пришла пожилая женщина, Леонг Сак. И сказала директору, что когда-то работала на Ричардсов и они хорошо с ней общались. Кеа ее не помнил. Леонг Сак забрала его к себе домой.

На одной из узких улиц города Каханамоку у нее была небольшая лавочка, где продавались бакалейные товары, которые могли долго лежать. Жили они с Кеа над лавочкой. В первый день Сак сообщила Кеа правила, которые он должен выполнять: быть хорошим мальчиком, то есть помогать в лавке, когда в этом возникнет нужда, и не доставлять никаких хлопот. Она сказала, что слишком стара и не в состоянии воспитывать хулигана. Она сказала, что сама не знает, какое его ждет наказание, если он будет себя плохо вести. И еще — Кеа должен учиться. Потому что это единственная дорога, по которой можно выбраться из трущоб. Ей все равно, кем он станет, лишь бы не застрял на всю жизнь в Каханамоку.

Кеа серьезно кивал. Он знал, что она права. Океан уже отнял у него семью. Он чувствовал, что эта чудовищная водная стихия собирается покончить и с ним.

Кеа был воспитанным, послушным мальчиком и не доставлял хлопот Леонг Сак — разве что, когда дело дошло до школы. Примерно через две недели после начала занятий в местной средней школе он сказал ей, что не узнает там ничего нового. Леонг Сак скептически отнеслась к его словам. Мальчик доказал свою правоту, пересказав наизусть несколько глав из книги, которую его товарищи должны были изучить в течение следующей четверти.

Интересно, кого же можно нанять в качестве учителя, думала Леонг Сак. Кеа вскоре обнаружил подходящего кандидата.

Через три улицы от них находился переулок Святых Людей. Крошечные витрины и лавочки, и в каждой — шаман или священник, ищущий новых послушников. Кеа ворвался в дом, торопясь сообщить Леонг Сак о своем открытии. Храм Всеобщего Знания. Чуть больше остальных лачуг — с множеством микрофиш и книг. Там даже был старенький компьютер, который имел выход на университетскую библиотеку.

Леонг Сак обещала мальчику сходить в этот храм. И сдержала слово. Внутри пахло пылью и еще чем-то неприятным, так же как и от «священника» — лысеющего, подобострастного человека, который

сказал, что его зовут Томпкинс. Да, они его правильно поняли. Никто не может знать слишком много. Только когда человек узнает все, он достигнет абсолюта; нужно учиться всю жизнь и, если повезет, в течение всех будущих жизней тоже. Вот тогда-то и наступит переход. Он послушал, как Кеа читал вслух. Затем задал ему несколько вопросов — они озадачили бы выпускника средней школы... Томпкинс сиял. Да, он с удовольствием возьмет Кеа в ученики. Нужно платить... и он назвал удивительно низкую сумму. Леонг Сак увидела, как Томпкинс смотрит на мальчика, и попросила Кеа выйти из комнаты. Она сказала, что мальчика не следует приобщать к религии. Если Кеа сам захочет стать верующим... что ж, так тому и быть.

Тут нет никакой проблемы, постарался успокоить ее маленький человечек.

— И еще одно, — проговорила старая женщина.

Томпкинс вскрикнул, когда в сморщенной руке Леонг Сак сверкнула сталь и лезвие маленького изящного кинжала с перламутровой рукояткой коснулось его груди.

— Ты не посмеешь коснуться ребенка, — сказала она почти шепотом. — Даже думать об этом не станешь. Потому что иначе... горько пожалеешь, что твой друг, смерть, долго не может тебя отыскать.

Томпкинс содрогнулся. Кинжал исчез.

Была ли Леонг Сак права или нет, но маленький человечек всегда оставался прекрасным и корректным учителем для Кеа. Вероятно, если даже Томпкинс и имел какие-то дурные намерения относительно мальчика, они исчезли, когда он увидел, с какой легкостью ребенок впитывает все, что учитель ему рассказывает. Особенно силен Кеа был в математике. В инженерном деле. Физике. Однако его интерес всегда оставался практическим. Абстрактные теории его мало привлекали. Когда Кеа исполнилось двенадцать, Томпкинс спросил, почему он гораздо меньше интересуется — хотя и невероятно много читает — социальными науками.

Кеа серьезно посмотрел на Томпкинса, словно сомневался, стоит ли ему доверять.

— Точные науки — вот что поможет мне выбраться отсюда, мистер. Отсюда... и туда. — Он показал вверх.

Томпкинсу потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить: мальчик имел в виду звезды.

Ричардс учился и другим вещам: быстро, без колебаний принимать решения, уметь распознать фальшивую монету и избавиться от нее, не привлекая к своей особе излишнего внимания, говорить на четырех и понимать еще три других из более чем двенадцати языков, на которых говорили в его округе. Он вырос высоким, сильным и красивым юношей. Улыбка и голубые глаза помогли ему найти новых учителей, которые обучили Кеа иным наукам. Некоторые бы-

ли хихикающими девчонками его возраста, другие — немного постарше. А кое у кого даже были мужья. Он приобрел привычку сначала заглядывать за занавески в спальне, а уж потом снимать штаны; овладел искусством выпрыгивания с балкона второго этажа — не ломая себе при этом рук и ног.

Кеа научился, куда нужно бить противника, чтобы нанести ему наибольший урон, не поранившись самому. И что еще полезнее, когда бить, а когда этого делать не следует. Иногда одних кулаков не хватало. Требовалось некое преимущество. И этому он тоже научился быстро. В учителях недостатка не было. В городе Каханамоку полиция всегда разгуливала большими отрядами, а над головами у них — на всякий случай — постоянно дежурили гравитолеты.

Когда Кеа исполнилось четырнадцать, Томпкинс приготовил для него целую серию тестов. Юноша уверенно справился со всеми. Томпкинс не стал говорить Кеа, что это были за тесты, но Леонг Сак он рассказал, что мальчик выдержал стандартные вступительные экзамены в Космическую академию, расположенную на материке.

— Стоит ли ему туда отправляться? — поинтересовалась Леонг Сак.

Томпкинс покачал головой.

Даже если Кеа хотел отправиться в космос, такой путь не для него. Академия сделает из Ричардса военного, а Томпкинс считал, что Кеа способен на большее. Томпкинс не стал вдаваться в подробности.

Космический корабль был совсем крошечным — во всяком случае, по сравнению с тем, что Кеа видел на картинках с космическими лайнерами или планетолетами, похожими на разбросанные по воде за далеким барьером апельсины. На корабле не было никакой надписи, по которой можно было бы определить его назначение. Но Кеа знал, что «Дискавери» — космический корабль, один из пяти настоящих космических кораблей, остававшихся на Земле. Два других разобрали на металлолом; остальные крутились на орбите вокруг Марса.

Стар-драйв корабля был совсем простым, рассчитанным на дурака. Мигнешь — альфа Центавра. Скажешь слово — Луитен 726-Б. Целое предложение — эпсилон Инди. Выпьешь полчашечки кофе — созвездие Арктура. Главная проблема — топливо для такого двигателя. Корабль уже совершил два путешествия, и маловероятно, что ему суждено когда-нибудь отправиться в третье. Чтобы изготовить топливо для одного полета — уникальную синтетическую смесь, — требовались целых пять лет, мощный научный институт и ресурсы целой державы. Но даже и в этом случае удавалось синтезировать

горючее, которое позволяло двигателю работать только на половину мощности. Корабль опередил свое время, как танк Леонардо или аэроплан Лилиенталя.

Словно загипнотизированный, Кеа смотрел на стройные контуры корабля, размышляя о том, где он уже успел побывать и куда бы еще мог отправиться. Только когда спустились сумерки, Кеа ушел домой. Но он снова и снова приходил сюда.

Когда Кеа исполнилось шестнадцать, Томпкинс умер. После похорон юноша и Леонг Сак посмотрели друг на друга.

— Мы должны выяснить, — твердо сказала она, — была ли у него семья, и попытаться связаться с ней.

Они тщательно обыскивали разваливающийся дом и обнаружили документы, по которым можно было проследить историю жизни неудачника. Им так и не удалось найти ни одного человека, с которым бы Томпкинс дружил или которого любил — на Земле или на других планетах. Однако они отыскивали маленький древний сейф. Леонг Сак долго сомневалась и все-таки потом сказала Кеа, что, вероятно, им следует открыть его. Может, он знает того, кто сумеет справиться с этой задачей.

Кеа знал: он сам.

Мальчик на несколько лет старше как-то показал ему, что следует делать в таких случаях. Кеа повернул круг с цифрами и прижал ухо к дверце. Как и говорил тот мальчик, он услышал шелчки, а потом сейф легко открылся. Внутри лежало два конверта. В одном нашли почти две тысячи долларов в новых кредитках и завешание. Деньги предназначались Кеа. В другом — анкеты и точные инструкции, как их заполнить и кому послать. Пожилая женщина и мальчик стояли, потрясенные, в грязной, разваливающейся лачуге. Однако инструкции были абсолютно однозначными,

Кеа заполнил бумаги и отослал их человеку, живущему на континенте. Через неделю он получил толстое письмо, в котором говорилось, что ему необходимо связаться с одним человеком в Оаху. Кеа должен будет пройти испытания.

Он сделал все, как было предложено, и они стали ждать.

Когда прошло шесть недель, они решили, что вся эта история или шутка, или полное безумие, — и в этот самый момент Кеа получил ответное письмо. Оно было от директора приемной комиссии Калифорнийского института технологии из города Пасадены. Его приглашали приступить к занятиям осенью 2182 года нашей эры в качестве студента первого курса.

Кеа Ричардс победил. Он не будет жить до самой смерти в Каханамоку. Теперь он свободен.

Пасадена, 2183 год нашей эры

Кеа сидел на краю Миликан-Пот и ждал встречи с умными ребятами. До сих пор ему таковых не попадалось. Калифорнийский технологический институт разочаровал его, Кеа начал это понимать уже в начале второго курса. Первый год прошел как в тумане — огромные аудитории, дорогое оборудование, одиночество и работа. У Кеа практически не было возможности узнать мир, в котором он оказался. Перед Рождеством 2182 года умерла Леонг Сак, Кеа сообщили о ее смерти только после похорон.

Калифорнийский институт оказался такой же фальшивкой, как и любое религиозное заведение в переулке Святых Людей. Как и при любом высококлассном надувательстве, со стороны все выглядело просто замечательно. Здесь работало гораздо больше нобелевских лауреатов, чем в Хьюстоне или Луанде, но большинство из них читали один или два обзорных курса, а иногда возглавляли программы для горстки тщательно отобранных выпускников. Учебное заведение, насчитывающее более двадцати пяти тысяч студентов, приближалось к своему трехсотлетию и считалось вершиной современной архитектуры и воображения. Практически единственным строением, оставшимся от «прежних дней», — иными словами, с тех пор, как институт начал расползаться в разные стороны и поглотил не только колледж соседнего города, но и центр самого города, — был фонтан, возле которого сидел Кеа, а еще Керхоффхолл, выстроенный в испанском стиле. Здесь занимались профессиональной ориентацией первокурсников.

Учеба главным образом заключалась в зубрежке — механическом запоминании разнообразных сведений с последующим изрыганием их на очередных экзаменах. Оба теоретических курса, которые Кеа выбрал, казалось, проповедовали модификацию прошлых достижений, вместо того чтобы учить студентов самостоятельно мыслить.

Кеа был не настолько глуп, чтобы предполагать, что Калифорнийский институт будет безупречным учебным заведением и посвятит его в древние секреты. Но он надеялся познакомиться здесь с какими-нибудь неординарными мыслителями, учеными, способными шагнуть дальше давно известных всем истин, а не бессмысленно повторять ошибки прошлого. Возможно, великие ученые где-то и существовали, думал Кеа, просто он слишком молод и глуп, чтобы понять, кто они и где их следует искать. Да. А может быть, великим ученым все осточертело и они отправились преподавать на другие планеты, Ганимед или Марс. Однако, если это так, почему же в Калифорнийском технологическом учится так много выходцев с других планет?

Впрочем, сомнения Кеа никак не сказывались на его работе — он имел надежный средний балл 4,0 и в прошлом году в течение обоих семестров входил в почетный список Основателя. Полный порядок. Нужно только поддерживать на нужном уровне оценки, моральный дух и гениталии и улыбаться — верный путь добиться успеха. А это означало, грустно размышлял Кеа, что его почти наверняка затянет в сети один из суперзаводов, и когда-нибудь, если он будет вести себя хорошо, ему позволят поставить свое имя на «чрезвычайно элегантном» решении компьютерной задачи. Или — еще более потрясающая перспектива — какой-нибудь второстепенный процесс на каком-нибудь заводишке по производству синтетической дряни назовут в его честь. Возможно, даже наградят бесплатной двухнедельной поездкой на Никс-Олимпиаду. На один из маленьких пиков, конечно.

Кеа неожиданно ухмыльнулся. «Ты прав, приятель, — подумал он. — Не остается никакого выбора, кроме самоубийства. Ложись перед очередным поездом и жди, когда он, такой небесно-голубой, тебя переедет...» Кеа посмотрел на часы — в этом году стало модно носить на запястье устройство, показывающее время, — и сообразил, что если он еще немного тут посидит, то опоздает на работу. Он успевал только забросить чемоданчик в свою крошечную комнату, за которую платил немислимые деньги, и переодеться.

«Не думай обо всех этих глупостях. Ты никогда не станешь винтиком в чужой машине. Черт возьми, можно вернуться обратно на Мауи и начать все заново, стать гангстером... Или наняться на звездолет дальнего следования...»

Кеа вздрогнул и застегнул куртку. Ему вдруг стало холодно. Осеннее солнце совсем не грело.

Дешевая забегаловка, в которой работал Кеа, находилась в районе, пользующемся дурной репутацией. Кеа удалось обнаружить, когда он сорвал бесконечные слои обоев и краски, что миллионы лет назад заведение называлось «Веселое кафе». Теперь, похоже, забегаловка не имела никакого названия. Разрешение было выдано на имя владельца, здоровенного громилы по имени Буно; расплачивались тут только наличными.

Буно не верил никому, кто прилично выглядел, иными словами, не носил на лице шрамов, следов многочисленных драк, — то есть типам вроде Ричардса, не говоря уже о студентах Калифорнийского технологического, нуждающихся в подработке. Однако Кеа, который прекрасно помнил кулинарные рецепты отца, а в последние годы регулярно готовил для Леонг Сак и себя, настоял на своем. Кроме того, Буно решил, что будет весьма забавно понаблюдать за тем, как какой-нибудь козел захочет выставить мальчишку на посмешище. Кеа получил работу.

Теперь стойку бара украшала небольшая зазубрина, вокруг которой расплзлось темное пятно. А посетители оставили Ричардса в покое — многие были свидетелями того, как он, схватив здоровенный нож для рубки мяса и отрубив руку нападшему на него бандюге, не стал обращаться в полицию.

Кеа работал с 16.00 до не вполне определенного времени, когда забегаловка закрывалась, что означало: последний пьяница, спотыкаясь, выбирался на улицу, а других желающих подзаправиться не предвиделось. Обычно посетителей было совсем немного, и Кеа мог спокойно заниматься.

Только не этой ночью. Клиенты постоянно прибывали, причем среди них даже попадались трезвые. Около девяти завалилась компания из дюжины почти невменяемых пьянчуг. Да уж, сегодня будет явно не до занятий. А потом прибыл Остин Баргета. Кеа, который заканчивал готовить большой бутерброд с яичницей и беконом для одного из пьяниц, не заметил, как Остин вошел. Однако сразу узнал характерный голос, когда тот громко попросил меню.

Кеа несколько раз встречался с Остином раньше — они вместе страдали на курсе общей теории частиц и ее приложении к драйву Юкавы. Баргеты были чрезвычайно богаты. Семейное состояние зародилось четыре поколения назад, когда блестящий изобретатель заработал триллионы, построив, среди прочего, первый портативный астрографический прибор. Потом он женился на дочери одного из самых почитаемых японских банкиров-якудза — так и была основана династия. Теперь семья владела огромным капиталом, большая часть которого была вложена в холдинговые компании, межпланетное строительство и транспорт. Каждое новое поколение Баргета стояло перед выбором — ребенок мог превратиться либо в главу семьи, либо жить на проценты с капитала. Глава семьи должен был доказать свою жизнеспособность, управляя строительно-транспортным отделением компании, где риск потерпеть неудачу был чрезвычайно велик, в то время как профессиональные банкиры, остававшиеся за сценой, управляли громадной финансовой империей. Стать избранником означало получить в свое распоряжение невероятное богатство и власть.

Остин Баргета должен был унаследовать бразды правления компаний, так, во всяком случае, слышал Кеа. Однако злые языки утверждали, что только имя позволяет молодому отпрыску влиятельного семейства удерживаться на плаву.

— Остин.

Баргете потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, кто такой Ричардс. Он совсем не был снобом, просто уже успел набраться ничуть не меньше тех пьяниц, что зашли в бар перед ним.

— А, это ты, Ричардс... Мы с тобой, кажется, встречались в институте. Что ты делаешь здесь?

— Кое-кому, — ответил Кеа, — приходится работать. Ты, наверное, слышал про такое слово «работа»? Некоторые люди этим занимаются. За деньги.

— А-а. Да-да. Извини. Я ничего такого... Я не хотел ничего такого сказать... Пил тут вино, ну, ты понимаешь.

— Угу. Остин, тебе бы нужно что-нибудь съесть. И вообще это не слишком подходящее для тебя место.

— Почему? — Баргета посмотрел по сторонам, но ничего, от закопченного потолка до надписей на стенах, казалось, не задержалось в его сознании. — Вполне... все натуральное.

— Это уж точно. Ладно. — Кеа пожал плечами. Нужно накормить парнишку — именно так Кеа мысленно называл Баргету, хотя тот был на год его старше, — и выставить отсюда. — Хочешь что-нибудь поесть?

Баргета постарался сосредоточиться на меню. Он все еще изучал его, когда один из пьяниц закричал:

— Эй, козлина, если ты закончил нашептывать своей сучке на ушко, я бы заказал себе чего-нибудь пожарь.

Кеа не стал обращать внимания на эти глупости. Но Баргета не привык к подобному обращению. Он так и взвился, покраснел... «Ну прямо как в кино, — подумал Кеа, — только этого мне не хватало».

— Я так понимаю, — сказал Баргета, стараясь четко выговаривать слова, — что твою мать зовут грязная задница, или я ошибаюсь?

Пьянчуга начал накатывать на Баргету. Только тут Кеа заметил, что пьяница — самоанец. Немногие другие жители Пасадены в любом измерении составляли два метра. Кроме того, Кеа знал, что культура самоанцев строится на почитании матери, так что очень скоро Баргета окажется под паровым катком. Богатый дурачок встал в нечто напоминающее боевую стойку, когда увидел, как приближается самоанец.

Кеа схватил здоровенную стопку монет, завернутых в бумагу, из кассы. Баргета двинул самоанца в челюсть. Тот крикнул, но больше никак не отреагировал на нападение. А потом размахнулся, попав Остину в плечо, отчего юнец отлетел назад и рухнул на стойку бара. Кеа незаметно сунул Баргете в руку сверток с монетами. Пальцы Остина сжались, передали в мозг информацию о том, что лежит в кулаке, и он метнулся вперед, забыв обо всем, чему его учили на занятиях по самообороне. Затем он со всей силы ударил.

Самоанец даже не стал отклоняться. Остин снова попал ему в челюсть, и Ричардс услышал хруст ломающихся костей. Самоанец взвыл от боли, хлынула кровь, и он сполз на пол. Его челюсть повисла под каким-то странным углом. Приятели поверженного громилы вскочили на ноги — а Кеа достал свой мясницкий нож и нажал кнопку вызова полиции еще до того, как те успели что-нибудь

предпринять. В такой ситуации вызов полиции в порядке вещей — в компании не было ни одного местного парня.

К тому времени, как прибыл наряд полиции, Кеа успел незаметно вытащить сверток с монетами из кулака Остина и засунуть его обратно в кассу. Полицейские упрятали самоанца с разбитой мордой в свой фургон и приказали его приятелям выметаться. А затем обратили внимание на Остина. Кеа снова под влиянием импульса сказал, что позаботится о нем, вызвал такси, проверил, хватит ли Остину денег, чтобы заплатить за дорогу до дома, и принялся закрывать заведение. Ему в голову пришла неожиданная мысль, что он никогда не станет настоящим интриганом.

Три дня спустя во время лекции по тоскливой теории частиц Кеа просматривал результаты особенно трудного теста, который они писали на прошлом занятии. Курс был невероятно скучным, зато преподаватель отличался строгостью. Второй результат.

Совсем неплохо, подумал Кеа. Он мог бы сделать задание лучше, но перед контрольной отправился к одной из официанток домой, она хотела показать ему новую квартиру и все остальное, что могло его заинтересовать, так что наутро у него немного болела голова.

Неожиданно Кеа услышал сердитый голос Остина:

— Вот проклятье! А ведь я готовился к этой мути!

Кеа нашел в списке имя Баргеты. В самом низу. Как обычно. Он повернулся и увидел, что Баргета смотрит на него. Рядом никого не было.

— Знаешь,— произнес Остин, понизив голос,— а ведь я был не настолько пьян. И никогда ничего не забываю. Похоже, ты помешал им размазать меня по одной из стенок вашего заведения.

Кеа ухмыльнулся — Баргета, если не обращать внимания на голос и манеры, был довольно симпатичным.

— На самом деле тебе ничего не угрожало. Тип вроде тебя... ты мог с легкостью его отделать. Или в самый нужный момент молния пробила бы крышу и спасла твою задницу, когда Вишну решил бы, что пора вмешаться.

— Он был такой большой?

— Еще больше.

— Я уже сказал,— рассмеялся Остин,— что стал твоим должником. Когда — точнее, если — это занятие закончится, позволь мне купить тебе стаканчик спиртного. Я вовсе не страдаю тем пороком, в котором меня обвинял тот мерзавец. Если только,— произнес он с деланой тревогой, которая неожиданно превратилась в настоящую, когда он подумал, что, сам того не желая, опять обидел Кеа,— если только ты не голубой? Я ничего не имею против, но если ты... ну, знаешь... не любишь женщин...

Кеа покачал головой.

— Да нет, я нормальный мужик с красной кровью.

— Отлично. Просто замечательно. Слушай, может, о чем-нибудь другом поговорим? Например, о проблемах, которые у меня возникли. Поможешь мне?

После нескольких кружек пива Остин сформулировал свое предложение. Без особого смущения он признался, что не является сверкающей звездой Калифорнийского технологического института. Оценка в 1,5 балла не даст ему возможности продолжать спокойно здесь учиться, а это может вызвать серьезное неудовольствие некоторых людей. Этими людьми — тут у Кеа не возникало никаких сомнений — были те, кто принимал решения в семье Баргета. Остин хотел нанять Кеа в качестве репетитора.

Ричардс собрался было отказаться, но потом задумался: «Давай. У тебя появляется возможность получить преимущество, как тогда, с разбитой вазой, или как в тот момент, когда ты успел протянуть стопку монет Остину».

Кеа согласился.

Баргета оказался толковым учеником, так что занятия с ним были не очень обременительными. Конечно, вскоре Кеа вынужден был признать: знания, которые ему удавалось вложить в голову Остина, уже через неделю благополучно ее покидали. Но что из того? Ни один из здешних профессоров не был заинтересован в том, чтобы студенты сделали больше простого повторения курса. К тому же не вызывало сомнений, что Остину никогда не пригодятся знания, которыми он должен был здесь овладеть.

В этот момент Кеа вдруг заинтересовало, до какого уровня он сможет довести Баргету. Если допустить, что он готов воспользоваться всеми средствами — именно так Кеа поступал в детстве, когда мечтал выбраться из Каханамоку. Оказалось, что можно выйти на весьма высокий уровень — Ричардс обнаружил, что в политехническом имеется собственная мафия, точно такая же, как и на Мауи. Содержание экзаменов можно было узнать заранее — за деньги. Ассистентов профессоров можно было уговорить написать за тебя научный доклад. Или они указывали, к кому из других студентов следует обратиться с этим вопросом. В некоторых случаях удавалось даже просто повысить оценку. К концу семестра Остин вышел на вполне приличный уровень по всем курсам 2,5 — 3,0, а в одной солидной лаборатории сумел даже добиться удивительного результата — 3,5.

— И все это, — поражался Остин, — благодаря тому, что ты показал мне, как сосредоточиться на главном.

Остин спросил Кеа, не хочет ли тот начиная со следующего семестра жить вместе с ним. Ричардс сразу ухватился за это предложение. Они не будут мешать друг другу — у Баргеты был настоящий дом, который находился чуть в стороне от институтского кампуса.

Шесть спален. Горничная, кухарка и еще какие-то слуги, которые заботились о мелочах.

Остин начал приглашать нового друга на встречи с другими своими приятелями. Первое время высокий и красивый Кеа со странным и колоритным прошлым вызывал немалый интерес в кругу Баргеты. Все быстро решили, что рано или поздно это увлечение пройдет — Остин часто менял лучших друзей, как, впрочем, и подруг. Но с Кеа все было иначе. Довольно быстро он стал постоянным членом компании.

Кеа внимательно изучал богатых молодых людей и их манеры. И многое от них перенял.

Поначалу ему было очень интересно. Оказалось, что правила поведения в обществе во многом походят на законы жизни мафии на Мауи. И наказание за ошибку, даже если оно не бывало фатальным, получалось столь же впечатляющим. Иногда Кеа чудилось, что он видит Остина Баргету таким, каким он был на самом деле, — недалекий, обаятельный манипулятор, который на самом деле играет с Кеа, как с марионеткой. А еще он видел семью Баргета, хотя и был знаком всего с одним ее представителем, как часть огромного заговора, целью которого было поддержание существующего положения вещей и мешающего человечеству познать собственную судьбу.

Естественно, тут же возникал вопрос: о какой судьбе идет речь? Кеа не знал ответа, только чувствовал, что человечество боится устремиться к некой великой цели, которая сияет среди звезд, там, где можно встретиться с другими разумными существами, такими же, как люди, или много мудрее.

Космическим путешествиям было вот уже около двух веков, а что удалось узнать? Изучена Солнечная система и создано несколько миров, где могут жить люди. Около пятидесяти космических кораблей отправились в далекие, неизведанные миры, и те из них, кому удалось передать на Землю сообщения, рассказали, что впереди их ждет пустота, а команда обречена на ужас и безумие. Несколько невероятно дорогих звездных кораблей устремились к дальним созвездиям. Человечество вошло в контакт с одной внеземной цивилизацией. И все.

Занятия Остина и Кеа проходили спокойно, без каких бы то ни было проблем. Баргета закончил университет. Без особых наград — ни обман, ни взятки не смогли бы принести ему этого, — но его имя находилось в первой трети выпуска. Кеа был первым на своем курсе. Он знал, что на будущий год станет лучшим выпускником университета, а это даст ему возможность найти подходящую работу. Может быть, в какой-нибудь кораблестроительной компании Баргета. Или где-нибудь еще. А потом — через три или четыре года — Кеа отправится в космос. Перспективы что надо.

Во время долгого праздничного уик-энда, после того как Баргета получил свой диплом и преподнес Кеа сюрприз, будущее казалось ему просто ослепительным.

Остин чувствовал себя должником Кеа и хотел, чтобы об этом знали все, особенно члены семьи. Он предложил Кеа провести вместе лето — по крайней мере его часть, поскольку эти каникулы окажутся в два раза длиннее, чем предполагал Кеа. Ричардсу придется внести некоторые изменения в свои планы, потому что он не сможет приступить к занятиям раньше чем в первом семестре нового учебного года.

Остин радостно улыбался, глядя, как хмурится Кеа, обдумывая предложение. А затем Баргета выложил карты на стол. Кеа вернется к занятиям позже потому, что в сентябре он все еще будет находиться на вилле семьи Баргета, той, что называется Ярмут. Возле Впадины Офир, ставшей теперь пресноводным океаном.

На Марсе.

Глядя на сияющего Остина, Кеа чувствовал себя так, как первые космонавты в невесомости. Университет может подождать, карьера тоже. Космос. Это начало конца.

Марс, 2184 год нашей эры

Ее звали Тамара. Семнадцать лет. Высокая, темноволосая. Стройное изящное тело. Дерзкая, почти вызывающая грудь. Глаза, которые сразу сказали Кеа, что нет ничего невозможного — если у него достанет смелости не останавливаться на полпути. Сестра Остина.

Тамара совсем не походила на брата. Она была само совершенство. Возможно, сообразил немного погодя Кеа, то, чего недодали Тамаре боги, сделали лучшие пластические хирурги. На это ему было наплевать. Только опьянение от множества других вещей не позволило Кеа сразу обратить внимание на Тамару.

Он начал наслаждаться происходящим с того самого момента, как корабль стартовал. Путешествие на Марс было доступно лишь очень богатым людям — оно стоило, наверное, столько же, сколько в прежние времена пересечь океан на роскошном лайнере. Каюта, которую Кеа делил с Остином и каким-то другим представителем семьи Баргета, была самой большой на корабле: четыре на семь метров. Остин заявил, что ненавидит космические путешествия — он чувствует себя пойманным в ловушку в таком маленьком помещении.

Кеа этого даже не заметил. С одной стороны, каюта была даже немного больше той тесной квартирki, в которой он жил вместе с Леонг Сак, а с другой — здесь имелся «иллюминатор». На самом деле это был видеозэкран, на который передавалось изображение окружающего космического пространства.

Марс в иллюминаторе постепенно становился все больше. По мере того как корабль приближался к планете бога войны, Кеа смог рассмотреть все больше деталей. Знаменитые кратеры, океаны и горы. Однако больше всего Кеа привлекали творения людей. Не просто дымка искусственной атмосферы Марса, его моря и озера, мигающие огни городов, но удивительные конструкции космических станций, которые так и остались на орбите, — монументальные памятники человеческому гению. Первая космическая база на Деймосе. Одно из огромных зеркал, зависшее на геосинхронной орбите над Северным полюсом, которое помогло растопить полярные шапки планеты.

Кеа понимал, что эти сооружения вовсе не памятники. Теперь это всего лишь огромные скопления металлолома. Он получил разрешение приходить на капитанский мостик, научился пользоваться ручными телескопами и часами изучал мчавшиеся по своим орбитам обломки. Кеа и сам не понимал, почему его так привлекает это удивительное зрелище. Он смотрел на погибшие корабли, которые узнавал, потому что читал про них в книгах, видел в музеях и в игрушечных магазинах, где миниатюрные модели стоили баснословно дорого, — Кеа, конечно же, никогда не мог иметь такую игрушку. Лайнер для полетов в глубокий космос, тот, что не достроили и не отправили в путешествие по галактикам. Разрушенная космическая станция — Кеа помнил, что читал про трагедию, случившуюся около ста лет назад.

А где-то сбоку, сам по себе, болтался крошечный звездный корабль. Второй из тех, что он видел. Кеа удивляло, что только он представлял себе эти корабли как некую смесь триумфа и поражения. Надежды и трагедии. Не было гвоздя... проклятье, не было источника энергии...

Кеа вернулся в каюту и стал готовиться к посадке. Их встречал Баргета-старший, отец Остина. Кеа его побаивался. Испытывал бы он те же самые чувства к этому человеку, если бы не знал, какая власть сосредоточена в его руках, — оставалось только гадать. На него смотрело лицо Баргеты. Жесткие, оценивающие глаза. Тонкие губы. Солдафон. И в то же время лицо сибарита и тело человека, который сохраняет хорошую физическую форму только благодаря усилиям высокооплачиваемых тренеров и массажистов. Такое лицо будет и у Остина, если он займет место отца примерно лет через сорок.

Мистер Баргета держался очень дружелюбно. Он был благодарен человеку, который помог его мальчику достойно выбраться из мутного болота высшего образования. Сказал, что Остин часто упоминал Ричардса в своих письмах. Кеа понимал: мистер Баргета говорит неправду — Остин не поддерживал связи со своей семьей, разве что временами просил выслать ему денег в счет содержания, полагающегося ему за следующий семестр. Отец Остина сказал, что,

прежде чем Кеа вернется на Землю, он хотел бы с ним переговорить. О будущем. О будущем Кеа.

Кеа чувствовал себя так, словно попал в фильм про мафию двадцатого века и вот-вот должен стать членом преступного клана. Возможно, думал он, эта мысль не такая уж глупая.

На вилле жили десять или пятнадцать представителей семьи — включая двоюродных братьев и сестер, их жен и мужей. И слуги. Кеа спросил, и ему ответили, что каждому «гостю» необходимо тридцать мужчин или женщин для обслуживания. В «особых случаях» даже больше. Кеа в очередной раз дали понять, что очень богатые люди совсем не похожи на обыкновенных.

Вилла Баргета располагалась всего в ста метрах от почти вертикальной скалы, спускавшейся к морю, которое раньше было Впадиной Офир. Прежде на этой территории находился один из первых «пузырей»; он был куплен Баргетами и превращен в базу отдыха, после того как с купола сняли ненужный больше пластик. На территории располагались главные здания и небольшие коттеджи. Залы, где можно было выпить и поиграть в теннис, — даже на Кеа произвело впечатление, что может вытворять мяч в мире с небольшой силой притяжения. Лужайки. Бассейны с подогретой водой. На самом краю скалы совсем недавно построили небольшой домик. От него круглая, прозрачная шахта лифта с генератором Маклина уходила вниз, к плавучему доку в бушующем океане.

Именно там в сознании Кеа всплыла Тамара. В прямом смысле этого слова. Он раздумывал о парусах и оснастке тримарана, стоящего в доке. На Земле Кеа несколько раз плывал на парусных лодках, но только на самых простых. Его занимала мысль о том, что будет, если резко поменять направление движения — может, судно начнет вращаться на месте, и окажется, что ты имеешь дело с самым обычным катамараном... или произойдет еще что-нибудь, гораздо более серьезное? Как раз в этот момент Тамара выскользнула из воды прямо на палубу.

Сначала Кеа решил, что на ней ничего нет, и только потом сообразил: ее купальник того же цвета, что и темная от загара кожа. После того как Кеа немного оправился от неожиданности, он удивился, что девушка не дрожит от холода.

Сам Кеа был одет в довольно теплый комбинезон, который защищал его от пронизывающего ветра и брызг. Но тут он заметил на купальнике крошечный обогревательный приборчик. Тамара молча подошла к нему. Внимательно посмотрела на юношу. Кеа слегка отодвинулся в сторону — комбинезон был немного узковат, и ему не хотелось выглядеть смешным.

— Так ты и есть святой Георгий Остина? — промурлыкала Тамара.

— Именно. Визитная карточка осталась в других доспехах. Спа-
саю драконов, убиваю целомудренных девушек — это моя специ-
альность.

Тамара рассмеялась.

— На Марсе драконов нет. Так что можешь расслабиться. — Она
представилась ему и уселась рядом, касаясь его плеча своим. — На-
ша семья у тебя в долгу за то, что ты помог моему братцу.

— По моим представлениям, — пожал плечами Кеа, — вовсе нет.
Счет ноль — ноль.

— Может быть. Ты проведешь здесь все лето?

— Да. У меня обратный билет с открытой датой. Но Остин ска-
зал, что лучше всего лететь на... как он называется... «Коперник»?
Планетолет уходит... вот проклятье, никак не могу разобраться со
здешними месяцами... По земному времени в первую неделю сен-
тября. — Кеа смутился и пробормотал что-то невнятное.

— Долго, — проговорила Тамара. — Нужно позаботиться, чтобы
ты тут не скучал. Правда?

— Я не думаю, что... разве можно соскучиться на Марсе?

— Это не тот вид скуки, — решительно заявила Тамара, — кото-
рый я имела в виду. — Она провела ногтями по руке Кеа. Прикосно-
вание было обжигающим. Затем Тамара поднялась на ноги. — Знаешь,
на Марсе совершенно потрясающие восходы. Самый лучший вид
открывается из домика на вершине скалы. Он далеко от всех осталь-
ных вилл, и до него не доходит свет. — Тамара подошла к краю три-
марана. — Далеко... и никто не мешает. О чем еще можно мечтать?

Она улыбнулась, словно тайному воспоминанию или какой-то
мысли, а потом бросилась в бурлящую, насыщенную углекислым
газом воду.

В коттедже было четыре спальни в полной боевой готовности.
Обслуживали домик четыре человека с совершенно ничего не выра-
жающими лицами. Они спросили Кеа, какие у него будут пожела-
ния. Показали, где находятся охлажденные напитки и еда. Сообщи-
ли, что ему стоит только нажать кнопку коммуникатора, и через не-
сколько секунд кто-нибудь из них появится. А потом исчезли.

Главная комната в домике была круглой, со стеклянными стена-
ми, которые становились матовыми, если прикоснуться к выключате-
лю на одной из них. В стоящем посередине закрытом камине с настоя-
щими поленьями начинало полыхать пламя, стоило лишь поднести
к ним спичку, а возле камина полукругом располагалась громадная
тахта. Камин? На Марсе? Вряд ли, учитывая законы о загрязнении
окружающей среды и необходимость получить сотни самых разно-
образных разрешений, чтобы сделать что-нибудь с одним-единст-
венным деревом. Естественно, камин и поленья ненастоящие, со-

образил Кеа. Через несколько минут он сумел подключить камин так, что «горящие» поленья отбрасывали мечущиеся тени на стены.

А еще здесь была Тамара. В широких ярко-зеленых брюках и такой же блузке без рукавов. Брюки были скроены таким необычным образом, что заканчивались возле груди.

Тамара взяла два бокала, в которые налила что-то из обернутой салфеткой бутылки, стоявшей в небольшом ведерке рядом.

— За... за сегодняшний вечер, — сказала она.

Они выпили. И снова наполнили бокалы, а потом отправились на тахту. Они разговаривали. Кеа потом не мог вспомнить о чем. Но он рассказал ей о своей жизни — Тамара зачарованно слушала, сидя очень близко... Кеа понял, что ему не хватает слов.

Тамара поставила свой бокал. Как-то так получилось, что они выпили всю бутылку искрящегося вина. Она протянула руку и дотронулась пальцами до губ Кеа.

— Мягкие, — пробормотала она.

Наклонилась, пробежала языком по его губам. Кеа попытался ее поцеловать, но она отодвинулась. Встала, немного отошла, покачивая бедрами. Похоже, на блузке где-то была скрытая застежка, потому что Тамара неожиданно легким движением швырнула ее через плечо. Затем повернулась и посмотрела на Кеа. Очень серьезно.

Потом коснулась пояса брюк, и они превратились в шелковое облако у ног. Тамара просто переступила через них. Потянулась с удовольствием. Кеа только смотрел на нее; он был не в силах ни говорить, ни шевелиться. Тамара медленно направилась в темную комнату. Оглянулась на Кеа и улыбнулась, а потом скрылась в спальне. Вспыхнул огонек искусственной свечи.

Кеа был свободен. Он мог последовать за ней.

— Нет, — сказала Тамара. — На этот раз... на этот раз ты будешь только смотреть. — Она взяла длинный шарф и принялась завязывать на нем узлы. — Потом... следующий раз... будет твоим.

Марс превратился в тень, погрузился в туман. Центром Вселенной стало тело Тамары. Круговорот движений, экстаза, сладкой муки наполнил ночи. Днем они гуляли, занимались любовью... где угодно — везде. Страсть Тамары, казалось, разгоралась тем больше, чем больше возникала опасность быть замеченными. Особенно кем-нибудь из членов семьи. И не то чтобы Кеа попал в ее объятия, будучи невинным младенцем. Она тоже у него училась. Ей хотелось новизны. Поэтому, правда без особого желания, Кеа показал ей несколько приемов, о которых слышал или к которым прибегал еще на Мауи.

Тамара оказалась способной ученицей и часто делала то, чему ее научил Кеа. И многое другое из того, что успела узнать раньше. Она просто обожала заниматься любовью долго, каким-нибудь экзотическим способом и, часто достигая оргазма, испытывала молниенос-

ную вспышку боли-удовольствия. Кеа чувствовал себя куском дерева, которое удерживается... еле удерживается на самом краю водоворота, но в конце концов его все равно затягивает в самое сердце стихии.

Он влюбился в Тамару. А это могло означать только одно — несчастье. Трагедия. Крах. И тем не менее это был факт жизни. Что хуже всего — а может быть, лучше — Тамара была так же околдована, так же страстно увлечена Кеа. Он даже позволил себе предаться мечтам о будущем — совсем не таком, каким он представлял его до сих пор. О будущем для двоих.

Кеа был поражен. Тамара с готовностью исполняла любое его желание. Словно он был здесь господином, а не... Он не хотел додумывать эту мысль до конца. Однажды они отправились в доки Капен-Сити. Кеа с восторгом смотрел на разные суда. Здесь планетолеты стояли в больших наземных «колыбелях», а не бросали якоря в воду — Кеа мог даже пройти под ними и увидеть, какие они огромные. Тамару сами корабли совсем не интересовали, потому что большая часть из них принадлежала ее семье. Ее привлекало мелькание красок, грязь, неизвестная угроза. Она часто повторяла, что чувствует себя с ним в полной безопасности.

Что-то беспокоило Кеа. Почему команды космических кораблей одеты так неряшливо — совсем иначе, чем показывают в фильмах, посвященных путешествиям к звездам? Почему так много объявлений о вакансиях висит на стене агентства по найму? И почему они такие старые, точно их повесили давным-давно, но так и не нашлось людей, потерявших надежду и готовых отправиться в далекий путь?

Тамара и Ричардс зашли в небольшую забегаловку, которая гордо называлась «кафе». Народу было ужасно много. Они пили какую-то отвратительно приторную мерзость, которую заказала Тамара, и Кеа пытался найти ответы на свои вопросы. Если не считать наземных служащих, все, кого они до сих пор здесь видели, были космонавтами — мужчины и женщины. Безвоздушное пространство и все такое... Почему же тогда они говорят только о выпивке, наркотиках и о том, как набили вчера кому-то морду (иногда рассказывали о том, как набили морду им)? Или о том, какие ужасные условия жизни на том корабле, где они вынуждены служить, потому что подписали контракт. Язык, на котором они разговаривали, не отличался особыми изысками, и в нем никогда нельзя было услышать хоть что-нибудь, отдаленно напоминающее научные термины. Речь бедняков, постоянно пьяных и потерявших надежду. Почему у пионеров космоса такие тусклые, мертвые глаза?

Здесь Кеа впервые узнал про Барьер Тридцать Три — так называлось что-то вроде ворот в ад. Он спросил. Ему ответили, что это

стандартное разделение между местом для команды и оборудования и пассажирами и грузом. Что-то тут не то. Но Кеа никак не мог понять, что именно. Он осушил свой стакан и взял Тамару за руку. Она завороченно смотрела на женщину, покрытую татуировкой — по крайней мере, в тех местах, что выглядывали из ее промасленного комбинезона. Казалось, женщина тоже заинтересовалась Тамарой.

Тамара нахмурилась, когда Кеа сказал, что хочет уйти, но ничего не ответила. Только улыбнулась женщине с татуировкой — Кеа знал эту улыбку: Тамара улыбалась так только в очень интимные моменты. А потом они вышли из бара. Ночью Кеа спал один, он не хотел портить Тамаре настроение своими мрачными размышлениями над тем, что он видел и никак не мог понять. На следующий день девушка весело рассмеялась, когда Кеа попытался извиниться за свое поведение. Она уезжала в Капен-Сити — навестить «старых друзей».

Конец наступил при ослепительно ярком солнце на палубе тримарана, там, где все началось, примерно одну земную неделю спустя. Кеа все утро готовился к предстоящему разговору. Подбирал слова. Ну вот, все в порядке — он чувствовал себя так, словно ему предстоял трудный экзамен.

Тамара молча слушала его сбивчивую речь, которая, постепенно набирая силу, стала более уверенной. А потом он замолчал. И стал ждать ответа.

Тамара захихикала, потом весело расхохоталась.

— Кеа, — сказала она, немного успокоившись, — я хочу понять... Ты сказал, что считаешь, будто мы с тобой должны быть вместе? Когда закончится это лето? И на Земле тоже?

Кеа, у которого возникло такое ощущение, как если бы он вошел в гравитолет, а питание вдруг отключилось, только молча кивнул.

— Жить вместе? Или... ты имеешь в виду — по соглашению? Кеа, милый, ты похож на старомодного дурачка, рассуждающего о женитьбе. Ах! Это же восхитительно! Ты? И я? Ой-ой-ой! — Она снова рассмеялась.

Кеа встал, ничего не чувствуя, прошел к лифту и поднялся наверх.

Немного позже он сообразил, что находится на главной вилле. Он ничего не ел и не заходил в свою комнату. Из всех сил старался не попадаться никому на глаза, в особенности Баргетам. Пару раз слуги спрашивали, не нужно ли ему чего-нибудь. Кеа только качал головой. Увидел в глазах одной из женщин сочувствие; она даже собралась было что-то сказать, но только погладила его по руке. А потом испуганно умчалась прочь.

Кеа не знал, что станет делать дальше. Разве он сможет не попасться Тамаре на глаза до конца лета, всего за несколько секунд превратившегося из рая в чистилище? Нельзя и просто взять и убраться отсюда. Остин оставался его другом. Ему нужно было только отыскать какое-нибудь местечко, куда он мог бы заползти и зализать раны, нанесенные Тамарой.

Услышал смех. Остин.

— О господи! Господи! — проговорил тот. — Он что, серьезно?

— Если нет, значит, он самый ловкий притвора на Марсе. — Тамара.

— Наверное, этого следовало ожидать, — задумчиво произнес другой голос.

Баргета-старший.

— Прости, отец, — сказала Тамара. — Но я думала...

— Не стоит извиняться, — перебил Тамару отец. — Меня абсолютно не беспокоит то, что эта деревенщина показалась тебе привлекательной. Как, впрочем, и то, каким способом ты удовлетворяешь свои потребности. Я не лицемер и не собираюсь требовать, чтобы моя дочь отказывала себе в маленьких удовольствиях, — тем более что всем известно: наша семья просто обожает... естественную сторону жизни.

Они засмеялись. Дружно. Так принято смеяться, когда кто-нибудь из членов семьи упоминает о тайном пороке, присущем ее членам.

— Значит, это я во всем виноват, — проговорил Остин.

— Вовсе нет, — принялся объяснять ему отец. — Ты в очередной раз получил урок, о котором, возможно, забыл, когда наградил этого молодого человека за помощь, допустив его в свою жизнь. Урок старый. Помнишь, как тебе было трудно, когда ты узнал, что твои няни не принадлежат к семье Баргета и с ними следует обращаться соответствующим образом? Помнишь, как ты плакал, когда детям, которых мы разрешали нашим слугам заводить, чтобы тебе было с кем играть, приходила пора покинуть наш дом? Это урок, который мы должны повторять всю жизнь.

— Ну и что же делать? — поинтересовалась Тамара. — Я хочу сказать, что если Кеа весь остаток лета будет ходить, как тоскующий влюбленный из стихов, вряд ли это будет очень весело.

— Не волнуйся, — успокоил ее Баргета-старший. — Возможно, он просто исчезнет. Или спрыгнет со скалы. Или уплывет навстречу солнцу. Тоскующие влюбленные склонны к подобным глупостям.

Звон бокалов. Кто-то налил спиртное. А затем заговорил Остин:

— По правде говоря, отец, если посмотреть на эту историю с другой стороны... она ведь ужасно забавная. Разве нет?

Тамара хмыкнула. Фыркнул Баргета. А потом все трое принялись весело хохотать. Резкий, безжалостный смех. Кеа больше ничего не слышал. Веселье исчезло. Вместе с Ярмутом и всем семейством Баргета. Единственное, что существовало во Вселенной, — пожелтевшее, обтрепанное объявление «СВОБОДНЫЕ МЕСТА» на стене агентства по найму будущих космонавтов.

Глава 23

Альва-сектор, 2193 год нашей эры

На мониторе начал пульсировать красный огонек.

— Опять! Вы только посмотрите, Мерф! — прострекотала Васован.

Капитан Мерфи, Мерф Селфридж, с трудом протиснулся в навигационную рубку. Это был крупный, сильный человек, который заметно растолстел в последние годы. Он склонился над плечом своего первого помощника. И увидел пульсирующий свет.

— Не понимаю, — наконец мрачно пробормотал капитан. — Те же координаты, черт бы их драл?

— Да, те же проклятые координаты, Мерф, — подтвердила Васован.

— А ты уверена, что ничего не перепутала, дурная твоя башка? — с надеждой спросил Мерф. — Может быть, стоит еще раз все проверить?

Осирианка вздохнула. Так вздыхают те, кого постоянно ругают за некомпетентность.

— Если вы этого хотите, капитан, — прострекотала она.

Тонкие розовые щупальца быстро забежали по панели управления, касаясь сенсорных переключателей, поворачивая круглые ручки.

Ричардс и двое ученых сохраняли молчание. Они мгновенно забыли о картах, которые так и остались на крошечном столике кают-компания проржавевшего корабля, некогда названного не лишенным юмора продавцом «Фортуна I». И это при том, что «Фортуны II» в природе попросту не существовало. Первая модель оказалась такой неудачной конструкции, что было построено всего десять подобных кораблей. Причем их продавали на вес. Компания скряг, на которую работал Ричардс, купила две такие посудины и запустила их на линию. Ричардсу потребовалось все его умение — он исполнял обязанности главного инженера, — чтобы поддерживать в порядке ходовую часть корабля. Они летели в сторону странных сигналов, поступающих из Альва-сектора.

Васоован нажала последнюю клавишу. Монитор потемнел, а потом снова засветился. Красный огонек мерцал, как и прежде. Только на этот раз направление было иным.

— Это еще что за дерьмо, черт бы тебя побрал, Васоован? — урюмо спросил Мерф. — Как такое может быть? Эта сволочь вертится вокруг нас!

— Я тут ни при чем, — запротестовала Васоован, начиная злиться. — Я просто делаю свою работу. Как и все остальные.

Она повернула большую овальную голову к капитану. На лице Васоован застыла ухмылка хищника. Даже после пяти месяцев постоянного общения с инопланетянкой Ричардсу становилось не по себе, когда он на нее смотрел. Кеа наблюдал за тем, как два подвижных столбика глаз изучали Мерфа. Два других уставились через голову капитана на Ричардса и ученых, стоявших у него за спиной.

Один из ученых сделал вид, что не обращает на Васоован внимания. Женщина принялась расчесывать темные локоны. Другой — мужчина — отвернулся в сторону. Только Кеа продолжал смотреть на Васоован. Он не хотел пасовать перед осиринкой, она не получит перед ним преимущества.

— Куда это ты уставился, Ричардс? — пронзительно прострекотала Васоован.

— Да смотреть тут особенно не на что, — ответил Кеа. — По правде говоря, наблюдать за тем, как собачатся капитан и первый помощник, не самый лучший способ проводить свободное время.

— Ну, тебе нечего жаловаться, — заметил Мерф. — Ты получаешь тройную плату, да еще нас всех ждет солидная премия, если мы найдем что-нибудь стоящее.

Ричардс указал на блуждающий огонек на экране.

— Если это наша премия, капитан, — сказал он, — я бы не стал на вашем месте рассчитывать на хорошую гулянку по возвращении домой.

— Перестань, Кеа, — буркнул капитан. — Уж слишком ты мрачно смотришь на вещи. У нас отличная команда. Видит бог, мы срубим эту штуку под корень.

Кеа пожал плечами.

— Конечно, Мерф. Раз вы так говорите.

— Они во всем виноваты, — заявила Васоован, указывая на ученых. — Эта дурацкая идея принадлежит им. Знаете, что я думаю? Я вам скажу...

Доктор Кастро Фазлур — главный ученый экспедиции — преврал ее:

— Оно и в самом деле верит, что в состоянии мыслить, Рут. Поразительно, не правда ли? — Он скривил губы в презрительной усмешке.

Доктор Рут Юин, помощница и любовница Фазлура, покачала своей хорошенькой головкой. Ей не хотелось ввязываться в конфликт.

— Ну, ладно, Рут. Надо быть честной,— не отставал Фазлур. Его красивое лицо, немного напоминающее лисье, нахмурилось.— Тебе не кажется трагичным, что единственной относительно разумной расой, с которой за все это время столкнулось человечество, оказались эти существа со щупальцами?

— Поосторожнее, Фазлур,— прошипела Васоован.

Ученый не обратил ни малейшего внимания на ее предупреждение.

— Я бы сказал, что дело тут в глазных стебельках,— не унимался он.— Такое впечатление, что все свои интеллектуальные силы осиринки тратят на то, чтобы контролировать эту примитивную биологическую функцию. Вот тебе и объяснение их ограниченных возможностей по части речи. Ты, наверное, обратила внимание, дорогая, что оно говорит на жаргоне обычной корабельной крысы. Очевидно, мыслительные способности этого существа настолько ограничены, что оно не в состоянии овладеть словарем, которым пользуются цивилизованные личности.

Васоован из розовой превратилась в пунцовую. Мускулистые щупальца начали шарить в поисках тяжелого предмета, который можно было бы швырнуть в Фазлура. Только когда в дело вмешался капитан, она убрала их обратно.

— Кончайте, ребята. Не ссорьтесь. У меня и без вас хватает проблем,— взмолился Мерф.

Именно в этот момент Кеа почувствовал, как теплая изящная ножка прижалась к его икре. Лаская его, ножка поднималась все выше, выше, выше. Темные глаза Рут сверкнули, кончик красного языка облизнул верхнюю губу. Так на Кеа смотрела Тамара...

Ричардс с отвращением взглянул на карты.

— Пойду посплю немного,— сказал он.— Когда решите, куда следует направиться, не забудьте меня разбудить.

Встал и, избегая обиженных глаз Рут, быстро вышел. Он закрыл за собой дверь, чтобы не слышать спорящие голоса — его уже тошнило от бесконечных склок и скандалов.

К своему удивлению, Кеа обнаружил, что душевая свободна. Остальные члены команды — всего их было пятнадцать — либо стояли на вахте, либо спали. Редкая возможность избавиться от грязи, наполнявшей воздух на борту «Фортуны I», очистные системы которой давно требовали капитального ремонта. Ричардс сорвал комбинезон с потного тела и застонал от удовольствия, когда горячие струйки воды потекли по спине и плечам. Долгие месяцы экипаж жил среди отвратительных испарений собственных тел. Питались

потерявшими всякий вкус консервами, поскольку недостаток воды одновременно означал уменьшение потребления свежих овощей с гидропонического огорода.

Душ выключился — полагающаяся ему порция горячей воды кончилась. Испытывая неприятное чувство вины, Кеа снова нажал на кнопку, и душ заработал. Провались они пропадом, все эти ограничения! Изумительный туман наполнил маленькую душевую кабинку. Кеа как следует намылился.

С самого начала экспедиция в Альва-сектор была глупостью. Ричардс подписал контракт вопреки здравому смыслу. Стать главным инженером на консервной банке вроде этой никогда не было мечтой его жизни. Раньше он рассчитывал достичь гораздо большего. Это были мечты, за которые стоило бороться. А потом он все бросил из-за бессовестной красотишки из высшего общества. Если бы подобное случилось с кем-нибудь другим, Кеа только посмеялся бы. Но воспоминания о другом, безжалостном смехе на Марсе будут преследовать его долгие годы. Он был слишком юн и глуп и даже не спросил, почему первая же компания по освоению дальнего космоса ухватилась за него, словно за специалиста высшей квалификации. Конечно, он сдал все тесты и экзамены за треть полагающегося времени, однако все равно думал, что получит отказ, несмотря на высокие результаты. У него ведь не было никакого опыта. Кроме того, Кеа считал, что экзотическая работа в глубоком космосе привлекает очень многих и у него будет масса конкурентов. Особенно сейчас, когда частные компании, почуяв выгоду и гарантированные монополии, решались отправиться к звездам на кораблях, построенных на деньги правительства.

Он начал понимать, насколько сильно ошибался, во время своего первого контракта в качестве чернорабочего на борту торгового судна, направлявшегося к Эпсилону Инди. Члены команды отличались такой же глупостью, как и главный инженер, у которого мозгов было меньше, чем пальцев на искалеченной левой руке. Недостаток ума экипаж компенсировал жадностью и ленью. Каждый раз, когда корабль заходил в порт, капитану с трудом удавалось собрать свою команду по кабакам и заведениям, где продавались наркотики, чтобы отправиться дальше.

Следующая работа — долгий прыжок из системы Арктура — показала Кеа, что первый корабль вовсе не исключение из правил. Офицеры и члены команды были еще менее компетентны, если такое вообще возможно. То путешествие чуть не закончилось трагедией — когда капитан не обратил внимания на обозначенный на карте пояс метеоритов и корабль получил большую пробоину. Прежде чем Кеа залатал дыру, погибли четыре человека. Вскоре обнаружилось, что поврежден двигатель; Кеа пришлось воспользоваться своими знаниями принципов драйва Юкавы, потому что никто на борту корабля

понятия не имел, как его починить. Целых семьдесят два земных часа команда молилась своим богам, а Кеа приводил стар-драйв в некое подобие рабочего состояния. Прыжок домой прошел без происшествий.

Именно тогда он и получил нынешнюю работу в компании, которая называлась «Галеот» и была подразделением громадной корпорации «Космический путь».

— «Галеот» — абсолютно новая компания, сынок, — сообщил ему агент по найму. — Ты увидишь массу интересного и будешь делать то, о чем многие другие еще только мечтают. В нашу задачу входит выявление новых идей и способов накопления капитала. «Космический путь» вкладывает огромные деньги. Присоединившись к нам, сынок, ты получишь качественную работу! В «Галеоте» работают самые лучшие специалисты. Мы имеем преимущество перед всеми.

Кеа нанялся на двухступенчатый прыжок. И довольно быстро получил работу главного инженера.

«Да, — думал он в то время, как тоненькие струйки воды ласкали его напряженные мышцы, — дорога наверх была короткой, но совсем не простой». И не потому, что приходилось рисковать. Как раз наоборот, риск разнообразил жизнь. Здесь у него появилась возможность вспомнить свои детские мечты. Звездный корабль отправляется в поисках приключений за пределы разведанной Вселенной!.. Однако компания сделала все, чтобы испортить удовольствие. Они нанимали и покупали, стараясь тратить как можно меньше денег, интеллектуальное общение было минимальным, а обычная каждодневная работа превращалась в мучительную рутину из-за недостатка качественных машин и инструментов. Компании каким-то образом удавалось любую задачу превратить в тоскливую глупость, приправленную страхом бессмысленной смерти из-за того, что старое оборудование могло в любой момент развалиться.

«Что же, черт подери, ты здесь делаешь, Ричардс? Застрял в экспедиции, которая продлится не меньше земного года. В окружении бездарных, отвратительных, невоспитанных членов команды “Галеота”. Остался бы на Десятой базе, дождался другого контракта. Ну хорошо, ты помирал от скуки. И что же изменилось, когда ты начал работать на “Галеоте”? Мог бы сразу догадаться, что так и будет. Вот проклятье, ты же все знал, Ричардс. Уже тогда тебе следовало сказать им, куда они могут засунуть свой контракт».

Дверь в душ открылась. Сквозь пар Кеа увидел, как роскошное женское тело выскользнуло из облегающего комбинезона.

В его сознании включился сигнал тревоги. Доктор Рут Юин улыбнулась, а потом медленно легла на маленькую скамеечку в раздевалке душа.

— Ммм, — пробормотала она. — Обожаю чистых мужчин.

В прошлый раз, когда она выбралась из его постели, Ричардс поклялся, что это конец. Рут Юин гораздо опаснее всего остального на борту этого корабля... она опаснее даже холодного, холодного космоса. Гарантированный нож в спину.

«Ну так скажи ей “нет”, Ричардс! Скажи ей “нет”. Отошли к официальному любовнику и начальнику, доктору Кастро Фазлуру. Ну, давай, Ричардс!»

Ноги Рут медленно двигались вперед, заставив Кеа выйти из душа. Она радостно улыбалась. Потом, чуть прикрыв глаза, посмотрела на него. Потянулась к животу Кеа и начала его гладить. Рука медленно поползла вниз. Затем Рут приподняла левую ногу, согнула ее и поставила на скамейку. Раздвинула колени и начала себя поглаживать.

— Чего ты ждешь, Ричардс? Письменного приглашения?

Когда Кеа наклонился над ней, она быстро подняла ноги и обхватила его талию.

«Конечно, Ричардс. Скажи ей “нет” ... Так же как ты сказал “нет” компании».

До Кеа доходили слухи об операции «Альва» еще до того, как капитан Селфридж предложил ему должность главного инженера. Поговаривали, что обычная проверка далекого Альва-сектора показала сильное, но прерывистое нарушение нормального радиационного фона. Сигнал поступал из района, где не удалось зарегистрировать никаких космических тел. Это не было «черной дырой». Явление не объяснялось никакой теоретической чепухой, к которой прибегали физики двадцать второго века, когда чего-нибудь не понимали. И еще, насколько можно было судить, излучение, возникавшее на картах радиационного фона, исходило из «естественного» источника.

Кеа и сам удивился, что слухи о необъяснимом явлении так его заинтересовали. Маленький мальчик, искатель приключений, живущий в его душе, ужасно хотел посмотреть на все собственными глазами. Хотел быть первым, раньше других узнать один из секретов Вселенной. Ожидание чуда необходимо возродить.

Но тут вставил свое веское слово цинизм, порожденный тяжелым опытом. Компания не станет разбираться с этой проблемой, если не будет уверена в том, что решение принесет ей деньги. Просто состряпают самый обычный правительственный отчет, и вскоре о нем все забудут. Поэтому Кеа вернулся в свою комнату, которую компания предоставляла тем работникам, кто в данный момент не имел никакого контракта, и занялся постоянно увеличивающейся коллекцией работ по истории. Тут он и узнал о прибытии доктора Фазлура, который считался экспертом по теории иных вселенных. Кеа чуть не проворонил эту возможность, потому что уже не раз встречался с экспертами, работавшими на компанию. Он решил, что Фаз-

лур объявился тут только затем, чтобы составить доклад, который даст компании возможность получить правительственную лицензию. Когда ему рассказали про соблазнительную «ассистентку» Фазлура, доктора Рут Юин, и про то, как он обожает лапать ее на людях, Ричардс окончательно решил, что не ошибся: этот тип скорее плейбой, чем ученый. А потом узнал об огромном количестве оборудования, которое отгружается с корабля, доставившего Фазлура и Юин на Десятую базу.

— Компания включила денежный станок, — сказал старый космонавт, которого Кеа встретил в одном из своих любимых баров. — Что-то тут нечисто!

Работавшие круглые сутки группы рабочих воздвигли целый лес антенн на границах Десятой базы. Кеа видел их собственными глазами, возвращаясь после выполнения короткого недельного задания. Когда корабль подлетал к посадочному полю Десятой базы, Кеа заметил странную конструкцию, выстроенную по приказу Фазлура: переплетенные провода торчали из башен так, что получался огромный сетевой приемник. Старый космонавт оказался прав — денежная машина работала на полную мощность. Компания и вправду что-то затевала.

Кеа расхаживал взад и вперед по комнате. Взял Гиббона. Отбросил в сторону. Пролистал «Анабасис». Тоже отложил. «Жизнеописание» Плутарха постигла та же участь. И Черчилля. Час проходил за часом. Получив записку от капитана Селфриджа, где сообщалось, что тот собирает команду для экспедиции в Альва-сектор, Кеа помчался на встречу со скоростью, на которую был способен молодой, здоровый человек при трех четвертях земного тяготения.

— Компания о вас весьма высокого мнения, Ричардс, — заявил Селфридж.

— Благодарю вас, капитан.

— Ну, не нужно официальных, — запротестовал Селфридж. — Я люблю, чтобы на моем корабле отношения были неформальными. Мы все делаем одно дело, и все такое... Называй меня Мерф.

— Конечно... Мерф, — выдал из себя Кеа, думая о том, что нужно немедленно уносить ноги. Только законченный идиот добровольно пойдет служить на корабль, капитан которого говорит: «Называй меня Мерф».

— Да, именно так, Ричардс. Неформально. У нас всегда добрые отношения. Компания считает, что ты лучше всех подходишь на должность главного инженера. Теперь, когда мы с тобой познакомились и немного поговорили... я понимаю почему.

Кеа ничего не ответил. Пора уходить, и как можно быстрее. За все это время он не сказал и пятнадцати слов. Если старина Мерф подобным же образом набирает остальную команду, даже Джону Сильверу не захотелось бы служить под началом такого капитана.

— И еще одно,— продолжал Мерф как ни в чем не бывало,— моим первым помощником будет осирианка. Ее зовут Васоован. Не возражаешь?

Мерф неправильно интерпретировал удивленно поднятые брови Ричардса.

— Ну, я не стал бы тебя винить, если бы оказалось, что ты не слишком любишь осириан. Отнимают у людей работу и все такое. Но эта Васоован имеет прекрасные рекомендации. Хотя она, конечно, и насекомое.

— У меня нет проблем с осирианами... Мерф,— наконец сказал Кеа.

Он не лгал. В его жилах текла кровь нескольких рас — он никогда не считал, что какая-нибудь одна из них лучше другой. В целом об осирианах говорили много хорошего. Только не тогда, когда они получали работу в компании. Это была раса очень гордых существ. Они переживали, что люди превосходят их и что именно человечество инициировало первый контакт. Кеа прекрасно знал: только те осириане, которых отвергла собственная раса, соглашались работать на людей. Из чего следовало, что первый помощник Мерфа почти наверняка окажется весьма бесполезным и некомпетентным существом. Еще один дурной знак. Раз его имя попало в этот список, акции самого Ричардса котируются не слишком высоко.

— Должен сказать, нам предстоит весьма шекотливая миссия,— заявил Мерф.— Так что зарплата будет увеличена в три раза. Хорошая работа на год гарантирована.

Кеа улыбнулся, стараясь показать, что доволен. Вот теперь все понятно. Учитывая, что он один из самых молодых главных инженеров компании, зарплата все равно будет достаточно низкой. Даже увеличенная в три раза. Осирианам тоже принято платить самый минимум. К тому же старина Мерф очень походил на капитана, который будет работать и за совсем низкую плату.

— Компания обещает крупные премии, если мы найдем что-нибудь стоящее,— добавил Мерф.

— А что именно мы должны отыскать?

— Ты, наверное, слышал разговоры в барах относительно странных показаний приборов в районе Альва-сектора, не так ли?

— Угу. Все слышали.

Мерф рассмеялся.

— Это уж точно. Никаких секретов на Десятой базе. Так вот, слухи подтвердились. Как и положено, были составлены отчеты. По закону компания обязана сообщать о подобных открытиях куда следует, иначе у нее могут отнять лицензию. Общественный долг и прочая чепуха.

Общественный долг, иными словами, чистые исследования и расширение интеллектуальных горизонтов человечества были той

красивой упаковкой, которой большие компании прикрывались от упреков в том, что они используют космос исключительно в коммерческих целях. На самом деле они тратили на это совсем небольшие средства. «Космический путь» и дочерние предприятия выполняли свои обязательства по самому минимуму.

— Этот отчет отослали,— продолжал Мерф,— и все решили, что на том дело и кончится: сведения будут похоронены вместе с другими подобными материалами. Вот здесь-то и возник Фазлур. Доктор — известный эксперт по теории альтернативных миров. Только не спрашивай меня, что это значит, я обычный космический извозчик, а не яйцеголовый ученый.

— Обещаю, не буду,— ответил Кеа.

— Ну вот, Фазлур прочитал отчет. Страшно разволновался. Пропустил через компьютеры — в самое яблочко! Он утверждает, что это доказательство существования альтернативных миров. В пространстве появилась утечка.

— А почему компания прислушалась к нему? — Кеа старался сохранять внешнее спокойствие. Сердце его бешено колотилось. — Им-то какое до этого дело? Они что, могут получить какую-нибудь выгоду?

— Нет, деньгами тут не пахнет,— ответил Мерф.— Никаких шансов. Эта экспедиция, я цитирую: «предпринимается в интересах развития чистой науки».

Кеа молча смотрел на него — классический образец «Ты Меня Все Равно Не Обманешь». Мерф рассмеялся.

— Да уж. На самом деле наша бесстрашная родительская компания «Космический путь» решила заняться политикой. В правительстве появилось мнение, что компания тратит научные кредиты не на то, на что нужно.

— И они решили бросить политикам сахарную косточку,— догадался Кеа.

— Вот именно. Фазлур хоть и яйцеголовый, но не лишен нюха на выгодные дела. Он дернул за несколько веревочек — младший клерк сообразил, что может стать старшим. И пожалуйста, совершенно неожиданно нас отправляют в научную экспедицию.

«Так вот в чем дело,— подумал Кеа.— Дешевый способ успокоить политических противников. Экспедиция с самого начала обречена на провал».

— Итак, Ричардс, я тут перед тобой выступал, старался изо всех сил... Что скажешь? Ты со мной?

Кеа задумался. Он думал долго. Выглядело все это неважно. Однако... альтернативная вселенная? Другая сторона божественной медали? Речь идет об утечке... Дверь в...

Куда? Он должен узнать.

— Да. Я с вами.

Кеа смотрел, как Рут шла по коридору. Остановилась, повернулась, нахально ухмыльнулась и только после этого открыла дверь. Исчезла внутри. Он подождал несколько минут. Не следовало появляться вместе.

Вызов Мерфа на общее собрание застал их в самый неподходящий момент. Не успел смолкнуть сигнал общего сбора, зазвучавший в комнате Кеа, как они уже натягивали одежду. Кеа специально немного задержался, чтобы у Фазлура не возникло никаких подозрений.

Он проклинал себя за то, что попал в такое дурацкое положение. Эта женщина привлекла его внимание с самого начала. Она выглядела и вела себя так, что у любого нормального человека возникало желание проверить, что же такое особенное ей известно. Оказалось, ей многое известно. Она сказала Кеа, что Фазлур самая натуральная свинья. И что она терпит его притязания только потому, что хочет сохранить работу. Ее совсем не устраивала возможность стать одним из тысячи ничем не примечательных ученых.

— Я должна пользоваться тем, чем меня наградила природа, — сказала она и провела изящным пальчиком по своему великолепному телу.

Кеа быстро понял, что для Рут опасность быть пойманной со всеми вытекающими последствиями делала занятия сексом еще более привлекательными. Она напоминала ему Тамару. «Ладно, нечего показывать пальцем на других, Ричардс, — подумал он. — Тебя это тоже возбуждает. Каждый раз, когда она стучит в твою дверь... ты ведь открываешь».

Самым отвратительным во всем этом было то, что Кеа прекрасно понимал: эта ситуация — типичный пример из учебника по психиатрии. Его увлечение Рут имело непосредственное отношение к той неудаче, которую он потерпел с Тамарой. Помогало то, что, занимаясь любовью с Рут, он получал громадное удовольствие.

Чувствуя себя гораздо моложе своих двадцати восьми лет и стыдясь того, что он не может справиться с этой страстью, Кеа решил, что прошло уже достаточно времени, пересек коридор и вошел на командный мостик. Его ждали — Мерф, Васоован и Фазлур. Сидящая позади них Рут послала ему воздушный поцелуй.

— Почему вы задержались, Ричардс? — раздраженно прострекотала Васоован.

Фазлур посмотрел на него. Неужели что-то подозревает?

— Возникла небольшая проблема с двигателем, — объяснил Кеа.

— Опять с замками? — предположил Мерф.

— Угу, Мерф. Опять с замками. — Кеа заметил, что Фазлур отвернулся... доволен ответом? — Что происходит?

Мерф показал пальцем на Фазлура.

— Док тут придумал нечто вроде ответа на наши вопросы. — Он повернулся к Фазлуру: — Ну, давай, выкладывай.

— Точно, Фазлур, — встала Вasoован. — Объясни-ка нам, почему вы вот уже пять месяцев заставляете нас гоняться за большим толстым нулем.

— Это никакой не фантом, мой недалекий друг. Могу тебя в этом уверить. Когда мы отправились в путь, сигнал, исходящий из Альва-сектора, был сильным и ровным. Однако по мере приближения у нас появились проблемы, потому что пульсация потеряла периодичность.

— Лично я считаю, что ваше оборудование никуда не годится, — заявила Вasoован. — Увидели то, чего не было.

— В таком случае, дура ты несчастная, что же означают мерцающие огни на мониторе? Это уже не мое оборудование.

Вasoован молчала, покачивая глазными стебельками. Потому что вспышки на экране действительно указывали на чье-то присутствие. Фазлур фыркнул, глядя на нее, затем снова заговорил серьезно:

— Я собрал записи наблюдений Вasoован. А потом сверил со своими данными, чтобы проверить, нельзя ли выявить какую-нибудь закономерность.

— И обнаружили ее, — догадался Кеа, потому что иначе их бы тут не собрали.

— Обнаружил, — с гордостью подтвердил Фазлур. — Если просматривать каждый сигнал в отдельности, складывается впечатление, словно они бродят по циферблату часов. От часа до шести. Потом к девяти... Если отойти немного и посмотреть издали, можно заметить, что сигнал после девяти возвращается к шести, а потом снова к часу.

Фазлур нарисовал схему. У него получилось нечто, напоминающее наклонную букву U.

— А отчего это происходит? — спросил Ричардс.

— Частично из-за присутствия черной материи, — ответил Фазлур. — В этом я совершенно уверен. Здесь действует мощная гравитационная сила, и должен признать, сначала я не принимал ее в расчет. Но это еще не полный ответ на ваш вопрос. Я считаю, что мы имеем дело с альтернативной вселенной, вытекающей через «дыру» в пространственном континууме. Известно, что, когда жизнь в нашей Вселенной еще только зарождалась, положительно заряженные ионы были так сильно сжаты, что свет не мог пробиться сквозь них. По мере того как ионы начали отделяться друг от друга — так мы теперь представляем этот процесс, — свет стал вырываться из плотного ионного тумана. Мне представляется, что аналогичные процессы идут и в альтернативной вселенной — в настоящий момент этот вопрос перестал быть гипотетическим. Плотный ионный туман —

или его эквивалент в той вселенной. Свет пытается пробиться и находит самый простой путь в нашу Вселенную сквозь «дыру» в континууме.

— Отличная работа, док,— заметил Мерф.— Так я думаю, но оценки предоставим делать нашему начальству. Однако я хочу, чтобы ты сказал вот что: ответ ли это? На мой взгляд, такой ответ не принесет нам обещанной премии. Надеюсь, ты сможешь придумать что-нибудь получше, когда мы вернемся на Десятую базу.

— Я могу сделать куда больше,— объявил Фазлур.— Например, доставить нас туда... И добыть доказательства!

— Эй, кончай молоть чушь! — запротестовала Весоован с хищной улыбкой на удлинённом лице.— Я готова поверить в твою теорию. И даже поддержу тебя, когда ты будешь делать доклад компании, чтобы получить свою долю премии. Но сейчас необходимо посмотреть в лицо фактам. Главный из которых — ионный туман это или не ионный туман,— мы не знаем, как попасть отсюда туда.

— Нет, знаем,— спокойно сказал Фазлур. Он провел линию прямо сквозь наклонную букву U. Нарисовал окружность в районе одиннадцати часов.— Вот наш курс для следующего прыжка.

Наступила тишина. Кеа заметил, как нахмурилась Рут, пытаясь понять. Потом кивнула, считая, что Фазлур прав.

В конце концов молчание нарушил Мерф:

— Здорово, док. Это, конечно, прекрасно и все такое. Но я считаю, что у нас и так достаточно доказательств. Политиканы удовлетворятся — мы и в самом деле что-то сделали. Следовательно, компания будет довольна. Конец истории.

— Не будьте дураком,— сказал Фазлур.— Если я прав, речь идет о величайшем открытии со времен Галилея. Наша реальность существенно изменится. И это при том, что каждый член команды войдет в историю. Подумайте о колоссальных деньгах, которые вы получите.

Мерф повернулся к Кеа.

— Каково наше сегодняшнее положение?

— Двигатель в хорошем состоянии. Все остальное — так себе. В том числе и топливо.— В данной ситуации Кеа был вынужден говорить только правду.

— Не знаю,— покачал головой Мерф.— Мне трудно принять такое решение в одиночку.

— Связаться с начальством мы не можем,— заявила Весоован.— До базы слишком далеко.

— Если вы сейчас повернете назад,— предупредил Фазлур,— клянусь, я сделаю все, чтобы вас уволили и занесли в черный список.

— Да перестань, док,— проворчал Мерф.— Не нужно лезть в бутылку. Я просто хотел сказать, что мне не хочется брать на себя ответственность за подобное решение.

— Я беру все на себя,— быстро проговорил Фазлур.

— Нет, это неправильно,— не согласился Мерф. Он просто имел в виду, что этого будет недостаточно, чтобы защитить его бедную задницу.— Давайте проголосуем. Только офицеры и вы двое. У команды нет смысла спрашивать.

Кеа чуть не рассмеялся. Капитан корабля предлагает голосовать. Но сдержался и только заявил:

— Почему бы и нет? — Он поднял руку.— Начнем с меня. Я — за.

— Черт бы тебя подрал! — прострекотала Васоован.— Я голосую за то, чтобы вернуться домой.

Фазлур и Рут присоединились к Кеа. Теперь ситуация для Мерфа окончательно прояснилась.

— Ладно. Я присоединяюсь к большинству. Извини, Васоован, но я должен поддерживать мир. Это входит в мои обязанности.

Таким образом, несколько цинично и без особого желания, началась последняя стадия операции «Альва». Кеа было наплевать. Он твердо намеревался посмотреть на другую сторону большой божественной монеты. Вторая строчка — песни или стихотворения — вдруг пришла ему на ум: «Вот из этого и рождаются мечты».

Широкая полоса огненного дождя перекрыла пространство. Казалось, завеса пламени тихонько колеблется под легкими порывами космического ветра. Именно здесь соприкасались две вселенные... И просачивались одна в другую.

Кеа вглядывался в изображение на главном корабельном экране: у него на глазах рождались и мгновенно умирали крошечные частицы, переходя из одной вселенной в другую, касаясь друг друга и вспыхивая булавочными головками света. Бесконечные крошечные взрывы возникали на трепещущем занавесе, который Фазлур называл «разрыв континуума».

«Нет,— подумал Кеа.— Скорее это ворота в рай. Или в ад».

Раздался голос Фазлура:

— Теперь, Ричардс, если ты повернешь чуть в сторону...

Кеа взялся за рукоятку управления. На экране появился трал, недавно сконструированный с его помощью Фазлуром и Рут. Устройство состояло из маленького цилиндрического зонда, предназначенного для ближней разведки, который теперь ташил за собой сеть, сплетенную из положительно заряженных проводов. На узкой полоске под экраном сменяли друг друга ряды цифр.

— Еще немного,— давал указания Фазлур,— чуть-чуть...

Неожиданно сеть словно ожила — теперь и на ней один за другим взрывались маленькие вспышки света: античастицы сталкивались с частицами обычной материи. Разыгрывалась маленькая драма.

Кеа продолжал вести трал в заданном направлении. Это было совсем не трудно. Сенсоры управления показывали, что не возни-

кает никаких помех. Затем вспышки резко прекратились, и трал, вернувшись в нормальное пространство, завершил свое путешествие.

Голос Фазлур переполнял восторг:

— Я сделал! Сделал!

Кеа знал, что Фазлур уже видит свое имя вписанным золотыми буквами в историю науки. Первый ученый, который исследовал иную вселенную при помощи изобретенного им устройства!

Кеа нажал на кнопку автопилота — теперь трал возьмет курс обратно на корабль — и повернулся к остальным.

— Сделал что? — раздраженно прострекотала Вasoован. — Мы в этом деле вместе, ублюдок! Мы ведь команда. Правда, Мерф? Все получим равные доли.

— Ну... Тут нужно кое-что уточнить, — с сомнением пробормотал Мерф. — Сейчас посмотрим, что сказано в инструкции.

Кеа нисколько не сомневался, что, большой любитель командной игры, Мерф с удовольствием разделит премию в соответствии с должностями. Он отчетливо представлял себе, как хитрые глазки старого рубахи-парня слегка прикрыли веки — шел подсчет барышей. «Так, посмотрим, — наверняка думает он. — Я и Фазлур делим все пополам. Получится... Сколько максимально может выплатить компания?»

— А мне не нужно читать инструкции, Мерф! — проверещала Вasoован. — Это правило любых экспедиций, дружище. Фазлур, как руководитель группы, получает двадцать процентов. Все остальное делится между нами. Поровну.

— Прекратите немедленно! — разозлился Фазлур. — Кого интересует паршивая премия компании? Можете засунуть эти деньги себе в задницу!

— Ну, — произнес Мерф, — если ты не хочешь получить свою часть премии, мы ее с удовольствием разделим между собой. Правильно, Вasoован?

— Это уж точно, Мерф.

Тут вмешался Кеа:

— Почему бы тебе не объяснить им, Фазлур?

Он уже третий раз провел импровизированный трал туда и обратно. Все время, пока Фазлур и Рут производили вычисления, Кеа стоял у них за спиной и внимательно наблюдал. Он лишь приблизительно представлял себе, в чем заключается открытие Фазлур.

Фазлур кивнул. И повернул лицо с резкими, немного грубыми чертами так, что все увидели его профиль.

— Все достаточно просто, — начал он. — Мы только что сумели добраться до другой вселенной и принесли оттуда элементарные частицы, из которых она состоит. Эти частички — в нашей Вселенной — станут неограниченным источником энергии. Маленькая фляжка этого вещества, друзья мои, сможет обеспечивать нужды

большого города и его обитателей в течение ста лет. — Фазлур хихикал. Постепенно хихиканье превратилось в хохот. В каюте царила мертвая тишина, все ждали, когда он перестанет смеяться. — Теперь вы понимаете, почему я так отношусь к дурацкой премии компании.

Постепенно в голове Кеа начала складываться общая картина. Энергия... Топливо. Из-за него велись многочисленные жестокие войны. Сотни тысяч людей погибли из-за нефтяных скважин. Энергия... Оружие. Еще сотни тысяч людей лишились жизни в огне ядерных взрывов. Энергия... Богатство. Величайшие состояния — целые династии — основаны на этом. Он посмотрел на остальных. Каждый по-своему все понял. Даже самая глупая, паршивая обезьяна и та поняла бы. Если уж ты отправляешься в космос... и остаешься... ты понимаешь подобные вещи.

Кеа посмотрел на Мерфа: лицо джокера. Или клоуна. Но теперь в нем появилась странная торжественность и серьезность. Васоован — ее розовое лицо стало удивительно бледным, Кеа еще ни разу не доводилось видеть его таким. И застывшая хищная ухмылка. Сжимающиеся и разжимающиеся щупальца. Рут — горящие глаза. Розовый язычок облизывает губы.

И он сам. Как бы он хотел посмотреть на себя со стороны.

— Ммм... док... — послышался голос Мерфа. Внезапно охрипший. — Как ты решил назвать эту... ммм... штуку?

— Хороший вопрос, Мерф, — сказал Фазлур. Кеа не мог винить его за педантичность. — Эта «штука» есть противоположность материи нашей Вселенной. Но мы не можем просто назвать ее антиматерией, потому что такая вещь уже существует. Может быть, нам следует сформулировать это как-нибудь совсем просто. — Он повернулся к Рут. — Что-нибудь коммерческое. Понятное даже малообразованным существам. Я уже давно убедился в том, что это очень помогает, когда выступаешь перед спонсорами.

— Ну, это легко. — Она пожала плечами. — Если не антиматерия в чистом виде... тогда назовем ее «новая антиматерия». Подчеркнем новизну.

— А как насчет «антиматерии-два»? — предложил Кеа.

— Мне нравится, — сказала Рут. — Очень просто.

— Антиматерия-два... Да. Очень хорошо. Привлечет внимание. — Фазлур был доволен.

— И мне нравится, — сказал Мерф, — это будет потрясающе выглядеть на стене небоскреба. АМ-два.

Он нарисовал символы в воздухе: «АМ-2».

— А насколько ты в этом уверен, док? — прострекотала Васоован. — У тебя есть доказательства?

Фазлур встал, отвернулся от них и посмотрел на экран, где продолжал сверкать занавес мерцающих огоньков.

— Я уверен. Совершенно. И у меня есть доказательства. Но они не являются абсолютными. А в подобных вопросах, друзья мои, мы должны иметь неопровержимые доказательства. В противном случае... — Он снова повернулся к ним — у него за спиной сияли огненные струи дождя. — Найдутся люди, готовые убивать ради того, чтобы контролировать АМ-два. Вы должны это понять.

Фазлур пристально посмотрел на них, переводя взгляд с одного на другого. Его взгляд остановился на Кеа. А Ричардс в этот момент подумал о семье Баргета. О других великих династиях — и о состояниях. Возможности и угрозы, которые они увидят в АМ-2. Все упиралось в контроль. Иметь его или не иметь. Фазлур был прав. Начнутся бесконечные атаки при помощи адвокатов, хитрых подвохов и — убийц. Кеа кивнул. Он знал. Как и все остальные.

— Если мы хотим получить права — по-настоящему надежные и гарантированные — на наше открытие, — сказал Фазлур, — необходимо запатентовать доказательства. Чтобы никто не смог поставить наши права под сомнение.

— Как же мы получим доказательства? — спросил Мерф.

— Придется отправиться туда. — Фазлур показал на экран. — А потом вернуться назад.

Кеа и представить себе не мог, что молчание может быть таким напряженным. Никто не спорил. Никто не задавал взволнованных вопросов: «А это можно сделать?..», «Ты уверен?..», «А что, если?..» Борьба шла в душе каждого. Все знали, что скажет Фазлур: «Да. Я уверен. Я не знаю. Я там никогда не был».

Кеа с трудом сглотнул. Посмотрел на экран. Увидел тихий огненный дождь и бесконечный космос, такой же соблазнительный, как любая из женщин, познанных им.

Он... Обязательно... Должен... Увидеть.

И снова: «Вот из этого и рождаются мечты».

Кеа откашлялся, и все зашевелились.

— Я считаю, нужно туда отправиться, — сказал он.

Это место похоже на все остальные.

Но незнакомо.

Это было...

Нет.

Мне оно не нравится.

Почему?

Не знаю.

Оно холоднее?

Нет. Но мне... холодно.

Оно темное?

*Нет. Но я не вижу.
Тогда что здесь не так?
Я... заблудился.*

Возвращение в нормальное состояние. Они посмотрели друг на друга, все были потрясены. Рука Рут коснулась руки Кеа. Фазлур это заметил. В его глазах вспыхнул странный огонек. Но он тут же перевел взгляд на экран.

— Мы по другую сторону, — тихо сказал он.

Кеа поднял глаза. На экранах была видна корма корабля. Огненный занавес остался позади.

«Фортуна I» пересекла черту.

— Клянусь разрывом континуума, — проговорил Мерф. Резкий, профессиональный голос. — Минута в минуту...

Васоован заверещала:

— Проверка. Координаты... Икс-триста пятьдесят... продолжаем...

— Половина мощности на двигателях... — перебил ее Кеа. — Тяга в порядке. Все устройства функционируют нормально.

— Показания бортовых сенсоров... положительно, доктор, — сказала Рут совершенно спокойно.

— Поворот на правый борт... Спасибо, Рут. Попробуй уменьшить скорость поступления данных... давай.

Пальцы Фазлура бегали по клавиатуре, фиксируя поступающую информацию. Он кивнул. Да. Да. И еще раз — да. Затем отключил систему контроля.

— Думаю, пора возвращаться домой, капитан, — сказал он официально.

Мерф сдержанно кивнул.

— Спасибо, доктор. — А затем: — Васоован, проложи курс. Мы возвращаемся.

Оно появилось в виде пятна на экране, сверкало разноцветными бликами этой странной вселенной.

Крошечное пятнышко.

— Мерф! Направление — одиннадцать часов.

— Что это еще такое?

— Не знаю. Маленькая луна, может быть.

— Не похоже, чтобы она была близко.

— Не-е-е. Совсем не близко. Может, следует...

Два тела приближались друг к другу в космосе. Оба обладали массой. Потенциальная энергия массы. И нарушение гравитации.

Одно из тел принадлежало первой реальности. Другое — второй.

Противоположности притягиваются,

А как ведут себя двойные противоположности?

Взрыв разорвал «Фортуна I» пополам, точно акула вцепилась в жирного тунца.

Погибли пятнадцать человек. Пятеро спаслись. Местные боги проявили великодушие к тем пятнадцати.

Кеа пришел в себя. Мрак и кровь. Горький дым.

Боли не было. Он ничего не чувствовал.

Услышал голоса.

— Все погибли. — Стон.

— Мы здесь, Мерф! Мы есть. Мы живы.

«И я тоже, — хотел сказать Кеа. — Я тоже жив».

Он даже не смог застонать.

— Что будем делать? О господи, что делать!..

— Я тебя убью, Мерф. Я тебя убью, если ты не оставишь меня в покое.

— Надо подумать. Надо подумать.

— Это твоя вина, Мерф. Нам не следовало сюда соваться, будь ты проклят!

«Проверьте повреждения, — хотел сказать Кеа. — Это совершенно необходимо. Проверьте повреждения».

Он почувствовал, как его губы дрогнули.

А потом накатила волна и унесла его с собой.

Хочется пить.

Господи, как же хочется пить.

Голос. Голос Рут.

— Проклятье, я не знаю. Он что-то сломал. Внутри. Я не врач.

— А как дела у Фазлура? — спросил Мерф.

— Кого волнует! — застрекотала Васоован. — Это он заманил нас сюда.

— Кастро стало хуже, — ответила Рут. — Я старалась, как могла, следовать указаниям медицинского робота. Культя перестала кровоточить, если это может служить утешением. — Голос Рут был холодным.

— Он по-прежнему без сознания?

— Да. Слава богу. Он так ужасно кричал.

«Вода, — подумал Кеа. — Я так хочу пить».

— У нас почти не осталось еды, — пронзительно завопила Васоован. — И совсем мало воды. Нужно прикончить обоих. Тогда мы сможем протянуть немного дольше.

— Это будет неправильно,— возразила Рут. Отстраненно.

— Верно,— согласился Мерф.— Пожалуй, ты права... К тому же, пока они в таком состоянии, они нам ничего не стоят. Если не считать воздуха. А этого у нас сколько угодно.

Темная волна снова накатила на Кеа.

Боль. Она приходила и уходила.

Все еще не было света. Глаза... Он попытался пощупать их... закрыты... сверху какая-то засохшая корка. Что это? Кровь? Да, кровь.

— Господи, как воняет от этого комбинезона,— донесся голос Мерфа.

Послышался звук открывающихся застёжек. Что-то звякнуло.

— Тебе удалось добраться до двигателя? — спросила Рут.

— Угу. Он не слишком сильно пострадал. Однако система автоматической проверки повреждений вышла из строя.

— Мы сможем запустить его? — раздалось стрекотание.

Кеа услышал, как Мерф вздохнул.

— Я сказал, что удар был не слишком сильным. Имелось в виду... двигатель можно починить. Но я этого сделать не могу. И никто другой — тоже.

Кеа наконец сумел произнести слово:

— Воды.

— Э, да это же Ричардс,— сказал Мерф.

— Что он хочет? — спросила Васоован.

— Воды. Он попросил воды,— ответила Рут.— Я принесу ему.

— Эй, Мерф! — прострекотала Васоован.— Так мы не договаривались, Мерф. Когда последний раз шла речь об этих двоих, ты сказал, что они нам ничего не стоят. Помнишь?

— Помню.

Кеа стало страшно, что сейчас будет принято решение относительно его судьбы. И еще более страшно оттого, что он не знал, каким будет это решение. Где Рут? Почему она не защищает его?

«Не надейся на Рут!»

— Я могу его починить,— с трудом выговорил Кеа.

— Он и вправду пришел в себя,— сказала Рут. Имея в виду: он слышал наш разговор.

— Что ты сказал, приятель? — Голос Мерфа, веселый. Кеа почувствовал, как капитан подошел поближе, посмотрел на него.— Говоришь, можешь починить? Починить тягу?

Кеа хотел сказать еще что-нибудь. Много всего. Но у него не было сил. Он пробормотал только:

— Воды.

А потом потерял сознание. Это было его первое и последнее предложение.

Шорох. Холодная вода коснулась губ. Он пил до тех пор, пока не почувствовал, что больше не может. До него донесся аромат духов.

— О, милый,— сказала Рут.— Я так счастлива, что ты жив. Легко коснулась губами его щеки.
Кеа заснул.

Кеа приподнялся на здоровой руке, чтобы оглядеться по сторонам. Другая рука была плотно прибинтована к его телу.

— Отличный замок,— сказал он.— Надежно все охраняет. А теперь... снимите его и... там углубление в форме Y.

На экране было видно, как руки Мерфа в перчатках выполнили его указания. Сам Мерф находился между двигателем и переборкой.

— Есть,— сообщил капитан.

— Отлично. Среди инструментов найдите тот, что подходит по форме. Но прежде чем открыть крышку... проверьте, установлен ли экран.

— Это я понимаю,— проговорил Мерф и приступил к работе.

— Нам нечего беспокоиться о раке,— проскрежетала Вasoован.— Никто из нас не проживет так долго.

— Она еще шутит! — прокомментировала Рут.— Как весело нам всем благодаря тебе.

Кеа проигнорировал начало очередной стычки. Снова улегся на койку.

— Принеси мне еще супа,— попросил он.

Рут мрачно посмотрела на него.

— Ты уже получил свою порцию,— сказала Вasoован.

— Суп.

Кеа чувствовал себя отвратительно. Ему необходима еда. Конец дискуссии. Ричардс посмотрел на Мерфа, который продолжал возиться с двигателем. Если снять крышку, дальше совсем просто.

Голод вцепился в желудок, словно стая свирепых псов. У Кеа возникло ощущение, что у него сломаны ребра, хотя он твердо знал: они всего лишь треснули.

Он приподнялся, чтобы посмотреть на Рут, спина практически его не держала. Девушка по-прежнему сидела на стуле. Вasoован наблюдала за ними, явно получая удовольствие.

— А кто ты такой, чтобы приказывать другим? — рявкнула Рут.— Кто ты такой, чтобы нарушать правила и есть и пить больше, чем остальные?

— Это не имеет значения,— сказал Кеа.— Делай, что тебе говорят, иначе пожалеешь.

— Нет еды — нет работы,— услышал он истерическое стрекотание Вasoован.— Парень ставит свои условия.— Все четыре глазных

стебелька повернулись к Рут.— Давай неси то, что он просит. Или сама отправишься в суп, к Фазлуру.

Рут сделала все, что ей велели.

А Кеа принялся ждать. Мерф будет готов сделать следующий шаг почти через четыре часа. И тогда Кеа продаст небольшую частичку своего знания за очередную порцию еды. А потом следующую. Пока все не будет сделано. «Еще две недели,— подумал он.— А там посмотрим».

Фазлур умер три дня назад. Бедолага метался и все время стонал, так и не пришел полностью в сознание, но тем не менее испытывал боль. Никто не сделал ничего, чтобы ему помочь, его не кормили, ему не давали воды. Кеа не защищал Фазлура. Зачем тратить силы? Они все равно отказались бы. Фазлур находился совсем в другом положении, чем Кеа. Мерф, Вasoован и Рут были сильными. Кеа, пока не зажили его раны, абсолютно беспомощен.

Кроме того, с точки зрения хищницы Вasoован, Фазлур был самым бесполезным.

— Нам повезло, что мы уцелели,— сказала Вasoован,— он нам не нужен. По крайней мере живой. У нас есть его доказательства. Абсолютные доказательства. В базе данных.

— Скорей бы он отбросил копыта,— поддакнула тогда Рут.— Меня страшно раздражают его отвратительные стоны. Он иногда издавал такие же звуки, когда мы занимались любовью. Свинья!

Кеа вернулся к собственным мыслям. И заснул.

Немного позже он проснулся. Фазлур стонал, остальные спали. Затем он заметил какое-то движение. Тихий шорох шагов. Сладковатый запах духов. Стоны прекратились. Сразу. А потом вновь зашуршали шаги.

На следующий день Фазлура нашли мертвым.

— Пропустите его через утилизатор,— прострекотала Вasoован.— Добавьте в суп.

Она говорила о питательном бульоне, который производился на основе отходов их собственных тел и все уменьшающегося запаса растительного протеина, который они получали в частично разрушенном гидропоническом огороде.

— А почему бы и нет? — сказала Рут.— Хоть польза от него будет. Мне это кажется замечательной идеей.

Кеа наблюдал, как они вытащили труп из комнаты. Голод снова принялся за него. А потом он услышал легкие шаги. Духи Рут. Взял из ее рук кружку, не поднимая глаз. Выпил. Не почувствовал никакого вкуса.

Бедняга Фазлур.

Занавес между вселенными висел прямо перед ними, манил. «Если бы все получилось иначе, его, наверное, назвали бы “разрыв континуума Фазлура”», — подумал Кеа. Огляделся по сторонам. Васоован. Мерф. Рут. Ни один из них не воздаст должного Фазлуру. Что касается его самого... ну, у него возникло несколько собственных идей. Совсем недавно.

— Мы готовы, — сказала Васоован.

Кеа приподнялся. Его забинтованная рука заживала.

— Вот еще что, — объявил Кеа, — прежде чем мы пройдем через барьер...

Они повернулись к нему с тревогой на лицах.

— Не волнуйтесь. Двигатель в порядке, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы помнили: когда мы окажемся по другую сторону, нам понадобится еще пять месяцев на обратный путь.

— Да? И что? — поинтересовался Мерф.

— Теперь, когда все прекрасно работает, кому-нибудь из вас может прийти в голову мысль, что я вам больше не нужен. Ведь от главного инженера можно избавиться — как и от главного ученого. — Никто не протестовал, никто не стал обиженно возмущаться. Все молчали. — Я принял меры предосторожности, необходимые для того, чтобы мы остались друзьями, — продолжал Кеа. — Я, конечно, починил двигатели, только сознательно пропустил один этап. Один дополнительный шаг.

— Это еще какой же? — сердито спросил Мерф.

— Я сделал так, что через пару месяцев двигатель выйдет из строя. Так вот, когда это произойдет, мои дорогие соучастники... вы очень даже будете во мне нуждаться. Это я вам гарантирую.

Кеа опустил на свою койку.

— А теперь вперед, черт возьми!

И они отправились в путь.

Неделю спустя была обнаружена утечка воздуха.

— Это не моя вина, Мерф!

— Ты должна была проверить, черт тебя подери!

— Я проверяла. Не моя вина, если я что-нибудь пропустила. Я не инженер. — Два глазных стебелька повернулись к расprostертой на койке фигуре Кеа.

Его обязанности были распределены между оставшимися в живых членами экипажа. Кеа молчал.

— Давайте не будем опять начинать препирательства, — сказала Рут. — Утечка перекрыта. Замечательно. Теперь вопрос заключается вот в чем: хватит ли воздуха?

— Никаких шансов, — ответил Мерф. — Нам придется пробыть в пути около пяти месяцев. И... — Он замолчал.

Наступила долгая тишина.

Наконец Вasoован договорила за него:

— А нас четверо дышащих. Вот оно.

Кеа ждал этого.

— Угу,— пробормотал Мерф.

— Да... понимаю,— сказала Рут.

Все трое повернулись к Кеа. Восемь глаз трех живых существ смотрели на него, уничтожающего кислород.

— Нам бы почти хватило,— заметил Мерф.— Но один месяц остается.

— К тому моменту,— предположила Рут,— мы сможем найти другие способы...

— А как насчет двигателя? — спросил Мерф.— Тот маленький трюк, который он устроил?

— Я думаю, он соврал,— заявила Рут.

Кеа улыбнулся им. Широкой, уверенной улыбкой. Так улыбались в трущобах Мауи.

— А может быть, и нет,— прострекотала Вasoован.

Восемь глаз отвернулись от Кеа. Однако он оставался начеку.

— Что же делать? — спросил Мерф.

— Просто,— ответила Вasoован.— Нам нужен Кеа. Нам нужен ты. И нам нужна я. Я ведь навига...

Кеа не знал, откуда появился тесак. Выкрашенный в ярко-красный цвет — наверное, на случай аварии. Рукоятка была совсем короткой, лезвие тупым. Рут опустила его между четырьмя глазными стебельками. Она была маленькой женщиной и едва доходила Кеа до подбородка. Но Рут очень хотела выжить. Тесак глубоко вошел в мозг осииранки. Рукоятка продолжала торчать — получалось, что у Вasoован вырос длинный человеческий нос. Розовая жидкость начала стекать на пол. Щупальца задергались, потом застыли.

Рут отступила на шаг назад. Пристально посмотрела Мерфу в глаза.

— Ну? — только и спросила она.

— Она мне тоже действовала на нервы,— заметил Мерф.— Бесконечное стрекотание...

— Наши порции стали совсем маленькими,— добавила Рут.

— Я тоже это заметил. Давай-ка сделаем свежего супа.

...Ему снились короли. Империи.

Менес был первым. Хитрый старый дьявол сумел объединить Верхний и Нижний Египет в первую империю. Он продержался у власти шестьдесят лет. В конце концов его убил гиппопотам.

Персы склонились перед мечом Александра. Он испустил дух в болоте. Кубла Хан все сделал правильно: покори́л могучий Китай и умер совсем старым человеком.

Римляне расширили границы обитаемого мира. И пали жертвой скачущих на лошадях воров.

Елизавета была великолепно. Лучшая из них всех. С ослепительной ловкостью она управляла своим королевством. Почему она раньше не расправилась с сестрой? Вместо этого Елизавета подавляла один смертельный заговор за другим. Романтики утверждали, что дело было в глубокой сестринской любви. Кеа думал, что на самом деле Елизавета просто считала: время еще не пришло.

Он многому научился у этих людей за долгие часы чтения, когда не стоял на вахте. Его интерес не был поверхностным. Природа сильных мира сего невероятно занимала Кеа. Он многого не понимал, но решил не отступать. И подошел к этому вопросу как к инженерной проблеме. Попытался разобрать каждого монарха и его королевство на составные части. А потом собрать заново, кусочек за кусочком. Иногда, складывая кусочки иначе, ему было интересно, что могло бы получиться в результате. Империя, как ему удалось обнаружить, могла существовать в нескольких формах. Корона и трон. Алтарь и кровавое жертвоприношение. Военный штандарт и секретная полиция. Президентская печать, покоящаяся на украденных голосах избирателей. Но все они имели нечто общее: идею. Идею безупречной жизни. Настоящей или обещанной. А чтобы идея могла сработать, она должна была удовлетворять всех, сверху донизу. Голодающие массы не станут восславлять имя своего монарха в День благодарения.

В одной из прочитанных когда-то Кеа народных сказок рассказывалось о древнем короле, который, переодевшись, бродил среди своих подданных, чтобы узнать из первых рук, как завоевать их любовь. Короля звали Рашид. В реальном мире во время избирательных кампаний главы администраций, комиссары полиции и даже священники устраивали дармовую раздачу пищи, чтобы заручиться голосами избирателей.

Мир диктаторов, с точки зрения Кеа, стоял на трех китах: геноцид, лагерь и полиция.

И все же... не имело значения, какую форму принимала империя или какими методами поддерживалось правление; самой главной в конечном итоге являлась личность короля, основавшего ее.

А у Кеа была АМ-2.

Рука болела. Это хорошо. Как и прежняя боль — признак того, что он поправляется. Он скоро сможет пользоваться рукой — хотя Кеа тщательно скрывал это от Мерфа и Рут.

Его лихорадило. Заражение, фурункул на животе размером с блюдце. Придется прятать и его тоже.

Кеа услышал шепот в темной комнате:

- Ну, иди сюда, милая. У меня все болит.
- Отвали от меня.
- Мы же делали это раньше. От тебя не убудет.
- Ты нарушил обещание. Наврал.
- Я ничего не мог с собой поделать, милая. Я хотел есть. Ужасно.

Утром получишь добавку. Клянусь.

- Сейчас давай,— потребовала Рут.— Сейчас.

Молчание.

— Что случилось...— Рут рассмеялась.— Папочка больше не хочет порезвиться? А это что такое? Ой-ой-ой. Он голодный. Только папочка у нас эгоист, ведь правда?

Мерф молчал. А потом Кеа услышал, как Рут вскрикнула. Одну... две... три секунды до него доносились звуки отчаянной борьбы. Потом раздался хруст.

Кеа почувствовал резкую боль в животе и отвратительный запах — фурункул лопнул. Его загнобило. А потом бросило в жар. Отлично. Теперь он начнет поправляться...

Он проснулся и увидел, что возле койки стоит Мерф.

- Ты лучше выглядишь,— сказал он.

Кеа ничего не ответил. И не стал искать взглядом Рут.

- Есть хочу,— потянувшись, сказал Мерф.— Суп будешь?

- Угу,— сказал Кеа.— Я тоже голоден.

- Это займет больше времени, чем мы думали,— сказал Мерф.

— Вижу,— ответил Кеа, который смотрел на последние данные компьютеров, выведенные на экран.

— Проклятушая Васоован,— сердито проговорил Мерф.— Никудышный навигатор. Хорошо еще, что ты нашел ее ошибку и исправил курс.

- И правда здорово,— сказал Кеа.

Он с трудом добрался до своей койки и опустился на нее.

— Может, все не так уж и плохо. Может, нас подберут, когда мы подлетим поближе и они услышат наши сигналы.

- Вполне возможно,— сказал Кеа.

— Вот только одна небольшая загвоздка,— начал Мерф,— которая заключается в том, что мы потратим слишком много времени на починку двигателя. Помнишь, ты говорил? Когда он сломается...— Мерф ухмыльнулся.— Сколько, ты говорил, дней на это понадобится?

- А я не говорил,— ответил Кеа.

- Не-е-ет.— Мерф посмотрел на Кеа.— Не говорил... верно.

Кеа сильнее прижал к боку перевязанную руку и почувствовал кончик заточенной пластиковой ложки. Старый, хорошо знакомый друг детства. Мерф подошел ближе и уставился на него своими крас-

ными глазками. Капитан ужасно похудел, щеки провалились, лицо покрывала смертельная бледность.

— Не похоже, чтобы тебя это очень беспокоило, — сказал он. — Задержка и все такое. И починка двигателя.

— Мы справимся, — заявил Кеа.

— Меня не назовешь очень умным, — сообщил ему Мерф. — Я это хорошо знаю. И совсем не расстраиваюсь по этому поводу. Я позволяю умничать парням вроде тебя. Таким образом вы чувствуете себя сильнее.

Он подошел еще ближе. Кеа заметил напряженные мышцы под обвисшей на шее кожей. Почесал забинтованную руку. Незаметно развязал узлы.

— Конечно, мне и в голову не пришло бы врать, — заявил Мерф, — на это мне ума хватает. Стать капитаном не так просто, особенно если ты не слишком поворотлив.

— Наверное, — согласился Кеа.

И снова почесался. Ложка удобно легла в руку.

— Да уж. Трудное дело, — повторил Мерф.

Кеа понял, что он принял решение. Увидел это в его хитрых глазах.

Кеа вскочил с койки, правой рукой врезал Мерфу в челюсть, а левой — той, что была прибинтована к телу, но теперь оказалась свободной, — нанес удар заостренным концом ложки. Попал прямо в горло. Увидел широко раскрывшиеся глаза. Почувствовал, как острие вошло еще глубже. С шумом вырвался воздух. Кеа снова опустился на койку, а Мерф рухнул на пол. Несколько раз дернулся. Жизнь быстро покидала его тело.

Неподвижность.

Кеа пошевелил ногой, пнул тело Мерфа. Никакой реакции. Только теперь Кеа позволил себе немного расслабиться. Напряжение постепенно уходило. Можно отдохнуть. Позже он поднимется и еще раз проверит курс. Пробежит глазами по показаниям совершенно исправных приборов.

А потом приготовит немного супа.

Теперь у него будет полно еды и питья. И воздуха для дыхания. Однако, если бы Мерф не догадался, что он соврал, ситуация оказалась бы куда более тяжелой.

Глава 24

Нью-Йорк, 2194 год нашей эры

Человечество нуждалось в новых героях, когда Кеа Ричардс, единственный уцелевший космонавт с «Фортуны I», вернулся с Десятой базы на Землю. Кеа не знал, каким образом статус героя поможет

ему использовать абсолютное преимущество, которым он теперь владел, но он был достаточно хитер, чтобы отказаться от него. Ричардс придумал историю, которая все объясняла. Он сказал правду относительно причин катастрофы: столкновение с метеоритом. Только не стал сообщать, что это произошло в иной вселенной. И уж конечно же, никому не рассказал об открытии АМ-2.

Он вел себя очень скромно. Играл роль самого обычного работающего космического инженера, который сумел в экстремальных обстоятельствах одержать победу над пространством и временем. Кроме того, он подробно расписал тот «факт», что, когда бесстрашные ученые и готовая на самопожертвование команда погибали вокруг него один за другим, сообщая напоследок что-нибудь особенно благодарное, Ричардс сумел справиться со всеми трудностями только благодаря тому, что получил образование в Калифорнийском технологическом, хотя из-за возникновения финансовых проблем вынужден был уйти с последнего курса.

Ему выплатили огромный аванс, и он принял активное участие в составлении своей автобиографии. Кеа посещал банкеты и лекции, а его персональный агент собирал обильный денежный урожай. И еще Кеа Ричардс был желанным гостем на всевозможных вечеринках. Улыбался, внимательно слушал мужчин и женщин, наделенных немалой властью, — а тех в свою очередь привлекала возможность поговорить со знаменитым героем. Он лгал, лгал беспрестанно.

Иногда Кеа размышлял о том, как отнесся бы ко всему происходящему прежний Кеа Ричардс, тот, что жил в Каханамоку и первые два года в Калифорнии. Ричардс до встречи с Баргетами и долгих, тяжелых лет, проведенных в космосе, по ту сторону от Барьера Тридцать Три. «Ну и черт с ним! — решил он. — Наступает момент, когда человеку пора повзрослеть и отказаться от мысли, что жизнь — это прекрасная розовая страна, где разгуливают симпатичные зайчишки и овечки».

А кроме того, теперь он владел антиматерией-два. Ключом к неограниченной личной власти, тут он был с собой честен. Но в то же время Кеа прекрасно понимал, что АМ-2 может стать уникальным даром человечеству и другим существам, с которыми оно рано или поздно встретится в далеких уголках вселенной. Он не собирался тратить время на этические дискуссии даже с самим собой.

И никак не мог решить, что делать дальше. Антиматерия-два. Целые галактики дешевой энергии. Как говорил Фазлур, это изменит все, возникнет новая цивилизация — или чудовищная бойня, невиданная до сих пор. Ричардс был самым решительным образом настроен на то, чтобы изменить мир к лучшему. Он сделает возможное и невозможное, чтобы от этого открытия выиграли все. Ни фьюеры и премьеры, ни президенты и Рокфеллеры не смогут помешать

ему довести дело до конца. И конечно же, не Баргеты. Он не позволит, чтобы новый источник энергии был направлен на злые цели, как это произошло с величайшими открытиями, начиная от пороха и нефти и кончая атомной энергией.

«Рассмотрим ближайшие проблемы. Первая и важнейшая, — думал Кеа, — остаться в живых, всегда быть начеку. Тайна АМ-2 уже стоила немало жизней — и стоит целых миров». Ричардс понимал, что даже намек на существование антиматерии-два в Альва-секторе приведет к тому, что сотни гангстеров и убийц пойдут по его следу — их наймут магнаты, для которых появление АМ-2 приведет к роковым последствиям. Не говоря уже о том, что планетарные правительства могут выдвинуть против него весьма серьезные обвинения.

Ну и ладно. Значит, придется вести себя так, словно Альва-сектор — это некий тайный рудник, спрятанный в глухих джунглях, дорогу к которому знает лишь один Кеа Ричардс. Он не должен возвращаться в Альва-сектор и разрыву в континууме в N-мерном пространстве до тех пор, пока не будет абсолютно уверен в том, что за ним никто не следит. Да и вообще в ближайшем будущем нет никакого смысла снова туда отправляться, продолжал размышлять Кеа. До того как начать добычу антиматерии-два, необходимо изобрести «ручку». Шит. Некое вещество, синтезированное или натуральное, на которое ни материя, ни антиматерия не оказывают никакого воздействия.

Ричардс пожевал губу. Серьезная проблема. Он усмехнулся — как если бы представил себе, что убийцы и специалисты по сканированию мозга занялись собиранием орехов в мае. Он продолжал анализировать ситуацию и придумал замечательную Уловку-22 — только тут была тройная хитрость: чтобы использовать власть (АМ-2), ему необходимо достичь власти (богатство и влияние). Которую безопаснее и легче всего достигнуть, культивируя власть. Уловка-22.

Эта третья власть — мужчины и женщины, чье эго Ричардс старался убажить, рассказывая о своих подвигах. Именно они будут существами, которых он решил изменить или уничтожить, когда поведет расу людей к новой судьбе. Кеа вспомнил древнюю поговорку: «Если ты не являешься частью решения, значит, ты часть проблемы». Так был определен следующий шаг.

Работа. Он не собирался возобновлять свой контракт с «Космическим путем». Да и другие предложения Ричардса не слишком привлекали. Корпорации хотели видеть его среди своих сотрудников исключительно из-за известности Кеа — точно так же они приглашали на работу звезд гравиболо. Ричардс станет рекламным символом для своих новых хозяев. Нет, он будет продолжать появляться там, где ему больше платят, и одновременно заводить нужные знакомства.

Кеа тщательно изучил все предложения, которые приходили на его имя; раньше он не обращал на них особого внимания. Одно письмо было от Остина Баргета. Тот просил Кеа позвонить ему в любое время дня или ночи по частной линии. Ричардс уже собрался выбросить письмо в мусорную корзину, но в последний момент передумал. Баргета? Известная величина. Еще совсем недавно он мечтал о новой встрече с ним. Тогда это казалось невозможным. А теперь? Он слышал — хотя и дал себе обещание смотреть в сторону Баргетов только через прорезь прицела, — что Остин оправдал возлагаемые на него надежды и стал Главой семьи, несколько лет назад сменив отца.

Старший Баргета покончил с собой на Марсе через три года после того, как жизнь Кеа была разбита — во всяком случае, необратимо изменилась. Причем обстоятельства самоубийства были настолько отвратительными, что средства массовой информации позволили себе лишь невнятные намеки.

Кеа снова положил перед собой листок бумаги и задумался. Вполне возможно.

Он направился в библиотеку и произвел кое-какие исследования. Очень даже возможно.

Семья Баргета все еще оставалась одним из колоссов двадцать второго столетия. Однако ее положение перестало быть таким прочным, как раньше. Были сделаны неудачные вложения. Транспортная корпорация Баргета, дерево, на котором так хорошо росли деньги, начало засыхать. Старый Баргета приказал посадить новые растения, но они так и не стали плодоносить. Он вложил огромные средства в строительство более современных моделей космических кораблей, но выбрал для этого весьма неблагоприятный момент: рынок был и так перенасыщен, а конструкция не отличалась революционными изменениями. Поэтому ему и пришлось «передать» скипетр Остину.

Кеа довольно быстро понял, что Остин не смог переломить ситуацию — слишком долго оттягивал с решительными изменениями, и проблемы достигли критического порога. После чего он принял решение: торговля между планетами не имеет особой перспективы, будущее принадлежит пассажирским перевозкам. В короткий срок четверть всего торгового флота Баргеты была переоборудована в лайнеры — как раз в тот момент, когда очередная волна спада накрыла Солнечную систему. Остин лично участвовал в открытии новых маршрутов, которые раз за разом оказывались убыточными.

Кеа негромко рассмеялся. Старший Баргета нашел бы этот смех знакомым.

Теперь о самом Остине. Женат, естественно. На бывшей модели мисс Улыбающаяся Грудь. Двое детей. Особняки. Путешествия. Фи-

лантропия. И так далее... А где же сплетни, грязь? Ага. Остин много путешествует один. Со своими сотрудниками. Ричардс пристально посмотрел на голографическое изображение Остина и его сотрудников, поднимающихся на трап очередного космического корабля. Ему сразу стало ясно, что Остин придает большое значение внешней стороне вопроса, даже при выборе ближайших советников. Ричардс наткнулся на несколько более откровенных сплетен в тех источниках информации, которые не слишком следили за собственной репутацией.

Картина получилась достаточно четкой.

Кеа позвонил. Остин был ужасно взволнован. И счастлив, что его старый друг, товарищ по университету, человек, который очень многому его научил, нашел время. Они должны встретиться. Обязательно.

Например, завтра? Кеа сознательно решил настоять на своем.

Ну, сказал Остин, на завтра назначена встреча. Дурацкая, скучная, но ты же знаешь, я должен размахивать знаменем и делать серьезный вид, принимать важные решения. На это уходят целые дни.

Ага, ответил Кеа. Понимаю. Сейчас проверю свой старый бортовой журнал (Кеа обнаружил, что многим важным шишкам, с которыми он в последнее время встречался, нравилось, когда он использовал морские термины, — ни один уважающий себя космонавт, не раз выходивший в открытый космос за Барьером Тридцать Три, не употребит их в своей речи, если только не будет обсуждать какой-нибудь дурацкий фильм). Знаешь, черт бы их всех побрал, ты даже не представляешь себе, как я сейчас занят, сказал Ричардс. Все расписано на много дней вперед. Так, давай посмотрим. На следующей неделе Институт Маклина... потом встреча в Нью-Дели... К тому же я тут недавно говорил с некоторыми людьми относительно моих задумок — меня посетили кое-какие мысли, пока я был там. Появились всякие многообещающие коммерческие возможности, которые мы обсуждали с покойным доктором Фазлуром. Мы обязательно должны встретиться. Когда-нибудь. Может быть, после того, как я соберу некоторый капитал.

И вдруг совещание Остина перестало быть таким важным. Встречаемся завтра!

Продолжая улыбаться, Кеа отключил связь, и улыбка сошла с его лица так же быстро, как исчезло с экрана изображение Баргеты. Ну ладно, недоносок! Теперь будем общаться на моих условиях. Поговорим о том, как я стану твоим любимым авантюристом.

На самом деле они говорили о множестве разных вещей. Встреча продолжалась три дня, несколько бесконечных трапез и множество бутылок. Они обсуждали все, кроме Марса. Остин как-то упомянул имя Тамары. Она вышла замуж — как-то старомодно — за какого-то трансокеанского любителя парусных гонок, который на пять лет

ее моложе. Они живут в выстроенном специально для них особняке на Сейшельских островах.

Кеа кивнул. Надеюсь, она счастлива. Если встретишь ее, обязательно передай привет. А помнишь, как мы напились и обрызгали кислотой синтетическое покрытие университетского стадиона перед тем дурацким футбольным матчем, который по традиции устраивали накануне Нового года? Вот это были времена!..

К концу этой марафонской встречи, которую всегда трезвый мозг Кеа назвал «мыслительным coitus interruptus», Ричардс получил работу. Величина заработной платы, условия, да и сама должность остались неопределенными.

— Знаешь, старичок, — продолжал Остин, сохраняя прежний небрежный тон и университетский сленг, который Кеа уже успел забыть, — мы потом это обмозгуем.

Однако все получилось несколько иначе. Через два дня Кеа пришел в корпорацию Баргеты на работу. Уже через час явилась пресса — кто-то успел сообщить им, и журналисты устроили импровизированную пресс-конференцию. Начались переговоры. Кеа представляли те же адвокаты, что выторговали ему солидный аванс за воспоминания. Он дал указания, чтобы они пошли на максимум, что адвокаты с удовольствием и сделали. Один из представителей компании пришел в ярость и помчался в кабинет Остина.

Баргета заявил, что его не интересуют такие мелочи: заключите проклятый контракт, и все тут. Этот человек мой друг.

«А кроме того, — добавил он после паузы, — пресса раструбит о том, как мы оставили с носом остальных конкурентов. Ричардс будет работать у нас. Вы что, хотите быть тем крайним, который скажет, что корпорация Баргеты не в состоянии взять в свой штат героя космоса? Вы к этому готовы? Я — нет».

Служащему ничего не оставалось, как вернуться назад, договориться с адвокатами Ричардса, заключить сделку, а результат отослать куда следует.

Поначалу Остин и Кеа много путешествовали вместе. Остин не уставал повторять, что теперь они вернулись в свои лучшие студенческие годы; Кеа охотно с ним соглашался.

«Все идет отлично», — подумал Кеа, когда прошло полгода. Он постоянно встречался с людьми, от мнения которых зависели судьбы человечества. К тому же сумел сделать несколько неплохих предложений, совершенно очевидных для всякого, кто не провел всю жизнь на золотом унитазе. Его предложения быстро принесли корпорации Баргеты несколько миллионов кредитов.

Остин начал думать, что поступил очень разумно, взяв Кеа в свой штат. Теперь он хвастался, что всегда был способен найти нужного человека на нужную должность, что разглядел достоинства

Ричардса много лет назад, когда они только познакомились в Калифорнийском технологическом.

Пришло время для следующего шага. Настоящий мошенник всегда подбросит немного золота в рудник. Золота или того, что все примут за него. В данном случае эту роль сыграл Калифорнийский технологический.

Ричардс разыскал самого именитого профессора в кампусе, дважды лауреата Нобелевской премии. Когда Кеа был студентом, он сумел пробраться на один из семинаров, и ему пришлось тогда нелегко.

Доктор Фрили вспомнила Ричардса. Чем он занимался с тех пор, как закончил ее курс? Кое-чего добился? Она помнила, что Ричардс не слишком силен в теории, но при решении практических задач был одним из лучших. Как идут дела? Счастлив ли он? Занял ли хороший пост в каком-нибудь университете?

Кеа, стараясь не рассмеяться, сочинил относительно правдоподобную историю о лаборатории, в которой работает: мол, решил обратиться к доктору Фрили, которая являлась крупнейшим специалистом по микроанализу, потому что некто познакомил его с новой теорией микрочастиц. Ричардс не смог в этом разобраться сам, вспомнил о докторе Фрили, и вот он здесь. Не сможет ли доктор уделить ему несколько минут? Не будет ли она возражать, если Кеа запишет ее мнение?

Обычно она не дает консультаций подобного рода, но ради старого студента... Фрили просмотрела микрофишу. Подняла брови. Фыркнула. Подняла брови. Еще раз фыркнула. Подняла брови и выключила считывающее устройство.

— Если эта частица существует, — заявила она, — проблема может оказаться весьма занимательной. Ваш друг не сообщил здесь, как именно он сумел ее синтезировать. Эту несуществующую частицу можно назвать... необычная материя. Мне не хотелось бы использовать популярный термин «антиматерия», потому что это будет неправильное употребление названия.

— А как эта частица... если предположить, что она может существовать... как она будет работать в качестве источника энергии?

Поднятые брови. Фыркание. Доктор тщательно подбирала слова.

— Еще раз повторяю, ваш вопрос поставлен некорректно. Но я позволю себе воспользоваться аналогией из древней истории. Предположим — с моей точки зрения, это тоже исключено, — частицу можно безопасно использовать. Эффект получится, аналогичный нитроглицерину... Вы знаете, что это такое?

— Нет, но разберусь.

— Как я уже говорила, это все равно что воспользоваться нитроглицерином в качестве топлива в двигателях внутреннего сгорания. Возникает огромное количество энергии, двигатель не в состо-

янии ее использовать. Конечно, я привожу чисто умозрительные рассуждения. Такая частица не может существовать ни в какой нормальной вселенной.

— Спасибо, доктор. Я выиграл пари. Вы не могли бы дать мне математические выкладки?

— Ну... хорошо. Только, боюсь, придется взять с вас за это плату, надеюсь, ваше пари покроет издержки. Может быть... ланч?

Описание, конечно, было абстрактным изложением свойств частицы АМ-2. Кеа научился этому за последние шесть месяцев. Он знал двигатель, который будет в состоянии использовать эту энергию. Стар-драйв. Но ему по-прежнему не хватало «ручки». А пари действительно покроет все расходы: он получит вселенную.

Ричардс с радостью купил бы для доктора Фрили ресторан, в котором готовили бы только ее любимые блюда и доставляли прямо в кабинет до конца ее жизни. Но он не сделал этого — всего лишь пригласил в факультетское кафе. Он не мог ничего для нее сделать. Как только эта история привлечет к себе внимание, связь с Ричардсом или АМ-2 может стать для нее смертельно опасной. А кроме того, еще более серьезная опасность ей угрожала от самого Кеа. Ричардс знал, что чем ближе он подойдет к власти, тем большему количеству живых существ будет грозить смерть. Он взял в качестве закона еще одну поговорку: «Трое способны сохранить секрет, если двое из них мертвы»...

С расчетами доктора Фрили в руке и копией собственного проекта он пришел к Остину. Сказал, что должен показать нечто очень важное. Наедине. Начал Кеа с рассказа. Непосредственно перед катастрофой на борту «Фортуны I» доктор Фазлур анализировал явление, замеченное им на темной звезде, мимо которой они пролетали. У него получились совершенно поразительные результаты, по которым выходило, что можно синтезировать некую субстанцию, немного напоминающую то, что они заметили поблизости от пульсара. Если эти предположения верны, субстанцию можно синтезировать и превратить в...

Тут Ричардс протянул расчеты доктора Фрили. Остин просмотрел первую страницу на экране, нахмурился, потом возмущился:

— Кеа, старый вонючий ты носок! Тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, какие у меня отношения с цифрами. Не можешь, что ли, сразу все объяснить?

— Я только хотел быть уверен, что ты мне поверишь, а не подумаешь, что я окончательно сошел с катушек.

Кеа понял, что иногда бывает довольно полезно пользоваться студенческим сленгом — Остин его просто обожал. Он продемонстрировал все, что принес. Остин долго сидел молча, обдумывая. А потом только простонал:

— Ой-ой.

Кеа внимательно наблюдал за ним — попался?

Через некоторое время Баргета тихо произнес:

— Если эту частицу, эту субстанцию, знаешь ли, можно синтезировать... о, Кеа, я понимаю, почему ты решил поговорить со мной. Понимаю, почему вел себя так загадочно и молчал о своих планах. Знаешь, Кеа, я чувствую себя, как... как звали того человека? Который лишился дара речи на пике в Дариене? Хотя что может быть таким впечатляющим в Коннектикуте, я так никогда и не понял. Это потрясающе, Кеа. Просто потрясающе. Я... я мог бы стать Резерфордом. Доктором Маклином. И даже гораздо более великим, потому что это открытие перекроет в сто раз какую-то антигравитацию. Сначала стар-драйв, а потом, я уверен, найдется какой-нибудь способ модифицировать субстанцию, чтобы она стала источником энергии для всего. *Для всего*. Я чувствую себя как первый человек, добывший из земли нефть, — не знаю, как его звали. Ой-ой-ой, Кеа, надеюсь, это не какая-нибудь дурацкая шутка.

Целая неделя ушла на сомнения — слишком важная, серьезная проблема, этого просто не может быть, необходимо поставить в известность правительство, возможно, правление транспортных корпораций, нужно хотя бы изучить, возможно ли это вообще. Потому что мы станем богаче, чем тот старый грек, не помню, как его звали; Кеа, а ты уверен, что нужно этим заняться? Знаешь, есть ведь вещи, которые человеку просто не положено знать, хотя лично я не согласен с ребятами, которые поклоняются Христу и утверждают, что с каждым новым поколением человечество вырождается. Ведь я смогу стать более великим, чем отец, даже более великим, чем первый Остин, тот, в честь которого меня назвали и который основал нашу компанию...

— Займемся этой проблемой, — наконец сказал он.

Целая команда адвокатов и их помощников принялась за работу. Они должны были выполнять любые распоряжения Кеа. Так же как и все служащие лаборатории, совершенно секретной. Кеа предупредил Остина, что это может быть очень дорого. Баргета был готов вложить в дело до десяти процентов капитала всей корпорации в год. Лабораторию построили, в нее пригласили работать самых лучших ученых. Были созданы исследовательские и контрольные корабли для работы в глубоком космосе. Все в мире бизнеса знали, что корпорация Баргеты взялась за грандиозный проект. К счастью — Кеа это очень устраивало, — у Остина была репутация несерьезного человека, и поэтому над проектом сразу начали потешаться. Кеа никому не сказал, почему он назвал этот эксперимент «Проект Сак».

Оборудование и персонал были настоящими. Только на самом деле затея была абсолютно пустой. Кеа знал, что АМ-2 невозможно синтезировать — во всяком случае, синтезированная АМ-2 окажется дороже топлива, которым сейчас принято пользоваться для стар-

драйва. «Нет, — поправил себя Кеа. — Никогда не говори “никогда”. Антиматерию-два нельзя синтезировать в данный момент истории, впрочем, вполне возможно, что и ни в какой другой. Остановимся пока на этом. Кроме того, когда мы обнаружим способ экранировать частицы, что будет означать возможность защитить добывающие и обрабатывающие корабли, АМ-два станет дешевым, как грязь. Во всяком случае, для меня».

Эту сложную шараду Ричардс задумал по трем причинам. Во-первых, лаборатория являлась вполне приемлемым прикрытием для тех, кого могло заинтересовать, откуда поступает субстанция. Не очень важная причина. Во-вторых, появлялась возможность получить исследовательские корабли, которым давали четкие инструкции, известные только командам кораблей. Они искали элемент, который можно было использовать или модифицировать, чтобы создать экран для АМ-2, Кеа назвал его Х. Отчеты экспедиций тщательно изучались на случай, если в них содержится информация, которая может привести к синтезу необходимого вещества.

И еще одно преимущество «Проекта Сак» — секретность, с которой набирался персонал. Ричардс выискивал самых лучших ученых. Эти люди должны были отвечать двум дополнительным требованиям. Первое — либо они не имели семьи, либо те могли путешествовать вместе с ними, либо они не поддерживали никаких отношений со своими родственниками. Второе — у каждого была какая-то своя тайна: совершенное преступление, которое не было раскрыто, сексуальные привычки, политические или социальные теории, не поддерживаемые на планете (в провинции), откуда ученый был родом, алкоголь, наркотики... А еще лучше, если человек являлся мизантропом. Если благодаря усилиям Ричардса этим ученым и удастся что-нибудь отыскать, их можно будет использовать для завершения исследований АМ-2.

Ричардс купил Первую базу на Деймосе и устроил лабораторию. Сказал Остину, что именно там будут проводиться основные исследования частицы Х. Никакой утечки информации к конкурентам, потому что никто, кроме персонала, работающего на корпорацию Баргета, не будет допущен на Деймос, а каждое подразделение лаборатории займется решением одного небольшого раздела задачи.

Наконец, и это было важнее всего, «Проект Сак» стал дойной денежной коровой Кеа. Конечно, за расходами велся контроль. Но не настал еще день, когда опытный инженер, прошедший школу дальнего космоса, не сможет украсть столько, сколько пожелает. Особенно в условиях строжайшей секретности, в которых проводилась операция.

Прошло шесть лет. Как сказал один из новых симпатичных друзей Кеа — богатый плебей, не слишком беспокоящийся о своей

репутации, — Ричардс был занят больше, чем одноногий человек в состязании по ляганию задниц. Несколько вульгарное, но совершенно точное сравнение.

Во-первых, Кеа руководил «Проектом Сак». Так как он был единственным человеком, знавшим, что на самом деле необходимо сделать, ему приходилось посещать все лаборатории и просматривать отчеты. В результате у него сложилась репутация очень жесткого менеджера, его уважали; хотя многие и ворчали, потому что мимо Ричардса и мышь незаметно проскользнуть не могла. Вот только уважение не заменяло сна и отдыха.

Во-вторых, Кеа «помогал» Остину управлять корпорацией Баргеты. В действительности Кеа позаботился о том, чтобы все, с кем ему приходилось иметь дело, так или иначе узнали: именно он, Ричардс, реально решал все вопросы. Обычные работники компании относились теперь к Остину как к ограниченному дурачку, а среднее звено руководителей считало его дилетантом. Кеа постоянно уговаривал Остина побольше отдыхать: путешествовать, отвлекаться от работы. Чтобы сохранять активность и свежий взгляд на вещи. Если он, Остин, похоронит себя за письменным столом, вникая во всякие мелочи, за которые отвечает Ричардс, кто же сможет решать глобальные вопросы и уберечет корпорацию от совершения стратегических ошибок?

В то же время Кеа часто позволял Остину принимать решения, хотя нередко они были ошибочными. Ричардс не возражал. Конечно, Кеа мог бы единолично руководить компанией, но он знал, как обидчивы некомпетентные люди. Увольнение не входило в его планы. Правда, учитывая тот уровень, на котором он уже находился, точнее было бы сказать: «удалился от дел для решения проблемы личного характера».

Кеа много путешествовал инкогнито. Ему приходилось встречаться с людьми, которые занимались научными исследованиями и производством и не имели ничего общего с корпорацией Баргеты. Иногда он пользовался псевдонимом и фальшивыми документами. Одним из самых любимых был Х. Е. Рашид — в честь Бертока и Шахерезады. Время от времени люди ухмылялись, услышав это имя, — и тогда Ричардс старался их запомнить, чтобы в дальнейшем использовать в своей деятельности.

Его новые контакты и друзья далеко выходили за рамки делового мира. Политики. Люди, занимающиеся весьма странными делами, некоторые из них уже давно поставили себя вне закона. Кеа тратил огромные деньги, но делал это с умом. Он всегда был готов внести вклад в политические кампании, не обращая внимания на то, к какой именно партии принадлежит кандидат. Со временем Кеа стал контролировать значительное число свободных территорий

на Ганимеде. Кроме того, ему принадлежало около четверти самого спутника. Собственное поместье Ричардса скорее напоминало маленький ультрасовременный парк, чем огромные расплзшиеся владения миллионера.

Кеа и сам не заметил, когда это произошло, но теперь можно было смело утверждать, что он принадлежит к числу самых богатых людей Земли. Это положение обеспечивал ему не только колоссальный гонорар в корпорации, открытый доступ к деньгам на «Проекте Сак», но и постоянный источник доходов — его новые друзья неплохо платили за самые разные услуги. Кеа играл на бирже, пользуясь всеми законными и незаконными способами, однако ему удавалось не афишировать свое участие. Он понимал, что рано или поздно начнется расследование — но если этот день когда-нибудь наступит, Ричардс либо будет мертв, либо исчезнет, либо у закона будут слишком коротки руки, чтобы до него дотянуться.

В самом начале нового столетия произошел прорыв. Вернулась экспедиция. Не со звезд — Кеа вложил огромные капиталы корпорации Баргеты, чтобы финансировать две дальние звездные экспедиции, — а из Солнечной системы. Сразу же за Плутоном, примерно в том месте, где, как считали многие, когда-то находилась одиннадцатая планета, нашли метеорит диаметром около четверти километра, который после испытаний взяли с собой. Капитан корабля доложил, что в заданном районе существует достаточное количество астероидов аналогичного состава.

Это был тот самый материал Х. Он не вступал в реакцию ни с какими другими веществами. Материал с трудом, но поддавался обработке. Никак не реагировал на любые формы излучения. В лаборатории сумели создать очень незначительное количество антиматерии — Х на нее тоже не реагировал. С достаточно высокой температурой плавления, материал можно было использовать в качестве брони для космического корабля, причем обрабатывая на обычном заводе.

Чуя близкую победу, Ричардс позволил себе широкий жест: сам дал название новому веществу — империум-Х. А потом приказал, чтобы некий очень необычный корабль был перемещен с далекой орбиты Марса в секретную лабораторию на Деймосе. Здесь от носа до кормы корабль покрыли слоем империума-Х в несколько молекул толщиной. Это был тот самый старый космический корабль, брошенный много лет назад на орбите Марса, который Кеа купил за бесценок и модифицировал. Теперь кораблем мог управлять один человек и несколько компьютеров. Он был уже заправлен топливом — большая часть ресурсов «Проекта Сак» пошла на то, чтобы подготовить корабль. Путь Кеа лежал в Альфа-сектор, к разрыву континуума. Оставался последний, решающий тест.

Компания объявила, что Ричардс наконец решил взять отпуск. Кеа сообщил Остину, что будет отсутствовать не меньше трех земных месяцев. Он не скажет, куда отправляется, даже своему лучшему другу. Ведь сам Остин говорил, что он должен так сделать, — год или около того назад.

— Я такое говорил?

— Вот именно. Мы довольно сильно набрались тогда. Помнишь? Э, ты же никогда ничего не забываешь, разве не так?

Остин даже не улыбнулся. В последнее время у него возникли кое-какие сомнения насчет Кеа. Ему казалось временами, словно тот намеревается идти дальше своим путем. По крайней мере, он вел себя так, точно понятие «Династия Баргеты» не имело никакого значения. Возможно, придется поговорить с Кеа, он ведь на самом деле его друг. Но Остин вспомнил Марс и слова отца о том, что каждый должен знать свое место и что этот урок человек учит всю жизнь. С точки зрения корпорации Баргеты незаменимых людей не бывает. Это относится даже к членам семьи — как раз в этом году Остин уволил парочку своих двоюродных братьев. Никто не является жизненно необходимым для Баргеты — естественно, кроме самого Остина.

За два дня до отлета Ричардс работал на собственном, не подсоединенном к сети стационарном компьютере — он рассчитывал курс к Альва-сектору. Прозвучал сигнал вызова. Его секретарша — Кеа специально набирал мужчин и женщин, принимая во внимание их компетентность и привлекательность, сознательно создавая контраст гарему Остина, — сказала, что к нему пришла посетительница, которая отказалась назвать себя. Что делать?

Секретарша была явно озадачена и словно бы нечаянно, но в соответствии с инструкциями нажала кнопку экрана, установленного в приемной. Это не первый посетитель, не захотевший назвать своего имени и требовавший аудиенции с боссом.

Кеа очень гордился собой: ему понадобилось меньше двух секунд, чтобы сказать нормальным, ровным голосом:

— Ах да. Проводите ее ко мне.

Тамара. Все еще хорошенькая. В строгом деловом костюме, но в шелковой блузке, менявшей цвет, когда на нее попадали солнечные лучи. Кеа знал, что под костюмом у нее ничего нет. Она выглядела как и раньше: «можешь взять меня, когда и как только пожелаешь». У Кеа на мгновение закружилась голова. Но он этого не показал. Не дождется!

Обнял Тамару, как старого доброго друга. Запретил своему сознанию обращать внимание на упругую грудь под тонким материалом. Приказал секретарше ни с кем не соединять. Предложил гостье выпить. Усадил на диван и сам сел рядом — не очень близко. Сказал, что все эти годы мечтал ее увидеть. Что она делает в городе?

Прихожу в себя, ответила Тамара. Ее голос по-прежнему волновал Кеа, как и в то время, когда она показывала ему, что можно сделать при помощи нескольких кубиков льда и кожаного ремня.

— Мой муж и я... мы больше не вместе.— Тамара пожала плечами.— Он помешан на гонках, хотя за последнее время ему так и не удалось ни разу победить. Мальчики обожают играть в игрушки. Я думаю, он так и не повзрослел, в отличие от меня.

— Ну... я сожалею.

— Я много о тебе думала в последние годы. И мне казалось...— Она замолчала, предлагая Кеа взять инициативу в свои руки.

Ричардс ждал со спокойным, заинтересованным выражением на лице — похоже, старый, уважаемый друг собирается сказать ему что-то очень важное.

Тамара предприняла новую попытку.

— Знаешь, я много всего помню. Камин. Шелк. Смех. Ветер в лицо.— Она хихикнула.

Кеа несколько мгновений хмурился, потом «вспомнил».

Тамара поморщилась. Все идет не так, как она планировала...

— Главным образом я помню ошибки. Особенно одну.

— Да. Я тоже.

— Мне кажется,— сказала Тамара, скромно опустив глаза и сложив руки на коленях,— тогда я была настоящим маленьким дерьмом. Мне понадобилось довольно много времени, чтобы повзрослеть. Я никогда не смогу объяснить тебе, как я сожалею о случившемся и как сильно хочу исправить причиненное тебе зло.

Ей удалось расплакаться. Кеа подал платок.

— Оба мы,— произнес он,— тогда вели себя как дети. Одна ошибка уравнивает другую.

Тамара собралась было что-то сказать, но потом замолчала. Потому что не могла понять, что означают последние слова Кеа. Затем она проговорила:

— Во всяком случае, Остин оказался намного умнее меня. Потому что ты не исчез и не все еще потеряно... Я хочу сказать, мы ведь живем в реальном мире. И у каждого может быть еще один шанс, не так ли?

Кеа обнял ее. Поцеловал — как брат.

— Конечно... И знаешь, я тоже тебя не забывал.

А потом встал и мягко поднял ее за локоть.

— Теперь у нас будет время, чтобы как следует узнать друг друга. Послушай. Как только я вернусь из... деловой поездки, сразу же позвоню. Может быть, пообедаем вместе. Нам нужно о многом поговорить.

Кеа вернулся обратно к своему столу. Тамара пристально посмотрела на него. Вымученно улыбнулась. Он спокойно улыбнулся

в ответ. Она медленно подошла к двери и приоткрыла ее. Кеа продолжал улыбаться. Тамара вышла, и дверь с тихим шипением стала закрываться. Но прежде чем она окончательно захлопнулась, он рассмеялся.

Громко. Жестким, холодным смехом. Так, как смеялись Баргеты на Марсе. А потом он забыл о Тамаре.

Кеа Ричардс исчез. Сам — и его звездный корабль, которому он так и не дал имени. Он хитрым, запутанным курсом вел свой звездолет к Альфа-сектору. Туда, где находился разрыв континуума. Однажды на фоне межзвездной черноты Кеа заметил пляшущие искорки, фейерверк в безлунной ночи — частицы обычной материи сталкивались с частицами АМ-2.

Он изменил курс, направил свой корабль прямо в разрыв. И оказался в другой вселенной — вселенной, где все было черным и одновременно всецветным. Ричардс управлял кораблем на четверти тяги, при помощи автоматической системы, которую разработал за годы напряженных размышлений. Она намного превосходила возможности прежних кораблей.

На носу был установлен детектор массы. Он подал сигнал. Корабль приближался к целой группе небольших тел. Каждое не более метра в поперечнике. Но это антиматерия-два — и ее вполне достаточно, чтобы разрушить маленькое суденышко. Ричардс заглушил стар-драйв и перешел на драйв Юкавы, затем отключил всю тягу, затормозил и дал возможность кораблю по инерции сблизиться с осколком АМ-2.

Перевел взгляд на другой прибор и затаил дыхание. Это устройство фиксировало соприкосновение обшивки корабля с любым, даже самым маленьким предметом — например, капелькой дождя. Прибор показывал, что несколько крошечных частиц вошли в соприкосновение с обшивкой после того, как корабль попал в эту безумную вселенную. С частичками АМ-2! Его корабль до сих пор не пострадал!

Детектор масс теперь непрерывно звенел. Ричардс перешел к другому устройству. Вставил руки в специальные углубления и сосредоточился на инструментах. Из-под носа корабля выдвинулся захват с лапой на конце — еще одно изобретение Кеа: ковш, покрытый империумом-Х. Долгие минуты он возился с новым для себя устройством. На лбу Ричардса выступила испарина. Если он допустит ошибку, годы напряженного труда пойдут прахом. Более того, он и сам погибнет. Если империум-Х не обладает искомыми свойствами, АМ-2 взорвется.

Судя по показаниям приборов, кусок АМ-2 находился в ковше. Кеа невольно закрыл глаза, ожидая взрыва. Ничего не произошло.

Он втянул ковш внутрь. Опять ничего не случилось. Кеа Ричардс стал гордым обладателем куска АМ-2. Он поместил его в специальную камеру, тоже покрытую империумом-Х. Нажал на кнопку автопилота, и корабль полетел к выходу из альтернативной вселенной. Полная победа!

И хотя еще очень многое оставалось сделать, Кеа Ричардс знал: он стал господином вселенной.

Менее чем через год произошли два грандиозных катаклизма. С интервалом в месяц. Первый прервал все телепередачи в Солнечной системе. Деймос взорвался. Спутник Марса превратился в щербатый астероид вроде Фобоса. Такого просто не может быть. Луны не кончают самоубийством. На Деймосе не было людей, за исключением нескольких служащих, оставшихся на старой Первой базе. Постепенно начали выясняться новые подробности. На самом деле Деймос был достаточно плотно населен. Несколько сот людей работали в секретных лабораториях, построенных в помещениях старой Первой базы. Лаборатории принадлежали корпорации Баргеты. Скандал разрастался. Пять, нет, шесть, нет, четыре с половиной сотни людей исчезли. Кто-то должен за это заплатить.

Телерепортеры и другие журналисты тесно набились в зал для пресс-конференций. Один из директоров, белый как мел, прочитал заранее заготовленное заявление. Да, лаборатории принадлежали корпорации. Нет, он не может сказать, чем именно там занимались, — это связано с космическими полетами. Нет, Остин не знает, что произошло. Научные консультанты корпорации Баргеты уже приступили к расследованию причин катастрофы. Нет... больше никаких комментариев не будет.

Репортеры разыскивали Кеа Ричардса. Он ничего не мог добавить. У него нет новых идей насчет случившегося. И абсолютно никаких комментариев.

— Что, черт подери, произошло? — взвыл Баргета.

— Не знаю, — сказал Ричардс. — Два земных дня назад со мной связался Мастерсон, директор комплекса. Он сообщил, что одна из исследовательских групп нашла новую и очень интересную зацепку, но она столь необычна, что он не захотел рассказать мне о деталях экспериментов до проведения дополнительных тестов. Возможно, что-то произошло во время испытаний.

— О господи! — простонал Остин. — Там было столько людей! Самые лучшие ученые, каких мы только смогли отыскать. Это ведь не простые рабочие. Мой бог, мой бог! Ты понимаешь, что мне скажут на традиционной ежегодной встрече акционеров? Как я объясню им происшедшее?

Вторая катастрофа была внутреннего характера. Аудиторы подготовили генеральный отчет по «Проекту Сак». «Это что-то вроде

финансовой черной дыры», — подумал Остин, просматривая выводы. Тридцать восемь процентов всего капитала корпорации Баргеты — не только транспортной компании, но и дочерних подразделений — было истрачено на развитие проекта. И что хуже всего: в приложенном научном отчете сообщалось, что все попытки синтезировать субстанцию X не только ничего не дали, но еще и привели к уничтожению Деймоса — идея оказалась абсолютно безнадежной. Философский камень. Двигатель внутреннего сгорания, работающий на кислородной смеси и не загрязняющий окружающую среду. Холодная ядерная реакция. Баргета если и не обанкротился еще, то стремительно приближается к этому состоянию. Огромный конгломерат разрушен. Им повезет, если они продержатся еще два финансовых года, разве что чудо какое-нибудь произойдет. Только никаких чудес на горизонте не предвиделось.

Остин просмотрел последнюю страницу и отправился искать Кеа. Нашел его в кабинете. Комната была абсолютно пустой, в углу стояли ящики.

— Что...

Кеа показал на конверт, адресованный Остину, лежащий на столе. Баргета взял его в руки. Просьба об отставке.

— Все это, — сказал Кеа монотонным голосом сраженного горем человека, — моя вина. Я... я ошибся. Нет золота, нет и радуги.

Баргета искал подходящие слова и не мог найти. Кеа собрался что-то сказать, но только положил Остину руку на плечо, повернулся и ушел.

Баргета подошел к окну и стал смотреть вниз, с двухсотого этажа на Мэдисон-авеню. Для него, для его семьи и для корпорации Баргеты мир перестал существовать. Что будет дальше? Что сейчас?

А затем акции корпорации Баргеты и дочерних предприятий начали падать с головокружительной быстротой еще до того, как было собрано экстренное совещание акционеров. Новость *вынесли*.

Проведенное расследование показало, что кто-то распродал акции корпорации Баргеты за несколько дней до того, как был пушен во внутреннее обращение доклад аудиторской комиссии. Узнать, кому принадлежали акции, так и не удалось, потому что они прошли через бессчетное количество рук, прежде чем их окончательно продали.

Кеа Ричардс исчез, оставив свои земные поместья, друзей, женщин и вообще все, что ему принадлежало. Оказалось, что Кеа вел спартанский образ жизни и почти ничем не владел. В его особняках практически не было мебели, а квартиры, в которых он жил, сдавались с мебелью. То же самое можно было сказать про яхту и граvimобиль.

Остин Баргета, заикаясь, что-то бормотал на совещании акционеров, которые были потрясены не меньше самого Остина, когда

прочитали отчет аудиторской комиссии. Решение принято не было, заседание отложили до следующего дня. Остин на нем не присутствовал. Сразу после первого совещания он достал пистолет из своего сейфа. Старый тринадцатимиллиметрового калибра автоматический пистолет, который оставался семейным достоянием со дня основания династии. Остин совсем недавно заказал для него пули. Теперь он зарядил пистолет, неуклюже приставил его к виску, подумал о том, что Баргеты, по крайней мере, являются честными людьми, и нажал на курок.

Пуля вошла в мозг. К несчастью, она не превратила Остина в труп. Баргета, слепой, немой, способный только на моторные реакции, остался жив.

Кеа Ричардс, находившийся в добровольной ссылке на Ганимеде, послал телеграмму, в которой сообщил, что потрясен случившимся. Чем он в силах помочь? У него есть небольшие сбережения, и если благодаря им Остина не укут в какую-нибудь государственную клинику, пусть родственники только сообщат ему об этом. Родственники, естественно, ответили отказом. Они были банкротами, но не могли опуститься до милостыни. Кеа почувствовал минутное сожаление — ублюдку следовало почаще тренироваться в стрельбе.

Кеа отомстил за себя. И за многих, многих других. За свою мать, которую почти не помнил и которая затерялась где-то в глубинах космоса. За отца, бабушку и жителей Хило, погибших, скорее всего, из-за того, что какая-нибудь процветающая компания должна была поддерживать в порядке приливные барьеры, а на самом деле отпущенные на это средства просто брала себе и тратила по собственному усмотрению. За Леонг Сак, не знавшую ничего, кроме нищеты, когда жила на родине в Корее и когда перебралась на Мауи. Даже за несчастного ублюдка Томпсона, который, вне всякого сомнения, заслуживал гораздо большего, чем ютиться в грязном переулке и пользоваться репутацией полоумного придурка. За всех тех, рядом с кем Кеа вырос, кто жил и в поте лица трудился ради того, чтобы люди вроде Баргеты могли иметь тримараны на Марсе. За космонавтов, допившихся до белой горячки или погибших вследствие производственных «несчастных случаев», потому что владельцы кораблей интересовались соблюдением норм безопасности не больше, чем это предполагалось по закону. И за многих, многих других.

Кеа был готов создать свое «оружие». Когда Деймос взлетел на воздух, погиб всего один человек. Подрывник, которого Кеа нашел среди тех жителей Марса, что были не в ладах с законом. Очевидно, он оказался не настолько хорошим специалистом, как утверждал.

Все остальные — ученые, инженеры, обслуживающий персонал и их семьи — за несколько дней до взрыва были эвакуированы на Ганимед, где им предстояло заняться настоящей работой.

Ганимед, 2202 год нашей эры

Кеа решил, что ему понадобится двадцать лет, чтобы завоевать трон — трон, созданный собственными силами. Ему потребовалось гораздо меньше времени — события начали развиваться со скоростью света. В некоторых случаях он сам приложил к этому руку, потому что знал: необходимо создать физическую, моральную и экономическую крепость, прежде чем *они* попытаются забрать ее у него. «Они» — не только миллионеры и процветающие бизнесмены, но и планетарные правительства. Поэтому Кеа Ричардс не мог терять время. Он продвигался вперед очень быстро. Время, проведенное с Баргетой, казалось ему теперь жизнью, наполненной ленивым бездельем.

Поначалу всем казалось, что Кеа Ричардс удалился от дел и, укрывшись в своих поместьях на Ганимеде, развлекается тем, что играет в научные игрушки. На самом же деле его космический корабль был модифицирован для использования АМ-2 в качестве топлива. «Бак для горючего» был совсем небольшим и сделан из империума-Х — так же как и некоторые детали самого двигателя. По ходу дела возникла одна, на первый взгляд неразрешимая проблема — как добиться того, чтобы смазка двигателя не входила в контакт с АМ-2, но в конце концов и эту задачу удалось решить.

После успешного завершения наземных испытаний Ричардс и доктор Мастерсон без лишнего шума взошли на борт космического корабля. Все небо у них над головами занимал Юпитер. Кеа стартовал, используя генератор Маклина, затем перешел на драйв Юкавы. Когда они покинули поле притяжения планеты, Кеа проверил показания сверхчувствительных сенсоров корабля. На их судно никто не обращал ни малейшего внимания. Тогда они включили стардрайв — с использованием АМ-2.

Ничего выдающегося не произошло. Переход в гиперпространство — это ужасно скучно. Во время первого контрольного полета не случилось никаких особенных происшествий, если не считать того, что система активации драйва была отключена, а корабль перешел на автоматическое управление еще прежде, чем Кеа убрал руку с панели. На экране появился красно-желтый Арктур и его двенадцать планет. В этот день корабль сумел добраться и до других звездных систем. А когда он вернулся на Ганимед, «бак» для горючего оказался почти таким же «полным», как и во время старта.

Цена? Не имеет значения. Топливом был небольшой кусочек, добытый Кеа в районе Альва-сектора. Остальное — примерно три четверти добычи — хранилось в сейфе из империума-Х на Ганимеде. Мечта стала реальностью.

И снова Кеа исчез. Через три земных месяца он вернулся с новым грузом АМ-2. Этого количества антиматерии было достаточно — по его подсчетам — для обеспечения жизнеспособности любого космического корабля, при этом оставалось еще достаточно — впрочем, тут математические расчеты были весьма приблизительными — для того, чтобы поддерживать в рабочем состоянии все заводы Марса в течение трех земных лет. Кеа понимал, что рано или поздно ему придется заняться строительством автоматизированных космических кораблей для добычи АМ-2 — кораблей, которые будут практически целиком построены из империума-Х, а затем он отправит их через разрыв континуума на работу в иную вселенную. Кроме того, необходимо придумать какой-нибудь «выключатель», действующий на больших расстояниях, — станцию, сигналы которой должны быть такими же случайно направленными, как и маршруты Кеа в сторону Альфа-сектора.

Кеа с интересом и легким презрением читал о попытках так называемых нефтяных шейхов воспользоваться своей властью для того, чтобы перекроить культуру Земли. Их эгоцентричность была столь возмутительной, что эти планы до определенной степени могли вызывать восхищение и удивление, но, вне всякого сомнения, они были обречены на провал. Кеа решил, что, если он и станет играть в эту игру, на руках у него обязательно будет самый старший козырь — он собирался выйти победителем из этого сражения. Однако «выключатель» пока может подождать. Пора привлечь к себе внимание общественности.

Кеа объявил о строительстве роскошных кораблей — точнее, космических яхт, — которые будут курсировать между Землей и Марсом и предоставят пассажирам первоклассное обслуживание. За баснословные деньги. В барах, клубах и на курортах для самых богатых немного поговорили о странном поведении Кеа Ричардса. Идея, конечно, неплохая, но сомнительно, что ему удастся найти столько богатых идиотов. По крайней мере, вряд ли их хватит на то, чтобы план начал приносить деньги. Ну и хорошо. Ричардс обанкротится и придет к ним проситься на работу.

Корабли были построены. Они скорее напоминали среднего размера грузовые суда, чем яхты для богатых пассажиров. А до Барьера Тридцать Три некоторые отделения кораблей оставались пустыми. На Ганимеди вносились кое-какие изменения. У Кеа были свои, весьма специфические идеи, которые претворялись в жизнь в маленьком порту, расположенном на территории одного из его поместий. На Ганимеди корабли заправлялись топливом для стар-драйва. Здесь же набиралась команда.

Поскольку никто не обращал особого внимания на космонавтов, никто и не заметил, что в самых разных космопортах появились аген-

ты по найму. Они искали самых лучших, тех, кто еще не растерял иллюзий и смотрел на путешествия к звездам как на удивительное приключение, а не как на работу дворника. Те, кому удавалось пройти невероятно строгий отбор, попадали на Ганимед, где проходили обучение. Как это ни странно, около пятнадцати процентов космонавтов брали расчет и возвращались домой — психологи обнаружили, что даже космонавты иногда боятся звезд, расположенных за «известными» мирами.

В конце концов новые команды — здесь были мужчины и женщины — заняли свои места на новых кораблях. Их научили пилотировать и обслуживать эти суда. А потом отправили в путь.

К звездам. На поиски ценностей и инопланетян.

Через два года после того, как Кеа послал в космос свой первый звездный корабль, было обнаружено семь разумных гуманоидных или близких к гуманоидным инопланетных рас. Три из них находились на таком уровне развития, что путешествовали к звездам. Однако ни у кого из них не было стар-драйва. Со временем они его получают. На условиях, которые выдвинет Кеа Ричардс.

Разведка Кеа с легкой тенью беспокойства докладывала: возникли странные слухи о том, чем занимается Кеа Ричардс на Ганимеде. Кеа вздохнул — секрет нельзя хранить вечно. Слишком многие на Ганимеде, несмотря на принятые меры предосторожности, видели, как с личного космопорта Ричардса взлетали корабли — а потом исчезали в неизвестном направлении. Космонавты рассказывали разные истории за стойками баров. Пришла пора сделать следующий шаг.

В провинции Ливония, где не принято задавать лишних вопросов, появилась новая корпорация. Ее устав был составлен таким образом, что компания вполне могла заниматься чем угодно — покрасить своих служащих с ног до головы синей краской и исполнить ритуальный танец дикарей на центральной площади или заняться терраформированием Солнца. В соответствии с ливонскими законами на вывеске фирмы появилось одно только имя — местного жителя Якоба Курланда. Ему заплатили наличными за разрешение воспользоваться именем, когда составлялись все необходимые бумаги. Это событие довольно быстро выветрилось из его головы, поскольку в этот день он подписал и заполнил пять разных наборов документов.

Земным телекомпаниям было предложено — если их это, конечно, заинтересует — присутствовать на пресс-конференции, где Кеа Ричардс сделает важное заявление. Пресс-конференции надлежало состояться в практически забытом космопорте Лонг-Айленда в Нью-Йорке, в названное Кеа время. Кроме того, было объявлено еще об

одной конференции — на Марсе, в порту Капен-Сити. Кеа Ричардс собирался сделать очень важное сообщение. Оба события оказались назначенными на один и тот же день, с интервалом в два часа.

Никто не обратил внимания на очевидную ошибку. На обеих конференциях присутствовало достаточное количество журналистов — хотя и гораздо меньше, чем принято было утверждать впоследствии, когда каждый десятый журналист хвастался, что явился живым свидетелем исторического сообщения, сделанного Кеа Ричардсом. Потому что Кеа действительно принял участие в обеих конференциях. На самом деле ему повезло — он довольно быстро получил разрешение на взлет и потратил почти целый час, дожидаясь журналистов в Капен-Сити. Заявление Кеа было совсем простым. Исследовательская группа, работавшая под его руководством, внесла определенные изменения в двигатель стар-драйва — изменения, которые, по словам адвокатов, можно считать абсолютно новым изобретением. Около тысячи патентов получено на Марсе и Земле. Любое нарушение авторских прав будет преследоваться по закону.

После заявления, сделанного Кеа на Марсе, там приземлились пятнадцать кораблей, ожидавших своего часа на орбите. Каждый доставил такой груз, какого людям до этих пор видеть не доводилось. Неизвестные минералы. Драгоценные камни. Засушенные «растения» с дальних звезд. А на борту двух кораблей вместе с людьми прибыли инопланетяне, о которых жители Земли раньше никогда не слышали.

Кеа предложил человеку звезды. Не бесплатно, конечно. Новые, улучшенные двигатели не поступят в продажу, и на них не будет выдаваться лицензия. Все транспортные средства с новыми двигателями будут принадлежать корпорации, зарегистрированной в Ливонии. Уголок Вселенной, который человек считал своей собственностью, словно сошел с ума. Всем срочно понадобился Кеа Ричардс.

Он вернулся на Ганимед и спрятался глубоко под землей. В прямом смысле этого слова — под особняком Кеа Ричардса был построен бункер. Здесь можно было пересидеть любые катаклизмы, включая ядерный взрыв. Во всяком случае, сам Кеа и его ближайшие сподвижники могли там ничего не бояться.

Он жил под землей и наблюдал за тем, как развиваются события. Все хотели попасть на борт его кораблей — возникли длинные очереди и даже запись, так что теперь путешествовать традиционным способом стало почти выгодно. Почти, но не совсем. Ричардс назначил соответствующие цены.

Его коллеги капиталисты кипели от возмущения, адвокаты метались между судами, своими конторами и созданными, точно в военное время, штабами самых больших корпораций. Ситуация была совсем простой — Ричардс только что объявил о существовании па-

ровых машин своим приятелям, которые сидели на бревнах с веслами в руках. Получалось, что Кеа Ричардс получил монополию. Абсолютно незаконную. Против него были выдвинуты гражданские и уголовные обвинения.

Ричардс через адвокатов сделал всего одно заявление — о своей полной невиновности. Он твердо верит в справедливость и мудрость присяжных. К сожалению, ему посоветовали приостановить отправку судов в города, провинции, страны и на планеты, где против него выдвинуты обвинения.

И тогда на поле боя немедленно появилась новая команда тяжеловесов — адвокаты, которые выступали в защиту его интересов. Эти компании занимались самым разным бизнесом, но их объединяло одно — они хотели (им было необходимо) иметь возможность отправлять (получать) товары из пункта А в пункт Б, причем желательно, чтобы на это не уходила целая жизнь. Все обвинения, выдвинутые против Кеа Ричардса компаниями, занимающимися космическими перевозками, были мгновенно сняты.

Тогда пришла очередь тяжелой артиллерии. Правительства Кеа Ричардса стали рассматривать как угрозу. Он должен поделиться своим замечательным, чудесным знанием со всеми — ради блага человечества.

Ричардс отказался. Человечество и так достаточно получит через корпорацию на Клайве. В провинциях Рус и Синалоа были отданы приказы об аресте. Адвокаты Кеа проинформировали суды, что, опасаясь за свою жизнь, Кеа ни при каких обстоятельствах не сдастся.

Отлично, его арестуют на Ганимеди и выдадут властям. Те, кто обвинял Кеа в преступлениях и чьи имена не назывались, были готовы предоставить вооруженное сопровождение и обеспечить охрану преступника. Но тут фурии, жаждущие крови Кеа, обнаружили, что деньги, которые Кеа тратил на ганимедских политиков, не пропали зря. Политики оказались честными людьми, иными словами, не пожелали продаться другому хозяину, — Ричардс остался на свободе. Правда, он «застрял» на Ганимеди. Ну и что из того — «заключенный» имел доступ к любому кораблю и мог отправиться в любое место, стоило только пожелать. Имея возможность путешествовать по галактикам, Кеа считал, что некоторое время спокойно проживет без икры и других деликатесов.

Затем было объявлено право государства на принудительное отчуждение частной собственности. Будут арестованы корабли Кеа. Правда, кое-кто указывал на то, что довольно сложно «остановить» космический корабль, который может обогнать на четверти драйва любое другое судно. Интересно, каким образом правительства собираются проделать подобную штуку в глубоком космосе? В конце концов даже бюрократы согласились, что процедура под названием

«Стой Именем Закона» в межзвездном пространстве выглядела бы немного забавно. Ходили слухи, что кто-то довольно успешно объяснил им, какие преимущества имеет инерция.

Правительственные корабли могут вооружиться, последовало новое заявление. На это штаб Ричардса ответил очень резко. Во-первых, основные межпланетные соглашения запрещают военные действия в космосе. Во-вторых — и это уже более существенно, — корабли Кеа вооружены. Он купил небольшие лунные лихтеры, снабдил их стар-драйвом АМ-2, вмонтировал в нос рядом с боеголовкой детонатор и адаптировал стандартную коммерческую автоматизированную систему пилотирования. Все они были снабжены ракетами. Теперь лихтеры стали похожи на упитанных акул. На больших кораблях в грузовых отсеках имелись радиоуправляемые автоматические орудия.

Отлично, не сдавались политики. Корабли Ричардса будут арестованы — и предстанут перед судом Адмиралтейства — во время посадки. Главный адвокат Кеа холодно сообщил на это, что, если публика узнает о существовании подобного ордера, город и провинция попадут в черный список. А страна, позволившая себе столь отвратительный поступок, поставит себя вне закона. В положение пиратов. Это будет означать не только ответственность перед мировым судом, который хоть и не очень дееспособен, но тем не менее еще не закончил своего существования; мало того, к ним будет применена сила.

Установилось некое подобие мира. Кроме того, мир этот поддерживался слухами — так и не подтвердившимися, — что на всех звездных кораблях установлены ловушки и любой захват будет самой настоящей катастрофой.

Конечно же, кое-кто не верил слухам. После того, как совершенно неожиданно, когда один из кораблей запросил разрешения на взлет в порту Иксион, который являлся самым развитым миром альфы Центавра, сам корабль, большая часть порта и один из промышленных районов города исчезли в адском пламени. Враги Ричардса ухватились за это происшествие, утверждая, что новые двигатели небезопасны и, следовательно, их следует запретить, а самого Ричардса привлечь к судебной ответственности.

Кеа был обеспокоен — но тут появился какой-то помешанный на кораблях тип с весьма интересной записью радиопереговоров. Он записывал болтовню диспетчеров космопорта, а потом — и это любому было слышно — разговоры прервали крики, стук открывающихся люков, стрельба... После этого наступила тишина. Противники нового двигателя не только получили ответы на все свои заявления, но еще и были в определенной степени дискредитированы. Однако Кеа вся эта история совсем не понравилась.

Он внимательно изучил списки персонала, который держал в запасе на всякий случай. Нанял самых верных и опытных людей, специализировавшихся на подобных операциях. Части из них была поручена охрана его личных владений. Остальные образовали отряд охотников-убийц. Они отправились на поиски тех, кто нанял террористов, напавших на порт Иксион. Им удалось добиться успеха — оказалось, что это некая женщина и ее сын, возглавлявшие фирму «Космический путь». Как-то так получилось, что коммерческий гравитолет вышел из-под контроля и упал на особняк на малюсеньком островке прямо посреди Эгейского моря. Поскольку «Космический путь» не имел наследника, который мог бы его возглавить, корпорация была объявлена предметом судебного спора до принятия более определенного решения. Для того чтобы все желающие воспользоваться услугами наемных убийц поняли, что Кеа не намерен шутить, он увеличил охрану, в задачу которой входило незаметно присматривать за космонавтами. Если кто-то пытался войти в контакт с космонавтами, работавшими на Кеа, чтобы получить какую-нибудь информацию за стойкой бара, или намеревался напасть на них где-нибудь в темной аллее, надеясь вытрясти подробности, он сам попадал в руки подготовленных по всем правилам боевиков, которые обращались с ним, мягко говоря, неласково.

Кеа покупал судостроительные заводы и отправлял корабли к далеким звездам. Для базирования вокруг миров, населенных людьми, строились суда совсем другого класса. Военные корабли (ракеты, боеголовки, лазеры, автоматическое оружие), вооруженные катера патрулирования для сопровождения лайнеров и торговых судов, когда те находились в опасных — иными словами, населенных — мирах.

Правительства не имели права строить военные космические корабли, но про частные предприятия речь не шла по одной простой причине: до открытия АМ-2 звездный корабль, построенный для военных целей, был вещью абсолютно бесполезной. Кеа потратил много времени, обдумывая вооружение своих кораблей. Один из техников, некий Роберт Вилли, заметил, что не понимает, почему бы не взять крошечную частичку АМ-2 и не засунуть ее в оболочку из империума-Х. Получится разрывная пуля, нужно только отлить оболочку соответствующим образом — чтобы она реагировала на удар. Он также считал, что, если такую пулю сделать достаточно маленькой, можно будет использовать последнее поколение сверхмощных портативных лазеров. Кеа Ричардс мрачно подумал об Альфреде Нобеле, чье изобретение было сделано ради процветания человечества и на благо человечества, и о невероятно опасных «взрывных пистолетах»; после этого создал исследовательскую группу во главе с Вилли, дав им доступ к антиматерии-два.

Телевидение и другие средства массовой информации — которые отражают мнение публики, а не создают его, как думают некоторые глупцы, — начали воспевать Кеа Ричардса, освободителя. Более великого, чем Эдисон, Форд и даже Маклин. Кеа отдавал себе отчет в том, что это не имеет никакого отношения к действительности, хотя звучит весьма приятно. Они до сих пор не понимали — как и всякий человек, чья жизнь пришлось на время грандиозных перемен, — что произошла настоящая техническая революция. Ничего, поймут. События развивались своим чередом. Кеа был очень обеспокоен: скоро ему будет трудно помешать попыткам своих врагов закрыть человеку доступ к звездам.

Возможно, отряд наемников забыл об отраженном свете Юпитера; они, вероятно, считали, что будут действовать под прикрытием ночи. А может, им было все равно. Когда они начали наступление, еще не совсем стемнело, Юпитер висел у них над головами, точно огромный разноцветный праздничный фонарь. Наемники прошли отличную подготовку и, вероятно, тренировались в поместье, смоделированном в натуральную величину и похожем на то, что принадлежало Ричардсу.

Взвыли сирены, и Кеа скатился с кровати, куда заполз, совершенно без сил, меньше часа назад. Еще не проснувшись окончательно, он добрался до шкафа и натянул темный комбинезон. Тут же, рядом, висела кобура с пистолетом и пулеметная лента. Автоматический карабин. Жалея, что им не хватило времени на отработку окончательного варианта оружия с использованием АМ-2, он вставил патроны в магазин, натянул сапоги и помчался в холл.

Земля у него под ногами задрожала, и Кеа упал. Только гораздо позже он узнал, что небольшой, управляемый автоматически катер рухнул на одно из лабораторных зданий в качестве отвлекающего маневра. Кеа вскочил на ноги и снова бросился бежать. Влетел в один из вестибюлей особняка.

— Мистер Ричардс! В бункер! — махал ему рукой командир охраны.

Потом раздался грохот, и противоударный пластик вместе с остатками металлического каркаса посыпался внутрь. Офицер развернулся, что-то крикнул и умер в тот момент, когда два одетых в черное человека, стреляя, прыгнули в комнату. Один из них увидел Ричардса, поднял пистолет, узнал свою жертву, опустил оружие; оба метнулись прямо к нему. Кеа нажимал на курок до тех пор, пока пара не превратилась в нечто, мало напоминающее людей. «Итак, значит, они получили четкие инструкции: меня нельзя убивать. Что ж, пожалуй, мне это на руку».

В вестибюль ворвались люди из службы безопасности. Один из них бросил гранату вверх, туда, где в отверстие виднелось ночное

небо. Взрыв, крики. «Пусть бункер катится ко всем чертям. Если эти ублюдки настолько хорошо знакомы с расположением комнат в моем особняке, что нанесли удар практически по спальне, они, наверное, и о бункере позаботились».

У главного входа началась стрельба, замелькали пунцовые вспышки лазеров. Крики.

— Пошли! — крикнул Кеа и бросился к главному входу. «Какая глупость, — думал он на ходу. — Какая глупость! Кого ты из себя изображаешь, отважного военного на поле боя или рыцаря Роланда? Ты же всего-навсего инженер, ну и немного бандит с большой дороги. Ты никогда не был солдатом и никогда особенно не стремился воевать. Ты даже фильмы про это не любил смотреть!»

Главный вестибюль особняка был заполнен дымом. Стреляли. Кеа наблюдал, как его солдаты — большинство из них прошли подготовку в тех или иных вооруженных силах Солнечной системы — стреляют, прячутся за мебелью, продвигаются вперед. «Потрясающе! — подумал он. — Совсем как в кино. Как на экране телевизора». Промелькнула еще одна мысль: «Отражают ли телепередачи реальность, или мы все, словно обезьяны, повторяем то, что нам показывают на экранах? Ну-ну, приятель! У тебя нет времени на подобные глупости!»

Четверо оставшихся в живых нападающих спрятались за большими клумбами, в которых росли уничтоженные стрельбой папоротники. Посыпались гранаты... «Мне никогда не нравились эти папоротники. К тому же наверняка будет кому послать счет за причиненный ущерб, когда все это закончится... Как все-таки странно устроена человеческая психика».

И тут первая волна нападающих была уничтожена.

Внезапная атака застигла службу безопасности врасплох, однако постоянные тренировки и опыт взяли свое. Огромные двери, оказавшиеся частью трехэтажной стены, раздвинулись, из них выкатились автоматические пушки и мгновенно заняли позиции позади клумб, в которых совсем недавно зеленели папоротники и которые на самом деле и стояли здесь для того, чтобы в случае необходимости стать огневым рубежом.

Снаружи, на открытой равнине, Кеа насчитал три, нет, четыре корабля. Он понял, что враги серьезно подготовились к нападению. В атаку пошла вторая волна. Перед особняком Ричардса шла невысокая ограда, ее изящные линии словно приглашали стороннего наблюдателя восхититься великолепием самого здания. Ограда считалась частью архитектурного ансамбля, получившего многочисленные призы на конкурсах. На самом деле переднюю стену сконструировал сам Кеа при участии главы его сил безопасности — ее главным назначением было не радовать знатоков, а служить для эффективной обороны поместья.

Верхняя планка располагалась достаточно высоко, и через нее было совсем не просто перелезть, а прутья, между которыми оставалось заметное расстояние, не могли служить прикрытием. Теперь ограда выполняла свое главное назначение: противник был вынужден сосредоточить основные силы у главного входа. То есть в том самом месте, которое лучше всего простреливалось автоматическими пушками.

Залп следовал за залпом, мужчины и женщины умирали. Раненый, окровавленный человек, качаясь, брел сквозь дым, ему уже было не до стрельбы. С ним быстро покончили. Он был последним. Пушки тут же выкатили вперед и открыли огонь по стоявшим на равнине катерам. Два из них сразу превратились в груды обломков в результате прямых попаданий, третий угрожающе задымился, четвертый горел.

Силы безопасности разбились на три отдельных отряда. Одна группа заняла позицию непосредственно рядом с Ричардсом, вторая устремилась в сторону кораблей, а третья занялась проверкой здания — не осталось ли в нем живых солдат противника. Они быстро и умело обыскивали трупы, обезоруживали раненых и стаскивали их в одно место.

Кеа наблюдал за происходящим. Его вдруг охватила апатия. Через некоторое время к нему подошел глава сил безопасности.

— Сэр, у меня есть для вас новости.

— Валяй.

— Нас атаковал отряд в семьдесят три человека, может быть, больше. Мы не знаем, сколько людей находилось на кораблях. В живых осталось двенадцать человек.

— Кто такие?

— Нам не удалось найти никаких документов. Те двое, что согласились отвечать на наши вопросы, говорят, что они наемники из Претории, которых уговорили участвовать в этом деле их бывшие товарищи по оружию. Никто не знает имени настоящего хозяина. Если только поверить в то, что они действительно наемники, в чем лично я не уверен.

— Эти двое смогут выдержать допрос?

— Нет, сэр. Сейчас нет, а может быть, и никогда. Тридцатимиллиметровые заряды рвут человека на части.

— У тебя есть собственная версия?

— Пожалуй, нет, — медленно проговорил начальник охраны. — Может, они и в самом деле наемники. Не исключено, что это части чьей-то регулярной армии.

Кеа кивнул. Это могли быть солдаты федерации, совета Марса или какой-нибудь суперкорпорации.

— Что делать с ранеными, сэр? После того, как они расскажут нам все, что знают.

Пока Кеа колебался, появился посыльный.

— Сэр, к нам обратились журналисты из Агентства новостей одиннадцатого канала. Говорят, что к ним поступило шесть сообщений о стрельбе и взрывах. Хотят получить разъяснения. Желают переговорить с вами... И еще прислать сюда свою группу.

Кеа начал быстро считать варианты. Первой реакцией было пригласить журналистов. Он еще успеет переодеться в пижаму и устроить пресс-конференцию на тему: кто осмелился напасть на невинных людей? Потом он передумал.

— Скажите, что мы проводим специальные учения, максимально приближенные к реальности. Пусть присылают репортеров — Ганимед свободный мир,— но ни один из них не должен приземлиться в моих владениях. Что же до меня самого... Я улетел на испытания нового корабля. В данный момент у вас нет возможности войти со мной в контакт. Скажите, что, вернувшись, я, скорее всего, не откажусь дать им интервью, хотя о чем мы будем говорить, вы не очень понимаете.

Посыльный замигал — глуповат, отметил про себя Ричардс, — нахмурился, а потом поспешил обратно. Кеа повернулся к командиру сил безопасности:

— Вы получили ответ на свой вопрос?

— Да, сэр. — Офицер достал пистолет и направился к пленным.

Кеа вышел из здания и посмотрел в небо, мимо огромного Юпитера, в сторону других обитаемых миров. «Теперь подождем. Пока кто-нибудь не поднимет шум. Тогда и узнаем имя моего главного врага».

Из этой затеи ничего не вышло. Потому что даже слухов о нападении на его виллу не возникло. Кеа забеспокоился еще сильнее. Нападение вполне могло увенчаться успехом. Он прекрасно понимал, что враги на этом не остановятся. В данном случае у него была небольшая форa — *они* хотели захватить Ричардса живым. Однако рано или поздно противник решит, что пришла пора избавиться от Кеа Ричардса навсегда — а секрет стар-драйва наверняка знает кто-то из его людей.

Конечно, этого секрета не знал никто. Только вот вернуть Кеа Ричардса из могилы не удастся. Кеа нуждался в чуде.

Глава 26

Кларк-центр, Луна, 2211 год нашей эры

Чудо свершилось поздней весной. Впервые его заметили на рейсовом корабле, который на драйве Юкавы шел по маршруту Каллисто — Марс. Неровный кусок скалы диаметром немногим более километра; его можно было бы считать малым астероидом, но по всем своим характеристикам он отличался от обычных обломков, скопив-

шихся на орбите Марса. Навигатор корабля определил орбиту небесного тела и прикинул его скорость. Доложил и тут же о нем забыл. Рапорт навигатора был занесен в бортовой журнал, а цифры проверялись и перепроверялись, затем сделали экстраполяцию. Диспетчер на Центральной навигационной станции Марса заморгал, выругался и еще раз запустил программу проверки вычислений.

Получалось, что этот здоровенный обломок, занесенный в Солнечную систему откуда-то издалека, должен столкнуться с земной Луной, причем с весьма высокой степенью вероятности. Диспетчер доложил начальству. Руководитель навигационной станции, зная, что в самое ближайшее время будет рассматриваться вопрос о дальнейшем финансировании, решил обратиться к одному из журналистов, который специализировался на научных проблемах. Главный редактор понял: можно привлечь внимание публики.

**УЧЕНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЮТ, ЧТО ОГРОМНЫЙ МЕТЕОР
СТОЛКНЕТСЯ С ЛУНОЙ! НЕСУЩИЙСЯ НА ОГРОМНОЙ
СКОРОСТИ АСТЕРОИД ВРЕЖЕТСЯ В ЛУНУ ЧЕРЕЗ СТО
ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ЗЕМНЫХ ДНЕЙ! ВСЕ ПОСЕЛЕ-
НИЯ НА МАРСЕ МОГУТ БЫТЬ УНИЧТОЖЕНЫ! ДАЖЕ
ЗЕМЛЕ УГРОЖАЕТ ОПАСНОСТЬ!**

Началась паника — как среди обычных людей, так и среди ученых. Кто-то назвал метеор Странником. Пожалуй, имя было единственным, что не вызвало споров, — разум покидал жителей Солнечной системы так же быстро, как и тогда, когда океан уходил из залива Хило. Сидя на Ганимеди, Кеа с растущим интересом и беспокойством наблюдал за развитием событий.

Предлагались самые разные теории, которые затем тщательно изучались. Солнечная федерация создала штаб-квартиру на Марсе, в Центре Кларка. Потребовалось около недели, чтобы убедить политиков, что есть достаточно времени и кораблей, чтобы всех эвакуировать до того, как Странник столкнется с Луной. Объявили чрезвычайное положение. Но ничего так и не было сделано, кроме множества выступлений и речей.

Следует ли эвакуировать людей с Луны? Два миллиона. Если да, то как? И что делать с населением Земли? Может быть, всем следует перебраться на высокогорье — если предположить, что Земле грозит величайшее в истории наводнение? Слова, слова. И никаких действий.

Кеа думал, что его цинизм непоколебим — нынешнее общество, в том виде, в каком оно существовало сейчас, мало на что способно. Ему не следовало удивляться вою средств массовой информации, бессмысленным стычкам политиков, ученых, спорящих о десятых

долях вероятности, протестам обычных людей. Появились пророки, утверждавшие, что грядущая катастрофа — наказание за прошлые грехи человечества. Толпы людей считали, что раз наступает конец света, значит, все дозволено. Полиция и армия были больше озабочены наступлением беспорядков, чем последствиями возможного несчастья.

Слова, слова, океаны слов, а Судный день все ближе и ближе. Появились даже полнейшие идиоты, которые утверждали, что ничего не следует делать. Это ведь силы природы, не так ли? Люди пережили немало катастроф. Так было predetermined, им предстоит выйти на новый уровень бытия. Теории становились все более безумными.

Семьдесят три дня.

Кеа пригласил доктора Мастерсона, главу исследовательского отдела. Он уважал этого человека за прагматизм, за умение хранить секреты, но больше всего за способность находить общий язык с другими учеными. Мастерсон сделал свои собственные расчеты и спрогнозировал развитие событий: Странник столкнется с Луной — вероятность восемьдесят пять процентов. Странник отклонится в сторону и упадет на Землю — вероятность одиннадцать процентов. В результате столкновения Луна изменит орбиту и приблизится к Земле — вероятность шестьдесят семь процентов. В результате столкновения Луна будет уничтожена — вероятность тринадцать процентов. От Луны отколются значительные куски — вероятность пятьдесят четыре процента. Один из этих осколков упадет на Землю — вероятность восемьдесят один процент. Результаты...

Кеа не требовалось слушать дальше. Он понимал, к чему приведет столкновение Земли с осколком Луны величиной, например, со Странник.

Почти наверняка начнутся мощные землетрясения — а кто может предсказать последствия тектонических сдвигов? Странник нес с собой катастрофу — но никто так ничего и не придумал. Политикам было предложено множество решений, начиная с использования всех ракет, имеющихся в Солнечной системе, для того чтобы отодвинуть астероид в сторону и тем самым избежать столкновения, до строительства огромной пушки, которая сможет заставить Странника свернуть со своей страшной орбиты.

Однако ни один из этих вариантов — причем вполне возможно, что среди них попадались и вполне разумные — даже и не пытались реализовать. Армия и полиция были переведены на казарменное положение.

Сорок один день.

Кеа вдруг подумал о том, что, вероятно, живет среди безумцев. Или... он сам безумен. Решение казалось совершенно очевидным. Однако никто до него не додумался. Во всяком случае, пока.

Кеа начал действовать.

Сначала послал сообщение на Землю.

Его страшно раздражала необходимость терять время на задержки, неизбежные при межпланетной связи. Придет день, и он найдет какого-нибудь ученого-фанатика, даст ему необходимых помощников, несколько миллионов, АМ-2 и предложит придумать систему, позволяющую вести переговоры на огромных расстояниях, а не чувствовать себя идиотами, сидящими на разных концах бесконечно длинных труб и дожидаящимися, когда же до них долетит многократно отраженное эхо.

В конце концов Ричардсу удалось связаться с человеком, который его интересовал, — Джоном Нэнсом, самым знаменитым теле-репортером современности. Нэнс был очень занят. Приближался конец света, так, во всяком случае, все говорили.

Вот и прекрасно, сказал Кеа. Он собирается сделать заявление. Ну, что Ричардс может предложить? Нет, сейчас он ничего не скажет. Однако это очень серьезно. Связано со Странником.

Нэнс заволновался — в последнее время публика стала терять интерес к грядущим катаклизмам, всем надоели истерические крики о конце света. Ричардс предложил Нэнсу собрать вещи и быть наготове вместе с командой телерепортеров. Иметь все необходимое для записи плюс два космических зонда, снабженных мощными телекамерами. И открытый канал для прямой телетрансляции на Землю. Корабль за ними уже вылетел.

— Боже мой, — проворчал Нэнс. — Придется срывать с места целую команду. Оторваться от письменного стола и посадить на свое место заместителя. А что я скажу моим продюсерам? Вы же понимаете, этого явно недостаточно.

— Ерунда, — ответил Кеа. — Линия может прослушиваться, к тому же я не слишком вам доверяю. Тем не менее мой корабль будет в порту Кеннеди через... через два земных часа.

— Господи, мне потребуется больше времени для того, чтобы добраться туда на гравитолете!

— Ну, это уже ваши личные проблемы. Два земных часа. В противном случае я договорюсь с компанией документалистов — тогда вашей сети придется покупать у них запись. — Кеа отключил связь.

И ухмыльнулся. Конечно, он не такой специалист по прогнозам, как Мастерсон, но уверен — вероятность того, что Нэнс со своей бригадой будет поджидать его корабль в аэропорту, семьдесят девять процентов. Как минимум.

Кеа приказал, чтобы корабль, стоявший наготове, стартовал в Нью-Йорк. Один корабль, а требовалось еще два. Какое-нибудь новое транспортное судно вполне подойдет. Кеа приказал Мастерсону, чтобы тот прибыл вместе с самым лучшим трезвым пилотом, кото-

рого сможет отыскать. Затем послал за собственным кораблем, тем самым, что купил на Марсе много лет назад.

Это был первый корабль, подготовленный для использования АМ-2 в качестве топлива. Ну и что из того? Кеа не любил сентиментальности, в особенности когда речь шла о серьезных вещах.

У этого корабля так и не было имени — только регистрационный номер. Пришло время от него избавиться — Кеа все чаще размышлял о том, что произойдет, если корабль попадет в чужие руки и кто-нибудь догадается связать его с Альва-сектором. Это будет — если у Кеа получится то, что он задумал, — достойный конец для старого, повидавшего виды судна.

Корабль доставили на свободную площадку возле одной из экспериментальных лабораторий. Предстояло внести небольшие модификации в систему управления: звездные корабли обычно не снабжаются таймерами. Потом Кеа собственноручно поднял его в воздух и направился туда, где находились сверхсекретные хранилища АМ-2. Специальный робот с дистанционным управлением, весь покрытый империумом-Х, достал солидный кусок антиматерии-два из хранилища.

Когда Кеа осторожно укладывал почти пятисоткилограммовый стукот АМ-2 в свой корабль, у него промелькнула мысль: может быть, именно этот кусок антиматерии он добыл во время своего первого путешествия в альтернативную вселенную...

Два корабля стартовали с Ганимеда и взяли курс на Странника. Там их ждал третий корабль. Как и предполагал Ричардс, на его борту находился чертовски злой Нэнс. Однако, как только Ричардс рассказал о своих намерениях, злость журналиста моментально испарилась. Он был в восторге.

Кеа установил одну камеру с дистанционным управлением на своем корабле, а вторую — на том, где находился Мастерсон. Все три корабля устремились наперерез Страннику.

Ричардс вдруг живо себе представил, как огромный вращающийся обломок скалы несется ему навстречу, словно поезд в туннеле. Хватит. Он сказал Нэнсу, чтобы тот наладил прямую связь с Нью-Йорком. Оставалось совсем мало времени.

Корабль Нэнса летел примерно в пятидесяти километрах от двух других. Ричардс считал, что это слишком близко, но Нэнс сказал: «О-хо-хо». Он должен получить свою «картинку», а маленькие темные точки на сплошном черном фоне его не устраивают.

Кеа снова подумал о природе телепередач. Как можно позволять другим существам заглядывать в чужое сознание, видеть жизнь глазами телерепортера, чувствовать запахи так, как чувствует их он, даже думать аналогичным образом? Корабль Мастерсона находился

менее чем в пятидесяти метрах от корабля Ричардса. Кеа надел космический скафандр и, открыв оба люка, выпустил воздух из корабля. Два корабля состыковались.

Нэнс вел передачу.

— Орбита Марса,— говорил журналист своим умеренно-возбужденным профессиональным голосом.— Вскоре мы станем свидетелями самого зрелищного события в истории человечества. Кеа Ричардс намерен уничтожить Странника, воспользовавшись новым методом, секрет которого он не раскрывает, но который имеет отношение к изобретенному им двигателю.

Следуя инструкциям Ричардса, Нэнс спросил своих слушателей, почему федерация даже не попыталась что-нибудь сделать, а продолжает себе сидеть на Луне и лязгать зубами...

На экранах человек в скафандре двигался по рубке управления. Как открылся люк, из которого выдвинулась лапа с ковшом, где лежал кусок антиматерии—два, видно не было. Почему-то в этот момент Кеа подумал об испуганном крестьянине, пытающемся спастись от дурного глаза.

Для создания большего эффекта Ричардс приказал Нэнсу начать передачу по его сигналу. Камеры заработали. Больше делать было нечего. Траектория определена, управляющая система соединена с таймером. Через три с половиной минуты Кеа вышел из обреченного корабля, задрал снаружи люк — все его действия снимались камерой, установленной на другом корабле. Тут он выключил камеру — Мастерсон считал, что Кеа не должны видеть на экранах телевизоров,— и перешел в другой корабль.

— Через минуту...— услышал он возбужденный голос Нэнса.— Через двадцать семь секунд. Через десять...

Ноль... Таймер сработал, и корабль, только что находившийся рядом с ними, исчез. Его стар-драйв был включен на полную мощность.

Не прошло и секунды, как он врезался в Странника. Камера, которая продолжала снимать, мгновенно сгорела. Кеа предупреждал репортера об этом. Однако радиосвязь не была нарушена, и голос Нэнса продолжал вести прямой репортаж на Землю, в студию Нью-Йорка, а оттуда на все обитаемые миры.

Кеа практически не обращал внимания на взволнованный голос журналиста. Он был занят — взяв управление на себя, направил корабль к метеору. Какому метеору? Огромная глыба превратилась в мелкий гравий. Что же до старого корабля Кеа, от него не осталось ничего.

Ричардс еще некоторое время слушал прямой репортаж, который продолжал вести Нэнс. До сих пор он и не представлял, что слово «герой» имеет столько синонимов. Он удивился тому, что испытывает некоторое смущение. Галактический герой, да?

Теперь у него было имя. Инструмент. Странник дал ему возможность выйти на сцену в ослепительном сиянии праздничных огней. Недоставало только фанфар.

Но Кеа не сомневался, что фанфары не заставят себя долго ждать.

Глава 27

Ганимед, 2212 год нашей эры

Премьер-министр представлял интересы богатых семей. Деловая женщина была членом совета директоров множества крупных фирм. Другой участник совещания выступал от имени Больших Денег. Он контролировал почти две трети валюты, которая переводилась из одного банка в другой при помощи хитроумной электроники.

Последний являлся профсоюзным боссом трех континентов.

— За нами стоит большинство военных,— сказал Профсоюз.— Остальные присоединятся, если мы с вами договоримся.

— Просто удивительно, какими робкими бывают генералы,— проговорил Кеа.

— Они прибыли бы с нами,— пояснил Премьер,— но боятся — хотя мы и старались убедить их в обратном,— что за ними проследят... Тем не менее они посылают вам свои самые искренние извинения и теплые пожелания.

— Я уже сказал — робкие,— фыркнул Кеа.

Вмешался Большие Деньги:

— И все же они с нами. Вы же знаете, нас бы здесь не было, мистер Ричардс, если бы мы не продумали все до последнего штриха.

— Дело в том,— заговорила Деловая Женщина,— что близятся президентские выборы. Времени осталось совсем мало. Мы хотим знать сейчас, согласны ли вы стать нашим кандидатом.

— Буду с вами до конца откровенен,— ответил Кеа,— не только вы предлагаете мне стать вашим кандидатом.

Профсоюз рассмеялся.

— Если бы вы думали, мистер Ричардс, что нам это неизвестно, вы бы и близко нас к себе не подпустили.

— Мы профессионалы,— добавил Большие Деньги,— и готовы предложить вам существенно больше.

— Я думаю, стоит прерваться именно в этом месте,— проговорил Кеа,— потому что я должен объяснить вам свою позицию.

— Давайте объясняйте,— разрешил Профсоюз.

— Скажу вам то же самое, что сказал им. Я во всем этом не нуждаюсь. Я неприлично богат. Мне сорок семь лет. И я хочу немного передохнуть. На лаврах, если не возражаете.

Деловая Женщина хлопала в ладоши:

— Какая чудесная речь. Ее обязательно нужно передать по телевидению и радио.

— Журналисты будут в восторге, — добавил Премьер-министр. — Я уже вижу заголовки: «ГЕРОЙ, СПАСШИЙ ЦИВИЛИЗАЦИЮ, ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ВСЕХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ БЛАГОДАРНОГО НАРОДА».

— Эти штучки помозолят глаза публике около недели, — продолжил Профсоюз, — а потом мы начнем рассказывать, в какое тяжелое положение поставили всех толстосумы и их прихлебатели. Вы и понять не успеете, что происходит, а вас уже назовут спасителем и станут умолять об избавлении от злодеев и тиранов.

— И тогда вы неохотно... смущенно... согласитесь, — сказал Премьер.

Деловая Женщина наградила Кеа самой обаятельной из своих улыбок.

— Вы ведь именно это имели в виду, мистер Ричардс? Что-нибудь похожее?

Кеа рассмеялся.

— Те, другие, верили мне гораздо дольше, чем вы!

— Именно поэтому мы и являемся самыми главными, — гордо объяснил Большие Деньги.

— Самые главные — это верно... только вот кандидата у вас нет, — сказал Кеа. — А это означает, что вам придется посоревноваться со своими противниками. В конце концов обе партии захиреют от тоски, потому что выборы никогда не завершатся. И даже если вы победите... Федерация попала в тяжелое положение. Вы тоже приложили к этому руку. Что собираетесь по этому поводу делать? Гениальные идеи есть?

Наступила мертвая тишина. Однако Кеа считал необходимым довести дело до конца.

— Сейчас федерация находится в крайне тяжелом положении, — сказал он. — Кризис экономики. Около двадцати войн — больших и маленьких. Голод. Засухи. Застой промышленного производства. Катастрофическая инфляция. Проценты на займы фантастические... если удастся найти кого-нибудь, кто готов одалживать деньги. Кроме того, леди и джентльмены, лично вы, на мой взгляд, прекрасно выглядите.

— Вероятно, вас все-таки заинтересовало наше предложение, — сказал Профсоюз, — иначе вы не стали бы собирать камни, которыми можно было бы в нас запустить. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Прекрасно понимаю, — ответил Кеа.

— Следовательно, мы возвращаемся к вопросу о цене, — прокомментировал Большие Деньги.

— А что я могу хотеть? — спросил Кеа. — У меня есть АМ-два. Я и так все контролирую — от звезд и дальше.

— Тогда скажите нам, мистер Ричардс, — попросил Профсоюз, — чего вы хотите?

Кеа сказал. В отличие от первой группы, посетившей его ранее, здесь не возникло ни споров, ни обсуждений.

Сделка была заключена.

Порт-Ричардс, тау Кита, 2222 год нашей эры

Пологий склон холма порос каким-то похожим на мох растением — пурпурным, с крошечными, размером с булавочную головку, зелеными бутонами; растение перед заходом солнца издавало сладковатый парфюмерный аромат. Кеа вдыхал запах, поднимаясь вверх по холму — один, если не считать защитного кордона, который теперь постоянно его окружал. Не добравшись до вершины, он остановился передохнуть.

Ричардс оглянулся на зону отдыха. Циничный уличный мальчишка, все еще сидящий в глубине его души, рассмеялся. Посередине лагеря стояла его личная палатка — двухэтажный павильон из позолоченной ткани — и более шестидесяти маленьких палаток, в которых размещались слуги, охрана и все остальное...

Кеа фыркнул. Официально было объявлено, что он отправился отдохнуть, пожить немного в палатке. Он заслужил отдых от праведных трудов на посту президента федерации. Тому факту, что он решил отдохнуть в только что открытом мире, названном в его честь, — в системе тау Кита, придавалось журналистами и телекомментаторами огромное значение.

— Разве не замечательно, — говорил один из любимых комментаторов Кеа, — что этот простой человек, человек из народа, президент Кеа Ричардс, хочет восстановить свои силы среди звезд?

— Большинство аналитиков считают, что это путешествие имеет символический характер, — заявил другой журналист. — Благодаря Кеа Ричардсу горизонты цивилизации были далеко отодвинуты. Теперь он напоминает нам, как много иных миров еще предстоит покорить. Наше будущее — никогда не прекращающееся движение вперед.

Это путешествие — очередной краеугольный камень в фундаменте легенды, которую Кеа культивирует вот уже десять лет. Легенды о самом обычном человеке. Человеке, который всего добился сам. И не забыл, как живут бедняки, ведь еще совсем недавно он сам был одним из них. И теперь он постоянно ищет новые пути, те, что позволяют всем жить лучше.

Кое-что здесь было правдой.

За десять лет он создал коммерческую империю, равных которой история не знала. Новые идеи вселили энергию в производство, появились замечательные, невиданные доселе товары, да и цена на них оказывалась доступной для большинства. Гигантские сельско-

хозяйственные комбинаты стали производить продукты питания в невиданных количествах. Расцвела наука. Были сделаны замечательные изобретения. Космические корабли легко достигали самых далеких звезд. Инженеры занимались терраформированием на многих десятках миров вроде Порта-Ричардса, — федерация становилась все более могущественной. Даже искусства процветали в атмосфере свободных денег и новых, необычных идей.

Никто не мог отрицать, что все это — плоды гения Кеа Ричардса. АМ-2 был основой всего. Система доставки топлива полностью осуществлялась при помощи многократно усовершенствованных роботов. АМ-2 прибывала регулярно и в больших количествах; при этом сохранялась полная секретность, и никто не знал, откуда поступает уникальное топливо.

Естественно, у Кеа Ричардса были враги. Множество врагов. Поднимаясь вверх по холму, Кеа наблюдал за тем, как один из его телохранителей пустил вперед собаку, которая искала мины.

Он разделял своих врагов на три группы: идеалисты, завистники и безумцы. Идеалистов он всячески поддерживал, особенно слабых; свободное волеизъявление и открытые дебаты придают правлению чудесный налет демократии. Завистников он либо покупал, либо уничтожал. Что же до безумцев... Кеа увидел, как еще два охранника добрались до вершины холма... ну, с этими ничего не поделаешь. Можно только соблюдать меры предосторожности.

Разум подсказывал Кеа, что за десять лет ему удалось совершить чудо — он занимает должность президента вот уже два срока. Фазлур, открыв АМ-2, предсказал грандиозные перемены. Контролируемая Ричардсом антиматерия-два не просто перевернула мир, она его качественно изменила. Если остановиться сейчас, все будет потеряно. Мир вернется на круги своя. Баргета и им подобные вновь захватят власть в свои руки.

И опять начнется застой. Несколько старых семей все еще живут на Земле. Они принадлежат к группе завистников, которым Кеа сохранил жизнь. Позволил управлять старыми фабриками. Разрешил продолжать загрязнять планету. Пусть эксплуатируют бедняков, живущих на Земле. Каждый день сотни людей покидали ее на кораблях с двигателями, предоставленными Кеа Ричардсом и работающими на АМ-2. Они бегут из хаоса и страданий в новые миры, которые открывает их президент.

«Все происходит так быстро, — думал Кеа. — Так быстро и так успешно. То, что я построил за десять лет, может быть с легкостью удвоено. А за пятьдесят... кто знает? Жаль, что я не доживу до этого времени».

Внутри у Кеа все похолодело. Он чувствовал то же самое, когда Фазлур предложил им исследовать другую вселенную. О господи, как бы ему хотелось посмотреть, что будет дальше.

С противоположного склона холма донесся рокот, и Кеа поспешил на вершину. Над огромным строящимся космопортом завис, заходя на посадку, корабль федерации. Прибыла официальная делегация представителей комитета по выборам.

Они прилетели сообщить ему, что народ просит его остаться президентом. Не на третий срок. Не просто на следующие пять лет.

Кеа Ричардса выбрали пожизненным президентом.

Сюрприз. Ребята выполнили данное ему обещание.

На Ганимеде — десять лет назад — парень из профсоюза удивленно выдохнул:

— Это как — пожизненно?

— Пока он не умрет, дурак, — прошипела Деловая Женщина. — Или не захочет подать в отставку.

— Вот именно, все верно, — сказал Кеа. — Если мне придется управлять, я хочу, чтобы все было так, словно это моя собственная компания. Выборы каждые пять лет свяжут мне руки. И лишат перспективы.

— А что сказали те, другие? — спросил Большие Деньги.

— Им это не понравилось, — ответил Кеа.

— Потому что они не сумеют этого сделать, — догадался Профсоюз.

— Угу, — кивнул Кеа. — Они признались, что у них ничего не выйдет.

— Не вижу проблемы, — сказала Деловая Женщина. — Для нас тут нет ничего невозможного.

— Только мы не сможем проделать это сразу, — предупредил его Премьер. — Придется все как следует подготовить. Протоптать дорожку.

— Думаю, только к концу второго срока, — хмыкнул Профсоюз. — Он ведь пользуется колоссальной популярностью. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Если мы согласимся на эти условия... — заговорил Большие Деньги, — в качестве верных союзников и любимых друзей...

Кеа кивнул — жест был почти королевским.

— ...то вскоре станете доверенными советниками, — добавил он.

Большие Деньги улыбнулся. Его устраивала такая постановка вопроса.

— Да. Именно. И в качестве таковых советников сможем ли мы рассчитывать на то, что нам будет позволено высказывать свое мнение по поводу вашей политики относительно АМ-два?

— Естественно, — сказал Кеа. — По правде говоря, я обсуждал на днях долгосрочную стратегию по этому вопросу со своими менеджерами. Пришла пора положить конец тому, что люди называют монополией. Мы сейчас разрабатываем план лицензированной продажи АМ-два, империума-икс и модифицированных двигателей тем,

кто сможет достойно ими владеть. — Он со значением посмотрел на своих собеседников. — Я буду крайне признателен, если у вас будут какие-нибудь предложения на этот счет.

В комнате моментально посветлело. Все сияли, предвкушая богатство, которое так и потечет им в руки.

— Позвольте мне первым назвать вас — господин президент, — объявил Профсоюз и радостно протянул руку, которую Кеа пожал.

Вот так все и произошло. Рукопожатие обеспечило президентское кресло. Детали были разработаны позже при помощи адвокатов, специализировавшихся на конституционных законах и процедуре проведения выборов. Первый раз за все время Кеа использовал АМ-2 в качестве наживки и вытащил крупную рыбину. Время шло, и он все чаще и чаще стал прибегать к подобной политике.

Кеа следил за тем, как делегация спускается по трапу. Гравитолет должен доставить прибывших официальных лиц в лагерь. Именно здесь они сообщат ему о новом титуле. Сегодня вечером будет праздник. Завтра он вернет несколько долгов. И тогда все будет принадлежать только ему одному.

Эта история ужасно напоминала старомодный брак. Древние монархи прекрасно разбирались в жизни. Королевство должно стать источником величайшей радости и величайшего страдания. Королевство — твой супруг. Навсегда. Теперь Кеа стал императором — и не важно, что он не обладает этим титулом, ему принадлежит вся полнота власти. Он не испытывал ни малейших угрызений совести по поводу того, что купил свое королевство, заплатив за него тем, что сохранил только для себя величайшее открытие в истории человечества. Китайские императоры веками не расставались с секретом времени. Зачем людям этот секрет, спрашивали они придворных ученых, ведь нужно обладать достаточным умением и мужеством, чтобы взять на себя такую ответственность. Это наша ноша — и только наша.

Кеа вспомнил строчку из детского стихотворения: «Разве время имеет значение для несчастной свиньи?»

Он вспомнил и об омерзительной жадности, охватившей всех на борту «Фортуны I». Рут убила Фазлура и осирианку. Сама погибла от руки Мерфа. А Мерф хотел покончить с Кеа.

С тех пор Кеа Ричардс сильно пересмотрел свою концепцию добра и зла. Придумал собственную шкалу ценностей и решил, что человечество есть весьма недостойное сообщество живых существ.

Впрочем, разве подобное решение не должно остаться прерогативой высшей власти? Самого Бога? Возможно, и так. Но ведь Кеа Ричардс побывал в другой вселенной... и вернулся. И нигде не встретил Бога. Может быть, существует Нечто. Бог, сидящий на своем троне, где-то далеко, за звездами. Однако, пока Бога никто не видел, этому миру придется считаться с Кеа Ричардсом.

Он начал спускаться вниз по холму. Если поторопиться, можно успеть переодеться для встречи с делегацией. Кеа прибавил шагу. Охранник, идущий рядом, удивленно на него посмотрел. Тоже пошел быстрее. Кеа побежал. Он чувствовал себя молодым... ему было хорошо.

Неожиданно он услышал звук, похожий на раскат грома. Далекий и одновременно... совсем близкий. Глаза заволокло красной пеленой.

В голове пронеслось: «Нет! Еще рано... Я не готов!»

И прежде чем тело Кеа коснулось земли, он потерял сознание.

Испуганный охранник опустился рядом с ним на колени. Перевернул. Неумело принялся определять, жив ли президент. Нашупал едва уловимое биение пульса и быстро включил коммуникатор. Прошло всего несколько секунд, а склон холма наводнили гравитолеты и люди, готовые сражаться до последнего за жизнь своего вечного президента.

Ганимед, 2222 год нашей эры

— Ваши доктора не ошиблись. Это был удар. — Великого врача звали Имброциано. Она специализировалась в области анатомических повреждений и регенерации и не имела себе равных.

Кеа инстинктивно вцепился в онемевшую левую руку. Вспомнил свою беспомощность на борту «Фортуны I», когда рука была плотно прибинтована к боку. На этот раз бездействовала вся левая сторона.

Имброциано кивнула в сторону руки:

— Мы можем восстановить функцию: имплантация нервных окончаний. Очень сложная операция. Должна предупредить... это вас заметно ослабит.

Кеа заставил себя успокоиться. Необходимо мужество.

— Это меня беспокоит не очень сильно. Как насчет другой части диагноза?

Доктор вздохнула:

— К несчастью для вас, и в этом вопросе я полностью согласна с остальными докторами. Существует большая вероятность, что удар может повториться. Через неделю? Через год? Больше? Не могу сказать. Но вот что я знаю... вряд ли вы переживете второй такой удар.

Кеа резко рассмеялся.

— Вы не очень-то церемонитесь со своими пациентами, — заявил он.

— Ложь только отнимает время, — пожав плечами, ответила Имброциано, — а времени у вас как раз и нет.

Кеа снова рассмеялся, на этот раз весело. До него дошел смысл шутки. Разве его последней мыслью не была мысль о том, что императоры управляют временем?

«Оказывается, не любое время им подвластно, — подумал Кеа. — С биологическим временем императоры справиться не в силах».

Имброциано посмотрела на него, а потом удовлетворенно кивнула.

— Вы хорошо держитесь, — проговорила она. — Никаких истерик.

— Это не в моем характере, — ответил ей Кеа.

— Да, наверное... господин президент.

Она поднялась, чтобы уйти, но Кеа остановил ее.

— Мои люди предупредили вас, что все случившееся необходимо держать в секрете?

Имброциано передернуло.

— Они очень упорно... убеждали меня в этом. На самом деле, сэр, не было никакой необходимости мне угрожать. Президент или нет, вы мой пациент. А я еще ни разу не нарушила своей клятвы.

— Простите их рвение, — проговорил Кеа. Он думал о том, что, если враги узнают о его болезни, они довольно легко смогут убедить доктора изменить отношение к клятве Гиппократы. — Я был бы вам крайне признателен, если бы вы остались... пока я не решу, что делать дальше.

— Вы продолжаете рассматривать возможность операции, — проговорила Имброциано, — даже несмотря на то, что это испытание, скорее всего, не даст никаких положительных результатов.

— Я сообщу вам о своем решении, — ответил Кеа.

Имброциано ушла. Она была в высшей степени озадачена. Но не более, чем сам Кеа. О чем он думал? Что можно сделать? Самый лучший врач федерации несколько минут назад сообщил ему, что он обречен. Советники настаивают на том, чтобы он назвал преемника — имея в виду одного из них. Они не говорят этого вслух, но все ясно и без слов — он должен раскрыть им секрет местонахождения АМ-2.

«Если я сейчас умру, — думал Кеа, — система — безупречная система, которую я придумал, прекратит свое существование. Бесследно. Секрет АМ-2 умрет. Эта система — настоящая защита против врагов. Знание, которое охраняет от наемных убийц. Теперь же... Есть ли какой-нибудь смысл хранить секрет? Без АМ-2 федерация погибнет. Все труды пойдут прахом. И что? Если ты отдашь им свой секрет, станет еще хуже, разве не так? Начнутся страшные войны — все будут стремиться получить контроль за АМ-2».

Он запрашивал компьютерные прогнозы. И всякий раз количество предполагаемых смертей достигало головокружительного уровня.

Слишком поздно думать о наследнике. Кроме того, Ричардс с самого начала отказался от этой идеи, потому что прекрасно знал историю королей и их детей. Наследники жили, дожидаясь только

одного — когда умрет их венценосный родитель и они смогут занять его место. Иногда вступали в заговоры. И почти никогда не были в состоянии предвидеть, что королевство, созданное *до* них, погибает со смертью старого короля. Достаточно посмотреть на историю клана Баргета, чтобы увидеть, с какой скоростью вырождались его члены — от поколения к поколению.

Ладно, хватит предаваться пустым размышлениям. Нужно принимать решение. Кто станет преемником? Кому доверить секрет АМ-2? Ответ пришел мгновенно: никому.

«Должно быть некое решение,— настаивал упрямец, спрятавшийся где-то в глубине души.— Должно быть».

«Но ведь все умирают... рано или поздно»,— слабо спорил Кеа.

«Только мы отличаемся от всех,— убеждал его тот же странный голос.— Мы особенные. Потому что знаем то, что не известно никому, кроме нас. И это отличает нас от остальных живущих сейчас людей... и от тех, что жили до них, тоже».

Кеа пытался сражаться с этими безумными идеями — решив, что, вероятно, уже давно спятил. Наконец он заснул. Он куда-то плыл. Но при этом ему ничего не снилось.

Врачи, контролировавшие его состояние при помощи самых разнообразных приборов, заметили, что все процессы пришли в норму.

Кеа проснулся. Почувствовал себя отдохнувшим. В полном порядке. Ужасно хотел есть. Приказал принести завтрак.

И позвать Имброциано.

Она ответила на все вопросы, затем внимательно выслушала президента. Спокойно. Без каких бы то ни было эмоций.

— Да. Я могу это сделать,— сказала она наконец.— Я могу создать живое тело... человеческое... совершенно такое же, как у вас. Существуют, конечно, теоретические препятствия. Но, имея необходимую команду специалистов и достаточно средств... мы сможем справиться с задачей.

— Вы это сделаете? — спросил Кеа.

— Нет.

— Почему, ради всех святых?

— Человек не имеет права спорить со смертью, господин президент,— сказала она.— А вы именно это и намереваетесь сделать. Вы должны понять, что ваша идея абсолютно неразумна. Я могу скопировать вас, сделать дубликат. Но... я не могу заставить новый организм быть вами!

— А какая разница? — настаивал на своем Кеа.— Если у него будут мои мысли... мои знания... мотивации... такие же точно клетки... все то, из чего я состою... в таком случае это буду я. Разве нет?

Имброциано вздохнула.

— Я врач, а не философ. Философ смог бы объяснить вам разницу.

— Вы станете очень богатой,— пообещал Кеа.— Я могу вас наградить.

— Я знаю,— ответила Имброциано.— Вы можете дать мне столько, что мои этические принципы замолкнут навсегда. Но если я приму участие в этой затее и добьюсь успеха, я буду постоянно думать о том, что собственноручно подписала свой смертный приговор. Согласитесь, мне станет известен очень опасный секрет.

— Я учел это,— кивнул Кеа.— Однако вам, вероятно, понадобится не один год, чтобы сделать то, о чем я прошу. Возможно, у вас на это уйдет остаток жизни. И ваша жизнь будет роскошной. Это я могу вам гарантировать.

Имброциано думала очень долго. А потом сказала:

— Если я откажусь, вы найдете кого-нибудь другого. Менее умелого.

— Конечно,— ответил Кеа.

— А это будет означать, что я опять попаду в тяжелую ситуацию. Потому что слишком много знаю.

— Точно,— сказал Кеа спокойно.

— Ну, в таком случае давайте приступать к работе,— проговорила Имброциано.— У нас, возможно, не так много времени.

Ганимед, 2224 год нашей эры

Удача вернулась. Вместе со здоровьем благодаря способностям Имброциано. Операция на нервных окончаниях прошла успешно. Реабилитационные упражнения были настоящей мукой, но они того стоили.

Ричардс встал с кресла и прошел в дальний конец кабинета. Он был один. Пока шел, внимательно смотрел на свое отражение в зеркале. Остался доволен. Теперь только небольшая хромота сохранилась после паралича, явившегося результатом удара. Он с легкостью скрывал это от посторонних. У политиков был большой опыт в подобных вопросах. «После операции,— подумал Кеа,— мало кто вообще знал, что я прикован к инвалидному креслу».

Он снова вернулся к письменному столу. Опустил свое пятидесятидевятилетнее тело в глубокое мягкое кресло. Взял графин.

Виски.

С наслаждением сделал глоток. Сейчас он отдыхал от своих утомительных обязанностей. Почувствовал легкую головную боль и напрягся. Сердце сжалось — неужели? Но боль прошла, и вместе с ней исчез страх.

«Благодарение Господу,— подумал Кеа,— мне больше не нужно об этом беспокоиться».

Имброциано практически завершила свою работу. Все в порядке. Стоит только сказать слово, и могущественные темные силы примутся за дело.

Кеа отчаянно трудился, чтобы добраться до этого момента. Меньял персонал, дергал за самые разнообразные веревочки. Создавал и рушил целые бюрократические аппараты. Заметал след, издавая великое множество государственных декретов и законов. В его распоряжении были огромные фабрики и заводы, директора которых понятия не имели, что делается на соседних предприятиях. Приказы Кеа исполняли капитаны звездных кораблей. Он придумал сложнейшую, сверхсекретную сеть, где опытные шпионы пользовались самым современным электронным оборудованием.

Одновременно Имброциано и ее команда тоже работали день и ночь, потому что нельзя было терять ни минуты. Причем в их распоряжении находились все средства государственного бюджета.

Кеа потягивал виски, чувствуя, как тепло разливается по телу.

Он решил обмануть смерть, и первый этап его плана был совсем не сложным. Имброциано создаст ходящий, говорящий, думающий дубликат Кеа Ричардса. Второй этап, который предстояло претворить в жизнь, был еще проще.

Когда Кеа думал об этом, в его душу закрадывался холодный ужас. Не стоит предаваться праздным размышлениям. Придет время, и он справится с этой проблемой тоже.

А вот третий этап плана был невероятно сложным. Во-первых, Кеа решил внести кое-какие изменения в старую систему. Нужно будет заняться генной инженерией, чтобы его организм стал неподвластен болезням и старению. Кеа выбрал самый лучший возраст — тридцать пять лет. Именно тогда он добился почти всего. Поскольку этот процесс займет несколько лет, его подданные не заметят, что пожизненный президент сбрасывает средний возраст, точно змея кожу. Теоретически новый Кеа Ричардс сможет путешествовать по векам, не старея.

Настоящее бессмертие.

— По правде говоря, — сказала Имброциано, — я сомневаюсь, что это возможно. Организм — в особенности мыслящий — слишком сложная штука. Он подвержен влиянию многих вещей, о которых мы не имеем ни малейшего представления. И я сейчас говорю не о физическом здоровье. Необходимо принять в расчет еще и психологический аспект проблемы.

— Я могу сойти с ума, — проговорил Кеа, — или меня захватят враги. Заставят делать что-то против желания, вынудят выдать информацию.

— И это тоже, — согласилась Имброциано.

Необходимость решить эту проблему привела к возникновению главной части плана. Будучи инженером в душе, Кеа начал с машины. Машины, которая была призвана судить. Ее снабдили сложными программами. В ее функции входило принимать решения на предмет физического и морального состояния Кеа Ричардса и оценивать

наличие угрозы извне. В новый организм Кеа Ричардса будет имплантирована бомба. При возникновении угрозы пытки, сканирования мозга или нападения бомба взорвется — причем взрыв будет такой огромной силы, что погибнут все, кто находится рядом. То же самое произойдет, если машина-судья решит, что Кеа больше не в состоянии — с точки зрения здравого смысла — управлять федерацией. Ричардс придумал название — фактор Калигулы. Он не имел ни малейшего желания стать тираном, который правит бесконечным адом.

«Я никогда не перестану гордиться собой,— подумал он, сделав очередной глоток виски.— Тайный подарок моему вечному королевству».

Впрочем, в моменты откровенности с самим собой он иногда признавал, что довольно широко трактует понятие умственного расстройства. Но во время этих приступов честности Кеа уговаривал себя, что у его будущей личности, возможно, возникнет необходимость в пути к отступлению. Он не мог представить себе, с какими обстоятельствами ему придется столкнуться за многие века бессмертия. То, что кажется безумием сейчас, может показаться совершенно разумным в будущем.

Машина, контролирующая его жизнь, находилась на борту полностью автоматизированного госпитального корабля; он был построен со всевозможными предосторожностями, может быть, даже излишними. Кроме того, корабль был обеспечен системой самоанализа и автоматизированными ремонтными приспособлениями.

Кеа спрятал корабль там, где никакие враги не смогли бы его отыскать,— в альтернативной вселенной, рядом с источником АМ-2.

Про себя он называл это место N-пространство.

А на случай, если врагам все-таки удастся выследить корабль, его снабдили самым мощным оружием века. Вряд ли кому-нибудь из нападающих удастся остаться в живых. Госпитальный корабль будет находиться в полной готовности, дожидаясь сигнала к действию. По этому сигналу роботы создадут нового Кеа Ричардса — чтобы заменить им того, которого только что... убрали. Плоть вырастет из генов, которые Имброциано уже сейчас запасает в больших количествах, делая бесконечные биопсии. Сознание — личность Кеа Ричардса — будет тоже полностью реконструировано. Вплоть до самых последних мыслей — тех, что посетили его перед... смертью.

— На это нужно время,— предупредила его Имброциано.— На реконструкцию потребуется немногим более трех лет. Вам следует это иметь в виду.

Кеа справился с проблемой, установив сложный библиотечный компьютер. Он будет записывать все новости и сообщения о событиях, происходящих в федерации. Эти данные будут сообщаться но-

вому организму сразу после его пробуждения — во время курса обучения.

Тут нужно быть начеку. Психологи Имброциано сказали, что слишком обширные знания в чистом виде, не подтвержденные опытом, могут оказаться смертельно опасными для растущего организма.

Возвращение к власти будет происходить постепенно. Лестница опыта. Осторожный подъем вверх, ступенька за ступенькой. А машина-судья станет решать, подходит ли новый организм для уготованной ему роли... и в случае необходимости уничтожит его — чтобы начать все сначала.

Как ни странно, самой простой проблемой в подготовке бессмертия оказалась проблема политическая. Потому что у Кеа Ричардса была козырная карта — АМ-2.

Когда он умрет, поставки АМ-2 автоматически прекратятся. И до его возвращения никто не сможет надолго захватить власть в свои руки. Начнется экономический хаос. Упадет производство. Тот, кто займет его место, будет крайне ослаблен к моменту возрождения Кеа, так что скинуть его с трона не составит никакого труда.

Возвращение героя.

Можно создать великолепные легенды.

Кеа посмотрел на старинные часы на каминной полке. Пора начинать. Имброциано ждет.

Он допил виски. Поставил стакан на поднос и отодвинул в сторону.

Вызвал Кемпера — главу целой армии обслуживающего персонала. Они еще раз обсудили, что должно быть сделано в отсутствие президента. Юридические тонкости, о которых вспоминаешь в последнюю минуту. Назначения на высшие должности и аналогичные решения.

Люди, окружавшие Ричардса, начали привыкать к его загадочным исчезновениям. Он намеренно пропадал на несколько дней, чтобы приучить их к этому. Иногда под видом обычного инженера по имени Рашид. Иногда вместе с несколькими избранными для реализации тайных дипломатических задач.

— А что, если возникнет какая-нибудь необычная ситуация, господин президент? — серьезно спросил Кемпер. Он знал ответ, но считал правильным удостовериться. — Как мы сможем вас разыскать?

— Не беспокойтесь, — ответил ему Ричардс. — Я буду отсутствовать недолго.

После того как Кемпер ушел, Ричардс вытащил из ящика стола увесистый несессер. А затем нажал на кнопку под столом. Часть стены отодвинулась, и Кеа скрылся в темном проходе. Через мгновение все снова было на своих местах. А еще через некоторое время Кеа ступил на борт небольшой космической яхты и услышал, как

капитан болтает о пустяках со своим первым помощником — они ждали разрешения на взлет.

Кеа повернулся в своем кресле, чтобы проверить, удобно ли устроилась Имброциано и ее команда. Она помахала ему рукой и улыбнулась — грустно. Кеа помахал ей в ответ и приготовился к взлету.

Ускорение вдавило его в кресло, в ушах загудело... он ощутил невесомость.

Кеа наслаждался каждой минутой, словно это был последний полет в его жизни.

Неожиданно донесся голос Имброциано:

— Хотите снотворного?

Он повернулся к ней. Показал рукой, чтобы она села рядом. Имброциано опустилась на соседнее кресло. Под глазами у нее были синяки — она явно недосыпала.

— Лучше не надо,— сказал Кеа.— Знаете... я бы хотел... оставаться в сознании.

— Понимаю,— ответила Имброциано.— Но мы доберемся до места назначения только завтра. Почему бы вам не отдохнуть?

— Если из нашей затеи ничего не выйдет,— поморщился Кеа,— у меня будет масса свободного времени. На вечный сон.

— Все еще можно отменить,— сказала Имброциано.— Правда. Прошу вас.

— Я уже принял решение,— отозвался Кеа.— Вам не следует испытывать чувство вины.

Имброциано замолчала. Подергала рукав платья. А потом промолвила:

— Если вам так будет легче, могу сказать: завтра вы не почувствуете никакой боли. Ничего. Сначала я сделаю вам инъекцию транквилизаторов. Страх не будет. Только после этого вы получите летальную дозу. Вы сделаете вдох... и прежде, чем успеете полностью выдохнуть... умрете.

— Чтобы родиться снова,— с наигранной веселостью ответил Кеа.— А еще можно сказать: поменяю один сосуд на другой.

— Но это будете не вы! — воскликнула Имброциано.— Возможно, формально, да. Оно будет говорить, ходить и думать как вы. Но это все равно будете не вы. В каждом из нас есть суть, которая делает нас личностями. Душа.

— Сейчас вы напоминаете мне проповедника,— вздохнул Кеа.— Я инженер. Прагматик. Если оно будет ходить по-утиному, разговаривать по-утиному... оно все равно должно быть Кеа Ричардсом.

Имброциано откинулась на спинку кресла — усталость, поражение. Потом она погладила его по руке, поднялась и вернулась на свое место.

Кеа искренне сожалел о том, что должно случиться совсем скоро. Достал свой несессер. Отодвинул в сторону небольшой кусочек

ткани и посмотрел на углубление. Выключатель, реагирующий на тепло.

Ему нравилась Имброциано. Несмотря на сдержанные манеры, она обладала удивительной способностью к сопереживанию.

Привязанность к ней была второй причиной, по которой Кеа решил изменить план.

Первая причина была прагматичной. Начало должно быть максимально эффективным. Подозрение на несчастный случай, чтобы возникли взаимные обвинения и политические интриги. Правительство в замешательстве. Ликование по поводу чудесного возвращения президента заставит забыть о странных обстоятельствах, при которых он исчез. Некоторые из них он обойдет завуалированными намеками о надежно укрывшихся врагах, а остальное можно будет изменить, просто переписав историю.

У него будет достаточно для этого времени.

Второй причиной была жалость. К Имброциано. Его огорчала мысль, что она страшно расстроится, узнав, что он солгал ей. Ужасное переживание для человека, который должен быть рядом с ним в момент его смерти. Даже хуже, чем предательство.

Он ей доверял.

И все же не мог рисковать.

«Никому не доверяй,— советовал однажды старый король своему более молодому коллеге.— Даже мне, твоему другу... особенно мне!»

Решение было трудно принять, однако необходимость победила. Кеа знал, что всегда будет скорбеть об Имброциано. Так же как и о других. Тяжелая ноша короля. Но он вынесет ее.

Ричардс придвинул палец к углублению на крышке несессера. Когда он его коснется, бомба уничтожит корабль. Все умрут. Мгновенно. Кроме...

...Кроме Кеа Ричардса?

Неожиданно он покрылся потом. Сердце отчаянно забилося в груди.

А что, если Имброциано права?

«Да... твоя душа. Твоя проклятая...»

Кеа с трудом вдохнул. Выдохнул. Сделал еще один вдох. Закрыв глаза. И подумал о тонком огненном занавесе, развевающемся на космических ветрах. Он проплывал сквозь этот занавес. И видел, как частички мечутся вокруг, словно живые.

Пора? Сделать это сейчас?

Нет.

Еще одно мгновение. Еще одна мысль.

Кеа вдохнул застоявшийся воздух каюты. Он показался ему восхитительным.

«Я буду вечным королем,— подумал он.— Вечным императором».

И нажал на кнопку.

N-пространство, год первый

Человек спокойно сидел в кресле и наблюдал за игрой света и тени сквозь нечто похожее на корабельный иллюминатор. Смуглая кожа, отлично сложен, удивительные голубые глаза. Он наблюдает за ослепительным мельканием огней уже много... дней... недель... месяцев?

Зрелище ему не надоедало, хотя временами глаза начинали болеть. Постоянное переменчивое движение теней разной формы. Неожиданные, ослепительные вспышки одного цвета. Эта картина всегда его успокаивала. Но не сегодня. Он был весь напряжен, задышался в уютной атмосфере каюты.

Промелькнула мысль. Он заглянул в иллюминатор. Какой-то голос сказал, что в этом месте соприкасаются две вселенные. Ворота. Да, это ему известно. Только вот забыл название. В мозгу всплыл ответ...

Разрыв континуума.

Разрыв континуума Фазлура.

Он подскочил на месте. Почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Откуда голос? Он доносится...

Изнутри?

Человек поднялся и отправился в дальний конец каюты. На стене висело зеркало. Впервые отразившееся там лицо показалось знакомым. словно не принадлежало... кому-то другому? Да. Вот именно.

Он коснулся рукой щеки. И снова — ощущение было таким... удивительно знакомым. Тогда он заглянул в глаза. Увидел сардонические морщинки в уголках. Голубизну, которая так быстро превращалась в холодную серую сталь. Рассмеялся. Послушал, как по каюте прокатилось эхо.

О господи! Как замечательно звучит этот смех!

Прикоснулся к поверхности зеркала, дрожащими пальцами провел по изображению своего лица. Чуть не расплакался, поняв, что произошло.

Потом заставил себя собраться. Отошел от зеркала, положил руки на пояс, полюбовался собой. Долго и внимательно изучал собственное изображение. Искал какие-нибудь недостатки. Ничего не нашел. Кивнул.

Появилась новая мысль: вечный король.

Он нахмурился. Как там дальше? Когда... Вспомнил.

— Я император, — громко произнес он.

Ухмыльнулся собственному изображению в зеркале.

— Вечный император.

Книга четвертая

Король в опасности

Глава 29

Размыто. Размыто. Стало совсем мутно... а потом картинка прояснилась, когда камера автоматически подобрала фокусное расстояние.

Небольшой горный луг. Его окружают холмы. На их склонах видны разинутые пасти пещер. «Сделай поправку, — сказал Стэну его разум. — Ты в центре города». Земля на лугу была искусственной, как и холмы. А разинутые пасти пещер — на самом деле дверные проемы, ведущие в огромные жилые комплексы. Ближе к концу луга он увидел развалины низкого здания с арочным входом. Боевой имперский корабль сознательно совершил на него посадку.

Перед зданием — платформа. Нет. Эшафот.

На нем стоял человек, одетый в черное. На голове — капюшон. В руке — пистолет.

Перед ним — два имперских солдата в полной форме. Они крепко держали крупное существо с золотистым мехом.

Гомон: весь «луг» заполнен существами с золотистым мехом, и еще имперские войска в пятнистой, коричневатой полевой форме. Их оружие наведено на толпу.

Смутное изображение мохнатой головы попало в поле зрения камеры. Короткое движение — и Стэн уже смотрит на эшафот.

Послышался равномерный стук: бой барабанов.

Пронзительный свист.

— Вот этот парень, сэр Танжери, — объяснил Алекс, — наверное, тебе известно, что кал'гаты общаются при помощи свиста. Видишь, им не нравится, что их лидера сейчас отправят к праотцам. Мы находимся в том месте, которое кал'гаты называют Общий дом. Эквивалент парламента. По крайней мере, так было до сих пор.

С имперского корабля донесся оглушительный голос.

— А теперь можно даже различить слова. У того типа совсем старый усилитель. Кал'гатам сообщают, что это кара за измену и что за ней последуют новые казни.

Эхо смолкло, Танжери повернулся к толпе. Неожиданно палач поднял руку и выстрелил. Череп Танжери разлетелся на куски, и он рухнул вниз. Солдаты сбросили тело с эшафота.

— Смотри,— продолжал Килгур,— сейчас будет интересно.

Свист становился все пронзительней, хотя аппаратура слежения контролировала его интенсивность. Темнота.

— Парень с записывающим устройством подошел поближе.

Размытые контуры. Кто-то бежит. Вместе с толпой. Стрельба. Крики. Движение вперед. Вопящий кал'гата, покрытый кровью мех, в лапах зажат имперский виллиган.

Оглушительный рев.

Темнота.

— С имперского корабля начали стрелять из автоматического оружия.

Появилось изображение. Небо. Точка... предмет... атакующий ястреб... взрыв... Полная тишина... земля... темнота.

— Очевидно,— продолжал объяснять Килгур,— кто-то из кал'гатов сумел подняться в воздух на каком-нибудь приспособлении, умеющем летать, а аппаратура слежения на имперском эсминце не заметила его. Он решил, что будет разумно поменять свою жизнь на имперский корабль. И не ошибся.

Снова появилось изображение. Имперский корабль в огне, сразу за капитанским мостиком — огромная дыра.

Размытые силуэты. Кто-то куда-то бежит. Выстрелы. Снова небо, а потом Стэн вскрикнул, когда его пронзила боль. Темнота.

Он видит. Кто-то еще видит.

Теперь он уже далеко от Общего дома. Имперский корабль в огне, площадь опустела. Несколько имперских эсминцев появились в воздухе. Неожиданно один из них превратился в огненный шар, и изображение снова пропало.

Стэн снял шлем принимающего устройства.

— Что случилось с первым кал'гатой, с тем, что начал вести запись?

Алекс мрачно пожал плечами:

— Откуда мне знать? Убили, наверное. В противном случае он бы сам продолжал вести запись. Разведчики докладывают, что линейный корабль назывался «Одесса». Империя потеряла два батальона Второй гвардейской дивизии. Дружок Вайлда, который доставил нам пленку, сказал, что около десяти тысяч кал'гат погибло. Официальные имперские новости, естественно, ничего сообщать про эти события не станут.

— Так вот что они называют «барабанный патруль», — возмущенно проговорила Синд. — Убийцы из гвардии, наверное, долго искали подходящее название тому, чем они занимаются на самом деле.

— Гвардейцы, конечно, настоящие ублюдки, если выполняют подобные приказы,— проворчал Ото.— Только я считаю, что в данном случае гораздо хуже то, как император понимает справедливость.

Стэн поднялся, подошел к экрану и задумчиво уставился на него. «Победа» и корабли сопровождения висели в глубоком межзвездном пространстве, далеко от миров людей.

— Итак, я умер,— задумчиво проговорил он,— а восстание продолжается.

— Словно летний пожар в оазисе среди льдов, который не удалось до конца потушить, так что он может в любой момент разгореться снова,— подтвердил Ото.— Вспыхивает то тут, то там. Где-то возникает сражение, а где-то имперские гвардейцы получают камнем по башке.

— А кал'гаты, которых ты видел,— добавил Алекс,— не желают отступать. Так же как и загинозы. Вероятно, императору придется послать туда войска, чтобы их утихомирить. Но я не думаю, что ему удастся это сделать в ближайшее время. Кое-кто из твоих союзников решил, что мир все-таки лучше, чем война, но есть и такие, кто отправился на баррикады или посчитал, что не стоит иметь дело с империей по причинам, известным только им самим. Плюс бесконечные аресты и казни на Прайме, среди гвардейцев, в вооруженных силах, даже в парламенте. У императора возникли очень серьезные проблемы, приятель.

Тут Алекс не ошибался. Император, конечно, убил Стэна, но заплатил за это гораздо более высокую цену, чем рассчитывал. Уничтожение мирных манаби, расы, которую все уважали и которой восхищались, считая идеалом, взбудоражило всю империю.

Пропагандистские заявления типа: Стэн готовил для вечного императора ловушку и тому лишь чудом удалось спастись после того, как он убил вождя восстания в рукопашном сражении,— в эти глупости мало кто верил.

Стэн погиб, а император остался жив. Иди торгуй своим товаром в другом месте, приятель.

Многим было ясно, что предложенное императором перемирие и разделение власти было не чем иным, как наживкой для ловушки, в которую Стэн и угодил.

Восстание полыхало, затихало, снова разгоралось... Империи приходилось все сильнее растягивать свои и без того разбросанные по разным галактикам войска.

Стэн не стал тратить время, оплакивая манаби или проклиная себя за то, что не вступил в последний бой с императором, не считаясь с последствиями. Он не мог. Потом его предали. Ну и что из того? Война еще только начинается.

Он не заметил, что произнес эти слова вслух, однако услышал одобрительное рычание Ото.

— Вот именно, начинается, — сказал Ото. — Пришла пора показаться. Ты не умер. Настало время твоим силам нанести настоящий удар.

И Алекс, и Синд покачали головами. Алекс хотел было что-то сказать, но уступил это право Синд.

— Если мы так поступим, — произнесла она, — сначала нам придется собрать наш боевой флот — те корабли, которые не были уничтожены имперскими силами или не разбежались в самые разные уголки Вселенной, — и тогда получится, что мы просто вернемся к тому, с чего начали. Возникнет еще один Аскулум, где все погибает и нет победителей. Так сражались мои предки дженнисары. Существует множество великих сказок и баллад о том, как мы стояли до последнего. Очень впечатляюще, — в ее голосе звучал сарказм, — и вдохновляет юных героев. Только вот теперь, когда я выросла, мне стало очевидно: проигрывая сражение, мы очень часто проигрываем и саму войну. Алекс тоже так бы сказал.

Килгур кивнул.

— Барышня даже лучше это объяснила. Я бы еще добавил: Куллоден, чтобы Ото было о чем подумать после этого разговора.

Стэн согласился с Алексом и Синд, вспомнив слова своего первого сержанта, почтенного ветерана по имени Ланцотта, который заявил новичкам в первый же день их учений:

«Какой-то генерал сказал, что работа солдата заключается не в том, чтобы сражаться, а в том, чтобы умирать. Если кто-нибудь из вас доживет до выпуска, вы будете помогать солдатам вражеской стороны умирать за родину... Мы создаем убийц, неудачники нам не нужны...»

— Рикор, — сказал Стэн. — Логическая проверка.

Психолог помахала плавником из своей лохани. Она переживала гибель манаби, особенно сэра Эку, больше, чем все остальные.

«Возможно, — думала она, стараясь справиться с горем, от которого ее щеки постоянно покрывались слезами, — другие потеряли больше друзей и любимых, чем я, — ведь они опытные солдаты. Все эти годы, целые десятилетия я делала для императора грязную работу, и поскольку я многократно видела, как умирают многочисленные существа, подвергающиеся сканированию мозга, я думала, что знаю горечь утрат. Вот для тебя урок, Рикор. Запомни: все, что ты проповедуешь, может быть логичным и практичным. Только не следует думать, что пациент, который не в состоянии принять твои доводы и утешения, глуп или упрям».

— Давай, Стэн.

— Если я неожиданно восстану из мертвых, к нам могут присоединиться старые и новые союзники. На время забудем об этом. Приведет ли преследование императором моих бывших друзей к

увеличению числа жертв — погибнет ли большее количество живых существ, если я объявлю о своем спасении?

Рикор задумалась.

— Нет, — сказала она наконец. — Твои доводы вполне приемлемы. Преследование... неразумная месть, к которой прибегает император, ужасна. Однако открытая война приводит к большему количеству жертв, при этом гибнут невинные существа.

— Я так и думал, — со вздохом ответил Стэн. — Ну что ж, друзья. Вот мой план. Мы попытались нанести прямой удар, однако к успеху он не привел. Может быть, виноват я — все мои успешные операции в прошлом производились тайно, под покровом темноты. Сияющее оружие и открытый бой — не для меня.

Стэн немного помолчал. Он снова познавал жестокий урок войны — если ты слишком долго будешь горевать о погибших друзьях, то очень скоро присоединишься к ним.

— На этот раз мы поступим по-другому. В темноте, в тумане, из-за спины, с кинжалом. И то, что все считают меня мертвым, должно нам помочь. Больше не будет сражений — только если нас вынудят. Теперь мы займемся императором, захватим его или убьем — как получится.

Он посмотрел по сторонам. Рикор молчала. Ото нахмурился, а потом неохотно проворчал, что он согласен. Синд и Алекс кивнули. Капитан Фрестон тоже не имел возражений.

— Рад это слышать, приятель. Да здравствуют богомолы! — сказал Алекс. — Хорошо согласуется с моими планами. Я бы хотел получить разрешение на проведение одной операции. Мне нужен Пойндекс.

Алекс объяснил. Он проанализировал последние аресты и казни. Часть жертв были открытыми или тайными союзниками Стэна. Другие каким-то образом нанесли оскорбление вечному императору. Однако были смерти и аресты, которые не имели никакого очевидного объяснения.

— Я попытался задать компьютеру программу на предмет наиболее распространенных ошибок тиранов, — продолжал Алекс. — Только компьютеру почему-то не понравился мой вопрос, и он попросил меня переформулировать его.

Алекс переформулировал и получил ответ — Пойндекс. Сначала он подумал, что Пойндекс увеличивает число врагов императора за счет собственных врагов — главы тайной полиции всегда так поступают, когда их правитель нуждается в кровавых жертвах. Только Пойндекс был намного умнее, он разбирался со своими врагами сразу, как только они возникали на его пути. Император дал ему огромную власть и право расправляться, с кем он пожелает, не прикрываясь высочайшим именем.

Объяснение оказалось совсем простым. Алекс решил, что Пойндекс стремится стать незаменимым для императора человеком.

— Стараясь при этом, — добавил Алекс, — проделать все так, чтобы император не догадался о его амбициозных замыслах, хотя рано или поздно это произойдет.

Алексу стало известно, что гурки были уволены со службы. Сначала он решил, что император мстит гуркам, которые добровольно вызвались служить под командованием Стэна еще до того, как тот восстал против императора. Затем предположил, что Пойндекс убрал их, чтобы заменить собственными людьми — новым подразделением, которое он назвал внутренней безопасностью. Это отчасти объясняло то, что происходило на Прайме, — Пойндекс посчитал нужным заменить богомоллов и «Меркурий» на ВБ.

Однако Алекс прекрасно понимал, что в деятельности Пойндекса это не самое главное. Он собирался стать единственным связующим звеном между императором, его офицерами, вооруженными силами, парламентом и народом.

— Естественно, этот болван не понимает, — сказал Алекс, — что прежде, чем ему удастся подобраться к трону императора, тот откроет его маленькую симпатичную головку. Вспомните историю: Бисмарк, Ежов, Гиммлер, Киссинджер, Джонс. Единственный среди них, кто пользовался влиянием и сохранил его, — кардинал Ришелье. Пойндекс способный парень, но он не Ришелье.

Однако все это в будущем. А сейчас Пойндекс довольно успешно сумел изолировать вечного императора от всех остальных. Учитывая, что Пойндекс предатель, который возглавлял корпус «Меркурий» во время смуты, а затем стал членом Тайного совета и предал его, когда император вернулся...

— У меня есть план, — заключил Алекс, — в котором главную роль играют император и Пойндекс. Как в одном старом стишке:

Они долго искали вблизи и вдали,
Проверяли все спуски и списки,
Но от храброго Булочника не нашли
Ни следа, ни платка, ни записки.

Стэн посмотрел на своего приятеля. Он знал, что Алекс заговорит о подробностях только в том случае, если ему прикажут. Пусть поступает, как считает нужным.

— Как ты до него доберешься? — спросил Стэн. — Насколько мне известно, этот мерзавец практически не выходит из Арунделя, если только не отправляется куда-нибудь с императором.

Алекс ухмыльнулся:

— Марр и Сенн теперь мои главные друзья. Они, конечно, ушли в отставку и у них не очень хорошие отношения с императором, но

эта парочка не раз бывала в Арунде. В *новом* Арунде. Они утверждают, что знакомы с архитектором, который отвечал за реконструкцию. Так вот, нынешний замок построен в точности как старый. А им был известен каждый коридорчик и закоулок в той старой куче камней еще до того, как появился ты со своими картами и схемами.

Стэн нахмурился. Арундель был крепостью императора на Прайме — в три раза увеличенная копия земного замка, с огромными садами, коммуникациями, бункерами и жилыми помещениями, выстроенными под землей. Его разрушили в самом начале Таанской войны во время неудачного покушения на императора. Вернувшись, властитель восстановил замок.

А потом Стэн понял, что имел в виду Алекс. Он вспомнил подробные карты замка, которые видел, когда возглавлял личную охрану императора. А еще он вспомнил один побег, совершенный из подземелья Арунделя, несколько месяцев спустя.

Стэн кивнул.

— Давай начинай действовать, Алекс, — сказал он. — Какая тебе потребуется помощь?

— Да у меня все есть. Корабль, который Вайлд одолжил мне. Пилот. А на Прайме меня уже ждут. Дальше все просто.

Килгур отсалютовал, четко, словно они со Стэном вернулись на военную службу. Стэн удивился, встал по стойке «смирно» и отсалютовал в ответ.

Алекс сказал не всю правду. Он считал, что его операция против Пойндекса имеет больше шансов на успех, если ее попытается реализовать одиночка. Но дело тут было не только в этом. По спине у него пробежал холодок.

Он старался насладиться каждым днем, каждой минутой, потому что у него возникло ощущение, что они могут оказаться последними. Он привел в порядок свой дом — обширные поместья и замки на Эдинбурге. Если, конечно, можно надеяться, что император рано или поздно не доберется до них. Теперь Алекс был готов.

«Во всяком случае, — подумал он, — я прислушаюсь к своему предчувствию и не возьму с собой Стэна».

Он постарался отогнать от себя дурные мысли. «Не стоит предаваться мрачным предчувствиям, словно ты глупый северянин. Многие века назад мы не обращали внимания на стоны врагов, пробиравшихся в их стан и перерезали им глотки. Сделай это с улыбкой, приятель».

Килгур остановился перед дверью в свои покои. Положил ладонь на ручку двери. И когда дверь приоткрылась, услышал хихиканье.

Первой, кого он увидел, была Марль.

«О господи, я считал, что барышня строила мне глазки, когда я готовил ее в агенты, она ведь хорошенькая, сильная, и с мозгами все в порядке. Мне именно такие нравятся, и у меня были на ее счет кое-какие планы».

Но крошка Хотско первой сделала ход, и Алекс, добросердечный головорез, не знал, что сказать Марль, если считать, что они и в самом деле испытывали взаимное влечение,— поэтому-то он старался держаться подальше от подразделения контрразведки, где теперь работала Марль.

Сейчас Килгур отметил, что девушка выглядит особенно привлекательной в узенькой юбочке с разрезом и кружевной блузке.

Как и Хотско, одетая в рубашку Алекса, от которой к тому же изумительно пахло.

«Боже мой! — подумал Килгур. — Живым я отсюда не выйду».

— Леди. — Больше он ничего выдавить из себя не смог.

Марль и Хотско переглянулись и расхохотались. Алекс заметил пустую бутылку в ведерке со льдом.

— Похоже, — заметила Хотско, — наш герой не знает, что ему предпринять.

— Я полагаю, — прохрипел Алекс, — мне надо немного выпить.

Хотско встала и налила полный стакан стрегга. Со льдом.

— Твоя подружка Марль заявила сюда пару часов назад. Она рассказывала мне истории о том, как вы шпионили. И мы... поговорили.

Хотско высунула язычок и облизнула губы.

— Оказалось, что у нас есть общие интересы, — продолжала она. — Ну, кроме тебя, я имела в виду.

— О господи.

Теперь пришел черед смеяться Марль.

— После гибели Стэна, — сказала она, — работы в нашем разведывательном управлении почти совсем не стало. А с тем, что есть, прекрасно справляются бхоры. Так как я являюсь главой отделения, то решила немного сама с собой побеседовать. Сказала себе, что слишком много в последнее время работаю и, следовательно, заслужила отпуск.

Алекс залпом осушил стакан со стреггом и, пока его внутренности возвращались из гиперпространства в нормальную жизнь, налил себе еще.

— Марль пришла сюда, — продолжала Хотско, — и я пригласила ее войти. Знаешь, она потрясающая женщина.

— Знаю, — сообщил Алекс, но в его голосе прозвучала нотка подозрительности.

— В ее мире есть несколько очень интересных обычаев, — промурлыкала Хотско. — Нам обоим они понравятся.

— О господи.

— Алекс, ты повторяешься.

Марль и Хотско ужасно старались — хотя у них ничего не получилось — сделать серьезный вид.

— Я решила, что она, возможно, захочет отправиться с нами на Прайм,— продолжала Хотско.— Путь туда такой далекий!.. Она решила, что это просто замечательная идея. Так что я помогла ей сложить вещи. Она готова стартовать в любой момент. Замечательно, да?

Алекс пришел в себя.

— Да. Конечно. Мы будем тебе ужасно рады, малышка Марль. Правда, с моей точки зрения, только сумасшедший может считать путешествие в глотку разъяренной акулы веселеньким развлечением. Но если ты так хочешь, мы будем рады тебе.

Марль подошла к Алексу и скромно поцеловала его в щеку в виде благодарности.

— А когда предполагаемое время отлета?

— Ну, я думал,— начал Алекс,— что мы стартуем сразу. Корабль Хотско заправлен и все такое.

— А разве так обязательно отправляться в путь прямо сейчас? — поинтересовалась Хотско.— Я поговорила с Марром и Сенном... они собираются устроить нам какой-то потрясающий прощальный обед. Лично я считаю, что в путь лучше отправляться рано утром.

— Почему? — спросил Алекс.

Хотско подошла к огромной круглой кровати и улеглась на нее. Затем потянулась, перекатилась на край — симпатичный, гибкий ко-тенек.

— Как это «почему»? — нежно проворковала она.— Здесь так много места. Гораздо больше, чем на моем корабле. Даже если мы сдвинем койки в моей каюте. Правда, Марль?

Все, что Алекс сумел выдавить из себя, было очередное:

— О господи!

Глава 30

— Долой императора! — вопила женщина. Ее лицо перекосила ненависть.

— Смерть убийце манаби! — кричало другое существо, его органы речи распухли и стали пунцовыми.

— Убить великого святотатца! — взывл громадный, похожий на медведя мужчина.— Убить его!

Эти трое находились среди пятидесяти агитаторов, старавшихся распалить толпу. Впрочем, особой нужды в этом не было. Около двадцати тысяч разъяренных существ стояли перед зданием парламента. Их сдерживала линия штурмовиков в черной форме — служба внутренней безопасности.

Плакаты размером с небольшой дом висели над головами демонстрантов. На самом большом — в центре — было крупным планом изображено лицо императора, а на нем кроваво-красными буквами шла надпись: «УБИЙЦА».

Демонстранты принялись дружно скандировать:

— Долой императора! Долой императора!

Гравитолет Пойндекса завис над толпой. Шеф службы безопасности включил переговорное устройство.

— Давайте начинайте,— спокойно приказал он.— Активируйте отряды «Альфа» и «Дельта».

— Есть, сэр,— ответил адъютант.

Пойндекс с профессиональным интересом наблюдал за появлением огромных транспортных гравитолетов. Они зашли с трех сторон, прижимая толпу к зданию парламента. Тучи перечежного газа вырвались из бойниц. Когда демонстранты закричали и в ужасе шарахнулись в сторону, откуда-то появились сотни солдат ВВ и принялись крушить всех подряд дубинками и станнерами.

На поясе Пойндекса взвыл коммуникатор. Он опустил глаза. Рассердился. А потом заметил мигающий красный огонек. Его вызывал властитель. Даже в самый разгар разгона демонстрации у императора приоритет.

Он соединился со своим заместителем и передал ему командование операцией. Затем развернул гравитолет и направился в Арундель.

Пойндексу совсем не хотелось встречаться сейчас с императором. Учитывая, что эта возмутительная демонстрация устроена прямо у него под носом, вряд ли властитель будет пребывать уж очень в мирном настроении.

Пойндекс приготовился к неприятному разговору.

— Меня тошнит от их глупости! — прорычал вечный император.— Разве они не знают, что проиграли? Стэн мертв. Их дурацкое восстание обезглавлено. Им остается только умереть, черт подери!

Он указал пальцем на Пойндекса:

— Ты не оказываешь на них достаточного давления. Сидишь и наслаждаешься моими лаврами. Моей победой.

— Мятежники долго не продержатся, ваше величество,— проговорил Пойндекс.— Вопрос времени.

Кулак императора с грохотом опустился на стол. Листки отчетов разлетелись по кабинету.

— Время? Не смей говорить мне о времени! Мои корабли болят по всей империи. Не проходит и дня, чтобы загинозы, хонджо, бхоры или еще какие-нибудь негодяи вроде них не нашли нового и весьма интересного способа доставить мне неприятности.

Более того, это безумие дорого стоит. Деньги рекой текут из моей казны. Каждая неделя вынужденного сражения с идиотами прибавляет год к тому времени, за который мы сможем навести порядок в империи. — Император посмотрел на Пойндекса, словно тот был виновником всех его несчастий. — Они думают, мы ослабели. Даже после нашего наглядного наказания манаби они не верят, что империя сможет продолжать в том же духе.

— Еще несколько побед, ваше величество, — заговорил Пойндекс, — и оппозиция сдастся. Все компьютерные прогнозы утверждают одно и то же.

— Дерьмо это, а не прогнозы! — взорвался император. — Чутье подсказывает мне совсем другое. Гнусная демонстрация перед парламентом — один из примеров. Раньше никто не осмелился бы на подобное. Кстати, а как, черт подери, им удалось попасть на территорию дворца?

— Мы это скоро выясним, ваше величество, — поморщившись, ответил Пойндекс. — Зачинщики предстанут перед судом.

— Да будь он проклят, этот ваш суд! — взорвался император. — Я — самый главный судья. А заодно и присяжные заседатели.

Он замолчал, погрузился в свои мысли. Затем посмотрел на Пойндекса и заговорил — так тихо, что шефу ВБ пришлось напрягаться, чтобы понять слова:

— Почему они все время меня злят? Я могу быть добрым. Великодушным. Спроси у любого из моих друзей.

Император оглядел пустую комнату, словно пытался найти в ней своих друзей. Рука его потянулась к коммуникатору — совершенно бессознательно. Потом повисла в воздухе. Ему некого было позвать. Он опустил руку.

Пойндекс не шевелился. Сейчас нельзя привлекать к себе внимание. Ни в коем случае. Он только смотрел, как на лице императора сменяют друг друга разные чувства. Прошло несколько мгновений, и черты великого владыки окаменели.

Он повернулся к Пойндексу.

— Я должен обеспечить безопасность своей божественной персоны. Немедленно. Растоптать это чудовище раз и навсегда.

— Да, ваше величество, — ответил Пойндекс.

— Они отправятся вслед за манаби, — объявил император. — Я хочу, чтобы были уничтожены родные планеты мятежников. Корабли и солдаты вернутся... и увидят, что их дома превратились в пыль.

— Слушаюсь, ваше величество, — ответил Пойндекс, прикидывая, как побыстрее исполнить приказ. Он решал, какие корабли, команды и надежные офицеры в состоянии сделать все быстро и без лишнего шума.

— Нет никакой необходимости в том, чтобы взрывы произошли одновременно,— продолжал император.— Небольшой промежуток — не более нескольких часов — между запуском распылителей планет. Чтобы эти бездари сообразили, что происходит. Чтобы поняли, что такое настоящий ужас. И что я страшен в гневе. Захотели лучшей жизни? Отлично. Пусть поищут ее в загробном мире.

Властитель сердито посмотрел на Пойндекса.

— Почему ты еще здесь? — рывкнул он.— Ты слышал, чего я желаю? Выполняй!

— Спешу, ваше величество,— ответил Пойндекс, потом вскочил на ноги и бросился к двери.

— И еще, Пойндекс,— остановил его вечный император.

— Слушаю, ваше величество.

— Если возникнет еще одно подобное безобразие, еще одна демонстрация... К черту газ. Применяй оружие. Ясно?

— Безусловно, ваше величество,— ответил Пойндекс.

Император не сводил взгляда с двери, которая с тихим шипением закрывалась за шефом службы безопасности. Возможно, он слишком много позволяет этому типу. В последнее время император стал видеть вокруг себя только солдат ВБ. Солдат, которыми командует Пойндекс.

Император вдруг понял, что оказался в изоляции. Он лишен возможности узнавать, что думают другие. Его окружают какие-то чужаки. Неправильно.

Почему он допустил, чтобы это произошло? Император с неудовольствием вынужден был признать, что боится умереть. Пропавши он пропадом, тот двойник, что заменит его! Это ведь и вправду будет не он, разве не так? Свобода от машины-судьи принесла с собой проклятие. Проклятие смертности.

Значит, без Пойндекса и солдат, которые охраняют жизнь вечно-го императора, никак не обойтись. Необходимо создать такое плотное кольцо охраны вокруг его персоны, чтобы никто не смог проникнуть.

«Да, а что, если Пойндекс тебя предаст? Ведь он же предал Тайный совет... Вряд ли. Пойндекс амбициозен. Даже слишком. Но не из тех, кто стремится быть на виду. Он предпочел бы править, находясь в тени. За тронем. И все же... он *хочет* править. И мечтает превратить императора в марионетку в своих руках».

Властитель решил судьбу Пойндекса. Следует только немного подождать. Пролить побольше крови. А когда все закончится, будет необходимо найти виноватого.

С точки зрения императора, Пойндекс очень подходил на роль козла отпущения.

— Каждый раз, как мне удастся выйти на новый след,— сказала Синд,— я думаю: вот, нашла. Нашла то, что мы все ищем.— Она набрала полную пригоршню мелкого песка, и он тонкой струйкой посыпался из ее руки.— Потом оказывается, что я снова зашла в тупик, а этот гад одержал очередную победу. Мне даже кажется, что я слышу, как он надо мной смеется.

— Ты не одинока,— попыталась утешить ее Лайза Хейнз.— Я почти наизусть выучила все, что содержится в папках Махони, и нашла там кучу зацепок. Но они оказываются совершенно бесполезными еще до того, как я начинаю всерьез ими заниматься. Я чувствую себя идиоткой.

— И все равно я продолжаю считать, что мы на правильном пути,— настаивал на своем Стэн.— Я уверен, это самый быстрый и наименее кровавый способ победить императора. Узнав, где он берет АМ-два, мы сможем взять его за глотку.

— До сих пор это еще никому не удавалось,— проговорила Синд.— История империи знает множество неудачных попыток. Вспомни Кайса.

Все замолчали. Они сидели на одном из уютных пляжей Небты. День был тихим и теплым. Волны не спеша набегали на берег. Какие-то летающие существа, издавая тоскливые крики, парили над водой. Однако заговорщики ничего не замечали вокруг себя.

Все, кроме одного. Добродушный увалень Сэм, муж Лайзы, с интересом слушал разговор, хотя при этом часть его сознания парила в небесах вместе с крылатыми созданиями.

— Открытие — это потрясающая вещь,— сказал он задумчиво.— Существует множество волнующих историй о существах, которые много страдали и демонстрировали чудеса храбрости, чтобы добиться своего. Я читал о них в детстве. Наверное, именно поэтому и решил стать археологом. Чтобы самому принимать участие в приключениях.

Стэн улыбнулся. Ему нравился этот большой, неуклюжий человек. И он давно научился терпеливо слушать, когда тот говорил. Потому что Сэм всегда говорил разумно.

— Ну и как, получилось?

— Да. У меня была масса приключений. Когда-нибудь я выпью слишком много вина и расскажу тебе о них. Потому что они как раз только и годятся для приятной болтовни. На самом деле величайшие открытия делаются в подвалах музеев. Там иногда прячутся невероятные вещи. Потрясающие размышления, идеи. Сложенные где-нибудь в углу, в кучу, они веками ждут какого-нибудь

скупающего студента, который наткнется на них совершенно случайно.

— Ты хочешь сказать, что ответ на все наши вопросы вполне может находиться у нас под самым носом?

— Ну, что-то вроде того,— кивнул Сэм.— Возможно, нужно просто повнимательнее рассмотреть то, что мы уже имеем. Как следует повертеть в руках, чтобы найти правильное освещение.

— Откуда начнем? — спросила Синд.

— А почему бы не начать с самого элемента? — ответил Сэм.— С антиматерии-два.

— Если бы это было золото, железо или даже империум-икс,— сказала Синд,— у нас бы не было проблем, мы бы знали, где искать. Помогли бы законы планетарной геологии и еще каких-нибудь наук.

— Это уже интересно,— заметила Хейнз.— Иными словами, антиматерия-два не имеет аналогов в природе.

— Возможность номер один,— перебила ее Синд,— заключается в том, что АМ-два прибывает к нам из какого-то не открытого еще уголка вселенной. Он известен только одному императору. Эту идею я уже рассматривала, и у меня ничего толкового не получилось. Разве что я обнаружила совсем старые и бесполезные следы.

— А как насчет другой вселенной? — предложил мечтатель Сэм.— У которой нет ничего общего с той, о природе которой нам почти все известно.

— Я не хочу показаться невежливым,— начал Стэн,— но, с моей точки зрения, те, кто увлекается теорией альтернативной вселенной, немного не в своем уме. Современная наука утверждает, что подобного явления не существует.

Лайза Хейнз немного оживилась.

— В папках Махони про это что-то было. Только я, когда читала, не обратила особого внимания.

— А что он-то мог про это знать? — спросил Стэн.

— Ничего особенного,— ответила Хейнз.— Ему показался невероятно интересным тот факт, что император делал все возможное, чтобы растоптать теорию альтернативных вселенных и помешать исследованиям на эту тему. Нескольким весьма выдающимся ученым подрезали крылышки за то, что они осмелились сунуться в эту область.

— Похоже, пришла пора проснуться,— объявил Стэн,— и обратить внимание на самые странные из идей Яна.

— Например, на вопрос бессмертия? — рассмеялась Хейнз.

— Угу, точно. Возможно, эти вещи взаимосвязаны.

— Вот эта мысль мне нравится, — обрадовался Сэм. — Одно решение сразу для двух проблем. Как правило, именно так и возникают прорывы к новому.

— Это и искал Кайс, — напомнила Синд. — И сумел очень близко подобраться к решению загадки.

— Не знаю, как императору удастся проделывать этот трюк, — проговорил Стэн. — Он умирает. Потом возвращается. Пока не станем брать во внимание предположение Хейнз о том, что на этот раз мы имеем дело не совсем с той же самой личностью. На время отложим это в сторону и постараемся придерживаться тех фактов, что известны нам наверняка. Во-первых, каждый раз, когда император исчезает, по словам Махони, он отсутствует три года. В последний раз его не было шесть лет, но пока забудем об этом. Так вот, в течение трех лет о нем не поступает никаких известий, никто не слышит об императоре и не видит его. Значит, должно быть место, где он прячется. Причем это настолько надежное убежище, что его никому не удалось обнаружить — с этой неприятной истиной придется смириться — вот уже несколько тысяч лет. Во-вторых, антиматерия-два поступает из такого же абсолютно надежного секретного места. Тайный совет, к своему несчастью, в этом убедился.

— Было бы полнейшим идиотизмом пользоваться двумя разными тайниками практически для одной цели, — заметила Синд.

— Вот что определенно можно сказать про императора, — заявила Хейнз, — так это то, что он не дурак.

— Значит, обнаружив одно, — попытожил Стэн, — мы найдем и другое.

— Я не совсем понял: как мы относимся к идее альтернативной вселенной? — поинтересовался Сэм.

— А почему бы не отнестись к ней всерьез? — пожав плечами, ответил Стэн.

— На самом деле для наших целей она подходит даже лучше, чем многое другое, — сказал Сэм. — Императору нужен вход и выход. Иными словами, дверь. Ворота между вселенными.

— И что? — не понимая, куда клонит Сэм, спросил Стэн.

— Если я еще не все забыл из курса физики, который мне читали на последнем курсе в университете, — продолжал Сэм, — вокруг ворот, о которых мы говорим, должны возникать какие-то необычные космические явления. Разрыв континуума — кажется, это так называется.

Стэн понял.

— Наконец-то мы заговорили о явлении, которое можно измерить. А не о каких-то невероятных, не существующих в природе зем-

лях и призрачных идеях. Если в космическом пространстве возникает некий сигнал, у нас есть возможность его обнаружить.

— Только неизвестно, в какую сторону смотреть,— объявила Хейнз.— Вселенная огромна. Можно всю жизнь искать один-единственный сигнал.

— А вот в этом я не уверена,— перебила ее Синд.

Все повернулись к ней, надеясь, что хоть на этот раз им повезет.

— Кайса интересовало несколько мест, и часть из них он не успел проверить. Кайс подозревал, что именно там расположены промежуточные станции на пути императора, когда тот возвращается к нам. Мои компьютерные программы подтверждают правильность его предположений. Все совпадает.

— Я считаю, что нужно соотнести твои данные с теми, что собрал Махони,— сказала Хейнз.— Ян много занимался этой проблемой.

— Отличная идея,— кивнула Синд.

Она улыбнулась Хейнз. Лайза ей нравилась. Бывшая любовница Стэна в определенном смысле подтверждала, что у самой Синд прекрасный вкус.

— Если бы речь шла об убийстве,— продолжала Хейнз,— а это иначе рассматривать и нельзя, причем, не сомневаюсь, преступление было совершено самое отвратительное... так вот, как только я поняла бы, где преступление было задумано, то сумела бы все связать воедино. Подключила бы коммуникационные линии и стала ждать, когда мерзавец позвонит. А потом осталось бы лишь отыскать место, где он прячется.

— Если придерживаться твоих аналогий, милая,— сказал Сэм и погладил жену по руке,— я думаю, тебе не пришлось бы долго ждать. Линия связи была бы постоянно открытой. Императору просто необходимо поддерживать связь со своим убежищем... Слушай, милая, ты заметила, что и я теперь стал разговаривать, как какой-нибудь полицейский из телесериала?.. А еще между промежуточными станциями обязательно должно быть связующее звено, вроде того, что обнаружил несчастный Кайс. Их должно быть несколько, так мне кажется,— император вряд ли станет рисковать.

Стэн заставил себя успокоиться. Он боялся все испортить.

— По крайней мере, это стоит проверить,— сказал он.

— Просто здорово,— проговорила Синд,— интуиция мне подсказывает, что мы на правильном пути.

— Нужно непременно к ней прислушаться,— кивнула Хейнз.— Именно наличие интуиции отличает профессионалов от бездарных идиотов.

И тут снова заговорил Сэм, задумчиво, чуть растягивая слова:

— Вот что интересно: какой стала бы наша жизнь, если бы можно было производить АМ-два в больших количествах, как многие другие обычные элементы? Если бы антиматерия давалась так же просто, как наши гостеприимные хозяева бхоры получают свой стрегт, многое изменилось бы. — Он усмехнулся. — Только я думаю, что это вряд ли возможно. Я имею в виду, синтезировать АМ-два. В моем университетском учебнике, кажется, говорилось, что это бессмысленная затея.

— А вот Махони так не думал, — возразила Хейнз.

Стэн аж подпрыгнул на месте.

— Что?

— Я сказала, что Махони так не считал. В его папках собрано много данных про искусственную АМ-два. Под заголовком «ДЕЗИНФОРМАЦИЯ». Я совсем недавно начала их просматривать. — Она покачала головой, пытаясь вспомнить. — В одной из папок мне попало нечто очень интересное. Махони хотел привлечь твое внимание именно к этому месту.

Стэн кивнул. Хейнз уже показывала ему несколько мест, помеченных Махони большой буквой «С», чтобы Стэн обратил на них особое внимание.

— Что-то про проект «Браво». — Лайза посмотрела на Стэна. — Ты знаешь, что это может означать?

Синд увидела, как Стэн вздрогнул и побледнел. Дотронулась до его руки — она была холодной как лед.

— Да, — ответил Стэн мрачно. — Я знаю, что такое проект «Браво».

Затем он заметил тревогу на лице Синд. И Лайзы. Даже всегда спокойный Сэм нахмурился.

Стэн заставил себя проговорить совершенно спокойно:

— Только мне нужно проверить, все ли я правильно помню. При помощи Рикор.

Внутри у него все похолодело — да, нужно поговорить с Рикор. О своем кошмаре.

Он вернулся на Вулкан.

Карл Стэн. Мальчишка, родившийся в семье мигров и ставший дэлинком, которому осталось жить всего несколько часов до того момента, как его поймают палачи Торесена.

С ним Бэт. Такая красивая, такая юная. И еще Орон — гений с выжженным мозгом, которому известно только настоящее.

Махони. Совсем молодой. Уверенный в себе и сильный. Только вот Стэн не знает, можно ли ему доверять.

— Мне необходимо получить подтверждение плана Торесена, — сказал Махони. — Я забрался в исполнительный и центральный компьютеры и ничего там не нашел про проект «Браво», кроме ловушек для тех, кто слишком любопытен.

Проект «Браво»! Стэн почувствовал, как в груди снова заныло. Он всхлипнул. Задохнулся.

«Спокойно, Стэн, — донесся до него голос Рикор. — Это прошлое. Все кончилось. Время скорби прошло...»

Он почувствовал легкий укол. Стал успокаиваться — транквилизатор делал свое дело. Услышал едва уловимый шум. Рикор занималась клавиатурой. Вызывала образы. И веселое, большое лицо Махони пропало...

Один из стражников Торесена расхаживал возле своего поста. Стэн подобрался к нему сзади, обхватил рукой за шею. Блеснул нож. Он услышал тихий крик и почувствовал, как жизнь покидает тело. Он не испытывал никакого раскаяния. Только странную радость. ...Постепенно его охватило отвращение к себе. Сколько смертей он принес в этот мир! Сколько совершил убийств!

Донесся спокойный, тихий голос Рикор: «Оставь это, оставь, друг мой».

Но он не мог. Человек умер. Его раздавили. Точно насекомое. Стэн застонал. «Господи, прости меня...» Почувствовал новый укол, ложь транквилизатора побежала по венам. Образ начал превращаться в...

Они внутри Ока, у только что обнаруженного потайного сейфа Торесена. Стэн обработал замок. Жидкость, температура которой была ноль градусов по Кельвину, закристаллизовала сталь. Бет с молотком в руке сделала шаг вперед и ударила. Металл рассыпался. Дверь открылась. Стэн снова почувствовал возбуждение, которое испытал тогда. Посмотрел на Бэт и Орона. Ухмыльнулся, радуясь тому, что им удалось победить Торесена в игре, на которой тот специализировался.

...И снова укол транквилизатора. Стэн сражался с ужасом, ждавшим его впереди. Прогонял летучих мышей из темных уголков памяти. Сердце стало биться немного ровнее. Он начал получать удовольствие от ощущения жесткого стола, на котором лежал. Даже от электродов, прикрепленных к голове, рукам, ногам.

Всплеск — Рикор пошевелилась в своем бассейне. «Нет, тебе нечего бояться. Ты должен доверять Рикор. Если она проводит сканирование мозга, ты в безопасности». Стэн позволил образам и воспоминаниям всплыть на поверхность...

Он засунул руку в сейф Торесена. Нашел папку среди кучи бумаг и имперских кредиток. Солидная папка. Толстая. Красная. Те-

перь образы возвращались медленнее. Флип. Флип. Флип... Орон берет папку. Флип! Бумаги рассыпаются по полу. Флип! Стэн наклоняется, чтобы собрать бумаги. Засовывает их обратно в папку — как придется. И тут он увидел... Флип! О господи, один из дэлинков падает... в его груди огромная дыра...

Образы замерли. Стэн почувствовал, что его тошнит. Услышал тихий голос Рикор, слишком далеко... Возвращаться... Стэн вздрогнул от укола транквилизатора и...

Флип!

Вернулся к бумагам... наклонился к ним... медленно... Флип! Еще медленнее... Теперь он видит. Страница за страницей. Флип! В глаза бросился заголовок: «ГОРОДОК РАЗВЛЕЧЕНИЙ № 26. ОТЧЕТ О ПРОИЗВЕДЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ»... Флип!

«Подожди. Нужно остановиться. Я должен посмотреть. Вернуться...» Он услышал голос Рикор: «Не делай этого, Стэн. Отложи в сторону. Продолжай...»

Стэн не подчинился. Он вступил в борьбу с этим голосом. С добрым, успокаивающим голосом.

Укол. Теперь придется сражаться еще и с транквилизатором.

Стэн отбросил занавес в сторону. Заставил образы вернуться. Он контролирует ситуацию!

И боль о том, что произошло в городке Развлечений, вернулась к нему.

Сердитые голоса. Карманники занимаются своим делом. Продажные мальчики и девочки опустошают карманы мигров, изо всех сил работая на Торесена. Игровые автоматы только что не дымятся от перенапряжения. Пьяницы затевают шумные ссоры. Патрульные, размахивая дубинками, врезаются в толпу.

В тот день в городке Развлечений находилось тысяча триста восемьдесят пять живых существ.

Среди них...

Стэн почувствовал, как крик радости вырвался из его груди. Там был его отец, Амос. Мать, Фрида. Брат и сестра. Он крикнул. Но они не услышали.

«Прекрати немедленно, Стэн!» — прошипела Рикор.

Но он не обращал на нее внимания. Он не мог... потому что знал, что сейчас произойдет...

Стэн попытался еще раз позвать своих близких. Страх охватил все его существо, и голос превратился в едва слышный шепот. Он увидел, как они вошли в кино. Двери за ними захлопнулись.

А он стоял на месте. Словно окаменел. Он ждал.

Услышал какие-то голоса.

— Ну так переключите двадцать шестой,— сказал Торесен.

— Но там почти тысяча четыреста человек.

— Это приказ.

Купол содрогнулся от взрыва.

Тело Стэна забилося на операционном столе. Наблюдавшая за экранами Рикор почувствовала себя совершенно беспомощной. Если она сейчас вмешается, последствия для Стэна будут весьма тяжелыми...

Стэн подпрыгнул на месте, услышав, как ревет воздух, стремительно уходящий в открытый космос. Он стал свидетелем, попавшим в ловушку из-за собственной глупости, словно...

Словно при замедленной съемке, ураганный вихрь подхватил хлипкие строения городка Развлечений вместе с находившимися там людьми и выплюнул в черную пустоту.

Стэн услышал голос оператора:

— Перестань. Это были всего лишь мигры.

Старший оператор ответил ему:

— Да. Ты прав, старина. Всего лишь мигры.

Стэн плакал.

Рикор занималась им несколько часов, ей пришлось призвать на помощь все свое мастерство психиатра и самые сложные медикаменты, чтобы вернуть его в некое подобие нормального состояния.

А затем они снова нырнули в прошлое. Прошли мимо городка Развлечений к секрету Торесена, который в конечном счете стоил ему жизни.

Секрету синтеза АМ-2.

Стэн закутался в одеяло. Тело покрывал липкий пот, и он никак не мог согреться. У него было ощущение, что его выпотрошили, а потом выбросили на помойку.

Он взял кружку, которую протягивала ему Рикор, и сделал несколько глотков густого, питательного бульона. Рикор коснулась панели управления, зазвучала тихая успокаивающая музыка. Стэн закрыл глаза и надолго погрузился в спокойные ласкающие волны.

Затем открыл глаза и сделал еще глоток. Увидел, как большие добрые глаза Рикор внимательно его изучают.

— Больше ни за что на свете не стану этого делать,— с трудом проговорил Стэн.

— Я тебе очень сочувствую, мой дорогой друг,— сказала Рикор. Пустые слова в ее устах звучали искренне.

— Да уж... По крайней мере, теперь мы знаем. Искусственную АМ-два можно сделать... и у нас есть формула вместе с описанием процессов. Я не химик, и мне кажется, что это довольно дорого.

Но что из того? Как только начнется производство, цены сразу упадут.

Он задумался.

— Именно благодаря этому топливу наша Вселенная продолжает существовать.

— А что ты намереваешься сделать со своим знанием? — спросила Рикор.

— Понятия не имею, — сказал Стэн. — Все изменилось.

Он умоляюще взглянул на Рикор.

— Не говори больше ничего, мне нужно подумать.

Рикор внимательно на него смотрела. Размышляла. «Он мой друг. Друг, которому я доверяю. Но некоторые тайны, словно черви, разъедают и уничтожают все самое лучшее, что есть в человеке».

— Если со мной что-нибудь случится, — произнес Стэн, — у тебя есть все данные. Делай с ними то, что считаешь нужным.

— Отлично, — отозвалась Рикор. — Я подожду.

— Спасибо, — слабым голосом поблагодарил ее Стэн.

Голова его упала на подушку. Рикор протянула плавник и подхватила кружку прежде, чем пролился бульон.

Стэн спал много часов, и ему ничего не снилось.

Глава 32

Хотско передала управление кораблем своей помощнице, и та незаметно подводила его к Прайм-Уорлду. Хотско столько раз тайно ввозила и вывозила самые разнообразные товары, что для нее это перестало быть волнующим приключением. А помощница уже начала возникать по поводу того, что ей давно пора получить корабль в собственное распоряжение. По крайней мере, хотя бы после того, как закончится эта дерьмовая муть, в которую ввязался Вайлд, — социальная справедливость, лучшее будущее...

Кроме того, Хотско было чем заняться — вместе с Марль и Алексом, который, приближаясь к столице империи, не переставая хвалил себя за то, что старался уделять внимание поддержанию хорошей физической формы и благодаря этому сумел показать себя крепким парнем.

Хотско оказалась совершенно права: в мире Марль существовали порой даже чрезмерно интересные обычаи. «Она просто красотка, — подумал Алекс. — Так же как и Хотско. Интересно, что сказала бы любимая мамочка, если бы он привез домой и представил ей своих подружек. Да, пришлось бы сначала ее немного подготовить. Впрочем, ты все равно погибнешь на Прайме».

Недалеко от первого из хитроумных экранов, защищавших Прайм, Хотско вышла на капитанский мостик и взяла управление кораблем на себя.

Стэну нужен был весьма хитроумный отвлекающий маневр, чтобы подвести «Победу» к Прайм-Уорлду и вытащить из лап императора Хейнз и ее компанию. Хотско в этом не нуждалась. Она незаметно снижала свой корабль, продвигаясь мимо механических устройств, показавшихся Алексу старыми и проржавевшими, мимо патрульных приемников, явно настроенных на другие волны... Один раз они даже заметили имперский эсминец, который нес караульную службу, но почему-то не обратил на них никакого внимания.

Хотско вошла в атмосферу и под прикрытием полуночного мрака скользнула на посадку в самое глубокое место реки Уай, которая текла посреди зеленой равнины Уай. Если бы их корабль заметил какой-нибудь полоумный фанатик рыболов, для которого река Уай является чем-то вроде Мекки, он посчитал бы приятелей Стэна исчадиями ада, а вечный император наложил бы на них серьезное наказание — приказал бы выпороть нарушителей порядка. Килгур, многократно обращавшийся с молитвами к лососиным богам, славился тем, что ни разу в жизни не поймал ни одной трехметровой рыбы. Впрочем, теперь в его душе шевельнулись некоторые угрызения совести — весьма незначительные.

Надев скафандр, он выскользнул из корабля и поплыл к берегу. Корабль сидел на глубине семи метров под водой. Не так чтобы очень много, но специальное камуфляжное покрытие должно сделать корабль относительно незаметным на речном дне. Конечно, если над рекой появится патрульный катер с сенсорными установками, ни камуфляж, ни вода не помогут. Но зачем сразу думать о плохом?

Алекс спрятал скафандр под торфом так, чтобы его можно было быстро забрать, и направился прямо в Эшли-на-Уай, маленький городок, расположенный в самом центре равнины. Там Алекс рассчитывал устроить что-то вроде базы. Город показался ему каким-то уж слишком пустынным. Тихие, безлюдные улицы. В одном заведении он заметил признаки жизни: бар уже давно должен был закрыться, но изнутри доносились песни, визг официанток — очевидно, перебравшие посетители пускали в ход руки — и стук кружек. Килгур, не обращая внимания на неожиданно возникшую жажду, пошел дальше... В «Голубом бхоре» было темно.

Килгур решил, спрятавшись в кустах неподалеку, подождать до рассвета. Либо приятель уехал, либо обанкротился, либо его арестовала служба ВБ за старые грехи, а может быть, он попал в руки

егерей. Он вообще мог отправиться бродяжничать. Да мало ли что еще могло взбрести ему в голову...

Перед самым рассветом Крис Фрай, служивший с Килгуром в спецотряде богомоллов, владелец гостиницы «Голубой бхор», отчаянный рыбак, прекрасный повар и любитель пропустить стаканчик, вышел с удочкой в руке из боковой двери своей гостиницы. Прошел мимо куста и напрягся. Остановился, затем стал копаться в небольшом рюкзаке, точно проверяя, не забыл ли чего.

— Ладно, хватит тут изображать,— заявил Алекс,— я хотел проверить, заметишь ли ты меня.

Фрай положил в карман крошечный цветной металлический кружок, который вполне мог быть бутонем какого-нибудь цветка, когда Алекс выбрался из кустов.

— Ах ты мерзавец, Килгур! Кого ты проверяешь? Я занимаюсь этими делами с малолетства, еще до того, как пошел на службу к императору! Ты-то что делаешь на Прайме? Считается, что ты и твой дружок-предатель умерли — так, во всяком случае, постоянно трубят по телевизору.

— Слухи о моей смерти сильно преувеличены. Расскажи-ка, как тут обстоят дела.

— Дерьмово,— тихо сказал Фрай.— Каждый, кто имел хоть какое-то отношение к «Меркурию» или богомолам, даже очень давно, считается неблагонадежным. Особенно нас не трогают, но следят за нами внимательно. По крайней мере, так рассказывают приятели, которые время от времени заезжают меня навестить. Ребята, живущие тут, в долине, не помнят, на какой службе я состоял, а если бы им и было что-нибудь известно, они бы не стали никому про это рассказывать. Эх, Алекс, не знаю, что произошло с императором, пока его не было, но я уверен — с ним не все в порядке. Говоря по правде, когда он расстрелял Махони, а Стэн поднял черный флаг, я чуть не заколотил свою дверь и не отправился к вам на подмогу. Меня остановила только природная трусость и мысль о том, что я слишком стар для подобного рода развлечений.

Килгур и Фрай внимательно посмотрели друг на друга. Прошло много лет с тех пор, как они служили вместе в отряде богомоллов, да и гостиница «Голубой бхор» давно уже не использовалась в качестве явочной квартиры. Тогда Стэн расследовал покушение на жизнь вечного императора.

— Ты немного постарел, немного потолстел и немного поседел,— сказал Фрай.

— Это случается со всеми, старина,— ответил ему Алекс.— Ну а ты как поживаешь?

«Двери моей гостиницы всегда открыты» — девиз Фрая. Он готовил обеды, продавал готовые завтраки и спиртное тем, кто любил приходить именно в «Голубой бхор» и спускать там свои денежки. Однако любовь Фрая к хорошей еде, напиткам и тот факт, что он никогда не разрешал друзьям платить в своем заведении, так же быстро опустошали его карманы.

— Насколько я понимаю, тебе что-то нужно?

— Не много. Место, где могли бы остановиться несколько моих друзей.

— Сколько?

— Двенадцать.

— Похоже на команду небольшого космического корабля, — задумчиво проговорил Фрай. — Мне казалось, я слышал какие-то странные звуки за полночь... Добро пожаловать в ряды врагов короля. Чертов император!.. Один только вопрос — чтобы я мог со спокойной совестью поднять по тревоге всю округу... Стэн будет среди них?

— Нет. Я самый знаменитый из всей компании, но я не останусь.

— Ладно, давай приводи своих друзей. Я знал, что в моей жизни в последнее время чего-то не хватает. Надоело ждать тяжелой поступи и стука в дверь. Знаешь, я страшно рад, что снова впрягаюсь в эту упряжку, особенно учитывая, что все это называется изменой. Как же здорово, что вы появились, сержант Килгур!

Поскольку жители Эшли-на-Уай привыкли поздно вставать, Килгур без проблем провел Хотско, Марль и остальную команду в гостиницу.

Там они дождались наступления темноты. Фрай непрерывно кормил их и все время спрашивал, что еще он может для них сделать. Транспорт? Деньги? У него есть парочка интересных штук, которые отлично взрываются. Фальшивые документы? Проклятье, может, Алексу нужнокрытие?

Алекс отвечал отрицательно: что потребуется, всегда можно украсть. Он поцеловал на прощание Марль и Хотско.

— Приказ ясен? Если от меня не будет никаких известий в течение недели, или у вас возникнут подозрения, что я провалился, или вами кто-то заинтересуется, вы обещаете мне, что помчитесь отсюда прочь так, словно за вами гонится целое стадо Кэмпбеллов?

Женщины пообещали.

Проследили за тем, как Алекс скрылся в темноте — еще один простой крестьянин, направляющийся в центр города, на стоянку транспорта. Затем посмотрели друг на друга.

— Сколько? — спросила Марль.

- Подождем, пока река не замерзнет,— сказала Хотско.
- Хорошо. А если его поймают?
- Отправимся за ним,— тихо ответила Хотско.— Даже если придется вытаскивать его из самого Арунделя.

Хотско и Марль соединили ладони — договор заключен.

Глава 33

«А вот и еще одна расчудесная ситуация, в которую ты меня втравил, Стэн. Жила я себе спокойно — симпатичный, невинный, юный снайпер. Мне и нужно-то было, чтобы адреналин немного поиграл в крови, когда пуля пролетает слишком близко и появляется возможность доказать, что я могу обмануть любого, кто захочет меня подстрелить. Ну, может, еще не отказалась бы от маленькой медалики и премии, чтобы энтузиазм не пропал... Так нет же, появился Стэн и вдохновил меня на грандиозные подвиги. Теперь я отдаю приказы и отправляю других выяснять, верят ли наши враги в переселение душ. Я прячусь в темных аллеях, не считаясь ни с какими правилами ведения наземного боя,— нынче в цене способность обмануть и перехитрить. Я стала врагом величайшего в истории правителя. Научилась шпионить, обманываю, воруя и убиваю. Жуть, да и только.

И все потому, что бросила один-единственный взгляд на великого полубога войны, решила, что он чувствует себя одиноким и что у него симпатичная задница».

Однако, решила Синд, вглядываясь в зеркало, в такой войне тоже есть определенные преимущества. Вот, например, ей ужасно нравилось то, как она выглядела в данный момент. От головы до пят. Она источала ощущение богатства. Вся одежда и аксессуары были сделаны специально на заказ после того, как Синд незаметно приземлилась в одном из городов мира под названием Престонпас.

Килгур говорил, что, когда играешь какую-то роль, нужно *стать* этим человеком. И начать с собственного сознания. «Я стартовала с внешней стороны вопроса»,— подумала она. Четырехмесячная зарплата отдана за то, что Стэн, будучи мужчиной, назвал бы простеньким симпатичным костюмом и через мгновение перестал бы обращать на него внимание. Теперь что касается самой внешности. Синд сходилась к косметологу, массажистке и парикмахеру. Она с интересом обратила внимание на тот факт, что короткие волосы, которые не дали парикмахеру возможности особенно развернуться, совершенно не повлияли на счет за его услуги. Богатым тоже совсем не сладко живется.

Синд подняла спортивный катер, взятый напрокат и оставленный так, что его не было видно из окон особняка, и направила к главным воротам. «Богатство,— подумала она, посмотрев на обитые натураль-

ной кожей сиденья и отполированные вручную внутренности катера, сделанные из настоящего дерева, — богатство может стать дурной привычкой».

Хотя, конечно, как и все остальное в жизни, богатство тоже имеет свои недостатки. Вот, например, крошечная сумочка, лежащая на сиденье рядом. Стоит положить туда коммуникатор, кое-какие необходимые инструменты, записывающее устройство и пистолет, и совсем не остается места ни для чего другого. Кошмар! Она решила, что богачи окружают себя слугами, чтобы те носили за них косметички и ключи от гравитолетов.

Затем Синд опустила машину перед закрытыми воротами особняка. Стальные, с каменной отделкой. На столбе загорелся красный огонек переговорного устройства.

— Мы можем вам чем-нибудь помочь?

— Бретт из Моуатта, — сказала она. — Архитектурное общество Плата. Меня ждут.

— Добро пожаловать. — Голос стал более нежным. — Пожалуйста, следуйте прямо к главному входу. Вас там встретят.

Ворота открылись, и Синд направила гравитолет по длинной, извивающейся, покрытой гравием дороге, мимо недавно выкрашенного щита с надписью «ШАХРИЯР», мимо подстриженных аккуратных газонов, кустов, каменных фонтанов и подкатила к огромному особняку.

Она была потрясена.

Кроме всего прочего, ее приводил в восторг тот факт, что это — один из перевалочных пунктов на пути вечного императора. Согласно данным компьютера Кайса и весьма ограниченной информации Махони, этот особняк и еще несколько таких же разбросаны по всей Вселенной с одной-единственной целью.

Когда император «восстает из мертвых» — Синд стало немного не по себе, хотя она и не верила в подобные рассказы, но все равно вспомнила бхорские легенды о тех, кто уходит в загробный мир, — этот особняк является первой остановкой. Здесь, если считать предположения Кайса верными, император узнает обо всем, что случилось в империи со времени его смерти.

Еще одна вещь поражала, точнее, возмущала Синд: как только император приходил к мнению, что достаточно подготовлен и может появиться на людях, он приказывал сровнять особняк с землей.

«Вот сволочь! — подумала Синд. — Почему бы, например, не подарить его местным жителям, чтобы они устроили на территории парк? Стэн говорил мне, что этот подонки сотворил то же самое с провинцией Орегон на Земле. Ну, хорошо, проваливайте с моей реки. Оставьте дома, работу, все, чем вы жили до сих пор. Вот, возьмите

деньги и не морочьте великому императору голову. Он хочет положить рыбу!»

Синд заставила себя думать о том, что собиралась здесь сделать... Имея определенные данные, найти этот особняк было совсем не сложно. Их интересовали большие дома с постоянным обслуживающим персоналом или чем-то вроде того, принадлежащие какому-нибудь семейству, которое редко туда наезжает. В особняке обязательно должен находиться солидный библиотечный компьютер и соответствующий персонал. Кроме того, туда должны поступать все технологические, военные и научные публикации.

Император изобрел практически безопасный способ маскировки. Потому что, как сказал Алекс, никто особенно не интересуется тем, что делают богачи. Он говорил, что Ян Махони сформулировал эту идею гораздо лучше: «Хочешь получить надежную явочную квартиру, иметь наготове отряд, перевалочный пункт или что-нибудь в таком роде? В жизни не найдешь ничего подобного в трущобе, если только ты не имеешь дело с любителями или новичками. Поищи богатого, симпатичного любителя богемы, и лучше всего, чтобы он жил в таком районе, где никому нет дела до посетителей и того, что они вытворяют...»

Полная безопасность. Ведь для того, чтобы поверить в возможность существования подобного особняка, сначала нужно принять гипотезу, что умерший человек может вернуться обратно.

Это был всего лишь третий особняк, который мог бы удовлетворять всем требованиям Синд, причем если остальные подходили процентов на пятьдесят, то этот, так во всяком случае утверждал компьютер, соответствовал всем параметрам на девяносто три процента. Согласно легенде (к которой периодически возвращались средства массовой информации на Престонпасе), семья Шахрияров в прошлом занималась торговлей, но ее члены всегда отличались экстравагантностью. Они могли купить поместье в каком-нибудь далеком мире, о котором почти ничего не знали, полностью переоборудовать его, а затем целые поколения Шахрияров так там и не появлялись. А если и появлялись, то требовали, чтобы соблюдалась полнейшая секретность.

Перед огромным входом в центральное здание Синд ждала какая-то женщина.

«Наверное, имеется специальный противовес, или они держат на службе бхора, чтобы открывать эту кретинскую дверь в здание, — подумала Синд. — Или обитателя мира с повышенной гравитацией».

Мисс Анализа Очио оказалась библиотекарем — что вполне соответствовало анализу Кайса. Она ничего не знает и должна свято верить в легенду о Шахриярах — вероятно, ее наняли потому, что

она отличный специалист и любит уединенную жизнь, а также из-за некоторой наивности.

— Как, ммм, к вам следует обращаться, миледи?

— Просто Бретт.— Синд улыбнулась.— Титулы, конечно, помогают получить хороший столик в дорогом ресторане, но не более того. Иногда.

Мисс Очио пригласила Синд войти.

— Хотите что-нибудь выпить? Мы можем предложить вам практически все, что угодно. Возможно, наша жизнь несколько уединенна, но устроена очень удобно. Может быть, немного кофе?

Они поболтали; потом:

— Ну а не могли бы вы рассказать мне немного подробнее, Бретт? Мне ужасно любопытно, почему вас так заинтересовало это поместье.

Синд объяснила. Плат собирается опубликовать целую серию статей о самых богатых обитателях Престонпаса. Нет, ее просто интересуют размеры обеденного зала, из каких миров доставлены хрустальные канделябры, какими редкими минералами вымощены бассейны, да и вообще насколько удобны для жизни подобные необъятные особняки. В каждом выпуске будут опубликованы не только детальные планы всего поместья, но и объемные фотографии каждой комнаты. На звуковой дорожке «В» обитатели особняка или обслуживающий персонал расскажут о том, как спланирован особняк, а на дорожке «С» один из архитекторов Плата даст необходимые комментарии.

Улыбка мисс Очио исчезла.

— Каждая комната?

— Ну,— ответила Синд,— я не думаю, что нас интересуют ванны, если только они не окажутся уникальными.

— Очень жаль,— заявила мисс Очио.— Это совершенно невозможно. Парки... некоторые пристройки... первый и большая часть второго этажа, а также библиотека практически открыты для посетителей. Всего три недели назад закончилась целая серия экскурсий, которые организовало Общество садоводов. Вы вполне сможете повторить эту экскурсию и сделать фотографии. Однако остальная часть поместья, в особенности личные покои владельцев, закрыта для посетителей. Семья Шахрияр очень старательно оберегает свою частную жизнь. Когда меня принимали на работу, я получила предельно четкие инструкции. Так что... если вы хотели заснять все, то мне придется вас разочаровать, наверное, вы зря проделали весь этот путь.

— А нельзя связаться с кем-нибудь из членов семьи? Чтобы убедиться наверняка? — спросила Синд.— Ах да, я забыла, они же за-

творники. Ну ладно. Слава богу, мой гонорар не зависит от результатов поездки.

Она встала.

— Могу я немного привести себя в порядок? А потом, может быть, вы покажете мне, просто ради удовлетворения моего любопытства, те части поместья, которые разрешено посещать публике?

— С удовольствием. Вы найдете все, что нужно, вон за той дверью, — сказала мисс Очо.

Синд открыла дверь и сделала шаг внутрь. Однако в самый последний момент она незаметным движением положила маленький предмет на стол перед библиотекаршей, закрыла глаза и скользнула за дверь, защитив лицо рукой от вспышки голубого пламени. Несколько мгновений Очо с удивлением смотрела на крошечный овальный предмет — а затем граната взорвалась. Мисс Очо медленно опустилась на стол. Пройдет два земных часа, прежде чем она придет в себя, даже не подозревая о том, что теряла сознание.

Вернувшись в комнату, Синд осторожно опустила женщину на пол. Она была уверена, что сигнализация не могла сработать, — Синд несколько раз, будто бы случайно, толкала Очо, чтобы убедиться в том, что на ней нет никаких датчиков, коммуникатора или иной специальной аппаратуры. Синд оттащила беднягу к маленькому диванчику.

Вынув пистолет, но так, чтобы он не слишком бросался в глаза, Синд скользнула внутрь дома.

Посмотрела на дверь библиотеки. Вполне возможно. Судя по данным компьютера Кайса, которые он получил, разговаривая с другим императорским библиотекарем, в особняке должно быть два хранилища информации. Один из них — центральный, библиотечный, а другой — закодированный и имеющий доступ к определенным, секретным файлам. К которым получит доступ только будущий император.

Если у Синд будет время и ее к тому моменту не раскроют, она попытается что-нибудь выяснить. Однако у нее была иная задача.

Она стала подниматься вверх по лестнице, решив не пользоваться лифтом из опасений, что какое-нибудь устройство может подать сигнал тревоги, и направилась на самый верхний этаж. Судя по тому, что сказала ей Очо, именно там должно находиться то, что она ищет.

Предварительный осмотр местности с воздуха показал, что на крыше нет ничего похожего на передающую антенну. Следовательно, она должна быть спрятана либо в одной из комнат, либо — Синд поморщилась — где-нибудь под карнизом. Ну, хорошо. Это будет не первый чердак, по которому ей придется ползать. Может, повезет и она сможет осмотреть пристройки. И почти наверняка встре-

тит охрану — пролетая над территорией особняка, она заметила людей в форме, которые разгуливали по парку.

Синд пробежала по верхнему этажу особняка, двигаясь с быстротой и точностью прекрасно подготовленного профессионала. Чисто... чисто... чисто...

Все комнаты производили совершенно безобидное впечатление — они были великолепно обставлены, чтобы в любой момент принять возвратившихся домой многочисленных представителей семейства Шахрияр и еще более многочисленную прислугу.

Чистота. Яркое освещение. Идеальный порядок.

Синд подошла к двери, выходящей на винтовую лестницу, и осмотрелась — бхорские боги, это, наверное, спальня какой-нибудь третьей степенной горничной, ничего тут интересного нет. Она собралась уже было уйти...

И остановилась, прежде чем дверь успела закрыться.

Внимательно огляделась по сторонам. Лестница. Тот, кто настилал здесь пол, был либо пьян, либо плохо знал свое дело. «Либо я уж совсем ничего не понимаю в геометрии».

Она вернулась обратно. Нет... комната явно слишком мала для любого нормального человека. А может быть, она предназначена для того, кто помешан на испражнениях? Невозможно представить себе существо, которое нуждалось бы в такой огромной ванной. Дверь в комнату, между прочим, заперта.

Синд достала два из «необходимых инструментов», которые лежали у нее в сумочке. Первым провела по двери в районе замка. Маленький определитель «жучков» сообщил ей, что внутри нет никакой охранной сигнализации. Второе устройство она приложила к «замку», рассчитанному на определенную структуру кожи, — ну какому нормальному человеку придет в голову закрывать свою ванную таким образом? Приборчик тихонько загудел, проанализировал ситуацию, а потом замок открылся.

Синд толкнула дверь. Коммуникационная установка, находившаяся внутри, была очень сложной и к тому же автоматизированной. Синд быстро проделала операции, которые Фрестон заставил ее выучить наизусть, и установка заработала. Синд не являлась специалистом по связи и не была уверена, что нашла именно то, что искала, — очевидно, приемное антенное устройство, спрятанное где-то в другой части поместья, позволяло принимать пучки направленных откуда-то сигналов.

Вполне возможно, что сигналы шли из самого убежища императора.

Она внимательно осмотрела передатчик, стоящий рядом. Он был полностью автоматизирован, и Синд побоялась до него дотрагиваться. Весьма вероятно, что передатчику надлежит послать сигнал

тревоги в случае, если кто-нибудь чужой попытается им воспользоваться.

Похоже — во всяком случае, Синд очень на это рассчитывала, — она нашла то, что искала. Конечно же, девушка не оставила следов, ее пальцы и ладони были покрыты специальным составом, так что не сохранилось никаких отпечатков даже на тех немногих вещах, которых она касалась. Синд закрыла за собой дверь. Ну а теперь десерт.

У Синд был еще час в запасе, и пока она не слышала ни криков, ни сигналов тревоги. Если потребуется, можно спуститься вниз и сделать так, чтобы Очию потеряла сознание еще на два часа.

В коридоре по-прежнему было пусто. Синд приоткрыла дверь в библиотеку. Огромная галерея уходила вверх к куполообразному, светлому, полупрозрачному потолку. Микрофиши, кассеты, файлы, даже книги стояли на полках, которые поднимались на десять метров от пола до потолка. «Наверное, — подумала Синд, — именно такую библиотеку хотел бы иметь Стэн. Когда все это закончится. *Если* это когда-нибудь закончится».

Рядом с дверью она увидела стеллаж с микрофишами, вероятно принадлежащими Очию. Ну а где другой? Тот, в котором должны находиться суперсекретные файлы?

Синд вышла из библиотеки и нашла другую неприметную комнату, имеющую общую стену с библиотекой. Распахнула дверь и вошла внутрь. Радость, радость, радость!

Она села за компьютер и коснулась клавиши «пробел». Экран засветился.

«ЕСТЬ КОНТАКТ. ВВЕДИТЕ НЫНЕШНЮЮ ДАТУ И СТАНЦИЮ».

Она немного подумала и застучала по клавишам:

Дата и «ШАХРИЯР».

«ВКЛЮЧЕНИЕ. НАБЕРИТЕ ПАРОЛЬ».

Проклятье!

Хм... Император. Нет. Империя. Нет. Одну минуточку.

«ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ. У ВАС ЕСТЬ ТРИДЦАТЬ СЕКУНД ДО ВКЛЮЧЕНИЯ ТРЕВОГИ».

Она вспомнила одно имя. Бормоча короткую молитву, Синд набрала:

«РАШИД».

«ВЕРНО. ВЫ ДОПУСКАЕТЕСЬ ВНУТРЬ СИСТЕМЫ».

Нет, не может быть так все просто!

На экране появились буквы:

«ВВЕДИТЕ КООРДИНАТЫ, ПЕРЕДАЙТЕ ИХ НА ПРИЕМНИК ШАХРИЯРОВ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ».

Свет начал мигать.

«Я в ловушке», — подумала Синд, а потом, услышав топот бегущих ног, скатилась со стула как раз в тот момент, когда два охранника вбежали в комнату. Оба были в газовых масках и бронежилетах, но им это мало помогло, потому что Синд успела выстрелить им под маски, а потом послала два заряда в лживый экран компьютера и нырнула сквозь дверь.

Она упала на живот, перекатилась, сбила с ног третьего охранника, притаившегося возле двери, дважды выстрелила в четвертого, спускавшегося с лестницы, — промахнулась, но заставила его отступить. Жалея, что у нее нет более эффективного оружия, засунула свой пистолет за пояс, схватила оружие мертвого стражника — имперский виллиган, как она успела заметить, какой позор, они совсем не заботятся о секретности, — перевела его на автоматический огонь и послала короткую очередь в дверь библиотеки.

Теперь сирены завывали вовсю, слышались отчаянные крики, и Синд увидела лицо, высунувшееся из-за угла. Она послала в его сторону несколько зарядов, потом выстрелила в огромное окно: стекло, провода охранной сигнализации, рама — все рухнуло вниз, образуя дополнительный выход.

«Проклятье, — думала она, продираясь сквозь кусты, чувствуя, как ее невероятно дорогой костюм рвется, рвется, — ну в точности полоса препятствий для новобранцев».

Она покатилась по земле, продолжая посылать в сторону преследователей одну очередь за другой.

Так, им пришлось залечь или, во всяком случае, взять минутную передышку; в конце концов, хоть охранники и прошли специальную подготовку, их рефлексы наверняка были уже не те.

Синд скользнула за руль катера. Зажигание... генератор на полную тягу... «Ну, давай, мне плевать, выдержит ли перегрузки твой супердвигатель или сгорит, как чайник...» Готовность... готовность.

Взлет, полная тяга! В этот момент дверь со стороны пассажирского сиденья взорвалась, обломки полетели в разные стороны, но гравитолет был уже в воздухе и помчался по прямой — черт с ними, с этими извилистыми дорожками — к воротам. Синд выскочила из машины на высоте три метра, ловко сгруппировавшись, приземлилась на траву, перевернулась и спряталась за кустом, который был подрезан так, чтобы изображать какое-то кретинское животное. Уже в следующий миг она бросилась бежать, используя для прикрытия каждый бугорок.

Катер вспыхнул, не долетев десяти метров до ворот, за это время машина успела подняться в воздух на высоту в пятнадцать метров — у вонючих ублюдков, видать, была противовоздушная защита, — а потом рухнул на тщательно ухоженную лужайку.

«Ограда... еще нет, подожди секунду, женщина... Ну, давай, болванский ты гравитолет...» Мина, которую она спрятала в багажнике

спортивной машины, наконец взорвалась — каменную ограду и металлические ворота поглотил огненный шар. Синд взорвала сигнализацию, которая шла вдоль ограды, — оставалось надеяться, что среди возникшей паники никто не обратит на это внимания.

«Ну в точности полоса препятствий», — снова подумала она, держа наготове виллиган и перекатываясь через голову. Она уже могла стрелять. Однако противника нигде не было видно.

Синд не стала его дожидаться и бросилась прочь, к кустам — теперь можно поблагодарить императора за то, что он так удачно выбрал место для своего поместья.

Остается добраться до запасного гравитолета, надежно спрятанного не слишком далеко отсюда.

Синд быстро подвела итог операции: испорчен дорогой костюм, а в остальном... все нормально. Император и его люди продолжают считать, что Стэн мертв, а она сама не пользовалась особой известностью. Поэтому императорские силы ВБ, скорее всего, посчитают, что это был какой-нибудь специалист по компьютерным кражам. А если даже и найдется толковый офицер внутренней безопасности, который сумеет сообразить, что все это значит, — тоже хорошо, потому что Стэн сказал: «Вечному императору будет только полезно узнать, что кто-то идет по его следу».

«Ну, я попробовала хитрые игры с переодеваниями в роскошных красоток, — подумала Синд. — Для любителя у меня совсем неплохо получилось. А главное — мы еще на один шаг приблизились к императору».

Глава 34

Вечному императору не слишком бы понравилось, если бы он узнал, как используют Стэн и Синд его личную каюту на борту «Победы». Роскошная поляна его огромной постели была усыпана микрофишами, распечатками и стопками исписанных листков.

Стэн и Синд, примостившись на самом краю, планировали, как покончить с императором. Они тщательно просмотрели всю информацию, которую удалось заполучить Синд. А потом еще раз все перепроверили. Наконец дело было сделано. Не хватало последнего кусочка головоломки.

— Я вижу лишь один вариант, — сказал Стэн. — Эта направленная антенна — ключ ко всему.

— Что даст нам только первую часть пути, — заметила Синд. Стэн поморщился.

— Верно. Чтобы двинуться дальше, нам необходимо определить следующий шаг. Сейчас мы можем лишь утверждать, что тайник императора находится между точкой А и бесконечностью.

Синд кивнула и с усталым вздохом улеглась на постель. Пока одна часть сознания Стэна продолжала пытаться решить загадку, другая обратила внимание на стройные формы Синд. На девушке был обтягивающий черный комбинезон, покрывающий тело от шеи до пяток. Прошло уже много часов с тех пор, как они последний раз оставались наедине.

Ему вдруг захотелось невозможного. Чтобы их жизнь была совсем другой. Чтобы он и Синд превратились в нормальных людей с самыми обычными проблемами. В реальности же Стэну постоянно приходилось рисковать жизнью тех, кто был ему особенно близок.

— Быть мне матерью без бороды! — вдруг воскликнула женщина его мечты, резко сев на постели. — Подожди-ка одну минутку!

— Тебя осенило?

Синд нетерпеливо покачала головой и принялась быстро перебирать листки с записями.

— Я не уверена... но если ты немножко помолчишь, любовь моя, тогда...

Она замолчала и, схватив очередную пачку бумаг, начала просматривать их страницу за страницей. Стэн послушался и с растущим интересом наблюдал за Синд, которая, непрерывно бормоча что-то себе под нос, углубилась в записи.

Наконец она подняла на Стэна заблестевший от возбуждения взгляд.

— Кажется, я знаю второй шаг. Точнее, как его найти.

С маленьким компьютером в руках Синд подвинулась ближе к Стэну, чтобы он тоже мог видеть экран.

— Взгляни. Вот этот маленький фактор, который так смущал нас раньше. Мы думали, что это статические помехи или какое-то прикрытие. На самом деле все совсем не так.

Она с беспокойством посмотрела на Стэна, который взвешивал новую информацию.

— Может быть, я совсем спятила, — проговорила она, ее вдруг охватили сомнения. — Может быть, мой мозг превратился в питательное желе...

— Нет, — возразил Стэн, сразу запустивший программу проверки. — Я совершенно уверен, что с головой у тебя все в порядке. Да, это второй луч. Иначе и быть не может. Сигнал передается на другой частоте и направлен совсем в иную сторону!

Стэн быстро связался с главным компьютером «Победы» и проверил догадку Синд. Через несколько секунд они получили ответ.

— Ты совершенно права! — воскликнул он. — Другого объяснения нет.

Синд торжествующе закричала:

— Теперь нужно только проследить это бородатое чудо... и найти точку Б — полагаю, одну из релейных станций вроде той, что нашел

Кайс. Будем надеяться, что она не окажется расплавленной. Оттуда мы сможем сделать следующий шаг — прямо на мошонку императора!

Она встала на колени и шутливо отсалютовала. Сейчас Синд выглядела еще более привлекательной, чем всегда.

— Сэр! Очень прошу разрешить мне вести дальнейшее расследование.

Стэну ужасно не хотелось произносить это слово, но он должен сказать ей «нет». И придется долго объяснять почему. Причем ни в одну из приведенных им причин Синд не поверит. На этот раз он отправится сам. Один.

Не потому, что любит Синд. Или боится ее потерять. Ну... не совсем поэтому.

Когда Кайс встретился с императором на той выжженной станции АМ-2, его поддерживал целый отряд бывших оперативников богомоллов. И тем не менее была совершена какая-то ошибка, и станция самоуничтожилась.

Несмотря на то что Синд опытный солдат, по сравнению с высококлассными специалистами-разведчиками она самый настоящий ребенок. Кроме того, у автоматической станции гораздо больше защитных приспособлений, чем просто способность к самоуничтожению.

Стэн не один год провел среди богомоллов. И без ложной скромности мог утверждать, что является самым лучшим специалистом в своей области. Так подсказывал ему инстинкт.

Только он мог справиться с этой задачей.

Однако Стэн не знал, как сказать об этом Синд, чтобы она его поняла. Чтобы она оценила ситуацию спокойно и ясно и не старалась приводить ему собственные доводы, в надежде защитить человека, которого любит.

Стэн увидел волнение на ее лице, сияющие глаза. Он ненавидел себя за то, что вынужден огорчить Синд.

А потом он все объяснил.

Сначала Синд рассвирепела. Потом принялась приводить доводы. Затем стала умолять. Стэн твердо стоял на своем.

Наконец они пришли к решению. По крайней мере, заключили перемирие и договорились не обсуждать эти проблемы некоторое время.

Объяснив Синд, что нельзя есть и сердиться одновременно, Стэн позвонил на кухню, чтобы обед принесли в его каюту. Первую половину обеда оба молчали. Затем затеяли легкую беседу. Когда дело дошло до ликера и десерта, разговор стал серьезным.

Стэн рассказал Синд про Рикор, сканирование мозга и проект «Браво».

— Я по-прежнему не понимаю, как распорядиться этим знанием,— сказал он.

— Кое-кто наверняка организовал бы парочку надежных патентов на свое имя,— проговорила Синд.— И получил бы в результате хорошие денежки.

— Я не стану этого делать,— ответил Стэн.

— Так я и думала,— проговорила Синд, чуть улыбнувшись.

— Да и вообще,— сказал Стэн,— возможность производить АМ-два не имеет отношения к проблемам, с которыми нам необходимо разобраться в данный момент. Знаешь, еще неизвестно, чем все это кончится, так что пока нам не до универсального топлива.

— Да, я понимаю, о чем ты,— проговорила Синд.— Иногда я просыпаюсь в холодном поту и думаю... а что, если император победит?

Стэн промолчал. Снова наполнил рюмки.

— С другой стороны,— продолжала Синд,— какой смысл предаваться подобным идиотским размышлениям? Он или победит, или нет. Иногда фатализм, который исповедуют бхоры, оказывается весьма полезной вещью.

Она повертела в руках рюмку, что-то обдумывая. Стэн видел, что Синд хочет задать ему вопрос и не решается. А потом, не поднимая глаз, она заговорила:

— А что произойдет, если мы победим? Кто — или, может быть, что — заменит императора?

Стэн покачал головой:

— Меня это не касается. Я участвую в революции, а не в заговоре. Решения о будущем империи будут принимать другие. Ведь это их будущее. И им предстоит сделать выбор.

— Мне кажется, ты стал чрезмерно романтичным,— проговорила Синд.— Неужели ты думаешь, что все так просто? Ты же станешь героем дня. Спасителем. Кроме того, а это гораздо более существенно, возникает проблема АМ-два. Синтезированной или натуральной. Из альтернативной вселенной или из цехов какого-нибудь завода. Ведь только ты владеешь ключами... к королевству.

— Меня эта мысль совсем не радует,— ответил Стэн совершенно спокойно.

Синд накрыла рукой его руку.

— Я знаю. Именно поэтому я тебя и люблю. И именно поэтому я хочу, чтобы ты как следует все обдумал. Потому что, когда придет время принимать решения, раздумывать будет уже некогда.

— Я заметил, что ты не высказываешь своего мнения по поводу того, как мне следует поступить,— проговорил Стэн.

— Ну, меня нужно спрашивать в самую последнюю очередь,— ответила Синд.— Считаю ли я, что ты станешь хорошим правите-

лем? Да. Предпочла бы я, чтобы ты принадлежал только мне? Вдвойне да. — Она сжала его пальцы. — У меня несколько предвзятое мнение, разве ты не знаешь?

Стэн смущенно покраснел, а Синд фыркнула.

— Как мило, — рассмеялась она. — Ты краснееешь! Ага, теперь у меня есть на тебя компрометирующая информация. Великий вождь революции краснеет, словно мальчишка.

— Шантаж, — объявил Стэн.

— Точно, — согласилась Синд.

Она соскользнула со своего кресла и забралась к нему на колени. Стэн вдруг обнаружил, что руки у него заняты. Синд в это время, тихонько покусывая, целовала его в шею.

— А что мне будет за то, что я никому не скажу? — прошептала она.

Стэн пытался справиться с комбинезоном, плотно облегающим ее тело.

— Узнаешь через минуту. Но сначала скажи-ка мне вот что: как ты снимаешь эту чертову штуку?

Синд взяла его за руку и прошептала — тихо и горячо:

— Вот здесь. Нужно нажать... вот-вот... здесь!

Глава 35

Топот солдатских сапог раздавался все ближе и ближе. Алекс висел, точно паук в своей паутине, над громадными воротами в стене замка, через которые можно было попасть в Арундель с учебного плаца. Он терпеливо ждал, поглядывая на таймер и стараясь не обращать внимания на дурные предчувствия. Чем ближе он подбирался к замку императора, тем ситуация становилась сложнее. Оснований предполагать, что его миссия закончится провалом, не было. Пока все шло просто прекрасно. Пока. Так, во всяком случае, расценивал ситуацию сам Килгур.

На общественном транспорте он добрался из Эшли-на-Уай до ближайшего городка. Проверил, не вносились ли за последнее время какие-нибудь изменения в систему идентификации личности на Прайме; его фальшивые документы оказались в полном порядке. Затем он отправился в район города с дурной репутацией и купил на одном из черных рынков зарегистрированный на чужое имя гравитолет. Никто не задавал ему неприятных вопросов типа: «Ваше местожительство?», «Где вы работаете?», «Почему покупаете за наличные?», никого не интересовали ответы на вопросы, которые принято задавать, когда подобные сделки совершаются официально.

Двигатель гравитолета был в кошмарном состоянии — генератор Маклина сможет поднять машину метра на три над уровнем зем-

ли, не более того. А скорость, которую гравитолет был в состоянии развивать, не превышала пятидесяти пяти километров в час.

Алекс заплатил еще сто кредитов типу, который назвался бра-том продавца, за то, чтобы тот наладил гравитолет. Он знал, что «братец» преувеличит размеры работы и вместо высококачественного топлива зальет в бак какой-нибудь дряни. Ну и что из того? Машина нужна Алексу всего для одной поездки.

В двадцати кликах от Фаулера, города, расположенного ближе всего к поместью императора, недалеко от одного из вечнозеленых парков Прайма Алекс нашел громадную свалку. «Просто великолепно, — подумал он. — Развесьте в парках объявления о штрафе за мусор, и обязательно найдется какой-нибудь болван, который станет бросать всякую дрянь в двадцати метрах от ворот. Впрочем, это как раз то, что мне нужно».

Килгур приземлился прямо посередине поля, испортил самые важные части двигателя, снял регистрационные номера, закопал их и отправился в город. Этапы один, два и три выполнены успешно: он прилетел на Прайм, нашел надежную явочную квартиру и добрался до Фаулера. Теперь следует немного посидеть тихо. Существовала возможность, что за ним следят с самого момента прибытия, а имперская служба безопасности просто хочет посмотреть, какую гадость он задумал. Конечно, не похоже, чтобы это было так, но добровольно совать голову в петлю Алекс не собирался.

Он снял комнату, которая понравилась ему только потому, что у нее было два отдельных запасных выхода: один вел на проржавевшую, старую пожарную лестницу, которую Алекс незаметно укрепил, а второй — от угловой комнаты на крышу, откуда можно было перебраться на другие здания. Кроме того, там была своя кухня, так что не требовалось слишком часто выходить на улицу.

Килгур провел в этой комнате целую неделю, не высовывая из нее носа, питался консервами, которые были ничем не лучше солдатского рациона, и только после этого решил, что слежки за ним нет. Настало время действовать.

Он купил бутылку дорогого коньяка, напомнив себе, что нужно выбросить бутылку где-нибудь подальше, чтобы ни у кого не возникло подозрений, поскольку жители этого района предпочитали куда более примитивные удовольствия, такие как очищенный промышленный спирт или самогон. Алекс пил коньяк и строил планы.

Четвертый этап заключался в том, чтобы как можно ближе подобраться к Арунделю. На пятом этапе нужно проникнуть в замок императора. Шестой этап — возвращение домой, желательно целым и невредимым. Уж он помчится...

План Алекса — на раз попасть внутрь, на два выскочить — заключался в том, что на обратном пути у него будет партнер. Пойндекс.

Килгур не сомневался, что у его будущего напарника возникнут возражения, он даже может начать сопротивляться и уж по меньшей мере выразит свое несогласие словами.

Любой из этих вариантов Килгура не устраивал, в особенности если учесть, что результат мог быть совсем для него нежелательным, иными словами — смерть. В планы Килгура входило совершенное, без лишнего шума исчезновение Пойндекса. А потом, в тот момент, когда это будет выгоднее всего для Алекса, Стэна и восстания в целом, они поставят всех в известность, кто проделал такую хитрую штуку с шефом ВБ.

Алекс планировал доставить Пойндекса прямо на борт «Победы». Там ему будет предложено выбирать, точно так же, как и его агенту на Ви, Хоне: поменять хозяина или подвергнуться сканированию мозга.

Килгур не сомневался, что, поскольку Пойндекс является профессионалом и специалистом по измене, он даже и тратить время на раздумья не станет — в отличие от Хоне.

Все источники информации, имеющиеся у Алекса на Прайме, единодушно сообщали, что Пойндекс стал правой рукой императора. Его знание тайн властителя поможет мятежникам в решительном сражении.

Именно перед решительным сражением по плану Алекса Пойндекс должен был всплыть на поверхность. Что, естественно, будет тяжелым ударом для императора.

Нужно только заманить мышонка в мышеловку...

Алекс в очередной раз прогнал уже успевшие надоесть ему строчки шотландской песенки, в которой довольно подробно рассказывалось об очаровательной девушке, что ждет своего возлюбленного. Зря ждет.

Может быть, на этот раз его все-таки убьют. Очень даже может быть. И значит, это последнее задание... Ну и что из того? Он никогда не забивал себе голову пустяковыми мечтами о том, что умрет в глубокой старости в постели под шелковым покрывалом или что он вообще бессмертен. Однако в его планы входило сначала разобраться с Пойндексом и лишь потом отправиться в долгое путешествие на Остров счастливых.

Алекс что-то пробормотал, допивая коньяк. «Ты ведешь себя будто старая калоша, которая стелет, не зная, как подступиться к горячему котлу, стоящему на очаге, думаешь только о неприятностях и подобной муре. Займись-ка делом, приятель!.. Но если этот план и утром покажется тебе разумным, в Фаулере скоро возрастет уровень преступности. Неожиданно».

С этими мыслями Алекс погасил свет в своей убогой комнатенке, завернулся в одеяло и мирно заснул.

Он спал крепко, и если ему и снились сны, утром он о них не помнил. Не обращая внимания на головную боль, возникшую после употребленной накануне бутылки коньяка, Алекс снова принялся обдумывать свой план. И пришел к выводу, что он совершенно разумен. Тогда Килгур отправился в какую-то забегаловку, выпил там кружку пива, съел омерзительную на вкус яичницу, а затем вернулся домой и проспал до наступления темноты.

Первая кража была совершена им из машины «скорой помощи», которая стояла у служебного входа в больницу. Когда Килгур служил в отряде богомоллов, он прошел дополнительную медицинскую подготовку и точно знал, что ему нужно. Возмутился, что один из необходимых ему предметов слишком надежно закреплен, затем вышел из машины и аккуратно закрыл за собой дверцу.

Спрятал добычу и посмотрел на часы. Остался очень доволен тем, что увидел. Решил, что успеет, если поторопится. До того момента, как начнут закрываться рестораны, оставалось еще около трех часов.

Алекс под прикрытием ночных теней направился в другую часть городка, где любое неосторожное движение не грозило синяком под глазом. «А жизнь тут кипит», — подумал он, заглянув сквозь металлическую ограду на стоянку, где перед явно дорогим рестораном поджидали своих хозяев роскошные гравитолеты. Один... нет, два охранника... никаких проблем. Воспользовавшись небольшим лазером, он проделал отверстие размером с себя в ограде и забрался на парковочную площадку. Снял регистрационные номера с шести машин — и поставил назад пять из них. Естественно, предварительно хорошенько все перепутав. Затем поправил решетку и с шестым номерным знаком в руках направился в свою каморку. Легко и просто. Килгур решил, что имеет право наградить себя за ловкость парочкой кружек пива в баре, который не закрывался дольше остальных. Он завел там несколько новых друзей и тут же всех угостил.

На следующий день Алекс ничем особенным не занимался: сделал зарядку, вышел, чтобы поесть и кое-что купить. Консервов на три дня, рюкзак, фонарик, флягу, защитного цвета комбинезон и такую же накидку. Килгур ужасно жалел, что здесь невозможно достать фототропический костюм, которым пользовались в отряде богомоллов. Придется обойтись охотничьим снаряжением. Он сознательно не взял ничего, что могло бы вызвать хоть малейшие подозрения при тщательном обыске. В самую последнюю очередь обзавелся маленьким, но тяжелым ножом «на все случаи жизни». Затем отправился в магазин для любителей-электронщиков, где купил самые невинные приспособления и инструменты, с тем чтобы дома их как следует переделать.

А затем позволил себе одно из двух послаблений, о которых заранее договорился сам с собой. Нашел продуктовую лавку и взял

три килограмма постной говядины, соль, свежую петрушку и набор сушеных специй. Вернувшись домой, нарезал мясо тонкими кусочками, шириной примерно в три сантиметра, и отправил их в маринад, приготовленный из соевого соуса и специй — чеснока, ягод можжевельника, пряностей и перца. Чеснок, пряности и перец он предварительно немного потушил и только после этого очень горячими положил в маринад. Мясо должно было находиться там целый день.

Около полуночи Килгур отправился в тот бар, где накануне завел друзей. Один из них уже поджидал его. Он достал то, о чем просил его Алекс. Можно было даже выбрать. Килгур демонстративно фыркнул, увидев мини-виллиган, хотя именно это оружие предпочел бы иметь при себе. Но сообщил своему новому приятелю: «Если меня возьмут с любимой игрушкой императора, стреляющей АМ-2, со мной вряд ли станут церемониться, а я что-то пока не очень расположен встречаться с предками».

Таким образом, тип, предлагавший оружие, не заподозрит, что у Килгура на уме какая-то серьезная мерзость, и не настучит на него в местный полицейский участок. Он ведь не обязан Килгуру ничем, значит, от него можно ждать всего, что угодно.

По этой же причине Алекс отказался от массивного пистолета и складного карабина, хотя они и были самым обычным огнестрельным оружием. Он выбрал — а потом еще целых полчаса торговался о цене — небольшой револьвер.

— Знаете, ребята, мне ведь эта штука нужна, только чтобы кое-кого припугнуть,— соврал он.

Довольный тем, что ему удалось убедить всех в баре, что он всего лишь искатель дешевых приключений, Килгур отправился домой спать.

Рано утром на следующий день он занялся мясом. Вытащил кусочки из маринада и положил их на стол. Посыпал солью, мелко нарезанной петрушкой, затем хорошенько смазал специями. Тимьян. Перец. Сладкий базилик. Чесночный перец. Травяной перец. Майоран. Тмин — ну просто так, за компанию. Как следует размазал специи по мясу лезвием ножа, потом полил все соусом и отправил в старенькую печку, которую включил на самый медленный огонь, приоткрыв дверцу духовки на пару сантиметров.

Пока мясо сушилось, Килгур занялся своим электронным оборудованием, превратив его в сложный инструмент опытного взломщика. После этого улегся спать, чтобы набраться сил на будущее.

Когда он проснулся перед рассветом, мясо уже высохло, почернело, скрутилось, стало совершенно омерзительным и весило не больше килограмма. Килгур ужасно гордился своей выдумкой. «Я, конечно, не такой замечательный повар, как император, Марр с Сен-

ном или даже дружок Стэн, но это легко жуется, особенно если ты застрял в лесу во время дождя». Засунул получившийся «деликатес» в водонепроницаемый мешок, а потом навел порядок в своем убогом жилище. Если ВБ доберется сюда, никакой обыск ничего им не даст, разве что они узнают, что здесь жил тип, помешанный на чистоте.

Затем Алекс отправился в поисках второго послабления, которое решил себе позволить. Он забрал с собой весь мусор, начиная от пустой коньячной бутылки и кончая инструментами, купленными в лавке. Выбросил их на помойку.

Потом нашел достаточно большой ресторан, где бывало много посетителей и его наверняка не запомнили бы. Впрочем, существенное значение имело и то, что из ресторана довольно приятно пахло. Там Алекс поел. Сначала как следует запасаю протеином, хотя и понимал, что это не самый лучший способ подготовиться к долгому пути, но решил на время забыть о наставлениях специалистов по правильному питанию. «Заправляясь травой и веточками, я, по крайней мере, смогу вспомнить кое-что приятное». Заказал три морских коктейля. Два громадных бифштекса с кровью. Тушеные грибы. Целую грудку салата с соусом. Полбутылки вина — для пищеварения.

Официантка удивленно посмотрела на него, когда он все доел, вздохнул и объявил, что готов ко второй части обеда, но ничего не сказала. Вторая часть состояла из паштетов — Килгур съел их столько, что даже сам смог заметить некоторое увеличение собственного живота. Он много пил. Воду. Кувшин за кувшином. Он запасался и водой тоже.

К тому моменту, как Алекс выкатился из ресторана, щедро, ведь он же все-таки был лордом, наградив официантку чаевыми, он подумал, что этот обед может оказаться по-настоящему последним.

Теперь пришла пора претворить в жизнь замечательный план, придуманный замечательным Килгуром.

В районе, где жили богатые горожане, Алекс украл дорогой гравитолет, с легкостью превратив охранную сигнализацию в зажигание. Установил регистрационный номер, который стащил несколько дней назад возле бара, прямо на старый номер гравитолета и направился в сторону той трущобы, где жил. Он немного рисковал, когда оставил гравитолет на улице, чтобы забрать вещи из квартиры и торжественно попрощаться с этим замечательным местом. Алекс знал — через пару часов он будет мечтать о крыше над головой и ругать себя за то, что не ценил тех великих удобств, которые подарила ему судьба.

Забрался в машину и полетел прочь. Направился туда, откуда собирался стартовать, — в роскошный район Фаулера, где распола-

гались шикарные поместья тех, кто старался находиться как можно ближе к императору и его дворцу.

Именно сейчас выдумка с регистрационными номерами должна была сыграть свою роль, если вообще кто-нибудь обратил внимание на это происшествие. Если все-таки полицейский заметит его гравитолет, он посчитает, что внутри сидит жертва хулиганства, а не преступник. «Бедняги», — подумал Алекс, проверив, удобно ли лежит пистолет на коленях.

Территория замка Арундель была окружена надежными стенами, снабженными всевозможными электронными устройствами. Алекс оставил гравитолет на ближайшей к ограде улице и надел рюкзак. Еще одна причина, по которой было необходимо поменять номера: когда в полицию поступит сообщение о краже машины, ее бросятся искать все, кому не лень, — ведь она принадлежала какому-то типу с набитыми деньгами карманами. По крайней мере, номера будут числиться во всех сводках. А нужный номер в данный момент находится совсем на другом гравитолете и совсем в другом месте. В общем, блюстителям порядка будет совсем не просто разобратся с машинами и их номерами.

Килгуру было необходимо, чтобы эта дорогая спортивная машина оставалась незамеченной в том месте, где он ее припарковал, хотя бы дня три — он знал, что любой район, где живут богачи, а в особенности этот, расположенный так близко к Арунделю, обязательно патрулируется полицейскими, причем весьма тщательно. Он планировал воспользоваться гравитолетом для выполнения финального этапа своего плана — отступления вместе с Пойндексом в Эшлина-Уай.

Да свалится путаница на головы моих врагов, подумал Алекс, сидя в кустах на противоположной от стены стороне улицы и изучая систему безопасности. Пеший патруль появляется каждый час, причем он достаточно хорошо подготовлен, чтобы заметить появление здесь чужих. Один сенсор прямо перед стеной. Один сверху. Острая словно бритва проволока тоже наверняка подсоединена к электронным датчикам. На растущем неподалеку дереве, похоже, установлена камера. Воздушный патруль практически каждый час. В промежутках территорию объезжает отряд на автомобилях.

Любители, фыркнул Алекс. самого низкого класса. Стандартная проверка оперативника спецотряда богомолов заключалась в необходимости пробраться в максимально охраняемую тюрьму (сбежать из максимально охраняемой тюрьмы) за один земной день. Причем этот тест не считался самым сложным из тех, которые проходили богомолы.

Пора, приятель!.. Алекс пересек улицу, прошел мимо сенсоров, перелез через стену и оказался вне поля зрения камеры, установленной на дереве.

«Фи,— подумал он,— император не только сам спятил, но еще и нанимает на службу каких-то кретингов без мозгов».

Так, теперь нужно сосредоточиться. Между ним и дворцом лежало двадцать семь километров необитаемого леса.

Обычно Килгур именно столько пробегал во время зарядки по утрам, однако на этот раз путь занял у него три дня и четырежды чуть не стоил жизни. Собаки. Автоматические сенсоры самой разнообразной конструкции, начиная от сейсмических и кончая ультрафиолетовыми. В общем, все, до чего мог додуматься глава службы безопасности. Патрулирование через неравные промежутки времени. Наблюдение с воздуха. Слабым местом было то, что император потребовал, чтобы система безопасности как можно меньше бросалась в глаза. А это означало, что мертвые зоны, смертоносные поля, прожектора, установленные в шахматном порядке, и прочие подобные приспособления были запрещены его императорским величеством.

Алекс вспомнил, как однажды похвастался Стэну, что может сделать кое-что во сне, даже если его впрягут в небольшое каноэ. У него было такое ощущение, что именно этим он сейчас и занимался, потому что ему приходилось тащить носилки с генератором Маклина, те, что он стащил из машины «скорой помощи», — Алекс намеревался положить на них Пойндекса, который будет без сознания.

Килгур продвигался вперед на несколько метров, проверял оставленный за собой след, обрабатывал его в случае необходимости. Он не спал, только время от времени прятался где-нибудь под кустами, накрывшись защитного цвета накидкой, чтобы передохнуть и собраться с силами. Испражнялся в ручьи и не выбрасывал пустые коробки от продуктов. Один раз он спрятался в пруду, пытаясь получить обещанное самому себе наслаждение от запасенного впрок сушеного мяса, в то время как целая стая гончих псов патрулировала берег.

Наконец он увидел Арундель, черным силуэтом выделявшийся на ослепительном небе. Бойницы казались ему глазами, следящими за каждым его шагом. А бастионы... он заставил себя не думать об этом и засунул носилки в непроходимый кустарник.

Алекс прибыл сюда как и рассчитывал — утром первого дня уикэнда. К вечеру необходимо оказаться внутри замка, иначе придется залечь еще на целую неделю. Он так и сделает, если в этом возникнет необходимость. Но предпочел бы все успеть сейчас.

Между ним и двухсотметровыми, стоящими под углом пятьдесят градусов стенами, за которыми прятался замок, офисы и склады Арунделя, ничего не было. Около пяти часов Алекс услышал шум и представил себе, что дворцовые служащие, которым пришлось работать в выходной, спешат в сторону пневмоподземки, которая доставит их в Фаулер.

Он знал, что среди них обязательно будут счастливчики из службы безопасности, получившие увольнительные. В Арунделе останется только отряд охраны, персонал, который не может отложить работу на два дня, типы, помешанные на своей работе, и громадный штат дворцовых слуг — повара, кондитеры, прачки и лакеи.

«Большое дело!» — презрительно подумал Килгур. Были времена, когда слуг приходилось принимать в расчет, поскольку все они раньше служили в корпусе «Меркурий» или в гвардии. Но дружок Пойндекс этих уволил, заменил новыми. Марр и Сенн сказали, что главным их достоинством было то, что все они пускают слюни, заведя императора. Плюс служба безопасности.

Не гурки — они уже давно покинули Арундель. И не преторианцы, которых больше не брали на службу после того, как их полковник создал свою собственную небольшую армию, чтобы сбросить императора с трона. «Твоя проблема, приятель, — подумал Алекс, вспомнив о погибшем полковнике Фоли, — заключалась в том, что ты был так называемым примитивным антифашистом. И пострадал за свои убеждения».

Теперь замок охраняла внутренняя безопасность, служба, которую возглавлял Пойндекс. Никто из бывших представителей спецотряда богомоллов или корпуса «Меркурий», встречавшихся с внутренней безопасностью, не был о ней высокого мнения. «Ну что ж, сегодня ночью выясним точно. Может быть, эти разговоры — чистой воды зависть и не имеют под собой никаких оснований».

В замке будет еще два человека.

Пойндекс. Стэн был прав — шеф ВБ редко покидал свои апартаменты в замке.

И вечный император.

Килгур обдумывал ситуацию, пока ждал наступления темноты. Может быть, это самое простое решение, которое освободит Стэна от всех проблем? Удастся ли ему подобраться так близко, чтобы получить возможность нанести удар? Почти наверняка нет. «Стоит только дать волю амбициям, — напомнил себе Алекс, — и ты плохо кончишь и уже никогда больше не сможешь наслаждаться хаггисом, компанией симпатичных барышень и прочим в том же духе. Тебе нужен Пойндекс, и только он».

Поздно вечером, заметив, с какой частотой появляется воздушный патруль, Килгур двинулся в путь. Он забрался по скале почти до самой вершины — до места, которое называется седловиной. Узкая тропинка заканчивалась у семисотметровой стены с бастиянами. Алекс снял ботинки и засунул их в рюкзак. «А теперь превратимся в паука», — подумал он и скользнул в сторону, на стену. Углубления между камнями... здесь можно ухватиться рукой... а здесь поставить ногу... Он медленно приближался к огромным воротам, закрывавшим главный вход в замок.

С хорошим снаряжением сделать это было бы гораздо проще. Но Алекс не хотел рисковать, совершая подобные покупки в Фаулере. А эта стена не предназначалась для тренировок альпинистов-любителей...

Алекс чуть не вскрикнул, когда прямо из-под руки выпал кусок камня, одна нога соскочила, и он повис на пальцах, едва найдя опору для другой ноги. Крошечный кусочек камня упал на учебный плац, расположенный в тридцати метрах внизу, с грохотом, эхо которого прокатилось по территории замка громче, чем лавина, чем пушечный выстрел, почти так же громко, как дыхание Алекса.

«Следовало попрактиковаться в лазанье по стенам, прежде чем отправляться в путь... Где? Вверх и вниз по стенам главного ангара “Победы”? Давай, давай, не отвлекайся».

Алекс остановился немного сбоку, над воротами. «А теперь найдем себе гнездышко». Что он и сделал. Вставил толстое лезвие ножа в щель, обеспечив себе место, куда можно поставить ногу. И нашел хороший упор для рук, так что его четыре пальца цеплялись за стены.

В таком положении можно и станцевать.

Алекс посмотрел на часы. «До первой смены караула осталось всего несколько минут, я просто здорово все рассчитал», — похвалил он себя.

Ровно в девятнадцать часов пятьдесят минут ворота распахнулись, и началась процедура смены караула. Алекс внимательно наблюдал за происходящим.

Это была церемония, но в то же время — мера безопасности. Весь отряд промаршировал наружу; впереди шли начальник охраны и командир караула. Отряд останавливался возле каждого поста и торжественно салютовал.

«Отличная идея, — подумал Алекс, — натуральные придурки — разгуливают по Арунделю вечером и отдают друг другу честь».

Освобожденный с поста часовой закинул ружье на плечо и занял место в конце отряда, а на пост заступил солдат, стоявший первым. Затем с громким топотом гвардейцы зашагали к следующему посту.

Алекс спокойно ждал, сидя у них над головами. Он прекрасно знал, что, когда отряд идет торжественным маршем, никто не смотрит вверх или даже в стороны, никому не хочется получить наряд вне очереди от дежурного офицера, и в очередной раз отметил про себя, что слухи о глупости ВБ подтверждаются.

Учитывая торжественность момента, черная форма ВБ, прекрасно подходившая для ночных операций, была дополнена белыми ремнем, шлемом, эполетами и перчатками; даже ремни виллиганов заменили на белые. «Ну, — справедливости ради отметил Алекс, — они хотя бы избавились от бездарных винтовок, с которыми мар-

шировали преторианцы... Эти уроды ничего не подозревают». Он только утвердился в своем мнении, когда услышал, как стучат кованные каблуки по камням. Звук получался впечатляющий. «Я услышу, что они приближаются, за милую».

Наконец стук подковок, скрежет прикладов о камень, хлопки ладоней по прикладам стихли, и снятые с постов часовые удалились в казарму.

«А теперь проверим, на что они способны. Пора, пора! — Килгур так радовался, что чуть не свалился со стены. — Оказывается, они просто обожают всякие церемониальные штучки... Через два часа я начну наступление, ровно в десять».

Самое лучшее время для того, чтобы броситься в атаку или отправиться в разведку, либо в начале ночи, либо перед самым рассветом, когда все находятся в полудреме. Обычно.

Однако Килгур был хитрым лисом. Именно поэтому он выбрал конец недели, чтобы напасть на мирную крепость. В увольнение обычно не уходят те, кто на данный момент сидит без денег, или попал в черный список, или кому просто некуда идти, ну и конечно, те, кому выпало нести службу. Кроме того, у начальников выходной...

Соедините эти два фактора, и вы получите людей, которые делают все, что им полагается делать, только чувствуют себя ужасно обиженными судьбой.

Килгур, будучи человеком невероятно серьезным, тщательно выбрал время атаки. Первая смена дежурит с шести до восьми вечера. Эти стражники совсем недавно поужинали и исправно несут службу хотя бы потому, что начальник караула почти наверняка захочет проверить, как они относятся к своим обязанностям. Вторая смена — с восьми до десяти. Совсем неплохо, но все-таки немного рановато. По территории еще бродят разные личности. Десять часов. Третья смена, самое начало. Солдаты поели, побродили по казарме, не зная, чем заняться, сходили в солдатское кафе, если таковое имеется, — в Арунделе имелось, там подавали пиво и вино, — чтобы пропустить кружечку или перекинуться в картишки. И вот уже пора, четко печатая шаг, заступать на пост, ни на секунду не забывая о том, что в полночь тебя сменят, ты вернешься в казарму для охраны, а не в свою уютную постельку, и в четыре утра тебя поднимут, чтобы ты отстоял вахту перед самым восходом солнца. Великолепно.

Больше всего Килгура беспокоило то, что ВБ могут оказаться такими же хитрыми, как гурки, которые вели себя совершенно традиционно, так же точно стучали каблуками и бряцали оружием при смене караула, превращая ее в настоящую церемонию, хотя парадную форму и снаряжение надевали только по торжественным слу-

чаем. Они относились к своей службе настолько серьезно, что в солдатском кафе покупали только чай и сладости, если им предстояло в ближайшие часы заступать на пост. Но у гурков были свои совершенно гнусные манеры, столь характерные для темнокожих жителей Непала. Они всегда были готовы к тому, что какой-нибудь кровожадный тип вроде Килгура может решить, что церемониальный отряд легко перехитрить. Поэтому смену караула прикрывал целый взвод в полном боевом вооружении, готовый в любой момент перерезать глотку каждому, кто без приглашения сунется на территорию Арунделя.

Похоже, службе ВБ об их изобретении неизвестно. Никого, кроме отряда охраны, Алексу заметить не удалось.

Таким образом, в двадцать один пятьдесят... Топот солдатских сапог раздавался все ближе и ближе, а Килгур с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться вслух. Появилась третья смена — кое-кто, судя по не очень твердому шагу, слишком много времени провел в кафе — и приступила к своим церемониальным развлечениям. Потом смена зевающих солдат на втором посту — им явно не терпелось поспать.

Килгур выбрался из своей паутины, прыгнул на плац и пробежал сквозь ворота следом за отрядом охранников как раз в тот момент, когда двери начали закрываться.

И вот он уже внутри замка.

Именно в это мгновение Алекс подвергался максимальной опасности. Мгновение, это самое правильное слово, поскольку в его планы не входило оставаться на виду дольше чем один миг.

Впереди была казарма для охраны, ступеньки уходили вниз, в большой церемониальный подвал. Алекс рассчитывал на то, что это зал для торжественных церемоний — иными словами, что там никого нет. Он уже однажды сидел здесь в тюрьме вместе с большинством гурков во время заговора Хаконе.

Этот подвал и был целью его путешествия. Алекс ухмыльнулся и тут же удивился тому, что у него такое замечательное настроение. Впрочем, ощущение надвигающегося рока было таким же мощным. Он подвергал свою жизнь невероятной опасности и при этом чувствовал себя сильным. Сильным и веселым. «Неудивительно, — с некоторым отвращением подумал Килгур, — что мы, шотландцы, носим килт, в отличие от англичан. У нас есть песни, и мы умеем веселиться, а они только воюют с мрачными рожами и втаптывают нас в грязь... Ну, ладно. Вали отсюда, смерть».

Казарма охраны. Охрана... остановка. Приказ... исполнено... В колонну по одному... вперед, шагом марш. Солдаты вошли внутрь, за ними последовал офицер. Вскоре после этого Алекс тоже проскользнул в казарму.

Беготня, крики, стук прикладов о пол, громкая болтовня молодых мужчин и женщин, которые в течение двух часов должны были вышагивать в строю.

Никто не обратил ни малейшего внимания на человека, который быстро проскочил мимо открытой двери в большой общий зал. Из зала вела только одна массивная дверь со сложными замками. Сложными, но давно устаревшими. У Алекса ушло менее минуты на то, чтобы открыть те три, что были заперты, и еще минута, чтобы закрыть за собой дверь, не вызвав при этом подозрений. Теперь он оказался на ведущей в подвал лестнице.

Надел ботинки и начал спускаться. Каменные ступени были старыми, целые поколения пленников и тюремщиков прошли по этому печальному маршруту.

Килгур осветил фонариком помещение у основания лестницы. Все соответствовало его воспоминаниям, хотя память — штука весьма ненадежная. Но Марр и Сенн поклялись, что Арундель восстановлен точно в таком же виде, каким он был раньше.

Дверь в огромную камеру открыта — этот замок Алексу не придется взламывать.

«Так, я помню, что Стэн прошел сквозь вот эту стену...» Килгур нажал на камень.

Стена беззвучно скользнула в сторону. Алекс вошел внутрь.

Это был «секрет» Арунделя, впрочем, не такой уж он был и секрет. Стэн обнаружил проход давным-давно, когда возглавлял личную охрану властителя. В Арунде ле масса тайных ходов, которые соединяют императорские апартаменты со спальнями, тюрьмой и некоторыми залами для приемов. В прежние времена, когда империей правил старый босс, Алекс со Стэном пришли в восторг, узнав о существовании секретных ходов. Настоящий замок не может обходиться без тайн, и на них произвело впечатление, что император оказался столь романтической личностью.

Итак, секретные коридоры приблизят его — если Марр и Сенн не ошиблись и замок восстановлен в прежнем виде — еще на один шаг к падению империи.

Алекс поднимался по винтовой лестнице, шел по узким коридорам с низкими потолками, постоянно держа в уме выученный наизусть общий план замка. Он хотел подобраться поближе к спальням.

Настроение снова изменилось. Теперь, вероятно, на него давили тысячи тонн камня, темнота и спертый воздух подземелий, так что ему казалось, будто кто-то поджидает его в конце пути. Там, наверху.

Трижды Алекс обнаруживал сенсоры и отключал их. Пройти незаметно, словно крыса, мимо разнообразных штучек, установленных службой безопасности, было совсем не сложно. Эта крыса дер-

жалась ближе к стенам, так сделал бы любой опытный разведчик, поднимаясь по лестницам и пробираясь по коридорам. И вовсе не для того, чтобы оказаться в тени; просто иногда пол скрипит и...

Застоявшийся воздух? Нет. Неожиданно свежий.

Алекс стал искать вентиляционное отверстие. Ничего, кроме серого камня или его синтетического заменителя.

Определенно свежий воздух. Килгур опустился на колени, приложил ладонь. Здесь, возле здорового камня-плитняка. Потайная дверь. Скорее всего, она приводится в действие простым нажатием. Он достал кредитную карточку и засунул ее в щель между камнями. Легкий скрежет...

Длинный спуск.

Подземная темница?

Алекс хотел сначала отключить механизм двери, затем решил, что лучше не рисковать. Здесь вполне могла проходить сигнализация. Или...

...в темнице мог кто-то сидеть.

Килгур начал быстро спускаться, пытаясь просчитать возможные варианты. «Я в катакомбах, среди крыс и забытых, давно ослепших узников, которые просидели здесь десятилетия. Это старая помойка. Потайной ход. Или император устроил эту штуку исключительно для того, чтобы посмеяться надо мной. О да. Наш приятель так хитер, что делает дыры в стенах, о существовании которых никто, кроме него, не знает, дабы в любой момент можно было вытащить на свет тех красоток или парней, что ему понадобятся в данный момент... Лживый кретин».

Долгий спуск кончился, и Алекс оказался в довольно широком коридоре. Искомый этаж? Нужно узнать наверняка. Килгура по-прежнему грызла одна мысль: этажом выше должны находиться личные покои императора. И сам император. Если только он не прячется, как хорек, в каком-нибудь бункере или катакомбах, которые спускаются прямо к дверям ада.

«Может быть, стоит проверить».

Где-то здесь, подсказывала память, должна быть арка, а под ней мраморная лестница, ведущая прямо в покои императора.

Арки нигде не было. Только сплошная массивная стена.

Алекс в нескольких местах коснулся ее, чтобы убедиться, что тайного хода нет. «Что ж, значит, они не все восстановили так, как было. Проклятый бездарь, параноик», — неожиданно с облегчением подумал Алекс. Теперь можно отказаться от навязчивой идеи покончить с делом одним отчаянным ударом, направленным в самое сердце врага.

И тогда он направился к цели, намеченной с самого начала. Нашел панель — возможно, она предназначалась для тайных наблюде-

ний, — которая открывалась в один из главных коридоров замка. Он слегка приоткрыл ее и выглянул наружу.

Ага. Двое часовых из внутренней безопасности стоят на посту перед двойными дверями. Марр и Сенн сказали ему, что весь этаж был разобран и построен заново. Здесь располагались апартаменты Пойндекса. Он один имел право входить в эти двери.

Алекс улыбнулся.

Только улыбка эта отличалась от той, что застыла у него на лице, когда он висел перед входом в замок.

Такую улыбку можно увидеть у тигра, готовящегося к прыжку.

Пойндекс беззвучно выругался. Огорчение, как, впрочем, и другие эмоции, не должно отражаться у него на лице. Он выключил программу и вернулся к исходной информации.

В висках пульсировала тупая боль. Глаза жгло.

Самое время покончить с делами и отправиться спать. Было еще не поздно, но ему приходилось работать по двадцать четыре часа в сутки, разрываясь между руководством внутренней безопасностью и ответами на бесконечные звонки вечного императора. А теперь еще новое задание — уничтожение столиц миров, которые в той или иной форме поддерживали повстанцев.

Пойндекс без конца анализировал различные варианты миссии запугивания, придуманной вечным императором. Сначала она показалась ему просто абсурдной. Ну, не абсурдной, а в некотором смысле вагнерианской — может быть, «Гибель богов». Вроде того земного тирана, как там его звали? Ах да. Адольф Паретический. Но это невозможно. Вечный император не может быть безумным. Конечно нет.

Он смутно помнил, что в юности один из учителей рассказывал ему о некоем диктаторе, который свалил босса, а потом заставил своих приспешников написать новую конституцию, которая сделала бы его власть законной. Первый вариант диктатор забраковал, потому что конституция ни в коей мере не должна была мешать ему проводить политику террора. Так что подобный прецедент уже существовал.

Проблема заключалась в том, что Пойндекс никак не мог вспомнить имя этого диктатора, продолжительность его правления и то, насколько оно было кровавым... к тому же он не мог тратить время на долгие исторические исследования.

После некоторых размышлений Пойндекс пришел к выводу, что план императора очень хорош. Может быть, теперь, когда «освободитель» мертв и восстание приобрело анархический характер, с бунтовщиками удастся покончить одним мощным ударом? В конце концов, советовал же Макиавелли, приходя к власти, одновременно покончить со всеми врагами.

Конечно, Пойндекс и не собирался ослушаться или хотя бы поставить под сомнение новый приказ императора. Он служил ему верно. Может быть, даже не самому императору, а идее вечной жизни. Жить вечно и... править?

Был составлен список. Главный мир кал'гата, шесть миров хондзо, семнадцать планет загинозов, столица бхоров Ви. И так далее. Проскрипционный список состоял из ста восемнадцати миров.

Вполне осуществимая идея — империя располагала достаточным количеством кораблей с надежными экипажами, которые без колебаний выполняют любой приказ, даже если им придется распылить целую планету.

Проблема заключалась в другом: вечный император хотел, чтобы это произошло почти одновременно.

По каким часам, подумал Пойндекс, какого календаря? Местного? Зулу? Прайма? По идее, этим должен был бы заниматься адмирал Андерс и его штаб. Конечно, военно-космический флот не так хорош, как бы того хотелось, но они вполне в силах прибыть почти одновременно в заданные миры и не возбудить при этом лишних подозрений. Однако император настаивал на том, чтобы операция проводилась с соблюдением полнейшей секретности, а это означало, что только сам Пойндекс и его люди из ВБ должны были знать о предстоящей кровавой бойне.

Пойндекс встал из-за своего многоуровневого металлического стола. Стол, как и все в кабинете, был отделан редкими породами дерева и шелком. Ну и что из того? Возможно, настанет день, когда все это закончится и он прикажет переоборудовать кабинет. Сам примет необходимые решения, а не доверится идиоту, который считает, что следует соблюдать традиции. Когда у него появится время, да, когда он не будет так занят...

Впрочем, у него совсем нет свободного времени.

Пожалуй, стоит немного выпить, чтобы добавить сахара в кровь.

Пойндекс подошел к маленькому бару и посмотрел на бутылки. Виски, которое так любит император, а Пойндекс не переносит. Ужасная жидкость — стрегг, изобретение каких-то вонючих инопланетян; говорят, раньше император его любил. Пойндекс однажды попробовал эту мерзость. От одного воспоминания ему стало плохо. Только алкоголики и монстры могут пить подобную гадость. Он взял хрустальный графинчик с фруктовым бренди, доставленным из его родного мира, — единственный спиртной напиток, который Пойндекс любил, но употреблял не чаще одного раза в месяц.

Нет. Сейчас не хочется.

Повернулся к двери, ведущей в спальню. Вот чего ему действительно хочется: спать. День, неделю, вечность.

Прошло несколько мгновений, прежде чем он понял, что в дверном проеме кто-то есть — человек в странном комбинезоне. Лицо

покрыто черной краской. А в руках пистолет с длинным дулом, которое направлено прямо в грудь Пойндекса.

— Замри,— спокойно проговорил Алекс. Обычно он не любил никого запугивать, но за дверью находились часовые из ВБ.— Ты даже дышать будешь по моей команде,— продолжал он, подходя к Пойндексу; при этом дуло пистолета ни на миг не отклонилось в сторону.

— Ты Килгур,— сказал Пойндекс, пытаясь сохранить внешнее спокойствие. Он даже почувствовал гордость, решив, что не испытывает страха.

— Угу.

— Ты ведь понимаешь, что моя смерть не остановит империю.

— Да? — вежливо, но равнодушно переспросил Килгур.— А это не входит в мои планы. Сейчас тебе предстоит хорошенько поспать, если, конечно, ты не сделаешь какой-нибудь глупости. Закричишь, например. Во-первых, отойди от бара, повернись ко мне спиной, встань на колени, а руки сцепи на затылке. Пошевеливайся!

Пойндекс сделал шаг в сторону, повернулся и начал опускаться на колени. Потом остановился.

— Мне в голову пришла одна мысль. Если это не вендетта... значит, Стэн жив? Это он отдал приказ?

— Я сказал,— повторил Килгур громким шепотом,— что тебе следует встать на колени. Ну!..

Пойндекс начал опускаться на колени и поднимать руки к затылку. Свободная рука Алекса с крошечным шприцем была уже наготове. Правая рука Пойндекса метнулась к бару.

Рефлексы Килгура сработали мгновенно.

Левая рука выпустила шприц и нанесла короткий мощный удар по правой стороне шеи Пойндекса. Раздался хруст. Голова Пойндекса вывернулась под очень странным углом, тело стало падать. Алекс подхватил его за шиворот, прежде чем он рухнул на крышку открытого бара, а потом аккуратно опустил на покрытый ковром пол.

Понимая, что попусту тратит время, Алекс проверил пульс. Перевернул Пойндекса на спину и осмотрел зрачки. Затем, что было уже совсем глупо, приложил ухо к губам шефа ВБ, надеясь услышать дыхание.

Ничего.

«Вот проклятый кретин! — с яростью подумал Алекс.— Ты ведь знал, что тебе не стоит со мной тягаться. Ты что, полный болван? Не можешь себя контролировать? Что из того, что ты прикончил Махони или помог императору отправить на тот свет множество живых существ? Ты не профессионал».

Килгур начал подниматься на ноги.

Тут только его взгляд упал на кнопку в основании бара. Он посмотрел внимательнее. На передней панели бара ничего не было. Ага. Вот здесь. Скрытое отделение, такие им показывали во время переподготовки. Что там? Пистолет? Баллончик с газом? Электронный сигнал тревоги? В любом случае, если бы Пойндекс опередил его, катастрофы было бы не миновать.

«Что же это значит: я слишком резко среагировал или успел краем глаза заметить кнопку? Чушь», — подумал он. Потому что не верил в предчувствия.

Только сейчас Алекс понял, что впервые с той бессонной ночи в замке Ото, когда бхоры выбрали Синд своим командиром, его покинуло ощущение обреченности.

«Клянусь Стюартами, я постоянно носил в себе предчувствие смерти, как какой-то паршивый новичок из отряда богомоллов. Оно исчезло в тот момент, когда грязная душонка Пойндекса покинула тело. Ты хочешь сказать, что все это время ты знал: либо Пойндекс, либо ты сам должен заплатить жизнью? Вот кретинизм!.. У меня нет времени на раздумья о шотландских дьяволах и гоблинах».

Килгур закинул на плечо тело Пойндекса и вышел в спальню, а оттуда через потайной ход в коридор. Чувствуя себя заговоренным от пуль, Алекс затрусил к камню-плитняку. «Никаких ловушек и охранной сигнализации, теперь я скоро буду дома». Он бросил труп Пойндекса на камень. Дверь потайного хода открылась, и тело исчезло в темноте.

Ни сирен, ни топота бегущих стражников.

Негромкий стук. Тишина. Еще стук. Снова тишина, только более длительная. И наконец всплеск. Тело покойного нашло последний приют.

«Интересно, — снова подумал Килгур, — что же все-таки находится на дне этой шахты?»

Он даже посветил своим маленьким фонариком в темноту. Ничего. Алекс коснулся камня, и тот бесшумно встал на место — до следующего раза, когда кто-нибудь захочет сбросить туда что-то ненужное.

Так, значит, это свалка? Помойка, куда выносят отбросы? Алекс покачал головой. Этому ему узнать не суждено.

Килгур обдумал все, что произошло, потом медленно кивнул. Предположим, тело Пойндекса не найдут в течение нескольких дней. К чему это может привести? Какое влияние это окажет на службу внутренней безопасности, а главное, на самого императора?

Они будут напуганы, решил Килгур. На самом деле получилось даже лучше твоего исходного, практически безнадежного плана со сканированием мозга. Неплохая работка — и всего за одну ночь!

Алекс решил, что вполне заслужил пинту-другую горького. И прогулку в лунном свете с Марль и Хотско. Обуреваемый романтическими мыслями и жаждой, он поспешил домой.

Глава 36

Существо очень долго смотрело на Стэна своими странными огромными глазами. Стэн же неподвижно лежал на океанском дне. Волны, в трех метрах у него над головой, ударялись в скалистый берег острова.

Тело существа состояло из трех сегментов, торчавших в разные стороны. Оно выглядело весьма враждебно настроенным, но, с другой стороны, любую тварь размером более метра и с такими челюстями вряд ли кто-нибудь посчитал бы дружелюбной. В особенности когда она находится в двадцати сантиметрах от вашего лица.

Очевидно, то, что играло роль мозга у этого создания, принялось за работу: «Ты самый большой в этом океане... Нет, не так. Есть что-то побольше тебя. Оно сидит перед тобой. Ты хищник. Ты можешь проглотить все, что живет в этом океане... Нет, не можешь. Ты попытался откусить кусочек от этого существа — твои клещи не смогли оторвать даже самой крошечной части. Непонятная ситуация. У тебя неприятности. Следует отправиться в такое место, где этого существа нет».

Огромный «трилобит» — во всяком случае, так Стэн его назвал — засучил «ножками» и исчез среди плавучих водорослей. Отлично. Артопод не представлял для него никакой опасности — особенно учитывая тот факт, что Стэн был в скафандре, — но его клешни так мерзко шелкали по шлему, что мешали думать.

Сигнал, который они чуть не пропустили и который исходил из особняка, привел «Победу» в практически не исследованные районы Вселенной. На протяжении многих световых веков на их пути не встречалось никаких систем или объектов. Но ведь существовала солнечная система. Три планеты, луна и светило. Эта система не была мертвой, как та, на которой Кайс обнаружил промежуточную передающую станцию. Здесь жизнь еще только зарождалась.

Стэн держал «Победу» на самой границе этой солнечной системы. Он боялся, потому что часто самой маленькой ошибки достаточно, чтобы порвать связующую нить; так не раз происходило раньше. И тогда придется искать еще один роскошный особняк — перевалочную станцию и повторить то, что сделала Синд. Или последовать за другим лучом в неизвестность. Возможно, для того, чтобы узнать, что находится в конце этой бесконечной прямой радиуги, понадобится не одна жизнь.

Фрестон снова занялся тем, что он так здорово умел делать, — стал связистом. Капитану удалось совершенно точно установить, что луч из особняка направлен на вторую от светила планету.

Стэн перевел Фрестона, специалистов-связников, Ханнелору ла Сиотат на «Аойф» и перебрался туда сам.

«Аойф» очень медленно двигался к интересующей их планете. Жизнь здесь действительно только зарождалась. Континенты медленно опускались, моря распространялись по поверхности планеты. Кембрийская эра, так, во всяком случае, сказала Синд, предложив Стэну в свободное время заняться геологией.

Они искали очень тщательно. При помощи визуального наблюдения, электроники, активного поиска, пассивного. Но только через неделю Фрестону удалось кое-что обнаружить. Он заметил какие-то странности на побережье одного из маленьких субконтинентов в южном полушарии. Там что-то было — искусственного происхождения. Но сканирование поверхности показывало, что это всего лишь скалистый нарос на лишенной жизни земле.

Фрестон рискнул послать сигнал с борта «Аойфа» на той же частоте, на которой работала аппаратура в особняке. Передача длилась всего секунду. В ответ он сумел принять слабое излучение. По его теории, антенна, а скорее всего, несколько антенн находились где-то под землей в этом районе. Они были способны принимать, передавать и ретранслировать сигналы.

Стэн обдумал предположение Фрестона. Крошечная луна, на которой побывала Синд, оказалась лишь оболочкой — внутри был спрятан передатчик с антенной, сделано небольшое укрытие с источником энергии и припасами. Император был достаточно умен и располагал свои промежуточные станции на мирах разного типа, однако всюду они были сконструированы одинаково — из соображений безопасности большая часть станций находилась под землей.

Или под водой.

Фрестон возмущенно фыркнул — зачем добавлять дополнительные проблемы: прохождение сигнала сквозь жидкую среду и все такое, не говоря уже о том, что потребуется построить защитное устройство? Стэн кивнул. Станция должна находиться на самом берегу.

Затем Фрестон с гордостью, словно волшебник из шляпы, вытащил на свет еще один факт, который ему удалось добыть. Через несколько часов после наступления ночи он начал плотное сканирование этого района. И получил кое-какие результаты. Это мог заметить только тот, кто знал, что искать, и изучал очень ограниченную территорию.

Камни сохраняют тепло довольно долго, гораздо дольше воздуха. Благодаря этому Фрестон получил очень интересные образы, в особенности после того, как с ними поработал техник-компьютер-

щик с хорошо развитым воображением. Вот здесь запрятана антенна — материал, из которого она сделана, сохраняет тепло еще дольше, чем камни. А вот тут овальные очертания, невидимые без специального усиления. Что-то очень большое. Фрестон считал, что это дверь ангара — рисунок на экране компьютера возникает благодаря тому, что холодный воздух выходит в щели. А это — улыбка Фрестона была такой широкой, что Стэн стал опасаться за состояние здоровья капитана «Победы», — дверь, какими принято пользоваться у людей.

Стэну осталось только добраться до этого входа, придумать, как взломать замок, и — пожалуйста, получайте!

Получайте, мрачно хмыкнул Стэн. Лучше скажи: начиная беспокоиться о том, какого типа бомба запрятана внутри. Фрестон фыркнул. Ну неужели Стэн рассчитывал, что он и это за него сделает? Он ведь всего лишь капитан, которому к тому же не платят зарплату.

Стэн рассмеялся и выставил Фрестона за дверь. А затем принялся обдумывать, что делать дальше. Мысли о воде помогли ему разработать детали. Он послал за ла Сиотат, поцеловал Синд и тронулся в путь.

Тактический корабль вошел в атмосферу по траектории метеорита. Совсем не лучший вариант, но ведь тут ничего не поделаешь. Они начали снижение так, чтобы их не засекли сенсоры, установленные на субконтиненте. Ла Сиотат направила корабль в сторону той части суши, что находилась под водой. При этом Ханнелора все время возмущенно бормотала, что если бы она хотела управлять подводной лодкой, в своем новом воплощении родилась бы дельфином или Рикор.

Примерно в километре от берега над поверхностью воды поднимался небольшой риф. Стэн приказал ла Сиотат опустить корабль прямо за ним. Затем выбрался из люка и отправился пешком к берегу. Если бы дело происходило на экране телевизора, маленькие моторчики, встроенные в скафандр, работали бы в воде и при нормальной гравитации безукоризненно, точно так же, как и в космическом пространстве. Он, словно ветер, помчался бы навстречу тому, что ждало его впереди. Но, даже несмотря на то что генератор Маклина работал на полную мощность, масса есть масса. Стэн продвигался к берегу со скоростью парома, внимательно оглядываясь по сторонам и изучая окрестности.

Если суша на планете была практически голой, в море дело обстояло иначе. Целые леса водорослей. Какие-то кусты. Нечто, напоминающее маленьких крабов. Морские улитки.

И трилобиты — от едва заметных до таких странных... Стэн почему-то подумал о том, что они, вероятно, явились результатом брака сороконожки со скорпионом.

Когда дно стало более ровным, он переключил скорость и на глубине трех метров принялся обдумывать ситуацию. Тут в его размышления и вмешался самый большой трилобит, которого ему доводилось видеть.

До сих пор, судя по отсутствию громких звуков, он не попал в поле действия ловушек, которые обязательно должны окружать станцию. Ну что же, очень хорошо. Значит, они поджидают его впереди. Стэн пожалел, что не знает, какими будут эти ловушки. Однако он не сомневался в том, что они окажутся совсем простыми. Император должен прекрасно понимать, что на станции может неожиданно возникнуть пожар и тогда сработают защитные сенсоры, или небольшое землетрясение может быть расценено приборами как человеческие шаги. Такие непредвиденные происшествия обязательно задержат императора в пути, что вряд ли входит в его планы. Хитроумные ловушки иногда становятся жертвой собственного сложного механизма. «И уж конечно, — подумал Стэн, — властитель не станет тратить время на разгадывание сложнейших загадок». Ему приходилось видеть, как император, отчаянно ругаясь, отшвыривал в сторону головоломки, не успев толком взять их в руки, значит...

«Когда все это было, Стэн?... Не отвлекайся, приятель, тебе есть чем заняться».

Ловушка здесь будет установлена такая, о которой императору не нужно беспокоиться, но которая разорвет незваного гостя на крошечные кусочки. Замок, настроенный на сетчатку глаза или на рисунок кожи? Вряд ли, поскольку приспособление должно проработать не один век.

Стэн выбрался на берег. Сухие скалы. Ничего, кроме скал различных оттенков серого и черного. Темный песок там, где начинается вода. Береговая полоса пляжа шириной примерно метр.

Неожиданно Стэн что-то заметил и опустил на колени, на мгновение забыв о том, зачем он здесь. На мелководье лежал какой-то крошечный зеленый комочек. Жизнь. Растение? «Отправляйся назад в море, — подумал Стэн. — Ты само не знаешь, что затеяло».

Затем он поднялся и зашагал в ту сторону, где должна была находиться станция. Сенсоры, вмонтированные в скафандр, показали, что воздухом можно дышать, хотя в нем содержался совсем небольшой процент кислорода. Однако Стэн не стал раздеваться — еще одна предосторожность. Он сомневался, что здесь используется инфракрасный излучатель для того, чтобы включилось устройство, уничтожающее станцию, но скафандр удержит такое устройство, если оно все-таки имеется, от совершения нежелательных глупостей.

Земля под ногами стала более плоской, и Стэн, спрятавшись за большим камнем, включил дисплей шлема. Внимательно изучил

появившуюся перед глазами карту. Вон там должна быть дверь. Скала идет под уклон.

Стэн постарался незаметно, насколько позволял неудобный костюм, перебраться за другой камень, расположенный ближе к интересующему его месту. Тридцать метров. Он приложил бинокль к глазам и стал внимательно рассматривать скалу. Дважды прекращал наблюдение, потому что ему начинали мерещиться вещи, которых там явно не было.

Полное увеличение — примерно треть метра. Стэн вертел головой из стороны в сторону, пытаясь разглядеть спрятавшегося врага. Сейчас он сам себе напоминал дешифровальщика, с умным видом рассматривающего мозаику.

Так. Нечто абсолютно круглое. Такое редко встречается в природе. Замочная скважина. В скале, в том месте, где и должна быть замочная скважина — для существа ростом с императора.

Теперь нужно отыскать ключ.

Стэн прошел по открытому пространству, каждую минуту ожидая взрыва. Опустился на колени рядом с замочной скважиной и расстегнул свою сумку с инструментами. Еще на «Победе», обдумывая эту операцию, он пришел к выводу, что легче всего будет вскрыть замок. Император не может, возвращаясь к власти, иметь при себе сложный кодовый ключ. По крайней мере, Стэн так бы делать не стал, если бы оказался на месте вечного императора и затеял эту дурацкую канитель. Значит, ключ должен быть таким, чтобы можно было без лишних проблем достать его из кармана или сделать, как только возникнет необходимость. И естественно, ключ не может быть частью суперсложной системы, которая выйдет из строя ко времени очередного возрождения великого правителя империи.

Стэн взял стандартную электронную отмычку — такими пользовались в отряде богомоллов. Круглая замочная скважина, да? Он выбрал инструмент подходящего размера, подсоединил к анализатору и вставил в отверстие, с трудом сдержавшись, чтобы не закрыть уши руками в ожидании взрыва, хотя и знал, что отмычка сделана из империума-Х, абсолютно нейтрального материала. Анализатор зажужжал, сообщил, какой код откроет дверь. Стэн вытащил его и нажал на кнопку «ПЕРЕДАЧА»...

Дверь скользнула вверх — Стэн шарахнулся в сторону, исключительно от неожиданности. Увидел спуск вниз, в темноту. Подождал несколько мгновений, пока сердце снова начнет биться ровно, достал фонарик и, прижавшись к земле, на случай если именно это и является ловушкой, осветил лучом проход. Ничего. Он внимательно посмотрел вниз. Самый обычный спуск.

Стэн включил фонарик на полную мощность и начал очень медленно, по миллиметру, продвигаться вперед, так, как он делал это на Вулкане давно-давно... И нашел.

По крайней мере, ему показалось, что он нашел.

Инфракрасные детекторы, сенсоры, реагирующие на движение, разнообразные хитроумные приспособления — все ерунда. Вечный император когда-то был инженером. Толковым. Следовательно, его защитная система должна соответствовать одному принципу: «Все должно быть до тошноты просто».

Стэн стал спускаться более уверенно. Сделал шаг. Еще один. И еще.

Дверь у него за спиной опустилась на место. Стэн вздрогнул, совсем чуть-чуть — он не сомневался, что прав. Неожиданно у него над головой включился свет. На стене была установлена простая панель с монитором. Внутренние системы жизнеобеспечения заработали и начали приводить убежище в состояние, пригодное для жизни существа с Земли. Еще на панели имелся небольшой счетчик. На нем светился 0. Когда Стэн проходил мимо, он краем глаза заметил, что 0 превратился в 1. Вот в чем дело!

Стэн оказался перед дверью, которая открывалась прикосновением руки. Дверь медленно распахнулась.

Внутри Стэн увидел жилую комнату. Маленькую, но прекрасно оборудованную. А дальше — еще одна дверь.

Стараясь не спешить, Стэн прошел в нее.

И попал в огромное помещение, заполненное приборами и инструментами. Он добрался! Живым и невредимым... В данный момент он находится на промежуточной станции.

Если только в следующее мгновение все тут не взорвется к чертовой матери!

Что способен сделать *только* император? Прибыть сюда в одиночестве. Никому другому такая идея даже и в голову не пришла бы. Любой, кому хватило бы ума или храбрости подобраться так близко к самому сердцу могущества и власти, обязательно должен иметь союзников и подчиненных. Стэн не знал, где расположен сенсор — на стене, в полу или на потолке. Их могло быть множество.

«О господи, ведь если бы Килгур не отправился разбираться с Пойндексом, я бы наверняка взял его с собой». От этой мысли у Стэна похолодело все внутри. Даже убийцы из отряда богомоллов любят, чтобы кто-нибудь прикрывал их с тыла, а Стэн с Алексом дружат уже столько лет.

Раз... Два... И эта сверкающая комната превратилась бы в кучу расплавленных обломков.

Стэн принялся оглядываться по сторонам в поисках заветного ключа от королевства. Четыре второстепенных дисплея — очевидно, передающие установки. На трех из них высвечивались совершенно одинаковые данные, экран четвертого был темным. Он, вероятно, контролировал станцию, обнаруженную Кайсом или его людьми. Ту, что мгновенно самоуничтожилась.

В центре комнаты располагалась огромная круглая панель управления, на которую были выведены самые разные данные.

Стэн внимательно все разглядывал, но ничего не трогал. На большинстве приборов не было видно никаких обозначений — поскольку следил за этими приборами один-единственный оператор, тот, кто сам все здесь придумал. Впрочем, Стэн все равно прекрасно понял, для чего предназначена панель управления.

Это и есть главный секрет Вселенной. Именно отсюда вечный император распоряжался благосостоянием своей империи. Отдавал приказы громадным автоматизированным «поездам» с АМ-2 следовать на указанные склады. Увеличивать или уменьшать количество АМ-2, поступающее в те или иные миры. Оставшиеся в целости и сохранности три перевалочные станции просто передавали его приказы по цепочке.

Именно отсюда уходили распоряжения властителя. В другую вселенную. Где-то там, за границами изведенного, находился разрыв континуума. Теперь нужно только рассчитать координаты луча и передать их Фрестону на борт «Победы». Используя простые законы математики, они смогут при помощи сигнала, исходящего из особняка, определить, где находится разрыв континуума.

— Ну, хорошо,— прошептал Стэн, не заметив, что заговорил вслух.— Отлично, паскудина. Считаю, что с тобой покончено.

Глава 37

Вечный император мчался по коридорам замка в свой кабинет. Повсюду на его пути по стойке «смирно» стояли ошетилившиеся оружием стражники: подонки из внутренней безопасности и ветераны из числа имперских гвардейцев.

Император не убирал руки с пистолета, засунутого за пояс. Он бушевал, не переставая пробегать взглядом по лицам солдат. При малейших признаках опасности он был готов открыть огонь.

Но никто не решался поднять на него глаза, пока он мчался в сторону относительной безопасности собственных апартаментов. Все внимательно следили друг за другом. Атмосфера была так накалена, что если бы кто-нибудь нечаянно чихнул, началось бы самое настоящее сражение.

Камергер писал что-то, стоя возле двери.

— Что ты здесь делаешь, Блейк? — прорычал вечный император.— Я за тобой не посылал.

Маленькие глазки Блейка изумленно уставились на властителя.

— Я пришел доложить вам...

— Обыскать его! — выкрикнул император.

Блейк взвыл от ужаса, когда четверо охранников — двое из ВВ и два солдата — швырнули его на пол и подвергли унижительной про-

цедуре обыска. После этого была произведена тщательнейшая проверка комнаты — вдруг враг сумел в отсутствие императора установить там какие-нибудь опасные для жизни устройства. Когда с этим было покончено, Блейк с трудом поднялся на ноги.

— Приношу вам свои глубочайшие извинения, ваше величество,— пролепетал он,— если мое присутствие принесло вам неудобства.

— А ну заткнись, Блейк! — приказал император.— Я отдал совершенно ясный и четкий приказ. Никто не имеет права входить сюда без приглашения.

— Я думал...

— Разве я разрешил тебе открыть рот?

— Нет, ваше величество.

— Вот в этом и заключается твоя проблема, Блейк. Ты пытаешься изобразить мыслительный процесс. Вместо того чтобы просто выполнять приказы.

Император чуть развернулся, чтобы можно было наблюдать одновременно за Блейком и коридором.

— Ну, хорошо, раз уж ты сюда явился, можешь доложить, что там у тебя стряслось.

— Я хотел... это всего лишь про Пойндекса, ваше величество.

— Всего лишь? Всего лишь? Ты что, совсем спятил, приятель? Шеф службы безопасности бесследно исчез, а ты говоришь «всего лишь»? Разве...— Император замолчал, на лице у него появилось отвращение.— Какое вокруг дерьмо!.. Ну ладно, выкладывай. Мне надоело изображать из себя мишень в собственном коридоре.

— Слушаюсь, сир. Я пришел, чтобы сообщить вам, что я закончил тщательное изучение...— Блейк увидел, что властитель вот-вот снова взорвется, и решил говорить покороче и попроще.— Хм... Вот уже некоторое время его не видел никто во дворце, сир. Я дважды проверил все комнаты и лично присутствовал при допросе слуг.

— А кто допрашивал тебя?

На лице Блейка снова появилось изумление.

— Хм... Меня, сир? Ну... никто, ваше величество.

Император жестом подозвал двух охранников. С тех пор как исчез Пойндекс, он приказал страже всегда ходить парами, так что теперь имперский гвардеец присматривал за солдатом из ВВ — и наоборот.

— Отведите его вниз, на допрос. По полной программе. Я хочу быть уверен в том, что они с Пойндексом не сговорились у меня за спиной сделать какую-нибудь мерзость.

Блейк завизжал:

— Но, ваше величество, я же доказал вам свою верность за столько...

Мясистая рука заткнула ему рот, так что императору не удалось услышать всего, что собирался сказать Блейк. Несчастливого камергера поволокли по коридору прочь от апартаментов императора.

Властитель снова повернулся к двери. Подвергся проверке отпечатков пальцев и сетчатки глаз. Затем набрал известный только ему одному код. Дверь раскрылась. Он еще раз огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что ему ничто не угрожает, а затем вытащил пистолет и вошел внутрь. Дверь с тихим шипением закрылась у него за спиной. Он остался в одиночестве.

Тщательно проверил состояние новых сенсоров, которые собственноручно установил в кабинете. Немного расслабился. Все в порядке. Никто не входил в кабинет в отсутствие хозяина. Император спрятал пистолет в кобуру.

Подошел к столу и вытащил бутылку с виски. Налил себе полный стакан, но, прежде чем выпить, достал из кармана небольшую трубочку — какой-то прибор — и засунул ее в жидкость. На конце трубочки загорелся зеленый огонек.

Можно пить.

Император залпом осушил стакан и тяжело опустился в кресло. Он был на грани нервного истощения. Вынул небольшой шприц, прижал к руке, почувствовал легкий укол, жжение в вене, а затем сердце учащенно забилося. Стимуляторы снова подарили ему силы и всплеск энергии.

Когда император потянулся к бутылке, чтобы снова наполнить стакан, его рука дрожала. Он поморщился. Еще один побочный эффект амфетаминов.

А другой — паранойя. Император фыркнул. Немного истерично. Ему это не понравилось. Придется более тщательно контролировать себя. Соблюдать осторожность. Следить за тем, чтобы его собственная воля, а не медицинские препараты управляли поступками.

Вечный император устроился поудобнее в кресле и решил, что пришла пора обдумать ситуацию.

Он только что вернулся из подвалов, где проводились допросы. Император с отвращением поморщился, вспомнив запахи крови, пота и страха. Только отчаянные вопли боли приносили ему настоящее чувство удовлетворения. И дело вовсе не в том, что он получает от всего этого удовольствие. Вовсе нет, ему прекрасно известно, что это один из симптомов безумия.

Удовлетворение возникало от того, что он видел собственными глазами, какие принимаются меры для разгадки тайны исчезновения Пойндекса. Он также особо указал тем, кто проводил допросы, что необходимо выявить всех, кто принимал участие в заговоре. У них уже имелось около десятка признаний. Парочка из них даже может оказаться правдой.

Императору прокрутили запись истеричного лепета Бэсикер. Она призналась, что не верит в божественное происхождение императора. Сказала, что ее поступками двигала только жадность. А затем сообщила, что Пойндекс ее завербовал и она работала на него. Наверняка она не одна такая. Очень скоро император узнает много интересного про шефа своей службы безопасности.

Он сомневался в том, что Блейк имеет ко всему этому хоть какое-нибудь отношение. Но не хотел рисковать. Конечно же, когда допросы закончатся, тот уже ни на что не будет годиться, придется найти нового камергера. Ну да ладно. Такую цену за собственное спокойствие император готов заплатить.

Он снова осушил стакан. Отодвинул бутылку в сторону. Нужно немного подождать, а потом он нальет еще. Пора как следует разобраться с тем, что здесь происходит.

Исчезновение Пойндекса может объясняться несколькими причинами. Все они одинаково не нравились императору.

Пойндекс умер, убит врагами. Или его взяли заложником.

В обоих случаях существует вероятность, что Пойндекса пытали и он выложил агенту или агентам мятежников все, что ему известно. Несколько самых сокровенных тайн императора станут известны врагу. Ведь именно Пойндекс отвечал за извлечение бомбы из тела императора. А этот маленький секрет может привести мятежников в Альва-сектор.

Следующие варианты:

— Пойндекс неожиданно решил перейти на сторону противника;

— Пойндекс уже некоторое время находился в сговоре с врагами императора и сбежал, испугавшись, что его предательство будет раскрыто.

Если пункты номер три и четыре правда, значит, у Пойндекса в Арунделе были помощники. Внутренней безопасности, естественно, нельзя доверять. И поскольку Пойндекс сумел пробраться в такое количество самых разных областей жизни империи, нельзя доверять никому из тех, кто находится на имперской службе. Поэтому что тайны императора в опасности.

Самым ужасным фактом — не вероятностью, а именно доказанным фактом — было то, что в Арундель, самое надежное место империи, проник враг.

В связи с этим императора мучила еще одна мысль, которая не относилась непосредственно к данному делу: мятежникам удалось проникнуть и в один из его особняков. В особняк Шахрияров.

Подробный отчет об этом инциденте только что попал к нему на стол. Агент противника был, вне всякого сомнения, высококлас-

сным профессионалом. Редчайший случай, в его особняки никто не вламывался, в том числе грабители. Агент оказался настолько хорошо подготовленным, что ему даже удалось убратъся восвояси целым и невредимым после того, как он разобрался с местной службой безопасности.

Тем не менее в докладе говорилось, что женщина не смогла до-
быть никакой полезной информации.

Подожди-ка! А как насчет кодового слова, при помощи которого она пыталась проникнуть в компьютер? Рашид!

Откуда она узнала это имя? Ведь это одно из тайных имен императора! Пойндекс?

Возможно. Но только если он тайно присоединился к врагу некоторое время назад. Кроме того, откуда это имя может быть известно Пойндексу?

Нет. Весьма сомнительно. И так же маловероятно, что Пойндекс стал двойным агентом. Он мошка. Такое поведение совсем не в его характере. Он затеял свою, невероятно сложную игру за власть, но вечный император был абсолютно уверен, что Пойндекс удовлетворил свое стремление к власти, став самым главным при императорском дворе.

А могли мятежники чем-нибудь его подкупить?

Никаких шансов, подумал император. Кроме того, Пойндекс из тех типов, что берут деньги и при этом совершенно спокойно не делают то, за что им заплатили. Вряд ли он соблазнился бы обещаниями будущих благ в случае победы мятежников.

Кроме того, существовал еще один довод за то, что Пойндекс не предавал своего императора: приказ уничтожить планеты, восставшие против империи. Если бы Пойндекс был заодно с мятежниками, он непременно предупредил бы их, и службы безопасности этих миров предприняли бы какие-нибудь шаги, чтобы обезопасить свои планеты. Разведчики утверждают, что этого не произошло. Все передачи и транспортные перевозки осуществляются как обычно.

Хорошо. Значит, Пойндекс не предатель.

Может ли император поклясться собственной жизнью в том, что это правда?

Да, может.

Следовательно, и возможность того, что Пойндекса захватили в плен, тоже отпадает. Как и то, что он выдал под пыткой все, что знал. Иначе будущие жертвы были бы предупреждены.

Очень, очень хорошо!

Император позволил себе выпить еще виски.

Когда он наполнял стакан, ему в голову пришла новая идея. Рука задрожала сильнее, и он пролил немного виски. А потом с такой силой стукнул бутылкой по столу, что в разные стороны полетели осколки. На столе растеклась большая лужа.

Император этого даже не заметил. Как и того, что в ладони застрял кусочек стекла.

Особняк Шахрияров! Его тайное убежище!

Что произошло бы в самом худшем случае, если бы тот агент добился успеха? Этой женщине не удалось проникнуть в компьютер, но она могла что-то узнать.

Там находится передатчик направленного сигнала. Сам по себе он ничего не значит. Однако в особняке есть еще один ключ, который мог обнаружить враг. И этот ключ приведет его к одной из промежуточных станций АМ-2.

А оттуда мятежники с легкостью отыщут Альва-сектор.

«Да ладно тебе, — рассердился сам на себя император. — Какие глупости. Это все предположения. Профессионалов такого высокого класса в империи просто нет. Кто мог бы...»

Внутри у императора все сжалось.

Стэн мог выкинуть подобную штуку!

Да. Сам или спланировать операцию, чтобы ее выполнил кто-нибудь из его опытных приятелей. Алекс Килгур, например. Или эта женщина, которая выросла среди бхоров... Как ее зовут?

Может быть, это она была в особняке?

Нет. Просто смешно.

Смешно?

Но...

Стэн был самым лучшим из всех, кто когда-либо находился у него на службе. Ему даже удалось превзойти в мастерстве старого вояку и шпиона Яна Махони. Когда Стэн стал врагом императора, то много раз доказывал, что он очень способный полководец.

Кроме того, Стэн с легкостью мог проникнуть в Арундель. Верно.

Но Стэн умер, разве не так? Безумие в этом сомневаться.

Безумие?

Императору стало нехорошо. Его затошнило. Какие есть доказательства того, что Стэн умер? Ни тела, ни свидетелей...

Да. Но, учитывая все обстоятельства, он не должен был спастись.

Не должен был?

Императора вдруг зазнобило. Ему стало страшно. Неожиданно он понял, что его попытка покончить со Стэном провалилась.

Стэн жив.

Император сделал глубокий вдох. Что следует по этому поводу предпринять?

Впервые за время своего долгого правления вечный император не знал, что делать дальше.

Книга пятая

Эндишпиль

Глава 38

— На всех системах зеленый свет. Входим через двадцать секунд.

В жизни каждого разумного существа бывают моменты, когда в призрачном мире, находящемся между решением и самим действием, необходимость входит в столкновение с желанием жить. Иногда выбор совсем прост — между ложью и правдой, несущей смерть. Временами приходится выбирать между страданиями многих и моральными или юридическими обязательствами перед несколькими близкими тебе людьми. Теологи называют это явление «свободой воли». Научного определения не существует, хотя медики могут с абсолютной точностью сказать, какое влияние оказывает внутренняя борьба на живых существ.

У людей гормоны и адреналин выплескиваются в организм. Сердце и легкие начинают работать быстрее. Давление и температура поднимаются. Уровень кислорода в крови повышается, особенно в мозгу и мышцах. Клетки, в чью функцию входит сражаться с инфекциями, готовят свое оружие, которое поможет им справиться с нападением. В критических ситуациях органы, отвечающие за очистку организма, начинают действовать — для снижения возможности заражения, если в тело проникнут какие-нибудь вредные для него вещества. Кожа уплотняется, становится более жесткой и гладкой. Потовые железы активизируются, поры раскрываются, система охлаждения организма приходит в полную боевую готовность. Пот также выполняет функцию смазки соединений между конечностями и туловищем. У мужчин напрягается мошонка...

Так утверждает наука.

Стэн сказал бы, что это самый настоящий животный страх, и больше ничего.

Он скорчился в одиночестве на маленьком командном мостике тактического корабля и не сводил глаз с монитора. Огненный кос-

мический дождь — Стэн в жизни не видел ничего похожего на Альва-сектор.

Механический голос корабельного компьютера повторил:

— Входим через десять секунд...

Холодный математический ум Стэна — другой стороной которого является восхищение прекрасным и поэзией — признавал неповторимую красоту разворачивающегося перед его глазами зрелища. Чудо дисгармонии, возникшее при столкновении могущественных сил в том месте, где соприкасались две вселенные. Но душа Стэна не видела ничего, кроме ворот, ведущих в ад.

— Входим через девять секунд.

Стэн наблюдал за маленькой кометой, которая неслась в сторону разрыва континуума. Вспыхнула от прикосновения ослепительных искр. Оказалась окутанной ими, взорвалась с такой силой, что изображение на мониторе пошло белыми всполохами.

Стэн заставил себя успокоиться, проник в самые глубины своего существа и ухватил страх за глотку. Затем стал внимательно разглядывать его, осветив доводами рассудка.

— Входим через восемь секунд, — бормотал компьютер.

Стэн не боялся, что ему грозит та же участь, что постигла несчастную комету. Ну... если быть до конца честным... немного он все-таки боялся. Тактический корабль — так же как и все, что могло оказаться под воздействием необработанных античастиц другой вселенной, — во время короткой остановки на Ви был покрыт пластинами из империума-Х; огромные залежи этого вещества находились как раз неподалеку от созвездия Волка.

Теоретически Стэн сможет проскользнуть в другую вселенную без какого-либо ущерба для себя. Он уже посылал туда зонд, тот вернулся в целости и сохранности.

Следовательно... чего он боится? Что император поставил там какую-нибудь ловушку? Собак, которых тот мог посадить сторожить свое сокровище? Нет. Стэн знал, что здесь он встретит отчаянное и очень хитро продуманное сопротивление. Но с этими «собаками» он уже успешно справлялся в прошлом, наверняка справится и сейчас.

— Семь секунд...

Тогда в чем дело? Стэн послал свое сознание вслед за зондом. Попытался представить себя на другой стороне. В совершенно иной реальности. Ему навстречу поднялось злобное существо с окровавленной мордой. Его там не ждут. Он там чужой. Все — каждая, самая крошечная частичка — его враг. Даже в воображении он чувствовал силу чужой ненависти.

И он окажется там... совершенно один.

Он будет более одинок, чем любое другое человеческое существо. За одним исключением.

Вечный император.

— Шесть секунд...

Страх становился сильнее от мысли, что можно отказаться от этого безумного поступка. Несчастный трус, живущий в душе Стэна, забрался в самую дальнюю, темную ямку и принялся жалобно скулить. Умолял отказаться от этой затеи. Ну почему обязательно Стэн должен брать на себя такие ужасные вещи? Пусть кто-нибудь другой... А если никто не захочет, ну и черт с ним совсем. Он же может убежать и спрятаться в таком месте, где император никогда в жизни его не отыщет. А если и выследит, Стэн встретится с ним на более привычной территории. Ну и пусть их мятеж потерпит поражение. Ну и что с того, что все обречены?

Они могут умереть. И он может умереть.

Тогда ему, по крайней мере, не придется лететь в это кошмарное место. Нужно только нажать на кнопку и все отменить.

— Пять секунд...

Рука Стэна лежала совсем рядом со спасительной кнопкой. Ледяная и влажная.

— Четыре секунды...

Нажми на кнопку и больше не услышишь этого мерзкого механического голоса.

— Три секунды...

Несчастный трус завопил: «По-моему, уже поздно!»

Стэн сжал пальцы.

— Две секунды...

Неожиданно он услышал голос Махони: «Сожми кулак, приятель. И врежь ему как следует!»

— Одна секунда...

Пальцы Стэна побелели от усилия. Он изо всех сил сражался с ужасом.

— Начинаем входить.

Стэн не сводил глаз с монитора, а его тактический корабль мчался вперед к вратам ада.

такой маленький...

жалкий и маленький...

и все хотят...

убить меня.

я не хочу здесь умирать...

пожалуйста.

никто меня не знает...

здесь.

никому...

нет дела.

*мои глаза...
жжет.
я чувствую разные цвета на...
языке.
кто-то...
кто-то смотрит.
где?
я боюсь.
где он?
вон там.
кто он?
я боюсь.
кто он?
я не знаю.
он следит...
а... я...
такой маленький.*

Стэна вырвало. Он приготовил ведро заранее, поставив его рядом с собой. Достал влажное, освежающее полотенце, вытер лицо и шею. Прополоскал рот стреггом и сплюнул в ведро. Затем поднес бутылку к губам и сделал большой глоток. Стрегг вскипел у него в желудке. Стэн сделал еще один глоток. Почувствовал, как обожгло внутренности. Ощущение было теплым, уютным и очень родным. Словно ты оказался рядом с пылающим камином.

Стэн встал с кресла и попытался немного размяться. Почувствовал, что мышцы приходят в норму, а кровь побежала по жилам быстрее. Тогда он сделал полный комплекс зарядки, который выучил в спецотряде богомоллов. Полчаса головокружительного движения, напоминающего сложнейшие балетные па.

После этого он принял душ — такой горячий, что чуть в нем не сварился. Затем включил ледяную воду, отчего сердце у него забилося быстрее и кровь запела в жилах. Надел чистый комбинезон, сварил кофе и направился назад на капитанский мостик с чашкой дымящегося напитка в руке.

Спокойно посмотрел на данные сенсоров, выведенные на монитор. Контрольный модуль моргал и бормотал что-то неразборчивое, когда компьютер запускал в него данные. Время от времени вспыхивал красный огонек, если попадалось что-то уж слишком сложное. Отлично. Стэн сделал глоток кофе. Чувствовал себя совершенно нормально.

Через несколько мгновений компьютер закончит оценивать обстановку. Будут определены основные законы этой вселенной. Ко-

рабелльные системы начнут существовать в новой реальности. И тогда Стэну больше не придется действовать вслепую.

Он уселся поудобнее в кресло и принялся ждать, продолжая пить кофе маленькими глоточками. Он ни о чем не думал, только механически следил за потоком цифр, беспрерывно сменяющих друг друга. Понять что-нибудь не представлялось возможным.

Стэн пытался найти свое место в новой вселенной. Действовал он единственно возможным способом — рутинным. Старый солдатский трюк. Им пользовались в тех случаях, когда приходилось иметь дело с чем-то постоянно меняющимся. Как бы далеко вы ни находились от дома, каким бы фантастичным ни оказывалось ваше окружение, следовало установить некий порядок. Рутинка. Мелкие детали. Знакомые действия. Заниматься собой. Чашка сладкого, горячего кофе в начале вахты. И спокойное, отстраненное отношение к задаче, которую следует решить.

А потом оставалось лишь закатать рукава и приняться за дело, сохраняя уверенность в том, что ты должен как следует постараться. Куда более сложные задачи легли на плечи твоих умелых командиров. Делай свою работу и не высовывайся.

Стэн откинулся на спинку кресла и постарался расслабиться. Он нашел то, что искал. Остается заселить это место.

Он улыбнулся, подумав о Синд. О теплых руках, которые обнимут его, когда он, решив задачу, вернется домой. Как ему будет уютно в ее объятиях. И острый ум Синд — она всегда находила возможность обойти проблему, которая ставила его в тупик.

Килгур. Добрый старый друг и товарищ по оружию. Такого человека хорошо иметь рядом. Если Синд с чем-то и не сумеет справиться, хитрый шотландец обязательно что-нибудь придумает.

После них Стэн пригласил Ото и бхоров. Когда развернутым маршем мимо него прошли гурки, он поаплодировал им. Потом Марр и Сенн. Хейнз и Сэмюэль. И другие его друзья и верные соратники.

Скоро они все соберутся в его воображении. Начнут обмениваться шутками. Похлопывать его по плечу. Пожимать руку или целовать.

Компьютер что-то провершал и смолк. Стэн бросил взгляд на экран, «готов», — сообщала мигающая надпись.

Последний глоток кофе... Потом его пальцы заскользили по клавиатуре. Он отдал команду.

Посмотрел на главный монитор. Темнота на нем начала уступать место свету.

Стэн наклонился вперед, ему не терпелось взглянуть на иную вселенную.

Теперь он ее не боялся. Потому что больше не был одинок.

Нашел!

Зал славы императора!

Размеры операции казались больше и одновременно меньше, чем он себе представлял.

Огромные танкеры с АМ-2 входили и выходили из кучи мусора, бывшего когда-то разрушенной планетой. Зонды показали, что посреди этого мусора — крошечных лун или погибших планетоидов — находились добывающие машины, они обрабатывали вещество, из которого состояла эта вселенная. Маленькие шаттлы, груженные рудой, сновали между танкерами. Как только грузовые отсеки танкера наполнялись до отказа, он трогался в путь — в другую вселенную, а потом обратно.

Сложная система, работающая в автоматическом режиме. Именно таким образом властитель и обеспечивал уникальным топливом свою империю.

С одной стороны, Стэн был разочарован размерами операции, когда сравнивал ее с гигантскими рудниками, которые ему не раз приходилось видеть во время путешествий. Это место вполне поместилось бы в небольшом уголке какого-нибудь комплекса. А ведь скромный «рудник» оказывает колоссальное влияние на цивилизацию в течение уже многих сотен лет. Просто потрясающе. Целая империя основана на одной маленькой частице чужой вселенной.

А еще на Стэна произвел впечатление возраст кораблей и механизмов. Все работало прекрасно, так, словно оборудование только что сошло с конвейера. Однако конструкции были такими устаревшими, что любой музей с радостью взял бы их в качестве экспонатов. Массивные, неуклюжие, с острыми краями и множеством движущихся частей.

Но самое удивительное — удивительнее всего остального — в него еще не произведено ни единого выстрела!

Стэн аккуратно провел свой тактический корабль мимо танкера и полетел дальше.

Заметив рудник, Стэн постарался соблюдать максимальную осторожность. Он отключил тягу двигателя, усилил экранирование на всех частотах, перевел сенсоры в пассивный режим и все внутренние операции снизил до минимума. Затем постарался как можно незаметнее «заползти» внутрь. Кажется, его не засек ни один сенсор противника. И никаких сигналов тревоги при приближении чужого корабля!

Почувствовав себя немного увереннее, Стэн снял защитные экраны и начал активный поиск. Никакой реакции. Тогда он вылетел на открытое пространство — все пушки маленького кораблика наготове. Но роботы, не обращая на него ни малейшего внимания, продолжали заниматься своим делом. В высшей степени странно. Почему император никого не оставил стеречь сокровища?

Возможно, был совершенно уверен: никто их не найдет. В конце концов, он ведь спрятал свой клад в другой вселенной. До недавнего времени никто не верил, что подобная вселенная существует. Она просто *не могла* существовать.

Стэн, нахмурившись, смотрел на экран монитора, где один за другим проносились небольшие астероиды. Голова его теперь была занята другими проблемами... Ладно. Будем считать, что император рассуждал именно так.

Хотя, если бы Стэн устроил здесь свое убежище — и не важно, что его было бы невозможно обнаружить, — он бы позаботился о том, чтобы расставить ловушки. Стэн проходил подготовку в отряде богомолов. А такое не забывается. Никогда. Нельзя рассчитывать на случайность.

Он подумал о том, как устроен разум императора, и почувствовал, что начинает успокаиваться. Совсем не сложно: императору нравятся простые решения. Чем проще, тем ниже вероятность ошибки.

Стэн сделал большой шаг вперед в оценке ситуации. Простой системой можно управлять из одного места. Из чего следует, что с большой степенью вероятности весь рудник управляется из одного командного центра. Следующий шаг... Скорее всего, властитель разместит в командном центре и жилые помещения. Они не займут много места. Стэн не сомневался, что император всегда прилетает сюда один. Ни одному живому существу он не может доверить свой секрет.

Ну что ж, прекрасно. Теперь для того, чтобы остановить поставку АМ-2 в империю, достаточно найти командный центр и взорвать его.

И будь проклят вечный император!

Большой белый корабль занимал почти весь экран. Он был старше сказок о привидениях, которые рассказывал отец Стэна. Космическая пыль толстым слоем покрывала его архаические очертания. Стэн заметил датчики сенсоров и антенны, которые видел лишь на пожелтевших страницах старых книг. И другие приспособления — их назначения он вспомнить не смог. Однако без труда узнал оружейные порты. Устаревшие или нет, сомнений они не оставляли. Вечный император все-таки не забыл про охрану. Самым странным Стэну показалось то, что все порты были запечатаны.

Он продолжал держать руку на кнопке. Стоит нажать ее, и два «Гоблина» помчатся в сторону корабля. Малейшая угроза, и он отправит белый корабль в ад, если только ад в этой вселенной существует. Удалось ли ему найти то, что он искал? Действительно ли это командный центр? Главное убежище императора?

Стэн осторожно прощупал корабль сенсорами. Внутри есть атмосфера. Системы корабля продолжают функционировать. Однако никаких следов разумной жизни найти не удалось.

Стэн вздохнул, в тысячный раз пожалев, что не смог прилететь сюда на «Победе» со всей командой. При помощи сложнейшей сенсорной системы «Победы» и профессионализма команды он сумел бы выяснить, из чего состоит белый корабль, вплоть до последнего атома.

Он предполагал, что цель достигнута. Однако полной уверенности у него не было. Придется подняться на борт корабля и все там разведать.

Стэн некоторое время изучал белый корабль, разыскивая входной люк. Он сразу отбросил мысль о том, чтобы состыковать корабли или использовать один из основных входных портов. Император любит простые решения. Поставить мину совсем не трудно. Ну, скажем, у главного стыковочного люка.

Стэн чуть не пропустил отверстие рядом с машинным отделением. Немного повозившись с клавиатурой, он добился того, что отверстие заняло почти весь экран монитора. Похоже на след метеорита. Довольно свежий, не больше нескольких лет. Видимо, произошло соударение с частицей АМ-2, взрыв повредил внешнюю обшивку.

«Интересно, — подумал Стэн, — насколько серьезен урон, который понес корабль? Может быть, именно из-за этого закрыты оружейные порты? И вообще, каково назначение этого корабля?»

Удача все еще сопутствовала ему. Балбес Ото любит приговаривать, что существует три вида удачи: дурная, слепая и плохая. Для Стэна пока срабатывал первый вариант.

Он внимательно изучил дыру. Похоже, и в самом деле повезло — сквозь это отверстие можно проникнуть внутрь корабля.

Добраться до него совсем не трудно. Алекс и Ото успели сделать для Стэна космический скафандр, полностью покрытый империумом-Х. Так что если в него и ударит частичка АМ-2, ничего страшного не произойдет.

Стэн начал собирать все, что могло ему пригодиться. Мысленно прикинул размер заряда, который придется заложить, чтобы взорвать корабль, если он действительно окажется командным центром императора.

Нужно прихватить с собой взрывное устройство с таймером на один или два часа. Никаких проблем. Вот только — куда положить эту штуку? Как пронести ее на корабль? На руках, что ли? Как маленького ребеночка?

Потом Стэн вспомнил про рюкзак, который Килгур обработал империумом-Х. У них оставалось мало времени, и Стэну начало изменять терпение.

— А это еще что за чертовщина? — спросил он. — Мне ее на голову нацепить, когда начнется стрельба?

— Кто знает, что тебе может понадобиться, юноша,— ответил Алекс,— когда ты там окажешься.

Стэн посчитал, что лучше с ним не спорить.

Теперь благодаря Алексу у него было куда положить взрывчатку. Слепая удача в чистом виде.

Вторая по счету в списке Ото.

Он ею воспользуется. Никаких проблем.

Стэн парил в безумной вселенной, не обращая внимания на разноцветное свечение, которое видел сквозь стекло шлема. Управлять своим полетом ему удавалось, ориентируясь на инерционную систему отсчета скафандра.

Удача по-прежнему не покидала его, и он добрался до белого корабля без каких-либо происшествий. Потребовалось двадцать минут на то, чтобы расширить отверстие и проникнуть внутрь вместе со своим багажом. Оказавшись на корабле, Стэн пришел в некоторое замешательство. Корабль был слишком древним, и Стэн плохо ориентировался в нем. Он закрепил свои ботинки на рабочей платформе, в углублении под обшивкой корабля, и осмотрелся. Осветил фонариком отверстия нескольких шахт, выходивших на платформу.

Стэн выбрал шахту, которая, по его мнению, вела в машинное отделение. Больше ничего не нужно. Остальные размышления он отложит на потом, когда длинными ночами станет философствовать с друзьями за стаканчиком спиртного.

Стэн двинулся в путь. Поплыл вверх, в темноту, изящно перемещаясь в пространстве, несмотря на тяжелый рюкзак со взрывчаткой на спине.

Машинное отделение было в полном беспорядке. Искореженный металл и провода указывали на прямое попадание метеорита. Атмосфера давно успела улетучиться. Однако сила тяжести существовала — Стэн прочно стоял на ногах, хотя и не включал магниты на ботинках. Никакой опасности. Никаких признаков защитной системы, следящей за появлением врагов.

Очевидно, в результате столкновения с метеоритом АМ-2 соединилась с противоположными частицами, и произошел взрыв, который лишь повредил корабль. Таким образом, функции корабля были сведены к минимуму, что, по всей вероятности, включало управление добычей и транспортировкой АМ-2. Если, конечно, предположить, что это действительно командный центр императора.

Корабль, по-видимому, был в состоянии производить ремонт, но экономил энергию, необходимую для поддержания жизнедеятельности рудника. Иными словами, Стэн думал, что у корабля хватало проблем и без ремонта.

Неожиданно ему пришла в голову мысль, что повреждения, нанесенные кораблю, могли быть причиной того, что сейчас происходит с императором.

Как говорила Хейнз? Император тот же. Но не совсем. Такой же, но другой.

Может быть, метеорит нарушил какой-то план. Что-то...

Он покачал головой. Бессмысленные рассуждения. На эту тему тоже можно будет поговорить с друзьями, потом.

Стэн пошел вперед.

Скользнул по коридору, чувствуя, как его охватывает благоговение — таким невероятно сложным был белый корабль. Теперь, когда Стэн отошел на некоторое расстояние от зоны повреждения, давление и температура внутри стали совершенно нормальными. Он снял шлем и перчатки и прикрепил их к скафандру. С удовольствием сделал несколько глубоких вдохов.

Воздух был свежим, с каким-то немного резким привкусом. Сосна? Похоже. Или что-то вроде того.

Это императорский корабль, точно. Властелин империи просто обожает дикую природу.

Стэн шагал по главному коридору, который выбрал потому, что он был больше других, а посередине шла голубая линия. Везде виднелись ответвляющиеся, более узкие коридоры. И двери. Много дверей.

Некоторые из них вели в помещения, где не было ничего, кроме проводов и электронного оборудования. За другими хранились детали и приборы самого разного назначения. Была даже мастерская для ремонта роботов, обслуживающих корабль.

Стэн отошел в сторону, когда один из них промчался мимо, размахивая паяльной лампой.

Коридор неожиданно вывел Стэна в помещение с высокими потолками.

Огромная гидропоническая ферма. Здесь было полно экзотических растений, фруктов и овощей.

Все то, что любил император.

Стэн продолжал идти вдоль голубой линии, пока снова не оказался в коридоре.

И вскоре попал в большую комнату. Пахло антисептиками и чистотой. Вдоль стен на полках стояли длинные ряды сосудов, наполненных незнакомыми жидкостями. Освещение в комнате было непривычно ярким... Стэн вдруг обнаружил, что ему стало жарко. Он заметил металлические столы и множество хирургических инструментов, явно предназначенных для медицинских роботов. Стэн почувствовал некоторую неуверенность. И двинулся дальше.

Командная рубка корабля. Все здесь забито сильно устаревшим оборудованием, которое, однако, работает безупречно, словно корабль отправился в свой первый рейс.

Теперь Стэн не сомневался. Именно здесь находится командный центр императора. Его убежище. Стоит взорвать этот корабль, и поставки АМ-2 прекратятся.

Он снял с плеч рюкзак со взрывчаткой и положил его на пол рядом с кондиционером. Затем с любопытством огляделся по сторонам. Ведь все здесь сделано самим императором. В действительности Стэн прекрасно понимал, что не в состоянии по достоинству оценить уровень сложности этих механизмов. Как ему удалось?

Проклятье! Как все это началось?

Тут Стэн заметил еще одну дверь. На ней была надпись: «БИБЛИОТЕКА». Может быть, ответ удастся найти там. Ключ к тайне императора.

Он пошел по коридору по направлению к двери. С тихим шипением дверь открылась. Стэн вошел внутрь.

И с некоторым удивлением обнаружил, что здесь нет ни стоек с микрофишами, ни полок с книгами. Просто несколько столов и стулья. Неужели это действительно библиотека?

Из-за его спины послышался голос.

— Шах,— сказал вечный император.

Глава 39

— Ну, правила тебе известны,— проговорил вечный император.— Не делай никаких движений. Резких или медленных.

Он говорил небрежно. Уверенно. Однако Стэн не совершил ошибки, посчитав, что император слишком уверен в себе. Он стоял совершенно неподвижно.

— Так... Снимай скафандр. Не спеша, пожалуйста.

Стэн протянул руки к застежкам. Через мгновение скафандр упал к его ногам. Теперь на нем был лишь обычный комбинезон.

— Отбрось его ногой,— приказал император.— Как следует, если тебе не трудно.

Стэн лягнул скафандр, и тот отлетел в угол.

— Отойди к дальнему концу комнаты,— отдал новый приказ император.

Стэн отошел. Замер, только когда коснулся носом стены.

— Теперь можешь повернуться,— бросил император.

Стэн повернулся. Его прежний босс стоял, опираясь о краешек стола, с довольной улыбкой на лице. Пистолет в руке направлен на Стэна.

— Рад тебя видеть, — сказал император. — Некоторое время мне даже казалось, что ты не придешь.

Свободной рукой он потянулся к бутылке виски, стоявшей на подносе. Не сводя глаз со Стэна, налил себе немного в стакан.

— Извини, что не предлагаю тебе выпить, — спокойно проговорил император. — Думаю, ты понимаешь причины моего бестактного поведения.

Он сделал несколько больших глотков.

Стэн понимал. Если у него появится хоть малейший шанс, любой предмет может превратиться в страшное оружие. Вполне подойдет листок бумаги. А уж стакан и того лучше. В тот самый момент, когда Стэн услышал голос императора, им полностью овладели инстинкты, которые он приобрел, проходя подготовку в спецотряде богомоллов. Дыхание и пульс успокоились. Мышцы расслаблены, но он готов к прыжку в любой момент. Внимание полностью сосредоточено. Стэн контролировал каждый предмет в комнате. Его глаза постоянно измеряли расстояние до императора. Немножко далековато. Но возможно.

Стэн не понимал, почему он все еще жив. Его это не слишком беспокоило. Он знал, что постарается сделать все, чтобы не переходить в иное состояние.

— Я полагаю, ты понимаешь, — заявил император, — что тебе придется сказать, кому еще известно про это место.

Стэн пожал плечами, но промолчал.

— Я не собираюсь пытаться тебя, — сообщил император. — Из уважения к нашим прошлым отношениям. Кроме того, у меня есть отличное устройство для сканирования мозга. Правда, оно немножко устарело. Не всегда правильно обращается с живыми клетками. — Он сделал еще пару глотков. — А так тебе не о чем беспокоиться. Если оно и превратит тебя в бессмысленное существо... ты все равно не долго будешь оставаться в живых.

— Мои поздравления, — сказал Стэн. — Похоже, вы все продумали.

Император ухмыльнулся.

— Ага, теперь ты обходишься без «вашего величества»? Никакого уважительного обращения к прежнему боссу?

— Ну, от этой привычки было легко отвыкнуть, — ответил Стэн. — Когда пропало уважение.

— Нет никакой необходимости в дешевых оскорблениях, — заметил император.

— А я не собирался наносить вам оскорбление. Просто констатировал факт. Очень скромно.

Император рассмеялся.

— Ты не поверишь, но я и вправду по тебе скучал,— признался он.— Даже не представляешь, какие занудные и бездарные люди меня окружают!

— Да, я слышал. В особенности тот тип — забыл, как его зовут? — который командует ребятами из ВБ.

— Пойндекс,— ответил император.— Его звали Пойндекс. Кстати, спасибо за помощь. Я все не мог придумать, как лучше от него избавиться.

— Не стоит благодарности. Непременно передам Килгуру, что вы им довольны.

— Насколько я понимаю,— сказал император,— ты готов мне подыграть. Хочешь оттянуть неизбежное, подождать, пока предоставится подходящий шанс?

Стэн промолчал.

— Если тебе доставляют удовольствие подобные размышления — ради бога. А пока... не хочешь похвалить мои изобретения? — Властитель повел в воздухе свободной рукой, имея в виду белый корабль и все остальное.— В конце концов, я потратил на это немало времени и сил.

— И в самом деле здорово,— сухо признал Стэн.— Жаль только, что в корабль угодил метеорит.

Император нахмурился.

— Вероятность не превышала одну триллионную,— заявил он.— Я скоро устраню неисправность.— Однако впервые в его голосе послышалось напряжение.

Видимо, именно здесь его слабое место.

— Значит, беспорядки начались из-за этого? — не отставал Стэн.

— На самом деле нет,— ответил император.— Конечно, некоторые трудности возникли. Однако в целом все только к лучшему.

— Теперь вы собой вполне довольны? — попытался угадать Стэн.

— Да. Именно. Определенные... слабости. С ними пришлось покончить.

— Вроде бомбы в животе? — пустил Стэн новый снаряд.

Император явно удивился. Однако быстро овладел собой и рассмеялся.

— Значит, и об этом догадался?

— Это было не так уж трудно,— доверительно сообщил Стэн.— Можете еще раз поблагодарить Килгура.— Он пристально посмотрел на императора.— Точно так же не трудно дойти и до всего остального. Конечно, Махони нам очень помог. Ян про вас немало всего знал.

— Мне его не хватает,— тихо произнес император.

— Могу спорить, вам не хватает очень многих людей,— саркастически заметил Стэн.

Тут император сумел удивить Стэна.

— Да,— не стал он спорить.— Да, не хватает. В особенности Махони. Он был моим другом.— На лице императора появилось странное выражение.— Когда-то... я и тебя считал своим другом.

Стэн расхохотался.

— Вы неплохо разбираетесь со своими друзьями,— презрительно бросил он.— Составляете из них список приговоренных к смерти, а потом расставляете порядковые номера.

Император вздохнул.

— Быть императором гораздо труднее, чем ты думаешь. Мне приходится жить совсем по особым правилам.

— Да уж, знаю,— заверил его Стэн.— Большая картина. Взгляд в будущее. Странное дело, когда подобные рассуждения исходили от вас, я в них верил. Во всяком случае, не ставил под сомнение.

— В действительности нет никакой другой возможности управлять империей,— заявил император.— Я это делал для всеобщего блага. Некоторым приходилось страдать, верно. Но жизнь состоит из страданий. И все же, если посмотреть на мое правление в течение нескольких тысяч лет, хороших моментов было намного больше, чем плохих.

Он глотнул виски и поставил стакан на место.

— Ты бы видел, как обстояли дела до того, как я...

— До того, как вы нашли АМ-два? — спросил Стэн.

— Да. До того. Ты бы видел этих слабоумных, полумертвых креатинов, которые всем управляли. Проклятье, если бы не я, наша цивилизация состояла бы из нескольких звезд и планетарных систем.

— Верю вам на слово.— Стэн пожал плечами.

Император немного помолчал, внимательно разглядывая своего противника.

— Ты ведь думаешь, что я спятил? Ну давай, скажи. Меня это не оскорбит.

Стэна совершенно не беспокоило, оскорбят его слова императора или нет.

— Я не думаю, я знаю!

— Возможно, так оно и было...— неожиданно согласился император.— Но не теперь. С тех пор, как метеорит благословил этот корабль. Как только я... узнал... я понял: что-то изменилось. Сильно изменилось! По большому счету.

— Изменилось по сравнению со старой моделью? — предположил Стэн, вспомнив комнату со странными сосудами и хирургическим оборудованием.

— Наверное, можно сказать и так,— согласился император.— Цепь была разорвана. Пришло время все начать заново. Со свежими идеями. Построить новый порядок. Конечно, понадобились жертвы. Нельзя ничего добиться без жертв.

— До тех пор, пока вам не приходится приносить в жертву себя,— кивнул Стэн.

— Неужели ты и в самом деле так думаешь? Ты и в самом деле думаешь, что я сам не страдал?

— Тот тип, который нажимает на спусковой крючок,— произнес Стэн, указывая на пистолет,— никогда не страдает так, как человек, находящийся по другую сторону дула.

— Ты циничен.— Император рассмеялся.— Ты слишком долго находился рядом со мной. Но факты есть факты. Мой предшественник превратил империю в самый натуральный дерьмовник. Для начала он позволил таанцам отбиться от рук. А Тайный совет! Как этот кретин мог допустить, чтобы такие глупцы получили столько власти? Я же говорил тебе, это было проявлением слабости. Он позволил империи разжиреть. Потерял осторожность... Пришло время подтянуть пояса. Империю ведь ничем не отличается от любого другого бизнеса. Законы капитализма утверждают, что периодически миру необходима хорошая встряска.

— Однако лидеры большого бизнеса никогда не объявляют себя богами,— заметил Стэн.

Император фыркнул.

— Не будь дураком! Мой облик слишком примелькался. Требовалось навести новый глянец. Кроме того, существует давнишняя традиция царствования по божественному праву.

— Значит, вы и в самом деле считаете себя богом?

Император пожал плечами.

— Может быть, да. А может быть, и нет. Во всяком случае, когда я в последний раз интересовался технической стороной этого вопроса, мне сказали, что бессмертие отлично подходит под определение божественности.

— Боги не вылезают из лабораторной реторты,— заявил Стэн.

— В самом деле? Возможно, меня неправильно информировали. Ну, учитывая, что тебе посчастливилось встретить великое множество богов, склоняю голову перед твоим обширным опытом.— Император сделал очередной глоток, затем поставил стакан обратно на поднос.— Обещаю, что дела обязательно пойдут лучше. Можешь этим утешаться,— продолжал властитель,— хотя ты все равно так долго не проживешь.

— Лучше, чем что? — прорычал Стэн.— Вы просто новая морщина на старом уродливом лице. И ради этого лица я раньше времени загнал в могилу многих молодых парней. Проклятье, я целые поля превратил в кладбища! Ради чего? Двадцати, тридцати столетий лжи? Вам нравится думать о себе как об уникальной личности. Величайший император самой великой империи всех времен!.. Ну а с точки зрения простого смертного вроде меня, которому суждено

прожить всего несколько десятилетий, вы ничем не лучше любого другого тирана.

— Меня очень возбуждает этот разговор, — сказал вечный император. — Прошло много времени с тех пор, как я последний раз получал такое удовольствие. Как бы мне хотелось, чтобы существовала другая такая же возможность. Я действительно очень сожалею.

Он поднял пистолет. Стэн почувствовал, как его сознание отчаянно заметалось в поисках выхода. А как же сканирование мозга? Он рассчитывал, что у него еще есть время.

— Слишком рискованно, — заявил император, — переводить тебя в другое помещение. Поэтому, чтобы ничего не сорвалось, придется принести кое-какие жертвы... покончить с тобой сейчас.

Палец на спусковом крючке напрягся.

В этот момент послышался незнакомый голос:

— Приказываю обоим организмам на борту корабля не двигаться.

Стэн совершенно обалдел. Что, черт возьми, происходит? Он увидел, что на лице императора застыло удивление... и страх. Но пистолет в руке не дрогнул.

— Анализ побуждений и намерений двух организмов завершен, — продолжал странный голос.

Должно быть, говорил командный центр корабля. Судейская машина императора.

— Директива Первичного организма, разрешающая присутствие чужака, признана ложной. Чужак представляет опасность. Это враг. Его следует уничтожить.

«Отлично, — мрачно подумал Стэн. — Погибнуть от пули или быть убитым кораблем. Какая разница?»

— Первичный организм тоже признан виновным, — заявил голос корабля. — Его тоже следует уничтожить.

Император даже вздрогнул от неожиданности. Рука с пистолетом опустилась. Стэн получил первый и последний шанс.

Он прыгнул на императора.

Глава 40

Стэн нырнул вниз, задел плечом палубу и перекатился в сторону как раз в тот момент, когда заряд АМ-2 проделал дыру в том месте, где он находился еще мгновение назад. Ударил вечного императора ногами. Падая, властитель попытался еще раз выстрелить, но Стэн, извернувшись, успел ударить его по руке, и пистолет оказался на полу. Император потерял равновесие, хотя уже в следующее мгновение твердо встал на ноги и даже успел поставить блок — нож Стэна скользнул в ладонь, и он нанес удар. Теперь уже пришел

черед Стэна отскочить назад, после того как его рука с кинжалом наткнулась на защиту.

Стэн согнул ноги в коленях и сделал новый выпад. Император прыгнул вперед и в сторону, перекатился через стол и снова оказался на ногах.

Ложное движение... выпад...

Император двумя руками сверху ударил по столу. Пластик треснул, в разные стороны полетели осколки. Нож Стэна метнулся вперед, и по предплечью императора потекла кровь.

Император отшатнулся, но теперь в его руке был зажат острый как бритва, длиной почти в сорок сантиметров осколок столешницы. Он держал его возле правого бедра. Стэн рискнул отвести взгляд от глаз императора. Он заметил, что властитель держит свое оружие между большим и указательным пальцами, как опытный боец на ножах.

Шорох ног — противники короткими перебежками меняли позицию, пытаясь обойти друг друга с фланга.

Стэн сообразил, что император пытается подобраться к определенному месту... ага, ясно. Пистолет. Император сделал резкий выпад, Стэн уклонился, избежал острого конца, нанес встречный удар, не попал, снова занял исходную стойку.

Глаза императора сверкнули, выдав его намерения, и руки Стэна уже не было там, где она находилась доли секунды назад. «Слишком медленно,— подумал Стэн.— Ты слишком долго не вступал в настоящие поединки... Впрочем, и ты тоже, Стэн».

Он решил рискнуть и воспользовался старым трюком наемников — переброшил нож из правой руки в левую. В этот момент император его атаковал. Стэн чуть не потерял нож, проклиная себя за глупость. Он снова нанес удар, стараясь попасть по кисти императора, промахнулся, ударил еще раз, нож отсек часть пластикового оружия противника, одновременно Стэн подхватил пистолет. Император метнул свой «нож», и тот воткнулся в плечо Стэна. Пальцы на спусковом крючке сжались, пуля с АМ-2 взорвалась где-то в стороне, пистолет выпал из руки и...

Темнота.

Голос был совершенно спокойным.

— Я пришел к выводу, что чужак представляет большую опасность для выполнения моих функций, чем Первичный организм, который мною создан. Поэтому его уничтожение становится приоритетным.

Господи. Как больно. Стэн зажал кинжал в зубах и вытащил длинный осколок из плеча. Накатила волна боли. «Положи пластик на пол. Сотри кровь с пальцев. Пошупай рану. Кровотечение? Есть немного. Серьезно? Не настолько, чтобы стоило беспокоиться. Некоторое время. Боль?»

Стэн пробормотал мантру, которой научился много лет назад, когда проходил тренировку в гвардии. Его тело забыло о боли. Он распростерся на палубе. Пальцы начали медленно двигаться, нащупывая пистолет, который не мог отлететь далеко.

Пистолет упал чуть в стороне, Стэн отчетливо вспомнил, как он со стуком покатился по полу.

Послышался характерный звук, и пуля ударила в стену. Намного выше и левее. Пальцы Стэна на что-то наткнулись.

Рукоять пистолета. Проклятье. Значит, у императора есть запасной пистолет.

— Замрите,— заявил голос.— Я обнаружил чужой организм.

Ослепительно вспыхнули два луча, и Стэн дважды выстрелил. Взрыв, снова темнота. Император немножко опоздал, пуля попала туда, где Стэн находился несколько секунд назад.

«Ну ладно, сволочь»,— подумал Стэн и, сосредоточившись на той точке, откуда исходил свет, быстро выстрелил пять раз подряд, одновременно перекатившись по полу на новую позицию.

Стэн так и не узнал, стрелял ли император в ответ, потому что взревели сирены. Стэну показалось, что он слышит крик. Станный голос самого корабля? Или императора?

Клубы дыма поднялись над бушующим пламенем, отблески света заплескали на стенах. Панель начала опускаться; Стэн выстрелил, чтобы заклинить дверь.

Он бросился за императором, надеясь остановить, прежде чем тот успеет приготовить очередной сюрприз; все-таки он находится на своем корабле. Потом Стэн остановился, отругал себя за глупость и направился на поиски скафандра. Надел его, но оставил шлем и перчатки пристегнутыми к поясу. Прежде чем загерметизировать скафандр, Стэн коснулся предплечья крошечным медицинским роботом — коробочка шелкнула, в кровь введены болеутоляющие и дезинфицирующие вещества. В следующее мгновение плечо зафиксировала тугая повязка.

«Не следует торопиться. Пусть лучше он немного от меня оторвется».

— Корабль,— немного задыхаясь, проговорил Стэн, чувствуя себя полнейшим дураком.

Голос не отзывался.

Стэн положил еще две пули в самую большую дыру в стене. Снова взвыли сирены, пламя метнулось к потолку, зашипели огнетушители.

— Корабль! Я не причиню тебе вреда,— солгал Стэн.— Ты продолжишь свою миссию.

— Не принимается в рассмотрение.— Голос был лишен каких бы то ни было оттенков эмоций.— Все посторонние организмы — враги. Их следует уничтожить. Базовая программа.

«Ладно, попытайся тогда меня убить,— подумал Стэн.— Если сможешь».

Он подошел к опустившейся дверной панели и хотел было ее открыть. Остановился, ругая себя за то, что перестал соображать, поднял стул и швырнул в дверь. Выстрел, и заряд АМ-2 разнес панель на кусочки. «А ведь это мог быть ты».

Чтобы смутить противника, Стэн отбросил остатки двери в одну сторону коридора, а сам метнулся в другую. Уже собрался направиться вслед за императором, но тут ему в голову пришла новая идея.

Он вернулся в разрушенную библиотеку и, старательно прицелившись, послал один за другим пять зарядов АМ-2 в зияющую в стене дыру. Сквозь образовавшееся отверстие с неровными краями увидел другое помещение, а потом огонь и дым снова все скрыли. Оглушительно взвыли ополоумевшие сирены: «ДИ-И-ДОУ... ДИ-И-ДОУ... ДИ-И-ДОУ...»

Этот сигнал Стэн знал хорошо; корабль потерял герметичность, воздух уходит в открытый космос.

В ушах заломило. Стэн моментально надел шлем. Когда он собрался застегнуть маску, давление вновь стало нормальным. Корабль приступил к ремонту. Стэн бросился по коридору за императором; теперь защитным системам корабля некоторое время будет не до него.

Он обыскивал одну комнату за другой, но, как и прежде, не понимал, для чего они предназначены. Некоторые, совсем маленькие, были забиты оборудованием. Другие, большие, были совершенно пусты.

Именно в первой из таких больших комнат корабль и попытался убить его: генератор Маклина выключился, а когда Стэн взлетел вверх, гравитация снова включилась. Но корабль поторопился, Стэн был еще не очень высоко и сумел приземлиться прямо на ноги. Он просто так, из принципа, пальнул пару раз прямо в палубу. Вот о чем не стоило беспокоиться, так это о зарядах — в магазине содержалось пятьсот пуль с АМ-2 в оболочке из империума-Х.

В полу образовалась дыра, и Стэн заглянул вниз, на другой уровень. Быстро представил себе общий вид корабля. «Император, скорее всего, сейчас находится где-то впереди, на том уровне, так что если я сумею обойти его и напасть с другой стороны...»

Стэн спрыгнул вниз через отверстие в полу.

— Чужой организм пробрался на нижнюю палубу,— проскрежетал голос.— Идет в сторону медицинского центра.

Проклятье!.. Стэн осмотрелся, надеясь увидеть следящую за ним камеру. Ничего.

Ладно. Неудачная идея. Наверное, лучше вернуться назад. Ну-ка, попробуем. Он встал на середину прохода, так, чтобы отверстие

оказалось у него прямо над головой, и корабль поддался на уловку: гравитация исчезла, Стэн полетел вверх, в только что проделанное им отверстие. Однако он успел бросить назад гранату в тот момент, когда взлетел к самому потолку, и надежно поставил ботинок среди громождающихся обломков; гравитация вернулась, а граната взорвалась. Стэн подождал — но голос ничего не сказал о том, что он снова вернулся на прежний уровень. Неужели такой элементарный трюк сбил корабль с толку? Маловероятно.

Ну и что теперь? Император может оказаться в любом месте этого огромного корабля-полигона. Где-то должен находиться его собственный космический корабль — скорее всего, рядом со стыковочными модулями. Именно оттуда он, вероятно, начинает свой путь домой.

«Это его поле, а не твое. Ему необходимо защищать свою территорию. Следовательно, вернись к исходному плану. Только теперь ты не хочешь прекращать поставки АМ-2».

Командный центр находится — Стэн снова попытался представить себе общий план корабля — на один уровень выше. И немного сзади. «Выберем легкий путь. Не стоит беспокоиться о корабле — нельзя только появляться в больших помещениях, а так пусть меняет местами верх и низ сколько захочет. Если это худшее, на что способен корабль, бояться нечего. Интересно, почему император не построит какого-нибудь робота, который стал бы за мной гоняться, а потом взял и пристрелил?» — подумал Стэн.

Потом он сообразил, что для корабля стрельба внутри помещений была бы равносильна самоубийству. И все-таки тревога не покидала Стэна — ему казалось, что последний бастион императора должен иметь гораздо более мощную защиту.

Несколько секунд спустя корабль предпринял первую настоящую атаку. Стэн находился в длинном коридоре. Через равные промежутки на стенах располагались закрытые люки в какие-то помещения. Где-то ближе к концу коридора Стэн рассчитывал найти лестницу, ведущую в командный центр. Он услышал какой-то звук, словно тысячи замков защелкнулись одновременно. В следующий момент противоположная стена начала к нему приближаться. Стэн оглянулся — задняя стена тоже двигалась в его сторону. «Что ж, сейчас я сбегу отсюда через этот люк»... который оказался закрытым. Как и два следующих.

Стэн встал на колени, поднял пистолет двумя руками и быстро выстрелил по углам противоположной стены.

Вспышки, дым, огонь... и ничего больше. «Поршень» неумолимо приближался.

Империи-Х в качестве брони от АМ-2. Почему бы и нет? Если у тебя его достаточно...

Движущиеся стены не были порождением кошмара — скорее всего, они использовались для того, чтобы корабль мог быстро перекрыть большую пробоину. Изолировать поврежденное место, а потом послать туда роботов.

Корабль начал импровизировать, превращая свои ресурсы в грозное оружие.

Патовая ситуация. Корабль будет держать здесь Стэна до конца жизни. Тут он заметил, что дышать становится все труднее. Вероятно, перекрыт доступ кислорода в коридор. Стэн мог надеть шлем — тогда у него появилась бы возможность дышать еще шесть земных часов.

Отлично. Значит, придется выбираться тем же путем, каким он сюда проник. Стэн отошел к концу коридора, лег на пол, сжался, чтобы уменьшить поверхность тела на случай рикошетов, и один раз выстрелил в дальнюю стену.

Оглушительный взрыв, металлические осколки полетели в разные стороны. Дырка. Вовсе не отверстие, через которое можно было бы вылезти. К тому же взрыв заметно уменьшил количество кислорода. Стэн закашлялся от едкого дыма. Сколько потребуется времени, чтобы сделать пробоину в стене, даже если он загерметизирует скафандр? Неизвестно. Осколки покончат с ним гораздо раньше — тут сомневаться не приходилось.

Может, при помощи ножа он сумеет выбраться наружу? Не исключено, однако для этого потребовалось бы много времени и рычаг. Нет, ничего не получится.

Наверх, в вентиляционную шахту.

Слишком маленькая.

Пока Стэн обдумывал разные возможности, нож скользнул в руку, и он начал срезать решетку.

Проход был крошечным. Сквозь него никогда не пролезть. Стэн заглянул внутрь, касаясь лбом потолка; при этом его подбородок упирался в дно. Мало того что ширина отверстия не превышала размаха плеч, так еще и проход почти сразу поворачивал на девяносто градусов.

Ладони Стэна стали влажными от пота.

Он приказал эмоциям отключиться и быстро разделся догола. Пистолет все время держал рядом. Застрелиться, черт побери, он всегда успеет.

Повернув голову в сторону, Стэн протиснулся в шахту. Ему удалось протянуть руку вперед и нащупать на гладкой стене выступ, за который можно было ухватиться. Стэн тянул и тянул себя, а ноги бессильно болтались в коридоре. Он сумел продвинуться на три сантиметра, потом еще на три. И еще. И еще. Тут он застрял.

Грудь начала отчаянно вздыматься, разум охватила паника. «Кончай эту ерунду, — приказал себе Стэн. — Застрять невозможно. Ты

всегда можешь вылезти и начать снова. Если ты заполз куда-нибудь, ничто не помешает тебе выбраться обратно».

Это, конечно же, совсем не соответствовало истине.

«Прекрати дергаться. Хватит заниматься гипервентиляцией легких. Выдохни. Так. Повернись немного. Еще выдохни. Легкие пусты. Нет, черт возьми, нет. Если ты застрянешь здесь, император победит... этот проклятый кретин...»

И, отчаянно рванувшись, Стэн оказался внутри шахты, извиваясь, пополз вперед, ни о чем больше не думая, а двигаясь, двигаясь, толкая перед собой одежду... Вскоре он оказался в более широкой шахте, так что даже смог приподнять голову и подтянуть колени, потом проход стал еще свободнее и еще; Стэн поднялся на ноги — теперь он мог идти, именно так они перемещались на Вулкане в бытность Стэна дэлинком. Там было не так уж плохо, правда? Удавалось пролезать и сквозь более узкие шахты, разве нет? Ты ведь и правда хочешь добраться до командного центра?

Стэн сосредоточился, представил карту корабля. Вскоре ему удалось найти пустую комнату. Вырезав решетку, он спустился вниз.

Кухня. Столы. Повсюду кухонная утварь.

Потом раздалось нечто похожее на голос.

Стэн быстро оделся и бесшумно двинулся в ту сторону, откуда доносился голос.

Это был вечный император.

Он стоял в центре большого пустого помещения. Перед ним находился неглубокий бассейн, в котором сейчас не было воды. Рядом стояла пустая стойка. Всю дальнюю стену занимал огромный экран, на котором пульсировало изображение N-мерного пространства.

Император стоял спиной к Стэну, в руках у него ничего не было.

Кто разговаривал с ним? Корабль? Или он обращался к самому себе?

Стэн поднял пистолет, но не выстрелил. И дело тут было не в честной игре — он не раз стрелял своим врагам в спину без всякого предупреждения. Однако...

— В моем конце,— сказал император,— заключено мое начало.

Стэн вздрогнул. Император рассмеялся, но не обернулся.

— Конечно, вопрос заключается в том, *будет* ли новое начало? — продолжал император почти монотонно. — Или следующее воплощение окажется порождением дьявола и мне придется вернуться обратно в то размягченное состояние, из которого я снова появлюсь? Даже если корабль сумеет заново вырастить меня, какой будет новая избранная мной тропа? Будет ли он... мой... может быть, его следует назвать моим сыном... удастся ли ему пройти весь путь одному? Сможет ли он вынуть заложенную в него бомбу, как это сделал я? Но,— император очень медленно выговаривал слова,— это вопрос, на который нет ответа, ведь так?

— В любом случае... — И в тот самый момент, когда Стэн заговорил, он понял, что попал в ловушку.

Рука императора метнулась к поясу...

Стэн рефлекторно выстрелил, проекция мелькнула, и голограмма исчезла, а настоящий император появился из-за угла — близко, слишком близко, с настоящим пистолетом наготове. Нога Стэна молниеносно поставила блок, плечо императора ударилось о переборку. Стэн ощутил короткую боль, пистолет выпал из его руки, но в ладонь легла рукоять ножа.

Все происходило словно в замедленной съемке.

Правая нога Стэна скользнула вперед, практически не касаясь земли. Машинально нашла удобное место, в полуметре перед левой, которая развернулась так, что стопа была направлена наружу, затем Стэн перенес вес на внутреннюю поверхность левой стопы. Рука с ножом метнулась вперед и вверх, ноги распрямились, словно стальные пружины. Он прыгнул вперед, и острое кинжала, не встретив никакого сопротивления, глубоко вошло в тело. Стэн не промахнулся.

Его кинжал пронзил горло вечного императора.

Хрип. Фонтан крови.

Стэн остался стоять на ногах, а император отшатнулся, сделал неверный шаг и упал, упал сквозь пространство и время, его тело ударилось о палубу с глухим звуком — так падают только трупы.

Стэн сделал два шага вперед.

На лице императора было написано невероятное удивление. Потом лицо смягчилось.

Рот, который отдавал приказы о бесчисленном множестве смертей, исказила гримаса. Судорога смерти — но Стэну казалось, что это улыбка. Глаза, видевшие столько зла за долгие тысячелетия, теперь бессмысленно уставились в потолок.

Кто знает, может быть, они продолжают все видеть.

Время возобновило свой бег, и Стэн метнулся к пистолету, схватил его и встал в боевую стойку. А потом начал стрелять, стрелять, как безумец. В пустой бассейн, в огромный экран на стене... Затем, когда немного пришел в себя, принялся тщательно расстреливать комнату.

Конеч... и для императора больше никогда не будет нового начала.

По стенам побежал огонь, повалил разноцветный дым.

Корабль кричал.

Взвыли сирены, кибернетические устройства начали самоуничтожение...

Может быть. Но корабль кричал.

И Стэн бросился в командный центр.

Стэн навел перекрестье прицела на массивный корпус корабля. Один снаряд сюда... два туда... четыре здесь... четыре там... пять... шесть... семь...

Один в резерве на случай, если...

«Первый заряд взорвался», — прочитал он сообщение на экране, тот самый заряд, который он оставил в командном центре, после чего помчался к дыре, пробитой метеоритом, чтобы вернуться на свой корабль.

Взрыв — и автоматические корабли, роботы которых где-то собирали АМ-2, остановились. Их можно перепрограммировать и снова запустить, если кто-нибудь захочет. Позднее.

Стэн нажал на клавиши пуска — еще несколько мгновений, и дьявольский огонь поглотит корабль. Семь ракет «Гоблин» с ядерными боеголовками стартовали с пусковых установок такшипа и, не обращая внимания на путаницу N-пространства, ударили, как им и было приказано, в огромный белый корабль, где родился и умер император.

Такшип Стэна находился слишком близко, когда произошел взрыв. Все экраны ослепли, включились запасные, снова погасли, а затем — вероятно, потому, что были приспособлены для интерпретации N-мерного пространства, — оставались темными долгие, долгие секунды.

Наконец один из радаров заработал, и на экране снова появилось изображение.

Цвет-нецвет. И ничего больше.

Словно огромный декаэдр никогда не существовал.

Вечный император исчез.

Долго, очень долго смотрел Стэн на эту пустоту. Возможно, он думал о том, что так никогда и не произойдет, а может быть, хотел убедиться, что в ней не возникнет вновь белый корабль.

В конце концов он повернулся к панели управления.

Задал кораблю обратный курс и, включив полную тягу, направился к разрыву в континууме.

Домой. Все кончено.

Глава 41

На четырех экранах одновременно появился сигнал высшего приоритета:

ВНИМАНИЕ! СРОЧНО!

На трех других сверкали слова:

КРИТИЧЕСКИ ВАЖНО — ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ.

При этом был использован личный код Стэна, который предположительно знали лишь Синд, Алекс и сэр Эку.

Эти запросы — так же как и другие послания, принятые на всех средствах коммуникации, находящихся вне покоев Стэна в замке Ото,— требовали одного и того же: Стэна. Его появления, совета, прогнозов, приказов, предложений или хотя бы эmissаров.

— Неужели никто ничего не хочет делать самостоятельно? — удивлялся Стэн.— Я только хотел сказать: император мертв. Решайте свои проблемы сами, ребята.

— Загинозы волнуются,— сказал Алекс.— К нам поступило сообщение о том, что они объявляют о своей независимости и нейтралитете. Желают участвовать в работе имперского парламента, если он когда-нибудь соберется снова. В копии, которую они посылают нам, содержится несколько слов лично для тебя: благодарят и заявляют, что если ты окажешься в их краях не как официальное лицо — это загинозы так подчеркнули, а не я,— они будут рады тебя видеть.

— Похоже на гнилой клык,— заявил Ото.— Он болит, болит, потом раз — и выпал. А язык все время попадает в дырку, и ты никак не можешь понять, куда делся твой клык, его даже немножко жалко.

В комнате находились еще Синд и Рикор.

Здесь должно было собраться гораздо больше народу. Те, кто погиб. Махони. Сэр Эку. И все остальные, воспоминания о которых терялись во тьме тысячелетий,— солдаты, простые люди, даже бандиты и преступники, которые отдали жизни за маску свободы, так и не узнав, что под ней прятался тиран.

Живые: Хейнз. Ее муж. Марр. Сенн. Ида. Джемедар Манкаджири Гурунг и другие гурки. Женщина из далекого прошлого, которую звали Бэт.

Когда Стэн входил в разрыв континуума, все эти невидимые существа стояли рядом с ним, и сейчас они собрались здесь, в этой комнате.

Они ждали.

— Синд,— спросил Стэн,— а что будут делать бхоры?

— Я больше за них не отвечаю,— ответила Синд.— Я отправляюсь в путешествие. С другом.— Ее улыбка многое обещала Стэну.— Бхорам придется согласиться на мою отставку. Даже если для этого я вынуждена буду отрастить бороду, а потом отрезать ее.— Она кивнула в сторону Ото.— Полагаю, тебе придется взять заботу о бхорах на себя, хочешь ты этого или нет.

— Может быть,— прорычал Ото,— но только на короткое время. Я уже так долго занимаюсь политикой, что и злейшему врагу не пожелаешь. Пожалуй, я отправлюсь на поиски этих странных людей, твоих друзей. Цыгане, так они, кажется, себя называют? Вы

знаете, что на Ви их не осталось? Они отправились в путь еще до твоего возвращения из того странного места... и даже не сообщили о своих намерениях.

Стэн молчал, он был удивлен. Ида улетела? Даже не попрощалась. И не задержалась для того, чтобы убедиться, что победили свои. Он вспомнил ее слова, которые она бросила однажды через плечо: «Нельзя служить свободе, создавая законы и запреты...»

— А может быть, я займусь шитьем, — поднявшись на ноги, продолжил Ото. — Ладно, клянусь Колериком, хватит глупостей! Я проголодался, меня мучает жажда и охватывает нетерпение. Я порублю в капусту весь ваш бездарный персонал, сэр Стэн, и сообщу им, что, когда вы требуете, чтобы вам не мешали, это надо понимать как приказ.

Ото выскочил из комнаты, а через несколько секунд Стэн услышал оглушительный рев.

Все экраны сразу погасли. Но перед глазами Стэна все равно стояли лица просителей.

Неожиданно и совершенно необъяснимо он рассердился.

— Какого черта они от меня хотят? — взорвался Стэн. — Чтобы я объявил себя новым вечным императором? Чтобы сказал: тиран умер, давайте подставляйте ваши шеи под новый железный башмак?

— Кое-кто именно этого и хочет, — тихо проговорила Синд. — Мышцы теряют форму, когда ими перестают пользоваться. А кроме того, всегда проще предоставить кому-нибудь другому принимать решения, разве нет? Конечно. Все мои предки только и делали, что беспрекословно подчинялись дженнисарским генералам. Им говорили, когда есть, когда спать, кого убивать и когда умирать. Если они подчинялись — без лишних разговоров, — их награждали, они получали гарантированное место в загробной жизни.

— Вот именно, — сказал Стэн. — И больше ничего.

— Вы оба слишком строго судите наших союзников, — проговорил Алекс, сделав серьезное лицо. — Кто-то же должен сидеть на самом верху. Чтобы присматривать за разными там переменами и прочими делами. Трон не может оставаться пустым, даже если правительство временное — что-то вроде сторожа, пока не выберут настоящее. Для начала, кто будет делить АМ-два?

И снова возникает проблема антиматерии-два — ад и рай, богатство и смерть.

Рикор шевельнулась в своей лохани. Она смотрела на Стэна широко открытыми глазами, в которых было сострадание. Но не сказала про секрет, который был известен только им двоим.

— Сторож, — задумчиво проговорил Стэн, гнев которого вдруг испарился. — Так что, ты считаешь, я должен продолжать нести служ-

бу? По крайней мере, до тех пор, пока кто-то не придумает что-нибудь другое? До тех пор, пока мы не создадим что-то вроде коалиции, о которой говорил сэр Эку?

— Для многих,— сказала Синд,— это было бы очень удобно. Герой победил дракона... и теперь готов помочь людям начать жизнь сначала.

— Совсем как в кино,— язвительно вставил Стэн.

— А как ты думаешь, почему подобные фильмы так популярны? — пожав плечами, спросила Синд.

— Ну, что скажешь, Рикор? — поинтересовался Стэн.

Рикор задумалась, ее усы медленно шевелились.

— Логично. Психологически оправданно, как сказала Синд. У тебя есть опыт в подобных вещах. Ведь несколько раз твои обязанности в качестве посла на самом деле означали, что ты был единственным правительством в данном созвездии. Насколько я знаю, ты не очень часто спрашивал у императора совета.

«Нет,— подумал Стэн,— не спрашивал. И добивался успеха, если всякие придурки не путались под ногами, придурки, которые не понимали, что он действует в их интересах...»

О господи. Он никому не должен отчитываться по поводу принятых решений. Ни командиру отряда. Ни генералу. Ни даже вечному императору.

Никому.

Он получит возможность исправить все то зло, которое видел в своей жизни, зло слишком большое или слишком отдаленное, чтобы с ним справиться. Наступит время, и Стэн с легкостью создаст правительство, которое продолжит его политику.

Целесообразность утверждала, что он должен стать диктатором. И совершать преступления, которые оправдывал прагматизм. На свете немало существ, которые обкрадывали и убивали тех, кто слабее,— с ними Стэн так и не встретился и, следовательно, не смог уничтожить.

Называйте это работой сторожа.

Если хотите.

Не такой уж плохой способ в действительности послужить на благо Вселенной. В особенности после всех этих кровавых десятилетий.

А еще его деятельность может стать примером для тех, кто придет вслед за ним. Они увидят, что можно править некоторое время, а затем в период благоденствия отойти в сторону. Передать бразды правления.

— Ну, предположим, я соглашусь,— сказал Стэн.— Прошу прощения, это не совсем правильная постановка вопроса. Предположим, когда все немного успокоится, многие миры захотят, чтобы я стал... кем? Регент — не подходит. Менеджер? Наверное, так.

— Я думаю, никто не станет возражать, — твердо заявила Рикор.

— Хорошо. А теперь вот что: если я соглашусь остаться на службе еще на несколько лет, пока все не поймут, что должны сами управлять своими мирами, вы будете со мной?

Некоторое время Рикор молча плескалась в своем бассейне. Затем сказала:

— Я всегда буду готова помочь тебе советом.

Стэн кивнул.

— Алекс?

Килгур долго смотрел на него.

— Вот тебе мое слово, босс, — наконец сказал он. — Я снова буду твоей правой рукой. Но должен предупредить тебя, что потом подам в отставку.

Два.

— Синд?

— Конечно, — без колебаний ответила Синд. — До тех пор, пока ты остаешься сторожем. И Стэном.

Три. Вот так-то.

Стэн снова вспомнил улыбку на лице мертвого императора, и у него по спине пробежал холодок. Он подумал, что, возможно, загадка улыбки Джоконды не так уж неразрешима.

— Интересно, а знает ли кто-нибудь, как определить, что время отойти в сторону наступило? Или, — продолжал Стэн, стараясь быть максимально честным, — каждый, кому предлагают корону, считает, что соглашается принять ее ради всеобщего блага?

В комнате повисла тишина, такая же холодная и неподвижная, как морозная ночь за окнами.

— Не знаю, — заговорил Алекс. — Это философия, шотландским солдатам про это думать не полагается, их за такие разговоры ко всем чертям вышвыривают из пивной. Позвольте рассказать вам историю. Можете назвать ее притчей, если хотите. Жил на свете один человек. И хотел всем доказать, какой он храбрый. Однажды он услышал, что на Земле охотятся на очень страшное животное. На крошечном северном острове, таком же замерзшем, как Ви, обитают медведи. Синд, это...

— Я знаю, что такое медведь. Ты миллион раз называл так Ото. Давай, продолжай, — сказала Синд.

— Ну, хорошо. Итак, он отправился в лес, взяв в руки ружье и приготовившись к любым неприятностям. Через некоторое время он заметил медведя. Пиф-паф, пиф-паф, медведь упал. Наш смельчак наклонился, чтобы повнимательнее все рассмотреть, и, к своему великому удивлению, обнаружил, что это не медведь. Тут кто-то тронул его за плечо — так вот это и был медведь! Медведь рассердился и прорычал: «Если хочешь остаться в живых, будешь ползать у моих

ног на коленях и совершишь со мной отвратительный сексуальный акт». Охотник принялся ахать и охать — только клыки у медведя были острые, а когти длинные. Так что он опустился на колени...

А когда вернулся обратно в лагерь, его переполняло отвращение. Он ненавидел себя. И даже хотел совершить самоубийство. «Но сначала,— решил охотник,— я сдеру шкуру с этого медведя!»

Так что на следующее утро он снова направился в лес и на этот раз очень быстро нашел медведя. И опять пиф-паф-паф-пиф, и медведь снова упал. А наш охотник начал приплясывать от радости, уверенный, что он отомстил... Но это был не медведь. Тут его кто-то тронул за плечо... медведь! Такой громадный! И говорит: «Если хочешь остаться в живых, ты разденешься, повернешься кругом, и я исполню с тобой отвратительный сексуальный акт!» И снова охотник ахал и охал, стenal и страдал... Но у медведя-то острые когти и длинные зубы. Так что охотник спустил штаны...

Ну вот и все. Охотник грустно припелся в лагерь. Он не чувствовал бы себя хуже, даже если бы превратился в Кэмпбелла. Ему совсем тошно, самоубийство — это лучшее, что он может придумать. Но сначала... медведь должен умереть! Непременно.

На следующее утро на рассвете бедняга пришел в лес. И опять увидел медведя. И опять прицелился. И опять пиф-паф, пиф-паф. И опять медведь упал. Охотник подбегает, а это снова не медведь! Тут кто-то коснулся его плеча. Зная, кого он сейчас увидит, охотник повернулся — перед ним стоял медведь! И сказал ему медведь: «Приятель, ты ведь пришел сюда не охотиться, правда?»

Стэн посмотрел на Килгура, который радостно улыбнулся.

— Все правильно,— сказал Стэн, а затем повернулся к Рикору. — Взяв данные сканирования моего мозга, ты сможешь помочь инженерам разобраться с проектом «Браво»? Покажешь им, как синтезировать АМ-два?

— Смогу.

— Это первая просьба. Мы свяжемся с самыми известными журналистами — возможно, нужно разыскать журналистку Ранетт, ту, что пару раз выставила императора дураком. Я хочу, чтобы это сообщение появилось на всех экранах и во всех передачах. Второе. Попроси Ото, чтобы он снял с моего корабля все записи. Таким образом можно будет с легкостью определить, где находятся разрыв континуума и сокровища императора. Передайте и это в эфир. Пусть каждый, кому нужна антиматерия-два, знает, где ее можно взять.

Рикор зашевелилась в своем бассейне.

— Умом я тебя одобряю,— сказала она. — И поскольку очень люблю существо по имени Стэн, считаю, что для него это будет хорошо. Но если учесть, какой эффект его поступок произведет на массы...

— Я не могу думать за них,— сказал Стэн.— Я и о себе-то не в состоянии как следует позаботиться. Поэтому... вот вам АМ-два. Ключи от королевства. Каждый может стать королем или кровавым тираном. Пусть сами делают Вселенную такой, какой пожелают. Превратят ее в рай или в пустыню. Эти игры не для меня. Я не буду изображать из себя Господа Бога. Никогда.

Стэну показалось, что все те существа, мертвые и живые, которые собрались здесь, в комнате, что-то прошептали. Соглашались? Или были разочарованы?

Но ведь они покинули этот мир.

Навсегда.

Стэн снова посмотрел на Алекса.

— Как ты думаешь, кто-нибудь захочет, чтобы я отдал им «Победу»?

— Вряд ли, приятель. Кроме того, типы вроде Ото всегда готовы тебе услужить. Ты еще помучаешься, пытаюсь от них избавиться.

— Вот и хорошо. А теперь я хочу снова тебя спросить: останешься со мной?

— Мне нужно несколько недель, босс. Я должен представить мамочке двух барышень. Может, удастся ее уговорить. Дашь мне месяц?

Стэн кивнул.

Алекс расплылся в радостной улыбке, а затем направился к двери, где его уже поджидала Рикор.

— О-хо-хо, парень. Это будет здорово. Потрясающе! Целые галактики ничего не знают про пятнистых змей.

И они с Рикор удалились.

— Ты оставил меня напоследок,— сказала Синд.

— Оставил.

— Хочешь о чем-нибудь спросить?

— Конечно. У тебя есть планы на следующие несколько столетий?

Синд ничего не ответила.

Просто поцеловала Стэна.

А потом взяла его за руку... и они подошли к двери, ведущей на балкон. Синд распахнула дверь, и их окутала прозрачная морозная ночь.

Они не чувствовали холода.

Просто стояли и смотрели на сияющие звезды, далекие и вечные.

Содержание

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА	5
<i>Перевод Г. Емельянова, В. Буличева</i>	
ВИХРЬ	271
<i>Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	
КОНЕЦ ИМПЕРИИ	597
<i>Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Аллан Коул

Крис Банч

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

Ответственный редактор *А. Етоев*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректор *В. Дроздова*

ООО «Издательский дом «Домино»
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 60.
Тел.: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 05.10.2010. Формат 84х108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 53,76.
Тираж 3 000 экз. Заказ 272

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-46040-3

9 785699 460403 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями**

обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н,
г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.

Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс: (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12.

Тел.: 937-85-81, 780-58-81.

Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11;

ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

